This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

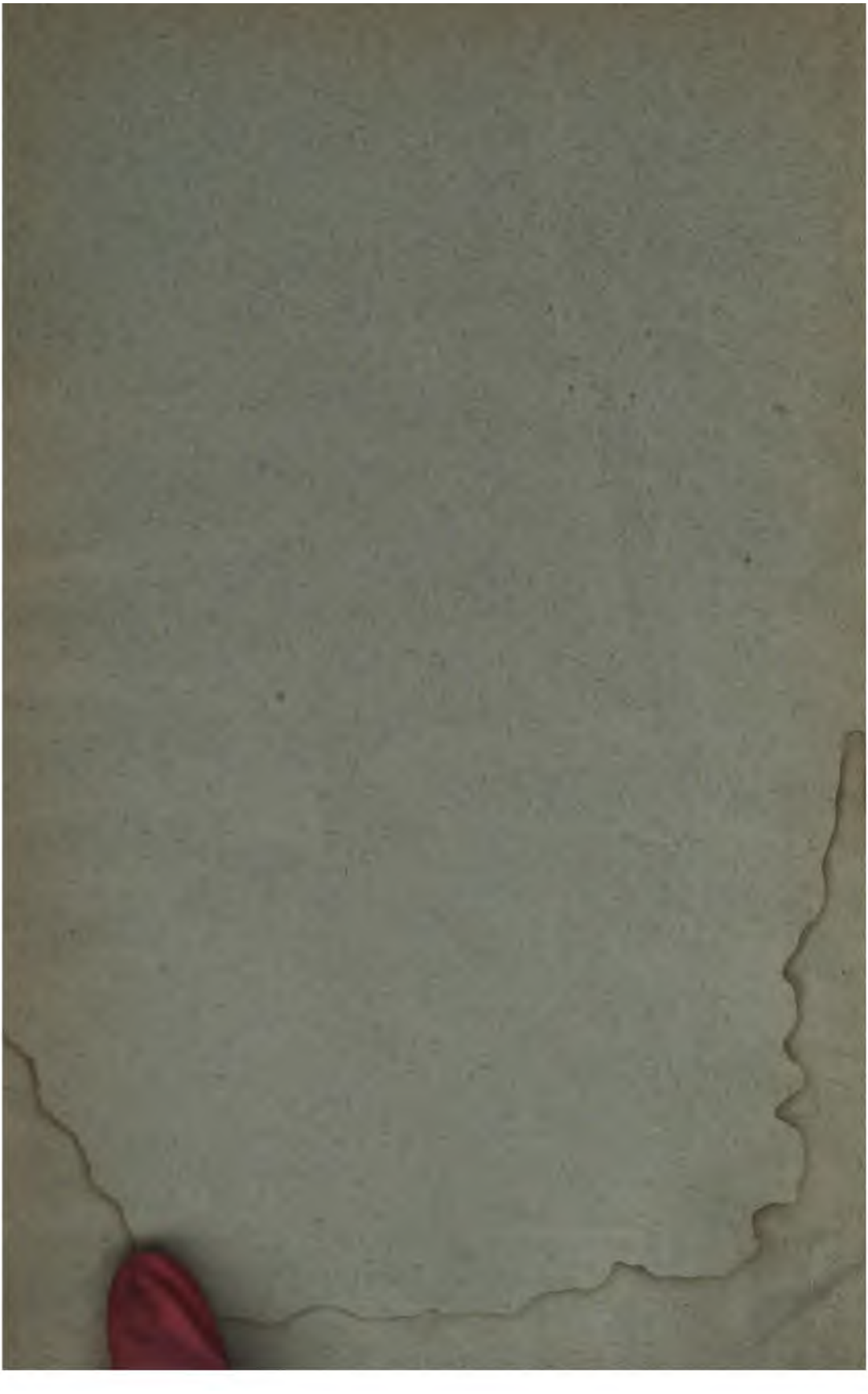
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

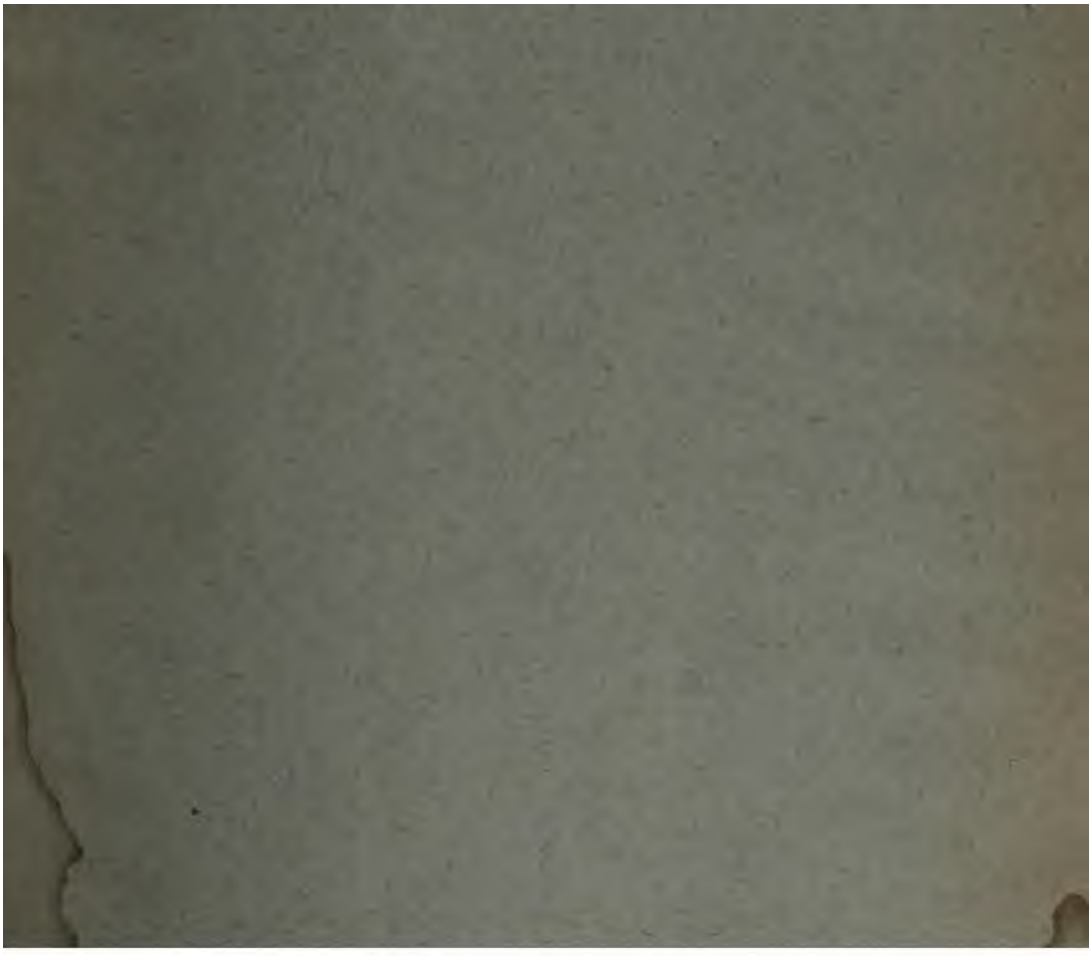
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE





СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

(ИМПЕРАТОРСКОЙ) АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

81

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1906.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Я. Оглобдина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ (Г. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ; у **Г. Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *3 рубля 50 коп.*

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1906 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

a,

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
В. Изергинъ. Матеріалы для литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. I—II.....	№ 1.	I и 1—78
Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1903 году. [Рецензіи на труды: В. Н. Перетца — А. И. Соболевскаго, А. И. Яцимирскаго — П. А. Лаврова, В. А. Погорѣлова — А. И. Соболевскаго].	№ 2.	II и 1—42
Отчетъ о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1901 года ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. [Рецензія на трудъ П. А. Ровинскаго — П. А. Лаврова].....	№ 3.	I и 1—112
Отчетъ о присужденіи премій профессора А. А. Котляревскаго читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1904 года ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. [Рецензіи на труды: И. Квачалы — В. И. Ламанскаго, Н. М. Петровскаго — Г. М. Князева, С. М. Кульбакина — В. К. Поржезинскаго].....	№ 4.	II и 1—110
Шестнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1905 года. Отчетъ и рецензіи I—IV. [Рецензіи на труды: М. А. Лохвицкой — К. Р., О. Н. Чюминой — Д. К. Петрова, В. С. Лихачева — А. Н. Гилярова, Е. Милицыной — Н. П. Кондакова].	№ 5.	II и 1—81
Н. Лихачевъ. Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве. (Этюдъ по дипломатикѣ папъ).....	№ 6.	II и 1—175
С. Шамбинаго. Повѣсти о мамаевомъ побоищѣ....	№ 7.	VI, 1—375 и 1—190

242403

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 1.

МАТЕРІАЛЫ

для

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ СБОРНИКОВЪ.

I—II.

В. Изергина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1905 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

I.

Греческій источникъ одного слова въ „Златоструѣ“.

Занимаясь выясненіемъ литературнаго состава «Златоуста» и сборниковъ, имѣющихъ съ нимъ связь, и сравнивая съ этою цѣлію начала статей, входящихъ въ составъ этихъ сборниковъ, съ началами сочиненій, принадлежащихъ извѣстнымъ отцамъ церкви, я натолкнулся на сходство началъ статей, приписываемыхъ и въ греческихъ изданіяхъ, и въ славянскихъ рукописяхъ разнымъ писателямъ. А именно: въ такъ называемомъ Златоструѣ XII вѣка (Императ. Публ. Б-ки: Fп. I. № 46), на л. 51 имѣется статья: іѡ҃. зла̑. оу҃. ѿ чьсти свѧщенникъ слово. гн҃ благви. Нач. Богоносивꙑи игнатиѥ. повелѣваѥть глѧ кп҃омъ. вънимаите да и бъ҃ ваша дш҃а примъ спсе҃ть. Та же статья имѣется и въ полномъ спискѣ Златоструя. Такъ въ спискѣ Импер. Публ. Б-ки XVI в. F. I. № 218 (Толст. I. № 47), л. 468 об. имѣется слово 98-е: иже во ст҃ы ѻ҃ца нш҃го іѡ҃н златаоустаго ѿ чти сщ҃нникъ. сл҃во. бл҃гослови ѻ҃че. Нач. Бг҃оносивый ѝгиатии, повѣлѣва́етъ гл҃ѧ е̓пк҃по̑ внимайте да ѝ бг҃ъ ваша (пропущепо: дш҃а) прїе̓мь спа́сетъ. Рядомъ съ этимъ въ Синод. спискѣ конца XIV вѣка пандектъ Антіоха, инока лавры св. Саввы № 153 (по опис. Горскаго и Невоструева, по прежн. кат. № 3), на л. 108 имѣется глава 124: Ѻ то҃. е҃ стыдѣтїсѧ ѝе̓рѣй. ркд҃. Начин: Бг҃оносивый ѝгнатъ. посылаётъ гл҃ѧ. е̓пп҃а послоушайте.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1905 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

I.

Греческій источникъ одного слова въ „Златоструѣ“.

Занимаясь выясненіемъ литературнаго состава «Златоуста» и сборниковъ, имѣющихъ съ нимъ связь, и сравнивая съ этою цѣлію начала статей, входящихъ въ составъ этихъ сборниковъ, съ началами сочиненій, принадлежащихъ извѣстнымъ отцамъ церкви, я натолкнулся на сходство началъ статей, приписываемыхъ и въ греческихъ изданіяхъ, и въ славянскихъ рукописяхъ разнымъ писателямъ. А именно: въ такъ называемомъ Златоструѣ XII вѣка (Императ. Публ. Б-ки: Fп. I. № 46), на л. 51 имѣется статья: іѡ҃. зла҃. оу҃. ѡ҃ чьсти свѧщенникъ слово. г҃и бл҃гви. Нач. Богоносивъıи игнатиѥ. повелѣваѥть глѧ ѥп҃помъ. вънимаите да и б҃ъ ваша дш҃а приимъ спсе҃ть. Та же статья имѣется и въ полномъ спискѣ Златоструя. Такъ въ спискѣ Импер. Публ. Б-ки XVI в. F. I. № 218 (Толст. I. № 47), л. 468 об. имѣется слово 98-е: иже во ст҃ы ѿц҃а нш҃го іѡн златаоустаго ѡ чти сщ҃нникъ. сл҃во. бл҃гослови ѿч҃е. Нач. Бг҃оносивый игнатии, повѣлѣва́ѥтъ гл҃ѧ ѥпк҃по внимайте да и бг҃ъ ваша (пропущено: дш҃а) прїемь спа́сетъ. Рядомъ съ этимъ въ Синод. спискѣ конца XIV вѣка пандектъ Антіоха, инока лавры св. Саввы № 153 (по опис. Горскаго и Невоструева, по прежн. кат. № 3), на л. 108 имѣется глава 124: Ѻ то҃. ѥ҃ стыдѣтїсѧ ѥрѣй. рк҃д. Начин: Бг҃оносивъıй игнатъ. посылаѥть гл҃ѧ. ѥп҃па послоушайте.

Замѣтивъ это, хотя и невполнѣ точное, сходство началъ и заглавій, обращаюсь къ изслѣдованію В. Малинина о Златоструѣ XII вѣка. Оказывается, что и авторъ этого сочиненія отмѣтилъ сходство означенныхъ статей, хотя и призналъ, что «происхожденіе» этого слова для него «неизвѣстно»[1]). Тогда я обратился къ греческому подлиннику Пандектъ Антіоха, и сличеніе показало, что указанное слово «Златоструя» есть не что иное, какъ переводъ 124 главы этихъ Пандектъ[2]). Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности сличить текстъ этого слова по «Златострую» съ текстомъ 124 гл. Пандектъ по извѣстнымъ древнѣйшимъ славянскимъ переводамъ, каковы списокъ Пандектъ XI вѣка Воскресенскаго монастыря[3]) и списокъ XIV вѣка Московской Синодальной библіотеки, а имѣли возможность сличить переводъ «Златоструя» съ переводомъ Пандектъ лишь по списку XVI вѣка Импер. Публ. Б-ки F. I. № 217, въ которомъ наша статья составляетъ, какъ и въ греческомъ подлинникѣ, также главу 124 и помѣщена на л. 52—52 об., при чемъ оказалось, что въ Пандектахъ и въ «Златоструѣ» мы имѣемъ два различные перевода гл. 124-й Пандектъ Антіоха.

Приводимъ отмѣченныя нами различія въ переводѣ[4]).

ἄγγελος — Зл: вѣстьникъ. П: аг҃глъ.

αἰδέομαι: Πρέπον οὖν ἐστιν, ἀγαπητοὶ καὶ φίλοι Θεοῦ, αἰδεῖσθαι τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ. Зл: лѣпо оубо ѥсть възлюбьленикы (Т: возлюбленїи) и дроугы бж҃иꙗ чисти. и сщ҃еникы ѥго. П: лѣпо оу҆бо є҆ възлюбленїи и҆ годѣ бо҃у стыдѣтисѧ чиститель є҆го.

ἀποφέρω: Οὐ γὰρ ὅπου βούλονται βαδίζουσιν τῶν θρεμμάτων

---

1) В. Малининъ. Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII в. Кіевъ. 1870, стр. 218 и примѣч. 1.

2) Migne. Patrologiae curs. compl., ser. gr. t. 89, p. 1420.

3) Въ трудѣ архим. Амфилохія: «Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха, находящемся въ Воскресенской Новоіерусалимской библіотекѣ» (Москва 1880) — глава 124-я не напечатана.

4) «Златоструй» XII вѣка обозначаемъ: Зл. Полный списокъ «Златоструя» И. П. Б-ки F. I. 218, XVI в. (Толст. I, № 47) обозначаемъ: Т. Списокъ Пандектъ И. П. Б-ки XVI в. F. I. № 217 (Толст. I, № 46) обозначаемъ: П.

αἱ ἀγέλαι, ἀλλ' ἔνθαπερ οἱ ποιμένες αὐτὰς ἀποφέρουσιν. Зл: не иже бо (Т: не идѣже бо) хотѧть пасоуться овьцѧ стада. нъ идеже ꙗ пастоуси сънабъдѧть. П: не ꙗ҆може хотѧть и҆доу҃ пасома стада, нъ ꙗ҆може пастоуси ꙗ҆ клонѧ҃.

ἀρέσκω: πᾶσιν ἀρέσκειν. Зл: вьсѣмъ оугажати (Т: оугожати). П: всѣмь го́дити.

ἀριστερός: οὐκ ἐκκλίνῃς ἀπὸ τοῦ ῥήματος δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Зл: не оуклонисѧ ни налѣво ни надесно. П: не оуклонїсѧ ѿ гл҃а надесно и҆ли нашѹе.

ἀρχιερεύς: ἀρχιερεύς. Зл: старѣишина сщ҃еничь. П: началочиститель. Ὁ δὲ Κύριος καὶ μέγας ἀρχιερεὺς φησίν. Зл: гдь҃ же и великъıи старѣишина сщ҃еничьскъıи ...рече. П: Гь҃ же великїи архїереи рⷱ҇е.

ἄρχων: Ἄρχοντα γὰρ τοῦ λαοῦ σου οὐκ ἐρεῖς κακῶς. Зл: старѣишинѣ людии своихъ да не речеши зъла. П: кн҃зю бо людїи своих не речеши зла.

δέον: δέον οὖν ἐστιν. Зл: подобьно оубо ѥсть. П: лѣпо оу҆бо ѥ҃.

διάκονος: διακόνοις. Зл: слоужителемъ. П: дїакомъ. Οὐ γὰρ βρωμάτων καὶ πομάτων εἰσὶν διάκονοι. Зл: не брашьноу бо и питию соуть слоужителе (Т: слоужитⷭ҇ли). П: не брашномъ бо и питїемъ соу҃ слѹгы.

ἐλπίς: τῆς Ἐλπίδος ἡμῶν. Зл: надѣжею нашею. П: оупованїа нашего.

ἐντρέπομαι: Ὁμοίως πάντες ἐντρεπέσθωσαν τοὺς διακόνους ὡς Ἰησοῦν Χριστόν. Зл: такоже вьси да чьтоуть слоужителѧ ꙗко самого хс҃а. П: тако҆ и҆ вси да страмлѧютсѧ дїакъ ꙗ҆ко і҃су х҃а.

ἐπίσκοπος: Τῷ ἐπισκόπῳ προσέχετε. Зл: ѥпⷭ҇помъ. вънимаите. П: ѥпⷭ҇па послѹшаите. Χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου. Зл: бес пискоупа. П: кръмѣ ѥ҆пⷭ҇па. Ὁ τὸν ἐπίσκοπον τιμῶν. Зл: иже бо ст҃лѧ чьтеть. П: и҆же ѥ҆пⷭ҇па чт҃и.

ἐπιστέλλω: Ὁ Θεοφόρος Ἰγνάτιος ἐπιστέλλει, λέγων. Зл: Богоносивъıи игнатиѥ. повелѣваѥть гл҃ѧ. П: Бг҃оносивыи и҆гнатїе

прїсылає҃ (Синод. сп. XIV в. № 153, л. 108: посылаёть) глѧ.

ἐπισυνάγω: ἐκεῖ ἡ καθολικὴ Ἐκκλησία ἐπισυνάγεται: Зл: тоу съборнаꙗ цр҃кы съходитьсѧ. П: то̀ събранаа̀ цр҃кы събира́етсѧ.

εὐάρεστος: τοῦτο καὶ τῷ Θεῷ εὐάρεστον. Зл: се и бв҃и блг҃ооугодьно ѥсть. П: то̀ то̀ бо҃у годѣ ѥ̀сть.

εὐλαβέομαι: Ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ σου εὐλαβοῦ τὸν Κύριον. Зл: вьсею дꙋшею твоѥю блг҃очьствоуи г҃а. П: всею дш҃ею̀ си̑ готовaи г҃оу.

ἱερεύς: ὁ ἱερεύς. Зл: сщ҃нкъ. П: чиститель. Τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ θαύμαζε. Зл: сщ҃еникомъ ѥго дивисѧ (Т: чт҃ъ воздаваи). П: чистителемъ ѥ̀го дївисѧ. Δόξαζε ἱερέα. Зл: слави сщ҃еника. П: слави чистителѧ. См. слово: ὑπερηφανία.

καλέω: ὁ καλούμενος ὑπὸ τοῦ Θεοῦ. Зл: зъваныи ѿ ба҃. П: нарїцаемыи бм҃ь.

κηρύσσω: τὸ δὲ Πνεῦμα ἐκήρυσσεν. Зл: доухъ же проповѣда. П: дх҃ъ же повѣда.

λατρεύω: τῷ διαβόλῳ λατρεύει. Зл: диꙗволоу слоужить. П: дїаволꙋ работає҃.

οἰκειόω: οὓς (= τοὺς ἱερεῖς) γὰρ ὁ Θεὸς ᾠκειώσατο καὶ ἐδόξασεν. Зл: ꙗже избьра г҃ь и прослави. П: ꙗ҆ᵐ оу́бо б҃ъ ѡ̀прїсни и̑ прослави.

ὀνομάζω: ὥσπερ ὅπουπερ ἂν ὀνομασθῇ Χριστὸς Ἰησοῦς. Зл: ꙗкоже идеже (Т: идеже бо) нарицѧѥтьсѧ х҃съ. П: ꙗ̀ко и̑деже именовасѧ х҃с і҃с.

πράσσω: μηδὲν πράσσειν. Зл: ничьсоже не творити. П: нїчто̑ дѣѧти. Но далѣе переводится одинаково: Ὁ λάθρα ἐπισκόπου τι πράσσων. Зл: а иже отаи пискоупа чьто творить. П: и̑ и̑же та́и ѥ̑п҃па что твори҃.

πρεσβύτερος: πρεσβυτέροις. Зл: сщ҃еникомъ. П: попо́мъ. Τοὺς δὲ πρεσβυτέρους. Зл: попы же. П: поповъ же.

προσέχω. См. слово: ἐπίσκοπος.

συνηγορέω: συνηγορεῖ δὲ τῷ λόγῳ καὶ ὁ Νομος λέγων. Зл:

съвѣтьствоуѥть же (Т: **послꙋшествоуѐтъ же**) **словеси семоу и законъ гл҃ѧ.** П: **съгласꙋет же словеси и҆ законъ гл҃ѧ.**

ὑπερηφανία: Καὶ ἄνθρωπος, ὃς ἂν ποήσῃ ὑπερηφανίαν τοῦ μὴ ἀκοῦσαι τοῦ ἱερέως. Зл: **чл҃къ бо иже** (Т: слова: **иже** — нѣтъ) **аще сътворить прѣзьрѣниѥ. ѥже не послоушати сщ҃еника.** П: **и҆ чл҃къ и҆же аще твори҃ прѣзорїе не послꙋшати чистителѧ.**

ὑπηρέτης: Ἐκκλησίας Θεοῦ ὑπηρέται. Зл: **цр҃квамъ бж҃иꙗмъ соуть слоугы.** П: **цр҃кви бж҃їи работници соу҃.**

φαίνω: Ὅπου γὰρ ἂν φανῇ ἐπίσκοπος. Зл: **иже бо ꙗвитьсѧ еп҃пъ.** П: **и҆де҃ а҆ще боудеть е҆п҃пъ.**

Приведенные примѣры съ достаточною ясностію показываютъ, что, съ одной стороны, въ полныхъ спискахъ перевода Пандектъ Антіоха и, съ другой стороны, въ спискахъ Златоструя мы имѣемъ два совершенно разные перевода главы 124-й Пандектъ Антіоха. Кромѣ того, нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ (напр. подъ сл. αἰδεῖσθαι, ἀποφέρω) указываютъ на то, что различія въ переводѣ зависятъ не отъ переводчика, а отъ различія самыхъ оригиналовъ, которые были подъ руками переводчиковъ. И дѣйствительно, можно указать нѣсколько характерныхъ отличій въ текстѣ 124 главы Пандектъ по спискамъ полнаго перевода Пандектъ и по спискамъ Златоструя, которыя ясно показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ двумя различными переводами, но и съ двумя различными редакціями греческаго оригинала статьи. Во-первыхъ, можно указать нѣсколько мѣстъ, гдѣ переводъ Златоструя ближе къ греческому тексту, изданному въ Patrologia аббата Migne'я. Именно:

1. Δέον οὖν ἐστιν αὐτοὺς φυλάσσεσθαι τὰ ἐγκλήματα ὡς πῦρ. Зл: **подобьно оубо ѥсть хранити реченіꙗ ихъ ꙗко огнь.** П: **лѣпо оу҆бо є҃ хранитисѧ грѣховъ ꙗ҆ко ѡ҆гнѧ.**

2. Два мѣста, приведенныя выше подъ словами: αἰδεῖσθαι и ἀποφέρω.

Однако, отличія эти не существенны. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ текстъ Златоструя рѣзко отличается отъ греческаго подлинника, между тѣмъ какъ переводъ по списку Пандектъ

Антіоха въ этихъ мѣстахъ близокъ къ греческому тексту 124-й главы Пандектъ. Приводимъ эти мѣста:

1. Οὐκ ἐξὸν οὖν ἐστιν χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου, οὔτε βαδίζειν, οὔτε ἀγάπην ποιεῖν, ἀλλ' ὃ ἂν ἐκεῖνος δοκιμάσῃ, τοῦτο καὶ τῷ Θεῷ εὐάρεστον. П: не подобаеть оубо безъ еп҃па ни крещати нї любве творити. нъ ѥже аще ѡнъ искꙋсн҃ то҃ то҃ бо҃у годѣ ѥсть. Въ Зл. только: неподобьно оубо ѥсть бе ст҃лѧ ни крьстити. ни любъве творити. се и бв҃и благооугодьно ѥсть.

2. Ὁμοίως πάντες ἐντρεπέσθωσαν.... τοὺς... πρεσβυτέρους ὡς συνέδριον Θεοῦ, καὶ ὡς δεσμὸν ἀποστόλων. П: тако҃ и҆ вси да страмаѧютсѧ.... поповъ... ꙗко и҆ събора б҃жїа. и҆ ꙗко оу҆зы а҆п҃лкы. Въ Зл: такоже вьси да чьтоуть.... попы... (Т: акы) съпрѣстольникы аплѧ. и съпроугы (Т: сꙋпроугы) ап҃ломъ.

3. Ἀποθανεῖται ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος. П: да оу҆мр҃е чл҃къ тъ҃. Въ Зл: достоинъ ѥсть чл҃къ тъ съмьрти.

4. Καὶ εἶπεν Κύριος πρὸς Ἀαρὼν, λέγων· Ἐγὼ μερίς σου καὶ κληρονομία· καὶ λειτουργήσει ὁ Λευὶ εἰς τὴν σκηνὴν τοῦ μαρτυρίου. П: и҆ ре҃ г҃ь а҆а҆ро́нꙋ гл҃ѧ. и послꙋжи́ть леѵи́тинъ сѣни свѣдѣнїа. Въ Зл: рече г҃ь къ ароноу гл҃ы ты. слоужитель ѥсть кровъ свѣдетельствꙋ (Т: И҆ пакы рече гдь къ а҆а҆ронꙋ. гл҃и ты къ слꙋжащи҃ мнѣ во храмѣ свѣдѣнїѧ).

5. Καὶ ἐπάγει, λέγων· «Ερωτῶμεν δὲ ὑμᾶς, ἀδελφοὶ, εἰδέναι τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν, καὶ προϊσταμένους ὑμῖν ἐν Κυρίῳ, καὶ νουθετοῦντας ὑμᾶς, καὶ ἡγεῖσθαι αὐτοὺς ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐν ἀγάπῃ, διὰ τὸ ἔργον αὐτῶν εἰρηνεύετε ἐν ἑαυτοῖς». Καὶ πάλιν, «Οἱ πρεσβύτεροι διπλῆς τιμῆς ἀξιούσθωσαν. Μάλιστα οἱ κοπιῶντες ἐν λόγῳ καὶ διδασκαλίᾳ. П: и҆ прїводїтъ гл҃ѧ, молим же вы бра҃е видѣти трꙋжающаасѧ въ васъ и҆ приставники ваша ѡ҆ г҃и. и наказаю вы҃. и҆ і҆мѣите ꙗ҃. прѣи҆злиха въ любовь за дѣло и҃х мирꙋите же въ себѣ. и҆ пакы, попове сꙋгоубѣ чьсти да бывáю́ть. паче҃ трꙋжáю́щеисѧ въ словеси и҆ оученїи. Въ Зл. только: и приводить г҃лѧ молимъ же вы братиꙗ вѣдѣти и троужающаꙗсѧ въ васъ. оубѣжати ꙗ паче излиха добро творити любъвию.

6. Οὐ θέμις τοίνυν ποτὲ ἱερεῖ ἀντιστῆναι. П: недостои҃ оубо

николи чистителю противитисѧ. Зл: нѣсть речено нынѣ. ни дрѣвле сщ҃еникоу противлѧтисѧ.

Приведенныя мѣста ясно показываютъ, что переводчикъ слова, составляющаго въ полномъ Златоструѣ гл. 98-ю (въ Златоструѣ XII в. гл. 25), имѣлъ передъ собою главу 124 Пандектъ Антіоха не въ той редакціи, въ какой имѣлъ ее переводчикъ полнаго собранія Пандектъ этого писателя, хотя и текстъ этихъ послѣднихъ у переводчика также нѣсколько отличался отъ изданнаго въ Patrologia аббата Migne'я. Отмѣченныя различія, а равно и пропуски въ текстѣ слова, находящагося въ Златоструѣ, общія какъ тексту рукописи XII вѣка, такъ и Златострую полнаго извода, подтверждаютъ это заключеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все содержаніе слова и его объемъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что имѣющееся въ Златоструѣ слово не «подобно» только 124-й главѣ Пандектъ Антіоха, какъ выразился осторожно въ своемъ изслѣдованіи Златоструя по рукописи XII вѣка г. Малининъ, а есть не что иное, какъ переводъ именно этой 124 главы Пандектъ Антіоха. Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на то обствоятельство, что какъ въ рукописи XII вѣка, такъ и въ полныхъ спискахъ Златоструя слово это усвояется Іоанну Златоусту и внесено было въ Златоструй лишь потому, что составителю оно извѣстно было съ именемъ этого знаменитаго отца церкви, такъ какъ составитель Златоструя «сего бл҃женнаа҆го і҆ѡ҆а҆на затооу҆стаа҆го почоудивьсѧ. словеснѣи мдрости. и҆ благодѣти ст҃го д҃ха. и҆звыкь емꙋ чистѣ всѧ книгы. и҆ и҆збра всѧ словеса ѿ всѣхъ е҆го кьнигь. вь сиѧ едины сложи кьнигы»[1]), т. е. въ Златоструй. Ясно, что и на греческомъ языкѣ глава 124 Пандектъ Антіоха, въ нѣсколько измѣненной редакціи, извѣстна была отдѣльно и приписывалась Іоанну Златоусту. Статья эта, вѣроятно, помѣщалась съ именемъ сего отца Церкви въ сборникахъ статей, извлеченныхъ изъ тво-

1) Прологъ царя Симеона. В. Малининъ. Изслѣд. Златоструя по рукописи XII в., стр. 30—31.

реній преимущественно Іоанна Златоустаго, въ родѣ сборниковъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ катенъ, и оттуда могла попасть и въ нашъ Златоструй.

Такимъ образомъ относительно главы 98 полнаго извода Златоструя (гл. 25 рукописи XII вѣка) позволительно, какъ кажется, сдѣлать такое заключеніе:

1. Глава 98-я полнаго извода Златоструя есть переводъ 124-й главы Пандектъ Антіоха.

2. Переводъ статьи въ Златоструѣ не заимствованъ изъ полнаго перевода Пандектъ Антіоха, а сдѣланъ самостоятельно.

3. 124 гл. Пандектъ Антіоха обращалась на греческомъ языкѣ отдѣльно въ нѣсколько измѣненной редакціи и надписывалась именемъ Іоанна Златоустаго, въ каковомъ видѣ и попала въ славянскій Златоструй.

Златоструй Императорской Публ. Б-ки, XII в., Fп. I, № 46, л. 51.	Migne. Patrologiae cursus completus, ser. graeca, t. 89, p. 1415. Pandectes scripturae divinitus inspiratae ven. patris Antiochi, laurae sancti Sabae monachi.	Импер. Публ. Б-ки, рукопись XVI в. F. I, № 217. (Толст. I, № 46). Пандекты Антіоха.
іш҃. зла҃. оу҃. ѿ чьсти сващенникъ слово. г҃и бл҃гви·:·*).	Pag. 1820: Λόγος ρκδ′. Περὶ τοῦ αἰδεῖσθαι ἱερεῖς.	л. 52: ѡ҆ то^м^ єже стыдѣтися сщ҃енны^х^. рк҃д.
Богоносивъіи игнатиє[1]). повелѣваєть гл҃а єп҃помъ. вънимаитє да и б҃ъ ваша дш҃а примъ сп҃сеть[2]).	Ὁ Θεοφόρος Ἰγνάτιος ἐπιστέλλει, λέγων· «Τῷ ἐπισκόπῳ προσέχετε, ἵνα καὶ ὁ Θεὸς ὑμῖν.	Бг҃оносивыи игнатїє прїсыла́є гл҃а. єпк҃па послꙋшаитє да и҆ б҃ъ васъ.

Разночтенія по полн. списку Златоструя И. П. Б-ки: F. I, № 218. (Толст. I, № 47), л. 68 об.: *) иже во ст҃ы ѿца нш҃го іѡ҃а златаоустаго ѿ чти сщ҃нникъ. сл҃во бл҃гослови ѿч҃е. 1) игнатий. 2) да і б҃ъ каша прїемь спа҃сетъ.

повиноующиимсѧ п҃пу[1]) и сщ҃еникомъ и слоужителемъ. съ тѣми часть имъ боудиимѣти о б҃зѣ.[2]) и пакы и паслоушахомъı (sic) ѿ немь же важю [ꙗко] (вытерлось) ѿ плъти чловѣчьскъı не разоумѣхъ.[3]) доухъ же проповѣда сице г҃лѧ. бес пископа не творите ничьсоже.[4]) подобаеть оубо бес пископа ничьсоже[5]) не творити намъ. иже бо[6]) ꙗвитьсѧ еп҃пъ тоу и мъножьство бл҃гъıнь боудеть. ꙗкоже идеже[7]) нарицаетьсѧ[8]) х҃съ. тоу[9]) съборьнаꙗ цр҃къı съходитьсѧ.	Ἀντίψυχον ἐγὼ τῷ ὑποτασσομένῳ ἐπισκόπῳ, πρεσβυτέροις τε καὶ διακόνοις, μετ' αὐτῶν μοι γένοιτο τὸ μέρος ἔχειν ἐν Θεῷ». Καὶ αὖθις, «Μάρτυς μοι, ἐν ᾧ δέδεμαι, ὅτι ἀπὸ σαρκὸς ἀνθρωπίνης οὐκ ἔγνων». Τὸ δὲ Πνεῦμα ἐκήρυσσεν λέγων τάδε. Χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου μηδὲν ποιεῖτε. Χρὴ οὖν ἄνευ τοῦ ἐπισκόπου μηδὲν πράσσειν ἡμᾶς. Ὅπου γὰρ ἂν φανῇ ἐπίσκοπος, ἐκεῖ τὸ πλῆθος ἤτω. Ὥσπερ ὅπουπερ ἂν ὀνομασθῇ Χριστὸς Ἰησοῦς, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ Ἐκκλησία ἐπισυνάγεται.	задшїе азъ повинꙋющимсѧ еп҃копоу. попом же и дїакомъ съ ними часть боуди имѣти ѿ б҃зѣ. и пакы, послꙋхъми е его же ра͠д свѧзанъ есмь. ꙗко ѿ плъти ч҃лка неразꙋмѣ͠х. д҃хъ же повѣда ми г҃лѧ сїце, кръмѣ еп҃кпа ничто͠ж ни творите. не подоба͠е безъ еп҃па нїчто͠ж дѣѧти на͠м. иде͠ж аще боудеть еп҃пъ. тоу множество бꙋди. ꙗко идеже именовасѧ х҃с і҃с, то събранаа цр҃кы събираетсѧ.
не иже бо[10]) хотѧть пасоутьсѧ овьцѧ стада. нъ идеже ꙗ пастоуси сънабъдѧть. вънѣ же стада ѿстающаꙗ.[11]) расхъıщають	Οὐ γὰρ ὅπου βούλονται βαδίζουσιν τῶν θρεμμάτων αἱ ἀγέλαι, ἀλλ' ἔνθαπερ οἱ ποιμένες αὐτὰς ἀποφέρουσιν. Τὰ δὲ ἔξω τῆς	не ꙗможе хотѧть идоу͠т пасома стада, нъ ꙗможе пастоуси ѧ клонѧ͠т. а ѿстающа кръмѣ стада, расхыщають ю ѕвѣрїе, і

1) повинꙋющиисѧ еп҃кпо͠м. 2) с тѣми и часть имъ боудетъ о б҃зѣ. 3) і пакы послꙋхъ ми его же ради важю ꙗко ѿ оустъ ч҃лчь неразоумѣхъ. 4) ничто же. 5) ничтоже. 6) идеже бо аще. 7) Вм.: ꙗкоже идеже — въ сп. XVI в. только: идѣже бо. 8) нарицаетсѧ. 9) тоу и. 10) не идѣже бо. 11) кромѣ же стада и постꙋха остав̾шаѧ.

ѩ[1]) звѣрию и пищю себѣ творѧть заблоужьшими. неподобьно[2]) оубо ѥсть бе ст҃лѧ ни крьстити. ни любъве творити. се и б҃ви бл҃гооугодьно ѥсть.	ἀγέλης ἀπομένοντα διαρπάζουσίν οἱ θῆρες, καὶ τροφὴν ἑαυτῶν ποιοῦνται τὸ πεπλανημένον. Οὐκ ἐξὸν οὖν ἐστιν χωρὶς τοῦ ἐπισκόπου, οὔτε βαδίζειν, οὔτε ἀγάπην ποιεῖν, ἀλλ' ὃ ἂν ἐκεῖνος δοκιμάσῃ, τοῦτο καὶ τῷ Θεῷ εὐάρεστον.	пищꙋ себѣ творѧть блꙋдѧщеѐ. не подобаеть оу̓бо без еп҃па ни крещати нї любве творити. нъ ѐже а҆ще ѡ҆нъ искꙋси то то бо҃у годѣ ѐсть.
иже бо ст҃лѧ чьтеть. то ѿ б҃а почьтенъ боудеть. а иже отаи пискоупа[3]) чьто творить. то диѩволоу слоужить. ноуждѧ[4]) ѥсть повиноватисѧ и попомъ. ѩко и ап҃ломъ х҃вомъ. надѣжею нашею. да видими ими обрѧщемъсѧ. подобаѥть же и диѩкомъ.[5]) рекъше слоужителемъ таинъ х҃въ. по вьсемоу образоу вьсѣмъ оугажати.[6]) не брашьноу бо и питию соуть слоужителе[7]) нъ ц҃рквамъ б҃жиѩмъ соуть слоу-	Ὁ τὸν ἐπίσκοπον τιμῶν, ὑπὸ τοῦ Θεοῦ τιμᾶται. Ὁ λάθρα ἐπισκόπου τι πράσσων, τῷ διαβόλῳ λατρεύει. Ἀναγκαῖον δέ ἐστιν, ὑποτάσσεσθαι καὶ τῷ πρεσβυτερίῳ, ὡς ἀποστόλοις Ἰησοῦ Χριστοῦ, τῆς Ἐλπίδος ἡμῶν, κατὰ πάντα τρόπον πᾶσιν ἀρέσκειν. Οὐ γὰρ βρωμάτων καὶ πομάτων εἰσὶν διάκονοι, ἀλλὰ Ἐκκλησίας Θεοῦ ὑπηρέται. Δέον οὖν ἐστιν αὐτοὺς φυλάσσεσθαι τὰ ἐγκλήματα ὡς πῦρ.	и҆же е҆п҃па чти҃. то ѿ б҃а честенъ е҃. и҆ и҆же та́и е҆п҃па что твори҃, то дїаволꙋ работае҃. нꙋжно же е҃ повиноватисѧ и҆ прѣзвѵтерьствꙋ ѩ҆ко а҆п҃лѡм і҆с҃ꙋ х҃а оупованїа нашего. ѡ҆ нем же живꙋще в немь ѡ҆брѧщемсѧ. по҃ бае҃ же и҆ дїако҃ ѩ҆ко слꙋжителемъ сꙋще таи҆нъ г҃с х҃въ по всемꙋ ѡ҆бразꙋ всѣмь го́дити. не брашномъ бо и питїемъ сꙋ҃ слꙋгы. нъ црк҃ви б҃жїи работници сꙋ҃. лѣпо оу̓бо е҃ хранитисѧ грѣховъ ѩ҆ко ѡ҆гнѧ.

1) слова: ѩ — нѣтъ. 2) неподобное. 3) бе҃ еп҃кпа. 4) нужа ти. 5) дїаконо҃.
619) оугожати. 7) слоужит҃лїй.

гы.[1]) подобьно оубо ѥсть хранити реченията ихъ ѩко огнь.[2])

такоже вьси да чьтоуть слоужителѧ ѩко самого х҃са.[3]) а ѥп҃па ѩко ѿц҃а х҃ва б҃а.[4]) попы же[5]) съпрѣстольникы ап҃лѧ.[6]) и съпроугы[7]) ап҃ломъ бе сихъ бо ц҃ркы нарицаѥтьсѧ.[8]) съвѣтьствоуѥть[9]) же словеси семоу и законъ г҃лѧ. храни ѕѣло по вьсемоу ѥлико аще речеть ти сщ҃никъ. да[10]) сътвори[11]) не оуклонисѧ ни налѣво ни надесно[12]) ѿ г҃лъ ихъ.[13]) ч҃лкъ бо иже[14]) аще сътворить прѣзьрѣние. ѥже не послоушати сщ҃еника достоинъ ѥсть ч҃лкъ тъ[15]) съмьрти.

рече и[16]) пр҃ркъ малахиѩ. оустьноу сщ҃еничьскоу г҃лы съхрани. разоума и зако-

Ὁμοίως πάντες ἐντρεπέσθωσαν τοὺς διακόνους ὡς Ἰησοῦν Χριστὸν, καὶ τὸν ἐπίσκοπον ὡς τὸν Πατέρα· τοὺς δὲ πρεσβυτέρους ὡς συνέδριον Θεοῦ, καὶ ὡς δεσμὸν ἀποστόλων· χωρὶς τούτων Ἐκκλησία οὐ καλεῖται· συνηγορεῖ δὲ τῷ λόγῳ καὶ ὁ Νόμος λέγων· «Φυλάξῃ σφόδρα κατὰ πάντα, ὅσα ἄν εἴποι σοι ὁ ἱερεὺς, ποιήσεις· οὐκ ἐκκλίνῃς ἀπὸ τοῦ ῥήματος δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Καὶ ἄνθρωπος, ὃς ἂν ποιήσῃ ὑπερηφανίαν τοῦ μὴ ἀκοῦσαι τοῦ ἱερέως, ἀποθανεῖται ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος».

Ὁ δὲ προφήτης Μαλαχίας φησὶν, «Χείλη ἱερέως φυλάξει γνῶσιν, καὶ νόμον ἐκζητήσου-

тако҆ж и҆ вси да срамлѧютсѧ дїакъ ѩко і҃су х҃а. а҆ е҆п҃па ѩко ѿц҃а, поповъ же ѩко и҆ събора б҃жїа. и҆ ѩко оу҆зы а҆п҃лкы. безъ сихъ бо ц҃ркы не нарїчетсѧ. съгласѹет же словеси и҆ законъ г҃лѧ. съхраните ѕѣло по всемѹ елїко а҆ще рече ти чиститель. сътвориши не оуклонїсѧ ѿ г҃ла надесно и҆ли нашѹе. и҆ ч҃лкъ и҆же аще твори прѣзорїе непослѹшати чистителѧ. да оу҆мре ч҃лкъ тъ.

пр҃ркъ же малахїа. оу҆стнѣ чистителевѣ рече да храните ра́зѹмъ, и҆ законъ и҆зы-

---

1) но б҃жїимъ ц҃ркбамъ слоужатъ. 2) ѩко и҆ о҆гнь. 3) ѩко і ѿц҃а. 4) а҆кы самого х҃а. 5) же акы. 6) ап҃лы. 7) сѹпроугы. 8) ц҃ркви не нарицаѥтсѧ. 9) послѹшьствоуѥтъ. 10) слова: да — нѣтъ. 11) добавлено: и. 12) ни десно. 13) ѿ г҃ланыхъ. 14) пропущено: иже. 15) тои. 16) рече же и.

на възищють[1]) отъ оустъ ѥго. занеже вѣстьникъ ѥсть гд҃а вьседьржителѧ. въ мирѣ исправлѧꙗ ходи. и многы ѡ҆брати ѿ неправьдꙑ инъ[2]) рече вьсею дꙋшею твоѥю[3]) бл҃гочьствоуи г҃а. и сщ҃еникомъ ѥго дивисѧ.[4]) вьсею силою твоѥю[5]) възлюби сътворьшааго тѧ. и слугъ ѥго не остави. боисѧ г҃а и слави сщ҃еника.

и пакꙑ рече законъ. сщ҃нци (sic) соуть бв҃и своѥмꙋ.[6]) жьртвꙑ бо гд҃ви. и дарꙑ го҃у[7]) своѥмоу ти приносѧть и ст҃ии соуть. и пакꙑ сщ҃ени ѥсть гв҃и своѥмоу. дары бо гв҃и бо҃у вашемоу тъ приносить. да ст҃ъ ѥсть тебе.[8]) рече г҃ь къ ароноу гл҃ꙑ[9]) тꙑ. слоу-

σιν ἐκ στόματος αὐτοῦ, διότι ἄγγελος Κυρίου παντοκράτορός ἐστιν. Ἐν εἰρήνῃ κατευθύνων ἐπορεύθη μετ' ἐμοῦ, καὶ πολλοὺς ἐπέστρεψεν ἐξ ἀδικίας». Καὶ ἄλλος· «Ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ σου εὐλαβοῦ τὸν Κύριον, καὶ τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ θαύμαζε, ἐν ὅλῃ τῇ δυνάμει σου ἀγάπα τὸν ποιήσαντά σε, καὶ τοὺς λειτουργοὺς αὐτοῦ μὴ ἐγκαταλίπῃς. Φοβοῦ τὸν Κύριον, καὶ δόξαζε ἱερέα».

Καὶ αὖθις ὁ Νόμος· «Οἱ ἱερεῖς ἅγιοι ἔσονται τῷ Θεῷ αὐτῶν· τὰς γὰρ θυσίας Κυρίῳ τῷ Θεῷ αὐτῶν αὐτοὶ προσφέρουσιν· καὶ ἔσονται ἅγιοι». Καὶ πάλιν· «Ὁ ἱερεὺς ἅγιός ἐστιν Κυρίου τοῦ Θεοῦ. τὰ γὰρ δῶρα Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν οὗτος προσφέρει, καὶ ἅγιος ἔσται σοι. Καὶ εἶπεν Κύριος

щеть и҆зъ оу҆стъ ѥ҆го. зане, аг҃глъ г҃а вседръжителѧ есть въ мирѣ и҆справлѧа ходи со мною̀, и҆ многы възвратѝ ѿ неправды. И и҆нъ. всею дш҃ею̀ си̑ готовай го҃у и҆ чистителемъ ѥ҆го дївисѧ. всею̀ силою своѥ̀ю̀ люби сътво́ршаго тѧ и҆ слꙋгъ ѥ҆го не ѡ҆стави боаисѧ г҃а, и҆ слави чистителѧ.

И пакы, законъ, чистителе ст҃и бꙋдоуть бо҃у и҃х. же́ртвы бо го҃у бꙋ҃ своемꙋ принесоу҃ и҆ да бꙋдоу҃ ст҃и. и҆ пакы̀, чиститель ст҃ъ ѥ҆сть го҃у бо҃у своѥ̀мꙋ, да́ры бо го҃у бо҃у своѥ̀мꙋ сь̑ прїносить, ст҃ъ да боуде҃ и҆ тебѣ. и҆ ре҃ г҃ь. а҆а́ро́нꙋ гл҃ѧ. и послꙋжить леѵи́тинъ сѣни свѣдѣнїа. и҆ ти̑

1) в'зищи. 2) и҆ инъ. 3) своѥю̀. 4) чт҃ъ воздаваи̑. 5) слова: твѥю — нѣтъ. 6) Сїи ѐсщ҃ен'ни соуть гд҃мь бг҃ѡ̑. 7) бг҃ви. 8) пропущены слова: сщ҃ени ѥсть г҃ви своѥму. дары бо г҃ви боу҃ вашему тъ приносить. да ст҃ъ ѥсть тебе. 9) гл҃и.

жител҄ь ѥсть кровъ съвѣдетельствѹ.[1]) и ти[2]) примоуть грѣхꙑ людии.[3]) ѿтъ имѣнии[4]) дахъ леугитомъ. ꙗко мьзда се[5]) вамъ ѥсть[6]) за слоужьбоу вашю. исаиꙗ же рече. вꙑ же сщ҃ници г҃ни наричетеса и слоугꙑ божиꙗ.	πρὸς Ἀαρών, λέγων· Ἐγὼ μερίς σου καὶ κληρονομία· καὶ λειτουργήσει ὁ Λευὶ εἰς τὴν σκηνὴν τοῦ μαρτυρίου. Καὶ αὐτοὶ λήψονται τὰ ἁμαρτήματα τοῦ λαοῦ. Καὶ τὰ ἀφαιρέματα δέδωκα τοῖς Λευΐταις. Ὅτι μισθὸς αὐτῶν ὑμῖν ἐστι, ἀντὶ τῶν λειτουργιῶν ὑμῶν». Ὁ δὲ Ἡσαΐας φησίν, «Ὑμεῖς δὲ ἱερεῖς Κυρίου κληθήσεσθε, λειτουργοὶ τοῦ Θεοῦ».	прїимоу҇ грѣхꙑ людьскꙑ. и҆ прїношенїа даръ легитѡ҇. ꙗ҆ко м҆зда сѝ ваша ѐсть за слꙋжбꙑ ваша. и҆ ї҆саї҆а же ре҇. вꙑ̀ же чистителе г҃ни нарече҇. слꙋгꙑ б҃жїа слꙋгꙑ (sic).
иѥремиꙗ пакꙑ.[7]) възвеличю и напою д҃шю сщ҃еничьскоу. тако же же (sic) и д҃вдъ. сщ҃енници[8]) твои ѡ҆блѣкоуться въ правьдоу. и҆ прп҃бьнии твои възрадоують сѧ. и[9]) павьлъ же. вьсѧкъ бо старѣишина сщ҃еничь рече.[10]) на приношениѥ даровъ и жьртвъ стоить.[11]) иже образъмь истѣньмь слоужать нбс҃ьнимь.	Καὶ ὁ Ἱερεμίας, «Μεγαλυνῶ καὶ μεθύσω τὴν ψυχὴν τῶν ἱερῶν». Ὡσαύτως καὶ ὁ Δαυΐδ, «Οἱ ἱερεῖς σου, λέγων, ἐνδύσονται δικαιοσύνην, καὶ οἱ ὅσιοί σου ἀγαλλιάσονται». Ὁ δὲ Παῦλος· «Πᾶς γὰρ ἀρχιερεύς, φησίν, εἰς τὸ προσφέρειν δῶρά τε καὶ θυσίας, καθίσταται· οἵτινες ὑποδείγματι καὶ σκιᾷ λατρεύουσιν τῶν ἐπουρανίων. Νῦν δὲ δια-	и҆ і҆еремїа, възвеличю и҆ оу҆пою дш҃ѹ чистительскѹ, та́ко҇ и҆ д҃въ, чистителе твоѝ г҃лѧ ѡ҆блѣкѹтсѧ въ пра́вдѹ. и҆ препо҇бнїи твои възра҇ютсѧ. Павелъ же, весь бо началочиститель ре҇, на прїношенїе даровъ и҆ жрътвъ поставлѧемъ ѐсть. е҇ ѡ҆бразо҇ и҆стѣнемъ слоужать на нбс҃ехъ. нынѣ же различнѣ оу҆лѹчи слѹ-

1) къслѹжащїи мн҃ѣ во храмѣ свѣдѣнїѧ. 2) тїи. 3) людїи всѣ҇. 4) и҆ ѿ имѣнїа и҇. 5) се мьзда. 6) пропущено: ѥсть. 7) и҆ѥремиа҇. 8) і҆ерѣи. 9) пропущено: и. 10) всѧкъ рече старѣишина сщ҃енїчьскъ. 11) сътворенъ.

ныне же оуньша[1]) оулучи слоужьбы. ꙗже[2]) больша завѣта. и приводить г҃лѧ молимъ же вы братиꙗ. вѣдѣти и[3]) троужающаꙗсѧ въ васъ. оубѣжати ꙗ паче излиха добро творити любъвию.[4])

лѣпо оубо ѥсть възлюбьленикы.[5]) и дроугы[6]) б҃жиꙗ чисти[7]). и сщ҃еникы ѥго ꙗже избьра г҃ь и прослави. ноужаꙗи (sic)[8]) чловѣкомъ дългы въздаꙗти.[9]) и[10]) не о себѣ[11]) кто приѥмлеть чьсть. нъ[12]) зъванъıи ѿ б҃а. нѣсть речено нъıне. ни дрѣвле[13])

φορωτέρας τετύχηκεν λειτουργίας, ὅσον καὶ κρείττονος διαθήκης ἐστὶν μεσίτης». Καὶ ἐπάγει, λέγων· «Ερωτῶμεν δὲ ὑμᾶς, ἀδελφοί, εἰδέναι τοὺς κοπιῶντας ἐν ὑμῖν, καὶ προϊσταμένους ὑμῖν ἐν Κυρίῳ, καὶ νουθετοῦντας ὑμᾶς, καὶ ἡγεῖσθαι αὐτοὺς ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐν ἀγάπῃ, διὰ τὸ ἔργον αὐτῶν εἰρηνεύετε ἐν ἑαυτοῖς». Καὶ πάλιν, «Οἱ πρεσβύτεροι διπλῆς τιμῆς ἀξιούσθωσαν. Μάλιστα οἱ κοπιῶντες ἐν λόγῳ καὶ διδασκαλίᾳ».

Πρέπον οὖν ἐστιν, ἀγαπητοὶ καὶ φίλοι Θεοῦ, αἰδεῖσθαι τοὺς ἱερεῖς αὐτοῦ. Οὓς γὰρ ὁ Θεὸς οἰκειώσατο καὶ ἐδόξασεν, ἀνάγκη καὶ τοὺς ἀνθρώπους τὴν οφειλὴν ἀποδιδόναι· καὶ οὐχ ἑαυτῷ τις λαμβάνει τὴν τιμὴν, ἀλλ' ὁ καλούμενος ὑπὸ τοῦ Θεοῦ. Οὐ θέμις τοίνυν ποτὲ ἱερεῖ

женїе ѥлїко и҆ лꙋчша завѣта. и҆ прїводїтъ г҃лѧ, молим же вы бра҃е видѣти трꙋжающаасѧ в васъ и҆ приставники ваша ѡ҆ г҃и. и наказаю вы҆. и҆ і҆мѣите ꙗ҆ прѣи҆злиха въ любовь за дѣло и҆х мирꙋите же въ себѣ. и҆ пакы, попове сꙋгоубѣ чьсти да бывáю́ть. паче҆ трꙋжáю́щеисѧ въ словеси и҆ оу҆ченїи.

лѣпо оу҆бо є҆ възлюбленїи и҆ годѣ бо҃у стыдѣтисѧ чиститель ѥ҆го. ꙗ҆ оу҆бо б҃ъ ѡ҆прїсни и҆ прослави. то҆ нꙋжда є҆ чл҃кѡ҆ долгы въздаáти, и҆бо не ѡ҆ себѣ къто прїемлеть чéсть нъ҆ нарїцаемыи бм҃ь. недостои҃ оубо николи҆ чистителю противи́тисѧ, прѡти-

1) инѣ і оу҆ньша. 2) добавлено: и. 3) пропущено: и. 4) оу҆бѣжаите (sic) паче всѧ творíти любовию. 5) возлюбленїи. 6) а҆кы дру́гы. 7) чти. 8) нꙋжда бо є. 9) воздаѧти имь. 10) пропущено: и. 11) добавлено: бо. 12) добавлено: и. 13) инѣсть (sic) речено ни҃ѣ и преже.

сщ҃енникоу противлꙗтисѧ. противлꙗющии бо сѧ соудъ себѣ приємлють. 1) речено 2) бо ѥсть старѣишинѣ людии своихъ да не речеши 3) зъла. гдѣ жен 4) великъи старѣишина сщ҃енничьскъи. приємлꙗи васъ рече мене приємлеть. и приємлꙗи мене приємлеть посълавъшаго мѧ. и приємлꙗи прр҃ка. 5) пророчьскоу мьздоу приметь. 6) и 7) приємлꙗи правьдьника. мьздоу правьдьничю приметь. 8) томоу слава нынѣ и присно и въ вѣ 9).:·

ἀντιστῆναι· οἱ γὰρ «ἀντιστάμενοι αὐτοῖς, κρῖμα λήψονται. Ἄρχοντα γὰρ τοῦ λαοῦ σου οὐκ ἐρεῖς κακῶς». Ὁ δὲ Κύριος καὶ μέγας ἀρχιερεὺς φησὶν, «Ὁ δεχόμενος ὑμᾶς, ἐμὲ δέχεται, καὶ ὁ ἐμὲ δεχόμενος, δέχεται τὸν ἀποστείλαντά με».—«Ὁ δεχόμενος προφήτην, εἰς ὄνομα προφήτου, μισθὸν προφήτου λήψεται. Καὶ ὁ δεχόμενος δίκαιον, εἰς ὄνομα δικαίου, μισθὸν δικαίου λήψεται». Αὐτῷ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.

вꙗщїи босѧ себѣ сꙋ҃ прїемлю҃. кн҃зю бо людїи свои҃ не речеши зла. Гь҃ же великїи архїереи р҃е. прїемлꙗи вы҃ мене прїемлеть. а҆ прїемлꙗи мене, прїемле҃ пославшаго мѧ. а҆ прїемлꙗи пр҃рка во имѧ пр҃рче м҆зду пр҃рю прїемлеть. и҆ прїемлꙗи҆ пр҃вника во и҆мѧ праведнї҃че мьздꙋ пра҃веничю прїиме҃. ѿ х҃ѣ ї҃сѣ г҃ѣ наше҃ ѐмоу҃~

---

1) протївлꙗю҆щїи бо сѧ со҃ую в҃ѣ въземлють. 2) писа́но. 3) рчи. 4) пропущено: н. 5) добавлено: въ имѧ пр҃рче. 6) м҆здоу пр҃рчю прїемлетъ. 7) пропущено: и. 8) прїемлѣ. 9) и҆ во вѣ҆ки вѣкомъ, а҆ми́нь.

II.

Два Измарагда Императорской Публичной Библіотеки.

I.

Въ описаніи рукописей гр. Ѳ. Л. Толстова Калайдовича указанъ 1) одинъ Измарагдъ 1509 года. (Отд. I, № 108, по каталогу Импер. Публ. Б-ки F. I, № 225), изъ котораго Калайдовичъ привелъ содержаніе послѣсловія, не указавъ однако состава рукописи, и 2) одинъ сборникъ XV вѣка (Отд. I, № 214, по каталогу Императорской Публ. Б-ки F. I, № 209), при чемъ привелъ и перечень заглавій статей этой рукописи безъ указанія началъ. При подробномъ разсмотрѣніи этого послѣдняго сборника оказалось, что это также Измарагдъ почти тождественнаго съ вышеуказаннымъ (F. I, № 225) Измарагдомъ состава.

Такъ какъ оба эти Измарагда до сихъ поръ не были описаны, то я и позволяю себѣ представить здѣсь ихъ сравнительное описаніе. Оба они заслуживаютъ, какъ я думаю, быть описанными прежде всего уже по своей сравнительной древности. Во вторыхъ, первый изъ этихъ Измарагдовъ интересенъ не только потому, что имѣетъ точную дату, но и потому, что здѣсь поименованы писцы рукописи, и можно установить, кто изъ этихъ писцовъ и какую часть рукописи писалъ, т. е. здѣсь мы имѣемъ два автографа съ точнымъ обозначеніемъ времени жизни писцовъ, а также и мѣста написанія рукописи. Для второго Измарагда описаніе необходимо потому, что въ немъ нѣкоторыхъ частей не достаетъ

и листы въ рукописи спутаны такъ, что безъ описанія трудно имъ пользоваться. Помимо того этотъ послѣдній Измарагдъ заслуживаетъ вниманія потому, что среди добавочныхъ къ нему статей имѣется поученіе, составленное на основаніи рѣдко встрѣчающагося въ славянскихъ рукописяхъ и неизвѣстнаго на греческомъ языкѣ апокрифа: «Откровеніе святого Варуха» (F. I, № 209, лл. 291—293 об.).

Первый Измарагдъ 1506 года (F. I, № 225) написанъ на бумагѣ въ листъ, полууставомъ, въ два столбца. Первая половина рукописи написана довольно блѣдными рыжеватыми чернилами, другая часть рукописи написана болѣе темными чернилами. Рукопись довольно хорошо сохранилась, и лишь нижніе углы всѣхъ листовъ рукописи, съ перваго до послѣдняго, сильно обтрепаны и оборвались. Однако, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ листовъ, ни на одномъ листѣ не тронутъ на оборванныхъ углахъ листовъ самый текстъ рукописи. Переплетена рукопись въ доски, покрытыя темною кожею, съ застежками. Переплетъ сохранился прекрасно. Въ бумагѣ водяной знакъ: бычачья голова съ высокимъ между рогами крестомъ, три раза перевитымъ змѣею.

Рукопись не дошла до насъ вполнѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Начало рукописи — первые четыре листа, на которыхъ помѣщены оглавленіе и начало первой статьи, написаны на другой бумагѣ и другою рукою, полууставомъ XVII вѣка, также въ два столбца, чернилами черными и болѣе яркими, чѣмъ вся рукопись. Писецъ, которому принадлежатъ эти четыре листа, удачно подвелъ текстъ, закончивъ недостававшій текстъ какъ разъ въ самомъ концѣ 4-го л. об. Кромѣ того въ рукописи не оказалось лл. 12, 13, 14 и 30, но они дополнены позднѣе. Листы эти написаны на болѣе бѣлой бумагѣ, съ особымъ водянымъ знакомъ, неискуснымъ полууставомъ XVII—XVIII вѣка, въ одинъ столбецъ. Писецъ не подвелъ хорошо текста, и потому нижняя половина л. 14 об. осталась бѣлою, а на л. 30 об. ему пришлось стѣснить послѣднія строки, чтобы уписать весь текстъ.

Подлинная рукопись оканчивается на первомъ столбцѣ листа 271-го. Послѣ окончанія текста Измарагда писецъ внизу 1-го столбца написалъ:

Слава е́ди́номꙋ бꙋ̑ съ
връ́шившемꙋ всѧко
дѣло бл҃го давшемꙋ
по началѣ
коне
ць
а̑
ми
нь.

Весь второй столбецъ листа 271-го занятъ слѣдующимъ послѣсловіемъ:

В' лѣто. ҂з҃.з҃і. мц҃а марта
л҃. дн҃ь. в пѧто̑. кѡ́нчана
быша книга сїа. рекомаꙗ̑
и̑змарагдъ. При бл҃говѣ
рно^м^ велико^м^ кн҃зѣ васи^л^е
и̑вановичѣ и̑ всеꙗ рꙋ̑;
И̑ при а́рхиеп҃пѣ нашемь
сїмонѣ митрополитѣ
всеѧ рꙋ̑. въ бг҃оспасаемѣ^м^
градѣ галичѣ. въ ѡ̈битѣ-
ли ст҃ы^х^ м҃нкь и̑ чю̑творець
фрола и̑ лавра. Строе̑нье^м^
и̑ попеченїемь гн҃а н҃ше^г^
матфѣѧ и̑вановича суди
мантова. рукою̑ мно
гогрѣшна̑ и̑гꙋмена ва
сїанл. да фе̑ка попова
сн҃а родиѡ̈нова. а̑ гдѣ

бꙋдеⷨ в своеи грꙋбости
или своиⷨ нераденїемь
ѿписалися в' книзе сеи
и вы ба҃ ра҃, своиⷨ ꙋмоⷨ
и со вниманїеⷨ сами испр
вите. а на҃ не поѕлослови
те. но ѕлословите и про
клинаите ѿвц҃а наше҃ в. .
га дїавола. матꙋща҃. . .
. нашиⷨ.
а бѣ҃ мира. боу . . . . .[1]).

Такимъ образомъ изъ этого послѣсловія узнаемъ, что рукопись написана въ 1509 г. и закончена 30-го марта, написана въ Галичѣ, въ монастырѣ свв. Фрола и Лавра, строеніемъ и попеченіемъ Матѳея Ивановича Судимантова. Писцы: игуменъ Вассіанъ и поповскій сынъ Ѳеодоръ Родіоновъ. Изъ сравненія почерковъ рукописи съ почеркомъ послѣсловія видно, что первая часть рукописи написана Ѳеодоромъ Родіоновымъ, а именно съ начала рукописи до сл. 127: «пав'ла апла запове҃». Въ означенномъ словѣ съ л. 170 об. начинается съ седьмой строки 1-го столбца почеркъ игумена Вассіана и продолжается до конца рукописи. Кромѣ того въ части рукописи, написанной Ѳ. Родіоновымъ, въ словѣ 126-мъ стыⷯ ѿць. како хртїанѡмъ жити на л. 167 об. семь строкъ перваго столбца, второй столбецъ и л. 168 до л. 168 об. написаны третьею рукою, не принадлежащею ни первому, ни второму писцу. Такимъ образомъ въ первоначальномъ написаніи рукописи участвовали три писца и дополнили рукопись два писца.

На л. 2 об., 3 и 3 об. имѣется поздняя неискусная запись: сия книга москова (sic) купца васили яковлева. На л. 48 и 49 другая запись скорописью и другою рукою: продаⷤ Чюдова манастыри, на л. 77: недѣев' тихѣевъ и на л. 89:

---

1) Точками обозначены мѣста, оборванныя въ рукописи.

И҆ рꙋ́кꙋ приложи҆. За тѣмъ на лл. 200 об. и 201 имѣется еще новая запись внизу листовъ: «сиѧ книга села острова леонътиѧ никитина».

Тою же рукою, какою написаны записи на лл. 48, 49 и 77, сдѣланы въ рукописи исправленія текста словъ съ 30 по 40 включительно. Напр. на л. 37: послѣ словъ: ни грабите, ни крадите—сверху строки надписано: ни наслꙋ́ите. На л. 41: лꙋче бы (поправлено: лоуч^шое бы) не грабити неже (поправлено: неже^ли) чюжи^м творити (поправлено: творити^х) нѣ҃ бо на ползоу (поправлено: нѣ҃ бо человѣкꙋ то есть на ползоу). Въ большинствѣ древній текстъ не тронутъ, но есть мѣста, гдѣ перемаранъ и самый текстъ. Напр. л. 42 об. Древній текстъ: а не подаѧ бг҃а ра҃. оумрети и҆ ѡ҆ставити всѧ҃. Поправлено: а не подаѧ бг҃а ра҃. оумретъ и҆ ѡ҆ставитъ всѧ҃. Л. 46. дроу́га си. Поправлено: дроу́га своего. Л. 46 об.: и҆же бо кто҃ лѣниваго на оугожениѥ бжиѥ вострить. Поправлено: и҆же бо кто҃ лѣниваго человѣка на оугожениѥ бж҃иѥ приведеть.

Въ одномъ мѣстѣ рукописи перепутаны листы. Слѣдуетъ читать: лл. 109, 109 об., л. 120—129 об., л. 110—119 об., л. 130, 131 и т. д.

Первый листъ рукописи значительно потрепанъ и съ оборота въ трехъ мѣстахъ подклеенъ, хотя текстъ сохранился. Сверху перваго листа оставлено мѣсто для заставки. Начинается рукопись оглавленіемъ, которое хотя написано въ два столбца, но строки идутъ черезъ оба столбца такъ, какъ будто рукопись написана въ одинъ столбецъ. Слѣдуетъ оглавленіе:

л. 1. (Гл)авы извѣсти
щїѧ̀ книги. гл҃емыѧ̀
бл҃гви ѿ.
шего. і҆ѡ҆а́нна зла
чте́нїи бж҃твены^х
ый. настоѧ
измарагда. г҃и
Иже ко сты^х ѿц҃а на́
таоу́стаго. ѡ҆
писанїй.

Въ оглавленіи указано 168 главъ. Съ л. 4-го начинается самый Измарагдъ, причемъ заглавіе его написано тѣмъ же способомъ, какъ и оглавленіе. Киноварь значительно размазана, и потому всего заглавія прочесть нельзя:

Кни́га и҆змара́гдъ...	....
почина́ющи глемъ иⷨ во	стыⷯ ѿца нше҃го і҆ѡ...
тлоуⷭстаго. архїеп̃кпа	ко̑стѧ̑............
пе́рвое. и҆ почитанїи бж̑	твныⷯ (писанія) ꙗ҆ко
добро̀ е҆сть.........	....
ста́ѧ писа́нїѧ. гн̑ бл҃гви	ѿ.

Нач. Ре҃ стый і҆ѡа̑ златоу҆стый. сѣдѧщꙋ ти на почитанїи. и҆ послꙋ́шающиⷯ слове́съ бж҃іиⷯ. то̀ пе́р'вѣе помоли́сѧ бг҃ꙋ. (Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда», ред. 1-я, стр. 10, сл. 2.)

Самый текстъ пишется въ два столбца обычнымъ порядкомъ.

л. 4 об. Пр҃ѣсло́вїе всѣмъ поуⷱе́нїемъ. и҆ притьча́мъ. и҆же в кни́гахъ си́хъ. и҆ на оу҆тверже́нїе вѣ̀рнымъ..,

Нач. А҆́ще кто̀ чести̇̀ хо́щетъ. пе́рвоѐ сию̀ прочти̇̀ при́тчю, е҆́же спсъ во е҆ѵ҃лїи ре́клъ ѡ҆ насъ.:— Притча е҆ѵ҃льскаѧ. И҆зыде сѣвець сѣꙗ̑ сѣ

На этомъ заканчивается почеркъ писца, дополнившаго начало рукописи. Съ л. 5 начинается подлинная рукопись словами: мени своего. сѣющю же емоуⷯ ꙗ҆ко паде при поуⷮти. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 1. Стр. 171).

л. 5 об. Слово в҃.[1]) Сло҃. сті҃го григорїа. папы римьскаго: ⁘

Нач. Добро е҃ братїе и҆ полезно всѧкомоуⷯ вѣрноуⷯ почитаньѐ книж'ное̑. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 2. Стр. 172).

л. 6. Слово г҃. Сло҃. пав'ла ап҃ла. и҆сътолковано. и҆ваншⷨ и҆ василие́мъ: ⁘

---

1) Счетъ словъ обозначенъ въ рукописи на поляхъ поздвѣйшимъ, сравнительно съ написаніемъ рукописи, почеркомъ. Нѣкоторыя слова не помѣчены однако счетъ словъ идетъ правильно. Когда въ рукописи счетъ слова не помѣченъ, мы помѣчаемъ его арабскими цифрами.

Нач. Прїидем брате. да слышимъ слово ползы дх҃вныѧ исполнено. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 3. Стр. 172).

л. 7. Слово д҃. Сло҃. їѡа҃на златаоустаго. како не лѣнитисѧ книгъ честї. гй бл҃ви ѡч҃е: ÷

Нач. Мнози непочитаньемь бжтвенагѡ писанїа. съ праваго поути съвратиша. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 4. Стр. 172. Ср. 1-й ред. сл. 4. Стр. 11.)

л. 8. Слово е҃. сло҃. ст҃го ефрѣма. како слоуша книгъ.

Нач. Егда брате лоукавый ти помыслъ оумъ моутить. оутѣшисѧ почитанием ст҃ыих книгъ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 5; ред. 1-я, сл. 3-е. Стр. 172 и 11.)

л. 8 об. Слово ѕ҃. сло҃. ст҃ыих апл҃ъ. и ст҃ыих ѡц҃ь. како жити хртїанѡмъ.

Нач. Подобаеть всѧкомоу хртїаниноу чт҃о жити. и всѧ с расмотрением творити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 6. Стр. 172.)

л. 9 об. Слово з҃. сло҃. їѡа҃на златаоуста ѡ гл҃щих. ꙗко нѣ мощ'но спт҃исѧ в' миру.

л. 10. Нач.: Извѣстно да е. ꙗко не сп҃ть мѣсто на. аще не с'твори волѧ бж҃ѧ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 7. Стр. 172.)

л. 10 об. Слово и҃. сло. їѡа҃на златаутаго. ѡ гордѣни и.

Нач. Да ꙗко са непотреблѧемъ. ѿ вхрастїа (sic) не може расти. тако чл҃къ гордъ не можеть сп҃тисѧ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 8. Стр. 172. Ред. 1-я, сл. 14. Стр. 13.)

л. 11 об. Слово ѳ҃. сло҃. ст҃го їѡа҃на зла҃оу ѡ кленоущисѧ во лжу.

Нач. Егда бо кого видиши живоуща въ злобьнем богатьствѣ. ничего ни приемл'юща зла. не бл҃жи е. но пла

Здѣсь обрывается письмо писца подлинной рукописи, и статья продолжается на вставленныхъ и написанныхъ въ XVII—XVIII в. листахъ словами: чи и скорби. ѿномꙋ бо лютыѧ мꙋки приимꙋтъ таковаго. (Яковлевъ. Ред. 1-я, сл. 9. Стр. 172—3. Ср. ред. 2-й сл. 67. Стр. 24).

л. 13. Слово і҃. сл҃ва (sic). їѡа зла҃оустаго о лечащих болезни вохвованїем.

Нач. Житїа сего наводимаа намъ скорбнаа или имѣнїе лишенїе, или болѣзни тажки. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 10. Стр. 173. Ср. ред. 1-й сл. 56, стр. 22).

л. 14 об. Слово аі. Слова (sic) іоанна милостиваго стаго о исходѣ дшe гди блгослови Отче

Нач. Тѣло многи страх обдержит дшу тогда истезаему......... всѣхъ сих отбыщуть бѣсове аще в немъ волю свою

На этомъ заканчивается л. 14 об. и новый почеркъ, съ л. 15 опять подлинная рукопись: твою познаю. тъ не оставать оубгои дши дале итти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 11, стр. 173. Ред. 2-й сл. 58. Стр. 23.)

л. 15. Слово бі. Сло. іоа златоуста. о играх. и о плясании.

Нач. Земнаа отвръгъше зла смышленіа. приидѣте и оуслышимъ дхвнаа оучниа. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 12. Стр. 173. Ср. ред. 2-й сл. 25. Стр. 15.)

л. 16 об. Слово гі. Сло. стых отць о пианьствѣ. ги блви: ~

Нач. Иже бы не пити отноу. того възбранаю велми стіи отци. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 13. Стр. 173.)

л. 18. Слово ді. Сло. іоанна злаоутго (sic). его же рѣ любить гь. того и казнить.

Нач. Аще кого видиши неправдива и злобна члка. в зракі и обилна живоущи. то не чюди тому. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 14. Стр. 173.)

л. 19. Слово еі. Сло. іоа злаоустаго. о самовластьи.

Нач. Коеа дѣла вины быхомь самовластни слышите. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 15. Стр. 173.)

л. 20. Слово ѕі. Сло. іоана злаоуста. о зависти. ги бл.

Нач. Любими азъ длъгъ свой отдаю на всакъ днь. а ваше же е иже внимати и творити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 16. Стр. 173—174).

л. 21 об. Слово зі. Сло. стго анастасіа. игоумена синайскаго. иже гнѣва не имѣти ни на кого.

Нач. Много може҆ млт҃ва праведнаго поспѣваѥма. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 17. Стр. 174. Ред. 1, сл. 47. Стр. 19.)

л. 22 об. Слово ѿ҃і. сло҃. того҃ анастасиѧ. ѥже не ѡсоужаті :·

Нач. Не ѡсоужайте ре҃. да не ѡсоужени боудѣте. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 18. Стр. 174. Ред. 1, сл. 48. Стр. 19.)

л. 23 об. Слово д҃і. Сло҃. іѡана златаоуст. о соудѣ. гн҃и бл҃ви ѡч҃е.

Нач. Оуже помыслите братіе. донелѣ живи есмѧ какъ страх имамъ принѧ(л. 24)ти в' д҃нь соу҃ный. (Яковлевъ. 2 ред., сл. Стр. 174.)

л. 25. Слово к҃. Сло҃. іѡана златаоустаго. ꙗко не пріатъна без исповѣданиѧ млт҃ни: ÷

Нач. Приходѧщи бра҃е ѿ пища на пищю. хвалим и прославим бг҃а наше҃. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 20).

л. 26. Слово к҃а. Сло҃. ст҃ый ѡц҃ь къ христіанѡмъ. кто ѡставлѧе҃ женоу и дѣти. и ѿходи҃ в манат҃ы.

Нач. Рекоу вы послоушайте любов'но бра҃е. аще в мирѣ ѥсте и въ бг҃атьствѣ живете. извѣсто да оувѣсте. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 21. Стр. 174. Ср. ред. 1-й сл. 27. Стр. 15).

л. 27. Слово к҃в. Сло҃. иѡана златаоустаго. ѡ расмот'реніи сп҃сеніа. гн҃и бл҃ви: ~

Нач. Невѣдоуще не просто избираѥмъ. нъ всѧ разоум'но испытавъше да твори. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 22. Стр. 174. Ср. ред. 1-й сл. 62. Стр. 23).

л. 28. Слово к҃г. сло҃. ст҃го нифон'та. к' вѣрным. гн҃и бл҃ви ѿ.

Нач. Таиноу црв҃оу достоить таити. а дѣла бж҃іа ꙗсно проповѣдати. (Яковлевъ, ред. 2, сл. 23. Стр. 174. Ред. 1-й сл. 50. Стр. 20).

л. 29. Слово 24. сло҃. ст҃го иѡанна златауста҃. ѡ расмотреніи млт҃нѧ :·

Нач. Оуподобисѧ слава мира сего пламени ѡгненоу. иже погнѣщенъ дровы и бы҃ высокъ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 24).

Текстъ 1509-го года кончается на л. 29 об. словами: ꙗко тѣх дѣлѧ видѣша бг҃а въ плоти. а преже то. Затѣмъ вставленъ

листъ, написанный тѣмъ же почеркомъ, какъ и листы 12, 13 и 14. Листъ 30 нач: а̂ преже того̀ не видели николиже.

л. 30. Слово к҃е. слово і҆ѡ̆анна зла҃оу҆стаго ѡ҆ творѧщи҃х многа зла а не принемлю (sic) здѣ̀ бедꙋ. . .

Нач. Ѳараѡ̆нъ цр҃ь колико приꙗтъ до҃готерпѣнїѧ (л. 30 об.) бж҃їѧ (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 25. Стр. 174—175).

л. 30 оканчивается: григорїи речѐ многа҃ды ба҃гочт҃вїи многи скоби и҆ тꙋ̀ги и҆ пре҃ во̀ времѧ страсти приѐлю҃ зане ма

Затѣмъ снова съ л. 31 идетъ до конца подлинная рукопись: лы и҆мѧхоу҆ нѣкакии̑ грѣхи.

л. 31. Слово 26. Сло҃. ст҃го ан'тиѡ҆ха велика҃. како достои҃ (л. 31 об.) блюстисѧ ѕлы҃и҃х женъ безоу҆мныи҃х. г҃и бл҃ви ѡ҃.

Нач. Хвалоу҆ въздамы̑ бг҃оу ꙗ҆ оу҃чние҃м свои҃м на и҆стину настав'лѧѐми ѐсмѧ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 26. Стр. 175).

л. 32 об. Слово к҃з. Сло҃. і҆ѡ̆ана҃ златаоустаго. о гл҃щихъ ꙗко нѣ[1]) моу҆кы̑ грѣшникѡ҃ :·

Нач. Съвѣтъ нечл҃чень се како братиѐ оубѣжи҃м. моукы зла̀ѧ творѧщи҃. (Яковлевъ. Ред. 2-я, 27. Стр. 175. Ред. 1-й сл. 9).

л. 34. Слово к҃и. Сло҃. ст҃ыи̑ ѡ҆ц҃ь. и҆же не ѡ҆соу҆жати. ни ѡ҆бидѣти вдовы и҆ сиро҃ :·

Нач. Цр҃ь ли ѐси и҆ли кн҃зь и҆ли воѐвода. и҆ли соу҆ѧ. тъ̀ помы̑сли ѿ кого єси власть прїалъ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 28. Стр. 175).

л. 35. Слово к҃д. Сло҃. прит'ча ѡ҆ богаты҃х ѿ бо҃гарьски҃х кни҃. г҃и бл҃.

Нач. Ча҃къ нѣкыи̑ хожа҃ше на полѣ чт҃ѣ. и̑ не бѣ на поли тѡ҃м ни дебри ни лѣса. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 29. Стр. 175. Ред. 1-я, сл. 10. Стр. 12).

л. 36. Слово л҃. Сло҃. ст҃го єфрѣма ѡ҆ соудѣ. и҆ ѡ҆ покаѧни̑и г҃и бл҃.

Нач. Ширины̑ зем'лѧ и҆ кон'ци ѐѧ̀. ничто на҃м оуспѣю҃ въ страшьныи̑ дн҃ь соу҆да. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 30. Стр. 175).

---

1) Слово нѣ҃ написано на полѣ позднѣйшею рукою.

л. 37. Слово л҃а. Сло. ст҃го ї҆ѡ҆а҃на злаоустаго. како в'стати в'нощи молити: ⁘

Нач. Щитъ прїими ѡ҆ человѣче рек'ше ст҃ыѧ мл҃твы. ѡ҆градисѧ и҆ми. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 31. Стр. 175. Ср. ред. 1-й сл. 45).

л. 38 об. Слово 32. Сло҃. Ст҃го нифон'та. ѡ҆ искоушенїи бж҃їи: ⁘

Нач. Сего ра҃ бра҃е послоушае҃ бг҃ъ оукоры прїимати и҆ скорби. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 32).

л. 39 об. Слово л҃г. Сло҃. ст҃го нифон'та. ѡ҆ роусальѧх. г҃и бл҃ви: ⁘

Нач. Йнога҃ бы҃ и҆доущю блаженомоу нифон'тоу въ црк҃вь ст҃ыѧ бц҃а на оутренюю. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 33. Стр. 175. Ред. 1, сл. 23. Стр. 14).

л. 40 об. Слово л҃д. Сло҃. и҆ѡ҆а҃на златаоуста҃. ѡ расмотренїи мл҃тни. г҃и бл҃ви ѡ҃: ⁘

Нач. Который оуспѣх е҃ съв'лещи и҆ного[1]). ѡ҆блещи же оубогаго сиротоу. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 34. Стр. 175—176).

л. 42. Слово л҃е. сло. и҆ѡ҆а҃на златаоустаго. о вероущих многаѧ и҆мѣнїа: ⁘

Нач. Нынѣ оубо братие҃ времѧ е҃. въз'гласити к'вамъ прр҃чкое҃ слово. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 35. Стр. 176).

л. 43. Слово л҃ѕ. сло҃. ст҃го велика҃ васильѧ. г҃и бл҃ви ѡ҆ч҃е ⁘

Нач. Йже в вѣрѣ соуть христїаньстѣи. всѧкомоу чл҃коу даеть ѿ бг҃а агг҃лъ на съхраненїе. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 36. Стр. 176).

л. 44. Слово л҃з. сло҃. и҆ѡ҆а҃на златаоу҃таго. о крѣпости: ⁘ (Чит. о кротости).

Нач. Гь ре҃ лоуч'ше е҃ и҆скати крѣпости. (чит: кротости)[2]) нежели мдр҃ти. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 37. Стр. 176. Ср. 1-й ред. сл. 33. Стр. 16).

---

1) Надъ словомъ: иного — скорописью надписано: со ѡного а.

2) Въ дальнѣйшемъ изложеніи и въ этомъ текстѣ появляется слово кротость, а не крѣпость.

л. 45. Слово л҃и. Сло҃. ѡ҆ патерика. ꙗ҆ко не достоѝ ѝт'ти єг҃а пою҃. г҃и бл҃ви ѡ҆че: ⁘

Нач. Ѝже древ'ле бы҃ сѐ повѣданїю на҃м. нѣкто҃ ѿ вѣрныи҃х бѣ моу҃жь єтеръ бг҃обоѧзнивъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 38. Стр. 176).

л. 46 об. Слово (л)д҃[1]). Сло҃. і҆ѡ҆а҃на зла҃оуста҃. како ѡ҆ставл'ѧти дѣло ѝтти къ црк҃ви: ~

Нач. Ѝ ѡ҆ семь оу҆бо дроу҆зи ѝ бра҃ѧ гл҃ю вы. азъ бо дн҃ь ѿ дн҃и болѣ надѣѧх'сѧ събирати лю҃ въ црк҃вь. на послоу҆шаниє бж҃твеныи҃х слове҃. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 39. Стр. 177).

л. 47 об. Слово 40. сидорово посланиє къ євсевню єппо҃у. г҃и бл҃ ⁘ ⁘

Нач. Зижеши ты҆ црк҃вь в' пилоу҆сїи. ꙗкоже подаю҃. хитростьми оубо оукрашеноу҆. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 40. Стр. 177).

л. 48 об. Слово м҃а. Сло҃. и҆ѡ҆а҃на зла҃оуста҃. ꙗ҆ко не по҃баєть престати оу҆чаще. г҃и бл҃ви: ⁘

Нач. Молю вы҆ оубо прїидѣте нн҃ѣ. ѝ слышите възл'юбленїи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 41. Стр. 177).

л. 49 об. Слово м҃в. пъоу҆чениє (sic) ст҃го і҆ѡ҆а҃на златаоуста҃. г҃и бл҃ви: ~

Нач. Възлюбими (sic) дроу҆зи ѝ братїа. свои҆ длъгъ ѿдаю҃. ѝ частымъ оу҆ч҃ниє҃м надѣѧ҃сѧ оусѣкноу҆ти оустремлениє пїаньственоє. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 42. Стр. 177).

л. 50 об. Слово м҃г. сло҃. ст҃го афана҃сѧ. (о)[2]) раз'личьи҆ спс҃енїа: ⁘

Нач. Реченїю бо бы҃ сице. бъ҃ свѣдыи҆ немощь рода нашего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 43. Стр. 177. Ред. 1-я, сл. 46. Стр. 19).

л. 52. Слово м҃д. Сло҃. ст҃го афанасиѧ о мл҃тни. г҃и бл҃ви ѿ.

Нач. А҆ се же вѣдати на҃м потребно є҃. ꙗко бг҃тво на҃м далъ є҃ бг҃ъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 44. Стр. 177).

л. 53. Слово 45. сло҃. и҆ѡ҆а҃на златаоу҃таго. о҆ гл҃щихъ въ црк҃ви. г҃и бл҃ви ѡ҆ч҃е.

---

1) Буква л обрѣзана при переплетѣ.

2) Писецъ забылъ написать киноварную букву.

Нач. Гл҃ю вы възлюбленїи. известоу́ю волю бж҃ію. юже сътвор'ше сп҃сени боудете. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 41. Стр. 177. Ср. 1-й ред. сл. 51. Стр. 20).

л. 54. Слово 46. Сло҃. ӥωана златаѹ҆ста. ꙗко не подобаѥ вѣрꙑ ꙗти ωклеветающим: ⁘ гн҃и бл҃ви ω.

Нач. Добро оубо ѥ҃ възлюб'ленїи надѣꙗти на га҃. нежели надѣꙗти на кнѧ҃ѧ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 46. Стр. 177—178).

л. 55. Слово мз҃. прит'ча. о трех дроузѣ.

Нач. Чл҃къ нѣкый имаше три дроугый. двою же люблаше и чташе. а на треем небрежениѥ имаше вел'ми. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 47. Стр. 178).

л. 56 об. Слово мн҃. поучениѥ лѣнивымъ. иже не дають. похвала дѣлателем ст҃го василья. гн҃и бл҃: ⁘

Нач. Иже вы гл҃ю братиѥ слышите. не хотѣв'шю бо ми ω сих к вамъ гл҃ати. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 48. Стр. 178).

л. 57 об. Слово мѳ҃. сло҃. ст҃го василья. к лѣнивымъ: ⁘

Нач. Любими ω семь павелъ ап҃лъ известоуѥ. ег҃а на дѣло порознаго возведемъ. полза намъ многа будеть ω бг҃а. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 49. Стр. 178).

л. 58 об. Слово н҃. сло҃. їωана златаоустаго. ω добрых женах.

Нач. Оуслышите жены заповѣди бж҃їа. и наоучитѥ въ мол'чаньи повиноватї моужем своим. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 50. Стр. 178. Ср. ред. 2-й сл. 52. Стр. 20).

л. 59 об. Слово на҃. сло҃. ӥωана златаоустаго. о добрый. и ω злых женах. гн҃и бл҃в: ⁘

Нач. В посланїи к рим'лѧнωм. ап҃лъ павелъ мѣнить. многи добрыѧ жены с похвалою гл҃ѧ. (Яковлевъ. Ред. 1-я, сл. 51. Стр. 178).

л. 61. Слово нв҃. Сло҃. ӥωана златаоуста. ω злы женах: ⁘

Нач. Ѥсть лоуче в' поустыни съ звѣр'ми жити. неже съ злою женою. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 52. Стр. 178. Ср. Ред. 1-й сл. 52. Стр. 20).

л. 62 об. Слово нг҃. Сло҃. о҃ пр҃ичи ω наказаньи дѣтеи к родителем: ⁘

Нач. Чади в'немлите извѣсто ѿ глемыи. кажите (поправлено: накажите) замлада дѣти своа. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 53. Стр. 178).

л. 64. Слово ꙗ҃д. Сло. Стго иωана злаоустаго. како имѣти челадь. гн блви: ⁘

Нач. Аще же кто ѿ ва рабы имать и рабынѧ. да наоучить ѧ и поудить на крщение и на покаꙗние. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 54. Ср. ред. 1-й сл. 58, спр. 20).

л. 65 Слово не. Сло стыи ѡць какѡ дѣтем чтити родите: ⁘

Нач. Послоушаите браѐ и сестры заповѣди гнѧ. юж к законникоу чѐ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 55. Стр. 179).

л. 65 об. Слово нѕ. Сло. стго иωана златаоустаго.. како чти (л. 66) ти през'витера: ⁘

Нач. Оувидите колико иерѣиска власть. и чть крщнем (sic; чит: крщньѐмъ) и покаꙗнием. и причастиѐмъ поновлѧю вѣр'ныѧ. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 55. Стр. 179).

л. 66 об. Слово нз. Сло. стыих ѡць. о женит'вѣ. и ѿ любодѣꙗи: ⁘

Нач. Чювьствие разоумьно. и оум'ныѧ слоухи ѿверз'ше. приидите оубо слышите ꙗсно вси иже на ползоу есть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 57. Стр. 179).

л. 68. Слово ни. сло. стго иωана злаоустаго. о терпѣньи блгохвалении а. да немного плачемъ оумерших. гн блви ѿ: ⁘

Нач. Прно имѣите к'памяти днь смртныи. многи бо вчера с нами быв'ша члвы. ннѣ же нѣ и с нами. (Яковлевъ. Ред. 2-я, сл. 58. Стр. 179).

л. 74. Слово 59. сло. стго иωана злаоуста. о хртиꙗнствѣ: ⁘

Нач. Послоушаите из'вѣсът'но (sic). мнози оубо толико слытиемь християнѣ. а по житью еллини. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 59. Стр. 179).

л. 76 об. Слово ѯ҃. Сло. ѿ еуали а. ѿ лоу. о бгатомъ лазари[1]).

---

1) Здѣсь сдѣлана поправка, повидимому, позднѣйшею рукою: о бгатомъ ꙗшлазари.

Нач. Иже ѿ богатѣмъ. и лазарева притча вѣми на ползоу є оубогыи и бгатымъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 60. Стр. 180).

л. 78. Слово 61. Сло о нѣкоем б'лоуницы. иже млтню творяше. а блоуда ся не ѿста. гн блви ѿ: ⁘

Нач. Таковоє ѿ семь сказає. в лѣта леѡна цря. бѣ моу славе (л. 78 об.) в' костянтинѣ гра и бгтъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 61. Стр. 180).

л. 79. Слово ѯв. Сло. іѡана златаоустаго. како оучнія слоушати: ⁘

Нач. Азъ бо по вся дни възлюбленіи оучниє творю вы. да бысте добродѣтел'но пожили. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 62).

л. 80. Слово ѯг. пооученіє стго ѡца иѡана златаоустаго.

Нач. Аще кто блгчтивъ и бголюбивъ. пріидите и слышите. да насладите дхов'наго пооученія сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 63. Стр. 180).

л. 81. Слово ѯд. пооученіє стго иѡана злаоу. о млтни :·

Нач. Якоже в садѣх виноугра раз'личніи плодове сѹть. тако въ црквах стыих оучнія многа соу и оучтли мнози. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 64. Стр. 180).

л. 82. Слово ѯе. поученіє стго ѡца кирила архиеппа: ⁘

Нач. Дховноє оубо сѣмя в'ваших дшахъ. оуже и первоє и второє в'сѣя есмь. (Яковлевъ, 2 ред., сл. 65. Стр. 180).

л. 83. Слово ѯѕ. Сло. стго иѡана златаоустаго. къ вѣр'ный :· гн блви ѿ :·

Нач. Азъ любимїи свои длъгъ на всякъ днь ѿдаю. оучниєм волю бжию извѣстоую вы. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 66. Стр. 180).

л. 84. Слово ѯз. сло. стго иѡана злаоустаго. о крѣпости. и ѡ разоумѣ. гдѣ же є въ члцѣ: ⁘

Нач. Се оубо азъ възлюб'лені и. часто оучниє творя. надѣя въз'бранити піаньства наоукъ злыи. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 67. Ст2. 180—181).

л. 85. Слово ѯи. сло. иѡана златаоута. о твари бги. и ѡ кон'чинѣ смртьнѣи. и ѡ покаанїи: ⁘

Нач. Премдртью своєю бгъ всю тварь сътвори. ѿ невыть в' бытиє. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 68. Стр. 181).

л. 86. Слово 69. Сло. стго іѡана златоустаго. о матни.

Нач. Аще бес печали чл҃че желаєши быти. тъ оуклони матежь мирьскиⁱ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 69).

л. 87. Слово о҃. Сло. стго іѡана златоуста. да не излишє по младенцеⁱ плачеⁱ: ⁘

Нач. Се ѡбаче мыслиши младенца оумирающа зря. семоу было быти наслѣдника моемоу имѣнию. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 181).

л. 88. Слово оа. Сло. стго іѡана златоустаго. ѿ не в'стающиⁱ на оутреню: ⁘

Нач. Иже в'лѣности кто въ житіи семь пребываѥ. тъи не спитьса. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 71. Стр. 181).

л. 89. Слово ов. поучениє к' вѣр'нымⁱ. іѡана златаоу: ⁘

Нач. Ширины зем'льскаа и долгота. и мора и рѣки и источ'ници. и вса велѣнию бжїю повиноуюса. (Яковлевъ. Ред. 2, см. 72).

л. 90 об. Слово ог. сло. стго іѡанна златаоустаго. почто бгъ ѡставилъ напасти и скор'би. стымⁱ пріимати: ⁘

Нач. Все[1]) намъ извѣстно ѥ братиє. многи бо попоустилъ бгъ пріимати скрти оугод'никѡⁱ своимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 181).

л. 91 об. Слово 74. сло. стго іѡанна златоуста. о в'падающиⁱ в' печали и в бѣ: ⁘

Нач. Се же да вѣсте ꙗко частыа печали любима бгу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 74. Стр. 182).

л. 92 об. Слово ое. Сло. стго іѡана златоустаго. єже не ѿчаатиса в' бѣдѣ своеи. но длъготерпѣниемъ полоучити ѿ ба мать и вса блгаа: ⁘

Нач. Ꙗко аще кто добро твора в бѣдоу впадѥ. или болѣзни люты. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 75. Стр. 181).

---

1) Писецъ ошибочно написавъ киноварную букву Е вм. И. Чит. И сл. Ср. Измар. Импер. Публ. Б-ки F. I, № 209, л. 90, сл. 74. См. Яковлевъ, стр. 181.

л. 93 об. Слово о҃з. сло҃. ст҃ыи҃х ѿц҃ь ѿ льсти мира сего: ⁘

Нач. И҆ аще кто҃ ѿ чл҃къ славы҃ сеѧ желае҃ временныѧ҃. тъ не може҃. славыи бж҃їа разоу҃мѣти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 76. Стр. 181).

л. 95. Слово о҃з. сло҃. ст҃ыи҃х ѿц҃ь ѿ покаа҃нїи. г҃и бл҃ви ѿ: ⁘

Нач. Гл҃ть писание҃. нѣци многажы҃ и҆ кающе҃ ѿ грѣсе҃х. и҆ паки таѧ҃ творѧ҃. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 77. Стр. 181).

л. 96. Слово о҃и. сло҃. ст҃ыи҃х ѿц҃ь ѿ завѣщанїи покаа҃нїѧ ⁘

Нач. Любимїи слы҃шите аще въ грѣсѣ҃х ѿстарѣл'сѧ чл҃къ. положи҃ завѣтъ свои҃ к бо҃у. молѧсѧ гл҃ѧ съ возы҃хание҃м. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 78. Стр. 181).

л. 97. Слово о҃д. Сло҃. ст҃ыи҃х ѿц҃ь ѿ покаа҃нїи. г҃и бл҃ви ѿ.

Нач. А҆ще оубо скота не презримъ в' калоу҃ грѧзуща. тъ вси простираемъ роу҃цѣ и҆з'влещи хотѧще. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 79. Стр. 181).

л. 98. Слово п҃. въспро҃ антиѡха. ѿвѣты҃ ст҃го епифанїа. г҃и бл҃ви ѿч҃е: ⁘

Нач. Гь҃ бг҃ъ что҃ дѣлѧ попоу҃стилъ е҃ воевати дїавѡла на чл҃кы: — ѡвѣ҃. да любѧщїи бг҃а проѧвѧть҃. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 80. Стр. 181. Ср. ред. 1-й сл. 67, стр. 24).

л. 100. Слово п҃а. Сло҃. ст҃го і҆ѡа҃на златаоустаго. ѿ оумирающи҃х в'незапоу҃. и҆ оутопающи҃х:

Нач. Оубо что҃ хощемь гл҃ти ѿ оумирающи҃х в'незапоу. и҆ли з брега летѣв'ши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 81. Стр. 181—182).

л. 101. Слово п҃в. Бл҃жнаго е҃всѣвиѧ архиеп҃па. г҃и бл҃ви: ⁘

Нач. Лѣтѣ въ единъ ѿ дн҃и чл҃къ превозѧсѧ рѣкоу҃ оутопе. да ѿвїи гл҃хоу҃ по дѣломъ въспрїа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 82, стр. 193).

л. 102. Слово п҃г. Сло҃. ст҃го ѿц҃а. диѡнисьѧ. ѿ желѣющи҃х. ьи҃ бл҃ви ѿче: ⁘

Нач. И҆ногда къ ст҃моу диѡнисию҃ мнози прїидоша х҃толюбци. хотѧще ѿ (л. 102 об.) него[1]) дивныи҃м оучение҃мъ оутѣшити҃. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 83. Ср. 1-й ред. сл. 13).

---

1) Здѣсь въ рукописи на л. 102 об. вытерты ошибочно написанныя слова на первой строкѣ и въ началѣ второй и вытертое мѣсто оставлено бѣлымъ.

л. 104. Слово п҃д. Сло҃. ст҃ыи҃х ѿц҃ь ѿ соблаз'нѣ бѣсовьст҃и :· (sic: въ концѣ строки).

Нач. Се како бѣси възмогаю҃ на ны҃. слы҃шите воль' бо наши҃х злы҃и҃х дѣлѧ погибаемъ зл҃ѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 84. Стр. 183).

л. 105. Слово 85. Сло҃. ст҃го е҆фрѣма ѿ покаа҃н'и. г҃и бл҃: ÷

Нач. И҆же въ пл҃три слышимъ бра҃е блаженаго дв҃да глю҃ща. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 85. Стр. 183. Ред. 1, сл. 36. Стр. 17).

л. 106 об. Слово п҃ѕ. Сло҃. ст҃го и҆ѡа҃нн҃а златаоустаго. како по҃бно въ цр҃квь с вѣрою҃ приходити.

Нач. Цр҃кви н҃бо е҃ любимїи. и҆ что си҃х вѧщи страшьнѣе. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 86. Стр. 183).

л. 107 об. Слово п҃з. Сло҃. ст҃го и҆ѡ҃н҃а златаоустаго къ вдов'цемь. и҆ ко вдовамъ. г҃и бл҃ви ѿ: ÷

Нач. (л. 108)[1]) А҆ще же сеѧ заповѣди слышите вси҃. па҃ бо тѣ҃ моу҃ж и҆ женъ се слово е҃. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 87. Стр. 183).

л. 109. Слово п҃и. Сло҃. ст҃го и҆ѡа҃н҃а златаоустагѡ. ѿ чтотѣ дш҃евьнѣи҃. г҃и бл҃ви ѿ: ÷

Нач. Мы҃ оубо да навы҃кнемъ. что е҃ и҆же чл҃ка скверьнить. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 88. Стр. 183. Ред. 1, сл. 41. Стр. 18).

Послѣ л. 109 об. слѣдуетъ читать л. 120 и т. д.

л. 120 об. Слово п҃д. сло҃. ст҃го е҆фрѣма. ѿ мѧтежи житиѧ сего. г҃и бл҃ви ѿ: ÷

Нач. Оу҃же наводить ны҃ времѧ на дѣло вѣч'наго живота. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 89. Стр. 183).

л. 121 об. Слово ч҃. сло҃. ст҃го и҆ѡа҃н҃на златаоу҃стаго. ѿ приѧтїи тѣла. и҆ (л. 122) крови г҃ни: ÷

Нач. Любими слы҃шите сего р҃а вл҃ка г҃ь нашь и҆с҃ъ. х҃ъ. в' нашю плоть ѿблечесѧ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 90. Стр. 183—184. Ср. ред. 1-й гл. 35. Стр. 17).

л. 124 об. Слово ч҃а. Сло҃. ст҃го и҆ѡа҃на зла҃оустаго. ѿ казне҃х бж҃їи҃х на ны҃и: ÷

---

1) Въ началѣ столбца двѣ строки вытерты.

Нач. **Ꙗко же мл҃рїи врачеве. не ѡжидаю да к нимъ болнїи придоуть. егл҃ в недоузѣ слежать. но приходѧще сами врачюю.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 91. Стр. 184).

л. 127. Слово чв҃. **сло҃. ст҃го иѡан҃а злаоу҃стаго. како** (л. 127 об.) **попомъ оучити лю҃:**

Нач. **Ꙗко аще не послоушаю оучими. нъ мы не престанем оучаще.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 92. Стр. 184).

л. 128 об. Слово чг҃. **Сло҃. ст҃го генада патрїар'ха црⷭ҇ гра҃:**

Нач. **Готовите бра҃е на исхо҃ дѣла добрая. с ними же ѿидемъ свѣта сего.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 93. Стр. 184).

Послѣ листа 129 об. слѣдуетъ читать л. 110 и т. д.

л. 110. Сл. чд҃ (д обрѣзано). **Сло҃. ст҃го сщ҃еного мч҃нка. пан'кратїа:**

Нач. **Оуслышите бра҃е извѣсто. ꙗко ѡбѣднѣи трапезѣ двѣ матеы еста.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 94. Стр. 184).

л. 111 об. Слово че҃. **агг҃лѡвоу повѣсть. наказоуе҃ стыи василеи. гн҃ блв҃и ѡч҃е:**

Нач. **Се слышите ѿ га҃ слово. агг҃лъ сказа҃е вѣр'нымъ и страха бж҃їа не имоу.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 95. Стр. 184. Ср. ред. 1-й сл. 7. Стр. 11).

л. 113. Слово чѕ. **Сло҃. ст҃го симеѡна. еп҃па. месопотомьскаго** (sic). **како бо҃ати смр҃ти. гн҃ блв҃и ѡ:**

Нач. **Послоушайте братье. какъ** (sic) **страхъ и бѣдоу прїати имать дш҃а. к ча҃ исхода иже ѿ сего житїа.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 96. Стр. 184—185).

л. 115. Слово чз҃. **Сло҃. о погребаемыих въ црк҃вах. гн҃ блв҃и:**

Нач. **Оужасно чю҃ памяті достойно. повѣда иѡаннъ рим'лянъ.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 97. Стр. 185).

л. 116. Слово чи҃. **Сло҃. ѡ кладоущихся въ црк҃вах. гн҃ блв҃и:**

Нач. **Да слышите еще ѡ погребаемыих въ црк҃вах. валеньтиѡнъ соу҃ м'здоимець лютъ оумре.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 98. Стр. 185).

л. 117. Слово чд҃. **сло҃. сведено прит'чею. ѡ съставѣ тѣла чл҃ча. гн҃ блв҃и ѡ:**

Нач. Иже писаниє рє. что є егда ѡпоустѣє зем'лѧ и црь изнеможеть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 99. Стр. 185).

л. 117 об. Слово 100. сло. стго иѡана злаоустаго. како въ црквь приходи с вѣрою. ги блви ѡ: ÷

Нач. Идѣже бо рє хс два (л. 118) или три съвокоупьлени во имѧ моє. ту єсмь посреди их. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 100).

л. 119 об. Слово ра. Сло. стго иѡана злаоустаго. в'падающих в бѣды. ги блви ѡ.

Нач. Яко сіи же хотѧть во ѡгнь въз'гнѣтити преже дымъ подъим'ше слезѧть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 101. Стр. 185).

Послѣ л. 119 об. слѣдуетъ читать л. 130 и т. д.

л. 130. Сл. 102. Сло. ѡ старци иже млтвою дожь с небеси сведе: ÷

Нач. Бы нѣкога в моурьстѣи ѡбласти бездождиє велико. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 102. Стр. 185).

л. 131 об. Слово 103. Сло. Стго григориѧ двоєслов'ца. ги блв: ÷

Нач. Бѣ нѣкаѧ жена матрона именемь. и недав'но бѣ снъ єѧ невѣстоу понѧлъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 103, стр. 185).

л. 132. Слово 104. пооучениє стго василіа. ги блви ѡ.

Нач. Наоучисѧ вѣрныи члче. быти блго(л. 132 об.)чтию дѣлатель. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 104. Стр. 186).

л. 133 об. Слово 105. пооучениє стго иѡа златаоустаго. на памѧ стыих аплъ: ÷

Нач. Помыслите оубо и разоумѣйте какова боудє слава и чть принѧти оугожешимъ бгоу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 105. Стр. 186).

л. 135. Слово рѕ. Сло. прпбнаго лариѡна ѡ житіи семь: ÷

Нач. Хоудо и маловременоє житіа сего наслажєніє скоро погибающіа. слава меч'танаго свѣта сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 106. Стр. 186).

л. 136 об. Слово рз. Сло. стго василіа кесаріискаго. ѡ стѣмь постѣ: ÷

Нач. Въстроубите рє в' новомѣсѧч'ную троубоу. въ на-

рочитыи днь празника вашего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 107. Стр. 186).

л. 138. Слово ри. Сло. стго нифонта ѿ братемь скоупе[х]: ⁘

Нач. Іногда стыи нифонътъ (sic) ходя. видѣ чловѣка. емоу же моляше множьство ници[х]. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 108. Стр. 186).

л. 139. Слово рд. Сло. ѿ немлтвыи[х] бгтыи[х]. гн бави: ⁘

Нач. Не глю оубо на бгатыя. иже подати[ми] добрѣ живоуть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 109. Стр. 186. Ср. ред. 1-й гл. 38 и 39. Стр. 18).

л. 140 об. Слово рі. Сло. ѿ еуалія. иже ѿ матфѣя: ⁘

Нач. Еже пррк рс. да ся исправить млтва моя. яко кадило пре тобою. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 110. Стр. 186).

л. 141 об. Слово 111. Сло. бжтвено ѿ бьлазимъ покаании: ⁘

Нач. Яко же подобае намъ братие и ѿци блюсти себе хитрѣ. да не погибнемь злѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 111. Стр. 186. Ср. Ред. 1-й сл. 73. Стр. 26).

л. 144. Слово 112. Сло. стыи[х] ѿць. ѿ житьи члчьстѣмь: ⁘

Нач. Рок'лъ ли хощемь рещи житие члче. велико во всѣми имемо. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 112. Стр. 186).

л. 145. Слово рг. Сло. о глщи[х] яко злѣ оумирающи не бжінмь повелѣние: ⁘

Нач. Оубо нелѣпо несъмысленыи[х]. послоушати глщь. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 113. Стр. 187).

л. 146 об. Слово рі. сло. стго ѿца григоріа. ѿ пер'воздан-нѣмь. гн блгви ѿ: ⁘

Нач. Създа бгъ преже адама ѿ земля. и ѿ ребра его женоу емоу създа. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 114. Стр. 187).

л. 147 об. Слово рі. [С]ло. [С]тго[1]) иѡана златаоустаго. ѿ стѣмь постѣ: ⁘

Нач. [П][1])очто соу мнози глще. не требѣ пи". и въ чтотѣ

1) Писецъ забылъ написать киноварью поставленныя въ скобкахъ буквы. Въ послѣдствіи другой писецъ вставилъ ихъ черными чернилами.

живоущимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 115. Ср. ред. 1-й сл. 32. Стр. 16).

л. 149. Сл. рѕі. Сло҃. ст҃го иѡ҃а златоустаго. ѡ пощеньи: ⁘

Нач. Иже кто бг҃олюбивъ и вѣренъ. пріидѣте и слышите сказание ѡ постѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 116. Ср. ред. 1-й сл. 32. Стр. 16).

л. 150. Слово рзі. Сло҃. ст҃го иѡана златаоустаго. ѡ ст҃ѣмь постѣ: ⁘

Нач. Оуже ѡ постѣ истин'ноу сказаемоу. да оувѣсте вси. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 117. Стр. 187. Ср. ред. 1-й сл. 31. Стр. 16).

л. 151 об. Слово рпі. Сло҃. о видѣнии. пав'ла апл҃а: ⁘

Нач. Тако гь҃ прр҃комъ гл҃тъ. доколѣ съгрѣшаете. и прилагаете грѣхи на грѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 118. Стр. 187).

л. 153. Слово рді. Сло҃. ст҃го кирила. ѡ страсѣ бж҃іи: ⁘

Нач. Всегда любимии брае и сестрии. имѣе страх бж҃іи прѣ ѡчима своима. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 119. Стр. 188).

л. 154. Сл. рк. Сло҃. ст҃го пахомия. ѡ сpедѣ. и ѡ пят'цѣ: ⁘

Нач. Иже потаи врагъ тайноу. давы намъ спс҃енія не прііматі. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 120. Стр. 188).

л. 155 об. Слово рка. Сло҃. ст҃ыих ѡц҃ь. како хрт҃іанѡм жити: ⁘

Нач. Брае и сестрии слышите оучнія ст҃ая. соуть во въ хрт҃ияне нѣции. иже имя ток'мо хрт҃іанскѡ дръжать. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 121. Стр. 188. Ср. ред. 1-й сл. 57. Стр. 22).

л. 158. Слово ркв. Сло. о страсѣ бж҃іи. и ѡ покаяніи: ⁘

Нач. Любими паоулова слад'каго оучнія послоушающе. распространите срц҃а и оуши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 122. Стр. 188).

л. 159 об. Слово ркг. Сло҃. ст҃ыих ѡц҃ь како дх҃внѣ празнова: ⁘

Нач. Иже кто вѣренъ и благочтивъ. лѣпо ны є бж҃твеныя празники имѣти в' чистотѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 123. Стр. 188).

л. 161. Слово рк҃д. Сло҃. ст҃го и҆ѡ҆а҃на з҃лаоустаго. ѡ҆ велицѣмь постѣ. и҆ ѡ҆ ап҃льскыи҃: ⁘

Нач. Чл҃ци вѣрнїи ѡ҆ постѣ сказаниѧ слышите. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 124. Стр. 188—189).

л. 162 об. Сл. рк҃е. Сло҃. ст҃ыи҃х ап҃лъ. ѡ҆ велицѣмь постѣ. и҆ ѡ҆ петровѣ. и҆ ѡ҆ филиповѣ. г҃и бл҃ви ѡ҃: ⁘

Нач. Иже вѣрнїи соуть. слышите братиѥ и҆ сестрыи. и҆ вси стар'ци и҆ оуни҆и. писаньѧ ѡ҆ постѣ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 125. Стр. 189).

л. 166 об. Слово [р҃к]ѕ[1]). сло҃. ст҃ыи҃х ѡ҆ц҃ь. како хр҃тїанѡмъ жити: ⁘

Нач. Нынѣ любимїи оуч҃ние сѐ слышите. и҆мѣите же пръвиѥ сѐ бж҃ии стра҃ въ ср҃ци своемь. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 126. Стр. 189).

л. 170. Слово рк҃[з][2]). пав'ла ап҃ла заповѣ҃: ⁘

Нач. Иже въз'держиши ѡ҆ жено: несъвокоупьлѧющесѧ с моужемъ своимъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 127. Стр. 189).

л. 175 об. Слово рк҃и. сло҃ бл҃жена҃ ѥвсѣвьѧ. и҆же ба҃ хвалити болѧщемꙋ. и҆ ѻ҆ и҆ѥвѣ бл҃ви ѡ҃:

Нач. Оузрѣвъ ѥди́нъ ѿ дн҃и цр҃ь а҆лексан҃ръ. нѣкоѥго бо҃на чл҃ка лежаща и҆ пришѐ к' немоу. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 128. Стр. 189. Ред. 1-й сл. 11. Стр. 12).

л. 179. Слово рк҃д. Сло ст҃го ѡ҆ц҃а кѵрила ѡ҆ и҆схо́дѣ дш҃и. и҆ ѡ҆ двадесѧти мытарствъ.

Нач. Сеѩ҃ таи́ны не свѣдѧ҃ мнози. сїю намъ кѵрилъ филосѡ҃ повѣда. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 129. Стр. 189. Ред. 1-й сл. 12. Стр. 13).

л. 183 об. Слово [р҃]л.[3]) пооуч҃ѥ кр҃тьа҆нѡ́мь. ї҆ѡа҃ златаоу҆стаго.

Нач. Оу҆зриши а҆ще кого живоуща в' заповѣде҃х г҃ни҃х. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 130. Стр. 189).

---

1) Буквы рк заклеены.

2) Буква з оборвана.

3) Буква р при переплетѣ обрѣзана.

л. 184 об. Слово рла. Сло҃. стых ѿць. о тазиѿтѣ ⁘ (л. 185).

Нач. **Иже в картанїи бы в лѣта патрикїа никиты. тазиѿ нѣкто въ преторїи. и бѣ многъ же бѣаше на люд мѡръ.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 131. Стр. 189—190).

л. 186 об. Слово рлв. сло҃. їѡа злаоуста о слѣпци. ємоуж ѿверзе х҃с въ єрихонъ градѣ.

Нач. **Мы оубо вѣрнїи да слышим сказанїе ѿ єуглья. юже злаословесны на спнїе нам сказаєть.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 132. Стр. 190).

л. 188. Слово рлг. Сло стых ѡць о временнѣм жтїи.

Нач. **Иже подобаєть нам браꙇ вкраꙇцѣ сем житьи творити прїидѣте и слышите.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 133. Стр. 190).

л. 189. Слово рл. Слѡ о нѣкꙋ двꙋ съсѣдꙋ швцю.

Нач. **Послоушайте о сем. бѣста два соусѣда шевца въкоупѣ живоуща.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 134. Стр. 190).

л. 190 об. Слово рлє. слѡ о правдѣ. и ѡ неправдѣ.

Нач. **Оубо првѣє бы права бгѡм сотворена въ человѣцех.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 135. Стр. 190).

л. 191 об. Слово рлѕ. сло о покаанїи грѣшьных гн бкви ѿ.

Нач. **Како видѣ сїю вещь. побѣда блженыи просты пауд. ꙋчнкъ ѡца антонья.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 136. Стр. 190).

л. 193. Слово рлз. слѡ стго ѿца наше. єфрѣма. ѡ вторѡм пришествїи бжїи.

Нач. **И єга жна члкѡм лѣта рєннаа скончаютъ. прїити има гь с нбє.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 137. Стр. 190. Ср. ред. 1-й сл. 30. Стр. 16).

л. 201 об. Слово ри. сло ѡ нєли блженаго євсѣвья.

Нач. **Нєли соущи и по оутренїи сѣдмицꙋ євсевью блженомоу єппꙋ. пришо** (sic) **црь александръ въспроси гла.** (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 138. Стр. 190).

л. 205 об. Слово 139. ѡ нли іакова брата гнѧ. єппа ієрлимьскаго.

Нач. **Хс бгъ почи ѿ дѣлъ своихъ в сємый днь. въ прьвыи**

дн҃ь созда бг҃ъ свѣтъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 139. Стр. 190. Ред. 1-й сл. 49. Стр. 20).

л. 208 об. Слово р҃м. слѡ ꙇѡа. ѕлаꙋстаго поꙋченїе дш҃еполезно.

Нач. Йже дѣла злаж. погибающаго житья сего възненавидӣ тъ спсеть дшю свою. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 140. Стр. 191).

л. 210. Слово р҃ма. сло ишва ѕлатаоустаго. еже не ѿчаятися свн҃а :·

Нач. Сего жт҃а матежь расмотрите ѿ чаци. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 141. Стр. 191).

л. 211 об. Слово р҃мв. Сло стг҃о ефрѣма о кон'чинѣ мира сего :·

Нач. Тѣмь бойте брае грозы и страха соуда бїа. вънезапоу бо дн҃ь той найдеть страшны. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 142. Стр. 191).

л. 213. Слово р҃мг. сло іѡа ѕлаоустаго в нем же причю сказѹе чемѹ подобно жїе се настоящее. и како в нем л'стимся.

Нач. Вся оубѡ възлюбленїи свѣта сего. в'скѡрѣ преминоуютъ, того дѣля добро е прем смрти комоуждо готовити. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 143. Стр. 191. Ср. ред. 1-й сл. 68. Стр. 25).

л. 217. Слово р҃мд. Сло. о татибѣм слѣпцѣ.

Нач. Бѣ нѣкы слѣпець. въсточнѣй странѣ. въ мѣстѣ рекомѡм. навлѡ. иже нравѡм злым обят. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 144. Стр. 191).

л. 217 об. Слово р҃ме. Слѡ. сказанїе стг҃о афонаа (sic) архиеп҃па александрийскаго. антиѡхѹ князю въпросившю.

Нач. Ѿкоуджь в' срци чакоу бываю помысли. и словеса хѹна и непобна. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 145. Стр. 191).

л. 219 об. Слово р҃мѕ. поучение. іѡа. ѕлаоустаго. на памя апла и мчнка.

Нач. Да есте вѣдоуще брае и сестрый яко в сий дн҃ь на памя стг҃о. гмк. въ цркобь вси да снидете. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 146. Стр. 191).

л. 221. Слово рмз. об'щеє стыи пооученїе іѡа златаоустаго:

Нач. Брає прно жадаєть спнїа нашего хс бгъ нш҃ь. и всегда призыва (sic) ны не престаєть. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 147. Стр. 191—192).

л. 223. Слово рми. сло стго ефрѣма о казнѣх бжїихъ. и ѿ ратех.

Нач. Оудивимсѧ брає и почюдимсѧ чл҃колюбью. и млти бга нш҃ег како не хощет ни єдиного на смрти въ грѣсех. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 148. Стр. 192).

л. 224 об. Слово рмѳ. Сло. посланїе нѣкоєго ѿца къ снꙋ дховномꙋ:

Нач. Желаю любимиче спнїа твоєго. тѣмь блвнїе даю ти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 149. Стр. 192).

л. 225 об. Слово рн. пооученїе стых ѿць дшеполезно:

Нач. Аще вы извѣщю се любимии. понеж вижю выи приходѧща къ црк҃ви. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 150. Стр. 192).

л. 227. Слово рна. Сло о филиповѣ говѣнїи єже пре ржтвѡм хвым: ⁘

Нач. Брає се времѧ є възержанїа. оуставлены пѡ, стми нашими оучтли. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 151. Стр. 192).

л. 228 об. Слово рнв. пооученїе стго ѿца нашего василa великаго.

Нач. Оустраѧите любимии спнїе дшам своимь в малое се времѧ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 152. Стр. 192).

л. 229 об. Слово рнг. пооучеє стго ѿца нше генадїа. патрїарха црѧграда.

Нач. Желаю любимии се вы извѣстити. да бгоꙋгѡно пожив'ше спсетє. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 153. Стр. 193).

л. 230 об. Слово рн. Сло. стго афонаѧ алексанрьскаго єже не ѿсоужати.

Нач. Єже что оубо не подобаєть. или согрѣшающих ѿглти. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 154. Стр. 193).

л. 232. Слово рнє. Слѡ. іѡа злаустa еже не ѿсоужати. но оучити.

Нач. Мыслено да слышите. еже гь ре въ стмь еўлїи. не соуте да не ѡсоужени боу (на поле вынесено: те). (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 155. Стр. 193).

л. 233. Слово рпѕ. Сло ѻ черньци его беси хотѣли прелстити.

Нач. Оубѡ сѣдаше безмлъвствоуя бра, и хотѣхоу беси пре (л. 233 об.)лстити его. привидѣнїемь агглъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 156. Стр. 193).

л. 234. Слово рпз. Сло петра чернорисца. ѿ житьи семь:

Нач. І аще кто ѿ члкъ оукѡры и скорби. и бѣды приемле. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 157. Стр. 193).

л. 235. Слово рпи. Сло. ѻ нѣкое. игоумени.

Нач. Ѿбщемоу житїю начални и мы девести брай в манастыри свое. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 158. Стр. 193).

л. 236. Слово рпд. сло. ѻ нѣкое коупци бгобоязнивѣ:

Нач. Ѻ семь повѣда епспъ евсеви. бѣ коупець во алеѯандрїи бгобоязнивъ. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 159. Стр. 193).

л. 237 об. Слово рѯ. Слѡ ѿ пандока ѡ снѣхъ.

Нач. Ѻ снѣхъ антиѡх глеть. поне вѣроу нѣции ем'ше сномь. и вѣры ѿсташася. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 161 [1]). Стр. 194).

л. 239 об. Слово рѯа. прорчтво исаино сна амосова. иже прорчтвова с рыданїемь. ѡ послѣдни дне. провидѣ дхѡ сты хотящая быти на ны грѣ ра наши.

Нач. Ѿ члци слышите. тако глть гь. внемлите глы оустъ мои. и приклоните оуши ваши. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 162. Стр. 194).

л. 241. Слово рѯв. Сло ѻ исповѣданїи грѣхѡвъ къ ѡце довны.

Нач. Ѿцю етероу живоущю бли старца зинона. сего нѣкто ѻ помысле въспроси. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 163. Стр. 194).

л. 242. Слово рѯг. сло стго ѡца кирила ѡ нбны сила.

---

1) Указаннаго Яковлевымъ слова 160-го: «Слово св. отецъ о заповѣдехъ Господнихъ» въ описываемомъ Измарагдѣ не имѣется.

Нач. Ѡ небнаѧ въ выше благы чл҃колюбець бъ с'твори мира сего. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 164. Стр. 194).

л. 242 об. Слово ргз҃. Сло генадїа патрїарха цр҃граду. о чтоущихъ многыѧ книги:

Нач. Ѡ чл҃че что требоуеши многих иша книгъ. аще божсѧ ба и правдоу творѧ чтеши книги. и си ѡдины доволно ти на спнїе. (Яковлевъ. Ред. 2, сл. 165. Стр. 194. Ср. ред. 1-й сл. 40. Стр. 18).

л. 243 об. Слово рзе. Сказанїе симѡна еппа володимерскаго. о печерскых черньцех о тите попе и о евагрїи дїацѣ:

Нач. Се див'но и страшно чт, еже сам виде въ том стмь манастыри.

л. 244 об. Слово рзs. Сло. о златокоузнеци. иже млтвою сотвори. къ звигноути горе и воврещисѧ в нилъ рекоу :·

Нач. Въ алезандрїи. егупестѣи. бѣаше нѣкто златкоузнець (sic). славенъ sѣлѡ въ всемь градѣ том хытрости ра.

л. 246 об. Слово рзз. сло стго мниха палада. о вторѡм пришествїи и о страшнѡм соудѣ и ѡ боудоущой муцѣ и ѡ оумиленїи дши.

Нач. Нне исповѣжьсѧ дше. и нне оумилисѧ. и нне въсплачисѧ. . . . . л. 248: молисѧ гу и бу твоему. да тѧ избави страшна осоужения. и моучения вѣчна. Зачало: Егда оубо хотѧй прїити свти прѣный соудѧ. гь нашь іс хс и въздати комуждо по дѣлѡм его. . . . л. 262 об. (конч:) поюще всегда пѣ аггльскоую и сладкыѧ срца их въ' вѣкы бесконечныѧ; боуди и нам полоучити благъ вѣчных; ѡ хе ісе :·

л. 262. Слово 168. бговица мѡусеѧ прркa кни ѿ быа. книга первaa:

Нач. Създанъ бы праѿць роукою бжїею кртный носѧ ѡбраз.

л. 263. ѡ древе живоне и в раи извѣстно сло.

Нач. Мнозии ѡ древѣ живѿнѣмь. въспрѣнїе словеси впадоша.

л. 264. ѡ прекословїа смѣшенїа адамова со евгою :·

Глщеи же ꙗвно смѣшенїе адаму съ евгою бы. анафема да боуде. адамъ оубо поне в'него изити ему из раѧ. л. лѣ со-

твори плачасѧ. и тако пото^м бы со ев'вою. бгомер'ским' же фуга-гиато^м глщи^м. ꙗко сꙋпоста со еввою бы. и рцы кайна. прокл ти да бꙋдоу. и се истина быти мню 1).

Далѣе киноварною буквою начинается: Позна же ада^м женж свою и зача ра кайна.

л. 264 об. ѡ авелѣ. тогоже ·:·

Нач. По се^м же бы адамоу снъ. его^м именова авель.

л. 265. о ламехѣ.

Нач. Сь ламе^х ѿ чрева мтре своеѧ роднсѧ слѣпъ.

л. 265 об. ѡ кайновѣ смрти изыскано бы.

Нач. Стоужив же си каинъ ѿ многоболѣзненыѧ ѡноѧ жизни. иже стенѧти на земли и трѧстисѧ.

л. 266. о авели како погребено бы тѣло е.

Нач. Адам' же видѣвъ авелѧ ꙋбита. не вѣды обра^з смрти каковъ бѣ е.

л. 266 об. Слово 169. житїе и жи^знь прпбныѧ мтре нашїа (sic). еуфросинїи. рекомыѧ измарагъ.

Нач. Бы моу^ж во александрїи градѣ бгатъ зѣлѡ и чтнъ имене^м пафноу.

Затѣмъ на 2-мъ столбцѣ листа 271 слѣдуетъ послѣсловіе (см. выше).

На оборотѣ листа 271-го, полууставомъ, написано начало статьи:

слово ѡ прозвютерѣ въпадъшимъ въ прелюбодѣанїе. и прощенꙋ бывшю покаанїе ·:·

Нач. Прозвютеръ нѣкто въ костѧн'тинѣ градѣ, и ѿ дѣла дияволѧ впаде въ блꙋ.

Статья обрывается въ концѣ 2-го столбца на словахъ: аще бы^х моглъ свои^х грѣховъ сꙋдити и плакатисѧ; ѡ иже се слышавъ.

Этимъ заканчивается рукопись и далѣе прямо слѣдуетъ доска переплета.

---

1) Послѣднія слова: и се истина быти мню — написаны киноварью. На поляхъ рукописи отмѣчено: ѿ бы.

II.

Другой измарагдъ Императорской Публичной Библіотеки — F. I. № 209 — изъ собранія гр. Ѳ. Толстого — былъ описанъ Калайдовичемъ въ числѣ рукописей послѣдняго въ отд. I подъ № 214 и названъ въ описаніи «сборникомъ». Въ описаніи замѣчено, что рукопись написана полууставомъ XV вѣка, на 296 листахъ, что начало и конецъ утрачены, и что въ 7155 году (1647) она «принадлежала Серапіону, кажется, Митрополиту Сарскому и Подонскому». Затѣмъ въ описаніи перечислены заглавія статей въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ въ рукописи, безъ указанія началъ.

Описаніе это является крайне недостаточнымъ и не даетъ вѣрнаго представленія о рукописи. Въ этой рукописи не только не достаетъ начала и конца, но въ ней не достаетъ многихъ листовъ въ срединѣ, и кромѣ того при переплетѣ листы были сильно перепутаны. Вслѣдствіе этого въ описаніи отмѣчены нѣкоторыя статьи, отъ которыхъ въ рукописи сохранилось только начало, и не отмѣчены такія статьи, у которыхъ начало утрачено. Число листовъ, вслѣдствіе невѣрной первоначальной нумераціи, указано также неправильно: рукопись имѣетъ не 296, а 297 листовъ, согласно исправленной вверху листовъ нумераціи. Рукопись эта заслуживаетъ вниманія еще и потому, что написана въ два столбца чрезвычайно оригинальнымъ полууставомъ. Полуставъ крупный, прямой, совершенно не похожій на полуставъ рукописей XV и XVI вѣковъ. Въ почеркѣ замѣтно, какъ будто у писца дрожала рука. Особенно характерно широкое двойное ѡ (ѠѠ), напоминающее греческую омегу. Линіи, соединяющія оба столбика въ буквахъ *и* и *н*, вездѣ помѣщаются вверху буквы съ такимъ слабымъ наклономъ, что иногда эти буквы трудно различить. Буква ъ похожа на современное рукописное в (гъ); ь иногда похоже на з (ъ). Большинство листовъ подклеено синеватою бумагою, такъ какъ верхніе лѣвые углы многихъ

листовъ (у корешка переплета) были, вѣроятно вслѣдствіе ветхости, обрѣзаны, при чемъ на многихъ листахъ былъ срѣзанъ текстъ, иногда строкъ по 5—7.

На первыхъ четырехъ листахъ сохранился конецъ скорописной записи: всея ру и лѣта ҂зрпе гѡ пѡ повелѣнию велика гдна пресщнаго серапиѡна.

Начала рукописи не достаетъ. Утрачены первыя десять словъ измарагда. Рукопись начинается 11-мъ словомъ Іоанна Милостиваго о исходѣ души (F. I. № 225, л. 14 об.) со словъ:..... и по вся дни......[1]) вся часы мысля. щей къ страсѣ. ѡ томъ часѣ смртнѣмъ бывъ. носяше на память. стго ларивна слово. иже глше. егда преставитися хотяше. ѡ смиреная дше. п. лѣт работала еси хоу. и бойшися хотя аще изыти.

л. 1 об. Слово вї. сло. їѡа. злоустаго ѡ игра. и ѡ плясаи.

Нач. Земная вся Фвергъше. злая смышленія. приидите и оуслышимъ. дхвная (л. 2) [оучнія]. (F. I, № 225, сл. 12, л. 15).

л. 3. Слово гі. сло. стхъ ѡцъ. ѡ пьяньствѣ. блв.

Нач. Иже бы не пити пиноудь. того възбраняють вел'ми. стии бо ѡци не возбраниша намъ того. е пити и ясти в законъ. (F. I. № 225, сл. 13, л. 16 об.).

л. 4 об. Слово дї. сло. їѡа. злаустаго его же любить гь. того и казнить.

Нач. Аще кого видиши неправдива. и злоб'на члвка. во здравїи ѡбило (sic) живоуща. то не чюдися томѹ. (F. I, № 225, сл. 14, л. 18).

Слово обрывается на л. 4 об. словами: ты блгая в животѣ своемъ приятъ. противоу мало добродѣ

Затѣмъ между лл. 4 об. и 5 не достаетъ части рукописи. Но изъ этой утраченной части рукописи сохранился одинъ листъ — въ рукописи л. 146. На немъ сохранилось окончаніе слова 19

[1]) Точками, какъ и далѣе, обозначены слова, обрѣзанныя въ рукописи и заклеенныя бумагой.

(по F. I. № 225) «Іоанна златоустаго о судѣ». (Нач.: Оу҆же помы҆слите братіє. донелѣ живи есмѧ) со словъ: и҆ пороуганїе. а҆ вы и҆ чл҃вци несмыслении҆ не вѣсте ли. ꙗко въ грѣсехъ е҆смы зачалисѧ и т. д. до конца. А затѣмъ на томъ же л. 146 сохранилось начало слова 20-го (по F. I. № 225; сл. 21 — по F. I. № 209): сло҃. і҆ѡн҆ злоу҃ста҆ ꙗ҆ко неприѧтна без'справды (sic) милостыни: ⁘ Нач. (л. 146 об.). Преходѧ҆ще братьє҆. ѿ пищи на пищю҆ хвалимъ и҆ прославимъ х҃а бг҃а нашего. Л. 146 об. конч: пѧть оуродивыхъ дв҃ъ. недоставшу бо маслꙋ рекше добрымъ дело^м^. рє҃ великии҆ василеи҆. Затѣмъ не достаетъ листовъ и слѣдуетъ л. 5, который начинается окончаніемъ слова 22-го (по F. I. № 225): «Іоанна Златоустаго о разсмотрѣніи спасенія», — со словъ: вше да творимъ. а не безвѣстно. да не погибнемъ. дш҃и бо небрежемъ кожо҃ насъ.

Слѣдующее слово (23-е по F. I. № 225) въ данномъ измарагдѣ обозначено 24-мъ. Слѣдовательно, въ этомъ спискѣ было еще лишнее слово, котораго въ F. I. № 225 не имѣется.

л. 6. Слово к҃. сло^в^. ст҃го нифонта к вернымъ чл҃вко^м^.

Нач. Таи҆ноу бо црв҃оу достои҆ть хранити а дела бжьѧ҆. ѧ҆сно проповѣдати. (F. I. № 225, сл. 23, л. 28).

л. 7. Слово к҃е. сло^в^. ст҃хъ ѡ҆ц҃ь ѡ҆ славѣ мира сего: ⁘

Нач. (л. 7 об.) Оуподобисѧ[1]) слава мира сего пламѝ [ог][2]) 'неноу. и҆же по҃гне[ща]еть[2]) дровы. и҆ бысть высокъ. (F. I. № 225, сл. 24, л. 29).

л. 8 об. Слово к҃ѕ. сло^в^. і҆ѡа҆. злау҃ста^г^. ѡ҆ творѧщихъ многа зл'аѧ. а не приемлющихъ. з'дѣ бѣды. бл҃гви ѡ҃.

Нач. (л. 9) Ѳараѡ҆нъ црь҃ кол'ко приѧ҆тъ. дол'готерпенїѧ҆ бж҃ьѧ. терпѧше бо е҆моу бг҃ъ. (F. I. № 225, сл. 25, л. 30).

л. 10. Слово к҃з. сло^в^. а҆нтиѡ҆ха мниха. како достои҆ть блю҆стисѧ зл'ыхъ женъ безꙋмнь^х^ (sic).

---

1) Послѣ слова: Оуподобисѧ — писецъ ошибочно написалъ свамі, а потомъ продолжалъ: слава мира сего.

2) Буквы ог и далѣе ща выжжены.

Нач. **Хвалоу въздадимъ бгоу. ꙗко ѹченьемъ симъ. на истин'ноу наставлѧеми есмы** (F. I. № 225, сл. 26, л. 31).

л. 11 об. Слово ки. слов. ѿ глщих. ꙗко нѣ грѣшным моукы.

Нач. **Съвѣтъ съ не члчнъ братье. како оубѣжимъ моукы злаѧ творѧще.** (F. I. № 225, сл. 27, л. 32 об.).

л. 12 об. Слово кд. слов. стхъ ѿць. еже не ѿбидити вдовїць. и сиротъ.

Нач. **Црь ли еси. или кнѧз или воевода. и соудьѧ. то мысли ѿ кого еси власть приѧлъ.** (F. I. № 225, сл. 28, л. 34).

л. 14. Слово л. слов. прит'чѧ. ѿ богатых ѿ бол'гарьскїхъ книгъ.

Нач. **Члвкъ некий. ходѧше на поли чистѣ. и не бѣ на поли томъ. ни дебри. ни лѣса.** (F. I. № 225, сл. 29, л. 35).

л. 15 об. Слово ла. слов. стго ефрема о соудѣ бьи и покаѧне.

Нач. **Ширина земли. и конци еѧ. нич'то намъ приспеють в той страшный днь соуда.** (F. I. № 225, сл. 30, л. 36).

л. 17. Слово лв. слов. іѡа. злаустаго. како въстаѧти. в нощь. молитис.

Нач. **Щитъ прїими ѿ члче рекше стыѧ млтвы. и ѿградисѧ ими.** (F. I. № 225, сл. 31, л. 37).

л. 18 об. Слово лг. слов. стго нифонта ѿ искоушенїи бжьи.

Нач. **Сего делѧ братье попоущаеть бъ. оукоры и скорбь. приимати.** (F. I. 225, сл. 32, л. 38 об.).

л. 20. Слово лд. слов. стго. нифонта. ѿ роуслѧхъ.

Нач. **Иногда бысть. идѹщоу блжномоу нифонтоу. въ црьковь стыѧ бца на оутренюю.** (F. I. № 225, сл. 33, л. 39 об.).

л. 21 об. Слово ле. слов. іѡа. злаустаго ѿ расмотреи млтни.

Нач. **Кый оуспѣхъ есть. съвлещи иного. ѡблещи же оубогаго.** (F. I. № 225, сл. 34, л. 40 об.).

л. 23. Слово лѕ. слов. іѡа. злаустаго ѿ бероущихъ много именье.

Нач. **Нн҃ѣ оубо намъ братье. блго времѧ есть. возглати к вамъ. прчкое слово.** (F. I. № 225, сл. 35, л. 42).

л. 25. Слово л҃з. сло҆. ст҃го велика҆ васильѧ. како беси блазнѧть. вѣрными чл҃вки.

Нач. Иже кто в' вѣрѣ сѹть. хр҃тьѧньстїи. всѧкомоу ч'ловекоу даетсѧ. ѿ бг҃а анг҃лъ. (F. I. № 225, сл. 36, л. 43).

л. 26 об. Слово л҃и. сло҆. і҆ѡ҃а. златѹстаго. ѿ кротости.

Нач. Гь҃ рече. искати есть кротости. нежели м҃дрти. (F. I. № 225, сл. 37, л. 44).

л. 27 об. Слово л҃д. сло҆. ѿ патерика. ꙗко не достоить. ити ѿ цр҃кви. ег҃а поють. бл҃гви ѿ.

Нач. Иже древле бысть. се поведа намъ некто ѿ невѣрныхъ бѣ моужь етеръ бг҃обоѧзнивъ. (F. I. № 225, сл. 38, л. 45).

л. 29. Слово м҃. сло҆. і҆ѡ҃н. зл҃аоуста҆. ꙗко ѿставивъ дѣло ити ко цр҃квї.

Нач. И ѿ се (sic) оубо дроузї и братье. гл҃ю вы аз' бо дн҃ь ѿ дн҃е. (л. 29 об.) болѣ надеѧхсѧ. събирати люди въ цр҃ьковь. (F. I. № 225, сл. 39, л. 46 об.).

л. 31. Слово м҃а. сло҃. сираховo. посланїе ко евсевью еп҃поу. бл҃гви ѿ.

Нач. Ѕижеши ты цр҃ькавь. въ пилоусїи. ꙗкоже повѣдаеть хитростьми оубо оукрашеноу вел'ми. (F. I. № 225, сл. 40, л. 47).

л. 32. Слово м҃в. сло҆. і҆ѡ҃а. злаѹст҃а ꙗко не подобаеть прѣстати (sic) ѿчаще.

Нач. Молю вы оубо. прїидите нн҃ѣ. и слышите. возлюбленїи. се бо вамъ дх҃вныѧ. ѿдаю долгы. (F. I. № 225, сл. 41, л. 48 об.).

л. 33 об. Слово м҃г. сло҆. і҆ѡ҃а. златаоустаго:⁘

Нач. Азъ оубо любимїи. дроузї и братье. свои дол'гъ ѿдаю всегда. и частымъ оученьемъ. надеѧхсѧ оусекноути. оустремленїе. пьѧньственое. (F. I. № 225, сл. 42, л. 49 об.).

л. 34 об. Слово м҃. сло҆. ст҃го афонасьѧ. ѿ различьи спасениѧ. бл҃гви.

Нач. Речено бысть сице. бг҃ъ собѣдыи. немощь рода нашего

ꙗ҆ко бл҃гый чл҃колюбець. многый на҃м различнїй. поути сп҃нью даровавъ. (F. I. № 225, сл. 43, л. 50 об.).

л. 36 об. Слово м҃е. сло҃в. ст҃го. а҆фонасьѧ. ѿ мл҃тни.

Нач. А҆ и҆же видѣти намъ потребно є҆. ꙗ҆ко богатьство далъ есть намъ бг҃ъ. (F. I. № 225, сл. 44, л. 52).

л. 38. Слово м҃ѕ. сло҃в. і҆ѡа҆. злаꙋ҃ста҃г ѿ гл҃щихъ во цр҃кві.

Нач. Гл҃ю вы возлю́бленїй и҆звестоую волю бжью. (F. I. № 225, сл. 45, л. 53).

л. 39. Слово м҃з. сло҃в. і҆ѡа҆. злаꙋ҃ста҃г. ꙗ҆ко не подобаеть вѣры ѧти ѻ҆клеветаю҃щ.

Нач. Добро оубо є҆ возлюбленїй надѣ(л. 39 об.)ѧ҆тисѧ на г҃а. нежели надѣѧтїсѧ на кн҃зѧ. (F. I. № 225, сл. 46, л. 54).

л. 41. Слово м҃и. Прит'чѧ. ст҃го варлама. ѻ҆ тре҃х дрꙋзе҃х.

Нач. Чл҃къ некый. и҆мѧше три дроузий. двою же люблѧше и чт'ѧше вел'ми, а на третьемъ дроузи. небреженїе и҆мѧше вел'ми. (F. I. № 225, сл. 47, л. 55).

л. 42 об. Слово м҃д. поꙋченїе. ленивы҃х. и҆же не дѣлаю́ть. и҆ похвала делателемъ. ст҃го васильѧ: ⁘

Нач. (л. 43). Є҆же вы гл҃ю братьє. слышите, не хотѣвшю бо ми ѻ҆ сихъ к'вамъ гл҃ти. но боюсѧ р҃енаго. (F. I. № 225, сл. 48, л. 56 об.).

л. 44. Слово н҃. сло҃в. к ленивымъ ст҃го. васильѧ.

Нач. (л. 44 об.). Любимїй. ѿ семъ а҆пл҃ъ павелъ и҆звестуєть. єгда на дѣло порозднаго возведемъ. пол'за намъ многа боудеть ѿ г҃а бг҃а. (F. I. № 225, сл. 49. л. 57 об.).

л. 45 об. Слово н҃а. сло҃в. і҆ѡа҆н'на злаꙋ҃стаго. ѿ добрыхъ женахъ: ⁘

Нач. Оуслышите жены заповѣди бж҃ьѧ. и҆ наоучитесѧ во молчаньи. повиноватисѧ моужемъ своимъ. (F. I. № 225, сл. 50, л. 58 об.).

л. 47. Слово н҃в. сло҃в. і҆ѡа҆. злаꙋ҃стаго. ѿ добры҃х жена҃х. и҆ ѿ зл'ыхъ.

Нач. Во посланїе к римлѧномъ. а҆пл҃ъ павелъ менить. многиѧ добрыѧ жены. похвалою глѧ. (F. I. № 225, сл. 51, л. 59 об.).

л. 48 об. Слово н҃г. сло^в. і҆ѡа҃. злаѹ҃стаго. ѿ зл'ыхъ жена^х.

Нач. Ѥ҆сть лоучши во поустыни. со зверми жити, неже съ з'лою̀ женою. (F. I. № 225, сл. 52, л. 61).

л. 51 об. Слово н҃. сло҃. о҆ прит'чи и҆ ѿ наказанїи детей. к родителемъ своимъ.

Нач. Члвц҃и внемлите и҆звесто. о҆ гл҃емыхъ сихъ. и҆ наказайте и҆змлада дети своѧ̀. (F. I. № 225, сл. 53, л. 62 об.).

л. 53. Слово н҃е. слово. і҆ѡа҃. злаѹ҃стаго. како и҆мети челѧдь свою̀.

Нач. Є҆ще же а҆ще кто ѿ васъ братье. рабы и҆мать и҆ рабыни. да оучите ѧ҆ и҆ ноудите и҆ на крещенїе. и҆ на покаѧ̀нїе. (F. I. № 225, сл. 54, л. 64).

л. 54 об. Слово н҃ѕ. сло^в. ст҃хъ ѿц҃ь. како дѣтемъ ч'титї родителѧ своѧ̀.

Нач. Послоушайте братье̂. и҆ сестры заповѣди гн҃ѧ. и҆же к законикоу рече. (F. I. № 225, сл. 55, л. 65).

л. 56. Слово н҃з. сло҃ і҆ѡа҃. злаѹ҃стаго. како ч'тїти прозвитера.

Нач. Оувѣдите вси. колика и҆е̂рейскаѧ̀ власть и҆ честь. (F. I. № 225, сл. 56, л. 65 об.).

л. 57. Слово н҃и. сло^в. ст҃хъ ѿ ѿженїтвѣ. и҆ ѿ любодѣѧ̀ньи: ⁘

Нач. Чювьствиѧ̀ разоумъно. и҆ оу҆мныѧ̀ слоухъ (sic). ѿвръзше. прїи҆дите оубо. и҆ слышите ѧ҆сно вси. (F. I. № 225, сл. 57, л. 66 об.).

л. 59. Слово н҃ѳ. сло^в. і҆ѡа злаѹ҃ста^г ѿ терпѣньи. и҆ ѿ бл҃гохваленїи. да не много ѿ оумершихъ. плачемсѧ.

Нач. Прн҃о и҆мѣти в памети. дн҃ь смерт҃ныи. мнозї вчера с вами бывше съ чл҃вкы. нн҃ѣ же нѣ̂ в вами. (F. I. № 225, сл. 58, л. 68).

л. 67 об. Слово ѯ҃. сло^в. і҆ѡа. злаѹ҃стаго. ѿ хрьстьѧ̀ньствѣ.

Нач. Послоушайте и҆звесто. мнози оубо тол'ко слытье̂мъ хрт҃ьѧ̀не. а по житью̀ е̂л'лини. (F. I. № 225, сл. 59, л. 74).

л. 71. Слово ѯ҃а. сло҃. ѿ лоукы ст҃го е̂ѹ҃льѧ прит'ча. о҆ бг҃ате^м лазаре. и҆ ѹбого^м.

Нач. Ї҆же ѿ богатемъ лазарѣ прит'ча. вел'ми на пол'зоу єсть оубогимъ. и҆ богатымъ. (F. I. № 225, сл. 60, л. 76 об.).

л. 73 об. Слово ѯв. сло҃. ѿ некоємъ блоудникѣ. и҆ж млтню творѧщ'[1]) а҆ блоуда сѧ не ѻ҆ста.

Нач. Тако ѿ семъ сказаєть. в лѣта. леѡна црѧ. бѣ некто чл҃къ славенъ. (F. I. № 225, сл. 61, л. 78).

л. 74 об. Слово ѯг. сло҃. і҆ѡа. злаустаг како оученїѧ слꙋшати. блгви ѿ.

Нач. А҆зъ оубо по всѧ дни. возлюбленїи. оученїє творю вы. (F. I. № 225, сл. 62, л. 79).

л. 76. Слово ѯд. сло҃. поꙋчително. і҆ѡан'на. злаустаг.

Нач. І҆ а҆ще кто блгоч'тивъ. и҆ бголюбивъ прїидите. и҆ слышїте братьє. да насладимсѧ дхвнаго сего. бжтвнаго оученьѧ. (F. I. № 225, сл. 63, л. 80).

л. 77. Слово ѯе. поꙋченїє. ѿ милостыни. іѡа. златаꙋстаго.

Нач. Ꙗкоже во виноградехъ. разлїчнїи плодове соуть. тако и҆ во стхъ црквахъ. плодове соуть. (F. I. № 225, сл. 64, л. 81).

л. 78 об. Слово ѯѕ. поꙋченїє. стго ѿца кирила. а҆рхиеппа а҆лександрїйскаго.

Нач. Доуховное оубо семѧ. к'вашихъ дшахъ. оуже и҆ пер'воє. и҆ второє всеѧлъ єсмь. (F. I. № 225, сл. 65, л. 82).

л. 80. Слово ѯз. сло҃. і҆ѡа. злаустаго. к невѣрнымъ.

Нач. А҆зъ оубо любимїи свои долгъ. на всѧкъ днь. ѿдаю оученьемъ. (F. I. № 225, сл. 66, л. 83).

л. 81. Слово ѯи. сло҃. іѡа. злаустаг. ѻ҆ крепости и҆ ѿ разоумѣ. гд'е живеть (л. 81 об.) въ члвцѣ. гн блгви.

Нач. Се оубо а҆зъ любимїи. часто оученїѧ творѧ. надеѧсѧ возбранити. ѿ пьѧньства. и҆ наоукъ з'лыхъ. (F. I. № 225, сл. 67, л. 84).

л. 83. Слово ѯѳ. сло҃. іѡа. злаустаг. ѿ твари бжьи. и҆ ѻ҆ кончинѣ смртьни. и҆ ѿ покаѧи.

---

1) Такъ написано въ концѣ строки.

Нач. Премростью своею бгъ. всю тварь сътворивый. ѿ небытьа в бытье приведы. (F. I. № 225, сл. 68, л. 85).

л. 84. Слово о҃. слово. іѡа. златостаго. о матни.

Нач. Аще без печали чаче. желаеши быти, то оуклонисѧ мятежа (sic) мирьскаго. (F. I. 225, сл. 69, л. 86).

л. 85 об. Слово о҃а. сло. іѡа злата. да нейзлише. по младеньцехъ. плачемъ. благи ѿ.

Нач. Се ѡбаче мыслиши младен'ца оумирающа зрѧ. се было наследникоу. быти моего именьѧ. (F. I. № 225, сл. 70, л. 87).

л. 86 об. Слово о҃в. слов. іѡа. злата. ѿ невостающихъ на заоутренюю.

Нач. Еже в лености кто въ житьи семъ пребываеть. то не спстсѧ. (F. I. № 225, сл. 71, л. 88).

л. 88 об. Слово о҃г. поученіе. іѡа. златостаго. к верным о сиротах.

Нач. Ширина земьскаѧ. и долгота морѧ. и рекы. и источникы всѧ веленью бжью. повиноуютсѧ. (F. I. № 225, сл. 72, л. 89).

л. 90. Слово о҃д. слов. іѡа. златаг. поч'то бъ ѡстави напасти и скорби. и болезни стым пріимати. благи ѿ.

Нач. И се намъ известо е братье. многы бо попустилъ бгъ. стрти оугодникомъ своимъ пріимати. (F. I. № 225, сл. 73, л. 90 об.).

л. 91 об. Слово о҃е. слово. іѡа златостаго. ѿ впадающихъ в беды. и в печали. благі.

Нач. Се же да весте. ыж частыѧ печали любима бгоу. (F. I. № 225, сл. 74, л. 91 об.).

л. 93. Слово о҃ѕ. сло. іѡа. злата иж не ѿчаѧти в беде.

Нач. Ꙗко аще кто добро творѧ. в бедоу впадеть. или в болезни лютыѧ. (F. I. № 225, сл. 75, л. 92 об.).

л. 94. Слово о҃з. слов. стхъ ѿць. о льсти мира сего.

Нач. Иже аще кто ѿ чл͠къ. славы сеѧ желаеть. времен'ныѧ. то не можемъ (sic). славы бжьѧ разоумети. (F. I. № 225, сл. 76, л. 93 об.).

л. 95 об. Слово о҃и. сло^в^. ст҃хъ ѿц҃ь. ѿ покаѧньи. бл҃гви ѿ.

Нач. Гл҃ть ст҃оє писанїє нецїи. многажды кающесѧ ѿ грѣсе^х^ свои^х^. и пакы тоже творѧть. (F. I. № 225, сл. 77, л. 95).

л. 97. Слово о҃д. сло^в^. ст҃хъ ѿц҃ь. ѿ завещанїи покаѧнїѧ. бл҃гвї ѿ.

Нач. Любимїи слышите. аще въ грѣсе^х^ състарѣхсѧ чл҃къ. и положи завѣтъ свои к бо҃у. (F. I. № 225, сл. 78, л. 96).

л. 98 об. Слово г҃. слово ст҃хъ ѿц҃ь ѿ наказанїи. г҃и.

Нач. Аще оубо скота не призримъ. в калу гразѧща (sic), то вси простираємъ роуцї извлещи хотѧще. (F. I. № 225, сл. 79, л. 97).

л. 100. Слово п҃а. воспро҃. ст҃го. антиѡха. и ѿвѣтѣ (sic) ст҃го епифанїѧ.

Нач. Гь бг҃ъ. что дѣлѧ попоустилъ є. воєвати. ѿвѣтъ. да любѧщей бг҃а проѧвѧтсѧ. (F. I. № 225, сл. 80, л. 98).

л. 102 об. Слово п҃в. сло҃. ѿ оумираю̂щи^х^ внезапоу. и оутопаю̂щихъ. бл҃гви.

Нач. Оубо что хощемъ гл҃ати. ѿ оумираю̂щихъ. внезапоу или со брега лѣтѣвшоу. (F. I. № 225, сл. 81, л. 100).

л. 104. Слово п҃г. слово. блаженаг. євсевьѧ. архиепп҃а.

Нач. Лютѣ во єдинъ ѿ дн҃ей. чл҃къ превозѧсѧ рѣкоу. и оутопе. (F. I. № 225, сл. 82, л. 101).

л. 105 об. Слово г҃. сло^в^. ст҃го. ѿц҃а. деѡнисьѧ. ѿ желѧю̂щи^х^ (sic) много ѿ оумершихъ.

Нач. Иногда ко ст҃омꙋ ѿц҃ю деѡнисью мнози прїидоша хо҃любци. (F. I. № 225, сл. 83, л. 102).

л. 108. Слово п҃е. сло^в^. ст҃хъ ѿц҃ь. ѿ съблазнѣ бѣсовьстї.

Нач. Се како бѣси возмогаю̂ть на ны. слышите воль во нашихъ дѣлѧ. злыхъ погыбаємъ лютѣ. (F. I. № 225, сл. 84, л. 104).

л. 109. Слово п҃ѕ. слово. ст҃го ѿц҃а єфрема. ѿ покаѧни.

Нач. Иже въ ѱалтырї слышимъ братьє. бл҃жнаго дв҃да. гл҃юща. си дн҃ь иже сотвори гь. възраудємсѧ в онь. (F. I. № 225, сл. 85, л. 105).

л. 111. Слово п҃з. сло҃. іѡа. злаѹ҃стаго. како подобно въ црк҃вь приходити. с верою.

Нач. Црк҃ве нб҃о є҆сть любимии. чт҆о сїхъ вещеи. страшнеє црк҃вь. (F. I. № 225, сл. 86, л. 106 об.).

л. 112. Слово п҃и. сло҃. іѡа. з҆аутаѹстаго (sic). ко вдов'цемъ. и҆ вдовамъ.

Нач. Єще же сеѧ заповѣди. слышите вси. паче бо те^{х} дѣлѧ. моужь и҆ женъ. се слово є҃. (F. I. № 225, сл. 87, л. 107 об.).

л. 113 об. Слово п҃д. слово. іѡа. злаѹ҃стаго. ѡ҆ чистотѣ дш҃евнѣи.

Нач. Мы оубо да навыкнемъ. ч'то є҆ и҆же чл҃ка сквернить. (F. I. № 225, сл. 88, л. 109).

л. 115 об. Слово ч҃. сло҃. ст҃го. єфрема. ѡ҆ мѧтежи житїѧ сего чл҃чкаго.

Нач. Оуже наводит ны҆ времѧ. на дѣло вѣчнаго живота. и҆ неразоримыѧ славы. (F. I. № 225, сл. 89, л. 120).

л. 117. Слово ч҃а. сло҃. іѡа. злаѹ҃ста^{г} ѡ҆ принѧтїи тела и҆ крови г҃ни. бл҃г.

Нач. Любимїи слышите. сего ради владыка. г҃ь нашь і҃с х҃с. в нашоу плоть ѡ҆блечесѧ. (F. I. № 225, сл. 90, л. 121 об.).

л. 120. Слово ч҃в. сло҃. іѡа. злаѹ҃ста^{г} ѡ҆ казнехъ бж҃ьихъ на насъ. г҃и бл҃гви.

Нач. Ꙗко же мр҃ии врачеве не ѡ҆жидаю҆ть. да к нимъ врачи (чит.: больнии) (л. 120 об.) прїидоуть. є҆гда в недоузѣ слежать. (F. I. № 225, сл. 91, л. 124 об.).

л. 124. Слово ч҃г. сло҃. іѡа злаѹ҃стаго. како сщ҃нкомъ оучити люди[1]). бл҃гви.

Нач. Ꙗко а҆ще не слоушаю҆ть оучимїи. но мы не престаємъ. оучащихъ. (F. I. № 225, сл. 92, л. 127).

л. 125 об. Слово ч҃д. слово, ст҃го ѡ҆ генадьѧ. патриѧр'ха. бл҃гви. ѡ҆.

---

1) Въ ркпси: люлюди.

Нач. **Готовитѣ братье на исходъ дѣла добраꙗ. с ними ѿидемъ. ѿ свѣта сего.** (F. I. № 225, сл. 93, л. 128 об.).

л. 127 об. Слово **҃чє. слово. стго сщномчка. панкратіꙗ. гн блгві ѿ.**

Нач. **Оуслышите брае известо. ꙗко обедней трапезѣ двѣ млтвы есть.** (F. I. № 225, сл. 94, л. 110).

л. 129. Слово **҃чѕ. англовоу повесть сказаеть, стый великій василей.**

Нач. **Се да слышите слово ѿ га. англъ сказаеть вѣрнымъ. иже страха бжіа не имоуть.** (F. I. № 225, сл. 95, л. 111 об.).

л. 130 об. Слово **҃чз. сло. стго. семиѿ еппа. месопотамскаго. ка боꙗтисꙗ смрти. блгви ѿ.**

Нач. **Послоушайте братьє. каковъ страхъ. и бѣдоу приꙗти имать дша в часъ исхода.** (F. I. № 225, сл. 96, л. 113).

л. 133. Слово **҃чи. слово, ѿ погребаємых. въ цркви.**

Нач. **Оужасно и чюдно и памꙗти достойно. повѣдаеть іѡа. римлꙗнинъ.** (F. I. № 225, сл. 97, л. 115).

л. 134 об. Слово **҃чд. слов. ѿ кладоущихсꙗ во цркваx.**

Нач. **Да слышите братьє еще ѿ погребаемыx въ цркви, глю вамъ некто бѣ валентинъ соудьꙗ.** (F. I. № 225, сл. 98, л. 116).

л. 135 об. Слово **҃р. слово. іѡа златстаг. прит'чею сведено. ѿ телѣ члчестемъ.**

Нач. **Что еще писаніе еще егда ѿпоустѣеть землꙗ. и црь изнеможеть**[1]. (F. I. № 225, сл. 99, л. 117).

л. 136 об. Слово **҃ра. слов. іѡа. златстаг како црквь приходити с вѣрою.**

Нач. **Идеже бо рече хс. два или трие. съвокоупленіи то въ имꙗ мое. тоу есмь посреди иxъ.** (F. I. № 225, сл. 100, л. 117 об.).

л. 138 об. Слово **҃рк. поученіе. іѡа златстаго. впадающимъ въ беды.**

Нач. **Ꙗко иже се хотꙗ ѿг'нь възгнетити. преже дымъ**

1) Слогъ: мо надписанъ сверху позднѣйшею рукою.

поёмше слезать. тоже ѡгнь возгоритсѧ. (F. I. № 225, сл. 101, л. 119 об.).

л. 139 об. Слово рг. слово. ѡ старцѣ иже млтвою своею дождь сведе с нбсе.

Нач. Бысть нѣкогда в моурьстѣи области бездождье велико. (F. I. № 225, сл. 102, л. 130).

л. 141. Слово рд. слово. стго григоріа двословца, ѡ некоеи женѣ имененъ матрѣ.

Нач. Бѣ некаѧ жена. именемъ матрена. иже недавно бѣ невѣстоу снъ ея поѧлъ. (F. I. № 225, сл. 103, л. 131 об.).

л. 142. Слово ре. поученіе. стго василья. блгеї.

Нач. Наоучисѧ вѣрныи члче быти. блгочестыи дѣлатель. (F. I. № 225, сл. 104, л. 132).

л. 143 об. Слово рѕ. поученіе. иѡа злоустаго. на памяти стхъ. аплъ. блгви.

Нач. Помыслите оубо братье. и разоумѣйте. какова боудеть слава. и честь приати. (F. I. № 225, сл. 105, л. 133 об.).

л. 145 об. Слово рѕ. сло. прпбнаго ѿ нашего. ларишна. вѣ. ѡ житіи семъ многомѧтежнемъ. (F. I. № 225, сл. 106, л. 135).

Нач. Хоудо и маловремено житья сего. наслаженіе. скоропогиблющая слава. мечетная света сего.

На этомъ обрывается л. 145 об. Далѣе слѣдуетъ читать л. 149:

F. I. № 225, л. 135.	F. I. № 209, л. 145 об.:
слава меч'танаго свѣта сего. а несплаа же блгть бес кон'ца е. и неоувѣдоми соуть [л. 135 об.] дароке.	слава мечетная света сего. (л. 149). . . . . . . лгть без[конца] есть. и не[удовѣми]и (sic) соуть да[ровѣ] [1]).

---

1) Лѣвый верхній уголъ л. 149-го обрѣзанъ и подклеенъ. Точками обозначено недостающее; въ прямыхъ скобкахъ поставлено то, что дополнилъ на подклейкѣ позднѣйшій писецъ.

Затѣмъ слѣдуетъ читать лл. 150—152 об.

л. 150 об. Слово р҃и. сл҃о. ст҃го ѿц҃а василья. кесарїискаго ѡ҆ ст҃мъ постѣ.

Нач. Въстроубите[1]) рече в новомесѧ҆чноую трꙋбоу. в нарочитыи҆ де҃нь п[ра³дника вашего][2]). (F. I. № 225, сл. 107, л. 136 об.).

л. 152. Слово р҃д. слово. ст҃го нифонта. ѿ бг҃атемъ и҆ скоупемъ. г҃и бл҃в.

Нач. И҆ногда ст҃ыи҆ нифонтъ ходѧ. и҆ видї чл҃ка. є҆моуже молѧшесѧ҆. множество нищихъ. (F. I. № 225, сл. 108, л. 138).

Читать далѣе листы слѣдуетъ такъ: 152 об., 154, 154 об., 153, 153 об., 155, 155 об.

л. 154 об. Слово р҃і. слово. ѿ богатыˣ немл҃твыˣ. блгв.

Нач. Не гл҃ю оубо на бг҃атыѧ҆. иже подалїв[.][3]) и҆ добрѣ живоуть. (F. I. № 225, сл. 109, л. 139).

л. 155 об. Слово ра҃і. слово ѿ еѵ҃лїѧ. и҆же ѿ матфеѧ҆.

Нач. Ѥже пр҃къ рече. да сѧ҆ и҆справїть млт҃ва моѧ. ꙗко кадило пре҃ тобою҆. (F. I. № 225, сл. 110, л. 140 об.).

Слово обрывается на л. 155 об. словами: почто сѧ не хвалиши не стыдиши гл҃ати. да сѧ҆ и҆справить млт҃ва. Затѣмъ части рукописи не достаетъ, а именно (по F. I. № 225) конца слова 110-го, 111-го и начала слова 112-го: ст҃ыиˣ ѿц҃ь. ѿ житьи҆ чл҃чьстѣмь, конецъ котораго сохранился на л. 156 со словъ:

F. I. № 225, л. 144:	
како же є҆зекыи҆ цр҃ь. и҆	
ниневгитѧнѡ҆ живота	/....
прошьшиˣ. приложи҆	....шимъ.....
є҆ и҆мъ бъ҃. (л. 144 об.) но	сть.....
извѣсто ны҆ и повѣда-	.....о..ы. пов.....
є҆ть прмр҃ти и҆сточ-	....ть. премд҃рти и҆сточ-
ни҆ павелъ апосталъ (sic)	никъ. а҆пл҃ъ великы
великыи҆ гл҃еть.	павелъ.

1) Въ ркпси: Єъстроубите.

2) Поставленныя въ скобкахъ слова написаны позднѣе на подклейкѣ.

3) Буква стерлась.

Читать лл. 156, 156 об., 157, 157 об.

л. 157. Слово ρι. (по F. I. № 225 сл. 113). сло. ѿ глющихъ ꙗко злѣ оумирающихъ, не бжьим' повеленье ѹмїраю.

Нач. Оубо нелѣпо несмысленыхъ. послоушати. глще. (F. I. № 225, сл. 113, л. 145).

Слово обрывается на л. 157 об. словами: наведоу на неѧ казнь злоу гладъ же и рать. и различнїи.

Далѣе въ рукописи недостаетъ (по F. I. № 225) окончанія слова 113 и начала слова 114-го: «стго ѿца григорїа. ѿ первозданьнѣмь», конецъ котораго сохранился на л. 158 со словъ: грати начаша плѧ(с)аньемъ. и въ томъ часѣ растоупис' землѧ.

Читать листы: 158—166 об.

л. 158 об. Слово ρѕι. сло їѡа. злаүста ѿ стѣмъ посте.

Нач. То поч'то соуть мнози глющє. не требѣ постъ. во чистотѣ живоущимъ. (F. I. № 225, сл. 115, л. 147 об.).

л. 160. Слово ρѕι. сло. иѡа. злаүста ѿ пощенїи. гн в.

Нач. Їже кто бголюбивъ. и вѣренъ. прїидите и оуслышїте. сказанїѧ о постѣ. (F. I. № 225, сл. 116, л. 149).

л. 161 об. Слово ρзι. сло. їѡа. злаүста. о стѣмъ. постѣ.

Нач. Оуже о постѣ. истин'ноу сказаємоу. да оувесте вси. (F. I. № 225, сл. 117, л. 150).

л. 163 об. Слово ρиι. слово. ѿ виденїи стго апла. павла.

Нач. Тако глть пркомъ. доколѣ согрѣшаєте. и прилагаете грѣхи на грѣхы. (F. I. № 225, сл. 118, л. 151 об.).

л. 165 об. Слово ρк. слово. стго ѿца. кирила. ѿ страсѣ бжьи.

Нач. Всегда любимїи, братьє и сестры. имѣємъ страх' бжьи (sic). во срци своємъ. (F. I. № 225, сл. 119, л. 153).

Слово обрывается на л. 166 об. на словахъ: а чюжихъ грѣховъ. не осоужайте. да не ѿсоужени боудете. кто.

Не достаетъ (по F. I. № 215) окончанія слова 119-го, слова 120-го и начала слова 121-го: «стыи ѿць. како хртїанѡм жити», конецъ котораго сохранился на л. 167 со словъ: и глати здѣ. и акї лж'ю мнѧть. оуготованыѧ. грѣшникомъ моукы.

Читать лл. 167—180 об.

л. 169 об. Слово рк҃г. сло҃. іѡа҃. злаꙋ҃ста҃. ѻ҆ страсѣ бжьи҃. и҆ ѡ҆ покаѧ҃ниі҃. г҃и.

Нач. Лю҃бимїи҃ павлова а҆пл҃ова. сладкаго оученїѧ҃. послоушающе. распространите срц҃а и҆ оушеса. (F. I. № 225, сл. 122, л. 158).

л. 172. Слово р҃к. слово. ст҃хъ ѡ҆ц҃ь како дх҃внѣ празновати. г҃и бл҃гви.

Нач. И҆же кто вѣренъ и҆ бг҃очт'ивъ. лепо ны є҆сть братьє҆. бжт҃вныѧ҃ празн҃ики. и҆мѣти. в чт҃оте дх҃внѣи. (F. I. № 225, сл. 123, л. 159 об.).

л. 174. Слово р҃к[є] [1]). сло҃. іѡа҃. злаꙋ҃ста҃. ѻ҆ велице҃ постѣ. и҆ ѡ҆ а҆пл҃ки҃ постѣхъ.

Нач. Чл҃вци вѣрнїи҃. ѡ҆ постѣ сказаниѧ слышите. (F. I. № 225, сл. 124, л. 161).

л. 175 об. Слово рк҃ѕ. сло҃. ст҃хъ а҆пл҃ъ. и҆ ст҃ы҃ ѡ҆ц҃ь. ѡ҆ велице҃ постѣ. и҆ петро҃. и҆ дили҃.

Нач. І҆же вѣрнїи҃ соуть слышите братьє҆. и҆ сестры. и҆ вси старїи҃, и҆ юнии҃. писанїѧ҃ ѡ҆ постѣ. (F. I. № 225, сл. 125, л. 162 об.).

Слово это, составляющее въ F. I. № 225 одну большую статью, разбито въ F. I. № 209 на два слова слѣдующимъ образомъ:

F. I. № 225, л. 165.	F. I. № 209, л. 179.
сїи всѧ слышаще бра҃є	сїи всѧ слышаще. братьє҆
по҃щим'сѧ въ чт҃отѣ	пот'щимсѧ. в чистотѣ
дн҃и сиѧ постныѧ	дн҃и сиѧ҃ постныѧ҃
преити. въдер'жание҃	преити. воздержаньє҆мъ
ѿ всѧкого зла҃. да ра-	ѿ всѧкого зла҃. да ра-
достно въскрн҃іа дои-	достьно. воскрньѧ҃ хв҃а дои-
демъ. славѧще ст҃оую҃	демъ. славѧще ст҃оую҃
троицю ѡ҆ц҃а и҆ сна	тр҃цю. ѻ҆ц҃а и҆ сн҃а.
и҆ ст҃го дх҃а.	и҆ ст҃го дх҃а.

1) Буква є обрѣзана при переплетѣ книги.

	Слово рк҃з. сло҃в. ѿ боудоущаго вѣка славѣ. и҆ ѿ сеи҆ жизни. гн҃и.
еже пре҃ бгомь многа створивъше злаѧ. намъ достоѧли ни гл҃вы въсклонити. плачюще и скорбѧще ѿ томь.	Нач. Е҆же пре҃ бг҃омъ многа сътворихомъ злаѧ. намъ бо достоѧло. ни главы восклонити. плачю҆щеисѧ. и҆ скорбѧще ѿ томъ.

Слово въ F. I. № 209 обрывается на л. 180 об. на словахъ: заповѣди бж҃ьѧ сътворѧюще. съ смиреньемъ. тѣло и҆ кровь гн҃ю. достои҃

Послѣ сего въ рукописи не достаетъ (по F. I. № 225) конца сего 125-го слова и начала слова 126-го: ст҃ыи҃х ѿц҃ь. како хр҃тїанѡмъ жити. — Продолженіе этого слова сохранилось на л. 147 со словъ: то оу҃стрѣлит' вы е҃. дьѧволъ. и҆ грѣхъ в' васъ. акы желѣзо есть... Затѣмъ листы должны слѣдовать такъ: 147, 147 об. 181—186 об.

л. 183 об. Слово рк҃д. сло҃. заповѣдь. ст҃го а҆пл҃а. павла. бл҃г.

Нач. И҆же въздє́жїшїсѧ жено. несъвокоуплѧю҆щесѧ. с моужемъ своимъ. (F. I. № 225, сл. 127, л. 170).

Слово обрывается на л. 186 об. словами: блю҆дитеже сѧ. и҆ срамословьѧ. Затѣмъ не достаетъ листа и слѣдуетъ съ л. 187-го конецъ этого же слова: и҆деть на тѧ печаль. и҆ли на дроуга. но поскорби ѿ немъ. и҆ оутеши е҆го. Листы читать такъ: 186—192 об. Слово заканчивается на л. 189.

л. 189. Слово р҃л. сло҃. блж҃енаго е҆всевьѧ. е҆же бг҃а хвалити болѧщемоу, и҆ ѿ и҆е҆вѣ. гн҃и блг҃ви.

Нач. Оузрѣвъ е҆динъ ѿ дн҃еи. цр҃ь а҆лександръ. некое҆го чл҃ка болна лежаща. и҆ пришедъ к немоу. (F. I. № 225, сл. 128, л. 175 об.).

Обрывается на л. 192 об. словами: а҆ что бѣда лоучитсѧ. и҆ многы на бг҃а хоулы и҆знесоуть. оуправленїѧ почитаю҆щеи своеѧ. аще гд'е споудъ, и҆ли

Не достаетъ окончанія сего слова и начала слѣдующаго: **Сло҃ ст҃го ѡ҆ц҃а кѵ҆рила ѿ исходѣ дш҃и. и҆ ѿ двадесѧти мытарствъ.** (F. I. № 225, сл. 129, л. 179). Не достаетъ лишь незначительной части, остальное — со словъ: **свое тѣло. ѿ него же изыде. оумил'но ко аньгл҃омъ взираю҆ще** — сохранилось съ л. 193. Читать листы 193—199 об.

л. 198. **пооученіе. і҆ѡа҆. злоу҃стаго. хрт҃ьѧномъ. г҃и. бл҃ви ѡ҆.**

Нач. [**Оузриш**]**и а҆ще кого**[**ж**]**ивоуща. в за**[**по**]**вѣдехъ г҃ни**[x] [1]). (F. I. № 225, сл. 130, л. 183 об.).

Слово обрывается на л. 199 об. словами: **боудет ли велено. вернымъ и҆грати. гоусли и҆ плѧсати. се бо поганыхъ.** Затѣмъ не достаетъ конца сего слова и начала слова 131 (F. I. № 225): **сты**[x] **ѿц҃ь о҆ тѧзнѡ҆тѣ.** Конецъ сего слова сохранился съ л. 200 со словъ: **блоудьства моѧ҆ и҆зношахоу. ꙗ҆ко же е҆смь ѿ двоу҆ лѣтъ ро҃ства своего. что створилъ.** Читать далѣе листы: 200—214 об.

л. 201. Слово **р҃л. сло҃. і҆ѡа҆. злау҃. ѿ слеп'ци. е҆моу**[ж] **х҃с. ѿчи ѿверзе во і҆е҆рихонъ грѧ҆дый.**

Нач. (л. 201 об.). **Мы оубо да слышимъ. вѣрнїи сказанїе се ѿ еѵ҃глїѧ҆.** (F. I. № 225, сл. 132, л. 186 об.).

л. 203. Слово **р҃ле. слово. ст҃хъ ѡ҆ц҃ь ѿ временемъ житьи. г҃и бл҃гви ѡ҆.**

Нач. **Е҆же подобае҆ть намъ братье҆. въкратцемъ семъ житїи творити. прїи҆дите и҆ слышите.** (F. I. № 225, сл. 133, л. 188).

л. 205. Слово **р҃лѕ. сло҃. ѿ нѣкою҆ дв҃ою соусѣдꙋ. шевцю҆.**

Нач. **Послоушайте братье. и҆ ѡ҆ семъ. бѣста. два҆ соуседа шевци. вкоупѣ живоуща.** (F. I. № 225, сл. 134, л. 189).

л. 206 об. Слово **р҃лз. сло҃. ст҃хъ ѡц҃ь о правдѣ, и҆ ѡ҆ неправдѣ. г҃и бл҃гви ѡ҆.**

Нач. **Оубо первѣе҆ бы҃ правда в҃гомъ сотворена. во ч҃лчехъ. потом же ѿ неприѧ҆зни.** (F. I. № 225, сл. 135, л. 190 об.)

л. 208 об. Слово **р҃ли. слово. о҆ покаѧ҆нїи грѣшныхъ. г҃и.**

---

1) Поставленное въ прямыхъ скобкахъ заклеено и дополнено по F. I. № 225.

Нач. Како види сию̂ вещь. повѣда и̂ блж҃ный̂ павелъ простый̂. (F. I. № 225, сл. 136, л. 191 об.).

л. 210. Слово рл҃д. сло҃. ст҃го є̂фрема ѡ̆ второмъ прїшествий̂. г҃и блг҃ви.

Нач. (л. 210 об.). А̂ є̂гда житьє̂ чл҃комъ. лѣта реченаѧ̂ скончаютъ. прїйти и̂мать г҃ь с нбси. (F. I. № 225, сл. 137, л. 193).

На л. 214 об. статья прерывается словами: потомъ въпросимий̂ боудꙋть цр҃є̂. и̂ кнѧзи. и̂ соудьи̂. и̂ вел'можи. б҃атий̂. и̂ оубози. малїй̂ и̂ велїци. моужьє̂ и̂ жены. черньци. и̂ черницї. Затѣмъ статья продолжается на л. 236:

F. I. № 225, л. 196. Потѡ҃ въспросими бꙋдꙋ̂ цр҃и и̂ кн҃зи. сꙋ̂а̂ и̂ вѣ̂можи. б҃гатаи̂ и̂ оу҆бѡ́зии. мали и̂ велици. моужи и̂ жены. черници и̂ черници. всѧкъ кожѐо о̂ дѣлехъ. ѿвѣщаѐ. и̂ прїимѐ кои̂ждо̂. ꙗко҃ сътвори҃ боудѐ на се҃ свѣте.	F. I. № 209, л. 236: сѧ̂къ кои̂жо̂. о̂ дѣлехъ ѿвѣщаєть, и прїи̂ . . . . . ꙗ̂кож . . . . . боудеть. . . .[1]) семъ свѣтѣ.

Листъ 236 об. оканчивается такъ: козлища грешныѧ̂ наречеть. и҃ бїѧ̂ше (sic) гордїи̂. оученьѧ̂ неслышаю̂ще (sic), все времѧ̂ живота своє̂го. в сытости и̂ во пьѧ̂ньствѣ пожиша. и̂ немл҃твїи̂ ꙗ̂ко же богатый̂ ѡ̆нъ, тати же и̂ клеветници. злодѣи̂. братоненавїтци (sic), не каю̂щесѧ̂ о̂ зл'обахъ своихъ. разбои̂ници. гра

Далѣе слѣдуетъ читать листъ 215, который начинается: бителье̂. пьѧ̂нїци по мз҃ѣ соудѧ̂щей̂, и̂ сиротамъ ѡ̂бид'нїци. скоупїи̂ же. и̂ жестосердїи. Далѣе статья продолжается на листахъ 215 об. 216—220 об.; на л. 220 об. статья обрывается словами: си лю̂бѧ̂щим мѧ оуготовахъ. мл҃твымъ и̂ миротворцемъ. Конецъ статьи утраченъ.

Далѣе слѣдовало: сло̂ ѡ̆ нѐли бж҃енаго є̂всѣвьѧ :· Нач. Нѐли

1) Точками обозначены заклеенныя бумагой слова.

соущи и по оутрении седмицѣ евсевью блаженомоу еппѣ[2]). По F. I. № 225 это — слово 138, по F. I. № 209 — слово 140. Но въ F. I. № 209 начало слова, вмѣстѣ съ концомъ слова Ефрема, утрачено. Продолжается это слово на л. 221:

F. I. 225, л. 201 об.: к'тои во- днь нача бъ строити тварь. и к' той днь въскрсе хс ѿ мртвых. радѿ всемоу мирѹ дарова.	F. I. № 209, л. 221: мртвыхъ радость всемоу мироу дарова.

Листы далѣе читать слѣдуетъ такъ: 221—235 об., 244—244 об. 237—243 об.

л. 226 об. Слово рма. сло. ѿ нели. иакова брата гнѧ. еппа. иерлмкаго.

Нач. Хс бгъ. почи ѿ дѣлъ своих. въ седьмый днь, во первый днь. созда бгъ свѣтъ. (F. I. № 225, сл. 139, л. 205 об.).

л. 231 об. Слово рмв. слово. стго. іwа злаустаго. поѹчение дшиполезно.

Нбч. Иже дѣла злаа погивающаго. жітьа сего. возненавидить. то спсеть дшоу свою. (F. I. № 225, сл. 140, л. 208 об.).

л. 233 об. Слово рмг. слово. стго. іwа златаустаго. еже не ѿчаятисѧ своего спнья, гн благви ѿче.

Нач. Сего житьа мятежь. расмотрите. о члци доколѣ оубо не помянемсѧ. (F. I. № 225, сл. 141, л. 210).

л. 235 об. Слово [р]м. сло. стго. ефрема ѿ кончинѣ мира сего, гн благви ѿ. Заголовкомъ заканчивается л. 235 об. Слово начинается на л. 244.

Нач. (л. 244). Тѣмъ боитесѧ [брае] грозы и страх[а соу]да бжьа, внез[апоу во] днь той, на [идеть] страшный[1]). (F. I. № 225, сл. 142, л. 211 об.).

---

2) Взято изъ F. I. № 225, л. 201 об.

1) Поставленное въ прямыхъ скобкахъ въ ркпси обрѣзано и подклеено; дополнено здѣсь по F. I. № 225.

л. 238. Слово р҃ме. сло҃. іѡа҃. злаѹ҃ста҃. в нем же прит'чю сказаѥ̂ть. чемꙋ̀ подобно ѥ҃ житьѥ̂ сѐ настоѧ̂щее наше како в не҃ льстимсѧ.

Нач. Всѧ оубо възлю̂бленїи̂. свѣта сего воскорѣ. преминоую̂тсѧ. (F. I. № 225, сл. 143, л. 213). Въ этомъ словѣ имѣется еще частное киноварное заглавіе: л. 238 об.: но слышите чемоу наше. подобно житьѥ̂. сею притчею̂ ѿ немъ гл҃еть. Далѣе киноварный заголовокъ: сло҃. сказаѥ̂ть прїт'чею̂. ѿ чл҃честемъ. житьи̂. Нач. Чл҃вкоу некоѥ̂моу вселшоусѧ̂ в домъ с женою̂ своѥ̂ю. На поляхъ однако слово это не отмѣчено цифрою и въ общій счетъ словъ книги не вошло. Слѣдовательно, писецъ считалъ его, какъ и должно, продолженіемъ предыдущаго. Оно обрывается на л. 243 об. словами: ѻ҆ставль всѧ. неправдою̂ собран'наѧ и̂мѣньѧ̂ родъ же ѥ̂го. и̂ дроузи каѧ̂хоу. ѿ з'лои̂.

Затѣмъ листа не достаетъ и на л. 252 слѣдуетъ окончаніе сего слова:

F. I. № 225.	F. I. № 209.
л. 216 об. мы оу̂бо̀ таци ѥ̂смы̀ бра҃е. кто оубо̀ л'сти жи҃ѧ сего не ѿча̂ѥ̂ть҃. ли болѣзнью, ли ѿ властелеи насилоуѥ̂мь ли ѿ разбои̂никъ. ли ѿ воды и т. д. до конца слова.	л. 252. . . . . насилоуѥ̂мъ. или ѿ разбои̂никъ. и̂ли ѿ воды и т. д. до конца слова.

л. 252 об. Слово р҃мѕ. сло҃. ѿ тативѣмъ слепци. г҃и бл҃.

Нач. Бѣ некїи̂ слѣпець на восточнїи странѣ. на местѣ нарицаѥ̂мѣмъ навлонъ. (F. I. № 225, сл. 144, л. 217). Затѣмъ послѣ л. 252 об. слѣдуетъ читать лл. 245—251 об.

л. 245 об. Слово р҃мз. сказанїе ст҃го а̂фонасьѧ̂. а̂рхи'ѥ̂пп҃а а̂лексан҃рїскаго, ко аѿнтиѿхꙋ (sic) кн'зю. вопросившу ѥ̂го. г҃и бл҃ви ѿч҃е.

Нач. Ѡкоудꙋ въ срдци человекоу. бываютъ помыслы. и словеса хоулна. (F. I. № 225, сл. 145, л. 217 об.).

л. 248 об. Слово рмѳ. поꙋченіе, іѡа. злаꙋстаго. на памѧ стго апла. или мчнка общим.

Нач. Да есте ведоуще братье. и сестры, ꙗко в сіи днь ꙗко памѧть стго. и въ црквь вси да снидетесѧ. (F. I. № 225, сл. 146, л. 219 об.).

л. 250 об. Слово рмд. сло. дроугое. ѡбщее. стымъ. поучение. іѡа злаꙋстаго.

Нач. Братье. прно жадаеть. спнья нашего хс бгъ. и всегда призываѧ ны не престаеть. (F. I. № 225, сл. 147, л. 221).

Слово обрывается на л. 251 об. словами: се же сатанина соуть дѣла. их же есмы ѡрицалисѧ. Затѣмъ недостаетъ окончанія сего слова, и начала слова (по F. I. № 225) 128-го: стго ефрѣма о казнѣх бжіихъ. и ѡ ратех, конецъ котораго сохранился съ л. 253 со словъ: наша неправды и беззаконіѧ. омноживша сѧ много знаменьѧ по[ка]завшихъ [1]). Затѣмъ листы читать такъ: 253—258 об.

л. 255. Слово рна. посланіе [нѣко]его [1]) ѡца. ко сноу дховномоу. ги блг.

Нач. Желаю любимиче. спнья твоего. тѣмъ благословеніе даю ти. (F. I. № 225, сл. 149, л. 224 об.).

л. 257. Слово рнв. поучение стхъ ѡцъ дш полезно.

Нач. Еще вы се. извѣщоу любимии, понеже вижоу вы. оуже приходѧще ко цркві (F. I. № 225, сл. 150, л. 225 об.).

Обрывается на л. 258 об. словами: апли стлемъ предаша. недостойным бжтвеноую црквь входа. но вне им' стоѧти. дондеже. Затѣмъ недостаетъ окончанія сего слова и начала (по F. I. № 225) слова 251-го: о филипповѣ говѣніи, еже предъ рождествомъ Христовымъ, окончаніе котораго сохранилось съ л. 259 со словъ: [живоу] ща злѣ. о чада что обо речемъ. ко бгоу в соудныи днь. Листы читать такъ: 259—272 об.

---

1) Поставленное въ прямыхъ скобахъ заклеено.

л. 259. Слово рн҃. поученїе. стг҃о великаго ѡц҃а. василья. и̾ женаˣ.

Нач. Оустрашайте любимиі и (sic) спс҃ьѣ душамъ своим'. в малоѣ се времѧ. (F. I. № 225, сл. 152, л. 228 об.).

л. 261. Слово рн҃є. поученїе, стг҃о ѡц҃а генадїя, патрїар'ха, костѧнтинаграда. гі҃ благослови ѡч҃е: ⁓

Нач. Желаю любимии. и се возвестїти ми вамъ. да вы бг҃оугодно поживше. спсе҃тесѧ. (F. I. № 225, сл. 153, л. 229 об).

л. 263. Слово рн҃ѕ. сло҃ стг҃о ѡц҃а афонасьѧ. александрїискаго еже не осуждатї.

Нач. Еже ч'то убо не подобаеть. или съгрѣшающихъ. оглати. (F. I. № 225, сл. 154, л. 230 об.).

л. 265 об. Слово рн҃з. слоⁿ іѡа. злаустаᴦ. еже не ѡсужати но оучити. гі҃ бл҃г.

Нач. Мыслено да слыш҃те еже гь҃ рече. въ ст҃ѣмъ еу҃лїи. не соудите. да не ѡсоужени боудете. (F. I. № 225, сл. 155, л. 232).

л. 267. Слово рн҃и. сло҃. ѡ черньци, его же бѣси. хотеша прельстити.

Нач. Оубо сѣдяше братъ безмолъствоуя и хотѣша бѣси прельстити его. (F. № I. 225, сл. 156, л. 233).

л. 268 об. Слово рн҃ѳ. слоⁿ. петра. чернорисца. ѡ житїи семъ. гі҃ бл҃гви ѡ.

Нач. И аще кто ѿ чл҃къ оукоры и скорби. и бѣды приемлеть. (F. I. № 225, сл. 157, л. 234).

л. 270. Слово р҃ѯ. сло҃. ѿ патерика. ѡ некоеⁿ игоумені". гі҃ бл҃гви ѡч҃е.

Нач. Общемоу житью бы҃. началнїкъ. некто игоуменъ. имѣяи в манастыри своеⁿ. оу себѣ. с҃. братьи. (F. I. № 225, сл. 158, л, 235).

л. 171 об. Слово р҃ѯа. слоⁿ. ѡ некоемъ коупци богобоязниве".

Нач. Ѿ семъ повѣда епп҃ъ евсевїи. бѣ некто коупець. во александрии. (F. I. № 225, сл. 159, л. 236). Обрывается на л. 272 об. словами: имамъ сокровено злато. наре҃ и место има. еᵚ

вземши. и҆ долгъ. За тѣмъ утрачены конецъ сего слова и начало (по F. I. № 225) слова 160: отъ пандока о снѣхъ, котораго конецъ сохранился на л. 273 со словъ: погибнете, и҆ молитє҆ бг҃оу всегда. є҆гда҆ спати хотѧ. и҆ є҆гда воставъ ѿ сна. Читать листы 273—278 об.

л. 273. Слово рѯг҃. прчтво и҆саи҆но. сн҃а а҆мосова. иж прчтвова с рыданьем, ѿ последних днехъ. провидѣвъ ст҃мъ дх҃мъ. хотѧщаѧ быти.

Нач. О҆ чл҃ци слышите, тако гл҃ть гь. и҆ внемлете гл҃ы ѹстъ моихъ. (F. I. № 225, сл. 161, л. 239 об.).

л. 277. Слово рѯ҃. слов. ѿ исповѣданїи грѣховъ. ко ѿц҃ю дховномоу.

Нач. Ѿцю є҆тероу жївоущꙋ близъ, старца зинона. сего некто ѿ помыслехъ воспроси. (F. I. № 225, сл. 162, л. 241.).

л. 278 об. Слово рѯє. слово. ст҃го ѿц (sic) кирила ѿ нб҃есныхъ силахъ.

Нач. Ѿ небытьѧ в бытьє҆. бл҃гый человеколюбець б҃ъ. сътворити мира сего. первѣє҆ помысли. нб҃ныѧ силы. (F. I. № 225, сл. 163, л. 242).

Обрывается на л. 278 об. словами: а҆ дроузїи на помощь. посылаєми. а҆ и҆нїи на казнь съгрѣшаю҆щимъ.

Конецъ Измарагда утраченъ. На остальныхъ листахъ сохранились дополнительныя къ Измарагду статьи. Съ л. 279 нач. окончаніе статьи Кіево-печерскаго Патерика (по сп. Импер. Публ. Б-ки Q. п. I. № 31, 1406 г., л. 193 об.: ѡ поуминѣ пєрниц. Нач. Є҆же ѡ поуминѣ вземше слово. на сповѣданиє снидє). Сравнивая текстъ Измарагда F. I. № 209 со статьею Патерика, видимъ, что статья въ Измарагдѣ заимствована изъ Патерика по древнѣйшей его редакціи, а не по Кассіановской. Приводимъ параллельныя выдержки по названному Измарагду, по Патерику древней редакціи (по сп. Q. п. I. № 31) и по Кассіановской ред. (по сп. Импер. Публ. Б-ки Q. I. № 460, XV в.).

Патер. Q. I. № 490.
л. 154 об.: рече же
блж҃ен'ный. ѥже
члв҃к' сѣѥтъ. и
то и҆ пожнетъ,
понеже ѡ҆стави
мѧ гл҃ана, и жа҃
на. и҆ самъ въспрі-
алъ ѥ҆си (л. 155). Сїе
съл'гавъ бг҃ови и҆
мою хꙋдость пре-
зрѣвъ. но ѡ҆ба́че
оу҆чимы ѥ҆смы не въза҃-
ꙗти зла҃ за зло҃
ше҃ше р'цете е҆мꙋ
зове҃ тѧ пи́минъ.
въста́въ прїиди
сѣмо. и҆ ѥ҆га҃ при-
ше҃ше и҆згл҃те
е҆мꙋ. тогда̀ бол'-
ный зра҃въ бы҃. и҆
в' тои̇ чѧсъ прї-
иде къ блж҃ен'но-
мꙋ. ни кым' же во-
димъ.

прпдо҃в-
ный же поноси
томꙋ

Патер. Q. I. п. № 31.
л. 197: ре҃ же
блж҃ный. ѥже
члв҃къ всѣꙗ
то и҆ пожне҃.
понеже ѡ҆стави
мѧ гладна и҆ жад-
на. сей самъ въсприꙗ-
лъ ѥсть
солгавъ бв҃и. и
презрѣвъ мою хоу-
дость. но ѡбаче
оучими ѥсмы. не
въздавати зла за зло.
шедше рьцѣте ѥмоу
зове҃ тѧ поуминъ.
въставъ приди
сѣмо. ѥгда (л. 197 об.)
ре҃. си
болный самъ
приде
никим же во-
димъ. а҆кы не
и҆мѣꙗ болѣзни.
ѿ того ча҃. блж҃
ный же поноси
томоу.

Измар. F. I. № 209.
л. 279.

гладна и҆ жад-
[на]. се҃й самъ воспри-
[ꙗл]ъ е҃.
сългавъ бв҃и и҆
презривъ мою х[оу
д]ость но о҆баче
оу[чи]ми есмы. не
воздаѧти зла҃ за зл'о.
ше҃ше рците е҆моу.
зовет'тѧ пꙋ҆минъ.
въставъ прїиди
семо, е҆гда же
возваше и҆.
болный самъ
прїи́де. и҆
нїким же во-
димъ бысть, а҆кы̀ не
и҆мѧ (sic) болезни.
ѿ того же часа блж҃-
ный, поносивъ
е҆моу рече.

л. 281 об. Слово ро҃а. слово. ст҃го ѡ҆ц҃а дорофеѧ. пооученїѧ. г҃и бл҃гви ѿ.

Нач. Види ст҃ый ѡ҆ц҃ь дорофей. прише҃ша на починанїе. заоутренїи. дх҃мъ ст҃ымъ.

л. 282 об. Слово ро҃в. сло҃. ст҃го е҆фрема. о҆ кончинѣ мира сего г҃и бл҃в.

Нач. Тем же братье. боитесѧ грозы. и҆ страха бж҃ьѧ соуда.

л. 284 об. Слово ро҃г. сло҃. ст҃го е҆фрема ѡ҆ житии семъ.

Нач. Бл҃жни возлюбив'ше бг҃а. и҆ не радївше о҆ всѧческих'. землены҃х вещехъ.

л. 286. Слово ро҃д. сло҃. і҆ѡа. злаѹ҃стаго. ѡ҆ соуе҆тнемъ сем' житьи, и҆ ѡ҆ ползї дш҃евнѣи. и҆ оумїленїи. бл҃гви ѡ҆че.

Нач. Возлю҆бленїи. о҆ставлеше соуе҆тнаѧ дѣла. и҆ погибаю҆щаѧ. житїѧ сего. блюдите. Читать листы такъ: 286—290 об., 148—148 об., 291 и т. д.

л. 291. Слово ро҃е. видѣнїе ст҃го вароуха. бл҃ви ѡ҆че.

Нач. Сниде г҃ь посрѣди раѧ. и повелѣ аг҃гломъ. насадити раи.

л. 293 об. Слово ро҃ѕ. сло҃. ѿ старчества ст҃хъ. ѡ҆ц҃ь. бл҃гв.

Нач. Си же видѣти е҆сть. аще кто. часы сиѧ достигнеть и҆справити. съ (л. 294) страхомъ бжьи҆мъ.

л. 294 об.[1]) ст҃го нила, епистолїѧ.

Нач. Р҃е ст҃ый нилъ. ꙗко е҆же на лоуч'шаѧ. молбы и҆ моленїе. не подобае҆ть..... л. 295: ты же не всѧкого сего хощеши. воспро҃. Како же мї подобае҆ть пребытї. ѿвѣтъ. Сице достоить пребыти. мало пѣти.... л. 295 об.: рече бо и҆же а҆ще творите. все во славоу бж҃ью. ст҃го. іса҃ѧ. Нач. Подобае҆ть се вѣдати и҆ намъ. возлюбленїи. ꙗко всѧка в тайнѣ бывшаѧ бѣседа..... Конч.: и прочаѧ во оуставъ мл҃твы наменѧю҆тсѧ. и҆ вчитаю҆тсѧ. воспро҃. Егда молю҆сѧ. и҆ любо (л. 296) по҆ю. не чю҆ю силы гл҃емыхъ. ѿ о҆жесто (далѣе двѣ строки заклеены). ѿвѣ҃ Аще и ты не чюе҆ши. но бѣси чюю҆ть. чт'о слышаще трепещоуть. оубо непрестани. поѧ молѧсѧ. и҆ помалꙋ ѡ҆ бз҃ѣ оумѧг'читї жесточество.

л. 296 Слово ро҃з. сло҃. ѡ҆ кр҃тѣ чт҃не҃.

Нач. Ѿ кр҃тѣ всес҃тый. и҆ чт҃ный. х҃е бе҃ нашь. помилуи приходѧщаѧ к тобѣ вѣрою и҆ чт҃ымъ срц҃емъ.

---

1) Номеръ слова на полѣ не обозначенъ.

л. 296 об. Слово рⷭ҇и. сло҃. гⷭ҇а нашего іс҃ ха҃. ко оучн҃комъ его.

Нач. Сѣдѧщоу же іс҃оу. на горѣ ѥ҆лиѡ҆ньстїи҆, и҆ пристоупиша к немоу. оучн҃ци его едини ..... л. 296 об. конч.: мнози бо прїи҆доуть во и҆мѧ҆ мое. гл҃юще. а҆зъ е҆смь хс҃. и мно...

Затѣмъ часть рукописи утрачена. Листъ 297, повидимому, составляетъ частъ этого самаго слова. Нач.: себѣ волею҆ ꙗ҆ко тамо възнесуть҃. блж҃ни воздержащесѧ҆. ꙗко пищи раи҆скиѧ. оуготованї имъ и т. д.....; л. 297 об. конч.: горе согрѣшаю҆ща волею҆. оутро гл҃ющемоу. покаѧ҆тисѧ҆. не вѣдыи҆ чт҆о родить нощь. горѣ даю҆щемоу. рꙋкꙋ.

На этомъ рукопись оканчивается.

Въ заключеніе приведемъ порядокъ, въ какомъ слѣдуетъ читать листы въ рукописи: 1—4 (часть рукописи утрачена), 146 (часть рукописи утрачена), 5—145 об., 149, 150—152 об., 154, 153, 155 (часть рукописи утрачена), 156—157 об. (часть утрачена), 158—166 об. (часть утрачена), 167—180 об. (часть утрачена), 147, 181—186 об. (часть утрачена), 187—192 об. (часть утрачена), 193—199 об. (часть утрачена), 200—214 об. (часть утрачена), 236, 215—220 об. (часть утрачена), 221—235 об., 244, 237—243 об. (часть утрачена), 252—252 об., 245—261 об. (часть утрачена), 253—285 об. (часть утрачена), 259—272 об. (часть утрачена), 273—278 об. (часть утрачена), 279—290 об., 148—148 об., 291—296 об. (часть утрачена), 297 (конецъ рукописи утраченъ).

Для характеристики языка и письма рукописей приводимъ два поученія по обоимъ спискамъ. Изъ этихъ поученій въ Измарагдѣ F. I. № 225 первое написано писцомъ первой половины рукописи поповскимъ сыномъ Ѳеодоромъ Родіоновымъ, а второе писцомъ второй части рукописи игуменомъ Вассіаномъ.

---

1) Точками обозначены мѣста, обрѣзанныя въ рукописи.

Измарагдъ Импер. Публ. Б-ки F. I. № 225, л. 34.

сло҃. сты҃их ѿць. иже не ѿсоужати. ни ѡбидѣти вдовы и сиро҃: —

Црь ли еси или кнзь или воевода. или соу҃д. тъ помысли ѿ кого еси власть пріалъ. или кто вы да҃ е вла҃ и санъ. оумъ мдрть. да оумѣете гонити месть. сице гл҃ть гь слышите кнзи соу҃д члчьскыя. да не ѿправдиши виноватаго мзы ра҃. и не оустыдися силнаго лица. избави ѡбидимаго. да самъ соудиши (sic) избавленъ в соу҃ страш'наго днн. всякие вдовы и сироты не ѡзлобите. да не разгнѣвает҃ гь ꙗростию на вы. гл҃ть бо прркѡм исаемъ. аще неправдою ѡзлобиши сиротоу или вдовицю, и в горести дш҃а их въздыхающи взопию ко мнѣ.

скоро оуслышю вопль их. и поущю на вы гнѣвъ свой. и погоувлю вы напрасно. и боудоуть жены ваша вдовы. и чада ваша сироты. и никто их не помилоу҃е ѿ имени (sic) сиротинѣ и вдовичинѣ не помышлай. и

Измарагдъ Импер. Публ. Б-ки F. I. № 209, л. 12 об.

сло҃. стхъ ѿць. еже не ѡбидити вдовіць. и сиротъ.

Црь ли еси. или кня҃ или воевода. и соудья. то мысли ѿ кого еси власть прия҃лъ. или кто далъ вы есть...[1]) сть и санъ.... и мдрть. да о.... ете гонити.... сице гл҃ть гь сль.шите кнзи. соудья҃ члчкия. да не ѿправдиши виноватаго. мзы ради. и не оустыдися. силнаго лица. избав҃ ѡбидимаго. да са҃ боудеши избавленъ в соу҃ страшнаго дни всякыя же вдовы, и сироты. не ѡз'лобите. да не разгневаетс҃ гь. ꙗростью на вы. гл҃ть бо пророкомъ исаиемъ. аще неправдою ѡзлобиши сиротоу. или вдовицю. и во горести дш҃а ихъ. возды [л. 13] хающихъ. взопиють [ко мнѣ.

скоро оуслышю вопль ихъ. и поущю на вы гнѣвъ свой. и погублю вы напрасно. и боудоуть жены ваша вдовы. а чада ваша боудоуть сироты. и никто ихъ не помилоуеть. и ѿ имены сиротинѣ. и вдовіцинѣ. помышлай хотя

хотѧ взѧтисѧ. силе (sic) бо ѥ҃ гь҃	взѧти ѧ҃. силенъ бо ѥсть гь҃.
мира ѥѡ҃. рекъ а҃ ѥсмь	мира ѥю҃ рекый. азъ ѥсмь
ѿць҃ сиротамъ и мьсти-	ѿць҃ сиротамъ. и ѿмьсти-
тель вдовицамъ. из роукы сил-	тель вдовїць. из роукъ сил-
наго избавлѧай. горе ѡби-	ны^х избавлю ихъ. горе ѡби-
дѧщемоу вдовицю лоуче	дѧщемоу вдовицю. лоучше
бы ѥмоу ѡгнь в домъ свой	бы ѥмоу ѡгнь в домъ свой
в'верг'ше и запалив'ше	вовергъше. и запаливше
из'бѣгноути. неже за си^х	избег'ноути. нежели за сїхъ
въздых^хниѥ в'верь [л. 34 об.]	воздыханїѥ. въверженоу бы-
[женоу бы-	
ти в' геѡноу ѡгненоую. тѣм'	ти. в геѡноу ѡг'неноую. тем
же безъ испытанїа не прїем-	же безь испытанїѧ. не приѥм-
ли клеветы на сироты и	леть клеветы. на сироты и
вдовїца. и не в'скорѣ вѣры	вдовици. и не воскорѣ вероу
имите ѡбажающи^м. нъ	имите. ѡбаживающїмъ. но
блюдѣте сѣти дїавѡлѧ.	блюдитесѧ сетей. дьѧволихъ.
послоушайте же па҃ писа-	послоушайте же паче писа-
нїа. глща҃ сиротѣ боуди	нїѧ. глющї сиротѣ боуди
помощни҃. блгвѧт' тѧ	помощникъ. и блгвѧт' тѧ.
оуста вдовича. боуди си-	оуста вдовича. боуди си-
рымъ ѿць҃. в' моу-	рымъ. аки ѿць҃. и во моу-
жа мѣсто вдовицами по-	жа место. вдовицами по-
пецисѧ[1]). и моленїа ѡбиди-	пецисѧ. и моленїѧ ѡбидї-
ма҃ скоро послоушаи.	маго скоро послоушай. [л. 13 об.]
се бо велика ѥ҃ добродѣ-	се бо велика ѥсть добродѣ-
тель прѣ҃ бгѡ^м. ѥже надѣ-	тель прѣ҃ бгмъ҃ ѥже надѣ-
лѧти вдовици и сироты.	лѧти вдовици. и сироты.
и оутѣшати в' печа-	и оутѣшати ихъ в печа-
ле^х соущаѧ. лоуче бы ма-	ли соущаѧ. лоучьши бо
ло дѡбро приѡбрѣсти съ	приѡбрести имѧ. добро съ
блвнїѥ^м. неже бгт-	блгословеньѥмъ. нежели бо-

1) Въ рукописи ошибочно написано: попопецисѧ.

во много с' клѧт'-
вою. постави^л тѧ цр҃ь в'
великый санъ и҆ к тобѣ
и҆доуть мали и҆ велици.
слав'ни и҆ неславнїи. да-
ры и҆ чт҃и приносѧще
ти. то бл҃го є҆ и҆ ѿ бг҃а
дарова҆но. нъ блюди҆
гр҃ѣхомъ взѧтїа. се
неправда є҆ єга҆ кто
мзоу҆ дасть хотѧ сѹпер'-
ника препрѣти. и҆ боу҆деши
неправе҆нѣ ѡ҆соужаѧ чл҃ка.
въ ѡ҆бразъ б҃жїи сътворена.
є҆го же ра҆ х҃с кровь свою
пролїа. проклѧтъ ре҆ всѧкъ
соудѧи҆ неправ҆но. и҆ ꙗрость
гн҃ѧ неисцѣл'на на ни^х
до вѣка. и҆ ѡ҆гнь снѣсть
домы и^х вземьлющи^х мзоу҆.
и҆ чада и^х не поживоу҆. не-
чт҃їа ра ѡ҆ц҃ь свои^х
юже неправо҆ю взимахоу҆.
ѡ҆ властели неправдивии
м'здоим'ци. ꙗже събрасте
[л. 35] ѿ вдовы и҆ сироты. то
в негасимо^м ѡ҆гни по҆-
гнѣта є҆ дш҃амъ вашимъ: ⁘

л. 234. Сло҆ петра черно-
ри^з ца, ѡ҆ житьи҆ семь·: ⁘

І҆ аще кто҆ ѿ чл҃къ

гатьство многоє҆. со клѧт-
вою҆, поставил' тѧ цр҃ь, в
великомъ саноу. и҆ к тобѣ
и҆доуть мали и҆ велицїи҆.
славнїи҆ и҆ неславнїи҆. да-
роке и҆ честь приносѧще
ти. то бл҃го є҆сть ѿ бг҃а
даровано ти. но блюдисѧ
съ грѣхомъ взѧтиѧ҆, се бо
неправда є҆сть, є҆гда кто
мзоу҆ даєть. хотѧ соупер-
ника препрети. и҆ боудеши
неправ҆но ѡ҆соужа҆а҆ чл҃вка.
во ѡ҆бразъ бж҃и сътворена.
єго же ради х҃с. кровь свою
прольѧ. проклѧтъ рече всѧкъ
соудѧи҆ неправедно. и҆ ѧрость
гн҃ѧ неисцелна. на нихъ
до вѣка. и҆ ѡ҆гн'ь снесть
домы. вземлющи^х мзу҆. и҆
чада и^х не поживоуть. не
честьѧ ради. мзы҆ оц҃ь и҆хъ.
юже неправ҆ою възимахоуть.
о҆ властели неправди҆вии҆.
мзо҆им'ци. ѧже събрасте.
ѿ вдовъ и҆ ѿ сиротъ. то
в негасимомъ ѡ҆г'ни. подь-
гнета є҆сть дш҃амъ вашимъ.
бг҃оу нашемꙋ слава всегда
и҆ нн҃ѣ: ⁘

л. 268 об. сло҆. петра чер-
норисца. ѡ҆ житїи҆ семъ.
гн҃и бл҃гви ѿ.

И҆ а҆ще кто ѿ чл҃къ

оукѡ́ры и скорби, и҆ бѣды
приемле҇, в хꙋдѡ҇ жи҇
се҇. той въ ѿнѡ҇ вѣцѣ
ѿ бга в велицѣи чти боу-
дѣ҇. почто любими са-
ми ся чюжаѐмь. радости вѣч-
ныя. и҆ по и҆стиннѣ ꙗ҆ко во
тмѣ ѐсмы. въ грѣсе҇
живоуще. не види҇ во
ни чюѐмся что творяще.
и҆ ѡ҆ставлеше истиноу
а҆ ѕлая[1] творимь, слышаще
не слышимь. и҆ видяще не
видимь. ꙗ҆ко не истиннꙋ
мни҇, е҇ ѡ҆ цртвѣ повѣда-
ѐмаꙗ. и҆ ѿ моука҇ грѣшны҇
ѿнъ живѿ ныи
дарꙋе҇ и҆ щедрꙋѐть. а҆
мы ѐго ѿвращаѐмся. гнѣ [л. 234 об.] вми нашими и҆ зло-
бами и҆ непра҇вами. ѿнъ
съмрти за ны пріатъ. и҆
кровью своѐю и҆скꙋпи[1] ны.
а҆ мы сами ся лишаѐмь
бесъмртьнаго живо́та. симъ
временны҇ льстящеся. раз-
личьѐмь ри҇ и҆ множѣ҇
собраніемь. и҆ пьа́н'ствѡ҇,
ѿ члче а҆ще в скꙋ҇сти
живеши. а҆ непра҇вами
збирая. а҆ не подавая бга
ра҇. то дѣѐши ли

оукоры и҆ скорби. и҆ бѣды
прие́млеть. в хꙋдомъ жи́тьи
семъ. той во и҆номъ вѣци.
ѿ бга в велици чьсти боу-
деть. поч'то лю́бимі́и. са-
ми лі́шаѐмъ. радости вѣч-
ныя҇. по и҆сті́н'нѣ. ꙗ҆ко во
т'мѣ ѐсмы. во грѣсѣхъ
живоущей. не видим во
ни чю́ѐмся что' трорящи.
и҆ ѡ҆ставлеше и҆стин'ноу.
а҆ зла́я҇ творимъ. слышаще
и҆ не слышимъ. и҆ видя не
о. . . . . . . а҆кы не и҆ст . . . .
. . . . мъ. ѐже ѿ цртвии бжьи.
поведаѐмая҇ намъ. и҆ ѿ моука҇
грѣшнымъ. ѿнъ животъ да-
роуѐть, и҆ щедроуѐть. а҆
сам҇ ѐго ѿвращаѐмся҇. и҆
гнѣвимъ. и҆ нашими зло-
бами. и҆ неправдами. ѿнъ
страсть за ны приятъ. и҆
кров҇ю своѐю и҆скоупи ны.
а҆ мы сами ся҇ лишаѐмъ.
бесмртнаго живота. симъ
времены (sic) льстящеся. раз-
личьѐмъ [л. 269] ризъ и҆м . . . ъ
съвра . . . мъ . . . . ья́ньст . . . ъ
. . . . е. аще в . . . . упо . . .
. . . живеши. а҆ не . . . . вдами
собирая . не подавая҇ бга
дѣля. то надѣѐши ли ся҇.

[1] Писецъ второй части рукописи, игуменъ Вассіанъ, нерѣдко употребляетъ ж, а равно ѕ, α, є, чего не наблюдается у Өедора Родіонова.

въ гробъ взѧти и҆мѣнїе
с собою҆. ѿ неразоумне не льстисѧ. все ѿстанетъ и҆мъ ѧ҆же собра[1]).
а҆ ты҆ со грѣхы токмо ѿи҆дешь.
и҆ се҆ же не всѣмь є҆
ѻ҆станеть. и҆ зе҆ же
мнози лишени бываю҆
и҆мѣнїа. ѻ҆вии ѿ татеи҆ и
и҆нии҆ потопоша. и҆
сож'жени ѡ҆гнѧ. а҆ и҆ни
в сла́сте[х] и҆ в' пьа҆нствѣ
и҆ въ блоудѣ погоубили и҆мѣнїе [своеи дш҃и на съблазнъ]
ѡ братье почто не б҃а ра҆
имѣние по[2])гоубимь и҆ не
щадимь дш҃а своеѧ. а҆ще бо̀
кого разбои҆ници срѧщють
хотѧще є҆го ѹ҆бити. то̀ молѧсѧ все даѐ и҆мъ и҆мѣнїе.
гл҃ѧ живѿ ми
даи҆те. а҆ и҆мѣнїе себе
възмите; ѿ любимии҆ како се҆ не ѕло. смр҃тнаго ра҆
живота не брежемь
и҆мѣнїа всего. а҆ бесмр҃тныа҆ ра҆ дш҃а не ѻ҆бо-

во гробъ взѧти и҆мѣнї҆є҆
своє҆ с собою҆. ѿ неразоумне. не льстї҆сѧ҆. все ѿстанетъ и҆немъ ѧ҆же събра.
а҆ ты грѣхы токъмо ѿи҆деши. и҆ се же не всемъ є҆.
и҆же ѻ҆станеть. и҆ здѐ бо
мнозии҆, лишени бываю҆ть
и҆менї҆ѧ. ѿвї҆и ѿ татеи҆. а҆
и҆нї҆и҆ потопоша. а҆ и҆нї҆и҆
пож[ж]ени ѿ ѻ҆гнѧ. а҆ и҆нї҆и҆
во сластехъ. и҆ во пьѧ҆ньствѣ.
и҆ во блоудѣ погоубї҆ли. и҆мѣнї҆є҆ своє҆ дш҃и на съблазнъ.
ѿ братьє҆. поч'то имѣнї҆є҆.
не бг҃а ради гоубимъ. нї҆
щадимъ дш҃ь свои҆хъ. а҆ще бо
разбоиници кого срѧ҆щꙋть.
хотѧ҆ще оубити и҆. то молѧ҆ и҆мъ. все и҆менїе своє҆
даѐть. гл҃ѧ и҆мъ животъ
ми даи҆те. а҆ и҆менїє҆ собѣ
возмите. ѿ любимї҆и҆. како се не зло҆. смр҃тьнаго ради живота. не брежемъ.
и҆меньѧ҆ всего. а҆ бесме [л. 269 об.]
ртныѧ҆ дѣлѧ҆ дш҃а, не ѿбо-

---

1) Затѣмъ въ ркписи снова повторено: и҆мѣнїе взѧти с' собою҆. ѡ неразоумне не лстисѧ. все ѿстанетъ и҆мъ ꙗже собра.

2) Слова: своеи дш҃и . . . . имѣние по — писецъ пропустилъ и подъ значкомъ ✝ вписалъ на верху листа. Но при переплетѣ слова: своеи дш҃и на съблазнъ, поставленныя въ прямыхъ скобкахъ и взятыя нами изъ F. I. № 209, были обрѣзаны, а со словъ: ѡ братье почто не ба ра — были срѣзаны надстрочные знаки.

лимь даѧти дроугимь же
а҆ще в мори и҆ли на рѣцѣ.
боурѧ велика лоучитсѧ.
то в' водоу и҆с кораблѧ
метаю҃ рекоуще.
а҆ быхѡ^м^ живи сами. а҆
и҆мѣнїе бг҃ъ дасть.
ѡ҆ бра҃е [л. 235] єг҃а бы на^м^
рещи къ бо҃у. дан же на^м^
вѣ҃ны живѡ҃. а҆ и҆мѣнїа
не брежемь. но мы дꙋши брежемь.
а҆ и҆мѣнїе беремь. сирѡ́ты работи^м^.
крадемь ѻ҆бидимь. да бы
много собрати. аще бы мощ-
но всѣ^х^ бы погоубль. и҆мѣнїе
к себѣ прїалъ. мнози же в
земли скрываю҃ а҆ ба҃
дѣлѧ не даю҃. да како
немл҃тиви помиловани боудете.
немилостивы^м^ немл҃тивъ соу҃ ѿ
[ба҃.
ѡ҆ любимии҆ почто не печалꙋи^м^ ѿ
ѿ сп҃ни҆и на́ше^м^. ни мало вол^е^ю не
[спѣ-
є҆мь на добро̀ за то на^м^ бѣды
соу҃. єг҃а бо̀ кто къ црк҃ви боу-
де҃ и҆т'ти то мы протѧ-
гає^м^сѧ лежа. чешемсѧ лѣ-
нимсѧ. а҆ще же и҆ прі҆идемь
къ црк҃ви, то стои҆мъ
а҆кы оу нѣкоє҃ ѕла с ноу-
жею҃. вѣстꙋє҆мь же и҆ не
слышимь словесъ бж҃и^х^ ст҃ы^х^.
и҆ стꙋжає҆мсѧ рекꙋще

лимъ даѧ҆ти. дроугим же
а҆ще во мори. и҆ли на рѣцѣ
боурѧ҆ зѣлна лоучитсѧ
то в' водоу и҆с кораблѧ҆.
и҆мѣні҆є҆ вметають. р'коу-
ще. а҆ быхомъ живи сами
были. а҆ и҆мѣні҆є҆ бг҃ъ дасть.
ѡ҆ братье. є҆гда бы намъ.
рѣщи ко бгоу҃. даж҃ь вѣчь-
ный животъ. а҆ и҆мѣні҆ѧ҆
не брежемъ. но мы дш҃ь не бре-
жемъ. а именье беремъ. сироты
работи^м^. крадемъ
ѻ҆бидимъ, да бы
много. всѣ^х^ погубити. а҆ имѣньє҆
к собѣ приѧ҆лъ. мнози же в
земли съкрываю҆ть. а҆ бг҃а
дѣлѧ҆ не даю҆ть. да како
немл҃твый соудъ. ѿ бг҃а боу-

деть ѻ҆ любимі҆и҆. поч'то не
печалоує҆мсѧ҆ сп҃ньє҆мъ нашимъ.

ни мало волею҃. не спѣє҆мъ
на добро. за то намъ бѣды
соуть. є҆гда бо ко црк҃ви боу-
деть и҆ти. то мы протѧ҆-
гає҆мсѧ҆ лежа чешемсѧ҆. ле-
нимсѧ. а҆ще же и҆ прі҆идемъ
къ црк҃ви. то мы стои҆мъ.
а҆ки не оу коє҆го зла҃ с ноу-
ждею҃. вестоує҆мъ^ж^. и не
слышимъ словесъ ст҃хъ. [л. 270]
стоужаем си. и рекоуще

дол'го поют. аще не ꙗвѣ
но въ мысли. а дрꙋ-
зий не дождавъ конца ѿбѣ-
гают. а инїи бесѣдоуют
неподобнаѧ. єдїнаго чса
не могоут въ црк҃ви
з' боѧзнью стоѧти. а мно-
го на ꙋлицах. ли в пи-
рꙋ вс҃ь дн҃ь стоѧть. а
инїи всю нощь не спѧт.
пьюще дѣлающе ѕлаѧ на
пагꙋбѫ дш҃ам. и инии
въ црк҃ви стоѧть ѕлаѧ мы-
слѧт. бѣсъ бо припадаѧ
въ ꙋхо шепчет. аггл҃ъ
гн҃ь даны на соблюденїе
чл҃кꙋ. тъ велми плачеть
ѿ нем :·

долго поють. аще не ѧви.
но в мысли своєи. а дроу-
зїи не дождавъ конца ѿбе-
гаютъ. а инїи бѣсѣдоу-
ють. неподобнаѧ. єдинаго
часа не могоуть въ црк҃ви
съ боѧзнью стоѧти. а мно-
го на оулицахъ. илї в пи-
роу вс'ь дн҃ь стоѧть. а
инїи всю нощь н спѧть (sic).
пьюще и дѣюще злаѧ. на
пагоубꙋ дш҃амъ. инїи же
во црк҃ви стоѧ. а злаѧ мы-
слѧть. бѣсъ бо припадаѧ.
въ оухо шепчеть имъ. анг҃лъ
гн҃ь даный. на соблюденїє
чл҃коу. то велми плачетсѧ
ѿ немъ. бгоу нашемꙋ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 2.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ

ВЪ 1903 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1905 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1903 года Ординарнымъ Академикомъ *Н. П. Кондаковымъ*. 1

I. **В. Н. Перетцъ.** Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVII в. С.-Пб. 1902.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. С.-Пб. 1903.

Рецензія Академика *А. И. Соболевскаго*. 13

II. **А. И. Яцимирскій.** Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности. Рукопись.

Рецензія Профессора *П. А. Лаврова*. 23

III. Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ второй. Сборники и лексиконы. — Выпускъ третій. Псалтыри. — Выпускъ четвертый. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ **Валерій Погорѣловъ.** М. 1899 — 1903.

Рецензія Академика *А. И. Соболевскаго*. 41

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1903 года

Ординарнымъ академикомъ **Н. П. Кондаковымъ.**

Въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовскихъ премій поступило всего семь сочиненій, представленныхъ четырьмя соискателями означенныхъ премій. Изъ этого числа два сочиненія одного автора оставались отложенными отъ предыдущаго конкурса 1901 года; одно сочиненіе было перенесено на конкурсъ по соисканію премій графа Д. А. Толстого, присужденіе которыхъ должно состояться въ этомъ же году. Для оцѣнки представленныхъ сочиненій была, согласно § 10 Правилъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, образована Комиссія, въ составъ которой вошли всѣ члены Отдѣленія, проживающіе въ Петербургѣ. Разсмотрѣнію Комиссіи подлежало всего шесть нижеупомянутыхъ сочиненій, принадлежащихъ тремъ отдѣльнымъ авторамъ:

I.

Трудъ экстраординарнаго профессора Императорскаго Университета Св. Владимира въ Кіевѣ **В. Н. Перетца** «*Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII вѣка*» (С.-Петербургъ,

1902) («Изслѣдованія и Матеріалы». Томъ III), съ присоединенною къ нему, въ видѣ дополненія, брошюрою: «*Очерки старинной малорусской поэзіи*» (С.-Петербургъ, 1903).

Разсмотрѣніе означенныхъ двухъ трудовъ было исполнено ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Третій томъ «Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ» состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ. *Первая*, бо́льшая, половина посвящена вопросу о происхожденіи тоническаго стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи пастора Глюка и его сотрудника и преемника по школѣ магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность.

Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся послѣ Пауза бумагъ, авторъ удачно поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими стихами Тредьяковскаго. Слабыми сторонами этой половины труда В. Н. Перетца слѣдуетъ считать: 1) отсутствіе обзора стихотворства Петровскаго времени и ближайшихъ къ нему годовъ XVIII столѣтія, до 1740 г. приблизительно, такъ какъ безъ этого обзора нельзя говорить рѣшительно о значеніи тоническихъ стиховъ Глюка и Пауза; 2) слабое знакомство съ историческими данными о Глюкѣ и его школѣ.

Вторая половина труда В. Н. Перетца говоритъ о малоизвѣстномъ малорусскомъ писателѣ конца XVIII вѣка, Некрашевичѣ. Авторъ, на основаніи по большей части новыхъ, найденныхъ имъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщаетъ свѣдѣнія о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Некрашевича и опредѣляетъ его значеніе въ исторіи русской литературы. И въ этой части чувствуется недостатокъ—отсутствіе обзора стихотворства у малоруссовъ второй половины XVIII вѣка.

«*Очерки старинной малорусской поэзіи*» В. Н. Перетца—оттискъ статьи, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» 1903 г.

кн. 1. Въ немъ авторъ издалъ по рукописямъ XVIII в. нѣсколько стихотвореній, въ томъ или другомъ отношеніи любопытныхъ, въ ихъ числѣ русскій текстъ Эпиникіона Θеофана Прокоповича, извѣстный ранѣе лишь въ отрывкахъ, съ критико-библіографическими замѣчаніями.

«Всѣ труды В. Н. Перетца, — говоритъ въ заключеніи своей рецензіи академикъ А. И. Соболевскій, — представляютъ большое количество новыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ, изданныхъ по рукописямъ разныхъ русскихъ столичныхъ и провинціальныхъ книгохранилищъ, важность и цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они вполнѣ заслуживаютъ награды половинною Ломоносовскою премією».

II.

Разсмотрѣніе представленнаго въ рукописи труда **А. И. Яцимирскаго** подъ заглавіемъ: «*Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности*» — было поручено профессору Имп. Санктпетербургскаго Университета П. А. Лаврову.

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности Григорія Цамблака. Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностью касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынской литературой о Цамблакѣ и, обратно, румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянской письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія Цамблака, примыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгариномъ. Г. Яцимирскій видитъ въ Григоріи Цамблакѣ уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что Цамблакъ покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи Гавріилъ не названъ Цамблакомъ и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря Гавріиломъ, котораго онъ въ свою очередь отождествляетъ съ Григоріемъ Цамблакомъ. На Аѳонѣ Григорій принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инока, Григорій по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе Григоріемъ словъ на рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Новаго. Отвергая игуменство Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Иліи, 4) на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ, Цамблакъ уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ

извѣстіе о смерти Кипріана, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407 — 1408 гг. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію Григорія въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ Цамблакъ занялъ Кіевскую митрополію и вызвалъ противодѣйствіе московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріану, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409 — 1410 г. и б) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздвиженіе, 6) похвалы великомученику Димитрію и 7) Евѳимію Тырновскому въ 1416 — 1417 г. Касаясь вопроса объ участіи Цамблака на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные Григоріемъ предъ отцами собора. Переходя за тѣмъ къ возвращенію Григорія въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей вскорѣ смерти Григорія, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что Цамблакъ, тайно оставивъ наше отечество, удалился въ Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Нямецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника Гавріила. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Какъ разъ въ близкое къ смерти Цамблака время является въ Нямецкомъ монастырѣ инокъ Гавріилъ, которому принадлежатъ многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѳимія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ Цамблака. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса

о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г. — изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи, — а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что валахи еще въ XIV в. находились въ сношеніяхъ съ болгарами, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе.

Труды Гавріила, начиная съ 1423 — 1424 г., являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345 — 378). Не ограничиваясь этимъ, г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ Гавріила и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацію молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе Гавріила, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ Гавріила, на подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ. Вполнѣ справедливы замѣчанія г. Яцимирскаго о важности рукописей Гавріила для сужденія о реформѣ патріарха Евѳимія. Въ то время какъ Константинъ Костенчскій положилъ основаніе ресавскимъ изводамъ, Гавріилъ въ своихъ книжныхъ трудахъ оставался вѣренъ тырновскому правописанію. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало молдавской исторіографіи положено Гавріиломъ, которому можно приписывать Тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о Цамблакѣ въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ

Цамблака отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ Цамблака въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности Григорія-Гавріила Цамблака.

Изъ предложеннаго нами краткаго обозрѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи Цамблака и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами библіотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полнаго признанія труды, а именно описаніе рукописей Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества) и печатающееся описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Сверхъ того, имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки» (Москва, 1898 г.) и статьи въ «Извѣстіяхъ». Только благодаря этому знакомству съ рукописной молдавской литературой г. Яцимирскій могъ выступить съ взглядомъ о тождествѣ Григорія и Гавріила. Правда, собранныя имъ прямыя и косвенныя доказательства, по нашему мнѣнію, еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ Григорія и Гавріила. Во всякомъ случаѣ, попытка г. Яцимирскаго удачнѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Безъ сомнѣнія, самымъ важнымъ документомъ тождества Григорія и Гавріила было бы, если бы мы знали, что переписавшій въ 1389 г. творенія Исаака Сирина въ Лаврѣ св. Аѳанасія грѣшный Гавріилъ былъ именно Григорій Цамблакъ, но въ этомъ случаѣ при имени Гавріила нѣтъ имени Цамблакъ. Правда, г. Яцимирскій утверждаетъ, что почеркъ этого Гавріила и почеркъ Гавріила Схимонаха принадлежатъ

одному лицу (241 стр.). Снимковъ не приложено и провѣрить это указаніе мы не можемъ; если это такъ, то и тогда удостовѣряется лишь тождество Гавріила, бывшаго на Аѳонѣ, и Гавріила схимонаха; но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого Гавріила съ Григоріемъ Цамблакомъ недостаетъ автографа Григорія (что признаетъ и авторъ, см. стр. 242). Авторъ взамѣнъ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей Гавріила до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Нямецкаго игумена Ѳеодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Ѳеодосій сравниваетъ іеромонаха Іоиля, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги,—съ Гавріиломъ Цамблакомъ: «яко нѣкъгда Гаврїиль Цамблакь, игуменъ отъ нашь Нямѣцскїи монастирь, добри кънигы написавъ сладкими словесы поучалъ въсѧ христїаны, и тръдь къ тръдомь прѣлагалъ *сѧтителскыи степень* ѡставль, къ богѹ ѡтиде». По нашему мнѣнію, скорѣе можно въ этомъ выраженіи: «сѧтителскыи степень ѡставль къ богѹ ѡтиде»—видѣть указаніе на то, что Цамблакъ умеръ въ схимѣ, а не на то, что онъ былъ митрополитомъ въ Кіевѣ. Приводимое въ связь съ этимъ свидѣтельство Козачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не маловажнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего Григорій, извѣстный многочисленными самостоятельными трудами, многочисленными словами и житіями въ первый періодъ своей дѣятельности, изобличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ Григорію Цамблаку (стр. 82). Что же касается принадлежности ему Тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать внѣ сомнѣнія тождество Григорія и Гавріила, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности Гавріила,

особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ. Если же прибавить, что г. Яцимирскій приступилъ къ печатанію сочиненій Григорія Цамблака въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, то слѣдуетъ признать за его трудами, посвященными этому писателю, большую цѣнность.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга г. Яцимирскаго, встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія который представилъ оцѣнку словъ Григорія Цамблака, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ Григорія Цамблака болгариномъ (стр. 21), не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ.

На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра «мучепиколюбный», безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Очень сомнительными кажутся намъ возраженія противъ игуменства Григорія въ Дечанскомъ монастырѣ (стр. 150). Указанія рукописей и особенно Владислава Грамматика, близкаго по времени къ Цамблаку, получаютъ въ этомъ вопросѣ большую важность. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явилось какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149 — 150). Мы предпочитаемъ, вмѣстѣ съ предшественниками автора, въ Плинаирской обители, игуменомъ которой называетъ себя Григорій Цамблакъ въ похвальномъ словѣ Кипріану,—видѣть Плинарійскую Константинопольскую обитель, нежели внѣвоздушную, вопреки разсужденіямъ (стр. 161 — 163) г. Яцимирскаго. По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнаніе мѣста, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія кирилловскую часть Реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памят-

никомъ XI — XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Углешъ Мрнявчевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целеби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Несмотря на это, въ виду того, что книга *) г. Яцимирскаго даетъ богатый и часто новый цѣнный матеріалъ для біографіи Цамблака и югославянской письменности его времени, г. рецензентъ позволяетъ себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

III.

Три выпуска труда **В. А. Погорѣлова,** вышедшаго въ серіи изданія: «Описаніе рукописей Типографской Библіотеки» а) «*Сборники и Лексиконы*» (*Вып. 2-й*), б) «*Псалтыри*» (*Вып. 3-й*) и в) «*Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702 — 1727*» (*Вып. 4-й*) — были разсмотрѣны ординарнымъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской библіотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Второй, третій и четвертый — принадлежащіе г. Погорѣлову, посвящены 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25 — 44), 2) псалтырямъ (№№ 45 — 63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702 — 1727 гг. (№№ 64 — 82), всего 58 рукописямъ

---

*) Представленный на премію въ рукописи А. И. Яцимирскимъ трудъ носилъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаніи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно-библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

XIII — XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: «*О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри*« (стр. V — LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще бо́льшую цѣнность, еслибы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ номеровъ.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства, г. рецензентъ полагаетъ, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

Комиссія, разсмотрѣвъ представленныя сочиненія и полученныя къ указанному правилами о присужденіи Ломоносовскихъ премій сроку рецензіи на нихъ: ординарнаго академика А. И. Соболевскаго и профессора П. А. Лаврова, не нашла возможнымъ присудить полной Ломоносовской преміи (въ тысячу рублей) никому изъ упомянутыхъ соискателей. Вопросъ же о правѣ всѣхъ соискателей на награжденіе представленныхъ ими трудовъ половинными Ломоносовскими преміями былъ рѣшенъ закрытою баллотировкою. Такимъ образомъ были присуждены большинствомъ голосовъ двѣ половинныя преміи, по пятисотъ рублей каждая, — профессору В. Н. Перетцу и А. И. Яци-

мирскому. Что же касается труда В. А. Погорѣлова, то Комиссія нашла справедливымъ отличить его почетнымъ отзывомъ имени Ломоносова.

Означенное заключеніе Комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность гг. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію поступившіе на Ломоносовскій конкурсъ печатные и рукописные труды.

Слѣдующее ближайшее присужденіе Ломоносовскихъ премій по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ — послѣдуетъ въ 1905 году. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-ое іюня 1905 года.

I.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. Спб. 1903.

Рецензія Академика **А. И. Соболевскаго.**

I.

Первая, большая половина «Изслѣдованій» посвящена вопросу о происхожденіи тоническаго стиха въ великорусской искусственной поэзіи XVIII вѣка. Автору посчастливилось открыть русскіе стихи извѣстнаго пастора Глюка и его сотрудника и преемника по нѣмецкой школѣ въ Москвѣ, магистра Пауза, имѣющіе тоническое основаніе и въ этомъ отношеніи, несмотря на незначительность содержанія, представляющіе несомнѣнную цѣнность. Далѣе, чрезъ разсмотрѣніе біографіи Пауза и судебъ оставшихся по его смерти бумагъ, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковскаго. Эта часть «Изслѣдованій» даетъ также много новыхъ свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ въ Москвѣ Петровской эпохи, между прочимъ документы относительно нѣмецкой школы въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, въ первой части «Изслѣдованій» есть слабая сторона. Это — незнакомство автора съ нѣкоторыми давно уже изданными матеріалами, использованными какъ въ другихъ тру-

дахъ, такъ особенно въ диссертаціи М. Ф. Владимирскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка», а также и съ самой этой диссертаціей. Оно привело автора къ нѣсколькимъ ошибкамъ или неудачнымъ замѣчаніямъ, къ счастію, почти исключительно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о школѣ Глюка.

На стр. 73 В. Н. Перетцъ недоумѣваетъ, откуда Пекарскій взялъ свои свѣдѣнія объ этой школѣ и о программѣ Глюка. Между тѣмъ программа была напечатана впервые митрополитомъ Евгеніемъ въ журналѣ *Другъ Просвѣщенія* 1806 года; потомъ она появилась на страницахъ «Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей» того же Евгенія (М. 1838). Хотя послѣдній не указалъ, гдѣ находится подлинникъ программы, тѣмъ не менѣе, въ виду близости Евгенія къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому и А. Ѳ. Малиновскому, можно было предполагать, что ее слѣдуетъ искать въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. И дѣйствительно, она, автографъ Глюка, хранится въ этомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими документами о Глюкѣ, и имѣетъ быть въ скоромъ времени издана С. А. Бѣлокуровымъ [1]).

На стр. 157 В. Н. Перетцъ говоритъ о педагогическомъ персоналѣ школы Глюка-Пауза и между прочимъ замѣчаетъ: «трудно приписать приглашеніе Штуревеля (одного изъ учителей) ко времени до мая 1705 года, какъ это дѣлаетъ Пекарскій, называя учителя конной ѣзды: Штурмевель». Между тѣмъ въ «каталогѣ учителей и наукъ», находящемся при программѣ Глюка и вмѣстѣ съ послѣднею изданномъ Евгеніемъ, значится и Штурмевель, «конскій учитель».

На стр. 165 у автора мы читаемъ: «М. И. Демковъ... совершенно безосновательно утверждаетъ, что въ школѣ Глюка было въ 1706 году 300 учениковъ». Г. Демковъ взялъ эту цифру у М. Ф. Владимирскаго-Буданова, который привелъ выписку изъ документа, напечатаннаго И. Д. Бѣляевымъ въ га-

1) Трудомъ С. А. Бѣлокурова, посвященнымъ нѣмецкимъ школамъ въ Москвѣ при Петрѣ и уже приготовленнымъ къ печати, В. Н. Перетцъ кое-гдѣ воспользовался. См. стр. 154, 197.

зетѣ *День* 1863 года, № 15, и теперь хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1573. Этотъ документъ — не что иное, какъ докладъ царю Петру о нѣмецкой школѣ, 1706 года, съ резолюціей Петра. Докладъ предлагаетъ увеличить очень скромное въ то время число учениковъ школы до 300; резолюція Петра гласитъ: «больше 100 человѣкъ не принимать» [1]).

На стр. 189 авторъ упоминаетъ о Коетѣ и замѣчаетъ, что это лицо было знакомо съ Паузомъ. Изъ только что упомянутаго документа видно, что Коетъ и Веселовскій были какъ-бы попечителями нѣмецкой школы.

На стр. 164—165 авторъ указываетъ на связь школы Глюка-Пауза съ школами піэтистовъ въ Германіи и Швеціи. Онъ могъ бы подкрѣпить свое указаніе ссылкою на важное свидѣтельство Фоккеродта о томъ, что Глюкъ «устроилъ свое училище совершенно по правиламъ шведскаго церковнаго устава» («Россія при Петрѣ Великомъ», М. 1874, стр. 101), передающее намъ мнѣніе о школѣ жившихъ въ Москвѣ иноземцевъ [2]).

Конечно, эти мелочи не имѣютъ значенія и мало замѣтны [3]).

Какъ мы уже сказали, авторъ поставилъ въ связь тоническіе стихи Глюка и Пауза съ тоническими же стихами Тредьяковскаго.

Онъ не вѣритъ, что русская *народная* пѣсня оказала вліяніе на теоретическія построенія Тредьяковскаго. По его мнѣнію, Тредьяковскій былъ лишь «скромный компиляторъ въ области теоріи поэзіи и никогда особой рѣшительности и изобрѣтательности не обнаруживалъ», да и стихотворенія его по своему строенію имѣютъ очень мало сходства съ народными пѣснями (стр. 69).

---

1) Здѣсь же упоминается о девяти стипендіяхъ Посольскаго приказа въ этой школѣ и трехъ Ижерской канцеляріи. Ср. у В. Н. Перетца стр. 164.

2) И. А. Шляпкинъ отсюда заключаетъ о пропагандѣ Глюкомъ и Паузомъ лютеранства (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 г., № 9, стр. 237), но мы не видимъ для этого достаточныхъ основаній. Ср. у В. Н. Перетца стр. 224.

3) Укажемъ еще на одну мелочь. Авторъ не знаетъ о существованіи упомянутой у митрополита Евгенія книжки Глюка: «Ага et honoris et amoris», Hall. Sax. 1680, f., гдѣ находится стихотвореніе Глюка на *славянскомъ*, еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Мы не сумѣли найти эту книжку.

Это вынуждаетъ В. Н. Перетца «искать такое посредствующее звено, которое бы могло связать намъ теорію Тредьяковскаго съ жизнью и указало бы, какой образецъ могъ послужить руководящей нитью» Тредьяковскому «въ его открытіи». «И такое звено, продолжаетъ авторъ,—имѣется. Оно создано трудами двухъ незаслуженно забытыхъ исторіей дѣятелей русской литературы». Это—Глюкъ и Паузъ, «писавшіе тоническіе стихи по образцу нѣмецкаго тоническаго стиха еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка». Но у Тредьяковскаго, по автору, есть заслуга: онъ «имѣлъ смѣлость воспользоваться опытомъ» Глюка и Пауза (стр. 34).

Но какъ Тредьяковскій могъ познакомиться съ открытіемъ ученыхъ нѣмцевъ и оцѣнить его? Нѣтъ основаній предполагать близкое личное знакомство Тредьяковскаго съ Паузомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и устныя бесѣды ихъ о русскомъ стихосложеніи. Изъ данныхъ относительно судьбы книжнаго имущества Пауза, приведенныхъ В. Н. Перетцемъ, не видно, чтобы Тредьяковскій интересовался этимъ имуществомъ. Дѣйствительно, выписки изъ источниковъ по русской исторіи могли интересовать академика Байера и другихъ нѣмцевъ, не знавшихъ по-русски; стихи Глюка и Пауза даже ихъ едва ли интересовали. А чѣмъ изъ имущества Пауза могъ заинтересоваться Тредьяковскій? Матеріалами по русской исторіи? Но онъ понималъ источники русской исторіи несравненно лучше, чѣмъ Паузъ, и они были для него болѣе доступны, чѣмъ для Пауза. Стихами? Но содержаніе ихъ для него было совершенно неинтересно, а ихъ нѣмецко-русскій языкъ съ сочиненными словами, съ пропускомъ звуковъ, съ неправильными оборотами, вообще странный (или даже смѣшной) для русскаго слуха, могъ лишь оттолкнуть его отъ нихъ. Стихотворнымъ размѣромъ? В. Н. Перетцъ, привыкшій къ тоническимъ размѣрамъ, увидѣлъ въ нихъ тоническіе стихи; а Тредьяковскому, смотрѣвшему на стихи сквозь призму силлабической теоріи, едва ли можно было усмотрѣть въ нихъ что-нибудь для себя новое; онъ имѣлъ полное основаніе принимать за плохіе силлабическіе — такіе, напримѣръ, стихи:

Охъ, времена прескорбная,
Весь Бога сонмъ скорбится;
Плачемъ вси: сынъ Божіи
Мученъ во гробъ вложится (№ 15);

или:

Іисусъ Христосъ Спаситель,
Смерти насилитель,
Гроба оставилъ,
Всталъ и насъ избавилъ (№ 21).

Сверхъ того, съ подобными *латинскими* риѳмованными стихами Тредьяковскій былъ прекрасно знакомъ; они писались не только нѣмцами, но и поляками и русскими. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ послѣдняго стихотворенія въ уніатской книжкѣ: «Акаѳістъ, sive Laudes quas Beatissimae Virgini Mariae...», Vilnae, 1650:

Animatus liber Christi,
Consignatus Spiritu,
Virgo, angelo fuisti
Qui Dei praemonitu
Dixit: Ave, quae solvisti
Alligatos gemitu.

Необходимо также обратить вниманіе на то обстоятельство, что Тредьяковскій въ старшихъ своихъ тоническихъ стихахъ пользуется хореемъ, между тѣмъ какъ Глюкъ и Паузъ пишутъ разными размѣрами, между прочимъ ямбомъ[1]).

1) Детальное изученіе стихотворнаго перевода Псалтыри Тредьяковскаго, говоритъ авторъ, «обнаружитъ намъ, *безъ сомнѣнія*, зависимость его стиха, *особенно ямбическаго*, отъ нѣмецкихъ оригиналовъ, если не отъ переводовъ Глюка и Пауза» (стр. 343). В. Н. Перетцъ забылъ, что Псалтырь Тредьяковскаго, гдѣ есть ямбическій размѣръ, получила окончательный видъ уже тогда, когда вошелъ въ славу Ломоносовъ съ его ямбическимъ размѣромъ. Необходимо имѣть въ виду, что Ломоносовъ оказалъ значительное вліяніе на позднѣйшія произведенія Тредьяковскаго. Достаточно сравнить языкъ силлабическихъ одъ Тредьяковскаго съ ихъ позднѣйшими тоническими передѣлками, чтобы видѣть это вліяніе.

Словомъ, мы не видимъ возможности установить связь между стихами Тредьяковскаго съ одной стороны и стихами Глюка и Пауза, для того, чтобы сказать, что первый подражалъ послѣднимъ[1]).

Откуда же взялась тоническая теорія Тредьяковскаго?

По нашему мнѣнію, она—открытіе Тредьяковскаго. Тредьяковскій не имѣлъ вкуса и не умѣлъ справиться съ русскимъ языкомъ своего времени; но онъ былъ человѣкъ и неглупый, и трудолюбивый; ему никакъ нельзя отказать въ большомъ интересѣ къ теоретическимъ вопросамъ. Открыть тоническій стихъ ему было нетрудно, такъ какъ въ его время этотъ размѣръ—конечно, въ несовершенномъ видѣ — уже существовалъ *на практикѣ*.

Въ концѣ XVII-го и первой четверти XVIII вѣковъ, лучше—въ Петровскую эпоху, рядомъ съ правильными силлабическими стихотвореніями московскихъ ученыхъ въ родѣ К. Истомина и Ѳ. Поликарпова, существовали стихотворенія разныхъ поэтовъ-профановъ, не знавшихъ никакой стихотворной теоріи и писавшихъ по слуху, на основаніи съ одной стороны малорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ образцовъ, съ другой—русскихъ народныхъ пѣсенъ лирическаго характера. Это были почти исключительно *пѣсни* о любви, приличныя и—что нерѣдко—неприличныя. Они до насъ дошли и въ рукописныхъ пѣсенникахъ половины XVIII вѣка, и въ повѣсти Петровской эпохи объ Александрѣ кавалерѣ россійскомъ, герои котораго усердно упражняются въ стихотворствѣ. Вотъ, напримѣръ, начало «аріи» главнаго героя (по списку Археографической Комиссіи):

Ди́вну кра́соту́ твою́, | гра́де Ли́лль, я ны́нѣ зрю́:
Врата имашь позлащенны,
Внутри копьи изощренны.
Что чинишь со мною прю?

---

1) Сравни слова В. Н. Перетца въ его статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902 года, № 10, стр. 491.

Мы не имѣемъ для нихъ никакихъ датъ; имена ихъ творцовъ намъ неизвѣстны. Впрочемъ можно назвать одно имя[1]); это — дочь Петра, будущая императрица Елизавета, одна пѣсня которой, наиболѣе извѣстная, въ разныхъ редакціяхъ издана въ «Пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», Безсоновымъ, а другая, дошедшая въ ея собственноручномъ наброскѣ, — въ «Отчетѣ Импер. Публичной Библіотеки за 1870 годъ», стр. 159. Вотъ первая строфа изъ послѣдней:

Всякій разсуждаетъ, какъ въ свѣтѣ бъ жить,
А недоумѣваетъ[2]), какъ съ рокомъ бы быть,
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бъ жизнь лишиться, —
Вся то красота.

II.

Во второй половинѣ «Изслѣдованій» В. Н. Перетцъ использовалъ стихи и бумаги южно-русскаго священника Некрашевича, относящіяся къ 70-мъ и 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Этотъ писатель не имѣлъ крупнаго литературнаго таланта, и его значеніе нашимъ авторомъ опредѣляется такъ: онъ донесъ до XIX вѣка «драгоцѣнное наслѣдіе старой малорусской литературы — своеобразный стиль, стихъ и языкъ, которому затронутые великорусской литературой малороссы уже начинали измѣнять» (стр. 422); иными словами — Некрашевичъ важенъ тѣмъ, что отсталъ отъ вѣка и повторялъ зады, сохраняя даже «своеобразный» литературный языкъ кіевскихъ ученыхъ, въ родѣ Галятовскаго, ту «польскую барбарію», о которой такъ рѣзко отзывается Курбскій. Въ другомъ мѣстѣ В. Н. Перетцъ говоритъ, что Некрашевичъ

1) Мы не знаемъ стихотвореній Вилима Монса и его секретаря Егора Столѣтова, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, и потому не рѣшаемся называть эти лица.

2) Надо читать: *како, недумьваетъ?*

занимаетъ «видное» мѣсто въ числѣ «піонеровъ пролагавшихъ путь поэзіи Шевченка» (стр. 376).

Дѣйствительно, связь между комическою сценкою изъ народнаго быта «Ярмарокъ», Некрашевича, и интерлюдіями изъ того же быта Довгалевскаго и т. п. есть; Некрашевичъ пользуется народнымъ языкомъ для усиленія комическаго элемента, какъ пользуются въ южной Россіи Довгалевскій и Котляревскій[1]), въ сѣверной Россіи Лукинъ («Щепетильникъ»), Михаилъ Поповъ (комическая опера «Анюта» 1772 года), Матинскій (комическая опера «С.-Петербургскій гостинный дворъ» 1791 года), Н. Осиповъ («Виргиліева Енеида на изнанку» 1791—1796 годовъ), кн. Шаховской (водевиль «Казакъ стихотворецъ» 1812 года)[2]), но собственный литературный языкъ Некрашевича имѣетъ лишь то общее съ литературнымъ языкомъ Галятовскаго и т. п., что онъ совершенно не народенъ. Если бы В. Н. Перетцъ прочиталъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ «Споръ души съ тѣломъ», «Письмо» къ Ивану Филиповичу, «Письмо» къ о. Криницкому, рѣчи духовника въ «Исповѣди», онъ увидѣлъ бы ясно, что Некрашевичъ старается писать, *сколько можетъ*, по-великорусски, на языкѣ великорусскихъ литературныхъ произведеній второй половины XVIII вѣка, иногда съ такими церковно-славянизмами, которые были во вкусѣ лишь крайнихъ сторонниковъ «стараго слога»: *хощу*, *есмь*, *содержай*, *возбуждаяй*, *пекійся* (прич.), иногда съ великорусскими вульгаризмами: Трудно со мною тебѣ, *вить* (= вѣдь) не переспоришь (стр. 152), Не лги, тѣло, на меня, я *вить* есмь духовна (стр. 153), Что я грѣшно, а не ты, *вить* вмѣстѣ съ тобою грѣшило (стр. 154), *Вотъ* я съ нимъ тотчасъ тебѣ на отвѣтъ готово (стр. 152), *Нада* (= надо), хоть и не рада, рада бъ улетѣти (стр. 153), Я къ тому давно уже *подлинно* готова (стр. 154).

1) Въ XVII вѣкѣ народнымъ малорусскимъ языкомъ для комическихъ сценъ пользуются и поляки. См. интерлюдіи Гаватовича въ «Запискахъ» Общества им. Шевченка, т. XXV—XXVI.

2) См. нашу статью: «Къ юбилею И. П. Котляревскаго» въ «Библіографѣ» 1889 г., № 10.

Употребленіе въ южной Россіи второй половины XVIII вѣка, въ качествѣ литературнаго языка, — языка Тредьяковскаго и Ломоносова, — явленіе обычное[1]). Оно тѣсно связано съ распространеніемъ здѣсь великорусской литературы. В. Н. Перетцъ приводитъ изъ піитики Кіевской Академіи, повидимому, половины XVIII вѣка, ссылки на Тредьяковскаго и Ломоносова. Первый именуется «insignissimus nostrae rossiacae poëseos auctor Trediakowski Bazilius», а о второмъ говорится: «in nostro idiomate maxime legendus est Michaël Lomonosow» (стр. 65). Благодаря преподаванію великорусскаго языка въ южно-русскихъ школахъ (въ ихъ числѣ — въ Кіевской Академіи)[2]), южно-русскіе писатели второй половины XVIII вѣка пишутъ на этомъ языкѣ, конечно, съ большимъ или меньшимъ числомъ погрѣшностей (подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія), и напримѣръ, Сковорода, который былъ старше Некрашевича лѣтъ на 10, въ старшихъ своихъ одахъ, пѣсняхъ и разговорахъ пользуется довольно сноснымъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ, слѣдуя, какъ за образцомъ, всего чаще за Ломоносовымъ[3]); а Леванда, ровесникъ Некрашевича (стр. 377), вполнѣ удовлетворительно владѣетъ великорусскимъ литературнымъ языкомъ и пишетъ на немъ такъ, какъ пишутъ лучшіе его современники великоруссы[4]). Вѣроятно, къ концу XVIII вѣка великорусскій языкъ былъ уже повседневнымъ, домашнимъ языкомъ малорусской интеллигенціи (на восточной сторонѣ Днѣпра и въ Кіевѣ); во всякомъ случаѣ въ семьѣ, напримѣръ, Гоголя уже отецъ и мать великаго писателя

---

1) То же можно сказать и о дѣловомъ языкѣ, языкѣ судовъ и канцелярій. Выписки изъ дѣловыхъ писемъ Некрашевича и др. на великорусскомъ языкѣ у В. Н. Перетца на стр. 400—402.

2) Объ этомъ нѣсколько словъ въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1904 г., № 5, стр. 226.

3) Напримѣръ, духовная ода Сковороды («пѣснь 20-я») — подражаніе духовнымъ одамъ Ломоносова (съ ломоносовскимъ размѣромъ). «Сочиненія Г. С. Сковороды», Харьковъ, 1894, стр. 274.

4) См. извлеченіе изъ его шутливой оды у Н. И. Петрова, «Очерки изъ исторіи украинской литературы. Кіевская искусственная литература XVIII вѣка». Кіевъ, 1880.

говорили по-великорусски, и Гоголь выросъ на великорусскомъ языкѣ. Не только самъ Гоголь, но и его мать переписывается съ своими родными на этомъ языкѣ.

III.

«Изслѣдованія» В. Н. Перетца заключаютъ въ себѣ обширное «приложеніе» съ текстами, извлеченными изъ рукописей разныхъ библіотекъ (переводы Глюка и Пауза, документы и сочиненія Пауза, сочиненія Некрашевича), и списками (бумагъ Пауза, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ).

«Очерки» также заключаютъ въ себѣ по преимуществу матеріалы, извлеченные изъ рукописей: славянскій текстъ «Эпиникіона» Ѳеофана Прокоповича по случаю Полтавской побѣды, три великорусскихъ пѣсни (романса) со сходнымъ началомъ, пѣсню Сковороды. Эти матеріалы не всѣ одинаково цѣнны и не всегда отличаются достаточной новизной. Они сопровождаются замѣчаніями разнаго достоинства. Изъ послѣднихъ для насъ особенно интересны тѣ, которыя посвящены распространенію у малороссовъ конца XVIII — начала XIX вѣковъ великорусскихъ романсовъ (Суморокова и др.).

Заключая нашъ разборъ трудовъ В. Н. Перетца, мы можемъ сказать, что по богатству новаго матеріала и по самостоятельности изслѣдованія, они вполнѣ заслуживаютъ вниманія и поощренія со стороны Академіи Наукъ.

II.

А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ, очеркъ его жизни и дѣятельности. Рукопись.

Рецензія профессора **П. А. Лаврова.**

Трудъ А. И. Яцимирскаго представляетъ обширную монографію о жизни и дѣятельности *Григорія Цамблака*. Авторъ съ подробностію останавливается на біографическихъ данныхъ объ этомъ писателѣ и въ связи съ его церковно-общественною дѣятельностью касается и его литературныхъ произведеній, пользуясь при этомъ какъ славянскими источниками, такъ и источниками румынскаго происхожденія. Благодаря этому обстоятельству авторъ иногда находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ многими изъ своихъ предшественниковъ, между которыми русскіе не всегда могли пользоваться румынской литературой о *Цамблакѣ* и обратно румынскіе изслѣдователи не всегда умѣли должнымъ образомъ оцѣнить вопросы, соприкасающіеся съ исторіей славянской письменности.

Послѣ краткаго указанія работъ своихъ предшественниковъ авторъ начинаетъ съ разбора происхожденія *Цамблака*, примыкая при этомъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ его болгариномъ. Г. Яцимирскій видитъ въ *Григоріи Цамблакѣ* уроженца Тырнова, родившагося въ 1364 г. Въ отличіе отъ предшественниковъ онъ полагаетъ, что *Цамблакъ* покинулъ Тырново гораздо ранѣе 1394 г. и жилъ сначала на Аѳонѣ, гдѣ въ 1389 г. имъ были переписаны Творенія Исаака Сирина въ лаврѣ св. Аѳанасія. Нужно однако замѣтить, что въ означенной рукописи *Гавріилъ* не названъ *Цамблакомъ* и авторъ основывается въ этомъ случаѣ на отождествленіи его съ схимникомъ Нямецкаго монастыря *Гавріиломъ*, котораго онъ въ

свою очередь отождествляетъ съ *Григоріемъ Цамблакомъ*. На Аѳонѣ *Григорій* принялъ монашество. Ко времени пребыванія его въ Константинополѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе похвальнаго слова св. Георгію и сказанія о перенесеніи мощей св. Параскевы. Получивъ должность патріаршаго келейнаго инока, *Григорій* по порученію патріарха Матвѣя отправляется въ Молдавію для слѣдствія о посвященіи молдавскаго митрополита галичскимъ архіепископомъ Антоніемъ. Ко времени пребыванія въ Сочавѣ г. Яцимирскій относитъ составленіе и произнесеніе *Григоріемъ* словъ на Рождество Богородицы, тремъ отрокамъ, о божественныхъ тайнахъ, объ усопшихъ, объ иноческомъ житіи, на Рождество Іоанна Крестителя, похвалы Петру и Павлу и мученія св. Іоанна Новаго. Отвергая игуменство *Григорія* въ Дечанскомъ монастырѣ въ концѣ XIV в., г. Яцимирскій утверждаетъ, что онъ отъ 1403 г. по 1406 г. былъ игумномъ Пантократорова Нямецкаго монастыря. Здѣсь имъ были составлены и произнесены слова: 1) похвальное мученикамъ, 2) похвальное св. Георгію, 3) пророку Иліи, 4) на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, 5) о постѣ и слезахъ, 6) о милостыни и нищихъ, 7) въ воскресенье цвѣтное, 8) въ великій четвертокъ, 9) въ великій пятокъ. Вызванный въ 1406 г. въ западно-русскія области митрополитомъ Кипріаномъ *Цамблакъ* уѣзжаетъ изъ Нямецкаго монастыря въ Вильну, но, получивъ извѣстіе о смерти Кипріана, удаляется въ Сербію. Здѣсь къ 1407 — 1408 г. г. Яцимирскій относитъ составленіе житія Стефана Дечанскаго. Переходя затѣмъ къ пребыванію *Григорія* въ Россіи, авторъ подробно останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ *Цамблакъ* занялъ Кіевскую митрополію и вызвалъ противодѣйствіе Московскаго митрополита Фотія. Къ этому періоду относитъ авторъ а) составленіе похвальнаго слова Кипріану, произнесеннаго по его мнѣнію не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ въ 1409—1410 г. и в) семи словъ: 1) въ недѣлю вербную, 2) на вознесеніе, 3) на преображеніе, 4) на успеніе, 5) на воздви-

женіе, 6) похвалы великомученику Димитрію и 7) Евѳимію Тырновскому въ 1410—1417 г. Касаясь вопроса объ участіи *Цамблака* на Констанцкомъ соборѣ, г. Яцимирскій пользуется западными источниками и польской литературой по этому предмету; здѣсь онъ разбираетъ два слова, произнесенные *Григоріемъ* предъ отцами собора. Переходя затѣмъ къ возвращенію *Григорія* въ Россію, авторъ останавливается на фактахъ, относящихся къ послѣднимъ днямъ его жизни въ Кіевѣ. Вопреки извѣстіямъ нашихъ лѣтописей о послѣдовавшей вскорѣ смерти *Григорія*, г. Яцимирскій является защитникомъ того взгляда, что *Цамблакъ*, тайно оставивъ наше отечество, удалился въ Румынію и здѣсь, принявъ схиму въ Нямецкомъ монастырѣ, жилъ до 1450 г. подъ именемъ схимника *Гавріила*. Авторъ группируетъ цѣлый рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ, которыя приводятъ его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гавріила*. Какъ разъ въ близкое къ смерти *Цамблака* время является въ Нямецкомъ монастырѣ инокъ *Гавріилъ*, которому принадлежатъ многочисленные книжные труды, главнымъ образомъ переписка разнообразнаго содержанія церковныхъ книгъ, въ которыхъ проведено правописаніе въ духѣ реформы патріарха Евѳимія. Къ 1432 г. молдавскія лѣтописи относятъ посольство въ Охридъ съ каноническими и культурными цѣлями, во главѣ котораго называютъ *Цамблака*. Это даетъ г. Яцимирскому поводъ коснуться вопроса о начаткахъ славянской письменности въ Молдавіи. Онъ оспариваетъ мнѣніе румынскихъ ученыхъ о томъ, что въ Молдавіи славянской письменности предшествовала латинская. Предлагая характеристику румынской культуры по труду проф. Богдана и сопровождая ее интересными дополнительными замѣчаніями, г. Яцимирскій упоминаетъ о рукописяхъ румынскаго происхожденія до 1424 г.— изъ которыхъ, замѣтимъ, многія едва ли можно относить къ Румыніи — а за тѣмъ переходитъ къ обозрѣнію письменности Молдавіи и Валахіи. Отмѣчая, что Валахи еще въ XIV в. на-

ходились въ сношеніяхъ съ Болгарами, г. Яцимирскій признаетъ, что молдавская письменность начинается позднѣе. Труды *Гавріила*, начиная съ 1423—1424 г. являются въ Молдавіи первыми опытами. Слѣдуетъ ихъ подробное описаніе (стр. 345—378). Не ограничиваясь этимъ г. Яцимирскій извлекаетъ изъ этихъ рукописей данныя, касающіяся палеографической стороны трудовъ *Гавріила* и проведеннаго въ нихъ правописанія. Кратко оцѣнивая типичный характеръ молдавскаго письма вообще и орнаментацію молдавскихъ рукописей, онъ приписываетъ ихъ блестящую внѣшность народному румынскому духу. Характеризуя затѣмъ правописаніе *Гавріила*, онъ составляетъ какъ бы руководство къ рукописямъ *Гавріила*, на подобіе правилъ, предложенныхъ Константиномъ Костенчскимъ. Наконецъ г. Яцимирскій высказываетъ мнѣніе, что и начало Молдавской исторіографіи положено *Гавріиломъ*, которому можно приписывать тульчанскую лѣтопись. Въ заключеніе слѣдуетъ глава, въ которой собраны преданія о *Цамблакѣ* въ Молдавіи и предлагаются замѣчанія, относящіяся къ противорѣчивымъ отзывамъ о немъ новѣйшихъ историковъ. При этомъ г. Яцимирскій защищаетъ *Цамблака* отъ подозрѣній въ измѣнѣ православію и подводитъ итогъ распространенности трудовъ *Цамблака* въ славянской письменности. Работа заканчивается хронологическимъ перечнемъ біографическихъ и книжныхъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности *Григорія-Гавріила Цамблака*.

Изъ предложеннаго нами краткаго обозрѣнія труда г. Яцимирскаго видно, что онъ отличается особенной полнотой и обиліемъ матеріаловъ, привлеченныхъ для біографіи *Цамблака* и оцѣнки его литературной дѣятельности. Эти матеріалы въ значительной степени собраны авторомъ впервые. Онъ могъ это сдѣлать только послѣ обстоятельнаго знакомства съ рукописными богатствами библіотекъ въ Румыніи и Бессарабіи. Въ этой области г. Яцимирскому принадлежатъ заслуживающіе полнаго признанія труды, а именно описаніе рукописей

Нямецкаго монастыря въ Молдавіи и Ново-Нямецкаго въ Бессарабіи (помѣщено во II т. Трудовъ Славянской Ком. при Москов. Археолог. Общ.) и обширное описаніе рукописей румынскихъ книгохранилищъ. Теперь оно вышло въ LIIIX т. Сборника Акад. Наукъ подъ заглавіемъ: Славянскія и русскія рукописи Румынскихъ Библіотекъ. Спб. 1905. Сверхъ того имъ напечатана книга: «Изъ славянскихъ рукописей, тексты и замѣтки. Москва 1898 г.» и помѣщались статьи въ Извѣстіяхъ.

Не малую заслугу автора составляетъ группировка различныхъ произведеній *Цамблака* съ удачными иногда попытками ихъ хронологическаго пріуроченія къ извѣстнымъ годамъ. Здѣсь однако приходится считаться съ затрудненіями, которыя зависятъ уже отъ самого характера такихъ произведеній, каковы различныя проповѣди и слова на праздничные и другіе дни церковнаго года. Въ такихъ словахъ далеко не всегда встрѣчаются какія либо опредѣленныя указанія на время и мѣсто ихъ составленія. При такомъ условіи приходится иногда руководиться соображеніями не вполнѣ убѣдительными.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ г. Яцимирскій придаетъ значеніе надписанію имени *Цамблака* въ рукописяхъ. Тѣ, въ которыхъ *Цамблакъ* названъ *Григоріемъ* мнихомъ и пресвитеромъ (стр. 86—87), относятся г. Яцимирскимъ къ пребыванію *Цамблака* въ Молдавіи въ 1401 — 1402 гг., другія, въ которыхъ онъ названъ *Григоріемъ* мнихомъ и пресвитеромъ, игумномъ обители Пантократоровы, пріурочены къ 1403 — 1406 гг., когда, по мнѣнію автора, *Цамблакъ* былъ игумномъ въ Нѣмецкомъ монастырѣ (стр. 110) и наконецъ третья большая группа словъ представлена тѣми изъ нихъ, въ которыхъ *Григорій* названъ архіепископомъ россійскимъ и которыя потому отнесены авторомъ ко времени пребыванія *Григорія* въ Россіи стр. 208. Понятное дѣло, то или иное надписаніе можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если оно подтверждается если не всѣми, то по крайней мѣрѣ старѣйшими списками и если слѣдовательно въ этомъ можно усматривать зависимость отъ того положенія, какое

въ различное время своей дѣятельности занималъ *Цамблакъ*. На самомъ дѣлѣ въ рукописяхъ не всегда соблюдается это однообразіе. Напр. въ сборникѣ монастыря св. Павла на Аѳонѣ во всѣхъ словахъ безъ различія *Григорій* названъ архіепископомъ россійскимъ. Въ словѣ на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи онъ названъ архіепископомъ Россійскимъ въ рук. Синод. № 235, Румянц. Муз. По этому необходимо опредѣлить, какимъ же рукописямъ въ подобныхъ случаяхъ отдавать предпочтеніе, а при этомъ было бы важно установить ихъ хронологію. А это г. Яцимирскимъ не всегда сдѣлано. При такихъ обстоятельствахъ было бы болѣе увѣренности въ важности надписанія, еслибы и самое содержаніе словъ подтверждало ихъ. Въ первой изъ отмѣченныхъ группъ таково прежде всего слово о божественныхъ тайнахъ и св. Филогоніи 20 декабря, въ которомъ проповѣдникъ, обращаясь къ паствѣ, говоритъ, что онъ будетъ радостнымъ вѣстникомъ у патріарха о благочестіи народа. Г. Яцимирскій относитъ эти слова къ посольству *Григорія Цамблака* въ Молдавію отъ лица вселенскаго патріарха Матѳея въ 1401 г. Эти указанія, сдѣланныя впрочемъ академикомъ Е. Е. Голубинскимъ, намъ кажется, заслуживаютъ полнаго вниманія и едва ли ихъ можно примѣнить къ пребыванію *Григорія* у насъ на Руси, какъ это допускалъ преосв. Порфирій, пользовавшійся этимъ словомъ для заключеній о нашей церковной жизни (сравни напр. его примѣчаніе на стр. 31, Перв. Пут. Ч. I, 2). Но изъ того же слова видно, что оно было произнесено не первымъ, что ему предшествовали другія. Гдѣ ихъ искать? Въ этомъ случаѣ всего естественнѣе въ числѣ тѣхъ, которыя имѣютъ одинаковое надписаніе, тѣмъ болѣе, что между ними есть три слова, связанныхъ одно съ другимъ IV, V, VI. Что касается остальныхъ, то конечно г. Яцимирскій вполнѣ правъ, располагая ихъ по числамъ мѣсяцевъ, но уже здѣсь основаніемъ является главнымъ образомъ надписаніе, при чемъ для двухъ первыхъ присоединяется указаніе на то, что были слова, сказанныя раньше третьяго. Во всякомъ случаѣ пріуроченіе этихъ словъ къ одной группѣ намъ

кажется однимъ изъ наиболѣе удачныхъ.—За то, что слова второй группы составляютъ одно цѣлое и относятся къ одному времени говоритъ уже исключительно ихъ надписаніе. Что касается ихъ, сомнѣнія могутъ вызываться уже бо́льшей неопредѣленностію указанія, которое дается въ надписаніи. Имя Пантократоровой носили двѣ обители, въ которыхъ *Цамблакъ* могъ быть игумномъ, Дечанская и Нямецкая. Академикъ Е. Е. Голубинскій совершенно отрицаетъ игуменство *Цамблака* въ Нямецкомъ монастырѣ; наоборотъ г. Яцимирскій старается доказать, что оно было вполнѣ возможно. (Сравни также Kalužniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius стр. XXIV). Но никакихъ данныхъ изъ самыхъ словъ, которыми бы можно было подтвердить, что они говорены были въ Молдавіи, не приведено. То же можно сказать и о большинствѣ словъ, сказанныхъ въ Россіи. Совершенно другое дѣло, когда можно такъ или иначе заключать по самому содержанію словъ, по находящимся въ нихъ самихъ указаніямъ. Вполнѣ убѣдительно напр., что слово похвальное *св. Георгію* было написано въ 1397 г. Это есть единственно пріемлемый годъ, въ которомъ пасха приходилась 22 Апрѣля на канунѣ памяти святого, что отмѣчено проповѣдникомъ въ самомъ началѣ слова. Столь же удачно, по нашему мнѣнію приведены соображенія въ пользу того, что сказаніе о перенесеніи мощей св. Параскевы въ Сербію было написано за время 1399—1400 г. Труднѣе согласиться съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу того, что житіе Іоанна Бѣлградскаго составлено въ 1402 г. Г. Яцимирскій отвергаетъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые относили это житіе ко времени послѣ 1432 г. на основаніи фразы: **въ слоуха пріидошѧ иже тогда благочьстваго господствоѫщомоу въсеѫ Молдовлахіѫ и поморію воеводѣ ѡ Алеѯандроу**, гдѣ рѣчь о воеводѣ Александрѣ, какъ уже о покойномъ. Г. Яцимирскій оспариваетъ эту дату, утверждая, что *тогда* относится не къ прошлому времени, а настоящему. Такое объясненіе уже вызвало справедливыя возраженія. Указываемое авторомъ отсутствіе въ житіи имени Госпо-

дарыни Анны, которое однако находится въ проложномъ житіи этого св., разумѣется скорѣе говоритъ противъ заключеній автора. Если это имя находится въ похвальномъ словѣ этому св. игумена Ѳеодосія, который пользовался житіемъ, написаннымъ *Цамблакомъ* и др. источниками, то ясно, что въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія думать, что раньше это имя было и въ житіи *Цамблака* и оттуда вошло въ похвальное слово. Естественнѣе, что составителю слова было извѣстно и проложное житіе. Такимъ образомъ здѣсь въ пользу *Григорія Цамблака* говоритъ только заглавіе житія: **съписано Гр҃игорїемь мниχомь и презвитеромъ въ великои цр҃кви молдовлаχїискои.** Но слѣдуетъ прибавить, что, относя это слово ко времени послѣ 1432 г., могутъ приписывать его составленіе *Григорію Цамблаку* только тѣ, кто отвергаетъ дату его кончины, указываемую въ нашихъ лѣтописяхъ. Иначе пришлось бы прпзнать принадлежность этого слова какому либо иному лицу. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы отвергать значеніе надписанія. При такихъ обстоятельствахъ нельзя не пожалѣть, что г. Яцимирскій ничего не сказалъ о языкѣ и стилѣ этого житія сравнительно съ другими произведеніями *Цамблака*. Скорѣе можно согласиться съ датой написанія житія Стефана Дечанскаго въ Сербіи въ 1407—1408 гг., только по нашему мнѣнію **тоежде обители** всего вѣроятнѣе можетъ обозначать: Дечанской. Иначе, еслибы предполагать какую либо другую, то это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы такая была указана, но этого нѣтъ; въ рукописи предшествуютъ статьи другихъ авторовъ и за тѣмъ: **житїе стефана сръбскаго иже въ дечахъ**, при чемъ авторъ его *Григорій* названъ: **мниχомь и презвитеромь игуменомь бывшїимь тоежде обители** (т. е. названной выше словами: **иже въ дечахъ**). А такое указаніе особенно важно въ столь близкомъ ко времени *Цамблака* спискѣ, каковъ Панегирикъ Владислава грамматика 1479. Разумѣется, въ этихъ словахъ мы видимъ сохранявшееся въ Сербіи преданіе, что *Цамблакъ* былъ игумномъ Дечанскимъ; такъ выразиться могъ только составитель сборника XV в., такое заглавіе не могло

быть въ первоначальномъ надписаніи. Что касается отсутствія имени игумена *Григорія* въ старыхъ помянникахъ Дечанскаго монастыря (отмѣчаемъ странность этого выраженія, какъ будто есть нѣсколько помянниковъ!!), то слѣдовало бы г. Яцимирскому быть внимательнѣе и тогда, имѣя въ виду, что у Серафима Ристића есть лишь имена сербскихъ архіепископовъ и епископовъ на стр. 20, 21, онъ не искалъ бы въ этой книжкѣ именъ дечанскихъ игумновъ.

Слово похвальное патріарху Евѳимію г. Яцимирскій относитъ ко времени между 1410 и 1417 годами, но пріемлемость этой поздней даты много бы выиграла, еслибы у насъ было какое либо болѣе или менѣе положительное свидѣтельство о столь поздней кончинѣ патріарха Евѳимія. На самомъ же дѣлѣ ничего такого нѣтъ, и смерть Евѳимія относятъ къ столь позднему сроку только по тому, что предполагаютъ написаніе похвальнаго слова Евѳимію во время архіепископства *Цамблака* въ Кіевѣ. А такое предположеніе встрѣчаетъ, по нашему мнѣнію, заслуживающія вниманія возраженія проф. Калужняцкаго.

Что касается слова похвальнаго отцамъ Констанцкаго собора, извѣстнаго по рук. Вселен. библ., то предшественники г. Яцимирскаго не останавливались на немъ подробно. Въ то время какъ книга г. Яцимирскаго печаталась, это слово было издано проф. Н. К. Никольскимъ въ Изв. отдѣл. рус. яз. и словесн. 1903 кн. 2. Относительно автора этого слова есть разныя мнѣнія. Въ рукописной припискѣ высказано предположеніе, что это слово принадлежитъ Кіевскому митрополиту Исидору. Проф. Никольскій считаетъ возможнымъ приписывать это слово или *Григорію Цамблаку*, или ученику *Исидора Григорію*, ѣздившему вмѣстѣ съ *Исидором*ъ въ Римъ и получившему тамъ поставленіе на русскую архіепископію. Акад. Е. Е. Голубинскій предполагаетъ, не принадлежитъ ли это слово загадочному митрополиту молдавскому *Григорію*. Г. Яцимирскій рѣшительно высказывается за авторство *Цамблака*. Въ этомъ случаѣ, мы вполнѣ согласны, важно то, что *Цамблак*ъ дѣйствительно былъ въ Констанцѣ, при-

вѣтствовалъ папу и отцовъ собора и кромѣ рѣчи его, сохранившейся въ Актахъ Собора, историками, занимавшимися этой эпохой, предполагается существованіе другого его слова. Что касается Флорентіи въ заглавіи этого слова, то подозрительно уже самое его мѣсто, прежде чѣмъ названъ Констанцъ. Скорѣе всего это позднѣйшая вставка. Важны также и стилистическія указанія. Напрасно только г. Яцимирскій не указалъ тѣхъ сопоставленій, о которыхъ онъ упомянулъ на стр. 198. Укажемъ напр.. что выраженію: съединеніемъ жилъ же и артирїи (sic) всѣхъ и т. д. соотвѣтствуетъ напр. хотя бы слѣдующее въ похвальномъ словѣ 40 мученикамъ: отъ погтїи артеріямъ пріемлющимъ лютость и т. д. Слово артерія, по справкамъ въ словаряхъ, не принадлежитъ къ числу употребительныхъ. У Срезневскаго оно отсутствуетъ совсѣмъ, у Миклошича приведены примѣры, всѣ взятые изъ югославянскихъ источниковъ. Только одинъ источникъ именно Діоптру Михаила Пселла пришлось бы считать русскимъ, еслибы можно было признать вѣрнымъ заключеніе А. В. Горскаго о томъ, что переводъ Діоптры принадлежитъ русскому. Горскій основывался на словахъ: сїю бж҃твенꙋю книгꙋ. гл҃емꙋю Еллинскою рѣчью диѡптрꙋ. нашею же рекше рꙋскою рѣчїю. зерцало и на указаніи пергаменнаго списка библіотеки графа Толстого, въ которомъ прибавлено, что книга переведена въ Ростовѣ. Но въ этомъ случаѣ составители описанія рук. Синод. библ. были введены въ заблужденіе описаніемъ рук. графа Толстого, въ которомъ было сказано: «о переводчикѣ извѣстно только изъ послѣсловія, что онъ переложилъ сію книгу въ Ростовѣ для нѣкоего Зиновія своего друга». На самомъ дѣлѣ въ рук. гр. Толстого вмѣсто слова русскою стоитъ ростовскою, что можетъ указывать лишь на происхожденіе переписчика изъ Ростова. Уже изъ выписокъ Горскаго видно было, что переводъ былъ сдѣланъ южнымъ славяниномъ, или болгариномъ, или сербомъ. Такія слова, какъ: еговъ, бѣлузнивъ, боубрѣгъ, фьфльтъ, осилїе, слапы, расохача, а также приведенныя въ примѣчаніи существуютъ и до сихъ поръ или въ бол-

гарскомъ нарѣчіи, или въ сербскомъ, или въ томъ и другомъ[1]). Многіе грецизмы также встрѣчаются въ юго-слав. переводныхъ памятникахъ напр. *пификъ* ср. въ Манас. лѣт., *псифида* ср. *псифїа* въ Манас. лѣт. (безъ сомнѣнія это же слово и въ житіи Нифонта, въ словарѣ Срезневскаго стоитъ съ ?), и пр.; слово ѳоурка, которому нѣтъ соотвѣтствія въ оригиналѣ, встрѣчается также въ Лѣтоп. Манас., сравни словарь къ Обзору звуковъ и формъ особаго болгарскаго языка, гдѣ и замѣчено, что переводъ принадлежитъ болгарину. Переводъ Діоптры признаетъ юго-слав. и А. И. Соболевскій. Разумѣется, само по себѣ слово *артириіа* могло бы явиться и у русскаго, но вѣдь разсматриваемое нами слово не переводное, а оригинальное. У *Цамблака* оно засвидѣтельствовано приведеннымъ нами примѣромъ.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ произведеніяхъ *Цамблака*, которыя и самъ авторъ считаетъ сомнительными. Перейдемъ теперь къ той части его книги, въ которой онъ выступаетъ съ взглядомъ, что *Цамблакъ* жилъ и послѣ 1419—1420 гг., къ которымъ пріурочиваютъ его кончину наши лѣтописи, и продолжалъ литературныя занятія, принявъ схиму подъ именемъ *Гавріила*, иначе говоря, что *Гавріилъ* мирянинъ. *Григорій* мнихъ, игуменъ и архіепископъ и схимонахъ *Гавріилъ* есть одно и тоже лицо.

Правда собранныя г. Яцимирскимъ прямыя и косвенныя доказательства по нашему мнѣнію еще не рѣшаютъ вопроса окончательно, но нельзя отвергать того, что въ совокупности они увлекали его къ убѣжденію въ тождествѣ *Григорія* и *Гавріила*. Во всякомъ случаѣ попытка г. Яцимирскаго удачнѣе предшествовавшей ему попытки архіеп. Мелхиседека. Въ виду

---

1) Словарный матеріалъ изъ Діоптры въ значительномъ числѣ вошелъ въ словари Востокова и Миклошича изъ четырехъ списковъ: два Публичной библіотеки, одинъ Люблянской и одинъ Львовской. Подборъ этихъ словъ не оставляетъ сомнѣнія въ юго-слав. переводѣ Діоптры. Таковы напр. кромѣ указанныхъ выше: безгащьнъ Микл., сѣдинавъ, сѹхонавъ есть въ серб., плавъ серб. и болгар., оглѧдало серб. не отмѣчено ни у Востокова, ни у Миклошича, прекоглагольнъ тоже не отмѣчено, горбавъ горкавъ серб. и болг. и др.

того, что во всемъ этомъ вопросѣ самую важную роль въ глазахъ А. И. Яцимирскаго играетъ рук. 1389 г., мы позволимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Рукопись эта, какъ выясняется изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ литературѣ, принадлежала монастырю св. Саввы освященнаго въ Іерусалимѣ. Нѣсколько листиковъ изъ нея взяты были преосв. Порфиріемъ и теперь находятся въ Публичной Библіотекѣ. Но вся остальная часть рукописи была пріобрѣтена архимандритомъ Леонидомъ и подарена имъ Оптиной пустыни. Преосвященный Порфирій указалъ дату рукописи 1389, но она въ описаніи его не приведена полностію. Запись была напечатана арх. Леонидомъ, но при этомъ, вѣроятно, не соблюдено было правописаніе рукописи см. стр. 33 и 34 книги Яцимирскаго. Объ этомъ можно заключать по тому, что рукопись, насколько о ней можно судить по листамъ Публичной Библіотеки, принадлежитъ болгарской редакціи, а самая запись у арх. Леонида напечатана такъ, что можно было бы думать, что мы имѣемъ дѣло съ русскимъ спискомъ. Однако г. Яцимирскій на стр. 361 приводитъ эту запись, повидимому, въ точной передачѣ, къ сожалѣнію ни словомъ не оговаривая различія ея передачи въ двухъ мѣстахъ своей книги, а на стр. 360 утверждаетъ, что рук. до сихъ поръ считалась сербской. Кѣмъ она считалась, этого не сказано, но странно то, что самъ авторъ настоящей книги на стр. 34 въ примѣчаніи говоритъ о рукописи слѣдующее: «дѣло въ томъ, что въ двухъ *старшихъ* отрывкахъ изъ словъ Исаака Сирина *сербскомъ* — Спб. Публ. Библ. Q. I. № 903 и русскомъ Моск. Синод. Библ. 193 читается тотъ же переводъ, а вторая изъ указанныхъ рукописей относится къ 1381 г.». Отсюда видно, что, печатая второй листъ своей книги, авторъ не имѣлъ яснаго понятія о рукописи. Для него существовали тогда три списка 1) 1389 г.; 2) старшій отрывокъ *сербскій* и въ 3) русскій списокъ 1381 г. Печатая 23 листъ, авторъ уже зналъ, что рук. 1389 г. и отрывки изъ собранія преосв. Порфирія составляютъ одно цѣлое, но не поправилъ сказаннаго имъ

на стр. 34. Мы потому отмѣчаемъ эти недомолвки и противорѣчія, что рук. эта играетъ такую важную роль въ сужденіяхъ автора о тождествѣ *Гавріила*, переписчика словъ Исаака Сирина въ 1389 г., и *Гавріила* переписчика рук. Нямецкаго монастыря въ XV в. При отождествленіи этихъ двухъ *Гавріиловъ* съ *Цамблакомъ*, первой датой авторъ пользуется для опредѣленія года рожденія *Цамблака* (стр. 27), его пребыванія въ лаврѣ св. Аѳанасія (стр. 33), а даты рук. XV в. подтверждаютъ взглядъ автора, что *Цамблакъ* жилъ гораздо долѣе, чѣмъ о томъ говорятъ наши лѣтописи и др. источники. Наконецъ та же рукопись даетъ поводъ автору высказаться въ вопросѣ о реформѣ патріарха Евѳимія въ томъ смыслѣ, что исправленіе имъ болгарскихъ должно относиться къ сравнительно позднему времени, скорѣе всего къ періоду его изгнанія, такъ какъ иначе сохранились бы болѣе раннія рук. съ тырновскимъ текстомъ стр. 403. Нельзя поэтому не сожалѣть, что г. Яцимирскій обстоятельнѣе не познакомился съ этою рукописью. И независимо отъ указанной ея роли въ вопросѣ, поставленномъ авторомъ, эта рукопись представляетъ большой интересъ сама по себѣ, какъ одна изъ немногихъ датированныхъ рук. болгарской редакціи второй половины XIV в., по годамъ близкая къ дѣятельности патріарха Евѳимія. Иначе, какъ это есть теперь, заключенія автора вызываютъ вполнѣ основательныя возраженія. Когда мы составляли отзывъ о книгѣ Яцимирскаго, у насъ не было приложенныхъ къ ней снимковъ (книга намъ доставлялась въ отдѣльныхъ листахъ по мѣрѣ ея печатанія). Теперь, когда передъ нами снимки, мы должны сказать, что касается ихъ слѣдующее. При чрезвычайной важности палеографическаго свидѣтельства въ отождествленіи рукописи *Гавріила* 1389 г. и *Гавріила* XV в. необходимо было дать *фототипіи*, точно передающія почеркъ. Нельзя было ограничиться только однимъ снимкомъ изъ рук., именно изъ отрывковъ ея у Преосв. Порфирія, важно было присоединить по крайней мѣрѣ два снимка изъ рук. Оптиной пустыни, чтобы вполнѣ было очевидно, что мы имѣемъ

дѣло съ одною и тою же рук. Въ частности одинъ изъ этихъ снимковъ долженъ былъ заключать листъ съ записью. Снимки должны были быть исполнены въ натуральную величину. Теперь же утвержденіе автора, что между почеркомъ 1389 г. и обычнымъ почеркомъ монаха Нямецкаго *Гавріила* есть полное сходство, вполнѣ понятно оспаривается, напр. въ рецензіяхъ Карскаго, Радченка. Указываютъ, на начертаніе з и ж въ особенности. Мы впрочемъ по этому поводу замѣтимъ, что ж позднѣйшаго типа на листахъ отрывковъ встрѣчается рѣже, чѣмъ другое. При томъ интересно, что возможны двоякія начертанія въ одной рук. То же встрѣчаемъ напр. въ Зографскомъ спискѣ служебника патріарха Евоимія, судя по вполнѣ точнымъ снимкамъ съ него у Сырку. И въ немъ есть ж изъ трехъ палочекъ безъ закругленія съ правой стороны и другое съ закругленіемъ, или напр. т двухъ видовъ болѣе старое т и позднѣйшее изъ трехъ ровныхъ палочекъ т. Послѣднее начертаніе въ отрывкахъ рук. 1389 г. встрѣчается исключительно. А такъ какъ въ упомянутомъ служебникѣ вписаны имена Іоанна Шишмана, царицы Маріи и патріарха Евоимія, то, разумѣется, возникалъ вопросъ, какъ же объяснить присутствіе этихъ именъ, если принять вмѣстѣ съ Сырку, что служебникъ писанъ въ XV в. Сырку заключалъ объ этомъ на основаніи письма, но факты изъ рук. 1389 г. могутъ возбуждать сомнѣніе въ вѣрности палеографическаго заключенія, если, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія относительно этой даты. Какъ видно изъ приготовленнаго нами альбома юго-слав. снимковъ, начертаніе ж съ закругленіемъ встрѣтилось впервые въ этой рук. Оно есть и еще, но въ припискѣ къ снимку таблицы 57. Прибавимъ къ этому, что и вообще вопросъ о измѣненіи почерка одного писца за столь большой промежутокъ времени отъ 1389 по 1450 дѣло не легкое. Чтобы рѣшительно высказаться въ подобномъ случаѣ, нужно располагать болѣе надежными данными. Къ сожалѣнію имѣть подъ руками такія данныя трудно, и мы не знаемъ подобнаго опыта. Вотъ почему повторяемъ такъ необходимо внимательное изу-

ченіе рук. 1389, отсутствіе котораго составляетъ столь существенный пробѣлъ въ книгѣ Яцимирскаго. То же самое можно сказать и о правописаніи рукописи. Пока мы о ней такъ мало знаемъ, трудно рѣшить, насколько можно ею пользоваться для тѣхъ или иныхъ заключеній объ отношеніи ея къ Евѳиміевскимъ текстамъ. Но еслибы даже и можно было убѣдиться, что почерки *Гавріила* переписчика въ лаврѣ св. Аѳанасія въ 1389 г. и нѣмецкаго схимонаха *Гавріила* представляютъ собою почерки одного и того же лица, то и этимъ лишь удостовѣрялось бы тождество двухъ *Гавріиловъ*, но для полнаго убѣжденія въ тождествѣ того и другого *Гавріила* съ *Григоріемъ Цамблакомъ* не достаетъ автографа *Григорія* (что признаетъ и авторъ стр. 242). Авторъ въ замѣнъ этого приводитъ лишь одно соображеніе, отчего мы не знаемъ рукописей *Гавріила* до 1423 г. Другое указаніе г. Яцимирскій усматриваетъ въ Посланіи Нѣмецкаго игумена Ѳеодосія XVI в. къ романскому епископу Макарію. Ѳеодосій сравниваетъ іеромонаха Іоиля, знавшаго греческій языкъ, искуснаго въ книгахъ и переписывавшаго многія книги съ *Гавріиломъ Цамблакомъ:* «яко нѣкъгда Гаврїиль Цамблакь, игуменъ отъ нашь Нѣмецкїи монастирь, добри кънигы написавъ сладкими словесы пооучаѧ въса христїаны, и тръдь къ тръдомь прѣлагаѧ ѕватительскыи степень ѡставль, къ богѹ ѡтиде». Здѣсь конечно все дѣло въ словахъ: святительскый степень оставль, т. е. оставивъ санъ епископа. Если эти слова понимать такъ, что ими указывается на игумена Нѣмецкаго монастыря, бывшаго впослѣдствіи архіереемъ и оставившаго этотъ санъ для схимы, то все таки странно, что въ этомъ случаѣ *Григорій Цамблакъ* не названъ по имени, не титулованъ митрополитомъ кіевскимъ. Вмѣсто прямого свидѣтельства и здѣсь можно видѣть только неопредѣленный намекъ. Приводимое же въ связь съ этимъ, свидѣтельство Казачинскаго XVIII в. не имѣетъ большого значенія, какъ позднее. Не маловажнымъ обстоятельствомъ является въ нашихъ глазахъ и то, отчего *Григорій*, извѣстный многочисленными самостоятель-

ными трудами, многочисленными словами и житіями, въ первый періодъ своей дѣятельности, изобличающими въ немъ несомнѣнный авторскій талантъ, послѣ своей мнимой смерти является простымъ переписчикомъ книгъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представлялъ бы переводъ посланія патріарха Матвѣя, если только было бы указаніе, что переводъ этотъ принадлежитъ *Григорію Цамблаку* (стр. 82). Что же касается принадлежности ему тульчанской лѣтописи, то это лишь догадка нашего автора. Но если и послѣ работы г. Яцимирскаго трудно считать внѣ сомнѣнія тождество *Григорія* и *Гавріила*, то это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ признать значительный интересъ книжной дѣятельности *Гавріила*, особенно въ виду тырновскаго правописанія, которому онъ слѣдовалъ.

Переходя теперь къ главѣ V остановимся нѣсколько подробнѣе на оцѣнкѣ авторомъ трудовъ *Гавріила* по проведенію въ Молдавіи правилъ тырновскаго извода съ установленнымъ патріархомъ Евѳиміемъ правописаніемъ. Начиная этотъ отдѣлъ, авторъ оговаривается, что раздѣленіе фонетическихъ значеній правописанія отъ чисто графическихъ не входитъ въ его задачи (стр. 388). Къ этой оговоркѣ онъ прибавляетъ въ концѣ отдѣла: итакъ на основаніи рукописей *Гавріила* мы составили краткое руководство, но не грамматическое, а скорѣе палеографическое (стр. 402), На самомъ же дѣлѣ, группируя особенности правописанія, авторъ почти вездѣ подводитъ ихъ подъ извѣстныя грамматическія рубрики и, гдѣ замѣчаются какія либо измѣненія, отмѣчаетъ ихъ. Къ сожалѣнію при этомъ допущены не рѣдко неточности. Напр. въ *коренныхъ слогахъ* замѣчаются обычныя группы съ глухимъ; слѣдуютъ примѣры и при этомъ: *зъп*: възъпити, или въ *суффиксахъ:* *къш, тъи*, стр. 394; на мѣстѣ широкаго носового является узкій: въ окончаніяхъ а) склоненія а) вин. ед. жен. р. основъ на а и к) твор. ед. *того* (?) *же склоненія*: мощїѫ стр. 399, суффиксы ка первообр. и производ. глаголовъ и т. д. Разумѣется, для той цѣли, которую преслѣдуетъ авторъ, самое главное подборъ примѣровъ, по лучше было бы избѣгнуть ука-

занныхъ невѣрностей. Можно возражать и противъ объясненій, предлагаемыхъ авторомъ. Напр. говоры восточной Болгаріи только до извѣстной степени могли помогать писать ѣ правильно стр. 396. Въ ѡслѣ безъ всякого сомнѣнія ѣ стоитъ вмѣсто ѧ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же формой а между тѣмъ авторъ по этому поводу говоритъ не совсѣмъ ясно: «ѣ никогда не смѣшивается съ ѧ. Такіе же примѣры, какъ късѣдь на ѡслѧ или на ѡслѣ можно объяснять не фонетически, такъ какъ късѣсти глаголъ движенія» стр. 396. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что такіе примѣры какъ пандесатница и др, стр. 396 объясняются вліяніемъ греческаго произношенія. Авторъ забываетъ, что въ этомъ числительномъ, какъ и въ 90, встрѣчаемъ слѣды носового произношенія даже въ говорахъ восточно-болг.: пиндисет, дивиндисет. Нѣтъ сомнѣнія, что эти формы получились изъ патьдесатъ, деватьдесатъ послѣ ассимиляціи т д, когда глухой выпалъ, и выпаденія одного д. Что касается того, что рядомъ съ ѧ стоитъ еще н, то такіе примѣры встрѣчаемъ даже въ старослав. памятникахъ, напр. пѫтьскъ Зогр. еванг., Супрасл. рук.

Но, конечно, въ этомъ отдѣлѣ книги г. Яцимирскаго самое главное было бы приведеніе возможно большаго количества примѣровъ. Въ этомъ отношеніи собранный имъ матеріалъ, какъ показываютъ приготовленныя имъ къ изданію въ Обществѣ любителей древней письменности слова *Цамблака*, далеко еще не вполнѣ исчерпанъ.

Вполнѣ понятно, что въ работѣ такого размѣра, какъ книга Яцимирскаго встрѣчаются пробѣлы, недосмотры, неточности, поспѣшныя заключенія. Напр. въ литературѣ предмета (стр. 4) не указано сочиненій преосв. Порфирія, который представилъ оцѣнку словъ *Григорія Цамблака*, найденныхъ имъ въ монастырѣ св. Павла. Въ числѣ ученыхъ, считавшихъ *Григорія Цамблака* болгаринымъ (стр. 21) не названы преосв. Порфирій, проф. Иречекъ. Мы уже не говоримъ, что изъ всего, приведеннаго здѣсь авторомъ, нельзя убѣдиться въ болгарскомъ

происхожденіи имени *Цамблакъ*. На стр. 85 авторъ ошибочно считаетъ *обычнымъ* эпитетомъ болгарскаго царя Іоанна Александра мученіколюбный, безъ всякой ссылки. Мы не нашли *ни одного* примѣра. Никакими доказательствами не подкрѣплено утвержденіе, что житіе Стефана Дечанскаго явилось какъ бы протестомъ противъ Стефана, Константина и Ресавы (стр. 149—150). По явному недоразумѣнію приписывается преосв. Филарету незнаніе мѣста, гдѣ происходилъ Констанцскій соборъ (стр. 282). Называя его Костницкимъ, преосв. Филаретъ употребилъ прилагательное, образованное отъ нѣмецкаго имени Констанца. Не слѣдовало приводить въ числѣ рукописей румынскаго происхожденія Кирилловскую часть реймскаго евангелія (стр. 339), когда ее считаютъ русскимъ памятникомъ XI—XII в. Встрѣчаются и болѣе мелкія погрѣшности, напр. Углешъ Мрнявчевичъ, родительный Углеша вмѣсто Углеша именительный (стр. 49), Целеби (стр. 189) вмѣсто Челеби и др.

Не смотря на это въ виду того, что книга [1]) г. Яцимирскаго даетъ не мало новаго матеріала для біографіи *Цамблака* и югославянской письменности его времени, принимая во вниманіе предшествующіе ей труды автора, рецензентъ позволяетъ себѣ считать ее заслуживающею награжденія Ломоносовскою преміей.

---

1) Представленный А. И. Яцимирскимъ трудъ носилъ такое заглавіе: «Григорій Цамблакъ, его жизнь и время» и «Григорій Цамблакъ, его литературная и книжная дѣятельность», но при печатаніи первоначальный планъ изслѣдованія былъ нѣсколько измѣненъ авторомъ и обѣ части (историческая и литературно-библіографическая) соединены въ одну, причемъ нѣкоторые отдѣлы второй части совсѣмъ опущены и отнесены къ введенію для начатаго имъ изданія текстовъ произведеній Григорія Цамблака. Поэтому въ разсматриваемомъ трудѣ имъ оставлены только тѣ отдѣлы изъ второй части, которые представляютъ извѣстный біографическій матеріалъ.

III.

Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Часть первая. Рукописи. Выпускъ второй. Сборники и лексиконы. — Выпускъ третій. Псалтыри. — Выпускъ четвертый. Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 гг. Описалъ Валерій Погорѣловъ. М. 1899—1903.

Рецензія академика **А. И. Соболевскаго.**

Трудъ г. Погорѣлова составляетъ часть обширнаго описанія рукописнаго собранія Московской Типографской Библіотеки. Первый выпускъ этого описанія принадлежитъ г. Орлову. Второй, третій и четвертый, принадлежащіе г. Погорѣлову, посвящены: 1) сборникамъ и лексиконамъ (№№ 25—44), 2) псалтырямъ (№№ 45—63) и 3) матеріаламъ и оригиналамъ Вѣдомостей 1702—1727 гг. (№№ 64—82), всего 58 рукописямъ XIII—XVIII вѣковъ. При описаніи псалтырей г. Погорѣловъ помѣстилъ статью: «О редакціяхъ славянскаго перевода псалтыри» (стр. V—LXIV).

Что касается до описанія, то оно отличается разносторонностью и подробностью. Г. Погорѣловъ касается и матеріала рукописей (главнымъ образомъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ), и языка, и содержанія. Вездѣ онъ даетъ полезныя данныя, иногда небольшія, но цѣнныя изслѣдованія. Но дѣло не всегда обходится безъ неточностей. Такъ, сборникъ полемическихъ статей противъ латинянъ и лютеранъ (№ 35), несомнѣнно, юго-западнорусскій по происхожденію, характеризуется какъ «копія съ среднеболгарскаго оригинала, и притомъ чрезъ посредство новгородскаго списка», хотя часть его статей принадлежитъ русскимъ

авторамъ и переводчикамъ и новгородское смѣшеніе *ц* и *ч* указывается всего въ двухъ случаяхъ, только въ двухъ статьяхъ. Описывая сборникъ конца XVIII вѣка, г. Погорѣловъ не догадывается, что онъ раскольническаго происхожденія и что нѣкоторыя его статьи (какъ статья противъ самосожигательства, л. 412 об.) заслуживаютъ большаго вниманія. Отмѣчая особенности языка и выписывая важное и неважное, г. Погорѣловъ не всегда даетъ вѣрную оцѣнку: иногда уменьшаетъ значеніе важнаго и преувеличиваетъ значеніе неважнаго. Такъ, приводя: *у*двориться, за*в*лони, онъ видитъ мѣну *у* и *в* (вып. III, стр. 62); въ пов*и*леваемъ, поуч*и*ніе, всяч*и*скымъ, ож*и*нился (*и* вм. *е*) и въ формахъ род. пад. животворящ*е*го, исходящ*е*го онъ видитъ новгородизмы (вып. II, стр. 4—5); на интересную форму 1-го л. наст. вр. умѣю смотритъ какъ на описку (вып. III, стр. 62), а въ формѣ 2-го л. попереши находитъ полногласіе (ib., стр. 59), и т. п.

Этюдъ о редакціяхъ псалтырнаго текста имѣетъ свое значеніе. Онъ представлялъ бы еще большую цѣнность, если бы былъ основанъ на спискахъ не только Типографской Библіотеки, но и другихъ нашихъ собраній, въ которыхъ псалтырь и безъ толкованій, и съ толкованіями представляется значительнымъ числомъ №№-овъ; г. Погорѣлову «остались, къ сожалѣнію, недоступными всѣ древнѣйшіе списки псалтыри (кромѣ Синайской)», другими же онъ былъ «принужденъ пользоваться въ довольно неточныхъ изданіяхъ» (стр. VIII). Сверхъ того, г. Погорѣловъ мало начитанъ въ памятникахъ древнѣйшей переводной литературы на церковно-славянскомъ языкѣ, и нѣкоторыя его соображенія нельзя считать основательными.

Въ виду того, что трудъ г. Погорѣлова представляетъ лишь небольшую часть описанія Типографской Библіотеки, не смотря на нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства, я полагаю, что Отдѣленіе можетъ присудить ему лишь почетный отзывъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXXI, № 3.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

19 октября 1901 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Оглавленіе.

СТРАН.

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи 19 октября 1901 года Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. . . . . 1 — 6

Приложеніе.

П. Лавровъ. Разборъ труда П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ томъ I и тома II 1 и 2 части», представленнаго на соисканіе премій профессора Котляревскаго. . . . . 7 — 112

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ЗАСѢДАНІИ 19 ОКТЯБРЯ 1901 Г.

Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго въ настоящемъ году поступило всего лишь одно сочиненіе, написанное извѣстнымъ знатокомъ Черногоріи П. А. Ровинскимъ. Оно представляетъ собою многотомное изданіе, вышедшіе томы котораго посвящены отдѣламъ географіи, исторіи и, главнымъ образомъ, этнографіи Черногоріи. Сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: «*Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ*. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. — Составилъ *П. Ровинскій*». *Томъ I.* Спб., 1888 г. Стран. XXIII + 881 + *Карта Княжества Черногорскаго* составлена въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба по съемкамъ 1860—66 и 1879—81 гг. и *дополнена* по свѣдѣніямъ *П. А. Ровинскаго* 1889 г. Маштабъ 1:294,000. — *Томъ II. Часть I.* Спб. 1897 г., стран. XXIV + 778 + VI. — *Томъ II. Часть II.* Спб. 1901. Стран. IV + III + 646 + II въ 8-ую долю листа.

Для критическаго разсмотрѣнія означеннаго труда былъ приглашенъ ординарный профессоръ Санктпетербургскаго Университета по каѳедрѣ славянской филологіи П. А. Лавровъ, который доставилъ къ назначенному сроку обстоятельную и обширную рецензію.

Обширный трудъ П. А. Ровинскаго, два первые тома котораго представлены авторомъ на соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго, имѣетъ, — по словамъ рецензента, — цѣлію представить по возможности всестороннее описаніе Черногоріи. Сочиненіе распадается на нѣсколько частей, обнимающихъ географію, исторію, этнографію, археологію и современное положеніе страны.

Въ I-ый томъ, вышедшій въ 1888 г., вошло географическое описаніе и историческій очеркъ Черногоріи, во II-ой томъ, раздѣляющійся на двѣ части, изъ которыхъ часть первая вышла въ 1897 г. и часть вторая въ 1901 г., вошелъ обширный отдѣлъ этнографіи, почти совсѣмъ законченный. Оставшіеся отъ него сборникъ пѣсенъ и статьи объ языкѣ авторъ обѣщаетъ помѣстить въ слѣдующемъ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ отдѣломъ, посвященнымъ археологіи и статьей о современномъ состояніи Черногоріи. Рецензентъ, оставляя въ сторонѣ географическое описаніе Черногоріи, подробно останавливается на исторической части труда г. Ровинскаго. Въ основаніе ея положенъ трудъ Милаковича, при чемъ пробѣлы его восполнены при помощи новыхъ матеріаловъ какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находящихся въ распоряженіи автора. Свой историческій очеркъ г. Ровинскій оканчиваетъ главой объ отношеніяхъ между Россіей и Черногоріей при владыкахъ. Указывая, что Россію и Черногорію соединяютъ, помимо единоплеменности и единовѣрія, и политическіе интересы, и отмѣчая колебанія въ нашихъ отношеніяхъ, объясняющіяся какъ личнымъ характеромъ нѣкоторыхъ государей, такъ и общимъ направленіемъ русской политики, г. Ровинскій находитъ, что въ настоящее время Черногорія, представляющая собою политическое цѣлое, крѣпкое и

нераздѣлимое, могущее быть прочной и вѣрной опорой для русскихъ и славянскихъ интересовъ въ самомъ важномъ пунктѣ, заслуживаетъ могущественной помощи Россіи.

Но черногорцы, какъ указываетъ г. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ (т. II, ч. 1, стр. 392), глубоко проникаются идеей единства и сближенія съ остальными братьями сербами какъ свободными, такъ и остающимися подъ чужимъ господствомъ, а потому является желательной и необходимой поддержка со стороны Россіи всего сербскаго народа, съ которымъ насъ связываютъ завѣты нашего великаго государя, обратившагося съ первымъ призывомъ именно къ сербамъ и воспользовавшагося при этомъ помощью самихъ сербовъ.

Историческій очеркъ Черногоріи сопровождается у г. Ровинскаго цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ приложеній, каковы Грамота Ивана Черноевича на построеніе храма Рождества Богородицы и монастыря на Цетиньѣ 1485 г. въ двухъ экземплярахъ, подлинникѣ и спискѣ, Дипломы, данные Венеціанской республикой Черногорскому народу, Описаніе Скадарскаго санджака Болицы въ русскомъ переводѣ и, наконецъ, извлеченія изъ сочиненія В. Броневскаго: «Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г.»

Второй томъ труда г. Ровинскаго посвященъ *этнографіи Черногоріи*, на которую онъ смотритъ какъ на главную и самую важную часть своего сочиненія. Задачей автора было представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизни во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ, со всей окружающей ее обстановкой.

Рецензентъ признаетъ этотъ отдѣлъ труда г. Ровинскаго особенно важнымъ и выясняетъ его мѣсто среди югославянской этнографіи вообще. «Сербамъ, замѣчаетъ рецензентъ, — приходится считаться съ отсутствіемъ единаго центра литературной дѣятельности. Это обстоятельство нельзя забывать и при оцѣнкѣ ихъ трудовъ и усилій и въ области этнографіи».

«Если мы теперь обратимся ко всѣмъ исчисленнымъ изданіямъ и посмотримъ, что̀ въ нихъ есть касающагося Черногоріи, то окажется очевидной скудость напечатаннаго матеріала.

«У г. Миличевића, который пользовался матеріаломъ изъ разныхъ сербскихъ краевъ, лишь немногія сообщенія идутъ изъ Черногоріи. Въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи мы нашли только двѣ весьма, правда, любопытныя статьи: «Crnogorski prilozi: a) Iz Gluhog Dola u crmničkoj nahiji. L. Jovović; б) Iz Bara i barske okolice u primorskoj nahiji. M. Jovović». Два небольшія сообщенія находимъ и въ Земальскомъ Гласникѣ: «Народно глумованье у цуцком Трешњеву и Оро, црногорска народна игра І. Ф. Иванишевића». (1895, стр. 152—155; 1900, стр. 533—542).

«Тѣмъ очевиднѣе, какой интересъ получаютъ двѣ части второго тома г. Ровинскаго, поражающія уже однимъ внѣшнимъ объемомъ (стр. 778 въ первой и 646 во второй) и представляющія полную картину черногорскаго быта».

Разсмотрѣвъ подробно содержаніе этнографическаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго, рецензентъ говоритъ: «Разумѣется, главной задачей автора было представить полную картину этнографическаго быта Черногоріи и это имъ выполнено блестяще. Пользуясь отчасти матеріаломъ, ранѣе обнародованнымъ, привлекая литературу предмета, гдѣ это было необходимо, авторъ, однако, главнымъ образомъ, опирался на собранный во время продолжительнаго пребыванія въ Черногоріи имъ самимъ матеріалъ. Оттого даже и въ такихъ случаяхъ, когда объ извѣстномъ вопросѣ существуетъ значительная литература, его изложеніе у г. Ровинскаго сохраняетъ интересъ мѣстными указаніями, детальными дополненіями, которыя однако только ярче и глубже освѣщаютъ предметъ.

«Но какъ ни обиленъ собранный авторомъ матеріалъ, еще богаче самая жизнь съ ея разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что г. Ровинскому и самому приходилось отмѣчать

пробѣлы и обращать вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на пункты, требующіе дальнѣйшей разработки.

«Мы не разъ указывали, что г. Ровинскій при выполненіи своего труда пользовался помощію мѣстныхъ уроженцевъ, вызывая ихъ печатные труды или письменныя сообщенія. Можно надѣяться, что выходъ книги еще сильнѣе оживитъ интересъ черногорцевъ къ своей родинѣ.

«Чтобы судить, насколько важенъ вкладъ, внесенный г. Ровинскимъ въ область сербской этнографіи, достаточно сравнить его книгу съ первымъ выпускомъ Этнографическаго сборника, изданнаго Сербской Академіей, который значительно уступаетъ труду г. Ровинскаго и въ полнотѣ матеріала, и въ его разработкѣ. Въ изданіяхъ Загребской Академіи есть работа г. Ловретича, посвященная народной жизни и обычаямъ Отока, но она касается лишь одного мѣста и потому уже, не смотря на свой интересъ, не можетъ идти въ сравненіе съ описаніемъ г. Ровинскаго, обнимающимъ народный бытъ такой своеобразной страны, какова Черногорія».

«Для насъ, русскихъ, — такъ заключаетъ свой обширный отзывъ профессоръ Лавровъ, — трудъ г. Ровинскаго получаетъ особенное значеніе. Яркій свѣтъ проливаетъ онъ на бодрую жизнь и героическую исторію малочисленнаго народа въ тѣсномъ уголку, запертаго съ одной стороны просвѣщенными сосѣдями, съ другой дикими албанцами и турками. Малъ этотъ народъ, но силенъ несокрушимой народной энергіей и послушенъ своему достойному вождю. Онъ дорожитъ своимъ сербскимъ именемъ и хранитъ въ памяти завѣты славнаго прошлаго сербскаго царства: въ здравицахъ онъ вспоминаетъ Призрѣнъ, молитъ Бога, чтобы далъ ему пятаго патріарха въ Печи. Онъ исполненъ признательности къ Россіи, съ которою его связываютъ давнія и прочныя узы со времени Петра Великаго. Всякій русскій присоединится къ тѣмъ симпатіямъ, которыя шлетъ ему г. Ровинскій въ концѣ своего историческаго очерка отъ лица всей Россіи. Но черногорцы — лишь часть сербовъ, на-

рода, пораженіе котораго на Косовомъ полѣ считаетъ міровымъ бѣдствіемъ одинъ нѣмецкій ученый. И наши симпатіи должны распространяться на все сербское племя, исполненное привлекательности и таланта».

Обращаясь затѣмъ къ исполненію г. Ровинскимъ задуманнаго имъ труда, г. рецензентъ признаетъ этотъ трудъ этнографическимъ подвигомъ.

«Задача этнографа не легкая, успѣхъ не дается даромъ. Соотечественники могутъ испытывать особенное удовольствіе, что такой трудъ о Черногоріи вышелъ изъ-подъ пера русскаго.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ оцѣнило по достоинству трудъ автора, помѣстивъ его въ Сборникѣ.

Присужденіемъ преміи профессора Котляревскаго, которой этотъ трудъ вполнѣ отвѣчаетъ, Отдѣленіе окажетъ автору вполнѣ заслуженную поддержку».

Комиссія, назначенная для разсмотрѣнія поступившаго на соисканіе премій имени профессора Котляревскаго труда, представленной на него рецензіи, а также для присужденія самихъ премій состояла изъ членовъ Отдѣленія: Ординарныхъ академиковъ: В. И. Ламанскаго, Ѳ. Е. Корша и А. И. Соболевскаго. Комиссія нашла, что вышедшіе томы труда г. Ровинскаго составляютъ законченное цѣлое; признавъ оцѣнку его, сдѣланную г. рецензентомъ, вполнѣ справедливою, Комиссія опредѣлила присудить автору указаннаго сочиненія П. А. Ровинскому *полную премію* въ тысячу рублей.

Означенное постановленіе Комиссіи было Отдѣленіемъ русскаго языка словесности утверждено; тогда же послѣднее постановило въ выраженіе своей признательности выдать профессору П. А. Лаврову установленную золотую медаль имени профессора А. А. Котляревскаго за тщательное разсмотрѣніе объемистаго труда г. Ровинскаго.

Разборъ труда П. А. Ровинскаго: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“ томъ I и тома II 1 и 2 части, представленнаго на соисканіе премій профессора Котляревскаго.

Обширный трудъ П. А. Ровинскаго, два первые тома котораго представлены авторомъ на соисканіе премій профессора Котляревскаго, имѣетъ цѣлію представить по возможности всестороннее описаніе Черногоріи. Сочиненіе распадается на нѣсколько частей, обнимающихъ географію, исторію, этнографію, археологію и современное положеніе страны.

Въ I томъ, вышедшій въ 1888 г., вошло географическое описаніе и историческій очеркъ Черногоріи; во II томъ, раздѣляющійся на двѣ части, изъ которыхъ часть первая вышла въ 1897 г. и часть 2-я въ 1901 г., вошелъ обширный отдѣлъ этнографіи, почти совсѣмъ законченный. Оставшіеся отъ него сборникъ пѣсенъ и статьи объ языкѣ авторъ обѣщаетъ помѣстить въ слѣдующемъ послѣднемъ выпускѣ вмѣстѣ съ археологіей и статьей о современномъ состояніи Черногоріи.

Приступая къ разбору вышедшихъ двухъ томовъ, мы не будемъ много останавливаться на географическомъ описаніи Черногоріи, которое, по справедливому замѣчанію автора, впервые является въ нашей литературѣ съ такой полнотой и подробностями и значеніе котораго увеличивается приложенной къ нему картой, въ которую вошли и поправки самого г. Ровинскаго. Такое описаніе могъ дать только человѣкъ, проживший въ странѣ продолжительное время и успѣвшій обойти или объѣхать большую часть Черногоріи. Неудивительно поэтому, что, пользуясь географической литературой о Черногоріи и, между прочимъ,

трудами спеціалистовъ Шварца и Тице, г. Ровинскій имѣлъ возможность исправлять вкравшіяся въ ихъ работы ошибки. Такъ, напримѣръ, на стр. 30 онъ отмѣчаетъ нераціональность принятой Шварцемъ группировки горъ по рѣчнымъ системамъ, благодаря чему этотъ ученый, отдѣливъ массивъ Морача-Тара отъ массива Тара-Лимъ, отдѣлилъ Лѣвую рѣку (часть Васоевичей), имѣющую самую тѣсную связь съ Комомъ, и соединилъ съ Братоножичами, съ которыми не имѣется ничего общаго ни въ направленіи, ни въ конструкціи, ни въ геологическомъ составѣ горъ. Подобныя же ошибки встрѣчаются у него и въ остальныхъ намѣченныхъ имъ группахъ. При описаніи Чернаго озера исправлено ошибочное заключеніе Тице, что оно не имѣетъ стока (стр. 65). На стр. 84 указаны пробѣлы, существовавшіе на всѣхъ картахъ и относящіеся къ срединѣ Черногоріи, которые г. Ровинскому удалось заполнить. — Цѣнныя данныя представляютъ таблицы наблюденій погоды, помѣщенныя въ книгѣ г. Ровинскаго и составленныя докторомъ Миляничемъ (стр. 168—169) и самимъ авторомъ (стр. 184—190).

Образцомъ полной добросовѣстности географическаго очерка можетъ служить то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о Морачѣ: «Что касается истоковъ Морачи, то до сихъ поръ ни карты, ни описанія не даютъ объ нихъ точнаго понятія (Въ послѣднее время есть болѣе точное описаніе О. Баумана, но для яснаго пониманія необходима карта, которая однако не вышла). Поэтому мы будемъ говорить объ ней еще съ большею осторожностію, чѣмъ говорили о другихъ рѣкахъ, тѣмъ болѣе, что самому мнѣ и не привелось быть въ Горней Морачѣ» (стр. 246).

Интересъ географическаго описанія увеличивается тѣмъ, что авторъ мѣстами, пользуясь своимъ дневникомъ, описываетъ пройденныя имъ мѣстности въ живой картинѣ, сопровождая описаніе изображеніемъ природы (напр., стр. 51).

Говоря о флорѣ и фаунѣ, г. Ровинскій обѣщаетъ въ концѣ своего труда въ матеріалахъ дать словарь мѣстныхъ названій растеній.

Историческую часть авторъ начинаетъ обзоромъ источниковъ по исторіи Черногоріи и трудовъ, посвященныхъ ея изложенію. До послѣдняго времени самымъ полнымъ трудомъ является исторія Черногоріи Милаковича. Но послѣ выхода этой книги появилось много новыхъ матеріаловъ, которые однако въ самой Черногоріи остаются безъ всякой разработки, равно какъ сочиненія, посвященныя черногорской исторіи, не подвергаются надлежащей критикѣ.

Считая нужнымъ въ своемъ трудѣ о Черногоріи отвести мѣсто и ея исторіи и въ то же время не имѣя возможности спеціально отдаться ея разработкѣ, г. Ровинскій рѣшилъ, положивъ въ основаніе трудъ Милаковича, восполнить его пробѣлы при помощи новыхъ матеріаловъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находившихся въ его распоряженіи.

Но, разумѣется, дѣло не въ одной полнотѣ, важно особенно осторожное отношеніе даже и къ документальнымъ источникамъ. Не одна слѣпая вѣра въ преданіе можетъ ввести въ заблужденіе, но и излишняя довѣрчивость къ архивнымъ документамъ, въ которыхъ можно встрѣтить иногда явно намѣренное искаженіе факта.

Указывая подобныя ошибки въ трудахъ предшественниковъ, напр., Макушева, авторъ переходитъ къ подраздѣленію исторіи Черногоріи на періоды. Онъ признаетъ два періода въ исторіи страны: въ первомъ это есть исторія Зеты, во второмъ исторія собственно Черногоріи, тѣснаго уголка области, носившей имя Зеты.

Во второмъ періодѣ, послѣ удаленія послѣдняго свѣтскаго государя Георгія Черноевича, г. Ровинскій различаетъ двѣ эпохи: 1) отъ 1516 г. до конца XVII в., когда Черногорія управляется владыками изъ разныхъ домовъ и живетъ исключительно племенной жизнью, и 2) отъ конца XVII в., когда пробуждается политическое самосознаніе страны, а верховная власть удерживается въ одномъ домѣ Петровичей Нѣгошей.

Авторъ оканчиваетъ свое изложеніе правленіемъ владыки

Петра I, находя, что правленіе его преемника Петра II еще не можетъ быть достояніемъ исторіи, потому что слишкомъ близко къ современной жизни Черногоріи, и много матеріала для него еще недоступно изслѣдованію. Съ своей стороны г. Ровинскій обѣщаетъ извлечь главнымъ образомъ къ этому времени относящійся матеріалъ русскаго консульства въ Дубровникѣ.

Зета среди другихъ сербскихъ земель имѣетъ особое значеніе, какъ колыбель древне-сербскаго государства. Изъ нея вышла династія Неманичей, начинатель которой Стефанъ Неманя явился собирателемъ сербскихъ земель, далеко раздвинувъ предѣлы своей державы. Позднѣе Зета, какъ особый удѣлъ, управлялась наслѣдникомъ сербскихъ государей. Можно по этому заключать, что она сохраняла особое положеніе среди другихъ сербскихъ областей. Поэтому представляетъ немалый интересъ собрать въ источникахъ все то, что они даютъ для этой области.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія матеріалъ, сгруппированный г. Ровинскимъ, хотя и не вездѣ это удалось ему исполнить, какъ было бы желательно.

Такъ, говоря о территоріи Зеты и заселеніи ея сербами, г. Ровинскій пересматриваетъ данныя, представляемыя Константиномъ Багрянороднымъ и Діоклейскимъ пресвитеромъ, при чемъ знакомство съ мѣстностію Черногоріи даетъ ему возможность сдѣлать интересныя указанія. Такъ, напр., мѣстность Градацъ въ Лѣшанской нахіи, около которой сохранились слѣды древней постройки, г. Ровинскій приводитъ для опредѣленія мѣстоположенія Γραδέται, какъ это и есть повидимому. Правда, Шафарикъ указывалъ Gradit' выше Скадра, Рачкій Градац въ Черногоріи. Но Новаковић въ послѣднемъ случаѣ выяснилъ необходимость болѣе точнаго опредѣленія: «въ Черногоріи есть четыре Градца въ Лѣшанской нахіи и въ Бѣлопавличахъ (около Зеты). Гдѣ же этотъ?» и предлагаетъ самъ другое мѣсто, именно Граћане, названіе цѣлаго племени въ Рѣчкой нахіи[1]). Къ сожалѣнію, г. Ро-

1) Српске области X и XII в. Гласникъ 48, стр. 17.

винскій, опустивъ изъ виду статью Новаковића, не могъ сдѣлать поэтому болѣе точнаго разъясненія относительно этихъ мѣстъ. Что же касается Νουγράδε, то г. Ровинскій указываетъ или Подгорицу, или мѣсто противъ Діоклеи на другомъ берегу Морачи, гдѣ есть слѣды обширнаго города, расходясь съ Шафарикомъ, который въ этомъ случаѣ видѣлъ Градацъ Лѣшанской нахіи[1]). Новаковић, отвергая предположеніе Рачкаго, думавшаго видѣть здѣсь Новиградъ, не входившій въ составъ Зеты, относитъ это мѣсто къ которому-нибудь изъ этихъ четырехъ Градцевъ. Близко къ Новаковићу опредѣляетъ г. Ровинскій Обликву, мѣстность близъ Скадра, Gorsca можетъ быть Горица (возвышеніе передъ Подгорицей), или Горичаны, село на берегу Морачи ниже Подгорицы. Имя лужанъ и г. Новаковић приводитъ въ связь съ именемъ Podlugiae, хотя Lusca согласно съ Рачкимъ онъ относитъ къ Лѣшкополью или Лѣшанской нахіи. Въ виду того, что эти указанія сдѣланы г. Ровинскимъ независимо отъ статьи г. Новаковича, они получаютъ интересъ, свидѣтельствуя тѣмъ за близость къ истинѣ предлагаемыхъ объясненій.

Въ главѣ о зетской митрополіи заслуживаетъ полнаго вниманія указаніе г. Ровинскаго на то, что Дрепа, въ которой находилась основанная Неманей архіепископія, могла быть на мѣстѣ нынѣшней Подгорицы, одна часть которой и до сихъ поръ сохранила это названіе. Центральное положеніе Подгорицы въ этой мѣстности говоритъ въ пользу этой догадки. Весьма интересны также указанія на цѣлый рядъ церквей, сохранившихся въ Зетѣ отъ эпохи Неманичей, описаніе которыхъ обѣщаетъ дать г. Ровинскій въ особомъ отдѣлѣ (археологіи). Желательно было бы также получить съ уцѣлѣвшихъ остатковъ живописи фотографическіе снимки или копіи. Съ латинскими надписями есть церковь Сергія на Боянѣ и монастырь на Ротцѣ стр. 378.

Для эпохи до включенія Зеты въ составъ державы Неманичей г. Ровинскій далъ мѣсто лѣтописнымъ разсказамъ Діоклей-

1) У г. Ровинскаго иначе, но это недосмотръ, ср. Древности 661.

скаго пресвитера, справедливо признавая ихъ важность для характеристики дѣйствовавшихъ въ то время лицъ, внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній, духа и нравовъ эпохи. Нужно только замѣтить, что ими пользовался и Гильфердингъ въ исторіи сербовъ и болгаръ, вполнѣ оцѣнивъ ихъ значеніе, а позднѣе г. Новаковић еще глубже выставилъ важность этого источника для начальной исторіи сербскаго народа. Въ отличіе отъ г. Ровинскаго, который изложилъ разсказъ лѣтописи съ урѣзками, г. Новаковичъ далъ полный переводъ эпизода о Владимірѣ, отчего, нужно признаться, цѣльность впечатлѣнія только выигрываетъ. Замѣтимъ еще, что г. Ровинскій, пользуясь изданіемъ этого перевода въ Лѣтописи сербской матицы, удержалъ нѣкоторыя географическія названія въ передачѣ переводчика. Такъ, montem Obliqum онъ переводитъ Косой горой, г. Новаковичъ справедливо видитъ въ этомъ имени теперешнее Обликъ между Скадромъ и Улциномъ[1]). Это и есть именно то мѣсто, которое при объясненіи Дуклянскаго пресвитера и самъ г. Ровинскій называетъ Обликва, интересно, что и въ формѣ еще болѣе близкой къ латинской, какъ объ этомъ мы уже и упоминали выше (стр. 347). Далѣе Пропа безъ сомнѣнія лишь вслѣдствіе описки; должно быть Преспа. При «Декатеру и Лаузію» слѣдовало бы прибавить, что это Которъ и Дубровникъ.

Вмѣстѣ съ Гильфердингомъ выясняя вѣрность Діоклейскаго пресвитера исторіи, что подтверждается свидѣтельствами греческихъ писателей, г. Новаковић говоритъ: «Разсказъ Дуклянина исполненъ интереса и значенія. Имъ впервые поднимается завѣса, скрывающая жизнь сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ, и рисуются образы, которые представляютъ намъ народъ, государство и государя въ такомъ свѣтѣ, о какомъ, судя по остальнымъ источникамъ въ тѣ времена, нельзя было и думать. Вполнѣ естественно и обычно различіе въ разсказѣ чужеземцевъ и домашняго историческаго источника»[2]).

1) Српске области X и XII в. стр. 12—13.

2) Први основи словенске књижевности, Бѣлградъ 1893, стр. 199.

Разсказъ Дуклянина какъ нельзя лучше освѣщается и тѣми преданіями, которыя живутъ о Владимірѣ на мѣстѣ и которыя дополняютъ свѣдѣнія, уже ранѣе собранныя Ястребовымъ, на котораго однако нѣтъ ссылки у г. Ровинскаго. Тѣми и другими воспользовался и г. Новаковић, у котораго въ свою очередь собраны интересныя свѣдѣнія о монастырѣ св. Владиміра.

Не мѣшаетъ еще прибавить, что упоминаемая у діоклейскаго пресвитера Крайна не есть названіе какого-либо села, а цѣлый край, обнимающій территорію между Цермницей, Скадарскимъ озеромъ, Бояной и Адріатическимъ моремъ. Поэтому замѣтки старыхъ далматинскихъ писателей о томъ, что дворецъ сербскихъ государей находился въ селѣ Краина, нельзя придавать значенія [1]).

Но отъ г. Ровинскаго ускользнуло одно извѣстіе о внутреннемъ состояніи сербскаго государства въ разсматриваемую эпоху, относящееся къ 1096 г., гдѣ рѣчь идетъ о путешествіи черезъ Герцеговину на Никшичъ въ Скадаръ [2]).

Намъ слѣдуетъ остановиться еще на вопросѣ о богомильствѣ въ Зетѣ, которому г. Ровинскій придаетъ особенное значеніе въ исторіи Зеты. Напоминая указанія житія св. Саввы о распространеніи богомильской ереси при отцѣ Немани, г. Ровинскій указываетъ названія мѣстности Богмиловићи въ Пѣшивцахъ, преданія, распространенныя во многихъ мѣстахъ Черногоріи, о бокумирахъ, надгробные памятники съ разными фигурами. Мало того, г. Ровинскій, упоминая о преслѣдованіи этой ереси при Неманѣ, высказываетъ предположеніе, что при этомъ могли погибнуть важные памятники древне-сербской письменности. Не всѣ преслѣдуемыя книги могли относиться къ вѣроученію, могли быть и другого содержанія — историческаго и географическаго, естественно-описательнаго (стр. 369). Позволимъ замѣтить, что то освѣщеніе, какое г. Ровинскій придаетъ сербскимъ

1) Новаковић, тамъ же, стр. 230.
2) Тамъ же, стр. 202—203.

богомиламъ и ихъ ученію, за которыми онъ не хочетъ признать темнаго мистицизма, о которомъ нѣкоторое понятіе даютъ дошедшіе до насъ апокрифы, намъ кажется мало доказательнымъ и произвольнымъ. Только тогда, когда для подобныхъ заключеній могутъ быть приведены несомнѣнные факты, можетъ быть рѣчь о томъ или иномъ характерѣ сербскаго богомильства. Равнымъ образомъ и для того, чтобы надгробные памятники, о которыхъ упоминаетъ г. Ровинскій, признать богомильскими, желательны болѣе твердыя основанія. Что же касается произведеній древне-сербской литературы, то здѣсь слѣдовало бы скорѣе упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя хотя и погибли, но на которыя сохранилось указаніе. Въ лѣтописи діоклейскаго пресвитера находится прямое свидѣтельство о томъ, что источникомъ лѣтописцу служило житіе Владиміра. Это видно изъ словъ: «а кто желаетъ знать, какія достойныя дѣла и чудеса совершилъ Богъ чрезъ блаженнаго Владиміра, слугу своего, пусть прочтетъ книгу о его дѣяніяхъ (liber gestorum ejus), въ которой по порядку описаны его дѣла, и тогда убѣдится, что этотъ святой былъ одного духа съ Господомъ и Господь обиталъ въ немъ». На славянскій источникъ ссылается и позднѣе переработанная греческая легенда о Владимірѣ — трудъ ельбасанскихъ монаховъ. Въ ней сказано, что въ сербскихъ книгахъ лучше сохраняются житіе и чудеса святителя, а было также пространное житіе и служба и на языкѣ греческомъ, но утратились. Рядомъ съ этимъ житіемъ не слѣдуетъ забывать, что и самая лѣтопись Діоклейскаго пресвитера, дошедшая до насъ на латинскомъ языкѣ, есть лишь латинскій переводъ съ славянскаго оригинала, сдѣланный для юношей Бара[1]). Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о значительномъ оживленіи литературной дѣятельности въ Зетѣ въ X и XI вв. Отмѣтимъ при этомъ еще и то, что труды, о которыхъ идетъ рѣчь, не заключаютъ никакихъ намековъ на богомильство Зеты. Напротивъ, Владиміръ безъ сомнѣнія былъ вѣрный сынъ

1) Новаковић, тамъ же, стр. 203—204. Ср. Ровинскій I, 356.

своей церкви. Онъ является съ деревяннымъ крестомъ въ рукѣ, крестъ призываетъ въ свидѣтели своей безвинной смерти.

Менѣе интереса представляетъ глава: «Церковь, земля и народъ» при Неманичахъ. Указавъ нѣкоторые факты, повидимому свидѣтельствующіе объ ограниченіи роли епископа зетскаго послѣ учрежденія архіепископства, и въ то же время отмѣтивъ усердные вклады Неманичей Вранинскому монастырю, г. Ровинскій на основаніи законника Душана судитъ и о положеніи Зеты. Но статьи законника не даютъ какихъ-либо указаній на Зету въ частности, и единственное мѣсто объ арбанасахъ и влахахъ, которое г. Ровинскій пріурочиваетъ къ мѣстности нынѣшней катунской нахіи (стр. 380), не исключаетъ и другихъ мѣстъ сербскаго царства. Сравни объ этомъ статью 32 въ новомъ изданіи законника Новаковича стр. 165, который, приводя цифры катуновъ различныхъ сербскихъ монастырей, замѣчаетъ: «эти села обыкновенно не были всѣ въ одномъ краю, но обыкновенно лишь часть ихъ была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, а остальныя находились по разнымъ часто весьма удаленнымъ краямъ, каковы, напр., Рашка и Зета» [1]).

Коротко упоминая о судьбахъ сербскаго царства послѣ Душана, о распаденіи его на отдѣльныя области, объ узурпаторствѣ Вукашина и борьбѣ съ его сыновьями Лазаря Гребляновича, г. Ровинскій переходитъ затѣмъ къ династіи Бальшичей и Черноевичей, которые владѣли Зетой. Что касается происхожденія первыхъ, то заслуживаютъ вниманія указанія г. Ровинскаго на братство Баошичей на верхней Морачѣ и мѣстность въ Бокѣ Баошићи, изъ которыхъ видно, что эта фамилія существовала помимо владѣтельнаго дома. Эти факты на нашъ взглядъ подкрѣпляютъ мнѣніе Миклошича о славянскомъ, а не французскомъ происхожденіи этой династіи.

Переходя затѣмъ къ Черноевичамъ, г. Ровинскій останавливается на значеніи Косовской битвы и при этомъ возра-

1) Новаковић Ст. Законик Стефана Душана. У Београду. 1898 г.

жаетъ противъ обвиненій князя Лазаря, когорый, принявъ этотъ бой съ турками, сдѣлался виновникомъ гибели сербскаго царства. Мы должны замѣтить, что эти обвиненія, высказанныя въ книжкѣ «Историческо-критическое описаніе битке Косовопольске» (стр. 406), не заслуживаетъ и опроверженія. Движеніе турокъ на Балканскій полуостровъ должно было неизбѣжно кончиться столкновеніемъ съ христіанскимъ войскомъ. При этомъ вполнѣ естественно, что ихъ ударъ должно было встрѣтить то государство, которое было сильнѣе другихъ. А такимъ въ то время была Сербія. Если и при тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ произошла битва, на которую не всѣ союзники подоспѣли, успѣхъ турокъ былъ далеко не полный; если еще долго сынъ Лазаря, деспотъ Стефанъ, поддерживалъ процвѣтаніе Сербіи, которое засвидѣтельствовано оживленіемъ литературной дѣятельности, то можно ли обвинять рѣшимость Лазаря. Наоборотъ, извѣстный историкъ Сербіи считаетъ ошибкой Стефана его вѣрность Баязету, сохраняя которую въ силу данной клятвы, онъ, «спасая личную честь, губилъ отечество».

Теперь сербская литература обладаетъ прекраснымъ историческимъ трудомъ Ст. Новаковића Срби и Турци XIV и XV в. 1893, посвященнымъ эпохѣ турецкихъ завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ. Еслибы авторъ могъ имѣть въ виду эту книгу, то глава «Значеніе Косовской битвы» была бы имъ изложена иначе.

Въ краткихъ, но живыхъ очеркахъ говоритъ г. Ровинскій о Черноевичахъ, которымъ выпала не легкая доля отстаивать независимость Зеты отъ турокъ, отчасти и отъ захватовъ Венеціи. Стефанъ Черноевичъ принужденъ перенести столицу изъ Скадра въ Жаблякъ и строитъ монастырь и церковь во имя Успенія Богородицы, расписанную внутри и снаружи изображеніями, которыя и до сихъ поръ сохранились. Его сынъ Иванбегъ называется въ одномъ изъ документовъ чеснегѣрь и склавь великаго царя и великаго господара Амирь султанъ Мехемедь бега. Венеціанская республика записываетъ его имя между

своими патриціями, присоединяя къ его титулу: ac vajvoda noster. Онъ строитъ небольшой градъ Соколъ на Ободѣ, а въ концѣ концовъ переноситъ свою резиденцію на Цетинье, гдѣ строитъ монастырь во имя Рождества Богородицы. Одинъ изъ его сыновей принимаетъ даже мусульманство и получаетъ титулъ санджака черногорскаго. Но это относится лишь къ части Зеты, и г. Ровинскій продолжаетъ смотрѣть на Черногорію, какъ на страну автономную, не зависѣвшую и въ это время ни отъ какой державы. Съ удаленіемъ послѣдняго изъ Черноевичей во главѣ Черногоріи становится владыка.

Въ дополненіе слѣдуетъ прибавить, что въ сочиненіяхъ, вышедшихъ послѣ книги г. Ровинскаго преобладаетъ иной взглядъ на отношенія Черногоріи къ Турціи за это время. Изученіе новыхъ матеріаловъ приводитъ изслѣдователей къ заключенію, что съ конца XV в. независимость Черногоріи прекратилась и Черногорія обратилась въ турецкій Санджакъ эти сочиненія: 1) Miklosich Fr. Die serbischen Dinasten Crnojević. Wien 1886, осталось неизвѣстно г. Ровинскому и не указано имъ въ числѣ литературы; Руварац Илар. Montenegrina, прилошци историји Црне Горе у Земуну 1882 2-е изд., Томић Н. Црнојевић и Црна Гора од 1479—1528. Его же: Политички однос Црне-Горе према Турској 1528—1684. Помѣщено въ Глас српске краљ. акад. LVIII, LX, LXVIII. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, а въ трудахъ Томића въ особенности, внесено много новаго въ изложеніе черногорской исторіи, цѣнны и многочисленныя фактическія детали.

Прежде чѣмъ перейти ко второму періоду исторіи собственно Черногоріи, г. Ровинскій въ VI главѣ «Общій взглядъ на внутреннее состояніе Зеты до прекращенія ея владѣтельной династіи» группируетъ изъ источниковъ интересныя данныя, касающіяся церкви и монастырей, земли и народа, жупы и града, торговли и пошлинъ, произведеній страны, промысла и искусства, внутреннихъ и политическихъ отношеній. Здѣсь обращаютъ вниманіе цѣнныя данныя о составѣ населенія, его густотѣ къ югу

отъ Подгорицы до Скадарскаго озера, при чемъ оказываются имена почти всѣхъ селъ и нынѣ существующихъ; менѣе данныхъ для катунской нахіи, хотя и ея имя встрѣчается въ документахъ XV в. Населеніе это было чисто сербское, только на юго-востокѣ еще держится албанскій элементъ.

Слѣды жупнаго дѣленія г. Ровинскій усматриваетъ во многихъ названіяхъ мѣстностей съ именемъ жупы. Сохраняются и тѣ же самыя отношенія между общинами изъ нѣсколькихъ селъ, и не называющимися жупой. Для знакомства съ «градами» интересно указаніе на то, что нынѣшніе грады Ульцина и Бара сохранили свой видъ, въ какомъ они были до занятія ихъ турками въ XVI в., а большая часть построекъ относится къ XIV в. и даже ранѣе.

Въ главѣ о литературѣ г. Ровинскій упоминаетъ о богатствѣ рукописями различнаго содержанія черногорскихъ монастырей, изъ которыхъ сохранились немногія между прочимъ и въ частныхъ рукахъ. Было бы не лишне собрать свѣдѣнія по описаніямъ библіотекъ, чтобы опредѣлить, что и куда попало изъ бывшаго на Цетиньѣ. Г. Ровинскій упоминаетъ при этомъ объ описяхъ ихъ, которыя бы желательно видѣть въ печати. Напоминая, что въ Черногоріи вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія заведена была типографія, г. Ровинскій заключаетъ изъ этого о спросѣ на книги и печатаетъ послѣсловіе къ октоиху 1494 г., которое извѣстно и лучше издано въ описаніи старопечатныхъ книгъ Каратаева. Нѣсколько сомнительнымъ намъ кажется предположеніе объ особомъ законникѣ для Зеты. Изъ указанія описи: «2 законники велике» скорѣе можно заключать, что это могли быть списки Душанова законника, какъ извѣстно, часто соединявшіеся съ синтагмой Матвѣя Властаря.

Исторію Черногоріи подъ управленіемъ митрополитовъ г. Ровинскій начинаетъ восхваленіемъ мудрости и патріотизма Ивана Черноевича, который, понявъ невозможность удержаться въ Зетѣ, искалъ убѣжища въ горахъ и вмѣстѣ съ своей резиденціей перенесъ на Цетинье и митрополію съ сохраненіемъ за ми-

трополитомъ титула зетскій. Предвидя, что его сыну не удержать власти въ своихъ рукахъ и что митрополиту въ будущемъ придется взять управленіе не только церковными, но и мірскими дѣлами, онъ надѣлилъ монастырь средствами, какими въ то время и самъ не обладалъ. Этимъ замѣчательнымъ актомъ была спасена независимость Черногоріи.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ ближайшій періодъ управленія владыкъ изъ различныхъ родовъ опасность положенія Черногоріи была велика. Съ усиленіемъ могущества турокъ возрастало и турецкое вліяніе. Турки проникали въ самую глубь страны, и вмѣстѣ съ ними распространялось магометанство, увеличивалось число потурченцевъ (стр. 484). Съ другой стороны, въ Приморьѣ распространялось католичество. Благодаря усиленію венеціанскаго вліянія, обнаружилась попытка къ переходу въ католицизмъ со стороны владыки Мардарія, который подготовлялся посѣщеніями Черногоріи епископомъ трогирскимъ и Болицей. Это было въ 1640 г. Въ 1690 г. Сулейманъ паша скадарскій проникъ до Цетинья и разрушилъ дворецъ Иванбега и монастырь. Выйти изъ критическаго положенія черногорцамъ помогло только крайнее средство—истребленіе потурченцевъ, на которое рѣшился первый владыка изъ рода Петровичей Нѣгошей Даніилъ. Ко времени этого владыки относится начало сношеній Черногоріи съ Россіей при Петрѣ Великомъ. Съ этихъ поръ исторія Черногоріи представляетъ непрерывную борьбу съ турками, которая въ концѣ концовъ привела къ признанію ея какъ самостоятельнаго государства всей Европой, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе бы желательны были въ интересахъ сербскаго народа и всего славянства. И за этотъ періодъ много интереснаго даетъ книга г. Ровинскаго. Такъ, напр., поставивъ вопросъ, чѣмъ объяснить рѣшимость владыки Даніила на борьбу съ потурченцами, г. Ровинскій обращаетъ вниманіе на его отношенія къ Арсенію Черноевичу, который и самъ былъ черногорецъ, и высказываетъ догадку, что этотъ землякъ патріархъ, разочарованный Австріей, внушалъ Даніилу разсчитывать лишь

на свои силы и не полагаться на Венецію. Начавшіяся сношенія съ Россіей оказываютъ вліяніе и на внутреннее положеніе Черногоріи, въ судьбахъ которой начинаютъ принимать участіе сербы, жившіе въ Россіи, какъ Милорадовичъ (стр. 524—525).

Владыка заботится объ установленіи общаго порядка и управленія въ Черногоріи: учреждается власть гувернадура, сердарей, кнезовъ. Наоборотъ, отношенія къ Венеціи обостряются, и она не безъ послѣдствій строитъ козни Черногоріи (стр. 535—536).

Преемникъ Даніила Савва характеризуется какъ хорошій хозяинъ и собиратель старины, благодаря чему явился цѣлый сборникъ хрисовуловъ. Но недостатокъ въ немъ характера является причиной выбора соправителя въ лицѣ Василія, который неоднократно ѣздитъ въ Россію и старается закрѣпить начавшіяся связи, обратить ихъ въ неразрывный союзъ. Съ русской помощію онъ разсчитываетъ на устройство Черногоріи, дѣлаетъ опытъ обученія черногорцевъ въ Россіи. Г. Ровинскій признаетъ заслугу по выясненію дѣятельности этого владыки за трудами М. Драговића.

Появленіе самозванца Степана Малаго въ Черногоріи даетъ поводъ г. Ровинскому подвергнуть критикѣ разнообразныя мнѣнія о немъ, высказанныя въ литературѣ. Считая самымъ важнымъ сочиненіемъ о немъ статьи г. Макушева, г. Ровинскій упрекаетъ этого ученаго за излишнее довѣріе къ итальянскимъ документамъ, которые служили ему источникомъ. Не находя возможнымъ признать въ самозванцѣ способнаго правителя, г. Ровинскій видитъ въ немъ ловкаго авантюриста, которому помогло стеченіе обстоятельствъ. Г. Ровинскій придаетъ особенное значеніе одному указанію записки Долгорукаго, согласно которому Степанъ былъ уроженецъ Босніи и вызванъ былъ разыграть роль самозванца подъ вліяніемъ архимандрита Ѳеодосія Марковича, жившаго одно время въ Россіи и недовольнаго вмѣстѣ съ другими неспособностію владыки Саввы.

Позволимъ привести одну рукописную запись о самозванцѣ

изъ рукописи монастыря св. Троицы, которая, изображая Стефана легендарнымъ героемъ, въ то же время свидѣтельствуетъ о его сторонникахъ, выдававшихъ его за русскаго. «Въ 1767 г. появился одинъ человѣкъ изъ Черной горы по имени Стефанъ. Нѣкоторые говорили, что онъ Московитъ, и провозгласили его королемъ. И столько знаменій онъ сотворилъ, и ѣздилъ на конѣ по морю, и очень устрашились турки его чарованій и начали войну. Огромное воинство турецкое поднялось на сказаннаго чародѣя и антихристова предтечу Стефана и сокрушили турки одну часть его войска, и страшно разграбили Бѣлопавличи и взяли тамъ многія богатства. Отъ турокъ въ это время великія гоненія и насилія поднялись на христіанъ, а особенно на священническій и иноческій ликъ, находящійся подъ игомъ агарянскимъ, и многія запустѣнія церквамъ и монастырямъ были 1770 года»[1]).

Переходя къ правленію владыки Петра I, г. Ровинскій останавливается на важнѣйшихъ событіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ за это время, какими были столкновеніе владыки съ губернадоромъ, афера Вукасовича, пораженіе Махмуда паши, дѣло Дольчи и др.

Вновь открытые документы по дѣлу Дольчи освобождаютъ владыку отъ обвиненій въ преступныхъ сношеніяхъ, направленныхъ будто бы противъ Россіи. Сожалѣя о суровомъ наказаніи, постигшемъ престарѣлаго аббата, г. Ровинскій не находитъ возможнымъ оправдать его. Замѣтимъ по этому поводу, что слѣдовало бы изслѣдовать переписку Дольчи, переданную Мазуревскимъ Министерству Иностранныхъ дѣлъ и хранящуюся теперь въ Московскомъ архивѣ. Одна интересная подробность, отмѣченная г. Ровинскимъ, о посылкѣ принцу Карлу народныхъ пѣсенъ свидѣтельствуетъ, что аббатъ Дольчи не былъ чуждъ и интересовъ литературныхъ.

Заботы о благѣ народа выразились въ правленіе владыки Петра I составленіемъ законника и попыткой приглашенія зна-

1) Гласник Зем. Музеа у Босни и Херцеговини. 1901 г. 2— 3, стр. 305.

менитаго Досиоея Обрадовича для устройства школъ въ Черногоріи, которое не состоялось только потому, что этотъ писатель не задолго передъ тѣмъ былъ призванъ въ Сербію.

Съ особеннымъ, вполнѣ понятнымъ сочувствіемъ представляетъ г. Ровинскій характеристику этого владыки, который, несмотря на всѣ перенесенныя имъ обиды со стороны Россіи: высылка во время пріѣзда для посвященія, обвиненіе святѣйшимъ синодомъ за небрежное отношеніе къ церковнымъ дѣламъ, не говоря уже о болѣе важныхъ дѣлахъ, какъ передача Боки австрійцамъ, невыдача субсидіи до восшествія на престолъ императора Николая,—оставался вполнѣ вѣрнымъ Россіи и призывалъ къ тому же всѣхъ черногорцевъ въ завѣщаніи.

Г. Ровинскій заканчиваетъ историческій очеркъ главой объ отношеніяхъ между Россіей и Черногоріей при владыкахъ. Указывая, что Россію и Черногорію соединяютъ, помимо единоплеменности и единовѣрія, и политическіе интересы, и отмѣчая колебанія въ нашихъ отношеніяхъ, объясняющіяся какъ личнымъ характеромъ нѣкоторыхъ государей, такъ и общимъ направленіемъ русской политики, г. Ровинскій находитъ, что въ настоящее время Черногорія, представляющая собою политическое цѣлое, крѣпкое и нераздѣлимое, могущее быть прочной и вѣрной опорой для русскихъ и славянскихъ интересовъ въ самомъ важномъ пунктѣ, заслуживаетъ могущественной помощи Россіи.

Но черногорцы, какъ указываетъ г. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ (т. II, 1, стр. 392), глубоко проникаются идеей единства и сближенія съ остальными братьями сербами, какъ свободными, такъ и остающимися подъ чужимъ господствомъ, а потому является желательной и необходимой поддержка со стороны Россіи всего сербскаго народа, съ которымъ насъ связываютъ завѣты нашего великаго государя, обратившагося съ первымъ призывомъ изъ славянъ именно къ сербамъ и при участіи сербовъ.

Историческій очеркъ Черногоріи сопровождается у г. Ровинскаго цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ приложеній, каковы

Грамота Ивана Черноевича на построеніе храма Рождества Богородицы и монастыря на Цетиньѣ 1485 г. въ двухъ экземплярахъ — оригиналѣ и копіи, Дипломы, данные Венеціанской республикой Черногорскому народу, описаніе Скадарскаго санджака Болицы въ русскомъ переводѣ и наконецъ извлеченія изъ сочиненія В. Броневскаго: Записки морского офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ отъ 1805 по 1810 г.

Второй томъ труда г. Ровинскаго посвященъ этнографіи Черногоріи, на которую онъ смотритъ, какъ на главную и самую важную часть своего сочиненія. Его задачей въ этомъ отдѣлѣ было представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорскаго народа и его жизни во всѣхъ сферахъ и отправленіяхъ со всей окружающей ее обстановкой. Неудивительно поэтому, что и по объему этнографическій отдѣлъ превосходитъ первыя двѣ части, заключающія въ себѣ географію и исторію, на которыя авторъ смотритъ скорѣе, какъ на введеніе къ этнографіи.

Чтобы выяснить значеніе этого важнѣйшаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго, бросимъ взглядъ на положеніе юго-славянской этнографіи вообще.

Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ болгарское министерство народнаго просвѣщенія начало издавать Сборникъ въ Софіи, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ отдѣлъ этнографіи, это изданіе обратило на себя всеобщее вниманіе.

Это и неудивительно. Болгаре, до освобожденія не имѣвшіе литературнаго центра, и не могли сосредоточить своихъ усилій, а потому ихъ раннія публикаціи этого рода, разсѣянныя по разнымъ пунктамъ всего славянскаго міра, не производили такого впечатлѣнія, какое теперь производятъ матеріалы, входящіе въ Сборникъ, вмѣстѣ съ предпріятіями частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Жива Старина г. Маринова и др.

Если этотъ матеріалъ и до сихъ поръ не оскудѣваетъ, то въ значительной степени это зависитъ и отъ того, что въ Софію по преимуществу притекаетъ этнографическое богатство Македоніи, безъ котораго полнота и обиліе не мало бы проигрывали.

Если мы теперь обратимся къ сербамъ, то, говоря о положеніи этнографіи у нихъ, приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ особыхъ причинъ и условій, которыя отзываются на ихъ трудахъ въ этой области.

Этнографическое изученіе сербскаго народа началось съ первыми проблесками возрожденія. Въ лицѣ Вука Стефановича Караджича сербы получили такого блестящаго собирателя произведеній народной словесности, что его сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ и обычаевъ, составленные съ выборомъ изъ многаго лучшаго, на весь міръ прославили сербскій творческій геній. Нисколько поэтому неудивительно, что сербская академія рѣшила предпринять новое полное изданіе собраннаго Караджичемъ матеріала. Насколько и въ количественномъ отношеніи этотъ матеріалъ былъ обиленъ, можно судить по тому, какъ разрослось начатое и теперь уже близкое къ концу академическое изданіе. Изъ пяти томовъ пѣсенъ выросло девять. Но у сербовъ былъ не одинъ Вукъ. За нимъ послѣдовали другіе: Милутиновичъ, Петрановичъ, Врчевичъ и пр. Если же присоединить еще хорватскія изданія и сборники, выпущенные въ послѣднее время въ Боснѣ, то нельзя не признать за сербо-хорватами первенства въ области народнаго творчества на славянскомъ югѣ.

Но развѣ можно считать дѣло оконченнымъ, развѣ все уже исчерпано? Разумѣется, нѣтъ. И вотъ и въ Бѣлградѣ, и въ Загребѣ признается необходимымъ продолжать это дѣло. Сербскій академикъ С. Новаковичъ выступаетъ съ предложеніемъ издавать при академіи этнографическій сборникъ. Въ запискѣ, представленной имъ по этому поводу, упоминая о выдающихся заслугахъ Вука, г. Новаковичъ свидѣтельствуетъ, что послѣ него замѣчается упадокъ и народнаго творчества, и энергіи собира-

телей, уступающихъ Вуку: «труднѣе было собрать цѣлую книгу подобнаго содержанія, еще труднѣе стало ее редактировать, какъ слѣдуетъ, не легко было и издать особенно, когда извѣстно, что нельзя больше найти того, что нашелъ Вукъ. Оттого въ послѣднее время матеріалъ этого рода началъ разбрасываться по календарямъ, мелкимъ журнальцамъ, по всевозможнымъ уголкамъ, какъ и всякій другой низшаго сорта книжный продуктъ», и въ то же время указываетъ тѣ пути, какими съ успѣхомъ можно выйти изъ болѣе или менѣе равнодушнаго отношенія къ дѣлу: «и однако едва ли бы кто сказалъ, что такимъ образомъ собрано все, что нужно собрать въ народѣ, послѣ чего уже совсѣмъ излишне трудиться на этой нивѣ. Искусство собиранія, руководство людьми, у которыхъ есть охота собирать, но нѣтъ умѣнія; искусный подборъ матеріала при печати, который бы самъ собою направлялъ собирателя; одинъ центръ, куда бы стекался подобный матеріалъ, — все это вмѣстѣ могло бы еще оказать довольно услугъ, чтобы исчерпать до конца эту сторону духовнаго проявленія народной жизни». Г. Новаковичъ находитъ полезнымъ расширить и самый кругъ собираемаго матеріала. Онъ указываетъ на необходимость изученія діалектовъ, собиранія мѣстныхъ историческихъ сказаній, народныхъ преданій объ отдѣльныхъ мѣстахъ и лицахъ, направляетъ собирателя въ такія мѣста, гдѣ до сихъ поръ менѣе работали.

Предложеніе было принято, при академіи сталъ выходить этнографическій сборникъ. Но пока вышли только двѣ книги: «Животъ срба селяка. У Београду 1894» — переработанное изданіе выходившихъ ранѣе замѣтокъ г. Миличевича и «Старинска српска јела и пића од Симе Тројановића. У Београду 1896». Послѣдняя книга, впрочемъ, представляетъ не столько матеріалъ, сколько его обработку, при чемъ авторъ привлекаетъ обширную литературу по общей этнографіи въ ущербъ избранному имъ предмету[1]).

1) Сравни замѣчанія объ этой книгѣ въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи, съ которыми мы вполнѣ согласны.

Замѣтно, повидимому, что предпріятіе еще не пошло въ ходъ бойко[1]). Чѣмъ же это объяснить? По нашему мнѣнію, важную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что, благодаря историческимъ условіямъ, къ несчастію складывающимся все еще не особенно благопріятно для сербской народности, сербамъ трудно установить единство центра.

Прежде всего важнымъ факторомъ является существованіе двухъ академій въ Бѣлградѣ и Загребѣ. Въ 1892 г. выступилъ г. Новаковичъ съ своимъ предложеніемъ въ Бѣлградѣ, въ 1893 г. состоялось рѣшеніе издавать этнографическій сборникъ, а въ 1896—1897 гг. Югославянская Академія выступаетъ съ такимъ же изданіемъ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли: Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena.

Въ то время какъ г. Новаковић ставилъ извѣстныя границы для дѣятельности сербскихъ собирателей: «Географическія границы Сборника должны бы были опредѣлиться границами той территоріи, на которой распространена наша народная эпопея, куда простираются границы переходныхъ говоровъ. Гдѣ неизвѣстно ни о Косовскомъ боѣ, ни о Маркѣ, ни о Неманичахъ, тѣ мѣста наши изслѣдователи могли бы оставить другимъ», Югославянская Академія, на первомъ планѣ, разумѣется, имѣющая въ виду хорватовъ и сербовъ, не исключаетъ и словенцевъ съ болгарами, признавая, впрочемъ, что тѣ и другіе начали самостоятельную дѣятельность — въ Лѣтописи матицы словенской одни и въ Сборникѣ за народни умотворенія другіе[2]). Но со стороны болгарской приглашеніе осталось безъ отзыва, мы не нашли въ выпускахъ, которые имѣли возможность видѣть, ни какой-либо болгарской статьи, ни матеріала.

Если, такимъ образомъ, теперь трудно мечтать о какомъ-либо центрѣ для южныхъ славянъ въ широкомъ смыслѣ, то безспорно,

1) Съ удовольствіемъ можемъ прибавить, что въ самое послѣднее время вышелъ III томъ, въ который вошли пѣсни изъ Левча на Моравѣ Ягодинскаго округа и Антропогеографски проблеми Балканскога полуострва од Др. Ј. Цвијића, отдѣльный оттискъ изъ IV тома того же сборника.

2) Zbornik I, Pripomenak VIII.

что предпріятіе Загребской академіи отнимаетъ у Бѣлградской тотъ матеріалъ, который идетъ изъ Босны и Герцеговины, столь богатыхъ произведеніями народнаго творчества сербскихъ земель. Какъ видно изъ Zbornika, не мало весьма цѣннаго матеріала идетъ оттуда.

Въ отличіе отъ Бѣлградской, Загребская академія выпустила во второмъ томѣ своего Zbornika программу для собиранія этнографическаго матеріала. Г. Новаковичъ представлялъ это самому ходу дѣла.

До сихъ поръ вышло шесть томовъ этого изданія, шестого пока еще первая половина.

Есть и еще изданіе, гдѣ помѣщается сербскій матеріалъ. Это Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговини, въ которомъ имѣется и этнографическій отдѣлъ.

Итакъ, сербамъ приходится считаться съ отсутствіемъ единаго центра литературной дѣятельности. Это обстоятельство нельзя забывать и при оцѣнкѣ ихъ трудовъ и усилій и въ области этнографіи.

Если мы теперь обратимся ко всѣмъ исчисленнымъ изданіямъ и посмотримъ, что въ нихъ есть касающагося Черногоріи, то окажется очевидной скудость напечатаннаго матеріала.

У г. Миличевића, который помѣщалъ матеріалъ изъ разныхъ сербскихъ краевъ, лишь немногія сообщенія идутъ изъ Черногоріи. Въ Zbornik'ѣ Югославянской Академіи мы нашли только двѣ весьма, правда, любопытныя статьи: Crnogorski prilozi: a) Iz Gluhog Dola u crmničkoj nahiji. L. Jovović; b) Iz Bara i barske okolice u primorskoj nahiji. M. Jovović. Два небольшія сообщенія находимъ и въ Земальскомъ Гласникѣ: Народно глумоване у цуцком Трешњеву и Оро црногорска народна игра. I. Ф. Иванишевића. 1895, стр. 152—155, 1900, стр. 433—542.

Тѣмъ очевиднѣе, какой интересъ получаютъ двѣ части второго тома г. Ровинскаго, поражающія уже однимъ внѣшнимъ объемомъ — стр. 778 въ первой и 646 во второй — и представляющія полную картину черногорскаго быта.

Приступаемъ къ краткому обозрѣнію содержанія 18 главъ, на которыя раздѣлилъ авторъ этнографическій отдѣлъ, чтобы опредѣлить въ общихъ чертахъ интересъ и значеніе труда, огромное преимущество котораго заключается уже и въ томъ, что онъ принадлежитъ одному автору, а потому само собой носитъ цѣльный характеръ.

Первыя двѣ главы посвящены племенному составу Черногоріи и общей характеристикѣ племени.

Въ первой г. Ровинскій собираетъ данныя, касающіяся отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ сложилась Черногорія, и отдѣльныхъ родовъ въ ихъ средѣ, наиболѣе выдавшихся. Это тѣ этнографическія группы, на которыя въ силу разнообразныхъ причинъ подраздѣляется населеніе Черногоріи. По языку да и по происхожденію это сербы южнаго говора и большею частію герцеговинцы. Но въ цѣломъ составѣ этого населенія авторъ различаетъ остатки такъ называемыхъ имъ старожиловъ — стараго населенія Зеты, которое въ X вѣкѣ окончательно заняло ея территорію, отъ позднѣйшаго населенія, которое пришло главнымъ образомъ изъ Герцеговины и слилось со старымъ, одержавъ надъ нимъ верхъ. Вѣроятной причиной этого явленія авторъ считаетъ то обстоятельство, что старое населеніе не было вполнѣ свободнымъ, жило на землѣ властельской; наоборотъ, новые поселенцы, бѣжавшіе послѣ паденія сербскаго царства, представляли собою сильные и богатые роды. Народное преданіе безсознательно и невѣрно смотритъ на старожиловъ, какъ на какихъ-то инородцевъ.

Авторъ пользуется въ этой главѣ грамотами, записями, надписями на надгробныхъ памятникахъ, археологическими памятниками, каковы церкви, развалины зданій, могильныя плиты, топографическими указаніями и сохраняющимся въ народѣ преданіемъ какъ объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, такъ и объ отдѣльныхъ лицахъ въ пѣснѣ или въ живомъ разсказѣ.

Изъ сгруппированнаго здѣсь авторомъ матеріала уясняется болѣе или менѣе происхожденіе отдѣльныхъ племенныхъ группъ,

большая или меньшая давность ихъ пребыванія на мѣстѣ, или поздній приходъ, ихъ взаимное отношеніе и перемѣщенія, чистота ихъ сербской крови, или, наоборотъ, примѣсь въ нихъ чужероднаго элемента албанскаго или турецкаго, итальянскаго, устанавляется генеалогія отдѣльныхъ родовъ, напримѣръ, тожество Черноевичей и Юрасичей, албанское происхожденіе Дрекаловичей и др. Цѣнными данными, какія здѣсь собраны для исторіи рода Черноевичей, въ значительной степени пополняется то, что объ этомъ уже есть въ I томѣ. Равнымъ образомъ, для опредѣленія этнографической албанской границы въ Зетѣ, здѣсь подобраны весьма цѣнныя указанія. Здѣсь можно найти отмѣченными и преданія каждаго отдѣльнаго племени, какія въ немъ сохраняются о богомильствѣ.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ указываетъ на тѣхъ лицъ, со словъ которыхъ то или иное преданіе имъ записано, напримѣръ, воеводы Марка Милянова (стр. 80), братоножича Николы Митровича (стр. 87).

Во второй главѣ авторъ устанавливаетъ характерныя черты и до сихъ поръ столь еще сильнаго въ Черногоріи родового быта.

Связь между отдѣльными племенами выражается въ празднованіи одному святому, въ незаключеніи браковъ внутри своего племени, въ неотчуждаемости входящей въ его границу земли. Каждое племя распадается на слѣдующія звенья: братства, отдѣльные въ нихъ роды и семьи или дома. Въ зависимости отъ дѣленія на братства находится распредѣленіе населенія внутри племени, владѣніе землей, планинами и водами, принадлежащія лишь членамъ братства церкви.

Отсюда также патронимическія названія села, которое сливается съ братствомъ или родомъ. Далѣе авторъ говоритъ о территоріальныхъ границахъ и способѣ ихъ опредѣленія, разбирая при этомъ мѣста грамотъ, въ которыхъ описаніе границъ испещрено славянскими выраженіями тѣхъ природныхъ признаковъ, которыми опредѣлялась граница, и от-

носящіеся сюда термины въ живомъ языкѣ. Интересно, что послѣдніе не сохранили славянскихъ названій, въ однѣхъ мѣстностяхъ замѣнившись турецкими: удудъ, сентъ, сенетъ, въ другихъ итальянскими: куфинъ, кувинъ, ковинъ. Здѣсь же идетъ рѣчь, какъ и кѣмъ повѣрялась граница въ случаѣ пограничныхъ споровъ, при чемъ оказывается, что въ Черногоріи сохранились лишь слабые слѣды особыхъ обрядовъ, о которыхъ говоритъ г. Миличевичъ: заклинаютъ, взявъ кусочекъ земли, или сорвавъ пучокъ травы. Только два случая оригинальнаго пріема опредѣленія границы ходомъ и быстрымъ бѣгомъ двухъ навстрѣчу посланныхъ человѣкъ приводитъ г. Ровинскій въ Пивѣ и Кучахъ. Переходя къ земельнымъ отношеніямъ, авторъ разсматриваетъ различные виды землевладѣнія въ Черногоріи. Интересно при этомъ, что въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ, которые выдѣлялись въ братствѣ каждой семьѣ, мы находимъ вполнѣ сохранившеюся сербскую терминологію: сухомедья, ограда, врзмина, забран, дубрава, забијељ, также въ терминахъ, касающихся наслѣдства и пріобрѣтенія земли: очевина, дѣдовина, бащина, куповина, своина, стечевина, крволочина. Наоборотъ, термины общиннаго владѣнія чужіе: комун, комуница, метех, беглук, вакам. Особый отдѣлъ отведенъ авторомъ внутренней организаціи племени. Здѣсь разсмотрѣны происхожденіе, функціи и значеніе званій: воеводы, сердаря, кнеза, духовныхъ властей, гувернадура и даны свѣдѣнія о судѣ кметовъ съ указаніемъ мѣста, гдѣ онъ происходилъ, и порядка веденія дѣлъ (въ терминологіи итальянское вліяніе: банак, сентенція), о народныхъ собраніяхъ, о дѣлахъ, какія они вѣдали, и срокахъ, въ какіе они собирались.

Заканчивая главу, авторъ говоритъ объ учрежденіи сената и перяниковъ и постепенномъ переходѣ отъ племеннаго строя къ государственности, при чемъ отмѣчены и самыя позднія перемѣны, какъ учрежденіе министерствъ вмѣсто сената. Исчезли племенные главари, но слѣды племеннаго духа все еще сказываются въ жизни въ предпочтеніи своего человѣка чужому. Бла-

годаря тому же, при всей демократичности строя черногорской жизни, въ черногорцахъ жило и живетъ стремленіе выдѣлиться изъ другихъ славой рода. Вступая въ сношенія съ другими державами, они добились титуловъ въ Венеціи и Россіи. Позволимъ замѣтить, что у насъ есть нѣсколько выписокъ о дворянскомъ происхожденіи черногорцевъ, удостовѣренія въ чемъ выдавались въ Черногоріи, отъ времени владыки Петра II[1]). Теперь то же стремленіе ведетъ къ привилегіямъ людей, отличаемыхъ правительствомъ.

Въ III-й главѣ г. Ровинскій разсматриваетъ семью или домъ и жизнь въ семьѣ. Начавъ съ терминовъ, существующихъ для понятія семьи: породица, фамеља (домъ, кућа), и опредѣливъ различіе между семьей задружной и инокосной, притомъ отмѣтивъ отсутствіе у черногорцевъ обычнаго сербскаго термина задруга, г. Ровинскій касается вопроса о составѣ ея, пользуясь шематизмомъ епископа Виссаріона Любиши и жалуясь, что черногорское правительство не находитъ нужнымъ публиковать статистику населенія. Самыя большія семьи, теперь весьма рѣдкія, находятся въ герцеговинской части Черногоріи. Поэтому авторъ, какъ рѣдкое исключеніе, подробно описываетъ семью, въ которой было 57 душъ. Замѣчено вообще, что наибольшія семьи въ старое время находились главнымъ образомъ на турецкой границѣ, что объясняется потребностію въ оборонѣ отъ турецкихъ нападеній. Когда эти условія миновали, начинаются семейные раздѣлы, несмотря на стремленіе правительства ихъ задерживать въ интересахъ экономическихъ. Здѣсь уже дѣйствуетъ склонность къ индивидуальности, въ Черногоріи сказывающаяся сильнѣе, чѣмъ въ Сербіи. Обращаясь къ взаимному отношенію членовъ семьи, г. Ровинскій прежде всего настойчиво утверждаетъ, что во главѣ семьи большой или малой стоитъ домаћин — старшій въ семьѣ по рожденію, исправляя ошибочный взглядъ, раздѣляемый между прочимъ и Караджичемъ,

1) Печатаются въ Приложеніяхъ.

будто бы такимъ домовладыкой бываетъ не старшій, а способнѣйшій. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ главы дома. Лишь когда домовладыка достигаетъ преклоннаго возраста, онъ предоставляетъ сыну вести всѣ дѣла, самъ служа лишь совѣтомъ, но сохраняя свое главенство въ домѣ. Если послѣ его смерти остаются нераздѣльно живущіе братья, старѣйшинство переходитъ къ старшему изъ нихъ. Этимъ вполнѣ подтверждается родовой характеръ наслѣдованія въ нашихъ древнихъ княжескихъ родахъ. Если брата въ семьѣ нѣтъ, а дѣти еще не взрослыя, во главѣ семьи становится жена умершаго: на нее переходитъ участіе не только въ хозяйственныхъ, но и въ общественныхъ дѣлахъ. Отсюда объясняются фамиліи съ окончаніями на ич отъ женскаго имени, напримѣръ, Маріћ и др. Безъ отца и матери во главѣ семьи при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ можетъ стать даже и старшая дочь. Далѣе г. Ровинскій говоритъ о положеніи каждаго отдѣльнаго члена семьи, дочери, взаимныхъ отношеніяхъ между ними, отмѣчая наиболѣе характерныя черты, напримѣръ, въ отношеніяхъ брата и сестры и проч. Особо разсматриваетъ авторъ семейное и соціальное положеніе женщины. При этомъ имъ принимаются во вниманіе особыя историческія условія черногорской жизни, равно какъ и общій взглядъ на женщину. Г. Ровинскій далекъ отъ крайности видѣть въ черногорской женщинѣ рабу, или же, наоборотъ, считать ее вполнѣ равноправной съ мужчиной и ставить въ положеніе, какого не занимаетъ и европейская женщина. Если предпочтеніе оказывается мальчику и вообще мужскому потомству, то здѣсь сказывается торжество родового принципа: сынъ продолжатель рода. Приводя рѣзкіе примѣры предпочтенія мужского пола женскому (стр. 226—227), суроваго обращенія мужей съ женами и отдѣльные исключительные случаи въ отношеніи къ женѣ мужа (230—231), получающіе однако извѣстное объясненіе (231), г. Ровинскій выставляетъ и тѣ случаи, въ которыхъ черногорская женщина является на высотѣ, какой не достигаетъ еще у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ:

право быть главой дома, полноправность въ имущественныхъ отношеніяхъ, неприкосновенность во время войны. Наконецъ, авторъ упоминаетъ о героизмѣ черногорки, воспѣтой княземъ Николаемъ. Обращаясь къ браку и супружескимъ отношеніямъ, г. Ровинскій разсматриваетъ взглядъ черногорца на бракъ, безъ котораго жизнь не даетъ права на имя человѣка, условія его заключенія по отношенію къ родству, взаимности, возрасту вступающихъ въ бракъ; отмѣчаетъ особые случаи, когда родители рѣшаютъ бракъ уговоромъ еще до рожденія дѣтей, отмицу, уходъ и, наконецъ, говоритъ о положеніи молодыхъ въ домѣ, объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Переходя къ имущественнымъ отношеніямъ, г. Ровинскій прежде всего замѣчаетъ, что черногорская семья не есть юридическая единица, какою была семья римская. Оттого проступки однихъ лицъ въ ней по отношенію къ другимъ представляютъ нарушеніе естественныхъ отношеній, не имѣютъ юридическаго характера. Отсюда такіе факты, какъ удаленіе сына безъ лишенія его доли имѣнія. Въ нераздѣльной семьѣ нераздѣльная собственность, при раздѣлѣ дѣлежъ имущества поровну. Различіе есть, впрочемъ, между имѣніемъ наслѣдственнымъ и купленнымъ, распоряженіе которымъ свободнѣе. Изъ послѣдняго отецъ можетъ дать извѣстную часть дочери, или завѣщать женѣ. Женщина исключается изъ наслѣдства, выходя замужъ, и получаетъ при этомъ только приданое и что ей дастъ семья добровольно, но при отсутствіи братьевъ можетъ унаслѣдовать и все имѣніе. Такое имѣніе носитъ имя материнства, и мать можетъ имъ располагать добровольно, оставляя или сыновьямъ, или дочерямъ; если же послѣ смерти не останется никакого распоряженія, это имѣніе дѣлится между дочерьми. Изложивъ остальныя имущественныя отношенія по законникамъ князя Даніила и Богишича, г. Ровинскій даетъ цѣнныя извлеченія изъ документовъ цетинскаго монастыря, представляющихъ дарственныя, продажныя и залоговыя записи, которыя характеризуютъ имущественныя отношенія разныхъ лицъ. Скрѣпленныя свидѣтелями изъ народа,

онѣ сохраняютъ вѣрность обычаю и народному духу, благодаря чему увеличивается ихъ цѣнность. Изъ нихъ видно, что въ этихъ вкладахъ участвовали и женщины. Г. Ровинскій справедливо отмѣчаетъ по этому поводу несогласныя съ обычаемъ ограниченія, какія въ отношеніяхъ имущественныхъ внесены касательно правъ женщины г. Богишичемъ въ составленный имъ кодексъ, раздѣляя въ этомъ случаѣ замѣчанія, сдѣланныя г. Спасовичемъ. Въ заключеніе исчислены названія родства. Интересно при этомъ отмѣтить ничтожное число турецкихъ словъ: даиджа, амиджа, балтеза, баджанак, одива, лале, изъ которыхъ притомъ нѣкоторыя употребляются лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ при сохраненіи славянскихъ синонимовъ въ другихъ.

Глава IV, разсматривающая черногорца, какъ отдѣльную единицу, и его индивидуальныя свойства, распадается на два отдѣла, въ которыхъ собраны характерныя черты, рисующія физическій и нравственный типъ черногорца. Въ первомъ прежде всего отмѣчаются наружные признаки: рослость, стройность и соразмѣрность всѣхъ частей тѣла; правильность и красота лица, обиліе и густота волосъ; гибкость мышцъ, важность тѣлодвиженій; что касается физическихъ способностей и отправленій — необыкновенное развитіе зрѣнія, слуха, умѣренность въ пищѣ и питьѣ, выносливость въ отношеніи къ холоду и голоду, терпѣливость въ перенесеніи ранъ и операцій; наконецъ, долговѣчность, болѣе, впрочемъ, въ старшемъ поколѣніи. Особо перечисляются слова, касающіяся различныхъ частей тѣла человѣческаго, а также выражающія характерныя внѣшнія черты отдѣльнаго человѣка. Послѣ общихъ замѣчаній объ уходѣ за тѣломъ особенное вниманіе удѣлено болѣзнямъ и ихъ народному лѣченію. И здѣсь вездѣ приведены народныя названія болѣзней. О душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ, эпилептикахъ и слѣпыхъ авторъ говоритъ, пользуясь цѣнной статьей доктора Милянича— замѣтимъ, русскаго воспитанника, получившаго образованіе въ Московскомъ университетѣ, — присоединяя къ тому и свои наблюденія. Упоминая здѣсь о старыхъ лѣчебникахъ, г. Ровин-

скій указываетъ, что такіе были въ библіотекѣ цетинскаго монастыря. Отрывки изъ такого сборника имъ найдены въ Подгорицѣ; также есть статьи въ сборникѣ одного торговца. Припоминая греческія выраженія въ одномъ изъ лѣчебниковъ, разсмотрѣнныхъ проф. Ягичемъ, г. Ровинскій прибавляетъ къ тому, что и въ Черногоріи въ старое время были лѣкарями греки. Напомнимъ по этому поводу, что въ одной рукописи подобнаго содержанія, видѣнной нами въ Хиландарѣ, при бѣгломъ ея пересмотрѣ, бросились въ глаза грецизмы.

Переходя къ нравственному типу черногорца, г. Ровинскій отмѣчаетъ необыкновенную воспріимчивость внѣшнихъ впечатлѣній черногорца, необыкновенную память (отсюда легкое изученіе языковъ), быстроту и сообразительность ума, обнаруживающіяся при рѣшеніи задачъ въ школѣ. Но при этихъ достоинствахъ недостаетъ углубленія въ сущность предмета или вопроса, а отсюда узкая практичность и недальновидность. Но встрѣчаются и противоположные типы съ широкимъ умомъ, дальновидностью и философскимъ взглядомъ, блестящимъ представителемъ которыхъ является въ прошломъ владыка Петръ II. Впечатлительность развиваетъ въ черногорцѣ и дурныя черты: крайнюю раздражительность и амбиціозность даже въ мелочахъ, которыя иногда доводятъ его до душевной болѣзни. Зато живость ума благопріятствуетъ богатому воображенію и фантазіи черногорца, отражаясь на образности и картинности въ поэтическихъ произведеніяхъ, а также и въ обычномъ разговорѣ и оборотахъ языка; съ другой стороны, сила чувства, переходя въ энергію, приводила черногорца къ побѣдѣ надъ всевозможными препятствіями, помогла ему спасти родину отъ порабощенія. Обращаясь далѣе къ частнымъ проявленіямъ общихъ способностей, г. Ровинскій отмѣчаетъ какъ дурныя черты: крайнее самолюбіе, гордость, тщеславіе, упрямство, такъ и хорошія: сильно развитое чувство чести, необыкновенную храбрость, общительность, гостепріимство и щедрость.

Въ отношеніяхъ государственныхъ и общественныхъ черно-

горецъ склоненъ къ признанію единоличной власти, исполненъ симпатій къ своимъ ближайшимъ братьямъ сербамъ, свободнымъ и еще болѣе ждущимъ освобожденія, не чуждъ идеи славянской съ особенными симпатіями къ Россіи, какъ оплоту православія; отличаясь терпимостію къ иностранцамъ вообще, въ силу историческихъ условій имѣетъ и антипатіи, вызванныя грубымъ эгоизмомъ, лукавствомъ и посягательствомъ на чужое со стороны ближайшихъ западныхъ сосѣдей, сначала венеціанцевъ, теперь австрійцевъ. Замѣчаемыя въ послѣднее время недружелюбныя отношенія къ албанцамъ представляютъ явленіе позднѣйшее и поддерживаются католической пропагандой. Въ отношеніяхъ къ религіи и церкви г. Ровинскій отмѣчаетъ положительныя черты черногорца: живую вѣру въ Бога, преданность церкви, выражающуюся въ постройкѣ церквей отдѣльными селами и общинами, соблюденіи поста, участіи въ церковныхъ процессіяхъ, въ почтеніи къ духовенству, о которомъ нѣтъ соблазнительныхъ разсказовъ — да не было къ нимъ и повода. Высоко цѣнитъ черногорецъ просвѣщеніе и школьное ученіе, усердно посѣщая школу, не имѣя предразсудка противъ ученія дѣвочекъ. Въ заключеніе этой главы г. Ровинскій группируетъ пословицы, въ которыхъ выражается житейская мудрость черногорца, и приводитъ выраженія, характеризующія различныя нравственныя качества человѣка.

Глава V посвящена жилищу со всею внутреннею и внѣшнею обстановкой. Авторъ говоритъ здѣсь объ устройствѣ черногорскихъ домовъ обычныхъ каменныхъ и деревянныхъ въ Васоевицкой нахіи. Такъ называемая поземуша представляетъ типъ примитивнаго человѣческаго жилья, въ которомъ и люди и скотъ помѣщаются вмѣстѣ, нѣтъ раздѣленія на комнаты, нѣтъ настоящаго потолка и пола, нѣтъ оконъ, но посреди огнище съ непрерывно поддерживаемымъ огнемъ, у котораго и грѣются и варятъ пищу въ дыму, который за отсутствіемъ печи и трубы выходитъ наружу въ щели и двери. Другого рода домъ «на подъ», или «на избу» изъ двухъ этажей, въ которомъ вверху живутъ люди, внизу

помѣщеніе для скота; принадлежностью такого дома является такъ называемый тріемъ, т.-е. наружная галлерея. Г. Ровинскій подробно разсказываетъ, какъ строятся разнаго сорта дома, изъ какихъ частей состоятъ, какія помѣщенія есть при нѣкоторыхъ изъ нихъ, какіе существуютъ способы отопленія, освѣщенія, какая въ домѣ имѣется домашняя утварь и посуда, какія есть орудія. Ближайшее отношеніе къ предмету этой главы имѣетъ весьма интересная статья г. В. Вулетића Вукасовића, помѣщенная въ Zbornik'ѣ I, стр. 27—43: Narodna kuća ili dom s pokućstvom u Dalmaciji, u Hercegovini i u Bosni, въ которой разсматриваются постройки, близкія къ черногорскимъ, а потому и дающія интересный матеріалъ для сопоставленій. Этой статьей авторъ Черногоріи не могъ впрочемъ пользоваться, такъ какъ I томъ Zbornika и 1-я часть II-го тома труда г. Ровинскаго вышли одновременно. За то въ большомъ проигрышѣ оказался авторъ статьи, помѣщенной въ Гласникѣ Земальскаго музея за 1899 г.: «Пучка кућа у Босни и Херцеговини», Р. Мерингеръ, не знакомый ни съ книгой г. Ровинскаго, ни съ статьей Вукасовића. При скудости произведенныхъ имъ наблюденій для него остается многое непонятнымъ въ устройствѣ сербскаго дома, сравнительно съ видѣнными имъ домами въ Тиролѣ. Нужно, однако, замѣтить, что и у Мерингера, и у Вукасовића больше рисунковъ, которые представляютъ большой интересъ и важны для сравненій и выводовъ. У г. Ровинскаго, къ сожалѣнію, есть только рисунки васоевицкихъ деревянныхъ домовъ и прије клада. А между тѣмъ, помимо интереса, какой представляютъ всѣ вещи, чѣмъ они проще, есть у г. Ровинскаго указанія и на украшенія домашней работы креселъ (стр. 481) съ фигурной рѣзьбой, ковша съ искусно вырѣзанной ручкой, деревяннаго бокала съ рѣзьбой (стр. 485). Судя по рисункамъ въ названныхъ статьяхъ, есть варіанты однихъ и тѣхъ же предметовъ, напримѣръ, прије клада у г. Ровинскаго и г. Мерингера.

Главу VI, «народный костюмъ и относящееся къ нему домаш-

нее женское производство», начинаетъ г. Ровинскій описаніемъ прялки и ткацкаго станка, который по его замѣчанію еще проще и первобытнѣе чѣмъ нашъ. Опять нельзя не пожалѣть, что нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ снимковъ. Судя по описанію г. Ровинскаго, прялка черногорская похожа на изображенную на рисункѣ Вукасовиһа, но и тутъ могутъ быть различія; г. Ровинскій, напримѣръ, ничего не говоритъ о вырѣзкѣ боковъ лопаточки, какая есть на рисункѣ Вукасовиһа. А прялка, пріобрѣтенная нами въ Охридѣ, также чрезвычайно простая, иной совершенно формы. Интересно, что и въ Черногоріи такъ же, какъ въ Македоніи, названія, относящіяся къ пряжѣ и станку, сохранились чисто славянскія. Есть сходство и въ частностяхъ, напримѣръ, въ названіи совиља въ значеніи челнокъ, сравни болгарское совалка. Описывая мужской и женскій костюмъ, г. Ровинскій постоянно слѣдитъ за перемѣнами въ немъ, являющимися въ послѣднее время, отмѣчаетъ вліяніе сосѣдей, напримѣръ, албанцевъ, оцѣниваетъ достоинство той или другой одежды или обуви, перечисляетъ разные ея виды, указываетъ отличія того или другого костюма у разныхъ племенъ. Въ названія одежды у южныхъ славянъ проникло много турецкихъ словъ, есть они и у черногорцевъ, но повидимому менѣе, чѣмъ въ Боснѣ или Герцеговинѣ. Можно привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда рядомъ съ турецкими употребляются и славянскія выраженія, напримѣръ, учкур, гајтан, но и свитњак, чембер и повезило, пешкир и рушник, јастук и узглавач, тестемель и навлака, белензуци и наручници. Перевѣсъ во всякомъ случаѣ на сторонѣ славянскихъ названій. Весьма интересныя и разнообразныя названія вышивокъ на женской рубашкѣ исключительно славянскія.

Глава VII даетъ свѣдѣнія о хлѣбныхъ растеніяхъ, мясѣ и молочныхъ продуктахъ и приготовляемыхъ изъ нихъ кушаньяхъ, о зелени и плодахъ, употребляемыхъ въ пищу, далѣе о напиткахъ и ихъ приготовленіи и, наконецъ, объ употребленіи табаку. Здѣсь опять въ отдѣлѣ о яствахъ и напиткахъ представляетъ

интересный для сопоставленій матеріалъ статья: Narodna jela i pića po Bosni i Hercegovini И. Зовка въ I томѣ Zbornika.

Въ главѣ VIII исчисляются выраженія, употребляемыя при счетѣ предметовъ, при опредѣленіи времени вообще, частей года, дня, ночи, разстояній. Интересны извлеченія изъ черногорскихъ грамотъ, относящіяся къ измѣренію поверхности земли, изъ которыхъ нѣкоторыя слова сохранились и до сихъ поръ, хотя и съ измѣненіемъ значенія. Исчислены мѣры сыпучихъ тѣлъ и жидкостей, указаны измѣренія вѣса въ старое и позднѣйшее время. Денежныя названія представляютъ смѣсь уцѣлѣвшихъ отъ старины словъ не славянскаго происхожденія, турецкихъ, венеціанскихъ и австрійскихъ.

Глава IX «Земледѣліе» обнимаетъ общія замѣчанія о разныхъ видахъ обработываемой земли, сортахъ почвы, удобреніи, орошеніи и осушеніи ея; о земледѣльческихъ орудіяхъ, обработкѣ ими разныхъ хлѣбовъ, ихъ уборкѣ. Особенно много вниманія при этомъ удѣлено кукурузѣ, которую черногорецъ предпочитаетъ другимъ сортамъ хлѣба, присвоивая ей имя жита (стр. 533), и обработка которой представляетъ наибольшій интересъ. При описаніи земледѣльческихъ орудій приложены рисунки разныхъ видовъ плуга съ обозначеніемъ на нихъ названій составныхъ частей. Молотьба производится лошадьми, какъ и въ другихъ мѣстахъ славянскаго юга, напримѣръ, въ Македоніи, а иногда и у насъ, или цѣпами. Названіе послѣднихъ, какъ и у насъ: цѣпъ и молотило, цјеп, ћеп, штјеп и млатац. Ихъ устройство такое же. Сѣется также просо и разныя бобовыя и гороховыя растенія; важнымъ подспорьемъ хлѣбу является картофель, который, нужно замѣтить, хорошаго качества. Гораздо менѣе пришлось говорить о сѣнѣ и покосахъ, которыхъ въ старой Черногоріи почти совсѣмъ и нѣтъ. Поэтому, прибавимъ отъ себя, здѣсь развито обрубаніе вѣтокъ преимущественно дуба, который складываютъ въ высокіе и узкіе стожки, заготовляя кормъ скоту. Оттого самое дерево смотритъ долговязымъ, а не развѣсистымъ, какъ у насъ, и особенно въ тѣ мѣсяцы, когда

обрѣзаютъ вѣтки, какъ мы это видѣли во время путешествія (ср. стр. 630). Далѣе идетъ рѣчь объ огородныхъ растеніяхъ, табакѣ, льнѣ, маренѣ и особенно подробно о виноградѣ и маслинахъ. Говоря о воздѣлываніи винограда, г. Ровинскій руководился написанной по его просьбѣ статьей М. Пламенца, уроженца Цермницы. Заканчивается глава описаніемъ лѣса и лѣсного хозяйства. Слова, сюда относящіяся, всѣ безъ исключенія славянскія.

Не меньшій интересъ представляетъ X глава о скотоводствѣ, составляющемъ важную отрасль черногорскаго хозяйства. Менѣе развито коневодство, ограничивается необходимою потребностью разведеніе рогатаго скота; наоборотъ, мелкій рогатый скотъ, овцы и козы, является основой хозяйства. Въ этой главѣ особый интересъ представляетъ подборъ разныхъ названій лошадей, крупнаго рогатаго скота, и овецъ и козъ въ особенности, по масти и другимъ признакамъ. Для овецъ приведено 47 названій. Матеріалъ этого же рода для Босны и Герцеговины собранъ г. Зовкомъ въ Zbornik'ѣ I томъ стр. 308—314. Названій овецъ въ его статьѣ гораздо менѣе, наоборотъ, гораздо болѣе названій рогатаго скота. Особый интересъ представляетъ жизнь на планинахъ въ катунахъ въ лѣтнее время, при описаніи которой г. Ровинскій пользуется запиской одного учителя изъ Васоевичей Захаріи Вуковића, присоединяя въ концѣ нѣсколько относящихся сюда пѣсенъ.

За недостаткомъ сѣна черногорцу приходится отдавать скотъ иногда въ далекія мѣста въ Посавину и Сербію; или же бываетъ, что хозяинъ, у котораго недородъ сѣна, отдаетъ на извѣстныхъ условіяхъ свой скотъ на прокормъ другому. Упомянувъ о болѣзняхъ скота и ихъ лѣченіи, о занятіяхъ свиноводствомъ въ немногихъ мѣстахъ, г. Ровинскій перечисляетъ праздники, во время которыхъ выражается та или иная забота о скотѣ и совершаются различные обряды надъ нимъ. Въ заключеніе приведены случайно попавшія въ руки автора данныя относительно земледѣлія и скотоводства.

Въ главѣ XI — обработывающая промышленность — идетъ рѣчь объ устройствѣ мельницы, при чемъ приложены рисунки съ указаніемъ названій отдѣльныхъ ея частей. Въ дополненіе къ этой главѣ присоединены свѣдѣнія о выжиганіи извести и винодѣліи.

Въ главѣ XII — о путяхъ сообщенія, авторъ говоритъ о дорогахъ, переправахъ черезъ рѣки, мостахъ, описываетъ устройство телѣги, саней (приложены рисунки), упоминаетъ о средствахъ, употребляемыхъ при перевозкѣ и переноскѣ тяжестей, перечисляетъ названія лодокъ и ихъ частей.

Въ главѣ XIII послѣ немногихъ словъ объ охотѣ, которая мало развита, сообщаются подробныя свѣдѣнія о рыболовствѣ, которое служитъ важнымъ подспорьемъ въ жизни черногорца. Авторъ перечисляетъ разные сорта рыбъ, говоритъ о способахъ ихъ ловли и особенное вниманіе удѣляетъ организаціи ловли въ Рѣкѣ Черноевича, ловъ въ которой принадлежитъ исключительно цеклинянамъ. При этомъ описаны сѣти и составныя части ихъ. Интересно, что неводъ носитъ такое же названіе грибъ и въ Охридѣ, какъ это видно изъ описанія Охрида, помѣщеннаго г. Шапкаревымъ въ Сборникѣ Книжовнаго Дружества, стр. 28; но названія отдѣльныхъ частей не совпадаютъ. Г. Ровинскій подробно описываетъ и самый ловъ рыбы. Ловятъ рыбу и въ другихъ мѣстахъ Черногоріи.

Глава XIV — досугъ — посвящена играмъ, пляскамъ и другимъ забавамъ. Сравнивая описанія г. Ровинскаго съ описаніемъ игръ у Караджича и Врчевича, мы отмѣтили здѣсь нѣсколько новыхъ; въ другихъ случаяхъ есть совпаденіе; но есть и такія, которыя у В. Караджича отмѣчены какъ черногорскія, и которыхъ однако нѣтъ у г. Ровинскаго. Что касается черногорской пляски, то у г. Ровинскаго различается черногорское оро отъ цермницкаго или герцеговинскаго кола. Дѣло въ томъ, что оро есть пляска двухъ лицъ — парня и дѣвушки въ кругу собравшагося народа, а коло это пляска многихъ при участіи однихъ мужчинъ — въ цермницкомъ, мужчинъ и жен-

щинъ — въ герцеговинскомъ. Въ родѣ черногорскаго оро кучское коло всегда мужское, въ которомъ участвуютъ только двое[1]). Прибавимъ къ этому, что у Медаковича упоминается о пляскѣ двухъ паръ — мужчины съ мужчиной и женщины съ женщиной. Очень жаль, что г. Ровинскій не упоминаетъ объ этомъ отличіи. Во всякомъ случаѣ, описаніе г. Ровинскаго разрѣшаетъ недоумѣніе г. Иванишевича, помѣстившаго статью: Оро црногорска народна игра[2]), который высказываетъ сомнѣніе, употребляется ли въ Черногоріи слово коло вмѣсто оро. Во-первыхъ, судя по выраженію *кучское коло*, можно думать, что названіе пляски не одинаково по племенамъ; во-вторыхъ, цермницкое коло соотвѣтствуетъ, какъ выше сказано, обычному сербскому и сохраняетъ его названіе. Изъ глухой ссылки г. Иванишевича не ясно только, примѣнялъ ли писатель, о которомъ онъ говоритъ, названіе коло къ описываемой Иванишевичемъ пляскѣ, т. е. оро, или независимо отъ того говорилъ о коло въ Черногоріи. Жаль во всякомъ случаѣ, что г. Иванишевичу осталось неизвѣстно описаніе г. Ровинскаго. Излишне прибавлять, что вполнѣ правъ г. Ровинскій, отвергая сопоставленіе оро съ орао и не усматривая подражанія полету орла въ самой пляскѣ, какъ объясняетъ и Иванишевичъ. Оро, какъ объясняетъ г. Ровинскій, есть хоро. Таково названіе хоровода и у болгаръ, и въ Македоніи; только македонское хоро всего болѣе похоже на герцеговинское. Въ немъ участвуютъ и парни и дѣвушки, держась другъ съ другомъ руками, или за платокъ, если берутся, стоя рядомъ, дѣвушка съ парнемъ. Такое хоро мы видѣли въ Заровѣ.

Въ главѣ XV авторъ описываетъ вооруженіе черногорца, начиная съ стараго, какое представляли буздованъ, брадва, копье, стрѣлы, мечъ, сабля, и затѣмъ огнестрѣльное, въ числѣ котораго были пушки, шибы — ружье въ родѣ пищали, и переходя къ новѣйшему, въ которомъ также различаетъ холодное —

1) Какъ и у арнаутовъ сосѣдей кучъ.
2) Въ Гласникѣ земальскаго музея. 1900.

нож, ханджар и огнестрѣльное — всевозможные сорта ружей. Описаніе это сопровождается ссылками на народныя пѣсни. Далѣе авторъ разсматриваетъ веденіе войны, а именно: большую войну, четованье, гайдучество, поединки и особые пріемы въ бою, объясняющіеся условіями черногорской жизни. Прекрасный матеріалъ дали здѣсь автору пѣсни, воспѣвающія борьбу черногорцевъ съ турками, вошедшія въ извѣстный сборникъ Сербское огледало, который былъ редактированъ владыкой Петромъ II. За отсутствіемъ какихъ-либо документальныхъ источниковъ сохранившееся въ пѣсняхъ преданіе служитъ драгоцѣннымъ источникомъ для этнографической стороны этого дѣла. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ помогалъ здѣсь автору Медаковић, заставшій многіе военные обычаи черногорскіе, теперь уже выведшіеся, какъ, напримѣръ, поединокъ, четованье. Этими источниками до сихъ поръ никто не пользовался, чтобы набросать картину военнаго быта черногорцевъ, и страницы, написанныя на ихъ основаніи, читаются съ живымъ интересомъ. Впечатлѣніе получается сильное уже и потому, что сборникъ Сербское огледало редактированъ искусно: не всякая пѣсня попадала въ него, а лишь такая, которая была пропѣта пѣвцомъ хорошо. Авторъ въ заключеніе дѣлаетъ, однако, оговорку, что въ изображеніи боевой жизни черногорцевъ онъ ограничился извѣстнымъ періодомъ, исключивъ послѣднія 50 лѣтъ, да и здѣсь исчерпавши сравнительно малый матеріалъ. Масса матеріала осталась нетронутой; по заявленію автора, много его остается и не собраннымъ, хранясь до сихъ поръ въ неопубликованныхъ народныхъ разсказахъ. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія. Достаточно напомнить, что въ предисловіи къ Сербскому огледалу сказано: «Здѣсь выходитъ въ свѣтъ менѣе десятой части черногорскихъ пѣсенъ, но главныя битвы, начиная съ 1702 г., всѣ на лицо. Въ будущемъ обнародуемъ и тѣ геройскіе подвиги, о которыхъ здѣсь не упомянуто». Но второго тома сборника такъ и не вышло.

Обычаи и обрядовая жизнь, къ описанію которыхъ перехо-

дитъ г. Ровинскій въ слѣдующей XVI главѣ, благодаря сохранившимся въ нихъ архаическимъ чертамъ древняго быта, утраченнымъ другими сербами, привлекали особенное вниманіе изслѣдователей и путешественниковъ. Но въ ихъ описаніи у Караджича, Медаковића, Врчевича недостаетъ детальности и варіантовъ по мѣстностямъ, а кромѣ того они не приведены въ систему. Въ виду этого представляетъ интересъ предложенное г. Ровинскимъ ихъ обозрѣніе, въ которомъ они подраздѣлены на религіозные и юридическіе.

Обычаи, находящіеся въ связи съ религіей и церковною жизнію, г. Ровинскій разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Рождество, Пасха, праздники по числамъ мѣсяца, особенные дни, слава, крестные ходы и завѣты, освященіе масла.

Благодаря указаніямъ на особенности празднованія Божича въ самомъ Цетиньѣ и другихъ мѣстахъ Черногоріи, напримѣръ, Подгорицѣ, Васоевичахъ, Морачѣ и Ровцахъ, даже описаніе столь извѣстнаго празднованія Рождества получаетъ въ изложеніи автора большой интересъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе праздники, мы остановимся на празднованіи славы, которую сербы считаютъ отличительной чертой своего народа. Это празднованіе въ честь того святого, въ день котораго происходило обращеніе въ христіанство извѣстныхъ родовъ. На это указываетъ и самое названіе крсно име. Г. Ровинскій высказываетъ мысль, что слѣды этого праздника можно усматривать и у другихъ славянъ: у насъ, напримѣръ, таковы храмовые праздники. Интересно, что и у сербовъ Неманичи, праздновавшіе славу въ день св. архангела Михаила, строятъ въ честь этого святого храмы въ Зетѣ, на Превлакѣ, въ Іерусалимѣ. Старожилы Цеклина славятъ св. Ѳеклу, и въ честь этой святой сохранилась самая старая въ этомъ племени церковь. Простой народъ у насъ, по справедливому замѣчанію г. Ровинскаго, не справлялъ именинъ, а въ приходскій праздникъ открывалъ свой домъ для гостей, считая его и праздникомъ своего дома. У насъ въ Великороссіи, замѣтимъ, и до сихъ поръ на-

родъ мало празднуетъ именины, а храмовой праздникъ празднуется почти вездѣ съ особенной любовію, не менѣе трехъ дней, мѣстами и болѣе, несмотря на лѣтнюю горячую пору, напримѣръ, Ильинъ день.

Вскользь упоминаетъ г. Ровинскій о славѣ у болгаръ, у которыхъ она до извѣстной степени уцѣлѣла, далеко не повсюду. Замѣтимъ по этому поводу, что празднованіе этого рода подъ именемъ «служба», «светецъ», быть можетъ, не случайно сохранилось въ западной Болгаріи, какъ можно судить по описанію г. Маринова въ Живой Старинѣ. А населеніе западной Болгаріи, какъ и Македоніи, многими чертами ближе къ сербскому, чѣмъ восточно-болгарское.

Напечатанный г. Ровинскимъ цѣнный списокъ тѣхъ дней, на которые приходится слава, удивительно совпадаетъ со спискомъ г. Маринова. И у послѣдняго есть: Малка Богородица (Рождество Богородицы), св. Тома, Петковденъ, св. Лука, св. Димитрій, св. Безсрѣбренници, св. Савва, св. Стефанъ, св. Василъ, св. Марко, Рангеловъ день, св. Николай, Трифунци, Гергевденъ [1]).

Что же касается самыхъ святыхъ, то нѣкоторыя имена соединяются съ начальной эпохой христіанскаго просвѣщенія южныхъ славянъ, напр., св. Димитрій солунскій (и у Ровинскаго и у Маринова), св. Несторъ, св. Наумъ (у Маринова), св. Кириллъ (у Ровинскаго). По мѣткому замѣчанію г. Ровинскаго, связь славы съ крещеніемъ подтверждается полнымъ отсутствіемъ народныхъ именъ, каковы, Вукъ, Живко и др., въ сербской семьѣ преобладающія надъ церковными. Если это такъ, то, съ другой стороны, отмѣченныя нами имена свидѣтельствуютъ, по нашему мнѣнію, о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя святого идетъ изъ далекой старины. Вѣдь извѣстный день предпочитался другому по особой причинѣ: выбирался или день большого праздника, какъ, напримѣръ, Рождество Богородицы, или же день первенствующихъ святителей церкви (видимъ

1) *Живая Старина*, III томъ, стр. 300—301.

имена апостоловъ, пророковъ, архангела Михаила, великомученика Георгія и др.), или же память особо чтимыхъ мѣстныхъ святыхъ, каковы Димитрій Солунскій, Несторъ.

Сохраненіе празднованія славы у западныхъ болгаръ и въ Македоніи является важной этнографической чертой, соединяющей ихъ съ сербами.

Что касается крестныхъ ходовъ, то въ этомъ отношеніи замѣчаемъ полное совпаденіе съ нашими крестными ходами. Интересно, какое большое пространство занимаетъ иногда такой ходъ.

Въ связи съ этимъ также находится, по нашему мнѣнію, великорусскій обычай ходить съ иконами по деревнямъ, что бываетъ обычно въ извѣстные сроки.

Обычаи семейные г. Ровинскій начинаетъ съ брака. Отмѣтивъ при этомъ особенное вниманіе, какое останавливали на себѣ свадебные обычаи у изслѣдователей сербской народной жизни, г. Ровинскій заявляетъ, что послѣ матеріаловъ, собранныхъ Богишичемъ, Даничичемъ, трудно дать многое и что за исключеніемъ записи подгорицкихъ обычаевъ, доставленной ему Закомъ Рогошичемъ, онъ располагаетъ единственно своими личными наблюденіями и непосредственными разспросами. Здѣсь автору «Черногоріи» пригодились бы нами вышеупомянутыя статьи гг. Іовичичей, дающихъ такое же описаніе изъ Глухого Дола и Бара съ окрестностями, которыми онъ не пользуется. Касаясь въ частности свадебныхъ пѣсенъ и упоминая о жалобахъ Врчевича на исчезновеніе ихъ въ Черногоріи, г. Ровинскій обращаетъ вниманіе собирателей, что на дѣвичникахъ ему приходилось слышать много новыхъ пѣсенъ, и что обильный матеріалъ этого рода ожидаетъ трудовъ мѣстныхъ изслѣдователей. По этому поводу замѣтимъ, что и о другихъ обычаяхъ при рожденіи, смерти и похоронахъ важны описанія по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Въ тѣхъ же статьяхъ помѣщенъ матеріалъ, сюда относящійся, и, сличая его съ тѣмъ, что есть у г. Ровинскаго, мы нашли въ нихъ интересныя отличія и подробности, безъ сомнѣнія важныя для возсозданія общей картины.

При обозрѣніи юридическихъ обычаевъ г. Ровинскій начинаетъ съ побратимства, посестримства и кумства, игнорируемыхъ современнымъ законодательствомъ, исчисляя ихъ виды по способу заключенія. Обычаи, касающіеся имущественныхъ отношеній, г. Ровинскій разсматриваетъ, главнымъ образомъ, пользуясь трудомъ Богишича, отмѣчая при этомъ какъ тѣ случаи, въ которыхъ составитель Законника остается вѣренъ народному взгляду, такъ и тѣ, когда онъ вноситъ отступленія, безъ нужды замѣняя обычай постановленіемъ, не соотвѣтствующимъ его духу, какъ, напримѣръ, въ статьяхъ о дарѣ, объ имущественныхъ правахъ женщины и ея власти въ семьѣ. Говоря о вѣрѣ, правѣ убѣжища, кровной мести, авторъ пользуется извѣстнымъ сочиненіемъ Медаковича Животъ и обичаји црногораца, при которомъ всѣ эти обычаи, теперь исчезающіе, были живы. Стоящее въ связи съ кровною местію умиреніе крови теперь также уже не практикуется въ Черногоріи; тѣмъ интереснѣе подробное описаніе одного случая, происходившаго въ 1890 г. въ Приморьѣ, при которомъ г. Ровинскій лично присутствовалъ, получивъ приглашеніе. Затѣмъ г. Ровинскій разсматриваетъ статьи, касающіяся суда, сопровождая изложеніе постоянными указаніями, какой взглядъ на тотъ или другой актъ имѣетъ народъ. Въ заключеніе предложена оцѣнка извѣстныхъ въ Черногоріи законниковъ съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей вѣрности народнымъ началамъ.

Двѣ послѣднія главы разсмотримъ вмѣстѣ, такъ какъ онѣ находятся въ связи одна съ другой.

XVII глава — общее міровоззрѣніе, характеризуетъ взглядъ черногорца на міръ матеріальный съ его небесными и воздушными явленіями, неорганической жизнію, жизнію растеній и животныхъ и міръ духовный, обнимающій вѣрованія и суевѣрія.

Подобный матеріалъ изъ другихъ сербскихъ краевъ въ обиліи помѣщается въ этнографическихъ изданіяхъ, нами въ началѣ указанныхъ. Авторъ «Черногоріи» не принималъ его во вниманіе. Вполнѣ понятно, что здѣсь встрѣчаемъ много совпаденій съ

воззрѣніями другихъ славянъ и прежде всего ближайшихъ по мѣсту — Западной Болгаріи и Македоніи. Сравнительное его изученіе принадлежитъ будущему.

Послѣдняя глава XVIII посвящена произведеніямъ народнаго творчества. Справедливо указывая, что эта область привлекала особенное вниманіе собирателей и изслѣдователей этнографическаго матеріала всѣхъ сербскихъ краевъ, г. Ровинскій старался помѣщать лишь то, что еще не было въ печати, не ручаясь, что, при трудности обозрѣнія огромной относящейся сюда литературы, можетъ оказаться что-нибудь и раньше напечатанное. Начавъ было записывать весь матеріалъ цѣликомъ, г. Ровинскій замѣтилъ, что нѣкоторыя сказки до мельчайшихъ подробностей сходны съ находящимися въ собраніи В. Караджича. Это заставило его прекратить такую работу. Такимъ образомъ, обширный запасъ народнаго творчества сведенъ авторомъ «Черногоріи» на небольшое число, скорѣе на образцы этого рода или интересные варіанты.

При этомъ, по признанію автора, проза только въ немногихъ случаяхъ записана имъ дословно по-сербски, въ большей же части передано лишь содержаніе по-русски, и только нѣкоторые №№, полученные отъ другихъ лицъ въ сербской записи, печатаются безъ малѣйшихъ измѣненій и исправленій, хотя бы въ языкѣ и были неисправности.

Позволимъ сдѣлать по этому поводу слѣдующія замѣчанія. Трудъ собиранія произведеній народной словесности былъ бы значительно облегченъ, если бы собранъ былъ матеріалъ, разсѣянный въ періодической печати, какъ это сдѣлано у насъ проф. А. Ив. Соболевскимъ по отношенію къ народнымъ пѣснямъ. Было бы желательно, чтобы за такое предпріятіе взялась Бѣлградская академія, окончивъ изданіе собранія Караджича. Столь же важно библіографическое обозрѣніе этнографическаго матеріала, которое ставитъ своей задачей юго-славянская академія. Эти изданія облегчили бы продолженіе работы собиранія и изслѣдованія накопившагося матеріала. Пока же можно желать,

чтобы собиратель записывалъ все сполна безъ пропусковъ, независимо отъ того, напечатана или нѣтъ та или другая пѣсня или сказка. Дѣло въ томъ, что даже въ самыхъ лучшихъ сборникахъ не всегда съ желательной точностью отмѣчался печатаемый матеріалъ. Нерѣдко и у В. Караджича указано лишь лицо, отъ котораго получены пѣсни или сказки. Такъ, напримѣръ, въ первомъ изданіи сказокъ отмѣчено: такіе-то №№ послалъ мнѣ изъ Боки г. В. Врчевић; но всѣ ли эти сказки записаны г. Врчевићемъ въ Бокѣ, этого не видно. Далѣе, не ко всѣмъ №№ указаны и лица, отъ которыхъ матеріалъ полученъ. Оттого редакторы отдѣльныхъ томовъ пѣсенъ нерѣдко должны дѣлать оговорку: насколько можно было узнать, изъ этихъ пѣсенъ послали такіе-то №№ такія-то лица, — слѣдуетъ перечень именъ, напримѣръ, томъ VI послѣдняго изданія, стр. XII. Указателя мѣстностей, которыя находятся при пѣсняхъ и сказкахъ отчасти въ самомъ текстѣ, къ сожалѣнію, редакція не даетъ.

Поэтому, если бы пѣсня или сказка, записанная въ извѣстной мѣстности, и совпадала съ печатной, то тѣмъ самымъ давалось бы указаніе, откуда идетъ тотъ или иной разсказъ, въ случаѣ если бы онъ ранѣе оказался безъ пріуроченія къ извѣстному мѣсту. Не говоримъ уже объ интересѣ варіанта, совпадающаго по содержанію, со стороны діалектической. Тѣмъ менѣе можетъ удовлетворять русскій пересказъ. Поэтому желательно, чтобы сами черногорцы дали намъ на сербскомъ языкѣ тѣ №№, которые у г. Ровинскаго вошли въ русскомъ пересказѣ. Народная сказка съ живымъ разговорнымъ языкомъ даетъ богатый матеріалъ и для синтаксиса, стиля. Повтореніе этихъ сказокъ необходимо и ради полноты, которая мѣстами нарушена отмѣченными самимъ собирателемъ пропусками (стр. 587).

Доставленныя на сербскомъ языкѣ сказки записаны Богданомъ Лалевићемъ (Васојевићи, Андријевица) №№ 3, 4, 6, 10 и со словъ Станы Милетиной № 11; отъ Стояны № 1 (изъ Васоевичей, Андријевица), изъ Загарча отъ Петка Гавриловића; русскіе пересказы №№ 7 и 8 въ Пивѣ безъ указанія лицъ.

Ради примѣра г. Ровинскій приводитъ и рядъ пословицъ и загадокъ, собранныхъ въ Васоевичахъ, откуда меньше сообщеній въ литературѣ (стр. 617). Нѣсколько №№ взяты изъ черногорскаго журнала Луча за 1899 г., въ которомъ помѣщается подробный матеріалъ.

Начиная съ стр. 625 и до конца тома приведены анекдоты и шутки, но уже исключительно въ русской передачѣ. Желательно, чтобы и подобный матеріалъ былъ напечатанъ по-сербски.

Какъ ни уменьшился весь этотъ матеріалъ въ своемъ объемѣ въ силу указанныхъ авторомъ соображеній, и онъ представляетъ немалый интересъ.

Важно прежде всего то, что народная память хранитъ воспоминанія о Неманичахъ и другихъ историческихъ лицахъ сербскаго царства. Таковы сказанія о св. Саввѣ, кралицѣ Еленѣ, Стефанѣ Высокомъ, Вукашинѣ, Лазарѣ и Душанѣ, Георгіи Бранковичѣ. Что касается Вукашина, то оказывается, что въ Черногоріи и до сихъ поръ ходитъ разсказъ, представляющій параллель къ знаменитой пѣснѣ о постройкѣ Скадра. Въ связи съ преданіемъ о происхожденіи Вукашина изъ Зеты, которое занесено въ лѣтопись Троношскую, и данными топографіи, указывающими на имена мѣстъ Мрне, Мрланъ, и поэтическія воспоминанія говорятъ, повидимому, за сербское происхожденіе этого вельможи Душана. Эти данныя не приняты совсѣмъ во вниманіе авторомъ свода пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ, Йордановымъ, ссылающимся лишь на указаніе владыки черногорскаго Василія Петровича, который говоритъ, что Вукашинъ «былъ отъ нацие Болгарскіе»[1]).

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что въ другихъ мѣстахъ книги г. Ровинскаго помѣщено кое-что изъ матеріала, относящагося къ этой главѣ, на что мы мѣстами и указывали.

Таково содержаніе этнографическаго отдѣла въ трудѣ г. Ровинскаго.

---

1) Сборникъ на Българско книжовно Дружество въ София I стр. X введенія.

Разумѣется, главной задачей автора было представить полную картину этнографическаго быта Черногоріи, и это имъ выполнено блестяще. Пользуясь отчасти матеріаломъ, ранѣе обнародованнымъ, привлекая литературу предмета, гдѣ это было необходимо, авторъ однако главнымъ образомъ опирался на собранный во время продолжительнаго пребыванія въ Черногоріи имъ самимъ матеріалъ. Оттого даже и въ такихъ случаяхъ, когда объ извѣстномъ вопросѣ существуетъ значительная литература, его изложеніе у г. Ровинскаго сохраняетъ интересъ мѣстными указаніями, детальными дополненіями, которыя однако только ярче и глубже освѣщаютъ предметъ.

Но какъ ни обиленъ собранный авторомъ матеріалъ, еще богаче самая жизнь съ ея разнообразіемъ. Неудивительно поэтому, что г. Ровинскому и самому приходилось отмѣчать пробѣлы и обращать вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей на пункты, требующіе дальнѣйшей разработки.

Мы не разъ указывали, что г. Ровинскій при выполненіи своего труда пользовался помощію мѣстныхъ уроженцевъ, вызывая ихъ печатные труды или письменныя сообщенія. Можно надѣяться, что выходъ книги еще сильнѣе оживитъ интересъ черногорцевъ къ своей родинѣ.

Чтобы судить, насколько важенъ вкладъ, внесенный г. Ровинскимъ въ область сербской этнографіи, достаточно сравнить его книгу съ первымъ выпускомъ этнографическаго сборника, изданнымъ сербской академіей, который значительно уступаетъ труду г. Ровинскаго и въ полнотѣ матеріала и въ его разработкѣ. Въ изданіяхъ Загребской академіи есть работа г. Ловретича, посвященная народной жизни и обычаямъ Отока, но она касается лишь одного мѣста и потому уже, несмотря на свой интересъ, не можетъ идти въ сравненіе съ описаніемъ г. Ровинскаго, обнимающимъ народный бытъ такой своеобразной страны, какова Черногорія.

Касаясь самыхъ разнообразныхъ сторонъ черногорскаго быта, г. Ровинскій даетъ богатый матеріалъ для сербскаго

словаря. До сихъ поръ наибольшее число черногорскихъ словъ вошло къ словарь В. С. Караджича. Желая опредѣлить, насколько трудъ г. Ровинскаго пополняетъ Караджича, мы произвели опытъ сличенія. Въ результатѣ оказалось, что: 1) у г. Ровинскаго есть масса словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Караджича. Въ сдѣланномъ нами спискѣ такихъ словъ насчитывается 616; 2) такія слова, которыя не встрѣтились у Караджича съ тѣмъ значеніемъ, какое для нихъ отмѣчено г. Ровинскимъ. Такихъ случаевъ насчитывается въ нашемъ спискѣ свыше 150; 3) огромное число словъ у Караджича осталось безъ указанія на то, что они употребляются и въ Черногоріи, какъ это видно изъ книги г. Ровинскаго. Понятное дѣло, что и всѣ такіе случаи представляютъ интересъ, прикрѣпляя извѣстное слово къ извѣстной мѣстности.

Мы не говоримъ о другихъ случаяхъ, въ которыхъ книги г. Ровинскаго даютъ цѣнныя указанія и дополненія. Позволимъ привести нѣсколько примѣровъ.

У Караджича есть слово сувота, но у г. Ровинскаго находимъ объясненіе особаго употребленія этого слова, подтвержденное цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

Слово гвозд у Караджича объясняется «камень, выдавшійся высоко надъ землей», у г. Ровинскаго: лѣсъ въ скалистой мѣстности, а также мѣсто, гдѣ прежде былъ такой лѣсъ. Ср. чешское hvozd въ значеніи лѣсъ.

Слово скобаль у Караджича «риба некака», у Ровинскаго опредѣлено значеніе. И такъ далѣе.

Нельзя только не пожалѣть, что г. Ровинскій не справлялся всегда съ Караджичемъ. Благодаря этому, у него остались безъ оговорки такіе случаи, когда у Караджича находимъ болѣе точное указаніе, напримѣръ, при словѣ коризма II, 2195 у Вука съ указаніемъ на Цермницу; при словѣ лабудина II, 1, 594 у Вука съ указаніемъ на Бѣлопавлиѣи; при словѣ лакомица II, 1, 484 у Вука опять указаніе на Цермницу.

Иногда у Караджича есть близкое слово къ приведенному

г. Ровинскимъ, у котораго однако не указано, напримѣръ, жабокрек II, 2, 474 у Караджича: жабокречина; у Караджича: оредине, у г. Ровинскаго: одредина II, 1, 600.

Обращаемъ на это вниманіе въ ожиданіи получить разъясненіе въ обѣщаемомъ авторомъ подборѣ словъ.

Разумѣется, при описаніи различныхъ обычаевъ и бытовыхъ подробностей автору приходилось иногда прибѣгать къ сопоставленіямъ и сравненіямъ съ другими народами. Въ большинствѣ случаевъ г. Ровинскій дѣлалъ это, отмѣчая какую-либо особенно характерную черту. Напримѣръ, упоминая о нюханіи при поцѣлуѣ, когда мать цѣлуетъ ребенка, мужчины другъ друга (II, 2, 330), г. Ровинскій указываетъ то же самое у сибирскихъ инородцевъ. Или, напримѣръ, на стр. 187 того же тома припаданье за столомъ отца и сына къ землѣ и вопросы другъ къ другу: видишь ли меня, сынъ? во время рождественскихъ праздниковъ г. Ровинскій сравниваетъ съ подобнымъ же прятаньемъ у малороссовъ.

Но помимо такихъ случаевъ, было бы желательно болѣе послѣдовательное сопоставленіе съ ближайшими, разумѣется, прежде всего сербами и хорватами, а затѣмъ и съ болгарами.

Такъ, напримѣръ, авторъ дважды говоритъ, что онъ слышалъ выраженіе самосаздани Богъ (II, 2, 491). Такое же выраженіе приводитъ и г. Миличевић (Живот срба сељака, стр. 49).

Въ главѣ о религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ г. Ровинскій отмѣчаетъ отличія отъ нашей русской практики. Напримѣръ, о томъ, что Отче нашъ и Вѣрую читается, а не поется, что ту и другую молитву читаетъ митрополитъ, если не служитъ, или князь.

При этомъ слѣдовало бы сказать, что то же есть и въ Сербіи, то же и въ греческихъ церквахъ и въ славянскихъ монастыряхъ на Аѳонѣ. И тамъ чтеніе этихъ молитвъ лежитъ или на старшемъ изъ братій, если служитъ игуменъ; или читаетъ онъ самъ, когда присутствуетъ въ церкви, не служа; или же, нако-

нецъ, это предоставляется почетному гостю изъ мірянъ, случайно присутствующему въ церкви. Но и у насъ такъ было прежде; такъ и теперь у единовѣрцевъ. Современная практика представляетъ отступленіе отъ старины. То же и въ названіяхъ предметовъ; поліелей или богородично коло вмѣсто паникадило такъ называется оттого, что около паникадила въ нашемъ смыслѣ есть своего рода кругъ съ подвѣсками, ради торжественности искусно раскачиваемый монахомъ въ торжественный моментъ всенощнаго бдѣнія. Такъ это на Аѳонѣ. Отсюда и названіе: коло. Южные славяне во многомъ остаются ближе къ грекамъ.

Говоря о календарѣ (II, 2, 462), г. Ровинскій указываетъ, что у черногорцевъ, какъ и у другихъ сербовъ, мѣсяцы всего чаще пріурочиваются къ праздникамъ. Можно было бы прибавить, что то же самое отмѣчено для западной Болгаріи Мариновымъ, который приводитъ названія Рангеловски для ноября, Никулски для декабря, Гергевски для апрѣля, Илиевски для іюля и т. д. Сходство иногда полное. Интересъ это обстоятельство получаетъ потому, что этнографическая близость описываемыхъ г. Мариновымъ предѣловъ западной Болгаріи къ Сербіи можетъ объясняться близостью самаго населенія.

Болѣе послѣдовательное сопоставленіе иногда бы уберегло г. Ровинскаго отъ сомнительныхъ заключеній. Приведемъ въ подтвержденіе этого слѣдующій примѣръ.

Говоря о необыкновенномъ развитіи зрѣнія черногорцевъ, г. Ровинскій находитъ у нихъ въ то же время большое смѣшеніе въ распознаваніи цвѣтовъ. Самый рѣзкій примѣръ этого представляетъ смѣшеніе зеленаго цвѣта съ сѣрымъ. При этомъ г. Ровинскій приводитъ такіе примѣры, какъ названіе зеленою лошади сѣрой масти, откуда имя Зеленко, или выраженіе о конѣ: зелен као трава.

Дѣйствительно, такое выраженіе бросается въ глаза странностію, но таково употребленіе прилагательнаго зелен не у однихъ черногорцевъ. То же самое находимъ и у болгаръ. Словари Дювернуа и Герова отмѣчаютъ зеленче о конѣ, при чемъ у Дювер-

нуа сопоставляется съ этимъ *сербское*, а не черногорское лишь названіе (у Караджича нѣтъ при этомъ словѣ указанія на Черногорію исключительно) зеленко. Геровъ приводитъ еще слово зеленика съ слѣдующимъ объясненіемъ: «зеленъ конь сивъ съ доста черно, та да бие на зелено: продавася коня зеленика». Здѣсь дѣлается попытка дать слову натуральное объясненіе. Въ словарѣ Дювернуа приведено интересное выраженіе: врану коню до зелена грива, которое соединеніемъ цвѣтовъ вранъ и зеленъ какъ будто подтверждаетъ толкованіе Герова. И у Даля приведено прилагательное зеленогривый, а интересны также прилагательныя: зеленопѣгій и зеленочерный. Извѣстенъ опять особый эпитетъ вина — зелено вино, хотя въ Словѣ о полку Игоревомъ вино называется синее. Отсюда ясно, что выводить изъ этихъ примѣровъ заключеніе о неразличеніи черногорцемъ цвѣтовъ нельзя. Такъ можетъ быть объяснено и выраженіе зелен мач, которое встрѣчается во всѣхъ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, а не черногорскихъ исключительно. Возможно, что этимъ прилагательнымъ отмѣчается отливъ стали.

То же можно сказать и о словѣ плавъ; оно имѣетъ два значенія не у однихъ только черногорцевъ, а вообще въ сербскомъ языкѣ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Говоря о западномъ церковномъ вліяніи на Черногорію, г. Ровинскій объясняетъ имъ популярность въ Черногоріи имени Мартина (епископа римскаго, 11-го ноября), по народному говору св. Мрата, по которому рождественское заговѣнье и постъ называются мратинскими, тогда какъ имя апостола Филиппа ради его забыто, хотя оно приходится какъ разъ на день заговѣнья.

При этомъ г. Ровинскій ссылается на обычаи въ этотъ день въ Голландіи.

Но возможно ли принять такое объясненіе? Намъ представляется рядъ возраженій такого рода. Обратившись къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ Zbornik'ѣ, относящимся къ обычаямъ сербско-хорватскаго католическаго населенія, мы не замѣтили

пріуроченныхъ къ этому дню какихъ-либо обычаевъ, нѣтъ и названія отъ имени этого святого для заговѣнья.

Далѣе, то же имя находимъ и въ Сербіи: на 11-ое ноября приходится св. Мрата. Перечисляя имена святыхъ въ календарѣ, г. Миличевић замѣчаетъ: «Мрате нема (имя понимается какъ женское), а у старијема био је и св. Мартин. Однако всѣ, праздноующіе этотъ день, знаютъ, что празднуютъ св. Мратѣ»[1]). «Въ народѣ встрѣчается имя Мратинко, а Мартин у сербовъ православныхъ я и не слыхалъ»[2]).

То же и въ западной Болгаріи: Мратинци 11, 12, 13 дни ноября. Съ этими днями соединяется здѣсь цѣлый рядъ суевѣрій. Есть злой духъ мратиніък, который убиваетъ домашнюю птицу, особенно куриць. Заколотая курица называется мрати́нче, а три или 7 ночей въ эти дни называются мрати́нски нощи[3]).

Связь съ именемъ св. Мартина, повидимому, есть, но, какъ видно, суевѣрія распространены далеко за предѣлами Черногоріи, и можно ли объясненіе искать въ католическомъ вліяніи?

Отмѣчая важность и необходимость параллельнаго изученія славянъ и албанцевъ, г. Ровинскій указываетъ рядъ совпаденій въ бытѣ и вѣрованіяхъ.Въ этомъ г. Ровинскій видитъ и результатъ смѣшенія. Въ числѣ другихъ совпаденій приведено и то, что вторникъ у тѣхъ и другихъ, т.-е. албанцевъ и черногорцевъ, считается тяжелымъ днемъ. Но изъ книги г. Маринова видимъ, что и въ западной Болгаріи вторникъ считается тяжелымъ днемъ. Значитъ, сходство есть независимо отъ соприкосновенія съ албанцами, о которомъ нельзя утверждать для западной Болгаріи[4]).

Встрѣчаются у г. Ровинскаго и нѣкоторыя ошибки. Такъ, напримѣръ, онъ считаетъ одного корня наше слово бадожокъ — палка и сербское бадњак, но первое стоитъ, безъ сомнѣнія, въ

---

1) Животъ срба сељака, стр. 146.
2) Ib.
3) *Живая Старина*, книга I, стр. 60—63, ср. также 54.
4) Ib., 120.

зависимости отъ слова батогъ; а второе въ связи съ корнемъ бьдѣти. Слово бъдникъ есть и у болгаръ.

На стр. 446 второй части II т. г. Ровинскій говоритъ, что о мѣсяцѣ въ Черногоріи говорится грије вмѣсто сјаје, отчего возникаютъ недоразумѣнія; но у Вука Караджича указано выраженіе сунце грије—sol lucet. Значитъ, не вездѣ въ сербскихъ краяхъ такое значеніе можетъ казаться страннымъ.

Наконецъ, позволимъ указать еще на то, что, къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Ровинскаго рѣдки рисунки. Если бы къ ней приложенъ былъ альбомъ рисунковъ, еще важнѣе было бы описаніе матеріальной культуры Черногоріи.

Но, разумѣется, немногіе недостатки не умаляютъ значенія этого труда, который, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто среди югославянской этнографической литературы [1]).

Яркій свѣтъ проливаетъ онъ на бодрую жизнь и героическую исторію малочисленнаго народа въ тѣсномъ уголку запертого съ одной стороны просвѣщенными сосѣдями, съ другой дикими албанцами и турками. Малъ этотъ народъ, но силенъ несокрушимой народной энергіей и послушенъ своему достойному вождю. Онъ дорожитъ своимъ сербскимъ именемъ, и хранитъ въ памяти завѣты славнаго прошлаго сербскаго царства: въ здравицахъ вспоминаетъ Призрѣнъ, молитъ Бога, чтобы далъ

---

1) Послѣ того какъ нами составлена была рецензія на книгу П. А. Ровинскаго, значительно подвинулась впередъ сербская этнографическая литература. Прежде всего слѣдуетъ назвать представляющее выдающійся интересъ изданіе Насеља српских земаља, редактируемое проф. І. Цвијићем кн. І. У Београду 1092 и кн. II Београд 1093. Помимо уже указанной выше руководящей статьи самого редактора въ этихъ двухъ томахъ по выработанному проф. Цвијићем плану составлены описанія цѣлаго ряда мѣстностей Сербіи, Босны, Герцеговины и Черногоріи. А именно: Доње Драгачево Јов. Ердељановића, Средње Полимље и Потарје у Новопазарском санџаку П. Мрконића, Дробњак Светоз. Томића; о Лубићским селима Р. М. Илића; Врањска Пчиња Р. Т. Николића; Млава .Ђ. Јовановића, Левач Т. М. Бушетића; Васојевићи у Црногорској граници попа Б. Лалевића и И. Протића; Вишеградски Стари Влах попа Стј. Трифковића; Билећске Рудине Јев. Дедијера; околина Београда Р. Т. Николића; Шума, Површ и Зупци у Херцеговин О. Ђурића—Козића. Кромѣ Дробњака и Васојевићей, прямо относящихся къ Черногоріи, наибольшую

ему пятаго патріарха въ Печи[1]). Онъ исполненъ признательности къ Россіи, съ которою его связываютъ давнія и прочныя узы

близость къ нимъ представляетъ описаніе отмѣченныхъ здѣсь мѣстностей Герцеговины. Разумѣется, взятыя въ отдѣльности мѣстности могутъ быть описаны гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ имъ могло быть отведено мѣста въ общемъ очеркѣ, какой представляетъ Черногорія Ровинскаго. Можно только порадоваться, что въ лицѣ проф. Цвијића сербскіе этнографы нашли себѣ такого искусснаго и опытнаго руководителя, располагающаго при томъ богатѣйшимъ матеріаломъ, сосредоточеннымъ въ «Географском Заводу» Бѣлграда. Матеріалъ, который поступаетъ сюда изъ разныхъ мѣстностей сербскаго племени, подвергается въ извѣстныхъ случаяхъ систематической переработкѣ, но при этомъ — какъ сообщаетъ редакторъ — фактическія данныя нигдѣ не измѣнены, часто сохранено неприкосновеннымъ и изложеніе отдѣльныхъ авторовъ. Къ вышедшимъ томамъ приложены и два выпуска атласа. Помимо картъ, представляющихъ схематическое изображеніе мѣстностей съ отмѣткой составныхъ группъ населенія, сюда вошля и бытавого характера снимки, на отсутствіе которыхъ приходилось жаловаться, разбирая книгу Ровинскаго. Ближайшее отношеніе къ Черногоріи имѣютъ рисунки къ статьѣ о племени Дробњак, таблицы XIX—XXIII перваго выпуска атласа и рисунки къ Васојевићам и герцеговинскимъ селамъ во второмъ выпускѣ. Можно пожелать, чтобы и далѣе продолжалось обогащеніе географическо-этнографическихъ трудовъ подобной систематически исполняемой иллюстраціей. Всѣ статьи снабжены подробными указателями.

Въ хорватскомъ изданіи Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena knj. VIII помѣщена статья A. Jovićević'a Crna Gora (Katunska, Riječka, Crmnička, Lješanska i Bjelopavlićska nahija. Narodni život i običaji. Odijelo i obuća. Nakit i češlanje.

Извѣстному воеводѣ Марку Миљанову Поповићу Дрекаловићу принадлежатъ слѣдующія изданія: 1. Примјери чојства и јунаштва. Издање Чупићеве задужбине 45. Београд. 1901. Цилый рядъ живо записанныхъ разсказовъ, которыми характеризуется человѣчность и героизмъ черногорцевъ. 2. Племе Кучи у народној причи и пјесми са сликом М. Миљанова и 1 мапом. Београд. 1904. Изъ этого племени происходилъ воевода. 3. Живот и обичаји Арбанаса. Летопис Матице Српске. кн. 227—230. Всѣ эти изданія интересны и тѣмъ, что въ извѣстной степени сохраняютъ особенности мѣстнаго говора, которымъ хорошо владѣлъ воевода.

1) Въ описаніи Васојевић'ей въ сербскомъ этнографическомъ сборникѣ (смотри выше) находимъ полное подтвержденіе этой характеристики Черногорскаго идеала: «Прибавимъ къ тому, что преданія, особенно косовскія, сохраняются въ полной свѣжести и широко распространены. Молодой подростокъ пастушекъ съумѣетъ разсказать о Милошѣ, Маркѣ, царѣ Лазарѣ, Косовѣ и т. д. и не забудетъ упомянуть, что опять обновимъ «Душановину». На собраніяхъ самое пріятное развлеченіе пѣсня подъ игру гусель. Пѣсни выслушиваются съ большимъ интересомъ; печальныя косовскія часто со слезами на глазахъ. Насеља срп. земаља кн. II, стр. 564.

со времени Петра Великаго. Всякій русскій присоединится къ тѣмъ симпатіямъ, которыя шлетъ ему г. Ровинскій въ концѣ своего историческаго очерка отъ лица всей Россіи. Но черногорцы лишь часть сербовъ народа, пораженіе котораго на Косовомъ полѣ считаетъ міровымъ бѣдствіемъ одинъ нѣмецкій ученый. И наши симпатіи должны распространяться на все сербское племя, исполненное привлекательности и таланта.

Что касается автора Черногоріи, то наши воспоминанія невольно уносятъ насъ ко времени путешествія въ Черногорію въ 1885 г. Въ ожиданіи отъѣзда на Цетинье мы сидимъ въ Которѣ передъ кофейней съ однимъ черногорцемъ. Вдругъ нашъ собесѣдникъ говоритъ: А вотъ и г. Ровинскій. Мы заглядываемъ внутрь и недоумѣваемъ. Тамъ стоитъ одѣтый въ черногорское платье мущина. Это и былъ П. А. Ровинскій.

Исходивъ Черногорію вдоль и поперекъ, тѣсно сблизившійся съ народомъ, полюбившій его и съумѣвшій его понять г. Ровинскій настоящимъ трудомъ блестяще завершилъ свой этнографическій подвигъ.

Задача этнографа не легкая, успѣхъ не дается даромъ. Соотечественники могутъ испытывать особенное удовольствіе, что такой трудъ о Черногоріи вышелъ изъ подъ пера русскаго [1]).

Второе отдѣленіе Академіи Наукъ оцѣнило по достоинству трудъ автора, помѣстивъ его въ Сборникѣ.

Присужденіемъ преміи профессора Котляревскаго, которой этотъ трудъ вполнѣ отвѣчаетъ. Отдѣленіе окажетъ автору вполнѣ заслуженную поддержку.

П. Лавровъ.

---

1) Какъ жалуется на трудность этнографическихъ изслѣдованій г. Мерингеръ, говоря о Боснѣ и Герцеговинѣ! Какія предостереженія обращаетъ по адресу сотрудниковъ собирателей редакція выпущенной юго-славянской Академіей программы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Ниже помѣщаемые документы находятся въ Цетиньѣ у князя Черногорскаго между бумагами отъ времени владыкъ Петра I и Петра II.

1. Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Ивана Николаевича Поповића (Россійскаго уроженца) въ воздаяніе за ревностную и отлично усердную двадцатишестилѣтнюю службу его, намъ и народу Черногорскому оказанную, всеусерднѣйше провозглашаемъ первоклассным Черногорскимъ дворяниномъ во свидѣтельство чего грамоту сію Мы собственноручно подписали и печатью нашей укрѣпили. Дано въ Черногоріи, Цетинье 9 дня Сентября мѣсяца въ 1827 лѣто спасенія нашего. Петръ Петровић Нѣгошъ.

Что сія подпись дѣйствительна учинена собственною рукою Черногорскаго Митрополита, въ томъ свидѣтельствуетъ Россійское Императорское Консульство въ Рагузѣ Декабря 3/15 дня 1828 г. Россійскій Императорскій Вицеконсулъ Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Гагић.

2. Свијемо вообще и свакому в особ оному, кому представлено буде ово наше писмо, дајемо пуно и несумнително увје-

реније, како смо у копијама Атестата нашега покојнога предшественника Митрополита Петра Петровића у нашој архиви хранећим се нашли да фамилија Поповића сад у Котору живећа, јест стара фамилија дворјанска Црногорска; за то и дајемо ово наше писмо Или Даице Томовића, који по правој мушкој лини происходи из те дворјанске фамилије да се може овђе и свуда познати и признати за правога дворјанина црногорска. За увјереније того и дајемо истому Илији Даице Томовића ово свједјетельство потврђено нашим собственноручним подписом и приложеніем народнога печата. 18-го Мая 1834 г.

3. Мы Петръ Петровичъ Нѣгошъ Божіею милостію православный архіепископъ Владыка Черногорскій и Брдскій и пр., и проч.

Да будетъ вѣдомо, что Мы Г. Леона Раду признали патріотомъ нашимъ и происходящимъ изъ наслѣдственныхъ воеводъ Радувичевъ Бердской нашей области Бѣлопавличской нахіи; сверхъ же сего достоинства, уважая приверженность и вѣрность его къ намъ, Мы пожаловали его Г. Раду и черногорскимъ потомственнымъ дворянствомъ.

Того ради дабы онъ Г. Раду признаваемъ и почитаемъ былъ въ наслѣдственномъ и пожалованномъ ему потомственномъ достоинствѣ, подтвердили Мы грамоту сію подписомъ и приложеніемъ Державной нашей печати. Дано въ Черногорской Резиденціи Цетинѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1840 Мѣсяца Декабря 21.

4. Его Превосходительству Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Фонтону Господину Совѣтнику Императорскаго Россійскаго Посольства въ Вѣнѣ. — Чрезъ Россійскаго Императорскаго въ Тріестѣ Господина Вицеконсула Микели я имѣлъ честь получить Вашего Превосходительства отношеніе отъ 13/25 Іюля за № 328 съ приложеніемъ при ономъ свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи Черногорца Михаила Иванова Ускоковића. Что помянутое свидѣтельство есть вѣрный документъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и мнѣ только остается по-

корнѣйше просить, чтобы Императорское Посольство благосклонно изволило засвидѣтельствовать помянутый документъ, который при семъ имѣю честь препроводить къ Вашему Превосходительству.

Петръ Божіею милостію православный Митрополитъ Черногорскій и Россійской Имперіи Ордена святаго и Великаго Князя Александра Невскаго Кавалеръ и пр. и пр. 29 Іюля 1847 г.

Повѣ о скендербегоу чрноевікоу а въ сте крщеніи нареченō гіōргꙋ *).

о скеді бегꙋ гюргоу чрноевичꙋ і о пажитꙋ црꙋ тꙋрскомъ.

Ѡ нераумніи грци. і несоврішени раумо на послѣнѧа дни о прежни свой раумѣ і храборствіи хвалѧще на дрꙋгіе наро въ последокъ[1] нераумнѣші[2] ѡ всѣ ѧзыкъ ѧвили (284) есте сꙋщи на земли. того ра сіа глю. зане вонега бы порази демиръ аксаа цръ татарскіи, пажзита црѧ тоурскаго на предѣлѣ арменски въ акірѣ. ю в ты дни бли погибе бы ве родъ,[3] Ѡ-мановика. аще бы мла сиве его греци погоубили, по смрт ѡца ихъ, пажзита. али и чꙋва межꙋ собою на свою погибелъ. иже вноу въста е се мꙋчите црь мꙋратъ къ паденію всемоу хр-тіаствꙋ, поне се пръвѣе стра принеслъ всемꙋ хртіаствꙋ. како-вы преже не бы. рашираюци себѣ црство. преко мор во асіи та-ко въ греско гдтвѣ,[4] і въ македоніи во сербле же і во італіи. воева и[5] епръ сирѣчъ до арвана, ко кра е македоніа на преле србьскіе земли илиріка і даматіа бли морѧ глемаго адріати-скаго, на неже венеа стои ово по морѧ. в гствѣ[6] і кнствѣ авбаски, или рещи еписки. бы в тыѧ дни хртіаски кнзъ иванъ кастриѡ,[7] Ѡ колена кралевъ македонски. і женоу име імене вої-сава. Ѡ кнзвъ[8]... ею мѣ, г сны і г дщери. кои сно была імена

ѡ кнствꙋ іписко івоу кастриѡтꙋ і

---

*) Печатается по рук. Q. IV, № 341 Публ. библ.; варіанты приводятся изъ поздняго списка, сообщеннаго намъ П. А. Ровинскимъ.

1) ва последнеје време 2) неразумнешии 3) в'сему роду 4) господарства 5) на 6) том господарстве 7) вст. Черноевик 8) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи выскоблено: блгарских са нејуже роди

ѿ сн҃ѡ є г҃ ѿдаю й т҄у́скомꙋ цр҃ꙋ.

станиша гюрагь[9] ї ко҃стати. видѣвши ѿцъ ї ва҃ зане не ѿдолѧ҃[10] тоу́ко҃ зане[11] многащи поразили кго бы҃л. ꙋчини҃ с нимі миръ дань и҃ дава҃. і да҃ амꙋрату г҃, сн҃ы ꙋ закла҃у,[12] наплакавшиі ѿцъ и҃ і нацѣловавшисѧ посла҃ и҃ къ цр҃ꙋ мꙋратоу до дрѣнополѧ, ты҃ обычае҃, како бы҃ ꙋговори҃. да не потоурчать сн҃въ его. но с҃ъга҃ цр҃ъ мꙋра҃. ка҃ ѡни ꙋмѣю҃ лга҃. скоро и҃ привено заповѣда҃ и҃ обрѣза҃. съ ве҃кою вело҃ю[13] како ꙋ ни҃ е҃[14] обыча҃. і про҃ва҃ гюргы, скедерь бегъ, ї дано[15] и҃ ꙋчити арапски҃ книга҃. видѧщи[16] амꙋра҃ скендеръ бега ра҃умнаго на҃[17] оба брата і кра҃наго отрока. в лѣте҃ ємоуже ѿ рожениѧ, ві ї дано ї҃[18] селъ не мало, і҃ꙋмѣли[19] ѕ҃ ѧзыка, арапскі҃[20] т҃рскіи, греческіи. слове҃скіи латискіи. арванашскіи. і ꙋчено[21] и҃ воинствъны҃ борба҃. ока-

ѿ прво҃ воиски скедеръ бега.

за҃сѧ скедеръ бегь храбрѣши҃ на҃ братію. і дато[22] моу санча҃ ѿ мꙋрата, і въ нега бы҃ во҃расто҃ к҃ лѣ҃. посла҃ его амоуратъ на

о боренін скедеръ бега і ꙋбиенію татарина.

воискꙋ въ асію і тамо порази҃ на иже ходи҃ е҃. і пришо҃ до дрѣнополѧ і приѧть его амꙋра҃ со блгодарениемъ і славою і в҃ тые дн҃и воста҃ на нъ[23] завѣстію[24] ї гръдостю єдинъ татаринъ великі ї крѣпкіи. ї по҃ва҃ скендеръ бега борити҃, наги҃ обѣма. въ тесне҃ мѣстѣ с нагимъ ѡрꙋжіемъ. реклъ[25] скиде҃бегъ на безꙋмны лю҃ пристои҃ бе҃ ѡдежи боритисѧ. но҃ свѣтлыи цр҃ꙋ моурате. на твое повеленіе сотворꙋ воскорѣ. ї срѣлисѧ голы въ тесне҃ мѣстѣ, гд҃е не моглъ ѿклонить ѡди҃ ѿ дрꙋгаго. ї гледи҃ татаринъ во чрево скедера ꙋдарити. видѣвши скидеръ то съ҃нꙋ҃ сѧ[26] ѿ лꙋкъ. і не мало сѧ саблами бор(или и вас)хити҃ скедеръ крѣпко своею лѣвою рꙋкою татаріна за десницꙋ. ї ꙋдари҃ татаріна саблею по плещоу. ѿ внутрни҃ емꙋ[27] ви҃тисѧ. ѿсекавши[28] єму главоу ї принеслъ до амꙋрата цр҃ѧ. ї дарова҃ его цр҃ъ веліки҃ даро҃. пото҃

воева цр҃ь мꙋрата витінію і ꙋзѧ гра҃ брꙋсꙋ

мꙋра҃ цр҃ъ воева҃ са҃ видинію ї взима҃ гра҃ брꙋсу зане гл҃а єсть брꙋса вси҃ видиніи. ї пришли два персени҃ си҃ни ї крѣпци. ї бы-

---

9) Георгіе 10) занеже не одолејет 11) понејеже 12) вст. првее 13) са великим весељем 14) они имају 15) и дал 16) видевши 17) разумнеиша от 18) вст. би 19) извикли 20) харапски 21) и учили 22) и даде му Мурат 23) на Скендер-Бега један татарин 24) завистију 25) рече 26) сагнусе 27) јего 28) отсекши

сокъ возрастомъ[29] просѧща дани ѿ мꙋрата цр҃ѧ. цр҃ꙋ перскомꙋ. а̀[30] которы̀ ı̀ма̀ наı̀крѣпчаши мꙋжи. да сѧ бори с нами с копїе̑ а̀ще[31] ѿ на̑ двею̀[32] е̑дїного ꙋбиѐ па̑ воскорѣ со дрꙋги̑ да сѧ би, не ѿпочива́ющи.[33] ı не смелъ ı не хтѣ̑ ѿ мꙋратовы̑ вои̑ ни́кто. со оными пе́рсы борити̑. реклъ мꙋра̑ цр҃ъ. що̑ чекашъ сн҃ꙋ мо̑ скедерьбе̑, овога часа ову грамоту нашу отгнати. Друзи бранили Скендеру не излазити на оба она персијанина, тачеју на јединаго, на Скендер изволил изити на обадва, поцеловавши ногу својему цару Мурату, јако тако у них обичај, и облек се во оклопи и шлемје на главу и васједши на коња, изјаха на поле тому подобно, идјеже много народа гледало. Удари се с первим, јегоже било име Замхасан, у прси копјами и ударил Скендера са пред у шлемје и сломил копје. ударили се сабљами. Видевши други персин, зане хошчет друг јего погинути, ратовал јего над слово, како бил уговорил между собоју. Видевши Скендер хитрости их, удари Гахија ражном у грло и паде с коња; и удари Замхасана сабљом по плешчах и пресјече га на поли; и паде васака страна особ от персенина. И тако порази оба оне затачника и погуби. И приде пред Мурата и велики дари от него пријат за то витешство. Потом іде Мурат, Никомидију град вазимал. Скендер најпрви на град искочил са хоругвоју и град узел. Видјешчи Мурат јего разум јунаштво, често посилал јего на греки и на сербли на војску, но Скендер тајал на серцу что мислит. И не давал се христијаном поражават, ниже он их поражавал. Тачија витешство над христијани указовал, да не возненавидит цар Мурат, и никомуже указовал се, јако држит се христијанства. По сих по нималих днех и љетех Иван Кастриот Черноевик престависе отац Скендер Бегов.—Цар Мурат слишавши о смрте јего, посла војску своју во отечество јего и вазе гради и мјеста, тако сатворил. Скендер Бег с тога жалостан бил, но немогал ничто сатворити. И његови се јако сјетујет; братија же молили цара Мурата подати им отачаство своје, но тогда цар умолчал. И по малих днех отровал их рек јако сами

[30] ı̑ ѡ пришествїю двѡ̑ пе́рсовъ до е̑ ı о боренїю скедеръ бегъ с персы

О смрти Кнеза Ивана Кастриота Черноевика

О смрти братијеСкендер-Бегове уви

29) вст. велици 30) ако ли имат тако крепкаго мужа 31) да ашче 32) два 33) не почивајушчи 34) не смел

помријеше. И сјетовал сиреч жаљеет их. И Скендеру милостивно говорил и рекал јему отечество вратити, тачију да ждит, когда време будет. — Видевши јего лукавство, Скендеръ Бег разумно цару одговори. Мје не умрије ни отац ни братија ни пријател никои; докле ми си светли цару ти жив, часно је мје по љетех свој мач носити ва десници своеи. Того ради, светли цару и велики господару мој, дај ми непријатеља твоего, да мачем вазму где чест земли: милије ми то будет, шчо своим трудом вазму, нежели моје истое отчинство. — И би Мурат весел с тајех речих. И миловал јего; на Скендер на васак час бојал се отров и васем добре служил. На Мурат хотел јего уморити: облагали јего друзи сиреч, јако хошчет до каурах утешчи. Мурат хотешчи того уверити се, послал јего с војскоју на деспота Георгија до Мисије и до Сербал и не хотешчи поражавал их, да будет прав Мурату и приходит са побједоју до Дренопоља. — Мнози кнези словенские земли до њего писали, како би отечество своје пазил, хотешчи јему помагати. Скендер о том ни с ким не говорил, тачију подобна времена ожидавал. Георгие деспот, видешчи себе от турок поражена, дава се у обрану краља угарскому Владиславу о помошч противу Мурату. Владислав оправил Јанкула војводу с војскоју до деспота и ванегда услишав Мурат, послал противу Јанкула и Деспота двије воијске своје: једну противу Деспоту, а другу противу Јанкула, Бали Башу и Скендер Бега на Деспота. У Скендер Бега било војске ҂н҃, а у Јаникула ҂л҃ ҂ѕ҃. Бали-паша станул под градом Крушевцом на реци Морави. Јаникул послал уходе Деспотове уходити турску војску. Скоро уходе прешле и казали, где стоит Бали-паша. Вазел Гунеда првеиших воин ҂і҃ ишал на Бали-пашу, а другој војски заповједал полако ити за њим. И прешал ношчију реку Мораву. Јанкул удари на пашу. И почел утекати, а кад виђе Јаникула имушча мало војке, стал на мјесте паша. И Скендер полако ишал ка другим турком и гледал, ко им рука будет. Бали-паша послал Скендеру једни за другими да се напријед бије Скендер, не готовал се, или готовал се. И послал Скендер до Јаникула тајно: да не стои, но шчо може наскорее да

О пришадствии Јаникула воеводе на помошч Георгиу Деспоту о противу цара Мурата Турскога

удари. Угри силно се били с веселим срцем. И почели турци утекати натраг: угрих и сербли гонити. Тогда угри посјекли турков множаство, једва мали утекл. Скендер видевши свое време, ухватил пашина писара и заповједал јему писати сиреч од цара до бега Албаноскога, кои бил на отачаству Скендер-Бегову на Крои: да вам послах тамо Скендер-Бега, да будет на отачаство свое санћаком и васеи Албании; а ти шчо наскорее можеш до мене приди. И знамение царево на лист уписавши Скендер лис воземши, а писара повеле посјешчи и све друге турке, кои код њега били; а нешчо их било остало: људи их селски побили, засједши по путем и по горах ва Сербии и Блгарии, занеи сут словаци велики непријатељи турком. Тачију при себе оставил Амесу сестричића своего са триста сербли. И ванегда друзи сербли чули о Скендеру, пришли до њег много витезов добрих и великих и славних, са ними же ишал на свое отечество чрез сербскују земљу. И когда приешал ва Дибар на границу блгарску, посла таино лис до некоих пријател ва Албании сушчих и писал шчо мисли. И рекли му помагати до грл своих, тачиу да не касни мисли своее. И ишал до Кроја града са триста коњик ва одеждах и завијачех, како турци носет на главах; а неколико људеи оставил на планинах на тврдих мјестех, куде могли турци утекати. Амесу своего сестричића посла напред у подобију турком до Бега са Λ коњика санћаку назвавши добри дан. Дал му му лист от Скендер-Бега поведајушчи пришчаствије свое у цареву здрављу са великоју славоју на отачаство свое. И ванегда Скендер-Бег пришал, пушчен са добреју волеју у град, понјеже носил лис царев. — И бил ва весели са санћаком, одал му град и васе оружие градское. И понегда услишали обаватели оное земли, сашли се вси до Скендер Бега са радостију великоју, занјега би паки јему дали отечество свое. И видел Скендер Бег јако васе по волји јему било, посла по они људи, кое бил на горах оставил. И васкоре пришли: и удрили на турке и побили их. И не остал ни един. И по путех послал по горах људи, да никто не пройдет до Дреноља, да гле не даду докле се он не приуготови. А људи по мјестех

Скендер ухвати Бали-пашина писара

О смерти иних турак

Скендер писал до пријател својих ва отечество.

И пришал до Кроја града ва турских чалмах

Скевдер побил турки ва отечество свое

и селех кричали гласи великими бити витези турки погане неживајети јединого о свободу нашу. "Свобода ах! наша мила„, свобода наша. — И побили турки и жени и дети их; толико их мало остало, за кое се Скендер Бег узмоли и кои се отели крстит и вјеровати ва Ха (христа) ти остали. И тако вазел Скендер Кроју град а васе околне власти и села. И поставил на горах ,п воин избраних да бране турком прити до Арбание с војскоју. Турци, кои били по других градех, и тели се бити; али их побито не остал ни един. и ванегда се до Скендер бега набрало (285) вои[35] мно́го із а́рбанїи і ѿ і́ши поздравлѧ́юціи е. і и́менꙋюціи е свобо́ди-телѥ ѿ насїлиѧ погаскаго. і поче к ним говорити скендербе рече[36] скндѣ бе беседе свои сїе, есть ва всѣ добре вѣдомо моѧ мїлаа браќе. і витези арбанскїе ка мо[37] поко́ни о́ць бы поработціе ѿ проклета цра мурата і мене емꙋ і со братїею моею ꙋ робство да бы. хотѧціи миръствовати ѿ проклетаго. імѣти себѐ і всѣх ва мїлꙋюціи і ѿчество свое̇ зе́млю арбанскꙋ. і како са проклатоу єго слꙋжи вѣрно. і гр́ло свое̇ не брани. і хртїа браќю нашꙋ ради него̀ коева. то е̇ всемоу свѣтоу ѧсно вѣмо[38] на вѣнꙋ моѝ слꙋжбоу не гледа. і мало ѡ не хаѧ. братїю ми[39] ми́лꙋ потрꙋти,[40] і мене хоте также ꙋчинити[41] ѿчество ми ꙋзѧ. а̇ мнѣ і всѣм вам плаќ гоки ꙋчини.[42] і мно вре(ме) тѣ жалости есмь на срцꙋ свое тажа. і нинѣ времѧ прило е̇ не стоѧти. на доклє проклѧти на нас не пришо. і̇мамо ба поо́ціника і срѣщꙋ нашꙋ добрꙋю заціо на жа свобо нашеа.[43] і грла і дѣти наша і зе́млю нашꙋ хоціемо быти ѡ свое̇ і̇сто̀е. а не ѿ тоу́ды ка тоуц готовите мила браќе да і́ціемо свое̇ а̇ не тоу́же. із бжїею помо́ціїю возмемо своѝ землю то́чїю да смо е̇дїно како сте е̇но бы при ѿцꙋ моемꙋ.[44] і[45] реклѝ всѣ да бе да бе, амин амин, і въ то̀ днь ѡ̀вєстꙋпи петрелꙋ гра і мѣсто, і ѿдали га̀ бывши во

скндѣ ꙋзѧ гра градѣ з доброю во́лею[46] скедеръ бегꙋ дадара і дрꙋге тоу́рки пꙋсти даровавши[47] а кои[48] ктели и ѡ̀ста́ли та́мо. также пе-

35) воиске 36) речи 37) нам 38) но он 39) моју 40) отровал 41) сатворити 42) сатворил 43) на свободу нашу 44) нашему 45) тогда 46) надеждеју волеју 47) даровавши их, въ рук. ш исправлено изъ записаннаго л 48) кои хотели остати тамо, држали их како своe, да се крсте

тра́д бе гра́ду 8чинид, такоде і стел8 гра́ не кте́д стар́шій добро-
во́дне да́ възе́д его силою ни́ши. по се́ заповеда́д кр́тити сестре́-
ца[49] своего̀, а̂мес8, ко̀ бы́д давно потоу́ченъ і̓ др8гі́ много ѕѣло — скѐдѣ̂ кѐ кр̂ти амес8 сестри̂чи-ка своего
кре́щено і̓ дошла́д м8 на помо́щъ евреінь мо́се, крщенныи во х̂а.
м̂рії̂ храбри на не́ много посла̀ стоѧло, по се́ ѡ̓ѣсе́д (об.) г̂лемы
сва́ гра́ стоѧщи́ на високо̀ сте́ни. і̓ хте́д его̀ ту́ци і̓ни́ добро-
во́дне ѿда́ скѐдер8. а̂ли единь не да́д г̂лще. лѣ́пьше[50] на́ съ че- — цр̂ь м8ра̂ 8слы-шид ѿ пораже-нию бали па̂ше і̓ ѿ скѐдер8 і̓ о̓ мѣр8 с кра́-лѐ вла̂славо̀ о̓ покраченію зѐ-ле сръбьскіе дес-пот8 гюр8
стїю 8мрѣти, неже́д срамо̂но на свѣтѣ жи̂.[51] цр̂ь м8ра̂ тога 8слы-
шад зане[52] ба́д па́ш8 пора́жено[53] ѿ ѩк8ла, бы́д[54] ке́дми жало̂ны.
посла́д[55] поклисара до кра́лѧ 8гр̂каго вла̂сла́ва просещи мира, с̂,
лѣ̂, і̓ да врати деспотоу гю́р8, с̂мѣдерево. і̓ го́ню мисию. сир̂ѣ
косово і скопіе до бо́гаскіа земли і̓ 8чинид та́ко кра́д вла̂славъ.
а̓лѝ м8ра̂ жало̂ны бы́д чювши що моу скѐдеръ 8чинид. мыслид
всю во̀ску свою ѡ̓врати́ на скѐдера̀. но̂ дошла̀[56] зима̀. і̓ да́д по-
кой до пролитїю.

Ѳкендеръ бегь пришед по̂ скатогра̂.

На поча̂коу пролитїа скѐдеръ бегъ пришед възима̂ ѿ т8ро — скѐдѣ̂ плени̂д ту́ску зѐлю
скатогра̂, но̂ лоу́барди велики̂ не і̓мѣвъ. ра̂сла́д[57] во̀ск8 во пле̂ і
пленова́ли і̓ палили і̓ секли́ зе̂лю тоу́рск8 ѡ̓ко́д ска̂ гра̂.[58] люди
се́дски пришли до скѐдерь вега̀ м̂лѧщи его̀ да престане да і̓ зло̀
не чини защото на̂ сиромахо̂ чинишъ а мало тоу́ко̂. і̓ преста́д
скеидеръ бѣгь на молѐніе и̂. і̓ ра́дшири́д себ̂ г̂дьство коѐ ем8 і̓
ѿцъ дръжа́д. ѡ̓ко́д мокре го́рѣ, да́ до блъгарие до дабра̀. кое̂
его̀ ѿц8 м8ра̂ бы́д 8зѧ́д. дали̂ скеидер8 ко̂ре[59] а не была̀ его̀ ѿца, — скѐдѣ̂ кѐ 8чи-нид собо̀
і др8гі́ мѣста много ѿ т8ра̂ 8зѧ́д. зна́д[60] добре скѐдерь бегъ
против8 себѣ быти гото́в8 велікоу во̀ск8 т8ск8. того̀ ра̂ 8чинид
соборь ко 8дцін8 на̂ море̂ бли́д. і м̂лилъ с8сѣдо̂ свои̂ кн̂зовъ ѡ
помощъ против8 тоу́ко̂. ко̀ кн̂зки многащи били пре̂ с тоу́ци.
ты кн̂зки были на ѕбор8, арани̂ сопіѧ голи̂, кн̂зь македо̂ски̂, андре̂

---

49) сестричишча 50) болше 51) на свет живљети 52) јако 53) поражен 54) бист 55) вст. Мурат 56) пришла 57) не имел разслав 58) вст. по том 59) мокреју 60) знаваше

топчиѧ, гюра стре. ива бокови. степа чрновацъ, ѿ илірикȣ (286) сирѣчъ ѿ авлона. і дрȣгй много кои тоу ѡставлѧе писати а обѣщали всѣ скендерȣ помоћь дати. По се кнзово весе сіе рече.

скѧдѣ ві вѣди книзово

мни кнзве велици братіе наша. і все воіство зашо то добре знати [61] і мысли како е невѣренъ і вѣре і ре не држ мȣра цръ. і поработи есть свои невѣрны слово много хрꙗстка. і на на саде мысли кої есмо ȣ нашо земли ка бы на ȣлови. ꙗко бы ȣлови і ѿца моего [62] своею хитробою і вѣры не држа. ка [63] бы со ѿцемъ ȣговори. давы на не тоучи. на то [64] на потȣрчи, і землю нашȣ оузѧ бы. добре знате мила моꙗ браꙗ. что ȣчини брати наше србле і бошнꙗко вогаро, грко венето. с дрȣгй мно гй, ȣ асіи такоде і ȣ европи, все лȣкаство своімъ і хитростію. обѣщаніе [65] даро, клꙗтвамй і лажами своіми, а мало витꙗство і то [66] знати какова сȣ ро і племена израли [67] ѿмановики. како и наши дѣды і прадѣды нисȣ ктели ни гледати. зашо не было простеши і неразумнеши люди на все свѣте ѿ ни. наши дѣды нѣсȣ и ни за наеники хтели дръжати. гледати [68] ѿ шта соу порасли. ѿ разбоꙗ і хараства що сȣ чинили [69] тамо ѡни поче харамитво развиꙗти, ге ȣво кремꙗ хртіано, межȣ собою мирны не были і та они проклꙗти почели развиꙗти на морȣ. і по сȣхȣ і поче севѣ црьво почина. видꙗщи [70] хртіане немирне межоу собою і ако бы ва мила моꙗ братіе все і ȣчинки [71] сказова требовало бы многа днꙗ. чемȣ са добре свѣдо проклꙗты, і с таки [72] развони ки, ние се на грамота бн. ѡ свободȣ і вонно нашоу, хртиꙗскȣ, ко не юнаство [73] свои але лȣкавство тоудȣ зелю і гдтво излȣди і ȣзꙗ. і то валꙗ [74] добре мысли намъ. (об.) і гледати що е оучини ѿманови дрȣгй і на не пощади. і ни ȣ че еу [75] не вѣрова ка ко самомоу врагȣ. зна ꙗ добре него і немогȣ вѣрȣ. [76] зашо са і ꙗ емȣ слȣжи не мало лѣта. і много сее наше хртиꙗнске ге на

61) знате и мислите 62) нашего 63) јакоже 64) но тај 65) обешчанијем 66) а тоје 67) произишли 68) гледајушчи 69) и за то их от свое земље људие изагнали како свакого зпго человјека 70) почињати видеше 71) зла начинанна исказал 72) таковими 73) витежством 74) требује 75) вст. подобает 76) лажну вјеру и клетву

негокы вѣри[77] превари, і[78] гдьтво и ꙋзѧ. щω[79] і вы види і чꙋете. на всѧ днь того валѧ[80] і на се чꙋвати. ꙋ него[81] сад люди і воске много. а мы ни четвертꙋ ча[82] толико ꙋчинити не може према немꙋ.[83] али то ꙋ мене не чю.[84] защо тоуци своѭ всю мылъ і надежꙋ телеснꙋ і дшевно спніе на савлю імаю. і кто ѿ ни бошъ[85] хртіа оубіе. то лѣпши пре бго.[86] защо и та проклаты[87] мꙋхаме напилъ. і за то е ни много на восци[88] і вси ідꙋ да кро кртіаскꙋ раливаю. да се ею зле спсꙋ али[89] хржни лѣпше іма ѿ ни правдꙋ і сꙋ і зако бжи. али що много говори[89] ꙋкаꙋ ва лѣкаство. нема[90] ниеднаго посла на свѣтꙋ, що не мо догово і саве люски іправи і ꙋчини. кто ꙋмее мꙋдро почати. защо[91] мꙋ жребо срѣка пріиде ѿ ба. али на една работа забранѧ[92] то е лѣжаніе поко много питие, неꙋченіе лѣно, а с того все зло на дохо защо сва работа мꙋчна сѧ і непо вна таковы чини. а кто[93] що зна і ꙋмѣе све мꙋ е лано ꙋчинити. ако[94] е і с трꙋдо, али то на валѧ ено да імамо на ꙋмꙋ мѣста твера і жрела тена. і пꙋтовѣ мꙋчны ѿ макеніе. кое на чꙋваю ѿ всѧкого непріателѧ. дрꙋго[95] граве і мѣста ꙋтверти ѡгне і пꙋшка і люди вѣрни і ѡрꙋжіе, і храно да не бꙋде ничто ꙋ градовѣхъ оскꙋно. і ѡ менѣ не мыслити тога[96] вы сѧ затвори ꙋ граве со своею воскою. що сте преда пре неприѧтели тоуци. іли да сокрыю гдѣ ꙋ шꙋмꙋ іли да гледа с ко планиты[97] на тоуки а ѡни како, ψи, мое люди вежꙋ і секоу. і ꙋ ровство ведꙋ.[98] і жита ише пали.[99] (287) істинꙋ вы говорꙋ,[100] ıа вы того не моглъ тръпѣти ако вы свеза[1] вы, і ако бъ да да боудꙋ всега на ѡчію непріѧте ны с воскою своею стоѧти, і съ ш нима быти. ако е і веще[2]

77) на негову вјеру и клетву 78) так и 79) како и сами чуете и видите 80) потребно е 81) зашчо 82) дио 83) супротив њему 84) се тому ја не чудим 85) множае 86) изиде 87) лажепророк 88) у них маного воиске 89) а ми христијани имамо вјеру свету и закон свет, чисто и право пресветије троици Божаство познахом, ва немже и крестихомсе, на что много глаголати 90) не имами 91) по тому ждријебу 92) возбрањуе 93) кои человјек 94) ашче 95) друге 96) гда 97) планини 98) воде 99) пале 100) глагољу

1) и везан 2) ашче и множаство

оу ни воске али с8 оу на юнаци саблею і правдо. ако вы і не
мокль т8ра разбити малеми швы люми ншими. но бжїею помо-
щїю і юнаство, і твердыми планина і мѣсты кое мы знаемо.
нигдѣ и мира не дамо дне і ноцїю, биюци и докле почн8 бе-
га натра, с цетою і сратою своею великою, каква м8 давно не
была ѿ хртїа. него ѡставити много бе͡сѣды[3] да се готовимо
вс ѣ съ ѡр8жїи і коми. да чекамо непрїатела готовы да на не
застане спаци. а кеде[4] на застане готовы противъ себе боуде
і па скїдѐ бѐ бесї юнако свои м8 жа свое грѣсти. Ва же мли мо милы витязи і славно во-
їство що бите не говори боли поко ѿ витества. іво а биюци са
с погаци ѡ свобод8 нш8. що гъ бъ да мнѣ, то і ва єнако срѣ-
щ8 б8де і вы і а. і како теми почели быти вѣрны 8 все і по-
сл8шнїи вс срце свои і снаго[5] бити ѡ во͡но свою. ко во-
ность моа милаа вра милиша е на все що е на свѣте. та чи-
ните докле і еди живь ѿ на їстїнн8 вы говор8. гъ бъ нш боу-
де с нами аще все срце свое і мысль к нем8 обрамо. і еще ка
молю да ма 8 все сл8шате вѣрно. а на посл8шанїю і вѣры вса
работа сто. гѣ оу͡требоуа договаралї і 8чили. а ге 8͡требоуе[6]
десницею і мече врани до послѣнаго часа. не страшите воске
его великие. мы с ни біемо ѡ свое їстое. а ѿ іще нше да 8зема
а не мы негове. на че єу бъ не поможе а гдѣ[7] скендеръ бе то
і͡ворол[8] во͡глалї[9] всї єдїны гласо. ами аминъ. бе да то да
кн͡ви да по-мо скендер8 б8де скеде бе нши воде, на всако восце. на погаци т8ки і не-
прїате (об.) вѣры нше хртїансте. По се въста кнзь арани
шны ча да скедер8 помоць на т8рки. та вс ѣ вы речены кнзи
па па с во-ско до епїр8 да м8 помоцъ. пото са ра͡шли кнзве до домовь свої. По ма-
ле дне дошла[10] вѣсть скедер8 с велики страхо ка іде ба па
скїдѐ бѐ сво-ко свое люде с вѣкою воскою до епїр8. оустрашили се͡ски ло, і почели бѣга
тамо і сѣмо. како но[11] быва і͡нова люмъ. і вивши то скедерь
говори імъ і слободи да не пла а ни страше. та[12] стра на ко-
пилѧ присто, а не на на добре юна. арванасе і србли 8стави і

---

3) него оставимо много бесједити 4) когда 5) снагоју 6) потребно буде бранитисе 7) когда 8) изговори 9) вст. тогда 10) приде 11) множицеју 12) зашчо ма страх

ѿ бѣжанїа. По се пребраши ко[13] витези на бо кони, ,и, а пеша[14] ,з. і ста таборо на дабро недалеко воск тѹрске, і ѹвиде како сѹ тоуци стали. і раздели воскѹ на г,[15] і ѹстави на потае, ,г лю на коими ѹчини[16] амесѹ старѣега. і заповѣда и да не ізлазе ѿ потае, докле вид со ѡбою[17] стра ранене і ѹморене. і ѹ та ча да іскоче на тѹрке[18] ви ѹчинивши. і на дрѹго местѹ такође лю съкры.[19] І ге се тоуци приближили. заповѣда скедеръ свое восцѣ в ноћи ѡгн погасити. а мочание ѹ восци ѹчинити. Бали баша видѣвши ра томоу бы мнећи боисѧ скедерь скедерь воскоу свою наради ты обычае. првы пок конка ратегнѹ[20] широко пре га закрики ка небо ка рывѹ ло межѹ коникоу ѹчини плкь пеше стрецо добры. ка бы помага на ѡбѣ стране. деснѹ страну прави мосе, стары на градо дабро. левѹ страну прави аданаси сестрене[21] скендеровь. скедерь бѣгь држа средѹ восѹ. с налѣпшими юнаци кроекими. никоурь[22] зани пок прави. і наѹчи пеши ка ізлезѹ ѡни потае,[23] како е се растоупити пешци. а пешце справова рада. хотеши сѧ скедеръ бегь ѹвѣди лепше справи како готовают[24] тоуци. і засла напре затоники ко тоуки іввал,[25] (288) на копїе. ћо бы тога хорѹгве тѹрске разгледали.[26] прегледвши то не да свое восце с мета пометити да се покове і ѹправа не помеша.[27] іли да тѹрци преварѹ не ѹчены[28] бали паша внега виде мало воске скендерове. поче се смѣѧ зацо та веми скедеръ слобода чини с мало лю, ни за ћо[29] држећи, і ѹдарили тоуци с наши бе справе. хртїани ѡны ча и оуспрли натра. вивши то скедеръ не да тера,[30] і зара кое потае, і заповда і стоѧти въ ре[31] ѹчинене тверде ва пашь викноу на тоуке. да ѹдарѹ с тою че[32] каѹра докле ни сѹ оутекли ѹ планинѹ. ѿ ча ѹдарили тоуци с прени поци. веми бы бо ве-

> скедеръ пребравши кое свое г ѹчин и до бою

> ка па скеде бе реди ко скѹ свою на поковн до бою

> ѻѕ

> скеде бе по-равих тоуци

---

13) болшее 14) пјешака 15) чести 16) над нима постави 17) с обоих 18) вст. јунаке наше 19) с великом виком и да удре на турке и на друго мјесто с таквом наредбом стави потају 20) рашири 21) сестрик 22) Никанор 23) ис потае 24) се готове 25) дозивали 26) возгледали 27) да се плкови управе не помијешају 28) учине 29) ни по что 30) турке 31) ва реду 32) с том четом

ликиⷯ н҃шиⷯ ѹ̇морили бїющиⷯ защо было иⷯ[33] мноство, алѝ не ѹ̇ка-
ноуⷧ[34] скенде́р иⷥвести своиⷯ[35] ѿ потáе юнáки не трѹ̑нѣ слободиⷨ
і скедеⷬ скачющи преⷣ ними на конѝ с копїеⷨ, срѣща. на ѡтѹ
страⷯ і на ѡ̑вѹ помагала тѹркоⷨ мноство. а н҃шиⷯ юнаствоⷨ тѹрки
наⷣвишали. дрѹга потаа̀ іскочила скедерова криниѹвши ѹ̇дарили на
тоⷬке сиⷧно. тоⷬци оустрашиⷲ. а н҃шиⷯ[36] напрáвили.[37] і поча̑ тоⷬци
пръхаⷮ каⷦ жабе. н҃шиⷯ[38] гонити бїющи і сѣкоуⷮщи не забавлаю-

скеⷣде бе даⷧ юнакоⷨ хаⷬнѹ що ѿ тураⷦ ѹ̇зеⷧ щиⷯ добитою і[39] тоураⷨ маⷧ[40] оутекло̀ і каⷣ се н҃ши вратилѝ, ѹ̇лез-
лѝ ѹ̇ табоⷬ. гдѣ тѹрци стоꙗли, і таⷨ мноство богаства нашлѝ і
ѹ̇зеⷧⷤ. то все скедеⷬ беⷯ юнакоⷨ даⷧ. кроⷨ поушаⷦ і лѹбарди, і пан-
цира. і шлемова то себѣ ѹ̇зѧⷧ, потоⷨ скедерь бѣгь заповѣдаⷧ юна-

і паⷦ благодари бга дашеⷤ победѹ юнакоⷨ свойⷨ коⷨ да к неⷨ всѣ придоуⷮ. і много іⷨ бесединⷧ ѡ юнаскоⷨ бою. потоⷨ
благодариⷧ бгоу за то витѧство. і всеⷨ юнакоⷨ за щоⷨ добрѐ бию.
скедеръ писаⷧ до книзоⷨ сусеⷣ. І писаⷧ до сѹсениⷯ[40] книзоⷨ благо-
дарещиⷨ[41] ѡ помощь. Кроⷧ влаславъ ѹ̇грскиⷯ і поⷧскиⷯ ракі-
ноуⷧ миръ со цреⷨ мѹратоⷨ. Борзо̀ потоⷨ владисла краⷧ ѹ̇грскиⷯ і
поⷧскїи, ѿказаⷧ мирь црѹ мѹратѹ. а то ѹ̇чиниⷧ и с повеленїеⷨ папы

лз евгенїѧ. краⷧ послаⷧ деспотѹ гюргѹ србскомѹ (об.) да е̇ готоⷡ

скеⷣде бе ѹ̇чиниⷧ соборъ во епирѹ на тоⷬки. Писаⷧ краⷧ влаславь до деспота гюⷬга[42] србскаго да
е готовь своею воскою деспоⷮ ѿписаⷧ мѹ молѧщи да држи с тоу-
ци миръ. до .е҃. леⷮ. како оуговориⷧⷤ. краⷧ не хтеⷧ слѹхати[43] дес-
пота. деспоⷮ наготовиⷧ (выскоблено) на помоⷳ ,г҃ лю҃. Писаⷧ вла-
славь і до скедерь бѣга ѡ помощь на тѹⷬке хотещи̇ на него̀ всю
воскоу спѹтити противь црѹ муратоу. скедерь бегь ѡбѣщаⷧсѧ то
ѹ̇чиниⷯ. І ѹ̇чиниⷧ соборъ своⷨ во епирѹ скедерь бегъ і молиⷧ сѹсениⷯ
книзо србскиⷯ ѡ поⷬщ кралю влаславѹ. ѥны говорили мы ѥда сами
тоⷬкоⷨ браниⷨ а еще і краⷧ ѿ наⷭ помощи проси. не можеⷨ даⷮ. ноⷭ
дрѹзи̇ іⷥволиⷧⷤ і ѡбѣщаⷧⷤ кралю помощь послати[44] съ скедерь

црь мѹраⷮ собраⷧ воⷨскѹ сиⷧнѹ бегоⷨ. ,еі лю҃ на реченыⷯ днь до варьи[45] къ кралю. Мѹраⷮ цръ тоу-
скиⷯ собраⷧ воскѹ свою ѿ асїи, і европиⷯ, і было воске с ,з҃ тисѹⷱ
Пáпа і дрѹзи̇ латини ѡбещáлиⷭ были мореⷨ прити̇ і браниⷮ ѿ асие

33) турак 34) не укаснил 35) свое 36) наши 37) се исправили 38) наши их 39) и уже 40) ближних 41) благодарешчи им 42) георгиа 43) слушати 44) дати 45) варни

преко мо́рѧ на ѡ҆́вꙋ стра҇ꙋ прехо҇ти тоу҆ко҇ мꙋратꙋ на помо́щь. па҇ рꙋски҇ и҆ ла҇ни ꙋзе҇ дари ѿ тура҇ тако-
али како с҇ꙋ ѿдавно латыни среброљубци. и тꙋ҇ показа́ли. ꙁѧ́ли же и рашани и
ѿ тꙋракъ да҇. и не ста҇ на свое҇ слове҇ ка҇ сꙋ были ꙋговори҇. Та- црь цригра҇ски҇
ко́де родошани сꙋга́ли. І црь цригра҇ски всѝ и҆да́ли вла҇слава
кралѧ. на своѐ зло̀ и вѣ҇нꙋ погибе҇. по се҇ били ꙋгри гото́ви а тоу-
ци еще готовѣ҇ши ꙋ бо҇гарїи на рваны҇, и пришло къ сара҇нїю. ви-
де҇ ѧ҆ку҇ воевода тоу҆скꙋ ко҇скꙋ великꙋ чемꙋ се не на҇ли како сꙋ
оу҆говори́ли бы҇, с латїни і грьци да бране. ѿ асїе тꙋрко҇ прехо҇-
ти мꙋратꙋ црꙋ на помо́щь. ѧ҆нікоу҇ воево҇ всею во҇скою прави҇. црь мꙋра҇ по-
и не моглъ ѿ срамоты ꙋстоупити натра҇, оу҆дарили҇ с тоу҆ци нѡ҇ рази҇ ꙋгри
ꙋ злы҇ ча҇. кра҇ вла҇сла́въ погїнꙋ҇. і ка҇дїна҇ евге́ние и всѝ ꙋгрй и по- кра҇ вла҇слава
лѧ́ци. ѧ҆нікоу҇ ꙋтекал до деспота гю́рга срб҇екаго, деспо҇ его не ꙋби҇
пꙋсти҇. докле мꙋ гра҇ке срб҇екїе поврати҇. ко҇ бы҇ ꙋзѧ҇. али҇ пото҇
помирили.[46] (289) Скендер Бег не могал скоро прити на помошч
краљу, зашчо му деспот не дал чрез своју земљу с војскоју проити. Услишал Скендер, како угри побити и краљ погинул, за .г҃. дни от жалости ни јал, ни пил, ни с ким говорил. Потом се мастил на деспота и попљени му зато мало не васу Мисију. — А деспот пожалисе цару Мурату о том на Скендера; и рекал га Мурат от Скендера осветити. А Мурат шчо учини по боју над Владиславом краљем угарскијем: разгрдел и разсверепил, умислил васу војску своју оправити на Скендер Бега, градове и мјеста у Албаніи воевати, а наипаче Крой град, занје глава јес васеи Албании. И прежде хотел Скендер бега лукавством уловити. И писа сије до Скендера от Дренопоља: Амурат Отмановик цар Турски, от вастоко до запада государ, Скандер Бегу подхранјенику моему неблагодарному ниединого здравја и добра тебе от Бога да не будет, и прочаа. И не могу тако много писати, како ми си много сагрешио: и шчо си ушчинил Мухамеду, с таго отступил. И шчо си учинил Бали-паши у серблиех на Морави. И шчо си му учинил томужде паши у Епиру. И шчо си учинил деспоту оцу женя моее. И да ми си говорил, дал бих ти ја отачаство твое Албаниу и ешче

Скендер пљенил деспоту земљу

---

46) и војевали на турки заједно

друге земље до ликодонјеи. И шчо си ешче нагорше учинил, приел јеси злују веру каурску и заборавил си добро мое; а имал би и вешчше добра от мене, ашче би другојаго чинил а не отступал Мухамета. А шчо си учинил, зашчо сам те ја жалио и нијесам им бил заповедал, да ти велми не похарају земли твоее. И того ради не сам послал велику воиску на тебе и имеушчи о тебе надежду, егда орамејешч (sic?) неразуміа, промишљају о тебе инако, ашче ми кажут, да се ешче држиш того неразумиа; ашче ли к мене придеш, примеши от мене првују милост и љепше и свое отачаство будеши держати са миром и ни от кого будеш бојати се своего неприатеља. Разумеи љубав моју ва писме, а друго ти кажет мои Нерадин чауш. И за тим буди добар, ашче имаши разум. Писато у Дренополје мјесеца Иуниа от рождества Христова љет ҂а҃.ѹ҃.м҃д: — Скендеру когда пришал саи лис, расписал саи лис по васех христијанствах кнезом, саветујушчи се что да сатвори. — И различно људи о нем разумјели; тачиу Венети разумјели и познали Муратово лукавство. И отписал Скендер Бег Цару Мурату: — Воин Исус-христовје вјери Георгіе Черноевик, Кастриотов син, кнез Албански, Мурату цару Отмановику и кнезу турскому. Тлкујеш ти на листу своем Мурате различно, сиреч јако бих ја бил твој подхраненик и близ тебе узрастал а послед бих тебе сагрешил. Ја то трпением и самирением приношу, гледајушчи на твоју старост. Того ради и лис и посланика твего са радостију приемљу и ниње, зашчо ти болше смеха приносиш, нежели гнјева. И пишеши напред у листу, зашчо сам вјеру оставил и тебе за добро јако бих не познал. И паки ме до себе привлачиш лепими твоими словеси јако магнит железо, да остаљају вјеру и душу своју погубљу, јако безумни человјек, и да приму преластнују твоју вјеру: вижд что чинит, Мурате, шчо е за чудеса твое вјере и что имате тврдо основание писаниа и вјере вашее? И шчо е лаживи чаровник, шчо ви зовете пророком вашим Мухамета? Зато ли зашчо вјерујеш ва единаго Бога? То и враг зна и васи људи, да е едан Бог; али ка Богу прити чрез кого на тому светои, зашчо несмо достоини ему молити се за грех и за безакониа

Скендер отписал Цару Мурату Арбанашки

наша телеснаа, тачиу чрез Исуса Христа спаситеља нашего имами ваход ка Богу. На что глухому васуе глаголати, понеже не чуе. А што ми помињаш, шчо сам тебе учинил, жалост своју мучно кому умирити. Правдоју сам на тебе руце свои вааздвигал за жалост и за невољу велику, зашчо ми е о велик поса ишло, првее о душу моју, коју сам бил дал у бесовске руце ради вери вашее, (289) дрꙋго ѿ[47] ѡчьство моѐ кое ми҇ бы҇ оуѕе҇. і бра́тїю потрꙋ҇лъ.[48] то҇ми за невѣ́рство врошъ. за́що са҇ б҇а ꙋзна҇,[49] і за́що са҇ ѿче́ство свое ѿ твоего поравощенїа свободи҇. ю во҇ше҇ нѣ҇са҇ мога҇ трьпѣ҇. а[50] ты и҇ юси ꙗ҇ во́лкъ ага҇це. свово҇ ѿманови҇у е҇ на҇ все вога҇ство[51] на свѣ҇тꙋ. кою ты́ ѿ све крѣ́пости своен силою възимашь. тачїю вы ты́ хте҇ са҇ ꙋ свовоже́нїю в҇ы. а всѣ дрꙋгй л҇ю да сꙋ тебе рововы́ того́ ра҇ молю́ остави тꙋ пре҇нїю ѿмановикꙋ. кто́ те҇ не во҇, а с во́ске що си́ вы҇ ꙋгрева҇[52] не҇ вали҇, а мнѣ́ те́ сло҇ не пиши. ко́ми ме ни҇гда не напрати҇[53] іма. ка҇[54] ч҇лкъ свою́ ср҇щу кож мꙋ помага́. с коею́ і а҇, с помо́щїю б҇жїею, справлю́. не про҇щи ѿ непри҇телъ свѣ́та і помощ, ни поко҇, ни міра. та҇мо на҇ ни҇ витѐства свое҇, писа҇. по҇ шаторо҇, лѣтѡ ҂ѕ҇цм҇. ѿмановик[55] прота́кши не҇[56] ли҇ст дивова҇сѧ его срцу і смѣло҇ст і река҇ да҇ ти скѐдере злѐ смрт҇, і рꙋ́не славы врѣ́кь на шїю да҇ да҇.[57] і са҇ ти а҇ при гровꙋ хощꙋ выти. да те по҇наю́ дрꙋзи каꙋри ꙋ па́клꙋ. І ѿправи҇ две во́ске едї҇нꙋ до ꙋгр҇кїе зе҇ли, а дрꙋгꙋ до скѐде́ве҇. с фери҇ вего҇ великі҇ і крѣ́пкі҇ ч҇лко҇. кое҇ порази҇ скѐде вегь на҇ вало҇ гл҇емы҇ мокреше. іма҇ фери҇ вегъ во́ске, ҂и҇, е҇ва са҇ ꙋте҇лъ такоже і мꙋстафа ве҇ ко҇ иша҇ емꙋ на помо́щь. с таковою́ во́скою порази҇ е҇ка с малыми ꙋтеклъ. На҇[58] ꙋзе҇ арванаси҇ вога҇ства зѣ́ло мно҇. тꙋра҇ еще во҇ше҇ за кое ѡкоу҇ ꙋзѧ҇ скѐде҇ ве҇. Съвѣ́това҇ пото҇ мꙋстафа ве҇ ц҇рꙋ мꙋра҇у да во́ске не чи҇ на скѐде҇ра до по҇зна времени. В те҇ лѣте҇ лѣка захарі́а кне҇ словѐски ѿ іллирика ꙋвие҇ ѿ с҇новца своего дꙋка҇на ради[59] ѡдомрѣ҇. зане лѣка не

ц҇р мꙋра҇ прочи҇та҇ ли҇ст скѐдевега

скѐде҇ ве҇ поразил фери҇ ве і мꙋстафа вега

кнѧзь захарі́а ꙋвїень вы҇ст

47) за 48) потровал и уморил 49) бога истинаго познавал 50) да 51) виша от васего богатаства 52) уграбил 53) превратиш 54) кажу 55) Цар Мурат 56) прочативши јего 57) тамо 58) наши 59) пориди

імѣ сн҃о [60] велікы прїате і помоцны скѣдеровъ, бы еда дрꙋгомꙋ
запи ꙋчини скѣдер і лѣка. ко ѿ ни преже ꙋре бе плода, то на
него прїде ѿчество его. ко ѿ ни живъ остане ѿдала [61] ѿ бли-

ꙋда ю граѣъ венетом во іліpікꙋ

него рода на тꙋже. і того ра лѣка (об.) оубие бы ѿ дꙋкана сн҃о-
ца свое. І по смрти то лѣки захариева, босака мт҃и лѣкїна да-
ла ꙋ обраꙋ венето і предала і граве да и бране въ ілирикꙋ. ска-

скѣдеръ бе воева венети і ꙋзе гра во іліpикꙋ

дар, дака, бáлесїю дринасть. і дрꙋги [62] гра на імéста. І того ра
скѣдеръ поча воиꙋ с венеты. і порази трикраты венеты. на ре-
кою срни дримо. і ева михаі кнзь венескїи ꙋтеклъ на мóре. по

цр҃ъ мꙋра па воскꙋ на скѣдера

се скѣдерь бе взѧ доброволне выречены граве. [63] Слышеци цр҃ъ
мꙋра трꙋность скѣдеровꙋ с венеты. посла карагюза [64] с воскою
до албанїе. скендер чюши воскꙋ тоуску ізыша [65] ѿ скарскїе зе-
мли до албанїе. ꙋтверди [66] гра балесїю. где ѡбѣ воске хтели съ-

карадюз бе побѣда і павль дꙋкано

стави. Поꙋвали на копїѧ карагу бе, і павль дꙋкано, і кога се
ꙋдари згоди павлъ карадюза въ дено ѡко і па с конѧ і ѿсе-
ка мꙋ павлъ глаꙋ [67] і ꙋзѧ с него злата і сребра, е чрвены дꙋка-

скѣдер бе порази тꙋке

та [68] цю ни [69] было. По ты воске стоѧли готовы ѡбѣ ꙋдарили си-
но. али тоуци ꙋстршили. зацю и бы забиень [70] сердаръ карадю
побїени ѿ нши до единага. мꙋста бе жива ꙋхвали. было тоу по-

скѣде прїше до іліpікꙋ

бены тꙋра ei живы похватáно тꙋра г. По се витéстве вра сѧ
скѣдерь бе ѿ албанїе до ілїрїкꙋ. словески краі. і заста а [71] расн-
па венеты въ гра. бáлесїю жалока веlми то [72] скѣдеръ. і гово-
ри, ѡ нераꙋмни і нехртїански лю. са свое кръве жéла. [73] по
се воскоре венеты с ни ꙋмири вищи его добрꙋ спрáвꙋ вижство

па цр҃ь мꙋра собра воскꙋ на скѣдера

і срѣщꙋ. Мꙋстафа ѿкꙋпи, к чрвены да. і дрꙋзи главнѣши ѿ-
кꙋпили вс. Мꙋра цр҃ь по ізгоублéнїи воске во албани. бы веlми
гнѣва на скенъдера. ꙋмысли всю силꙋ свою обратити на скѣдерь
бега. і посла до асїе по воскꙋ анатолскꙋ і воскоре мꙋ пришло [74] с
лю европие [75] цю бы повоева. собра и лю, і пошо (290) са [76] до

60) вст. а беше 61) отдајали 62) вст. таких 63) Скадар с више рецениема градовима 64) Караћјуза бега 65) изиде 66) от земли Скендерие и утврди 67) и Павелъ и главу Караћјузу одсјече 68) въ рук. дꙋката написано на поляхъ 69) на њем 70) бјеше убиен 71) где 72) тои град 73) желите 74) от Асие воиске ,р 75) а от Европе 76) вст. цар Мурат

албанїе съ воскою тешкою і силною. І еще негал[77] паша і всѣ
съвѣтнико свои. сїе глы рекль гласо докле мое мило робьѐ боу-
мо тръпѣти ѡве срамоты що на чини оны разбони скендерь. ко
бгу і мухамету і мнѣ солгал. і учинил се невѣрны, ю е пришло
времѧ да заплати своею главою. що ѐ на чинил за[78] не радение
наши защо га смо за мало дръжали ега нѣсмо богаты гдрѧ і
кралевь повоевали. і землю и узел. і грденїе и смирили. егда не
можемо ѡвого злодѣѧ посмѣрити. коего са подхранил. на свою
щету і трудность, і граве мои во албани. своею волею узел. ако су
і негова ѿца был али и бъ і мухамет мне был дал за мои про-
мышление, і вънега то ізрекал. съвѣтницы его ени говорил. на-
пред да пошлю неколико воске да уходе. где бы воска велика паст[79]
і да ѿтмут путовѣ і жръла куда воска мо прати на тведы мѣ-
сте. паше напосле рекли. да іде напред воске третеѐ част. да ѡседу
пръвѣше граве во албани тако і учинил, пошло напро, ,н, воске.
і пал по сватиградо. за нима по далеко[80] мура црь со всею во-
скою[81] ішал. пришал,[82] страх великъ до епіра. наначе[83] никога та
велика воска на них не была.[84] Скендеръ бега то ни мало не стра-
шило.[85] і свободил свои глющи всега велика воска ѿ мале воске
разбиена быва. защима[86] імамо ѿ них кога бы. а на ѡни не імаю
кога. защо е і много а на мало. дали му[87] і суседы кнзови сло-
вецци помощь. все воске іма ѿ скендеръ до боѧ. ,еі.[88] кою воску
свою учил великими і широкими словы[89] і маю бы. кое речи ту
ѡставлѧ ради продолженіѧ. напосле по бесе рекл ове речи до
всѣхъ, аще бы ѿ ва ко был кому бы срце страшимо.[90] ізлези[91]
ѿ воске. і сокрысѧ (об.) ге бысте тоурци не ізнашли[92] да не по-
гине.[93] защо ѧ избирати люди[94] ѩко некога[95] гедеѡ шлтѧнин на
амалика. і никто ѿ воске не изнашал[96] ко бы устраши. зрѧщи
на лїце і бесеу храборство е. ка се не бо толике силе турске не

Црь мура бе-
дил свои со-
вѣтнико

скендер бе сло-
бодил свои і
учил і до бою.

77) вст. бесједил 78) са 79) тамбор учинила 80) помаље 81) силою 82) и приде 83) вст. јако 84) прежде не пришла 85) устрашило 86) зашчо ми имамо 87) Скендеру 88) ,еі воиске все шчо ишел до боја 89) словеси 90) страшливо 91) изиди 92) нашли 93) погибнеш 94) зашчо ја избирају људи јунаке на турке 95) иногда 96) изиде

мога^л се скедер' бе довѣда́ти. всо̑ во̑сци тꙋ^р ско̑, коликое е^ст на ли̑бе, тачїю те̑ зна^л, ко̑ сꙋ пре̑ дошли̑ і ѡбсе^л"[97] сватогра̑. того̀ ра̑ ꙋчини^л пота́ю ꙋ тве^р ды̑ ме̑те̑, і заповеда^л. и̑ бе^з ѡгнѧ̀ сто̑ѧ тихо̀, да че^ст тꙋра̑ ізы̑де до бою̀ а не всѣ̀. зане зна^л ꙗ̑ е^ст еще ц̑рь тꙋ^р ски̑ на трау̑ неда́леко. і ѿдели^л млади̑ юна̑, і на нога̑ бръза̑ кои̑ зна^л во ѡдѣанїе кме̑ско. м̑. і наꙋчи^л и̑ ка́ко іма́ю чини̑" і говори̑", ко̑га и̑ бо̑ꙋ тоу^р ци пыта^т" ꙗ̑ хранꙋ носимо до гра̑ кроє̑ і шли̑ недалеко стра^жа тꙋрске. но̑щи на това́ре̑ хра̑ꙋ. тоу^р ци и̑ веде^л"[98] ко̑ бы^л" на стра̑", каза^л" оу во̑ски, пошло̀ тꙋра̑, ф̑, на ко́ни̑ і поче^л" и̑ хвата̑". они̑ борони̑ли̑[99] ідꙋщи ꙋ пꙋ̑ поб^л" тꙋра̑ стрела̑" і хар^ба̑" бли^з двѐ стѐ. і е̑наго бега ꙋби^л". за анато́лїе ко̑ бы^л на стра́^ж" ꙋве^де ли тꙋ^р ци въ во̑сци що̑ чи́ни ѿ стра̑. па́ша боѧ́щисѧ коѐ пота̑е. посла^л ,д̑ конни̑ да приве̑ꙋ оны̑ кметы со хра́ною всѣ̑. доклѐ тꙋ^р ци пришли они̑ ꙋтекли̑ до свои̑ ꙋ горꙋ. тꙋ^р ци гна^л" по ни̑ до самы̑ горъ. гдѐ была ꙋ пота̑ во̑ска ске̑де^р бегова. они̑ на тꙋ^р ки ꙋдари^л", ма́ло и̑ ꙋтекло̀ і хорꙋгве и̑ ꙋзѧ́ли. і ко̑га дрꙋга во̑ска тоу^р ска то ѐ чꙋла̀[100] ста́ли ꙋ табо^р всѣ̀ боѧ́щи̑ вои̑ке вели́ке.

скедер бе побил тꙋрскꙋ страꙋ

Пото̑ мꙋра̑ ц̑рь прише^л съ вели́кою во̑скою̀, і ста^л по̑ сватиградо̑. ка̑ бы̀ ꙋстраши^л сꙋщи̑ во гра̑, і нареди^л во̑скꙋ ка̑ іма́ю съ всѣ̑ стра̑ гра̑[1] въ кꙋпѣ вси̑ ꙋда́ри́ти. ве̑ли́ли̑[2] ѡколо гра̑, г̑ дни ра^з ли́чне ігре творѧ́ще,[3] по се̑ посла^л мъра̑ до гра̑скаго блю̑те̑лѧ. да предадꙋ̑ ми гра̑ на добрꙋ во́лю, ю̑ бы́ло къ вечерꙋ[4], аще та̀ко сотворѧ̑ вели́кие дары при̑мꙋтъ, і вси̑ ко̑ сꙋ̑, (291) во гра^де. і своѐ[5] що імаю̑ во^л но и̑ все въз̑е̑. і доброво^л но по̑ти гдѐ хоще̑. аще^л" хо́щꙋть і по̑бно̑ю[6] быти все и̑ на воли ꙋчиню̀.[7] аще ли тако не ꙋчїне[8] во^з мꙋ гра̑ си́лою. а ни̑ бꙋдꙋ мꙋчити. мꙋками кои̑[9] ни̑ге ни̑ сꙋ чю́ли. петрь блю̑тите^л реклъ до посланець тоу^р ски̑.[10] съ зи^да гра̑скаго[11] насмеѧвши̑[12] доба^р сте ча̑ са̑ и̑збра́ли тако̑ работы но́щїю да ва не чꙋе ни д̑нъ, а ни̑ мо̑ юна́ци ко̑ сꙋ во гра^де. і

ц̑рь мꙋра̑ приша^л по̑ сва̑ гра̑

---

97) а вићелих турци 98) се бранили 99) из 100) услишала

1) на градъ 2) чинили веселье 3) творили 4) бјеше вечер 5) кои шчо има волно да изнесе из града и да пођу где кто восхошчет доброволно 6) под мноју 7) на вољу сатвору 8) сатворет 9) кое 10) рече турским посланником 11) са зида от града 12) смејушчисе

та҃ ва҃ съвѣтоую що наскоре[13] бежите ѿ гра҃. докле ва҃ мо҃ юнаци
есꙋ ви҃дели.[14] да ва҃ не побїю. і ктѐли и҃ побити дрꙋзи мнещи ꙗко
ꙋхо҃ есть. і[15] не да҃ петръ. г҃лющи, во҃но посло҃ що хо́ще҃ говори҃
на вса́ко҃ мѣстꙋ. і тако с мирѡ҃ ѿшли[16] ѿ гра҃. Ра҃гнѣва҃ се мꙋ-
ра҃[17] зѣло зане посла҃цами[18] его сме҃ чини́ли. посла҃[19] дрꙋги҃
поу́ть до гра҃ і ты҃ же поса҃ство҃ во дне҃. петръ и҃ ѿповеда҃ не
са҃ ѿ рожѐнїа мое҃ ꙋ кое҃ бы́ли лю҃ за҃рели. і ѡ що бы҃ сѧ пре҃ лю-
ми́ сра́ми҃. і на́ томе вш҃ъ г҃дръ наговора̀. докле са҃ жи҃ да не
імаю̀ чти̇[20] ѿ добры҃ люде҃. а то съветꙋю вш҃му г҃дꙋ му́ра҃у, нека
і҃е натра҃ до дренопо́лѧ.[21] що бы̀ ꙋ стра҃у і ѿ теплоты̀ і праха̀ і
боле҃зни не ꙋмрлъ з҃е. і лю҃ б҃жїи҃ не мꙋчи. аще хо́ще҃ да҃ мꙋ г҃ь[22]
лѣта приложи҃. І внега сказа҃ поса҃[23] сїа̀ слова мура҃у ѿ ср҃ца се
траса҃[24] і ѿ ѧро҃ст не моглъ[25] ни говори҃. і вопроси҃ свои҃ лю҃
ка҃[26] бе҃ ще҃ взе҃ тꙋ ра҃бо҃ническꙋ пещерꙋ. Ви́дещи̇[27] ске҃де҃р бе҃,
и҃[28] хо́ще҃ съ всею̀ си́лою гра҃ве рва́ти на҃паче кроѐ гра҃. м҃ли҃ сво-
ихъ гра҃ски҃ влю҃ти҃тели҃ да҃ не боѐ. і да҃ ра҃умне бра҃не обеща́ва҃
сѧ[29] и҃ помога҃ съ ва҃, що на҃бо҃ше ꙋзможе. Мꙋра҃ наготова҃ лю҃
хр҃тиѧни̇ се҃скїе напре҃ тꙋ҃рци ко гра҃у. да хр҃тїѧни напре҃ поги́нꙋ.
по ни҃ да ꙋдаре тꙋ҃рци на ꙋморене гра҃дане * пꙋсти҃ ко гра҃у[30] ко҃
есть на высоко҃ стени̇.[31] ѿби́ли и҃ гра҃не бе҃ свое щеты̀. (об.) дрꙋги҃
д҃нь пꙋсти҃ ко҃скꙋ мꙋра҃ на гра҃ со е҃не стра҃не. а с' дрꙋ́гие стра́ни
постави҃ велики пꙋшки бы҃ти гра҃. і про҃бли га̀ не ма̀ло.[31] скоро и҃
гра҃дане ѿби́ли і ѡнꙋ дырꙋ запра́ви҃[32] но́щїю. Мꙋра҃ заповеда҃
пропове҃никꙋ по всо҃ во҃сци. пропове҃ти велїи҃[33] гла́со҃. кто҃ на҃пр҃ве
на гра҃ і҃злезе[34] со хорꙋгвою да҃ емꙋ. р҃. аспри̇, дрꙋгомꙋ ҂н҃, тре-

цр҃ъ мꙋра҃ по-
ла҃ дрꙋги пꙋ҃
і ѿвѣ҃ ѿ петра
і҃ гра҃

цр҃ь мꙋра҃ ра҃
гнѣва҃ се і
совѣтѡва҃ сѧ
свои҃

цр҃ъ мꙋра҃ по-
ступи҃ гра҃
ратѡва҃

---

13) да васкоре 14) нијесу чули и 15) но 16) пошли посланици турски 17) цар Мурат 18) послаником 19) и посла друге посланике ва дне, но Петар им одговори: не сам научил чинити 20) да немам части 21) ка Дренопољу да где от страха и от теплоте и праха у бољезан да не упане и зде умре 22) час љета продлжита 23) посланик сија словеса 24) се цар потресе 25) не може 26) како би вазети 27) видевши 28) јако Мурат ошче с васеју силоју град рвати 29) обешчаваесе им помагати ванесу (?) елико наболше возможе *) въ рук. было: хр҃тиѧне 30) воиску на град 31) вст. но 32) заградили 33) великим 34) изиде

темꙋ ҂ке. По се дигнꙋли ко градꙋ еничари. спаоглан. азап спахіе. мало не вса воска. аничари стрелали із пꙋшак не дали са никомꙋ на град показати із нꙋта. і дрꙋзи тꙋрци пенали на град по лествицех і по чим кто моглъ со всехъ страна окол град. Сꙋщи во

(граждане из ѿбиша ѿ града) граде добре бранили. рꙋце им по лествица ѿсекали с кошъ іс пꙋшак. стрелали камение на них валали, огни съ смолою і серою на них пꙋщали.[35] тако им бил весь днъ. і тако ѿ града ѿстꙋпили тꙋрци съ великою тщетою своею.[36] Ферив паша рекал. ю сꙋщꙋ[37] і во граде трꙋнии пꙋстил паки ҂г люди съ лествицами. і ꙋзал[38] везꙋ щетꙋ едка сам ꙋтекал с горы до воске. мало восци мꙋрат[39] заповедал починꙋти. паки вск на град ꙋдарити не зрети на ты побитих. і кои

(скендер бег побил тѣхъ) еще погинꙋ. ти кои ѿ кавра погинꙋ вск ꙋ раю боугꙋ. тачію да град возмꙋ. Скендеръ імꙋщи договоръ с петром і сꙋщими во граде. і мꙋщи ізбраних люди, ҂г, мосеа остави ꙋ потаи, на твердом местꙋ, где тꙋрска воска ко градꙋ дигне. и ѿ традꙋ[41] крикнꙋвши[42] ꙋдарꙋ. на тꙋке. такоде вы ꙋчините із град спред.[43] тачію разꙋмно[44] град

(і паки тꙋрци пріѿстꙋпиша ратовати град) чꙋвате. І внегда тꙋци ко градꙋ пошли. ꙋ та час із тайных мест скендеръ ꙋдарил з готовыми люми ꙋчинивши викꙋ великꙋ ѿ традꙋ на таборъ. тꙋрци не могли брзо исправити (292) они кои пошли были на град. вратилиса до воске. а граждане ѿворивши врата градски ꙋдари на них страга.[45] а скенде спред. і тоурци се помешали. і не могли брзо ісправити а наши их били.[46] Скендеръ внегда виде свою воскꙋ трꙋнꙋ дал[47] им знамение ꙋстꙋповати[48] назад где мосе стоял ꙋ потаю.[49] с пеши тоурци боещи потае ако е і не знали не ктели их терати. граждане се целин врали ꙋ град.назимавши[50] много богатства из разных справ[51] тоурских кои[52] носили на град. а поменꙋли бы ѿ страха по градом, когда се вратили а не было за бой ꙋ градꙋ точію ҂аф.[53] окром[54] мещана. тꙋрак наличили по градом ꙋбиеных.[55]

---

35) турци 36) вст. по сем 37) јаже сушчи 38) узели 39) цар Мурат повеле 40) јунаках 41) о траг 42) виком великом 43) вст. ударите турком 44) с разумом 45) у та час сушчи ва граде отворише град и удрише страга на турке 46) побили 47) даде 48) отступити натраг 49) у потаи 50) наузели 51) и различних управ 52) вст. турци 53) вст. јунаках 54) кроме 55) начинили турак побиених

҂д. По се мȣра стоѧ с мирѡ по градо не мало дни. съвѣтȣю-
щи[56] свои що імаю чинити. Скедер восхоте[57] еда бы мȣра — скд ве би се в нош с тȣцй
омрази тоу вꙍскȣ своѭ. ȣдари на тȣрки ноющю[58] по мцȣ. і тȣ и
много поби. бе своє ни мале щеты. а внега сѧ къ бою в нощи
тȣра оправи.[59] скедеръ ȣстȣпи наза,[60] тоу и но поби, ҂г, ра-
нены было двашчи толико. а нши погинȣло, мв, толико было ра-
нены. Мȣра вищи около мале ра[60]ты гȣби лю своѐ многѐ, кте
ѡстȣпи. а[61] да кавȣри не радȣю запоеда па воꙍсци[62] на гра
ȣдаити. Да мȣ що не чи скедеръ доде же гра ѡнъ возме, на-
реди на скедера фериз пау. съ, ҂еі вꙍске[63] да с ни ȣдари. кога
дрȣзи на гра подȣ. Скенде ге[64] то чоу ра тоу бы, і готови сѧ
на фериз пау, ю вꙍска феризова пришла вли скедерове. Посла
фериз па до скедерь бега да ȣдаре они два копиѧми ка два ви- — фериз па позва скедеръ бе на копие
тезови. Скеде ѡповеда въскоре сотвору тако. ишли на поле
ѡбадва[65] где сȣ ȣговорили. но скедерȣ не давали сво глщи воде[66]
еси на не[67] тебѣ за на бити. но[68] на за тебѐ главȣ своѭ поло-
жити тебѣ тачию вꙍскою правити, а на се би, Скедер ѡповѣ-
да, алезадрь вели црь нашъ македонъ[69] гдрь всего свѣта. (об.) — скд ѡповеда свои
би се[70] са с поро црє індиски такоде і рыски кеса чини.[71] і
дрȣзи[72] мнози. а мне чемȣ іма того брани ра ѡчества своє і
вшего. зацю ни са са себѣ роди. но і ва. а неприѧте би реклъ
ѧ се его бою н рєши та слова. Посла до фериз па аще е го-
тов ѧ ю на коню[73] чекаю. Пото изишли ѡни два в[74] поле. сре- — скд бе поразил фериз пау і ȣбил
ли копиѧми що[75] мо конъ скочити, ȣдари[76] га скедеръ[77] ȣ
чело і прошло копие на дрȣгȣю страу. і па с конѧ мртвь фериз.
скедеръ скочи до своихъ. докле се тоуци не сȣ поправили,[78]
да ȣдари на ни.[79] турци граби[80] фериз пау, али[81] мртва і по-
мели. тога скедерь ȣдари на ни.[82] і пало тȣра побиены. ҂и.

56) савјетујушчи 57) хотел 58) ва ношчи 59) вст. тогда 60) натраг 61) но 62) воинству 63) воин 64) когда 65) оба 66) ти вожд 67) вст. и не подобает 68) на ми за тебе да бијемсе и главе наше 69) македонски 70) борилсе 71) творил 72) ини 73) на коња 74) на 75) шчо боље 76) и удари 77) вст. фериз пашу 78) исправили 79) вст. у толико 80) уграбили 81) проп. 82) на тȣрке

живыхъ ухвачено. ,в. і раненых много утекло. тога привегло из турак до скендера і турак[83] (въ рукописи выскоблено) і грк і внега тоуци видели свою несрећу. Почели съветовати що да чине рекли аще не можемо силою то можемо хазною[84] учинити. дигли до дивра друкгаго гракка,[85] не дале сваш гра, і се есть[86] на высоко стенй, в нє же нѣ источные водй тачію вистерна. да в ней во[87] сходесе от покро і даждовь, та гракъ і мето тоуци овсех, і зи провиах. а на то же граков быз сташи петрь выреченый. Послаз до него мурат обещавающи ему велики дари аще ми доброволне граке выречени даси.[88] і все ва дарую ко естъ[89] во град. петръ отправих посли яко і пре, но едннь[90] издавачія. нощію ходиз і научиз их[91] кога і в кое времѧ і на кое место оударе[92] на гра тоуци другоѩко научиз, да убие пса. і въврже[93] во шну[94] воду. и учиниз они окаяны члкъ тако[95] разсеказ пса і коку і въвргаз въ воду, і внега видели граждане. препали[96] везми, і разумели[97] издавцу межу собою быти.[98] советоваз что творити.[99] они говорили да премо доброволне, докле нѣсмо везми цра прогнѣвали.[100] защо без воды быти не можемо. такоде і предателѧ імамы межу собою. видещи петръ протосигез како се люди (293) на зло прекљањају, учи-

мура посла до града петру і ни у граду

о издаци граду

Петар бесједил граждаком.

нил до них тије речи: шчо је слепота срдца и очи ваше ослепила, славни јунаци братио наша, и тако малије ради работи сами себе и град и отачаство свое хошчете врагом отдати, Скендер бега славнаго господара нашего опечалити и Мурата лукаваго непријатеља како змија ва ниједра своја положити. Где е он кому своју ријеч и вјеру своју удржал. но мислил днем и ношчију, како би јад свои на глави ваше пролиал а от вас слободних робове учинил. Гледате добре, како бисмо преко толику воиску ваоружену с миром изишли а кому бисмо могли ва очи от срамоти гледати, ако би нас Мурат са миром и пропустил, али син его Мех-

83) и серб 84) храноју 85) града 86) иже и тои јес 87) вода сходи даждевна от покров домовних 88) продаси 89) јесте 90) вст. проклети 91) турке 92) да удре 93) вст. у бистерн 94) проп. 95) вст. сатвори 96) устрашилисе 97) да имају издавца 98) проп. 99) сатворити 100) разгнијевали

мед проклети и јунаци его нас би мирнех не пустили. Знатели, шчо смо им под Сватиградом учинили, и ешче су им ране незарасле. Веруите ми, за оне, шчо смо им побили, от нас они жртву Мухамету чине: после будемо говорити блеве нису они, кои су помрли и побиени прежде нас, часно се бранешчи от непријатеља своего. Не имам такове трудне работе, от шчо се небих убранил и шчо би нам запрешчал, да града врагу своему отдамо. Ашче ли невјерујете, ја вам молитву на првее над водоју сатвору: ашче води ради град ошчете издати, принесите мње. И ванјегда принесли води, пил Петар протосиггл наипрвее и рекал: от рожденија моего тако пије сладкије води нијесам несам пил, наипаче на таковом мјесте, где се пије слзами наполи смијешано. на братијо оттади се пите ју. Едини пили, а други непили; но рекли: ашче и воду и обидемо, но предатеља между нами сушчаго не наћемо и ничто таино от нијего не можемо сатворит, за нијега незнамо, кто јес. Петар рече: тачију будите вси едину, и знаћемо и предатеља васкоре между собоју.—И почели савјетовати вешчша их половина, да град предаду турком. Петар не давал и моли их велми, да от того зла мисла престану; и не хотели того учинити, но говорили колико нам често тако Мурат посилал и молил, и одржит нам, дондеже га несмо велми разгнијевали. И тако добровољње турком Дабру и град Сват отдали. Мурат мјешчане пустил на поље и да живу у мјесту изван града, (ашче) восхошчут, а ва град турке населил; а син его Мехмед скрежетал на них зуби и ктел их изсјешчи; на ему не дал отац его Мурат, глагољушчи: потребно е на таком мјесте каурину вјеру држати. Скендер, когда услишал тои зли глас, бис ва самушчени и плакал от жалости. И по сем пришли пред њего Дибрани и Сватоградци с плачем и са Петром старешиноју своеју; и ставили појасе на грла своја гологлави и пали пред ним, а Петар оте вини (и)х оговарал. И простил им Скендер бег јако господар мудри, а Петру била вјерна и јасна служба; и даровал га Скендер и са частију до дому его послал; тачију му то зазрели, зашчо упушчавал из града да би кому с турци бесједити, а тем турци на обешчани же и на дарех мудрих лове,

И тако Петар одал Мурату Дабар и Сват град.

Скендер чул о поданију градов и о пришаствију мјешчан и Петру блюстителју.

а не тачију простих, занје у таковој нужде са непријатели глаголати мудрим и стареишим.—И та град ешче би се не предал турком, па била незгода ва граде: не един род ва граде, на различни. Словени то су сербли гречанскије православне вјери, а латини и арбанаси римскаго закона: едни се другиех чували. Римљани ктели вишши бити над словаки, и ва тем бил между ими гнјев: како су ради латини почети оташч славију шаптати ва уши, и високо сједети; али ниско пред турци падају, ашче и много бљедословиа своего пишу, хвалешчесе на васуе. — Утврдивши Мурат град, вадвигсе, поиде ка Дренопољу; пред ним паша Анадолиски, а отрагу паша Романиски, а цар посреде. Скендер их бил от суду мјест ношчију и ва дне, и остало ва Арбани турок побијених .҂л. кроме похватаних; и колико их побијено, когда се Мурат вратил из шаству Цар от Албаније. — Скендер сабрал воиску своју .҂и. и пришал паки вазимати од турок Сват град и бил га велми. И бил на град изашал са оругвоју Моисеи, па пушки и лубарди великих и неимел, как турци, сушчи ва граде, и отбил наших от града са шчетоју нашеју. — Ї въ дрꙋгоѐ лѣто на веснꙋ дигнꙋ҆сѧ мꙋра҃ са до а҆бание, ї҆мѣюци съ собою ї мехмеда сна своего ѿ себе сверѣпѣшаго. ї посла напре ꙋхо[1] да ра҆умею[2] що се ꙋ земли дее вали паꙋ посла пре собою. ї҆мѣюци с собою. ҂м воске, ї ста с воскою по градо крое и есть глава все а҆лбани. но пре того бы скедеръ ꙋкрепи. ї храну нанеса що може бы за цѣло лѣто ї ꙋчини на градо влютелѧ ꙋранакона. ї да мꙋ люди[3] и҆бранны. ҂а, и ѿ. вали па позыва на во градане. но ѡни не кте ї҆сходи. Скедерь при себѣ ї҆мѣ люди,[4] ҂г, и҆бранны, ї запотаи свою воскꙋ на тании ї тверды месте. ї хоте ꙋдари. на паꙋ, али се страга вож велике воске съ црем ъ ї внега цръ[5] прише ї съ сно мехмедо велии стра пока҆ва все а҆лбании, ї стали с воскою ѡколо крое гра ꙗко бы на мерꙋ земле. съ все четыри стране творѧщи игры ї велие. ї ра҆личнии стра пока҆ꙋюци[6] градано. третего дне посла до гра-

Цар Мурат по утврждени града пошал до Дренопоља.

Скендер бег пришал паки вазмути от турок Свати град.

цръ мꙋра па собра во҆скꙋ ї приша до а҆бание

1) уходу 2) да разумее 3) јунаках 4) воиске избране 5) цар и мехмед син царев с великоју војскоју приде, страх велики показа се 6) творешче и приказујушче

скаго блю҃тѣлѧ съ си҃ посаⷣство҃ да́ ми гра҃ преда̀ на добрꙋ во́лю. а̀ воⷥме ѿ менѐ с҃ тисꙋщь аспри҃. і мѣсто межꙋ слꙋгами моимѝ пр́вы҃. а̀ дрꙋги҃ свакомꙋ особни̇е да́ри і доброво̀не до на҃ при̇ти і по̀ти. Блю҃тите҃ гра҃ски҃ не да҃ ни во гра҃ посло҃ вни̇ти та́чїю пре҃ градо҃ ѿправи҃ и҃, і рекли̇ сꙋщи҃ не і̇ще҃ съ цре҃ гл҃ати та́чїю съ ѡ̀рꙋжи҃ звецати. Цр҃ъ мꙋра҃ нача҃ гра҃ би҃ і заповеда҃ мꙋра҃ і пали҃ вели́ке лꙋ҃бради і ꙋдари бити иⷥ двою҃ страна҃ града. і поби҃ иⷥ ни҃ до половине гра҃ски҃ зи҃. тꙋци́ ра҃ующи҃ ѡ̀ плѣ҃ ꙋдари҃ на гра҃ напре҃ пре҃ собою̀ гони҃[7] хр҃тиѧ҃. они҃ сиромаси крича҃ сꙋщи҃ во гра҃, си́лою на҃ го́не не би̇те на҃ б҃а ра̀ди. сꙋщи҃ во гра҃ дали и҃ знаменїе да па҃ю̀ на зе҃ли внега҃ ми иⷥ гра҃ ѡ̀ги̇ пꙋстимо ме҃ме҃ с҃нъ є҃[8] ска́ка҃ на коню̀ ꙗ҃ бесн҃ь женещи тꙋ́ки на гра҃, і ѡ̀бещаю҃ (об.) по ҂а҃, дꙋка҃ кто̀ на пр́ве҃[9] на гра҃ съ хорꙋгвою възꙋдѥ̀[10] блю҃тите҃[11] гра҃ски҃ говори҃ до свои҃[12] і҃ во гра҃. бы҃ во гра҃ латини словени а̀рбана́си. Ни́ща҃ не бо̀те сла́вни ю̀на́ци за́не мꙋра҃ зи҃ ма́ло раⷥби҃ ѡ̀коло на҃. а̀ли[13] вѣрꙋю то[14] срц҃а н҃шего не раⷥби҃ то е на̀твердѣше внегда̀ всѣ҃ на҃ бꙋ́де є̀дїна[15] мысль і мл҃ть і межꙋ нами і сла́вꙋ добрꙋ. а̀ще бы̀мо сла́вꙋ і̀мѣли да на҃ зидо҃ обране, а́ ми̇ ѕиⷣва не брани́мо. при́сто̀нїе[16] і сла́внѣе на҃ бꙋ́де где҃ о̀бра́нимо ꙋ раⷥбїенꙋ гра҃. за́не чт҃ъ всѧ́ка добра коѧ҃ въ трꙋ҃но҃ по҃храни̇. ла́сно̀ є̀мꙋ нꙋ́жꙋ тръпѣ́ти. ко҃ кръмчиѧ неⷥнае҃ во́лнъ мо́рски҃ і кораба҃ погꙋби҃ і са҃ погїнетъ. того̀ ра҃ нека рꙋка̀[17] н҃ше бране҃ си҃ раⷥбїенны҃ зидовъ. да́ ставимо тве́да н҃ша тѣла[18] за славїе зи҃, ка́ко са҃ выше҃ пи́са҃ по хр҃тїане҃. і шли[19] на гра҃ ꙗ̀ничари, по ни҃ а̀запи҃. по ни҃ спахїе. Гра҃да́не и҃ во скоре ѿбили, и̇ много̀ и҃ съ гра҃ поби́ли. па҃ ѿпочїнꙋши ꙋдари́ли на гра҃ съ всѣ҃ стра҃ како[20] пче҃. є҃ни по лѣствица҃ дрꙋги҃ по древе҃ дрꙋги҃[21] по желѣзе҃, є҃ни ѿстꙋпе, а дрꙋги на҃ ни҃ ме́сто пристоупа̀[22] къ гра҃. І[23] гра́да́не витє́ски҃ се брани҃. не гле҃[24] ко҃ мр҃твъ лежи̇ та́чїю гра҃ бра́не. Скє҃деръ видевши ча҃ где҃ тꙋ́рци ба́ве о̀ гра҃, ꙋда́ри҃ на та-

цр҃ь мꙋра҃ по-ла҃ до гра҃

блю҃тѣ҃ ѿпо-да҃ хоще҃ со цре҃ бе҃дѣ҃

---

7) гонешче 8) царев 9) најпрви 10) изиде 11) вст. и видел 12) своим 13) но 14) то јако 15) волја 16) проп. 17) руке наше 18) телеса 19) пошли 20) јако 21) ине 22) приступе 23) а 24) не гледали

скѐдѐ бѐ 8дарих на т8ски тавор

боръ коих нашал по шатаром ісекал. і много богаства 8зел. вившй тоурци що чини оу табор8. оставив гра, а вратили 8 табор, нō съ великою своєю щетою. Видещй[25] хитро скедеров8 Ѡл8чили на него шереме паша съ д, воске, к нем8 присталь і меме синъ црвъ съ своми ѧничари, преко волю Ѡч8[26] въ нега ови 8даре на град. А меме црвъ снъ і шериме[27] да се бію съ скендеро[28] да не поможе[29] граданом. Шереметъ ишал с воскою по гори. А меме сокрил се съ воскою великою. Скедеръ не знал о велико воски ни съ мемедом, (294) оударисѧ со шеремето. а 8 скедера было тачію. е лю.[30] въ са во, ōскочила га 8коло[31] велика воска мемедова. билисѧ обо тоу добре, ю быль конъ скедеровъ 8морил. такоде і са был ве мни тр8ны,[32] напира тоурци що могоу Ѡ вск сил своихъ. єга би жива 8хватили. али га сво бранили витески. і тоу был скедеръ 8 велико бедѣ. подали по него[33] сво др8гаго конѧ.[34] а ю би погин8л, і 8текал[35] скоими бранѧще добрѣ 8 гори. немел га тера[36] ра кое потае, воска его[37] был[38] ωстакил 8 пота, не ведал[39] о не нища к8де обратил. і был скорбни, і внега пришел вели был о не. і чюли сѧ єго юнаци, єго смѣло, і говорили м8. никога нѣси тако несмысално починал быти како нѣ[40] был почелъ. въ[41] таково велико биткѣ волше не 8тратил, точію, г. юнака добры кои ве мни жалил.[42] Меме жалил защо[43] л8до 8п8стил скенъдера. Ѡложил на гра не іти тоурци до ѕ дни. І в те дне гражаніє заправили[44] он8 дир8 що были т8ци побил.[45] Пакї ѕ го дне погнал тоурци пре собою на град сиромах хртиѧне, єга[46] бы сѧ градане 8морили биющи их. за нима шли т8ци въ[47] справи готовы. а ко сиромахи[48] не тели[49] м8чил.[50] их і били. та 8 них ωбычаи свако[51] гра. на пре хртіѧне свое жен8. аще кто[52] не

црь м8рат Ѡл8чил на скендер шемет па, а снъ его мемет с вои воиско на скендера

скѐдѐ бѐ бил се с мемет црером сно і єга 8тиклъ Ѡ него

црь м8рат за повеца на град т8ко

---

25) видевши 26) преко воље оца его да 27) вст. паша 28) Скендербегом 29) да не може помоћ 30) јунак 31) у колико 32) се уморил 33) јему 34) други кон под него 35) са 36) вст. турци 37) скендерова 38) коју бјеше и оставил 39) не знали 40) јакоже нивја 41) ва таковом великом боју тачију изгубил 42) син царев 43) тако лудо 44) направили 45) провалили 46) једа 47) на 48) вст. христиани 49) ити а турци 50) проп. 51) свакого 52) ашче ли котори

хо́щеⷮ го́ше га̀ мѸче неⷧ҇и непріѧ́телѧ своеⷢ҇о. Скоро иⷯ҇ гра́дане Ѿвили Ѿ граⷣ҇, и иⷥкочи́ли иⷥ иⷥ граⷣа, х҃. оу҆ ѻ҆копеⷯ҇ поби́ли і҆ посекли̇̀[53] тоу́ке коⷤ҇ е҆ще ѻ҆коло граⷣ҇ стоѧ́ли, а҆ теⷤ҇ се тоу́ци веⷧ҇ми престра́шиⷧ҇. За́поведаⷧ҇ мѸраⷮ҇ еще до и҃ дниⷨ҇ не і҆ти на граⷣ҇ воⷪ҇сце. Но меⷨ҇меⷮ҇ сн҃ъ црвъ ѿко бѣсанъ. паⷦ҇ запов ѣдаⷧ҇ всѣⷨ҇ і҆ти на граⷣ҇ иⷥмаⷮ҇,[54] а҆ще кто̀ не поⷣде гроⷧ҇оⷨ҇ плаⷮ҇, і не престающи граⷣ҇ рваⷮ҇ веⷧ҇ми. ноⷥ҇ како безѸмно чиниⷧ҇, таⷦ҇ мѸ (об.) і҆ бы́ло, тако мѸ поⷣбыли. много граⷣда́не воⷪ҇ске лежа́ло ѡколо граⷣ҇ ѿ кѸпе сена. виⷣеⷱ҇щи̇̀[55] мѸраⷮ҇ заповедаⷧ҇ Ѿстоу́пити Ѿ граⷣ҇ а҆ли̇̀ съ щетою.[56] Скеⷩ҇дерь Ѹслышаⷧ҇ зане[57] поби́ли граⷣда́не тѸроⷦ҇ ҂а҃ весеⷧ҇ с теⷨ҇ вести быⷧ҇. Меⷨ҇меⷮ҇ сн҃ъ црвъ, съ сефери̇̀ бе́гоⷨ҇ ре́кли да и҆щѸ скенде́ръ бега. і҆ли да га̀ Ѹбію і҆ли̇̀ жива̀ Ѹваⷮ҇ потоⷨ҇ лаⷣно всю а҆рбанію воⷥмемо. Оу҆ходе і сѸжниⷨ҇ коⷤ҇ оу҆текаⷧ҇ Ѿ воⷪ҇ске тоу́ске все скеⷩ҇дерѸ сказали̇̀[58] що тоу́ци̇̀ мыслетъ. Того раⷣ҇ скеⷩ҇деръ пребраⷧ҇ добре витези̇̀, Ѹдариⷧ҇ на е҆ди́нѸ страⷩ҇Ѹ шатора̀ тѸски, і҆ щетоу иⷨ҇ велйкѸ поделаⷧ҇.[59] ѻ҆гнѧ̀ на́метаⷧ҇ лю́ди побиⷧ҇ шато́ре попа́лиⷧ҇. тоу́ци се Ѹстраши́ли не знали̇̀ що да̀ чине. і҆ всю̀ но́щь стоѧ́ли готовы на боⷪ҇, і҆ того̀ ра́ди заѸтра збира́ласѧ воⷪ҇ска, Ѹ блиⷥ҇. і҆ лоу́бада́ми и҆ Ѿгра́ли Ѿвсюдѹ. мне́щи на всѧ́кѸ но́щъ скеⷩ҇деръ бѸде[60] при́ходиⷧ҇. По тоⷨ҇ на̀редиⷧ҇ мѸра́ть сиѧ́Ѹшъ паⷯ҇. і҆ даⷧ҇ мѸ, ҂ѕ҃і лю́ди.[61] да і҆ще скенде́ра, і҆ да̀ га̀ Ѹхода́ми Ѹхоⷣ҇. е҆гаⷣ҇[62] бы га ка́ко моⷢ҇ь і҆ли̇̀ Ѹбиⷨ҇, і҆ли жива Ѹхва́ти̇̀.[63] за́що докле ѿ жи́вь граⷣ҇ і҆ зе́мле не Ѹⷥмемо. а҆ли̇̀ сиѧ́Ѹ не смѣль Ѹ го̀ры поⷪ҇ти̇̀, гдѣ быⷧ҇ скенде́ръ. «ЧѸвши̇̀ скеⷩ҇деръ за̀ не і҆де тоу́коⷨ҇ хра́на Ѿ македоⷩ҇ние. заскочиⷧ҇ иⷨ҇ во го́ри̇̀ і҆ Ѹзелъ все̇̀ виⷣевщи[64] мѸра́ть храброⷢ҇ граⷣдань, кроеⷥ҇ски, заповедаⷧ҇ таⷧ҇но копа́ти поⷣ҇ гра́доⷨ҇ иⷥдалека̀ е҆граⷣ҇ бы поⷣ҇ граⷣ҇ праⷥ҇, засы́пали граⷣне не могли̇̀ въскоре Ѹвѣдиⷮ҇, що тоу́ци чини́ли, за́що преста́ли быⷧ҇ граⷣ҇ биⷮ҇. то́чію прехоⷣ҇ли поⷣ҇ граⷣ҇ въ поⷣцеⷨ҇ да̀ се граⷣда́не не довѣдаю̀[65] що ѻ҆ни̇̀ копа́ю̀, во е҆днѸ но́щъ і҆ско́чиⷧ҇ граⷣданъ неколико і҆ побиⷧ҇ страⷩ҇Ѹ тѸрскѸ, і҆ ѿнѸ спраⷩ҇Ѹ показаⷧ҇. і҆ па́ки Ѹте́кли, во граⷣ҇. і҆ навешаⷧ҇ по зи́дѸ граⷣскомѸ меⷣ҇ница

Ѿръ мѸраⷮ҇ послаⷧ҇ скеⷩ҇деръ бе і҆скати

скеⷩ҇де бе Ѹзеⷧ҇ храⷩ҇Ѹ тѸрску

53) исјекли 54) и зимати 55) видевши 56) са тащетою 57) јако 58) казали 59) учинили 60) будет Скендер бег приходити 61) воиске 62) еда би 63) ухватити 64) видевши 65) не домисле

звоно҃[66] прапорѧ́ца бро҃зѝ ме́дѝ. да ꙁ҆вечитъ кога҃ тоу҆ци бꙋ́дꙋтъ копа́ти (295) и да чују, на коем мјесте копају, да против их и они из града копају. Скендер Бег умисли да се с' турци удари, ако и мало било са ним против великој воиски турскои. Скендер Бег имал воиске ҂ѕі и раздели их на три полка: један полк предал Моисеју, други Атанасију, трети сам правовал; у шаторех оставил ҂сі пјешац и знамение учинил ва своих, когда ударе, да говоре: свои! свои! да се знају говорити турским језиком, уклањајушче се од средини от топов, где цар лежал: велик страх тием обичаем между турци учинили и почели се турци сами бити между собоју: не ведеше, с' ким се бијут. Моисеи и Атанасие добре на турке ударил са своими полкови. — Али Скендер травил на велблудех и не велику шчету он турком учинил ва људех, тачију ва копјех и велблјудах: изишли наши ниединје шчети ва људех имушчи: и ванјегда дан бил били турци до сараженна готови, показал се им Скендер са своеју воискоју. Погнали турци за ним, хотешчи се бити са ним; но с'друге стране видели Моисеја, а иде с'своими полком до Скендера. Тогда побјегали турци назад, а наши их били и сјекли на милју. Тогда се воиска турска устрашила тако велми, да не знали, шчо би учинит:—поити назад немогу от срама, а друго се бојали, кад би се вратили, да их воиска Скендерова не побие на тврдих мјестех. И са лукавством послал Мурат грацкому бљуститељу дари многоцених глагољушчи: того ради сие дари аз посилају тебе, не да ми града отдаси; но занје ва граде храбре се браниш и своему граду верно служиш. — Рекал Уранакон, јако дари возму не того ради даби их имел чим дари одарити, занје не имеју; а ни того ради шчо ми хошчемо ради нас то да учини. Питали га турци, чесо ишчет от Цара; рекли да иде от зде, дондеже его смрт не умори под градом нашим, занје цар Мурат уже ва болезн вапал. Слишешчи то Мурат от јарости ва вешчшу болезн паде и глаголал своим другом јаже на ме пришал бич божи, зашчо сам малаго непријатеља своего за мало држал,

Скендер Бег ударил на турке.

Цар Мурат послал ка градском бљуститељу дари.

66) звонцах, прапорацов, бронзи

егоже хошчел есам бичем бити, али се не дал.—Наше между собоју савјетовали, глагољушчи, шчо да сатворе, и усаветовали три: први или граждане гладом уморити, или Скендера искати а опскочити га ва горах, или харач вазети от него и поити до дома. И рекли васи: добре от него харач вазети, али га нехтел Скендер дати. Мурат, видевши смрт своју близу, сазвал свое раднике и савјетник своих, учил их да будут послушни сину его Мехмеду. и јего учил: за мало да не држиш наиманшаго непријатеља, видешчи, шчо се мене учинило. Узел есам Асиу гречаскују земљу и ва Италии гради велике и тврде; Угре и Сербле и Блгари васи сут нам послушни; и неисчетно богатаство, господства множаство и мало не васе отгоствовали (?) јесми; није же придох на сего разбоиника подхрањеника моего. јего ради имам душу пустити. ашче би его небило, могах до инаја все угарско краљевство вазети, и сами Цариград бих узел, ашче не би си злодеи на мое зло устал; отого ме било страх, докле ми е дететом служил; тебе же, сину мои, Бог и Мухамед поможе на сего Скендера, и непрестаи его воевати, дондеже потребиши от земле памет сего пса.—Потом мало бил жив, псохисал, и с' шумом ему памет под Кроем градом ва Албании.—Мехмед од жалости и радости от царсте отступил от града; тело мастми помазано до Витинии на погребление повезено.—Други пишут, да су га жива повезли до Дренопоља и тамо зле умри.—По том Скендер пришє[67] до кроѧ гра. и дочекали великою радостїю чїли келїе и ра͗личне їгри. жены ї дѣти кои были ра͗бежа по поморски градове. со радостїю пришли ꙗко овце ко пастирꙋ свемоу. пото ꙋранокота блютитела кроѧского[68] дарова. за вѣрнꙋю его слꙋжбоу в лѣто, ѕцзѯа». Мемє црь дрꙋги ѡсмы ѿомана. повоевавши всю траки ѡбседалъ цригра морє и соухо. во неїсчетными стлпъ великь древень содѣлавши на цриградо вышши ѿ гра в не же стрѣлбоу великоу положивъ. мо ѿ галати сотвори. ї преса велики ї веригами морскоу ѿтокоу и͗преплета межꙋ галато, пропоненикъ на восци

скєдє пришє до кроѧ гра

црь мєме повоева тракїю

67) пришал 68) своего града Крое

Црь костатин проси помоⷱ ѿ лати, и не полѹчи

непрестанно вопилъ.[69] покизатесѧ крѣпко тоуци брацо моѧ. аще бъ да і сты мѹхаме, і гра во⁸мемо, все богаство иже в не воудемо ва ра⁸делити. Црь костатїн палеѡлогь ѡригра̑ски, аще імеⷯ лю много во гра і богаства. но люди страшливи, і воньствены борба не привыли. Посла⁸ црь костантинь до латиске где, молѧще и со плачеⷨ га[70] ба ра о помоћь, ѡни то ни во что не въменили. еще томѹ ра были. костатинь ни ѿкоу помощи не полѹчивши. ѡни ни ѿкѹдѹ помощи не імѹщи. во⁸дыхающи со горкиⷨ плачеⷨ, і съ слезами гѹ бу глщи. вижь бѣдѹ нашоу. гй вижь. і посѣ на сⷶ помощию своею. кромѣ во твоеѧ[71] помощи. іное не імами. носѧщи по стена граски, іконе. сщнници. і архиере, і патриархъ, црь же со ве⁸моми, люди по стена граски редили. Тѹрци всѧ рана на гра, наготовавши,[72] (об.) заповеда⁸ поⷭ на ве днъ. і внега сѧ днъ преклони⁸ къ верѹ. і ѧли хлѣбь. и почели еди со дрѹгиⷨ целовати. ꙗко би ѹже не імоу виⷣти на заѹтриѧ. ѹдари⁸ на гра съ всѣ стра. но и воскоре ѿби⁸ гражане на заѹтрие на гра пѹсти со всѣ страⷩ, і ве днъ до нощи рвали і ничто не ѹспѣли ѿстоупили і со великою щетою. занеіже множство во рове ѡстало мртвы. і стоѧли въ мирѣ, ѕі дни. потоⷨ они столпь древены приближили нощію бли⁸ сте граски[73]. і великоу щетѹ чини в люде і доме зане тога во граⷣ не было еще велики стрⷧве окро мали ранили тоуци и⁸ пѹшки деѡфила грька. тако іва срⷭба ѿ да⁸мати. на ни же двою ѡбои всѧка[74] ѡбрана граска стоѧла. зане были тые два храбри.[75] ве⁸мони.[76] виⷣвши грьци те падение почели ѿ пригра во гра оутека і тоу во врате костантинъ црь ѹгнете ѿ народа і ѹмрⷧ ѡвщи же лю воскочивши на стене граскїе, со женам бранили гра неколико нелъ, тоуци виⷣщи во граⷣ ю се не крѣпко бране, і жены гласы і вопли плакали, тоуци си⁸не гра рвали, ѿ всѣ страна. і вошли во гра. лю поселили, мало не всѣ, і много противъ боу чинили що не ⁸⁰стои писа. во ꙁ̃ дне гра взѧ, в лето ,ѕꙋ̃ѯа. мца маа, кѳ, днь,[77] Црь

69) вапијал 70) глагоља 71) тебе 72) вст. мехмед 73) стени грацкие 74) велика 75) велми храбри и 76) вазможни 77) вст. а цара ва кои ден

мѣмѣ послаⷯ до скендера да данъ даст,[78] скедеръ не ктеⷯ дати, і послаⷯ цр҃ь мѣмедъ. ѡмер пашꙋ, со ,л҃ воске, до епирꙋ. ꙋведеⷯ[79] скендерь ізышаⷯ противь и до новага места на гора глемо модра.[80] Ѿтоудꙋ пꙋщали лоумварди і гла давали, скедерꙋ кога тоуци ідꙋ до ни (296) зане сие мѣсто было на пꙋтоу. скедерь потаиⷯ свою воскоу по долина по горами. где се тоуци воске не надѣали. оудариⷯ на ни[81] і прегнаⷯ і во тесна мѣста, і ѿсѣдали с коне и бранили пеши, скедерова воска стрелѧли и како птиц.[82] дрꙋзїи же съзади заскочили і живы похватаⷯ много, іже мѣме после ѿкꙋповаⷯ, і па дрꙋги демирь[83] с воскою, Дрꙋги демирь паша за првы ішаⷯ. али[84] не ктеⷯ в гори вни́ти. і чекаⷯ на полю со ,м҃ воиске.

мѣмѣ цр҃ь по ꙋзе цр҃игра послаⷯ до скедебега

Скедерь бегь воскꙋ свою на троѐ раⷥделиⷯ, і ꙋдариⷯ се с ни і равно се биⷯ за но. Поⷥваⷯ демиръ скендера на копїе. да се ѿ два бию. і внега се оударили копїѧми, ꙋгодиⷯ га скедеⷬ ꙋ ѡчи і ꙋпаⷯ[85] с конѧ демиⷬ тоуци га восхиⷯ, мнели жи ест али[86] быⷯ іⷥдахаⷯ. тоуци почели мешаⷯ[87] пши на ни[88] і поразиⷯ и до конца. мало и ꙋтекло, і великꙋ корыст ꙋзели албани въ то днь.[89] Скедерь бегь послаⷯ до кралѧ анапꙋⷯскаго аⷯфос просещи[90] ѡ помощь на тоуке. И видеⷯ скендер бегь зане ѿ ба імаⷯ помощь,[91] послаⷯ до апꙋлие до кралѧ аⷯфиса фердинанда зане съ ни імѣⷯ велїко дрꙋство, млѧщи его да моу послеⷯ помощь еже би вьзеⷯ[92] ѿ тоура беⷯгра и есть во аⷯбани. писаⷯ[93] скендерь[94] до кролѧ[95] ꙗ добри соу латїни по граⷯови на възетїе,[96] ѿписаⷯ краⷯ[97] латїни лѣпше съ женами іграти, оумѣю нежели[98] грады возимаⷯ, і послаⷯ мꙋ краⷯ пꙋⷯски. ,г҃ лю[99] на помощъ. Обсеⷯ скендер бе гра,[100] і почели га рва крѣпко, тоуци възели[1] мирь, до мца дни, съ скендеро а ꙋ те, л҃ дне, послаⷯ[2] до мѣмеда цр҃ѧ. глщи, аще на не раꙋеши ꙋ мцоу. гра не можемо одръжати. скедеръ (об.) того

і паⷯ скедеⷬ биⷯ демиⷬ паꙋ і воⷯскꙋ тꙋскꙋ

78) но 79) услиша 80) мокра 81) им 82) јако птице 83) вст. паша 84) на 85) паде 86) а он бил мртав 87) сметати 88) вст. ударили 89) вст. потом 90) проп. 91) того ради писа кралју у Напулију Алфонсу Фердинанду 92) вазети 93) пише 94) вст. бег 95) кралју 96) на вазетие градова 97) вст. Скендер бегу 98) вст. от турок 99) воиске 100) бели град

1) вст. от Скендера 2) писали

цръ мѣмѣ послаⷧ сефѣ бѣ на скѣдера

не ве́деⷧ. Оувѣвши мѣмѣ цр҃ъ ѡ̀ сѣ. воскорѣ по̑лаⷧ сеферъ бега̀. на помощь беⷧграцемь, со во̑скою вели́кою и̑ похвати́ли стра̑ѹ скенде́рбековꙋ. и̑ беⷥ вѣ̑ти зашлѝ в тиⷧ скѣдербега по̑ белгра̑[3] оу

поразили тѹ́ци скѣдеровы лю̑

гра̑ послаⷧ к та̑ сказати ѡ̑ прише́ствїи дрꙋги̑ тꙋра̑ оу̑дарили спре̑ белиграци скѣдерꙋ. а̑ с ти́лꙋ па́ша со во̑скою пришѣши поби́ли скѣдерꙋ, ҂е̑ люди̑ ма́ло і̑ са̑ не поги́ноуⷧ кои̑ веⷧми жаловаⷧ, ѿ жало́сти ꙋсне зꙋби раⷥкрова́вивь. за́що та́ки̑ ѡ̑бычаⷧ оу̑ е̑го быⷧ. паки̑ собравши̑ не даⷧ и̑мь[4] покоѧ дн҃е̑ і̑ но́щїю, оу̑биⷧ скѣдерь своїю рꙋко̑ са̑чака барака. и̑ ю̑ но́щь би́твоу[5] ра́ста́вила того̀ дн҃е :·

мо̑сеи ꙋтѣ до тꙋракь

Пото̑ сеферь бе́гь чи́ниⷧ. весе́лїе, со ѡ̑нїе побѣ̑, и̑ послаⷧ гла́ви о̑дране мѣмѣ цр҃ꙋ о̑ни̑ хр҃тїа́нь побиены̑. Мо̑сѣ кога са̑ ви́ше на много меⷭ҇т поменоуⷧ іⷥдаⷧ тога̑ зане ꙋтекаⷧ до тꙋра̑, Скенде́рь послаⷧ ѿкоу́пь за соужнѣ. не ктеⷧ взѧ́ти тоу́ци, а̀л(и) и̑ ѡ̀дра́ли на мехи̑ живы̑, і̑ насыпаⷧ кожѥ̀ пле́ве, па́ки и̑ ѡ̀блачили до-

цръ мѣмѣ послаⷧ воⷧскꙋ на скѣдера

нели же померли̑ та́ко и̑ мꙋчено,[6] Пото̑ цр҃ь мѣмѣ послаⷧ мо̑сеа̀ с во̑скою, до аⷧба́нїе, і̑ ѡбѣщаⷧ моу вели̑ да̀ри а̑ще скенде́ра ꙋхва̑. Скѣдѣ бѣ поразиⷧ тоу́ци которого[7] скѣдерь поразиⷧ. е̑два̀[8] са̑ ꙋтеклъ, Того̀ ра̑ мѣмѣ і̑ всѝ па́ши е̑го воⷥненави̑ли. ви̑щи мо̑сѣ бѣ в[9] ненавести̑ ви̑вши подобное вре́мѧ, оутекль[10] па́ки до

мо̑сеи ꙋтѣ паки до скѣдера

е̑пїра. и̑ мл҃иⷧ[11] съвѣтнико̑ скѣдеровы̑ ꙗ̑ко да презри̑ престоупле-нїе е̑, і̑ пришаⷧ свеза́вши ѡ̑бѣ рꙋцѣ. і̑ воⷥложиⷧ поѧ̑ на гр҃ло, нагою[12] главою, і̑ паⷧ пре̑ нога́ми скѣдеровы̑ проси̑ проще́ниѧ. е̑же

сестрена скѣдеровь амеса ꙋтекь до тѹро̑

і̑ полꙋчи̑вь быⷧ мꙋ скѣдерь веⷧми ра̑, Воскорѣ пото̑ преⷧсти́ли тоу́ци да́рми̑ і̑ ѡ̑бещани̑, амесꙋ сестре̑ца[13] (297) скѣдерова. і̑ ꙋтекль до тоу́ра̑. і̑ ѡ̑бещаⷧ мꙋ. а̑ще ꙋбїемо скѣдера тебѣ̀ да́мо всю̀[14] кнѣ̑ство аⷧбанаско. зане нѣкого̀ въ родꙋ твое̑ блиⷥшаго ѿ тебѣ̀ скѣдерꙋ нѣⷭ҇т. »Цр҃ь мѣмѣ послаⷧ поса̑ти а̑месꙋ на кнѣ̑ство аⷧба̑ское. Того̀ ра̑[15] па́ша пошаⷧ с великою во̑скою до аⷧбанїе[16] да

---

3) са великоју воискоју турскоју и послал сказати о пришастви других турок гражданом на помошч и граждани спреди а Сепер паша сазади ударили на Скендера и побили му воиске ҂е̑ и ту војску своју побиту Скендер 4) турком 5) битку 6) мучили 7) колико их 8) вст. Моисеи 9) себе ва ненависти у турок 10) утече 11) и молисе савјетником скендеровим 12) откривеноју 13) сестреника 14) все 15) того ради занје ти вса радосте ближаиши еси Скендеру 16) вст. послав цар Мехмед

поста́ви а̑месꙋ на кнѧ́жество а҆лба́нское.[17] за́не се[18] па́кы бы҆ потоу́чи҆, і҆ ве҆ ѡ҆бычаⷯ і҆мѣ҆ тоу́ски. Оу҆слышевши то̀ сꙋ́се скѐдерови. кн҃зви словеⷭ҇ски, послали̑ скен́дерꙋ помо́щь. «І҆ пора́зи҆ паⷯ а̑месоу̀ жи́ва оу҆хва́тили. і҆ посла҆ га скѐдерь до пꙋ́ле[19] кра҆лю̀ а҆фн̑сꙋ на вѣ́чно сꙋжа̑ство. І҆ побиены̑ тоу́ра̑ тоу ѡ҆ста́ло на ра҆вѡ̀щи, к҃. кро́ме сꙋжа̑ що похватали. і҆ ра҆слали и҆ скѐдеръ всѣмь кра́ле̑ хрⷭ҇тїа́нски̑ во́дарь. на се̑ би́тве[20] па́ки мо̀се̑ вели́ко хра́борство показалъ. і҆ да҆ мꙋ̀ скен́дерь гра̑ да̑ни̑ дабръ·: По се̑ посла҆ скен́дерꙋ ц҃ръ ме̑ме̑ і҆щꙋщи межꙋ̀ собою ми́ра до два̀ лѣта̀ і҆ ꙋчини҆ емоу скѐдерь на волю̀.[21] Кра҆ анапꙋли̑ски̑ проси҆[22] скѐдера̀ на помо̑. По́то̑ посла҆ кра҆ а̑напꙋли̑скїи, і҆ ѡ҆ ра́бе своѐ да при̑де̑ до пꙋле, к немꙋ скѐдерь. зане в ти̑ д҃ни воева҆ фра̑ци кра́лѧ пꙋ҆скаго.[23] і҆ моли҆ скѐдера при̑ти емꙋ на помо́щъ. сво̑ми пр̑вѣшими̑ ви́тези̑, і҆ поше҆[24] скен́дерь до пꙋле на помо́щь кралю а҆фо̑сꙋ. со ҂е҃ во̑ске своѐ. і҆ порази҆ фран́цꙋзи три́щи. доне҆ли̑ почели̑ ꙋ кра́лѧ смїре́ниѧ проси́ти. І да҆ мꙋ кра҆ за то витѐство. сїѧ̀ ме́ста. въ а́пꙋлїе, мо̑те̑, гаганию ве҆пе҆ве҆пїю си̑по̑. ба́рь. съ всѣми дохо́ды кроме що мꙋ надава҆ сребра̀, і҆ зла́та і҆ па̑церо̑, і҆ коегоже ви҆[25] во̑ дарова҆: Оу҆си҆ дво҆ лѣте҆, ц҃рь ме̑ме̑, мно́го гр҃ьⷭ҇твии҆ ꙋ҆зелъ. (об.) во ср҃бли҆ і҆ во і҆та́ли̑. І҆ внега̑ с҆мїренїе и҆зишло посла҆ си́нань па́шꙋ съ к҃ лю̑[26] до а҆ба́ние земли. і҆ хасанъ бегь со л҃, лю̑ да га докон́чаю̀.[27] Скѐдерь то чоу҆[28] посла҆[29] і҆ собра҆ ҂ѳ҃ во̑ске і҆ заскочи҆ сина́нꙋ на пꙋ̑ гдѣ̀ кте́ла̀ во̑ска проити. в го́ра҆ гл҃еми҆ мокра̀. і҆ таѧ́ли̑ неколи́ко д҃ни̑ внега̑ тоу́ци пришли ꙋдари҆ на ни҆ ма́ло и҆ са сина́но̑ оу҆тѐло» Тако̑ і҆ хан́са[30] бег ꙋчини҆, на горе гл҃еме̑ о̑кри́да на̑ ни̑ же оу҆чини҆ мл҃рдїе. внега̑ е̑го ѡ҆бскочили нощїю в гора҆[31] с во̑скою̀. не могли ни на ен̑ꙋ стра̑у ꙋтещи̑ тоу́ци. со ен̑е стра́не были стене великѐ со дрꙋги скѐдерь с во̑скою і҆ стре҆бою̀. ꙋдари҆ на ни҆ і҆ порази҆ и҆ много, и самого хаса̑ бега ра́ни҆[32] въ десно рамо. Ви́-

скѐдеръ бе҃ порази҆ паⷯ

а̑месꙋ оухвати҆ жива

ц҃рь ме̑ме̑ помири҆ скѐдеро̑ на к҃ лѣта

скѐдеръ бе҃ приша҆ кра̑у на помо̑ поразилъ френце

ц҃ръ ме̑ме̑ посла҆ сина̑ паⷯ на скѐдера

скѐдеръ бе҃ порази҆ сина̑ паⷯ і҆ па̑ сх҃і са̑ бе҃ на̑ хасано̑ мл҃рве

---

17) вст. тога ради паша пошал 18) вст. Амеса 19) у Пуљу 20) на сем боју 21) вст. ва то вријеме 22) послал своего до Арбаніе к Скендер бегу да придет просешчи к нему Скендер бег до Пуље 23) вст. Алфонса 24) поиде 25) егових 26) војске 27) скончају 28) слишав 29) проп. 30) Хасан 31) во градех 32) ранили

девшй хасань погибе свою възапи ко скедер8. ѿ скедеръ ве гдѣ си брате посл8ша на кого ідешь і на кого си сво мачъ нагото-вил наги. ве і знаю добре правдою вся чини. і того ра бъ тебѣ на нами витество дае. но то ено памета ѿ мене. да і ми тебе слови своими поразимо. Защо смо 8 зло 8па. а то теб б8 по все свѣте похвала і слава. аще на поусти доброволне излети со ѡвыми ѡставшими юнаци моіми. того ра млю тя брате. дар8 на живо лѣпша ти хвала боуде. нежели да пор зи велік8 воск8.

скедеръ ве беседи свои Скедерь ѡбратися до свой река и нѣст гошаго яко несрѣща. нищо др8го на восци не треб8е како ѡстро8мие. каково веліе імамы поразивши. како веліе слова говоримо, а нинѣ ѥсмо поразили ѡны остато тр8ро мление і плаче и: I заповеда і приша хасан бег, і възе га скедеръ за р8к8, і река не бои дне ра би єси на словы [33] своіми. і заповеда да га чтно ѿвед8 на ста і да м8 ране ѡвежоу. (298).

х8сеин порази Третіа войска ѿра [34] ішла. і не оумыше ѡ прві що и ста ѿ скендера. се справова х8сеинь бегь. чоувши ѡ ни скедерь.[35] кара ве іде до епр8 заскочи и і порази и едва х8сеи бегь 8теклъ. Пото кара бе па анадолски члкъ стары і сл8га м8рата цря вѣрны, і некога бывши др8гь скедеро. і спроси 8 меме цря да га пошле с воскою на скедера, і помсти се крови нше тоускіе на скедеро,[36] і скеді говори свои пола црь с ни. ,н, лю [37] до епір8. Скедерь то чювши ре до свои боіше ме стра его старости нели юнаства іли веліке воске защо м8дрость много мо 8чинити. но істіни8 ва братіа глю, не са га мла бож. а на старост ни мало. собра скедерь воск8 що наболші мога знающій кара пашоу [38] восце промысльнаго.

скеді ве порази и Посла кара [39] напре ,д, воске во кра македоскіе земли. да засед8 тене п8тове. ге хотела воска проити.[40] Заскочил ѿ трау [41] скедеръ на ни. и поразиль и. По се са карачь паша прише с кара па посла скедер ве да бию воскою велікою, і па на мѣстоу глемо лина. Посла до [42] скедера глющи да ся 8даримо юначкй на полю а не како ра бойниц-

33) словеси 34) отрагу 35) вст. бег 36) на Скендера 37) войске 38) бега 39) караж бег 40) проити 41) острагу 42) ка Скендеру

ки̑[43] по пѹтове̑. Рекль скендерь лѣпше бы ми было лежати в̓ бо̑ници меду бо̑ными і бабами нежели въ восце. і наготови̑сѧ скѣдеръ с ни̑ оударитисѧ. али[44] в тые дни іша̑ дажь за г̑ дни, і дне̑ і ноціїю непрестающи. тоуци вси стоѧли у водѣ ӕко в рѣ̑цѣ і сх̑оли на бр̑ѣ[45], пото̑[46] ноціїю до дома ничего не сотво̑рши скѣдеру. Виции црь меме̑ зане скѣдеру воскою[47] не мо̑ ниціа, поче̑ лукаство̑ уходити посла̑ до него посла со дари велики̑ сов̑ѣтуюцти его како е ѿ на̑ еще за ѿца моего мурата ве̑коу любо̑ име̑, і ны̑нѣ нека любо̑ мою не ѿражае̑ ѿ себе, не буде ѿ мое любве ему̑ щети никакове. аще мене ра̑ то учинишь да ми воскоу во̑но пустишь преко а̑ванїю до венѣски̑[48] градо̑, друга (об.) коупци мои во̑но да ходе до а̑ванїе. а твои до наше̑ царства і̑ ра̑ до̑вѣрного слова[49] межу на̑ і приѧте̑ства. да ми даси івана с̑на своего въ закла̑у. і научение̑ все̑ наукь где си̑ і ты училъ і са̑ во̑но тебѣ боуде кога̑ восх̑ощеши до на̑ прити ничесо̑ боеци̑ ѿ на̑ кога̑ ти во̑ни̑ лисгь да̑ црки̑. а саблю свою црк̑ую во̑вращу на всѧкого твоего неприѧтелѧ. що са̑ бы̑ на тебе за твои̑ нера̑умие̑[50] ѡбрати̑, пи̑[51] во црigра̑ ѿ х̑ва ро̑, ле̑ а̑ у ѯ̑ а. Гюра̑[52] кастриѡтови̑ воінь[53] х̑вь кне̑ арбанаски̑ мемеду цру туско̑ і про̑. Пише̑ до на̑ меме̑ воспоминающи̑ прежну̑ю любо̑ нашу межу нами кою аще бо̑му ѡбновление боудетъ[54] межу нами во̑ше пр̑вїе. і ӕко соро̑ничество межу на̑ буде̑, еще пише̑ ѡ пропуценїе[55] до венѣского г̑ртва того не мо̑гу учинити зане с венеты имаю приѧте̑ство і клѣву. еще[56] пише̑ о купце то[57] мо̑мо учинити. пише̑ о[58] с̑на моего івана, то̑ единаго имѣю, то ̑нѣ да учинити ѿчѣкаа[59] м̑ть кою има̑ къ с̑ну наипаче мла̑ога да ѿда̑ по чужи̑ руках̑. ѿ прси м̑тре свое г̑ь того да са̑ чюва.[60] і ӕ са̑ бы̑ у мурата ѿца твоего зна̑ всѧ тамошнѧ. еще ми пише̑ еже бы̑ пришо̑ до тебе бе̑ всѧкого сумнениѧ. і то бы могло бы̑, аще бы

скѣдѣ бе хо̑тѣ̑ учи̑нити нево̑ѣ его

кара̑ па̑ утѣлъ

црь меме̑ посла̑ до скѣдѣ бе дар̑и

гюра̑ скѣдѣ бе ѿпиль меме̑ цру

43) разбојнически 44) на 45) брда 46) вст. побјегли 47) проп. 48) до венетинских 49) и за радост вернаго слова 50) за твое неразумие 51) писано 52) Георгије Черноевик Кастријота Ивана син 53) Исус Христов 54) въ рук. повт. куді 55) пропущенију 56) вст. ми 57) то е мучно сатворити 58) за 59) отчинска 60) сачувај

Имѣх постановение и ѹрежение въ доме[61] воиства своего, зацо не сѹ привикли празны лежати. да спокоѧ въ лѣност не вънидѹ. и в порабощение, пис[62] въ шатори во епирѣ. Видѣвши[63] мемет его[64] ѿпис. Писах паки до скендера, и послах мѹстафѹ давши еѹ лист съмирениѧ до коего времена. съвѣтовах се скендеръ съ своими аще вомѹ съмирение съ тоурци изволит быти с тоурци во смирени. дондеже се[65] члци ѹтрѹжени честми воска (299) и спокоје и покрпе. И ва тем между собоју утврдил мир; и држали мир обои ва покоју не мало време, на турци граничии чинили шчету Скендеровим људем. Сказал Скендер Мехмеду Цару, заповедал Цар вратити и поплатити, на ни половину не вратили. Потом турци готовилисе до Аморије на воиску, шчо тогда ванеети држали, и много градовах и мјестах вазели и велику шчету починили. Того ради венети послали посла своего Гаврила Тринисана до Скендер бега, молешчи его, да с турци мир не држи, обешчајушче се сашним бити на восоку (?) противу турком и хазне и васего не жалити до послјенјаго дне. Скендер савјетовал са своими что сатворити о сем. Свои ему савјетовали мир држати стурци, приводешчи ему на ум, шчо е било Владиславу краљу Угарскому, иже Евгеније папа разрешил с турци от клетви. На посал венетски приде до Павла ангела Архијепископа Дирахинскаго, зане је бил сародник и знајеми Скендеру и молил архијепископа от венетијан, еда би наговорил Скендера, да с турци мира не држи. И приде Павал Ангелус с Гаврилом венетским послом до Скендер бега. Сија слова глаголал к Скендеру:— Благословено Царство оно, коему Господ Бог даст добра пастира и вожда! то нанја васи говоримо Албанскому кнежству, над нимже те Господ Бог утврдил и поставил јес, да га добре стрежеш и браниш от мучителскаго насилија турскаго. И нанјаже вижд, кнеже, истиној ва тем своем примирију уловил те јес Мехмед, зашчо те инако немогал сатрти и повоевати, тачију сим своим лукавим и

Margin notes: пахн мемет црь пис до скендер бега. — Потом Цар воевал Аморију. — Венети послали до Скендера Бега ишчушче помошчи. — Павел Ангелос и Гаврил посал венетски вакупе придоше до Скендер Бега.

61) домех 62) писато под шаторем 63) видешчи 64) скендеров 65) проп.

хитрим примиренијем, когда твое сусједе повојуе у около. На после на тебе мисли ударит и ласно му буде тебе на средине воевати, а ешче ласние с тобоју мир разорити за малу вешч, како су они научили, шчо е учинил Деспоту Илириком и блгаром, Трапезонтом, Константину граду не силоју, а хитростију и лукавством, шчо недавно и вам бил учинил над слово свое и самирение. Говори он, буду држати мир, не боисе буди:—О кто све е негово лакавство исчитал и разумјел? никто: не достоит нам тајати лукавство его, ашче он сам и таи; и того ради не достоит зол его тајати, да се други от него лукавства чувају; како јест добро хвалити, тако и зло е безчестити, како противника Божја и Христијанскаго врага по делом проклетим. И таковиже јест, кто с ним друг је и кто ему мир држа. А ти кнеже веси, отманов род од куду јес вастал от злодеиства и разбоја морскаго. И того ради от Аси отачаства своего сут изгнани и преваром тужда господства сут узели.—Како Мурат, коего добре веси, како е хитростију и с лукавством и преваром туждаја краљевства вазел, најпотле и твоју братију потрул, такожде чини и син его Мехмед от васех горших. Брата своего рожденаго убил, кнезови посански побил, друге ва тамницах поморил, друге послепил, Цариград у примирењу у Грков вазел. Ако би все исчитал, шчо су безакони људем христијанским учинили, много би на то дни требовало.—Зашчо сам љепше знаш турско лукавство, того ради не вјеруи тому безаконику а држи се на ум от его пријателства и самирениа.—Примирение он сам нарушил, а в твоје држави его турци поплјенили. Мисли а не стоји, мисли, да те хитростију преправи, зашчо иного ничто они безакони не мисле днем и ношчију, тачију како христијане преластити и васех от земле погубити, ашче нам Бог не поможе, шчо они о том васегда мисле, како те нас погубити. Али ти не веси, како су се васи христијани заготовили, и сам папа највишши Епископ Енеас Силвиус идет на того пса, еда би га изгнали, ашче даст Господ, иждену его из Грције. И расписал Папа таковие листи по всех краљех христијанских; и кто на ту воиску поиде, васи ему грехи от Бога отпушчени будут. Не мисли а не

размишљајај ни ва чем же: ето иде папа, ето иду венети морем и сухом с'тобоју, ето Французи, ето и Шпаниа, ето Немци, Угри. Чехове, Италинци, Лехи, Власи, Руси. Вси христијани идут. А когда папа придет до Дирахиум, тебе на краљевство вјенча и утврди, и вожда пред васем Христијанством постави. На того беснаго пса Мехмеда ваздвигни мисал своју и храброст, и сабери воинство свое, и иди са Христијани другими на воиску. Того ради сие нас Папа Енеас Силвиус и государи к'тебе послали, да своју воиску с ниховоју сјединиш, а Венети се обешчали тебе дати сребра и злата и оружја, того никогда нестане у Венетов. И да веси, когда Мехмед чуе то сабрание Христианское на себе, бјегати имат до Асие и ласно се нам труд наш плати; и то да веси, послатиће Мехмед до тебе друге послове лукавством своим, обешчајушчи тебѣ многие дари, да с'ш'ним мир држиш; на обрати мисал своју от его злаго естества и обичаја, затисни уши от его бесједи сладкие и лукавста: добре ти сам знаш его лукавство. — На тех речех Скендер Бег отслал суседним кнезовом и савјетником своим, шчо има с'тем чинити. Едни савјетовали, да мир држи с'турци, глагољушче: знамо, како су Латини пријеварни и издали Краља Владислава Угарскаго. И мир с'турци разстргнул; по сем сам погинул са васеми воин своими. Други говорили, да иду на турки с'воискоју и с'Папоју, занјејаже бил Папа ва Анконии са воискоју великоју. И на том бил Скендер да разруши мир са турци. По сем пришли Раци Скендерови ва турске краини и попљенили стада овец и волов и лакимие самаго цара. И шчети починили велики ва Македонии и Грции. — Того ради Мехмед пишет до Скендер Бега сице: Мехмед Амира Султан, от вастока до запада цар и Государ, Скендеру Албанаскому кнезу пријатељу моему милому от Бога здравиа. Бил есам ведом твоеи вјери васегда Скендере, зане је сие држал еси. и того ради чужду се нанја, како на вјери не стоиш и шчету ми си починил над обичаји и вјеру, обичаем злодеиственим разбоинническим; али се а тому не дивоју: и знам ти то не чиниш, тачију Венети су тебе научили, кои есу васегда мои неприатели: али е мене у

До зде бесједа Архијепископа Павла до Скендер Бега.

Скендер Бег савјетовал се са савјетници своими.

Срби плѣнили стада.

Цар Мехмед пише до Скендер Бега.

тому мала шчета, зашчо госпоствуем от Востока до Запада. али ми е вешче того жалос, шчо моја љубов от мене отмешчеш, знајушчи мене государа ни от кого неизвитеженнаго; тебе сам самога от васех христијан миловал и ешче буду миловати.—Того ради те мољу васхошчи мир држати са нами тврдо и ешче клетвами изнову потврдити: ашче е другојако учиниш, будеш того жаловати поздно, али не у час.—Писато ва Цариград и прочаа.—Скендер Бег лис царев прочати; — паки Цару Мехмеду отписа сице: — Воин Исус Христов Георгие Черноевик Кастриотов син кнез Албански Мехмеду цару турскому от Бога здравиа. Чудиш се Мехмеде тому, зашчо су мои воини мир разрушили и шчету учинили ва твоих земљах; говориш, да су ме Венети тому научили, и пишеш, иже тебе то мале е шчета, зашчо си гдро҃ ѿ востока до запа҃, ѡ҆ста́ви тоу хвалоу̀ ме҃ме҃ ѿта́ви. зна҃ твои̑ сꙋ лю́ди прво мои҃ кмето҃ щетоу́ починили на҃ ми[р] [66] і҆ клѣ҃вꙋ і в҃рꙋ, кою смо бы҃ межꙋ собою ꙋчини҃. на венеты говоришь за́що сꙋ ѡ҆ни̑ томꙋ почело [67] ты́ си са҃ поче҃ а҆ не ѡ҆ни̑ почини҃ еси и҃ во а҆морей вели́кꙋ щетоу на҃ клѧ҃вꙋ і в҃рꙋ. а҆ли҃ венеты могꙋ тебѣ і҆ сами ѡ҆бра́нити і҆ бе҃ мене. а҆ хощеши да мѧ́ разлꙋчишь ѿ ни҃ то всꙋе чи́нишь що҃ николи҃ не боу́де. а҆ що҃е пиш҃ цре҃ бы́ти ѿ во҃ста҃ка до запа҃, то са҃ сѐбѣ порꙋганїе чинишь. ты҃ ничто҃ не дрьжишь на востокꙋ въ велико҃ аси҃, і҆де҃ татари гд҃ствꙋю҃ на запа́де тако҃ хр҃тїане дрьжа҃ [68] такмо во мало̀ а҆си҃ і҆ европи҃ защо си̑ безоу҃не грьки ꙋлови҃ лꙋка҃ство҃ і҆ хи́тростїю своею преста́ни сѧ хвали́ти а помы́сли і҃зменениа і҆ времена̀ кꙋ҃ сꙋ се подели [69] ѡ҆ни̑ велики҃ і҆ славни҃ і҆ всего̀ свѣта цр҃іѐ. мидески҃ і҆ пе҃рски҃, е҆ли҃ски҃ і҆ ри҃ски҃, а҆сири҃сци. тѣ҃ всѣ҃ бь҃ [70] загаси҃ і҆ ѿмени҃, совѣтоуи҃ ѿ ни҃ і҆ ра҃умей ꙗ҆ко чл҃къ е҆си. на [71] ꙋпока҃ на бога҃ство і҆ на мно҃ство во҃ свои҃. множи́цею вели́ки҃ і си҃ни҃ по҃ци ѿ ма́лы҃ (велици [72] і҆ си҃) побиѐни соу҃ і҆ бегоу [73] сѧ дава́ли, ка́ко дарїе цр҃ь пе́рски҃, і҆ли ѯе҃рѯь ѿ гр҃ковь. пише҃ ми да межꙋ собою, потве҃рдимо мирь і҆ клетвꙋ. зна҃ то не ѿ всего ср҃ца

Скендер Бег отписал Цару Мехмеду глаголи сие.

66) на 67) почели 68) на западе христиане господствујут 69) се дјели 70) Господ Бог 71) не 72) проп. 73) бјежству се дали

своего пише, тачію да мѧ ꙋловишь, въ свете свой лꙋкаство свои, ѿ кои[74] самь бжіею помоцію, ѿ твоего ѿца і ѿ тебе не едінꙋци ꙋтекль твои же сете воскоре коне бꙋде не помо тебе хвала і лꙋкаство твое ѿмаское помоцін, зацо не тачію а еди ѡ то[75] стара, но і все кра і навышши еппь рыски, како бы ты боше не мꙋчи хртиа. кои силе ниге сѧ не ꙋтанишь, і аце хоце (об.) во смиреніи ѡтати. да кртишъ да ѡстави бле, і ере мꙋхаметовꙋ, і кога[76] оувеси істінꙋ верꙋ хвꙋ. тога аце тако сотворишъ бꙋдешь ѿ все хртіань милова.[77] і люби и, і во еносcти з нами[78] бꙋдешъ. і цо нне дрьжишь бꙋдешь на[79] ты гдъствовати. і чеда твоа до века. і бꙋде всега жали[80] зацо несн давно то ꙋчини, ікорени ꙋчение проклетога лаживаго прка вашего мꙋхаме тога правдꙋ істінꙋ оуна. писа ѿ шатоꙋ нши. ѿ хра, ,аꙋѯг лето,[81] во епірꙋ. Пришла весть мемедъ црꙋ добра, и[82] іде папа со воскою великою море і сꙋхо до епира да венча скедер бега на кралество македоско, і еппа дирахиского парла[83] анела ꙋчини кардинале да іжене тꙋки іс греческіе земли за море. І в то наде торгнꙋ скідерь ꙋ тоуску землю с воскою, і боева ѡгне і маче і великꙋ корі ѿтоу інеса ѿ тракіе, і то ради велики стра бы во тꙋце тога і ктели дрꙋзи бегати до витиние. Видеци меме стра ко своіхъ, чрезь собраные хртіаиске где противь севе. Созва до севе паше і совеника своа, і воиствоу своемꙋ нача ники, і простраъ до ни сиа словеса і гли. Всега то дрьжꙋ іма на ꙋмꙋ мой мили юнаци. та гьства кои сꙋ мой деди і ѿци с ва вкꙋпе юнаскіи раꙋмо ꙋзима. да то с вами вкꙋпе дрьжꙋ. о неже[84] тревоуе, і ва се старати како і мне, ва свители самыхъ імаю, за то за цо ва все равне чіню с собою чтію і славою не тачію да са а живꙋ на ѡво свтоу, но і вы со мною до смрти ншей равно, ва, (300) і чедо ваши. і за то а никога покоа не са іме[85] стараюци ѡ ва. і бжіею помоцію, ге е мой і ваше коне ного ста все нше воуде і есть. аце вы ичита все

Црь м і кіли скідерь вындекъ о папи і е ши скіде пле ва твеꙋ зилю

Црь меме бесиди паша і съвтнико свои

74) от коега 75) о том 76) тогда 77) помилован 78) ва јединстве са нами 79) над 80) жалити 81) потом; во еп. проп. 82) јако 83) павла 84) о немже 85) немам

землє що смо саблєю ѹзали много бы дн҃ь потребовалъ.[86] і коє се ва҃ кралє҃ство кога҃ ѡдръжало. кой люди ѿ ва҃ не бы҃ ѹ плєнениє завєхо҃ни. і кто҃ ваше҃ силє і юна҃ства не бой на свєтѹ. то҃ ра҃ва҃ пита҃ що є ва҃ ни извыкла божзнь і стра҃ ѹзє҃. і тако҃ вы[87] везми смѹщени, защо стє чѹли, ѿ лєнивы і пианихъ хр҃тіанє҃, чюз҃ гдѣ собірaю на ва҃. а то все ро҃ ва҃ скєдєръ[88] лѹкавстко҃ плєтє, іли хоцете без вѡны і без кровопролиа҃ и҃, піаны҃ кавро҃ землю ѿдати кою҃[89] н҃ши дедови вєки҃ трѹдо҃ ѹзели, і разѹмо҃. ѹчинили бы҃мо великѹ радость, і сме҃ пиаНы҃ кавро҃. а то що мыслите, да быте҃ ѿ ни҃ были мирни во асии. побегши ѿ европий, кои бы ва҃ кра҃ пріми ѿ такє лю҃ ѿ всѣ҃ ненави҃мє і гр҃делиѣе. аще не бысте гдѣ саблєю своєю ѹзели,[90] како҃мо і тѹ саблєю своєю тоѹже гдъ҃ство[91] взели. і дръжимо і нисѹ[92] на҃ робови. що на҃ мє҃ме прркъ та҃ писа҃[93] ѿ б҃а наѹчень бывши. на коє҃ мѣстоу ко҃ тво҃ копито҃ потапче всє твоє бѹдє. защо на ѡви҃ све҃ никто ниша съ собою не принеса҃.[94] все є на све҃ лю҃ сизны б҃ь всемѹ ц҃рь, і г҃ь є҃ст, все поставиз є҃ст, ѩко на єдіно҃ полю. кто силою і юна҃ство҃ свои҃ воз҃ме єго[95] бѹдє. і землю і ц҃рство то б҃жія вола на ни҃ бѹдє. і єго волю все дръжимо, ѿ когомо що възели ѩко люди сизны і ѿ б҃а ѹкрепле̑ны. того ра҃ ва҃ моли҃, славни҃ народе[96] і юна҃ци. і моя мила дрѹжино. (об.) не бо҃те неприятеля на҃пачє таковаго с ки҃ се єщє н҃єгде[97] не били да моѹ ср҃це не ра҃те. тачію готовіте с радостію, і без страха на воскѹ проти҃ лєнивы а піаны҃ кавро҃, не бо҃те того що чѹєте. що сѹ се збоѹтовали со своіми великими по҃ки противь на҃. не бо҃те в҃ше юначество боѹде҃ на҃ ними. а не и҃ на҃ вами. добре знате неѡмывене каври і ѡбычає и҃ неѡмывенне. лєниви і страшливи не сизны без҃дѣлны с҃ливы. многопиш҃ны. ѡбжаливы. злѹ нетр҃пливы ѹ добрѹ презны і гор҃деливы. покой милѹю без перница не сп҃ѣ[98] без жена і блѹда сѹ невели. тако҃де без пия і віна добраго. без ѹпитія совєтовати не ѹмѣю, словы[99] тачію

86) дни потребовало 87) вст. нине 88) вст. његовим 89) коју су 90) и јунашчвом 91) господарство 92) а они су 93) написа 94) не принесе 95) егово 96) народи 97) проп. 98) не спавају 99) словеси

воюю̀ а̂ не дѣлы̑[100] никак҃е спра́вы военне̑ не҆знаю̀. коне хране на то да са ѱѝ ȣловѝ[1] на ни̑ ходе. хоще лѝ кто̀ ѿ ни̑ ı̂мѣти добраго коня ѿ[2] на̑ га кȣпȣе. гла̑ не трьпе ѕи́ме тепло̑, тр̑ȣ срамоте, по̑ собо́ю ı̂ мо̑ре ı̂ горе чїне, со жена́ми на во̑скȣ ıдȣ жени̑ ѿ ни̑ вы́ше седѐ, ı̂ лега́ю тепло е̂дȣ, а̂ зи́мою воюю̀, ни́ща ȣ ни̑ добра нѣст̑ а̂ ȣ ва̑ мила̀ моѧ̀ бра́тїѧ, все добро, живо̑ свои̑ ı̂ ране ни̑ ȣ що не дръжи́те ма́ло спи́те ı̂ то бе҆ постели. землѧ е̑ ва̑ тра́пеза. а̂ клоу̑ по̑телѧ. не̑ ȣ ва̑ ни́що що е твердо̑ те̑ко. що би̑ ва̑ ла́сно не ȣви҆ло, не ı̂ма́те̑ кого боѧ́ти. нека до на̑ до̑дȣ многогл҃ивы каȣри. да ı҆лажȣ ı̂ и҆кара́ю ѿ на̑ ц҃рство гръ́ческо ѿда́вно се ѡ̂ни на то сканюю̀,[3] ı̂ собїра́ю, а̂ли и̑ ве҆ми по҆но боу́де, е̂ще на ȣмоу ı̂ма́ю битвȣ[4] въ варны̑, ı̂ на[5] косовȣ. а̂ли ѡ̂ни̑ ко̑га ȣтрате на во̑сци, говоре не бе̑мо сѧ мы̀ добре справи́ли, то̑ ı̂ се̑ на̑ ı҆даде тȣра̑ было мно̑ а̂ на̑ ма́ло. тоу́ци прева́ро̑, при́шли на на̑ бе҆ вѣсти, турци узели наша кралјевства с нашом незгодом; лажу говоре, а не говоре, како је правда, да говоре с'турцима е Бог и Бог им помага, за то на нас војују. Верујте ми, мои мили јунаци, измисене каури мисал своју, шчо намисле на нас: доста е то у них јунашчва, егда на себе нас побуде и подигну. Они се сами между собоју бију и туку: вси хошчут крали и господари да будут, а никто не слуша: едан другому говори: брате ти мнје помози данас, а ја тебе на онсиц у кнеза. Они се сами между собоју бију; не боите се, ласно их ми побиемо: о себе се болше старају, нежели за опшчују ползу. Гнјевљиви су и сварливи, на судех непослушни: у них јунак ни за шчо, маистори ни ва шчо же: не укара по јунашчву и по справи, тачију тко је богати, та е у них љепши и преднјеиши; а того между собоју не имају, на чем все стои, а то јес послушание и на том все витежство стои. Не карају злих неправда, забиение, сила, злодеиство, и другаго неишчетенаго обичаја.—Писал до мене они безбожни и безвјерни Скендер, да ја их вјеру вазму: заслужил от Бога карание и от нас, ашче Бог да. и

---

100) делом

1) проп. 2) у 3) склјанјају 4) битку 5) ва

писал до нас, иже иде на нас с'воискоју највишши их Бискуп, да нас устраши ним; али не устраши бог вес: того бискупа они често подносе, како ми наше калихе. Усти се бију каури, а не снагом и деспицеју: ашче би тако било, не боијте се их, такмо се смејете их воијскоју: будите им после того жал, а вам васе јес готово храна и оружје, кони добри витезови и тако сам видел ва звездочтй, кое добро умеју, будемо васему свету краљевати. и тако каурско сабрание все ва скоре расиплјет се. и Скендера и дети его из земље ижденемо и потремо, или га жива ухатимо и злом смртију уморим.—И то Мехмед изговоривши, вси викнули едином гласом: Амин Амин; и вси заклели се на Алкорану, да му су послушни. Тогда Скендер плјеновал турску землу; послал Мехмед цар против ему Шеремет Бега до Македоние и тамо воиску сабрал, а уходу послал да га забаве, дондеже Балабан воискоју великоју приде до Албание ва целости, да се тамо састану обје воиске, Шереметова и Балабанова. — Услишавши Скендер сабравши ,Г воиске противу Шеремету и васхотевши его предварити, посла васкоре ф воин избраних а ходили суду и суду, сиреч своих ишчут, а пут свои погрешили. Видевши их стража турска, где се они скитају, сказали о них турком; турци скочили на ње, а они побјегли и привели их за собоју, где бил Скендер у потаи; поразил их и ухватил тамо единаго турчина, хазнатара царева, велми богата, кои се бил испросил у цара да иде на Скендера. Тамо ухватили и сина Шереметова; по том се откупил свакн по ,К дуката, и велику корис тогда вазели Арбанаси.—На како се Скендер веселил о побједи, јеже показа ва турцех, такожде се и оскрбил, услишавши, јако Папа умрл, Силвиус ва Анаконе месте, а воиска се разашла сваки на своју страну. Скендер за .Г. дни ни јел ни пил от жалости. По том учини сабор и сказа, шчо е умрл Папа; и глагоља Скендер сабору глаголи сие:—тако е била воља Божја, и от сего света узел оца Папу, кои се старал днем и ношчију, како би все христијанство ва едино сатворил и на турке бил подвигал и ваоружил и велики труд подимил; на тако Бог не благоволи. И ашче не би било над христјани

Цар Мемед послал воиску на Скендер Бега.

Скендер Бег поразил турки.

Скендер услиша, јако Папа умре, сабра сабор и рече им глаголи сие.

турска страха, шчо е Бог попустил гнев свои, почели бисмо васа безаконіа творити и между собоју бисмо се били, и мач свои на себе бисмо обратили. А то ја вам истину кажу, мои мили јунаци, Бог хотешчи сија, да се ми сами бијемо с'турци; дасе не страшите, занје Папа умрл: кто вест судби Божие, како и писмо говори, судби Божие глаголбина (sic) неисчерпаема: да ашче би било, како е Папа мислио, и турке бисмо до преко мора ва Асију изгнали, то би рат била паки между христијани о законе христијансцем: васточни држимо закон цркве Јерусалимске, а вси латини закон Папе и цркве Римске; но бис, еже бис. Виже, мила братио. не страшите се е се воиска христианска разишла. Болши јес един мач Божи, нежели наших тми, како се множицеју ва ветхом законе показало: да не речемо ми смо побили турке са великоју воискоју, али самому побједившему да сему хвала. За правду поведају вам: турци са великоју воискоју иду на нас, и пред воиском иде Балабан Бег кмет мои први; его Мехмед цар того ради начел љубити, зашчо на зид Цариградски најпрвеи са хоругвоју изашал, когда су Цариград турци от Грк вазимали. Того ради вас мољу, мои мили јунаци, не ужасајте се, на с'веселим срдцем готовите се на турки, са Божиеју помошчију отженемо их срамних и пораженых. И пошал Скандер Бег с'своими противу Балабану и стал са единими људами ва горах, а друге оставил недалеко себе: а Балабан с'воискоју турскоју стал на равну под горами, ванимал ва уме своем, Скендер его боит се и зато ва горах стои. И поредивши Балабан турки, ударил на Скендера, и били се равно за много; прискочил плк први Скендеров, и били се велми; и почели турци уступати натраг, а наши их гонити. И ту турци обскочили на тиесну месту Скендерових храбрих и људих првеиших и похватали их живих, и послали их Мехмеду цару. И рекл цар, когда их видел: то нинја вјерују за истину, јако уже упало јес все јунаштво и сила Скендерова ва руке мое. — И послал Скендер за них откуп, али их не ктели дати на откуп. А се били тогда похватани први Моисеп, егоже више на много мјестах поминахом; втори Гинриза владенски сродник Скендеров, а т сестренац его

Паки цар Мехмед послал (воиску) Балабана на Скендера.

Скендер поразил Балабанову воиску.

Мухасијас, д҃ Кенму Сахнус, є҃ Иван поп, ѯ҃ Никола Беризик, з҃ Гјурак Цуца, и҃ Гјура Манесили.—И тех ради и҃ человјек бил велики плач ва Арбании, иже прежде таков не бил паки повељением цара Мехмеда. Балабан пошал на Скендера; обешчал ту велике дари, ашче Скендера жива ухвати. Балабан хотел хитростију Скендера уловити; послал Скендеру добрие дари глагољушчи: хошчу с'тобоју љубов и пријателство имети. Виде Скендер лукавство его, послал му ва добри дари љемјеш и рало и мотику, да придет, глагољушчи, Балабан на отчину башчину, да оре и копа како мои кмет. И разјарив се Балабан, сабирал шчо могал најболшују воијску и стал с'воискоју недалеко Свато-града в равнинах. И Скендер бил готов са своими људми недалече, и разделив воиску на .д҃. чести: а҃ правил Гоико Стрежев сестренац, в҃. Атанисие Дукадин, г҃. ју Мусакиеа а д҃ ју сам Скендер. Ударили се велми и падало с објех странах: турци премагали множаством, а наши храбростију, турак болше падало. Видешчи то Скендер викнувши силних своих, и где узрел ранјена своего, заповедал их изводити а ту другаго постављати. Најпослије видешче турци, јаже се уморили, почели утекати, наши их гонити, бијушче силно. Пало тамо турок близу ,і҃ кроме сужан и ранјених, и велико богатаство људи Скендерови по шаторе узели.—Паки Балабан сабрал воиску болшују на Скендера. И вазел са собоју Сулимана мужа крепкаго, Скендер бил готов противу ему.—И возвал Сулиман Скендера на копие, Скендер бил готов противу ему; — ударил се и уби его Скендер. — Видешчи то Скендерово витежство, Балабан почел уступати назад; — ва тем нашим срце узиграло, и почели турке крѣпко бити. Турци послије побити, едва Балабан утекал.—Ту под Скендером паднул кон, без мала га турци не посјекли, на свои га обранили и дали под њега други кон. По сем Мехмед цар рекал Балабану: не буду се васего свѣта царем никако назвати, докле ми Скендера не убиете, или жива ухатите. И почели се готовити на Скендера двие воиске: Јагуб Арилут пред едноју, а пред другоју Балабан, Јагуб своеју воискоју да иде от Солуна до Епиру, — а Балабан от Македоние. И уса-

Балабан Бег сабрал на Скендера воиску болшују.

Скендер Бег поразил турки.

вјетовали едан без другога нишча да не починју. И прежде пришал Балабан до Епир: — и пошел Скендер сам пети да уходе, где и на каковом мјесте воиска турска стои. Видел га един зли человјек, сродник Балабанов, и сказал Балабану. Обскочили турци ону гору, и Балабан сам; едва Скендер сам други утекал до воиске. И било тамо ҂ш҃ воиске его готове: и ударили се и били се добре, и не могли се турци обдржати, почели прхати. И ешче се воиска Скендерова не помјестила от разбоишча и телес побитих турак, ечали и тресли се, и ешче се у разбоју турскому нишчо не побрало, и пришал глас Скендеру: иде Јагуб с' .҂к҃д. људиих; и нечули нишчо, шчо се от Балабана учинило. Они час Скендер послал .ф҃. коник противу им, еда би турке повабили на битву. Јагуб бил на трое воиску раставил: прва его воиска ударила на онех .ф҃. Скендерових, наши почели бјегати, а они их гонити. По сем искочил Скендер с'воискоју от потае и поразил турки ту все два крат; никогда тако много турак не побили, јакоже ту у те две воиске, ту побиених турак остало на полју .҂л҃. и Јакуба сам Скендер посјекал. И тогда била велика радост не тачију ва Арбании, на по васех странах христијанских с'того витежства. По том Скендер по(ве)лел цара Мехмеда болше дражити. Пошал с'воискоју до Тракие, огнјем и мачем воевал, и плјена конје љјуди стада множество изгнали. Мехмед цар ва себе велик гнјев имел и држал; сазвал савјетники свое и вапрашал Скендеру, шчо има сатворити, да шчо горше с'того не изидет на нас от каурах. И савјетовали ему васи, да сам иде са васеју силоју до Епира и да обсједе Крои град, кои јес глава васеи Арбании, и да стои тамо, дондеже град и землју гладију помори. И тако учинили, послали напред Балабана са .҂п҃. воиске осјести Крои град; васкоре за ним Мехмед пошал с' ҂р҃ ҂н҃ воиске, и стали близ Кроја града. Скендер добре утврдил град оружием и људми; над ними старега учинил Балтасере Латинина. И ношчију исходили множицеју из града и много турак убили. — Скендер сабрал .҂к҃. своих људи: каждого дне и каждо ношчи турке били около, нигде им не дали ва плјен ходити. Послал Мехмед до сушчих ва граде, да му доброволно

Скендер Бег уходил турску воиску.

Скендер поразил турки и Јакуба сам убил.

Цар Мехмед сабрал воиску на Скендер Бега.

Скендер утврдил Крои град и сабрал воиску.

град одаду; они му послали пушку и стрелу глаголјушчи: ради бисмо ти то ва главу дати, нежели град.—Турци лијали лумбарди велики зело и мале такожде. Прежде того наимил Мехмед два человјека на Скендера, еда би га потаиом како отровали или убили; и пришли до Скендерове воиске, сиреч ускоци се учинили от турак, васкоре се крстили да их не чувају наши; на Бог тако не благоволи, да тако Скендер изгинет: посвадили се они два между собоју и објавили един другаго, и повјесили их јако злодеје. Мехмед, постојавшши под градом не мало дни, видел, не може силоју ничтоже успјети и вратил се ношчију до дома; изоставил Балабана с'воискоју, да стои под градом, докле их гладом помори да се предаду. Скендер се старал, како би Балабана жива ухватил, или га како убил. И пошал до Рима ка Папе Пављу, еда би му коју помошч дал и говорил до них многие речи: — и се приложил јуже на теле своем, не имам, от куду би крв пошла, всу есам излијал ради христијан, а васи сте мене нања оставили; али и вам васкоре будет горше, нежели мене.—Дал му Папа и друзи гардинали не мало хазне на помошч. Пришал до Арбание и сабрал људих не мало, еда би како турке из Арбание изагнали. И раздели Скендер воиску на два плки: един правил Љека Дукадин, а сам други. И пошал противу брату Балабанову, кои ишал на помошч с'воискоју Балабану; поразил га Скендер Бег и его жива ухватил и сина его Хадра; а Балабан како бесан приступил близ стен Кроенских, обешчајушчи гражданом велике дари, ашче му град доброволно отдаду. А един витез от града ударил га ис пушки под грло, и спанул с'конја и ту умрл; а друзи турци, видешчи своего хетмана умрша, отступили от града; — и послали до Скендера, да им вјеру даст, да иду без страха из земље его, хотешчи всу храну и тешка васа оставити ему. Скендер савјетовал се своих что чинити нам о тем. Едини савјетовали да се бију. Скендер не дал глагољушчи: турак се много ту збркало, а нас мало; друго пришла е на них неволја: буду се бити крепко, паки един стои, ничем же помошчи имушчи тачију ва руках своих; ашче бисмо их и разбили, не буде без наше велике шчети ва љу-

Цар Мехмед поиде ношчију до дома.

Пошал Скендер до Рима.

Скендер поимал брата Балабанова и сина его.

Скендер савјетовал се са своими.

Цар Мехмед сабрал воиску: до Епиру обил мјесто Дирахим.

дех. Друзи савјетовали да их поморе гладом, да не даду хране приносити. И ошч јуже пошли турци от мјеста Трнаве, где лежали, изашли до Тракие; али им велику шчету наши от васуду чинили ва воисце, докле изишли. Мехмед цар, слишав о смерти Балабанове, печалан бил.—И паки на пролјетие сабрал воиске свое двјесте тисушч, пошал до Епира; видешчи же, занје Скендер утврдил свое градове — пошал на мјесто ва Македонии, глаголјемое Дирахим, великое и славное, шчо тогда Венети држали;—обсјел его, на не вазмог ничто ему сатворити, занје его бил град утвржден.—Оттуду паки пошал до Кроја града Скендерова, обсјел его. и, стративши тамо великие лјуди свое, оставил града бити, зашчо ему Скендер велику шчету ва лјудех чинил; и тако турци вратили се назад, мјесто, кое бил Скендер почел ново градити, глаголјемое Кирнил, спалили вратйвше се.—По сем боешчи се Скендера, оставил воиску своју не малу по краинах своих от Тракие и пред воскоју оставил Али-Хасана. Он же хотешчи Скендера ухитрити, послал му велике дари, глагољушчи: егда лјубов между собоју вазмут. Скендер одаровал его и воиску сабирал, еда би попалил мјесто й град, кое турци недавно били оградили, глаголјемо Валм. По том Скендер ва болезан тешку и послал до властел своих (301) сусени кнзова. молещи их да прид8 на собор до нега. до лисога і сошлиса всѣ. і по многих глех і советех своих. и глаз им скендерь ю скоро ѿ здешних предеть. і молиз. их да тако ѿ т8ро бране сами і землю свою како сте ѿ мене били і 8чилиса. і предаз пре всѣми кнзи венетом сна своего івана. еще юна с8ща во д х. лѣтех. тако им пор8чиз і жен8 свою. і заповедаз им[6] скоро аш 8мр8[7] они час да ід8 оу п8лю. во свое градове. кое ем8 быз даз кроз алфонсь, анап8з ски. а венеті же да дръжи во своих р8ках ѿчество его албанию, доньдеже снъ е в лѣта приде возрастом. і да бране ѿ всакого неприатела. како і свою землю. а когда снъ возрасте, да м8 ѿдад8 всю албанию, в цѣлости. Потом обратившис до сна своего івана[8] глаз ем8 сиа глы. Сн8 мои возлюбленыи

6) вст. глаголе 7) умврају 8) ка сину своему Ивану

ѝва́не. а̂ще г҃ь б҃ь да҇ст тебѣ ѿчество твое, землю н҃шꙋ а҇рбанїю, слꙋша̏ ꙋчение моѐ, ѝ г҃ли мое ко ꙋш҇ и свое̂. пр́ве̏ бꙋди сꙋдеци правѐно. тѡ е҇ст ѿ все̑ пр́вѣе добро врѐма зрѝ, ѝ г҃ло҇м ѝ всѣ҇х потреба҇м внѣшни҇м. места̀ са҇м ѻ̂гледа̏. въ злꙋ пришѐшꙋ на тѧ не ꙋнывай. но воꙋ̑ крѣпокь во ꙋн́ыни. дондеже ѿ тебе б҃ь зло̀ ѿи́ме̑, пра҇зни҇х ѝ ленивы҇х люди ѝ словес́ се стрежи. ѝ са҇м не бꙋди лени҇в ѝ многопи́щань, воѝн́ство своѐ не храни̏ лениво. ѝ да не любе покоѧ. за́що[9] ѐ лѣно҇ст ѝ поко̏ земли ѝ воѝствꙋ пр́ва поги́бе҇л. гнѣва ѝ мꙋченнѧ в себѣ не ѝмѣ̏. а̂ ни҇м па́ки б҃ꙋ ве҇зми ѝ крота̑ ѝ ме҇к, но посре̑ гнѣва ѝ меко҇ст б҃ꙋ. чꙋ́жи̏ лю́ди ѿ свои҇х земле̏ не дрьжи̏[10] но ра̀вны҇х, (об.) все҇м ма҇зди ѝ҇ даро не вози́ма̏. совѣ̑ники своѧ̀ мре лю̏[11] ѝ҇збира̏. ко̏ сꙋ пра́ве ѝ пра́вдꙋ любѐ, ѝ во все҇м свѝте҇лствова́ны да тѝ ѻ̂нѝ совѣтꙋ́ю во добры҇х дѣ́ле̑. да ѝ ты доба҇р ѝ правь бꙋдешъ. ѧ́ тѝ с҃нꙋ мои̏ все могоꙋ̑ да́ти. а̂лѝ[12] срѣще не могꙋ то̀ е само́ꙋ б҃гоꙋ в рꙋка҇х томꙋ ѐ всемꙋ мене ѿ҇цъ мой ꙋчи҇л ѝ то са҇м всега̑, на ꙋмꙋ[13] дръ́жа҇л. що мене ꙋчи҇л. того ра̑ молю̑ тебѣ ѝ св҇ѣтꙋю, да ѝ тѝ на ꙋмꙋ дръжишь що те ѧ҇з ꙋчꙋ. Пото҇м пришла̀ вѣ҇ст скѐдерꙋ како ѝде̑ во̏ска тоꙋ҇рска про҇з епиръ до ѝллі́рїе ѝ па́ли с во̏скою бли҇з ска̑ра гра̑. Скѐдеръ собра҇л во̏скꙋ свою̑, ю҇ж мꙋ глава ѝ рꙋке тресли̇сѧ ѿ боле҇зни. ѝ напре̑ посла҇л во̏скꙋ свою. а̀ са҇м за́ нима воле̑ недалеко ѧ̀ха҇л. тоꙋ҇р-ци велі́ки̏ пле̑ были попленѝли ѻ̀коло ска̑ра. видевши же во̏скꙋ скенде́ровꙋ ѝ мнеци ꙗ̂ко е҇ст скенде́рь межꙋ ѝми. почели̇ бѣга́ти ѝши[14] и҇х гони̏ секꙋщи ѝ просты лю̏ побѝли и҇ мно҇жство в гора̑. ѝ мало҇ ѝ҇х до дома врати́ло, а̀ было и҇ ,еі тога̀ а̀ бы҇л пре̑ ни́ми а̂ме̑ бегь :· Пото҇м[15] скѐдерь причастѝвши с҃ты҇х таінь х҃вы҇х ꙋмрлъ.[16] в лѣто ѿ х҃а. ,а҃ꙋ ҂ѕ в лѣте҇ ѕ҃, г҃, ѿ роже́ниѧ своего, г҃сствова҇л лѣ, к҃д, л҃[17] воевь с тоꙋ҇рци ꙋчи́ни҇л, ѝ ни́где не поразили̇ ѐго̀, тачї́ю по̑ бе҇зградо҇м а̂рба́на̑ски҇м. а̂ всега̑ ѿ҇ тоꙋ҇рки ра҇збиѧлъ.[18] По смрти ѐго лека дꙋкади̑ плака҇л на̑ ни҇м мр́твы҇м г҃люци. а̀ враꙋ̑ ѝ главꙋ тръза҇х власы. послꙋша̏те кнзов̏[19] македоністи̏. ѝ ѐпи҇рски̏, ѝлли́рики̏. дне̑

9) понјеже 10) виших 11) човјеки 12) на 13) на своему уму 14) а наши 15) По сих всех бивших 16) благодарив Бога о васех отиде ка Господу 17) ҂аг 18) побијал 19) мене кнези македонски

падоша градовѝ македости, і епірски. дне[20] вса наша сила ѹпала. дне всѧ ніша надежа ѹгасла, дне се пѹть тоуко до єпіра ѿвориx без иx страха. На погребе (302) нии єго былѝ вси кнзови ѿкоzнїи. и погребли[21] гà в лисо то место тога венеско было, пото га тѹрци возели. іскопали кости скендерове із гроба. и разграбили иx межѹ собою і ѿправлѧли себѣ во сребро і злато, і носили при себѣ мнѧщи таковѹ срѣщѹ імѣтѝ себѣ, ꙗко скедерь глють[22] кога быx во ієрлимѣ скедеръ[23] во цркви соломоново. ѹпросиz[24] ѹ бга тѹ срѣщѹ себѣ. і того ради ннѣ не дают тоуци никаковомѹ хртіѧнинѹ[25] вни а тоуко не да би комѹ. Црь мемет

црь мемет по смрти скедеє кга посла воиcкѹ і ѹзели ѿчество его і тшіе зели

чѹвший смрт скендеровѹ радоваxсѧ. і послаx тамо всю силѹ свою. і почели венеты бранити аzбание, пошли тѹрци до словенскиx землѧ, до іллирие що држали тога венеты і взѧли всю іллирию, і скарь, пото албанїю епир. Снь скендеровь іванъ і смртїю ѹмрль в пѹли на свое дръжави. І то за єдіно чюдо писаx о скендерѹ в толикиx воскаx і боеx бывши никакове ране на себѣ немѣz, тачїю рамо быz раниz, где быx ко по нии паx. ѹ велико каменню. Писаx о не снѧ мари скарани, словени родо, али ѹ латинско ѧзыкѹ велми ѹчены.»

---

20) днес вса сила и надежда угасе 21) погребоше 22) вст. о њем
23) вст. ваниде 24) испросил 25) в њу

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІЙ ПРОФЕССОРА А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ

19 октября 1904 года

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Оглавленіе.

СТРАН.

Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1904 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. . . . . 1— 16

Приложеніе.

I. **Dr. Jan Kvačala:** Korrespondence Jana Amosa Komenského. I Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbirka. V Praze, 1898; — II. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Zpravy o životě jeho ze součastnych pramenů. Menší latinské spisy některé. 1902 («Spisy Jana Amosa Komenského»). — Рецензія Академика В. И. Ламанскаго. . 19— 25

II. **Н. Петровскій:** О сочиненіяхъ Петра Гекторовича, 1487—1572 г. Казань, 1901.—Рецензія Г. М. Князева. . . . 26— 82

III. **С. М. Кульбакинъ:** Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. а) I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ. СПБ. 1903; б) III. Морфологія сважендзскаго говора (и тексты). СПБ. 1904.— Рецензія В. К. Поржезинскаго . . . . . 83—110

Въ составъ Комиссіи, постановлявшей рѣшеніе о присужденіи премій проф. Котляревскаго, вошли члены Отдѣленія, ординарные академики: Ф. Ѳ. Фортунатовъ, В. И. Ламанской, Ѳ. Е. Коршъ, А. И. Соболевскій и Е. Е. Голубинскій, а также приглашенъ былъ въ засѣданіе рецензентъ (какъ проживающій въ С.-Петербургѣ) магистрантъ Г. М. Князевъ.

Приводимъ ниже краткіе отзывы о *трехъ* сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

Dr. Jan Kvačala: — «*Korrespondence Jana Amosa Komenského*. I. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová sbirka. V Praze, 1898; — II. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisky některé, 1902 («Spisy Jana Amosa Komenského». Čislo 1-a 5).

Разборъ настоящаго сочиненія принялъ на себя академикъ В. И. Ламанскій.

Два тома сборниковъ Переписки Яна Амоса Коменскаго (Korrespondence J. A. Komenského a vrstevníků jeho. Zprávy o živote ze současných pramenů. I т. 1898 г. XXIV+373 стр. II т. XXX+351 стр. итого 770 стр.) слишкомъ большой осьмушки компактной печати, — составляютъ плодъ тщательныхъ изысканій и работъ въ нѣсколькихъ библіотекахъ и музеяхъ: а именно 1) въ старомъ Архивѣ Чешскихъ братьевъ (Jednoty), перенесенномъ изъ Моравіи въ Великую Польшу (въ Лѣшнѣ), и послѣ разгрома отъ пожара переведенномъ частью въ Бреславль и частью сданномъ въ руки Д. Яблонскаго, внука Коменскаго для пополненія и окончанія историческаго труда Регенвольсція. Часть этого архива появилась потомъ въ Познани, часть пріобрѣтена была по стара-

ніямъ проф. Пуркини, Чешскимъ Музеемъ въ Прагѣ, — 2) въ святоянской церкви г. Лѣшна, — 3) въ архивѣ въ Познани, — 4) въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ, — 5) въ Чешскомъ Музеѣ, — 6) въ архивѣ Гернгутскомъ, — 7) въ Британскомъ Музеѣ — въ бумагахъ Гартлиба, Пелля (большія коллекціи), — 8) въ Бодлейянской библіотекѣ, — 9) въ Архивѣ Британскаго королевскаго ученаго Общества (Royal Society), — 10) въ семейномъ архивѣ Ракоціевъ въ Венгріи, — 11) въ семейномъ архивѣ Мѣднянскихъ въ Венгріи, — 12) университетской библіотекѣ въ Упсалѣ, — 13) государственномъ архивѣ въ Цюрихѣ, — также въ разныхъ городахъ Голландіи, Даніи и Германіи, въ Антверпенѣ, въ Утрехтѣ, въ Штутгартѣ, Вольфенбюттелѣ, въ Ганноверѣ, въ Гамбургѣ, въ Берлинѣ, въ Данцигѣ, въ Бреславлѣ и въ Готѣ.

Сверхъ того изъ разныхъ рѣдкихъ печатныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій извлечены проф. Квачалой различныя письма Коменскаго и разныхъ лицъ къ нему. Наконецъ въ Приложеніяхъ къ своему сборнику «Переписки Коменскаго» Квачала издалъ или перепечаталъ мелкія сочиненія и записки Коменскаго, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ экземплярахъ.

Эти тщательныя изысканія новыхъ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности великаго Яна Амоса Коменскаго находятся въ тѣсной связи съ прекраснымъ, основательнымъ трудомъ проф. Квачалы, лучшею біографіею Коменскаго, выпущенною имъ въ 1892 году подъ заглавіемъ: «J. A. Comenius, sein Leben und seine Schriften» (въ 8-ую долю листа 480 стр. текста и 89 стр. петитомъ примѣчаній и приложеній). Въ обширной Европейской литературѣ о Коменскомъ трудъ проф. Квачалы занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Этотъ трудъ находится въ тѣсной связи съ двумя упомянутыми томами сборника Переписки, съ одной стороны и съ другой съ цѣлымъ рядомъ статей о Коменскомъ, напечатанныхъ имъ въ теченіе пяти лѣтъ до 1892, выпуска большой біографіи Коменскаго. Вотъ эти статьи 1) «Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik» (Лейпц.

1886 Inaugural- Dissertation), 2) «J. A. Comenius und Baco (Leipz. Pädagogium 1888), 3) Библіографическій обзоръ большихъ и малыхъ произведеній Коменскаго (въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien. Wien, 1889). Наконецъ въ мадьярскихъ журналахъ Szazadok (1888) и Budapesti Szemle (1889) проф. Квачала напечаталъ три статьи: Коменскій и Ракоціи, о Драбикѣ и Бистерфельдѣ, тѣсно связанныхъ съ Коменскимъ.

Принимая во вниманіе высокое значеніе Коменскаго, какъ великаго дѣятеля просвѣщенія и какъ классическаго чешскаго писателя и крупнаго историческаго дѣятеля въ чешско-моравской реформаціи съ одной стороны, а съ другой высокія достоинства и важность ученыхъ изысканій и изслѣдованій проф. Квачалы въ продолженіи слишкомъ шестнадцати лѣтъ, г. рецензентъ ходатайствуетъ о награжденіи проф. Квачалы полной преміей въ тысячу рублей.

II.

Н. Петровскій: *О сочиненіяхъ Петра Гекторовича»*, 1487—1572 г. (Казань, 1901). 8°. Стр. 320.

Рецензія на трудъ Н. М. Петровскаго по просьбѣ Отдѣленія написана Г. М. Князевымъ.

Книга г. Петровскаго отвѣчаетъ одному изъ наиболѣе живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіяхъ Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные дубровницкіе и сербо-далматскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоитъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произве-

деній; независимо отъ этого спеціальнаго интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живого взаимодѣйствія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя не мало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ. Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербодалматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи. Въ первой, вступительной главѣ авторъ, съ цѣлью выясненія исторической перспективы для изученія Гекторовича, устанавливаетъ болѣе или менѣе достовѣрно, оказывавшіяся часто до послѣдняго времени очень сомнительными, хронологическія опредѣленія литературныхъ явленій на хорватскомъ поморьѣ со времени перваго, указаннаго Иречкомъ, свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи въ Дубровникѣ въ «Liber statutorum doane» и даетъ краткія характеристики внутренняго значенія литературной дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго писателя: С. Менчетича, Георг. Држича, Чубрановича, Марулича и Ветранича, сообщая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цѣнныя свѣдѣнія о рукописяхъ, изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, относящихся къ предмету изложенія. Затѣмъ онъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикою внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка, даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей сочиненій поэта (II гл.) и разсматриваетъ его произведенія: «Od lika ljubenoga» (III гл.), «Ribanje» (IV—V), приписываемую ему хорватскую драматизацію житія св. Лаврентія (VI гл.) и мелкія, хорватскія и латинскія, стихотворенія (VII гл.), изслѣдуя ихъ тексты и выясняя литературную исторію каждаго изъ нихъ. Въ

связи съ поэмою «Ribanje» разсматривается вопросъ о происхожденіи «осмерца» у хорватовъ и о «бугарштицахъ», а при изученіи хорватской драмы о св. Лаврентіи разбирается итальянскій оригиналъ ея «La Rappresentazione di santo Lorenzo» въ сопоставленіи съ житіями св. Сикста и Лаврентія въ изданіи болландистовъ (версія Адона съ разночтеніями изъ редакціи Сурія и др.); вопросъ о принадлежности хорватской драмы Гекторовичу авторъ рѣшаетъ, какъ и Лескинъ, отрицательно, прибавляя новые доводы въ пользу такого рѣшенія со стороны языка и внутренняго содержанія сомнительнаго произведенія. Наконецъ, въ приложеніи г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «Prikazanja života s. Lovrinca mučenika.» Содержаніе книги не ограничивается изслѣдованіемъ предмета темы: въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній и по другимъ разнымъ вопросамъ, затрагиваемымъ изложеніемъ; эти примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, но въ результатѣ отнынѣ безъ нея едвали можно будетъ обойтись занимающемуся соотвѣтственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы спеціально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора можно согласиться: такъ, онъ совершенно правильно опредѣляетъ внутреннее значеніе поэмы Гекторовича, отмѣчая ея самобытность, непосредственную связь съ народною жизнію и реализмъ представленія, но напрасно считаетъ названнаго писателя стоящимъ особнякомъ, совершенно одинокимъ въ своемъ направленіи и произведеніе его явленіемъ единственнымъ и исключительнымъ для своего времени, несправедливо игнорируя и умаляя въ данномъ случаѣ значеніе такихъ современниковъ изучаемаго поэта, какъ Ветраничъ и Маринъ Држичъ; Ветраничъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе яркимъ и вообще замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и дубровницкому обществу, и жизненный реализмъ

большинства его значительныхъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію, а М. Држичъ какъ въ своей драмѣ «Od poroda Isusova», такъ и въ «Тиренѣ» и комедіяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенія къ современной дубровницкой дѣйствительности; не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и данное авторомъ опредѣленіе значенія «дубровницкихъ діоскуровъ», не свободна отъ противорѣчія и недостаточно опредѣленна характеристика Марулича; сомнительна исторія итальянскаго происхожденія бугарштицъ (кор. bûgar отъ volgár-, vulgár). Но указанныя разногласія относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбѣжны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторіи сербодалматской литературы; г. Петровскій ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе Отдѣленіемъ автору преміи имени проф. Котляревскаго было бы вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнѣйшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ: «*Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка*». а) I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ (СПб., 1903 г.) VIII + 224 стран. и б) III. Морфологія Сважендзскаго говора (и Тексты). СПб., 1904 г. 30 стран.

Настоящій трудъ былъ разсмотрѣнъ проф. В. К. Поржезинскимъ.

«Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ выписано выше, посвящены описанію сваженд3скаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особый отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сваженд3скаго говора не вошла въ составъ книги: «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора,—объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Надо замѣтить еще, что заглавіе: «Морфологія сваженд3скаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены въ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сваженд3скаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сваженд3скаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную: «Отношеніе сваженд3скихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сваженд3скаго говора.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а, какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской

долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ бо̀льшей пользой для дѣла могли бы быть представлены особо.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендзскаго говора, то мы получимъ довольно полное представленіе объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендзскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно бо́льшаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другого говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологіи сважендскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендзскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ бо̀льшую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчіи мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецѣевскаго, относящимися къ говору Miejskiej Górki. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго

языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ, несомнѣнно, обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій».

«Перехожу теперь», — говоритъ проф. Поржезинскій, — «ко второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли, авторъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. «Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ» продолжаетъ авторъ, «я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь, — рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей,—въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Обзоръ фонетики распадается на 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена бо̀льшая часть книги: «Къ исторіи и діалектологія польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена бо̀льшая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку они извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ

подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, объясняется какъ общимъ характеромъ работы, такъ, думается мнѣ, и самою сложностью вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ область исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ обще-славянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные *ǫ и *ę и тѣ же ǫ и ę, — оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако, соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-словянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова «*тѣ же*» относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго положенія.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно разсмотрѣлъ литературу вопроса. Что касается самаго вопроса объ исторіи общеславянскихъ ę и ǫ въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполнѣ вѣрной основную мысль Лоренца и Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія ę и ǫ нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ ъ и ь. И этотъ вопросъ разсмо-

трѣнъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностію, причемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа t ъ̯ r̥ t, t ъ̯ l̥ t.

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализаціи» r̥ и l̥ въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начальнаго слога съ r̥ и l̥ составляетъ условіе для перехода r̥ и l̥ въ гласныя полнаго образованія.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—210), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученныя долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должны возникнуть задачи— выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работы Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенныя въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣ-

дованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполнѣ вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ со старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя. Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ общеславянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долгихъ гласныхъ, всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, причемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполнѣ точно указываютъ на содержаніе соотвѣтствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Въ главѣ 9-ой: «Первоначально-краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выво-

дамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразованіе по аналогіи, а въ другой части признавая, «можетъ быть, фонетическое происхожденіе удлиненія» (послѣднее на стр. 153).

Что касается морфологіи, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльныхъ формъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Итакъ въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной. Правда, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ; однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубитъ, расширитъ и дополнитъ основные свои выводы, и, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

«Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей сважендзскаго говора, что̀ является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я, говоритъ г. рецензентъ, и позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго и поощритъ его этимъ къ дальнѣйшимъ работомъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка».

Комиссія, ознакомившись съ трудами, представленными на соисканіе премій профессора А. А. Котляревскаго, и съ рецензіями на нихъ, закрытою баллотировкою шарами присудила профессору Императорскаго Юрьевскаго Университета И. Квачалѣ за представленные имъ два труда по изданію и комментированію переписки Амоса Коменскаго—*полную премію* профессора Котляревскаго въ *тысячу рублей*, основываясь какъ на данныхъ рецензіи, такъ и во вниманіе вообще ко всей совокупности свыше чѣмъ шестнадцатилѣтнихъ трудовъ профессора Квачалы по собиранію и изданію матеріаловъ для изученія дѣятельности и трудовъ Амоса Коменскаго.

Въ виду того, что и два другихъ труда, какъ выяснилось изъ прочитанныхъ въ засѣданіи Комиссіи рецензій г.г. Князева и Поржезинскаго,—тоже въ значительной степени отличаются учеными достоинствами и заслуживаютъ, по отзывамъ рецензентовъ, награжденія премією, Комиссія,—принимая во вниманіе, что капиталъ, образующій суммы, выдаваемыя въ преміи профессора Котляревскаго, нынѣ отъ конверсій и процентовъ значительно возросъ,—закрытою баллотировкою шарами присудила (согласно § 6 Правилъ) *по одной половинной* преміи имени профессора Котляревскаго *въ пятьсотъ рублей каждая* двумъ соискателямъ: 1) приватъ-доценту Императорскаго Казанскаго Университета магистру Н. М. Петровскому за его изслѣдованіе о Гекторовичѣ и 2) экстра-ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго Университета магистру С. М. Кульбакину за изслѣдованіе по исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Означенное постановленіе Комиссіи было утверждено Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, и тогда же Отдѣленіе, желая выразить свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ соисканію премій имени профес-

сора А. А. Котляревскаго сочиненій, постановило выдать установленныя золотыя медали имени профессора Котляревскаго: магистранту Г. М. Князеву и профессору В. К. Поржезинскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Честь имѣю изложить мое мнѣніе о важномъ значеніи двухъ томовъ составленнаго проф. Юрьевскаго Университета г. Квачалою, а прежде проф. евангелическаго лицея въ Пресбургѣ, сборника «Переписка Я. А. Коменскаго, (Korrespondence I. A. Komenského. Listy Komenského a vrstevníkůjeho. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů vydává Dr. Jan Kvačala. I т. XXIV+373 стр. 1898 г.—II т. XXX+351 стр.—всего 770 стр. слишкомъ комп. печ. въ большую 8.

Предварительно долгомъ считаю обратить вниманіе сочленовъ Комиссіи на разновременные труды г. проф. Квачалы о Я. А. Коменскомъ. Въ 1886 г. онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ свою инавгуральную диссертацію—Ueber J. A. Comenius Philosophie, insbesondere seine Physik, въ 1888 г. напечаталъ въ Лейпц. Paedagogium—Comenius und Bako:—въ первой ст. о физикѣ Коменскаго онъ останавливается на вопросѣ о вліяніи Кампанеллы, а въ послѣдней статьѣ о вліяніи Бэкона на Дидактику Коменскаго. Не отрицая, что К-скій былъ великимъ почитателемъ Бэкона, г. Квачала не признаетъ въ Дидактикѣ его вліянія по той простой причинѣ, что Дидактика была написана раньше знакомства Коменскаго съ сочиненіями Бэкона; въ 1889 г. помѣстилъ проф. Квачала въ Ztschr. f. öster. Gymn. библіографическій обзоръ большихъ и малыхъ до насъ дошедшихъ и не дошедшихъ, печатныхъ или приготовленныхъ къ печати сочиненій Коменскаго. Составленіе такого списка и обзора представляло большія трудности—первый такой списокъ былъ составленъ Палацкимъ въ приложеніи къ первой хорошей біографіи Коменскаго еще въ 1829 г. Съ тѣхъ поръ списокъ этотъ былъ дополняемъ преимущественно чехами: Юнгманомъ, Иречкомъ, Новакомъ, Зубкомъ и др. Писатель, жившій 300 лѣтъ назадъ и издававшій много небольшихъ книжекъ и листковъ, притомъ пользовавшійся большою извѣстностью и имѣвшій много враговъ среди католическаго духовенства, особенно іезуитовъ въ Австріи, съ такою ревностью уничтожав-

ныхъ всякую чешскую или гуситскую или братскую книгу, такой писатель, какъ Коменскій, такъ много писавшій противъ Рима и Габсбурговъ, не могъ дойти до насъ въ цѣломъ видѣ. Надо помнить, что архивъ и библіотека Чешскихъ Братьевъ въ Лѣшнѣ, гдѣ хранились разныя бумаги и труды Коменскаго, подверглись страшному опустошенію по вступленіи въ Лѣшно польскаго войска въ войну шведскую (1656 г.). Тогда погибли и нѣкоторыя сочиненія Коменскаго по части пансофіи (или энциклопедіи), его проповѣди и поученія за 40 лѣтъ его пыирскаго служенія; наконецъ, погибъ его словарь чешско-латинскій и латинско-чешскій, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе 46 лѣтъ.—Наконецъ проф. Квачала напечаталъ въ мадьярск. журналѣ Szazadok біографіи Бистерфельда, богослова, ученика и друга Альштедта, обоихъ близкихъ къ Коменскому людей, особенно во время пребыванія его въ Трансильваніи.

Наконецъ въ 1892 г. появился въ Лейпцигѣ большой и весьма почтенный трудъ проф. Квачалы I. A. Comenius-Sein Leben u. seine Schriften въ 480 стр. текста и 89 стр. важныхъ примѣчаній и приложеній, между прочимъ указатель сочиненій Коменскаго, всего 142 №№. Тутъ же приведены указанія на пять приписываемыхъ Коменскому сочиненій.

Этотъ трудъ проф. Квачалы представляетъ самую полную біографію Коменскаго и самое полное обозрѣніе его сочиненій, по большей части съ изложеніемъ ихъ содержанія и иногда съ весьма цѣнными замѣтками, напр. объ его Labyrint'ѣ světa, чистомъ перлѣ чешской литературы.

Этотъ трудъ проф. Квачалы является наилучшею и наиболѣе пока полною біографіею Коменскаго. Никто изъ его біографовъ не былъ такъ хорошо приготовленъ, какъ проф. Квачала. Онъ началъ свои занятія Коменскимъ еще въ 1886 г., когда вышла его первая о немъ статья. Самыя первыя и полныя біографіи Коменскаго составляютъ статьи Палацкаго [1]) и Гиндели—Ueber d. Comenius Leben u. Wirksamkeit in d. Fremde (въ Sitzber. d. phil. hist. Classe d. Wien. Ak. d. Wiss. Wiess. 1885 и новое увеличенное изданіе

1) въ Часоп. 1829 г. См. Palacký Fr. Spisy drobné. D. III, 366—412.

этой статьи въ Зноймѣ 1892. Послѣ этихъ двухъ чешскихъ историковъ о жизни и дѣятельности Коменскаго писали: Beeger u. Zoubek I. A. Comenius nach seinem Leben u. seinen Schriften Lpzg. 1883, Seyffarth I. A. Com. nach seinem Leben u. seiner pädagogischen Bedeutung. Lpzg. 1883., Kayser I. A. Comenius, sein Leben u. seine Werke. Hannover—Linden. 1892. Vrbka—Leben u. Schicksale d. I. A. Comenius. Znaim 1892.

Вообще о Коменскомъ, особенно какъ педагогѣ, и въ Германіи, имѣется большая литература, преимущественно развившаяся въ послѣднее тридцатилѣтіе прошлаго вѣка. Укажемъ на главнѣйшія или болѣе извѣстныя сочиненія. Таковы:

1) Pappenheim I. A. Comenius, der Begründer d. neueren Paedagogik. Berlin 1871.

2) Hoffmeister I. A. Comenius als Begründer d. Volksschule. Berlin. 1877.

3) Gottsched Die pädagogischen Grundgedanken d. I. A. Comenius. Magdeburg 1879.

4) Criegern, von, I. A. Comenius als Theolog. Lpzg. 1881.

5) Hiller. Die Lateinmethode d. Comenius Tschopau. 1883.

6) Free. Die Pädagogik d. Comenius Bernburg. 1884.

Müller, W. Comenius ein Systematiker in d. Pädagogie. Dresden. 1887.

Losche I. A. Comenius d. Pädagog u. Bischof. Lpz. 1889.

Hähner, Natur и Naturgemässheit bei Comenius. Chemnitz 1890.

Nebe I. A. Comenius als Mensch, Pädagog u. Christ. Bielef. 1891.

За эти же годы выходили и во Франціи и въ Англіи сочиненія о Коменскомъ, вѣроятно и въ Голландіи, въ Швеціи и въ Сѣв. Америкѣ.

Изъ французскихъ могу указать:

Robert Notice sur I. A. Comenius et ses idées humanitaires et pédagogiques. Paris. 1882.

Изъ Англійскихъ:

Laurie I. A. Comenius Bishop of the Moravians. His life and educational works. Cambridge. 1887.

Этими трудами далеко не исчерпывается западно-европейская литература о Коменскомъ. Во всѣхъ исторіяхъ педагогіи, народной и средней школы, въ исторіи реформаціи XVII в., во всѣхъ европейскихъ энциклопедіяхъ можно найти цѣлыя, болѣе или менѣе обширныя статьи о Коменскомъ. Къ памяти 300-лѣтія рожденія Коменскаго (1572 г.) въ Лейпцигѣ въ 1871 г. было положено основаніе такъ называемой Comenius-Stiftung—центральной педагогической библіотекѣ. Для дальнѣйшей же разработки всего, что̀ касается Коменскаго и для вліянія въ духѣ Коменскаго на все нынѣшнее поколѣніе, въ Берлинѣ 1 окт. 1891 г. было основано общество Коменскаго (Comenius Gesellschaft), начавшее ежемѣсячное изданіе (въ Лейпцигѣ) въ мартѣ 1892 г. (Comenius-Studien).

Коменскій не былъ однако исключительно педагогомъ и богословомъ. Хотя онъ прожилъ на родинѣ неполныя лишь 30 лѣтъ своей 80-лѣтней жизни (1592—1608, 1614—1628 нач. г.), и, прославляемый въ Европѣ, на родинѣ же и въ цѣлой имперіи Габсбурговъ онъ былъ принудительно умалчиваемъ или проклинаемъ, какъ еретикъ и государственный преступникъ, вплоть до извѣстныхъ годовъ царствованія императрицы Маріи Терезы, когда ея благородный, просвѣщенный сынъ, впослѣдствіи императоръ Іосифъ II, сталъ принимать участіе въ управленіи. Чехи, Моравне только съ конца XVIII в., со времени своего возрожденія, стали вновь признавать высокое значеніе своего великаго дѣятеля. Другъ человѣчества, знаменитый въ Европѣ педагогъ, Коменскій былъ и великимъ чешскимъ писателемъ и крупнѣйшимъ въ чешской исторіи дѣятелемъ послѣ Я. Гуса и Іеронима Пражскаго. Послѣдній епископъ Моравскихъ, Чешскихъ братьевъ такъ много сдѣлавшихъ и для чешскаго языка и литературы, Коменскій въ своихъ преніяхъ съ Лютеранами постоянно указывалъ, что не Лютеръ, а Гусъ былъ родоначальникомъ реформаторовъ въ Чехіи и Моравіи, что церковная реформа пошла не изъ Германіи XVI в., а изъ Англіи XIV в. Изъ этого видно, что онъ признавалъ (и вполнѣ справедливо) болѣе

или менѣе сильное вліяніе Виклефа на Гуса. Коменскій былъ также однимъ изъ самыхъ крупныхъ знатоковъ чешскаго языка и большимъ любителемъ живой народной старины. Онъ пѣшкомъ исходилъ Моравію, составилъ первую порядочную ея карту, записывалъ народныя пословицы и въ теченіе 45 лѣтъ работалъ надъ погибшимъ (сгорѣвшимъ потомъ въ Лѣшнѣ) словаремъ чешско-латинскимъ и латинско-чешскимъ. По языку своему, онъ принадлежитъ къ наилучшимъ классическимъ писателямъ чешскимъ. Его чешская Дидактика, его «материнская школа», его Labyrint světa превосходные памятники чистѣйшаго чешскаго языка, сильно попорченнаго въ послѣдовавшія затѣмъ полтораста лѣтъ. Labyrint světa—прекрасное, художественное, полное глубокаго юмора и ироніи, произведеніе. Вмѣстѣ съ Pan Tadeusz'омъ Мицкевича, съ баснями Крылова, съ Горе отъ ума Грибоѣдова, многими большими и мелкими произведеніями Пушкина, Гоголя, Льва Толстого и Достоевскаго, оно принадлежитъ къ литературнымъ созданіямъ славянскаго генія со значеніемъ истинно міровымъ. Самыя слабости Коменскаго, его мистическія бредни (Lux e tenebris), его вѣра въ нелѣпыя пророчества и видѣнья Хр. Коттера, Софіи Понятовской и Драбика, его хиліастическія мечтанья о близкомъ крушеніи новаго Вавилона и наступившаго царства Антихристова (папскаго Рима и монархіи Габсбурговъ) объясняются не его личными только, а общими, постигшими его родину и его церковь (Iednotu братскую) бѣдствіями. Бѣлогорская битва и Вестфальскій миръ привели къ полному разгрому его родину и его церковь, къ преслѣдованію и изгнанію всѣхъ лучшихъ сыновъ и представителей ея. Утопающій за соломинку хватается, и экзулянты чешско-моравскіе, сходно съ позднѣйшими эмигрантами Итальянскими и Польскими, не мирясь съ настоящимъ, предавались самому необузданному мистицизму и согласно съ духомъ времени, искали и находили въ пророчествахъ Даніила, Іезекіиля и Исаіи, особенно въ Апокалипсисѣ, ясныя указанія на свои злосчастія и на прямой выходъ изъ нихъ. Таже горячая привязанность къ родинѣ побуждала Коменскаго и къ политической агитаціи. Благодаря въ особенности сборникамъ проф. Ква-

чалы (переписка Коменскаго)[1]) мы узнаемъ теперь много новыхъ подробностей о стараніяхъ Коменскаго въ Швеціи у министра Оксенштирны, въ Англіи у Кромвеля и особенно изъ разныхъ записокъ Коменскаго, возбуждавшихъ Юрія Ракоція противъ Австріи. Позволю себѣ привести одно извлеченіе изъ сборника Квачалы относительно политическихъ чаяній Коменскаго, между прочимъ, и на Московское государство. Съ современною ему Россіею, отчасти и по распросамъ, и съ русскимъ народомъ, по крайности западнымъ его отдѣломъ, Коменскій имѣлъ случай и лично ознакомиться еще въ 1644 г., когда прожилъ слишкомъ двѣ недѣли въ Литвѣ, именно въ мѣстечкѣ Орлѣ, близь Вильны, куда онъ ѣздилъ на съѣздъ братьевъ изъ В. и М. Польши и Литвы (Korresp. I. Komenského I, c. 119—120). Въ томъ же томѣ Переписки Коменскаго проф. Квачала помѣстилъ найденный имъ въ Брит. Музеѣ отрывокъ изъ письма неизвѣстнаго лица къ другу и большому покровителю Коменскаго, просвѣщенному Гартлибу. Письмо это послано было изъ Силезіи, изъ гор. Брѣга 25 іюля 1654 г. Здѣсь читаемъ, что въ половинѣ іюня Коменскій былъ въ Трансильваніи и на обратномъ пути видѣлся 28 іюля съ авторомъ этого письма. Коменскій, по его словамъ, узналъ много секретнаго (viel geheime Sachen) отъ польскихъ евангеликовъ (von Evangel. Poln. Herren), а именно: «Der Moscoviter gehet dahin, dass er die Pfaffen in gantz Polen wil austilgen, wil auch weiter gehen, und intentioniret dasz gantze Babstumb auszurotten. Hat schon viel fäste Plätze eingenommen, und ist niemand der ihm widerstand thuet. In Böhmen und Mähren warten viel 1000 Mann auf die Hülffe ausz Sion; Wie denn ein Böhmischer Herr in Pohlen sich aufhelt, der für gewisz berichtet, das seine und seiner Nachbarn Unterthanen in 20^{m} auf ihn warten, sobald und nur des Imp. Todt offenbar wird, und nur ein eintziger Potentat auff Ewang. seiten aufzieht, und in Böhmen und Mähren kombt, so bringt er in kurtzer Frist 100^{m} Mann zusammen ohne Werbung. Далѣе высказывается надежда на Кромвеля, про

1) Также см. прекрасные сборники матеріаловъ объ А. Коменскомъ, составл. достопочтеннымъ библіотекаремъ А. О. Патерою, изд. Чешск. Акад. Н.

котораго между прочимъ одинъ англійскій полковникъ разсказывалъ въ Бреславлѣ, за столомъ, что Кромвель trachte alle hohe Häupter in Europa auszurotten, darumb nennt er sich jetzt schon einen Kayser, hab auch auff seiner müntze sich Imperatoren titulirt, что вообще онъ имѣетъ въ виду die ganze Ausrottung des Papstums.

Въ день отъѣзда Коменскаго изъ Трансильваніи пришла къ Ракоцію почта отъ Татаръ съ увѣщаніемъ, чтобы Ракоцій отступился отъ союза съ Польскимъ королемъ, иначе де, съ нимъ случится тоже что съ Польскимъ. По словамъ же Коменскаго, Польскіе еванг. дворяне (Herren) настаивали у Ракоція, чтобъ онъ приступилъ къ нимъ: er sollte sich zu ihnen schlagen, sie wolten sich *mit dem Moscoviter conjungiren*, und das gantze Papstumb in Polen ausrotten.

Я привелъ эти выписки съ намѣреніемъ показать, что біографія Коменскаго и тщательныя изысканія источниковъ, современныхъ свидѣтельствъ о немъ, собственныхъ писемъ и записокъ его (каковы два тома Квачалы) вполнѣ подходятъ къ требованіямъ покойнаго Котляревскаго относительно его преміи. Коменскій былъ не только другъ человѣчества, педагогъ, богословъ и мыслитель, но и превосходный чешскій писатель, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей чешскаго реформаціоннаго движенія: всѣмъ существомъ своимъ онъ былъ связанъ со своимъ славянскимъ народомъ, со своею чешско-моравскою родиною, съ ея прошлымъ и настоящимъ.

Професоръ Квачала, начавшій свои работы еще до 1886 г. привелъ отчасти ихъ къ окончанію, издавъ въ 1892 г. біографію Коменскаго. Послѣдующіе за тѣмъ годы онъ употребилъ на разъѣзды по Европѣ, собирая матеріалы и извѣстія о Коменскомъ—въ Германіи, Швеціи, Даніи, Голландіи и Англіи, Швейцаріи и Австро-Венгріи для исправленія и пополненія перваго изданія своего, лучшаго въ то время (1892 г.), жизнеописанія Коменскаго. Нельзя не пожелать, чтобы второе изданіе, передѣланное, и дополненное вышло единовременно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Можно надѣяться, что II Отд. И. Ак. Н. не отказалось бы напечатать его въ своихъ Сборникахъ, съ предоставленіемъ автору извѣстнаго (по соглашенію съ нимъ) количества экземпляровъ.

В. Ламанскій.

II.

Н. Петровскій. О сочиненіяхъ Петра Гекторовича (1487—1572). Казань. 1901 г. 8°. Стр. 320.

Рецензія Г. М. Князева.

Названная книга уже не первая и не единственная работа автора въ области историко-литературныхъ изученій, къ которой относится: кромѣ нея, сколько мнѣ извѣстно, имъ были напечатаны статьи: «Der Philomelamythus in der kroatischen Volksdichtung» (Archiv für slavische Philologie, B. XXII), «Къ вопросу о драмѣ А. Луцича «Robinja» (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCCXXXV, іюнь 1901 г.), «O genealogiji Držića» (Rad Iugoslov. akademie, kn. 148). Разсматриваемая книга г. Петровскаго отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, одному изъ наиболѣе живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія: за послѣднія тридцать лѣтъ въ изданіи Югославянской Академіи «Stari pisci hrvatski» одинъ за другимъ появились въ печати многіе старинные хорватскіе писатели и постепенно сдѣлались общимъ научнымъ достояніемъ многія произведенія старинной хорватской литературы, и въ настоящее время настоитъ положительная необходимость научной разработки имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ для біографій этихъ писателей, критическаго изслѣдованія текстовъ и изученія литературной исторіи внутренняго содержанія изданныхъ произведеній; независимо отъ этого спеціальнаго интереса, изученіе памятниковъ славянской литературы и образованности хорватскаго поморья, на рубежѣ двухъ историческихъ цивилизацій и на почвѣ живаго вза-

имодѣйствія двухъ различныхъ племенныхъ стихій, имѣетъ свою особенную привлекательность, представляя немало любопытнаго матеріала для наблюденій въ направленіи болѣе или менѣе научнаго выясненія отличительныхъ, характерныхъ чертъ славянскаго культурнаго типа въ его историко-литературныхъ опредѣленіяхъ; «изученіе итальянско-славянскихъ литературныхъ отношеній, по замѣчанію академика А. Н. Веселовскаго [1]), еще можетъ повести къ любопытнымъ откровеніямъ»... Изслѣдованіе г. Петровскаго о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербо-далматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje» является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета въ указанномъ направленіи.

Книга состоитъ изъ семи главъ съ приложеніемъ въ концѣ къ одной изъ нихъ (VI-ой). Первая, вступительная глава, подъ заглавіемъ (въ оглавленіи) «Свѣтская литература Далмаціи до Гекторовича», занята критическими замѣчаніями, въ текстѣ и подъ строкою, о существующихъ источникахъ и пособіяхъ по исторіи старинной сербо-далматской словесности (стр. 7—10), установленіемъ съ большею или меньшею достовѣрностью хронологическихъ опредѣленій жизни и дѣятельности наиболѣе извѣстныхъ предшественниковъ и современниковъ изучаемаго авторомъ хварскаго поэта: С. Менчетича и Г. Држича, А. Чубрановича, М. Марулича и М. Ветранича (стр. 10—23) и характеристикою въ общихъ чертахъ внутренняго значенія ихъ литературныхъ произведеній (стр. 23—38). Многочисленныя и обширныя подстрочныя примѣчанія заключаютъ много весьма цѣнныхъ указаній и соображеній относительно рукописей и изданій литературнаго матеріала, о которомъ идетъ рѣчь, и библіографическихъ данныхъ по его изученію и обработкѣ. Время, къ которому относится первое достовѣрное свидѣтельство о суще-

1) «Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвномъ Радо»: Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCI (январь 1879 г.) стр. 107.

ствованіи въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи свѣтской поэзіи на сербо-хорватскомъ языкѣ, опредѣляется въ настоящую пору, какъ извѣстно, 1421—1430 годами, когда, по мнѣнію К. Иречка, судя по почерку, вписанъ былъ между многими другими латинскими и итальянскими замѣтками кириллицею отрывокъ изъ какого-то стихотворенія (6 строкъ) шестисложнаго размѣра, найденный названнымъ ученымъ въ дубровницкой рукописи «Liber statutorum doane» (1277 г.) [1]). Г. Петровскій опредѣляетъ размѣръ этого стихотворенія, какъ обычный впослѣдствіи «двенаестерац», раздѣляя видимо въ данномъ случаѣ мнѣніе, что этотъ послѣдній размѣръ образовался изъ сдвоенныхъ первоначальныхъ шестисложныхъ стиховъ, но это мнѣніе требуетъ еще доказательствъ [2]), и потому указанное опредѣленіе едва ли было умѣстно безъ всякихъ оговорокъ... По содержанію найденный Иречкомъ отрывокъ представляетъ лирическое описаніе бури на морѣ и чувства, съ какимъ пострадавшій пловецъ выходитъ послѣ нея на берегъ; онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе автора разсматриваемой книги, какъ показаніе, что въ Дубровникѣ писались, повидимому, стихи свѣтскаго содержанія на сербо-хорватскомъ языкѣ еще въ началѣ XV столѣтія, вопреки принятому до послѣдняго времени мнѣнію, по которому исторія хорватской литературы начиналась съ М. Марулича, хотя послѣдній самъ въ предисловіи къ своей поэмѣ «Юдиѳь» говорилъ: «historiju tuj svedoh u versih *po običaju naših začinjavac*»; изъ этихъ словъ, какъ бы ни понимать выраженіе «*začinjavce*», очевидно, что у автора данной поэмы, по его собственному признанію, были предшественники, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ произведеніи. Отмѣчая явное противорѣчіе, въ какомъ оказывались въ данномъ случаѣ историки литературы, державшіеся

---

1) Свѣдѣнія объ этой рукописи и самые стихи напечатаны К. Иречкомъ въ его статьѣ «Der ragusanische Dichter Šiško Menčetić (geb. 1457 † 1527): Archiv für Slav. Phil., XIX, 57—62.

2) Medini, Povjest hrvatske književnosti u Dalmaciji i Dubrovniku, kn. I, XVI stol. (U Zagrebu 1902), стр. 8.

только что указаннаго взгляда по вопросу о началѣ сербо-хорватской поэзіи, г. Петровскій находитъ также страннымъ, что «даже чакавскія особенности языка «дубровницкихъ трубадуровъ» — С. Менчетича и Г. Држича, стоящихъ на рубежѣ XV и XVI вѣковъ, такъ-же, какъ и Маруличъ, — объяснялись подражаніемъ послѣднему», но въ изложеніи его представляется неяснымъ, какъ смотритъ онъ самъ на этотъ вопросъ; между тѣмъ, отрицая въ отношеніи языка вліяніе Марулича на Г. Држича и Менчетича и обратно, наблюдаемое въ указанномъ отношеніи сходство между ними можно, какъ извѣстно, объяснять создавшеюся ко времени литературной дѣятельности этихъ поэтовъ традиціею поэтическаго языка [1]), наличность которой можетъ, въ свою очередь, быть косвеннымъ подтвержденіемъ непрерывнаго существованія свѣтской поэтической литературы на сербо-хорватскомъ языкѣ съ начала XV до XVI столѣтія, хотя самихъ произведеній такой литературы за это время и не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, назвать съ полною достовѣрностью было бы трудно; къ числу такихъ произведеній, можетъ быть, принадлежатъ и нѣкоторыя изъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, оказывающіяся между произведеніями Г. Држича и Менчетича въ задрской рукописи Раньины... Продолжая свой обзоръ начальнаго періода хорватской литературы, г. Петровскій говоритъ, что между упомянутою выше стихотворною записью 1420—1430 года и *«началомъ XVI вѣка* нѣтъ ни одного подкрѣпленнаго фактами свидѣтельства о существованіи свѣтской поэзіи на хорватскомъ языкѣ въ Далмаціи, хотя изъ различныхъ источниковъ извѣстны имена поэтовъ, писавшихъ lingua vernacula» (стр. 10—11), и въ этомъ случаѣ противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ черезъ нѣсколько страницъ приходитъ между прочимъ къ заключенію, что *любовныя* стихотворенія Г. Држича слѣдуетъ относить приблизительно къ 1480 годамъ (стр. 18). О М. Кристичевичѣ, І. Мартинчичѣ, І. Папа-

1) Medini, Povjest hrv. književn. u Dalmaciji i Dubrovniku, I, 6—7.

личѣ, Ф. Наталичѣ, С. Клеменовичѣ, Н. Матуличѣ и Ф. Божичевичѣ имѣются крайне скудныя біографическія свѣдѣнія, и произведенія большинства изъ нихъ неизвѣстны; поэтому г. Петровскій, говоря объ этихъ поэтахъ, ограничивается лишь библіографическими указаніями и нѣкоторыми соображеніями относительно біографій того или другого изъ нихъ. Относящіяся сюда примѣчанія автора представляютъ иногда любопытный матеріалъ для характеристики обычныхъ до послѣдняго времени пріемовъ въ изученіи старинной хорватской литературы. Такъ, напримѣръ, о Кристичевичѣ «*Cerva* (Vitae illustrorum Ragusinorum, III, 47) пишетъ: Illustres inter viros, qui seculo XV vixerunt, laudandus nobis est poeta non ignobilis Marinus Christichievich. Quis ille fuerit, quodque vitae institutum professus, mihi latet; at cum Illyricis Musis rationem habuisse certa res est. Extant enim nonnulla ejus varii generis et argumenti poematia, sane elegantissima, descripta initio XVI seculi, quae hominem poeticae satis peritum demonstrant. *Dolci* ограничивается (Fasti litterario-ragusini, pag. 40) слѣдующими словами: Marinus Christichievich. Nobilis inter Illyricos Poetas ineunte Seculo XV (т. е. XVI, ср. итальянское выраженіе il cinquecento въ смыслѣ «XVI вѣкъ») habebatur; at praeter Epigramma, quod inter Carmina Sigismundi Mensii, nullum aliud ingenii ejus monumentum». *Kukuljević* (Pjesnici hrvatski XV vieka. Zagreb 1856, стр. 41) уже знаетъ, что Кристичевичъ жилъ «oko godine 1460», что о немъ упоминаетъ одинъ Дольчи (между тѣмъ трудъ Червы былъ извѣстенъ Кукульевичу, cf. ibid., pag. 23, nota, et passim), по словамъ котораго будто бы нѣкоторыя эпиграммы Кристичевича сохранились среди стихотвореній Менчетича; *S. Ljubić* (Ogledalo književne povjesti jugoslavjanske, II, Rječki 1869, стр. 370) повторяетъ слова Кукульевича, кромѣ сочиненной тѣмъ даты. Достовѣрныя, но весьма скудныя данныя о Кристичевичѣ, собранныя г. Иречкомъ (Beiträge zur ragus. Litteraturgeschichte, Archiv f. Sl. Phil., pagg. 462—464), показываютъ, что онъ былъ въ родствѣ съ Држичами, что въ 1503 г. онъ уже

искалъ должности коадъютора въ Consilium Rogatorum, а въ 1531—умеръ» (стр. 11, прим.). Кукульевичъ въ своихъ «Pjesnici» (стр. 51) выписываетъ изъ «Евангелистарія» Марулича стихотвореніе его Папаличу, приведенное въ біографіи послѣдняго у Думанео въ «Synopsis virorum illustrium Spalatensium», тогда какъ въ названномъ трактатѣ Марулича никакихъ стихотвореній автора нѣтъ; Любичъ (Ogledalo, 369), съ своей стороны, также сообщаетъ, что Маруличъ очень хвалитъ Папалича въ своемъ «Евангелистаріи» (стр. 12, прим.)... Подобными указаніями живо выясняется та необходимость критическаго пересмотра существовавшихъ до сихъ поръ данныхъ по исторіи старинной сербо-хорватской литературы и изученія заново ея источниковъ, о которой было мною выше сказано. Относительно Менчетича г. Петровскій приводитъ данныя Иречка, по которымъ, какъ извѣстно, поэтъ родился въ 1457 г. и умеръ въ 1527 году [1]), о Држичѣ представляетъ новыя цѣнныя показанія, извлеченныя изъ найденной имъ въ библіотекѣ францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ неизвѣстной до сихъ поръ рукописи, подъ заглавіемъ «Orrigine et descendenza della famiglia di darsa», которая заключаетъ въ себѣ генеалогію Држичей, составленную однимъ изъ представителей этого рода въ 1603 г. [2]): по достовѣрнымъ показаніямъ этой генеалогіи, Георгій Држичь родился 6 февраля 1461 г., умеръ 26 сентября 1501 года; указанія Червы, Джорджича, Аппендини относительно несчастной любви поэта, будто бы заставившей его постричься въ монахи, признанныя Ягичемъ и Иречкомъ недостовѣрными, объясняются, по даннымъ генеалогіи, сообщенной г. Петровскимъ, повидимому, смѣшеніемъ поэта съ другимъ Георгіемъ Држичемъ, его дядею, въ жизни котораго дѣйстви-

1) Archiv f. Slav. Phil., XIX, 65, 72.

2) Описаніе этой рукописи и характеристику ея содержанія г. Петровскій даетъ въ примѣчаніи къ разсматриваемой книгѣ (стр. 15—18), а самая генеалогія напечатана имъ въ «Rad'ѣ Jugosl. akad.» въ упомянутой выше статьѣ «O genealogiji Držića».

тельно было подобное обстоятельство. Г. Петровскій извлекъ между прочимъ изъ указанной рукописи и точную дату смерти Марина Држича, о времени которой, какъ извѣстно, до сихъ поръ не было достовѣрныхъ свѣдѣній: оказывается, онъ умеръ въ Венеціи 2 мая 1567 года [1]) (стр. 17, прим.). Относительно А. Чубрановича, умершаго, по мнѣнію Иречка и Медини, въ 1527 году, во время свирѣпствовавшей тогда въ Дубровникѣ чумы, авторъ, на основаніи интересныхъ сопоставленій имѣвшихся въ литературѣ предмета данныхъ и мнѣній и нѣкоторыхъ собственныхъ соображеній, приходитъ къ заключенію, что въ извѣстныхъ словахъ Джорджича, въ общемъ, не отвѣчающихъ дѣйствительности, — credo che (Cjubranovich) fiorisse intorno al 1460 — можетъ скрываться «зерно истины», въ томъ смыслѣ, «что Чубрановичъ *родился* въ 1460-хъ годахъ». Для Ветранича г. Петровскій сохраняетъ прежнія хронологическія данныя (1482—1576 г.), несмотря на сомнѣніе, высказанное Иречкомъ относительно правильности обычнаго опредѣленія года рожденія поэта въ виду того, что 1504 годомъ, оказывается, датированъ нотаріальный актъ о совершеннолѣтіи его, которое по дубровницкимъ законамъ могло состояться въ 18 или 20 лѣтъ отъ роду [2]); въ подкрѣпленіе прежней даты Г. Петровскій указываетъ на то обстоятельство, что поэтъ, говоря въ началѣ своей поэмы «Pelegrin» о постигшемъ его несчастіи и намекая, по мнѣнію Медини [3]), въ данномъ случаѣ, вѣроятно, на несчастье, которое ему пришлось пережить, по біографическимъ даннымъ, въ 1517 году, фигурально опредѣляетъ время этого несчастія выраженіемъ «ja bivši srjed puta od moga poroda», представляющимъ дословный переводъ начальнаго стиха «Божественной комедіи» Данте, который подъ словами «mezzo del cammin di

1) Родился М. Држичь, по соображеніямъ г. Петровскаго, около 1510 г. (1508—1512), а не послѣ 1520 г., какъ полагалъ Петрачичъ (St. pisci hrv., VII, стр. V): «O genealogiji Držića» — Rad Jugosl. akad., kn. 148, стр. 229.

2) K. Jireček, Der ragusan. Dichter Š. Menčetić: Archiv f. Sl. Ph., XIX, 77.

3) «Vetranić's Pelegrin»: Archiv f. Sl. Ph., XVII, 522.

nostra vita» разумѣлъ тридцатипятилѣтній возрастъ: такимъ образомъ, если Ветраничу въ 1517 году было 35 лѣтъ, то родился онъ въ 1482 году. Но, по моему мнѣнію, если сомнѣніе Иречка представляется недостаточно обоснованнымъ, потому что формальное закрѣпленіе правъ, связанныхъ съ совершеннолѣтіемъ, могло состояться, какъ бываетъ иногда теперь, и позднѣе фактическаго полученія ихъ, то, съ другой стороны, приведенное выше выраженіе поэта, само по себѣ, едва ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ, такъ какъ могло быть чисто внѣшнимъ подражаніемъ Данте, не заключая въ себѣ непремѣнно автобіографическаго смысла по отношенію къ автору, по крайней мѣрѣ, какъ совершенно точная и опредѣленная хронологическая дата.

Опредѣливъ съ большей или меньшей достовѣрностью время жизни главныхъ предшественниковъ Гекторовича, г. Петровскій обращается къ характеристикѣ внутренняго значенія ихъ произведеній. Прежде всего онъ останавливается на литературной дѣятельности «дубровницкихъ діоскуровъ» С. Менчетича и Г. Држича. Говоря о главномъ источникѣ для изученія этихъ поэтовъ, извѣстной задрской рукописи 1507 года, авторъ высказываетъ между прочимъ нѣсколько замѣчаній по вопросу о времени, когда былъ написанъ сборникъ Николая Раньины: по мнѣнію Решетара [1]), рукопись задрской гимназіи не могла быть написана въ 1507 году, какъ она датирована, а если и была написана въ этомъ году, то не въ полномъ своемъ теперешнемъ составѣ, такъ какъ между прочими заключающимися въ ней стихотвореніями оказывается стихотвореніе Ветранича, посвященное поэту Niko и написанное, по другимъ источникамъ, на смерть Николая Димитровича, который умеръ не ранѣе 1554 года; г. Петровскій говоритъ, что несомнѣнно только то, что указанное стихотвореніе относится къ какому-то поэту, по имени Нико, а

1) «Das ragusanische Liederbuch aus dem Jahre 1507»: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 229—230.

пріуроченіе его именно къ Димитровичу (Решетаръ также думаетъ, что не слѣдуетъ его относить непремѣнно къ Димитровичу) можетъ быть ошибкою позднѣйшихъ рукописей, и потому предпочитаетъ общепринятую дату. Медини въ своей исторіи хорватской литературы XVI в. обозначаетъ эту дату сборника Раньины съ вопросительнымъ знакомъ [1]). Недавно Матичъ [2]) высказалъ по этому вопросу мысль, что упомянутое стихотвореніе Ветранича относится къ поэту Маро Лилѣ, котораго называетъ въ ряду другихъ дубровницкихъ поэтовъ А. Сасинъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Drugi san» и «U pohvalu pjesnika dubrovačkijeh [3])»; Лила, по соображеніямъ Матича, умеръ во второй половинѣ XVI вѣка, — слѣдовательно, мнѣніе Решетара остается въ силѣ и взглядъ Петровскаго не находитъ себѣ подтвержденія, но я счелъ умѣстнымъ отмѣтить въ данномъ случаѣ статью Матича, потому что авторъ ея также предполагаетъ замѣну первоначально стоявшаго, по его мнѣнію, въ рукописяхъ имени Маро позднѣйшимъ Нико. Кромѣ сборника Раньины, г. Петровскій указываетъ еще одну рукопись стихотвореній Менчетича, видѣнную имъ въ задрской Communale Bibliotheca Paravia и не принятую во вниманіе при академическомъ изданіи сочиненій «дубровницкихъ діоскуровъ»: по мнѣнію автора, она могла бы быть полезна для возстановленія текста произведеній названнаго поэта. Обращаясь къ заключающимся въ разсматриваемой главѣ замѣчаніямъ о внутренней сторонѣ поэтическихъ произведеній названныхъ литературныхъ предшественниковъ и современниковъ Гекторовича, съ нѣкоторыми мнѣніями и взглядами автора трудно согласиться. «Произведенія С. Менчетича и Г. Држича, говоритъ г. Петровскій, охарактеризованы въ извѣстной рѣчи акад. Ягича «Trubaduri i najstariji hrvatski lirici» (Rad, 1869, IX). За тридцать слишкомъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея обнаро-

1) «Povj. hrv. knjiž.», I, стр. 125, 127—129.

2) «Die Widmung eines Gedichtes Vetranić's»: Archiv für Sl. Phil, XXVI, 262—266.

3) St. pisci hrv., XVI, 158, 160.

дованія, въ данной области не появлялось ничего такого, что могло бы измѣнить выводы акад. Ягича, видѣвшаго въ произведеніяхъ С. Менчетича и Г. Држича отголоски любовной лирики трубадуровъ, дошедшей до дубровчанъ при посредствѣ итальянской литературы (въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ «діоскуровъ» замѣтно подражаніе Петраркѣ; болѣе подробное изслѣдованіе указало бы, вѣроятно, и слѣды вліянія петраркистовъ). Въ общемъ можно сказать, что вся эта поэзія, монотонная и на своей родинѣ, становилась просто скучной у подражателей; если, напр. Петрарка до извѣстной степени искупалъ безсодержательность и фальшивость своихъ сонетовъ необычайною красотою формы, то о дубровницкихъ трубадурахъ нельзя сказать и этого; ихъ стихотворенія не свидѣтельствуютъ даже объ изобрѣтательности авторовъ, объ ихъ умѣніи придавать сколько-нибудь новую внѣшность стереотипному содержанію; незамѣтно, чтобы «діоскуры» отличались и образованіемъ, которое давало бы имъ возможность переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Обычныя въ произведеніяхъ временъ Возрожденія сравненія изъ античной исторіи и миѳологіи изрѣдка встрѣчаются и у «дубровницкихъ діоскуровъ», которые, впрочемъ, только подбирали эти крупицы со стола ихъ итальянскихъ учителей (стр. 23—25)... Безсодержательность и полная незначительность произведеній «дубровницкихъ трубадуровъ» была, вѣроятно, причиною весьма малой ихъ распространенности. Всѣ панегирики, которые писались Менчетичу и Држичу позднѣйшими литераторами, происходятъ изъ Дубровника, за стѣнами котораго ихъ поэзія едва ли была извѣстна; по крайней мѣрѣ ни на какихъ поэтахъ другихъ мѣстностей Далмаціи не замѣтно вліянія «діоскуровъ» (стр. 26)... Послѣднее замѣчаніе автора находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, указывая на мнѣніе Майкснера [1]), что на

1) «O hrvatskom prijevodu XV (XVI) Ovidijeve heroide «Paris Helenae» od H. Lučića»: Rad Jugosl. akad., kn. 91.

пріуроченіе его именно къ Димитровичу (Решетаръ также думаетъ, что не слѣдуетъ его относить непремѣнно къ Димитровичу) можетъ быть ошибкою позднѣйшихъ рукописей, и потому предпочитаетъ общепринятую дату. Медини въ своей исторіи хорватской литературы XVI в. обозначаетъ эту дату сборника Раньины съ вопросительнымъ знакомъ [1]). Недавно Матичъ [2]) высказалъ по этому вопросу мысль, что упомянутое стихотвореніе Ветранича относится къ поэту Маро Лилѣ, котораго называетъ въ ряду другихъ дубровницкихъ поэтовъ А. Сасинъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Drugi san» и «U pohvalu pjesnika dubrovačkijeh [3])»; Лила, по соображеніямъ Матича, умеръ во второй половинѣ XVI вѣка, — слѣдовательно, мнѣніе Решетара остается въ силѣ и взглядъ Петровскаго не находитъ себѣ подтвержденія, но я счелъ умѣстнымъ отмѣтить въ данномъ случаѣ статью Матича, потому что авторъ ея также предполагаетъ замѣну первоначально стоявшаго, по его мнѣнію, въ рукописяхъ имени Маро позднѣйшимъ Нико. Кромѣ сборника Раньины, г. Петровскій указываетъ еще одну рукопись стихотвореній Менчетича, видѣнную имъ въ задрской Communale Bibliotheca Paravia и не принятую во вниманіе при академическомъ изданіи сочиненій «дубровницкихъ діоскуровъ»: по мнѣнію автора, она могла бы быть полезна для возстановленія текста произведеній названнаго поэта. Обращаясь къ заключающимся въ разсматриваемой главѣ замѣчаніямъ о внутреннѣй сторонѣ поэтическихъ произведеній названныхъ литературныхъ предшественниковъ и современниковъ Гекторовича, съ нѣкоторыми мнѣніями и взглядами автора трудно согласиться. «Произведенія С. Менчетича и Г. Држича, говоритъ г. Петровскій, охарактеризованы въ извѣстной рѣчи акад. Ягича «Trubaduri i najstariji hrvatski lirici» (Rad, 1869, IX). За тридцать слишкомъ лѣтъ, истекшихъ со времени ея обнаро-

1) «Povj. hrv. knjiž.», I, стр. 125, 127—129.

2) «Die Widmung eines Gedichtes Vetranić's»: Archiv für Sl. Phil, XXVI, 262—266.

3) St. pisci hrv., XVI, 158, 160.

дованія, въ данной области не появлялось ничего такого, что могло бы измѣнить выводы акад. Ягича, видѣвшаго въ произведеніяхъ С. Менчетича и Г. Држича отголоски любовной лирики трубадуровъ, дошедшей до дубровчанъ при посредствѣ итальянской литературы (въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ «діоскуровъ» замѣтно подражаніе Петраркѣ; болѣе подробное изслѣдованіе указало бы, вѣроятно, и слѣды вліянія петраркистовъ). Въ общемъ можно сказать, что вся эта поэзія, монотонная и на своей родинѣ, становилась просто скучной у подражателей; если, напр. Петрарка до извѣстной степени искупалъ безсодержательность и фальшивость своихъ сонетовъ необычайною красотою формы, то о дубровницкихъ трубадурахъ нельзя сказать и этого; ихъ стихотворенія не свидѣтельствуютъ даже объ изобрѣтательности авторовъ, объ ихъ умѣніи придавать сколько-нибудь новую внѣшность стереотипному содержанію; незамѣтно, чтобы «діоскуры» отличались и образованіемъ, которое давало бы имъ возможность переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія. Обычныя въ произведеніяхъ временъ Возрожденія сравненія изъ античной исторіи и миѳологіи изрѣдка встрѣчаются и у «дубровницкихъ діоскуровъ», которые, впрочемъ, только подбирали эти крупицы со стола ихъ итальянскихъ учителей (стр. 23—25)... Безсодержательность и полная незначительность произведеній «дубровницкихъ трубадуровъ» была, вѣроятно, причиною весьма малой ихъ распространенности. Всѣ панегирики, которые писались Менчетичу и Држичу позднѣйшими литераторами, происходятъ изъ Дубровника, за стѣнами котораго ихъ поэзія едва ли была извѣстна; по крайней мѣрѣ ни на какихъ поэтахъ другихъ мѣстностей Далмаціи не замѣтно вліянія «діоскуровъ» (стр. 26)... Послѣднее замѣчаніе автора находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, указывая на мнѣніе Майкснера [1]), что на

1) «O hrvatskom prijevodu XV (XVI) Ovidijeve heroide «Paris Helenae» od H. Lučića»: Rad Jugosl. akad., kn. 91.

способъ выраженія Луцича при переводѣ героиды Овидія «Paris Helenae» вліяли формулы трубадурской лирики, представителями которой у хорватовъ были Г. Држичь и С. Менчетичь, и находя, съ своей стороны, слѣды такого вліянія въ переводномъ стихотвореніи «Od lika ljubenoga» Гекторовича (стр. 87): оба названные поэта были уроженцами Хвара (Лесины). Относительно А. Чубрановича авторъ также отмѣчаетъ указаніе Медини, что въ поэмѣ этого поэта «Jedjupka» замѣчается немало сходства въ мотивахъ и тонѣ выраженія съ поэзіею дубровницкихъ трубадуровъ [1]); хотя г. Петровскій и выражаетъ «удивленіе, какъ можно усматривать сходство между бездушными, вялыми амплификаціями общихъ мѣстъ и горячей рѣчью искренняго чувства» (стр. 27), и полагаетъ, что «если и есть сходство въ выраженіяхъ «діоскуровъ» и «Andrije zlatara», то оно скорѣе можетъ быть объяснено общностью пріемовъ, нежели заимствованіемъ» (стр. 29), но вопросъ такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, не касается наличности факта и сводится только къ его толкованію съ различныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Связь поэзіи Менчетича и Г. Држича съ лирикою трубадуровъ чрезъ посредство итальянскаго вліянія и зависимость «дубровницкихъ діоскуровъ» отъ Петрарки съ его сонетами, конечно, несомнѣнны, но это не составляетъ ихъ отличительной особенности, такъ какъ итальянское вліяніе было явленіемъ общимъ въ большей или меньшей степени для всѣхъ старинныхъ сербо-далматскихъ писателей. Не слѣдуетъ однако при этомъ упускать изъ вида, что многія характерныя черты лирики трубадуровъ оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ присущими и хорватской народной поэзіи, и не только въ выраженіи, но даже въ мотивахъ содержанія [2]). Конечно, это явленіе можно также объяснять итальянскимъ вліяніемъ на почвѣ взаимнаго общенія двухъ сторонъ въ самой средѣ народной: «легко

1) Medini, Čubranović und seine Beziehungen zu der einheimischen und der italienischen Literatur: Archiv f. Sl. Phil., XXII, 96–98.

2) Ср. Medini, Povjest hrv. književn., I, 123–125.

предположить a priori, по мнѣнію академика А. Н. Веселовскаго [1]), что народные пѣвцы были издавна носителями обоюдныхъ пѣсенныхъ вліяній на томъ и другомъ берегу Адріатики. Славянскіе музыканты и скоморохи могли проникать въ Италію, гдѣ tomi schiavoneschi засвидѣтельствованы для XIV и XV вѣка. Съ другой стороны, жонглеры (giullari) XIII и XIV вѣка, толпившіеся при дворахъ сѣверно-итальянскихъ властителей, Эццелиновъ и Скалигеровъ, могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда разсказы о Карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго стола, издавна популярные въ Италіи». Но съ этой точки зрѣнія историко-литературное значеніе поэтическихъ произведеній Менчетича и Г. Држича существенно мѣняется сравнительно съ тѣмъ, что о нихъ говоритъ г. Петровскій: поэзія ихъ, при всей своей подражательности, по внѣшности, получаетъ нѣкоторый отпечатокъ самобытности; появленію ихъ поэтическихъ произведеній предшествуетъ, по нѣкоторымъ даннымъ, повидимому, рядъ другихъ подобныхъ, представляющихъ какъ бы послѣдовательныя ступени перехода, подъ вліяніемъ итальянскаго образованія, отъ безыскусственнаго, народнаго къ литературно-художественному творчеству, какими представляются иным изслѣдователямъ нѣкоторыя стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ въ задрскомъ сборникѣ Николая Раньины, и «дубровницкіе діоскуры» являются выразителями извѣстной поэтической традиціи, коренящейся въ нѣдрахъ народа, и представителями литературнаго направленія сложившагося постепенно изъ взаимодѣйствія народныхъ элементовъ и чужеземныхъ культурныхъ теченій [2]): въ этомъ ихъ своеобразный историко-литературный интересъ. Конечно, такое построеніе, можетъ быть, еще мало обосновано, и можетъ вдругъ оказаться, какъ говоритъ въ одной недавней своей статьѣ Медини [3]), подъ свѣжимъ впечатлѣ-

1) «Хорв. пѣсни о Радославѣ Павл. и итальянск. поэмы о Гнѣвномъ Радо»: Журн. М. Н. Просв., CCI, 107—108.

2) Medini, Povjest hrv. knjiž., I, 125—127.

3) «Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoi prije trešnje»: Glasnik Matice Dalmatinske, kn. IV, sv. III, 258.

ніемъ работы Касандрича о любовной лирикѣ А. Луцича [1]), что стихотворенія сборника Раньины или другія имъ подобныя представляютъ, при ближайшемъ ихъ изслѣдованіи, не болѣе, какъ переводы съ какихъ-нибудь итальянскихъ оригиналовъ, подобно считавшимся оригинальными любовнымъ стихотвореніямъ Луцича, но пока этого не случилось... Что касается внутренняго смысла поэзіи Менчетича и Г. Држича, то и въ этомъ отношеніи замѣчанія г. Петровскаго едва ли вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, если не упускать изъ виду законовъ исторической перспективы. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто распространяться вообще объ историко-литературномъ значеніи рыцарской лирики и Петрарки, подражаніе которому, вмѣстѣ съ чертами поэзіи трубадуровъ, замѣчается въ стихотвореніяхъ Менчетича и Г. Држича, но нельзя забывать, что любовь въ произведеніяхъ рыцарскихъ поэтовъ въ концѣ концовъ получала высокое значеніе самостоятельной нравственной силы, облагораживающей душу, внушающей мужество, героизмъ подвига и самоотверженія, а у Петрарки мотивъ любви опредѣлялся стремленіемъ къ идеалу добра и красоты, вообще [2]), и, какъ тема для художественнаго анализа чувства [3]), представлялъ извѣстный шагъ впередъ на пути къ самосознанію и эволюціи личности; если идеальное пониманіе, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи, подчасъ въ дѣйствительности сводилось къ условности и принимало элементъ чувственности, то общій основной смыслъ настроенія не утрачивалъ отъ того своего высшаго нравственнаго содержанія. Скучное съ нашей точки зрѣнія однообразіе формъ обнаруженія основного мотива не имѣетъ значенія безусловнаго опредѣленія сущности явленія и обусловливалось даннымъ моментомъ въ его историческомъ развитіи: «человѣкъ не исчерпывался до дна, чувство анализовалось подъ извѣстными, немногими углами

1) «Lucićeve «Pisni ljuvene»: Iskra, 1891, № 1.

2) См., наприм., сонетъ XVI. «Quand'io son tutto volto in quella parte»... Сон. CIX. «Amor che nel pensier mio vive e regna».

3) Сон. CII: «S'amor non è, che dunque è quel ch'i sento»?

зрѣнія, подъ призмой условнаго платонизма; оттуда бѣдность психологическихъ положеній, поражающихъ насъ своею односторонностью, потому, быть можетъ, что они намъ ничего не подсказываютъ, какъ подсказывали современникамъ; они для насъ не суггестивны. Психологія рыцарскаго романа отличается такою же ограниченностью личныхъ мотивовъ, подлежащихъ идеализаціи; оттого она и могла удовлетвориться незначительнымъ количествомъ сюжетовъ, но именно эти сюжеты, замѣчаетъ академикъ А. Н. Веселовскій [1]), вели къ болѣе человѣчному изображенію любви, оправданной всевластнымъ чувствомъ и роковой силой красоты»... Съ этой точки зрѣнія и въ данныхъ историческихъ условіяхъ общественности слѣдуетъ, мнѣ кажется, разсматривать и произведенія «дубровницкихъ трубадуровъ», чтобы правильнѣе понять и уяснить себѣ возможное историко-литературное значеніе ихъ поэзіи: въ этомъ направленіи выводы академика Ягича, о которыхъ говоритъ г. Петровскій, едва ли въ настоящее время можно считать исчерпывающими сущность предмета. Что касается замѣчанія автора, что «діоскуры» не были въ состояніи «переплетать свои пѣсни какими-либо эпизодами болѣе или менѣе жизненнаго содержанія», то по этому поводу, съ уменьшеніемъ масштаба приложенія, можно напомнить слова Каткова [2]) по вопросу о практическомъ значеніи искусства, вообще: «линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію»...

Послѣ «дубровницкихъ трубадуровъ» г. Петровскій останавливается на Чубрановичѣ. Заслуга этого дубровницкаго поэта, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что «въ чужія формы (заимствованныя изъ итальянской литературы) Чубрановичъ сумѣлъ влить чисто мѣстное содержаніе» и своимъ блестящимъ, звучнымъ стихомъ упрочилъ «осмерац» въ хорватской

1) «Боккачьо, его среда и сверстники», т. I, стр. 435.
2) Статьи о Пушкинѣ въ «Русск. Вѣстн.» 1856 г.

поэзіи (стр. 27). Опредѣляя историко-литературное значеніе популярнаго на хорватскомъ поморьѣ автора поэмы «Jedjupka», г. Петровскій между прочимъ говоритъ, что «Чубрановичъ былъ первымъ изъ дубровницкихъ поэтовъ, вліяніе котораго распространилось за предѣлы родного города; можно сказать, замѣчаетъ авторъ, что Andrija zlatar образовалъ цѣлую поэтическую школу, къ которой принадлежали: Пелегриновичъ, Бобалевичъ, Ор. Мажибрадичъ, Ст. Джорджичъ, Налешковичъ, а отчасти и Ветраничъ; если прослѣдить развитіе сатирическаго эпоса въ Дубровникѣ до начала XIX вѣка, то Чубрановичъ окажется родоначальникомъ обширной отрасли дубровницкой поэзіи, первымъ и по хронологическому порядку, и по достоинству произведенія» (стр. 30). Непонятно, въ какомъ отношеніи Ветраничъ можетъ быть отнесенъ къ *школѣ*, причисленъ къ литературнымъ потомкамъ или преемникамъ автора поэмы «Jedjupka»... Если г. Петровскій имѣетъ при этомъ въ виду карнавальныя стихотворенія Ветранича: «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», «Robinjice», «Trgovci Armenjani i Indijani» и «Pastiri», то, не зная въ точности, когда были написаны «Jedjupka» Чубрановичемъ и указанныя четыре стихотворенія Ветраничемъ, нѣтъ основанія присвоивать кому-нибудь изъ нихъ первенство въ данномъ родѣ литературныхъ произведеній въ Дубровникѣ [1]); самъ г. Петровскій въ другомъ мѣстѣ своей книги называетъ Ветранича, рядомъ съ Н. Налешковичемъ, однимъ изъ «піонеровъ» карнавальныхъ стихотвореній въ хорватской литературѣ, при чемъ «Lanci Alamani, trumbetari i pifari», слѣдуя указанію Зоре [2]), считаетъ передѣлкою итальянскаго стихотворенія «Canto di Lanzi, che suonano tromboni», находящагося въ сборникѣ карнавальныхъ и другихъ подобныхъ стихотвореній въ изданіи Герини (Guerrini) «Canti carneschialeschi, trionfi, carri e mascherate secondo l'edizione del Bracci» (Milano, 1883) (стр. 184), а Ме-

1) Ср. Medini, Čubranović etc.: Archiv f. S. Ph., XXII, 73.

2) «Gragja za poznavanje eroikomične Dubrovačke pjesme»: Rad Jugosl. akad., LXXI, 147.

дини [1]), съ своей стороны, указалъ, что и «Robinjice» имѣютъ много общаго съ помѣщеннымъ въ томъ же сборникѣ «Canto di cacciatori, che erano pastori e ninfe»...

Говоря о Маруличѣ, г. Петровскій замѣчаетъ, что вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ произведеній этому писателю «ждетъ еще новыхъ изслѣдованій; поэтому лучше пока воздержаться отъ подробныхъ разсужденій о характерѣ его поэзіи и повторить давно ставшую общимъ мѣстомъ фразу, что всѣ его стихотворенія проникнуты морально-аскетическимъ направленіемъ; сюжетъ главныхъ изъ нихъ заимствованъ изъ Библіи, при чемъ, однако, авторъ старается разукрасить его, *чтобы было пріятнѣе читать* [2]); одно это стремленіе уже характерно для католическаго писателя, жившаго въ переходное время, на рубежѣ схоластики и реформаціи» (стр. 34). Въ общихъ заключеніяхъ г. Петровскаго о названномъ писателѣ замѣчается нѣкоторое противорѣчіе: «за Маруличемъ, «вторымъ (послѣ блаженнаго Іеронима) свѣтиломъ Далмаціи», говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, остается та заслуга, что въ своихъ варіаціяхъ на библейскія темы онъ стремился выйти изъ рамокъ схоластическаго повѣствованія» (стр. 35), а нѣсколькими страницами ниже замѣчаетъ, что «Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія» (стр. 75). Мнѣ кажется, и на основаніи достовѣрно принадлежащихъ Маруличу произведеній, какова его поэма «Юдиѳь», можно было бы дополнить сказанное объ этомъ писателѣ нѣкоторыми характерными подробностями и дать въ общемъ болѣе отчетливое и устойчивое опредѣленіе его историко-литературнаго значенія... Въ посвященіи своей поэмы Балистричу Маруличъ говоритъ, что онъ обработалъ библейскій разсказъ о Юдиѳи на своемъ народномъ языкѣ, чтобы его могли усвоить и тѣ, ко-

1) «Čubranović» etc.: Archiv f. Sl. Ph., XXII, 78.

2) Курсивъ г. Петровскаго съ подстрочною ссылкою на предисловіе къ «Юдиѳи».

торые несвѣдущи въ латинскихъ и вообще ученыхъ книгахъ (ju stumači našim jezikom, neka ju budu razumiti i oni, ki nisu naučni knige, latinske aliti dijačke), и обработалъ его въ стихахъ, по обычаю писателей, писавшихъ до него подобныя произведенія по-хорватски [1]), и по правиламъ древнихъ поэтовъ, т. е. классиковъ (historiju tuj svedoh u versih po običaju naših začinjavac i jošće po zakonu onih starih poet); въ поэмѣ оказывается, какъ извѣстно, немало сравненій и образовъ изъ древней классической литературы и исторіи и нѣкоторыя выраженія и обороты, представляющіеся отголосками лирики далматскихъ трубадуровъ. Выборъ сюжета для названной поэмы имѣлъ при этомъ, повидимому, свой особенный смыслъ и значеніе: какъ евреи страдали нѣкогда отъ насилій ассиріянъ, такъ хорваты въ данный моментъ страдали отъ гнета и жестокости турокъ, и поэма Марулича, на основѣ указанной аналогіи современныхъ поэту условій жизни родного ему народа съ библейскими народными отношеніями во времена Юдиои, имѣла, по тогдашнему обыкновенію въ литературѣ, иносказательный смыслъ: по идеѣ поэта, образъ народной героини, какою была Юдиоь, долженъ былъ вдохновить хорватскій народъ на борьбу съ его врагами-поработителями... Такимъ образомъ Маруличь является едва ли не первымъ хорватскимъ писателемъ, который брался за перо для народа, въ собственномъ значеніи этого слова, и пользовался матеріаломъ своихъ классическихъ изученій для цѣлей народнаго развитія, въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ подъема въ нужную минуту народнаго духа, т. е. опредѣлялся въ своей литературной дѣятельности однимъ изъ признаковъ чисто гуманистическаго характера.

Замѣчанія г. Петровскаго о Ветраничѣ сравнительно полнѣе и опредѣленнѣе, но внутренняя значительность произведеній этого

---

1) Медини думаетъ, что Маруличь разумѣлъ въ данномъ случаѣ неизвѣстныхъ авторовъ обращающихся и до настоящаго времени въ народѣ сказаній съ сюжетами изъ Библіи и житій святыхъ (Povj. hrv. knjiž., I, 83).

поэта показана, по моему мнѣнію, не во всемъ ея объемѣ. Ветраничъ былъ несомнѣнно наиболѣе яркимъ и, вообще, замѣчательнымъ, при данныхъ общихъ условіяхъ литературнаго развитія, проявленіемъ въ сербо-далматской литературѣ XVI вѣка личнаго самосознанія по отношенію къ современной національной жизни и окружающему обществу [1]). «Произведенія «донъ Мавра», какъ называли ето тогдашніе литераторы, справедливо говоритъ г. Петровскій, имѣютъ гораздо бо́льшее отношеніе къ современности и вообще къ жизни, нежели вся предшествовавшая хорватская поэзія» (стр. 35); въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ нѣсколько фактическихъ указаній, опредѣляющихъ характеръ отраженій дѣйствительности въ сочиненіяхъ поэта: «онъ скорбитъ, что всюду льется христіанская кровь, а «sila poganska» все возрастаетъ», «указываетъ причины этого— въ политической слабости и ссорахъ христіанскихъ государей» (стр. 36), «смѣло громитъ пороки своего времени, не останавливаясь передъ обвиненіемъ властей — и гражданскихъ и церковныхъ—въ различныхъ беззаконіяхъ, обличаетъ распущенность духовенства» (стр. 37)... Указанія эти, по моему мнѣнію, существенно необходимо было бы дополнить данными, характеризующими отношеніе поэта къ Дубровнику и, какъ дубровчанина, къ другимъ городскимъ общинамъ Далмаціи и къ Венеціи [2]): въ этомъ направленіи съ особенною выразительностью обнаружились оригинальность Ветранича и жизненный реализмъ его творчества, въ чемъ изъ современниковъ его равняется съ нимъ, можетъ быть, лишь Маринъ Држичь, уступая однако въ широтѣ захвата наличныхъ интересовъ жизни [3])... Ставить, по реальности

---

1) Ср. G. Carić, Del poeta raguseo Mavro Vetranić Čavčić (Ragusa, 1895), стр. 10 и слѣд.

2) См. мои замѣтки «Мавръ Ветраничь, дубровн. поэтъ XVI стол.»: «Сборн. статей по славяновѣд., сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и литерат. дѣятельности» (Спб. 1885 г.), стр. 434—438.

3) Ср. Medini, Malo odgovora i razgovora o Dubrovniku i književnosti njegovoj prije trešnje: Glasnik Mat. Dalmat., kn. IV, sv. III, 259 и слѣд. — Carić, Del poeta raguseo M. Vetranić Čavčić, стр. 12.

поэтическаго интереса и реализму представленія, выше Ветранича Гекторовича, какъ дѣлаетъ г. Петровскій, какими бы достоинствами въ указанномъ отношеніи ни отличалась поэма «Ribanje», по моему мнѣнію, нельзя уже по несоотвѣтствію поля зрѣнія того и другого писателя при изображеніи жизни. По своему, совершенно исключительному въ сербо-далматской, въ частности дубровницкой, литературѣ, пониманію слабыхъ сторонъ политическаго и общественнаго положенія своей родины, въ связи съ горячимъ чувствомъ любви къ ней, и по свободѣ и независимости своего протеста противъ современнаго строя церковной жизни при глубинѣ и искренности религіознаго чувства, Ветраничъ, по справедливому замѣчанію академика В. И. Ламанскаго [1]), одинъ только, можетъ быть, изъ дубровницкихъ и сербо-далматскихъ писателей «возвышался до высоты міросозерцанія лучшихъ старо-чешскихъ и нѣкоторыхъ старо-польскихъ дѣятелей»... «Отзываясь на общественныя явленія первостепенной важности, говоритъ г. Петровскій, Ветраничъ уже дѣлаетъ попытку характеризовать и обыденную дѣйствительность, хотя исключительно въ идиллической формѣ: таковы его картины пастушеской жизни въ пьесѣ «Posvetilište Abramovo». Совершенно забывая о соблюденіи мѣстнаго колорита, Ветраничъ надѣляетъ рабовъ и рабынь Авраама славянскими именами, называетъ ихъ христіанами (i da vas (bog) obrani, istočnijeh krstjana) и рисуетъ ихъ обстановку красками, живо напоминающими жизнь земледѣльцевъ въ Далмаціи. Одинъ изъ критиковъ указалъ (A. Pavić, Hist. dubrov. drame, стр. 32 и 34) даже, что нѣкоторыя мѣста «Posvetilišta» имѣютъ сходство съ произведеніями народной поэзіи. Но если здѣсь и дана картина народной жизни, современной Ветраничу, то это произошло, такъ сказать, по недоразумѣнію; автору было необходимо изобразить бытъ еврейскихъ поселянъ, но, за незнаніемъ его, онъ воспроизвелъ болѣе извѣстную ему жизнь

---

1) Рецензія на книгу Пыпина и Спасовича «Исторія слав. литературъ» (изд. 2-ое): «Русь» (И. С. Аксакова) 1880 г., № 1, стр. 21.

родного племени. Прямого намѣренія рисовать бытъ своего народа у Ветранича еще не было; заслуга введенія народной жизни въ кругъ сюжетовъ, «достойныхъ поэзіи», какъ выражались старинныя піитики, принадлежала младшему современнику и почитателю «донъ Мавра» — Гекторовичу» (стр. 38)... Эти замѣчанія автора представляются мнѣ ошибочными... Прежде всего, утверждать, что картина современной поэту народной жизни дана Ветраничемъ въ его драмѣ, «такъ сказать, по недоразумѣнію (?)» что «прямого намѣренія рисовать бытъ своего народа у Ветранича еще не было», и что поэтъ воспроизвелъ въ своей пьесѣ этотъ бытъ только по незнанію быта еврейскихъ поселянъ, который ему необходимо было изобразить, едва ли есть строгое основаніе: утвержденіе это, въ сущности, не болѣе, какъ предположеніе, и оно является, по моему мнѣнію, неумѣстнымъ по отношенію къ тому виду литературныхъ произведеній, котораго касается, и къ тому времени, въ предѣлахъ котораго прилагается... Дѣло въ томъ, что явленія, подобныя отмѣченному г. Петровскимъ въ драмѣ Ветранича, были совсѣмъ не такъ обычны въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ данной эпохи. Народно-бытовые элементы считаются отличительною характеристическою чертою мистерій англійскихъ, сравнительно съ французскими и нѣмецкими. Глубокая связь англійскихъ мистерій съ жизнью народа, по словамъ проф. Стороженка[1]), «видна не только въ языкѣ, носящемъ на себѣ слѣды различныхъ мѣстныхъ говоровъ, но и въ народномъ колоритѣ, доходящемъ до того, что виолеемскіе пастухи (въ честерскомъ циклѣ мистерій) наивно сознаются публикѣ, что они родомъ изъ Ланкашира, а одинъ изъ воиновъ Ирода называетъ своего повелителя королемъ Шотландскимъ». Въ Тоунлейскихъ, или Векфильдскихъ мистеріяхъ, по свидѣтельству названнаго изслѣдователя, «передъ нами стоитъ Каинъ, нисколько не похожій на библейское олицетвореніе зависти и злобы, а воплотившійся въ скареднаго, бран-

1) «Предшественники Шекспира», т. I: «Лилли и Марло», стр. 21.

чиваго іоркширскаго поселянина, раздосадованнаго неурожаями, скотскими падежами и другими невзгодами. Еще сильнѣе народный элементъ выступаетъ въ мистеріи о Виѳлеемскихъ пастухахъ (Paginae pastorum), которая во всѣхъ трехъ собраніяхъ (Честерскомъ, Ковентрійскомъ и Векфильдскомъ) представляетъ собою живо снятую съ натуры картину сельскаго быта Англіи въ ту отдаленную эпоху, когда еще не изгладился антагонизмъ между саксонскимъ населеніемъ и побѣдившей его нормандской аристократіей [1])». «Posvetilište Abramovo» Ветранича свидѣтельствуетъ, что указанная отличительная черта была присуща не однѣмъ англійскимъ мистеріямъ, а принадлежала и нѣкоторымъ хорватскимъ. По замѣчанію проф. Стороженка [2]), «народно-бытовые эпизоды векфильдскихъ мистерій, представляя собой художественно-исполненныя картинки изъ народнаго быта, свидѣтельствующія о быстромъ развитіи драматическаго искусства въ Англіи изъ народныхъ началъ, своимъ реальнымъ направленіемъ какъ бы предсказываютъ тотъ путь, по которому впослѣдствіи пошла англійская драма»: живыя картинки народнаго быта, находимыя въ названной драмѣ Ветранича, могли бы, можетъ быть, также, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, послужить точкою отправленія для развитія самобытной народной драмы у хорватовъ; въ этомъ смыслѣ значеніе ихъ важнѣе, нежели думаетъ г. Петровскій. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія реализма еще трудно сказать, что̀ предпочтительнѣе — ввести современное народное содержаніе въ традиціонныя неприкосновенныя формы священнаго сюжета, какъ поступилъ Ветраничъ, или, рисуя простыхъ людей, изъ среды народа, вложить въ уста ихъ не всегда понятные и для самого автора символы Пиѳагора и другіе книжные матеріалы, какъ сдѣлалъ Гекторовичъ: истинный реализмъ еще только пробивалъ въ данный моментъ себѣ дорогу въ литературу, и она давалась ему не безъ уклоненій въ сторону

1) Стороженко, тамъ же.
2) «Предшественники Шекспира», I, 31.

отъ настоящаго направленія... Форма рыбацкой идилліи (egloga pescatoria), сама по себѣ, не заключаетъ въ себѣ никакого преимущества передъ пасторалью, которая, судя по уступительному обороту рѣчи, въ которомъ о ней говоритъ г. Петровскій, можетъ, повидимому, по мнѣнію автора, какъ будто ограничивать значеніе попытки Ветранича характеризовать обыденную дѣйствительность. О сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ драмы Ветранича съ произведеніями народной поэзіи, свидѣтельствующемъ о знакомствѣ поэта съ народною средою и сочувствіи родному народу, г. Петровскій также выражается такъ, что какъ будто относится съ недовѣріемъ къ указаніямъ Павича [1]) по этому предмету, между тѣмъ это сходство не подлежитъ сомнѣнію. Что касается до несоблюденія мѣстнаго колорита, то эта черта не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія при сужденіи о драмѣ Ветранича со стороны правды поэтическаго представленія: анахронизмы всякаго рода въ указанномъ отношеніи были, какъ извѣстно, общимъ явленіемъ въ произведеніяхъ какъ литературы такъ и искусства данной переходной эпохи, коренясь въ средневѣковой наивной вѣрѣ во всеобщность наличныхъ формъ жизни. Люди глубокой древности и сѣдой старины, всѣхъ положеній и состояній, представлялись поэтамъ и художникамъ средневѣковья и ранней поры гуманизма, какъ будто они были ихъ современниками: вѣстникъ, объявляющій въ Палестинѣ эдиктъ Августа, является въ одной изъ французскихъ мистерій Страстей Господнихъ съ двуглавымъ орломъ на груди; Іосифъ Аримафейскій въ нѣмецкой мистеріи Положенія Христа во гробъ Матвѣя Гундельфингера, входя къ Пилату, снимаетъ, по ремаркѣ автора, шляпу съ головы; вандалы и римляне во французскихъ мистеріяхъ о св. Дезидеріи и Квинтинѣ стрѣляютъ изъ пушекъ; пастухъ въ одной рождественской мистеріи клянется именемъ распятаго Христа [2]) и т. п. О сценахъ изъ современной народной

1) A. Pavić, Historija dubrovačke drame, стр. 32, 34.
2) Creizenach, Geschichte des neueren Dramas, I, 198—199.

жизни въ англійскихъ мистеріяхъ съ сюжетомъ изъ Библіи уже сказано выше. Имена дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ подобнаго рода, особенно изъ низшихъ сословій, сплошь и рядомъ оказываются современными авторамъ: такъ въ одной итальянской мистеріи о Товіи одного слугу зовутъ Martino, другого Arrighetto, въ гессенской рождественской драмѣ есть дѣйствующія лица съ такими именами, какъ Арнольдъ и Гиллегарда [1]), въ одной изъ мистерій Тоунлейскаго собранія о Виѳлеемскихъ пастухахъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является овцекрадъ Макъ [2]) и т. п. Не свободны, какъ извѣстно, отъ подобныхъ анахронизмовъ и геніальныя произведенія Шекспира: міросозерцаніе, въ которомъ живетъ авторъ «Гамлета» и которое онъ высказываетъ не только чрезъ своего героя, но и чрезъ всю драму, не имѣетъ, по замѣчанію Макса Коха, ничего общаго съ средними вѣками [3]), къ которымъ относится исторія о датскомъ принцѣ, впервые разсказанная Саксономъ Грамматикомъ (ум. въ 1204 г.); жизнь древнихъ грековъ въ трагедіи «Троилъ и Крессида» представляется съ чертами средневѣковаго рыцарства; въ «Юліи Цезарѣ» говорится о часахъ и барабанахъ, въ «Гамлетѣ» и «Королѣ Іоаннѣ» о пушкахъ. Однородныя явленія, кромѣ произведеній поэтическихъ, наблюдаются и въ другихъ искусствахъ: достаточно сопоставить, напримѣръ, «Моисея, спасеннаго изъ воды» Павла Веронезе (1528—1588) и иллюстраціи Библіи Густава Доре, «Бракъ въ Канѣ Галилейской» того же Веронезе или Тинторетто (1512 — 1594) и «Грѣшницу» Полѣнова. Въ драматическомъ искусствѣ о вѣрности костюмовъ, грима и обстановки при исполненіи пьесъ съ сюжетами изъ исторіи или далекаго прошлаго не было рѣчи, напримѣръ, въ Германіи до реформы Готшеда [4]). «Шекспиръ, говоритъ одинъ изъ выдающихся

---

1) Creizenach, тамъ же, I, 199.

2) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 22—23.

3) М. Кохъ, Шекспиръ (русск. перев. Гуляева, подъ ред. проф. Стороженка), стр. 104.

4) Proelss, Kurzgef. Geschichte der deutschen Schauspielkunst, 133.

изслѣдователей творчества геніальнаго драматурга о драмахъ его изъ римской жизни, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ жизни и характеру римлянъ, стремился достигнуть идейной истины, т.-е. истины скорѣе въ духѣ событій, чѣмъ въ ихъ фактическомъ содержаніи, понималъ, что его дѣйствующія лица, прежде чѣмъ быть римлянами, должны быть людьми, зналъ, что, подпирая искусство эрудиціей, невозможно придать прочности тому, что должно держаться не помощью матеріальныхъ подпорокъ и устоевъ, а силою живого духа, которому оно служитъ тѣломъ, или вовсе держаться не будетъ [1])»... Отнюдь не думаю, разумѣется, въ какомъ-либо отношеніи сравнивать Ветранича съ Шекспиромъ, но, въ виду указаннаго факта художественнаго совмѣщенія въ произведеніяхъ послѣдняго отсутствія подчасъ строгой исторической точности съ внутренней правдой жизни и глубокимъ «откровеніемъ человѣческаго сердца», по выраженію Карамзина, нахожу, что несоблюденіе мѣстнаго колорита при изображеніи еврейскихъ поселянъ въ драмѣ «Posvetilište Abramovo» нисколько не помѣшало ея автору обнаружить живую наблюдательность по отношенію къ окружающей дѣйствительности, отмѣченную любовнымъ вниманіемъ къ ней, и несомнѣнную способность къ проникновенію въ интимную жизнь сердца людей съ болѣе или менѣе художественнымъ умѣньемъ дать почувствовать ее другимъ... Сцена исканья пропавшаго ножа во время сборовъ въ путь [2]), нѣкоторыя отдѣльныя подробности описанія утренней прогулки Кампрелы въ горы за водою [3]), полная свѣжаго, непосредственнаго юмора сцена между чужимъ пастухомъ, зашедшимъ къ шатрамъ Авраама, и служанками Сары, Куячей и Гоисавой [4]), сцена ужина Авраама съ своими спутниками у горящаго костра въ горной долинѣ [5]), эпизодъ съ куницей, проникшей въ курят-

1) Эд. Дауденъ, Шекспиръ, критич. изслѣд. его мысли и его творчества (русск. перев.[1] Л. Черновой), стр. 289—290.

2) St. pisci hrv., IV, 239—240.

3) St. pisci hrv., IV, 278.

4) St. p. hrv., IV, 329—330.

5) St. pisci hrv., IV, 309—310.

никъ, задушившей пѣтуха и разбившей корзину яицъ [1]), — все это живыя бытовыя картины съ натуры. Комическій элементъ, введенный авторомъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, выдержанъ въ правдивыхъ тонахъ и свободенъ отъ всякой искусственности и преувеличеній, какія весьма часто замѣчаются въ однородныхъ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, въ родѣ, напримѣръ, вымазыванія въ одной французской мистеріи глиной лица заснувшаго пастуха его товарищами или карикатурнаго представленія въ одной рождественской драмѣ глупаго положенія пастуха, оставившаго пойманную сову на землѣ съ связанными ногами, въ увѣренности, что она никуда не можетъ уйти, и крайне удивившагося, когда, вернувшись, не нашелъ ее на мѣстѣ, на которомъ оставилъ, такъ какъ она, разумѣется, улетѣла [2])... Напускная дѣловитость и хлопотливость Авраама и старанія его развлечь Сару, смущенную неожиданностью сборовъ мужа въ виду ночи въ дорогу, заботами по хозяйству, безотчетная тревога материнскаго сердца и нѣжная заботливость Сары при разставаніи съ сыномъ, тягость тоски по немъ въ разлукѣ, старанья служанокъ разсѣять тоскливое настроеніе своей госпожи и растерянность ихъ отъ сознанія безсилія помочь горю, — все это отмѣчено жизненностью наблюденія и психологическою правдою, напоминающею изображеніе душевныхъ движеній въ мистеріи съ тѣмъ же сюжетомъ изъ числа Towneley Plays, которая принадлежитъ, по свидѣтельству проф. Стороженка, «къ лучшимъ перламъ средневѣковой поэзіи [3])». Истиннымъ реализмомъ отличаются у Ветранича и его описанія природы, какъ находящіяся въ изобиліи въ драмѣ «Posvetilište Abramovo», такъ и разсѣянныя во множествѣ въ другихъ его произведеніяхъ: страдая нерѣдко длиннотами и излишествомъ подробностей, они рѣшительно не имѣютъ себѣ равныхъ въ сербо-далматской поэтической лите-

1) St. p. hrv., IV, 331—332.

2) Creizenach, Geschichte des neueren Dramas, I, 206, 207.

3) Стороженко, Предшественники Шекспира, I, 19. — М. Кохъ, Шекспиръ, 294.

ратурѣ, по точности представленія и силѣ, а иногда и красотѣ выраженія [1]); неизбѣжная дань времени, такія отдѣльныя частности, какъ Фениксы и единороги, золотокрылые орлы съ коронами на головахъ и дубы съ золотыми листьями и серебряными вѣтвями, попадающіяся иногда въ указанныхъ описаніяхъ, являясь отголоскомъ средневѣковыхъ «физіологовъ» и впечатлѣній отъ чтенія античныхъ поэтовъ, не могутъ имѣть, конечно, въ данномъ случаѣ, значенія, опредѣляющаго общій характеръ отношенія автора къ предмету [2]): и у Шекспира Отелло, разсказывая въ сенатѣ, какъ покорилъ онъ сердце Десдемоны, говоритъ о людяхъ-чудищахъ съ головами ниже плечъ [3]). Такими противорѣчіями, замѣчаетъ по поводу подобныхъ явленій въ произведеніяхъ Шекспира М. Кохъ, «богата вся эпоха Возрожденія... Не только у Теофраста Парацельса, одного изъ самыхъ почтенныхъ именъ въ медицинѣ, выступаетъ противорѣчіе между вполнѣ новыми изслѣдованіями и средневѣковой вѣрой въ чертей,—такой же контрастъ химикъ Либихъ указалъ и у мыслителя, считающагося отцомъ современнаго эмпирическаго изслѣдованія,—у лорда Бэкона [4])». Говоря о двухъ современныхъ поэтахъ, какими были Ветраничъ и Гекторовичъ, я не нахожу особенно важнымъ вопросъ, кому изъ нихъ, по времени, должно принадлежать первенство въ реалистическомъ представленіи въ поэзіи непосредственно окружающей ихъ дѣйствительности, но по объему приложенія реалистическаго интереса къ личной и на-

1) Таково, напримѣръ, превосходное стихотвореніе «Remeta»: St. pisci hrv., III, 12 и слѣд.

2) «Sequendo nella forma il convenzionalismo dell' epoca, per cui l'individualità quasi spariva davanti a leggi immutabili, замѣчаетъ о Ветраничѣ проф. Царичъ, egli nel contenuto si tiene sempre con un piede pronto alla ribellione»: «Del poeta ragnseo M. Vetranić Čavčić», 12.

3) Шекспиръ заимствовалъ эту сказку, по мнѣнію комментаторовъ, изъ описанія Гвіаны Ралейга (1596 г.), который, сознаваясь, что онъ самъ не видалъ такихъ людей, увѣрялъ, что они жили на берегу рѣки Каоры, впадающей въ Ореноко (Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго, т. I, 228, прим. 18).

4) М. Кохъ, Шекспиръ, 107.

родной жизни и внутренней значительности его фактическаго проявленія въ творчествѣ, Ветраничъ, по моему мнѣнію, безспорно занимаетъ первое мѣсто среди югославянскихъ писателей XVI столѣтія. Что касается Гекторовича, то, признавая все самобытное значеніе его поэмы и всѣ неоспоримыя достоинства ея въ отношеніи реализма поэтическаго представленія жизни, думаю, заодно съ Іенсеномъ, что приравнивать его Ветраничу никакъ нельзя, и тѣмъ болѣе ставить его впереди этого послѣдняго [1]). Замѣчаніями о Ветраничѣ заканчивается первая глава разсматриваемой книги г. Петровскаго. Я остановился на ней, можетъ быть, дольше, чѣмъ слѣдовало, потому что по мысли автора ею опредѣляется въ его трудѣ историческая перспектива для сужденія о литературномъ значеніи Гекторовича, но должно замѣтить, что самимъ авторомъ эта точка зрѣнія въ дальнѣйшемъ изложеніи выдержана не совсѣмъ отчетливо, и внутренняя связь разсмотрѣнной главы съ остальнымъ содержаніемъ книги представляется, въ сущности, нѣсколько проблематичною...

Во второй главѣ (стр. 39—74) г. Петровскій излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гекторовичѣ въ связи съ характеристикою внутренняго состоянія Хвара въ началѣ XVI вѣка (стр. 39—59), сообщаетъ имѣющіяся достовѣрныя данныя объ отношеніяхъ поэта къ современнымъ ему хорватскимъ литературнымъ дѣятелямъ (стр. 59—65) и даетъ критическій обзоръ изданій и рукописей его сочиненій (стр. 66—74). Недостатокъ источниковъ не позволилъ автору, по его собственному признанію, прибавить что-нибудь существенное къ біографіи Гекторовича, составленной Любичемъ и напечатанной въ академическомъ изданіи сочиненій поэта. Вмѣстѣ съ Любичемъ [2]) г. Петровскій считаетъ годомъ рожденія Гекторовича не 1486, какъ полагалъ Кукульевичъ-Сакцинскій [3]), а 1487, при чемъ, путемъ сопоста-

1) A. Jensen, Einige litterarische Bemerkungen zum «Ribanje» von Petar Hektorović: Archiv f. Sl. Phil., XXV, 439.

2) St. p. hrv., VI, стр. I.

3) «Pjesnici hrvatski», I, 88.

вленія даты посланія поэта къ Ветраничу (1 іюля 1556 г.) и времени составленія имъ своего завѣщанія (18 февраля 1559 г.), пользуясь заключающимися въ томъ и другомъ изъ нихъ собственными указаніями автора относительно своихъ лѣтъ, устанавливаетъ ближайшимъ образомъ время рожденія поэта между 18 февраля и 1 іюля. Любичь, какъ извѣстно, говоритъ, не указывая источника, откуда заимствуетъ свое свѣдѣніе, что мать Гекторовича была изъ рода Бальби[1]); основываясь на томъ, что въ перечнѣ фамилій хварскихъ нобилей XVI вѣка у Джустиніано нѣтъ фамиліи Бальби, а есть двѣ очень похожихъ — Бальчи и Барби, г. Петровскій высказываетъ предположеніе, не происходила ли мать поэта изъ фамиліи Барби, на одной изъ представительницъ которой былъ женатъ Іеронимъ Бртучевичь, называемый въ поэмѣ «Ribanje» родственникомъ автора. Какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности поэта, по мнѣнію г. Петровскаго, не имѣется: разсказъ Любича о томъ, что отецъ Гекторовича, замѣтивъ способности мальчика и желая дать ему лучшее образованіе, собирался отправить сына въ Италію, но, по политическимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ ограничиться Сплитомъ, гдѣ будущій авторъ поэмы «Ribanje» оказалъ такіе выдающіеся успѣхи, что обратилъ на себя вниманіе тамошнихъ литераторовъ и между прочимъ Марулича [2]), авторъ находитъ не имѣющимъ основанія. Чтобы хотя нѣсколько освѣтить, съ своей стороны, условія, въ которыхъ прошло въ жизни изучаемаго писателя время образованія его характера и опредѣленія его взглядовъ и убѣжденій, г. Петровскій останавливается на характеристикѣ современныхъ внутреннихъ общественныхъ отношеній Хвара и подробно излагаетъ обстоятельства хварскихъ народныхъ возстаній противъ нобилей въ 1510—1514 годахъ, пользуясь для своего разсказа преимущественно данными дневника Санудо съ дополненіями изъ находящейся въ библіотекѣ дубровницкаго францисканскаго монастыря рукописной книги

1) St. p. hrv., VI, стр. I.
2) St. p. hrv., VI, стр. II.

хварскаго нобиля Александра Газаровича (Alessandro Gazzari), подъ заглавіемъ: «Avvenimenti storici di Lesina compendiati in Tre Libri», и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, вновь привлеченныхъ въ данномъ случаѣ къ изученію предмета изъ собранія рукописей библіотеки задрской гимназіи. Руководящимъ мотивомъ при этомъ для автора было соображеніе, что Гекторовичъ, «и по рожденію, и по видѣннымъ въ молодости примѣрамъ подготовлялся къ роли олигарха, съ презрѣніемъ относящагося къ народу» (стр. 54), и тѣмъ не менѣе въ своей поэмѣ проявилъ «выдающуюся способность чувствовать правду, вопреки соціальнымъ предразсудкамъ, и воплощать ее въ яркихъ и живыхъ образахъ» (стр. 110): «если бы, говоритъ г. Петровскій въ заключеніи своей книги, представителямъ теоріи о подавляющемъ значеніи среды для писателя были знакомы «Рибанье» съ одной стороны и біографія Гекторовича съ другой, они остановились бы въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, который въ силу своей единичности не разрушаетъ цѣлой теоріи, но представляетъ серьезное возраженіе противъ нея по своей значительности; воспитанный въ строго аристократическихъ тенденціяхъ, сынъ человѣка, не вполнѣ добросовѣстно относившагося къ народу,—патрицій-Гекторовичъ разсмотрѣлъ «душу живу» въ плебеяхъ, проникся уваженіемъ къ этимъ труженикамъ и засвидѣтельствовалъ его въ поэтическомъ произведеніи, героями котораго являются представители низшихъ классовъ народа» (стр. 286). По моему мнѣнію, не слѣдуетъ прежде всего чрезмѣрно преувеличивать значеніе указаннаго отношенія между обстановкою дѣтства и условіями воспитанія автора поэмы «Ribanje» и его литературнымъ направленіемъ; явленіе, отмѣчаемое г. Петровскимъ въ отношеніи Гекторовича, совсѣмъ не «единичное» и не исключительное: то же можно, напримѣръ, сказать о Грибоѣдовѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ, Салтыковѣ... «Крѣпостное право, тяжелое и грубое въ своихъ формахъ, говоритъ Салтыковъ [1]) устами Ни-

1) Полн. собр. сочин. [3] (1895 г.), XII, 146.

канора Затрапезнаго въ «Пошехонской старинѣ», сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его». Независимо отъ того, для цѣлей автора достаточно было бы, мнѣ думается, указать на совпаденіе упомянутыхъ народныхъ движеній на родинѣ Гекторовича съ указаннымъ важнымъ періодомъ въ личной жизни поэта, и изложеніе подробностей, которое занимаетъ около 12 страницъ (стр. 43—54), не заключая въ себѣ чего-либо существенно значительнаго, чего не было бы извѣстно раньше, представляется, на мой взглядъ, напраснымъ уклоненіемъ отъ прямого предмета содержанія разсматриваемой главы. Остановлюсь мимоходомъ на одномъ соображеніи г. Петровскаго, высказанномъ по поводу и на основаніи одного изъ указанныхъ имъ новыхъ документовъ, относящихся къ хварскимъ событіямъ начала XVI столѣтія. В. И. Ламанскій [1]), какъ извѣстно, высказалъ въ свое время предположеніе, что хварское возстаніе было отчасти послѣдствіемъ распространенія въ Далмаціи прокламацій императора Максимиліана; г. Петровскій говоритъ (стр. 52, примѣч.), что въ одной изъ рукописей задрской гимназіи имѣется письмо хварскихъ нобилей въ венеціанскій сенатъ съ выраженіемъ ему недовольства на то, что зачинщики и вожаки народныхъ возстаній самостоятельно сносятся съ нимъ, и съ требованіемъ устройства въ ближайшій срокъ народнаго собранія для обсужденія предлагаемаго подписавшимися проекта управленія общиною, и изъ 82 лицъ, участвовавшихъ въ этомъ заявленіи, подписи шестидесяти «brevitatis causa опущены», а шесть сдѣланы чужой рукою «за неграмотностью и по личной просьбѣ» и «по слабости зрѣнія»; «если таково было образованіе среди нобилей, замѣчаетъ авторъ, то отъ народной партіи вовсе нельзя ожидать какого бы то ни было политическаго развитія»,

1) «Secrets d'Etat de Venise» (SPb, 1884), стр. 429.

и указанное предположеніе В. И. Ламанскаго является мало вѣроятнымъ; но, мнѣ думается, для успѣшнаго распространенія какихъ бы то ни было прокламацій вовсе не требуется всеобщей грамотности и особеннаго политическаго развитія среды, въ которую онѣ направляются, особенно при наличности въ дѣйствительности, какъ это было въ данномъ случаѣ, благопріятныхъ условій въ мѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ для усвоенія соотвѣтственныхъ руководящихъ идей этихъ прокламацій. Обстоятельства второй половины жизни Гекторовича (стр. 54—57) г. Петровскій излагаетъ, мало въ чемъ расходясь съ Любичемъ. Изъ замѣчаній автора о личныхъ отношеніяхъ Гекторовича къ современнымъ ему хорватскимъ писателямъ отмѣчу указаніе объ отсутствіи прямыхъ основаній для предположенія о личномъ знакомствѣ поэта съ Маруличемъ, вопреки утвержденію Любича. Обращаясь къ обзору печатныхъ изданій и рукописей сочиненій изучаемаго писателя, г. Петровскій даетъ прежде всего обстоятельное описаніе венеціанскаго изданія поэмы «Ribanje» 1568 года, по экземпляру его, находящемуся въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи наукъ и искусствъ, съ воспроизведеніемъ отрывка изъ него для образца правописанія; другого венеціанскаго изданія поэмы Гекторовича 1638 года, о которомъ Жепичь въ своемъ предисловіи къ академическому изданію сочиненій поэта [1]) говоритъ, какъ о менѣе корректномъ, г. Петровскій не видалъ. Изъ рукописей, въ которыхъ имѣются произведенія автора поэмы «Ribanje», г. Петровскій между прочимъ указываетъ одну, находящуюся также въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи, но оставшуюся неизвѣстною Жепичу при редакціи академическаго изданія, а также и не упоминаемую Решетаромъ въ его статьѣ «Ispravci i dodaci tekstu starijeh pisaca dubrovačkijeh. Pjesni ljuvene Nikole Nalješkovića», напечатанной въ «Rad'ѣ Jugosl. Akad.» за 1894 г. (кн. CXIX): въ этой рукописи находится отрывокъ посланія Гекторовича къ Налешковичу, напечатаннаго

1) St. pisci hrv., VI, стр. XXXIV.

въ академическомъ изданіи по другой рукописи той же библіотеки. Въ изданіи Любича 1846—1847 г., напечатанномъ по рукописи Нисетича, авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ неправильностей и пропусковъ сравнительно съ editio princeps и академическимъ изданіемъ (стр. 69—72), а также указываетъ нѣсколько редакторскихъ ошибокъ въ текстѣ изданія «Stari pisci hrvatski», которыхъ, впрочемъ, оказывается очень немного. Г. Петровскій имѣетъ основаніе думать, что и въ editio princeps текстъ, повидимому, былъ напечатанъ не вездѣ вѣрно. Рукописи, бывшія подъ руками у Делабеллы и Стулли, по мнѣнію автора, также едва ли были исправны.

Третья глава (стр. 75—89) занята разборомъ принадлежащаго Гекторовичу перевода поэмы Овидія «De remedio amoris». Вступительныя замѣчанія автора представляются не совсѣмъ ясными: «выросшая подъ мощнымъ воздѣйствіемъ гуманизма далматская литература, говоритъ г. Петровскій, не сразу съумѣла воспользоваться *сущностью*[1]) движенія, и, какъ это нерѣдко бываетъ съ подражателями, долгое время воспроизводила только внѣшнюю его сторону; Маруличъ, въ достовѣрно ему принадлежащихъ произведеніяхъ, остается на средневѣковой точкѣ зрѣнія; «дубровницкіе трубадуры», Менчетичъ и Держичъ, щеголяютъ въ обноскахъ Петрарки, поэтическая дѣятельность котораго вовсе не составляла его силы; Чубрановичъ извѣстенъ намъ почти по одному произведенію, которое съ гуманизмомъ ничего общаго не имѣетъ; только въ слѣдующемъ поколѣніи хорватскихъ поэтовъ замѣтно нѣкоторое стремленіе «предпочесть оригиналы спискамъ» и обратиться къ тому же источнику, изъ котораго черпали ихъ итальянскіе наставники»... По контексту выписанной тирады трудно понять, что̀ именно разумѣетъ въ данномъ случаѣ авторъ подъ сущностью гуманизма. Если, судя по заключительнымъ словамъ, рѣчь идетъ о чтеніи и изученіи античныхъ классиковъ, то сущность гуманистическаго движенія

1) Курсивъ автора.

заключалась, конечно, не въ этомъ, да и о Маруличѣ, напримѣръ, нельзя сказать, что онъ не былъ непосредственно знакомъ съ классиками; если же авторъ имѣетъ въ виду начало народности, то любовное вниманіе къ родному народу замѣчается не только у Марулича, начавшаго, повидимому, изъ этого побужденія, какъ было сказано выше, писать по-хорватски, но и у писавшаго исключительно по-латыни Шижгорича, проявившаго сочувственный интересъ къ народному обычаю въ своемъ сочиненіи «De situ Illyriae et civitate Sibenici», или точнѣе въ главѣ его: «De moribus quibusdam Sibenici» [1]). О связи съ народною поэзіею лирики Менчетича и Г. Држича говорилось выше. Названный выше переводъ изъ Овидія является самымъ раннимъ, по времени своего появленія, изъ сохранившихся произведеній Гекторовича. Хронологическій terminus ad quem его опредѣляется временемъ, къ которому относится рѣчь Прибоевича «О происхожденіи и судьбахъ славянъ» (de origine successibusque slavorum), въ которой впервые упоминается о переводѣ Гекторовича изъ Овидія, т. е. 1525 г. Гекторовичъ перевелъ не всю поэму Овидія, какъ говорили Прибоевичъ и, вслѣдъ за нимъ, Каваньинъ (въ поэмѣ «Bogatstvo i ubožtvo»), а только первую часть ея (1—396 стихи), да и она оказывается въ переводѣ не въ полномъ видѣ. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ посвященія (Пелегриновичу), переводъ поэмы Овидія былъ не первымъ литературнымъ произведеніемъ Гекторовича, но болѣе раннихъ сочиненій поэта не сохранилось. Г. Петровскій тщательно сравниваетъ стихъ за стихомъ оригиналъ и хорватскій переводъ поэмы Овидія (стр. 81—85), имѣющійся въ изданіяхъ Облака (Archiv für Slav. Phil., XV) и Любича (Građa za povjest književnosti hrvatske, I), изъ которыхъ, впрочемъ, ни то ни другое, по мнѣнію автора, нельзя признать удовлетворительнымъ, и приходитъ къ заключенію, что хорватскій текстъ существенно

1) Građa za povjest književnosti hrvatske, II, 1—12 (Cap. XVII—стр. 10—11). — Ср. Šrepel, Humanist Šižgorić: Rad Jugosl. Akad., кн. 138, стр. 210, 267—269. — Medini, Povjest hrv. književn., I, 74—76.

разнится отъ латинскаго, значительно уступая послѣднему въ красотѣ и изяществѣ, и что Гекторовичъ пользовался при переводѣ комментаріями Меруды; по мнѣнію Г. Петровскаго, возможно, что переводъ былъ сдѣланъ съ итальянскаго языка, а не съ латинскаго, но онъ оставляетъ вопросъ объ этомъ открытымъ. Въ способѣ выраженія Гекторовича въ его переводѣ авторъ находитъ, какъ было сказано выше, слѣды «трубадурской» лирики. Одною изъ причинъ частыхъ отступленій отъ подлинника, по мнѣнію г. Петровскаго, былъ излюбленный хорватскими поэтами «дванаестерац».

Въ четвертой главѣ, послѣ характеристики итальянскихъ рыбацкихъ идиллій начала XVI вѣка путемъ краткаго обзора содержанія латинскихъ эклогъ Санназаро (1458—1530) и его послѣдователей на итальянскомъ языкѣ — Берн. Роты (1509—1575), Бернардо Тассо (1493—1569) и Андр. Кальмо (1510—1571) (стр. 90—94), г. Петровскій излагаетъ содержаніе главнаго изъ произведеній Гекторовича, его поэмы «Ribanje» (стр. 95—105) и дѣлаетъ общую оцѣнку его литературнаго значенія (стр. 105—110). При пересказѣ содержанія авторъ указываетъ по пути литературныя припоминанія поэта: при объясненіи происхожденія и безостановочнаго теченія рѣкъ—Екклесіастъ Соломона, «Μετεωρολογικά» Аристотеля, имѣвшіяся во время Гекторовича въ латинскихъ переводахъ Альціонія (изд. дважды въ Венеціи — въ 1521 и 1548) и Сепульведы (Парижъ 1532 г.), «Metheororum libri II» Альберта Великаго, при разсказѣ о первобытныхъ временахъ—«De consolatione philosophiae» Боэція, при перечисленіи чувствъ и подвиговъ тѣлеснаго и духовнаго милосердія — «Evangelistarium» Марулича. Въ изложеніи содержанія поэмы остановлюсь на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ автора. Разсказывая, что утромъ третьяго дня, укрѣпивъ лодку на якорѣ, путешественники отправились въ церковь, гдѣ помолились «каждый по своему обычаю» (svak po običaj svoj), г. Петровскій говоритъ, что «это выраженіе позволяетъ думать, что не всѣ путешественники были одного вѣроисповѣданія; такъ какъ

Гекторовичъ былъ, безъ сомнѣнія, католикъ, а имя Паскоя также наводитъ на мысль о принадлежности его—а, стало быть, и его сына—къ западной церкви, то православнымъ могъ быть только Николай; любопытно, прибавляетъ авторъ, что именно онъ предложилъ пѣть бугарштицу на *сербскій* [1]) ладъ (srbskim načinom)» (стр. 100—101). Мнѣ думается, выраженіе «svak po običaj svoj» относится не къ различію вѣроисповѣданія молившихся, а просто къ личному у каждаго изъ нихъ обыкновенію молиться, характеру молитвы; во всякомъ случаѣ дѣлать изъ указаннаго выраженія заключеніе о православіи Николая слишкомъ смѣло; Іенсенъ [2]), судя по прозвищу (Zet), думаетъ, что онъ былъ зятемъ Паскоя, котораго онъ называетъ čaćka. Говоря о загадываніи и разгадываніи загадокъ, которыми развлекались во второй день своей морской поѣздки рыбаки, г. Петровскій находитъ страннымъ, что вопросы и отвѣты при этомъ пѣлись (стр. 100), но, по замѣчанію Іенсена [3]), употребленныя въ данномъ случаѣ Гекторовичемъ выраженія odpivati и pripivati можно понимать не въ смыслѣ пѣнія, или исполненія какой-либо мелодіи, а просто въ смыслѣ ритмической декламаціи заученныхъ наизусть изреченій. Въ окончательномъ выводѣ изъ своего изученія поэмы Гекторовича г. Петровскій приходитъ къ заключенію, что при сравненіи съ современными итальянскими «рыбацкими эклогами» (eglogĥe pescatorie), если не считать нѣкотораго незначительнаго и отдаленнаго сходства въ кое-какихъ внѣшнихъ подробностяхъ изложенія содержанія или внѣшней обстановки съ десятой эклогой Б. Роты («Timeta»), «Ribanje», и по общей концепціи, и по идеѣ, является произведеніемъ вполнѣ самобытнымъ и отличается совершенно необычнымъ для своего времени реализмомъ поэтическаго представленія жизни: вмѣсто серьезнаго и скучнаго трактата о какихъ-либо высокихъ вопросахъ въ обычной формѣ дидактической поэмы или любовныхъ ламентацій и диѳирамбовъ

1) Курсивъ г. Петровскаго.
2) «Einige litter. Bemerk. zum «Ribanje»: Arch. f. Sl. Phil., XXV, 438.
3) Тамъ-же, стр. 432.

возлюбленнымъ, вложенныхъ въ уста людей, которые, хотя и носятъ названіе рыбаковъ или пастуховъ, но, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго ни съ однимъ изъ этихъ классовъ трудящагося люда, Гекторовичъ въ выборѣ сюжета для своего произведенія руководствовался «указаніями самой жизни народа въ Далмаціи», въ виду малаго количества плодородной земли вынужденнаго эксплоатировать другую стихію—море, и сохранилъ въ теченіе всего разсказа за дѣйствующими въ его поэмѣ лицами присущій ихъ профессіи отличительный характеръ трудовыхъ и житейскихъ интересовъ: «его рыбаки, говоритъ авторъ, прекрасно знаютъ свое ремесло, охотно говорятъ о немъ и добросовѣстно занимаются имъ, а пригласившій ихъ съ собою авторъ «Рибанья» живо и подробно, но не дидактично, описываетъ все это, со смысломъ употребляя рыболовные термины, которые очевидно, были ему извѣстны въ совершенствѣ» (стр. 106—107). Съ этими замѣчаніями г. Петровскаго нельзя не согласиться; справедливо указываетъ онъ также и на такія жизненныя черты, какими характеризуются, напримѣръ, въ подробностяхъ разсказа Гекторовича моменты забывчивости Николая и смущенія его вслѣдствіе ея, его застѣнчивости, когда ему забыли дать вина, обѣщаннаго за удачное разгадываніе загадокъ, и онъ не рѣшался напомнить объ обѣщаніи. Но, по моему мнѣнію, авторъ впадаетъ въ преувеличеніе, говоря, что такихъ жизненныхъ подробностей «не найдется у современныхъ Гекторовичу поэтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не рѣшился бы внести ихъ въ свое произведеніе... Изъ другихъ хорватскихъ поэтовъ XVI вѣка, продолжаетъ по этому поводу г. Петровскій, *народъ* [1]) выводили въ своихъ пастораляхъ Налешковичъ, М. Држичъ и Зораничъ, если не считать (?) Ветранича, о которомъ была уже рѣчь выше; но всѣ ихъ Радаты, Любмиры, Радмилы и т. д. только славянскимъ именемъ отличаются отъ героевъ современныхъ имъ итальянскихъ эклогъ, а неизбѣжныя въ подобныхъ произведеніяхъ *вилы*

1) Курсивъ автора.

не имѣютъ ничего общаго съ *вилами* дѣйствительно народной поэзіи и оказываются носящими хорватское имя *нимфами* итальянскихъ идиллій. Поэтому «Рибанье» въ хорватской литературѣ не только XVI-го, но и послѣдующихъ столѣтій, стоитъ совершенно особнякомъ» (стр. 107—108)... О картинахъ изъ жизни народа у Ветранича было уже сказано выше, и жизненная правда ихъ, по моему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію; то же слѣдуетъ сказать и о Маринѣ Држичѣ, который какъ въ своей драмѣ «Od poroda Isusova», такъ и въ «Тиренѣ» и комедіяхъ далъ цѣлый рядъ и образовъ и сценъ, полныхъ жизни и непосредственнаго отношенія къ современной дубровницкой дѣйствительности; авторъ и самъ счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку относительно послѣдняго писателя, отмѣтивъ указанныя акад. Ягичемъ [1]) черты народности въ произведеніяхъ Држича.. Что касается *вилъ*, то смѣшеніе народнаго представленія о существахъ этого рода съ нимфами итальянскихъ поэтовъ совсѣмъ не имѣетъ значенія такого общаго, характернаго явленія въ сербо-далматской литературѣ даннаго времени, какое ему усвоиваетъ г. Петровскій: такъ у Ветранича, напримѣръ, въ поэмѣ «Pelegrin», по замѣчанію Медини [2]), указанныя понятія различаются,— если не по имени, то по существу; у Марина Држича вилы иногда имѣютъ то же значеніе, что духи у Шекспира [3]). Независимо отъ всего этого, реализмъ не заключается только въ изображеніи жизни народа и народности, а, вообще, въ художественномъ воспроизведеніи правды жизни, въ понятіе которой входятъ и проявленіе душевныхъ движеній общечеловѣческаго свойства; въ этомъ отношеніи, какъ было выше показано, напримѣръ, относительно Ветранича, произведеніе Гекторовича вовсе не стоитъ въ такой степени особнякомъ, какъ утверждаетъ г. Петровскій. Конечно, и у Ветранича, и у М. Држича найдется не мало несовершенствъ и недо-

1) «Kritische Nachlese zum Text d. altkroatischen Dichtern»: Archiv f. Sl. Phil., V, 91—92.

2) «Povjest hrv. književn.», I, 204.

3) Medini, Povjest hrv. književn., I, 319.

статковъ съ точки зрѣнія строгаго реализма, но вѣдь не безупреченъ въ этомъ отношеніи и Гекторовичъ; самъ г. Петровскій признаетъ, что авторъ поэмы «Ribanje», «изображая своихъ рыбаковъ, не во всемъ остался вѣренъ дѣйствительности и внесъ въ свою идиллію нѣкоторыя подробности, которыхъ онъ не могъ наблюдать на самомъ дѣлѣ» (стр. 110), и что «при всемъ реализмѣ, лежащемъ въ основѣ «Рибанья» — и въ общей концепціи его, и во всѣхъ подробностяхъ — около четверти этого произведенія (402 стиха изъ 1684) оказывается крайне неудачнымъ, неумѣстнымъ и неестественнымъ вымысломъ, нарушающимъ гармонію цѣлаго» (стр. 145—146). Если даже согласиться съ акад. Ягичемъ и Іенсеномъ [1]), что Паской и Николай, по свидѣтельству самого поэта, были не совсѣмъ обыкновенными рыбаками, а лучшими, выдающимися на Хварѣ («najbolja od Hvara»), Паской бесѣдовалъ не разъ съ монахами «na Solinskoj ričі» (г. Петровскій думаетъ, что это Iader, протекающій вблизи Солина — Salona, — стр. 96, примѣч.), все-таки, не говоря уже о томъ, что предметомъ истинно художественныхъ произведеній поэзіи бываютъ не единичныя или исключительныя, а типическія явленія, нельзя, мнѣ кажется, не признать, что въ содержаніе поэмы внесено ея авторомъ не все, о чемъ разговаривали и могли разговаривать между собою и съ нимъ его спутники, а только то, что болѣе или менѣе отвѣчало его мысли, что подъ бѣднымъ костюмомъ рыбака иногда скрываются высокія душевныя и нравственныя качества, умъ и знаніе, т.-е., иными словами, нельзя не признать того, что авторъ болѣе или менѣе идеализовалъ своихъ рыбаковъ; наконецъ, бесѣда послѣднихъ не могла идти такъ гладко и литературно, какою она представлена въ поэмѣ... Правда, Іенсенъ [2]), доказывая, что Гекторовичъ былъ безусловно вѣренъ дѣйствительности, ссылается на то, что самъ поэтъ, оставшись наединѣ, дивился, видя на примѣрѣ своихъ спутниковъ,

1) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović»: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 431.

2) Тамъ-же.

какъ бываетъ иной разъ обманчива наружность, но указаніе это не можетъ служить свидѣтельствомъ въ пользу полной правдивости даннаго поэтическаго представленія, какъ, напримѣръ, оговорка Карамзина въ повѣсти «Бѣдная Лиза» при изображеніи чувствительности старухи-матери героини разсказа и ея самой, что «и крестьянки чувствовать умѣютъ»... Существеннымъ пробѣломъ въ содержаніи разсматриваемой главы книги г. Петровскаго является, на мой взглядъ, отсутствіе характеристики выведенныхъ Гекторовичемъ въ своей поэмѣ рыбаковъ и обозрѣнія заключающихся въ ней фактическихъ подробностей, характеризующихъ плаванье по морю на парусной лодкѣ, принадлежности и способы рыбной ловли далматинцевъ, обычную добычу ихъ, устройство далматинскихъ помѣстій и т. п. Г. Петровскій ограничивается только ссылкой въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 95) на статью Зоре о рыболовствѣ на хорватскомъ поморьѣ[1]), но этого, мнѣ кажется, недостаточно для спеціальнаго изслѣдованія: этимъ матеріаломъ опредѣляется, по моему мнѣнію, прежде всего реалистическій характеръ произведенія Гекторовича, и въ этомъ отношеніи цѣннымъ дополненіемъ къ разсматриваемой книгѣ является статья Іенсена о поэмѣ «Ribanje» въ «Архивѣ» акад. Ягича за прошлый 1903 годъ[2]).

Пятая глава (стр. 111—201) посвящена разбору литературнаго матеріала, входящаго въ содержаніе поэмы Гекторовича. Прежде всего г. Петровскій останавливается на заключающихся въ ней апоѳтегмахъ и афоризмахъ: «рыбаки, выведенные Гекторовичемъ, говоритъ авторъ, не могли пѣть тѣхъ сентенцій, которыя онъ вложилъ имъ въ уста; поэтому мы въ правѣ видѣть въ подборѣ приведенныхъ въ «Рибаньѣ» апоѳтегмъ изложеніе взглядовъ самого поэта, сдѣланное съ достаточною подробностью и потому дающее возможность болѣе или менѣе

1) L. Zore, O ribanju po dubrovačkoj okolici sa dodatcima iz ostalog našeg primorja: Arkiv za povjestnicu jugoslav., X, 323—368.

2) «Einige litterar. Bemerkungen zum «Ribanje» v. P. Hektorović»: Arch. f. Sl. Ph., XXV, 429—439.

основательно судить о воззрѣніяхъ Гекторовича» (стр. 111). По тщательномъ изслѣдованіи, обоснованномъ на множествѣ параллельныхъ выписокъ изъ разныхъ источниковъ (стр. 112—138), г. Петровскій показываетъ, что большинство упомянутыхъ сентенцій заимствовано поэтомъ изъ сочиненія Діогена Лаертскаго Περὶ βίων, δογμάτων καὶ ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκιμησάντων βιβλία δέκα», которымъ Гекторовичъ пользовался, повидимому, въ латинскомъ переводѣ Амвросія Траверсари (*1475 г.). Кромѣ этого источника, авторъ поэмы «Ribanje» заимствовалъ матеріалъ для указанной части своего произведенія изъ книги современника своего Павла Мануція: «Apophtegmatum ex optimis utriusque linguae scriptoribus libri VIII», представляющей передѣлку извѣстнаго труда Эразма Роттердамскаго «Adagiorum chiliades», изъ сочиненія Боэція «De consolatione philosophiae», Марулича «Bene vivendi instituta» и «Evangelistarium» и др. Изъ девяти символовъ Пиѳагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribanje», восемь, по изслѣдованію г. Петровскаго (стр. 139—145), могли быть заимствованы также изъ названнаго сочиненія Діогена Лаертскаго, одно («orćena stanjica nima se pustiti») изъ діалога Цицерона «De senectute» (Cato major). Параллельно съ указаніемъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ книжныхъ источниковъ изслѣдуемаго матеріала г. Петровскій, гдѣ представляется возможность, отмѣчаетъ аналогичныя данныя въ славянскомъ, преимущественно, конечно, сербо-хорватскомъ фольклорѣ; но при изслѣдованіи предмета въ этомъ направленіи оказалось, что «до XIX столѣтія не дошло въ народной передачѣ почти никакихъ изреченій, употреблявшихся Паскоемъ и Николаемъ; между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ при этомъ авторъ, чрезвычайная живучесть произведеній народнаго творчества, вѣроятно, сохранила бы до нашихъ дней въ устахъ простолюдиновъ Далмаціи пословицы, записанныя Гекторовичемъ будто бы изъ устъ рыбаковъ» (стр. 145): онѣ находятся, по свидѣтельству автора, въ несомнѣнной зависимости «отъ книгъ, притомъ такихъ, которыя не могли быть извѣстны рыбакамъ и не всегда были

понятны даже Гекторовичу» (стр. 145). Іенсенъ въ упомянутой выше статьѣ своей о поэмѣ «Ribanje» оспариваетъ этотъ выводъ г. Петровскаго: по мнѣнію его, если рыбаки могли знать наизусть цѣлыя народныя пѣсни, и о такихъ лицахъ и мѣстахъ, о которыхъ имъ ничего не было извѣстно (о братѣ Марка Королевича, городѣ Сиверинѣ, Уд(б)инѣ, Святой горѣ, Дунаѣ), если они могли знать пѣсню въ родѣ почашницы, въ содержаніи которой слышится отголосокъ западно-европейской рыцарской поэзіи, въ образѣ ѣдущаго верхомъ рыцаря, въ шелковой шляпѣ и съ украшеннымъ перьями щитомъ, въ сопровожденіи пѣвца-слуги, то тѣмъ болѣе они могли заучить откуда-нибудь и знать наизусть коротенькія изреченія, имѣющія своимъ содержаніемъ азбучныя житейскія истины и элементарныя правила нравственности[1]); но дѣло въ томъ, что эти изреченія, какъ показалъ г. Петровскій, можно было почерпнуть только изъ книгъ, тогда какъ пѣсни, о которыхъ говоритъ Іенсенъ, обращались въ средѣ народа въ устной передачѣ, не исключая и пѣсенъ съ мотивами рыцарской поэзіи, которыя, по приведенному выше мнѣнію акад. А. Н. Веселовскаго, могли распространяться въ народѣ также путемъ живого устнаго общенія итальянскихъ и славянскихъ странствующихъ пѣвцовъ: слѣдовательно, условія ихъ усвоенія людьми изъ народной среды были иныя, болѣе благопріятныя, нежели для указанныхъ сентенцій и афоризмовъ. Что касается самой мысли собрать вмѣстѣ различныя изреченія и моральныя правила, то она могла явиться у Гекторовича, по мнѣнію г. Петровскаго, подъ впечатлѣніемъ аналогичнаго сборника Димитровича «Pričice izete iz svetoga pisma i filosofa». Авторъ останавливается при этомъ на томъ явленіи, что «и Гекторовичъ и Димитровичъ, проникнутые христіанскими и даже церковными воззрѣніями, на ряду съ цитатами изъ Библіи помѣщали, какъ равныя по силѣ и значенію, изреченія языческихъ мудрецовъ» (стр. 147), и видитъ въ этомъ характерную черту

1) Archiv f. Sl. Phil., XXV, 432.

эпохи Возрожденія; но отмѣченное въ данномъ случаѣ явленіе относится преимущественно къ начальному, раннему періоду гуманизма и имѣетъ корни въ средневѣковомъ синкретизмѣ настоящаго съ прошлымъ. У насъ, въ Россіи, внѣ условій непосредственныхъ гуманистическихъ вліяній, даже въ церквахъ,—напримѣръ, въ иконостасѣ псковскаго Троицкаго собора, построеннаго въ 1699 году,—подъ мѣстными иконами оказываются между прочимъ изображенія Менандра, Платона, Аѳродитіана, Хилона, Омира, Аристотеля, Еврипида, съ хартіями въ рукахъ и надписями на нихъ изъ ученія и произведеній названныхъ философовъ и поэтовъ классической древности въ пріуроченіи къ богочеловѣчеству Христа [1]): въ основѣ лежала богословская идея о естественномъ откровеніи и всемірномъ пріуготовленіи человѣчества Промысломъ къ истинной жизни и спасенію.

Послѣ сентенцій и символовъ г. Петровскій останавливается на литературной исторіи внесенной въ «Ribanje» загадки о рыбакахъ и рыбѣ (стр. 147—152); помѣщенная въ извѣстномъ сборникѣ загадокъ Симфозія (Symphosii scholastici Aenigmata), она, благодаря тому обстоятельству, что неизвѣстный переводчикъ греческаго романа объ Аполлоніи Тирскомъ на латинскій языкъ внесъ ее въ свою передѣлку, получила большое распространеніе въ европейскомъ фольклорѣ; у сербо-хорватовъ авторъ отмѣчаетъ двѣ аналогичныя загадки: «чељад похватах, а кућа им побеже кроз пенџере» и «čeljad pohvata, kuća pobježe kroz prozor». По мнѣнію г. Петровскаго, основанному на характерѣ разгадки, Гекторовичъ, внося указанную загадку въ свою поэму, находился подъ вліяніемъ не народной ея версіи, а какой либо книжной, именно романа объ Аполлоніи Тирскомъ въ латинскомъ или итальянскомъ переводѣ.

Вторая половина разсматриваемой главы занята разборомъ со стороны содержанія и формы народныхъ пѣсенъ, вошедшихъ

1) И. Годовиковъ, Описаніе и изображеніе древностей Псковской губерніи, вып. 2, стр. 57.

въ текстъ поэмы Гекторовича. Сначала авторъ останавливается на почашницѣ (стр. 152—160). Первая часть ея, заключающая въ себѣ первыя четыре строки въ editio princeps и въ изданіи Любича и первыя восемь въ академическомъ изданіи, въ которомъ каждая прежняя строка раздѣлена на двѣ, представляетъ «trinaesterac», извѣстный въ сербо-хорватской народной поэзіи XVIII—XIX вѣковъ, въ записяхъ также и по 13 и по 8—5 слоговъ въ стихѣ. По мнѣнію г. Петровскаго, эта часть почашницы слегка передѣлана Гекторовичемъ изъ одной народной почашницы — «Djaku», сохранившейся на Корчулѣ и сообщенной Вукасовичемъ въ его собраніи «Korčulanske čakavske počašnice»; въ противоположность отмѣченному Вукасовичемъ усвоенію народомъ, въ качествѣ народнаго произведенія, стихотворенія Петра Канавеловича («Mladici»), г. Петровскій въ начальныхъ стихахъ почашницы Гекторовича видитъ обратный случай проникновенія народнаго стиха въ книгу, хотя именно въ качествѣ народнаго. Слѣдующіе два стиха разсматриваемой почашницы, раздѣленные въ академическомъ изданіи на четыре строчки, безъ нарушенія счета стиховъ, въ editio princeps были раздѣлены значками; первыя половины этихъ стиховъ заключаютъ по десяти слоговъ, вторыя представляютъ «осмерцы»; остальная, заключительная часть пѣсни имѣетъ размѣръ съ неправильнымъ распредѣленіемъ слоговъ по стихамъ: первыя половины строкъ имѣютъ то десять, то девять, то восемь слоговъ, вторыя правильно по восьми. Здѣсь впервые, по замѣчанію г. Петровскаго, появился въ печати «десетерац». Вопросъ о времени происхожденія этого размѣра авторъ оставляетъ открытымъ; первымъ собраніемъ стихотвореній десятисложнаго размѣра считается «Razgovor ugodni naroda slovinskoga» Качича-Міошича, появившійся приблизительно въ серединѣ XVIII вѣка, но г. Петровскій указываетъ болѣе старое свидѣтельство о процвѣтаніи «десетерца» въ Приморьи, относящееся, по крайней мѣрѣ, къ первой четверти названнаго столѣтія: оно оказывается въ сочиненіи нѣкоего францисканскаго монаха Ловро «Pisna od pakla», именно

въ посвященіи этой книжки задрскому архіепископу Змаевичу: Ловро говоритъ о распространеніи «десетерца» въ народной поэзіи («Illyrici Generis utriusque sexus Populis solemnia sunt quaedam carmina Syllabica dimensione dena, solita quaedam modulamina elementari comprehensione ligata»...) и свою поэму также написалъ этимъ размѣромъ. Первая изъ бугарштицъ, изображающая ссору Марка Королевича съ братомъ Андріашемъ, по мнѣнію г. Петровскаго, повидимому, дѣйствительно записана поэтомъ изъ устъ рыбака; между прочимъ и языкъ ея нѣсколько отличается отъ діалекта Гекторовича; слѣды редакторской работы поэта авторъ видитъ только въ метрикѣ пѣсни. Содержаніе второй бугарштицы — о Радосавѣ изъ Северина и Владкѣ Уд(б)инскомъ — ждетъ еще окончательнаго разъясненія. Акад. Ягичъ, цитируя сообщеніе Курипешича о существованіи у босняковъ и хорватовъ многочисленныхъ пѣсенъ о подвигахъ вѣрнаго слуги герцога Павловича изъ Радаселя, замѣтилъ, что о Радосавѣ Павловичѣ, какъ онъ перевелъ «Pavlovicz von Radasel» Курипешича, въ настоящее время пѣсенъ нѣтъ, но *Радосавъ* бугарштицы изъ поэмы Гекторовича могъ быть боснійскимъ воеводой Радосавомъ Павловичемъ [1]); такого же взгляда держались Любичъ [2]), акад. А. Н. Веселовскій [3]) и Павичичъ [4]), отмѣтившій, впрочемъ, несоотвѣтствіе пѣсенной традиціи о гибели Радосава исторической истинѣ. Гавриловичъ [5]), отправляясь отъ свидѣтельства Курипешича, ищетъ, съ своей стороны, какъ и слѣдуетъ, пѣсенъ не о Радосавѣ, а о слугѣ его. Сёренсенъ первый остановился на вопросѣ, откуда взялось прозвище Радосава въ бугарштицѣ и что

1) Jagić, Gradja za slovinsku narodnu poeziju: Rad Jug. Akad., XXXVII, 114.

2) «Prilog Jagičevoj razpravi o gradji za slov. nar. poeziju»: Rad Jug. Akad., XL, 140.

3) «Хорв. пѣсни о Радосавѣ Павл. и итал. поэмы о Гнѣвн. Радо»: Журн. Мин. Нар. Просв., CCI (янв. 1879 г.), 95.

4) «Tri narodne pjesme u Hektorovićevom Ribanju i ribarskom prigovaranju»: «Nada» 1898 г., № 8, стр. 121—122.

5) «Трагови народног певања у XVI веку»: Глас Српске Краљевске Академије, LX, стр. 102 и слѣд.

слѣдуетъ понимать подъ именемъ Сиверина: по мнѣнію названнаго изслѣдователя, Siverin бугарштицы Гекторовича есть не что иное, какъ румынскій Турну-Северинъ, а Udin сербское наименованіе для Виддина [1]). Отвергая не безъ основанія такое толкованіе, г. Петровскій, съ своей стороны, высказываетъ предположеніе, что Сиверинъ «едвали не тождественъ съ нынѣшнею деревнею Severin въ загребской жупѣ», а мѣстожительство Владка, при условіи принятія конъектуры Кукульевича-Сакцинскаго [2]) (Udbinski вмѣсто Udinski), опредѣляется деревнею Udbina, въ южной Кроаціи: такимъ образомъ мѣста, гдѣ происходятъ событія, о которыхъ поется въ бугарштицѣ, оказывались бы по близости къ Хвару и Далмаціи, «и обитатели Северина и Удбины могли скорѣе попасть въ былину, пѣтую хварскимъ рыбакомъ, нежели жители придунайскихъ крѣпостей» (стр. 166). Третья пѣсня, въ которой упоминается Шишманъ, пріурочивается Павичичемъ къ Косовской битвѣ; имя Андріаша, какъ брата Лазаря, г. Петровскій объясняетъ встрѣчающимся часто въ народномъ эпосѣ смѣшеніемъ генеалогическихъ отношеній между героями и припоминаніемъ о братѣ Марка Королевича. Въ подлинности этой пѣсни сомнѣваться нѣтъ основаній. Размѣръ ея затемняется повтореніемъ одинаковыхъ фразъ при участіи двухъ пѣвцовъ. Г. Петровскій разсматриваетъ эту пѣсню, какъ эпическую; Миласъ [3]) считаетъ ее лирическою, а Гавриловичъ видитъ въ ней одну изъ тѣхъ *лиро-эпическихъ* пѣсенъ, которыя возникали на почвѣ и въ первоначальныхъ формахъ обрядной лирики, черпая свое содержаніе изъ текущихъ явленій жизни, затронувшихъ народную мысль и чувство, и, съ теченіемъ времени, постепенно пріобрѣтали эпическую канву и окраску тона, сохраняя отпечатокъ свѣжаго впечатлѣнія факта, вызвавшаго

1) A. Soerensen, Beitrag zur Geschichte d. Entwickelung d. serb. Heldendichtung: Archiv f. Sl. Ph., XV, 224.

2) «Pjesn. hrv. XV v.», 102.

3) «O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića»: Nada, 1902 г., № 13, стр. 184.

въ свое время ихъ появленіе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія сложность размѣра указанной пѣсни можетъ объясняться переходнымъ характеромъ ея внутренняго содержанія [1]). Притомъ, по наблюденію Миласа, число слоговъ въ стихѣ пѣсни не имѣетъ опредѣляющаго значенія для ея размѣра при пѣніи: стихи въ 12 и даже 16 слоговъ исполняются нѣкоторыми народными пѣвцами и звучатъ въ ихъ пѣніи, какъ *десетерцы* [2]).

Разсматриваемая глава заключается изслѣдованіемъ о бугарштицахъ (стр. 171—201). Опредѣливъ обычный типъ бугарштицъ, г. Петровскій останавливается на вопросѣ о происхожденіи ихъ размѣра. Зима считаетъ 16-ти сложный стихъ бугарштицъ правильнымъ народнымъ, производя изъ него и 15-ти сложный, какъ каталектическій [3]); проф. Халанскій [4]) видитъ въ немъ «нѣсколько видоизмѣненный tetrameter trochaicus acatalecticus». Нѣкоторые изслѣдователи, какъ Халанскій, Вольнеръ, Нодило, отчасти Новаковичъ, Гавриловичъ и Миленовичъ [5]), считаютъ бугарштицы искусственнымъ произведеніемъ. Раздѣляя этотъ взглядъ, г. Петровскій думаетъ, что и размѣръ бугарштицъ не народнаго происхожденія. По мнѣнію автора, бугарштицы при своемъ возникновеніи имѣли не пятнадцать слоговъ, какъ думалъ Богишичъ [6]), а шестнадцать, и, только проникнувъ въ народъ, утра-

---

1) A. Gavrilović, Prvo istorisko doba narodne poezije: Rad Jugosl. Akad., kn. 153, стр. 209—226; о пѣснѣ въ поэмѣ Гекторовича — стр. 216—217.

2) Nada, 1902 г. № 13, стр. 184.

3) L. Zima, Nacrt naše metrike narodne: Rad Jugosl. Akad., XLIX, 6, 12.

4) «Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ», III, 778.

5) Г. Петровскій имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду статьи: проф. Халанскаго—«О бугарштицахъ» (Замѣтки по слав. нар. словесн.—Русск. Фил. Вѣстн., 1882 г., т. VII), Вольнера — «Untersuchungen über d. Versbau d. südslav. Volkspoesie» (Arch. f. Sl. Ph., IX, 276), Нодила — «Religija Srbâ i Hrvatâ» (Rad Jugosl. Akad., LXXVII, 56), Новаковича — «Die serb. Volkslieder über die Kosovo-Schlacht» (Arch. f. Sl. Ph., III, 449), Гавриловича — «Замеиичке енклитике као ритамски елеменат у срп. нар. песмама» (Наставник, X, 197), Миленовича—«Ив. Гундулић» (Отаџбина, 1888 г., стр. 546—547).

6) «Нар. пјесме из старијих највише приморских записа», I, предговор (В. О свези међу бугарштицама и умјетним пјесништвом у приморју).

тили конечные слоги первыхъ, а иногда и вторыхъ полустишій; причину, по которой восьмисложное полустишіе могло превратиться въ семисложное, г. Петровскій видитъ въ томъ, что, какъ произведенія искусственныя, бугарштицы должны были имѣть въ основѣ своего языка штокавщину, въ которой удареніе претерпѣвало видоизмѣненія, приведшія къ изобилію ггорагохуtопа, вслѣдствіе чего стало болѣе удобнымъ оканчивать полустишіе дактилической стопой, вмѣсто прежней четырехсложной диподіи. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи размѣра бугарштицъ сводится авторомъ къ вопросу о происхожденіи обычнаго у далматскихъ поэтовъ «осмерца». Г. Петровскій думаетъ, что, какъ «осмерац» духовныхъ стихотвореній, судя по хорватскому переводу церковнаго гимна «Dies iгae» въ изданіи Лекціонарія Бернардина сплитянина 1495 года, былъ заимствованъ хорватами изъ латинской церковной поэзіи, такъ и образцомъ для восьмисложнаго размѣра хорватскихъ стихотвореній свѣтскаго характера служилъ соотвѣтствующій итальянскій размѣръ; особенно близкимъ къ итальянскому, по замѣчанію Крековича [1]), является размѣръ хорватскихъ карнавальныхъ стихотвореній (Нальешковича, Ветранича), а они представляютъ, какъ указано Медини [2]), по большей части подражаніе однороднымъ итальянскимъ произведеніямъ, въ которыхъ, сравнительно съ другими, восьмисложный стихъ, какъ извѣстно, былъ особенно распространенъ. Г. Петровскій дополняетъ соображеніе Крековича по этому предмету указаніемъ на сходство въ самомъ характерѣ восьмисложнаго стиха у итальянцевъ и у хорватовъ: итальянскій восьмисложный стихъ, въ отличіе отъ французскаго, непремѣнно, при тоническомъ характерѣ, ямбическаго, могъ быть хореическимъ или, при удареніи на седьмомъ слогѣ и женскихъ риѳмахъ, близко походить на хорей, и хорватскій «осмерац», сообразно съ природою сербо-хорватскаго языка, долженъ былъ быть хореиче-

1) «O strofoma prvih hrvatskih pjesnika»: Vjenac, 1893 г.

2) «Dubrovačke poklade u XVI i XVII vijeku i Čubranovićevi nasljednici», 36—37.

скимъ. Обращаясь къ вопросу о значеніи слова bugaršticа, авторъ находитъ, что предложенная акад. Ягичемъ [1]) этимологія этого слова отъ *бугарин* и, вслѣдъ за Караджичемъ, въ значеніи печальной, грустной пѣсни (Klagelied) не можетъ считаться достаточно обоснованною. Между прочимъ онъ указываетъ при этомъ на употребленіе слова bugariti, по объясненію Даничича въ «Rječnik»'ѣ, въ смыслѣ inepte loqui, показанномъ въ словарѣ Делабеллы, и обозначеніе выраженіями bugaršćica и bugariti *свадебныхъ* пѣсенъ въ рукописномъ сборникѣ (1851 г.) старинныхъ народныхъ пѣсенъ изъ г. Врбника; мнѣ думается, указанія эти, сами по себѣ, едва ли могутъ служить такими рѣшительными доводами противъ опредѣленій, данныхъ для словъ bugariti и buragštica Караджичемъ и Ягичемъ, какъ это представляется автору: у насъ свадебныя пѣсни, какъ извѣстно, нерѣдко носятъ названіе воплей, одинаковое съ похоронными, имѣя, если не по внутреннему своему смыслу, то по внѣшнимъ мотивамъ своего содержанія, характеръ грустный, обусловливаемый невольною горечью разлуки съ роднымъ домомъ и дѣвичьей волей и неизвѣстностью будущаго, а рѣчь человѣка въ состояніи душевнаго волненія подъ впечатлѣніемъ горя или несчастья является сплошь и рядомъ нестройною, безсвязною, къ которой бываетъ приложимо выраженіе inepte loqui; затѣмъ въ томъ и другомъ смыслѣ возможно обобщеніе значенія уже независимо отъ дѣйствительнаго внутренняго содержанія понятія, къ которому слово относится въ томъ или другомъ данномъ случаѣ. Основываясь на томъ, что слова корня *bugar* — издавна оказываются въ обращеніи у всѣхъ хорватовъ, потерявшихъ эпосъ, и главнымъ образомъ у жителей Далмаціи, тогда какъ сербы, еще живущіе эпическою жизнью и поющіе старыя эпическія пѣсни, этого слова не имѣютъ и, повидимому, никогда не знали прежде, г. Петровскій заключаетъ, что корень *bugar* — былъ занесенъ къ хорватамъ изъ чужого языка,

1) Archiv f. Sl. Phil., IV, 241—242.

соприкасавшагося съ хорватскимъ главнымъ образомъ въ Далмаціи, но не оказывавшаго вліянія на сербскій, именно итальянскаго: авторъ предполагаетъ, что «заимствованный изъ итальянской поэзіи—poesia volgare въ противоположность poesia latina—размѣръ хорватскихъ стиховъ могъ принять названіе, усвоенное на его родинѣ произведеніямъ народнаго творчества, часто пользовавшимся этою формою, — корень *volgar-* на приморской почвѣ могъ дать *bugar-* (стр. 195)[1]). Согласно съ этимъ предположеніемъ, *bugariti*, вѣроятно, первоначально обозначало *пѣть пѣсни, составленныя на итальянскій ладъ*, т. е. осмерцемъ, откуда могло возникнуть впослѣдствіи болѣе общее значеніе — *пѣть*, которое констатировалъ въ Дубровникѣ Богишичъ[2]), и частное — съ оттѣнкомъ въ смыслѣ *грустнаго пѣнія*. Решетаръ въ своей рецензіи на книгу г. Петровскаго[3]) нашелъ его заключенія по этому предмету ошибочными: производство *bugariti* отъ *volgare* представляется рецензенту очень слабо обоснованнымъ, при чемъ онъ указываетъ на различіе въ удареніяхъ между *volgáre* и *búgariti*. Въ статьѣ своей о метрикѣ Гундулича тотъ-же авторъ отвергаетъ и предположеніе о развитіи «осмерца» у хорватовъ подъ итальянскимъ вліяніемъ[4]). Миласъ находитъ, что, если бы слово bugaršticа происходило отъ volgare, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ старину, существовали для него, особенно среди чакавцевъ на Хварѣ, формы volgaršticа, vulgaršticа или bulgaršticа, но ихъ, насколько извѣстно, нѣтъ и не было на всемъ протяженіи отъ Котора до Истріи. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, слово bugaršticа происхожденія народнаго и своимъ источникомъ имѣетъ *звукоподражаніе* для обозначенія громкаго плача, при которомъ часто слышатся звуки u, bu, Bog; въ живомъ народномъ языкѣ слово bugariti употребляется, по сви-

---

1) Повидимому, такъ-же думаетъ и проф. Халанскій: «Южнослав. сказанія о Кралев. Маркѣ», III, 777.

2) «Нар. пјесме из стар. најв. приморск. зап.», I, предговор, 31.

3) Archiv f. Sl. Phil., XXIV, 276—279.

4) M. Rešetar, Die Metrik Gundulić's: Archiv f. Sl. Ph., XXV, 251.

дѣтельству Миласа, съ нѣкоторыми разными оттѣнками въ значеніи, показанномъ для него Караджичемъ (den Klaggesang anheben, naeniam inchoare): въ Дубровникѣ и вокругъ него выраженіе bugariti употребляется въ значеніи громко плакать, въ Сеньи слово это означаетъ то-же, что kukati, jadati se, на Истріи — пѣть жалобную пѣсню, по Ликѣ (Горн. Военн. Граница) — плакать, особенно на могилѣ, по покойникѣ, — такое-же значеніе, думаетъ названный авторъ, могло оно имѣть и въ старину, и отъ него могло произойти и слово bugaršticа съ первоначальнымъ значеніемъ печальной пѣсни по поводу какого-нибудь горя или несчастья [1]), т. е., стало быть, съ значеніемъ, близкимъ къ тому, которое усвоено ему Ягичемъ. Такимъ образомъ теорія [2]) г. Петровскаго объ итальянскомъ происхожденіи бугарштицъ является сомнительною.

Шестая глава посвящена разбору приписываемой Гекторовичу хорватской драматизаціи житія св. Лаврентія. Житіе это напечатано въ изданіи болландистовъ Acta sanctorum по версіи, сохранившейся въ «Martyrologium» св. Адона, вѣнскаго епископа IX вѣка, съ разночтеніями изъ другихъ редакцій, и въ томъ числѣ Сурія; тамъ-же напечатано и житіе св. Сикста. Пьесы, сюжетомъ которыхъ служитъ житіе св. Лаврентія, извѣстны у французовъ, итальянцевъ и хорватовъ; есть и испанское «Martirio de San Lorenzo». Г. Петровскій подробно излагаетъ содержаніе итальянскаго «La Rappresentazione di santo Lorenzo» сравнительно съ текстами житій св. Лаврентія и Сикста у болландистовъ (стр. 207—221) и приходитъ къ выводу, что названная итальянская пьеса была лишь неловкой драматизаціей указанныхъ житій, преимущественно по той редакціи, которая впослѣдствіи была извѣстна Сурію. Проф. д'Анкона [3]) относитъ «Rappresentazione di santo Lorenzo» къ XV вѣку. Переходя къ

1) M. Milas, O narodnijem pjesmama u «Ribanju» P. Hektorovića: Nada, 1902 г., № 13, стр. 183—184 (Bilgeške).

2) Въ предварит. сокращ. отзывѣ въ отчетѣ Отдѣленія о преміяхъ 1904 г. (стр. 7) опечатка: «исторія» вм. «теорія».

3) «Origini del teatro italiano»², I, 269—270.

хорватскимъ драматическимъ обработкамъ легенды о св. Лаврентіи, авторъ описываетъ рукописи, въ которыхъ онѣ сохранились (стр. 222—225), и разсматриваетъ сравнительно съ итальянскимъ «Rappresentazione» текстъ хорватскаго «Prikazanja sv. Lovrinca» въ редакціи, въ которой онъ напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Гекторовича, отмѣчая черты, опредѣляющія близкую зависимость хорватскаго текста пьесы отъ итальянскаго (стр. 225—228), и нѣкоторыя вставки въ хорватской обработкѣ сюжета, не имѣющія себѣ соотвѣтствія въ итальянской (стр. 228—241). При сличеніи указанныхъ двухъ обработокъ выясняется съ несомнѣнностью, что хорватскій авторъ пользовался итальянской пьесой. Но напечатанная пьеса была не единственной на хорватскомъ языкѣ обработкой житія св. Лаврентія: въ библіотекѣ Югославянской Академіи находится рукописный отрывокъ другой драмы того-же содержанія, текстъ которой совершенно отличенъ отъ печатнаго; изложивъ содержаніе этого отрывка сравнительно съ печатной пьесой, приписываемой Гекторовичу (стр. 241—247), г. Петровскій указываетъ, что авторъ рукописной драмы проявилъ по отношенію къ своему матеріалу полную самостоятельность: «его обработка не обнаруживаетъ близкой зависимости ни отъ текстовъ житія, ни отъ итальянскаго «Rappresentazione», которому рабски слѣдуетъ печатное «Prikazanje» (стр. 247—248); но, при ближайшемъ сличеніи печатной хорватской пьесы съ рукописной, замѣчаются и сходные стихи; при различіи на долю печатнаго текста приходится обыкновенно варіантъ худшій: въ рукописи нѣтъ ни одного неправильнаго стиха, въ печатной пьесѣ есть versus hypermeter, нѣкоторые стихи рукописнаго текста въ передѣлкѣ печатнаго «Prikazanja» искажены до потери смысла, правильность языка въ печатной пьесѣ также оставляетъ желать многаго и т. д. Поэтому г. Петровскій считаетъ рукописный отрывокъ старше текста печатной драмы, авторъ которой видимо заимствовалъ изъ рукописной пьесы въ испорченномъ видѣ нѣкоторыя мѣста и вставилъ ихъ въ свой переводъ или передѣлку итальянскаго

«Rappresentazione». Принадлежность, по преданію, хорватскаго «Prikazanja», въ печатной его редакціи, Гекторовичу была опровергаема проф. Лескинымъ [1]), но г. Петровскій, соглашаясь съ заключеніями его по данному предмету, находитъ, съ своей стороны, нужнымъ нѣсколько распространить доводы названнаго ученаго, имѣя въ виду, что у него не было подъ руками ни указаннаго рукописнаго отрывка драмы, вносящаго въ темный вопросъ нѣкоторое новое осложненіе, ни всѣхъ пособій, имѣющихъ значеніе для цѣли изслѣдованія; между прочимъ авторъ указываетъ на то, что Гекторовичъ, знавшій итальянскій языкъ, не могъ сдѣлать такихъ ошибокъ въ переводѣ, какія оказываются въ печатной пьесѣ: «онъ не назвалъ бы марментинскую тюрьму мраморной (nella prigion di Marmantin—u tamnicu mramoritu), не перевелъ бы существительнаго sogetto нарѣчіемъ podložno, не передалъ бы ne'suoi panni черезъ z družbom ovom и т. д.» (стр. 257); затѣмъ г. Петровскій предпринимаетъ изслѣдованіе языка хорватской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ языкомъ произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ Гекторовичу, пользуясь для того методомъ сличенія ріемъ въ направленіи различій чакавскаго нарѣчія, присущаго изучаемому поэту, какъ уроженцу Хвара, отъ штокавскаго, какъ современнаго ему литературнаго (стр. 260—269). Опредѣляющими отличіями чакавскаго нарѣчія отъ штокавскаго, отъ которыхъ авторъ отправляется въ данномъ случаѣ въ своемъ изслѣдованіи, не считая ихъ, впрочемъ, для настоящаго времени вполнѣ установленными, являются: *ča* вмѣсто *što*, сохраненіе конечнаго —*l*, переходъ первоначальнаго **dj* (штокавское *dj*, *đ*) въ *j*, переходъ конечнаго—*m* въ—*n*, переходъ гласнаго или слогообразующаго *r* въ *ar* или въ *ri*, префиксъ *va-*, *vaz-*, *v-*, *vz-* вмѣсто штокавскихъ *u-*, *uz-*, стяженныя формы притяжательныхъ мѣстоименій, архаическія формы родительнаго падежа множественнаго числа и окончаніе словъ съ основами на—*o* въ этомъ падежѣ на—*i*.

1) «Altkroatische geistliche Schauspiele», 27—28.

Пересмотръ въ этомъ направленіи особенностей языка несомнѣнныхъ произведеній Гекторовича и приписаннаго ему «Prikazanja» не обнаружилъ между ними особенно крупнаго различія въ діалектическомъ отношеніи: нѣкоторыя изъ добытыхъ данныхъ по этому предмету частью неопредѣленны, частью слишкомъ скудны; но можно думать, что «Prikazanje» отразило въ себѣ позднѣйшее, сравнительно съ временемъ Гекторовича, состояніе чакавщины, въ которую вторгались уже штокавскіе элементы. Кромѣ того, въ языкѣ «Prikazanja», по замѣчанію г. Петровскаго, оказывается еще одна, совершенно чуждая языку произведеній Гекторовича особенность—свистящіе согласные на мѣстѣ шипящихъ, замѣна, наблюдаемая въ рѣцкомъ говорѣ и отчасти въ нарѣчіи Кварнерскихъ острововъ. Въ результатѣ своихъ изученій г. Петровскій приходитъ къ убѣжденію, что хорватская драматизація житія св. Лаврентія, въ ея печатной редакціи, не принадлежитъ Гекторовичу; съ большею вѣроятностью, и по внутреннимъ качествамъ текста и по языку, могъ бы принадлежать автору поэмы «Ribanje» рукописный отрывокъ «Prikazanja», но этому прежде всего противорѣчитъ уже то обстоятельство, что рукопись, въ которой заключается этотъ отрывокъ, имѣя характеръ автографа, относится къ концу XVII вѣка. Поэтому авторъ заключаетъ, что Гекторовичъ никакихъ драмъ не писалъ. Въ объясненіе преданія о принадлежности хорватскаго «Prikazanja sv. Lovrinca» автору поэмы «Ribanje» г. Петровскій высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Гекторовичемъ, изучавшимъ, судя по записаннымъ имъ нотамъ къ бугарштицамъ, музыку своего народа, была написана музыка къ тексту драмы, а преданіе смѣшало композитора съ либреттистомъ.

Въ седьмой главѣ г. Петровскій разсматриваетъ мелкія стихотворенія Гекторовича на хорватскомъ и латинскомъ языкѣ и итальянское письмо его къ лесинскому врачу Ванетти по поводу присылки послѣднимъ своего сонета въ честь Антонія Луцича (стр. 275—286); по изслѣдованію автора, для характеристики изучаемаго поэта они не представляютъ ничего существенно зна-

чительнаго. Въ заключеніе г. Петровскій представляетъ общую характеристику историко-литературнаго значенія Гекторовича въ хорватской литературѣ (стр. 286—289), еще разъ въ связномъ изложеніи повторяя высказанныя имъ объ этомъ раньше въ подходящихъ случаяхъ замѣчанія въ разныхъ мѣстахъ своей книги. Такъ какъ о взглядахъ автора по этому предмету была уже рѣчь, то останавливаться на нихъ снова нѣтъ надобности. «Лучшія стороны поэзіи Гекторовича, говоритъ г. Петровскій, не оказали на хорватскую литературу никакого вліянія: вмѣсто народа и въ XVI, и въ XVII, и даже въ XVIII вѣкахъ въ ней изображались балетные пейзане; отъ этого недостатка не свободны даже такіе крупные литературные дѣятели, какъ Гундуличъ. Не понятый ни современниками, ни потомствомъ, Гекторовичъ не имѣлъ въ исторіи хорватской литературы никакого значенія; но это не его вина; это показываетъ только, что онъ опередилъ свое время на цѣлыхъ три столѣтія, по истеченіи которыхъ ему стали отдавать справедливость. Съ его «Рибаньемъ», замѣчаетъ авторъ, случилось то же, что съ однимъ изъ лучшихъ произведеній Я. Кохановскаго—«Pieśń Swiętojańska o Sobótce»—и по тѣмъ-же причинамъ, которыя прекрасно объяснилъ проф. Рымаркевичъ (Ateneum, IV, 1876, стр. 51—52): «заключая въ себѣ классичнаго слишкомъ *мало*, а родного слишкомъ *много*, она не отвѣчала требованіямъ тогдашняго вкуса и потому не была оцѣнена по достоинству («Zawierając w sobie klasyczności za *mało*, a swojskości za *wiele*, nie odpowiedziała wymaganiom ówczesnego gustu a poszła dlatego w zaniechanie»)». Не считая автора поэмы «Ribanje» такимъ одинокимъ среди современныхъ ему сербо-далматскихъ писателей, думаю, что направленіе, однимъ изъ представителей котораго онъ былъ въ свое время въ родной литературѣ, не получило естественнаго развитія не отъ тѣхъ причинъ, которыя указываетъ г. Петровскій, а отъ общихъ условій мѣстной національной жизни, имѣвшихъ конечнымъ послѣдствіемъ сравнительную слабость развитія въ далматинцахъ народнаго самосознанія; эти условія имѣли для себя почву въ

раздѣленіи Далмаціи на множество независимыхъ общинъ, породившемъ мелочную обособленность въ частяхъ единаго цѣлаго, и удушливый гнетъ католическаго духовенства, относившагося, въ большинствѣ, враждебно къ народу и его языку.

Въ приложеніи къ шестой главѣ въ концѣ своей книги г. Петровскій представляетъ опытъ исправленія испорченныхъ мѣстъ «Prikazanja života S. Lovrinca mučenika», имѣющій цѣлью дополнить исправленія, сдѣланныя проф. Лескиномъ [1]), при помощи сличенія хорватскаго текста съ итальянскимъ и отрывковъ изъ рукописи Мулановича, сообщенныхъ Жепичемъ, но не принятыхъ во вниманіе при своихъ поправкахъ и конъектурахъ Лескиномъ.

Содержаніе книги г. Петровскаго не ограничивается изслѣдованіемъ одной ея прямой темы; въ примѣчаніяхъ она представляетъ множество весьма цѣнныхъ указаній и сообщеній не только по предмету изслѣдованія, но и относительно другихъ разныхъ вопросовъ, которыхъ автору приходится касаться въ своемъ изложеніи: таковы, напримѣръ, біографическія и библіографическія замѣчанія о Мартинчичѣ (стр. 11—12), С. Менчетичѣ и Г. Држичѣ (стр. 23—25), Чубрановичѣ (стр. 18—22, 26, 28), Маруличѣ (стр. 30—34), Ветраничѣ (стр. 35—37), свѣдѣнія о рукописной генеалогіи Држичей съ выписками изъ нея біографическихъ указаній относительно Георгія и Марина Држичей (стр. 15—18), о Бертучевичѣ (стр. 62—63), о чешскомъ, польскомъ и русскомъ текстахъ романа объ Аполлоніи Тирскомъ (стр. 149—150), о Канавеловичѣ (стр. 154), о чередованіи «приложка» съ основными строками въ бугарштицахъ разныхъ собраній — Павича, Новаковича, Богишича (стр. 172—173), о хорватскихъ переводахъ гимна «Dies iræ» (стр. 182—183), о колендахъ въ Далмаціи и др. Эти и подобныя имъ примѣчанія иногда затрудняютъ чтеніе книги, мѣшая сосредоточиться; въ

1) «Kritische Nachlese z. Text der altkroat. Dichter», I, «Bemerk. z. prikazanje živ. sv. Lovr. St. p. VI»: Archiv f. Sl. Ph., V, 80—84.

методологическомъ отношеніи иныя изъ нихъ не только можно было бы, но и должно помѣстить въ текстѣ: напримѣръ, въ четвертой главѣ, на стр. 143, авторъ говоритъ: «произведенный нами разборъ символовъ Пиѳагора, внесенныхъ Гекторовичемъ въ «Ribanje», показываетъ» и т. д., а на самомъ дѣлѣ въ предшествующемъ текстѣ книги нѣтъ никакого разбора, а есть только изложеніе символовъ,—разборъ весь происходитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; тоже повторяется и при разборѣ итальянской драмы о св. Лаврентіи сравнительно съ житіями этого святого и св. Сикста у болландистовъ (стр. 207—221): выходитъ, будто читаешь заразъ двѣ книги,—одна напечатана покрупнѣе, другая помельче... Но, въ результатѣ, благодаря этимъ примѣчаніямъ, отнынѣ безъ книги г. Петровскаго едвали можно будетъ обойтись занимающемуся соотвѣтственнымъ періодомъ хорватской литературы, какимъ бы спеціально вопросомъ въ этой области ни интересоваться. Не со всѣми взглядами автора, какъ было сказано, можно согласиться, но разногласія относятся преимущественно къ вопросамъ общаго характера и неизбѣжны при настоящей слабой еще разработкѣ данныхъ по исторіи сербо-далматской литературы; невольно вспоминаются слова Боэція («De consolatione philosophiae»):

Qui serere ingenuum volet agrum
Liberat arva prius fruticibus,
Falce rubos filicemque resecat,
Ut nova fruge gravis Ceres eat.

Г. Петровскій ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ такой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало для того обслѣдованною и являла собою лишь обширное поле для всякихъ догадокъ и предположеній. Сдѣланное имъ въ своей книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе Отдѣленіемъ автору

преміи имени проф. Котляревскаго было бы вполнѣ заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнѣйшіе научные труды.

III.

С. М. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ. СПБ. 1903. VIII+224 стр.

Его-же. Морфологія сважендзскаго говора. СПБ. 1904, стр. 30.

Работы г. Кульбакина, заглавіе которыхъ я выписалъ выше, посвящены описанію сважендзскаго говора, входящаго въ составъ великопольскаго нарѣчія, «главнымъ образомъ... съ точки зрѣнія историка языка», при чемъ выдѣленъ въ особый отдѣлъ «вопросъ о возникновеніи общепольскихъ долготъ» (стр. II). То обстоятельство, что морфологія сважендзскаго говора не вошла въ составъ книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», а издана отдѣльно, хотя и представляетъ собою по содержанію главу этого труда, которая должна была бы стать рядомъ съ очеркомъ фонетики того же говора, объясняется, понятно, чисто внѣшними причинами случайнаго характера. Замѣчу еще, что заглавіе «Морфологія сважендзскаго говора» не исчерпываетъ содержанія самой работы, такъ какъ на стр. 26—30 помѣщены къ видѣ приложенія образцы говора.

Фонетика сважендзскаго говора, которой посвященъ первый отдѣлъ книги г. Кульбакина (стр. 1—89), распадается на двѣ части: стр. 1—4 содержатъ «Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора», а стр. 4—89 обнимаютъ часть, озаглавленную «Отно-

шеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ». Первая часть разсматриваемаго отдѣла даетъ очень краткое описаніе природы звуковъ сважендзскаго говора. На стр. II предисловія авторъ говоритъ, что его наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ не претендуютъ на «тонкость фонетическихъ [1]) опредѣленій», и что онъ даетъ «столько, сколько позволяло (его) ухо и (его) фонетическая подготовка». Сопоставляя это заявленіе съ словами примѣчанія на стр. 1—2: «Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными, такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить....» я не могу принять безъ оговорокъ опредѣленій гласныхъ звуковъ на стр. 1 по отношенію къ тому, является ли данная гласная нижней, верхней или средней. Дѣло въ томъ, что въ акустическомъ отношеніи, на слухъ близки между собою нижнія закрытыя и среднія открытыя гласныя и т. п. Вообще опредѣленія природы звуковъ въ сважендзскомъ говорѣ, даваемыя г. Кульбакинымъ, очень кратки и не содержатъ многихъ важныхъ подробностей. Что касается ударенія, то замѣчаніе: «*Удареніе* — обычно на предпослѣднемъ мѣстѣ» положительно недостаточно: на это указываетъ уже само слово «обычно» Итакъ, разсматриваемая часть перваго отдѣла вмѣстѣ съ тѣми дополненіями, которыя находятся во второмъ подъ-отдѣлѣ, не обогащаетъ существеннымъ образомъ нашихъ познаній по затрогиваемымъ въ ней вопросамъ.

Вторая часть перваго отдѣла, распадающаяся на девять главъ (самъ авторъ этого термина не употребляетъ), содержитъ очень

---

1) Замѣчу кстати, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ избѣгать употребленія терминовъ «фонетика», «фонетическій» и т. п. въ томъ значеніи, какое имѣютъ соотвѣтствующіе имъ термины phonetik, phonetisch въ нѣмецкой лингвистической литературѣ, такъ какъ «фонетикой» у насъ болѣе или менѣе принято называть «исторію звуковъ» (lautgeschichte). Вмѣсто термина «фонетика» въ значеніи нѣмецкаго phonetik лучше пользоваться терминомъ «физіологія звуковъ рѣчи».

добросовѣстное описаніе звуковыхъ особенностей говора въ связи съ исторіей языка. Мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣе затронуто изслѣдователями. Конечно, можно было бы пожелать, чтобы описаніе говора было дано отдѣльно отъ исторіи его звуковъ и формъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и не могъ ставить себѣ цѣлью дать полный обзоръ исторіи даннаго говора; изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ исторической грамматики польскаго языка, входящее въ составъ разбираемой части книги, равно какъ и вопросъ объ общепольской долготѣ, выдѣленный авторомъ въ особый отдѣлъ, съ большой пользой для дѣла могли бы быть представлены особо. Въ виду указанной особенности плана книги я предпочитаю выдѣлить въ своемъ разборѣ часть описательную изъ части исторической и сказать о каждой изъ нихъ отдѣльно.

Если изъ труда г. Кульбакина «Къ исторіи и т. д.» мы извлечемъ все, что относится къ описанію звуковыхъ особенностей сважендзскаго говора, то мы получимъ довольно полное представленіе объ его характерныхъ чертахъ. Существеннымъ пробѣломъ представляется мнѣ отсутствіе перечня тѣхъ случаевъ, гдѣ удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ. Въ народныхъ говорахъ эта особенность сказывается вообще чаще, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи. Въ извѣстныхъ мнѣ напр. непосредственно польско-литовскихъ говорахъ (т. е. говорахъ на территоріи бывшаго Великаго Княжества Литовскаго) я могъ наблюдать удареніе не на послѣднемъ слогѣ въ случаяхъ двухъ различныхъ категорій: 1) a) въ отдѣльныхъ словахъ (напр. okòlica); b) въ сложеніяхъ съ энклитиками, при чемъ при энклитическомъ że и się удареніе передвигается лишь въ повелительной формѣ 2-го л. ед. ч. въ части глаголовъ съ двухсложными основами (напр. bỳliśmy, żèbyśmy wiedzieli, chòdziłby, przèstańże, ubièraj się, но обыкновенно kładnìjsię, wstawàjże, poganiàjże); 2) въ нарѣчіяхъ и образованіяхъ повелительной формы

въ рѣчи восклицательно-побудительной при особыхъ условіяхъ (аффектъ, отдаленность разстоянія и т. п.), тогда какъ при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ этого не бываетъ (напр. prędzèj, dawàj) [1]). Вообще мнѣ кажется до сихъ поръ сравнительно мало обращалось вниманія на регистрацію и обслѣдованіе случаевъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ удареніе лежитъ въ томъ или другомъ говорѣ не на обычномъ мѣстѣ.

Непонятнымъ является для меня то, почему г. Кульбакинъ на стр. 16 называетъ j̯ и u̯, т. е. i и u неслоговыя, придыхательными. Замѣчу кстати, что непослѣдовательно опредѣлять звукъ, точнѣе звуки, передаваемые условно буквою j, какъ звонкій средненебный фрикативный согласный (стр. 3), послѣ разъясненія, даннаго на стр. 2: «Что касается дифтонгическихъ сочетаній aj̯, ej̯, ij̯, uj̯, oj̯, uj̯, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще j̯ отъ j и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ, пишу вездѣ j». Слѣдовало бы оговорить и на стр. 88 опредѣленіе: «Изъ общеслав. j различнаго происхожденія...» Вѣдь объ общеслав. j мы можемъ говорить только условно. Въ пунктѣ VIII на стр. 88 приведены сваженджскія tani, letńi, orli при dobryj и т. п.; слѣдовало бы упомянуть, какъ звучатъ въ томъ же говорѣ повелительныя въ соотвѣтствіи съ литературными kładnij, bij и т. п.; судя по текстамъ, неодносложныя повелит. теряютъ j (ср. vlij на стр. 28, сн. 3 строка, и zamkńi на стр. 29, сн. 1 строка).

---

1) Замѣчу, что, съ другой стороны, въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, имѣющихъ въ литературномъ языкѣ удареніе не на предпослѣднемъ слогѣ (напр. Amèryka, lògika и т. п.), въ различныхъ народныхъ говорахъ мы находимъ обыкновенно удареніе на этомъ именно слогѣ, поскольку, понятно, сами данныя слова встрѣчаются въ живомъ народномъ употребленіи; сюда относятся такіе случаи, какъ Amerẏka (слово, хорошо извѣстное народу въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, особенно пограничныхъ, вслѣдствіе особыхъ условій, созданныхъ эмиграціей), muzẏka, pijatẏka, Marẏja. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ разговорѣ на вопросъ, заключающій въ своемъ составѣ слова do Amèryki w Amèryce, я неизмѣнно слышалъ только tak, tak do Amerẏki, w Amerẏce; въ с. Lubanie Нешавскаго уѣзда мною записано даже do Amerẏkuf.

Очеркъ морфологическихъ особенностей сважендзскаго говора, занимающій стр. 1—25 брошюры, изданной отдѣльно отъ главнаго труда, менѣе обстоятеленъ сравнительно съ очеркомъ фонетики того же говора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по выдѣленіи изъ общаго содержанія книги г. Кульбакина. Это, впрочемъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что опредѣленіе морфологическихъ, синтактическихъ и лексическихъ особенностей требуетъ значительно бо́льшаго времени, чѣмъ усвоеніе основныхъ фонетическихъ чертъ того или другого говора.

Что касается образцовъ языка, напечатанныхъ въ приложеніи къ очерку морфологіи сважендзскаго говора, то они по содержанію самостоятельнаго интереса не представляютъ. Особенности говора переданы г. Кульбакинымъ добросовѣстно, и образцы вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Желательно было бы видѣть знакъ ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ напр. połuš-śe (стр. 29, 15 строка сверху), разъ въ текстѣ книги эти и имъ подобные примѣры не оговорены особо.

Итакъ, нужно признать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, очеркъ г. Кульбакина даетъ вообще достаточно полное представленіе о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ сважендзскаго говора; свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, имѣютъ тѣмъ бо́льшую цѣнность, что о великопольскомъ нарѣчіи мы знаемъ очень немного: строго говоря, можно пользоваться для научныхъ цѣлей только данными г. Лецѣевскаго, относящимися къ говору Miejskiej Górki. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои работы по діалектологіи польскаго языка и не ограничился настоящимъ первымъ опытомъ. Онъ несомнѣнно обладаетъ интересомъ къ занятіямъ этого рода, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и хорошее знаніе литературы предмета, обнаруженное имъ при сопоставленіи фактовъ описываемаго говора съ данными другихъ нарѣчій.

Перехожу теперь къ второй части задачи, возникающей для рецензента работъ г. Кульбакина. Какъ мы видѣли выше, ав-

торъ изложилъ матеріалъ, имъ собранный, «главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историка языка». При этомъ онъ «невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора. Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ», продолжаетъ авторъ, «я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики. Сознаюсь,— рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной». «Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей,—въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи общепольской долготы» (стр. II).

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ пересмотру основныхъ вопросовъ польской фонетики авторъ былъ приведенъ необходимостью выработать формулы, которыя могли бы служить исходнымъ пунктомъ для опредѣленія отношенія звуковъ сважендзскаго говора къ звукамъ общепольскаго языка. Дѣйствительно, многіе важные вопросы исторіи звуковъ польскаго языка до сихъ поръ еще не разработаны соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ, и она извѣстна намъ лишь въ очень общихъ очертаніяхъ. Можно поэтому быть признательнымъ г. Кульбакину уже за то, что онъ вновь поднялъ обсужденіе нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ этой исторіи. Посмотримъ, каковы достигнутые имъ результаты.

Обзоръ фонетики распадается на 9 главъ, при чемъ въ особый отдѣлъ выдѣленъ вопросъ: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ», которому посвящена бо́льшая часть книги «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». Обзору морфологіи, какъ мы уже знаемъ, посвящена особая брошюра.

Въ области вокализма, которому отведена бо́льшая часть перваго отдѣла и весь второй отдѣлъ, разсмотрѣно большинство

вопросовъ, представляющихъ интересъ для изслѣдователя. Общій характеръ изложенія тотъ, что дается очеркъ исторіи вопроса, приводятся данныя изъ разныхъ говоровъ, поскольку онѣ извѣстны, частью изъ старыхъ текстовъ. Авторъ опредѣляетъ въ подлежащихъ случаяхъ исторію того или другого звука или звукового сочетанія въ самомъ общепольскомъ языкѣ. То обстоятельство, что г. Кульбакинъ не далъ общаго очерка общепольскаго вокализма, что онъ разбилъ нѣкоторыя его части по отдѣльнымъ главамъ книги, зависитъ какъ отъ общаго характера работы, такъ, думается мнѣ, и отъ сложности вопроса. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ его книгѣ экскурсы въ область исторіи общепольскаго языка, при чемъ почти совершенно обойденъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ ближайшимъ сородичамъ, къ прочимъ западно-славянскимъ языкамъ. Отсюда объясняется то, что авторъ отъ общеславянскаго языка переходитъ обыкновенно прямо къ общепольскому языку. Теряя часть исторической перспективы, онъ, съ другой стороны, слишкомъ поддается вліянію буквы, знака. На стр. 21 онъ напр. говоритъ: «Польскій языкъ получилъ изъ об.-славянскаго носовые гласные *ǫ и *ę и тѣ же ǫ и ę,—оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-славянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное...» Конечно, слова *«тѣ же»* относятся здѣсь не къ самимъ звукамъ и не могутъ относиться къ нимъ по самому существу дѣла, что ясно между прочимъ и изъ дальнѣйшаго изложенія. И по отношенію къ самому общеславянскому языку автору слѣдовало бы строже выдѣлять факты болѣе позднихъ эпохъ отъ фактовъ эпохъ болѣе раннихъ. На стр. 45 онъ говоритъ: «Изъ общеславянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, въ положеніи передъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы ro, ło, re, le съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ и т. д.» Въ примѣчаніи тутъ же оспаривается мнѣніе Торбьернсона, что польскія ro, ło, получились непосредственно

изъ *r̥o, *l̥o, которыя уже въ общеславянскую эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ *or, *ol. Изъ всего этого мы какъ будто вправѣ вывести заключеніе, что самъ авторъ выводитъ польскія ro, ło непосредственно изъ общеславянскихъ or, ol, а это невѣрно: всѣ славянскіе языки указываютъ на то, что еще въ общеславянскую эпоху сочетанія tort, tolt, tert, telt подверглись извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Другой, конечно, вопросъ о томъ, согласны ли мы съ гипотезою Торбьернсона: и я ея не принимаю.

Выше мною было замѣчено, что г. Кульбакинъ почти совершенно обошелъ вопросъ объ отношеніи польскаго языка къ другимъ западно-славянскимъ языкамъ. Изъ трехъ-четырехъ мѣстъ книги, гдѣ упоминается въ той или другой формѣ объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, нельзя извлечь достаточныхъ указаній на то, какъ смотритъ на него авторъ. Именно, на стр. 12 говорится, что измѣненіе общеславянскаго ě въ 'a при извѣстныхъ условіяхъ, повидимому, было діалектическимъ явленіемъ «въ эпоху единства западно-славянскихъ языковъ». На стр. 31 являются «(полабско-?) каш.-пол. *ą̄» и «каш.-пол. *'ą̄». На стр. 54 и 68 оспаривается взглядъ ак. Шахматова, что «еще въ обще-зап.-слав. эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали». Въ заключеніи говорится о польско-кашубской эпохѣ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейду къ нѣкоторымъ частностямъ.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ исторіи польскаго вокализма является вопросъ о судьбѣ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и соотвѣтственно съ этимъ г. Кульбакинъ довольно внимательно разсмотрѣлъ литературу вопроса. Мы бы ждали здѣсь же указаній на исторію польскаго *e* въ извѣстныхъ грамматическихъ окончаніяхъ, которое авторъ вслѣдъ за ак. Фортунатовымъ выводитъ изъ общеслав. ę, т.-е. «ѣ» носового (см. очеркъ морфологіи, стр. 9). Замѣчу кстати, чтобы не возвращаться къ этому

пункту, что *e* такого же происхожденія, какъ въ им. мн. duše, мы находимъ и въ именит., частью винит. множ. ч. именъ мужескаго рода типа koń. Мнѣ кажется, нельзя сводить польское *e* въ образованіи именит. мн. ч. на взаимодѣйствіе — ē изъ — ije и — e въ именахъ съ старыми основами на согласныя, какъ склоненъ думать г. Кульбакинъ (стр. 4). Я думаю, что именно подъ вліяніемъ — e изъ стараго — ę̆ и изъ стараго — e въ нѣкоторыхъ именахъ съ старыми основами на согласныя и — ē въ именахъ типа ludzie, откуда мы ждали бы далѣе — é съ его обычной исторіей, замѣнено было нефонетически звукомъ — e.

Что касается самого вопроса объ исторіи общеславянскихъ ę и ǫ въ польскомъ языкѣ, то я признаю вполнѣ вѣрной основную мысль Лоренца и г. Кульбакина: объясненіе причинъ перехода старыхъ носовыхъ гласныхъ въ польскія ę и ǫ нужно искать въ количественныхъ отношеніяхъ. О нѣкоторыхъ пунктахъ, которые я понимаю иначе, я скажу впослѣдствіи, когда буду говорить объ условіяхъ сокращенія старой долготы въ польскомъ языкѣ. Такъ какъ старыя ę и ǫ въ польскомъ языкѣ вообще совпали въ своей исторіи (передъ носовыми изъ ę согласная является, понятно, мягкою), то естественно должна была возникнуть мысль, что старыя носовыя гласныя ę и ǫ совпали въ польскомъ языкѣ по качеству звука въ одной носовой гласной. Дѣйствительно, такое предположеніе было высказано уже Потебнею. Другіе ученые тоже выходили изъ этого пункта, хотя и различно понимали отдѣльныя стадіи процесса и различнымъ образомъ опредѣляли какъ хронологическія рамки, такъ и само качество носовой гласной, въ которой совпали ę и ǫ. Мнѣнія ак. Ягича и пр. Миккола стоятъ нѣсколько особнякомъ, такъ какъ и тотъ, и другой ученый признаютъ вторичное происхожденіе польскаго *o* носового изъ стараго ę подъ вліяніемъ особыхъ фонетическихъ условій. Эта теорія, какъ уже замѣтилъ г. Кульбакинъ, не подтверждается фактами. Самъ онъ даетъ слѣдующую схему:

об.-сл. *ǫ (полабско-?) каш.-пол. *ą̄

пол. *ą̄ до XI—XII вв. { *ą̄ др.-п. ǫ н.-п. ǫ; *ą̆ др.-п. ę н.-п. ę }

об.-сл. *ę каш.-пол. *ā пол. *′ą̄ до

XI—XII в. { ′ā др.-п. ′ǭ н.-п. ′ǫ; ′ą̆ др.-п. ′ę н.-п. ′ę }

Выше я имѣлъ уже случай говорить о томъ, что г. Кульбакинъ въ своей книгѣ не подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а потому непослѣдовательно съ его стороны говорить при случаѣ о полабско-кашубско-польскихъ и кашубско-польскихъ явленіяхъ. Я, конечно, далекъ отъ мысли требовать отъ автора изслѣдованія вышеуказаннаго вопроса, разъ это не входило въ планъ его работы, но мы во всякомъ случаѣ въ правѣ требовать послѣдовательности: разъ авторъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ уклонился отъ вопроса объ обще-западно-славянскомъ языкѣ, онъ долженъ идти въ своей реконструкціи общепольскаго языка не далѣе того, на что даетъ право сравнительно—историческое изученіе отдѣльныхъ нарѣчій и отдѣльныхъ, засвидѣтельствованныхъ памятниками, эпохъ въ существованіи польскаго языка. Связывая факты, добытые такимъ путемъ, съ фактами общеславянскаго языка, нужно при этомъ помнить о допущенномъ упрощеніи задачи. Въ виду этого я совсѣмъ оставляю въ сторонѣ соображенія г. Кульбакина, основанныя на сопоставленіи польскаго языка съ полабскимъ и кашубскимъ языками. Въ остальномъ я согласенъ съ нимъ, что совпаденіе ę и ǫ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ одной носовой гласной произошло въ доисторическую эпоху польскаго языка, что правы ак. Ягичъ и пр. Брюкнеръ въ ихъ недовѣріи къ польской графикѣ, наконецъ, что появленіе ę въ польскомъ языкѣ относится къ ранней эпохѣ, во всякомъ случаѣ до появленія дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ источниковъ древнепольскаго языка. Въ пользу того, что силезское ą̄ дѣйствительно изъ стараго ę, полученнаго

изъ общепольскаго языка, говоритъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кульбакинъ въ прим. на стр. 31 сл., существованіе въ томъ же нарѣчіи ˊę. Вѣрно, по моему мнѣнію, и то объясненіе, какое даетъ г. Кульбакинъ фактамъ, гдѣ мы находимъ ˊą вмѣсто ожидаемаго ˊę.

Переходя къ фактамъ сваженджскаго говора, замѣчу, что я раздѣляю мнѣніе г. Кульбакина о фонетическомъ происхожденіи *от* въ концѣ слова изъ стараго — ǫ. Я такъ же, какъ и онъ, не вижу никакой возможности объяснять — *от* въ концѣ словъ нефонетически въ такомъ говорѣ, какъ сваженджскій, который представляетъ указанное звуковое сочетаніе всюду въ соотвѣтствіи съ старымъ — ǫ. Само собою разумѣется, что по отношенію къ исторіи старыхъ носовыхъ гласныхъ въ концѣ слова наблюдаются различія между говорами. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи отмѣчаютъ факты въ этой области съ надлежащей полнотой, а потому я не рѣшаюсь высказаться относительно того, какъ смотрѣть на существованіе въ нѣкоторыхъ говорахъ при *от* и *о*.

Второй важный вопросъ исторіи гласныхъ въ польскомъ языкѣ — это вопросъ о старыхъ ъ и ь. И этотъ вопросъ разсмотрѣнъ г. Кульбакинымъ съ надлежащею обстоятельностью, при чемъ, какъ и слѣдовало сдѣлать, въ особую главу выдѣлена исторія старыхъ сочетаній типа t̯ъ̯r̯t, t̯ь̯l̯t. По поводу термина редуцированныя гласныя, употребляемаго авторомъ, и его разъясненія въ прим. на стр. 67 замѣчу, что не вижу основаній избѣгать термина «ирраціональныя гласныя» въ томъ смыслѣ, въ какомъ его примѣняетъ ак. Фортунатовъ. Терминъ «редуцированныя гласныя» страдаетъ неопредѣленностью: редукція можетъ быть и по отношенію къ количеству, т.-е. длительности, и по отношенію къ степени участія голоса, и по отношенію къ силѣ выдыханія, и по отношенію къ высотѣ тона. Терминъ «ирраціональная гласная» значитъ гласная, имѣющая мéньшую длительность сравнительно съ нормальною краткою гласною; слѣдовательно, здѣсь опредѣленно выдвигается впередъ одинъ признакъ,

которымъ несомнѣнно обладали общеславянскія ъ и ь. Не раздѣляю также взгляда автора будто бы терминъ «полукраткій» «строго говоря, значитъ лишь «не вполнѣ краткій», слѣд. больше или меньше краткаго». Мнѣ кажется, терминъ «полукраткій» значитъ только «краткій на половину».

На стр. 68 сл. оспаривается мнѣніе ак. Шахматова, что *ъ и *ь еще въ обще-западно-славянскую эпоху измѣнялись въ извѣстномъ положеніи въ неслоговыя и затѣмъ выпадали. Не повторяя того, что было сказано мною выше по поводу отдѣльныхъ экскурсовъ автора въ область обще-западно-славянскаго языка, замѣчу, что его возраженіе въ первой своей части нисколько не опровергаетъ оспариваемаго мнѣнія по существу. Изъ того, что ъ и ь при наличности извѣстныхъ фонетическихъ условій перешли въ гласныя полнаго образованія уже на почвѣ польскаго языка, никакъ не слѣдуетъ невозможность допущенія исчезновенія ъ и ь при другихъ фонетическихъ условіяхъ въ эпоху болѣе раннюю, будетъ ли это эпоха обще-западно-славянская, или другая, болѣе поздняя, но предшествовавшая по времени эпохѣ перехода ъ и ь въ гласныя полнаго образованія. Что касается второго пункта: «Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слав. единства выпаденіе ъ, ь въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога», то я, не принимая возраженія автора въ этой его формѣ, думаю, что дѣйствительно мы должны относить удлиненіе краткой гласной въ слогѣ, предшествовавшемъ исчезавшимъ ъ или ь, къ эпохѣ отдѣльной жизни славянскихъ языковъ. Это, конечно, не исключаетъ допущенія уже для общеславянскаго языка существованія различія между ъ и ь въ зависимости отъ различія въ фонетическомъ положеніи: въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ и въ слогѣ передъ слогомъ съ ъ и ь разсматриваемыя гласныя уже въ общеславянскомъ языкѣ были менѣе ирраціональны, чѣмъ при другомъ фонетическомъ положеніи, гдѣ онѣ сверхъ того были неслоговыми. Отдѣльные славянскіе языки всѣ указываютъ на существованіе этого различія между ъ и ь въ зависимости отъ

различія въ фонетическомъ положеніи еще въ общеславянскую эпоху. Исчезновеніе ъ и ь неслоговыхъ, очень ирраціональныхъ, и въ связи съ этимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ предшествовавшаго слога происходило уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ (ср. А. А. Шахматовъ, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 16). Что касается спеціально польскаго языка, то удлиненіе краткихъ гласныхъ мы имѣемъ основаніе относить къ эпохѣ польско-кашубской (см. объ этомъ ниже).

Въ формулѣ, опредѣляющей условія «выпаденія» и «вокализаціи» ъ и ь въ польскомъ языкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее даетъ г. Кульбакинъ, слѣдовало бы добавить, что только ударяемость начальнаго слога съ ъ и ь составляетъ условіе для перехода ъ и ь въ гласныя полнаго образованія.

Пробѣломъ въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи ъ и ь, является, по моему мнѣнію, отсутствіе изслѣдованія вопроса о судьбѣ грамматическихъ окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ. Мнѣ кажется, автору слѣдовало бы остановиться на этомъ вопросѣ и высказаться, какъ онъ смотритъ на фактъ утраты конечныхъ согласныхъ въ новославянскихъ языкахъ, въ виду именно того, что существуетъ два главныхъ объясненія этого факта: по одному изъ нихъ мы имѣемъ въ новославянскихъ языкахъ обобщеніе окончаній, полученныхъ въ формѣ прошедшаго времени, по другому, принадлежащему ак. Фортунатову, еще въ общеславянскомъ языкѣ конечные ъ и ь при извѣстныхъ условіяхъ становились подвижными, могли отпадать: такіе ъ и ь существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ грамматическихъ категорій (см. его Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка). То, что говорится у автора «о флексіи 3 pl. pr.» на стр. 171, не даетъ опредѣленнаго представленія о его взглядѣ на данный вопросъ [1]).

---

1) Въ связи съ вопросомъ объ исторіи окончаній 3-го л. ед. и мн. ч. глаголовъ въ формѣ настоящаго времени я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ отношеніи къ гипотезѣ Гирта, изложенной имъ на стр. 287 сл. XVII т. журнала Indogermanische Forschungen. Этотъ послѣдній ученый рѣшаетъ во-

Что касается исторіи общеславянскихъ сочетаній типа tъ̯rt, tь̯rt, tъ̯lt, tь̯lt, разсмотрѣнію которыхъ посвящена особая глава,

---

просъ, имѣемъ ли мы въ славянскихъ образованіяхъ формы настоящаго времени съ отпавшимъ—t при образованіяхъ на старое—ti перенесеніе въ форму настоящаго окончанія формы прошедшаго времени, или старое индоевропейское чередованіе не энклитическихъ и энклитическихъ образованій, въ пользу этой послѣдней возможности, при чемъ онъ опирается на свою теорію о происхожденіи личныхъ формъ спряженія и въ частности на теорію о происхожденіи чередованія между личными окончаніями главныхъ и историческихъ временъ. Насъ интересуетъ здѣсь непосредственно лишь этотъ второй пунктъ очень смѣлыхъ гипотезъ Гирта, составляющихъ главное содержаніе его статьи въ томъ же XVII т. названнаго журнала, озаглавленной «Ueber den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen», стр. 36—84. Здѣсь на стр. 75 сл. авторъ развиваетъ и видоизмѣняетъ мысль Циммера о томъ, что различіе между окончаніями—mi :—m, —si :—s и т. д. обязано своимъ происхожденіемъ различію между неэнклитическимъ и энклитическимъ употребленіемъ соотвѣтственной формы. Ссылаясь на необычность фонетическаго чередованія типа —mi :—m и на фонетическое происхожденіе чередованія ai :i, Гиртъ принимаетъ фонетическое происхожденіе соотношенія между активнымъ напр. — ti и медіальнымъ — tai; съ другой стороны, по его мнѣнію существуетъ связь по происхожденію между активнымъ —t и медіальнымъ —to (по транскрипціи, которой я слѣдую, —ta[0]). Частица ai (а таково по Гирту происхожденіе ai :i въ окончаніи личныхъ формъ глагола), присоединяясь къ глаголу, придавала ему значеніе отношенія къ настоящему времени; это обстоятельство хорошо объясняетъ, какъ думаетъ авторъ, причину, почему въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. праязыкѣ долженъ былъ являться обыкновенно безъ означенной частицы. Дѣло въ томъ, что по его теоріи въ сложеніи съ приставками глаголъ въ индоевроп. праязыкѣ получалъ значеніе недлительности, а это послѣднее значеніе исключало значеніе, вносимое частицею ai. Для обоснованія даннаго имъ рѣшенія вопроса о происхожденіи образованій типа *je* Гиртъ пытается найти въ славянскихъ языкахъ данныя, указывающія на то, что разсматриваемыя образованія являются преимущественно въ сложеніи. Однако, самъ онъ не придаетъ рѣшающаго значенія приводимымъ имъ фактамъ изъ Супр. рук. Болѣе важное значеніе имѣетъ, думаетъ онъ, сербское *нијесам* і *није*, забывая при этомъ, что *није*, помимо всего прочаго, уже по отсутствію въ немъ значенія недлительности не можетъ служить подтвержденіемъ его теоріи, которая сама цѣликомъ виситъ на воздухѣ. Не говоря объ абсолютно произвольномъ, не опирающемся на фактахъ, толкованіи происхожденія ai :i въ окончаніи глагольныхъ формъ, совершенно недоказаннымъ является предположеніе о недлительномъ значеніи глагольныхъ образованій въ сложеніи съ приставками въ индоевроп. праязыкѣ. Наконецъ, и съ принципіальной точки зрѣнія я долженъ отнестись совершенно отрицательно къ построеніямъ Гирта, представляющимъ своего рода лингвистическую метафизику. Не менѣе отрицательно я отношусь и къ дальнѣйшимъ соображеніямъ названнаго ученаго, возводящаго славянское —tъ къ индоевроп. медіальному —ta°. Эта часть раз-

то г. Кульбакинъ въ общемъ примыкаетъ къ ученію ак. Фортунатова. По отношенію къ гипотезѣ ак. Шахматова о томъ, что въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ этихъ сочетаніяхъ существовали уже только слоговыя плавныя съ утратою неслоговыхъ ъ и ь здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, г. Кульбакинъ высказывается отрицательно. Я съ своей стороны точно такъ же не вижу никакихъ основаній принимать для обще-западно-славянскаго языка сочетанія типа tr̥t, tl̥t. Я думаю, гласный элементъ въ общеславянскихъ сочетаніяхъ типа tьrt и т. д. продолжалъ сохраняться и въ обще-западно-славянскую эпоху, такъ какъ исчезновеніе ъ и ь неслоговыхъ при другихъ фонетическихъ условіяхъ, правда, отличавшихся отъ ъ̯ и ь̯ въ сочетаніяхъ указаннаго типа, по моему мнѣнію, происходило уже въ отдѣльномъ существованіи западно-славянскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣрною мысль ак. Шахматова, что посредствующею ступенью между польскимъ tart и т. д. и старымъ tъr̥t и т. д. было именно tr̥t и т. д., только я не рѣшаюсь возводить эти tr̥t и т. д. къ эпохѣ единства западно-славянскихъ языковъ. Польское ła восходитъ къ общеславянскому ъl̥ съ l̥ велярно-зубнымъ.

Вопросъ о сокращеніи старыхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, и о возникновеніи новыхъ долготъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ исторической грамматики польскаго языка; въ книгѣ г. Кульбакина этому

бираемой статьи Гирта стоитъ въ тѣсной связи съ его ученіемъ объ исторіи индоевроп. a⁰ въ концѣ словъ. Противъ этого ученія („.*unbetontes —o zu —ъ wurde, betontes aber blieb...) уже высказался Бернекеръ въ KZ, XXXVII. Я, съ своей стороны, добавлю, что попытка спасти эту теорію по отношенію къ конечному —a⁰, предпринятая авторомъ, совершенно неудачна; въ самомъ дѣлѣ, ходъ его разсужденія таковъ: объясненіе, даваемое Ф. Ѳ. Фортунатовымъ судьбѣ —ь и —ъ извѣстнаго происхожденія въ общеслав. яз. не есть объясненіе, мое толкованіе (изложенное мною выше) заслуживаетъ предпочтенія, а потому падаетъ и правило Ф. Ѳ. Фортунатова, такъ какъ въ разбираемой категоріи случаевъ —o обратилось въ —ъ (стр. 291). Не думаю, чтобы такая аргументація имѣла какую-либо силу. Въ заключеніе замѣчу, что правило Ф. Ѳ. Фортунатова кажется Гирту необоснованнымъ м. б. отчасти по той причинѣ, что ему остается неизвѣстнымъ анализъ случаевъ однородныхъ съ отношеніемъ tъ : tь : t по крайней мѣрѣ по отношенію къ первымъ двумъ членамъ.

вопросу посвященъ второй отдѣлъ (стр. 90—200), озаглавленный: «Условія возникновенія общепольскихъ долготъ» и распадающійся на 13 отдѣльныхъ главъ. Неточно, по моему мнѣнію, передаетъ содержаніе означеннаго отдѣла вышеприведенное заглавіе: здѣсь дѣло идетъ не только о «возникновеніи общепольскихъ долготъ», но и о сокращеніи долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка, пожалуй, главнымъ образомъ объ этомъ явленіи.

Ак. Шахматовъ не разъ уже указывалъ въ своихъ трудахъ на то, что еще въ общеславянскомъ языкѣ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подвергались сокращенію долгія гласныя и дифтонгическія сочетанія, полученныя долгими. Всѣ славянскіе языки, дающіе указанія на количественныя отношенія общеславянскаго языка, единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Въ виду этого передъ изслѣдователемъ должна возникнуть задача выяснить точно тѣ условія, при которыхъ еще въ эпоху единства всѣхъ славянскихъ языковъ происходило сокращеніе старыхъ долготъ, и на которыя уже указывалъ ак. Шахматовъ. Безъ этого не могутъ быть доказательны во всѣхъ ихъ пунктахъ изслѣдованія такого типа, какъ работа Лоренца о носовыхъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ, помѣщенная въ XIX т. Архива Ягича. Общіе законы сохраненія или сокращенія старыхъ долготъ мы можемъ выводить, не производя указаннаго выше изслѣдованія, только по отношенію къ начальнымъ слогамъ двухсложныхъ словъ, гдѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, долгота вообще сохранялась. Лоренцъ, получивъ вполнѣ вѣрный для польскаго языка общій законъ сокращенія старой долготы носовыхъ гласныхъ подъ удареніемъ и сохраненія ея передъ слогомъ съ старымъ удареніемъ путемъ анализа двухсложныхъ словъ, сдѣлалъ попытку подвести подъ него всѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ старыя носовыя гласныя.

Эта послѣдняя часть работы и не могла дать твердыхъ выводовъ въ виду того, что не выдѣлены всѣ тѣ случаи, гдѣ польскій языкъ получилъ краткія носовыя гласныя уже изъ обще-

славянскаго языка. Г. Кульбакинъ, принявъ вообще положенія Лоренца, расширилъ рамки изслѣдованія и показалъ, что основной законъ, выведенный Лоренцомъ, вѣренъ для всѣхъ долготъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ словъ двухсложныхъ. Однако, и онъ въ общемъ не задался вопросомъ о томъ, при какихъ условіяхъ старыя долготы сокращались въ общеславянскомъ языкѣ и перешли уже какъ краткости въ отдѣльные славянскіе языки. Напр. въ главѣ 5: «Долгота во второмъ передъ удареніемъ слогѣ» разсматривается, какъ спеціально польское, сокращеніе старой долготы въ такомъ фонетическомъ положеніи, между тѣмъ какъ нетрудно показать, что долгота здѣсь сократилась еще въ общеславянскую эпоху (ср. ак. Шахматова, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 49—50). Точно такъ же въ главѣ 7: «Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ» идетъ рѣчь о такихъ краткостяхъ, которыя получены были, какъ таковыя уже изъ общеславянскаго языка; долгія гласныя, получившіяся вслѣдствіе стяженія, въ такомъ положеніи оставались долгими, очевидно потому, что возникли они въ эпоху болѣе позднюю.

Правда, въ главѣ 12-ой авторъ какъ будто соглашается принять положенія ак. Шахматова: «Уже въ общеславянскомъ долгія гласныя сокращались предъ долгимъ удареніемъ гласнымъ суффикса» (стр. 187), хотя и здѣсь мы имѣемъ оговорку, что «сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значитъ: непремѣнно въ общеславянскую.» На стр. 208 сл. послѣ хронологической таблицы явленій въ области сокращенія и удлиненія гласныхъ въ польскомъ и кашубскомъ языкахъ говорится: «Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. Ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе неполно-долгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общеславянской эпохи...—,

такъ какъ то же находимъ и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкѣ. Предположеніе это вполнѣ возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ» могъ, по мнѣнію автора, возникнуть въ сербскомъ языкѣ въ эпоху болѣе позднюю, чѣмъ эпоха, въ которую происходило сокращеніе старыхъ долготъ. Съ этимъ мнѣніемъ г. Кульбакина я положительно не могу согласиться въ виду ошибки противъ метода изслѣдованія.

Итакъ, признавая заслугою г. Кульбакина то, что онъ распространилъ свое изслѣдованіе на всѣ старыя долготы и показалъ вѣрность закона, найденнаго Лоренцомъ по отношенію къ носовымъ гласнымъ, въ примѣненіи къ всѣмъ старымъ долготамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не отмѣтить, что онъ все-таки не далъ полной исторіи старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ по той именно причинѣ, что не выдѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи стараго общеславянскаго сокращенія отъ спеціально польскаго. Вѣрно подмѣчено имъ и то, что общій законъ сокращенія старыхъ долготъ въ словацкомъ языкѣ тотъ же, что и въ польскомъ языкѣ. Непонятнымъ кажется мнѣ только замѣчаніе, сдѣланное авторомъ на стр. 137 по этому поводу: «Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подъ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому». Далѣе указывается, что словацкій языкъ сходится въ другихъ случаяхъ («напр. въ формахъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ») съ чешскимъ, и что по отношенію къ сокращенію восходящей долготы подъ удареніемъ словацкій языкъ не отдѣляется пограничной чертой отъ чешскаго языка, такъ какъ моравскіе говоры служатъ тутъ связующимъ звеномъ. Все это разсужденіе основано на недоразумѣніи: историческая грамматика ясно показываетъ, что словацкій языкъ пережилъ рядъ явленій вмѣстѣ съ чешскимъ языкомъ, но что есть и явленія

спеціально словацкія, противополагающія его совокупности чешскихъ говоровъ. Словацкій языкъ отнюдь не діалектъ чешскаго языка, но о чешско-словацкомъ языкѣ говорить мы имѣемъ полное право. Схожее недоразумѣніе, эксплоатируемое ультрапатріотами, существуетъ и по отношенію къ кашубскому языку, который отнюдь не есть говоръ польскаго языка, но самостоятельная вѣтвь языка польско-кашубскаго. Другое конечно дѣло— вопросъ о правѣ словаковъ и кашубовъ на самостоятельное развитіе литературнаго языка. Тутъ рѣшаютъ дѣло не историческая грамматика, а общія политическія, соціальныя и культурныя условія; ср. напр. самостоятельность въ литературномъ отношеніи голландскаго языка и подчиненіе близкаго ему языка фризскаго языку ново-верхне-нѣмецкому, находящемуся въ отношеніяхъ болѣе отдаленнаго родства. Замѣчу кстати, что проф. Флоринскій въ своихъ «Лекціяхъ по славянскому языкознанію» впалъ по отношенію къ словацкому языку въ ошибку, противоположную замѣчанію г. Кульбакина.

Кромѣ условій сокращенія старыхъ долготъ въ польскомъ языкѣ разсматриваются въ разбираемомъ отдѣлѣ также условія появленія новыхъ долготъ, при чемъ заглавія 10 и 11 главъ («Краткіе гласные [1]) въ конечномъ закрытомъ слогѣ» и «Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ») не вполнѣ точно указываютъ на содержаніе соотвѣтствующихъ страницъ, такъ какъ здѣсь же говорится и о долготахъ вмѣсто краткостей изъ старыхъ долготъ. Впрочемъ, центръ тяжести изслѣдованія лежитъ именно на старыхъ краткихъ гласныхъ, и, надо сказать, лежитъ въ ущербъ полнотѣ изслѣдованія. Въ силу этого разбираемыя главы носятъ эскизный характеръ.

Основная точка зрѣнія г. Кульбакина на процессъ, о ко-

1) Замѣчу кстати, что, по моему мнѣнію, нѣтъ необходимости вводить терминъ «гласный», «согласный» вмѣсто «гласная», «согласная», такъ какъ эти термины для сознанія многихъ говорящихъ уже не однозначущи съ терминами «гласная буква», «согласная буква»; тѣ, именно, кто не смѣшиваетъ терминовъ «буква» и «звукъ», употребляютъ «гласная», «согласная» въ значеніи «гласный звукъ», «согласный звукъ».

торомъ идетъ рѣчь, та, что удлиненіе происходило въ польскомъ языкѣ фонетически только въ положеніи передъ старой звонкой или сонорной согласной какъ въ конечномъ, такъ и во внутреннемъ слогѣ. Если мы остановимся сначала на конечныхъ слогахъ, то найдемъ, что уже въ семидесятыхъ годахъ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ и проф. Потебнею были высказаны два противоположныхъ мнѣнія по разбираемому вопросу: первый изъ нихъ «полагалъ, что удлиненіе первоначально было и передъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ pōt-pŏta тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы nom. s. остальнымъ Ф.Ф., тогда какъ въ схемѣ bōk-bŏga (bōk изъ bōg) не было такого мотива для уподобленія. Удлиненіе же въ примѣрахъ, какъ bōj, kōń, vōł, mōl, bōr удержалось потому, что оно было ассоціировано съ звонкостью согласнаго» (стр. 161). «Иначе, продолжаетъ г. Кульбакинъ, объяснялъ явленіе Потебня: конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ бо́льшаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними явилось удлиненіе основного o (и основного e, изъ коего ė) въ то время, какъ предъ первымъ нѣтъ». По этому поводу г. Кульбакинъ говоритъ: «Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлиненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные ъ, ь отпали и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими физіологическими основаніями; если отпаденіе ъ, ь вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлиненіе гласнаго предъ звучными, то мало вѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе ъ, ь удлиненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызывало. Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz—z измѣнялось въ s, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлиненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ

potъ̯-pot. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ pān, krōj, mōl, sōm (vol измѣнялось въ vou̯). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова, не невозможны и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ pan и pana, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для безсознательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'a 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ n̥, r̥, l̥, j̥ — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между n̥ формы pan и Ф. pana напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе передъ r, l, n, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предъ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго ъ, ь въ ъ̯, ь̯); ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе передъ r, l, n, m, j, r въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положеніи гласнаго предъ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы то ни было, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между bōg-bŏga и bŏk-bŏka фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго».

Въ вышеприведенныхъ строкахъ г. Кульбакинъ пытается дать теоретическое обоснованіе принимаемому имъ закону послѣ того, какъ на стр. 159 имъ сказано, что въ польскомъ языкѣ законъ удлиненія вполнѣ ясенъ въ той именно формулировкѣ, какую онъ ему даетъ, и какая мною приведена нѣсколько выше. Мнѣ кажется, что взглядъ автора на разбираемое явленіе сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, возникшихъ при сопоставленіи гипотезъ Бодуэна-де-Куртенэ и Потебни.

Авторъ, однако, не ограничивается однимъ теоретическимъ обоснованіемъ, принимаемаго имъ закона, пытаясь въ то же время дать и анализъ самого матеріала. Не могу признать, что эта вторая часть задачи выполнена имъ съ надлежащею полнотою, а бо́льшая полнота изслѣдованія по этому важному вопросу имѣетъ особое значеніе въ виду существованія двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Я долженъ признаться, что первоначально у меня сложился взглядъ на разбираемое явленіе какъ разъ подъ вліяніемъ теоріи Бодуэна-де-Куртенэ. Доводы г. Кульбакина не имѣли, однако, для меня безусловно рѣшающаго значенія, и я, можетъ быть, продолжалъ бы оставаться на прежней точкѣ зрѣнія, если бы не произвелъ самостоятельнаго разбора всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ г. Кульбакинъ ограничивается заимствованнымъ у Лоренца перечнемъ именъ муж. рода съ носовыми гласными въ основѣ и лишь нѣсколько подробнѣе останавливается на перечисленныхъ имъ на стр. 163 прочихъ категоріяхъ.

Въ пользу гипотезы Бодуэна-де-Куртенэ, которую я принималъ съ нѣкоторыми измѣненіями, говорило, казалось мнѣ, широкое распространеніе удлиненныхъ гласныхъ въ род. мн. ч., въ производныхъ именахъ и въ причастіяхъ на ł какъ разъ въ положеніи передъ глухими согласными, а случаи этого рода извѣстны, хотя и въ сравнительно меньшемъ числѣ, также въ формѣ именит. ед. ч. муж. рода (ср. напр. powrót, stós, при stos, діалект. lós (Malinowski, Op. 16), prooch, potook, kooth, Zlotkooszcz, (Semenovitsch, Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen, p. 18—19). Въ настоящее время я понимаю, почему въ послѣдней категоріи случаевъ, которая казалась мнѣ особенно важной, удлиненіе гласныхъ проникло лишь въ немногія образованія съ глухой согласной въ окончаніи, проникло, конечно, путемъ перенесенія по аналогіи отношенія, существовавшаго фонетически напр. въ Bóg-Boga, wróg-wroga и т. п. Дѣло въ томъ, что въ категоріи именъ муж. рода съ старыми основами на a° какъ разъ замѣтно стремленіе языка къ

устраненію различія въ гласной между формой им. ед. и прочими падежами, которое шло двоякимъ путемъ; или подъ вліяніемъ формъ косвеныхъ падежей въ формѣ имен. ед. являлась гласная «неудлиненная» (беру этотъ терминъ чисто въ условномъ значеніи), или, наоборотъ, гласная, существовавшая въ формѣ им. ед., проводилась по всѣмъ формамъ склоненія даннаго слова. Какъ скоро я обратилъ вниманіе на это стремленіе, прявляющееся въ народныхъ говорахъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ литературномъ нарѣчіи, для меня стало ясно, почему данная категорія случаевъ отличается отъ прочихъ категорій, гдѣ дѣйствовали иныя условія, и гдѣ въ сравнительно широкой степени произошло перенесеніе «удлиненныхъ» гласныхъ и въ такое фонетическое положеніе, въ которомъ они не были первоначально возможны. Въ самомъ дѣлѣ, ср. слѣдующіе случаи: 1) литер. dom-domu (въ извѣстныхъ народныхъ говорахъ сохраняется dum въ связи съ тѣмъ, что здѣсь всякое o въ положеніи передъ носовыми согласными перешло въ гласную u или близкую къ u), anioł-anioła слово заимствованное, (народное aniuł), koń-konia (нар. kuń-kunia), poų (Malinowski, Op. p. 16); 2) mól-móla при mól-mola, ból-bólu, zbój-zbója, ogół-ogółem; 3) примѣры, гдѣ въ основѣ была общеслав. долгота, приведены г. Кульбакинымъ въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ разсматривается исторія этой послѣдней; ср. dźáda въ Луковецкомъ говорѣ (стр. 131), сваж. vžut-vžuda, żułć-żułci, gošć-gošći (garść), которыя, конечно, аналогичны приведенному выше dźáda; г. Кульбакинъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первому случаю, что въ основѣ перваго факта «лежитъ, вѣроятно, діалектическая форма съ удареніемъ флексіи»; о прочихъ случаяхъ онъ опредѣленно не высказывается. Замѣчу кстати, что и случаи, приведенные на стр. 131 (cásu, lása, kv'át, dz'áda, chliba, bráta), по моему мнѣнію, должны быть объясняемы только такимъ-же путемъ, какъ только что приведенные примѣры, при чемъ kv'át, извѣстное въ различныхъ говорахъ, при сваж. kv'at-kv'ata, конечно, вполнѣ аналогично такому случаю, какъ указанное выше напр. lós. Въ

виду несомнѣнныхъ случаевъ, гдѣ мы находимъ перенесеніе «удлиненной» гласной изъ формы им. въ формы косвенныхъ падежей, слѣдуетъ предпочесть даваемое мною объясненіе и тѣмъ фактамъ, гдѣ дѣло идетъ о старой общеславянской долготѣ, тому отношенію къ этимъ явленіямъ, какое мы находимъ у автора. Въ связи съ этимъ замѣчу (подробности см. ниже), что въ виду этого я никакъ не могу согласиться съ постановкою вопроса въ главѣ 6: «Долгота въ слогѣ послѣ ударенія». Нѣтъ никакихъ основаній на четырехъ случаяхъ, допускающихъ иное объясненіе, строить гипотезу, стоящую въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ исторіи старой долготы въ польскомъ языкѣ. Правда, гипотеза принадлежитъ Лоренцу, но г. Кульбакинъ ее принимаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать».

Въ предшествующихъ строкахъ я выяснилъ свою точку зрѣнія на вопросы, связанные съ явленіемъ удлиненія гласныхъ въ именахъ муж. рода съ основами на старое a°. По отношенію къ прочимъ категоріямъ случаевъ замѣчу, что здѣсь судьба этого явленія была нѣсколько иная, такъ какъ здѣсь его распространенію не мѣшали спеціальныя условія, дѣйствовавшія въ случаяхъ первой категоріи и состоявшія въ стремленіи устранить различіе между гласной въ формѣ имен. и въ формахъ прочихъ падежей (два типа: bok-boku и król-króla подѣйствовали на типъ Bóg-Boga, и этимъ парализовалось стремленіе къ обобщенію этого послѣдняго).

Въ частности относительно формы род. мн. замѣчу, что современные народные говоры вообще избѣгаютъ образованій на старое ъ, обобщивъ образованіе на ów; въ литературномъ нарѣчіи мы имѣемъ, съ одной стороны, рядъ случаевъ типа robót, съ другой стороны, случаи типа torb. Нельзя не отмѣтить, что закономѣрныя съ исторической точки зрѣнія pęt, tęcz, klęsk, ponęt, pięt (Кульбакинъ, стр. 163) за исключеніемъ klęsk встрѣчаются не часто. Равнымъ образомъ и большинство образованій

съ краткою гласною и съ старою звонкою согласною въ концѣ принадлежитъ къ рѣдко употребительнымъ, частью исключительно книжнымъ (напр. form). Во всякомъ случаѣ разсматриваемая категорія случаевъ представляетъ по отношенію къ интересующему насъ явленію совершенно другую картину, чѣмъ только что разсмотрѣнныя образованія им. ед., и причина этого несомнѣнно лежитъ въ томъ, что здѣсь не было того вліянія со стороны прочихъ падежныхъ формъ, какое мы видѣли въ именахъ м. р. на форму имен. ед. Если мы присмотримся ближе къ склоненію именъ ж. р., то найдемъ, что тутъ, какъ и въ именахъ ср. р., имѣющихъ образованіе род. мн. на старое ъ, «удлиненная гласная» стала формальною принадлежностью род. мн. безъ окончанія.

По поводу образованій неопредѣленнаго, дѣепричастія и формы 3-го л. на ą я долженъ сказать, что не принимаю попытокъ объясненія долготъ дѣлаемыхъ г. Кульбакинымъ, такъ какъ, согласно сдѣланному мною замѣчанію, для меня остается недоказаннымъ положеніе Лоренца о судьбѣ старыхъ долготъ въ слогѣ послѣ ударенія. Я, наоборотъ, думаю, что долгота въ этомъ положеніи фонетически сохранялась. Такимъ образомъ въ miesiąc-miesiąca я вижу закономѣрное отношеніе, а въ jastarząb-jastrzębia нефонетическое измѣненіе старыхъ jastrząb-jastrząbia подъ вліяніемъ отношенія типа dąb-dębu. Отсюда понятно, какъ я смотрю на старую долготу въ вышеуказанныхъ грамматическихъ категоріяхъ. По моему мнѣнію, она фонетическаго происхожденія въ положеніи послѣ ударенія, а гдѣ такихъ случаевъ было большинство, тамъ они совершенно вытѣснили фонетическія образованія (inf. на -nąć); въ 3-ьемъ л. мн. ч. долгія гласныя рано вытѣснили фонетически закономѣрную краткую носовую гласную, которую мы бы ждали въ извѣстныхъ образованіяхъ, по той причинѣ, что долгая носовая гласная стала формальною принадлежностью въ 3-мъ л. мн. ч. въ его отличіи отъ 1-го л. ед. ч.

Итакъ въ общемъ выводѣ мы не можемъ не признать того,

что г. Кульбакинъ обратилъ вниманія меньше, чѣмъ бы слѣдовало, на подробное изслѣдованіе фактовъ языка, удовлетворившись скорѣе теоретическимъ пониманіемъ закона объ удлиненіи гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, который, какъ онъ видѣлъ, вообще подтверждается фактами. Разборомъ фактовъ слѣдовало показать невозможность объясненія, предложеннаго Бодуэномъ-де-Куртенэ, и тогда уже обратиться къ теоретическому обоснованію найденнаго закона.

Въ главѣ 9-й: «Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ» разбирается вопросъ объ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Авторъ не приходитъ къ опредѣленнымъ выводамъ, видя въ части такихъ случаевъ, гдѣ является долгая гласная изъ старой краткой, новообразованіе по аналогіи, а въ другой части признавая м. б. фонетическое происхожденіе удлиненія (послѣднее на стр. 153). Такимъ образомъ г. Кульбакинъ допускаетъ, что подъ вліяніемъ отношенія stěná : stěnǫ (послѣ сокращенія нисходящей долготы) въ польскомъ и чешскомъ появилось gōrá-gŏrǫ. Далѣе, «когда въ имен. п. проникъ типъ ударенія вин. п.: вм. stě̄na явилось stě̆na и т. п. должно было исчезнуть удлиненіе и въ gōra, smōla, vōda, sēm'a. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и п. voda, въ ч. hora, země». Это объясненіе мало вѣроятно. Замѣчу только, что здѣсь идетъ дѣло между прочимъ, повидимому, о чешско-польскомъ сокращеніи нисходящей долготы, тогда какъ ниже сокращеніе старыхъ долготъ подъ удареніемъ относится къ эпохѣ польской, вѣрнѣе польско-кашубской (стр. 209). Мнѣ кажется, что мы имѣемъ право говорить о фонетическихъ условіяхъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ открытыхъ слогахъ, притомъ начальныхъ двусложныхъ словъ, какъ въ чешскомъ, такъ и въ польскомъ языкѣ. Противъ этого нисколько не свидѣтельствуетъ сама спорадичность явленія: извѣстно, что въ языкѣ наблюдается стремленіе уничтожать дифференціацію формъ склоненія и спряженія одного и того же слова, возникшую вслѣдствіе фонетическихъ

процессовъ, путемъ психическихъ процессовъ аналогіи, и что особенно устойчивыми оказываются при этомъ такія звуковыя различія, которыя находятъ себѣ поддержку въ извѣстнаго рода ассоціаціяхъ; тогда, наоборотъ, можетъ возникнуть стремленіе переносить данную звуковую особенность и на тѣ случаи, гдѣ она не могла возникнуть фонетически; ср. напр. исторію нѣмецкаго такъ называемаго Umlaut въ склоненіи именъ. Разъ въ польскомъ и въ чешскомъ языкахъ появились некраткія гласныя въ извѣстныхъ формахъ склоненія и спряженія двухсложныхъ основъ въ силу спеціальнаго закона и разъ съ этимъ звуковымъ отличіемъ данныхъ формъ отъ прочихъ формъ словоизмѣненія того же слова не связывалось различіе въ значеніи, то естественно ожидать, что данное различіе путемъ новообразованій по аналогіи исчезло за исключеніемъ какъ отдѣльныхъ случаевъ, такъ и тѣхъ случаевъ, гдѣ въ силу какихъ-либо особыхъ условій оно наоборотъ было проведено по всѣмъ формамъ словоизмѣненія даннаго слова. Не будетъ, поэтому, черезчуръ смѣлымъ предположеніе, что и въ польскомъ и чешскомъ языкахъ фонетически удлинялся краткій слогъ двухсложныхъ словъ подъ старымъ удареніемъ въ связи съ ретракціей ударенія.

Оканчивая этимъ свои замѣчанія на историческій элементъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ фонетикѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ элементѣ въ очеркъ морфологіи свежендзскаго говора, заключающемся, какъ мы уже знаемъ, въ особой брошюрѣ. Что касается морфологіи, то историческій элементъ здѣсь представленъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ фонетикѣ, и сводится къ сравнительно краткому объясненію генезиса отдѣльныхъ формъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Не останавливаюсь поэтому на подробномъ обзорѣ этой части труда г. Кульбакина.

Итакъ мы видимъ, что въ исторической части своего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области

другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ, умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной Правда, какъ я отмѣтилъ выше, авторъ уклонился отъ подробнаго изслѣдованія вопросовъ: 1) о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ польскаго и другихъ западно-славянскихъ языковъ и 2) объ условіяхъ сокращенія долготъ въ общеславянскомъ языкѣ, а это отразилось на конечныхъ выводахъ и результатахъ, однако, надо признать, что онъ стоитъ на вѣрномъ пути и въ будущемъ, расширивъ и пополнивъ кругъ своего изслѣдованія, несомнѣнно углубитъ, расширитъ и дополнитъ основные свои выводы, быть можетъ, найдетъ достаточныя основанія для того, чтобы кое-что исправить.

Принимая во вниманіе только что сказанное, а также и то, что въ описательной части своей работы г. Кульбакинъ далъ добросовѣстный и въ общемъ довольно полный очеркъ особенностей сважендзскаго говора, что является несомнѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу польской діалектологіи, я позволяю себѣ выразить надежду, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго и поощритъ его этимъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи и діалектологіи польскаго языка.

В. К. Поржезинскій.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 5.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1905 ГОДА.

Отчетъ и рецензіи I—IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1906 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1905 года Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. . . . . 1—11

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «*Лохвицкая М. А.* (Жиберъ): Стихотворенія, т. V, 1902—1904 гг. (Спб. 1904)». — Рецензія К. Р. . . . . 13—55

II. «Данте Алигьери, Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ *О. Н. Чюминой*. Изд. А. А. Каспари. (Спб. 1900—1902 гг., 6 выпусковъ)». — Рецензія Д. К. Петрова . . . . . 56—74

III. «Эдуардъ III. Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ *В. С. Лихачева*». — Рецензія А. Н. Гилярова . . . . . 75—79

IV. «*Е. Милицына.* Разсказы. I (1905 г. Москва)». — Рецензія Н. П. Кондакова . . . . . 80—81

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ
имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1905 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На XVI-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина поступило всего *двадцать шесть* сочиненій. Въ это число входятъ: сборники оригинальныхъ, а также переводныхъ стихотвореній; романъ въ стихахъ; беллетристическія произведенія въ прозѣ, главнымъ образомъ, романы и повѣсти и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ Данте, Шекспира, Шиллера, и кромѣ того нѣкоторыхъ славянскихъ поэтовъ.

Изъ числа этихъ сочиненій особо образованною, согласно § 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, Комиссіею было *устранено* отъ участія въ конкурсѣ *одно* сочиненіе, какъ представленное въ рукописномъ видѣ и потому неудовлетворявшее § 9-му Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина. Затѣмъ были сняты съ конкурса еще *пять* сочиненій и отложены до слѣдующаго XVII-го соисканія, такъ какъ къ назначенному сроку не были получены отъ одного изъ г. рецензентовъ критическіе о нихъ отзывы. Сверхъ того и еще *шестнадцать*

сочиненій не были допущены къ конкурсу, какъ неотвѣчавшія вообще его условіямъ.

Въ занятіяхъ Комиссіи приняли участіе члены Отдѣленія, почетные академики Разряда изящной словесности, находившіеся въ это время въ Петербургѣ, а также особо приглашенный въ качествѣ рецензента приватъ-доцентъ здѣшняго университета Д. К. Петровъ.

Сужденію Комиссіи подлежали слѣдующіе литературные труды.

I.

Лохвицкая М. А. (Жиберъ): „Стихотворенія", т. V. 1902—1904 гг. (Спб. 1904 г.).

Составить рецензію на сборникъ г-жи Лохвицкой (нынѣ покойной) принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія и Разряда, почетный академикъ К. Р.

Г-жа Лохвицкая (Жиберъ) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства — (въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ) — она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Образцомъ можетъ служить «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полу-прозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой и т. д.

Часто слышались упреки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтическаго настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ, и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было-бы смѣшно порицать ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлющѣе поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивалось и крѣпло, съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становилось разнообразнѣе, но, вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декадентства», она какъ бы платила дань модному и едва-ли похвальному направленію выражаться неясно, подъчасъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно неподходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчащимъ. При недюжинномъ талантѣ г-жѣ М. А. Лохвицкой не доставало болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть совѣтъ: «Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати». Этотъ совѣтъ вполнѣ приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, не увлекалась выраженіями, противорѣчащими здравому смыслу, и не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазіи вычурности и искусственности.

Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ ея поэзіи, и

эти достоинства несомнѣнны, а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживаютъ почетнаго отзыва Императорской Академіи Наукъ.

II.

Чюмина О. Н. (Михайлова): „Божественная комедія. Поэма Данте Алигьери въ новомъ стихотворномъ переводѣ. Изданіе А. А. Каспари. (Спб. 1900 г. выпуски I — VI). (Приложеніе къ журналу „Родина", 1902 г. „Общеполезная библіотека" № 11).

Разсмотрѣніе упомянутаго труда было поручено приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

Трудности, съ которыми приходится бороться переводчику Божественной Комедіи, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, запутанное содержаніе, перекрестная символика — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія. Кромѣ того переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ, знатокомъ обширной литературы о Данте. Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти условія въ равной степени совмѣщались въ г-жѣ Чюминой. Вступительная статья о Данте — необходимая часть всякой работы объ этомъ поэтѣ — у г-жи Чюминой далеко не соотвѣтствуетъ современному состоянію и требованіямъ дантологіи. Читатель не найдетъ въ ней ни генетическаго объясненія поэмы, ни яснаго представленія о жизни и всей литературной дѣятельности Данте. Въ переводѣ своемъ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: въ ея передачѣ терцины замѣнены пяти- и шестистопнымъ ямбомъ съ риѳмами, но безъ опредѣленнаго порядка. Едва-ли такой видъ ямба можетъ считаться

обычнымъ въ нашей поэтической литературѣ, переводной и оригинальной, едва-ли соотвѣтствуетъ и духу русскаго языка. Во всякомъ случаѣ, не соблюдая стихотворнаго размѣра подлинника, г-жа Чюмина открываетъ свою работу неизбѣжнымъ и строгимъ нападеніямъ критики. Дѣйствительно, промаховъ въ ея переводѣ не мало. Прежде всего можно отмѣтить цѣлый рядъ некрасивыхъ стиховъ и вообще метрическихъ погрѣшностей; встрѣчаются недочеты и въ построеніи фразъ, недочеты синтактическаго характера и обороты, нарушающіе гармонію и величіе Дантовскаго стиля. Попадаются вульгарныя выраженія, едва-ли умѣстныя въ устахъ Данте, Виргилія или Беатриче. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю родиться рокъ судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые сіявшимъ свыше свѣтомъ.

Чистилище XII, 65—66.

Виргилій шелъ опасной стороной
Надъ бездною, зіявшей глубиной.

Не менѣе крупнымъ недостаткомъ перевода г-жи Чюминой являются пропуски и сокращенія. Ихъ такъ много, что иногда невольно приходитъ въ голову, не сдѣланъ ли переводъ г-жи Чюминой не прямо съ итальянскаго подлинника, а съ какого-нибудь довольно отдаленнаго пересказа на третьемъ языкѣ. Напр. въ IV-ой пѣснѣ Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой—7; въ XXVI-ой—7; во II-ой Ада—цѣлыхъ 9 и т. д. Но, сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣе щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова и даже цѣлыя фразы. Подобнаго рода chevilles, иногда вовсе не подходящія къ тексту, безусловно портятъ переводъ, дѣлаютъ

его водянистымъ, а подчасъ и вульгарнымъ; есть стихи, которымъ рѣшительно ничего не соотвѣтствуетъ въ подлинникѣ: напр. Чистилища II, 74; 79—80; Чистилища IV, 4—5 и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ переводъ очень часто становится неточнымъ. Иногда это — неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэмѣ Данте особый отпечатокъ, ослабляютъ ея строгое единство и гармонію. Напр. Чистилища XI, 76—78 стихи подлинника—

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava

переданы

и я, вглядѣвшись ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о тѣни живописца Одеризи да Губбіо. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (tutto chin andava). Г-жа Чюмина перемѣщаетъ роли, и получается необъяснимое противорѣчіе съ текстомъ. Подобнаго рода неточности, явно искажающія смыслъ подлинника, можно указать и въ другихъ мѣстахъ, напр. Чистилища III, 112 и слѣд.; послѣдній стихъ той же пѣсни и т. д. За неточностями слѣдуетъ невѣрный переводъ словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Напр. Чистилища XXX, ст. 100-ый—

Ella pur ferma in su la detta coscia

т. е. она, стоя твердо на лѣвомъ краю колесницы; у г-жи Чюминой

Тутъ Беатриче, выступивъ впередъ.

Или еще, Ада VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all'alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рвовъ; у г-жи Чюминой—

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно или неточно, переводчица не можетъ, наконецъ, избѣгнуть и нѣкоторой неясности въ своей передачѣ. Укажемъ для примѣра Адъ VIII, 52 и слѣд.; Чистилище XXIV, 16—18 и т. д.

Отмѣтивъ существенные недостатки перевода г-жи Чюминой, вовсе не слѣдуетъ огульно осуждать ея работу. Какъ бы то ни было, передъ нами на лицо полный переводъ Божественной Комедіи..... И по справедливости въ данномъ случаѣ нужно сказать: est laudanda voluntas. Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, необходима благородная рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Помѣряться съ такимъ гигантомъ, какъ Данте, и не одержать полной побѣды — это еще не позоръ, не пораженіе. Г-жа Чюмина даетъ во многихъ отношеніяхъ не точный образъ великаго поэта, но для лицъ, незнающихъ итальянскаго языка, она всетаки можетъ сыграть роль Вергилія въ лабиринтѣ Дантовой поэзіи. Въ ея передачѣ есть не мало мѣстъ, переведенныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переданныя удовлетворительно, къ которымъ вышеизложенная критика не должна быть относима цѣликомъ. Таковы напр. пѣсни Рая XVIII, XIX, XX, XXI; Чистилища пѣснь XXVI и т. д.

Вотъ почему рецензетъ полагаетъ, что Академія поступитъ вполнѣ справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой достойной почетнаго отзыва.

III.

Лихачевъ В. С.: Эдуардъ III, Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру, съ предисловіемъ Р. И. Бойля (б. о. г. и м. печати) вырѣзка изъ изданія „Шекспиръ", т. V, стр. 289—330.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя проф. А. Н. Гиляровъ.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитростное, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подъ силу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполнѣ, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько-нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ немного. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь реторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сц. 1, ст. 111 сл.; д. II, сц. 2, ст. 432), даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлинникѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ пере-

водѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сц. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ.

IV.

Милицына Е.: Разсказы (М. 1905).

Разсказы г-жи Милицыной разобраны были орд. акад. Н. П. Кондаковымъ.

«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачастую и прикрашенность и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разсказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же мы находимъ здѣсь любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затяжнаго, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, все это разнообразіе сводится къ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, почти опостылѣвшимъ въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ его отъ безплодной сантиментальности, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разсказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни стоятъ у насъ доселѣ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, не видно новыхъ художественныхъ опытовъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ

народной души. Правда, у г-жи Милицыной есть попытки заглянуть въ нее, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ она пытается ее разгадать, построены на наблюденіяхъ, вынесенныхъ изъ интеллигентныхъ сферъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки, лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками, преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ пріемами фельетона: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и пр.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сантиментальности, нервнаго надрыва и другихъ пріемовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполнѣ справедливымъ удостоить книгу разсказовъ г-жи Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Выслушавъ отзывы гг. рецензентовъ о сочиненіяхъ, допущенныхъ къ настоящему Пушкинскому конкурсу Комиссія не нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей полной преміи А. С. Пушкина (въ тысячу рублей). Въ виду этого ей подлежало рѣшить вопросъ: не заслуживаетъ ли кто-нибудь изъ соискателей половинной Пушкинской преміи, и, послѣ закрытой баллотировки шарами, обнаружилось, что большинствомъ голосовъ собраніе присудило по *половинной* Пушкинской преміи (въ пятьсотъ рублей каждая) двумъ соискательницамъ: 1) г-жѣ М. А. Лохвицкой (Жиберъ) за представленный ею сборникъ стихотворенія и драматическихъ произведеній въ стихахъ и 2) г-жѣ О. Н. Михайловой (Чюми-

ной) за стихотворный переводъ «Божественной Комедіи» Данте. Алигьери.

Комиссія особою баллотировкою нашла справедливымъ присудить почетные отзывы В. С. Лихачеву и г-жѣ Е. Милицыной.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ XVI-му соисканію премій имени А. С. Пушкина сочиненій, постановило выдать установленныя Пушкинскія золотыя медали гг. почетнымъ академикамъ: К. Р., А. А. Потѣхину, А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньеву, П. И. Вейнбергу и проф. Университета Св. Владимира въ Кіевѣ А. Н. Гилярову и приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—IV.

I.

I.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ): «*Стихотворенія*», *т. V.* 1902—1904 гг. (Спб., 1904 г.).

М. А. Лохвицкая (Жиберъ) уже не въ первый разъ представляетъ на соисканіе Пушкинской преміи свои произведенія. Нынѣ представленный сборникъ (Стихотворенія. Томъ V. 1902—1904 г. С.-Петербургъ, 1904 г.) разбитъ авторомъ на девять отдѣловъ: I, Пѣсни возрожденія; II, Вѣянія смерти; III, Любовь; IV, Баллады и фантазіи; V, Сонъ; VI, Средніе вѣка; VII, Наважденія; VIII, Небеса и IX, «In nomine Domini». Драма.

Г-жа Лохвицкая (Жиберъ) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства—(въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ)—она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ, у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Какъ примѣръ приведемъ «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полупрозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой;—
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой....

Тоска любви!... съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ.... небо ясно....
Приди! — я жду тебя одна....
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна!

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты....
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

Часто слышались упреки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтическаго настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было бы смѣшно порицать ландышъ, за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлющѣе поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.

Г-жа Лохвицкая еще во II-мъ томѣ своихъ стихотвореній (С.-Петербургъ, 1900 г.) даетъ отвѣтъ своимъ обвинителямъ въ одностороннемъ направленіи:

«Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,
Что изъ риѳмъ я себѣ ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.

Но безсмертья я смертью своей не куплю
И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
Не измѣнитъ мой жгучій, мой женственный стихъ.

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивается и крѣпнетъ; съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становится разнообразнѣе. Не можемъ не привесть въ доказательство нѣсколькихъ стихотвореній изъ томовъ, предшествовавшихъ теперь разбираемому нами.

* * *

Есть что-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ,
И въ звукахъ смѣха, тонущихъ вдали.
И кроется печаль въ роскошно-знойномъ лѣтѣ,
Въ уборѣ царственномъ земли.

И въ рокотъ соловья вторгаются рыданья,
Какъ скорбный стонъ надорванной струны.
Есть что-то грустное и въ радости свиданья,
И въ лучшихъ снахъ обманчивой весны. (II, стр. 19).

* * *

Если прихоти случайной
И мечтамъ преграды нѣтъ,—
Розой блѣдной, розой чайной
Воплоти меня, поэтъ!

Двухъ оттѣнковъ сочетанье
Звонкой риѳмой славословь:

Желтый — ревности страданье,
Нѣжно-розовый — любовь.

Вспомни блещущія слезы,
Полуночную росу,
Блѣдной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкій, сладкій и пахучій
Ароматъ ея живой
Въ дивной музыкѣ соззвучій,
Въ строфахъ пламенныхъ воспой.

И освѣтитъ лучъ побѣдный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы блѣдной
И тоску, и торжество. (II, стр. 57).

* * *

Поля, закатомъ позлащенныя
Уходятъ въ розовую даль.
Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.

Я вижу, тамъ, за гранью радостной,
Гдѣ краски дня сбѣгаютъ прочь,
На вечеръ ясный, вечеръ благостный
Глядитъ тоскующая ночь.

Но въ жизни тусклой и незначущей
Бываютъ царственные сны.
Они къ страдающей и плачущей
Слетятъ съ воздушной вышины.

Нашепчутъ райскія сказанія
Вѣтвямъ акацій и березъ
И выпьютъ въ медленномъ лобзаніи
Росу невыплаканныхъ слезъ. (III, стр. 39).

Цвѣты безсмертія.

Въ безсмертномъ царствѣ красоты,
Гдѣ вѣчно дышитъ утро раннее,
Взрастаютъ бѣлые цвѣты, —
Ихъ нѣтъ прекраснѣй и желаннѣе.

Два грифа кладъ свой сторожатъ,
Какъ древо жизни и познанія.
И недоступенъ тайный садъ,
И позабыты заклинанія.

Но чьи мечты какъ снѣгъ чисты,
Тотъ переступитъ кругъ таинственный.
Тамъ буду я. Тамъ будешъ ты,
О мой любимый, мой единственный!

Тебѣ, отмѣченный судьбой,
Цвѣты, безсмертіемъ взращенные.
И грифы лягутъ предъ тобой,
У ногъ твоихъ, порабощенные. (III, стр. 44).

Два голоса.

Порой въ таинственномъ молчаніи
Я слышу — спорятъ голоса.
Одинъ — весь трепетъ и желаніе —
Зоветъ: «Туда! Въ просторъ, въ сіяніе,
Гдѣ звѣздъ разсыпана роса!

— «Но здѣсь — весна благоуханная»,
Твердитъ другой. «Взгляни сюда,
Какъ хороша страна желанная,
Страна цвѣтовъ обѣтованная,
Гдѣ спятъ библейскія стада».

«— Въ цвѣтахъ есть змѣи ядовитыя»,
Пророчитъ первый.... Берегись!

Для жертвъ падутъ стада убитыя;
Ищи ступени позабытыя
Въ безкровный храмъ, въ благую высь».

Но тихій ропотъ снова слышится:
«— Промчится вѣтеръ — и, шурша,
Коверъ душистый заколышется....
Не наглядится, не надышится
На вешній лугъ моя душа»!

«— За мной! Я дамъ вѣнецъ избранія!»
Звучитъ побѣдно властный зовъ.
«Что передъ нимъ весны дыханіе,
Земныхъ кадилъ благоуханіе
И ѳиміамъ твоихъ луговъ?

Съ прохладой вечера нежданною
Ихъ обовьетъ сырая тѣнь.
А тамъ, вверху, надъ мглой туманною,
Гремитъ «осанна» за «осанною»
И день, и ночь, — и ночь, и день»! (IV, стр. 89).

Приведенныхъ стихотвореній, полагаемъ, довольно, чтобы сказать, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ поэтомъ, обладающимъ несомнѣннымъ вдохновеніемъ и искусствомъ мелодично излагать поэтическія мысли яркимъ образнымъ языкомъ, съ поэтомъ, въ совершенствѣ владѣющимъ гибкимъ и легкимъ стихомъ. Принимаясь за разборъ V-го тома г-жи Лохвицкой, мы поэтому должны приложить къ нему болѣе строгую мѣрку, хотя бы ради той вѣчной истины, что кому много дано, съ того больше и спросится.

Вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декаденства», М. А. Лохвицкая какъ бы платитъ дань модному, но едва-ли похвальному, направленію выражаться неясно, подъчасъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно непод-

ходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчащимъ. И прежде встрѣчались у нея дѣланныя, даже нелѣпыя выраженія, въ родѣ: «Они (листья) съ нагихъ срывалися вѣтвей, кружилися и падали безшумно,— какъ сонъ.... какъ смерть» [1].... (какъ будто сонъ или смерть могутъ падать); или «лазурная трава» [2]; или «Я рвусь къ тебѣ невольно, но страсть въ груди давлю» [3]; или «туманъ свинцовый» [4]; или «смоль *эбеновыхъ* волосъ» [5]; или «Мечты не озарили счастьемъ грудь» [6]; или «Темный знакъ, прожженный поцѣлуемъ, я храню на мраморѣ груди» [7]; или «Рѣсницъ воскрилія» (?!) [8]; или «Рѣсницъ дремучихъ» (!!!) [9].

Если въ разбираемомъ V-мъ томѣ подобныхъ неудачныхъ и смѣшныхъ выраженій встрѣчается значительно меньше, то, къ сожалѣнію, не можемъ не указать на цѣлыя стихотворенія, смыслъ которыхъ теменъ, неясенъ или даже вовсе непонятенъ.

II.

Въ «Пѣсняхъ возрожденія» на стр. 4-й помѣщены «Пловцы». Горѣлъ востокъ, когда направя противъ волнъ челнокъ, «они» плакали, вѣрили и пѣли; «ихъ» не страшилъ «неумолимый Рокъ». «Ихъ» бѣлый парусъ сверкалъ надъ тьмой вѣковъ; пловцы сплетали вѣнки небесныхъ розъ для жертвъ тупой и озвѣрѣлой толпы, а на кормѣ спокойно спалъ Христосъ. Но вотъ, бушующія сферы гудятъ, святая красота звѣздъ сокрылась и пловцы съ тоской забытой вѣры смотрятъ на кроткій ликъ уснувшаго Христа.

Мы нарочно передали прозой содержаніе этого стихотворенія, сохранивъ его дословно, въ надеждѣ, что оно станетъ яснѣе, чѣмъ изложенное въ стихотворной формѣ; и все-таки рѣшительно отказываемся разгадать смыслъ этой аллегоріи, предоставляя ея разъясненіе болѣе чуткимъ критикамъ.

Мистической дымкой подернуто и слѣдующее стихотвореніе:

---

1) 1, 20. 2) 1, 22. 3) 1, 24. 4) 1, 41. 5) 1, 66. 6) 1, 160. 7) 11, 50. 8) 111, 18. 9) 111, 85.

Крестъ.

Люблю я солнца красоту
И музы эллинской созданія.
Но поклоняюсь я Кресту,
Кресту, какъ символу страданія.

Что значитъ рознь временъ и мѣстъ? —
Мы всѣ сольемся въ безконечности;
Одинъ — во мракѣ черной вѣчности —
Простертъ надъ нами скорбный Крестъ.

Вычурностью и дѣланностью отличается стихотвореніе: «Мой тайный міръ — ристалище созвучій». Оно не даромъ вызвало злую пародію г. Буренина. И въ самомъ дѣлѣ, не есть ли звучный наборъ словъ, правда изысканныхъ, яркихъ и красивыхъ, это нагроможденіе уподобленій, сравненій и смѣлыхъ до дерзости образовъ:

Мой тайный міръ — *ристалище созвучій (?)*
На высотахъ свободной красоты.
Гудитъ ихъ споръ, то властный и могучій,
То — чуть звенящій, сладостно пѣвучій,
То — какъ *щиты, что бьются о щиты. (?)*

Мои мечты — лучистыя видѣнья,
Стряхнувшія земной тяжелый прахъ.
Какъ *виміамъ небеснаго кажденья — (?)*
Онѣ парятъ къ *вершинамъ возрожденья (?!)*
На розовыхъ и голубыхъ крылахъ.

Моя душа — живое отраженье
О небесахъ тоскующей земли.
Въ ней — *яркихъ звѣздъ лучистыя вторженья (?!)*
Въ ней — чистыхъ жертвъ благія всесожженья,
Въ ней — лавръ и миртъ побѣдно расцвѣли.

Мечты занесли г-жу Лохвицкую «на розовыхъ и голубыхъ крылахъ» въ такія сферы, гдѣ должно быть можно обойтись безъ здраваго смысла.

Въ слѣд. стихотвореніи «Святое пламя» (стр. 7) розовыя и голубыя крылья замѣнены «лазурнымъ осѣненіемъ» голубаго крыла «Великаго духа», наказующаго поправшихъ Его, но живого и могучаго для М. А. Лохвицкой; Онъ съ нею «всегда и понынѣ» и она восклицаетъ въ заключеніе:

Безсмертную душу несу я
Какъ пламя святого огня!

На стр. 8-й г-жа Лохвицкая уподобляетъ свою душу уже не пламени святого огня, а «вѣчной странницѣ», неустанной въ своихъ исканіяхъ», «чужестранной» (?!) для суетныхъ душъ и «избранницѣ» для избранныхъ Духа. «Взметнувшись, померкли въ безсиліи полночные сны и видѣнія. Свѣтлы непорочныя лиліи въ садахъ моего возрожденія» продолжаетъ г-жа Лохвицкая, питающая особое пристрастіе къ лиліямъ; онѣ встрѣчаются въ ея стихотвореніяхъ весьма часто. Какъ созвучіе жизни и смерти, ей снятся совершенные пути (?). Ее превозносятъ могучіе и ненавидятъ презрѣнные. Не придаетъ-ли себѣ авторъ какого-то особаго, таинственнаго значенія? Это можно заключить и изъ слѣд. піесы (стр. 9) гдѣ, обращаясь «къ нему», она утверждаетъ, что узнавъ ее, онъ сталъ весь иной, что его земной путь зажженъ зарей небеснаго огня, что съ его духовныхъ глазъ упала пелена и онъ сталъ душою тихъ какъ вечеръ и свободенъ какъ волна; онъ постигъ міръ поэзіи, тоска его стала легка, а «нѣмая даль» яснѣй; онъ вспомнилъ прошлые вѣка, видѣнья давнихъ дней и позналъ «что мы воскреснемъ вновь». И всѣми этими откровеніями «онъ» обязанъ тому, что узналъ г-жу Лохвицкую.

Но недочеты, искусственность и туманность Пѣсенъ возрожденія вполнѣ искупаются послѣднимъ стихотвореніемъ этого отдѣла (стр. 10).

Материнскій завѣтъ.

(Моему сыну Евгенію)

Дитя мое, грядущее туманно,
Но все въ тебѣ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Неодолимо, властно, непрестанно
Мнѣ говоритъ, что будешь ты — поэтъ.

Дитя мое, узка моя дорога,
Но предъ тобой свободный ляжетъ путь.
Иди, иди въ сады живого Бога
Отъ аромата вѣчнаго вдохнуть.

Тамъ, высоко, на дѣвственной вершинѣ,
Гдѣ, чуть дымясь, почили облака,
Растетъ цвѣтокъ, нетронутый донынѣ,
Взыскуемый, какъ въ прежніе вѣка.

Пусть говорятъ, что путь твой — путь безумныхъ,
Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати.
Для пестрой лжи усладъ и оргій шумныхъ
Не отступай отъ гордаго пути.

Пусть говорятъ, что сны твои обманны.
Дитя мое, и жизнь, и смерть — обманъ.
Иди, иди въ лазурные туманы!
За нимъ, за нимъ, цвѣткомъ небесныхъ странъ!

Найдешь его — и узришь міръ безбрежный
У ногъ своихъ! — Но помни и внемли:
Тогда, мой сынъ, сойдя съ вершины снѣжной,
Неси твой даръ въ святую скорбь земли.

Сколько чистой поэзіи въ этомъ прекрасномъ, прочувствованномъ, искреннемъ стихотвореніи. Какъ слышится въ немъ любовь и гордость матери, какъ глубоко и сильно звучитъ въ немъ Excelsior, слово начертанное на знамени путника у Лонгфеллоу.

III.

Изъ шести піесъ, вошедшихъ въ отдѣлъ «Вѣянія смерти» на четырехъ лежитъ печать неопредѣленности и какого-то тумана, придающая имъ характеръ лихорадочнаго и безсмысленнаго бреда; піеса Красный цвѣтъ — написана въ духѣ декаденства и только одно стихотвореніе — Цвѣтокъ на могилу — представляетъ собою дѣйствительно поэтическое произведеніе.

Начнемъ съ первыхъ. Въ стихотвореніи Крылья, поэтесса, зная, что міръ жестокъ и тѣсенъ, что жизнь скучна и зла, плететъ вѣнки изъ майскихъ пѣсенъ и вознесла свой замокъ выше тучъ. Постараемся послѣдовать за нею туда. Мы застаемъ ее одну, королевой; мечты служатъ ей, какъ пажи. Она дышитъ безъ горечи и гнѣва и оградила себя отъ зависти и лжи. Власти поэтессы-королевы покорны сонмы сновъ; лишь одинъ, непокоренный, каждою весною лепечетъ ей о какомъ-то необъятномъ счастьи. Въ этомъ снѣ — и королева восклицаетъ: «О радость, о забвенье! — юный смѣхъ невозвратимыхъ лѣтъ», «взмахи крылій, царственный разсвѣтъ» и, что замѣчательнѣе всего — «тайныхъ струнъ *сверкающее* пѣнье». И королева молитъ этотъ удивительный сонъ, свой лучшій, свой единый сонъ, научить ее сжиться съ темной жизнью (отъ которой, насколько мы поняли, поэтесса успѣла уже удалиться въ свой заоблачный замокъ). Ей хочется не слышать лебединый шорохъ и забыть могучіе лучи.

«Все что бренно — гаснетъ быстротечно», справедливо разсуждаетъ королева «догоритъ земное бытіе»; лишь въ свой сонъ вѣритъ она вѣчно, вѣчно, «какъ душа въ безсмертіе свое». И въ отвѣтъ слышитъ она тихій шопотъ падающихъ ницъ (!) листьевъ: «Ты — земля.... и возвратишься въ землю». И королева заключаетъ неожиданнымъ восклицаніемъ: «О заря!... О крылья бѣлыхъ птицъ»!

Поймутъ-ли читатели смыслъ этого стихотворенія, переданнаго нами прозой, но безъ отступленій отъ подлинника?

Въ слѣд. стихотвореніи (стр. 17) г-жа Лохвицкая служ-

даетъ по дикимъ уступамъ невѣдомыхъ скалъ; осенняя буря несется надъ моремъ, «вздымая пучины съ глубокаго дна». Г-жа Лохвицкая ищетъ — напрасно: все пусто, все мертво; зоветъ — ей вѣтеръ рыдаетъ въ отвѣтъ. Эти обстоятельства приводятъ ее къ такому заключенію:

Есть радость для сердца, для взора — улыбка,
Но души — какъ звѣзды отъ звѣздъ далеки.
О, Боже, создавшій и небо, и землю,
И гордую силу свободныхъ стихій,
Зачѣмъ мы такъ слабы, зачѣмъ одиноки
Предъ мракомъ безвѣстнымъ грядущаго дня?

Едва-ли оправдываются подобныя, не отличающіяся глубокомысліемъ, размышленія, блужданіемъ по прибрежнымъ скаламъ въ осеннюю бурю и исканіемъ и призываніемъ неизвѣстно кого и для чего. И почему включена эта безсодержательная піеса въ отдѣлъ Вѣяній смерти?

Далѣе опять появляются излюбленныя лиліи. Авторъ говоритъ во множественномъ числѣ:

Мы насаждали миртъ и лиліи —
И возрасли.... волчцы и терніе.

Такіе неудачные всходы приводятъ автора къ мысли:

Что можемъ мы въ своемъ безсиліи?
Чья грусть больнѣе и безмѣрнѣе?

Въ слѣдующей строфѣ есть странное и даже нескромное признаніе:

Въ любовь мы вѣрили какъ въ генія
И предавались....

чему, какъ вы думаете, читатель? Навѣрно не отгадаете;

И предавались.... любострастію.

Пожалуй, лучше было бы умолчать объ этомъ.

Въ стихотвореніи «Спящая» поэтесса говоритъ, что спитъ— не умерла — въ гробу изъ чистаго стекла въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ, подъ шопотъ березъ и кленовъ. Цвѣты свѣжи, покровъ свѣтелъ и красивъ. Совершенно по женски спящая видитъ «сквозь тѣнь (?) полузакрытыхъ вѣждъ» блескъ своего наряда. Но не только этотъ нарядъ видитъ она, но видитъ и море, и лѣсъ, и закатъ, и луну, яркій серпъ которой струитъ сказочные сны. На спящей печать заклятія, чтобы не думать, не желать и забыть, что есть борьба, жизнь и вражда. Въ гробу дышится легко, день за днемъ проходятъ сказкой и сны всегда полны (?), всегда ясны. Но печать заклятія видно не помогла и спящая не настолько забыла жизнь, чтобы не увидать какъ спѣшитъ къ ней прекрасный женихъ въ одеждѣ странника и съ золотой арфой. У жениха блѣдное сіяніе вокругъ чела и черныя крылья. Онъ простираетъ руку и властно повелѣваетъ: Возстань! — Мы не знаемъ, повинуется ли ему спящая. Она жаждетъ, вѣритъ, ждетъ разгадки бытія, спитъ, мыслитъ; она одна и на шумъ вѣтвей, на щебетъ птицъ не дрогнетъ тѣнь ея рѣсницъ. Гудитъ пчела, да гдѣ то бьетъ, поетъ какая-то вода, журчитъ, звенитъ: «всегда, всегда».

Читатель, «поймешь ли ты?»

Стихотвореніе «Красный цвѣтъ» мы назвали декадентскимъ, ибо въ немъ авторъ прибѣгаетъ къ излюбленному новѣйшими стихотворцами пріему отождествлять извѣстный цвѣтъ съ извѣстными понятіями. Этотъ пріемъ, поддающійся чувству, всегда субъективному, не повинуется разуму и потому едва-ли можетъ быть имъ оправданъ.

Г-жа Лохвицкая ненавидитъ красный цвѣтъ; это дѣло вкуса. Красный цвѣтъ можетъ быть ненавистенъ ей, какъ напоминающій кровь; пожалуй въ немъ блескъ дымящихся гвоздей и палачей нарядъ, въ немъ пытка, въ немъ мечи и кровь, текущая во слѣдъ. Но почему въ немъ звуки трубъ? Почему въ немъ вѣнцы побѣдъ? Почему онъ проклятъ?

Но вотъ прекрасное стихотвореніе, на которомъ отдыхаетъ

эстетическое чувство послѣ выше приведенныхъ бредней и жеманнаго ломанья.

Цвѣтокъ на могилу.

(Памяти дорогой сестры Ольги Р***)

Ты была безропотно покорна,
Ты умѣла вѣрить и любить,
Дни твои — жемчужинъ бѣлыхъ зерна,
Низанныхъ на золотую нить.

Ты была нетронутой и ясной,
Какъ душа хрустальная твоя.
Вѣчный миръ душѣ твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытія.

Въ свѣтлый рай, въ блаженное веселье
Предъ тобой откроются врата, —
Да войдешь въ безцѣнномъ ожерельѣ,
Какъ свѣча пасхальная чиста!

IV.

Отдѣлъ Любовь начинается опять загадочно-тусклой піесой «На жизнь и вѣчность полюби». Поэтесса обращается въ немъ къ тому, кому отдала себя на блаженства и страданья. Ею пройдены «пустыни ожиданія»; въ разлукахъ и въ радости общенія «чѣмъ больше жертвъ, чѣмъ больше мукъ, тѣмъ выше подвигъ отреченія». Слова неясныя; тщетно силишься угадать ихъ смыслъ. Но заключеніе еще менѣе понятно: откуда то является «дымящій жертвенникъ»; онъ погасъ. Не этотъ ли дымъ и застилаетъ какъ передъ читателемъ, такъ и передъ самимъ авторомъ значеніе того, что онъ хотѣлъ выразить. Послѣднія строки не разсѣиваютъ этого дыма:

Огня мы жаждали нетлѣннаго, —
И нѣкій Духъ коснулся насъ,
Какъ дуновенье Совершеннаго.

Въ поискахъ новыхъ путей, въ боязни избитыхъ выраженій сказывается стремленіе всякаго поэта создать что-либо свое, никѣмъ еще не сказанное. И нельзя не привѣтствовать поэта, когда ему удается найти свѣжую, нетронутую мысль и произнести новое, мѣткое слово. Въ стихотвореніи «Въ разлукѣ» г-жа Лохвицкая, обращаясь къ любимому человѣку, называетъ его «Мой далекій, мой близкій», повторяя это обращеніе четыре раза. Какъ ни ново, какъ ни необычно такое обращеніе, оно нѣсколько озадачиваетъ. И въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются слишкомъ искусственныя выраженія, напр. «безвѣстная тишь», «высоты незакатныхъ огней, гдѣ желанья властнѣй и больнѣй», «мертвая зыбь, гдѣ молчатъ камыши». Камыши понадобились, очевидно, для риѳмы, такъ какъ заключительный стихъ: «мой далекій, мой близкій, спѣши!»

«Любовь совершенная» (стр. 31) изображается г-жой Лохвицкой сномъ — но несбыточнѣй сна, мечтой — но блаженнѣй мечты, величаво проходящей въ ореолѣ святой красоты; любовь эта вся создана изъ снѣга, вся изъ пламени вешнихъ лучей, она никогда не помедлитъ, не была и не будетъ ничьей. И только въ смертный часъ мы сольемъ усталую душу съ той, что вѣчно сіяла бѣлымъ снѣгомъ и чистымъ огнемъ. Gesucht, сказалъ бы нѣмецъ.

Безспорно поэтично стихотвореніе «Люблю тебя со всѣмъ мученіемъ»; ново и удачно его заключеніе:

Люблю! — пока душа усталая
Огнемъ любви не изойдетъ.

Хорошо и стихотвореніе «Нѣтъ безъ тебя мнѣ въ жизни счастья» за исключеніемъ мало понятной строки: «Ни въ упоеньи самовластья». Мелодично и весьма изящно стихотвореніе Свѣтъ вечерній, какъ будто навѣянное церковнымъ пѣснопѣніемъ «Свѣте тихій святыя славы». Въ немъ не обошлось безъ крылій и лилій, излюбленныхъ г-жой Лохвицкой. Но поставимъ ли ей въ укоръ это пристрастіе?

IV Отдѣлъ, Баллады и фантазіи состоитъ изъ девяти стихотвореній далеко не равнаго достоинства. Слабѣйшими изъ нихъ кажутся намъ Гномы, Джанъ-Агиръ, Злые вихри, Волшебное кольцо и Союзъ маговъ. Главный ихъ недостатокъ — неясность. Въ Гномахъ описывается морозный Январь, «бѣлой короной увѣнчанный царь». Жалкіе гномы, дрожа отъ стужи гдѣ-то въ пещерѣ дѣлятъ кладъ — рубины и алмазы. Авторъ совершенно неожиданно упоминаетъ о жарко натопленномъ адѣ, гдѣ черные слуги кадятъ Владыкѣ, гдѣ раболѣпный синклитъ несетъ ему «свитокъ паденья» и славитъ его по церковно-славянски: «Славенъ и славенъ еси, сатано!», что едва-ли умѣстно чертямъ. Между тѣмъ гномы готовятся въ бой, невѣдомо съ кѣмъ. Дѣло въ томъ, что имъ не подѣлить между собою кладъ, такъ какъ рубины горятъ ярко, — въ нихъ свѣтитъ ликующій адъ. Между тѣмъ въ небѣ парятъ ангелы; кликъ Осанна потрясъ небосводъ и души спасенныхъ на мигъ постигли ужасъ восторга. А на снѣгу лежитъ «пара комочковъ». На этотъ разъ г-жа Лохвицкая себѣ измѣнила: обыкновенно и въ самыхъ неудачныхъ піесахъ, несмотря даже на вычурность и смѣлость иныхъ выраженій, языкъ ея выдержанъ и изященъ, но эта «пара комочковъ»!!!

Дорогой кладъ не достался какому-то врагу и стихотвореніе, послѣ всей приведенной нелѣпости, заканчивается еще болѣе нелѣпыми строками:

Жалкіе гномы въ аду не нужны,—
Имъ-ли откроются райскіе сны?

Какой-то юный и конечно прекрасный волшебникъ Джанъ-Агиръ неизвѣстно откуда приплылъ въ нашъ скучный міръ въ челнокѣ; приплылъ и запѣлъ; чары звуковъ понеслись и въ морскую ширь, и въ нѣмую высь, и даже въ какой-то «тоскующій предѣлъ». И пошли за нимъ толпою, забывъ весь міръ, сонмы дѣвъ, взывая: «меня возьми съ собой». Нашлась однако одна, не послѣдовавшая за волшебникомъ, за что мы готовы были-бы на-

звать ее благоразумною. Но авторъ разочаровываетъ насъ, самъ объясняя, что она была.... глуха. И неожиданно и даже немного смѣшно.

«Злые вихри» совсѣмъ слабое произведеніе и мы не станемъ утруждать читателя, передавая ихъ смутное содержаніе. Укажемъ только на удивительный по безсмысленности стихъ: «Въ тонкіе бубенчики манятъ злыя чары».

Надо также замѣтить, что во избѣжаніе недопускаемаго правилами стихосложенія семистопнаго стиха, автору слѣдовало-бы разбить его на двое:

Стонутъ Вихри Черные, —
Все имъ воли мало.

«Волшебное кольцо», украшенное Изумрудомъ и Рубиномъ (почему-то удостоенными прописныхъ буквъ, какъ одушевленные предметы, имѣющіе собственныя имена) смотритъ въ очи поэтессы «колдующимъ взглядомъ». Каждый изъ двухъ камней говоритъ ей весьма лестныя, но мало осмысленныя слова, называя ее царицей жемчужинъ и царицей востока, утомленной и пресыщенной сказкой земной.

«Союзъ маговъ» представляетъ собою безсодержательный наборъ словъ: тутъ и Жрецъ Солнца великій магъ, стоящій на львиныхъ шкурахъ, тутъ и пурпуръ и виссонъ, и златой уборъ египетскихъ царей — священная тіара, и магическій «несокрушимый» жезлъ, и перстень Соломона, и опахала изъ ястребиныхъ крыльевъ, и кинамонъ, и ладанъ и сандалъ. Сама же поэтесса выступаетъ въ роли жрицы Луны и, совсѣмъ по женски, удѣляетъ много особаго вниманія описанію своего наряда: она въ бѣломъ, какъ дымъ, одѣяньи, ожерелье изъ луннаго камня, жемчуга и алмаза сверкаетъ «тройной змѣей»; приподнятая «туманная фата» открываетъ «чела жемчужное убранство». Она несетъ полынь и дрокъ — растенія, посвященныя лунѣ. И жрецъ «позналъ могущество Луны»! Какой скучный вздоръ! И какъ несравненно слабѣе эта вещь напримѣръ «Царицы Савской», напи-

санной той же г-жой Лохвицкой еще въ 1894 г. (I т., стр. 97) и тоже навѣянной востокомъ. Не можемъ отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи выписать для сравненія это стихотвореніе цѣликомъ.

Царица Савская.

Купаясь въ золотѣ лучей,
Въ лазури теплой небосклона,
Летятъ двѣнадцать голубей
На югъ далекій отъ Сіона.

Гостей пернатыхъ съ давнихъ поръ
Ждала царица, изнывая, —
И въ злато-пурпурный шатеръ
Ихъ рѣзвая впорхнула стая...

Навстрѣчу имъ идетъ она,
Сойдя съ блистающаго трона,
Какъ пальма Енгадди стройна,
Свѣжа, какъ роза Ерихона...

На ликѣ дивномъ горячо
Разлился вмигъ румянецъ нѣжный,
И свѣялъ голубь бѣлоснѣжный
На обнаженное плечо.

Изъ клюва алаго посланье
Поспѣшно, трепетной рукой,
Она взяла... Невольницъ рой
Умолкъ и замеръ въ ожиданьѣ...

Лишь надъ вѣнчанною главой
Чуть шелестило опахало...
Царица, взоръ потупя свой,
Посланью царскому внимала.

И слово каждое его,
Казалось, откликъ находило

Въ груди, гдѣ прежде мѣсто было
Для самовластья одного: —

«Лобзаю легкіе слѣды
«Прекрасныхъ ногъ моей царицы!
«Ея глаза, какъ двѣ звѣзды,
«Горятъ сквозь темныя рѣсницы...

«Что говорю я?.. двѣ звѣзды?!...
«То молній яркія зарницы!
«И сердце, ими сожжено,
«Любви безуміемъ полно!

«О, кто сравниться можетъ съ ней,
«Съ возлюбленной! Ея ланиты
«Какъ лиліи, цвѣты полей,
«Зарей вечернею облиты...

«Что говорю я?! — цвѣтъ лилей?!
«Алѣе розъ ея ланиты.
«И сердце, ими прельщено,
«Любви безуміемъ полно!

«Какъ упоительно нѣжны
«Ея одеждъ благоуханья!
«Плѣняетъ взоръ, какъ свѣтъ луны
«Красы чудесной обаянье....

«Что говорю я?! — свѣтъ луны?!
«То солнца южнаго сіянье.
«И сердце, имъ ослѣплено,
«Любви безуміемъ полно!»

II.

Окончилъ рабъ... Но далеко
Царицу унесли мечтанья
Туда, въ страну обѣтованья,
«Гдѣ льется медъ и молоко»...

Гдѣ бьетъ ключемъ сиккеръ душистый
И брыжжетъ сокъ янтарныхъ винъ,
Гдѣ теревинѳъ возросъ вѣтвистый
И сѣнь платановъ и маслинъ...

Гдѣ блескомъ сказочнымъ палаты
Затмили роскошь южныхъ странъ,
Гдѣ мирра, ладанъ и шафранъ
Струятъ съ курильницъ ароматы...

Семь ступеней... и пышный тронъ...
И славой вышней осіянный,
Онъ, — цвѣтъ долинъ благоуханный,
«Нарциссъ сарронскій» — Соломонъ!...

О мигъ, ей памятный донынѣ,
Подъ взглядомъ властнымъ и живымъ,
Когда, подобная богинѣ,
Она предстала передъ нимъ, —

Передъ побѣдой иль позоромъ,
Тая борьбы невольный страхъ,
Съ опущеннымъ лукаво взоромъ,
Съ усмѣшкой тонкой на устахъ...

—«Чтожъ передать прикажешь ты
Царю востока отъ царицы»?
И тихо дрогнули рѣсницы,
Отъ чудной пробудясь мечты...

Алѣе розы Ерихона,
Подъ грезой сладостнаго сна,
Посламъ крылатымъ Соломона
Со вздохомъ молвила она:

— «Не отъ царицы, — отъ рабыни
«Скажите вашему царю,
«Что я его боготворю
«И осчастливлена имъ нынѣ!

«Что я дивлюсь его уму,
«Могуществу, богатству, краю...
«Люблю его!.. и рвусь къ нему!..
«И отъ любви изнемогаю!...»

Какъ бы хотѣлось, чтобы это проникнутое блескомъ, нѣгой и зноемъ востока стихотвореніе украшало собою не I-й, а V-й томъ г-жи Лохвицкой, помѣнявшись мѣстомъ съ пустозвоннымъ Союзомъ маговъ. А между тѣмъ сила вдохновенія и теперь не измѣняетъ г-жѣ Лохвицкой; ей слѣдовало-бы только строже относиться къ самой себѣ и не выпускать изъ-подъ пера произведеній недостойныхъ ея творчества и дарованія. Восточные мотивы и теперь плѣняютъ ея вдохновеніе и могутъ дарить намъ прекрасныя созданія, въ родѣ, напримѣръ стихотворенія «Въ пустынѣ»:

На закатѣ дня, подъ небомъ пустыни, она вдвоемъ съ «нимъ»;

«Король мой уснулъ на груди у меня,
Уснулъ онъ на сердцѣ моемъ».

Ее манитъ и зоветъ источникъ, обѣщая напоить живою водою—

«Король мой уснулъ у меня на груди,—
Онъ ввѣрилъ мнѣ душу свою».

Смоковница шепчетъ и предлагаетъ ей свой душистый плодъ—

«Король мой уснулъ на груди у меня,—
Онъ дремлетъ подъ сѣнью любви».

Спѣшатъ караваны, несется самумъ, грозитъ опасность погибнуть въ пескахъ—

«Король мой уснулъ у меня на груди,—
Повѣрю-ли въ гибель и страхъ?»

Исчезли миражи, распались какъ дымъ,
Вечернее небо паритъ впереди.
Король мой! Ты нѣжно, ты свято хранимъ,
Ты дремлешь на вѣрной груди.

Развѣ это не поэтично и развѣ не носитъ на себѣ печати Востока?

Въ стихотвореніи Въ саду надъ бездной (стр. 51) сплетаются поэтичные образы съ таинственностью, которая граничитъ съ безсмыслицей.

Былъ труденъ путь. Былъ зноенъ день.
До полдня длилось восхожденіе.
И вотъ, обѣщанная сѣнь
Предъ нами встала, какъ видѣніе.

И мы вошли въ нагорный садъ,
Гдѣ, разрастаясь въ изобиліи,
Жасмины пряные кадятъ,
Межъ розъ и миртъ сіяютъ —

Читатель, вы угадали, кто сіяютъ? конечно — лиліи.

Врата златыя заперты.
Намъ сладко млѣть въ благоуханіи.
Подъ нами травы и цвѣты,
Надъ нами лавры — и латаніи.

Все пока хорошо, картинно, мелодично и пахнетъ пріятно. Но далѣе идетъ чепуха. Въ саду, повиснувшемъ надъ бездною, есть какая-то властная богиня — земной кумиръ со звѣздною короной. Ей служатъ какъ божеству, несутъ гимны и кажденія, въ горячихъ снахъ и на яву, «въ стихійныхъ буряхъ наслажденія». Поющіе и кадящіе, «свѣтло-блаженные какъ геніи» душой исходятъ въ медленномъ томленіи; имъ снятся «жуткія видѣнія».

И львы, желтѣя сквозь листву,
Лежатъ на стражѣ пробужденія.

Ну, развѣ не чепуха?

Но вотъ и прекрасное стихотвореніе, вполнѣ достойное крупнаго таланта; это Горныя видѣнія (стр. 37). Мы бы назвали его безукоризненнымъ, еслибъ въ немъ не попадались декадентскія

причуды, безъ которыхъ богатая фантазія и образный языкъ г-жи Лохвицкой вполнѣ могли бы обойтись. «Неразгаданныя высоты» и «холодныя волны голубого огня» въ первой строфѣ только портятъ піесу, написанную въ Швейцаріи и передающую впечатлѣнія горныхъ вершинъ. Остальныя же строфы прекрасны; судите сами:

Порой предразсвѣтною,
Сквозь сонъ отлетающій,
Мы слышимъ неясно таинственный хоръ.
То гимнъ міросданію
Поютъ небожители,
Поютъ на вершинахъ, снѣгами блистающихъ,
На склонахъ во мглѣ утопающихъ горъ.

Но меркнетъ сіяніе
Лазурнаго мѣсяца,
Провидятъ вершины рожденье зари —
И, снѣгомъ вѣнчанныя,
Осыпались розами.
Не отблескомъ мертвымъ — но златомъ и пурпуромъ.
Зажглись недоступные ихъ алтари.

И взрѣяли ангелы —
Небесные вѣстники —
Къ широкимъ пустынямъ родной высоты,
Жемчужные, алые
И желто-лиловые
По горнымъ хребтамъ и уступамъ яснѣющимъ
Роняли они, улетая, цвѣты.

«Плачъ Агари» (стр. 35) по нашему лучшее во всемъ V-мъ томѣ стихотвореніе. Г-жа Лохвицкая посвящаетъ его своему сыну Измаилу.

Тяжко дышится въ пустынѣ.
Рдѣетъ солнце — гнѣвный царь.

Плачетъ, плачетъ мать о сынѣ,
Стонетъ смуглая Агарь:

«Угасаютъ всѣ надежды,
Ангелъ жизни отступилъ.
Ты лежишь, закрывши вѣжды,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

На чело отъ муки жгучей
Пали смертные цвѣта.
Кудри сбились темной тучей,
Запеклись твои уста.

Не пролилъ на насъ Предвѣчный
Отъ щедроты Своея.
Здѣсь, въ пустынѣ безконечной,
Мы погибнемъ — ты и я!

Но услышалъ вопль о сынѣ
Тотъ, Кто славенъ и могучъ.
И журча, забилъ въ пустынѣ
Чистыхъ водъ гремящій ключъ.

—

Та же скорбь мечтой унылой
Душу мучаетъ мою.
Ты возжаждешь, сынъ мой милый,
Чѣмъ тебя я напою?

Труденъ путь къ святой отчизнѣ,
Гдѣ найду нездѣшнихъ силъ?
Мы одни въ пустынѣ жизни,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

Низойдетъ ли духъ могучій
Съ лучезарною главой —
Да обрящемъ въ полдень жгучій
Свѣтлый ключъ воды живой?

Какъ и Материнскій завѣтъ (стр. 10), выше уже упомянутый нами и также посвященный сыну, Плачъ Агари трогателенъ своей искренностью и прекрасенъ удачнымъ сближеніемъ библейскаго повѣствованія съ дорогою для автора дѣйствительностью.

V.

Отдѣлы Сонъ, Средніе вѣка и Навожденья — какой то тяжелый мучительный кошмаръ; это область страшныхъ вѣщихъ сновъ, волшебства, зловѣщихъ ужасовъ, auto da fe, инквизиторскихъ пытокъ, заклинаній, стигматовъ ада, чаръ, колдовства и черной магіи. Встрѣчаются въ этихъ отдѣлахъ и курьезы. Напримѣръ, на стр. 73 стихотвореніе «Одержимая» начинается слѣдующимъ необыкновеннымъ признаніемъ:

Сегодня я — подъ властью *«черной птицы»*,
Она гнѣздо въ груди моей свила.

Тамъ же упоминается и «зарево угаснувшихъ скорбей». На стр. 80 имя, повторяемое искусителемъ, истомляетъ, журча — какъ вино.

Не будемъ вдаваться въ подробную оцѣнку всего этого чернокнижія: оно слишкомъ чуждо поэзіи. Хочется сказать сбившемуся съ истиннаго пути автору его же словами:

«Не отступай отъ гордаго пути».

Заколдованные портреты, сіяющіе страшной убыбкой злые горбуны съ волчьими зубами, хохотъ привидѣній, средневѣковыя казни и костры, чаши бѣсовскаго напитка, шестирогій вѣнчикъ сатаны, магическіе жезлы со сплетенными змѣями должно быть такъ крѣпко приковали г-жу Лохвицкую къ грѣшной землѣ или даже къ преисподней, что на пять стихотвореній отдѣла «Небеса» не хватило подъема. Блѣдно вышло изображеніе святой Екатерины: она воздвигла въ своей душѣ алтарь; свѣтильникъ въ немъ семь огней (?) радуги. Но расцвѣтъ своей души отдаетъ

она лишь тому и ѳиміамъ зажжетъ лишь передъ тѣмъ, кто прекраснѣе Авессалома, свѣтлѣе Давида и мудрѣе Соломона.

И гласъ провѣялъ, благостенъ и тихъ:
«На небесахъ предвѣчный твой женихъ!
Онъ дастъ тебѣ вѣнецъ нетлѣнныхъ розъ.
Онъ весь — любовь. Его зовутъ — Христосъ!

Во главѣ этой піесы можно было-бы поставить имя всякой другой святой, а «мистическій бракъ» (le mariage mystique) св. Екатерины упоминается какъ-то вскользь. Въ словахъ святой слышится гораздо больше чувствительности и экзальтаціи, чѣмъ святости.

Подъ «Красною лиліей» разумѣется Благовѣщеніе, въ изображеніяхъ котораго мы привыкли видѣть архангела съ бѣлой, а не красной лиліей въ рукѣ. Но допустимъ эту поэтическую вольность. Евангельскій разсказъ, прекрасный въ своей простотѣ, искаженъ г-жой Лохвицкой, придумавшей необычную обстановку: тѣнь колоннъ ведущихъ во храмъ[1]); Пресвятая дѣва изображена уснувшею, «сжигая ѳиміамъ»; сонмы ангеловъ, парящихъ въ дыму кадилъ, роняютъ на грудь Пречистой лиліи, вторя вѣстнику радости—архангелу, поютъ они: «Благословенна будь!» Всѣ эти прикрасы едва-ли нужны строгому величію и безъискусственности повѣствованія Евангелиста.

Небесные огни (стр. 87) озадачиваютъ гремящимъ напѣвомъ «звѣздной пѣсни».

Небесный садъ (стр. 88) оставляетъ впечатлѣніе приторности и жеманности; не вяжутся съ изображеніемъ рая и кажутся тривіальными эти умепьшительныя, эти тюльпанчики, пѣсенки, лобики.

Райскіе хоры (стр. 90) лучше остальныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ «Небеса». Приведены хоры мальчиковъ, дѣвочекъ, блаженныхъ и ангеловъ. Встрѣчается и грамматическая

1) И откуда взялся храмъ въ Назаретѣ?

ошибка: слово куща въ родит. падежѣ множеств. числа должно быть кущей, а не кущій, поставленнаго вѣроятно въ риѳму къ поющій.

И тутъ не обошлось безъ лилій. Въ общемъ и эта піеса холодна и безцвѣтна.

VI.

Больше половины разсматриваемаго тома занимаетъ драма въ 5-ти актахъ, 8-и картинахъ «In nomine Dominï» («Во имя Бога») [1]). Содержаніе ея заимствовано изъ судебнаго процесса (1610 — 1611 г.). Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ почерпнуты изъ записокъ инквизитора Михаэлиса, изданныхъ въ XVII вѣкѣ, подъ названіемъ «Histoire admirable de la possession et conversion d'une pénitente séduite par un magicien, Lyon, 1614.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ эта драма и давитъ воображеніе какъ болѣзненный, мучительный сонъ. Со стороны стихосложенія она почти не заслуживаетъ упрека: стихъ легкій, непринужденный и мы замѣтили лишь самое незначительное число погрѣшностей. На страницѣ 99 опять встрѣчается слово кущій (родит. падежъ множ. числа) вмѣсто кущей. На стр. 250:

«. . . . . Изгнавъ тебя, мой сынъ;
Изъ лона церкви нашей, предаемъ мы
Тебя *ко* власти свѣтскаго суда,
Котораго усердно умоляемъ
Постановить» и пр.

Тутъ двѣ ошибки: предаютъ власти, а не ко власти.
Умоляютъ судъ, т. е. который, а не котораго.

На стр. 175: «Блюсти *надъ нимъ* въ пути вы день, и ночь должны». Блюсти можно кого нибудь, а не надъ кѣмъ нибудь. На

1) Правильнѣе было бы перевести: «Во имя Господне». Полный текстъ: Benedictus qui venit in nomine Domini — Благословенъ грядый во имя Господне (Еванг. отъ Матѳея XXI, 9).

стр. 212: «Небесныхъ розъ святой любви въ ней насадила я». Насадить можно розы, а не розъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе драмы. 19-лѣтняя красавица монахиня-урсулинка Мадленъ одержима бѣсомъ. Сама она говоритъ подругамъ — монахинямъ:

«Вы бѣдныя, ничтожныя, слѣпыя,
Внемлите мнѣ, смотрите на меня!
Я призвана, чтобъ царствовать надъ міромъ,
Я избрана отъ самыхъ юныхъ дней
Могущественнымъ духомъ — Вельзевуломъ; —
Супруга я царя жужжащихъ мухъ!
Но духъ безплотенъ, духъ неосязаемъ —
И потому на время, на землѣ,
Какъ замѣститель вѣчнаго блаженства,
Мнѣ данъ иной возлюбленный супругъ.
То — принцъ волхвовъ чудеснаго востока
И маговъ запада».

Монахини просятъ Мадленъ назвать имя этого супруга и она называетъ проповѣдника, живущаго въ Марсели, аббата Луи Гофриди. Она показываетъ перстень, которымъ обручилъ ихъ Вельзевулъ. Одна изъ монахинь, Луиза, слыша эти признанія клянется про себя отомстить за небеса, поруганныя адомъ; пусть гибнутъ, но гибнутъ въ покаяньи, пусть костеръ имъ будетъ воздаянье, но души попадутъ въ Царствіе.

Луиза одержима дьяволомъ Верриномъ. Въ монастырь пріѣзжаютъ инквизиторы Михаэлисъ и Францискъ и производится допросъ. Приводятъ Луизу и Мадленъ. Первая производитъ на инквизиторовъ впечатлѣніе злой и жестокой дѣвушки, тогда какъ Мадленъ сразу возбуждаетъ къ себѣ ихъ расположеніе.

Вотъ отрывокъ акта II-го. Дѣйствіе происходитъ въ кельѣ отца Ромильона, настоятеля монастыря св. Урсулы въ Эксѣ. На сценѣ Ромильонъ, оба инквизитора, игуменья, Луиза, Мадленъ и толпа монахинь.

Луиза.

Три дьявола моей владѣютъ волей:
Одинъ изъ нихъ по имени Верринъ,
Старѣйшій между ними — посланъ Богомъ,
Чтобъ возвѣстить вамъ правду, покарать
Иль обратить къ спасенью души падшихъ.
Второй зовется — демонъ Сонельонъ;
То яростный противникъ нашей церкви
И врагъ Веррина; вѣчно споритъ съ нимъ
За то, что тотъ отдалъ себя служенью
Небеснымъ силамъ. Третій — Веліаръ, —
То духъ нечистоты и вожделѣнья.

Мадленъ.

Забыла ты четвертаго назвать!
Забыла бѣса ревности безумной,
Неистовой, что гложетъ грудь твою.

Луиза (бросаясь на Мадленъ, бьетъ ее).

Что?. Ревности?.. А!.. Ревности!..
Такъ вотъ же,
Такъ вотъ тебѣ!..

Мадленъ.

Ай!.. Ай, оставь меня!...

Михаэлисъ.

Сестра Луиза!

Отецъ Ромильонъ.

Дочь моя, опомнись!

Луиза.

Я не Луиза... Демонъ я Верринъ!
И вы должны внимать мнѣ раболѣпно!
Вы всѣ должны внимать мнѣ!

Мадленъ.

Но не я!

(Принимаетъ гордую позу).

Эй ты, Верринъ! Ты — мой слуга послѣдній!
Я — Вельзевулъ. Я принцъ воздушныхъ силъ!
А ты простой, ничтожный дьяволенокъ.
Тебѣ-ль со мной тягаться?

Луиза.

Да, въ аду
Ты — господинъ мой, но не здѣсь.
Смотри же,

(Бросаетъ Мадленъ на полъ и попираетъ ее ногами).

Смотри, какъ презираю я тебя!

Мадленъ.

Пусти меня, не смѣй!
Всѣ.
Сестра Луиза!

(Общими силами монахини оттаскиваютъ Луизу отъ Мадленъ).

Неправда-ли читатель, какая миленькая сценка?

Далѣе Луиза, продолжая обвинять Мадленъ въ колдовствѣ, обращаетъ вниманіе инквизиторовъ на ея черные глаза, брови и рѣсницы; по словамъ Луизы сама природа ясно указала, что волосы у Мадленъ должны бы быть черные. Луиза подбѣгаетъ къ ней и сдергиваетъ съ ея головы монашеское покрывало. Роскошные волосы Мадленъ «разсыпаются золотымъ дождемъ». Монахи приходятъ въ восторгъ и наперерывъ сравниваютъ эти волосы съ колосьями, съ растопленнымъ золотомъ и съ лучами. Одинъ настоятель Ромильонъ, усматривая соблазнъ въ столь необычайной красотѣ волосъ, хочетъ остричь ихъ; Мадленъ сопротивляется, а Ромильонъ гоняется за нею съ ножницами. Но инквизиторы справедливо замѣчаютъ, что красота не всегда при-

суща однѣмъ колдуньямъ, ссылаются на Марію Магдалину и находятъ возможнымъ оставить Мадленъ ея волосы. Тогда Луиза говоритъ, что если раздѣть Мадленъ, то всякій увидитъ, что она скрываетъ подъ монашеской рясой и хочетъ ее заставить раздѣться. Ромильонъ, считая это неприличнымъ, противится, но инквизиторы ничего не имѣютъ противъ раздѣванія; они спорятъ, а Луиза «срываетъ рясу съ Мадленъ, которая оказывается одѣтой въ ярко-красную прозрачную одежду съ золотыми блестками. Руки и плечи обнажены, на шеѣ сверкаетъ ожерелье. Ноги видны выше колѣнъ сквозь прорѣзи одежды. Мадленъ сбрасываетъ грубую обувь и, швырнувъ ее въ Луизу, остается въ красныхъ башмачкахъ». Инквизиторы рѣшаются отвезти обѣихъ монахинь въ Бомскій монастырь, надѣясь, что тамъ, въ священномъ гротѣ Маріи Магдалины легіонъ нечистыхъ силъ изыдетъ изъ одержимыхъ.

Въ кельѣ Бомскаго монастыря (актъ III, картина I) сестра Катерина, прибывшая вмѣстѣ съ Мадленъ, убѣждаетъ ее, по какой-то невѣдомой намъ причинѣ, не называть Луи Гофриди передъ судомъ. Мадленъ возражаетъ, что молчать не можетъ, что это имя жжетъ ей уста, что Гофриди ей ненавистенъ, какъ соблазнившій и погубившій ее; онъ отравилъ ее «неугасимой жаждой всѣхъ дьявольскихъ мученій и блаженствъ». Когда же сестра Катерина говоритъ, что если Мадленъ назоветъ его колдуномъ—Гофриди будетъ сожженъ, Мадленъ въ отчаяніи восклицаетъ: «Все, но не смерть. Мнѣ жизнь его дороже всѣхъ жизней въ мірѣ. Пусть его томятъ, пытаютъ, мучатъ... но не убиваютъ. Мнѣ жить нельзя ни съ нимъ, ни безъ него!» Невольно недоумѣваешь, чего же ей надо, любитъ она его или нѣтъ? Луиза подслушиваетъ разговоръ. На ея вопросъ, любитъ ли Мадленъ аббата Гофриди, та отвѣчаетъ утвердительно. Луиза убѣждаетъ ее покаяться, смириться и назвать на судѣ того, кто погубилъ ее. Но Мадленъ повторяетъ то же, что сказала Катеринѣ, что скорѣй умретъ, но его не назоветъ. Луиза опять принимается ее бить. Входятъ инквизиторы и возобновляютъ допросъ. Они стараются вышытать у

Мадленъ имя соблазнителя, но безуспѣшно. Она жалуется что злые духи ее терзаютъ, что они кишатъ вездѣ, что весь воздухъ полонъ или, что мракъ темнѣетъ отъ ихъ сплетенныхъ крыльевъ. Зовутъ слугъ, опоясанныхъ мечами и велятъ пересѣкать воздухъ крестъ на-крестъ. «Служители разсѣкаютъ воздухъ мечами; съ каждымъ взмахомъ слышится въ отдаленіи нѣвучій протяжный стонъ, подобный звуку Эоловой арфы». Мадленъ впадаетъ въ забытье. «Тихіе стоны въ воздухѣ какъ серебряные колокольчики, замираютъ вдали».

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Мадленъ!

Бр. Францискъ.

Уснула!

Михаэлисъ.

Дѣточка!

Бр. Францискъ.

Миленокъ!

Какъ куколка, раскинувшись, лежитъ.

Михаэлисъ (бр. Франциску).

Прошу васъ, братъ, скажите музыкантамъ,
Чтобъ заиграли что-нибудь скорѣй
Пріятное и нѣжное. За дверью
Они остались приказаній ждать.

Бр. Францискъ.

Пусть братъ Паскалисъ сходитъ, онъ моложе.
Ступайте братъ, а я останусь здѣсь.

Бр. Паскалисъ.

Но братъ Антоній всѣхъ насъ ближе къ двери,
Пусть сходитъ онъ.

Бр. Антоній.

Я лучше постучу,

Они поймутъ. (Стучитъ въ дверь не сходя съ мѣста).
Эй! Вы тамъ, начинайте!

(Раздается нѣжная мелодія).

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Проснулась? Нѣтъ, все спитъ еще дитя.
Она такъ любитъ музыку, малютка.
И средство это лучшее изъ всѣхъ,
Чтобъ отогнать толпы враждебныхъ духовъ.

(Любуясь на спящую).

Какъ хороша! Да полно, точноль спитъ?
Неровно грудь взволнованная дышитъ...
Пожаръ ланитъ то вспыхнетъ, то сбѣжитъ...
И на устахъ какъ-будто легкій трепетъ
Отъ сдержанной улыбки... Иль хитритъ?
Не спитъ, шалунья?—Нѣтъ, молчитъ, не слышитъ.

(Обращаясь къ инквизиторамъ).

Есть у нея бѣсовская печать
На правой ножкѣ, около колѣна.
Тотъ стигматъ намъ не лучше-ль разсмотрѣть
Подробнѣе, для пользы правосудья,
Пока малютка дремлетъ?
Правъ-ли я?

Бр. Францискъ.

Братъ Михаэлисъ, никогда, клянусь вамъ,
Вы не были такъ правы, какъ теперь!

Бр. Паскалисъ.

И я того же мнѣнія.

Бр. Антоній.

Я то же.

Михаэлисъ.

Какъ мнѣ отрадно, братья, что межъ насъ
Явилось наконецъ единодушье!

(Наклоняясь къ Мадленъ).

Спи крошка, я тебя не разбужу.

Бр. Францискъ.

Но гдѣ же знакъ?

Михаэлисъ.

Его не нахожу я.

Бр. Францискъ (заглядывая черезъ плечо Михаэлиса).

Не этотъ-ли?

Михаэлисъ.

Родимое пятно.
Хорошенькое пятнышко, не болѣ.

(Цѣлуетъ ноги Мадленъ).

Зато какая ножка! Чистый воскъ
Ей въ бѣлизнѣ уступитъ!

Бр. Францискъ.

Жемчугъ!

Брр. Паскалисъ и Антоній.

Мраморъ!

Бр. Францискъ.

Но, можетъ быть, вы ищете не тамъ.
Позвольте, братъ мой, и на лѣвой ножкѣ,
Я думаю, намъ должно поискать.

Михаэлисъ (отталкивая бр. Франциска).

Нѣтъ, нѣтъ, не тамъ ее отмѣтилъ дьяволъ,
Я помню точно.

Бр. Францискъ.

Но позвольте братъ...

Михаэлисъ.

Прошу васъ, братъ всецѣло положиться
На опытъ мой.

Бр. Францискъ.

Я тоже не дуракъ!

Михаэлисъ.

Оставьте, братъ.

Бр. Францискъ.

Ну, вотъ еще,—вамъ можно,
А мнѣ нельзя? Я тоже посмотрю.

(Наклоняется къ Мадленъ, которая вдругъ ударяетъ его по щекѣ).

Ай!..

Мадленъ.

Вотъ тебѣ!.. Пошелъ противный, гадкій!..

Мы не можемъ не раздѣлить негодованія Луизы, которая, возмущенная этой сценой, стоющей самой нескромной французской оперетки, уходитъ. За нею слѣдуетъ Францискъ, громко выражая свой праведный гнѣвъ, вызванный, впрочемъ, не столько поведеніемъ инквизиторовъ, сколько полученной пощечиной.

Въ самомъ концѣ картины такая ремарка: «Доносится странный шумъ, напоминающій свистъ вѣтра, смѣшанный съ дрожаніемъ туго-натянутой струны, какъ будто близится полетъ гигантской мухи. Инквизиторы, очарованные, застываютъ въ неподвижныхъ позахъ. Мадленъ вскакиваетъ на столъ и мгновенно озаряется яркимъ, волшебнымъ фіолетовымъ свѣтомъ, постепенно переходящимъ въ красный. Мадленъ, простирая руки, выкрикиваетъ въ безумномъ восторгѣ: Приди супругъ мой! Veni Belzebub!»

Луизѣ удается заманить Мадленъ въ подвалъ, гдѣ сперва скрытые занавѣской, за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидятъ монахи со Старымъ Инквизиторомъ во главѣ. Луиза опять выспрашиваетъ у Мадленъ имя ея любезнаго, но та молчитъ. Догадываясь, что ихъ подслушиваютъ, Мадленъ отдергиваетъ занавѣску. У нея вышытываютъ имя обольстителя; когда же она не соглашается его назвать, грозятъ запереть ее въ «In pace», черную яму, гдѣ помѣщены два скелета. Обезумѣвъ отъ ужаса,

Мадленъ называетъ Луи Гофриди. Потомъ, въ гротѣ св. Маріи Магдалины устраиваютъ очную ставку Мадленъ съ Гофриди. Увидѣвъ его, она рвется къ нему, называетъ возлюбленнымъ, кричитъ: «Тебя я обожаю!.. Мой магъ!.. Мой богъ! Сокровище мое! Единственный мой! Счастье! Счастье! Счастье! Все счастіе мое въ твоихъ очахъ!» Между тѣмъ связанному Гофриди предлагаютъ покаяться въ грѣхахъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Ему указываютъ на Мадленъ, какъ на живую улику. Мадленъ стоитъ отвернувшись; когда же онъ проситъ ее на него взглянуть, она продолжаетъ отворачиваться, говоря: «Нѣтъ, не хочу! Вы такъ мнѣ ненавистны»! Хотя Гофриди называетъ ложью взводимыя на него обвиненія, его заставляютъ подписать безъ его вѣдома составленное признаніе въ колдовствѣ, послѣ чего пытаютъ, чтобы узнать сообщниковъ и ведутъ на костеръ. Луиза и Мадленъ сидятъ въ тюрьмѣ. Узнавъ отъ тюремщика, что Луи будетъ сожженъ, а ее выпустятъ на волю, Мадленъ принимается пѣть веселую и довольно пошлую пѣсенку, заканчивающуюся словами:

Мнѣ смерть его — услада.
Онъ гибнетъ, — я живу!

Когда же Луиза укоряетъ ее въ безжалостности и напоминаетъ, что Гофриди, какъ жертва на закланье, идетъ за нее въ огонь, Мадленъ, вздрогнувъ, останавливается и восклицаетъ: «Луи!.. Любимый мой»!... Рыдая, обращается она къ Луизѣ:

Все это — ты! Ты завистью ревнивой
Сгубила всѣхъ: меня, себя, его...
Все ты одна!... Будь проклята во вѣки.

Луиза.

Ты — до скончанья міра и вѣковъ!

Тюремщикъ (просовывая голову въ дверь).

Ведутъ его. Смотрите, коль хотите,
Но не шумѣть! И я пойду взгляну.

(Затворяетъ дверь).

МАДЛЕНЪ (бросаясь къ окну).

Возлюбленный! Тебя ведутъ въ оковахъ...
О, изверги! Васъ много, онъ — одинъ.
Всѣ на него! Его вы осудили...
За что?.. За то, что онъ меня любилъ!

(Колокольный звонъ продолжаетъ гудѣть громче и громче. Слышно пѣніе «*Ora pro nobis*») МАДЛЕНЪ (рыдая и дрожа).

Луи!.. Мой магъ... спасти себя ты можешь,
Лишь захоти!.. Спасись, спасись Луи!
Зови на помощь дьявольскія чары —
И вмигъ ослѣпнутъ палачи твои,
И ты уйдешь — незримый и свободный...
Не для себя, но для меня спасись!

(Похоронное пѣніе раздается подъ окномъ).

ЛУИЗА (падая на колѣни).

Великій Богъ! молю Тебя, прими
Весь ѳиміамъ, клубящійся отъ вѣка,
Все пламя жертвъ, сожженныхъ за Тебя!
И тѣхъ, чей дымъ подымется въ грядущемъ!
И тѣхъ, что будутъ до скончанья дней —
Прими за душу грѣшника, о, Боже,
Все — за него!...

МАДЛЕНЪ.

Кого ведете вы?!..
Луи постой!.. Я такъ тебя любила...
Моя любовь зажгла тебѣ костеръ...
Какъ блѣденъ ты, какъ изнуренъ, любимый...
Остановись... На смерть тебя ведутъ...
Твои уста и очи, и ланиты
Спалитъ огонь!.. сожжетъ... испепелитъ
Всего тебя!.. Онъ обернулся!... Боже!..

ЛУИЗА (продолжая молиться).

Все — за него!

МАДЛЕНЪ (рыдая).

О, не смотри сюда...
Кого ты ищешь жадными очами?
Здѣсь нѣтъ меня... Здѣсь нѣтъ твоей Мадленъ!...
Она стоитъ на пышномъ возвышеньи,
Съ твоимъ вѣнкомъ на золотыхъ кудряхъ.
Предъ нею кровь стекаетъ по ступенямъ
И голосъ крови къ Богу вопіетъ...

ЛУИЗА.

Все — за него!

МАДЛЕНЪ.

О, не смотри мнѣ въ душу!..
Здѣсь нѣтъ Мадленъ!.. Здѣсь только тѣнь моя!..
Она въ аду предъ страждущими пляшетъ...
Ихъ кровь на ней... На шабашѣ она,
Гдѣ жертвы ей приносятся безъ счета...
О, не гляди!

ЛУИЗА.

Великій Богъ, прими
Весь жаръ молитвъ!.. Всѣ слезы покаянья!..
Всю кровь святыхъ, воззвавшую къ Тебѣ!..
Всѣ славословья чистыхъ серафимовъ!..
Все за него!..

МАДЛЕНЪ.

Остановите казнь!...
Беру назадъ позорныя признанья!
Ихъ вынудили силой у меня...
За нимъ... за нимъ... на казнь, на смерть, на пытку!
За нимъ въ огонь!.. Къ тебѣ, къ тебѣ, Луи!..

ЛУИЗА.

Все за него!

МАДЛЕНЪ.

Не слышатъ, изувѣры!..
Меня возьмите... Жизнь — за жизнь его...
Мою любовь отдамъ, вѣдь я прекрасна...
Я буду пѣть, смѣяться и плясать...
Я цѣловать умѣю до забвенья...
Ласкать умѣю!.. Я люблю его!..
Я всѣхъ люблю, кто дастъ ему свободу!..
Костеръ лишь погасите!.. Гдѣ вода?..
Скорѣй, скорѣй, пока еще не поздно...
Тушите кровью!.. Лейте кровь мою!..
Пока еще огонь не прикоснулся
Къ его ногамъ и дымъ не задушилъ!..

ЛУИЗА.

Все — за него,

МАДЛЕНЪ (ломая руки).

Не внемлютъ!.. Поздно!.. поздно!..
Съ тобой на смерть!.. На пытку!.. На костеръ!..
А!. Боже!.. Боже!.. Онъ горитъ! Спасите!
Огонь... огонь...

(Падаетъ безъ чувствъ. Тюрьма озаряется отблескомъ краснаго пламени).

ЛУИЗА (съ отчаяніемъ).

О, если мало жертвъ....
О, если мало слезъ, молитвъ и крови —
Воззри, Господь, на будущую скорбь.
Сочти всѣ муки новыхъ поколѣній, —
Все — за него!

МАДЛЕНЪ (вскочивъ, бѣжитъ въ изступленьи).

Горю!.. горю!.. горю!..

Такъ кончается драма, въ которой авторъ не постѣснился сплесть основанную на положительныхъ историческихъ данныхъ дѣйствительность съ вымысломъ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Порою стыдно и обидно становится за М. А. Лохвицкую и это тѣмъ болѣе, что ея драма, при допущенныхъ въ ней недомолвкахъ и прямо нелѣпостяхъ, написана почти сплошь прекрасными, легкими и звучными стихами.

Чѣмъ оправдать безсмысленныя непримиримыя противорѣчія страстной любви, безо всякой видимой причины переходящей въ непонятную ненависть, снова смѣняющуюся нѣжной и пылкой любовью. Чѣмъ извинить безобразныя сцены драки двухъ дѣвушекъ или непристойное запгрыванье монаховъ съ монахиней? Балаганныя сверхъестественныя явленія и вся сопровождающая ихъ чертовщина заставляетъ вмѣстѣ съ авторомъ воскликнуть:

Кто здѣсь безуменъ — вы иль я — скажите?
Но кто-то здѣсь сейчасъ сошелъ съ ума.

Увѣренные въ недюжинномъ талантѣ М. А. Лохвицкой, мы позволяемъ себѣ указать ей на необходимость болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи, уже нами упомянутомъ. «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть строка, въ которой заключается преподанный ему совѣтъ:

«Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати».

Этотъ прекрасный совѣтъ вполнѣ приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, еслибъ не увлекалась выраженіями противорѣчащими здравому смыслу и еслибъ не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазіи вычурности и искусственности.

Замѣченные нами немаловажные недостатки, по нашему разумѣнію, не допускаютъ увѣнчанія V-го тома стихотвореній

М. А. Лохвицкой ни полной, ни даже половинной Пушкинскою преміей. Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ поэзіи разсматриваемаго автора; а эти достоинства несомнѣнно существуютъ; а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживали-бы почетнаго отзыва Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

К. Р.

Осташово. Май 1905 г.

II.

Данте Алигьери. Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Н. Чюминой. Изданіе А. А. Каспари. С.-Петербургъ 1900—1902 гг. 6 выпусковъ.

I.

Когда раздумываешь о переводахъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, въ голову невольно приходитъ парадоксъ: лучше-бы ихъ вовсе не переводить! И эта мысль кажется нелѣпой только на первый взглядъ. Работа переводчика такъ трудна, требуетъ столько знаній и любовнаго проникновенія въ предметъ! И какъ часто она не удается! Какъ много переводовъ, искажающихъ смыслъ и поэзію оригинала! Кромѣ того, много-ли истинныхъ читателей, истинныхъ любителей поэзіи, для которыхъ стоило-бы трудиться? Много-ли людей будетъ огорчено, если не прочтётъ того или другого романа, поэмы и т. д.? Много-ли такихъ, которые сдѣлаютъ ихъ элементомъ своей душевной жизни, орудіемъ движенія впередъ? Не лучше-ли уединенному любителю поэзіи взять на себя трудъ выучиться чужому языку, одолѣть любимое произведеніе въ подлинникѣ, цѣликомъ и основательно овладѣть имъ? Не легче-ли, не плодотворнѣе-ли этотъ трудъ, чѣмъ трудъ переводчика, который, при наилучшихъ условіяхъ, дастъ неточную копію, рискуя очутиться въ положеніи «художника — варвара»?

Горько въ этомъ признаться, но поэзія, какъ дѣло жизни, существуетъ только «для немногихъ», а они, эти немногіе, охотно выучатся и чужому языку. Странно слышать увѣренія, будто достаточно пользоваться переводами, будто подлинникъ существуетъ только для филолога, увѣреніями, которыя, раздаваясь изъ авторитетныхъ устъ, сбиваютъ съ толку молодежь!.... Чтеніе чтенію рознь, и не каждому изъ читателей открывается царство поэзіи. Многочисленные переводы еще не ручаются за высокое качество въ усвоеніи чужого творчества, и очень часто начетчикъ въ переводной литературѣ — только грамотѣй, самоувѣренный обладатель полузнанія.... Незачѣмъ указывать, какія произведенія имѣемъ мы въ виду. Каждый самъ назоветъ Фауста, Донъ-Кихота, Иліаду и Одиссею, греческія трагедіи и много другихъ. Ихъ надо или усвоить цѣликомъ, серьезно, т. е. въ подлинникѣ или замѣчательно точномъ, изящномъ переводѣ, или вовсе не касаться. Къ числу ихъ надо отнести и Божественную Комедію Данте. Въ ней, кажется, соединились всѣ трудности, которыя могутъ встрѣтиться на пути переводчика. Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, сложное, запутанное содержаніе, о которомъ шутники говорятъ, что въ Данте безъ комментарія нельзя понять ни одного слова, перекрестная символика поэмы — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія.

Прибавимъ къ этому огромную литературу о Данте, которая продолжаетъ расти не по днямъ, а по часамъ, и уже имѣетъ собственную длинную исторію. Изученіе Божественной Комедіи началось почти при жизни автора, и съ тѣхъ поръ, въ разныя эпохи, при разныхъ обстоятельствахъ, по разному понимали и толковали Данте. Знакомство съ литературой неизбѣжно отразится и на качествѣ перевода: переводчикъ Божественной Комедіи долженъ быть не только поэтомъ, но и ученымъ, въ иныхъ случаяхъ даже филологомъ.

Кромѣ того, Божественная Комедія какъ разъ относится къ небольшому числу избранныхъ произведеній, съ которыми

особенно не слѣдуетъ знакомиться по неточнымъ переводамъ. Вѣдь эта поэма привлекаетъ не только поэтическими достоинствами, интересна не только съ исторической точки зрѣнія. Нѣтъ, какъ мы пытались показать въ другомъ мѣстѣ, Данте до сихъ поръ можно читать не для одного эстетическаго или умственнаго наслажденія: онъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе, какъ учитель жизни. Данте — философъ и моралистъ, который будитъ высокія настроенія и чувства. Основныя свои идеи Данте проводитъ и въ цѣломъ, и въ мелкихъ подробностяхъ, и потому его нельзя изучать кое-какъ, по неточному переводу, какъ нельзя и совершенно безполезно читать Джіордано Бруно или Фихте въ приблизительномъ пересказѣ. Небрежная передача позволитъ усвоить только обрывки системы Данте, а цѣлый образъ рискуетъ затеряться среди ненужныхъ домысловъ, неточностей и ошибокъ. Несовершенный переводъ Божественной Комедіи потому мало полезенъ, что почерпать мудрость жизни можно только изъ прозрачнаго, незатемненнаго источника.

Наконецъ, говоря о трудностяхъ перевода Дантовой поэмы, нельзя не отмѣтить и той, что она написана стихами. Какъ переводить Божественную Комедію? Если прозой, то кто-же станетъ читать этотъ переводъ? Развѣ только тѣ, кто гонится за самымъ точнымъ усвоеніемъ текста. Такіе поклонники и любители предпочтутъ выучиться по итальянски. А если переводить стихами, то неточности и несоотвѣтствія двухъ языковъ, въ связи съ нѣкоторыми другими промахами, почти неизбѣжно обратятъ переводъ въ механическую копію. Тогда во множествѣ мелкихъ недочетовъ утеряется основная мысль поэмы, объединяющая богатое разнообразіе ея частей: останутся эпизоды, не будетъ Divina Commedia. И такъ ни проза, ни стихи.... Что́ же остается? Или добросовѣстное чтеніе подлинника, или переводъ въ стихахъ, совершенный съ полнымъ знаніемъ дѣла, вдохновленный собственнымъ поэтическимъ талантомъ.

Обратимся теперь къ переводу г-жи Чюминой.

II.

Г-жа Чюмина начинаетъ со вступительной статьи, которая помѣщена на стр. V—XIV перваго выпуска. Такая статья необходима въ каждомъ изданіи Данте, оригинальномъ или переводномъ, какъ необходимы и комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ[1]). Нетрудно и составить такую статью. Есть, и останутся, вѣроятно, такими навсегда, темные эпизоды въ Божественной Комедіи. Есть и въ литературной исторіи поэмы нѣкоторыя частности, еще не достаточно освѣщенныя. Въ «рѣкѣ временъ» безвозвратно погибли многія данныя о жизни и личности поэта и т. д. Но руины сохранившагося настолько еще велики, настолько хорошо изслѣдованы, что краткій очеркъ, подводящій итоги ученой работы о Данте, выполнимъ безъ особаго напряженія. Его автору вовсе не надо обладать знаніемъ всѣхъ деталей и мелочей т. н. дантологіи; достаточно обратиться къ большимъ и малымъ работамъ суммирующаго характера. Мы разумѣемъ Скартаццини, Крауса, Федерна, Моора, Цингарелли и др., у которыхъ найдется достаточно матеріала для объяснительной статьи. Необходимо только одно: статья не должна повторять о Данте и его поэзіи того, что уже давно оставлено всѣми. Легко опредѣлить и желаемое содержаніе такого очерка. Само собою разумѣется, біографія Данте, современное положеніе Европы, свѣдѣнія по исторіи Флоренціи и т. д. Во всемъ этомъ, конечно, должно отличать легенду отъ достовѣрныхъ данныхъ. Но это еще не все. Извѣстно, что главное произведеніе Данте — послѣднее звено длинной цѣпи развитія, личнаго и литературнаго. Мало растолковать символику Божественной Комедіи въ цѣломъ и по частямъ: внѣ связи съ другими, болѣе ранними, произведеніями Данте эта поэма мало понятна. Всякая вступительная статья къ переводу

---

1) Въ нашемъ разборѣ мы не касаемся примѣчаній, которыми снабженъ переводъ г-жи Чюминой: повидимому, они составлены другимъ лицомъ.

Божественной Комедіи должна познакомить читателя съ Vita Nuova, Il Convivio и De Monarchia, показать, какъ изъ сочетанія элементовъ, заключающихся въ этихъ произведеніяхъ, и создалась великая эпопея.

Мы не думаемъ, чтобы предисловіе г-жи Чюминой отвѣчало всѣмъ этимъ требованіямъ. Оно не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ литературой предмета и даетъ не вполнѣ точное представленіе о сущности поэмы Данте и ея исторіи. Есть, наконецъ, промахи и въ самомъ изложеніи. Мы не можемъ вдаваться въ подробную критику предисловія, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести работы г-жи Чюминой лежитъ не въ немъ. Ограничимся нѣсколькими указаніями.

Напр., г-жа Чюмина повторяетъ старую, почти всѣми отвергнутую, басню о томъ, что Данте былъ одно время ученикомъ Брунетто Латини. Откуда также извѣстно ей, что Латини былъ профессоромъ болонскаго университета, и что Данте посѣщалъ этотъ университетъ (стр. VII)? Въ разсказѣ о любви Данте къ Беатриче г-жа Чюмина не различаетъ правды и поэзіи, безъ малѣйшихъ оговорокъ пользуясь свѣдѣніями, которыя сообщаетъ Боккаччіо. А что̀ достовѣрнаго, па самомъ дѣлѣ, знаемъ мы о Беатриче Данте, какъ дѣйствительно существовавшей женщинѣ? Почти ничего. Не будемъ говорить о мелкихъ неточностяхъ въ разсказѣ объ этомъ періодѣ въ жизни Данте (напр. о дамѣ, съѣдающей сердце Данте, ср. стр. VII), а, идя дальше, скажемъ, что не болѣе удачны замѣчанія о политической жизни Флоренціи въ эпоху Данте, и незадолго до него. Изложеніе здѣсь путанное, а иногда и прямо невѣрное. По свѣдѣніямъ, которыя находятся на стр. IX—X, трудно составить ясное представленіе о реформахъ Guido Novella, Giano della Bella, о роли пріоровъ, о распаденіи партіи гвельфовъ на бѣлыхъ и на черныхъ, и даже о политической дѣятельности самого Данте. Можно-ли, напримѣръ, сказать, что поведеніе Бонифація VIII показало Данте неосновательность гвельфской системы? Какую-же роль въ «обращеніи» Данте сыграла въ такомъ случаѣ compagnia malvaggia

e scemp̀ia? Гдѣ и когда Данте гордо объявилъ, что создастъ изъ одного себя свою партію и «самъ будетъ себѣ союзникомъ»? Говоря о такомъ важномъ эпизодѣ, какъ походъ Генриха VII на Римъ, г-жа Чюмина ограничивается нѣсколькими строчками, но за то цитируетъ, вѣроятно, подложное, письмо Данте, написанное въ отвѣтъ на приглашеніе покаянно вернуться во Флоренцію (стр. XI—XII). Въ разсказѣ о сношеніяхъ Данте и Джіованни дель Вирджиліо допущена грубѣйшая ошибка, будто къ Данте въ Равенну пріѣхалъ поэтъ «Джіованни де Виргилій» съ приглашеніемъ отправиться въ Болонью (стр. XII).

Не болѣе удовлетворительна и та часть предисловія, которая трактуетъ о произведеніяхъ Данте. Не говоримъ уже о томъ, что г-жа Чюмина считаетъ возможнымъ посвятить имъ менѣе $1^1/_2$ страницъ. Краткость эта можетъ быть возмѣщена обиліемъ комментаріевъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ и эпизодамъ. Но читатель не находитъ и генетическаго объясненія всей литературной дѣятельности Данте, которое, по нашему мнѣнію, единственно правильное. Каждая работа Данте поставлена отдѣльно, внѣ связи общаго развитія личности и поэзіи. Но, и въ отдѣльности, можно-ли ограничиваться напр. о Il Convivio слѣдующими словами: «Позднѣе, въ своемъ сочиненіи Convito (Пиръ), гдѣ восторженно восхваляется философія, Данте отожествилъ свою вторую любовь или, какъ онъ ее называетъ, Madonna la Filosofia, съ предметомъ аллегорій Пира» (VIII)? Vita Nuova г-жа Чюмина пользуется только, какъ источникомъ для біографіи поэта, почти ничего не говоря о ея значеніи въ литературной жизни Данте. Такъ-же мало г-жа Чюмина знакомитъ читателя и съ политическимъ трактатомъ Данте De Monarchia. Совершенно опущенъ il Canzoniere, хотя упомянутъ сомнительный трактатъ De aqua et terra. Не безукоризненными кажутся намъ и замѣчанія о Божественной Комедіи. Правда, основные элементы поэмы — морально религіозный, политическій и личный—опредѣлены вѣрно. Но умѣстно-ли выраженіе, что «кромѣ этого значенія (т. е. морально-религіознаго) Божественная Комедія *затрагиваетъ* еще и

политическую сторону»? (стр. XIV). Правда-ли, что въ первыхъ кругахъ Ада находятся грѣшники, про которыхъ можно сказать: ихъ грѣхъ не унижаетъ ихъ, но они все-таки должны *искупить* его? Въ итогѣ, мы не думаемъ, что-бы предисловіе г-жи Чюминой достигало своей цѣли. Въ новомъ изданіи его необходимо переработать въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки о Данте и устранить нѣкоторые промахи изложенія.

III.

Въ своемъ переводѣ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: вмѣсто терцинъ съ ихъ строго-замкнутымъ и желѣзнымъ построеніемъ передъ нами пяти и шестистопный (въ Раѣ) ямбъ, риѳмованный, но безъ опредѣленнаго порядка. Мы боимся рѣшительно высказать свое мнѣніе, но намъ кажется, что этотъ видъ ямба мало свойственъ русскому языку. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство до извѣстной степени уменьшаетъ достоинство перевода г-жи Чюминой, особенно если припомнить превосходный переводъ Мина, гдѣ сохраненъ размѣръ подлинника. Вмѣсто сжатаго, лапидарнаго стиля Данте у г-жи Чюминой очень часто вялые, растянутые стихи. Но повторяемъ, небудучи поэтомъ, мы боимся вдаваться въ тонкую область метрики и соотвѣтствія размѣровъ. Достаточно отмѣтить, что размѣръ подлинника не соблюденъ. Это позволяетъ примѣнить къ переводу гораздо болѣе строгія требованія: вѣдь г-жа Чюмина не была стѣснена стихотворной формой, и къ ея услугамъ было все богатство русскаго языка, все разнообразіе комбинацій, допускаемыхъ ямбомъ съ вольною разстановкою риѳмъ. Отмѣтимъ же то, что мы считаемъ промахами г-жи Чюминой.

а) *Стихосложеніе.* И здѣсь ихъ приходится указать довольно много. То размѣръ не выдержанъ съ достаточнымъ напряженіемъ, такъ что метрическая природа стиха едва замѣтна. То звуковыя сочетанія, входящія въ составъ стиха, представляются недостаточно гармоническими. То, наконецъ, самая струк-

тура стиха вялая и безжизненная. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Рай XVI, 69.

Къ паденью пришли, и гаснутъ безъ слѣда.

Чистилище, IX, 134.

Не два, а три *сіяющія ока*.

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю *родиться рокъ* судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые *сіявшимъ свыше свѣтомъ*.

b) *Построеніе фразъ, синтактическіе промахи, неправильные обороты* и т. д. Въ этой области г-жа Чюмина не всегда на должной высотѣ. Посреди ея рѣчи, въ общемъ правильной и плавной, попадаются обороты рѣзкіе и неуклюжіе, которыхъ мы не желали-бы видѣть въ переводѣ столь величественнаго и выдержаннаго произведенія, какъ Божественная Комедія. Какъ-то странно слышать въ устахъ Данте, Вергилія, Беатриче или кого-нибудь изъ обитателей загробнаго міра, отзвуки современной, иногда вовсе не изящной рѣчи. Напр. Адъ V, 64 и слѣд.

Я состраданье въ сердцѣ ощутилъ
Безмѣрное, узнавъ въ собраньи этомъ
Мнѣ названныхъ по имени поэтомъ
Такъ много славныхъ рыцарей и женъ.

Нѣсколько ниже —

Наставникъ мой, дозволишь-ли со словомъ
Участія ты обратиться мнѣ
Вонъ къ той четѣ, парящей въ вышинѣ.

Рѣчь, какъ извѣстно, идетъ о Франческѣ и Паоло. Вергилій отвѣчаетъ:

останови
Ихъ именемъ связавшей ихъ любви.

Попадаются и два творительныхъ падежа рядомъ, обычная безграмотность современной русской книги. Напримѣръ, Чистилище XII, 65 — 66.

Вергилій шелъ опасной стороной
Надъ бездною, зіявшей глубиной.

Чистилище I, 59, *per sua follia* переведенъ — *Благодаря* его дѣяньямъ безразсуднымъ. Едва-ли *благодаря* здѣсь на мѣстѣ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ такихъ некрасивыхъ стиховъ изъ Рая, который — отмѣтимъ кстати — вообще переведенъ лучше Ада и Чистилища; XIX, 131 — 132.

Который совершилъ презрѣннѣйшій скупецъ,
Имѣющій престолъ на островѣ вулкановъ.

XXI, 103.

Я холодъ выносилъ съ жестокою жарой.

XXII, 139—142.

Воспламененною Латоны дщерь предстала
Лишенной тьми той, которая дала
Мнѣ поводъ заключать о томъ, что состояла
Она изъ плотныхъ тѣлъ и жидкихъ.

Но обозначенныя группы промаховъ не самыя существенныя. Важнѣе то, что г-жа Чюмина порою очень вольно обращается съ самымъ текстомъ поэмы. Дѣйствительно

с) *пропуски и сокращенія* въ ея переводѣ настолько часты, что нѣтъ возможности перечислить хотя-бы самые главные изъ нихъ: г-жа Чюмина производитъ ихъ щедрою рукой. Иногда трудно понять, что было причиной напр. того или другого пропуска, потому что не руководилась же г-жа Чюмина постояннымъ

желаніемъ облегчить себѣ работу, вовсе не переводя трудныхъ мѣстъ. Иной разъ приходитъ въ голову, что переводъ сдѣланъ не прямо съ итальянскаго, и что между г-жей Чюминой и Данте стоялъ какой-то отдаленный пересказъ, сдѣланный на третьемъ языкѣ. Г-жа Чюмина выпускаетъ цѣлыя фразы, иногда заключающія законченную мысль, иногда служащія только для перехода и связи отдѣльныхъ эпизодовъ и аргументовъ. Нерѣдко исчезаютъ въ переводѣ столь поэтическія сравненія Данте, звучные и полные смысла эпитеты, чудныя лирическія изліянія и т. д. Повторяемъ, перечислить всѣхъ промаховъ и недосмотровъ г-жи Чюминой въ этой области невозможно. Напр. въ IV-ой пѣсни Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой — 7; въ XXVI-ой, которая, по нашему мнѣнію, переведена лучше другихъ,—7 и т. д. Въ II-ой пѣснѣ Ада, которая такъ важна для пониманія всей поэмы, цѣлыхъ 9.

Но сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣе щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова, и даже цѣлыя фразы. И очень часто это дѣлается для того, чтобы соблюсти размѣръ, дать необходимую риѳму и т. д. Подобнаго рода chevilles, большею частью малозначащія и даже вовсе не подходящія слова, портятъ переводъ г-жи Чюминой, дѣлаютъ его водянистымъ и иногда вульгарнымъ. Само собою понятно, что эти прибавки не служатъ къ выясненію или украшенію Дантова текста. Особою симпатіей переводчицы пользуются слова вродѣ—неизбѣжно, неизмѣнно, неуклонно и т. д. Довольно обычное явленіе, что одному стиху подлинника соотвѣтствуютъ въ переводѣ два или три. Попадаются слова и стихи, на которые рѣшительно ничто въ подлинникѣ не намекаетъ. Напр. въ Чистилищѣ II, 74 —

О призраки, доступные для зрѣнья!

Трудно догадаться, что̀ соотвѣтствуетъ этимъ словамъ въ подлинникѣ. Нѣсколько ниже въ той же пѣсни, ст. 79—80

и обнималъ
лишь воздухъ я.

И этихъ словъ въ подлинникѣ не имѣется. Въ Чистилищѣ IV, 4—5

Раздвоиться не можетъ
У насъ душа.

И эту фразу безполезно искать въ итальянскомъ текстѣ. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ: въ IX-ой пѣсни Чистилища прибавленій — 11; въ XIV-ой—4; въ XXII пѣсни Рая — 5 и т. д.

d) Не менѣе велико число *неточностей*. Онѣ — самое больное мѣсто перевода и всего чаще возбуждаютъ мысль о какомъ-то посредникѣ между переводчицей и Данте. Перечислить ихъ всѣ заняло-бы слишкомъ много времени и мѣста; затруднительно назвать даже главнѣйшія изъ нихъ. Иногда эти неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэмѣ Данте особый отпечатокъ, нарушаютъ ея строгое единство и гармонію. Возьмемъ напр. XI-ую пѣснь Чистилища. Стихи 31—33 читаются въ подлинникѣ —

Se di là sempre ben per noi si dice,
Di quà che dire e far per lor si puote
Da quei c'hanno al voler buona radice.

У г-жи Чюминой они переданы —

О если такъ за насъ они молились,
То какъ за нихъ должны молиться тѣ,
Кто самъ стоитъ на должной высотѣ!

Въ переводѣ пропущено противупоставленіе двухъ міровъ— здѣшняго и загробнаго, — выраженное у Данте словами di quà — di là. Кромѣ того «стоитъ на должной высотѣ» едва ли соотвѣтствуетъ словамъ подлинника — Da quei c'hanno al voler buona

radice. Въ той же самой пѣсни, ст. 76—78, которые читаются —

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava,

переданы у г-жи Чюминой —

и я, вглядѣвшись ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о живописцѣ Одеризи да Губбіо. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта, подобаетъ потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (tutto chin andava). Г-жа Чюмина перемѣняетъ роли, и получается невозможное положеніе. Въ третьей пѣсни Чистилища (ст. 112 и слѣд.) Манфредъ, король Сициліи, обращается къ Данте со слѣдующей просьбой:

Ond'io ti prego che, quando tu riedi,
Vadi a mia bella figlia, genitrice
Dell' onor di Cicilia e d'Arragona,
E dichi a lei il ver s'altro si dice.

Г-жа Чюмина переводитъ —

земную
Не кончивъ жизнь, вернешься ты въ родную—
Италію.

Въ русской передачѣ слова Манфреда какъ-бы получаютъ характеръ предсказанія. Въ подлинникѣ сказано безъ всякихъ обиняковъ — quando tu riedi, т. е. когда ты вернешься. Въ той же самой пѣсни послѣдній стихъ

Chè qui per quei di là molto s'avanza

переданъ у г-жи Чюминой

молитвы ихъ бываютъ намъ отрадны.

Дѣло не въ отрадѣ, а въ томъ, что молитвы живыхъ сокращаютъ срокъ пребыванія въ преддверіи Чистилища. Здѣсь сильно подвигаемся впередъ молитвами тѣхъ, кто тамъ, т. е. на землѣ — вотъ точная передача смысла итальянскаго стиха.

е) За неточностями слѣдуетъ *невѣрный переводъ* словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Чистилище XXIX, ст. 59—60

all' alte cose
che si moveano incontra a noi si tardi,
che foran vinte da novelle spose,

у г-жи Чюминой —

Свѣтильники къ намъ приближались плавно,
Напомнивъ мнѣ походку юныхъ женъ.

Вѣрный переводъ былъ бы: (онѣ) двигались на встрѣчу намъ такъ медленно, что быстротою ихъ побѣдили бы даже *молодыя*. Далѣе, ст. 63-й —

E ciò che vien di retro a lor non guardi

у г-жи Чюминой переведенъ

Не видишь ты того, что въ немъ сокрыто.

24 старца, о которыхъ рѣчь въ этомъ стихѣ, идутъ не *въ свѣтильникахъ*, а *за ними*. Въ пѣсни XXX, стихъ 100-й

Ella, pur ferma in su la detta coscia,

т. е. она, стоя твердо на краю колесницы, у г-жи Чюминой—

Тутъ Беатриче, *выступивъ впередъ*.

Адъ VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all' alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рвовъ, у г-жи Чюминой —

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Объ адскихъ вратахъ рѣчь шла много раньше!

f) Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно и неточно, г-жа Чюмина не можетъ, конечно, избѣгнуть и нѣкоторой *неясности* въ своей передачѣ. И за это читатель не поблагодаритъ: въ текстѣ Данте довольно и собственной темноты. Особенно много неясностей получается оттого, что г-жа Чюмина не заботится о точной передачѣ подлинника. При чтеніи ея работы постоянно приходится отмѣчать: неясно, потому что неточно. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Адъ VIII, 52 и слѣд. Данте высказываетъ желаніе, что бы Филиппо Ардженти потонулъ прежде, чѣмъ они перейдутъ мутныя воды —

Maestro, molto sarei vago
Di vederlo attuffare in questa broda
Prima che noi uscissimo del lago.

Въ переводѣ —

Но *прежде, чѣмъ достигнемъ мы конца* —
Промолвилъ я — *паденье гордеца*
Увидимъ-ли, чья тѣнь въ геенну канетъ.

Какое паденье? Какая геена? Какого конца достигнутъ путники? Все это неясно, потому что неточно соотвѣтствуетъ тексту. Въ Чистилищѣ, XXIV, 16—18, Данте влагаетъ въ уста Форезе Донати —

Qui non si vieta
Di nominar ciascun, da ch'è si munta
Nostra sembianza via per la dieta.

т. е. здѣсь не воспрещается называть каждаго по имени, по-

тому что голодъ почти уничтожилъ нашъ обликъ. Не назовешь человѣка, его нельзя будетъ узнать: мысль простая и ясная. У г-жи Чюминой стоятъ не вполнѣ понятные стихи —

Но голодъ здѣсь такъ искажаетъ сходство,
Что всѣхъ могу назвать передъ тобой.

Послѣ первой строчки мы ожидали бы услышать: я никого не могу назвать здѣсь. Въ другихъ случаяхъ неясность зависитъ отъ пропусковъ, растянутости или невѣрнаго перевода, но мы уже не станемъ болѣе приводить примѣровъ.

IV.

Таково общее впечатлѣніе отъ перевода г-жи Чюминой. Остановимся теперь нѣсколько болѣе подробно на эпизодѣ съ Каччьягвидой, котораго г-жа Чюмина напрасно называетъ Каччьягвиди. Встрѣча съ предкомъ описана въ пѣсняхъ XV—XVII Рая. Каччьягвида находится на планетѣ Марсъ вмѣстѣ съ другими подвижниками за вѣру. Между прочимъ Кагчьягвида произноситъ три длинныя тирады — о старой Флоренціи, о Флоренціи современной, и объ изгнаніи, которое выпадетъ на долю Данте. Первый отрывокъ соотвѣтствуетъ стихамъ 97—129 XV-ой пѣсни. Г-жа Чюмина передаетъ эту тираду въ 37 стихахъ своего перевода. Можно указать у ней 7 неточностей и 3 некрасиво переведенныхъ мѣста. Стихи 97—99 у Данте—

Fiorenza, dentro dalla cerchia antica,
Ond'ella toglie ancora e terza e nona,
Si stava in pace sobria e pudica.

т. е., Флоренція въ своихъ древнихъ стѣнахъ, откуда и нынѣ раздается ударъ колокола въ третій и девятый часъ, жила мирно, умѣренно и стыдливо. Рѣчь идетъ о старинной церкви (La Badia), стоявшей на древнихъ стѣнахъ Флоренціи; въ этой церкви колоколъ ударялъ третій, девятый и всѣ прочіе часы, по которымъ и рас-

предѣлялась жизнь города. У г-жи Чюминой стоитъ нѣсколько иначе —

Въ тѣ дни Флоренція простую жизнь вела
Подъ сѣнью той стѣны, гдѣ въ третьемъ и девятомъ
Часу сзывали весь народъ колокола
Къ молитвѣ и труду.

Минуя другія неточности въ стихахъ 101 — 102, 108, 112—114, 116—117 и 123, отмѣтимъ некрасивые стихи:

И не былъ превзойденъ въ то время Монтемало
Учеллатойею въ величьи и красѣ;
Лишь о веретенѣ заботились и пряжѣ;
Про Фіезоле рѣчь за прялкою вели.

Въ XVI-ой пѣсни ст. 34 — 154 Каччьягвида продолжаетъ рѣчь о Флоренціи, о знатныхъ, нѣкогда процвѣтавшихъ фамиліяхъ, о паденіи города и т. д. Этотъ отрывокъ одинъ изъ наиболѣе слабыхъ въ передачѣ г-жи Чюминой. Здѣсь можно насчитать болѣе 20 неточностей, около 17 невѣрно переведенныхъ мѣстъ, многочисленныя сокращенія и прибавки. Укажемъ нѣсколько невѣрно переданныхъ стиховъ. Въ эпоху Каччьягвиды жителей во Флоренціи было въ пять разъ меньше, чѣмъ въ 1300 г., когда происходилъ разговоръ Данте и Каччьягвиды. Это высчитывается тѣмъ соображеніемъ, что при Каччьягвидѣ было въ пять разъ меньше людей, способныхъ носить оружіе, чѣмъ при Данте. Стихи 46—48 читаются

Tutti color ch'a quel tempo eran ivi
Da poter arme, tra Marte e il Batista,
Erano il quinto di quei che son vivi.

У г-жи Чюминой —

Всѣ тѣ, кто могъ ходить съ оружьемъ на враговъ
И оставался твердъ предъ грознымъ ихъ напоромъ,

Тѣ были пятою лишь частью горожанъ;
Стояли домы ихъ межъ Марсомъ и Соборомъ.

Пятою частью какихъ горожанъ: теперешнихъ или тогдашнихъ? Что значитъ: межъ Марсомъ и Соборомъ? Въ этихъ предѣлахъ жили древніе воины Флоренціи, или это просто граница стараго города? Передача этихъ строкъ у г-жи Чюминой и неточна, и неясна, и невѣрна. Вспоминая старинныхъ обитателей Флоренціи, Каччьягвида между прочимъ называетъ фамилію Равиньяни (i Ravignani), которые жили у воротъ св. Петра —

Sopra la porta
Erano i Ravignani ст. 94—97.

По переводу выходитъ, что

Въ тѣ годы изъ той высокой двери
Явились..... когда-то Равиньяни.

Далѣе Каччьягвида говоритъ, что всѣ знатные, происходившіе отъ Гуго Великаго, имъ же были посвящены въ рыцарское достоинство (ст. 127—130). У г-жи Чюминой

Всѣ дворяне той земли
Отъ славнаго Гуго барона родъ вели.

Въ подлинникѣ такъ ясно:

Da esso ebbe milizia e privilegio!

Въ XVII-й пѣсни, которая переведена значительно лучше двухъ предыдущихъ, Каччьягвида предсказываетъ Данте его судьбу (ст. 43—92). Это едва-ли не самые извѣстные стихи изъ всего произведенія: какой писатель, какой ораторъ не цитировалъ ихъ! Поэтому здѣсь мы вправѣ требовать отъ переводчика наибольшаго старанія и внимательности. И ожиданія наши почти обмануты г-жей Чюминой! Въ пятидесяти строкахъ у ней 11 неточностей, 3 прибавки, 1 сокращенье, 4 некрасивыхъ стиха и

1 невѣрно переведенное мѣсто. Стихи о ничтожныхъ спутникахъ Данте —

E quel che più ti graverà le spalle
Sarà la compagnia malvaggia e scempia,
Con la qual tu cadrai in questa valle,
Che tutta ingrata, tutta matta ed empia
Si farà contra te; ma poco appresso
Ella, non tu, n'avrà rossa la tempia.
Di sua bestialitate il suo processo
Farà la prova, si che a te fia bello
Averti fatta parte per te stesso.

у г-жи Чюминой —

Но будетъ *бременемъ несноснѣйшимъ изъ всѣхъ*
Собраніе людей *пустыхъ и тупоумныхъ*;
Они, *за доброту отплачивая зломъ*,
Возстанутъ на тебя въ стремленіяхъ безумныхъ,
Но съ окровавленнымъ останутся челомъ (?).
Ихъ грубость худшее для нихъ же осужденье,
По счастію отъ нихъ ты будешь въ отдаленьи.

Стихи о чужомъ хлѣбѣ и чужой лѣстницѣ —

Tu proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e il salir per l'altrui scale —

у г-жи Чюминой —

И ты извѣдаешь, какъ хлѣбъ чужой намъ солонъ,
И какъ дорога намъ бываетъ тяжела
По лѣстницамъ чужимъ, когда печали полонъ
Спускаться долженъ ты и восходить по нимъ.

V.

Мы полагаемъ, что на предыдущихъ страницахъ собрано достаточно матеріала, чтобы судить о переводѣ г-жи Чюминой. По-

этому считаемъ излишнимъ останавливаться на анализѣ другихъ пѣсенъ поэмы, особо важныхъ для ея пониманія. (Напр. Адъ I—II, послѣднія пѣсни Чистилища и т. д.). Мы читали переводъ г-жи Чюминой съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, но впечатлѣніе было вездѣ одинаковое, не вполнѣ благопріятное для переводчицы. Не хотимъ, однако, огульно осуждать ея работу. Справедливость требуетъ указать, что есть не мало мѣстъ, переданныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переведенныя значительно лучше другихъ: напр. Рая XVIII, XIX, XX, XXI, Чистилища пѣснь XXVI-ая и т. д. Есть много удачныхъ переводовъ отдѣльныхъ стиховъ и тирадъ. Напр. Чистилища XXVII, 109—111

Забрежжило межъ тѣмъ зари мерцанье,
Которое тѣмъ путнику милѣй,
Чѣмъ ближе онъ къ родной землѣ своей.

И такихъ недурныхъ мѣстъ можно было бы указать очень много.

Да и вообще не слѣдуетъ забывать мудраго изрѣченія—

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.

Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, нужны рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Переводъ можетъ выйти не всегда удачнымъ, но затрата силъ и энергіи никогда не теряется вполнѣ. Г-жа Чюмина даетъ читателю неточный образъ великаго поэта, но очень и очень многое о трехъ царствахъ загробнаго міра можно узнать и при ея посредствѣ. Вотъ почему мы полагаемъ что Академія поступитъ вполнѣ справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой *достойной почетнаго отзыва.*

Приватъ-доцентъ С.-Петерб. Университета
Д. К. Петровъ.

Озерки 25/26 Августа 1905.

III.

Эдуардъ III. Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ В. С. Лихачева.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитростное, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подъ силу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполнѣ, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ не много. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь реторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сц. 1, ст. 111 сл.; д. II, сц. 2, ст. 432 сл.[1]) даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлин-

---

1) Цитата по изданію King Edward III, revised and edited etc. by K. Warnke and L. Proescholdt, Halle, 1886.

никѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы передача слѣдующаго мѣста, быть можетъ, самаго красиваго въ произведеніи (д. I, сц. 2, ст. 141—161):

Let not thy presence, like the Aprill sunne,
Flatter our earth, and sodenly be done.
More happe do not make our outward wall,
Then thou wilt grace our inner house withall.
Our house, my liege, is like a Country swaine,
Whose habit rude and manners blunt and playne
Presageth nought; yet inly beautified
With bounties riches and faire hidden pride.
For, where the golden Ore doth buried lie,
The ground, vndeckt with natures tapestrie,
Seemes barrayne, sere, vnfertill, fructles, dry;
And where the vpper turfe of earth doth boast
His pide perfumes and party — colloured cost,
Delue there, and find this issue and their pride
To spring from ordure and corruptions side.
But, to make vp my all too long compare,
These ragged walles no testimonie are,
What is within; but, like a cloake, doth hide
From weathers Waste the vnder garnisht pride.
More gratious then my tearmes can, let thee be;
Intreat thy selfe to stay a while with mee.

Г. Лихачевъ переводитъ это мѣсто такъ:

Не будь же, государь, апрѣльскимъ солнцемъ,
Что землю приласкаетъ и исчезнетъ!
Наружныхъ стѣнъ коснулся отблескъ твой —
Такъ пусть же онъ и внутреннихъ коснется.
Нашъ домъ на простолюдина похожъ:
Подъ грубой, неприглядной оболочкой,

Такъ мало обѣщающей, таится
Сокровищница доблести завѣтной.
Гдѣ золото въ землѣ погребено,
Тамъ почва лишена красы природной,
И кажется засохшей и безплодной;
А гдѣ благоуханной пестротой
Тщеславится земля — снимите слой:
Увидите, что все ея цвѣтенье —
Гніющихъ нечистотъ произведенье.
Безъ дальнихъ словъ, по виду стѣнъ моихъ
Нельзя судить о внутренности ихъ;
Какъ въ непогоду плащъ, онѣ защитой
Лишь служатъ для красы, за ними скрытой.
Такъ помоги же мнѣ, властитель мой,
Склонить тебя чтобъ побылъ ты со мной!

Если бы не было необычнаго ударенія простолю́дина, переводъ нельзя было бы не признать безукоризненнымъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ переводѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сц. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ. Эту затѣю г. Лихачевъ вполнѣ воспроизвелъ въ двухъ мѣстахъ — въ дѣйствіи II, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (ст. 155, сл.): And let me have her likened to the sun etc. и въ словахъ графини (ст. 222 сл.) If on my beauty etc., но оставилъ безъ вниманія не менѣе яркій образецъ въ томъ же дѣйствіи, сц. 1, въ монологѣ Людовика: If she did

blush, twas tender modest shame etc., (ст. 14 сл.), а также въ дѣйствіи IV, сц. 4 въ словахъ принца (ст. 149, сл.): Ah, good oldeman etc., гдѣ нѣсколько разъ поставлены въ концѣ стиха life и death, и не вполнѣ воспроизвелъ въ отвѣтѣ графини въ дѣйствіи II. сц. 1: As easie may etc. (ст. 235, сл.).

За то г. Лихачевъ отлично передаетъ другія изощренія автора. Нельзя, напримѣръ, не признать очень удачно переведенными слѣдующія мѣста:

(д. II, сц. 1, ст. 151—153):

I did not bid thee talke of chastitie,
To ransack so the treasure of her minde:
For I had rather haue her chased, then chast.

Г. Лихачевъ переводитъ такъ:

Скромнѣй! Я не велѣлъ тебѣ копаться
Въ ея душѣ. Мнѣ было бы пріятнѣй
Скоромницу, чѣмъ скромницу въ ней видѣть.

Тоже дѣйствіе, сц. 2 (ст. 31—34):

Audley. I haue, my liege leuied those horse and foote
According to your charge, and brought them hither.
King. Then let those foote trudge hence vpon those horse
According to our discharge, and be gone.

Въ переводѣ г. Лихачева:

Одлей. По вашему приказу, и пѣхота
И конница готовы, государь.
Эдуардъ. По нашему отказу, пусть пѣхота
На четырехъ ногахъ обратно скачетъ.

Пропускъ въ переводѣ сдѣланъ г. Лихачевымъ только одинъ. Въ д. I, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (передъ входомъ Монтегю) пропущена фраза: Now, Lords, our fleeting Barke is vnder sayle (ст. 118).

Наоборотъ, въ д. III, сц. 2, въ словахъ 2-го француза (ст. 5, сл.) переводчикъ отъ себя прибавляетъ:

не переѣлъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Вставка эта, однако, вызвана желаніемъ передать игру словъ подлинника:

One. What, is it quarter-daie that you remoue
And carrie bag and baggage too?
Two. Quarter-day? I, and quartering day, I feare etc.

Г. Лихачевъ переводитъ эту игру словъ слѣдующимъ образомъ:

1 фр. Иль нынче день завѣтный—
Изъ дома въ домъ обычный переѣздъ?
2 фр. Да, переѣздъ! Боюсь, не переѣлъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Это отклоненіе самое крупное изъ всѣхъ, какія дозволилъ себѣ г. Лихачевъ. Оно не служитъ въ ущербъ переводу, но наглядно свидѣтельствуетъ, съ какой добросовѣстностью переводчикъ относился къ своей работѣ.

А. Гиляровъ.

IV.

Е. Милицына. Разсказы. I. 1905. Москва.

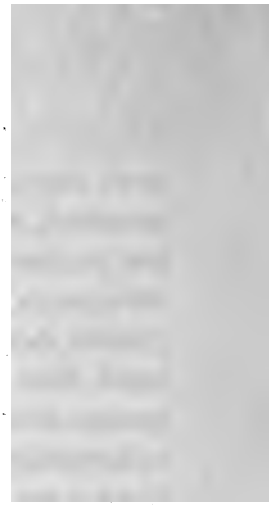
«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачастую и общій прикрашенный колоритъ, и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разсказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же здѣсь мы находимъ любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затянутаго, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, не только близко знакомаго съ этою жизнью, но, видимо, съ нею сжившагося, все это разнообразіе сводится къ такимъ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, которыя, почти опостыли въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни его серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ отъ безплодной сантиментальности, отъ унынія жестокой канители, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разсказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни у насъ доселѣ стоятъ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, и еще никому не удалось представить въ новѣйшей русской литературѣ новыхъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ народной жизни, художественныхъ опытовъ. Въ разсказахъ Милицыной мы встрѣчаемъ, однако, рядъ попытокъ заглянуть въ эти интимныя сто-

роны народной души, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ авторъ пытается раскрывать эти внутреннія стороны душевной жизни, построены въ интеллигентныхъ сферахъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками: преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ обычными пріемами фельетоновъ: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и т. п.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью искренняго чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сантиментальности, нервнаго надрыва и другихъ пріемовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполнѣ справедливымъ удостоить книгу разсказовъ Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Н. Кондаковъ.



СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 6.

Н. Лихачевъ.

ПИСЬМО ПАПЫ ПІЯ V

КЪ

ЦАРЮ ИВАНУ ГРОЗНОМУ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ

О ПАПСКИХЪ БРЕВЕ.

(ЭТЮДЪ ПО ДИПЛОМАТИКѢ ПАПЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1906 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *О. Ольденбургъ*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

УЧРЕЖДЕНІЯ ПОСТА УЧЕНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ВЪ РИМѢ.

Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве.

(Этюдъ по дипломатикѣ папъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ счастливый случай далъ мнѣ возможность пріобрѣсти интересный документъ, касающійся сношеній Россіи съ Римомъ во время папы Пія V.

7-го января 1566 года на папскій престолъ былъ избранъ Михаилъ Гизлери, принявшій имя Пія V. Обновившійся въ страстной борьбѣ съ потрясшимъ его протестантствомъ, католицизмъ выставилъ одного изъ своихъ передовыхъ бойцовъ. Пій V ушелъ въ монастырь мальчикомъ; монахъ не по стеченію обстоятельствъ, а по глубокому внутреннему влеченію, онъ быстро прославился чистотою жизни и аскетизмомъ. Удары, постигшіе католическую церковь, отразились на юношѣ — изъ аскета, поглощеннаго мечтами о царствіи небесномъ, выковался пламенный борецъ за земное царство намѣстника Христа. Воинствующимъ монахомъ остался Пій V и на папскомъ престолѣ. Изможденный старецъ съ длинной, бѣлой какъ снѣгъ бородою — онъ обладалъ юношеской энергіей и не зналъ колебаній. Мѣры по исправленію клира католической церкви, мѣры противъ распространенія ересей принимались съ необыкновенной быстротой и горячностью. Въ борьбѣ за престижъ папской власти новый папа не зналъ компромиссовъ — онъ готовъ былъ вызвать на бой цѣлый міръ. Проявляя кипучую дѣятельность въ самымъ разнообразныхъ сферахъ, Пій V особенно былъ занятъ идеей всеобщаго союза христіанскихъ государей противъ турокъ. Совершенно понятно, что мысль присоединить къ лигѣ Европейскихъ властителей могу-

щественнаго московскаго царя въ это время получила особенное развитіе, тѣмъ болѣе, что вернувшійся изъ Польши въ 1568 году папскій нунцій Джуліо Руджіери въ своемъ отчетѣ засвидѣтельствовалъ враждебность царя къ лютеранству[1]). Пій V поручилъ папскому нунцію въ Польшѣ Винченцо даль Портико войти въ сношеніе съ Московскимъ государемъ и, буде возможно, принять на самого себя посольскую миссію къ Ивану Грозному. Посольство это, какъ извѣстно, не состоялось, ему противодѣйствовало польское правительство, да и самъ нунцій, напуганный разсказами о свирѣпости тирана Московіи, постарался убѣдить папское правительство въ несбыточности его проекта. Отъ предполагавшагося посольства осталось лишь нѣсколько документовъ по перепискѣ Рима съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ и сохранился текстъ посланія папы къ царю. Этотъ текстъ напечатанъ Тейнеромъ по подлиннымъ регистрамъ Ватиканскаго архива въ довольно громоздкомъ изданіи, посвященномъ польской исторіи[2]) и ни разу не былъ переизданъ въ русскихъ сборникахъ. Посланникомъ папскимъ поименованъ самъ папскій нунцій: «Vincentius Porticus Notarius noster et apud Serenissimum Poloniae Regem noster ac Sedis Apostolicae Nuncius». Мнѣ удалось по печатному каталогу одного неаполитанскаго антиквара (Casella) купить самый оригиналъ папскаго письма, адресованнаго къ московскому царю. Въ виду чрезвычайной рѣдкости и историческаго интереса подобнаго дипломатическаго подлинника прилагаемъ фототипическій снимокъ (см. таблица I) и печатаемъ текстъ посланія:

·⁘· Pius $\overline{PP}$. V^{s} ·⁘·

Dilecte fili, nobilis vir, salutem et apostolicam benedictionem. Non dubitamus in Nobilitatis tuae notitiam perlatam esse, quali

---

1) P. Pierling (S. J.): «La Russie et le Saint-Siège», t. I (1896), 383 и слѣд.

2) A. Theiner: «Vetera monumenta Poloniae et Lituaniae». Tomus secundus (Romae. 1861. In folio), № DCCXCVI, p. 748—749. Помѣта источника: «Ex Reg. orig. An. V. Brev. Tom. XV, fol. 195».

quantoque maritimarum terrestriumque copiarum apparatu immanissimus Turcarum tyrannus bellum hoc anno contra Rempublicam Christianam gerendum susceperit, immo potius hoc ipso tempore iam gerat, cum et[1]) maxima classe instructa Cyprum Venetorum insulam oppugnet et ingentibus quoque terrestribus copiis comparatis Christianae ditionis Regnis atque Imperio interitum atque exitium minitetur. Quibus tot tantisque periculis nobis et huic Sanctae Sedi Apostolicae et uniuersae Christianorum Reipublicae impendentibus commoti, necessarium esse duximus Reges omnes ac Principes Christianos ad ineundum aduersus communem hostem nobiscum foedus excitare, ut enim eorum uires disiunctas atque dispersas potentissimorum Turcarum uiribus pares esse non posse intelligimus; ita coniunctas et consociatas non desperamus, eiusdem atrocissimae gentis uim atque impetum frangere posse: cuius quidem consilii nostri auctoritatem Charissimus in Christo filius Hispaniarum Rex catolicus et dilectus itidem filius nobilis uir[2]) Aloisius Venetiarum Dux, Senatusque Venetus secuti, nobiscum per procuratores suus foedus aduersus eundem Turcarum tyrannum inierunt, speramusque serenissimum Maximilianum, Ungariae[3]) ac Bohemiae regem, in Imperatorem electum et charissimum nobis in Christo filium, Carolum, Regem Francorum[4]), paternis nostris hortationibus excitatos in eiusdem foederis societatem esse uenturos. Ad huius autem sanctissimi gloriosissimique foederis societatem uisum nobis est Nobilitatem quoque tuam inuitare, illam, prout hisce nostris litteris facimus, hortantes, ut arma, quibus se populosque sibi subiectos Deus omnipotens tantopere excellere voluit, pro Christianorum communis salutis defensione aduersus Turcas nobiscum et cum coeteris christianis Principibus capere uelit: quod si fecerit, speramus, quae tua populorumque tibi subditorum militaris est uirtus ac potentia, magnas nobis esse

1) Въ текстѣ Theiner'a — союзъ «et» пропущенъ.
2) Ibidem — «noster» вмѣсто «nobilis vir».
3) Ibidem «Hungariae».
4) Ibidem «Francorum regem».

accessuras uires ad comunis[1]) omnium christianorum hostis impetum ac uires debilitandas ac labefactandas: quanta enim sit potentiae tuae magnitudo, quanta sit gentis tuae in militaribus rebus fortitudo, non ignoramus. Quam quidem ad rem primum innata sibi uerae gloriae cupiditas Nobilitatem tuam hortari, deinde propria etiam utilitas impellere debet: fallitur enim Nobilitas tua, si existimat auidissimam dominandi Turcarum gentem, nisi omnibus prius Regnis ac Potentatibus uel deletis, uel miserrima seruitute oppressis, unquam esse quieturam: hoc illi unum semper propositum fuit, hoc semper spectauit, et spectat, ut omnes quae ubique terrarum sunt nationes, omnia Regna, omnesque Principatus importuna quadam regnandi cupiditate in suam redigat seruitutem. Itaque nullum est in Occidentis partibus Regnum, nullus Potentatus quem non spe iam et cogitatione inuaserit atque subegerit: nam quia Christianos inter se Principes nunquam consensuros esse existimat, idcirco facile putat omnium illorum Regna ui atque armis sibi uindicare, et dum aliquibus Principibus bellum inferens, cum aliis interim amicitiam simulat, omnes opprimere et de medio tollere uult. Tibi autem populisque tuae ditioni[2]) subiectis eo magis ab ea gente periculum impendet, quo ab illius Imperio propius abes. Quae cum ita sint, Nobilitatem tuam hortamur, ut in praedicti foederis societatem uenire, et aduersus communem hostem Turcarum tyrannum communi consilio atque armis pium bellum gerere uelit, potius quam omnibus Regnis per eum sublatis, dum ad se quoque eiusdem incendii flamma perueniat, expectare. Quia uero certiores facti sumus, Nobilitatem tuam aliquando in animo habuisse huius Sanctae Romanae Ecclesiae proprium Religionis cultum amplecti, idcirco pollicemur ei[3]), nos si id fecerit, nulla paternae nostrae erga se uoluntatis indicia praetermissuros et quibuscunque[4]) cum Domino

1) Ibidem — «communis».
2) Ibidem — «dictioni» (!).
3) Ibidem — «ei pollicemur».
4) Ibidem — «quibuscumque».

poterimus officiis nostram illi beneuolentiam declaraturos [1]), quemadmodum Nobilitati tuae copiosius explicabit dilectus filius [2]) [. . . . .]: quem ad Nobilitatem tuam dedita opera uenire uoluimus: cuius orationi super omnibus quae sibi exponet, eandem fidem adhibeat [3]), quam nobis, si praesentes cum ea loqueremur, adhiberet, Nobilitatem tuam rogamus. Datum Romae apud S. Petrum sub annulo Piscatoris die IX. Augusti. M. D. LXX. Pontificatus Nostri Anno Quinto.

~: T. Aldobrandinus :~

Текстъ, напечатанный Тейномъ, имѣетъ лишь вербальныя отличія, изъ коихъ главныя — «noster» вм. «nobilis vir»; «dictioni» вм. «ditioni»; «declaramus» вм. «declaraturos» и «ut habeat» вм. «adhibeat», при чемъ, думается, разночтеніямъ нашего документа надо вездѣ отдать полное преимущество. Гораздо важнѣе пропускъ въ описываемомъ оригиналѣ имени посла (оставлено пустое пространство) и отсутствующая у Тейнера подпись: «T. Aldobrandinus». Въ настоящемъ состояніи акта онъ является незаконченнымъ бланкомъ, что вполнѣ объясняется словами папской инструкціи Винченцо даль Портико, которому предлагалось отправиться въ Москву, если онъ найдетъ это удобоисполнимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено было право избрать вмѣсто себя иного посла. Вотъ почему въ подлинномъ документѣ и былъ оставленъ пробѣлъ для имени. Что нашъ документъ оригиналъ объ этомъ свидѣтельствуетъ подпись: «T. Aldobrandinus».

Ѳома Альдобрандини, скончавшійся въ молодыхъ годахъ, ученый эллинистъ и тонкій знатокъ латинскаго языка, былъ однимъ изъ папскихъ секретарей. Несмотря на молодость, онъ занялъ

---

1) Ibidem — «declaramus».

2) Далѣе оставлено мѣсто для вписанія имени посланнаго. Въ текстѣ у Theiner'a имя это вписано: «Vincentius Porticus Notarius noster et apud Serenissimum Poloniae Regem noster ac Sedis Apostolicae Nuncius».

3) Ibidem — «ut habeat».

въ 1568 году важный постъ секретаря папскихъ бреве, то есть сталъ редакторомъ «латинскихъ писемъ»[1]). Тейнеръ называетъ печатаемые имъ акты — «epistolae», въ самомъ текстѣ папа пишетъ «prout hisce nostris litteris facimus» и мы озаглавили описываемый документъ письмомъ, но тѣмъ не менѣе обычное названіе такого папскаго письма есть — бреве. Тейнеръ и напечаталъ его по подлиннымъ реэстрамъ бреве — «Ex Reg. orig. An. V. Brev. Tom. XV, fol. 195». До сихъ поръ иногда встрѣчается формула — бреве *или* письма[2]), но это не совсѣмъ такъ. Надо избѣгать отожествленія, потому что существуютъ во первыхъ папскія письма на бумагѣ, съ подписью самого папы, и во вторыхъ въ дипломатикѣ извѣстенъ особый родъ «litterae latinae» («lettres latines») — жалованныхъ и льготныхъ грамотъ, составленныхъ на основаніи супликъ, поданныхъ папѣ. Такія по термину французскихъ дипломатистовъ, «les signatures en cour de Rome» редактировались «in stylo curiae» — на основаніи супликъ, заслушивались въ особой постоянной коммиссіи съ папой во главѣ и подписывались или самимъ папой словами

---

1) «Philippi Bonamicii de claris pontificiarum epistolarum scriptoribus» (Ed. II. Romae. 1770. 8°), стр. 254—255. Бонамичи приводитъ любопытное письмо, обрисовывающее важность поста, занятаго Альдобрандини: «All' Aldobrandino. Molto magnifico e reverendo signor come fratello. Veramente che il dolore che ho sentito de la perdita di Messer Giulio Poggiano, si è molto ben consolato dalla nuova, che hebbi dipoi dell'elezione, che haveva fatto N. Signore della persona di V. S. per suo secretario de'Brevi. Di che io ho sentito singular contento, cosi per l'onore, che ne viene a V. S. e per il testimonio, che ha dato Sua Santità del'opinione, che tiene de la molta virtù sua, come per servizio di quel loco importantissimo a la dignità di cotesta Santa Sede. Me ne rallegro con V. S. e con i fratelli suoi; a i quali ho sempre e desiderato e sperato ogni grandezza per il valore e meriti loro; e lei ringrazio de l'amorevole lettera sua, e de l'avviso, che ha voluto essa stessa darmi di ciò, e me le offero e raccomando. Di Vienna alli 23 di Decembre 1568» (въ I изд. 1753 года, см. стр. 264).

2) Въ старыхъ сочиненіяхъ даже въ формѣ поясненія. Напримѣръ: «In questo tempo scrisse il Papa li 15 di Giugno al Prete Gianni Re ed Imperator d'Etiopia *una Lettera o Breve*, il quale si conserva in originale presso de' nostri Carmelitani scalzi di S. Girolamo...» (Antonio Frizzi: «Memorie per la storia di Ferrara», t. III (Ferrara. 1793. 4°), p. 434). Jacobus Cohellius: «Notitia cardinalatus» (Romae. 1653), въ указателѣ: «Brevia appellantur literae Apostolicae».

«fiat ut petitur» съ прибавленіемъ первой буквы имени папы, которое онъ носилъ до вступленія на престолъ[1]), или въ неважныхъ случаяхъ уполномоченнымъ отъ папы прелатомъ, писавшимъ — «concessum ut petitur in praesentia domini nostri papae» съ прибавленіемъ собственной подписи[2]). Объ этихъ signatures en cour de Rome мы будемъ потомъ говорить подробно.

Общее наименованіе папскихъ документовъ «litterae apostolicae» распространялось и на отдѣльные виды актовъ, поэтому и бреве являются «litterae apostolicae in forma brevis», какъ это неоднократно и печаталось въ оригинальныхъ изданіяхъ подобныхъ памятниковъ[3]). Такъ какъ при этомъ «litterae» и «epistola» въ дипломатическомъ отношеніи отнюдь не тожественны, то тѣмъ болѣе основаній строго разграничить употребленіе терминовъ «бреве» и «письмо».

Терминъ «бреве» спеціализовался въ концѣ среднихъ вѣковъ для закрытыхъ папскихъ распоряженій и писемъ. Самое происхожденіе термина ясно (отъ «brevis», «breve»), но прилагался онъ

---

1) См. A. Giry: «Manuel de Diplomatique» (P. 1894. 8°), стр. 702: «On peut donc définir la signature de Cour de Rome un rescrit sur papier, dépourvu de sceau...». Въ актѣ повторяется содержаніе супплики, обыкновенно начинающейся обращеніемъ «Beatissime pater»; въ самомъ концѣ акта выставлена дата по способу отличному и отъ датировки буллъ и отъ датировки бреве — безъ имени папы и безъ означенія года отъ Р. Х. Напримѣръ — «dat. Rome apud Sanctum Petrum pridie id. Julii anno tertio». Старѣйшіе документы этого рода относятся, какъ утверждаетъ Giry, ко времени папы Сикста IV (1471—1484), образецъ отъ 10 іюня 1472 года воспроизведенъ въ изданіи «Recueil de Fac-Similés à l'usage de l'École des chartes», (II fasc.), № 67.

2) Другой прелатъ ставилъ свою надпись надъ текстомъ акта (подобные акты XVI ст. нерѣдки и, между прочимъ, имѣются въ моемъ собраніи).

3) Напримѣръ — летучее изданіе: «Litterae apostolicae in forma brevis concessae serenissimo principi et illustrissimo Dominio Venetorum circa facultatem Judicibus saecularibus attributam iudicandi contra Clericos, attrocia delicta committentes» (на заглавномъ листѣ картушъ съ гербомъ папы и годъ «M. D. XLII», мѣста печати нѣтъ, едва ли не Венеція, плакетъ in 4°, 3 ненумер. стр.)—содержитъ бреве папы Павла III, адресованное «Dilecto filio Nobili uiro Petro Lando Duci Venetiarum» и датированное — «Datum Romae apud Sanctum Petrum sub annulo Piscatoris di. XXVIII. Octobris. M. D. XLII. Pont. nostri anno octauo».

съ весьма ранняго времени къ нѣсколькимъ видамъ документовъ[1]). Два основныхъ типа актовъ, общіе всей Европейской дипломатикѣ, — «litterae patentes» («грамоты отворчатыя») и «litterae clausae» (lettere chiuse, lettres closes—«грамоты затворчатыя»), надо думать, употреблялись и папской канцеляріей съ глубокой древности, но относительно второго типа, то есть закрытыхъ писемъ, замѣчается недостатокъ свѣдѣній въ первоисточникахъ и отсутствіе старѣйшихъ оригиналовъ по причинѣ конечно того обстоятельства, что подобныя «litterae» отнюдь не содержали въ себѣ конституцій для всеобщаго свѣдѣнія и ad perpetuam rei memoriam, почему и хранились далеко не тщательно[2]).

---

1) Подробно объ этомъ — C. Paoli: «Programma scolastico di Paleografia latina e di Diplomatica», III. Diplomatica (Firenze. 1898. 8°).

2) Litterae clausae старѣйшаго періода (почти что вплоть до XIV вѣка) вообще представляютъ большую рѣдкость; сохранилось ихъ весьма незначительное число. См. W. Wattenbach: «Das Schriftwesen im Mittelalter» (Leipzig. 1896. 3 A.), p. 201 (отмѣчаетъ письмо 1180 года, изданное фотографіей Sickel'емъ въ «Monumenta Graphica»); Gersdorf: «Einige in der Universitätsbibliothek neuerdings aufgefundene Originalbriefe aus dem Anfange des 14 Jahrhunderts» — (въ «Berichte über die Verhandlungen der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», B. XXIV. 1872—стр. 91—102)— описалъ пять (и далъ плохой литограф. снимокъ съ двухъ изъ нихъ) подлинныхъ писемъ на пергаментѣ, найденныхъ имъ приклеенными къ деревянному переплету рукописи XII столѣтія. L. Schmitz — въ «Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung» [Band XXIV (1903), № 3] статью свою «Zwei Original-Briefe von c. 1188» начинаетъ словами: «Originale geschlossener Briefe haben sich bekanntlich aus dem früheren Mittelalter nur wenige erhalten. Aus dem 12. Jahrhundert sind bisher nur zwei Stück bekannt geworden, die der Zeit Friedrichs I angehören; und hier ist es noch nicht endgültig entschieden, ob man es tatsächlich mit Originalen zu tun hat». L. Schmitz подробно изслѣдовалъ способъ запечатанія найденнаго имъ (въ архивѣ въ Coesfeld) письма Конрада, архіепископа Майнцскаго. Письмо это, относящееся ко времени около 1188 года, было свернуто маленькимъ пакетомъ (3 × 5 сант.) и запечатано пергаменной ленточкой, пропущенной черезъ проколы, сдѣланные сквозь толщу пакета. На концахъ ленточки очевидно была привѣшена печать. Ни ленты, ни печати не сохранилось. L. Schmitz — говоритъ: «jedenfalls haben wir in dem Schreiben des Erzbischofs Konrad von Mainz an den Bischof Hermann von Münster einen der ältesten, wenn nicht sogar den ältesten bisher bekannt gewordenen im Original erhaltenen geschlossenen Brief vor uns, und darin beruht in erster Linie seine Wichtigkeit» (p. 352). Авторъ приложилъ фототипію письма какъ въ развернутомъ, такъ и въ сложенномъ видѣ. Имѣются однако документы и болѣе

Упоминанія о закрытыхъ и открытыхъ папскихъ документахъ мы найдемъ еще въ началѣ XIV столѣтія. Такъ въ 1317 г. Упсальскій каноникъ Nicholaus Sigwasti привезъ: «....Unam *lit-*

древніе (только не частные). Въ 1867 году Sickel замѣтилъ, что до насъ не дошло ни одного закрытаго письма эпохи Каролинговъ, въ 1901 году въ «Mélanges d'Archéologie et d'Histoire» (XXII a. № 2—3) Joseph Calmette въ статьѣ «Une lettre close originale de Charles le Chauve», указавъ что съ 1867 года въ литературѣ не появилось ничего, что бы измѣнило утвержденіе знаменитаго дипломатиста, пишетъ: «le document que je publie aujourd'hui est précisément une lettre close de Charles le Chauve empereur, dont j'ai eu la bonne fortune de retrouver l'original, inédit et parfaitement conservé, aux archives de la cathédrale de Barcelone». Драгоцѣнное письмо относится ко времени около 876 года и представляетъ сравнительно небольшой и неправильной формы кусокъ пергамена, который былъ сложенъ въ нѣсколько разъ въ небольшой пакетъ. На оборотѣ документа адресъ въ двѣ строки: «omnibus Barchinonensibus peculiaribus nostris», расположенный по обѣ стороны пакета. Авторъ подробно описываетъ способъ запечатанія: «Sur la foi d'un texte, Sickel avait admis que les lettres closes carolingiennes devaient être fermées à l'aide d'un fil scellé, comme le montrent des actes postérieurs émanés de la chancellerie apostolique. La conjecture est confirmée par l'examen de notre spécimen et même par la simple inspection du facsimile (verso). *Serré contre le parchemin* aux deux faces apparentes après le pliage, *le fil a laissé une trace continue et fort visible* entre les deux lignes dont se compose de part et d'autre l'adresse». Это описаніе однако несовсѣмъ ясно и не сходится ни съ запечатываніемъ папскихъ бреве нитью съ свинцовой буллой, ни съ запечатаніемъ позднѣйшихъ lettres closes, описаннымъ A. Giry (l. c., pp. 780—781). Замѣтка J. Calmette подверглась критикѣ въ «Bibliothèque de l'École des Chartes» (LXIII, №№ 5—6) — въ статьѣ Ph. Lauer'a: «Lettre close de Charles le Chauve pour les Barcelonais», который, указавъ, что документъ былъ уже, и при томъ дважды, напечатанъ, остроумно подмѣтилъ фальсификацію письма, послужившую къ его сохраненію. Авторъ не сомнѣвается въ томъ, что это дѣйствительно закрытое письмо, но указываетъ на другой примѣръ въ «Kaiserurkunden in Abbildungen», на письмо Людовика Благочестиваго, изданное факсимиле Зибелемъ и Зиккелемъ (I, № 7 a), которое I. Calmette назвалъ просто mandement съ оттѣнкомъ сомнѣнія въ его подлинности (какъ оригинала). Ph. Lauer говоритъ: «le mode de pliage et de fermeture (avec un fil scellé) de ces lettres est assez semblable à celui des lettres pontificales postérieures». И въ актѣ, фототипированномъ въ «Kaiserurkunden» я не вижу прорѣзовъ, столь характерныхъ для папскихъ закрытыхъ писемъ. Joseph Calmette отвѣтилъ въ Bibliothèque de l'École des Chartes, t. LXIV (1903), №№ 3—4, pp. 329—334. Въ подлинности письма Людовика Благочестиваго онъ убѣдился, фальсификаціи же письма Карла Лысаго не признаетъ и убѣжденъ въ подлинности приписки. Это доказываетъ лишній разъ, что и въ Западно-Европейской дипломатикѣ палеографическіе признаки не вполнѣ изучены и еще возбуждаютъ споры и сомнѣнія.

teram bullatam cum filo de serico... item aliam *litteram bullatam* cum filo canapis... Item tres *litteras clausas* ad reges Dacie, Svecie et Norvegie...»[1]). Къ 1320 году относится, напримѣръ, такое извѣстіе: «Legatio regni Dacie. Die 18. Dec. (*anno 1320*) fuerunt tradite et assignate *16 littere bullate aperte* et *2 clause* Bernardo de Montevalrano.... apostolice sedis nuntio in regno Dacie deputato, *que due clause regi Dacie diriguntur*, et juravit secundum formam consuetam...»[2]). Очевидно, что рядомъ съ обычными буллами за свинцовыми печатями папы посылали, хотя и въ гораздо меньшемъ количествѣ, документы въ формѣ запечатанныхъ писемъ.

Канцелярія папъ по устойчивости своихъ дипломатическихъ традицій является едва-ли не консервативнѣйшей въ мірѣ; тѣмъ не менѣе многовѣковая дѣятельность не могла конечно выражаться все время въ однихъ и тѣхъ же формахъ. Несравненная важность актовъ папской дипломатики, охватывавшей весь міръ, не могла не вызвать особаго вниманія ученыхъ дипломатистовъ, которые путемъ тщательныхъ изслѣдованій подраздѣлили исторію ея на нѣсколько періодовъ[3]). Послѣднимъ по времени періодомъ является эпоха начиная съ папы Евгенія IV, то есть съ 1431 г. При этомъ папѣ выдѣлились новые виды документовъ и вмѣстѣ съ старыми типами стали кристаллизоваться съ такой несокрушимой прочностью, что большею частью сохранили свою форму до настоящаго времени.

Папскіе документы на открытыхъ листахъ принято называть вообще буллами отъ вислой свинцовой печати — буллы,

---

1) См. L. Moltesen: «Acta pontificum Danica», I Bind. — 1316—1378 (Köbenhaun. 1904. 8°), № 15: «Legatio Dacie, Svecie et Norvegie regnorum. Magister Nicholaus Sigwasti canonicus Upsalensis fuit missus ad partes regnorum predictorum pro fructibus beneficiorum vacantium colligendis per triennium et portavit litteras infrascriptas die 11. Jul. (anno 1317)...».

2) Ibidem, № 81, p. 37.

3) Корни папской дипломатики доходятъ до эпохи римской имперіи и соприкасаются съ дипломатикой Византіи (вопросъ о внѣшней формѣ древнѣйшихъ буллъ, палеографическихъ ихъ признакахъ и употребленіи свинцовыхъ печатей). Косвенное вліяніе папской дипломатики можно подмѣтить въ разнообразныхъ областяхъ дипломатики западно-европейской.

которая обычно скрѣпляетъ подобные акты. Происхожденіе названія очень древнее, такъ какъ подлинныя свинцовыя печати папъ дошли до насъ отъ VII—VIII вв., но въ смыслѣ наименованія документовъ оно едва ли древнѣе XIII столѣтія. Булла является основной папской печатью[1]) и типъ ея видоизмѣнялся нѣ-

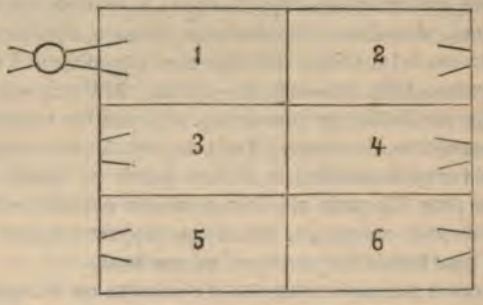
---

1) Издавая «Снимки древнихъ русскихъ печатей» (вып. I. М. 1880. 4°), Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ помѣстилъ свѣдѣнія объ иностранныхъ государственныхъ печатяхъ, извлеченныя изъ офиціальныхъ отвѣтовъ на запросы Россійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Относительно папскаго престола читаемъ: «Le Saint-Siège n'a pas de Garde des Sceaux spécial. Sa Sainteté conserve chez elle le sceau, portant ses armes de famille, qui sert à revêtir les lettres Pontificales et à ratifier les traités. Il y a, en outre, un sceau du Secrétaire d'État de S. S.». Авторъ предисловія присовокупилъ слѣдующее недоумѣнное примѣчаніе: «*Однакожъ*, въ томъ картонѣ Московскаго Архива, который заключаетъ древнѣйшіе Италіянскіе документы, есть золотая булла (двойная печать) папы Григорія XIII, привѣшенная на снуркѣ, на половину золотомъ, на половину шелковомъ пурпуровомъ, къ грамотѣ, писанной на пергаментѣ и адресованной 1 октября 1582 года царю Іоанну IV, съ препровожденіемъ ему иконы Спасителя и съ просьбою присоединиться къ союзу другихъ Христіанскихъ Государей противъ турокъ. На лицевой сторонѣ буллы рельефно изображены: главы Апостоловъ Петра и Павла, между ними въ три строки, по двѣ одна надъ другою, заглавныя буквы — S. S. P. P. A. E. (Sancti Patres Apostoli Ecclesiae = Святые Отцы, апостолы Церкви, либо св. Петръ и Павелъ и пр. или же, читая эти буквы сверху внизъ — св. Петръ Апостолъ, св. Павелъ епископъ), а надъ ними латинскій крестъ; на оборотной сторонѣ рельефная же надпись, распредѣленная на 4 строки; Gregorius-Papa — XIII» (стр. XVI). Неточность этихъ свѣдѣній и толкованій и побудила насъ сказать нѣсколько словъ о различныхъ папскихъ печатяхъ. Относительно золотой буллы папы Григорія XIII отмѣтимъ, что металлъ въ папскихъ буллахъ не указываетъ на особую важность содержанія документа, а является внѣшнимъ знакомъ вниманія папы къ высокому положенію адресата. Мы знаемъ, напримѣръ, что на актѣ Флорентинской уніи рядомъ съ золотой буллою Византійскаго Императора виситъ свинцовая папы Евгенія IV («Nouveau traité», V, 315), тогда какъ вышеупомянутая булла Григорія XIII къ Ивану Грозному въ сущности только любезное письмо. Извѣстны золотая булла Льва X на документѣ, которымъ онъ возводитъ Генриха VIII въ званіе «защитника вѣры», Климента VII по случаю коронованія императора Карла V и т. д. A. Giry въ «Manuel de diplomatique» даетъ слѣдующій выводъ: «la règle moderne paraît avoir été de sceller ainsi (то есть золотой буллой) les bulles adressées aux fils, frères et neveux des souverains, sauf en cas de dispenses matrimoniales» (p. 697). Весьма вѣроятно, что папы въ сознаніи своего всемірнаго вліянія, были бы не прочь подражать императорскимъ хрисовуламъ. Есть извѣстіе въ средневѣковомъ трактатѣ

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что часть малыхъ буллъ должна быть названа по характеру своему breve, хотя по формѣ онѣ отличаются отъ того особаго типа документовъ, который выдѣлился изъ буллъ въ первой половины XV столѣтія. Breve прежде всего суть—litterae clausae и мы знаемъ цѣлый рядъ малыхъ буллъ, которыя были свернуты въ нѣсколько разъ и въ которыхъ шнуры, скрѣпленные свинцовою буллою, проникали черезъ весь пакетъ листовъ пергамена. Л. Делиль (въ описаніи актовъ Иннокентія III) отмѣтилъ три такихъ рѣдчайшихъ документа — Климента III (1188), Целестина III (1196) и Иннокентія III (1207). Е. Берже въ предисловіи къ регистрамъ Иннокентія IV указалъ на подобную же буллу 1247 года. Въ самое послѣднее время Eug. Martin Chabot нашелъ въ Архивѣ Барселоны и описалъ двѣ старѣйшія изъ закрытыхъ папскія буллы – именно папы Александра III отъ 7 декабря 1162 и 6 іюля 1164 годовъ[1]).

Важно замѣчаніе Берже—«s'est au nombre des pièces scellées sur chanvre qu'il faut compter les lettres closes», хотя изъ этого правила и встрѣчаются исключенія.

1) «Deux bulles closes originales d'Alexandre III» въ «Mélanges d'archéologie et d'histoire» (a. XXIV—1904, fasc. I), стр. 65—74. Авторъ начинаетъ словами: «On sait combien sont rares les lettres closes des papes qui gouvernèrent l'Eglise avant le XIV siècle, parmi les actes conservés en original». Выводъ: «elles paraissent donc bien être les deux plus anciennes lettres closes papales signalées jusqu'à présent». При breve 1164 года булла сохранилась, она осталась на лѣвомъ верхнемъ краѣ документа, сложеннаго слѣдующимъ образомъ:



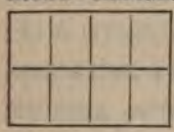
Авторъ дѣлаетъ при этомъ весьма цѣнное для насъ примѣчаніе, что «dans d'autres exemples postérieurs c'est au rectangle numerotè 4 qu'est restée fixée la bulle de plomb».

Sickel въ «Monumenta Grafica»[1]) далъ фотографическій снимокъ (по подлиннику, находящемуся in Museo hist. Klagenfurtensi) драгоцѣннаго письма—буллы папы Александра III, адресованнаго епископу Пассау (но въ текстѣ Patauieñ?) въ 1177 году (Dat. Venetie in Riuoalto XIII Kl. Aug.). Небольшой листокъ пергамена сохранилъ печать, которая по разрѣзкѣ, равнявшейся распечатанію, пришлась на правомъ боку акта. Чтобы распечатать такія litterae clausae надо было разрѣзать ножницами всѣ листы, кромѣ одного, на которомъ и оставалась висѣть булла. На дѣлѣ бо́льшею частью разрѣзались всѣ листы и печать отпадала; развернутый документъ представлялъ листъ пергамена, со всѣхъ сторонъ котораго по полямъ идутъ двойные разрѣзы \/. Такой способъ запечатанія былъ обыченъ и для грамотъ венеціанскихъ дожей. Чтобы не задѣть текста, при за-

---

1) «Monumenta Graphica», Fasc. IX, tab. IV: «Litterae clausae Alexandri Papae III». По указанію A. Giry въ недоступныхъ «Facsimile lithogr. de l'École des Chartes», подъ № 249 воспроизведено подобное же письмо папы Іоанна XXII къ королю Филиппу V, отъ 14 сентября 1320 года. C. Paoli: «Programma scolastico di Paleografia latina e di Diplomatica» (III, 27), приводитъ подобную буллу папы Павла III отъ 29 октября 1546 года, адресованную къ Козимо Медичи. Этотъ примѣръ, относящійся ко времени, когда обычный типъ бреве въ теченіе столѣтія выработался и отлился въ точную, неизмѣнную форму представляетъ исключеніе (о двухъ типахъ бреве см. дальше). Paoli подробно изслѣдовалъ документъ и описалъ способъ его запечатанія: «Nel margine superiore e inferiore della pergamena sono otto fori, e si vede che la lettera era stata piegata prima in quattro per lo lungo, poi ripiegata a doppio trasversalmente, in modo che i fori venivano a combaciare in due punti: per questi passava la cordicella che chiudeva la lettera, e teneva appeso il piombo al disotto dell'indirizzo esterno. Ora la cordicella, con un lato strappato e col piombo pendente, è assicurata a due fori del lato superiore». A. Giry описалъ подробно какимъ образомъ было сложено письмо папы Александра III, изданное Зиккелемъ: «La lettre a été pliée trois fois sur elle même dans le sens de la largeur par le haut et autant par le bas, pliée ensuite en deux parties égales dans le sens de la hauteur, et repliée de nouveau en deux dans le sens de la largeur. Un trou percé sur le côté, auprès des bords libres, traversait tous les doubles du parchemin et donnait passage aux attaches du sceau qui maintenaient la pièce fermée. Pour l'ouvrir, tout en laissant le sceau suspendu, il a fallu couper d'un trait de ciseau tous les bords libres jusqu'au trou de l'attache, mais sans toucher aux deux plis extérieurs traversés par les attaches et auxquels seuls elles sont demeurées fixées» (pp. 681—682).

печатаніи и разрѣзкѣ, оставляли широкія поля; на сложенномъ пакетѣ писали адресъ (чего не дѣлалось на litterae patentes).

Для нагляднаго уясненія, какъ образецъ, мы даемъ (см. таблица II) снимокъ съ бреве, адресованнаго «Dilectis filiis Communi Ciuitatis nostre Recanatensis» папою Григоріемъ XI въ 1377 году («Dat. Anagnie XVIIII Kl. Septembris Pontificatus nostri anno septimo»)[1]. Большой листъ пергамена былъ сложенъ сначала поперекъ въ четверо, а потомъ вдоль пополамъ  , почему пакетъ и принялъ форму продолговатаго четырехугольника — .

Прилагаемое клише (см. страница 17) показываетъ и сохранившуюся буллу, и разрѣзы около нея, листъ былъ сложенъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и описанное бреве папы Григорія XI.

Клише сдѣлано по документу «Forma juramenti», посланному папою Іоанномъ XXIII (1410 — 1415 — 1419) Констанцію, епископу Кремоны[2]. Constantius de

---

1) Оригиналъ въ коллекціи автора (въ его собраніи дипломатическихъ и палеографическихъ образцовъ). Документъ состоитъ изъ немногихъ строкъ—сущность, какъ и помѣчено на оборотѣ позднѣйшимъ почеркомъ XVII вѣка,—«Remissio Rodulfi de Varano de Camerino». Въ 3-мъ (дополнительномъ) альбомѣ «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie begründet von Wilhelm Arndt», изданномъ Michael Tangl (III. Heft. Berlin. 1903), на таблицѣ 97 изображено совершенно подобное бреве папы Григорія XII отъ 1407 года, адресованное «Dilectis filiis prioribus gubernatoribus et capitaneo populi ciuitatis Senen(sis)». Странною особенностію этого послѣдняго документа являются — отсутствіе точной даты и выглаженное въ текстѣ имя, но подлинность бреве несомнѣнна, оно было запечатано, вскрыто при помощи разрѣзовъ и уцѣлѣвшая булла виситъ на лѣвой сторонѣ нижняго края пергаменнаго листа.

2) Оригиналъ акта въ собраніи автора. Вмѣсто адреса на пакетѣ просто—«Forma juramenti»—и только въ правомъ нижнемъ углу помѣта мелкой скорописью — «Ꝑеp̄о cremoneñ». Мы не знаемъ почему «formae juramenti» посылались запечатанными, но отмѣтимъ, что въ средніе вѣка вообще—«carta di giuramento» именовалась breve (Paoli, l. c., p. 36). Élie Berger въ обширномъ введеніи къ

«Forma juramenti» 1412 года.
(Вислая печать, запечатывавшая пакетъ, и прорѣзы, сдѣланные при распечатаніи).

Fondullis былъ поставленъ епископомъ Кремоны 28 марта 1412 года[1]).

Въ первой половинѣ XV столѣтія выдѣлился изъ буллъ — бреве особый типъ бреве, отличный отъ буллъ: 1) по матеріалу, 2) по начальной формулѣ, 3) по способу датировки, 4) по письму,

---

изданію «Les Registres d'Innocent IV»—t. I (Paris. 1884. 4°), разбирая вопросъ о «Lettres closes» отмѣчаетъ подобную же «une formule de serment à l'usage de l'évêque de Tripoli» времени папы Климента V, которая была «expédiée en forme de lettre close; elle est bullée et porte au dos la mention: «Forma juramenti prestandi ab episcopo Tripolitano» (p. XXXVII; Arch. Nat. J. 704. № 186). Въ виду того, что изъ всѣхъ lettres closes папы Иннокентія IV—Berger нашелъ лишь *одно* письмо, сохранившееся въ подлинникѣ (28 мая 1247 года—Bibl. Nat., collection de Baluze), онъ подвергъ наблюденію и изслѣдованію litterae clausae XIII и XIV вв. вообще. «D'Innocent IV à Boniface VIII les lettres closes sont *assez* rares». Эта рѣдкость однако настолько значительна, что въ Національномъ французскомъ Архивѣ ихъ нашлось за указанное время только восемь, отъ времени Бонифація VIII — четыре. «Pour les pontificats de Clément V (1305—1314) et de Jean XXII (1316—1334 гг.)», говоритъ Berger, «j'en ai relevé un nombre beaucoup plus considérable: on en trouve encore sous Benoit XII (1334 — 1341) et sous Urbain V (1362—1370)». Конечно употребленіе lettres closes не прерывалось и въ позднѣйшую эпоху. Если мы возьмемъ изданіе Краковской Академіи — «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», то найдемъ въ немъ рядъ папскихъ litterae clausae по оригиналамъ музея князей Чарторыйскихъ и архива Краковскаго капитула. Такъ, напримѣръ, во 2-мъ томѣ — № 50 — бреве Іоанна XXIII отъ 4 мая 1412 года—«Carissimo in Christo filio Wladislao Regi Polonie illustri»; № 98—Мартина V—отъ 5 сентября 1421—тоже адресованное Ягелло (Левицкій прямо называетъ — «pismo»); № 171 — Мартина V — отъ 1428 — Збигнѣву Олесницкому; № 186 — Мартина V — отъ 1430 — «venerabili fratri episcopo Culmensi» и т. д. Подобныя «litterae clausae въ этомъ изданіи имѣются и отъ Евгенія IV, Пія II и, между прочимъ, отъ Базельскаго собора — (см. №№ 263, 277, 288). Способъ запечатанія тотъ же, что у обыкновенныхъ папскихъ документовъ этого рода, печать — хорошо извѣстная дипломатистамъ свинцовая булла Базельскаго собора. Въ Императорскомъ Вѣнскомъ архивѣ я имѣлъ случай видѣть въ подлинникахъ такія litterae clausae bullatae папы Мартина V— отъ 17 Декабря 1417 и 29 Іюня 1425, адресованныя—«Frederico duci Austrie» и отъ 20 Марта 1423 (1424), адресованное «Ruperto de Walsee Baroni».

Что касается до вопроса почему formae juramenti посылались какъ litterae clausae, то A. Giry даетъ объясненіе — что такая forma — «devait servir d'enveloppe à la bulle de provision» (p. 704), но тогда, значитъ, находившійся внутри документъ былъ бы лишенъ основной скрѣпы! A. Giry имѣлъ дѣло только съ поздними актами этого типа: «Les plus anciens documents de ce genre que j'aie rencontrés sont de la première moitié du XVI-e siècle; ils abondent dans les archives à partir de cette époque».

1) См. C. Eubel: «Hierarchia catholica medii aevi», p. 223.

5) по особой папской печати [1]). Необыкновенно точное опредѣленіе бреве этого періода дано цитатой въ книжкѣ Badosse: «Brevia sunt litterae Apostolicae in membranis *subtilibus* et candidis charactere latino nitido descriptae, et a tergo cera rubra chordulis lineis inclusae illitis annulo que Piscatorio signatae, ac manu secretarii subscriptae» [2]).

Первоначальнымъ назначеніемъ бреве, какъ «litterae in forma brevi»—было ускореніе переписки въ текущихъ, болѣе или менѣе неважныхъ дѣлахъ [3]). Въ постановленіяхъ Сикста IV (1471 —

---

1) Въ новѣйшемъ «Dictionnaire de Théologie Catholique» (A. Vacant et E. Mangenot) дана слѣдующая исторія бреве и опредѣленіе ихъ содержанія (см. fasc. XIII—Paris. 1904, pp. 1125 — 1126): «C'est seulement dans le milieu du XV siècle, sous Eugène IV, que le bref apparut dans sa forme actuelle. La série régulière, dont la collection est conservée aux archives du Vatican, commence à cette époque. C'est postérieurement aussi qu'on distingua deux espèces de brefs: les brefs apostoliques, émanant directement du Pape et scellés en cire rouge sub annulo Piscatoris, et les brefs de la pénitencerie qui en diffèrent par la forme et par le sceau.... Les affaires le plus ordinairement traitées par brefs sont: les dispenses concernant la réception des ordres sacrés, comme la dispense d'âge et d'autres irrégularités; la concession des oratoires privés, ainsi que la permission d'y conserver le saint-sacrement et d'y faire la sainte communion; les pouvoirs d'indulgencier les chapelets, croix et médailles, ainsi que la faculté de jouir de l'autel privilégié; l'autorisation de vendre les biens ecclesiastiques de peu de valeur; enfin la plupart des grâces, provisions et dispenses accordées par la Daterie. La liste des affaires qui doivent être expédiées *par bref* est longuement exposée, avec tous les détails, dans la bulle de Benoit XIV—«*Gravissimum*», du 8 Décembre, 1745».

2) Philippus Badosse: «De bullis et de brevioribus litteris apostolicis» (Roma. 1793. 4⁰), см. стр. XXII. Конечно это опредѣленіе касается только внѣшняго типа бреве XV—XIX ст. Относительно же значенія бреве вообще Caspar Wirz не безъ основанія говоритъ: «Was ein Breve sei, hat bis dato noch niemand in befriedigender Weise gesagt und wird kaum eine genaue Definition zu erwarten sein, weil der Begriff bei der Kurie selbst kein stabiler war, sondern mit den Pontificaten sich änderte» [«Bullen und Breven aus Italienischen Archiven 1116—1623» (Basel. 1902. 8⁰ = «Quellen zur Schweizer Geschichte» — 21 Band.), p. VII].

3) У Ottenthal'я относительно breve читаемъ: «Die *aus den Privatbriefen herausgebildete* minder feierliche Beurkundungsart der Breven (Litterae in forma brevi) lag naturgemäss von Anfang an im Wirkungskreis der Sekretäre, von einem der ältesten, Zanobio da Strata, ist noch ein Band Breven erhalten» («Die Bullenregister Martin V und Eugen IV», p. 462).

1484) читается: «Preterea volumus et ordinamus, quod secretarii domestici et palatini advertant ad expeditionem brevium et non expediant per brevia res magni momenti sed leves; aliae autem res expediantur per bullas, ut fuit semper observatum»[1]). Форма, размѣръ и назначеніе бреве измѣнились постепенно: изъ краткихъ бреве стали обширными актами (до тетрадей изъ многихъ листовъ), содержаніе иногда касалось важнѣйшихъ вопросовъ и назначеніе опредѣлилось для посылокъ — «ad Reges, Principes, Respublicas, Civitates, Cardinales absentes, Episcopos, caeterosque Magnates». Въ 1850 году католическая іерархія въ Англіи была возстановлена документомъ въ формѣ бреве[2]).

Буллы писаны на толстомъ прочномъ пергаменѣ, для бреве употреблялся тончайшій бѣлый пергаменъ такой превосходной выдѣлки, которая соперничаетъ съ пергаменомъ изящнѣйшихъ итальянскихъ рукописей эпохи Возрожденія[3]).

Начальная формула буллъ — имя папы (безъ обозначенія числа, который папа этого имени) съ прибавленіемъ извѣстнаго уничижительнаго эпитета, принятаго папою Григоріемъ Великимъ — напримѣръ для Пія V — «Pius episcopus servus servorum Dei». Начальная формула бреве имя, сопровождаемое числомъ, напримѣръ — «Pius papa V»[4]) (далѣе обращеніе обычно въ звательномъ, какъ исключеніе въ раннюю эпоху въ дательномъ).

Датировка буллъ, начиная съ папы Евгенія IV (пос-

---

1) M. Tangl: «Die päpstlichen Kanzlei-Ordnungen von 1200—1500» (Innsbruck. 1894. 8°), p. 379.

2) A. Giry, l. c., p. 701.

3) Употребленіе обыкновеннаго болѣе толстаго пергамена составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; въ коллекціи автора имѣются подобныя бреве папы Климента VII. О пергаменѣ бреве C. Paoli, l. c., p. 60 — говоритъ: «i brevi *sub annulo piscatoris* (sec. XV e segg.) sono in pergamene sottili, candide e levigatissime da ambe le parti».

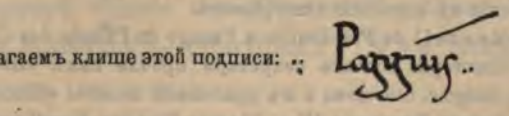
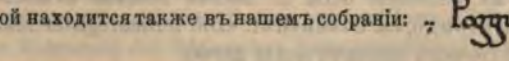
4) Формула «Papa N» встрѣчается, правильнѣе сказать, подмѣчена дипломатистами еще въ актахъ XIII столѣтія (см. напр. Mas Latrie: Trésor de Chronologie, p. 1136), но не получила распространенія.

тоянно, какъ правило, съ 1445 года)[1]) содержитъ указанія на: 1) годъ отъ Воплощенія Господа Іисуса Христа (счетъ съ 25 марта), 2) день по римскому календарю и 3) число лѣтъ папствованія. Такъ, напримѣръ: «Eugenius episcopus seruus seruorum Dei dilecto filio Johanni Condolmario canonico Veronensi acolito nostro salutem et apostolicam benedictionem.... Datum Florentie anno Incarnationis dominice Millesimo quadringentesimo quadragesimo Quarto Noñ Junii Pontificatus Nr̃i Anno Decimo» (1440)[2]).

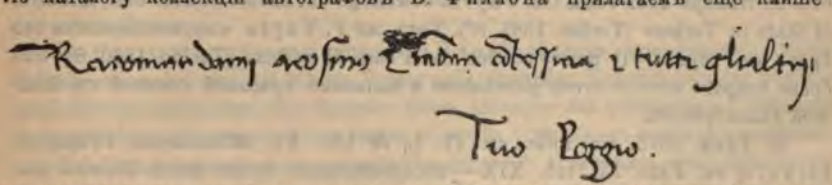
Датировка бреве заключается—1) въ написаніи года отъ Рождества Іисуса Христа (по стилю — «anno Domini a Nativitate» римскими цифрами, 2) указаніи дня мѣсяца и года папствованія.

---

1) См. A. Giry, l. c., p. 696. Обходимъ вопросъ о болѣе раннихъ датировкахъ, такъ какъ рѣчь идетъ о времени совмѣстнаго существованія двухъ типовъ документовъ.

2) Формула взята изъ оригинала, находящагося въ собраніи автора. Отмѣтимъ, что самъ папа Евгеній IV былъ «Condolmerius venetus» (или Condulmerius). Въ собраніи автора имѣется и еще болѣе ранняя булла съ датою «Incarnationis Dominice», именно 1435 года (адресована кардиналу Николаю Албергати и скрѣплена папскимъ секретаремъ, знаменитымъ Поджіо Браччіолини—«Poggius»). Прилагаемъ клише этой подписи:  и для сравненія клише съ буллы папы Мартина V (II. Id. Maii anno decimo=14 Мая 1427 г.), оригиналъ которой находится также въ нашемъ собраніи: 

Болѣе ранняя подпись сдѣлана старательнѣе, но почеркъ совершенно тотъ же. По каталогу коллекціи автографовъ Б. Филлона прилагаемъ еще клише



съ собственноручнаго итальянскаго письма Поджіо (къ Джіованни Медичи, точно не датировано), см. «Inventaire des autographes composant la collection de M. Benjamin Fillon», № 1315. Подпись удостовѣряетъ тожество почерковъ, а строка текста указываетъ, что въ быстромъ письмѣ Поджіо измѣнялъ scrit-

Старѣйшія бреве, содержащія всѣ пять отличительныхъ выше указанныхъ признаковъ относятся ко времени папы Евгенія IV (1431—1447) и антипапы Феликса V (1440—1449). Экземпляръ бреве папы Евгенія IV (датированный 8 іюля 1446 года) изданъ фототипически въ палеографическомъ сборникѣ École des Chartes[1]), снимокъ съ бреве папы Феликса V данъ въ альбомѣ «Musée des archives départamentales», извѣстномъ роскошномъ изданіи, приготовленномъ къ всемірной выставкѣ 1878 года[2]). Заключительная формула бреве Феликса V содержитъ всѣ элементы, ставшіе отличительными признаками этого рода документовъ:

«Felix pp quintus . . . . . Datum Basilee sub anulo piscatoris XVII. Decembris M°. IIII°. XLI. pontificatus nostri anno secundo»[3]).

Типъ бреве установился при папѣ Евгеніи IV, но появленіе внѣшней формы и способа запечатанія относится ко времени

---

tura umanistica подписи и сохранялъ связь съ готическимъ письмомъ, господствовавшимъ во дни его молодости. Выводъ не лишенный общаго значенія въ примѣненіи къ изученію автографовъ.

1) «Recueil de Fac-similés a l'usage de l'École des Chartes», fasc. II (1881), № 68. Редакторы подпись секретаря прочли какъ «Blondusius». Конечно это ошибка, скорѣе, опечатка и въ оригиналѣ стоитъ: «Blondus» — весьма извѣстный секретарь Евгенія IV — Flavius Blondus Foroliviensis, который былъ секретаремъ съ 1434 по 1447 годъ (G. Burgin: «La familia pontifica sotto Eugenio IV» въ «Archivio della R. Società Romana di storia patria», 1904, p. 218. О Флавіи Біондо, см. Ottenthal: «Die Bullenregister Martin V und Eugen IV»— стр. 476 (точныя біографическія даты).

2) Въ архивѣ г. Турина хранится «Bollario di papa Felice V» и его бреве отъ 28 Января 1441 года. См. Vayra: «Catalogo del Museo Storico dell' Archivio di Stato in Torino» (Torino. 1881. 8°). Тотъ же P. Vayra факсимилировалъ это бреве въ трудѣ: «Il museo storico della casa di Savoia» (Torino. 1880. 8°). Это бреве стараго типа = breve plumbatum и написано красивой готикой съ большой каллиграфіей.

3) Paris. 1878. Gr. folio, см. Pl. L, № 129. Въ «Monumenta Graphica» Sickel'я, см. Fasc. IX, tab. XIX — воспроизведено бреве папы Павла II— «Dat. Rome apud Sanctum Marcum sub anulo piscatoris die ultima Iunii M. CCCC. LXVIII. Pontificatus Nostri Anno Quarto» (скрѣпа — L. Dathus). Ludwig Pastor въ «Ungedruckte akten zur Geschichte der Päpste vornehmlich im XV, XVI und XVII Jahrhundert» (Freiburg im Breisgau. 1904. 8°) издалъ два бреве папы

нѣсколько болѣе раннему. Такъ папа (или антипапа, какъ его чаще называютъ) Бенедиктъ XIII (1394—1424) употреблялъ уже въ нѣкоторыхъ своихъ документахъ формулу — «Benedictus papa tertius decimus», сопровождая ее приложеніемъ къ такимъ актамъ секретной печати. «Ces actes», говоритъ de Mas Latrie, «ont *quelques* caractères des véritables brefs», но во всякомъ случаѣ они являются лишь прототипами настоящихъ бреве. При папѣ Мартинѣ V бреве получаютъ видъ, почти совершенно сходный съ типомъ, установленнымъ при послѣдующихъ папахъ. F. Cancellieri[1]) перечисляетъ три бреве Мартина V, изъ коихъ одно «sub anulo Piscatoris» и два просто «sub anulo». Michael Tangl, много потрудившійся именно въ области папской дипломатики, воспроизвелъ въ 1903 году[2]) фототипически экземпляръ бреве Мартина V отъ 29 іюня 1423 года, адресованный: «Dilectis filiis prioribus gubernatoribus comunis et capitaneo populi ciuitatis Senen(sis)[3]). Tangl справедливо считаетъ это бреве старѣйшимъ изъ сохранившихся оригиналовъ, которые вообще настолько рѣдки, что снимокъ бреве Евгенія IV, помѣщенный въ тѣхъ же «Schrifttafeln» переснятъ съ упомянутаго уже нами воспроизведенія въ французскомъ сборникѣ «École des Chartes»[4]). Бреве Мартина V начинается формулой — «Martinus $\overline{PP}$. V.» и датировано:

Евгенія IV «sub anulo nostro secreto»—№ 14—отъ 2 сент. 1443, № 16—31 января 1445 (оригиналъ въ архивѣ въ Болоньѣ).

1) «Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello pescatorio» (Roma. 1823. 8⁰), p. 1.

2) «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» (Drittes Heft. Berlin. 1903), таблица 99.

3) Оригиналъ на листѣ тонкаго пергамена — 42 × 9 сант., находится въ архивѣ г. Сіены.

4) Къ двумъ своимъ снимкамъ Tangl дѣлаетъ примѣчаніе: «Beide Schriftproben sind der seit Martin V neu aufkommenden Urkundenart der päpstlichen Breven entnommen, das Saneser Breve ist sogar das älteste bisher bekannte Original dieser Gattung und aus diesem Grunde trotz seines theilweise ungünstigen Erhaltungszustandes hier ausgewählt» (стр. 57). Отмѣтимъ, что опредѣленіе значенія бреве папы Мартина V находимъ и въ каталогѣ выставочной залы архива въ Сіенѣ: «La sala della mostra e il museo delle tavolette dipinte della Biccherna e delle Gabella» (seconda edizione. 1903. Siena. 8⁰). Тамъ сказано: «Breve di papa Martino V ai Senesi, relativo al trasferimento del Concilio generale da

«Datu(m) Rome apud Sanctammariammaiorem *sub anulo piscatoris*. penultima Junii pontificatus n(ost)ri anno sexto». Внѣшній видъ, начальная формула, датировка — на лицо все, что характеризуетъ бреве, кромѣ манеры письма, такъ какъ документъ Мартина V писанъ обычнымъ минускульнымъ готическимъ (или правильнѣе полуготическимъ) письмомъ папскихъ актовъ.

Письмо документовъ, исходившихъ изъ папской канцеляріи, сохраняя всегда нѣкоторую, свойственную ему оригинальность,

---

Pavia a Siena. Il più antico breve che si conosca» (опредѣленіе извѣстнаго дипломатиста директора архива Alessandro Lisini).

Экземпляръ бреве папы Мартина V находился въ знаменитой коллекціи автографовъ и документовъ, собранной германскимъ посланникомъ графомъ Paar, и продавался въ 1893 году: «№ 1852. Martinus V (Ottone Colonna). Lettre *sur vélin*, en latin, aux magistrats de la ville de Nocera; Rome. 28 Nov. 1428 1 p. *in fol. obl. étroit*» («Katalog einer werthvollen Sammlung von Autographen und historischen Documenten aus dem Besitz Sr. Exc. des verstorbenen Herrn Ludwig Graf Paar». Berlin. 1893. 8⁰).

Число бреве при папахъ Мартинѣ V и Евгеніи IV было настолько значительно, что для нихъ заведены были особые регистры. Эти начальные регистры велись съ гораздо меньшей точностью, чѣмъ таковые же буллъ, при чемъ нерѣдко, можетъ быть по новости дѣла, буллы попадали въ записи бреве, а бреве въ регистры буллъ. См. «Repertorium Germanicum: Regesten aus den päpstlichen Archiven». I Band: Pontificat Eugens IV (bearbeitet von Robert Arnold). Berlin. 1897. 8⁰, стр. XIV. «Segretaria dei brevi» заведена Мартиномъ V [C. Wirz: «Bullen und Breven aus Italienischen Archiven» (Basel 1902. 8⁰), p. VIII].

Желая сдѣлать болѣе точныя наблюденія надъ старѣйшими бреве я посѣтилъ архивы Вѣны, Венеціи, Болоньи, Сіены и Флоренціи. На нѣсколько сотъ просмотрѣнныхъ бреве мнѣ удалось видѣть только одинъ подлинникъ папы Мартина V и то тотъ, что уже изданъ Tangl'емъ. Рѣдки и бреве Евгенія IV, но затѣмъ число ихъ растетъ съ поразительной быстротой. Въ Болоньѣ при 6 экз. бреве папы Евгенія IV, я осмотрѣлъ 84 бреве папы Николая V, 42— папы Каликста III, около 50 папы Пія II и т. д.

Въ архивахъ Венеціи и Болоньи я изслѣдовалъ нѣсколько бреве папы Евгенія IV, изъ которыхъ одно оказалось относящимся къ 1436 году. Въ Венеціи пять, адресованныхъ «Dilecto filio nobili viro Francisco Foscari (въ одномъ случаѣ Fuscari) duci Venetiarum». Венеціанскія бреве: 1) «Die primo Septembris MCCCCXLIIII» (№ 212). Секретарь «B. Rouerella» (см. табл. IV); 2) «Die XXVIII Januarii MCCCCXLIIII» (№ 214). Секретарь «B. Rouerella»; 3) «Kalendis Novembris MCCCCXLIIII» (№ 215). Секретарь «B. Rouerella»; 4) «Die ultima Decembris pontificatus nostri anno tertiodecimo» = 1443 годъ (№ 216). Секретарь «Cincius» (см. табл. IV); 5) «Die IIII Septembris MCCCCXLIIII pontificatus nostri anno quartodecimo» (№ 213). Секретарь «B. Rouerella (см. табл. IV). Въ Болоньѣ бреве адресованы: «Dilectis filiis Antianis vexilifero justitiae et

съ теченіемъ времени измѣнялось неоднократно. Если вообще, разбирая стили письма, надо палеографію документальную трактовать отдѣльно и только въ сопоставленіи съ палеографіей рукописей[1]), то палеографическая исторія разнообразныхъ актовъ папской куріи свободно можетъ быть выдѣлена въ особый этюдъ изъ очерка дипломатической палеографіи вообще. Касаясь исключительно интересующаго насъ времени, мы должны замѣтить, что письмо буллъ XV—XVI столѣтій сохраняло связь съ минускульнымъ готическимъ письмомъ (по выраженію C. Paoli (p. 29)—«forma semigotica»), отчасти подаваясь всетаки современнымъ вѣяніямъ, пока въ концѣ XVI столѣтія[2]) къ письму буллъ не было примѣнено особое искуственное письмо (не безъ связи съ готикой)[3]) — такъ называемая — scrittura bollatica или littera

---

consulibus populi et comunis civitatis nostre Bononie» (и просто — «Dilectis filiis Antianis»: 1) «Dat. Bonon. Die VI Decembris MCCCC (XXXVI) pontificatus nostri anno sexto». Секретарь: «Blondus»; 2) «Datum Senis sub anulo nostro secreto die XIII mensis Septembris pontificatus nostri anno terciodecimo» (года цифрами нѣтъ=1443). Секретарь: «Poggius»; 3) «Romae apud Sanctum Petrum die XXVIIII Decembris MCCCCXLIII pontificatus nostri anno XIII». Секретарь: «B. Rouerella»; 4) «Dic ultimo Januarii MCCCCXLIIII pontificatus nostri anno XIIII». Секретарь: «B. Rouerella»; 5) «...die IIII Julii MCCCCXLIIII pontificatus nostri anno quartodecimo. Секретарь: «B. Rouerella»; 6) «...die VIII Decembris MCCCCXLIIII pontificatus nostri anno XIIII». Секретарь «B. Rouerella». Мы видимъ, что уже при папѣ Евгеніи IV секретарей breve было нѣсколько. Въ 1443 году, напримѣръ, breve подписывали—a) «Cincius», b) «Rouerella», c) «Poggius»; при чемъ мы знаемъ, что «Poggius» подписывалъ и буллы. Тотъ же выводъ даетъ и разсмотрѣніе breve послѣдующихъ папъ. Такъ въ архивѣ Болоньи 42 breve папы Каликста III подписаны секретарями: 1) «Marcellus» (надо думать = «Marcellus Rusticus», см. Bonamicius, l. c., pp. 143 и 180); 2) «N. Perottus»; 3) «Blondus»; 4) «M. Ioannes»; 5) «L. de Narnia»; 6) «Io. Aurispa» (очень любопытны; возможно, что цѣликомъ автографы); 7) «M. Ferrarii»; 8) «L. Dathus» (Leonardus Dathus); 9) «Io. Cosida»; 10) «Ja. Lucen (sis)».

1) Каноникъ Reusens, авторъ прекраснаго труда—«Éléments de Paléographie» (Louvain. 1897—1899. 8°) вездѣ говоритъ особо о письмѣ книжномъ (écriture de livres) и особо о письмѣ документальномъ (écriture diplomatique). Точно также M. Tangl—относительно – «Buchschrift» и «Urkundenschrift».

2) A. Giry и Reusens согласно относятъ начало scrittura bollatica ко времени папы Климента VIII (1592—1605).

3) C. Paoli, l. c., p. 221—«per degenerazione dalla forma gotica e per *artificio* cancelleresco».

Sancti Petri (или еще—character theutonicus[1]), о которомъ всѣ дипломатисты отзываются согласно съ одинаковымъ отвращеніемъ[2]).

Для бреве было употреблено особое письмо, недавно появившееся и только еще входившее въ моду. Гуманисты, постоянно имѣвшіе дѣло съ древними рукописями, выработали изъ такъ называемаго каролингскаго минускульнаго письма (minuscula carolina или rotunda)[3]) особое гуманистическое письмо — scrittura umanistica[4]) — чудный круглый почеркъ, перешедшій въ scrittura italica (écriture italique), изъ которой черезъ изданія Аль-

---

1) Scrittura bollatica употреблялась до 1878 года, когда особымъ Motu proprio отъ 29 Декабря 1878 года она была уничтожена папою Львомъ XIII. Въ этомъ актѣ и читается: «.... quapropter, cum experientia compertum fuerit *characterem theutonicum*, vulgo — *bollatico*, utpote ab usu communi remotum, Litterarum Apostolicarum lectioni difficultatem ingerere .....».

2) A. Giry, l. c., p. 519: «une écriture nouvelle, singulière et particulièrement laide». C. Paoli, l. c., p. 30: «la brutta e strana e barbara scrittura bollatica». Rousens, l. c., p. 70: «écriture extraordinairement laide, grasse, trapue, contournée, affectant un faux air d'ancienneté et, de plus, presque illisible...». Rousens издалъ въ видѣ фототипической таблицы (№ XIV) буллу папы Пія VI (отъ 22 Августа 1791 года) какъ образецъ безобразія: «nous ne connaissons pas de scrittura bollatica plus laide ni plus difficile à lire que celle de cette bulle». Какъ письмо вычурное и искуственное, scrittura bollatica далеко не однообразно; въ одно и тоже время одни акты писаны болѣе или менѣе читаемо съ словами раздѣльно, другіе почти безъ всякаго раздѣленія словъ какими то значками вмѣсто буквъ. Поразительна намѣренная небрежность особенно во время папъ Пія VI и Пія VII. Даже имя папы иногда не выдѣляется изъ строки, а написано каракулями. Непонятный упадокъ стиля и вкуса, особенно въ сравненіи съ буллами эпохи Возрожденія (да и болѣе ранними)!

3) Превосходный примѣръ употребленія каролингскаго минускульнаго письма въ дипломатикѣ даетъ письмо Арнульфа отъ 21 Іюня 897 года, воспроизведенное въ «Kaiserurkunden in Abbildungen», атласа вып. I, № 7-b. Редакторы H. von Sybel и Th. von Sickel помѣчаютъ какъ «*Originalbrief* im K. Preuss. Staatsarchiv zu Münster». Документъ весьма интересенъ и какъ письмо IX столѣтія и по каллиграфическому письму, которое очень выдѣляется своими особенностями.

4) Объ этомъ письмѣ въ документахъ (и со снимкомъ) см., напримѣръ, статью проф. Nicola Barone: «Notizia della scrittura umanistica nei manoscritti e nei documenti Napoletani del XV-o secolo» (Napoli. 1899. 4º). Школа каллиграфіи, основанная знаменитымъ Niccolò Niccoli во Флоренціи едва ли не первая ввела въ моду новую манеру письма, которую гуманисты по источнику проис-

довъ[1]) выработался современный намъ латинскій книжный шрифтъ. Scrittura italica, примѣненная къ бреве и даже получившая второе равносильное названіе scrittura romana, постепенно измѣнялась, сохраняя общій характеръ, какъ бы традиціи простоты, красоты и изящества. Очень типично для старѣйшаго времени бреве Евгенія IV, факсимилированное École des Chartes и вторично Michael Tangl. Оно написано прекраснымъ гуманистическимъ письмомъ. На прилагаемой таблицѣ IV, мы даемъ снимки съ трехъ бреве папы Евгенія IV, находящихся въ Венеціанскомъ архивѣ и относящихся къ 31 Декабря 1443, къ 1 и 4 Сентября 1444 гг.[2]). Оба бреве 1444 года писаны типичной scrittura umanistica и только въ превосходномъ каллиграфическомъ почеркѣ старѣйшаго бреве чувствуется нѣкоторая связь съ готикой.

Подобныя явленія могутъ встрѣтиться и въ послѣдующія папствованія, но какъ исключеніе въ естественномъ ходѣ смѣны манеръ письма. Надо сказать, что почерки бреве отнюдь не восприняли характера гіератическаго однообразія (какъ, до извѣстной впрочемъ степени, scrittura bollatica) и измѣнялись сообразно съ послѣдующими воззрѣніями на красоту письма. Совершенно округлый почеркъ постепенно перешелъ въ продолговатый изъ тонкихъ штриховъ почти безъ нажима пера. Почеркъ изданнаго нами бреве Пія V можетъ служить образцомъ палеографіи бреве въ эпоху развитія и упроченія формъ, въ періодъ наибольшихъ каллиграфическихъ тенденцій. Внѣшняя красота бреве тускнѣетъ съ приближеніемъ къ новѣйшему времени.

хожденія называли littera antiqua. По предположенію Barone встрѣчаемыя въ документахъ XV вѣка (Cedole della Tesoreria aragonese) упоминанія «lettera moderna» должны обозначать распространенный въ то время готическій шрифтъ. Для «scrittura umanistica» Michael Tangl примѣнилъ очень удачный нѣмецкій терминъ — «Renaissance — schrift».

1) C. Paoli, l. c., p. 30.

2) По описямъ архива — №№ 216, 212 и 213. Описаніе ихъ и датировку я далъ уже выше, на стр. 24.

Бреве, какъ litterae clausae, складывались въ пакетъ разнообразной величины въ зависимости отъ размѣра документовъ, варьировавшагося, начиная съ узкой полоски вершка въ полтора [1]) и кончая листомъ пергамена очень большой величины [2]). На пакетѣ надписывался адресъ обыкновенно тѣмъ же писцомъ, который писалъ и текстъ. Адресъ на издаваемомъ нами бреве папы Пія V написанъ въ одну строку слѣдующимъ образомъ (см. клише на стр. 29):

---

1) Таково вышеуказанное бреве Евгенія IV—размѣромъ—$5^3/_4 \times 36$ сантиметровъ. Въ собраніи автора, напримѣръ, имѣются — 1) бреве папы Сикста IV—отъ 27 Іюля 1474 года (Dilecto filio Aloisio de Catino)— размѣромъ $9 \times 37^3/_4$ сант. (пакетъ — $4 \times 9^3/_4$ сант.) и 2) еще меньшаго размѣра, къ сожалѣнію немного обрѣзанное съ одного края, бреве папы Николая V — отъ 10 августа 1451 года (Dilectis filiis prioribus et communi ciuitatis nostre Racanatensis)— 6×36 сант. (пакетъ—$2^1/_2 \times 9^3/_4$ сант.). Совпаденіе длины пакета несовсѣмъ случайно. По моимъ наблюденіямъ древнѣйшія бреве складывались въ пакеты именно около 10 с. величиной, но это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ сходства въ ширинѣ листа пергамена. Въ Венеціанскомъ архивѣ изъ пяти видѣнныхъ мною бреве папы Евгенія IV четыре имѣютъ 36 сант. на: 1) $7^1/_4$, 2) $7^3/_4$, 3) 9 и 4) $12^3/_4$ сант. и только одно 39 сант. на $8^1/_4$ сант. Соотвѣтственно съ этимъ и пакеты измѣняются въ своей величинѣ: 1) 9×3; 2) $9^1/_2 \times 2^3/_4$; 3) $9^1/_2 \times 3$; 4) $9^1/_4 \times 2^1/_2$; 5) 10×3 сант.

2) Напримѣръ, въ собраніи автора бреве папы Григорія XIII отъ 13 января 1584 года (Dilecto filio causarum Curiae Camerae Apostolicae generali Auditori) написано на листѣ $60 \times 76^1/_2$ сант., при чемъ было свернуто пакетомъ 13×20 сант., а бреве папы Урбана VIII отъ 18 Іюня 1627—«ad perpetuam rei memoriam» и потому безъ адреса, написано на листѣ въ 56×74 сант. Такой размѣръ конечно не представляетъ еще предѣла пергаменнаго листа. Дипломатисты указываютъ: — A. Giry — «charte de coutumes de Condom» 1314 года— размѣръ 75×95 с., при чемъ листъ правильный четыреугольникъ (см. p. 496), C. Paoli—въ Флорентинскомъ архивѣ «un documento di vendita» 1243 года размѣромъ 116×95 сант. (p. 42) Однако этотъ листъ едва ли правильной формы. Иногда, особенно въ Венеціи — цѣлую шкуру утилизировали возможно больше въ длину и листъ оканчивался неправильными выступами, какъ бы хвостомъ. Въ собраніи автора актъ 1307 года (за подписью дожа Пьетро Градениго) имѣетъ 101×55 сант.; другой актъ 1321 года (за подписью дожа Giovanni Soranzo)—106×57 сант., и третій 1377 года (за подписью дожа Андрея Контарини) совсѣмъ исключителенъ по длинѣ $117^1/_2 \times 73$ сант. Надо принять во вниманіе и самый матеріалъ бреве — очень тонкій и нѣжный. Буллы бывали и бо́льшаго чѣмъ бреве размѣра. Въ собраніи автора, напримѣръ, находится булла папы Павла III («Dilecto filio Francisco Sanctorum Nerei et Achillei presbytero cardinali Sfondrato», «facultas»—данная кардиналу, отправляющемуся посломъ къ императору Карлу V) — отъ 27 Февраля 1546 (но по январскому году на самомъ дѣлѣ 1547 года), размѣръ листа которой 79×93 сант., то есть

Адресъ на бреве папы Пія V къ царю Ивану Грозному.

Помѣты на оборотѣ бреве относятся къ позднѣйшему времени и сдѣланы различными архиваріусами того архива, въ которомъ документъ этотъ хранился[1]). На оборотѣ же находится совершенно ясный слѣдъ приложенной овальной красновосковой печати. Возникаютъ вопросы—какая печать была приложена и какимъ образомъ, если актъ долженствовавшій быть запечатаннымъ, остался въ видѣ бланка съ невписаннымъ именемъ посла. Отвѣтъ на первый вопросъ ясенъ — печать папская находилась въ Римѣ и только тамъ могла быть приложена, документъ былъ выданъ, какъ законченный и вписанъ въ регистръ бреве. Слѣдовательно присутствіе печати вполнѣ нормально. Отвѣтъ на вто-

---

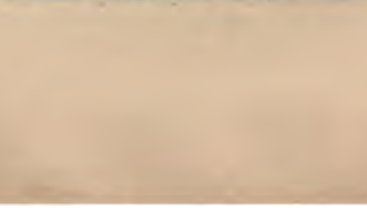
превышаетъ площадью знаменитую Кондомскую хартію (7189 и 7125 кв. сант.). S. Steinherr въ статьѣ «Die Facultäten eines päpstlichen Nuntius im 16 Jahrh.» (въ «Mitth. des Inst. für Österr. Geschichtsforschung», Band XIX—1898—s. 327—342) издалъ подобный актъ по нотаріальной копіи («ego notarius .... legi, palpavi et diligenter inspexi quandam bullam bulla plumbea praefati S-mi D. Pii papae quarti cum cordula canapis more Romanae curiae impendente bullatam, sanam et integram, non vitiatam, nec in aliqua sui parte suspectam ... »). Булла изданная Штейнгеромъ была дана знаменитому кардиналу Станиславу Гозію («Stanislao Hosio episcopo Warmiensi») въ 1560 году (XV. Kal. Aprilis anno primo—по мартовскому счету 1559), по тексту, повидимому, значительно обширнѣе «наказа» кардиналу Сфондрато, а слѣдовательно, какъ можно предполагать, была написана на листѣ и еще большаго размѣра, чѣмъ упомянутая булла 1547 года. Исключительно громадный листъ пергамена представляетъ одна булла, не отмѣченная въ учебникахъ дипломатики. Въ Венеціи въ знаменитомъ ея архивѣ de' Frari—въ «Sala diplomatica Regina Margherita» выставлена булла папы Климента V, отъ 17 Февраля 1312 года—«bolla piccola, alta m. 1,05 X 1,24, con scrittura a linee fittissime, lunghe, ciascuna, metri 1,16» [см. «Sala diplomatica Regina Margherita» (Venezia. 1880. 16⁰), p. 44]. Личнымъ осмотромъ я убѣдился въ правильной формѣ и прекрасной выдѣлкѣ этого феноменально большаго листа. Не менѣе замѣчательно превосходное, мелкое и чрезвычайно убористое письмо, 166 строкъ котораго могутъ наполнить брошюру въ нѣсколько печатныхъ листовъ.

1) Двѣ записи разнаго времени говорятъ о содержаніи бреве: 1) «1570. Breue di Pio V diretto al Duca di Moschouia, inuitandolo alla lega contro il Turco in occasione dell'assedio di Cipro», 2) «9 Agosto 1570. Breue di S. Pio Papa V diretto al Duca Moscouia nel quale l'inuita entrare nella lega contro il Turco in occasione dell'assedio di Cipro». Первая запись ранняя, до канонизаціи папы; второй архивистъ называетъ его уже святымъ. Третья помѣта (почеркъ отличный отъ первыхъ двухъ) отмѣчаетъ мѣсто храненія: «№ 3. Mazzo B. Armario A». Въ какомъ архивѣ хранился документъ? Думаю, что онъ никогда не возвращался въ Ватиканъ, а лежалъ въ одномъ изъ многочисленныхъ фамиль-

рой вопросъ можетъ быть данъ только путемъ тщательнаго выясненія техники запечатыванія папскихъ бреве. По моему мнѣнію бреве запечатывалось красновосковой печатью, при помощи пергаменной ленточки, но не всегда совершенно одинаково [1]).

ныхъ римскихъ архивовъ, въ который попалъ непосредственно отъ Винченцо даль Портико. Историческіе документы Италіи, особенно папской куріи, очень разбросаны по всевозможнымъ архивамъ и собраніямъ. Помимо политическихъ переворотовъ и упраздненія монастырей, историческіе акты по обычаю переходили въ архивы сановныхъ родовъ. Значительная часть того, чему надлежало бы перейти въ государственный архивъ, по смерти сановника присоединялась къ фамильному архиву. Вотъ почему D. Ursmer Berlière въ статьѣ «Aux Archives Vaticanes» (Bruges. 1903) дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Les archives de la secrétairerie d'État sont très dispersées; on en retrouve des fragments dans un grand nombre d'archives et de bibliothèques de Rome et d'Italie, surtout dans celles des grandes familles cardinalices» (p. 17).

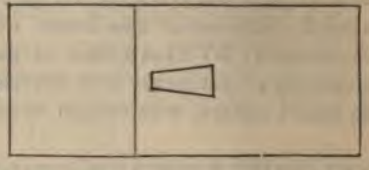
1) Вопросъ о способѣ запечатанія бреве не изложенъ въ учебникахъ дипломатики. Да и вообще только детальное изслѣдованіе по большому количеству оригиналовъ можетъ выяснить видоизмѣненія способовъ запечатыванія висльми и прикладными печатями. Мы уже говорили о древнѣйшихъ lettres closes. Въ дополненіе можно указать еще — на замѣтку — R. F. Kaindl: «Ueber den Verschluss der päbstlichen Documente im XIII. Jahrhundert» («Römische Quartalschrift», 1893), которая, какъ мнѣ кажется, очень нуждается въ подтвержденіи точными фототипическими снимками. Сохранившіяся въ значительномъ количествѣ, начиная съ XIV столѣтія, частныя письма даютъ богатый матеріалъ для изслѣдованія вопроса о запечатаніи и указываютъ, что съ одной стороны разные способы существовали одновременно и что съ другой можно подмѣтить измѣненіе способовъ съ теченіемъ времени—по вѣкамъ—вплоть до изобрѣтенія конвертовъ. Такъ, между прочимъ, большинство писемъ XIV столѣтія, въ развернутомъ видѣ обнаруживаютъ ряды симметрично расположенныхъ тонкихъ и узкихъ прорѣзовъ. Значитъ, сложенное пакетомъ, письмо было проколото въ нѣсколькихъ мѣстахъ, очевидно въ цѣляхъ запечатанія, но адресъ на пакетѣ сохраняется при этомъ цѣликомъ. Наоборотъ весьма значительная часть писемъ XV вѣка дошла до насъ безъ печати и съ адресомъ, обрывающимся на полусловахъ. Это объясняется тѣмъ, что печать накладывалась не на самый пакетъ, а на особую бумажку и при томъ довольно хитрымъ способомъ. Бралась бумажка приблизительно въ величину пакета =

, но съ узкимъ прирѣзкомъ, какъ бы языкомъ: 

На прилагаемомъ клише ясно видно положеніе печати подъ пергаменомъ:

Съ другой стороны видѣнъ самый способъ прикрѣпленія печати. (см. клише на стр. 33).

Пакетъ прокалывался какъ разъ по серединѣ и въ прорѣзъ вставлялся язычекъ бумажки, которая пополамъ облегала пакетъ съ двухъ сторонъ. Половина бумажки, благодаря язычку, продѣтому насквозь плотно прилегала къ сторонѣ адреса, а другая на обратной сторонѣ приходилась надъ отогнутымъ язычкомъ, на который и накладывалась воскомастика:



На прижатой къ воскомастикѣ бумажкѣ оттискивалась печать «подъ бумажкой». Адресъ писался во всю длину пакета, а потому половина его приходилась на бумажкѣ, а другая на самомъ пакетѣ. Чтобы распечатать письмо необходимо было оборвать продѣтый насквозь бумажный язычекъ. Въ результатѣ печать и бумажка бо́льшею частью отпадали. Нерѣдко печать, погрѣвъ воскомастику, прикрѣпляли вновь къ распечатанному письму, не обращая при этомъ вниманія на точность ея положенія. Этотъ фактъ немаловаженъ, такъ какъ я по личному опыту знаю, что мнимая невозможность возстановить кон-

Снимокъ сдѣланъ съ документа наиболѣе всего подходя-

вертъ письма, вызывала неосновательныя подозрѣнія относительно подлинности документа. Рядомъ съ такимъ способомъ запечатанія другія письма, адресованныя тому же лицу и въ томъ же году имѣютъ вполнѣ написанный на пакетѣ адресъ и продольный проколъ по серединѣ, исключающій возможность употребленія бумажной ленты. Употребленіе простой суровой льняной нити вмѣсто ленты подтверждается рѣдкими образцами, на которыхъ около печати сохранились концы такой нити при наличности и серединнаго прокола (даже не прорѣза).

Письма XIII столѣтія съ двумя прорѣзами черезъ пакетъ, сквозь которые проходила пергаменная лента, коей концы припечатывались печатью на обратной сторонѣ пакета, см. «Kaiserurkunden in Abbildungen», Lief. VI, Tafel 18, (L. X. T. 16). Въ этомъ богатѣйшемъ изданіи есть изображенія и другихъ писемъ XIII—XIV вѣка, наприм. Lief. VIII, Taf. 19, письмо императора Рудольфа отъ 5 февраля 1286 года; на снимкѣ видна и форма пакета и гдѣ, и какъ проходила лента пергамена. Есть письма XIV вѣка и въ Archivio Paleografico Italiano, T. I, fasc. 2, №№ 19—26.

Для изслѣдованія писемъ итальянскіе архивы даютъ обширнѣйшій матеріалъ. Далеко не вездѣ такіе картеджіи разобраны и вполнѣ инвентированы. Какъ особенно драгоцѣнное и колоссальное депо писемъ надо указать на архивъ города Сіены. Составитель перваго изданія каталога: «La sala della mostra e il museo delle tavolette dipinte della Gabella e della Biccherna nel R. Archivio di Stato in Siena» (Siena. 1889. 8°) указываетъ, между прочимъ, что: «il carteggio dell' Archivio Senese incommincia dall' anno 1235 et conta *oltre a centodiecimila*

щаго — съ другаго бреве папы Пія V, отъ 1 іюля 1569 г.[1]). Утверждаютъ, что нѣкоторыя бреве (на листахъ) оставались открытыми — это упрощаетъ объясненіе присутствія печати на описываемомъ письмѣ папы къ Ивану Грозному, хотя утвержденіе стариннаго дипломатиста и требуетъ еще провѣрки наглядными примѣрами[2]). Многочисленныя запечатанныя бреве могутъ вполнѣ точно выяснить способъ, правильнѣе способы запечатанія. Клише съ бреве Пія V показываютъ, какъ печать прикрѣплена къ пергамену и какъ лента пергамена сверху прикрѣплена къ печати, но не даютъ точныхъ указаній, проникала ли ленточка, на которой находится печать, черезъ весь пакетъ или только черезъ одинъ листъ пергамена. Въ моемъ собраніи находятся два бреве сравнительно очень недавняго времени, а именно папы Григорія XVI (1831—1846), которыя по какой то слу-

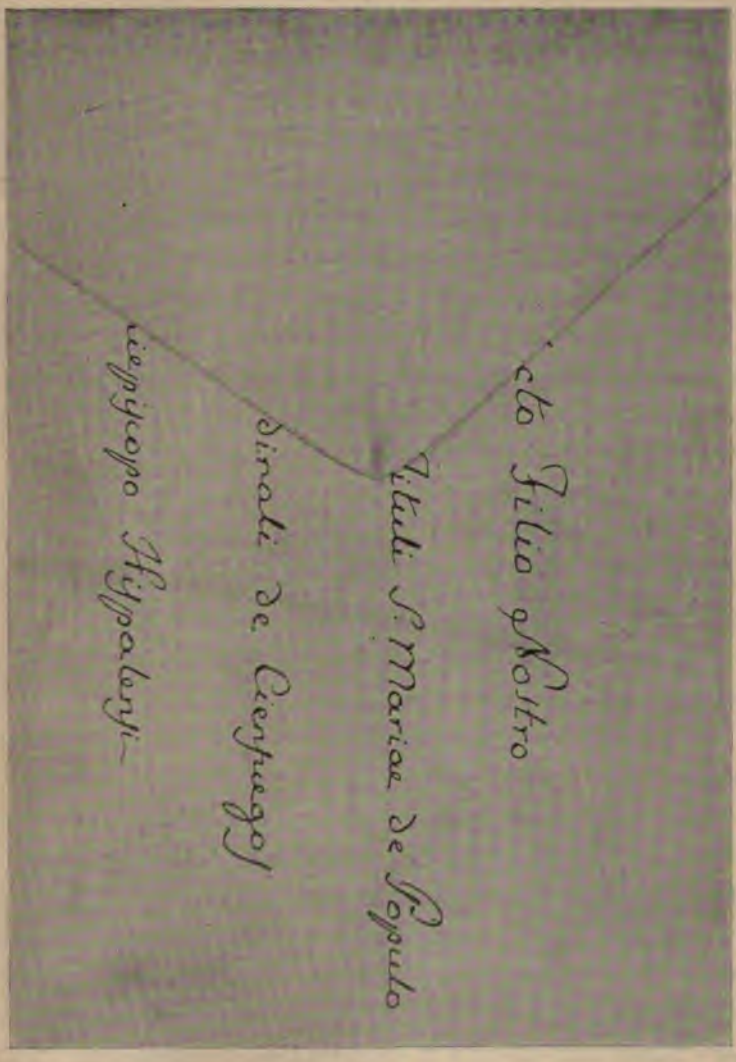
lettere: in tanta dovizia riusci agevole formare raccolte autografiche di letterati celebri, di donne illustri, di capitani di ventura e di condottieri famosi». Сколько знаю, архивы другихъ странъ менѣе богаты старыми частными письмами, но съ XV столѣтія матеріалъ становится колоссальнымъ. Письма XIV столѣтія издаются и отдѣльно единичными экземплярами. Такъ недавно: A. Bernt: «Ein Hohenfurter deutscher Privatbrief aus dem 14 Jh.» [въ «Mittheilungen d. Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», XL (Prag. 1901), 151—154]. Время написанія около 1335—1345. Въ Италіи особенное вниманіе посвящено письмамъ на итальянскомъ языкѣ. Есть нѣсколько небольшихъ изданій писемъ XIII—XIV вв. Особенно посчастливилось одному письму XIII ст., оригиналъ котораго находится до сихъ поръ въ частномъ владѣніи въ Сіенѣ и одно время предлагался къ покупкѣ: оно было напечатано и перепечатано не менѣе пяти разъ.

Въ изложеніи засѣданія Académie des Inscriptions et Belles Lettres, происходившаго 27 Октября 1905 года, читаемъ между прочимъ, что «M. Elie Berger examine les caractères extérieurs d'une vingtaine de lettres closes trouvées par M. l'abbé Bled aux Archives municipales des Saint.—Omer. Écrites entre 1316 et 1319, elles émanent du maire de Saint-Omer, Jean Bonenfant, de la comtesse Mahaut d'Artois etc. M. Berger rappelle à ce propos les règles alors suivies pour expédier, fermer, sceller et adresser les lettres closes. *La rareté des pièces de correspondance remontant au XIII et au commencement du XIV siècle donne à cette découverte une réelle importance*» («Revue Critique», № 45).

1) Находится въ собраніи автора, адресовано клерику Баптисту Лючидо въ Мацерату.

2) Bexxel: «Specimen sphragistico-diplomaticum de annulo Piscatoris» (Altorfii. 1787), стр. 19: «... Plurima Breuia hoc modo clausa erant, paucissima aperta seu patentia, et haec tamen cum Annulo Piscatoris et cera rubra in tergo signata». Только по мѣсту приложенія печати можно доказать, что бреве не могло быть запечатано *этой печатью*.

чайности остались нераспечатанными. Съ одного изъ нихъ, адресованнаго «Dilecto filio nostro Xaverio tituli S. Mariae de Populo Presbytero S. R. E. Cardinali de Cienfuegos Archiepiscopo Hispalensi» (Franciscus Xaverius Cienfuegos былъ архіепископомъ Севильи съ 1825 по кончину свою 21 Іюня 1847 года), сдѣланы прилагаемыя клише (см. стр. 35—адресъ и 36 — обратная сто-



рона пакета). Ясно видно какъ узкій отрѣзокъ пергаменной ленты проникаетъ насквозь пакетъ черезъ прорѣзъ въ одномъ мѣстѣ, на которомъ съ другой стороны и накладывается печать.

Этотъ способъ — съ прорѣзомъ — господствуетъ съ самаго начала бреве. На фототипической таблицѣ IV въ трехъ бреве папы Евгенія IV мы видимъ прорѣзы, расположеніе которыхъ

незначительно измѣняется отъ формы и величины пакета. Такъ breve отъ 4 Сентября 1444 года было сложено слѣдующимъ образомъ:

—	—	—	—
—	—	— АДРЕСЪ	ПЕЧАТЬ
—	—	—	—

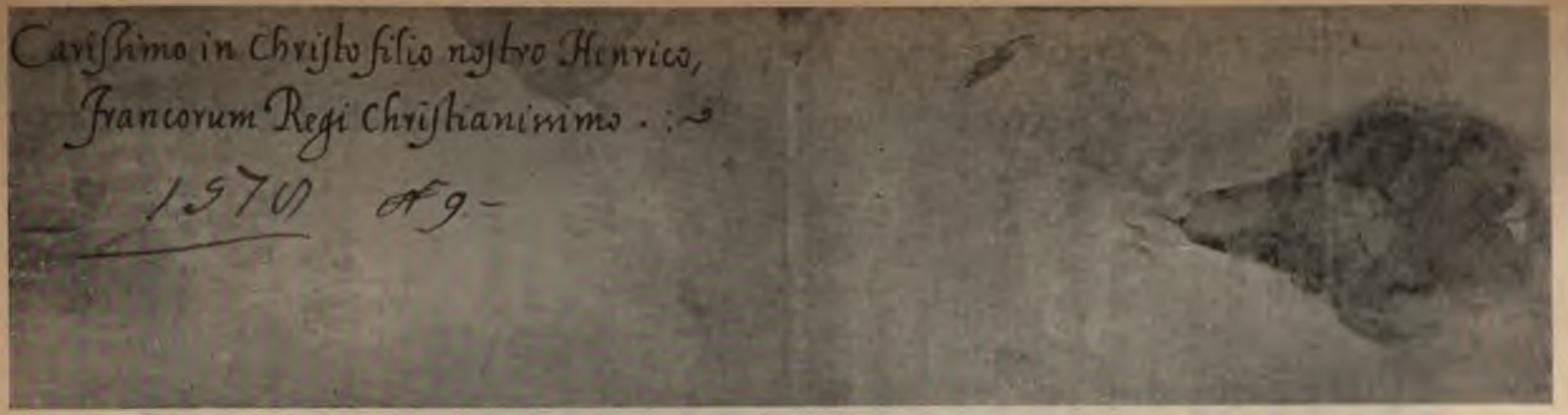
Остатокъ ленты, обрѣзанной при распечатаніи, ясно видѣнъ на снимкѣ около цифръ года написанія акта. Такой же кусочекъ пергамена замѣтенъ и въ текстѣ breve 1443 года (см. слово «Reliquam»), но въ другомъ мѣстѣ, что зависитъ отъ положенія печати.

Совершенно подобный отрѣзокъ мы видимъ на прилагаемыхъ клише (см. на стр. 38). Снимки сдѣланы (одинъ съ наружной стороны, другой со стороны текста) съ breve папы Григорія XIII, адресованнаго къ королю французскому Генриху III (die XVI Maii. M. D. LXXVIII; оригиналъ въ нашемъ собраніи), и съ breve папы Урбана VIII (die VI Junii M. DC. XXVI), адресованнаго «Charissimae in Christo filiae nostrae Isabellae Portugalliae et Algarbiorum Reginae illustri» (оригиналъ въ нашемъ собраніи; этотъ адресъ см. клише на стр. 39).

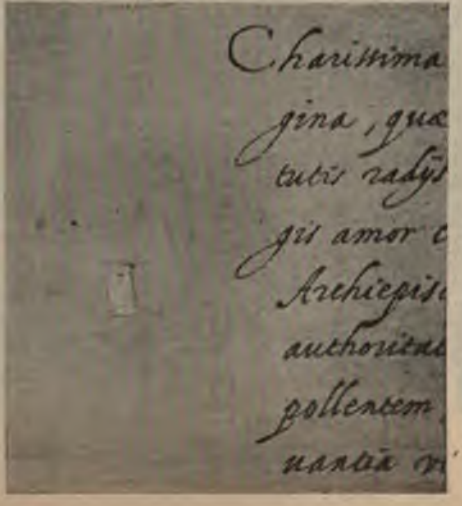
На маленькомъ клише видѣнъ обрѣзанный кусокъ пергаменной ленты, проходившей черезъ толщу пакета. На клише съ адресомъ замѣтно, какъ на отогнутыхъ концахъ ленты приложена была печать, только краемъ закрывшая эти отрѣзки.

Прорѣзы имѣются и на тѣхъ breve, которые послужили намъ оригиналами для снимковъ печати рыбаря (см. ниже).

Иногда, начиная съ XVII столѣтія (я не знаю болѣе раннихъ примѣровъ), мѣсто печати обводилось особою чертою, точнѣе сказать, прикладывался штемпель, указывавшій мѣсто приложенія печати. Такой штемпель мы видимъ на прилагаемомъ клише (см. на стр. 39) съ breve папы Урбана VIII (die VIII Decembris M. D C. XXXX) адресованномъ «Charissimo in Christo filio nostro Vladis-



Клише съ адреса на бреве папы Григорія XIII къ Генриху III, королю Франціи, отъ 16 Мая 1578 года.



Клише съ прорѣза для печати и съ начальныхъ строкъ текста бреве папы Урбана VIII отъ 6 Іюня 1626 г. къ королевѣ португальской Изабеллѣ.

Charissimo in Christo filio nostro Vladislao
Poloniæ, et Sueciæ Regi Illustri.

Charissimæ in Christo filiæ nostræ Isabellæ
Portugalliæ, et Algarbiorum Reginæ Illustri.

lao Poloniae et Sueciae Regi Illustri» (краткое посланіе касается: «literas Maiestatis tuae, quas super disceptatione, quae inter Religiosos Societatis Iesu et Parochum Golambensem agitatur, ad Nos dedisti, libenter legimus et venerabilem fatrem episcopum Posnaniensem ea de re Nobiscum disserentem benevole audivimus....». [1])

Способъ запечатыванія при помощи прорѣза не былъ однако единственнымъ. Въ этомъ удостовѣряетъ, напримѣръ клише, помѣщенное ниже на стр. 54 и представляющее снимокъ съ находящагося въ нашемъ собраніи бреве папы Сикста V отъ 31 января 1586 года (адресовано «Dilecto filio Io. Petro del Drago ciui Romano» и подписано секретаремъ—«Io. Baptista Canobius»). Печать лишь прикрыта широкой пергаменной лентой, *которая прикрѣплена къ пергамену съ другой стороны, то есть со стороны текста, для чего и было оставлено широкое поле.* Прорѣзовъ нѣтъ и бреве было только сложено большимъ конвертомъ, но не запечатано. Передъ нами образецъ открытаго бреве и того способа запечатанія, который былъ употребленъ для посланія папы Пія V къ царю Ивану Грозному. Издаваемое нами бреве, какъ видно на таблицѣ I, также имѣетъ широкое поле съ лѣвой стороны и въ немъ замѣтенъ прорѣзъ, на которомъ была приложена печать [2]).

---

1) Оригиналъ, происходящій изъ коллекціи Azzolini, находится въ нашемъ собраніи.

2) Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, подъ № II, хранится бреве папы Григорія XIII отъ 11 Августа 1584 года, датированное: «Datum Romae apud Sanctum Marcum sub annulo Piscatoris die XI Augusti M. D. LXXXIIII. Pontificatus nostri anno decimo» и скрѣпленное секретаремъ.—«Ant. Buccapadulius». Документъ въ такомъ ужасномъ состояніи въ смыслѣ сохранности, что нельзя разобрать ни мѣста приложенія печати, ни даже адреса. А между тѣмъ бреве интересно именно по адресату—оно адресовано московскимъ боярамъ и начинается словами: «Gregorius PP. XIII. Dilecti filii nobiles viri, salutem et omnis gratiae fructum. Perspectam esse vobis arbitramur nostram caritatem erga superiorem Magnum Moscoviae Ducem Ioannem. Convenit ut eadem caritate amplectamur Theodorum, ejus filium et successorem, cumque eo Vos etiam ipsos tam multarum provinciarum, tamque potentium populorum gubernationis adjutores..» Листъ тонкаго пергамена, *широкій*, хотя на немъ и помѣщено всего 8 строкъ разгонистаго, округлаго письма. Повидимому одинъ писецъ съ бреве (хрисовуломъ)

Какая именно печать употреблялась для бреве — это мы узнаемъ изъ самаго текста, въ которомъ говорится—«Datum Romae apud Sanctum Petrum *sub annulo Piscatoris*». Объ этомъ перстнѣ рыбаря существуютъ два спеціальныхъ изслѣдованія—Bezzel'я [1]) и извѣстнаго ученаго Francesco Cancellieri [2]), книжкой котораго обычно пользуются позднѣйшіе дипломатисты. Древнѣйшее документальное извѣстіе и вмѣстѣ объясненіе перстневой папской печати приведено еще Мабильономъ [3]). Въ письмѣ папы Климента IV отъ 7 марта 1265 года (Potthast, 19051) говорится: «Non scribimus tibi nec familiaribus nostris sub bulla sed *sub piscatoris sigillo* quo romani pontifices in suis secretis utuntur». A. Giry приводитъ и дальнѣйшія указанія папскихъ документовъ 1279 — 1280 годовъ: «est sigillata sigillo piscatoris»; «piscatoris annulo sigillata», и письма папы Мартина IV отъ 21 октября 1283 года: «has autem nostras litteras nostro secreto sigillo quod piscatoris dicitur fecimus communiri». Такія исключительныя и необыкновенно рѣдкія, можно сказать, одиночныя указанія въ документахъ, позволяютъ твердо установить фактъ, что папы еще въ XIII

1582 года также какъ и одинъ и тотъ же секретарь. Въ листѣ *прорѣзовъ нѣтъ* и все говоритъ за то, что это бреве было—breve apertum. Двѣ старыя помѣты гласятъ:

a) на лицевой сторонѣ, подъ текстомъ: «Вѣрющая грамота Григорья ѳ папы римского на посла ево на Антонья Посевиниуса писана к царю Ѳедору Ивановичю въ ѯ. ѳ. ѱд. году».

b) На обратной сторонѣ по нижнему краю превосходною скорописью: «Лѣта 7093-го Марта въ 16 день сю грамоту папы римского привез ко государю из Литвы Григорей Полтев».

1) Iohannes Gabriel Bezzel: «Specimen inaugurale sphragistico-diplomaticum de annulo Piscatoris» [Altorfii typis Hesselianis (1787)], in 4⁰.

2) «Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello Pescatorio e degli altri anelli ecclesiastici...» (Roma. 1823. 8⁰).

3) «De re diplomatica» (перв. изд.), стр. 130. Martène: «Thes. anecd., t II, p. 110. «Nouveau traité de diplomatique», t. IV, p. 312. Cancellieri, l. c., p. 1. A. Giry: «Manuel de Diplomatique», p. 692. C. Paoli: «Programma scolastico», III, p. 27 (ошибается, считая первоисточникомъ Cancellieri). Фраза о печати передается разными авторами съ отмѣнами — «familiaribus» замѣняется «consanguineis» или совсѣмъ пропускается.

столѣтіи пользовались для частной переписки особой «секретной» печатью, которая прикладывалась перстнемъ съ изображеніемъ «рыбаря», то есть апостола Петра. Оттискъ кольца не могъ образовать свинцовой пломбы и потому мы не должны смѣшивать упомянутыхъ документовъ съ тѣми litterae clausae, запечатанными обычными буллами, о которыхъ мы выше говорили[1]). Писемъ sub annulo Piscatoris отъ XIII и XIV вв. въ подлинникахъ не сохранилось и какъ они были запечатаны мы не знаемъ, можно лишь предполагать о приспособленіи пергаменныхъ лентъ, какъ это замѣчено относительно древнѣйшихъ закрытыхъ писемъ. Что litterae clausae, смотря по содержанію и адресатамъ, могли быть двухъ типовъ—это вполнѣ подтверждается подлинниками позднѣйшей эпохи. Папа Пій II несомнѣнно пользовался тѣмъ типомъ бреве, который выработался при Евгеніи IV и окончательно утвердился при Николаѣ V. Cancellieri указываетъ два бреве папы Пія II, въ 1458 году Пій II адресовалъ митрополиту Кіевскому Григорію бреве по формулѣ «Pius Papa II»[2]). И въ тоже время этотъ папа посылалъ и бреве съ формулой «episcopus servus servorum dei», запечатанныя свинцовой буллою, приложенной къ веревочкѣ, которой прошнурованъ насквозь пакетъ документа. На таблицѣ V-й, снимокъ b, мы даемъ адресъ такого бреве отъ 16 января 1462 года, адресованнаго — «Dilectis filiis Prioribus libertatis et Vexillifero iusticie populi et communis ciuitatis Florentie»[3]); вмѣсто двухъ отверстій для шнура видѣнъ сплошной раз-

1) Къ сожалѣнію я не нашелъ въ дипломатической литературѣ не только подробнаго изложенія о двухъ типахъ папскихъ litterae clausae для времени до папы Евгенія IV, но и краткаго замѣчанія, кромѣ развѣ Ottenthal: «Bullenregister», p. 524.

2) Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VI, стр. 319. Во время Пія II brevia plumbata употреблялись едва ли не чаще, чѣмъ brevia sub annulo piscatoris. Въ Венеціанскомъ архивѣ бреве обоихъ видовъ (три sub annulo piscatoris, всѣ 1464 г.) одинаково адресованы — «Dilecto filio nobili viro Christophoro Mauro Duci Venetiarum».

3) По содержанію своему документъ свободно могъ бы оставаться открытымъ листомъ, онъ состоитъ изъ немногихъ строкъ: «Pius episcopus seruus seruorum Dei dilectis filiis Prioribus libertatis et Vexillifero iusticie Populi et Communis

рѣзъ, путемъ котораго документъ былъ распечатанъ. Въ музеѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ находится подобное же письмо 1461 года, сохранившее буллу при очевидныхъ надрѣзахъ для распечатанія; на оборотѣ адресъ — dilectis filiis capitulo ecclesie Cracoviensis»[1]). Въ томъ же архивѣ — музеѣ нахо-

Ciuitatis Florentie salutem et apostolicam benedictionem. Commisimus nonnulla dilecto filio nostro Angelo tituli sancte Crucis in Jerusalem presbytero Cardinali Reatinensi apostolice sedis legato presentium exhibitori nostri parte uestre deuotioni referenda, super quibus hortamur uelitis ei tanquam persone nostre indubiam fidem adhibere. Datum Rome apud Sanctum Petrum anno Incarnationis Dominice Millesimoquadringentesimosexagesimoprimo Decimoseptimo Kl. Februarii Pontificatus nostri anno quarto» (подлинникъ въ собраніи автора). Angelus Capranica, былъ епископомъ Ріети (въ средней Италіи)=Reatinensis съ 25 сентября 1450 года, сдѣланъ кардиналомъ въ 1460 году, ум. въ 1478. Секретарь папы, подписавшій breve—«G. de Piccolominibus», помѣстилъ свою подпись на пакетѣ подъ адресомъ въ правомъ углу.

Въ небольшой брошюрѣ — «Constitutione di Pio Secondo, sommo pontefice, sopra le Gabelle da pagarsi da'Religiosi, e luoghi Pii» («In Siena. 1597», in 4⁰, 15 стр.) напечатано breve папы Пія II—«Dilectis filiis Vicario venerabilis fratris nostri Archiepiscopi et Prioribus Guber. Communis et Capitaneo Populi civitatis Senarum», датированное—«Dat. Petrioli Sen. Diœc. sub anulo Piscatoris, die XXVII. Aprilis. M. CCCC. LXIIII. Pontificatus nostri anno sexto». Это breve «sub annulo Piscatoris» подписано тѣмъ же папскимъ аббревіаторомъ, что и нами издаваемое, а именно—«G. de Picolominibus». Въ изданіи L. Pastor: «Ungedruckte Akten zur Geschichte der Päpste» (Freiburg im Breisgau. 1904. 8⁰) напечатанъ длинный рядъ breve папы Пія II, часть которыхъ узнается по начальной формулѣ, а нѣкоторыя и по точному указанію — «sub annulo piscatoris» (напр. № 114 отъ 30 Мая 1461 года, № 143 — 11 Августа 1463; № 164 — отъ 3 Ноября 1463). Только три breve издано по оригиналамъ трехъ разныхъ архивовъ—№ 139—1 Марта 1463 года (Страссбургъ); № 145—7 Сентября 1463 (Флоренція); № 181—1 Февраля 1464 (Болонья). Подъ № 186 (11 Апрѣля 1464 года) — издано breve, которое было запечатано свинцовою буллою (оригиналъ адресованный дожу Христофору Моро хранится въ Венеціанскомъ архивѣ). Подъ № 134 напечатанъ актъ, заслуживающій особаго освѣщенія. Это — письмо папы Пія II (отъ 7 Октября 1462 года), адресованное герцогу Фридриху Урбинскому, начинается по формулѣ: «Pius episcopus seruus seruorum Dei...» и оканчивается словами: «Datum apud Petriolum *et manu propria scriptum* nonis octobribus 1462» (оригиналъ находится въ Флорентинскомъ архивѣ). Этотъ документъ по формѣ выдѣляется и изъ частныхъ папскихъ писемъ. Весьма интересно было бы знать, на чемъ—бумагѣ или пергаменѣ—было писано письмо, и какъ запечатано. Къ сожалѣнію L. Pastor ограничивается однимъ опредѣленіемъ: «original». При моей справкѣ такое опредѣленіе оказалось ложнымъ, breve находится въ спискѣ, въ бумажной тетради, вмѣстѣ съ другими копіями.

1) «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», t. III (W Krakowie. 1894. 4⁰), p. III, № 97.

дятся и два бреве папы Евгенія IV—начинающіяся формулою «episcopus servus servorum Dei» и запечатанныя свинцовой буллою (у одного оригинала она виситъ и до сихъ поръ). Одно изъ этихъ бреве — отъ 9 апрѣля 1438 года — «Venerabili fratri archiepiscopo Gneznensi»[1]), другое отъ 3 октября 1444 года — «Dilecto filio excellenti principi Kazimiro duci Litwanie»[2]). Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что употребленіе новаго типа бреве при этомъ папѣ началось послѣ 1444 года[3]). Мы отмѣтили уже (см. выше) видѣнное нами въ Болоньѣ бреве 1436 года и въ данномъ случаѣ должны констатировать фактъ совмѣстнаго употребленія двухъ видовъ. Въ этомъ утверждаетъ и то обстоятельство, что пользованіе свинцовой буллою для litterae clausae отнюдь не прекратилось съ ближайшими преемниками Евгенія IV. Прилагаемое клише (см. стр. 45) даетъ намъ внѣшній видъ и адресъ сложеннаго пакетомъ письма папы Бенедикта XIV отъ 1757 года, адресованнаго въ Венецію — «Dilecto filio nobili viro Francisco Loredano duci reipublice Venetiarum»[4]).

При папѣ Львѣ X безъ обозначенія мѣста и времени печати, но несомнѣнно Римъ и 1515 годъ, вышла въ свѣтъ небольшая брошюра (in 4°, на 28 нумеров. листахъ) — «Bulle et Breuia Apostolica plumbata: que S. D. N. D. Leo diuina prouidentia Papa. X. ad Petrum Patriarcham Maronitarum in monte Libano

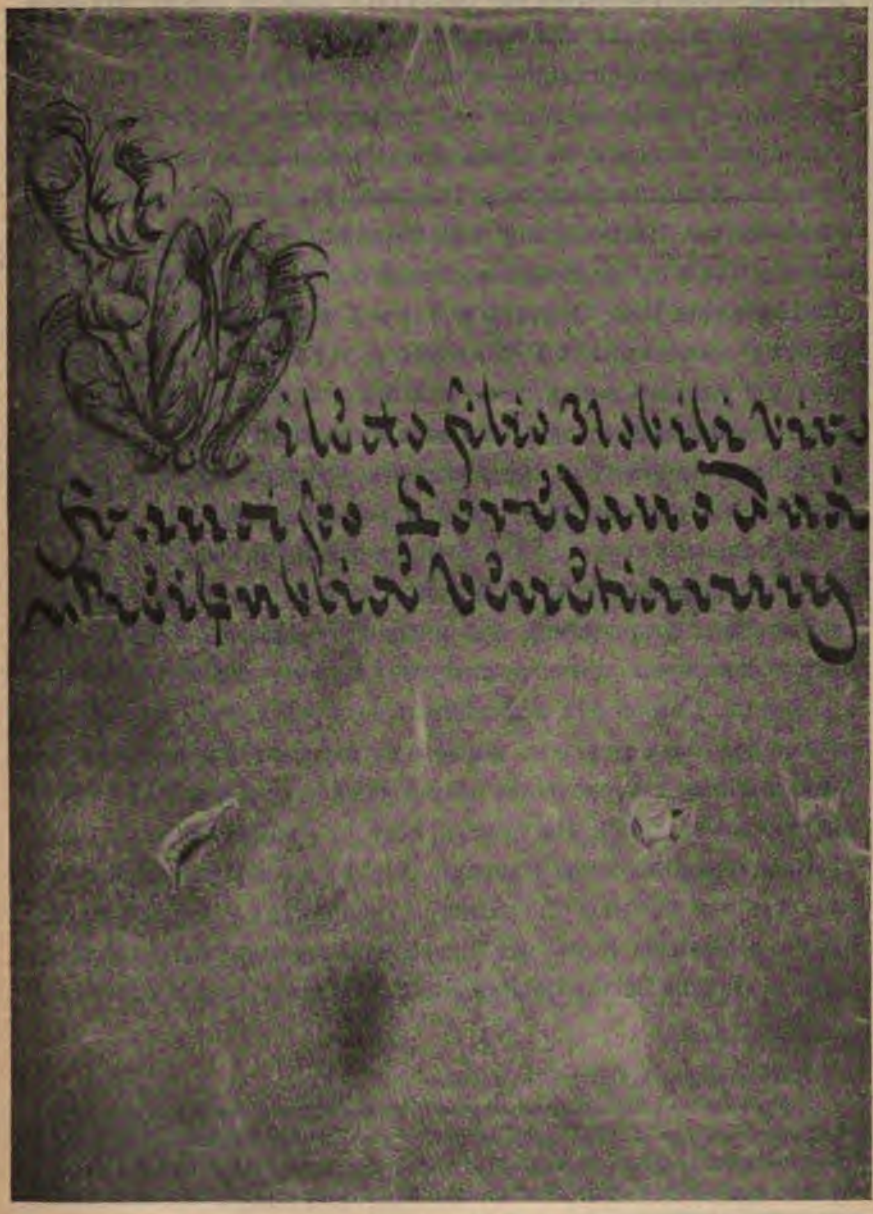
---

1) Ibidem, t. II, № 247, p. 365.

2) Ibidem, t. II, № 302, p. 451.

3) A. Giry опредѣленно говоритъ относительно бреве, что «les plus anciens que l'on connaisse remontent *aux premières années* du pontificat d'Eugène IV» (p. 699).

4) Подлинникъ въ собраніи автора (размѣръ листа 32×46 сант.), писанъ очень неразборчивой scrittura bollatica; начинается формулой настоящихъ бреве—«Benedictus Papa XIIII и обращеніемъ въ звательномъ падежѣ. Содержитъ увѣдомленіе о назначеніи Николая Динариція (Nicolaus Dinaricius) архіепископомъ въ Спалато («Spalato»). Архіепископъ Николай, назначенный въ 1757 году и умеръ въ Сплитѣ въ 1764 году. Датированъ нашъ документъ—«Datum Rome apud Sanctam Mariam Majorem Anno Incarnationis Dominice Millesimo septingentesimo quinquagesimo sexto. Tertio Nonas Ianuarii Pontificatus Nostri anno decimo septimo». 3 Января по Мартовскому году падало еще на 1756 годъ.



Адресъ бреве папы Бенедикта XIV (отъ 3 Января 1757 года), адресованнаго дожу Франческо Лоредано.

partium Syrie per certos sue Sanctitatis nuncios misit». Въ этой книжкѣ послѣ буллъ напечатаны пять бреве — изъ коихъ четыре закрытыя («primum, secundum, quartum, quintum—breve clausum») и одно открытое — («tertium breve apertum»). Всѣ пять бреве написаны въ одинъ день «Datum Rome apud Sanctum Petrum. Anno Incarnationis Dominice Millesimoquingentesimoquintodecimo. Tertiodecimo Kł. Septembris Pontificatus nostri anno tertio» и съ начальной формулой буллъ—«Leo episcopus seruus seruorum Dei». Значитъ и Левъ X употреблялъ — рядомъ съ brevia sub annulo Piscatoris — brevia plumbata, при чемъ мы узнаемъ фактъ, что такія бреве могли быть и открытыми, смѣшиваясь такимъ образомъ съ малыми буллами. Brevia plumbata — это тѣ по преимуществу «litterae apostolicae» — которыя выпускались «per cameram secretam pontificis».

Установивъ совмѣстное существованіе brevia sub annulo Piscatoris (открытыхъ и закрытыхъ) съ brevia plumbata (также закрытыми и открытыми), мы должны отмѣтить еше фактъ существованія бреве, которыя по праву могли бы называться бреве-хрисовулы. Говоря объ исключительныхъ случаяхъ приложенія папами золотыхъ буллъ къ немногимъ документамъ, начиная съ XVI столѣтія, дипломатисты обыкновенно и самые таковые акты именуютъ буллами[1]). На самомъ дѣлѣ это не всегда такъ. Извѣстная «грамота» папы Григорія XIII къ царю Ивану Грозному «за золотою печатью»[2]) является, напримѣръ, несомнѣннымъ breve clausum. Какъ всѣ бреве и этотъ документъ имѣетъ адресъ: «Ioanni Basilii Domino Russiae Magno Duci Moschouiae,

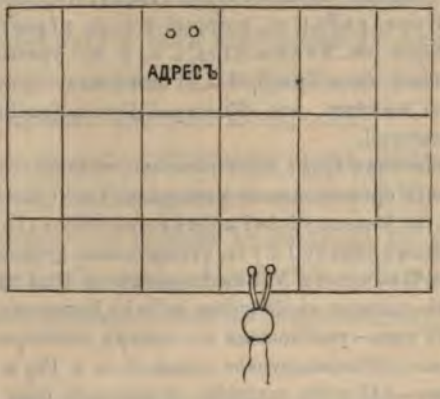
---

1) Напримѣръ, A. Giry, l. c., p. 697.

2) Хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ одной изъ витринъ и въ описи папскихъ документовъ помѣчена, какъ № 1. Представляетъ довольно большой листъ толстаго, прекрасной выдѣлки, пергамена (не менѣе 40×60 сант.), текстъ состоитъ изъ 24 строкъ, имя папы написано крупными буквами (около 2 сантиметровъ высотою), но безъ всякихъ украшеній. На актѣ имѣются русскія помѣты: 1) на лицевой сторонѣ въ самомъ низу: «Грамота Григорья г҃і папы римского к царю Ивану»; 2) на сторонѣ адреса: «ч҃ѧ (7091—1583) Генваря въ—д(ень) съ Яковом с Молвяниновым».

Nouoguardiae, Smolensciae, Vlodimiriae, Domini Casani et Astracani multarumque aliarum Prouinciarum Principi magno et desideratissimo». Начальная формула — «Gregorius Episcopus Seruus Seruorum Dei Ioanni Basilii Domino Russiae (etc. повторяется титулъ адреса) salutem et omnis gratiae fructum», обычная формула, такъ какъ апостольское благословеніе не католику, которое мы находимъ въ издаваемомъ нами бреве 1570 года является рѣдкимъ и рѣзкимъ исключеніемъ [1]). Датировка: «Datum Romae apud Sanctum Marcum Anno incarnationis Dominicae Millesimo Quingentesimo Octuagesimo Secundo Kalendis Octobris Pontificatus Nostri anno undecimo»—обычная для буллъ и brevia plumbata. Подпись секретаря «Ant. Buccapadulius» [2]). Весьма примѣчателенъ фактъ, что документъ написанъ округлымъ письмомъ — scrittura romana — настоящихъ бреве, не схожимъ съ обычнымъ готическимъ почеркомъ буллъ.

Бреве было сложено пакетомъ довольно необычно. Повидимому вдвое поперекъ, потомъ втрое и вдоль, и поперекъ, такъ что складки указываютъ на слѣдующее строеніе пакета:



1) Въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ хранится бреве папы Иннокентія XI, отъ 5 Августа 1684, адресованное царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, которое начинается даже безъ обращенія: «Innocentius pp. XI. Ubi grato recolimus animo insignes victorias...».

2) Въ Московскомъ Архивѣ подъ № 2 хранится бреве sub annulo Piscatoris отъ 1584 года, подпись секретаря таже. Клише на стр. 38 изображаетъ адресъ

Сквозь всю толщу пакета былъ продѣтъ шнуръ, скрученный изъ золотыхъ нитей вмѣстѣ съ нитями шелковыми красными цвѣта бордо. Золотая булла, прикрѣпленная къ шнуру, состоитъ изъ двухъ спаянныхъ пластинъ, изъ коихъ пластина съ головами апостоловъ гораздо толще. Печать массивная, великолѣпной художественной работы[1]). При распечатаніи печать просто на просто была отрѣзана, при чемъ шнуръ перерѣзанъ у самой печати. По распечатаніи шнуръ былъ опять продѣтъ въ два отверстія, приходившіяся подъ текстомъ и концы сшиты съ отрѣзкомъ, оставшимся у буллы.

Какъ мы уже говорили, золотая печать въ данномъ случаѣ не характеризуетъ какой либо типъ документовъ исключительной важности, а служитъ знакомъ почета и вниманія къ адресату. Впрочемъ однако нельзя не замѣтить, что печати изъ золота придавалось всетаки особенное значеніе. Въ одномъ письмѣ будущій папа Левъ XI съ явнымъ удареніемъ пишетъ — «l'uno e l'altro uorrei sigillare con un sigillo di oro»[2]).

бреве, посланнаго королю французскому Генриху III, подписалъ это бреве тотъ же Antonius Buccapadulius, который весьма вѣроятно былъ секретаремъ бреве ad principes [см. Bonamicius, l. c., p. 257 указываетъ, что «ad latinas literas scribendas» папа Григорій XIII назначилъ Буккападулія «amicitia impulsus» (надо замѣтить, что «Buccapaduliorum familia non in postremis Urbis Romae numeratur»)].

1) Штемпеля золотыхъ буллъ были нѣсколько отличны отъ обыкновенныхъ штемпелей и рѣзались превосходными мастерами. Въ «Catalogue of manuscripts and other objects in the Museum of the Public Record Office» (Third edition. London. 1905, 8°), составленномъ Maxwell Lyte, относительно печати, привѣшенной къ буллѣ, которой папа Климентъ VII подтвердилъ въ 1524 году Генриху VIII званіе «defensor fidei» сказано: «solid golden bulla by Benvenuto Cellini» (стр. 90). Булла Льва X—1521 года—уничтожена въ пожаръ библіотеки Коттона.

2) Подлинное все собственноручное письмо (l. a. s. 1½ p. folio) въ нашемъ собраніи. Адресовано—«Al molto magnifico et reuerendo come fratello mi Antonio Benevieni Vicario nostro in Firenze» (адресъ писанъ рукою секретаря). Письмо датировано «Di Roano il di 22 di gennaio 1597» и подписано «uostro come fratello il Cardinale di Firenze» [Александръ Октавіанъ Медичи архіепископъ Флорентіи съ 1574 года, кардиналъ съ. 1583, былъ избранъ папою (принялъ имя Льва XI) 1 Апрѣля 1605 года, скончался 27-го Апрѣля того же года]. Во время написанія письма кардиналъ Медичи находился во Франціи въ качествѣ папскаго легата.

Если при распечатываніи breve, скрѣпленныхъ свинцовою печатью, булла при разрѣзѣ краевъ пергамена бо́льшею частью выпадала, то еще рѣже сохранялась печать рыбаря въ документахъ — «sub annulo piscatoris». Эта печать, представляющая апостола Петра, закидывающаго сѣти съ лодки, съ именемъ правящаго папы надъ верхнемъ краемъ изображенія, оттискивалась на тонкомъ слоѣ красно-восковой мастики, охранялась ободкомъ изъ шнурка, окружающаго оттискъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ отскакивала отъ пергамена breve при сдергиваніи пергаменной ленты, къ ней прилѣпленной. Насколько свинцовая булла противостоитъ давленію и тренію въ архивныхъ связкахъ, настолько легко отъ малѣйшей неосторожности крошится печать рыбаря. Этой нѣжностью печати breve объясняется, что въ XVIII столѣтіи ни Мабильонъ, ни Бенедиктинцы, ни Муратори — не дали ея изображенія. Gabriel Bezzel (l. c.) говоритъ: «Verum enim vero tanta est Annuli Piscatoris raritas, ut neque ipsum extra Romam et arcana penetralia Papae visere liceat, neque delineationem vel totius annuli, vel sigilli tantum expressi, fere ullibi deprehendere possis»[1]). Въ виду такой рѣдкости сохранившихся печатей breve Bezzel и далъ изображенія—печатей Иннокентія VIII и Александра VI по breve, сохранившимся въ Нюренбергскомъ архивѣ (см. рис. на стр. 50).

A. Giry въ своемъ извѣстномъ курсѣ Дипломатики воспользовался снимкомъ съ изображенія печати XVII столѣтія (папы Урбана VIII—отъ 22 апрѣля 1626 года), по факсимилэ въ палеографическомъ сборникѣ «Facsimilés à l'usage de l'École des Chartes». Такое позаимствованіе сопровождается указаніемъ—

---

1) Bezzel приводитъ и любопытную цитату Шмидта: «... praecipue notatum velim, quod sigillum hoc facile deleri queat. Hinc illud in literis pontificialibus, sub Piscatoris Annulo datis, in nostra Germania vel plane non vel rarissime in cera rubra expressum apparet. Partim enim sub ipsa manu Secretarii, cerae chartam leniter imprimentis, ductus aufugere incipiunt, partim dum Brevia Roma in Germaniam, *in fasciculo aliarum literarum* probe constricto, mittuntur, teste experientia plane delentur. Frustra ergo fuit omnis nostra cura ut istud inspiceremus».

«comme, en ouvrant le bref, on en brisait ordinairement le cachet, il nous est parvenu *très peu* d'empreintes intactes» (p. 701).

Cesare Paoli держится того же мнѣнія — «poche impronte di tali sigilli si conservano perche andavano distrutte nell'aprire le lettere» и считаетъ нужнымъ отмѣтить, какъ исключеніе—«ma alcune molto belle sono in alcuni brevi di Giulio II degli anni 1511 — 1512, che si conservano nell' Arch. Fior. tra le pergamene Strozziane»[1]).

E. Watterton въ статьѣ «On the Annulus Piscatoris, or Ring of the Fisherman» далъ изображеніе печати на бреве папы Климента VIII[2]) (см. рис. на стр. 51).

---

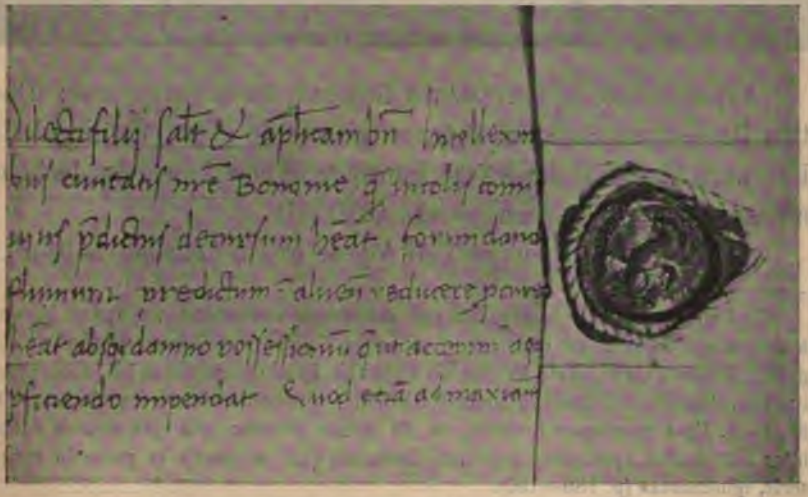
1) «Programma Scolastico», III, 28. Въ другомъ выпускѣ своего труда Paoli считаетъ долгомъ описать эти оттиски: «aggiungo qui la descrizione dell'impronte di tali sigilli, quali si ricavano da alcuni esemplari di Giulio II, benissimo conservati nell'Archivio di Stato di Firenze. La forma del sigillo è tra tonda e ovale; l'impronta in cera rossa, rappresenta s. Pietro nella barca e in alto ha una cartella, in cui sta scritto in lettere capitali: IULIUS PP. II. Attorno al sigillo è una cordicella di pergamena, e dal medesimo si diparte una striscia pur membranacea che aveva servito a fasciare la lettera chiusa» (IV, p. 237—238).

C. Paoli прослужилъ и проработалъ въ Флорентинскомъ архивѣ, можно сказать, всю свою жизнь. При немъ было предпринято и исполнено выдѣленіе въ особые картоны документовъ на пергаменѣ съ *хорошо* сохранившимися прикладными печатями въ виду рѣдкости и хрупкости такихъ образцовъ. Въ этихъ картонахъ и находятся бреве, описанныя Паоли. Ихъ всего не болѣе трехъ и всѣ одного лишь папы Юлія II! Понятно разрушеніе печатей на бреве въ Итальянскихъ архивахъ, если мы вспомнимъ распространенный обычай хранить документы свернутыми въ трубочку. А въ архивѣ, напримѣръ, Болоньи, бреве *переплетены* въ большіе томы!

2) «Archaeologia», t. XL (London. 1866) — pp. 138—142. Рисунокъ снятъ съ печати на бреве отъ 5 Января 1598 года, находившемся въ собраніи автора.

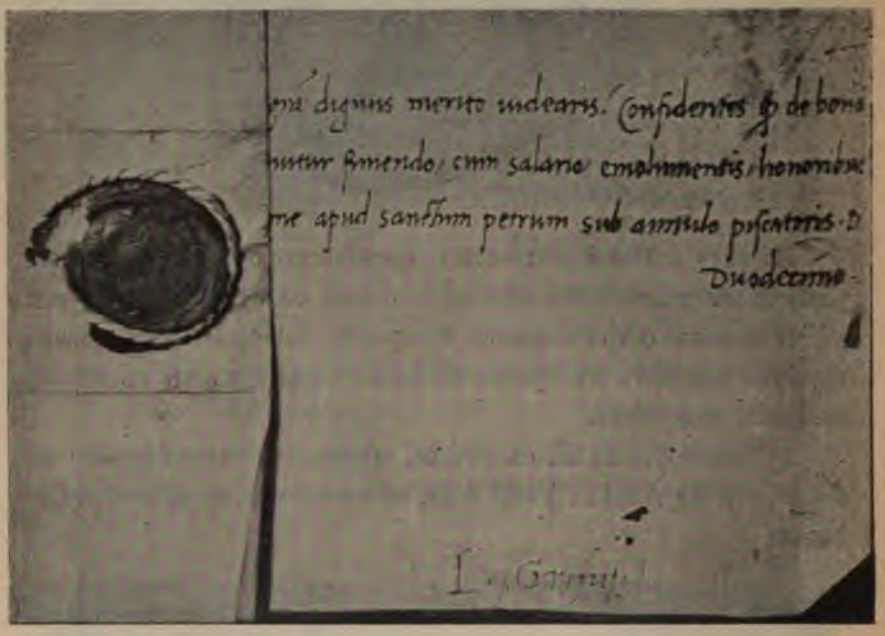
Въ виду большой рѣдкости сохранившихся оттисковъ печати рыбаря мы даемъ здѣсь нѣсколько клише съ печатей болѣе или менѣе хорошо сохранившихся и заранѣе извиняясь за несовершенство снимковъ съ красно-восковыхъ оригиналовъ съ весьма слабымъ рельефомъ.

1) Папы Павла II, съ печати, прекрасно сохранившейся на бреве отъ 29 Апрѣля 1466 года, находящемся въ архивѣ г. Болоньи:



Бреве это адресовано правительству Болоньи (Dilectis filiis Antianis) и датировано слѣдующимъ обычнымъ образомъ: «Datum Rome apud Sanctum Marcum sub annulo Piscatoris die XXIX Aprilis M. CCCC. LXVI. Pontificatus nostri anno secundo». Скрѣпилъ бреве секретарь — «L. Dathus».

2) Папы Сикста IV на бреве отъ 23 Февраля 1483 года, хранящемся также въ архивѣ Болоньи:



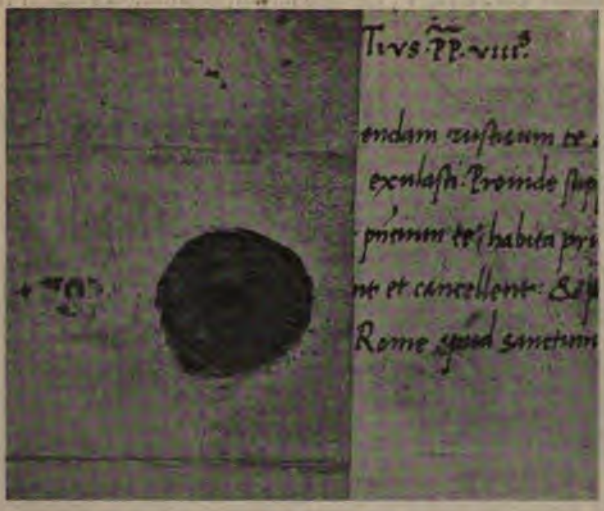
Адресованное правительству Болоньи, бреве датировано: «Datum Rome apud Sanctum Petrum sub annulo piscatoris die XXIII Februarii M. CCCC. LXXXIII. Pontificatus nostri anno duodecimo» и подписано секретаремъ — «L. Grifus» [1]).

3) Папы Иннокентія VIII (бреве отъ 6 Декабря 1486) [2]).

---

1) Біографія этого апостольскаго секретаря занимаетъ въ трудѣ Бонамичи всего нѣсколько строкъ: «Leonardus Gryphius Romanus, sive ut alii putant Beneventanus, Sixto IV fuit ab Epistolis. Primum episcopus Eugubinus factus fuit, deinceps ad Beneventanam Ecclesiam multo opulentiorem translatus. Obiit an. 1485. Ejus mentionem fecimus, ne iis sermo daretur, qui ejus nomen saepe inter Secretarios Apostolicos legerunt. Caeterum quid scripserit et quomodo scripserit, ignoramus» (p. 189—190).

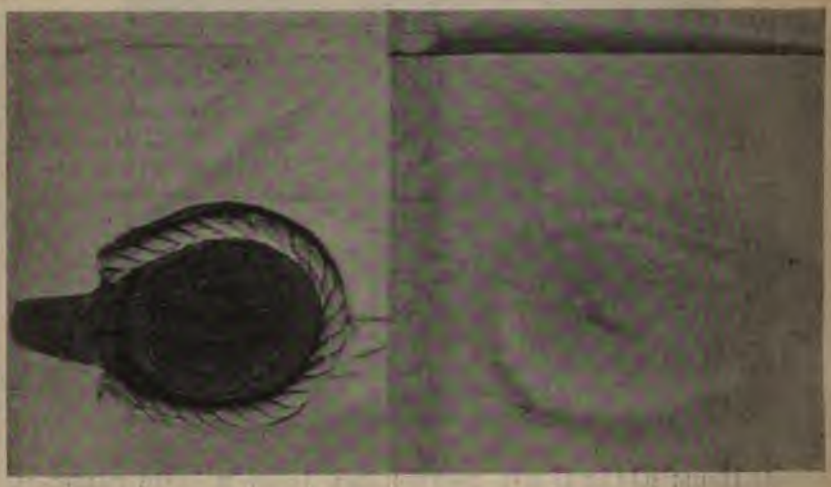
2) Подлинное бреве въ собраніи автора: «Datum Rome apud sanctum Petrum sub annulo Piscatoris Die IV. Decembris M. CCCC. LXXXVI. Pontificatus Nostri Anno Tertio». Бреве адресовано въ Перуджу и подписано папскимъ секретаремъ «Hie. Balbanus». Джиролamo Балбано, секретарь бреве при Иннокентіи VIII (потому что «fuit homo doctus» и «sane in scribendo elegans»,—въ 1491 году былъ посвященъ епископомъ и назначенъ въ Перуджу, но умеръ черезъ нѣсколько дней.



4) Папы Юлія II изъ документовъ 1508 и 1509 годовъ[1]). Оба акта написаны не на пергаменѣ, а на бумагѣ.

1) Оба документа — не бреве, о чемъ рѣчь будетъ впереди, находятся въ собраніи автора. Первый датированъ — «Datum Rome apud Sanctum Petrum anno incarnationis Dominice millesimo quingentesimo octauo die uero uigesima octaua mensis Julii Pontificatus nostri anno quinto», второй — датированъ 10 Октября 1509 года.

5) И папы Сикста V, одного изъ преемниковъ папы Пія V[1]), съ бреве 1586 года[2]):



Красновосковая печать sub annulo Piscatoris просуществовала до половины XIX столѣтія, когда папа Григорій XVI замѣнилъ ее въ 1842 году красочнымъ (краснымъ) оттискомъ прямо на пергаменѣ. Прилагаемыя клише штемпелей папъ Григорія XVI и Льва XIII[3]) воз-

---

1) Мнѣ не удалось достать вполнѣ сохранившейся печати самого Пія V, всѣ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи попорчены.

2) Оригиналъ въ собраніи автора — адресованъ «Dilecto filio Io. Petro del Drago Ciui Romano» и датированъ — «Datum Romae apud S. Petrum sub annulo Piscatoris die XXXI. Januarii M. D. LXXXVI Pontificatus Nostri Anno Primo» по поводу выдачи замужъ дочери адресата Пруденціи за миланца Antonio Reyna и денежнаго приданаго, ей даваемаго). Подпись секретаря: «Io. Baptista Canobius». О немъ см. Philippi Bonamicii: «De claris pontificiarum epistolarum scriptoribus» (Romae. 1770), p. 262.

3) По подлинникамъ собранія автора: 1) папы Григорія XVI бреве кардиналу Франческо Капаччини отъ 24 Апрѣля 1845 года, 2) Льва XIII отъ 21 Марта 1879 года. Бреве папы Григорія XVI представляетъ цѣлую тетрадь и является документомъ открытымъ — breve apertum. Надо замѣтить, что breve довольно скоро утратили свою основную черту—малый размѣръ и краткость. Мнѣ не случалось видѣть, но необходимо допустить существованіе бреве въ формѣ тетрадей (а слѣдовательно какъ brevia aperta) еще въ XVI столѣтіи. Напримѣръ, у меня имѣется оригинальное (= первое) изданіе: «Literae S-mi. D. N. Gregorii

буждаютъ вопросъ о томъ, какимъ перстнемъ они приложены (см. клише на стр. 56)[1]).

Штемпель папы Льва XIII настолько великъ, что возникаетъ сомнѣніе—тотъ ли это перстень, который папа обыкно-

---

Papae XIIII *in forma brevis*, facultatis erigendi Montem Domicellorum Urbis non vacabilem, ad scutorum sex cum dimidio pro quolibet loco» («Romae. Apud Paulum Bladum Impressorem Cameralem. M. D. XCI», in folio, на 6 ненумер. листахъ), въ которомъ напечатано бреве по обычной формѣ, съ датировкой: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris die 21 Martii. M. D. XCI. Pontificatus Nostri Anno Primo». Подъ текстомъ, отступя, подписи «M. Vestrius Barbianus» (секретарь папы — «Marcellus Vestrius Barbianus» см. Bonamicius, l. c., p. 262 — 263) и «Antonius Ruloffius». Между текстомъ и подписями напечатано «Loco † Sigilli», то есть указано, что *подъ текстомъ*, а не на оборотѣ документа была приложена печать annuli Piscatoris. Размѣръ бреве — *десять полныхъ страницъ* in folio весьма убористаго шрифта, заставляетъ думать, что оно было написано тетрадью, форма, которой въ это время пользовались для бо́льшей части консисторіальныхъ буллъ.

Вопросъ можетъ рѣшить имѣющееся въ нашемъ собраніи бреве, написанное тетрадью и относящееся къ началу XVII вѣка, а именно папы Павла V отъ 6 Іюля 1610 года. Тетрадь состоитъ изъ 22 листовъ + 2 листа обложки, форматъ in 4^0, текстъ занимаетъ 42 страницы. Подъ текстомъ приложена безъ всякаго прикрѣпленія печать рыбаря. Ниже печати подпись секретаря: «S. Cobellutius» (=Scipio Cobellutius, кардиналъ съ Сентября 1616 г., ум. въ 1627 г.). Бреве датировано: «Datum Romae apud Sanctum Marcum sub Annulo Piscatoris, die VI Julii M. DC. X. Pontificatus nostri anno sexto». Документъ написанъ «ad futuram rei memoriam» и касается герцога Фридриха Чези («..... nos dilectum filium nobilem virum Federicum Cesium Aquae Spartae ducem....»).

Въ виду сравнительной рѣдкости старыхъ brevia aperta мы даемъ снимокъ съ послѣдней страницы, съ приложенной къ ней печатью (см. клише на стр. 57).

1) Новѣйшія анекдотическія свѣдѣнія о перстнѣ рыбаря сообщилъ, напримѣръ, Salvatore Cortesi въ «Adriatico» (Venezia) отъ 13 Октября 1899 года подъ заглавіемъ — «I sigilli papali». Перепечатываемъ замѣтку, такъ какъ въ ней освѣдомленный авторъ касается современныхъ обычаевъ и правилъ, освѣщающихъ и прошлое: «Pochi giorni or sono il papa, dopo essersi servito dell'anello pescatorio, che viene adoperato come sigillo per i brevi e per i più importanti atti pontifici, lo conservò nel dito e si addormentò nella stanza ove suole fare la siesta quotidiana e che, quasi a rispecchiare la semplicità caratteristica del pontefice, non possiede altri mobili all' infuori di un divano e di un seggiolone a bracciuoli.

Nel sonno il prezioso anello scivolò dal dito del dormiente, le cui mani si sono assottigliate con l'età e quando egli fu sveglio, non ricordando forse di averlo tenulo, non si accorse della mancanza. Fu però rinvenuto da uno degli attendenti, il quale si affrettò a farsi ammettere alla presenza del papa, e prostratosi ai suoi piedi gli porse la storica reliquia dicendogli:

Печать на брене 1879 года.

— Debbo restituire ciò che sarebbe stata una perdita non solo per la Santità Vostra, ma pel mondo intiero.

Leone XIII guardò attonito l'anello, lo prese, lo ripose all'anulare e data la mano da baciare all'attendente gli disse con una certa solennità:

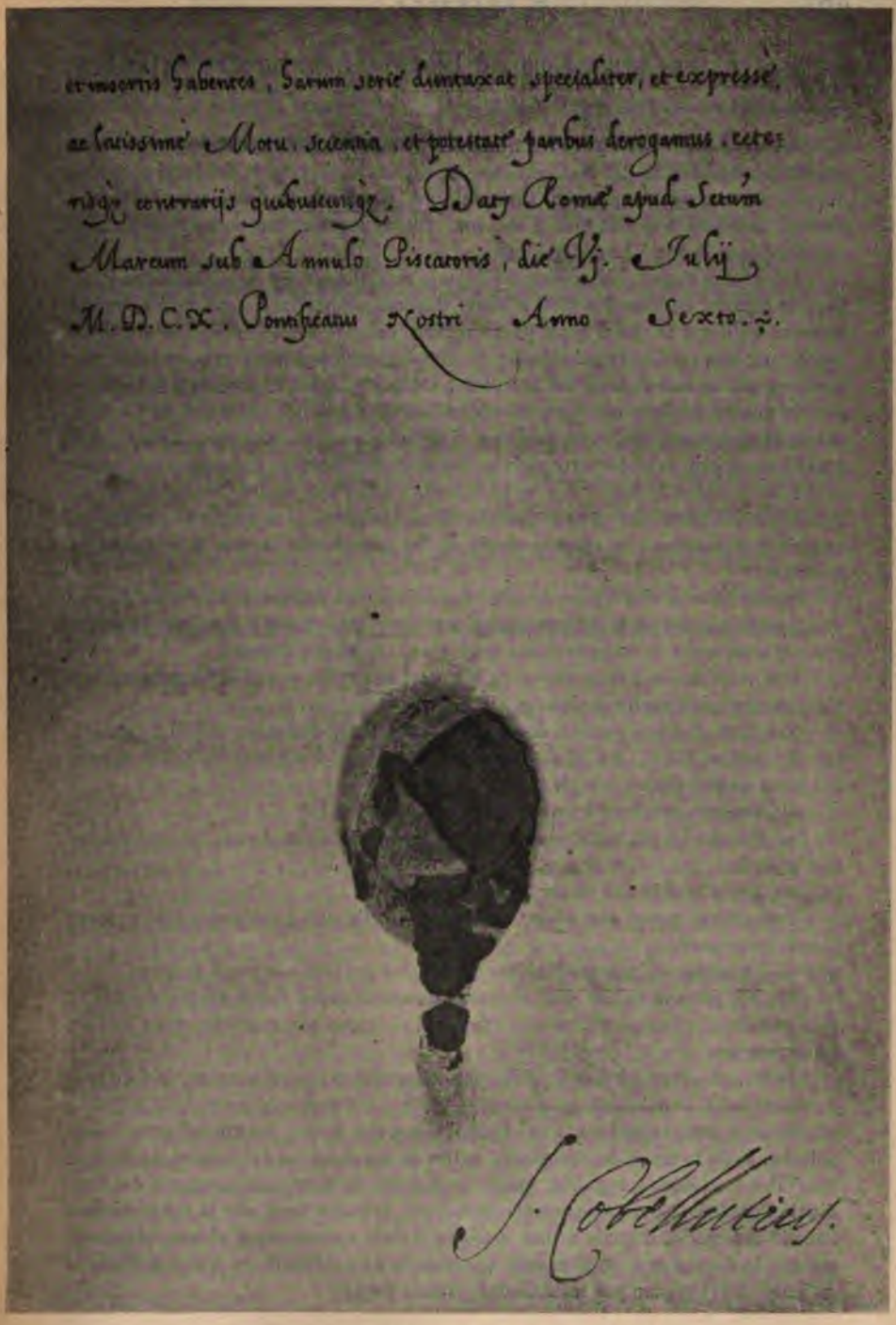
— La Chiesa vi ringrazia per mio mezzo. Andate, figlio mio, che provvederò perchè siate ricompensato.

Il giorno dopo infatti l'attendente fu chiamato in Tesoreria, dove, a nome del papa, gli furono rimesse.... 15 lire!

A dimostrare la tenuità della ricompensa bastera rilevare brevemente quale importanza abbia per la Chiesa l'anello pescatorio, che riceve il suo nome dall' immagine che vi è incisa, rappresentante San Pietro in atto di pescare, mentre dalla nave getta le reti in mare.

L'origine di questo gioiello è ignota, e solo si hanno documenti per provare che il primo a servirsene come sigillo di Stato tu il papa francese Clemente IV nel 1265; ma è certo che i pontefici lo adoperavano già da parecchio tempo nei documenti segreti. Da Callisto III in poi è stato adoperato nei brevi, che vengono compilati dal cardinale segretario dei brevi; eccetto quelli diretti ai regnanti, pei quali vi è il segretario dei brevi *ad principes*.

Contrariamente a quanto avviene per quasi tutti i sigilli di Stato pei quali vi è un' alta carica che ha l'ufficio di custodirli, l'anello pescatorio, quando non è



Breve apertum 1610 года (въ формѣ тетради).

венно носитъ на рукѣ. Edmund Waterton въ замѣткѣ «On the

---

nelle mani del pontefice, è tenuto dal maestro di Camera del papa insieme agli altri oggetti personali di lui. E' stato affidato al cardinale segretario dei brevi soltanto durante l'assenza dei papi dalla Città Eterna, quando la Curia romana ha continuato a risiedere in questa città e cosi è avvenuto, per l'ultima volta, se non erro, nel 1782 quando Pio VI andò a Vienna.

Altre volte l'anello del pescatore è stato smarrito o tolto temporaneamente ai papi. In data del 5 settembre 1588 il conte Olivares, ambasciatore spagnolo a Roma, scriveva a Filippo II che il papa (Sisto V) era caduto malato in seguito al dolore sentito per una perdita fatta. «Questa perdita—continuava l'Olivares—consiste nel non aver più trovato l'anello del pescatore, col quale sigilla i brevi. Egli lo portava seco in una borsa dalla quale gli fu rubato dall'attendente che lo serve a tavola e che lo aiuta a spogliarsi. Sebbene questo delitto sia in ogni caso grave, assume una gravità maggiorè, essendo perpetrato a danno di Sua Santità. Ciononostante, amenochè la pubblicità della cosa ve lo induca, il papa non punirà il colpevole nè lo licenzierà dal posto che occupa, essendo affezionatissimo a coloro che lo servono da quando era cardinale e ripugnandogli di far sapere che la sua fiducia è stata tradita».

Questa lettera, che è poco o nulla conosciuta, mi sembra di una certa importanza anche perchè viene indirettamente a provare come Sisto V non fosse di animo cosi perverso come la maggior parte degli storici lo hanno descritto.

Due volte furono i francesi,— ora cosi cari al papato,— che si impossessarono violentemente dell'anello pescatorio.

Nel 1798 gli Stati pontifici invasi dai repubblicani d'oltralpe, Pio VI fu spogliato di quanto aveva, ma non essendone contento, il Commissario Haller si recò dal papa mentre desinava e gli disse:

— Vengo a prendere i vostri tesori.

— Ma non ho più nulla!—esclamò il Capo della Chiesa che era davvero ridotto alla miseria.

— Avete in dito due ricchi anelli. Datemeli.

Posso darvi questo che è mio, ma l'altro (era l'anello pescatorio) deve passare al mio successore.

— Datemelo — ingiunse Haller con voce minacciosa — o userò la forza.

Pio VI, per non subire una violenza, consegnò anche l'altro anello, che gli fu poi restituito il giorno dopo, quando i francesi si furono accertati che aveva solo un valore storico.

Pochi anni dopo i francesi dell'Impero non vollero essere da meno dei loro predecessori della Repubblica.

Como è noto, in una notte del 1809 il Generale Radet, inviato del grande Napoleone, scalò le mura del Quirinale, entro di sorpresa nella camera da letto di Pio VII e lo obbligò a seguirlo, quale prigioniero di Stato, accompagnato dal Cardinale Pacca. Il deportato pontefice non potè prender seco che la tabacchiera e l'anello pescatorio, il quale ultimo però fu forzato a consegnare al suo carceriere, ma non lo fece se non dopo averlo spezzato in due. L'anello fu tenuto a Parigi e da Luigi XVIII venne poi restituito allo stesso papa.

Annulus Piscatoris, or Ring of the Fisherman»[1]) далъ изображеніе перстня папы Пія IX, которое также удивляетъ своими размѣрами и соотвѣтствуетъ величинѣ штемпеля на бреве (см. клише на стр. 60).

Watterton свидѣтельствуетъ, что зарисованное имъ кольцо, ювелирной работы и *изъ золота*, но и это еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ не существуетъ ли двухъ экземпляровъ перстня, именуемаго annulus Piscatoris.

Что такое annulus Piscatoris—объ этомъ мы знаемъ изъ разнообразныхъ источниковъ. Въ словарѣ Дюканжа (новое изданіе) читаемъ: «Annulus Piscatoris — sigillum quo Romanorum Pontificum Brevia obsignantur. Tribus uti solent Sigillis: Annulo Piscatoris quo Brevia Apostolica in cera rubra; Bulla plumbea, qua Privilegia et Litterae Cancellariae, et *Signo* quo Bullae consistoriales muniuntur. Annulus Piscatoris dicitur, quod illo S. Petrus qui piscator erat, primus usus fuisse *a vulgo existi-*

L'anello pescatorio, oltre all'immagine di S. Pietro, della quale ho già parlato, contiene anche il nome del papa regnante e viene perciò spezzato alla morte di ciascun pontefice per esser certi che non venga abusivamente adoperato nell'interregno. Tale usanza cominciò dopo la morte di Leone X dei Medici e si è sempre osservata, salvo che per Pio VI, il quale morì in esilio a Valenza nel 1799 e non si potè quindi procedere alla rottura dell'anello, limitandosi in seguito a cambiarvi il nome del papa.

Oltre all'anello pescatorio vi è un altro sigillo, quello destinato a comprimere i piombi appesi alle bolle pontificie, il quale viene pure spezzato alla morte di ciascun pontefice. Anche questo ha da un lato il nome del papa regnante e dall'altro le immagini di S. Pietro e S. Paolo e viene conservato dal Cardinale vice cancelliere della Chiesa.

Giacchè sono venuto a parlare dei sigilli pontifici dirò che a questi se ne deve aggiungere un' altro, che avendo soltanto lo stemma del pontefice non viene rotto alla sua morte poichè cambia per intiero col succedersi dei papi.

Finalmente Leone XIII ha creato un quarto sigillo che serve a sostituire nelle bolle di minore importanza quello destinato pei suggelli di piombo. Anche in questo sigillo sono da una parte le immagini degli apostoli e dell' altra il nome del papa regnante, ma viene impresso sui documenti mediante inchiostro rosso.

Alla morte di Leone XIII i Cardinali dovranno decidere se si debba esso pure spezzare ed è probabile siano per l'affermativa».

1) «Archaeologia» (Society of Antiquaries of London), t. XL (London. 1866. 4⁰), p. 138—142.

metur: at revera quod ejusdem divi piscatoris imaginem insculptam habeat»[1]).

Франческо Канчелліери собралъ рядъ извѣстій о томъ, что annulus Piscatoris обычно находился у папы и только временно передавался секретарю, завѣдывавшему бреве[2]). По смерти папы

1) Въ этомъ опредѣленіи есть нѣсколько неточностей, знаменательныхъ при авторитетности источника. «Signum» большихъ буллъ не есть печать—это rota, вычерченная на пергаменѣ чернилами отъ руки, свинцовая булла—какъ печать, присутствуетъ и при «rota». Пропущенъ третій видъ папской печати—фамильной. Въ новомъ же изданіи словаря Дюканжа относительно бреве сказано: «Brevia, Summorum Pontificum Epistolae quae in cera rubra sub annulo Piscatoris obsignantur» и прибавлена цитата изъ «Vocabul. Praedicant.»—«Breve, neut. gen. vel Brevis, masc. gen., *Germ. ein brieff*, quam papa sigillat cum anulo lato in manibus, qui habet in se figuram Petri navigantis; quicquid autem cum plumbo sigillatur, *non dicitur Breve*». Какъ мы видѣли, послѣднее утвержденіе отнюдь не можетъ быть принято какъ правило безъ исключеній.

2) Секретарь бреве былъ персоной очень важной и большей частью блисталъ пурпуромъ («risplende per la Porpora»), то есть былъ кардиналомъ. Cohellius въ «Notitia Cardinalatus» (Romae. 1653) свидѣтельствуетъ, что папа Иннокентій VIII къ шести преждебывшимъ папскимъ секретарямъ прибавилъ еще 24. И такъ какъ — «literarum apostolicarum expeditiones duplici via fiunt, altera, quae sub plumbo dicitur, sub cera vero altera, quae et Brevium, et sub Annulo Piscatoris appellatur, et hanc Secretariis curam attribuit, quae cum fre-

перстень вмѣстѣ съ другими печатями публично разламывался во избѣжаніе какого либо незаконнаго пользованія. Такъ по кончинѣ папы Урбана VII (1590)—«Reverendissimus Card. Justinianus Procamerarius consignavit Francisco (Mucantio) fratri *Anulum Piscatorium* fel. rec. Urbani VII, quem idem Franciscus ostendit pluribus Cardinalibus, qui illum videre voluerunt, et fuit recognitus, quum ex mandato Sacri Collegii illum cum malleo fregit in conspectu ipsorum Cardinalium; ita ut usui amplius non esset ad sigillum, et remansit apud ipsum fratrem, iuxta consuetum» [1]).

Здѣсь упоминается anulus Piscatoris въ единственномъ числѣ, какъ въ подавляющемъ большинствѣ и другихъ случаевъ, но вотъ крайне важное свидѣтельство Francesco Mucanzio въ описаніи погребенія папы Григорія XIII (1585): «fracta fuerunt Signa Bullarum et *Anulus Piscatorius*, et alia duo Signa Bullarum, et *Anulus Piscatoris*, et alia duo signa cum Armis Pontificis defuncti, quae omnia habuit Reverendissimus D. Card. Camerarius, excepto *anulo Piscatoris*, qui nobis sic fractus remansit, iuxta consuetum». Авторъ цитаты такимъ образомъ говоритъ о двухъ формахъ для свинцовыхъ буллъ, о двухъ частныхъ печатяхъ

---

quentissima sit, magnum inde percipiunt emolumentum, inter ipsos diuidendum: et attenta rei grauitate, et facultate Pontifici reseruata eligendi sibi Secretarium domesticum qui tanto muneri praesit, unum aliquando ex S. R. E. Cardinalibus jurisperitum, de rebus Romanae Curiae non mediocriter eruditum eligit et deputat..... Hic vero Secretarius domesticus in Apostolico Palatio mansionem habet et duas portiones ex emolumentis ab Innocentio VIII assignatas usque ad Sixti V tempora habuit» (p. 217). Однако при обзорѣ бреве въ одномъ только архивѣ Болоньи, мы констатировали для кратковременнаго правленія папы Калликста III подписи десяти секретарей на однихъ лишь бреве.

1) Прикладываніемъ свинцовыхъ буллъ завѣдывали особые почетные чиновники fratres Plumbatores (среди этихъ frati del Piombo былъ, между прочимъ, и Бенвенуто Челлини). См. Cancellieri, l. c., p. 9. Вотъ что говоритъ Ottenthal (въ изслѣдованіи «Die Bullenregister Martin V und Eugen IV»): «Das dritte Amt, welches bei der Expedition der Papstbriefe betheiligt ist, ist die *Bullaria*, das Siegelamt. Hier existiren zwei Classen von Beamten: die Custodes bullae oder Bullatores und die Fratres barbati oder Plumbatores. Erstere haben die Taxen für die Besiegelung zu computiren und zu erheben, die Fratres barbati waren Cisterciensерconversen, deren Aufgabe die Bullirung selbst war» (p. 457).

папы и о перстняхъ—a) «Anulus Piscatorius» и b) «Anulus Piscatoris», изъ которыхъ только второй послѣ разлома остался въ рукахъ у братьевъ плумбаторовъ. Не былъ ли этотъ Anulus Piscatoris благороднаго металла и настоящимъ папскимъ кольцомъ, тогда какъ Anulus Piscatorius той печатью, которая прикладывалась къ бреве? Мы не можемъ отвѣтить на такой вопросъ, но отмѣтимъ, что въ половинѣ XVII столѣтія секретарей бреве было двое одновременно: «Verum hodie (1653) et multis etiam ab hinc annis nedum unus, sed duo domestici Secretarii D. Papae mansiones habent in Palatio Apostolico, et *ambo sub Annulo Piscatoris literas expediunt*; horum tamen alter recepta mercede iuxta taxas, ut diximus, expeditionibus praeest, alter uero de rebus ad Fidem et Rempublicam concernentibus, ad Reges scilicet, Principes, Respublicas, Ciuitates, Cardinales absentes, Episcopos, caeterosque Magnates Romani Pontificis nomine literas, Breuia nuncupatas mittit...»[1]).

Сомнительно, чтобы оба секретаря пользовались однимъ перстнемъ, который къ тому же долженствовалъ находиться на рукѣ папы.

Мы видѣли, что печать sub annulo Piscatoris признается дипломатистами какъ отличительный признакъ бреве. Вопросъ о томъ, не прикладывалась ли она къ другимъ документамъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Папская дипломатика послѣднихъ вѣковъ недостаточно еще разработана. A. Giry отмѣчаетъ, что даже авторы такого труда какъ «Nouveau traité de diplomatique» монахи-Бенедиктинцы не знали обычаевъ папской канцеляріи и прибѣгли къ помощи сочиненія, напечатаннаго въ Голландіи и являющагося до извѣстной степени памфлетомъ на папскую курію[2]), а относительно себя, касаясь документовъ, назы-

1) Jacobus Cohellius, l. c., p. 217.

2) «... Les Bénédictins auteurs du Nouveau Traité de Diplomatique, auxquels leur caractère religeux semblait devoir faciliter des informations sûres, ont dû avoir recours pour se renseigner à une sorte de pamphlet contre la cour de Rome,

ваемыхъ, «motu proprio», дѣлаетъ примѣчаніе: «Je crois devoir prévenir le lecteur, à propos de cette catégorie d'actes, qu'il ne m'a pas été possible de faire d'observations sur les originaux; je n'en ai pas rencontré dans les archives que j'ai explorées. J'ai dû me contenter des textes publiés et des observations des diplomatistes» (p. 702) [1]).

Прежде всего, разъ annulus Piscatoris находился постоянно подъ рукою у папы, не употреблялся ли онъ и въ XV—XVI вв., какъ и въ XIII — «in secretis» — для личной и тайной переписки. Для XV—XIX столѣтій является несомнѣннымъ существованіе рядомъ съ буллой и печатью рыбаря—третьяго основного типа папской печати—съ фамильнымъ гербомъ [2]). Надо думать, что эта печать также имѣетъ форму кольца. Въ сакристіи Ватиканской Базилики имѣется подобный перстень Сикста IV [3]). Папскія письма на бумагѣ и съ приложеніемъ фамильной печати конечно неизмѣримо рѣже обыкновенныхъ бреве, но они далеко не всегда имѣютъ интимный характеръ. Прилагаемое клише (см. стр. 64) снято съ письма папы Пія IV къ правительницѣ Нидерландовъ Маргаритѣ Австрійской [4]); при всей незначительности содержанія его оно является политическимъ, имѣя въ основѣ возведеніе въ кардиналы такого политическаго дѣятеля какъ Антоній Перрено, кардиналъ Гранвелла (26 февраля

---

publié en Hollande par un ecclésiastique défroqué converti au protestantisme» (pp. 698 — 699). Сочиненіе это — «Tableau de la cour de Rome, par le sieur J. A(*ymon*), prélat domestique du pape Innocent X» (La Haye. 1707. 12⁰).

1) Открытіе Ватиканскихъ Архивовъ (папою Львомъ XIII) для научныхъ занятій отразилось и на изученіи папской дипломатики, литература которой ежегодно увеличивается очень цѣнными изслѣдованіями и изданіями.

2) Въ новѣйшемъ «Dictionnaire de Théologie Catholique», въ fasc. XIII (Paris. 1904) сказано: «Aujourd'hui les lettres privées des papes sont scellées des armoiries personelles du pontife».

3) Cancelliere, l. c., p. 14: «Nella Sagrestia della Bas. Vat. si conserva un Anello di ottone dorato, assai grande, con pietra falsa e con le lettere PP. SIXTI con lo stemma di Sisto IV».

4) Подлинникъ въ собраніи автора. Клише даетъ и форму пакета, и указанія на способъ запечатанія, и четкій адресъ: «Dilecte in Christo filiae nobili mulieri Margharitae de Austria Parmensium Ducissae Flandriae Gubernatrici».

«Pius episcopus servus servorum Dei» и заканчивающееся такой необычной формулою датировки: «Datum apud Petriolum et manu propria scriptum nonis Octobribus 1462».

На таблицѣ седьмой мы даемъ снимокъ съ документа, исключительнаго и по формѣ, и по рѣдкости. Папское письмо или, лучше сказать, приказъ, распоряженіе написано на полулистѣ

любезно сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Il documento indicato da lei si conserva qui con la segnatura: Urbino, Classe I, Divisione B, filza VIII, inserto 6, *in un quadernetto di copie sincrone* di documenti pontifici a Federigo da Montefeltro. Non è autografo. E scritto su carta e non ha traccia di sigillo». Заказанная мною фотографія вполнѣ подтвердила этотъ выводъ. Во всякомъ случаѣ формула «servus servorum» съ «datum» и «manu propria» является необычной, но напоминаетъ намъ приписку, сдѣланную на извѣстномъ Сіенскомъ бреве. Въ позднѣйшее время вошли въ употребленіе папскія частныя письма на бумагѣ съ начальной и заключительной формулой бреве (но конечно безъ указанія «sub annulo Piscatoris»), на итальянскомъ языкѣ, подъ сургучной фамильной печатью папы, большею частью безъ папской своеручной подписи, но иногда съ нею, въ формѣ имени папы, не смотря на то, что тоже имя уже стоитъ въ началѣ текста, или надъ текстомъ. Подобныя письма съ подписями у меня имѣются подъ руками для времени первой половины XIX столѣтія. Письмо безъ подписи имѣется, между прочимъ, отъ папы Бенедикта XIV и настолько характерное, что я приведу здѣсь текстъ его цѣликомъ: «Benedictus PP. XIV. Venerabilis frater, salutem et Apostolicam Benedictionem. Riceviamo una sua lettera dei 10. d'Aprile, vertente sopra la morte del suo degno Predecessore. Ci ricordiamo d'esso, quando era secolare e soldato, ci ricordiamo, quando si fece Ecclesiastico, e siamo pienamente informati della sua savia condotta nel lungo governo di cotesta Chiesa. Siamo sicuri, ch'ella premerà le di lui vestigia. Circa il nostro trattato de Synodo non si manca di travagliare, il che si fa fra milioni di gravi imbarazzi e rubbando il tempo fra un'udienza e l'altra. Coll'ajuto di Dio speriamo di terminarlo e restiamo col dare a Lei ed al gregge alla sua cura commesso l'Apostolica Benedizione. Datum Romae apud Sanctam Mariam Majorem die 4 Maii 1754. Pontificatus Nostri Anno Decimoquarto». Подъ текстомъ на краю листа тѣмъ же почеркомъ: «Ven. Fratri episcopo Cremonensi (Cremonam)». Адресъ конверта, сдѣланнаго изъ особаго полулиста, написанъ тѣмъ же секретаремъ: «Venerabili fratri Episcopo Cremonensi Cremonam.

Приложена красносургучная печать съ родовымъ гербомъ папы. Передъ нами совершенно частное письмо, можно сказать, дружественное съ сообщеніемъ о своихъ ученыхъ работахъ, совершаемыхъ урывками среди хлопотъ и въ промежутки между аудіенціями. Бенедиктъ XIV писалъ очень много; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, можетъ быть, о трудѣ: «De synodo dioecesana», выдержавшемъ цѣлый рядъ изданій, изъ которыхъ одно (не первое) приходится на 1755 годъ (Romae. In folio). Формулы письма совершенно тѣже, что въ бреве; написано письмо каллиграфически и очевидно не собственноручно.

тонкой бумаги, дошедшемъ до насъ въ полуистлѣвшемъ и фрагментарномъ видѣ. Содержаніе его слѣдующее:

«S-or Virginio. Hauemo receputo el messo et lettere Vostre auisandose del sinistro caso dela nepote nostra madama Andriana Julia et sua sorella. Di che se renoreste asai et conuene hauer patientia, remandamo ve el messo et se pare fachiate el che si segue.

Primo che si poterite intrar in Viterbo colo exercito che se intriate donde che no che prouediate Ronsiglone[1]) et Sutro[2]) de gente darme come ve parera et Brachiano[3]), l'Isola[4]), Cerueteri[5]) et le terre vostre circumvicine a Roma acioche se faccha una sbarra che questi francosi non venganno a Roma.

Item che con tutte le bestie de le terre vostre vediate de mandare tutto quello grano sia posibile et diate ordine che continuamente vengano de di et de nocte afinche quando sia qui in Roma et in el burgo se posa mantenir la gente darme per che qui nel burgo non se un vacuo de grano et la S. Vr̃a quando non posa far altro venga se ne a Roma a noi co la gente darme et fanti et la se prouedute si vorran acceptar la gente el meglio che potera. Et sopraltuto de di et de nocte venga grano in copia et a furia. Cito, cito, cito. Como ve dira Marco presente portatore.

Jo. Datarius».

Приписка другимъ почеркомъ:

«Signor Virginio prouedete ad noi ad noi et
max° al grano. B. cardinalis d. n. m̄. p̄p̄.
et confinir (?) et de di et de n(octe).

---

1) «Ronciglione» приблизительно въ 20 километрахъ отъ Витербо и въ 55 отъ Рима.

2) «Sutri» (Sutrium Этрусковъ) въ 4 километрахъ отъ Рончильоне.

3) «Bracciano» замокъ рода Орсини, мѣстечко въ 39 километрахъ отъ Рима.

4) «Isola Farnese» въ окрестностяхъ Рима (теперь принадлежитъ Роспильози, маленькая деревня).

5) «Cerveteri» (древнее Coere) недалеко отъ Isola Farnese, принадлежитъ теперь роду Русполи.

Item (transtenir?) della..... (che) possono tenere le mandate og. in.....[1]) ..... mora plurima».

Документъ этотъ, хотя и недатированъ, но можетъ быть опредѣленъ съ точностью до одного дня. Писалъ его «Jo. Datarius» — то есть Іоаннъ Датарій. Какъ изъяснено въ словарѣ Дюканжа — «Datarius-primus Cancellariae Romanae minister, Praelatus semper, interdum Cardinalis, sic dictus a litteris expeditis, quibus vulgo addit *Datum Romae etc.*». У папы Александра VI было два датарія, носившихъ имя Іоанна—оба испанцы—Iohannes Lopez[2]) и Iohannes Ortega[3]). Приведенный документъ писалъ первый изъ нихъ, бывшій датаріемъ съ начала папствованія Александра VI[4]). Кто писалъ послѣднія пять строкъ, приписку, сохранившуюся въ фрагментарномъ видѣ и очень неразборчивую?

Если мое чтеніе оказалось бы справедливымъ, то приписку сдѣлалъ кардиналъ «B» = «Borgia cardinalis domini nostri manu propria». При Александрѣ VI было пять кардиналовъ Borgia, но четыре не подходятъ, два по почерку и два по времени написанія акта. Возможно, что приписку сдѣлалъ племянникъ папы кардиналъ Іоаннъ Борджіа. Въ каталогѣ, по которому былъ пріобрѣтенъ документъ, онъ былъ помѣченъ, какъ автографъ самого папы, но присутствіе печати sub annulo piscatoris, приложенной при томъ необычнымъ, исключительнымъ способомъ, подъ бумажкой, a priori говоритъ противъ такого предположенія. Пе-

---

1) Обозначенное точками мѣсто выгнило и выпало.

2) См. «Iohannis Burchardi Argentinensis Diarium», t. II (Paris. 1884), p. 199, подъ 24 Ноября 1494 года: «reverendus pater dominus Iohannes Lopez, episcopus Perusinus, datarius».

3) I. Ciampini: «De Abbreviatorum de parco majori» (Romae. 1691. folio), p. 14: «Ioannes Ortega Hispanus per haec tempora (1499) ad Abbreuiatoris officium exercendum admissus, postea Secretarius, Subdiaconus Apostolicus, Summator, ac *Datarius* Alexandri Papae VI, qui eum die 16 Novembris anni 1502 episcopum Potentinum declarauit. Obiit Romae sequenti anno, ac sepultus in Ecclesia Sanctae Mariae de Populo...».

4) «Ioannis Lopes»—съ 29 Декабря 1492 епископъ Перуджи, съ 1496 года кардиналъ, умеръ въ 1501 году.

чать на бреве обычно замѣняла подпись, о рѣдкихъ исключеніяхъ мы упомянемъ потомъ. Въ данномъ случаѣ — спѣшное письмо было продиктовано датарію, который и скрѣпилъ его подписью. Папская печать (или annulus Piscatoris, или гербовая), должна была запечатать пакетъ, но понадобилась приписка еще болѣе спѣшная и печать приложена была такъ, что письмо, очевидно предназначенное быть littera clausa, было отправлено открытымъ (фактъ также исключительный).

Вопросъ о томъ, какой annulus Piscatoris былъ употребленъ для разсматриваемаго письма — тотъ ли именно, что находится на всѣхъ бреве папы Александра VI — не можетъ быть нами рѣшенъ вполнѣ опредѣленно за недостаткомъ матеріала. Сравнивая съ клише при статьѣ Bezzel'я, мы находимъ разницу, объясняемую ручнымъ воспроизведеніемъ рисунка печати и должны высказаться скорѣе за тожество, чѣмъ противъ [1]).

Обстоятельства, при которыхъ написано письмо, объясняютъ намъ его спѣшность и нѣкоторую растерянность. Письмо относится къ 1494 году. Король французскій Карлъ VIII насильно шелъ къ Риму, папа не желалъ пускать его въ Римъ и даже готовился отражать силою. «Signor Virginio» письма — это Виржиніо Орсини [2]), римскій магнатъ, въ ту минуту являвшійся какъ бы коммандующимъ войсками папы. «Sinistro caso», о которомъ говоритъ папа въ письмѣ, случился 27 ноября 1494 года. Любовница [«la concubina»] папы Giulia Bella, дочь Пьеръ Луиджи Фарнезе, въ замужествѣ Орсини (за Орсино Орсини) [3]) выѣхала въ этотъ

---

1) Къ сожалѣнію фотографія не взяла, какъ слѣдуетъ, слабый рельефъ, ясно читаемый при освѣщеніи съ боку и на фототипической таблицѣ рисунокъ печати утратился.

2) Синьоръ Gentil Virginio Orsini изъ вѣтви герцоговъ Браччіано (duchi di Bracciano).

3) Такъ у Gregorovius'a — «Nell'anno 1489, la giovine Giulia aveva sposato Orsino Orsini, figlio di Lodovico signore di Bassanello e di Adriana de Mila, *prossima congiunta* del cardinale Rodrigo Borgia (то есть Александра VI): anzi il contratto di matrimonio era stato sottoscritto in casa di costui, il quale diventato papa, donava allo sposo di Giulia la signoria di Carbognano et di Giulianello». Gregoro-

день изъ Капо-ди-Монте въ Витербо, но по дорогѣ была захвачена въ плѣнъ передовыми французскими отрядами[1]). Папа, повидимому, только что узналъ о томъ, что Витербо, которое должно было оказать вооруженное сопротивленіе войскамъ Карла VIII, отворило ворота французамъ именно въ день 27 ноября[2]). Значитъ письмо написано или поздно вечеромъ 27-го ноября или 28-го утромъ. Витербо находится всего въ 75 километрахъ отъ Рима.

Еще исключительнѣе, чѣмъ подъ бумажкой, являются случаи приложенія печати sub annulo Piscatoris въ качествѣ печати вислой.

Cancellieri[3]) описываетъ документъ («che si conserva in quell' Archivio di S. Fortunato» въ Тоди), заключенный папою Николаемъ V съ общиною города Тоди въ 1448 году. Къ документу этому привѣшены — «due sigilli *pendenti*», изъ которыхъ одна «in cera rossa con l'impressione dell' Anello Pescatorio» (другая печать города Тоди, съ его гербомъ). Подпись на актѣ гласитъ — «Petrus de Noxeto Sanctiss. D. N. Secretarius de mandato Suae Sanctitatis, supradictas petitiones, ut moris est, signavi manu propria, et manu praefati D. N. subscriptas *Anulo suo secreto* signavi». Важенъ выводъ, что секретный перстень папъ и есть именно annulus Piscatoris[4]).

---

vius пользовался регистромъ съ записью свадебнаго контракта и потому нельзя не принять его показанія. Продолжатели Литты въ извѣстномъ изданіи «Famiglie celebri italiane» (Milano) приводятъ иныя извѣстія: «Giulia Farnese di Pier Luigi fu moglie, secondo alcuni—di Giulio Orsini, duca di Bracciano, secondo altri di Francesco Orsini dei marchesi della Penna e signori di Mugnano. Le tavole Orsiniane del Litta non la registrano: ma nessuno può in ciò tener sospette le parole dell'Infessura».

1) Перваго Декабря плѣнницы уже были возвращены французами: «Heri sera (писано 2 Декабря) al tardo venne dentro M. Hadriana e M. Julia» (Gregorovius, l. c., p. 74).

2) Gregorovius: «Storia della citta di Roma nel Medio Evo», vol. IV (Roma. 1901. 8⁰), p. 46. H. F. Delaborde: «L'expédition de Charles VIII en Italie» (Paris. 1888. 8⁰), p. 494.

3) «Notizie sopra l'origine e l'uso dell'anello Pescatorio», p. 2—3.

4) Mas Latrie въ «Les Éléments de la Diplomatique Pontificale au Moyen Age», II (Paris. 1887. 8⁰), p. 37 — говоритъ: «Sur quoi il est deux observations à

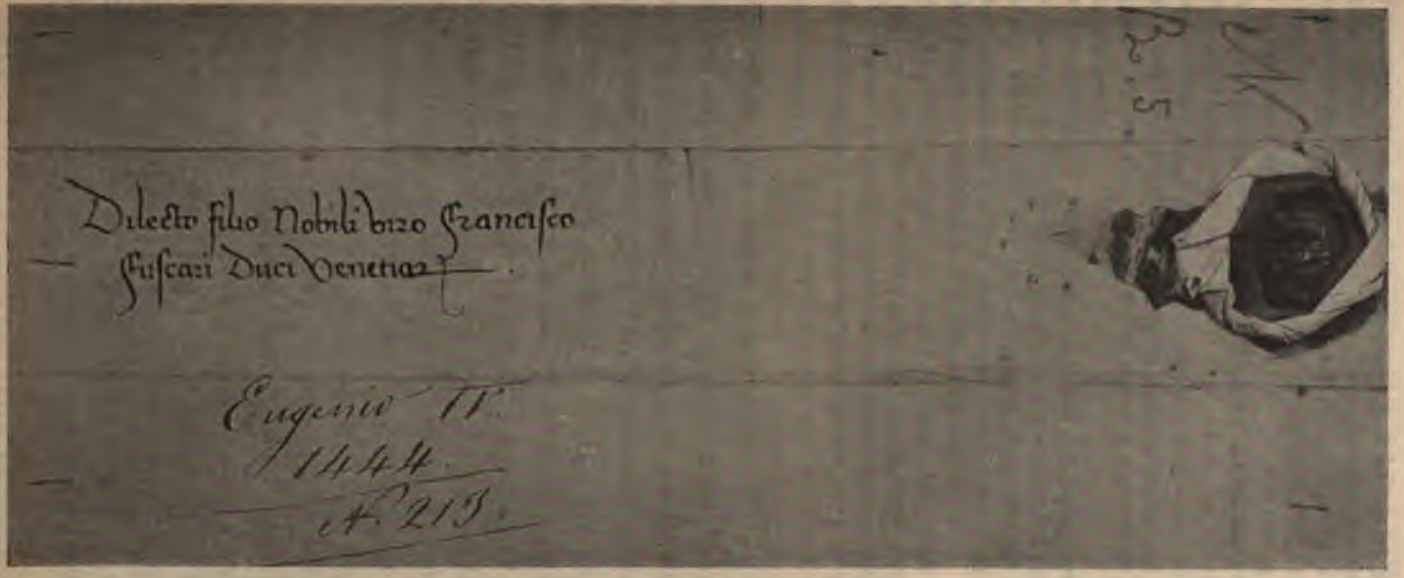
Оказывается однако, что выводъ этотъ дѣйствителенъ лишь для печати папы Николая V. Мнѣ удалось найти въ Венеціанскомъ архивѣ рѣдчайшій образецъ секретной печати папы Евгенія IV на документѣ 1444 года[1]). Прилагаемое клише (на стр. 72) даетъ снимокъ съ адреса бреве и съ находящейся на пакетѣ, превосходно сохранившейся, печати папы, оттиснутой секретнымъ перстнемъ = «sub anulo secreto». Красновосковая печать приложена къ пергаменной ленточкѣ, проникавшей свернутый пакетомъ документъ, и для охраны, въ видѣ кустодіи, окружена жгутомъ изъ пергамена. Перстень папы имѣлъ шестигранную форму, рѣзко отличную отъ овальной формы annuli Piscatoris. На печати изображены главы свв. апостоловъ Петра и Павла, обращенныя другъ къ другу, въ нимбахъ византійскаго типа, между главами тонкій и длинный крестъ. Надписей нѣтъ, работа печати довольно тонкая и художественная. Такимъ образомъ секретная печать папы Евгенія IV по изображенію была одного типа съ обычными буллами вообще и съ буллою этого папы въ частности[2]) (см. клише на стр. 73).

---

faire: 1) Le sceau du Pêcheur, qui représente Saint Pierre jetant ses filets dans la mer, n'a été affecté aux Brefs qu'à partir de Nicolas V (1447 — 1455). Avant lui Eugène IV (1431 — 1447) qui a inauguré les brefs, *ne les scellait encore que d'un sceau secret*». Mas Latrie совсѣмъ не знаетъ о томъ, что бреве папы Мартина V датированы съ указаніемъ «sub annulo Piscatoris».

1) По моей просьбѣ нынѣ перенесено въ витрину выставочной залы. Бреве (№ 213) отъ 4 Сентября 1444 года («Datum Rome apud Sanctum Petrum sub anulo nostro secreto»), на листѣ тонкаго, очень бѣлаго пергамена 39 × 8¼ сант. (снимокъ см. на таблицѣ IV). Адресовано — «Dilecto filio nobili viro Francisco Fuscari Duci Venetiarum».

2) Отмѣтимъ, что въ архивѣ въ Болоньѣ имѣется экземпляръ Флорентинской уніи, на которомъ сохранилась свинцовая булла папы Евгенія IV, но въ состояніи такого разрушенія, что изображеніе совершенно сгладилось. Обстоятельство тѣмъ болѣе печальное, что, повидимому, булла эта была нѣсколько большей величины сравнительно съ обыкновенными. Въ источникахъ сохранилась весьма интересная запись, касающаяся буллъ Флорентинской уніи. Подъ 21 Декабря 1439 года записано въ архивныхъ книгахъ: «Providoviro Bernardo Gutii de Florentia aurifici florenos auri de camera 14 et solidos 25 monetae romanae *pro quatuor plumbis auri appositis in quatuor decretis unionis Graecorum* mittendis ad nonnullos mundi principes de mandato d. n. papae» (E. Müntz: «Les



Снимокъ съ адреса и съ печати на бреве папы Евгенія IV отъ 4 Сентября 1444 года.
Документъ былъ отправленъ «sub anulo nostro secreto».

Работа перстня конечно отличается отъ традиціонной грубости штемпеля буллы выпуклостью рѣзьбы и гораздо лучшимъ въ художественномъ отношеніи исполненіемъ[1]).

---

arts à la cour des papes», t. I (Paris. 1878), p. 60). Дѣло идетъ о золотѣ для четырехъ буллъ, но папскихъ ли—не сказано. Вѣроятнѣе, что золото пошло на приготовленіе восьми пластинъ для буллъ императора.

1) Сохранились извѣстія о томъ, кто дѣлалъ буллотирій для папы Евгенія IV. Въ «Introitus» и «Exitus» подъ 24 Октября 1431 года записано: «Antonio Mathei Ghini de Florentia... pro factura stampae bullae plumbeae S. D. N. quam suis sumptibus fecit et eam suis sumptibus manutenere promisit, florenos auri de camera centum» (E. Müntz: «Les arts à la cour des Papes: nouvelles recherches...», fascicule III (Rome. 1889. 8⁰), p. 42). Сто флориновъ не представляли цѣну рѣзьбы и изготовленія штампа, на что указываетъ записанное обязательство: «eam suis sumptibus manutenere», и цифра сто одинаково повторяется въ послѣдующія папствованія. Наприм., при Иннокентіи VIII подъ 12 октября 1484 года: «Miliano et Nardo aurificibus florenos auri centum de Camera pro factura stampae plombi (*sic*) bullarum apostolicarum, *ut est moris*» и въ правленіе Пія III подъ 11 Апрѣля 1505 года: «Florenos centum auri de Camera vigore mandati sub die XVIII maii de anno 1504 proxime preterito magistro Petro Marie Florentino pro manufactura e regalibus sibi obvenientibus in confecisse (*sic*) stampam plumbeam pro litteris apostolicis et bullis fe. re. D. Pii pape III, numeratos pro eo Antonio Altoviti et sociis» [см. E. Müntz: «L'Atelier monétaire de Rome: documents inédits sur les graveurs de monnaies et de sceaux.... depuis Innocent VIII jusqu'à Paul III» (Paris, 1884. 8⁰), pp. 5, 11]. Для времени папы Николая V извѣстіе сопровождается любопытнымъ опредѣленіемъ буллы (подъ 7 Апрѣля 1447 года): «Providio viro Andreae Vecchio aurifici de Urbe, ex r(egione) Ponti, florenos auri de camera centum sine retentione pro confectione et fabricatione *mediae bullae* S-mi D. N. Nicolai, papae V-ti» (E. Müntz: «Nouvelles recherches», p. 65). При Евгеніи IV—29 Декабря 1441 года было заплочено — «Item pro reparatione litterarum unius magni sigilli solidos 25...» (E. Müntz: «Les arts à la cour des papes»,

Возможно предположеніе, что папа Евгеній IV пользовался въ данномъ случаѣ старинным перстнемъ. Свѣдѣній о томъ, чтобы секретная печать папы была заказана или передѣлана, сколько знаю, въ документахъ не сохранилось, тогда какъ относительно перстня папы Николая V имѣется слѣдующая запись подъ 26 Іюня 1447 года: «a maestro Giovanni de l'Aquila orafo ducati 5 di oro di camera cont. allui per fattura di 2 anelle a fatte per Nostro Signore chol arme di Santo Pietro e cho la navicella che (*sic*) ell oro ebe da me...»[1]). Гербомъ св. апостола Петра считалось собственно изображеніе двухъ ключей съ четырехконечнымъ крестомъ между ними, но дальнѣйшее указаніе на «navicella» позволяетъ отожествить перстни съ annulus Piscatoris, который также считался гербовымъ перстнемъ первоверховнаго апостола[2]). Точная запись о заказѣ перстня рыбаря — annuli Piscatoris» относится ко времени папы Сикста IV. При немъ подъ 24 Октября 1471 года записано: «Honorabilibus viris magistris Petro de Senis et Hieronymo de Sutrio sociis aurifabris infrascriptas pecuniarum summas pro infrascriptis operibus per eos factis, vid. primo pro factura stamparum novarum plumbi flor. centum. Item pro factura annuli piscatoris S. D. Nostri Papae et pro auro ejusdem et alterius annuli duc. similes XXV»[3]).

Существуетъ однако и такой типъ документовъ — не бреве, (разумѣя обычную ихъ форму), къ которому прикладывалась печать sub annulo Piscatoris болѣе или менѣе постоянно, по край-

---

I, p. 63). Какая это большая печать, обыкновенный ли буллотирій, или нѣтъ, вопросъ остается открытымъ. Записи вообще не точны — инструментъ для производства буллъ называется иногда — «bulla plumbea». Такъ при папѣ Каликстѣ III подъ 14 Апрѣля 1455 года: «Honorabili viro Andreae Colae Vechiae aurifici florenos auri de camera 100 pro sua mercede ratione confectionis bullae plumbeae S. D. N. Papae Calisti pp. III» (ibidem, p. 207). Извѣстіе о 100 фл. «pro confectione mediae bullae S-mi. D. N. domini Pii Papae II...», ibidem, p. 313.

1) E. Müntz: «Les arts à la cour des papes», t. I, p. 168.

2) Текстъ не совсѣмъ ясенъ — были ли два перстня разныхъ — то есть одинъ съ гербомъ, другой съ челнокомъ, или два одинаковыхъ = два экземпляра annuli Piscatoris? Я склоняюсь къ мысли, что оба толкованія возможны, но одинаковость перстней — вѣроятнѣе.

3) E. Müntz: «Les arts à la cour des papes», t. III (Paris, 1882. 8°), p. 246.

ней мѣрѣ при нѣкоторыхъ папахъ. Съ такихъ актовъ мы заимствовали изображенія печати Юлія II (см. клише на стр. 53). Писаны эти акты на бумагѣ, подписи папы нѣтъ. Это какъ бы бумажныя бреве.

На заголовкѣ «Julius $\overline{\text{PP}}$. II^{us}» и затѣмъ съ красной строки начало: «Hodie in Consistorio nostro secreto, ut moris est». Заключительная датировка: 1) «Datum Ciuitcuetule Viterbieñ. dioces. ...sub annulo Piscatoris anno natiuitatis domini nostri millesimo quingentesimo nono die vero X-a (mensis) Octobris Pontificatus nostri anno sexto»; 2) «Datum Rome apud Sanctum Petrum anno incarnationis dominice millesimo quingentesimo octauo die uero uigesima octaua mensis Julii pontificatus nostri anno quinto». Документъ 1508 года содержитъ назначеніе въ Губбіо на мѣсто скончавшагося Антоніо Ферреро—Фредерика де Кампо-Фрегозо, архіепископа Салернитанскаго; документъ 1509 года назначеніе архіепископомъ Тарентскимъ Орландо де Ровере (въ подлинникѣ «Ruuere»). Оба акта скрѣплены: «Sigismundus», то есть извѣстнымъ секретаремъ «ab epistolis», папскимъ аббревіаторомъ Сигизмундомъ де Комитибусъ изъ рода Тринчи[1]). Описанные документы не имѣютъ подписи папы, какъ и всѣ обыкновенныя бреве, изъ которыхъ украшены автографами папъ лишь единичные экземпляры въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и внѣ всякихъ правилъ[2]). Но что типично для пергаменныхъ бреве, то является скорѣе исключеніемъ для такихъ актовъ, какъ приве-

---

1) Petrus Bembus относительно этого Sigismundus de Comitibus записалъ: «Nam is (=Julius II) et Sigismundum unice diligit, apud seque habet, atque in scribendis Epistolis praeclara ejus opera utitur: in quo difficile est, quantum unus omnes excellat, quum scriptionis elegantia et candore styli, tum plane diligentia et fide». См. Bonamicius, l. c., p. 197.

2) Cesare Paoli говоритъ (II, 28) — «Alcuni brevi hanno anche la sottoscrizione autografa del Papa, ma è cosa eccezionale, derivata forse da speciali ragioni personali o politiche» и перечисляетъ три экземпляра, изученныхъ имъ въ богатѣйшихъ коллекціяхъ Флорентинскаго архива. Такія случайныя исключенія отнюдь не могутъ составить особаго типа или вида дипломатическихъ документовъ.

денныя назначенія епископовъ — администраторовъ. На таблицахъ VIII, IX и X мы даемъ изображеніе трехъ подобныхъ же документовъ—1516 (назначеніе Бернарда Микелоццо епископомъ въ Форли на мѣсто скончавшагося епископа Петра)[1]), 1518 (назначеніе Іоанна Сальвіати на архіепископію въ г. Фермо на мѣсто скончавшагося Франциска Ремолини)[2]) и 1520 годовъ (назначеніе администраторомъ въ Модену кардинала Геркулеса Рангони на мѣсто скончавшагося кардинала Ипполита д'Эсте)[3]).

Сравнивая эти три акта, мы видимъ, что и въ начальной и въ заключительной формулахъ они не вполнѣ сходны. Только № 2—1518 года имѣетъ во главѣ «Leo PP. X^s»—формулу, обычную и для бреве, и для вышеприведенныхъ актовъ папы Юлія II. До-

---

1) Актъ датированъ: «Datum Rome in palatio apostolico sub annulo Piscatoris Anno M. D. XVI. Die X. mensis nouembris pontificatus nostri anno quarto». Подъ текстомъ приложена печать «sub annulo Piscatoris», въ правомъ углу скрѣпа: «Ja. Sadoletus», то есть подпись извѣстнаго писателя-кардинала (1536—1547), который былъ секретаремъ бреве, какъ онъ самъ разсказываетъ, въ теченіе 13 лѣтъ: «sequuta sunt tempora, quum a Leone X primum, deinde a Clemente VII ad negotia publica vocatus, factusque Epistolarum Principalium, h. e. earum, quae vel ad Reges a Pontifice summis de rebus mitterentur, vel a Regibus eisdem ad Pontificem afferrentur, et lucubrator et custos. Quod munus magni sane in Urbe et honoris et nominis superioribus temporibus Magisterium Scrinii, nunc a Populo Romano Secretarium Domesticum appellari video .... Igitur XIII annis in eo negotio versatus ....» (Bonamicius, l. c., p. 212). Въ трудѣ Gams'a «Series Episcoporum» показано, что на мѣсто Петра Гриффи былъ назначенъ 15 Ноября 1516 года Bernardus Medici.

2) Актъ датированъ — «In quorum fidem presentem cedulam fieri et annuli piscatoris sigilli iussimus impressione muniri. Datum Rome apud Sanctum Petrum. Anno Incarnationis dominice M. D. XVII. Die VIII februarii Pontificatus nostri anno quinto». 8 Февраля по счету года отъ воплощенія Господня падаетъ на 1518 уже годъ; какъ отмѣчено у Gams'a, Франциск Ремолини скончался 5 Февраля 1518 года, значитъ замѣщеніе послѣдовало съ большой быстротой. Отъ печати Annuli Piscatoris остался фрагментъ. Въ правомъ углу скрѣпа секретаря—«Bembus» свидѣтельствуетъ, что документъ подписанъ аббревіаторомъ Пьетро Бембо (Petrus Bembus) впослѣдствіи знаменитымъ кардиналомъ (1538—1547).

3) Датировка короче предыдущихъ: «Datum Romae in palatio apostolico sub annulo Piscatoris die XII Septembris M. D. XX. Pontificatus nostri anno octauo». Подъ текстомъ хорошо сохранившаяся печать annuli Piscatoris и скрѣпа «Bembus». У Gams'a отмѣчено, что Ипполитъ д'Эсте скончался 3 Сентября 1520 года.

кументы 1517 и 1520 годовъ начинаются прямо — первый: «Motu proprio fiat. Hodie in consistorio nostro secreto ut moris est», второй просто—«Hodie in consistorio nostro secreto» (и только). Заключительная датировка, вездѣ отмѣчая употребленіе печати annuli Piscatoris, лишь въ одномъ случаѣ (въ 1518 году) помѣчаетъ счетъ годовъ по стилю отъ «incarnationis dominicae», пропуская указаніе на стиль въ двухъ другихъ случаяхъ. Объединяются всѣ три документа одинаковой помѣтой подъ текстомъ: «Ita est. I.», сдѣланной крупнымъ, рѣзкимъ почеркомъ. Помѣта эта представляетъ автографъ самого папы Льва X; буква «I» начальная буква имени, которое онъ носилъ до вступленія на папскій престолъ (Іоаннъ Медичи).

Акты на бумагѣ, съ подписью папы и съ приложеніемъ печати annuli Piscatoris заставляютъ вспомнить одно чрезвычайно важное мѣсто «правилъ» для канцеляріи папы Мартина V (1417—1431): «Et ad fidem premissorum idem dominus noster hanc cedulam sigillari mandavit sub anulo Piscatoris» (распоряженіе отъ 5 ноября 1425 года)[1]).

Выраженія—«Motu proprio fiat», «presentem *cedulam* fieri... jussimus» въ связи съ автографической резолюціей папы даютъ намъ цѣнныя указанія для рѣшенія вопроса о томъ, съ какого рода документами мы имѣемъ дѣло. Намъ предстоитъ ориентироваться въ двухъ основныхъ пунктахъ—въ вопросѣ о документахъ «motu proprio» и въ вопросѣ о собственноручныхъ подпи-

1) «Regule domini nostri Martini V» § 165: «Placet sanctissimo domino nostro quod reverendissimus in Christo pater et dominus dominus Iohannes episcopus Ostiensis s. Romane ecclesie vicecancellarius in signandis supplicationibus iuxta potestatem ultimo sibi concessam ab eodem domino nostro et in libro cancellarie descriptam potestatem huiusmodi continuet, donec aliam cedulam manu sue beatitudinis signaverit super premissis iuxta morem per verbum «Placet» etc. Placet etian sue sanctitati quod littere super gratiis expectativis iam concessis expediantur usque ad IV menses continuandos a fine ultime prorogationis termini VI mensium per eum facte. Et ad fidem premissorum idem dominus noster hanc cedulam sigillari mandavit sub anulo Piscatoris die V. nov. pontificatus sui anno VIII. B. de Montepoliciano de mandato eiusdem domini nostri. Ponatur in libro cancellarie. O.» (E. Ottenthal: «Die päpstlichen Kanzleiregeln», p. 229).

сяхъ папъ на такихъ различныхъ актахъ какъ «motu proprio», «litterae romanae» и breve. Указанные акты, касающіеся замѣщенія архіерейскихъ каѳедръ = cedulae consistoriales[1]) имѣютъ по формѣ своей тѣсную связь съ litterae romanae, а по печати съ breve[2]).

Относительно motus proprii мы приводили уже примѣчаніе A. Giry, что онъ никогда не видалъ оригиналовъ. Да послужитъ намъ это откровенное сознаніе знаменитаго дипломатиста извиненіемъ, если мы ошибемся въ нашихъ выводахъ.

Теоретическое значеніе Motu proprio превосходно объяснено въ словарѣ Дюканжа[3]) цитатою изъ буллы 1437 года папы Евгенія IV—«motu proprio, non ad alicujus super hoc nobis oblatae petitionis instantiam, sed de nostra mera liberalitate etc.». То есть актъ по собственному почину, а не въ слѣдствіе чьей либо супплики. Motu proprio—изволеніе папы, litterae latinae—рѣшеніе, вызванное супликой.

Какъ особый видъ папскихъ документовъ «motus proprii», по видимому, появились въ XV столѣтіи. Всѣ дипломатисты согласно относятъ начало ихъ употребленія ко времени папы Иннокентія VIII. Бенедиктинцы, давъ строго опредѣленное указаніе — «Les

---

1) «Ubi vero ecclesia seu monasterium vigore *cedulae consistorialis* expeditur» (Ottenthal: «Die Bullenregister Martin V und Eugen IV», p. 449).

2) «Cedulae consistoriales» относительно аббатовъ, монастырей и назначеній, напримѣръ, въ высшія должности папской канцеляріи, изготовлялись за подписью вицеканцеллярія и приложеніемъ его фамильной печати, малой или большой, смотря по соображенію. Въ нашемъ собраніи имѣется нѣсколько такихъ «cedulae», за подписью «Ju. Vicecancell.» (=Юлій Медичи, кардиналъ, потомъ папа Климентъ VII) отъ 1516—1518 годовъ («in quorum fidem hanc cedulam manu nostra signavimus sigillique nostri parvi quo in talibus utimur fecimus appensione muniri»). Одна cedula (отъ 5 ноября 1516) составлена въ формѣ оффиціальнаго письма на открытомъ листѣ (безъ адреса и безъ складыванія въ пакетъ), съ началомъ—«Reverendissime Domine (обращеніе къ Михаилу Брисоннэ, епископу Нимскому) hodie...». и т. д. по обычной формулѣ. Подпись «humilissimus servitor» рукою секретаря и собственноручная «Ju. Car. de Medicis». Актъ передачи монастыря епископу Нимскому Michael. Briçonnet послѣ епископа Вильгельма Брисоннэ.

3) Подъ словомъ «Motu proprio (изд. Фавра, t. V, p. 533).

motus proprii ne sont jamais munis de sceaux. La signature du Pape y suplée»[1]), въ другомъ мѣстѣ осторожно отмѣтили, что «ces rescrits sont de plusieurs sortes», что не совсѣмъ сходится съ новѣйшими дипломатистами, которые подъ motu proprio видятъ одинъ опредѣленный типъ, — съ именемъ папы передъ текстомъ, съ началомъ (какъ правило съ исключеніями) — «ad perpetuam rei memoriam» и съ заключительными резолюціями — «Placet motu proprio et ita mandamus», «Placet motu proprio», «Fiat motu proprio» и т. д. Датировка сначала по римскому календарю и съ годомъ правленія папы, а съ Льва X съ числомъ мѣсяца и годомъ по современному лѣтосчисленію[2]). Общее замѣчаніе дипломатистовъ, что Motus proprii предназначались для внутреннихъ дѣлъ папской куріи. «Ils sont», говоритъ de Mas-Latrie, «généralement redigés *en italien* et réservés pour les affaires d'administration et de politique intérieure des États du Saint-Siège»[3]). A. Giry допускаетъ исключенія и выражается менѣе опредѣленно: «Les actes expédiés sous cette forme, assez nombreux depuis le XVI siècle, paraissent avoir été *presque exclusivement* employés à l'administration de la cour pontificale et au gouvernement des États du Saint-Siège: aussi, seuls de toutes les lettres apostoliques, ils ont été *assez fréquemment rédigés en italien*».

A. Giry прибавляетъ еще одинъ очень опредѣленный признакъ относительно актовъ, именуемыхъ Motus proprii. «Ce sont

1) «Nouveau traité de diplomatique», V, p. 322.

2) См. A. Giry, l. c., p. 702 — 703; de Mas Latrie, l. c., p. 38 — 39. Замѣчательно кратко, ясно и опредѣленно говоритъ Cesare Paoli: «I motuproprî hanno caratteri comuni colle bolle e coi brevi, ma ciò che da questi e da quelli li distingue è la mancanza del sigillo, al quale invece è sostituita la sottoscrizione autografa del papa. La formula «motu proprio» si trova *in principio* o in fine dell'atto, espressa generalmente in questo modo: «Placet, et ita motu proprio mandamus». La data è nei più antichi motupropri espressa al modo delle piccole bolle, cioè col giorno del mese secondo il calendario romano, e coll'anno del pontificato; poi, da Leone X, s'introduce la datazione alla moderna, come nei brevi» (III, p. 28—29).

3) Бреве писались на латинскомъ языкѣ. По указанію того же de Mas Latrie: «On cite un seul en français, de Benoit XIV, répondant à Voltaire, qui lui avait dedié sa tragédie de Mahomet» (p. 38).

des documents *sur parchemin*, depourvus de sceaux». Этихъ-то пергаменныхъ motu proprio Giry и не видалъ ни одного экземпляра. Чѣмъ объясняется такая рѣдкость?

Попробуемъ обратиться къ памятникамъ папской канцеляріи, напечатаннымъ въ XV—XVI вв. Какъ извѣстно, папы чрезвычайно быстро оцѣнили значеніе печатнаго станка — свидѣтельствомъ являются индульгенціи Николая V [1]) и знаменитая bulla cruciata contra Turcos папы Пія II. Въ самомъ Римѣ не позже 1470 годовъ началось опубликованіе документовъ и распоряженій, постепенно достигшее въ XVI столѣтіи кульминаціоннаго пункта развитія [2]). Сначала папская курія пользовалась услугами нѣсколькихъ привиллегированныхъ типографщиковъ (напримѣръ, Стефанъ Планкъ), потомъ печатаніе перешло къ Антонію Бладо (Antonio Blado Asolano) [3]), который съ 1549-го года точно обо-

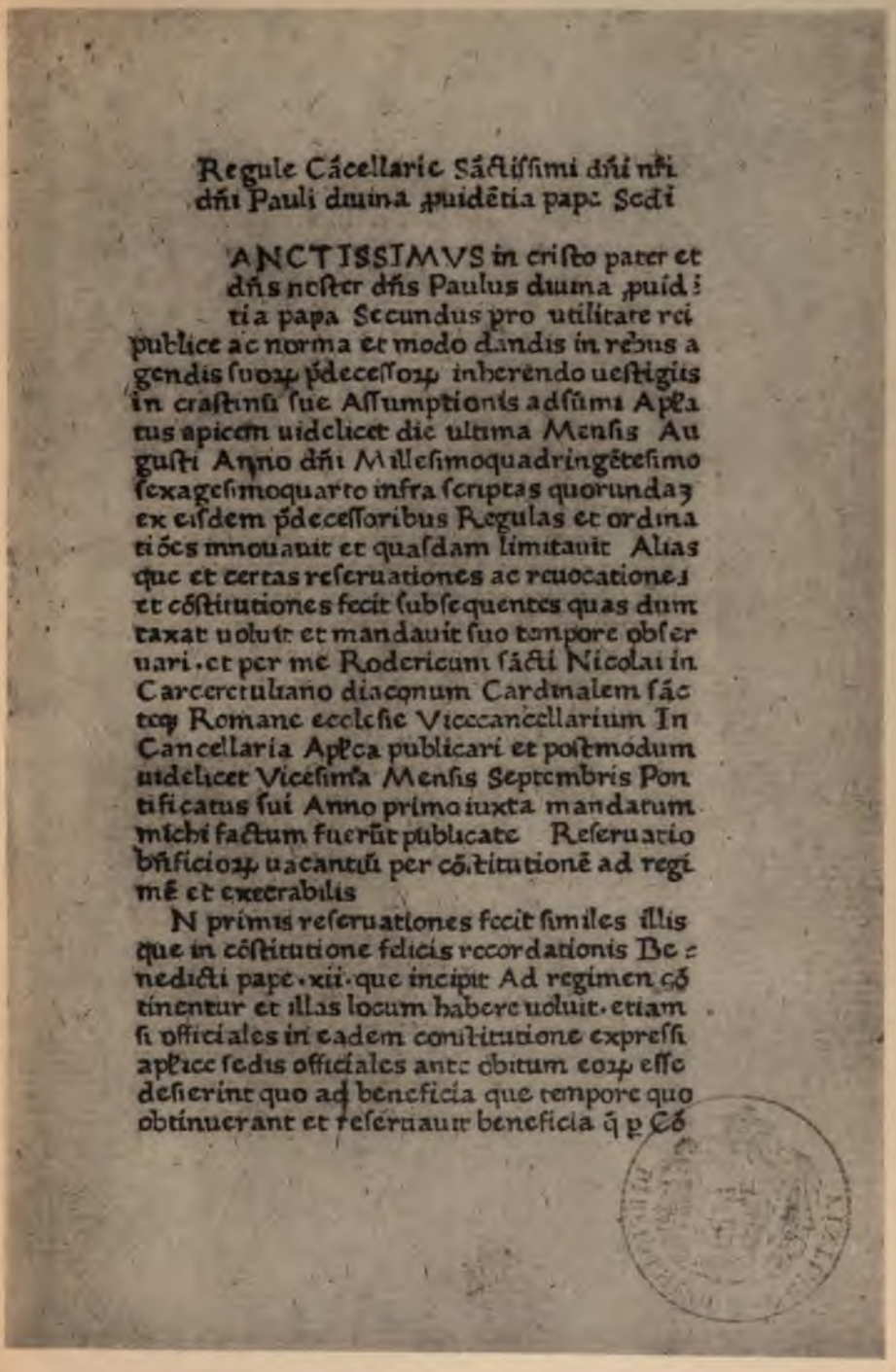
---

1) См. напримѣръ, Léon de Laborde: «Nouvelles recherches sur l'origine de l'imprimerie» (Paris. 1840).

2) Такъ еще при папѣ Павлѣ II (1464—1471) были отпечатаны (см. въ Bibl. de l'École des chartes, LXIII (1902), pp. 479 — 480, замѣтку — «La chancellerie romaine au temps de Paul II») «avec les caractères dont Ulric Hahn s'est servi pour imprimer *à Rome* le *Scripturarum scrutinium*», семь брошюръ: 1) «Regule, ordinationes et constitutiones cancellarie sanctissimi domini nostri domini Pauli divina providentia pape secundi, scripte et correcte in cancellaria apostolica»; 2) «Termini causarum in Romana curia servari soliti in causa beneficiali»; 3) «Modus vacandi beneficiorum»; 4) «Quod non derogetur Statutis de optando et obtinendo prestimonia nisi sufficiens signatura habeatur»; 5) «Modus servandus in executione seu prosecutione gratie expectative»; 6) «Festa et ordo terminorum sacri palatii apostolici servari solitorum»; 7) «Bulla de beneficiis affectis». При Павлѣ же II были изданы еще другія буллы и «copia litterarum». Замѣтка въ Bibl. de l'École des chartes направлена противъ продававшагося у L. Rosenthal'я изданія «Regulae», якобы «Mogunt., Fust et Schoefer» (1200 м.), «qui présente une assez singulière particularité. On a ajouté les écussons de Fust et de Schoiffer, imprimés en rouge». Перечень разныхъ изданій «Regulae cancellariae apostolicae» см., напримѣръ, въ трудѣ—F. Cerroti (и Enrico Celani): «Bibliografia di Roma medievale e moderna» (Roma. 1893. 4°), стр. 592—593.

3) Giuseppe Fumagalli e Giacomo Belli начали изданіе «Catalogo delle edizioni romane di Antonio Blado Asolano ed Eredi (1516—1593), possedute dalla Biblioteca Nazionale centrale Vittorio Emanuele di Roma, con una introduzione storico—bibliografica»; первый выпускъ (Roma. 1891—92) обнимаетъ 1516—1562 годы, 2-ой (Roma. 1896), годы 1562—1573. Продолженія, сколько знаю, не послѣдовало; не вышло въ свѣтъ и обѣщанное ученое введеніе.

Къ стр. 80.



Regule Cācellarie Sāctissimi dñi nr̄i
dñi Pauli diuina ꝓuidētia pape Sedi

ANCTISSIMVS in cristo pater et
dñs noster dñs Paulus diuina ꝓuidē
tia papa Secundus pro utilitate rei
publice ac norma et modo dandis in rebus a
gendis suoꝝ p̄decessoꝝ inherendo uestigiis
in crastinū sue Assumptionis adsūmi Apl̄a
tus apicem uidelicet die ultima Mensis Au
gusti Anno dñi Millesimoquadringētesimo
sexagesimoquarto infra scriptas quorundaꝫ
ex eisdem p̄decessoribus Regulas et ordina
tiōes innouauit et quasdam limitauit Alias
que et certas reseruationes ac reuocationes
et cōstitutiones fecit subsequentes quas dum
taxat uoluit et mandauit suo tempore obser
uari. et per me Rodericum sācti Nicolai in
Carceretuliano diaconum Cardinalem sāc
teq; Romane ecclesie Vicecancellarium In
Cancellaria Apl̄ca publicari et postmodum
uidelicet Vicesima Mensis Septembris Pon
tificatus sui Anno primo iuxta mandatum
michi factum fuerūt publicate Reseruatio
bñficioꝝ uacantiū per cōstitutionē ad regi
mē et execrabilis

N primis reseruationes fecit similes illis
que in cōstitutione felicis recordationis Be
nedicti pape. xii. que incipit Ad regimen cō
tinentur et illas locum habere uoluit. etiam
si officiales in eadem constitutione expressi
apl̄ice sedis officiales ante obitum eoꝝ esse
desierint quo ad beneficia que tempore quo
obtinuerant et reseruauit beneficia q̄ p Cō

Снимокъ съ первой страницы старѣйшаго изданія сборника «Regulae Cancellariae Apostolicae» (s. l. et a. = Romae. 1469).

значалъ «Romae. Apud Antonium Bladum impressorem Cameralem»[1]), и къ его наслѣдникамъ — «Haeredes Antonii Bladii Impressores camerales» (дѣло велъ одинъ изъ братьевъ Paulus Blado, съ 1590 ставившій одно свое имя), каковое указаніе смѣнилось въ самомъ исходѣ XVI вѣка обозначеніемъ — «Ex Typographia Reuerendae Camerae Apostolicae».

Печатались документы, смотря по ихъ назначенію, на открытыхъ листахъ—для наклейки, въ десть, 4⁰ и 8⁰—для разсылки и руководства въ канцеляріяхъ. Важнѣйшія постановленія многократно перепечатывались, зачастую безъ обозначенія времени переизданія. Въ этомъ отношеніи неоффиціальныя перепечатки различныхъ типографій въ разныхъ городахъ Италіи гораздо аккуратнѣе. Надо замѣтить, что и оригинальныя первыя изданія папскихъ документовъ нерѣдко лишены указанія на типографію и время напечатанія.

Долголѣтнее собираніе летучихъ изданій папской канцеляріи дало намъ въ руки значительный матеріалъ, которымъ мы и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Основные дипломатическіе типы папскихъ документовъ — буллы, бреве и motus proprii, печатались въ Римѣ и подъ собственными и подъ разнообразными иными наименованіями. Въ приписяхъ относительно распубликованія всѣ документы большею частью называются «litterae apostolicae». Буллами обычно титулуются буллы консисторіальныя, то есть съ изображеніемъ

1) Изслѣдованіе о типографахъ Бладо см. G. Fumagalli: «Antonio Blado tipografo Romano del secolo XVI (memoria storico-bibliografica). Milano. 16⁰ (безъ года изданія, но послѣ 1892 и до 1896). Въ этой книжкѣ приведена и литература вопроса. Очень цѣнно также изслѣдованіе Domenico Bernoni: «Dei Torresani, Blado e Ragazzoni, celebri stampatori a Venezia e Roma nel XV e XVI secolo» (Milano. Hoepli. 1890. 8⁰). По отношенію къ Бладо отмѣтимъ особенно любопытный вопросъ о контрафакціяхъ «le pirateriе» знаменитаго Bernardo Giunta (стр. 199 и слѣд.) На стр. 212 читаемъ: «nel 1549 otteneva il Blado *un nuovo attestato* del pontificio favore mercè il conferimento della privativa per la stampa degli atti ufficiali, o come ivi si appellavano *Atti Camerali*, e con questo il titolo altresi di *Stampatore Camerale*, che attribuiva un vero primato sugli altri stampatori di Roma».

роты и подписями папы и кардиналовъ. Простыя буллы по формѣ «episcopus servus servorum Dei» нерѣдко называются litterae [1]), иногда опредѣленіемъ по существу [2]).

По содержанію же иногда озаглавливаются и торжественныя консисторіальныя буллы, напримѣръ, «Sententia condemnationis Odetti a Castillione aŀs Cardinalis per Sanctiss. D. N. D. Pium diuina prouidentia Papam IIII» [1]); случается, что заглавіе называетъ то учрежденіе, которое буллою основывается, напримѣръ — «Mons religionis» [2]). Число буллъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ прямымъ заглавіемъ — «bulla» — настолько велико, что описаніе ихъ составило бы цѣлую книжку.

---

1) Напримѣръ, — «Litterae S. D. N. Pii Papae V super creatione Cosmi Medices in Magnum Ducem Prouinciae Ethruriae ei subiectae» [«Romae apud haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales» (in folio, 3 стр., у Фумагалли нѣтъ)] содержатъ буллу «Pius, episcopus seruus seruorum Dei, ad perpetuam rei memoriam.... Dat. Romae apud S. Petrum anno Incarnationis Dominicae M. D. LXIX. Sexto calendas Septembris. Pont. nostri anno Quarto» (слѣдуетъ скрѣпа секретаря «Cae. Glorierius»). Этихъ «Litterae» имѣется (и у меня) перепечатка «Florentiae. Apud Philippum Iuntam et fratres. M. D. LXX», in 4°, 8 ненум. стр.

2) Напримѣръ: «S. D. N. Pii Papae V *Abolitio* quarundam literarum super certis facultatibus, et indulgentiis publicatarum et prohibitio similium ad quoscunque in futurum» («Romae, pud (sic) Haeredes ntonii (sic!) Bladii Impressores Camerales. 1570», in folio, 4 стр. Fumagalli, l. c., № 545), содержитъ буллу — ad perpetuam rei memoriam — датированную — «Datum Romae, apud Sanctum Petrum, anno incarnationis dominicae millesimo quingentesimo sexagesimo nono Quarto Non. Januarii Pontificatus nostri anno Quarto» (подписи — «Cae. Glorierius» и «H. Cumyn»).

3) «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno 1563» (4 ненумер. стр. in folio, у Fumagalli — нѣтъ). Булла за подписями папы и кардиналовъ датирована: «Datum Romae apud Sanctum Petrum, anno incarnationis Dominicae M. D. LXIII. Pridie Calendas Aprilis, Pont. Nostri Anno Quarto», касается, перешедшаго въ протестантизмъ, кардинала «Odet de Coligny de Châtillon» (возведенъ въ кард. достоинство въ 1533 году, ум. въ 1571). Въ концѣ, ниже текста, напечатано о распубликованіи, что «suprascriptae literae apostolicae affixae et publicatae fuerunt....» 11 Сентября 1563 года.

4) «Mons Religionis—Romae. Apud haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales M. D. LXXI» (in 4°, на 6 ненумер. листахъ, Fumagalli, № 624) — это булла, данная «anno incarnationis Dominice Millesimo quingentesimo septuagesimo primo, duodecimo Calendas Iunii»—«per l'istituzione del Monte di Religione, destinato a prouuedere ai bisogni della Chiesa».

Нельзя не отмѣтить наименованіе буллою настоящей «signature en cour de Rome». Въ 1561 году «Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem»[1]) напечатана: «Bulla S. D. N. D. Pii Papae IIII absolutionis excessuum Populi Romani sede Apostolica vacante per obitum fe. re. Pauli Papae quarti» (in folio, 2 ненум. листа). Вмѣсто буллы мы находимъ двѣ супплики по формулѣ «Beatissime Pater» съ обычной clausula — «sola signatura sufficiat et ubique fidem faciat» и съ резолюціями папы — «Fiat ut petitur. I.», «Fiat. I.» и «Placet. I». Первая сигнатура помѣчена — «Dat. Romae apud Sanctum Petrum, octavo Id. Januarii Anno Primo», вторая: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum, Id. Maii Anno Secundo». Къ папѣ обращались «deuoti oratores Senatus et Populus Romanus» по поводу народной смуты, случившейся «humanae naturae hoste instigante» по смерти папы Павла IV[2]).

Какъ буллы, точно также и бреве, выданныя sub annulo Piscatoris, случается, именуются «Decretum»[3]) или, напримѣръ, «Con-

---

1) Fum., № 259, указываетъ годъ изданія: «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. 1561». Имѣющійся у меня печатный экземпляръ оригинальнаго изданія года не имѣетъ, каковой опредѣляется изъ даты второй сигнатуры «Id. Maii Anno Secundo».

2) Документъ начинается изложеніемъ событій: «Beatissime pater. Cum Sede Apostolica per obitum fe. re. Pauli Papae IIII. S. V. Praedecessoris vacante, seu tunc animam agente de proximo vacatura, Populus Romanus, seu nonnulli ex dicto Populo de facto coadunati, humanae naturae hoste instigante moti et furore perciti domum siue palatium sanctissimae Inquisitionis Haereticae prauitatis vi et violentia ingressi, diversos super Haeresis et forsan aliis criminibus accusatos et forsan confessos et conuictos, ac ad ultimum supplicium et perpetuos carceres condemnatos vel condemnandos inibi carceratos liberauerint, necnon illorum processus, examina, et diversas alias scripturas et nonnulla bona inibi existentia combusserint et in praedam dederint et asportaverint, ac iudices et ministros dictae Inquisitionis diuersis etiam Praedicatorum, aut alterius ordinis religiosos etiam forsan presbyteros verberibus affecerint, et forsan mutilauerint, terroremque religiosis et fratribus Dominicanis in Aede Mineruae incusserint. Necnon quandam Statuam marmoream pecuniis eorundem Populi et de eorundem expresso mandato in memoriam eiusdem praedecessoris, dum in humanis ageret, confectam, et in Capitolio honorifice reconditam fregerint, ac illius caput per Urbem distrahendum duxerint, seu duci et distrahi iusserint et fecerint, seu permiserint...».

3) Напримѣръ, «Decreto di N(ostro) S(ignore) Pio Papa Quinto contra homicidi & altri delinquenti o banditi del Regno di Napoli» («Romae, apud Antonium Bla-

stitutio», при чемъ въ указаніи на публикаціи находимъ поясненіе — «retroscriptae literae seu breve affixae et publicatae fuerunt....» [1]).

Прямое наименованіе «breve» не составляетъ рѣдкости уже въ довольно раннее время. Отмѣтимъ, напримѣръ, a) «Breue sanctissimi domini nostri domini Leonis diuina prouidentia Pape Decimi: super correctione Kalendarii — pro recta Pasche celebratione» (in 4°, на 4 ненум. листахъ, s. l. et a.) и b) также breve съ прибавленіемъ — въ заглавіи «datum post decimam sessionem» (in 4° на 2 ненум. листахъ, s. l. et a). Оба «sub anulo Piscatoris», оба подписаны «Ja. Sadoletus», первое отъ 24 іюля 1514 года, второе отъ 1 іюня 1515 года. Во второй половинѣ XVI столѣтія заглавіе «Breve» становится обычнымъ, хотя конечно не столь частымъ какъ «Bulla» [2]).

---

dum Impressorem Cameralem. Anno 1566., in folio, 4 ненум. стр., Fumagalli, № 401), содержитъ бреве (на латинскомъ языкѣ конечно) ad futuram rei memoriam, датированное: «Dat. Romae Apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris Die prima Februarii 1566. Pontificatus Nostri Anno Primo» (подпись секретаря «Cae. Glor.»). Наименованіе этого декрета бреве находится въ дополнительномъ объявленіи: «E perche il prefato Sig. Vicere di Napoli ha gia publicato un decreto conforme al *soprascritto nostro Breue* per tutti li lochi del sudetto Regno, percio ciascuno officiale e ministro nostro e della Santa Chiesa non manchi di essequire subito quanto di sopra si contiene». Ниже текста мелкимъ шрифтомъ обозначено время опубликованія: «Io Antonio Trombetto ho publicato il soprascritto decreto per Roma nelli lochi soliti et consueti il di XII de Marzo 1566». У меня имѣется перепечатаніе этого декрета на открытомъ листѣ слово въ слово (только вмѣсто «Trombetto» стоитъ «Trombetta» съ указаніемъ года и мѣста печати: «Romae, apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. 1583»).

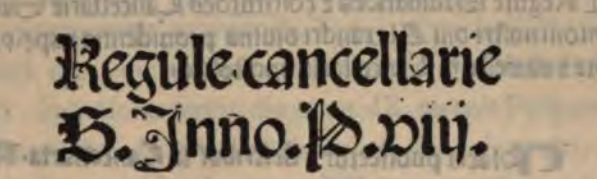
1) Напримѣръ, «Constitutio S. D. N. D. Pii diuina Prouidentia Papae V, per Dominos Medicos obseruanda» («Romae, apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. 1566», на откр. листѣ съ одной стороны. Fumagalli, № 399) содержитъ бреве (ad perpetuam rei memoriam) — датированное: «Dat. Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris die 8 Martii. M. D. LXVI Pontificatus Nostri anno primo» (подпись секретаря — «Cae. Glorierius»).

2) См. наприм., у Fumagalli, l. c., №№ 194 (1557), 203 (1558), 204 (1558), 254 (1561), 274 (1562), 275 (1562), 311 (1564), 342 (1565), 378 (1566), 379 (1566), 380 (1566), 381 (1566), 382 (1566), 383 (1566), 384 (1566), 433 (1567), 434 (1567), 435 (1567), 436 (1567), 598 (1571), 599 (1571), 666 (1573). Опишемъ breue, которое не вошло въ каталогъ Fumagalli: «Breue Deputationis Donati Matthei Minalis Thesaurarii generalis in collectorem generalem spoliorum Ecclesiasticorum

Документы съ собственноручными резолюціями папъ — (по типу резолюцій на motus proprii) стали печататься съ самого начала употребленія типографскаго станка для распубликованія актовъ папской канцеляріи. Отмѣтимъ разныя «Constitutiones» и «Regulae», особенно, такъ называемыя, «Regulae cancellariae apostolicae» (въ которыхъ отнюдь не надо видѣть устава и штатовъ папской канцеляріи)[1]).

Какъ образцы приведемъ резолюціи Иннокентія VIII и Александра VI.

1) «Regulae» по изданію (in 4°, на 12 ненумерованныхъ листахъ изъ коихъ послѣдній чистый, s. l. et a.) 1484 года:



ad Cameram Apostolicam pertinentium in tota Italia» («Romae Apud Antonium Bladum impressorem Cameralem Anno 1563», in folio, 2 ненум. листа). Бреве адресовано «Dilecto filio Donato Mattheo Minali de Bellano laico Mediolanensi Thesaurario nostro generali» и датировано «Dat. Romae apud S. Petrum sub Annulo Piscatoris, die 30 Julii M. D. LX. Pont. Nostri. Anno Primo» (подпись секретаря «Cae. Glorierius»). Обычнаго извѣстія относительно распубликованія нѣтъ. Обращаетъ на себя вниманіе срокъ, протекшій между датой бреве и его напечатаніемъ.

1) A. Giry, l. c., p. 682—«les «Règles de la chancellerie apostolique»... sont un ensemble de décisions relatives à la collation des bénéfices, rédigées pour la première fois en 1331 et confirmées depuis par chaque pape à son avènement». См. D-r. E. von Ottenthal: «Die päpstlichen Kanzleiregeln von Iohannes XXII bis Nicolas V» (Insbruck. 1888). «Die Vereinigung und Zusammenfassung dieser Normen und damit die Geschichte der Kanzleiregeln beginnt erst mit Iohann XXII» (p. VII). По Ottenthal'ю дата Giry—1331 годъ—можетъ быть измѣнена на — «между 1320—1330 годами».

Къ этому надо прибавить новѣйшій трудъ, захватывающій и постановленія XIII столѣтія: «Constitutionum Apostolicarum de generali beneficiorum reservatione ab a. 1265 usque ad a. 1378 emissarum, tam intra quam extra corpus juris exstantium, collectio et interpretatio» (edidit Carolus Lux). Wratislaviae. MCMIV. gr. 8°. Есть поправки къ старымъ сочиненіямъ, наприм., стр. 36. Приложены многочисленные и цѣнные документы—«Acta inedita».

Placet publicēt et ſcribāt icācellaria. Jo.
Recte et publ cate fuerunt ſupſcripte die rome incācel.
apl ca die lune tredecia mēſis ſeptembris Anno D.
cccc.lxxxiiij pont. pfati S. do. nri do Jnnocētii diui
na puidētia Pape octaui Anno pmo.

Папская резолюція заканчивается буквами: «*Jo.*» (Иннокентій VIII = Giovanni Battista Cibo = Johannes). Болѣе обычна резолюція съ одной буквою «*I*».

2) «Regulae» по изданію 1493 г. (in 4°, на 16 ненумер. листахъ, s. l. et a.):

¶ Regule Ordinatiões z cōſtitutões Cancellarie Sanctiſſ
mi dñi noſtri dñi Alexandri diuina prouidentia pape·vi·ſcr
pte z correcte in Cancellaria apoſtolica·

¶ Placet publicetur z deſcribat in Cancellaria·R.

¶ Lecta z publicata fuit ſuprascripta regula Rome in Can
cellaria apoſtolica die·iiij·menſis Maij. Anno incarnatiōis
dominice·M·cccc·xciij· Pontificat9 prefati Sanctiſſimi do
mini noſtri pape Anno primo·

Подпись папы — «Placet publicetur et describatur in Cancellaria. R.» заканчивается буквою «R», потому что Александръ VI — до вступленія на папскій престолъ — носилъ имя Родриго Борджіа[1]).

Печатаніе документовъ типа motus proprii — ad perpetuam rei memoriam съ обычной резолюціей «placet et ita mandamus» также относится ко времени Иннокентія VIII. У меня имѣются,

1) Въ коллекціи автографовъ и документовъ, собранной графомъ Paar и проданной въ Берлинѣ въ 1893 году—подъ № 1857 описана — «Pièce en latin, avec ces mots autographes «*Fiat motu proprio. B.*» et «*Fiat. B.*»; Roma, 5 Déc. 1497. 1 p. in fol.». Передъ нами документъ на латинскомъ языкѣ съ резолюціей *motu proprio*, писанъ на бумагѣ. Буква «B» невѣрное чтеніе неясной буквы «R», о чемъ рѣчь будетъ дальше.

напримѣръ, два такихъ печатныхъ акта — одинъ въ оригинальномъ изданіи 1485 года (2 ненум. листа in 4°, sine l. et a.), на которомъ въ концѣ напечатано — «Signatura summi Pontificis. Placet et ita mandamus. I.» и другой («constitutio»)—безъ точнаго года, въ перепечаткѣ 1610 года (на открытомъ листѣ)[1]).

Мнѣ не удалось найти настоящихъ «motu proprio» съ прямымъ заглавіемъ ранѣе времени папы Климента VII (1523—1534). Отъ этого времени у меня имѣются два «motus proprii» 1529 г. въ оффиціальномъ переизданіи XVI-же столѣтія (sine l. et a., in 4°, 2 ненум. листа)[2]) и одинъ «motus proprius» въ оригинальномъ изданіи 1530 года (no s. l. et a., на 4 ненум. листахъ, in 4°). Длинное заглавіе (см. прилагаемое клише на стр. 88) набрано крупнымъ готическимъ шрифтомъ.

Въ концѣ текста объясненіе, что: «Anno a natiuitate Domini M. D. XXX. indictione tertia die uero. IX. mensis Februarii Pontificatus Sanctiſsimi in Chriſto patris et domini nostri, domini Clementis diuina prouidentia papae VII anno septimo *praesentes retroscriptae litterae Motus proprii*» были «praesentatae, intimatae, insinuatae et notificatae».

Всѣ три описанные Motus proprii Климента VII имѣютъ одну и ту же резолюцію: «Placet D. N. PP. et ita Motu proprio mandat. A. Portuenſis». Такимъ образомъ вмѣсто папы *Motu proprio* былъ подписанъ кардиналомъ Antonio Maria del Monte (episcopus Portuensis, sacri Collegii Cardinalium Subdecanus). Со времени папы Павла III количество печатныхъ Motus pro-

1) «S. D. N. D. Innocentii divina providentia papae VIII. Cives Romani non originarii tenentur ad solvendum Fidam Dohanae Patrimonii sicut forenses» («Romae. Ex Typographia Camera Apostolica. M. DC. X.»). Въ концѣ текста: «Haec const. praesentata fuit in Camera Apostolica pro parte S. D. N. Papae et registrata fuit lib. 2. Divers. fol. 242. A. de Viterbio». Andreas de Viterbio служилъ въ папской канцеляріи еще въ 1464 году, см. Ciampini, l. c., p. XII.

2) «Motus proprii duo Santiss. Clementis Septimi contra Mandatum de supersedendo, calumniose productum, et contra Moratorias ac dilationes quinquennales, quae vulgo cinquine dicuntur», въ концѣ: «Die XX. Decembris M. D. XXIX. haec duo Mandata intimata, affixa et publicata fuerunt Romae in locis consuetis per me Io. Seruiuer. S. D. N. Papae Cursorem».

Motus ppr̃ius. S.
D. N. Clementis
Sept. Pont. Max.
ſuper Reformatiõe
Notariorum Urbis
ac moderatione mer
cedis eorum: id feli
citer curante Reue-
rẽdiſſimo et illuſtriſ-
ſimo A. Card. de
Monte: Urbis Le
gato: cui nihil antiq
ns: q̃z in publicã uti
litatem incumbere.

prii — все растетъ, печатаясь то на открытыхъ листахъ, то въ десть, то in 4°.

Прилагаемое клише (стр. 90) снимокъ съ краткаго по тексту Motu proprio 1548 года, можетъ служить образцомъ, хотя форма Motu proprio не совсѣмъ выдержана. Въ резолюціи: «Placet motu proprio. A.»—буква A указываетъ на имя папы. Павелъ III до вступленія на престолъ носилъ имя Александра [Фарнезе].

Большое количество печатныхъ Motu proprio второй половины XVI вѣка не позволяетъ сдѣлать ихъ подробное описаніе и мы ограничимся выборкой нѣкоторыхъ указаній. Точная датировка, свойственная этому типу актовъ, напримѣръ, «Datum Romae Apud Sanctum Marcum quarto Noñ. Augusti Anno Quinto»[1]) весьма нерѣдко пропускается и замѣняется датировкой регистраціи или опубликованія. Напримѣръ, непосредственно послѣ резолюціи папы Пія IV: «Placet Motu Proprio. I.» слѣдуетъ запись: «Die prima mensis Iulii 1560. admiss. et registrat. ex decreto Camerae *libro signaturarum* S. D. N. Papae apud me Notarium fol. 206. Hie. de Tarano»[2]).

Въ объявленіи о публикаціи большею частью указываются «retroscriptae literae apostolicae» или «suprascriptae literae apo-

---

1) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae IIII, per quem deputantur octo reuerendissimi Cardinales, qui faciant obseruari reformationes ab ipso editas nec non decreta sacri, oecumenici, generali Concilii Tridentini» (подъ заглавіемъ большой виньетъ съ изображеніемъ засѣданія Тридентскаго собора. Ниже виньета указаніе на мѣсто печати: «Romae. Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. M. D. LXIIII»], in folio, на 2 ненумер. листахъ. У Fumagalli нѣтъ.

2) «Motus proprius S. D. N. Pii Papae IIII. quo Illustr. R. P. D. Alexander Sfortia Electus Parmeñ. Camerae Apostolicae Clericus deputatus Praefectus Annonae Almae Urbis et reliqui status Ecclesiastici cum mandato de assignandis frumentis et leguminibus ac prohibitione de illis, ac animalibus in escam mactari solitis, non extrahendis» (на 2 ненум. листахъ=Fumagalli, № 240). Такую же подпись напечаталъ «Hie. de Tarano» и на бреве Павла IV («Placet motu proprio. I», такъ какъ Павелъ IV=Іоаннъ Караффа)—отъ 1557 года, не описанномъ у Fumagalli (подлинное изданіе имѣется у меня).

PAVLVS PAPA III.

MOTV Proprio &c. Cum ſicut accepimus nõnulli ſint qui eorum pecunias in Monte S. Spiritus ponerent ſi eis cõmoditas daretur quod loca non vacarent per obitum illa obtinentium, per aliquod tempus, & quia optamus loca Montis hmõi quantotius vendi & expediri, ac ſingulis ſpecialem gratiam facere Motu proprio &c. quod omnes & ſinguli vtriuſq; ſexus qui poſt hac eorum pecunias in dicto Monte ponent cõmoditate vnius anni quo loca ipſa per obitũ nõ vacent gaudere debeant ita, & taliter quod anno hmõi durante de locis ipſis tam inter viuos q̃ in teſtamento diſponere libere & licite poſſint & loca ipſa ad eorum hæredes & ſucceſſores etiam tranſeant ab inteſtato, de ſpecialt gratia concedimus, & indulgemus decernẽtes lapſo anno a die quo pecunias in dicto Monte poſuerint reſpectiue loca ipſa vacabilia fore & cenſeri debere iuxta formam literarum erectionis dicti montis & ſic per quoſcũq; &c. Iudicari &c. ſublata &c. Necnon irritum &c. Quodq; præſentium ſola Signatura ſufficiat & vbiq; tam in iudicio q̃ extra fidem faciat abſq; alia literarum expeditione. Non obſtantibus præmiſſis, necnon conſtitutionibus, & ordinationibus, ac literis Apoſtolicis ac fundatiõ. dicti Montis cæteriſq; contrariis quibuſcunq;. Die XI. Iunii. 1548. Anno Quartodecimo.

Placet Motu proprio. A.

Die XX. Iunii M. D. XLVIII. Regeſtrat. de mandato Reuerendiſs. & Il. Iuſtriſs. D. Guidonis Aſcanii Cardinalis Camerarii libro ſexto diuerſorũ D. Pauli Papæ III. apud me Notarium fol. 123.

Hier. de Tarano.

stolicae» и только очень рѣдко чатаемъ, что «Supradictus Motus proprius affixus et publicatus fuit» [1]).

Какъ буллы и бреве, такъ и Motus proprii озаглавливались помимо прямого названія самыми разнообразными терминами, указывающими главнымъ образомъ на содержаніе.

Таковы, напримѣръ, «Confirmatio et ampliatio literarum» или просто «confirmatio literarum» [2]), «Constitutio» (при чемъ указано, что «retroscriptus Motus Proprius affixus et publicatus fuit» [3]); «Declaratio» (или «Declaratio et reformatio» и т. д.) [4]); «Faculta-

---

1) Напримѣръ — «Motus proprius S. D. N. D. Pii Papae Quinti Reformationis alterius Motus Proprii fel. re. Pii Papae Quarti super admissione appellationum Causarum Criminalium» (in folio, на 2 ненум. листахъ, на оборотѣ послѣдняго «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. Die 4 Martii M. D. LXVI») = Fumagalli, № 416.

2) Напримѣръ — Fumagalli №398: «Confirmatio literarum Julii II et Leonis X contra Dominos locorum et Communitates non custodientes eorum territoria, ne venientes ad Urbem et recedentes derobentur», у Fumagalli «senza note tipografiche» (in folio, на 2 ненум. листахъ); у меня два отличныхъ отъ этого изданія: 1) «Romae, apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. M. D. LXVI», in folio, на двухъ ненумер. листахъ, 2) на открыт. листѣ, печатано на одной сторонѣ: «In Roma, Per gl' Heredi d' Antonio Blado Stampatori Camerali».

3) Напримѣръ, a) «Constitutio S-mi. D. N. D. Pii Papae V contra fraudulentes et dolosos decoctores» (на откр. листѣ — «Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales» — 1570 годъ = Fumagalli, № 555, но in folio, а не на листѣ), b) «S. D. N. D. Pii Papae V constitutio contra deferentes arma breuioris mensurae trium palmorum» (in folio, на 2 ненум. лл. «Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno. M. D. LXXII» = Fumagalli, № 644); c) «S. D. N. D. Pii Papae V Constitutio extendens poenas statutas contra ambientes officia iurisdictionis administrationem habentia, etiam ad recipientes pecunias et Mediatores» (in folio, на 2 ненум. лл., «Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem (*sic!*) Anno. M. D. LXXII» = Fumagalli, № 647).

4) Напримѣръ, a) «S. D. N. D. Pii Papae V Declaratio et reformatio Constitutionum et ordinationum praedecessorum suorum super Collegiis studentium scholarium in Urbe» (на откр. листѣ — «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales» — актъ датиров. «quarto Kl. Nouembris Anno Primo» = 1565 годъ, у Fumagalli — нѣтъ); b) «S. D. N. D. Pii Papae V Declaratio Auctoritatis et jurisdictionis Reuerendissimi D. Montis de Valentibus Almae Urbis Gubernatoris», in folio, на 2 ненум. листахъ — «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales», актъ датированъ: «Quinto Id. Augusti Anno Quinto = 1570 годъ. У Fumagalli, № 557, но другое изданіе, in 8°, на 4 стр.).

tes» [1]), «Praeceptum» [2]), «Reformatio» [3]), «Revocatio» [4]), «Statutum» [5]), «De Bireto Viridi» [6]).

Ознакомившись съ цѣлымъ рядомъ документовъ оффиціально названныхъ Motus Proprii при самомъ ихъ опубликованіи, мы

---

1) Напримѣръ, «Facultates Illustriss. et Reuerendiss. DD. Octo Cardinalium Inqnisitorum generalium a S. D. N. Pio IIII deputatorum ad exercitium, cognitionem, et decisionem causarum offitii S. R. Inquisitionis» (in folio, на 2 ненум. листахъ: «Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem, Anno M. D. LXIIII» = Fumagalli, № 328).

2) Напримѣръ, «S. D. N. D. Pii PP. V. Praeceptum quod christiani apud Turcas serui reperti, libere cum bonis suis abire permittantur» (in folio, на 2 ненум. листахъ, «Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales», датировка документа пропущена, текстъ кончается резолюціей — «Placet Motu Proprio. M.»).

3) Напримѣръ, «S. D. N. D. Pii Papae IIII Reformatio Registrorum per Notarios quorumcunqne Judicum et Tribunalium Romanae Curiae de caetero fiendorum» (in folio на 2 ненум. листахъ: «Romae, Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem», годъ 1561, у Fumagalli — нѣтъ).

4) Напримѣръ, a) «Revocatio licentiarum ac facultatum celebrandi Missas vespertino tempore» (in folio на 2 ненум. листахъ: «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales»—1566 годъ—у Fumagalli, № 425, но изданіе in 8⁰); b) «Revocatio Priuilegiorum Hospitalis Sancti Lazari Hierosolymitan. de Hospitalibus et piis locis leprosorum» (in folio, на 2 ненум. лист. «Romae, Apud Haeredes Antonium Bladum Impressorem Cameralem»—1567 годъ= Fumagalli, № 472); c) «Pius PP. V. Revocatio facultatum concedendi commissiones alienationum bonorum Ecclesiarum, aut Priorum locorum, Camerario et Camerae Apostolicae Clericorum Collegio concessarum» (in folio, на 2 ненум. листахъ — «Romae Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. M. D. LXVIII» = Fumagalli, № 514, но въ изд. in 16⁰ на 7 стр.). Въ концѣ акта напечатано: «Lectus et publicatus fuit supradictus Motus proprius Romae in Cancellaria Apostolica . . . ».

5) Напримѣръ — a) «S. D. N. Pauli Papae III Statutum quod familiares DD. Cardinalium, Patriarcharum etc. non possint petere salarium nisi pro biennio a die obitus patroni» [на откр. листѣ: «Romae apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales], актъ 1545 года, но изданіе, надо думать 1573 года (опечатка 1533), когда копія для напечатанія была — «auscultata cum originali quinterno Cancellariae...» (о «Quinternus Cancellariae Apostolicae» — см. Glossarium Дюканжа)], b) «S. D. N. D. Pii Papae IIII Statutum quod in publico Consilio Pop. Rom. eligantur duo Patricii Rom. qui Magistris uiarum computa reddituris assistant, ac de aliis ad idem pertinentibus» (in folio, на 2 ненум. листахъ, изъ коихъ второй чистый, s. l. et a.).

6) «De Bireto Viridi» (Pius Papa IIII Motu Proprio etc. — актъ 1561 года, на откр. листѣ — «Romae, Apud Impressores Camerales»). У Fumagalli — нѣтъ.

можемъ сдѣлать прежде всего замѣчаніе относительно языка. A. Giry отмѣтилъ, что Motus proprii «ont été assez fréquemment rédigés en italien», a de Mas-Latrie утверждаетъ, что они были — *généralement* redigés en italien». Мы видѣли, что всѣ опубликованные въ XVI столѣтіи motus proprii составлены на латинскомъ языкѣ и нѣтъ основаній предполагать, что таковые же итальянскіе — не встрѣтились намъ случайно. Значитъ итальянскій языкъ отнюдь не можетъ служить отличительнымъ признакомъ этого рода актовъ.

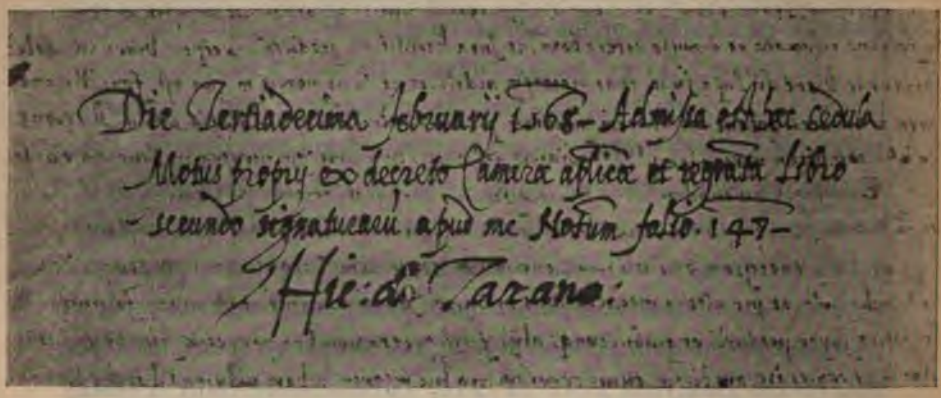
Затѣмъ вопросъ о матеріалѣ. A. Giry опредѣленно говоритъ, что Motus Proprii писаны на пергаменѣ. Такъ ли это и не было ли подобныхъ оригиналовъ на бумагѣ?

На таблицѣ XI мы даемъ снимокъ съ весьма интереснаго документа, находящагося въ нашемъ собраніи и написаннаго на открытомъ листѣ тонкой пожелтѣвшей отъ времени бумаги. Актъ имѣетъ въ заголовкѣ имя папы — «Pius $\overline{PP}$. V^{s}» и начинается словами «Motu proprio», писанъ чрезвычайно мелкимъ, убористымъ почеркомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ слова перечеркнуты и обозначены вставки, приписанныя внизу подъ текстомъ двумя разными почерками. Документъ по содержанію своему касается наслѣдства Балдуина дель-Монте, оставленнаго сыну Фабіану дель Монте («universalem haeredem instituerat dilectum filium Fabianum de Monte ipsius Balduini filium naturalem legitimatum»). Ниже приписокъ и вставокъ крупнымъ почеркомъ и очень твердой властной рукою написана резолюція: «Placet motu proprio. M.» несомнѣнный автографъ папы Пія V, [до вступленія на престолъ носившаго имя Михаила Гизлери][1]). Въ этомъ

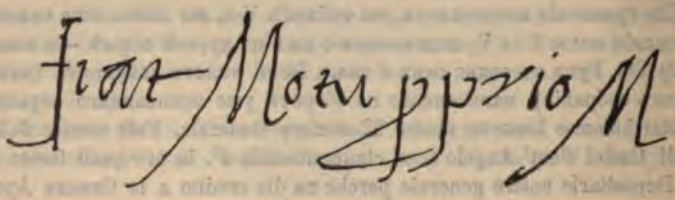
1) Для сравненія автографовъ, на таблицѣ V-а, мы даемъ еще снимокъ съ распоряженія папы Пія V, подписаннаго имъ по другой формѣ — а именно — «Pius p̄p V^{s}». Рука очевидно одна и таже. Вотъ текстъ документа (находится въ нашемъ собраніи), написаннаго на оборотѣ уже исписаннаго отрывка бумаги: «Bartholomeo Bussotto nostro Thesoriere Generale. Fate cauare dall'erario nostro di Castel Sant' Angelo scuti cinquantamilia d^{o}. in oro quali farete consignare al Depositario nostro generale perche ne dia credito a la Camera Apostolica

убѣждаетъ воспроизведенное нами на таблицѣ XII собственноручное письмо папы Пія V къ герцогу Флорентинскому Козьмѣ Медичи. Письмо это, хранящееся въ витринахъ архива Флоренціи, написано въ Римѣ 30 Января 1569 года, на нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе разбираемаго motu proprio и даетъ достаточный матеріалъ для сравненія.

Ниже резолюціи папы другимъ, крупнымъ и также писарскимъ почеркомъ написана дата: «Datum Rome Apud Sanctum Petrum Quinto Id. Februarii Anno Tertio», то есть 9 Февраля 1568 года.



in un conto apparte per spenderli nela speditione de caualli et fanti che mandiamo al Re di Francia. Datum nel Palazzo Apostolico l'ultimo di Febr. 1569. Pius pp V°». Такимъ образомъ эта записка на клочкѣ бумаги представляетъ настоящій историческій и весьма цѣнный документъ. Замѣтимъ, что по случайному совпаденію содержаніе этой записки имѣетъ соотношеніе съ письмомъ папы къ Козьмѣ Медичи, воспроизведенномъ на табл. XII. Вопросъ о томъ, что «placet motu proprio. M.» писалось дѣйствительно самимъ папой, можетъ быть рѣшенъ путемъ сравненія. Прилагаемыя клише — «Fiat Motu proprio. M.» и



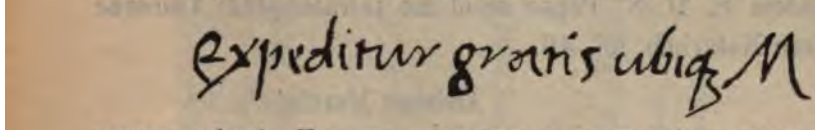
На оборотѣ «motu proprio» слѣдующая надпись, которую мы даемъ и въ снимкѣ (на стр. 94):

«Die Tertiadecima Februarii 1568 Admissa est haec *cedula* Motus Proprii ex decreto Camerae Apostolicae et registrata libro secundo signaturarum apud me Notarium, folio 147», подпись другою рукою — «Hie. de Tarano».

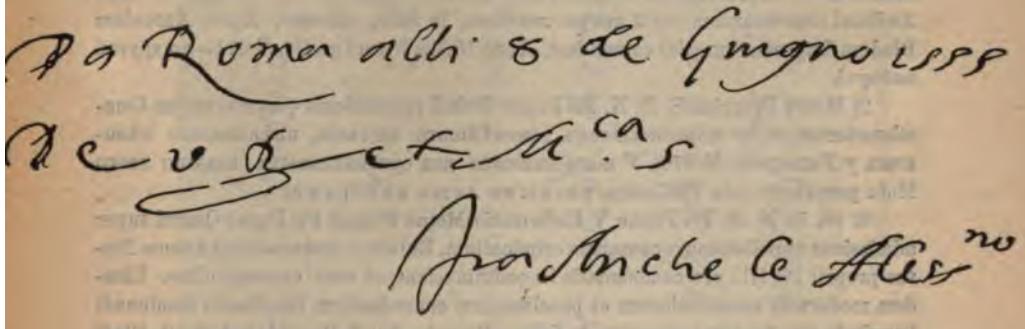
И этого чиновника «Hie. de Tarano», и запись документовъ въ книги—«signaturarum» мы найдемъ въ печатныхъ изданіяхъ актовъ Motu Proprio.

Ограничиваясь исключительно печатными Motu Proprio одного только папы Пія V[1]), мы констатируемъ три рода записей:

«Expeditur gratis ubique. M.» заимствованы изъ документовъ, находящихся въ



нашемъ собраніи. Несмотря на разницу въ начертаніяхъ, видно, что рука одна и таже. Въ молодости Пій V писалъ конечно иначе, но манера письма отдѣльныхъ буквъ всетаки осталась. Въ коллекціи автографовъ Б. Филлона находилось собственноручное письмо папа Пія V отъ 8 іюня 1555 года, писанное разгонисто и спѣшно (№ 2447). Заимствуемъ изъ «Inventaire des autographes composant la collection de M. Benjamin Fillon» прилагаемое клише:



Начертанія буквы *a* и буквы *M* сохранили и въ позднѣйшихъ резолюціяхъ свою типичную манеру написанія.

1) Отмѣтимъ, что «Hie. de Tarano» записывалъ въ книги «signaturarum» и при папѣ Піѣ IV. Напримѣръ, см. motus proprius 1565 года, Fumagalli, № 360 (у меня имѣется 3 оригинальныхъ изданія—разными наборами)—на ко-

1) «Die Trigesima Januarii. 1566. Admissa est haec Caedula Motus proprii ex decreto Camerae, collationata et concordat. Hie. de Tarano»[1]).

2) a) «Die vigesima nona Maii 1567 admissa et registrata fuit haec cedula Motus proprii libro primo signaturarum S. D. N. D. Papae apud me infrascriptum Camerae apostolicae Notarium folio Quinto ex decreto Illustrissimi et Reuerendissimi Domini mei Vitelotii Cardinalis Camerarii.

Andreas Martini»[2]).

b) «Die duodecima Junii millesimo quingentesimo septuagesimo ex decreto in Camera Apostolica maturè facto, admissa et registrata fuit haec Motus Proprii cedula libro primo signaturarum ejusdem S. D. N. Papae apud me infrascriptum Camerae Apostolicae Notarium, fol. 46.

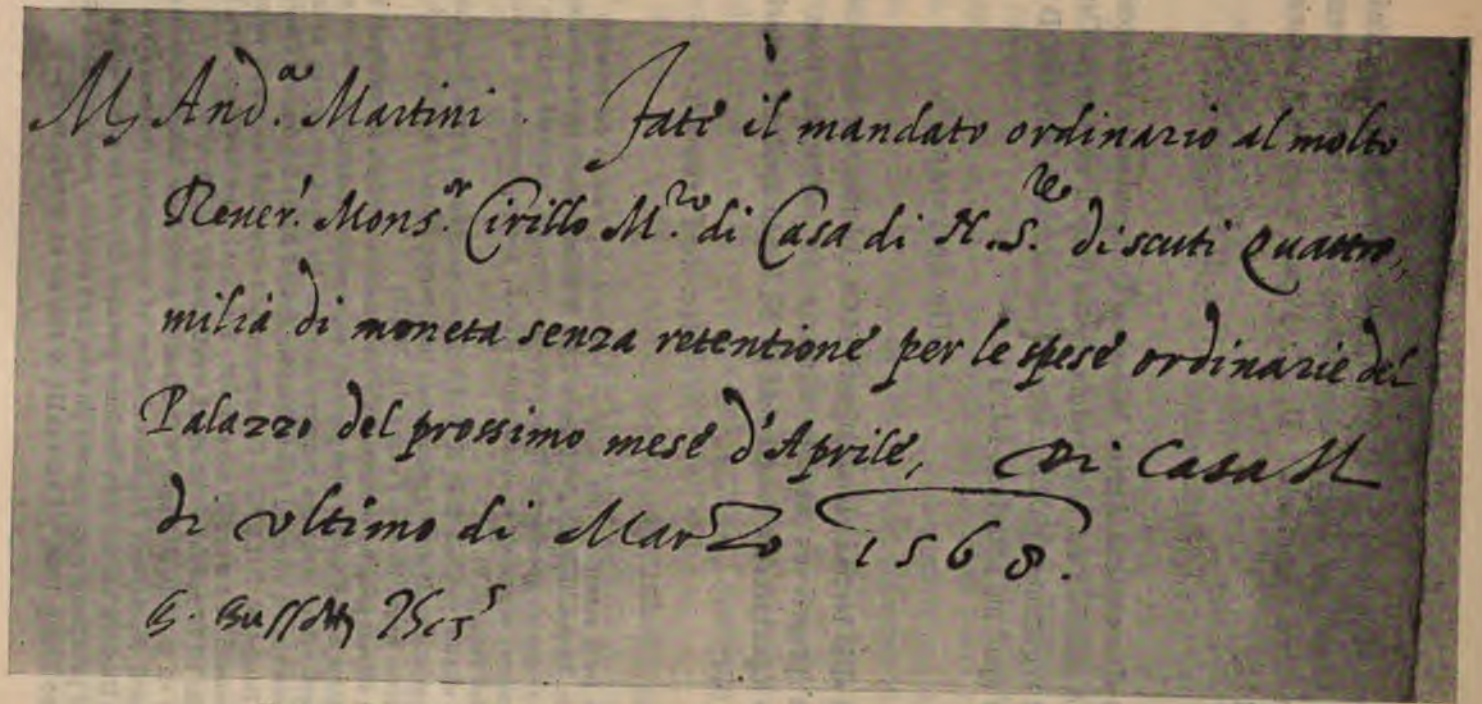
Andreas Martini»[3]).

томъ въ концѣ помѣта—«Die octaua Augusti 1565 admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto camerae et registrata libro secundo signaturarum San. D. N. PP. apud me not. fol. 70. Hie. de Tarano».

1) «Motus Proprius S. D. N. D. Pii Papae Quinti Confirmationis Facultatum illustriss. et reuerendiss. P. D. Alexandro Riario Camerae Apostolicae Generali Auditori concessarum» (на 2 ненум. листахъ, in folio, «Romae, Apud Antonium Bladum Impressoerm (sic) cameralem. Anno 1566», Fumagalli, № 414—но другой наборъ).

2) Motus Proprius S. D. N. Pii Papae Quinti reuocationis quorumcunque Commissariorum...» (не переписываемъ длиннѣйшаго заглавія, имѣющагося цѣликомъ у Fumagalli, № 470). У меня имѣются два оригинальныхъ изданія этого Motu proprio — оба 1567 года, разными лишь наборами.

3) «S. D. N. D. Pii Papae V Reformatio Motus Proprii Pii Papae Quarti super admissione appellationum causarum criminalium. Eiusdem prorogatio ad annum Motus proprii Pii IIII pro condemnatis in contumaciam ad sese expurgandum. Eiusdem moderatio constitutionum et proclamatum concedentium facultatem nominandi bannitos» (на 2 ненум. листахъ in folio: «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladi Impressores Camerales» = Fumagalli, № 578). Andreas Martini былъ второй нотарій, такой-же, какъ и Гіеронимъ де Тарано. На стр. 97 мы воспроизводимъ (см. клише) небольшой документъ, касающійся этого Мартини и характеризующій его дѣятельность: «M-r Andrea Martini. Fate il mandato ordinario al molto reuer̃. Mons-r Cirillo M-ro di casa di N. S-re di scuti quattro milia di



Приказъ Бартоломео Буссотто, казначея папы Пія V, отданный 31 Марта 1568 года нотарію Андреа Мартини.

3) a) «Die undecima Octobris 1566 Admissa est haec cedula motus proprii ex decreto Camerae et registrata libro secundo signaturarum Sanctissimi D. N. Papae apud me notarium, folio 113.

Hie. di Tarano»[1]).

b) «Die septima Aprilis Millesimo Quingentesimo Sexagesimo Octauo. Admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto Camerae et regestrata *(sic)* libro secundo signaturarum Sanctiss. D. N. Papae apud me notarium, fol. 151.

Hie. de Tarano»[2]).

c) «Die tertiadecima Augusti 1568 Admissa est haec cedula Motus proprii ex decreto Camerae et registrata libro secundo signaturarum Sanctissimi D. N. Papae apud me Notarium, fol. 167.

Hie. de Tarano»[3]).

---

moneta senza retentione per le spese ordinarie del Palazzo del prossimo mese d'Aprile. Di casa il di ultimo di Marzo 1568. B. Bussotto thes^{s}» (оригиналъ въ нашемъ собраніи). Бартоломей Буссотто это главный казначей папы — тотъ, къ которому обращенъ приказъ папы Пія V, воспроизведенный на фототипической таблицѣ V^{a}.

1) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae V in fauorem Rei frumentariae ac artis Agriculturae» (на 2 ненум. листахъ in folio, sine l. et a., но конечно Римъ. 1566. = Fumagalli, № 413).

2) «Motus proprius confirmationis Instrumenti venditionis Notariatuum curialium status Ecclesiasticі», помѣщенный въ изданіи, имѣющемся у меня въ дефектномъ экземплярѣ безъ первыхъ листовъ. На моемъ экз. время печатанія обозначено такъ: «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales. Anno Domini. M D. LXVIII». Совершенно тожественный съ моимъ экземпляромъ описанъ Fumagalli подъ № 506. Fumagalli не замѣтилъ, что Motus Proprius Pii IV помѣщенъ на листѣ, отмѣченномъ буквою «B».

3) «S. D. N. D. Pii Papae V Confirmatio et ampliatio Literarum suarum et Pii Quarti deputationis Superintendentium et assistentium (опечатка вм. ssi — три s) Magistris viarum circa fluminum portuum Tiberis et extra moenia Urbis viarum publicarum reaptationem» [in folio, на 2 ненумер. листахъ, (sine l. et a., но конечно Romae. 1568), у Fumagalli, № 489, но въ изданіи in 8°].

Послѣднія двѣ записи, можно сказать, тожественны съ записью на нашемъ бумажномъ документѣ. Разница лишь въ числахъ:

на подлинномъ документѣ — 13 февраля 1568 г., книга II, л. 147;
на печатныхъ — a) 7 апрѣля 1568 » » II, » 151,
b) 13 августа 1568 » » II, » 167.

Выводъ, который вытекаетъ изъ этого сопоставленія, ясенъ — это однородность документовъ и тожественность записной книги, съ указаніемъ къ тому же на сравнительно небольшое число записей въ книгу «signaturarum» папы. За время ровно въ полгода израсходовано всего 20 листовъ. Впечатлѣніе это должно быть ослаблено тѣмъ соображеніемъ, что какъ видно изъ тѣхъ же записей въ тоже время другой нотаріусъ Андрей Мартини велъ особую подобную же книгу «signaturarum». Кромѣ того, такъ какъ, въ оффиціальныхъ «constitutiones» упоминаются «registri supplicationum», какъ оффиціальный терминъ, возникаетъ вопросъ объ особыхъ — «libri signaturarum»[1]).

Затѣмъ надо отмѣтить одновременное существованіе для записи папскихъ резолюцій еще особыхъ книгъ — «libri secretorum». Въ архивѣ Флоренціи хранится motu proprio папы Пія V отъ 27 Августа 1569 года («Datum Rome apud Sanctum Petrum Sexto Kl. Septembris Anno Quarto») съ резолюціей «Placet et ita motu proprio creamus et decoramus. M.» На оборотѣ этого акта, написаннаго на открытомъ листѣ обыкновенной бумаги помѣчена регистрація: «Libro primo Secretorum, fol. 188». Такъ какъ этотъ motus proprius содержитъ возведеніе Козьмы Медичи въ великіе герцоги и пожалованіе ему короны[2]), то можно было бы

1) Какъ увидимъ, регистры сигнатуръ находились среди регистровъ супликъ съ резолюціями — «per concessum», но въ видѣ особой серіи.

2) «Corona granducale». На основаніи motu proprio выдана была еще булла (у Фумагалли — нѣтъ, но у меня два изданія, описанныя выше на стр. 82). См. также Cesare Paoli: «La bolla di piombo concessa da Leone X ai Fiorentini» [въ «Miscellanea Fiorentina di erudizione e storia», anno I (1886), № 4 (Aprile)], гдѣ

думать, что libri secretorum содержали акты исключительной важности, но въ нашемъ личномъ собраніи имѣется, напримѣръ, Motu proprio — «dat. Rome apud Sanctum Marcum quarto Noñ. Maii Anno secundo» папы Павла V, то есть 4 Мая 1607 года, съ резолюціей «fiat motu p° C.»[1]). Документъ написанъ на открытомъ листѣ бумаги большого формата[2]) и имѣетъ на оборотѣ регистраціонную помѣту: «Libro 2° secretorum, fol. 61». По содержанію Motus proprius хотя и касается кардинала (Antonius Maria Gallus, Pisanus, card. 1586—1620), но не представляетъ акта государственной важности[3]).

Что такое «cedula motus proprii»?

Въ печатныхъ буллахъ папы Льва X мы найдемъ такія выраженія, какъ «bulla seu cedula»[4]), «bulla siue cedula»[5]) или, напримѣръ, въ объявленіи о расцубликованіи «suprascriptum edictum seu prorogationis cedula fuit affixa et publicata»...[6]). Это «или»

отмѣчено, что: «la bolla originale di Pio V, dov'è effigiata la corona di Cosimo colla relativa inscrizione, si conserva in Archivio Storico Fiorentino, Atti internazionali, num. VII» (p. 53).

1) Папа до вступленія на престолъ носилъ имя Камилла (Боргезе).

2) Какъ въ Флорентійскомъ архивѣ, напримѣръ, см. «Carte Strozziane», s. II, p. 704—705, № 12 (Motu proprio 1564 года, зарегистрированный «Hie. di Tarano»). На толстой большого формата бумагѣ.

3) Въ собраніи нашемъ имѣется и оригинальная супплика (а не motu proprio) 1600 года, подписанная папою Александромъ VII, которая также записана: «Libro septimo secretorum, fol. 219».

4) «Bulla Reformationis S. D. N. D. Leonis X. Ponti. Max. Sacro approbante Concilio edita lecta in nona sessione per Reuere(ndum) Patrem Dñm Archiepiscopum Neapolitan. in sacrosancta Lateranen. Basilica solemniter celebrata et vere consultus» (in 8°, на 12 ненумер. листахъ; на послѣднемъ листѣ подъ текстомъ обыкновенное мѣсто печати—«Impressum Venetiis»; годъ изданія, какъ видно изъ документовъ — 1514).

5) «Bulla in materia Prelatorum circa exemptos et alia plura, lecta secundo loco per R. patrem Ep(iscopu)m Trauisien in Decima sessione Sacrosancti Lateranen(sis) Concilii» (in 8°, на 8 ненум. листахъ, sine l. et a., напечатано мелкимъ готическимъ шрифтомъ. Судя по датамъ документовъ — это изданіе 1515 года и вѣроятно Римское).

6) «Additum S. Dñi nñi Leonis Pape X. super prorogatione Lateranen. Concilii» (in 4° на 2 ненумер. листахъ, s. l. et a., но такъ какъ документъ помѣченъ 20 Мая 1513 года, то и изданіе несомнѣнно—Romae. 1513).

еще болѣе подкрѣпляется указаніемъ документа, воспроизведеннаго нами на табл. IX—«in quorum fidem presentem *cedulam* fieri et annuli Piscatoris sigilli iussimus impressione muniri».

Слово cedula (caedula, cedola) происходитъ отъ Schedula (scheda) и въ средніе вѣка получило значеніе акта, документа, вообще[1]) совершенно такъ какъ, напримѣръ, образовался западно-русскій терминъ «листъ» (вѣроятно отсюда отъ cedula и наша цыдулька).

Cedula, подписанная папою и скрѣпленная печатью annuli Piscatoris не можетъ быть чернякомъ. Точно также и motus proprius Пія V, описанный нами (см. табл. XI) не чернякъ = litterae notatae («minuta [2]), scriptum primarium») и не автографъ аббревіатора (abbreviator litterarum)[3]), имѣющій быть переданнымъ гроссатору (grossator litterarum)[4]) для перебѣлки его въ подлинный документъ. Мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно подлиннымъ Motus Proprius на бумагѣ, а не на пергаменѣ. И не предрѣшая вопроса о существованіи Motus Proprii на пергаменѣ, мы должны высказать, что бо́льшая часть этихъ документовъ непремѣнно должны быть на бумагѣ. По нашему мнѣнію Motus proprii, подписанные папой не перебѣливались вновь на пергаменъ[5]) и не подписывались папою вторично (такъ какъ под-

---

1) Во французской энциклопедіи это объясняется такъ: «Le mot cédule (en latin Schedula, Scedula) a été, au moyen âge, un terme générique équivalent à peu près à notre mot billet; on désignait ainsi toutes sortes d'écrits, authentiques ou non» (v. IX, p. 1024). Въ XV ст. въ «*Regule* domini Nicolai pape V» — «cedule sive scripture» (Ottenthal, «Regulae Cancellariae Apostolicae», p. 258).

2) Напримѣръ въ инвентарѣ 1369 года: «Item in quadam capsa de sapino, sine sera, signata per litteram CC sunt *minute litterarum secretarum* summorum pontificum regestrate per magistrum Johannem de Angicuria *dictarum minutarum registratorem*, sicut in *cedula* desuper affixa legebatur» (Emil Göller, «Mitteilungen und Untersuchungen über das päpstliche Register- und Kanzleiwesen im 14 Jahrhundert», въ «Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken», VII, 1904), p. 43.

3) или «Breviator».

4) Онъ же «Scriptor» для «litterae redactae in grossam litteram» (см. Paoli, l. c., III, 67).

5) Въ роскошномъ изданіи книги «Regola delli cinque ordini d'Architettura

пись папы существенная часть—«volumus autem ut praesentis nostri Motus Proprii sola signatura sufficiat et ubique fidem faciat»[1]), а или выдавались въ бумажномъ оригиналѣ, или на основаніи ихъ выдавались акты другой формы—in forma brevis или in forma bullae [то есть = litterae patentes plumbatae].

Думается, что этимъ объясняется то обстоятельство, что иногда въ оффиціальныхъ изданіяхъ наименованіе Motus Proprii придается документамъ иного рода. Такъ напримѣръ: I) «Motus proprius S. D. N. Pauli Papae III de faciendo deposito in causis appellationum et de citando Fisco, ad commissiones signandas»[2]). Подъ этимъ Motus proprius мы находимъ бреве (только—«ad perpetuam rei memoriam»), датированное: «Datum in nostra Ciuitate Urbeuetana, sub annulo Piscatoris. Die XIII. Septembris. M. D. XL. Pontificatus nostri anno VI».

---

di M. Jacomo Barozzio da Vignola. Libro primo et originale» (in folio), въ которомъ подъ портретомъ автора указано «si stampa in Roma da Gio. Battista de Rossi Milanese in piazza Nauona», изображено (гравюра на мѣди) какъ бы факсимиле Motu proprio папы Пія IV, при чемъ письмо документа очень сходно съ письмомъ бреве этого времени. При ближайшемъ разсмотрѣніи однако оказывается, что точно факсимилирована (отмѣтимъ кстати, что это одинъ изъ самыхъ раннихъ палеографическихъ факсимиле) только резолюція папы, самый же текстъ просто каллиграфически выписанъ по образцу бреве и сообразно съ идеалами тогдашней каллиграфіи. Не только дата пропущена, но и приписано упоминаніе о другихъ привилегіяхъ, выданныхъ автору. Какъ видно изъ таблицы XXXVII изданіе это сдѣлано Francesco Villamena въ Римѣ въ 1617 году, но можно думать, что первыя доски, въ томъ числѣ и Motus proprius вырѣзаны раньше.

1) «S. D. N. D. Pii. PP. V praeceptum quod christiani apud Turcas serui reperti, libere cum bonis suis abire permittantur» (на 2 ненум. листахъ, in folio, «Romae, Apud Haeredes Antonii Bladii Impressores Camerales», безъ года). Другая формула относительно «signatura»—«nolentes solam nostram per placet signaturam sufficere», см. въ «Motus proprius» 1568 года, описанномъ у Fumagalli подъ № 510.

2) «Romae. Apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem» (in folio, на 2 ненум. листахъ; у Fumagalli — нѣтъ. Подъ текстомъ находится слѣдующая любопытная выписка: «Extractum ex libris Camerae Apostolicae, uidelicet libro II diuersorum D. Pauli Papae III, fol. LXXII, et concordat. C. de S. Seuerino. Praesens copia ascultata fuit cum originali producto in causa Barchiononeñ. excessuum pro Fisco contra D. Antonium Pintor, sub die IX Augusti. M. D. XLIII. Et concordat, et in fidem etc. Die VI. Februarii. M. D. XLIIII».

II) Motus proprius S. D. N. Pauli PP. IIII. concessioñ. Priuilegiorum pro Militibus legionariis Battalliarum»[1]). Въ этомъ случаѣ такъ озаглавлено бреве, адресованное—«Dilecto filio nobili viro Ioanni Carafae Duci Paliani nostro et S. R. E. Capitaneo Generali» и датированное: «Datum Romae apud Sanctum Petrum sub Annulo Piscatoris. Die X. Julii M. D. LVI. Pontificatus nostri Anno Secundo» (подпись секретаря — «Jo. Barengus»).

III) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae Quinti in fauorem Prouinciae Marchiae»[2]), состоитъ изъ бреве «ad perpetuam rei memoriam», датированнаго — «Datum Romae apud Sanctum Petrum sub annulo Piscatoris die 28 Junii M. D. LXVI. Pontificatus Nostri Anno Primo» (подъ текстомъ)—«Caesar Glorierius obmisso sigillo»; думается, что передъ obmisso надо поставить точку).

Такимъ образомъ явныя бреве титулованы, какъ Motus proprii. Существованіе пергаменныхъ бреве съ автографическими резолюціями папъ (хотя бы и единичное и случайное) и «cedulae» съ motu proprio, съ подписью папъ и съ приложеніемъ печати annuli Piscatoris конечно роднитъ бреве и motus proprii. Но это только сближеніе на почвѣ исключеній.

Совсѣмъ другое дѣло — Motus proprii и, такъ называемыя, litterae latinae или «les signatures en cour de Rome»[3]). Оба рода

---

1) «Romae apud Antonium Bladum Impressorem Cameralem. Anno Domini. M. D. LVI» (in folio, на 2 ненум. листахъ; у Fumagalli, № 190).

2) In folio, на 2 ненумеров. листахъ (Romae. 1566), см. Fumagalli, № 412.

3) Maurice Prou въ статьѣ: «Paléographie et diplomatique de 1888 à 1897» (Paris. 1899. 8°)—указываетъ на спеціальное изслѣдованіе: «Le même savant (L. Schmitz) a étudié les suppliques ou signatures en cour de Rome», отсылая къ статьѣ — «Nachtrag zu den «Publicationen aus den päpstl. Registerbänden des XIII—XV Jahrhunderts» (въ «Römische Quartalschrift», VII—1893) и указывая—«p. 492 et suiv.», на которыхъ мы однако находимъ замѣтку R. F. Kaindl: «Ueber den Verschluss der päbstlichen Documente im XIII Jahrhundert» (pp. 492—496). Статьи Schmitz'a отмѣченной Prou я не нашелъ, но въ настоящее время вышло въ свѣтъ превосходное изслѣдованіе того же L. Schmitz-Kallenberg'a «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis» (Münster. 1904, 8°), съ которымъ къ сожалѣнію я имѣлъ возможность ознакомиться лишь по написа-

документовъ характеризуются отсутствіемъ печати и собственноручной резолюціей папы, которая однако, что особенно замѣчательно для Motus Proprii, могла быть замѣнена автографомъ кардинала.

На litterae latinae, составленныхъ на основаніи супликъ, писалось — «concessum ut petitur in praesentia domini nostri Papae» и подпись кардинала, на печатномъ motu proprio Климента VII мы видѣли уже резолюцію «Placet D. N. PP. et ita Motu Proprio mandat. A. Portuensis». Тоже было и при послѣдующихъ папахъ. Такъ, напримѣръ, на motu proprio папы Пія IV отъ 26 Апрѣля 1564 года («Dat. Romae Apud. Sanctum Petrum Sexto Kal. Maii. Anno Quinto») находится резолюція: «Placet Motu proprio D. N. Papae, C. Cardinalis Borromeus», то есть вмѣсто папы Motu proprio подписано знаменитымъ святымъ архіепископомъ Миланскимъ Карломъ Борромео (приходился папѣ племянникомъ)[1]).

Датировка Motus Proprii и litterae latinae одинаковая и при томъ систематически отличная отъ датировки буллъ и бреве. При хронологической помѣтѣ на Motus Proprii пропускалось обозначеніе лѣтъ христіанской эры, обозначались лишь годъ правленія папы и число мѣсяца по римскому календарю. Совершенно тоже помѣчалось и на litterae latinae.

нія моей статьи. Трудъ Schmitz'a даетъ много интереснаго въ области папской дипломатики. Рецензію на «Practica Cancellariae Apostolicae» см. «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1905, № III (März), стр. 210—214.

1) «Motus proprius S. D. N. D. Pii diuina prouidentia Papae Quarti, quae gratiae seu remissiones, aut compositiones, ex causa, vel occasione homicidii quouis modo perpetrati, in posterum faciendae, illis tantum suffragentur, qui habuerint supplicationis manu propria S. S-tis. signatas et per eius Datarium datatas» (in folio, на 2 ненум. листахъ: «Romae. Apud Antonium Bladum. Impressorem Cameralem. Anno 1564». У Fumagalli—нѣтъ).

Этотъ актъ какъ разъ касается разбираемыхъ нами «litterae latinae».

Оригинальная суплика (а вѣрнѣе современная копія) съ резолюціей «Concessum ut petitur in praesentia D. N. PP. C. Cardinalis Borromeus» находилась въ собраніи графа Paar и описана въ каталогѣ его коллекціи (Berlin. 1893) подъ № 1931.

Невольно возникаетъ убѣжденіе, что Motus Proprii это тѣже litterae latinae по своему существу, съ тою разницею, что обычныя litterae latinae составлены на основаніи поданныхъ папѣ прошеній и даже назывались супликами—«Supplicationes manu propria Suae Sanctitatis signatae», а Motus proprii—такія litterae latinae, которыя были составлены безъ супликъ по изволенію самого папы. Понятіе «latinae» не играло главной роли, которая заключалась въ подписи, сигнатурѣ папы, почему эти документы и записывались въ «signaturarum libri» и именовались въ просторѣчіи «les signatures en cour de Rome» [1]).

Разница въ формѣ заключалась въ начальной формулѣ. Вмѣсто обращенія къ папѣ «Beatissime Pater» на motus proprii — стояло имя папы (въ той формѣ какъ на бреве) и документъ начинался словами Motu proprio.

Дипломатисты согласно относятъ появленіе сигнатуръ съ Beatissime Pater ко времени Сикста IV (старѣйшій указанный документъ отъ 10 Іюня 1472 года) [2]) и начало употребленія motu proprio къ его преемнику папѣ Иннокентію VIII (1484—1492). Когда появился терминъ «motu proprio», употреблявшійся иногда и въ буллахъ и знаменующій непосредственную юрисдикцію папы—дѣло невыясненное. Возможно, что и не найдется среди подлинныхъ документовъ типа motus proprii оригинала *раньше* папы Иннокентія VIII, оставимъ вопросъ пока въ сторонѣ, что же касается до litterae latinae съ «beatissime pater», то думается, что въ данномъ случаѣ придано слишкомъ большое значеніе этому обращенію. Сравнительная рѣдкость оригиналовъ отразилась на дипломатическомъ изученіи этого типа документовъ. Дѣйствительно, старѣйшія «litterae latinae», лучше

---

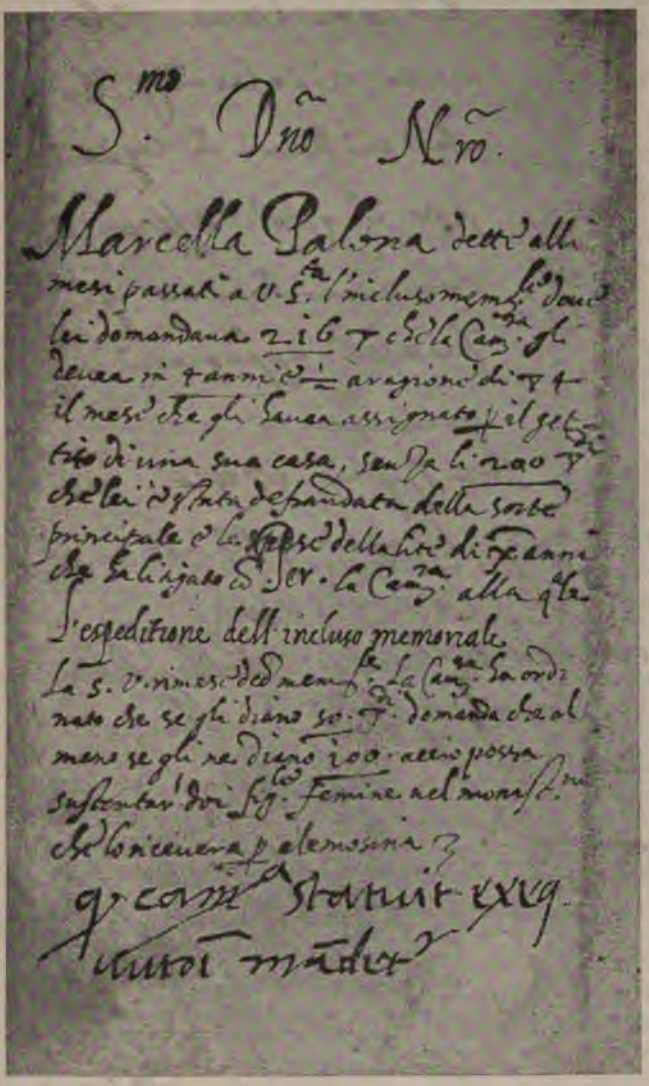
1) Надо впрочемъ раздѣлять «motus proprii»—папскіе указы общаго содержанія и «motus proprii», касающіеся отдѣльныхъ личностей, которые имѣютъ типъ обычныхъ супликъ съ резолюціей только «motu proprio».

2) A. Giry, l. c., p. 102: «Les premiers documents de ce genre, que l'on ait signalés ne sont pas antérieurs au pontificat de Sixte IV (1471—1484)» и «c'est la date de la signature citée à la note précédente; elle correspond au 10 juin 1472».

сказать, supplicationes, какъ можно предположить, не всегда имѣли обращеніе надъ текстомъ, но во всякомъ случаѣ акты и съ «Beatissime Pater», существовали во время значительно болѣе раннее, чѣмъ принято въ трудѣ A. Giry[1]).

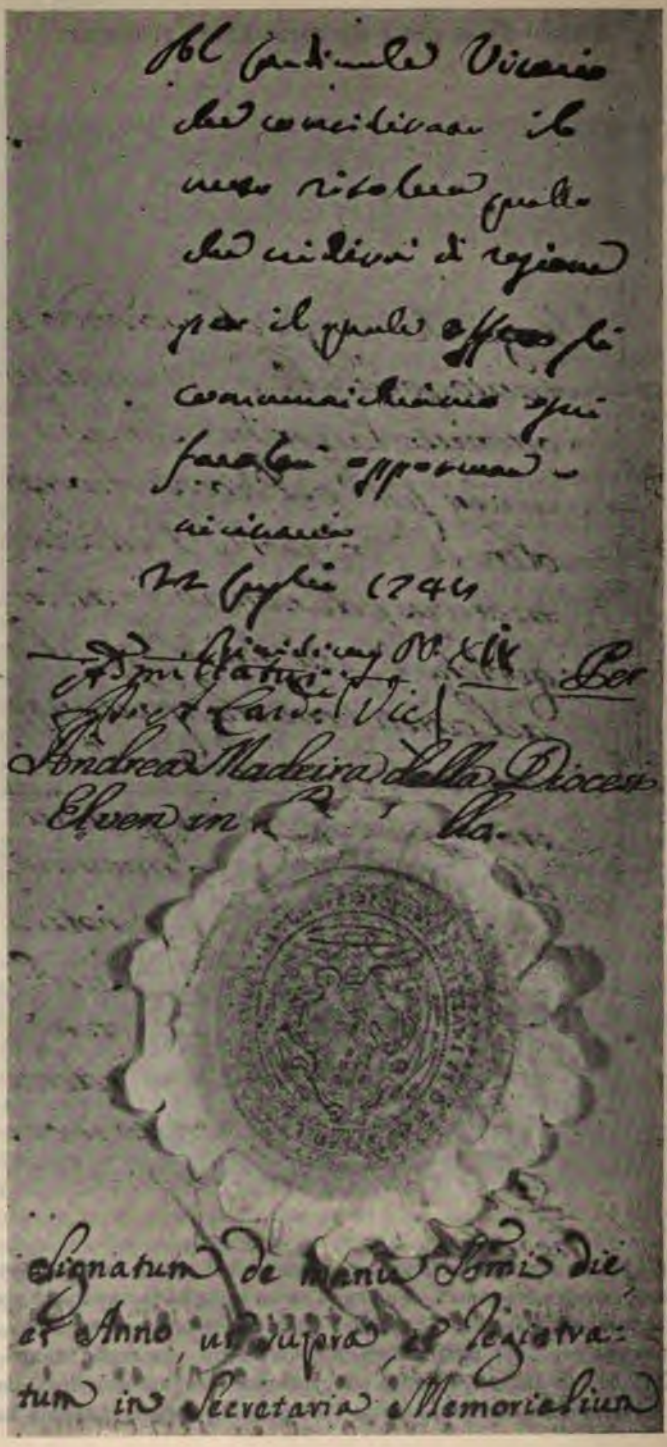
---

1) Необходимо оговориться относительно того, какъ наилучше называть тѣ акты, которые мы называли «signatures en cour de Rome». Совершенно неправильно было бы именовать ихъ litterae latinae, такъ какъ именно litterarum confectio и противопоставляется документу, дипломатическая сущность котораго въ просьбѣ quod sola signatura sufficiat. Малоупотребительное слово сигнатура являлось бы терминомъ вполнѣ подходящимъ, если бы мы въ registri supplicationum, содержащихъ полный текстъ разбираемыхъ актовъ, не имѣли другого, весьма обычнаго термина «супплика», очень простого и которымъ мы наиболѣе воспользуемся. Онъ къ сожалѣнію не вполнѣ соотвѣтствуетъ дипломатической точности опредѣленія, такъ какъ супплико̀й называется актъ, выданный на основаніи супплики, но за то этотъ терминъ старѣйшій и современный образованію этого типа дипломатическихъ памятниковъ. На подлинныхъ сигнатурахъ помѣты на оборотѣ именуютъ ихъ иногда особыми терминами, какъ «indultum» и «memoriale»; итальянскіе дипломатисты описываютъ иногда супплику, какъ «rescritto papale». Оставивъ въ сторонѣ «rescritto» = указъ, приказъ, рескриптъ, какъ мало подходящее къ натурѣ суппликъ, какъ акта, мы должны обратить вниманіе на старинные термины. «Indultum» опредѣленіе по содержанію, но едва ли вполнѣ соотвѣтствуетъ хотя бы большинству суппликъ. По опредѣленію ученыхъ: «On définit l'indult, d'une manière générale: une grâce privilégiée que le pape accorde par bulles à une corporation ou à une personne, pour faire ou pour obtenir quelque chose contrairement aux dispositions du droit commun. Cette définition», говоритъ E. H. Vollet, «est conforme à l'étymologie plutôt qu'à la réalité, surtout en ce qui concerne les matières bénéficiales. La plupart des canonistes s'accordent pour la critiquer, mais chacun d'eux repousse la définition proposée par les autres pour la remplacer» («La Grande Encyclopédie», XVII, 757). Названіе суппликъ индультами — случайно и довольно рѣдко. Гораздо важнѣе вопросъ о «memoriale». Въ письмѣ папы Пія IV къ Маргаритѣ Австрійской, которое мы издали выше на стр. 65, папа пишетъ: «et l'accettamo ancora per un memoriale di farvi de le altre gratie». Прилагаемое клише (стр. 107) изображаетъ видъ пакета письма—прошенія, съ которымъ обратилась къ папѣ «humile et deuota serua Marcella Palona». Адресъ кратокъ: «S-mo. Dño. Nr̃o. Per l'espeditione dell'incluso memoriale». Самая просьба была вложена въ письмо и не дошла до насъ, но какъ видимъ на снимкѣ, резюмэ содержанія супплики сдѣлано на пакетѣ, между строками адреса, а подъ резюмэ написана особымъ и очень типичнымъ почеркомъ резолюція «quod camera statuit exequutori mandetur». Несмотря на то, что резолюція не сопровождается обычной буквою папскаго имени, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что этотъ папа—Павелъ IV (1555—1559.) Чтобы дать возможность критически отнестись къ моему выводу, я помѣщаю полный текстъ этого документа (оригиналъ въ моемъ собраніи) въ приложеніи къ настоящей статьѣ.



Резолюція на прошеніи Марчеллы Пазоны, поданномъ папѣ Павлу IV (?).

«Memoriale» — терминъ, который и въ настоящее время имѣетъ значеніе — «просьба, прошеніе», получилъ въ папской канцеляріи не только право гражданства, но и большое развитіе. Образована была «Secretaria memorialium». Прилагаемое клише (стр. 108) представляетъ снимокъ съ резолюціи папы Бенедикта XIV отъ 22 Іюля 1748 года на супликѣ (или «memoriale»), поданной Andrea Madeira della Diocesi Elven in Portogalla. Супликa написана на листѣ



Резолюція папы Бенедикта XIV, положенная 22 Іюля 1748 года на супликѣ Andrea Madeira.

Вопросъ о сигнатурахъ сжато и необыкновенно точно формулированъ въ Большой французской энциклопедіи, но не въ отдѣлѣ палеографіи, а въ рубрикѣ Histoire religieuse, то есть не касаясь дипломатической исторіи этого типа документовъ: «C'est une sorte de rescrit expédié en papier, sans aucun sceau, contenant la supplication, la signature du pape ou de son délégué, et la concession de la grâce. On lui a donné ce nom à cause de sa partie la plus noble, qui est le seing du pape»[1]). Относительно резолюціи важно категорическое утвержденіе: «Personne, autre que le pape, ne peut signer par «Fiat» les grâces qu'il lui est permis d'accorder, mais seulement par «concessum». On n'excepte que le pénitencier dans certains cas».

въ десть (нач. «Beatissime Padre»), на трехъ страницахъ. На четвертой только обращеніе: «Alla Santità di N. S. Papa Benedetto XIV» и имя просителя; подъ обращеніемъ непосредственно идетъ папская резолюція, заканчивающаяся полной подписью: «Benedictus PP. XIV». Подъ резолюціей приложена печать (подъ бумажкой) кардинала, завѣдывавшаго супликами, гербовая съ надписью: «Joseph Livizzani SS. D. N. PP. Benedicti XIV. A. SUPPL. LIBELLIS». Ниже печати помѣта: «signatum de manu sanctissimi die et anno ut supra et registratum in Secretaria Memorialium». Старинная форма супликъ, повидимому, постепенно вышла изъ употребленія и пріобрѣла видъ описаннаго memoriale. Въ моей коллекціи имѣется рядъ memoriale XVIII—XIX столѣтій, на бумагѣ разнаго формата, очевидные подлинники просителей, не передѣланные in stylo curiae. На нѣкоторыхъ имѣются собственноручныя резолюціи папъ, иногда даже насмѣшливыя, но большая часть ихъ были только заслушаны папой и помѣчены — «ex audientia sanctissimi», при чемъ рѣшеніе записано кардиналомъ.

1) Tome XXX, p. 12. Не менѣе точны и опредѣленны дальнѣйшія подробности о томъ, что сигнатуры дѣлятся на два вида: «la signature de grâce et la signature de justice. La première a lieu dans les matières bénéficiales; la seconde, dans les matières contentieuses». Резолюціи по формуламъ дѣлятся строжайшимъ образомъ: «Quand c'est le pape qui signe, son seing se fait de trois manières: 1) par—*Fiat ut petitur*; 2) simplement par *Fiat* suivi de la première lettre du nom du pape; 3) par *Fiat motu proprio*, sans ajouter *ut petitur*. Quand c'est le vice-chancelier ou un autre commis du pape qui signe, il met: «*Concessum ut petitur in praesentia D. N. P. P.*» et ensuite les lettres initiales de son nom». Разбирая вопросъ о сигнатурахъ, во всей настоящей статьѣ мы касаемся только ихъ дипломатической стороны. Богатый матеріалъ (до чрезвычайныхъ подробностей даже для историко-юридическаго изученія этихъ документовъ даетъ цѣнный трудъ—«D. Quintiliani Mandosii (in curia Romana advocati)—Praxis signaturae gratiae» (у меня подъ рукою «tertia editione ab auctore revisa, meliori

Въ небольшой статьѣ аббата E. Sol: «L'oeuvre canonique du cardinal Giacomo Simonetta»[1]) по поводу трактата этого кардинала—«Notabilia Signaturarum» мы находимъ изслѣдованіе «signatures en cour de Rome» и литературу вопроса главнымъ образомъ съ точки зрѣнія юридической и канонической практики. Можно съ точностью возстановить весь строй учрежденія, вѣдавшаго супплики. Авторъ вспоминаетъ даже залъ Ватиканскаго дворца—«Camera della segnatura», получившій такое наименованіе, потому что это помѣщеніе спеціально предназначено была папою Юліемъ II для подписанія резолюцій. Для XVI вѣка все ясно, и эта ясность и опредѣленность начинается съ узаконеній папы Иннокентія VIII, дополненныхъ папою Александромъ VI, о должности референдаріевъ и раздѣленіи трибунала сигнатуръ на два отдѣленія, — вѣдавшія дѣла по двумъ сортамъ сигнатуръ: «signaturae gratiae» и «signaturae justitiae»[2]).

Что касается до вопроса о времени образованія «сигнатуръ» какъ особаго вида актовъ, то онъ и въ изслѣдованіи аббата Sol

---

ordine disposita ac multis magnisque additionibus ubique locupletata, ut omnibus Pontificii et Caesarei Juris studiosis .. maxime utilis et necessaria sit». Venetiis. 1581. 4⁰). См. также сочиненіе: «De executoribus literarum apostolicarum tam gratiae, quam justitiae authore d. Thoma de Rosa» (у меня—«post Romanam in Germania editio prima». Coloniae Agrippinae. 1683. in folio). Стр. 3: «Antequam ulterius progrediamur, hic adnotare licet, quod multae Supplicationes non firmantur per summum Pontificem sed *per aliquem Dominum Praelatum seu Cardinalem*, qui habet Signaturam per Concessum, et signat ita: Concessum in praesentia nostri Papae, et apponit suum nomen Praelati».

1) «L'oeuvre canonique du cardinal Giacomo Simonetta: le traité sur les deux signatures de justice et de grâce», въ «Annales de Saint-Louis-des Français», VII année, Octobre 1902, pp. 5—71. Относительно резолюцій папы въ трактатахъ говорится: «De Signatura gratiae. I. Cum papa signat ubi est gratia nova dicit: fiat ut petitur. I. Ubi est reformatio dicit: fiat I. Si signat commissionem dicit: placet I., nisi rescribat ad partes committendo, quia tunc dicit: fiat ut petitur. I. II. Signatura Cardinalis semper dicit: concessum ut petitur in presentia D. N. papae, N. Cardinalis N., nisi *sit reformatio nihil dans de novo*, quia tunc dicit: concessum. N. cardinalis N.» (p. 53). Буква «I» попала въ текстъ очевидно потому, что писецъ правилъ писалъ при одномъ изъ папъ съ именемъ на «I» = Юлій II, Левъ X, Климентъ VII и т. д.

2) Разныя подробности см. еще въ «Dizionario» Gaetano Moroni, t. LXIII, особенно, напримѣръ, стр. 224.

остается безъ отвѣта. Существованіе референдаріевъ въ очень раннія времена конечно еще не доказываетъ и существованія въ тоже время супликъ съ автографическими резолюціями папъ. Отвѣтъ этотъ могутъ дать подлинные документы, хранящіеся въ неисчерпаемыхъ сокровищахъ Ватиканскаго архива.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ изданіи Ludwig'a Schmitz-Kallenberg'a: «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis» (Münster. 1904. 8°) мы найдемъ необыкновенно подробное и точное изложеніе современника о томъ, какъ подавались, писались и выдавались супплики. Совершеніе акта сопровождалось такими формальностями и проходило черезъ руки столькихъ лицъ, что вся процедура намъ кажется поразительною волокитою. И тѣмъ не менѣе только изъ сравненія подлинныхъ текстовъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что «супплики», правильнѣе signatures en cour de Rome дѣлились въ основѣ на два вида—a) которыя предназначались для выдачи просителю въ качествѣ самостоятельнаго документа и b) которыя лишь служили основою для написанія соотвѣтствующихъ буллъ и бреве. Первыя имѣли въ текстѣ заключительную формулу «quod presentis supplicationis sola signatura sufficiat absque aliarum litterarum desuper expeditione» [1]). Такія супплики изготовлялись съ особою роскошью отдѣлки въ орнаментикѣ, въ изображеніи красками папскаго герба, въ разрисовкѣ заглавной строки и т. д., при чемъ обычно писались на пергаменѣ [2]). Schmitz—Kallenberg далъ превосход-

---

1) Schmitz-Kallenberg, l. c., p. XXI.

2) Въ моей коллекціи имѣется весьма любопытный экземпляръ супплики, написанной на довольно большомъ листѣ пергамена ($48^1/_2 \times 35^1/_2$ сант.). Документъ долженъ былъ начинаться иллюминованной строкою «Beatissime Pater», но этой начальной строки *нѣтъ совсѣмъ*, для нея и для орнаментики заглавной буквы оставлено мѣсто надъ текстомъ и налѣво отъ текста. На оборотѣ надпись XVIII ст. характеризуетъ актъ, какъ «indulto papale conceduto alli fratelli Lampugnani», и помѣчаетъ дату — 1542 годъ. На самомъ дѣлѣ индультъ касается Николая de Lampugnanis, жены его Лукреціи «dicte Thomicelle», Миланскихъ гражданъ, и цѣлаго ряда лицъ, къ нимъ присоединившихся. Супплика подписана резолюціей «Fiat ut petitur I.», которая не можетъ относиться къ

ное изображеніе (иллюминованной красками фототипіей) подобной супплики (см. таблица VI), выданной папою Иннокентіемъ VIII (1484—1492)[1]) и перечисляетъ нѣсколько другихъ, ставшихъ извѣстными въ литературѣ. Всѣ относятся ко времени папъ Сикста IV, Иннокентія VIII и Александра VI, всѣ съ «Beatissime pater» въ видѣ отдѣльной строки изъ очень большихъ буквъ. Другой, обыкновенный, типъ супликъ писался на хорошей тонкой бумагѣ, не имѣлъ заглавной строки большими буквами, не орнаментировался и не иллюминовался. Такая суппликa издана фототипіей въ «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» M. Tangl'я (Drittes Heft, Taf. 107). Выданная Иннокентіемъ VIII 9 февраля 1488 года капитулу св. Петра въ Базелѣ[2]), суппликa эта—«in flüchtiger Cursive geschrieben», не имѣетъ обращенія «Beatissime pater» и заключительной формулы супликъ перваго типа. Резолюція супплики—«Fiat ut petit(ur) in forma. I.» и «Fiat ut s(upra). I.».

M. Tangl сопровождаетъ описаніе замѣчаніемъ: «Von drei

1542 году, когда папою былъ Павелъ III, подписывавшійся буквою *A*. Резолюція написана папою Львомъ X (1513—1521), на что указываетъ и скрѣпа: Phi. Brugnaten (*sis*) = Phillippus Sauli, episcopus Brugnatensis съ 14 Іюня 1512 года, умершій въ 1531 году. Къ 11 Сентября 1542 года относятся двѣ приписи, которыя мы воспроизводимъ вмѣстѣ съ резолюціей папы (съ небольшимъ уменьшеніемъ) въ клише на стр. 113. По первой приписи magister Ordinis Praedicatorum, frater Albertus de Casatis, разрѣшаетъ Лукреціи de Lampugnanis cum quatuor sociabus поступить въ монастырь, по второй приписи «frater Franciscus Lecher ordinis Sancti Francisci» разрѣшаетъ тоже самое съ двумя «сестрами». Очевидно, что, несмотря на незаконченный видъ, документъ имѣлъ полную силу вслѣдствіе присутствія папской подписи и вдова Николая de Lampugnanis воспользовалась дарованными папою льготами («de licentia intrandi monasteria») черезъ много лѣтъ послѣ выдачи акта. Изъ сказаннаго можно сдѣлать три вывода—1) иллюминованіе супплики зависѣло отъ доброй воли просителей и исполнялось по ихъ заказу за особую плату, 2) папа подписывалъ суплику до ея украшенія и даже при не начертанной первой строкѣ, 3) иллюминовка производилась послѣ подписи прелата на лицевой и записи корректора на оборотной сторонѣ. На нашей супликѣ читается помѣта: «Phi. de Senis corrector» (личность котораго мнѣ не удалось установить).

1) Оригиналъ въ Берлинскомъ Архивѣ.

2) Оригиналъ «auf sehr dünnem Papier» находится въ Базельскомъ Архивѣ.

Original-Suppliken des Baseler-Archivs aus dem Pontifikat Innocenz' VIII weist die zweite in der Signatur vielleicht die gleiche, die dritte aber eine von der unseren sicher verschiedene Hand auf»[1]).

Сравнивая почеркъ резолюціи на супликѣ, изданной въ альбомѣ Tangl'я, съ почеркомъ на супликѣ съ beatissime pater, что у Schmitz-Kallenberg'a, мы убѣждаемся въ тожественности рукъ и думаемъ, что обѣ резолюціи представляютъ автографъ папы[2]).

---

1) И далѣе: «So bestimmt daher die Signatur in Schrift und Tinte individuell erscheint, bietet sie für eigenhändige Vollziehung durch den Papst, trotzdem diese in den Kanzleiregeln wiederholt ausdrücklich gefordert wird, doch kein Gewähr» (p. 63). Всѣ ли три несомнѣнно Иннокентія VIII? Буквою «I» подписывали нѣсколько папъ, очень близкихъ по времени, а въ глухой датировкѣ супликъ имени папы нѣтъ.

2) Вопросъ объ автографическихъ подписяхъ не только папъ, но и вообще владѣтельныхъ и высокопоставленныхъ особъ, требуетъ спеціальнаго изслѣдованія и многочисленныхъ сопоставленій и снимковъ. Во первыхъ съ теченіемъ времени почеркъ каждаго лица болѣе или менѣе измѣняется подъ самыми разнообразными вліяніями, еще болѣе можетъ мѣняться подпись и начертанія отдѣльныхъ буквъ, заимствованныя иногда изъ другихъ почерковъ. Подпись нерѣдко отлична отъ манеры письма. Напримѣръ, мы привели строку письма и три подписи Поджіо Браччіолини. Въ подписи—явная scrittura umanistica—округлое минускульное письмо, а строка текста указываетъ, что Поджіо, родившійся въ 1380 году, выросъ на готическомъ письмѣ и не могъ усвоить манеры младшихъ товарищей-гуманистовъ. Съ другой стороны всѣ средніе вѣка, да отчасти и новое время признавали возможность канцелярскихъ подписей въ замѣну автографа. Въ торжественныхъ буллахъ XIII вѣка слова «Ego N catholicae ecclesiae episcopus ss.» писались завѣдомо *не* папой, а такъ, какъ въ Московскомъ государствѣ дьякъ писалъ на государево имя. Въ очень большой части писемъ XIV—XV вв. итальянскіе правители и вельможи, кардиналы и епископы предоставляли лицамъ, писавшимъ отъ нихъ письмо вмѣстѣ съ тѣмъ и подписывать ихъ имя. Эти «канцелярскія письма» (по итальянскому термину, который правильнѣе было бы замѣнить точнымъ переводомъ на «секретарскія» письма), дошли до насъ въ весьма значительномъ количествѣ и только прибавленіе «manu propria», да иногда особенности въ манерѣ письма удостовѣряютъ, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ автографомъ. Рядомъ съ этимъ, напримѣръ, во Франціи развилось явленіе еще хуже — это «секретари королевской руки» («secrétaires de la main», оффиціально подписывавшіе за короля его имитированную подпись, на актахъ, которымъ не придавалось особеннаго значенія. Такой чиновникъ «ayant la main» въ XV столѣтіи иногда писалъ и цѣлое королевское письмо, даже какъ lettre autographe signée.

Такимъ образомъ коренными различіями двухъ типовъ супликъ являются — обращеніе съ «Beatissime Pater» и формула «quod sola signatura sufficiat». Однако и этотъ выводъ долженъ быть принимаемъ съ оговоркою объ исключеніяхъ. Такъ въ нашемъ личномъ собраніи имѣется, напримѣръ, супплика на простой бумагѣ и даже не подписанная самимъ папой, но съ обращеніемъ «Beatissime Pater» и съ формулою: «Et quod praesentis supplicationis sola signatura sufficiat». Для того, чтобы дать возможность критическаго отношенія къ нашему выводу прилагаемъ документъ въ снимкѣ (табл. XIII). Супплика датирована: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum tertio non. Decembris, Anno Quinto» и подписана: «Concessum ut petitur in praesentia d. n. PP. A. Car. S. Praxedis» (то есть Antoniottus Pallavicinus cardinalis S. Praxedis, кардиналъ съ 9 Марта 1489 — ум. 10 Сент. 1517 года)[1]). Супплика подписана при папѣ Александрѣ VI— 3 Декабря 1496 года—и представляетъ довольно ранній оригиналъ подобнаго акта съ «concessum»[2]). По незначительности содержанія, касаясь передачи пароккіи, онъ не подписанъ папою.

---

1) Такъ по Eubel, по Mas-Latrie ум. въ 1507 году.

2) Ludwig Schmitz-Kallenberg, иллюстрируя практику супликъ (въ «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis») приложилъ, какъ образецъ такихъ актовъ съ «concessum», превосходные снимки съ супликъ половины XVI столѣтія потому что: «war mir leider noch keine Originalsupplik aus dem 15. Jahrhundert bekannt, die die Angaben der Practica hätte illustrieren können». Наша супплика 1496 года имѣетъ помѣты, которыя всѣ могутъ быть объяснены. На лицевой сторонѣ надъ текстомъ сигнатура прелата: «Io. Mutineñ (*sis*)»=Iohannes Baptista de Ferrariis, abbreviator de majori parco», съ 11 Сентября 1495 года епископъ Модены (episcopus Mutinensis), съ 28 Сентября 1500 года кардиналъ. Какъ мы узнаемъ изъ «Diarium Iohannis Burchardi», епископъ Iohannes de Ferrariis былъ въ это время (въ 1496 году) датаріемъ. На оборотѣ супплики запись регистратора — «L. V. fol. CL. R. Io. Botontus» и и запись нотарія: «F. de Pistia Notarius» (сдѣлана 6 Декабря 1496 года). У Бурхарда въ Дек. 1489 года упоминается «Iohannes Botontus Viterbiensis acolytus», который въ Іюнѣ 1498 года является въ должности магистра регистра супликъ. Въ 1498 году были 4 «magistri registri supplicationum: Petrus Colini, Pregentius Natalis, Iohannes Botontus, Jacobus de Bonaparte» (II, 488). У меня имѣется супплика отъ 16 Сентября 1497 года, зарегистрированная «P. Natalis». Подъ 25 Мая Бурхардъ среди «nomina et cognomina notariorum auditorum

Супплики, подписанныя съ «concessum» могли замѣнять вполнѣ документы съ собственноручною папскою резолюціею и быть выданными на руки просителю въ формѣ signatures en cour de Rome перваго типа, то есть съ Beatissime Pater въ видѣ отдѣльной строки, съ орнаментикой и миніатюрами, на сравнительно большомъ листѣ пергамена вмѣсто обычнаго полулиста бумаги. Примѣромъ можетъ служить находящаяся въ витринахъ архива г. Болоньи супплика, роскошно иллюминованная изображеніями святыхъ и 4 гербами (изъ коихъ одинъ папскій рода Rovere)[1]), на листѣ хорошаго пергамена размѣромъ $52^1/_2 \times 39^1/_2$ сант. Документъ касается фамиліи Dalgesso, написанъ по обычной формѣ и имѣетъ полностью заключительную формулу: «Et quod presentis Supplicationis sola signatura sufficiat absque aliarum expeditione litterarum». Подпись гласитъ: «Concessum ut petitur in p(raese)ntia d. n. $\overline{\text{PP}}$. P. Ancon.», то есть «Petrus Accolti (Florentinus), episcopus Anconitanus»[2]). Такъ какъ Petrus Accolti сдѣлался епископомъ Анконы въ 1505 и кардиналомъ въ 1511 году (ум. 1532), то значитъ супплика выдана, какъ и указываетъ гербъ, при папѣ Юліи II («Julius Papa II. Julianus de Ruvere antea vocatus, natione Ligur...») между 1511 и 20 Февраля 1513 года.

Ни Tangl, ни Schmitz не говорятъ о суппликахъ времени предшествовавшаго папамъ Сиксту IV и Иннокентію VIII, мо-

---

rote» даетъ между десятью другими и имя нотарія нашей супплики: «Franciscus de Piscia». Факсимилированная нами супплика касается нѣкоего «Jacobus de Bertinis» и его упоминаетъ Бурхардъ—въ Маѣ 1499 года—въ: «cedula nominum et cognominum officialium Collegii DD. sollicitarum litterarum apostolicarum» значится и Jacobus de Bertinis.

1) Дерево золотое на синемъ полѣ, надъ щитомъ золотые ключи, крестъ на крестъ, увѣнчаны папской тіарой.

2) См. Ciampini: «De abbreviatorum de parco maiori» — p. XVI:» Petrus Accoltius, sive de Accoltis, patria Aretinus.... Romae Pontificis vices gessit et supplicationum libellos signavit...». Подпись grossator'a—«Io de Pereriis». Для меня снята была фотографія съ этого документа, но въ виду большого количества прилагаемыхъ таблицъ супплика осталась не воспроизведенной. На оборотѣ акта находится всего только одна помѣта — корректора: «A. Vines Cor.». Въ «Diarium» Бурхарда «scriptor» Андрей Вивесъ (A. Vivus) упоминается неоднократно, начиная съ Іюня 1496 года (t. II, 285 и т. д.).

жетъ быть потому, что первый по самой задачѣ своей имѣетъ дѣло только съ оригиналами, а второй имѣетъ предметомъ дѣятельность папской канцеляріи «saeculi XV exeuntis». Во всякомъ случаѣ раскрывая, напримѣръ, томъ первый сборника документовъ времени столѣтней войны, собраннаго H. Denifle[1]), мы найдемъ въ немъ супплики — съ резолюціями слѣдующихъ папъ, бывшихъ до Сикста IV.

Мартина V: 1) 8 Дек. 1417: B(eatissime) P(ater). Cum monasterium Ursicampi Ord. Cisterc....».

Резолюція: «Fiat secundum relationem illorum quibus dom. vicecancellarius commiserit. O.» (Oddo de Columna = Colonna).

Дата: «Datum Constancie sexto idus Decembris anno primo» (№ 942).

2) 23 Августа 1418 г.: «B(eatissime) P(ater). Pro parte deuotorum oratorum uestrorum....».

Резолюція: «Fiat ad decennium. O.» (Oddo Colonna).

Дата: «Dat. Gebenne decimo Kal. Septembris anno primo» (№ 119).

3) 28 Августа 1426 г.: «Beatissime pater. Exponitur S. V. pro parte....».

Резолюція: «Fiat ut petitur de duobus. O.» (Oddo Colonna).

Дата: «Dat. Genezani Penestrine dioc. V. Kal. Septembris anno nono»[2]).

---

1) P. Henri Denifle: «La désolation des églises, monastères et hopitaux en France pendant la guerre de cent ans», T. I=«Documents relatifs au XV siècle» (Paris. 1897. 8⁰). Конечно сборникъ Denifle — случайная выборка небольшой сравнительно части суппликъ этого времени, но такъ какъ регистры остаются неизданными, то мы должны воспользоваться тѣмъ, что имѣется въ литературѣ.

2) L. c., № 2.; ibidem, № 4—30 Окт. 1423; № 25—25 Февр. 1429; № 28—21 Авг. 1420; № 41—5 Февр. 1426; № 53—29 Ноября 1423; № 54—23 Сент. 1424; № 77—3 Янв. 1425; № 81—5 Янв. 1430; № 99—27 Мая 1420; № 105—20 Іюля

Евгенія IV: 1) 19 Апрѣля 1431: «B(eatissime) P(ater). Cum ecclesia et conuentus....».

Резолюція: «Fiat. G.» (= Gabriel Condolmerius).

Дата: «Datum Rome apud S. Petrum tertiodecimo kal. Maii, anno primo» [1]).

2) 23 Апрѣля 1431: «B(eatissime) P(ater). Cum ecclesia....».

Резолюція: «Fiat. G.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum IX Kal. Maii, anno primo» [2]).

Николая V: 1) 29 Апрѣля 1447 г.: «B(eatissime) P(ater). Quoniam redditus...».

Резолюція: «Fiat ut petitur. T.» (Thomas Parentucelli de Sarzana).

Дата: «Dat. Rome ap. S. Petrum tertio Kal. Maii an. I» (№ 857).

2) 29 Іюля 1448: «P(ater) B(eatissime). Quoniam supradictum monasterium...».

Резолюція: «Fiat de duobus. T.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum quarto Kal. Augusti, anno secundo» (слѣдуетъ подпись секретаря—«R. de Noxeto»), см. № 145.

3) 17 Іюля 1447: «B. P. Cum guerrarum ac discordiarum calamitatum...».

Резолюція: «Fiat in diocesi Remen. semel tantum. T.».

Дата: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum sextodecimo kal. Augusti, anno primo»

1430; № 118—22 Ноября 1419; № 170—16 Марта 1427; № 175—25 Іюля 1420; № 183—22 Іюля 1418; № 199—15 Апр. 1418; №№ 206, 249, 258 (8 Дек. 1417 года), 293, 344, 350, 355, 363, 368, 373, 374, 375, 377, 378, 379 и т. д.

1) L. c., № 108.

2) L. c., № 423.

(подпись секретаря — «R. de Florencia»), см. № 1023[1]).

Мы видимъ, что акты, совершенно подобные тому, что изданъ, какъ первый образецъ, по подлиннику 1472 года, идутъ непрерывной цѣпью съ перваго года папы Мартина V съ 8 Декабря 1417 года[2]). Мало того именно за время этого папы число супликъ очень изобильно, резолюціи разнообразны и почти исключительно подписаны самимъ папою. Замѣчательно, что имѣется папская резолюція съ словомъ «concessum»[3]), которое стало потомъ спеціальнымъ терминомъ для резолюцій, сдѣланныхъ въ присутствіи папы, довѣренными прелатами[4]). Рядъ супликъ начинается съ пропускомъ обращенія «Beatissime Pater[5]). Подписи за папу (по сборнику Denifle) при Мартинѣ V рѣдки[6]). Во всемъ сборникѣ имѣется только одна

---

1) Мы не знаемъ кто такіе «R. de Noxeto» и «R. de Florencia», но невольно приходитъ на мысль большая буква «R» на оборотѣ подлинныхъ супликъ (касающаяся скрѣпы или регистраціи и имена двухъ извѣстныхъ папскихъ секретарей этого времени—«Petrus de Noxeto» и «Andreas de Florencia» (=Andreas Floccus). Въ изданіи Denifle довольно много супликъ съ резолюціями папы Николая V, см. еще №№ 23, 69, 78, 79, 151, 168, 177, 223, 227, 254, 277, 356, 386, 446, 509, 539, 770, 882, 888, 907, 1013 (3 и 4), 1014, 1018.

2) Избранный 11 Ноября папа этотъ былъ коронованъ 21 Ноября 1417 г.

3) См. l. c., № 414 (1426 года). Разнообразіе помѣтъ папы Мартина V тѣмъ интереснѣе, что уже папы начала XV вѣка въ «Regulae cancellariae apostolicae» разработали до тонкости значеніе различныхъ формулъ ихъ сигнатуръ на супликахъ. О «concessum» при Мартинѣ V, см. его «Regule» (Ottenthal, p. 193). Въ правилахъ самого Мартина V, напримѣръ, изъяснено— «per signaturam simplicem (*mo est fiat*) detur ad quinquennium, et addito «ut petitur» septennium...» (§ 35), и далѣе § 40.

4) Нельзя не отмѣтить, что уже въ «Regule domini Bonifatii pape IX» говорится — «..voluit et ordinavit idem dominus noster, quod littere super petitionibus signatis *per eum* aut per «Concessum», in quibus data non est posita, non expediantur nisi sub data currenti in illa die qua in cancellaria ponentur» (см. Ottenthal: «Die päpstlichen Kanzleiregeln von Iohannes XXII bis Nicolaus V», p. 62).

5) См. Denifle, l. c., №№ 545, 693, 771, 852, 1007, 1008, 1026, и для времени Евгенія IV—№№ 616, 689, 729, 1017, 1019, 1020, 1021, 1022.

6) Оговариваюсь относительно сборника Denifle, имѣя въ виду § 158— правилъ папы Мартина V: «Placet sanctissimo Domino nostro quod reuerendissi-

супплика, совершенно обычной формы (отъ 29 Мая 1426) съ резолюціей «Concessum ut petitur. F.» (см. № 1047) да и въ этомъ случаѣ можно предполагать опечатку «F» вмѣсто «O», такъ какъ прелаты всегда прибавляли наименованіе своей епархіи, одной же буквой подписывался самъ папа[1]).

Гораздо рѣже подписывалъ, повидимому, супплики папа Евгеній IV, преемникъ Мартина V. Изъ сборника p. Denifle (каковой впрочемъ является искусственной выборкой актовъ) мы можемъ заключить, что только въ первый годъ правленія этотъ папа часто собственноручно начертывалъ коротенькую резолюцію: «Fiat. G.», затѣмъ въ большинствѣ случаевъ подписывать supplicationes поручено было довѣреннымъ прелатамъ, которые должны были писать «concessum ut petitur in praesentia domini nostri papae»[2]) но нерѣдко ограничивались словами «concessum ut petitur» и даже просто «concessum». Обычно прелатами этими должны были являться dominus vice cancellarius или его locumtenens, или «cancellariam S. R. Ecclesie regens» (въ сущности тотъ же vicecancellarius)[3]).

---

mus in Christo pater dominus vicecancellarius vel eius locumtenens usque ad beneplacitum sue Sanctitatis signet per «Concessum» quascunque supplicationes pro artatis ad faciendum se ad sacros ordines promoveri extra tempus ratione beneficiorum curatorum que obtinent et imposterum obtinebunt. Ponatur in libro cancellarie. Io(hannes) Ostiensis» (Ottenthal, l. c., p. 228).

1) Въ «Regule domini nostri Martini V» (Ottenthal, l. c.), § 108—заканчивается формулою «Ponatur in libro cancellarie. O». Резолюція повидимому вице-канцеллярія, а не самого папы—и потому возбуждаетъ сомнѣнія, разрѣшаемыя другимъ спискомъ, гдѣ стоитъ обычное «Io. Ost.»=Iohannes Ostiensis, vice cancellarius (p. 213). Указанный случай есть описка и мы не должны допускать возможности (для подлинниковъ) тожественности въ подписяхъ папы и его вице-канцеллярія. Въ § 137 резолюція—«Ponatur in libro cancellarie. F (*ranciscus*) abbas»—также едва ли можетъ объяснить въ положительномъ смыслѣ резолюцію № 1047 у Denifle. Буква — «O» въ §§ 138, 141, 148, 154, 165—только въ §§ 141 и 165 можетъ быть отнесена къ вице-канцеллярію. Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ кодексомъ правилъ, а не съ подлинными регестами.

2) Напримѣръ, № 186 (отъ 23 Марта 1443) — «concessum in forma, in presentia domini nostri pape».

3) Vicecancellarius признавался какъ бы окомъ папы. Ciampini (l. c., 21 § 2) говоритъ: «locus praesidentiae eiusdem cancellariae *dexter oculus* Romani pontificis

Такими прелатами являются:

«B. Graden.»[1]) = B. Gradensis = Blasius Molino, patriarcha Gradensis (Grado въ Сѣв. Италіи, патріархатъ, Blasius Molino съ 1427 года по 1434 годъ). Его подпись находится на супплликахъ первыхъ лѣтъ правленія папы Евгенія IV—1431—1434. Въ § 1—Regule cancellarie Eugenii pape IV имѣется точное указаніе на роль этого прелата: «ego Blasius Patriarcha Gradensis, cancellariam sancte Romane Ecclesie de mandato ipsius domini nostri regens». Былъ вицеканцелляріемъ съ самаго вступленія папы на престолъ.

«C. Ceruien.»[2]) = Christophorus (de S. Marcello de Vincentia), «S. P. Referendarius», былъ епископомъ Червіи (Cervia) въ Сѣв. Италіи съ 4 Мая 1431 года. Съ конца 1435 года онъ же именуется «C. Ariminensis», какъ епископъ Римини.

«C. Ariminen.»[3]) = Ariminensis (= Christophorus de S. Marcello). Съ 18 Сентября 1444 въ Сіенѣ, умеръ въ Ноябрѣ этого года.

---

non immerito appellatur». Относительно писанія резолюцій вицеканцеляріями въ «Regulae cancellariae apostolicae» разныхъ папъ очень много §§, регулирующихъ эту дѣятельность (Ottenthal, l. c.). Напримѣръ, въ правилахъ папы Мартина V см. §§ 96, 97, 98, 111, 113, 148, 158, 188, 202. Евгенія IV—§ 89 и слѣд. По Ottenthal'ю въ канцеляріи—«An der Spitze steht der Vicecanzler, seit dem 14. Jahrhundert stets *ein Cardinal*, oder dessen *zeitweiliger Stellvertreter*, der Regens cancellariam» (Ottenthal, l. c., p. XX). Дату на супплликахъ ставилъ датарій. Въ установленіяхъ Александра VI находимъ — § 5—«Supplicationes signatas manu cardinalis *vel alterius* in presentia pape signantis non tangat datarius, sed solum officio datariatus fungatur. Ubi vero aliquid correctione vel additione dignum putaverit, reportet supplicationem corrigendam in signaturam vel ad signantem remittat, nec soli sue prudentie nitatur» (Tangl, l. c., p. 405). О сложномъ прохожденіи супплликъ по разнымъ инстанціямъ см., I. Haller: «Ausfertigung der Provisionen. Ein Beitrag zur Diplomatik der Papsturkunden des 14. und 15. Jahrhunderts» въ «Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven und Bibliotheken» (Band II—1898—pp. 1—40) и вышеуказанную «Practica cancellariae apostolicae» Schmitz-Kallenberg'a (1904. 8°).

1) Denifle, l. c., №№ 1, 100, 155, 156, 198, 207, 209, 288, 420, 433 и т. д.
2) Ibidem, №№ 14, 15, 42, 117, 153, 163, 173, 178, 204, 215, 221, 237 и т. д.
3) Ibidem, №№ 27, 55, 63, 101, 112, 154, 164, 184, 186, 195 и т. д.

«Io. Zamoren.» [1])
«Io. de Mella» [2])

Одно и тоже лицо = Ioannes de Mella, episcopus Zamorensis, былъ возведенъ въ кардиналы въ 1456 году, умеръ 20 Мая 1465 года. Ioannes de Mella, получилъ Замору (Zamora in Hispania) съ 6 Апрѣля 1440 года. 17 Января 1432 года—«Iohannes de Mella» былъ «causarum palatii apostolici auditor et referendarius» [3]).

Резолюція «Concessum de septem annis pro una die in perpetuum. Io. de Mella» сдѣлана на супликѣ, выданной 7 Марта 1437 года въ Болоньи, когда Іоаннъ «de Mella» былъ въ должности «protonotarius apostolicus» (см. Eubel) и не получалъ еще (26 Августа 1437 года) прелатуры въ Леонъ (въ Испаніи) = Legionensis.

Мнѣ не удалось съ несомнѣнностью установить, кто такой былъ «Io. abbas», который подписывалъ за папу Евгенія IV супплики въ 1445 и 1446 годахъ [4]), но думаю, что это едва ли не Giovanni Orsini «abbas Farfensis» (l'abbate di Farfa). Происхожденіемъ и положеніемъ этого лица въ «familia pontificia» объясняется фактъ, что «abbas» исполнялъ такую высокую функцію [5]).

Папа Николай V, повидимому, чаще Евгенія IV самъ подписывалъ супплики. Не забудемъ однако, что малое количество матеріала и его случайный подборъ дѣлаютъ пока подобные выводы простыми предположеніями.

Большой интересъ представляетъ изданная p. Denifle подъ № 150 супплика отъ 12 Февраля 1436 года = «Dat. Bononie II. idus Februarii an. sexto» и подписанная «Concessum *motu proprio* quamdiu prefuerit ecclesie Nivernen..... Io. de Mella».

---

1) Ibidem, №№ 235, 283, 302, 351, 429, 484, 541 и т. д.
2) Ibidem, № 353.
3) Ottenthal, l. c., p. 254.
4) Ibidem №№ 337, 354, 404, 482, 497, 944.
5) См. G. Bourgin: «La «familia» pontificia sotto Eugenio IV» (въ «Archivio della R. Società Romana di Storia Patria», v. XXVII (1904), 203—224).

Документъ этотъ не супплика, а concessio — mera liberalitate—motu proprio — и заключается въ томъ, что папа, узнавъ («Dum ut accepimus») о бѣдственномъ положеніи церкви Неверской (Nivernensis), распоряжается «motu proprio non ad ipsius Iohannis episcopi seu cujusvis alterius pro eo nobis super hoc oblate petitionis instantiam, sed de nostra mera liberalitate..».

Передъ нами актъ—настоящій «Motus proprius». Такимъ образомъ, если не сохранилось оригиналовъ подобныхъ документовъ ранѣе времени папы Иннокентія VIII (1484—1492), то мы можемъ надѣяться найти ихъ въ записныхъ книгахъ супликъ. Для высказанной нами теоріи весьма знаменательно, что изданный p. Denifle актъ записанъ среди обыкновенныхъ супликъ въ книги, которыя мы имѣемъ право называть libri signaturarum. P. H. Denifle намѣренно ограничился регистрами супликъ за время папъ Мартина V, Евгенія IV и Николая V[1]), но конечно имѣются и послѣдующіе томы этого богатѣйшаго историческаго матеріала.

Сборникъ Denifle даетъ случайныя показанія. Съ выходомъ въ свѣтъ труда Ottenthal'я «Die Bullenregister Martin V und Eugen IV»[2]) и изданія Прусскимъ Историческимъ Институтомъ въ Римѣ «Repertorium Germanicum»[3]) свѣдѣнія о супликахъ за время Мартина V и Евгенія IV становятся систематическими. Изъ «Repertorium» мы узнаемъ, что папа Евгеній IV подписывалъ значительное число супликъ и различными формулами—«fiat ut petitur. G.»; «fiat et committatur. G.»; «fiat et dispensamus. G.» и т. д. Самое важное

1) «Ma source principale a été la collection des Suppliques présentées au Pape, de Martin V à Nicolas V inclusivement, conservées au Vatican sous les №№ 101 à 471» (p. XVII). «Si la latinité des documents est détestable, ce n'est pas de ma faute; les suppliques notamment ont été écrites avec précipitation et sont fort mal rédigées; la Chancellerie pontificale de cette époque était bien tombée» (p. XVIII).

2) Въ «Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung». I. «Ergänzungs band», 3 Heft (Innsbruck. 1885), стр. 401—589.

3) «Regesten aus den päpstlichen Archiven zur Geschichte des Deutschen Reichs». I. Band (Pontificat Eugens IV). Berlin. 1897. 8°.

свѣдѣніе это то, что съ самаго начала папствованія Евгенія IV регистры супликъ дѣлились уже на двѣ серіи — a) «per flat» (quinternus) — то есть съ автографическими резолюціями папы и b) «per concessum» — съ резолюціями cancellariam regentis (или vicegerentis cancellarie). Въ этомъ дѣленіи объясненіе выше упоминаемыхъ libri signaturarum, существовавшихъ отдѣльно отъ регистровъ супликъ. Кромѣ того и вторая серія едва ли не систематизировалась по формуламъ. Въ записяхъ относительно неправильно зарегистрированныхъ супликъ, напримѣръ, читаемъ «cass. quod signata in presencia d. n. pape et iste quinternus est per concessum»[1]).

Изслѣдованіе Ottenthal'я и Repertorium не доходятъ до времени знаменитаго папы-гуманиста Пія II.

Относительно регистровъ этого папы и его резолюцій съ буквою «E» (Aeneas Silvius Piccolomini) я при любезномъ содѣйствіи Е. Ф. Шмурло[2]) справился въ Ватиканскомъ архивѣ.

Регистры супликъ за время папы Пія II сохранились въ значительной полнотѣ; въ настоящее время ихъ всего 66 томовъ[3]). Пій II и самъ лично подписывалъ супликн и поручалъ записывать резолюціи кардиналамъ, при чемъ систематически велся двойной регистръ — документы съ собственноручными резолюціями папы записывались въ особые томы.

Регистры супликъ заслуживаютъ особеннаго вниманія дипломатистовъ. Наименованіе этой серіи регистровъ не совсѣмъ правильно — записывались собственно на супликн, а текстъ того

1) Ibidem, p. XX. Такія супликн переносились въ соотвѣтствующую книгу: «cass. quia per concessum et scriptum alibi in de per concessum».

2) Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность уважаемому Е. Ф. Шмурло, дважды наводившему для меня справки съ изысканною готовностью и не взирая на затрату времени.

3) По подсчету Денифле ихъ считалось 68 книгъ, но Е. Ф. Шмурло составилъ слѣдующую табличку, изъ которой видно и количество утраченныхъ томовъ и двойные №№.

Anno I: Voll. I. I. II. III. IV. V. VI. VIII. XI. XII. XIII. XIV. XV.
Anno II: » I. II. V. VI. IX. X. XI. XII. XIII. XIV.
Anno III: » I. IV. V. VII. VIII. IX. X. XI. XII. XIII.

доклада папѣ, который составлялся на основаніи супплики и, исправленный при обсужденіи, утверждался папой — или собственноручной резолюціей, или изложеніемъ ея рукою довѣреннаго прелата. Такой актъ уже не супплика, а скорѣе litterae de gratia, которыя и должны были имѣть послѣдствіемъ выдачу буллы—съ свинцовой буллой на шелковомъ шнуркѣ (littera gratiosa)[1]). Кажется можно сказать навѣрное, что гораздо рѣже были тѣ случаи, когда самый документъ за подписью папы выдавался просителю и замѣнялъ собою буллу. Но что такіе случаи были, это ясно между прочимъ изъ компендіевъ привилегій, которые составлялись въ разныхъ монастыряхъ. Даже въ собраніи автора имѣется маленькій compendium для бенедиктинскаго монастыря Monte-Oliveto (недалеко отъ Сіены), написанный въ исходѣ XV стол. (или самомъ началѣ XVI), и въ которомъ имѣются супплики папы Евгенія IV[2]). Прилагаемое клише (см. стр. 126), даетъ снимокъ съ двухъ суппликъ, обращенныхъ къ папѣ Евгенію IV. Одна съ «Beatissime Pater», другая безъ этой формулы; одна подписана: «Concessum C. Arimin.», другая «Concessum Io. Abbas».

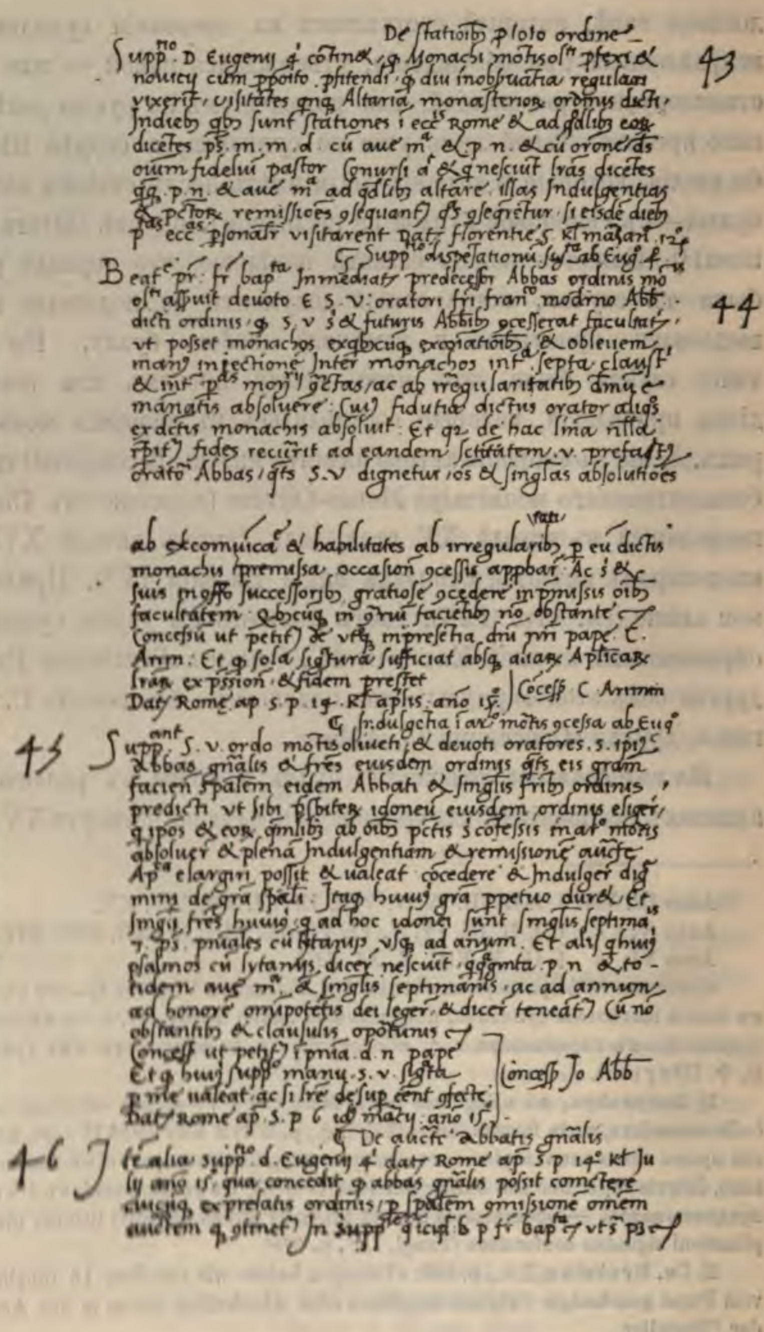
На колоссальное количество буллъ и бреве въ различныхъ архивахъ и собраніяхъ для времени до послѣдней четверти XV вѣка

Anno IV: Voll. I. I. II. III. IV. V. VIII. IX. XI. XII. XIV. XV.
Anno V: » I. I. II. III. IV. V. VI. VI (sic). VIII. XI. XII. XIII. XIV. XV.
Anno VI: » I. IV. V. VIII. X. XI. XIII.

«Двойныя №№ три первыхъ (годы 1, 4, 5) и одинъ VI (годъ 5)—это тѣ томы, въ коихъ выдѣлены супплики, подписанныя лично папою (т. е. съ «fiat») отъ подписанныхъ кардиналами т. е. «Concessum» и поэтому безъ «Є» (указаніе Е. Ф. Шмурло).

1) Напримѣръ, въ «Regulae» папы Мартина V—«...per «concessum» *sub bulla* concedere, ut in forma» (Ottenthal, l. c., p. 201) и Евгенія IV—въ изложеніи правъ вицеканцеллярія: «...et desuper supplicationes per «Concessum» signare, litteris super hoc sub bulla conficiendis» (§ 89). Въ установленіяхъ Павла II предписывалось — «Secretarios nostros iubemus nullas expediri litteras nisi supplicationi signatae conformes» (Tangl, l. c., p. 378).

2) См. Bresslau, l. c., p. 686: «Dagegen haben wir aus dem 15 Jahrhundert vom Papst genehmigte Original suppliken oder Abschriften davon in den Archiven der Bittsteller.


De statioib3 p[ro]olo ordine
Supp[no] D Eugenio q[uar]to cōtinet q[uod] Monachi mōtisol[ive]ti pfexi &   43
noviciy cum pposito pfitendi q[ui] diu inobservatia regularis
vixerit, visitātes qnq. Altaria monasterior. ordinis dicti,
Indieb3 qb3 sunt stationes i eccs Rome & ad qdlib3 eor.
dicētes ps. m. m. d. cū aue m[ari]a & p n. & cū orone ds
oium fidelium pastor. Conversi a' & q nesciut lrās dicētes
qq. p n. & aue m[ari]a ad qdlib3 altare illas Indulgentias
& pctor. remissioes osequant[ur] q[ua]s osequerētur si eisdē dieb3
p[er]sonaliter ecc[lesi]as p[er]sonalr visitarent Dat[um] florentie 5. kl maiias a[nn]o 12.
Supp dispēsationū sup[er] ab Eug 4
Beat[issime] pr. fr bap[tis]ta Inmediat[us] predecessor Abbas ordinis mō
olt[ive]ti appuit deuoto e S.V. oratori fri fran[cis]co moderno Abb.   44
dicti ordinis q[uod] S.V. sibi & futuris Abbib3 ocesserat facultatem
vt posset monachos exqbcuq. excōicatioib3 & obleuem
manu[um] iniectione Inter monachos int[ra] septa claustr[a]
& int[ra] p[re]d[ic]tos mon[asteri]i gestas, ac ab irregularitatib3 dmu e
manatis absoluere, cui fiducia dictus orator aliqs
ex dictis monachis absoluit. Et q[ui]a de hac lrā nlla
fit fides recurrit ad eandem Sctitatem v. prefatus
orator Abbas q[uaten]us S.V dignetur ios & singlas absolutioes

ab excomunica & habilitates ab irregularib3 p eu dictis
monachis premissa occasion ocessis approbar. Ac s &
suis inposterum successorib3 gratiose ocedere inpmissis oib3
facultatem qbcuq. in oui facietib3 no obstante.
Concessū ut petit[ur] & vt[ra]q. inpresetia dnī nri pape. C.
Arim. Et q sola signatura sufficiat absq. aliar. Apsticar.
lrar. expssion. & fidem prestet   Cōcess C Arimin
Dat. Rome ap. s. p. 14 kl aplis anno 15.
¶ sr. dulgētia i ar. mōtis ocessa ab Eug
45 Supp. S.v. ordo mōtisoliueti & deuoti oratores s. ipius
Abbas gnalis & fres eiusdem ordinis qtis eis gram
facien spalem eidem Abbati & singlis frib3 ordinis
predicti vt sibi psbiter idoneū eiusdem ordinis eliger[e]
q ipos & eor. qmlib3 ab oib3 pctis s cofessis inar[ticulo] mortis
absoluer & plenā Indulgentiam & remissionē auctē
Ap[ostolic]a elargiri possit & valeat cōcedere & Indulger dig
mini de gra spāli. Itaq huius gra ppetuo duret Et
singli fres huius q ad hoc idonei sunt singlis septimanis
7. ps. pniales cū letanys, vsq. ad annum. Et alij qhuius
psalmos cū lytanijs dicer nesciut qqgnta p n & to-
tidem aue m[ari]a & singlis septimanis ac ad annum
ad honorē omipotētis dei leger. & dicer teneat[ur] Cū nō
obstantib3 & clausulis opotunis
Concess ut petit[ur] i pñia d n pape   Concess Jo Abb
Et q huius supp manu s.v. signata
p lrē valeat, ac si lrē desup cent ofecte
Dat. Rome ap. S. p. 6 id[us] maij anno 15
¶ De auctē Abbatis gnalis
46 Ite alia supp d. Eugenio 4 dat. Rome ap. S. p. 14 kl Ju
lij anno 15 qua concedit q abbas gnalis possit comitere
cuicūq. ex prelatis ordinis p spalem omissione omem
auctem q otinet[ur] In supp q icip[it] b p fr bap[tis]ta & vts pz

Снимокъ съ нѣсколькихъ суппликъ, относящихся ко времени папы Евгенія IV и находящихся въ сборникѣ документовъ монастыря Монте-Оливето.

приходится весьма немного подлинныхъ супликъ и особенно съ папскими автографами.

Наименованіе актовъ, записанныхъ въ регистры супликъ—супликами—имѣетъ несомнѣнное происхожденіе изъ факта, что папы сначала всегда, а потомъ иногда ставили свои резолюціи непосредственно на оригиналахъ поданныхъ имъ прошеній.

Регистры супликъ (Registri supplicationum) входили въ составъ «Archivio della dataria» и только недавно были перевезены изъ Латерана въ Ватиканъ[1]). Для времени съ половины XIV и кончая XVIII столѣтіемъ ихъ сохранилось огромное количество. По новѣйшимъ исчисленіямъ за этотъ періодъ, начиная съ Климента VI (1342) и до Пія VII имѣется на лицо 7011 томовъ[2]). Конечно большая часть падаетъ на позднѣйшее время, но и то, что дошло отъ XIV и XV вѣковъ, представляетъ подавляющую массу историческаго матеріала.

По исчисленію Denifle[3]) къ XV вѣку относятся 1121 книга, при чемъ за годы до вступленія на престолъ Мартина V (1417) не сохранилось ничего[4]). Гораздо меньшее количество—всего 99 (а можетъ быть въ сущности только 90) томовъ имѣется регистровъ XIV столѣтія. Нѣмецкій ученый, спеціалистъ по папской дипломатикѣ,

---

1) R. P. Louis Guérard: «Petite introduction aux inventaires des archives du Vatican» (Rome. 1901. 8⁰), p. 17—«Les sept mille et onze volumes de Suppliques qui ont été, dans ces derniers temps, transportés au Vatican, ne sont guère mieux pourvu d'inventaires».

2) D. Ursmer Berlière: «Aux Archives Vaticanes» (Bruges, 1903. 8⁰), p. 15: «l'importante série des suppliques qui vont de Clément VI à Pie VII et comprennent 7011 volumes».

3) См. Kehr: «Bemerkungen zu den päpstlichen Suppliken-registern des 14. Jahrhunderts», превосходная руководящая статья, оттискъ изъ «Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung» (VIII. 1887), см. стр. 5 въ примѣчаніи, гдѣ приведено число томовъ по папамъ: 1) Мартинъ V—183 тома; 2) Евгеній IV—143 тома; 3) Николай V—67 т.; 4) Каликстъ III—31 т.; 5) Пій II—68 т.; 6) Павелъ II—97 т.; 7) Сикстъ IV—181 т.; 8) Иннокентій VIII—133 т.; 9) Александръ VI—219 томовъ.

4) Вотъ причина почему Denifle начинаетъ (въ вышеприведенномъ трудѣ) выборку супликъ только съ Мартина V.

P. Kehr подробно описываетъ сохранившуюся серію, охватывающую періодъ всего лишь пяти папъ[1]):

1) Климентъ VI (7 — 19 Мая 1342 — 6 Декабря 1352 года) — 22 книги.
2) Иннокентій VI (18—30 Дек. 1352—12 Сент. 1362)— 12 книгъ.
3) Урбанъ V (6 Ноября 1362 — 19 Декабря 1370) — 10 книгъ.
4) Климентъ VII—«антипапа» (но въ сущности законный Авиньонскій папа) (21 Сентября—31 Октября 1378— 16 Сентября 1394) — 32 книги.
5) Бенедиктъ XIII (папа въ Авиньонѣ — 28 Сентября— 11 Октября 1394—29 Ноября 1424)—23 книги[2]).

Такимъ образомъ между Урбаномъ V и Мартиномъ V— съ 1371 и по 1417 годъ въ Ватиканскомъ архивѣ полная лакуна—регистры супликъ отсутствуютъ, хотя они конечно несомнѣнно существовали и при томъ въ большомъ количествѣ.

Въ этомъ отношеніи любопытно замѣчаніе Camilli Krofta по поводу фрагмента регистровъ папы Бонифація IX (1389— 1404), относящагося ко времени указаннаго нами пробѣла: «E registris supplicationum, *quae olim 150 tomorum numerum excessisse verisimile est*, unicus tantum nunc tomus superest, copias supplicationum mensibus Augusti et Septembris anni 1394 sig-

1) Въ документѣ «Index librorum manuscriptorum qui in archivio palatiii Avenionensis reperti sunt tempore legationis—Octavii cardinalis de Aquaviva a. d. 1594» (P. H. Denifle: «Die Universitäten des Mittelalters») упоминаются отчасти какъ утраченныя, отчасти какъ сохранившіяся нѣкоторыя книги и другихъ папъ.

2) Но изъ нихъ 8 относятся къ IX—XV и 1 къ XXV году папствованія Бенедикта XIII. Почему Kehr вопреки собственному показанію причисляетъ эти книги къ регистрамъ XIV столѣтія? Думаю потому, что регистры этого папы кромѣ супликъ года, къ которому томъ относится, имѣютъ записи и иныхъ лѣтъ конца XIV вѣка.

natarum exhibens, qui hodie extra Vaticanum, in regia scilicet bibliotheca Eichstaedtensi sub nro 174 (prius 54) exstat» [1]).

Когда началась регистрація супликъ и когда папы усвоили обычай собственноручныхъ резолюцій по особой формулѣ?.

H. Simonsfeld издалъ [2]) по формулярію папскихъ документовъ, рукописи, относящейся ко второй половинѣ XIV столѣтія, весьма любопытную запись, изъ которой явствуетъ, что уже въ это время публичнымъ нотаріусамъ приходилось видимировать папскія супплики и на основаніи ихъ составлять «instrumentum publicum» на пергаменѣ и съ нотаріальнымъ знакомъ.

Въ такой «instrumentum» должно было войти подробное описаніе супплики. Образецъ подобнаго описанія приведенъ и представляетъ для насъ большой интересъ: обладатель документовъ— «exhibuit et ostendit duas supplicationes concessas per dictum dominum papam». Начало было—«Supplicat S. V. etc.» (то есть безъ Beatissime Pater)—«in fine autem prime supplicacionis premissarum erat scriptum *de alia manu ipsius domini pape*, ut similiter prima facie apparebat: fiat. B. et de inde ad finem alterius supplicacionis erat scriptum de manu predicta: fiat et de inde ad verba que in fine dictarum supplicacionum habebantur scilicet: «quod transeat etc.» erat scriptum de manu predicta domini

---

1) «Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia», tomus V (Pragae. 1903. 8⁰), p. IV. Архивъ Датаріи ужасно пострадалъ при перевозкѣ документовъ Ватикана въ Парижъ и обратно. «Proh. dolor! pars Tabularii initio saeculi currentis interiit», восклицаютъ редакторы изданія «Monumenta Vaticana Hungariae: Bullae Bonifacii IX. P. M.» (Budapest. 1888. 4⁰), «Tabularium imprimis Datariae plurima damna sustinuit. Quamvis numerum perditorum tomorum certo et accurate determinare haud valeamus, vix erramus conjiciendo, apparatus archivalis, qui ante translationem Parisios Lutetiorum 16440 tomos efficiebat, dimidio minus interitum superasse. Interiit pars antiquissima: omnes tomi, numero 483, tempora Bonifacii IX praecedentes. Ex ipsius Bonifacii IX bullarum tomis numero 199 hodie solummodo 101 supersunt (pp. V—VI).

2) H. Simonsfeld: «Neue Beiträge zum päpstlichen Urkundenwesen im Mittelalter und zur Geschichte des 14. Jahrhunderts» (München. 1896. 4⁰). Запись озаглавлена: «Instrumentum super exhibicione quarundam supplicationum per papam signatas» (см. стр. 51).

nostri pape, ut similiter prima facie apparebat: fiat. B. Postremum vero habebatur et continebatur de alia manu manibus predictis dissimili: Datum Avinion(e) etc.».

По существующимъ регистрамъ мы знаемъ, что буквою «B» подписывался папа Урбанъ V (1362—1370), но нельзя не замѣтить, что въ спискахъ «Regulae cancellariae apostolicae[1]) въ «Regule date... per dominum Iohannem papam XXII», въ «Regule date per dominum Benedictum papam XII», въ «Regule date per dominum Innocentium VI»—вездѣ указывается формула «Fiat. B.», тогда какъ извѣстно, по подлиннымъ регистрамъ, что папа Иннокентій VI подписывался буквою «G».

Сборники «Regulae cancellariae apostolicae» представляютъ основной источникъ для исторіи супликъ и папскихъ сигнатуръ.

Стефанъ Балюзій въ «Vitae paparum Avenionensium»[2]) издалъ извѣстіе о началѣ веденія регистровъ какъ слѣдствія реформъ папы Бенедикта XII (1335—1342): «ordinavit idem dominus Benedictus quod petitiones hujus modi signatae per eum integraliter in palatio apostolico regestrarentur per regestratorem ad hoc specialiter deputatum et eisdem supplicationibus regestratis bene ascultatis et correctis, supplicationes originales per clericum suum iuratum ad hoc specialiter deputatum portarentur ad cancellariam in quodam sacculo sub sigillo suo secreto clauso et signato». Въ другомъ житіи папы это извѣстіе еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе: «hic quoque primus regestrum supplicationum signatarum induxit, multas removens fraudes quae fiebant».

Если, дѣйствительно, въ старѣйшихъ «Regulae cancellariae apostolicae», составленныхъ при папѣ Іоаннѣ XXII («Regule date in cancellaria per dominum Iohannem papam XXII»), около

---

1) E. von Ottenthal: «Regulae Cancellariae Apostolicae: Die päpstlichen Kanzleiregeln von Johannes XXII bis Nicolaus V» (Innsbruck. 1888. 8°).

2) «Vitae paparum Avenionensium ab anno 1305—1394» (Paris. 1693. 2 vls. in 4°). Kehr: «Bemerkungen», p. 3. Цитата взята изъ «Vita Benedicti XII».

1330 года[1]), мы не найдемъ точныхъ указаній на регистръ супликъ, то самое развитіе въ этихъ правилахъ вопроса о значеніи разныхъ формулъ папскихъ «responsiones», manu propria scriptas, указываетъ на непремѣнное существованіе записныхъ книгъ для такихъ многочисленныхъ и весьма важныхъ документовъ.

Сохранилась старинная опись — «Index librorum», составленная въ 1594 году, которая даетъ намъ цѣнное показаніе, что въ это время въ папскомъ дворцѣ въ Авиньонѣ еще хранился отрывокъ регистра супликъ за первые годы папы Климента V (1305—1314)[2]).

Для XIII столѣтія мы имѣемъ лишь небольшой, но очень цѣнный формулярій супликъ, отысканный Joseph Teige въ одномъ изъ кодексовъ Ватиканской Библіотеки (№ 2661)[3]). Въ этомъ сборникѣ приведено 12 формулъ супликъ (для лицъ разнаго положенія и по различнымъ дѣламъ), которыя всѣ начинаются формулою—«Supplicat Sanctitati vestre». Это древнѣйшее свидѣтельство указываетъ, что институтъ супликъ находился въ половинѣ XIII вѣка уже въ полномъ развитіи. Нѣтъ опредѣленныхъ показаній относительно существованія регистровъ и

---

1) Комментаторы XVI столѣтія не знали уже сборниковъ болѣе ранняго времени. Привожу по Tangl: «Die päpstlichen Kanzleiordnungen» цитату изъ L. Gomez: Commentarii in regulas Cancellariae» (Romae. 1540)—«Circa primam quaestionem illud satis compertum est, regulas cancellariae sub Io. vigesimo secundo initium et originem habuisse. Nam in vetusto quodam membrano codice, quem vulgares *quinternum cancellariae apostolicae* vocant, primus omnium in ordine ponitur Io. XXII. regularum author» (f. I). Эта фраза съ вербальнымъ отличіемъ («à» вмѣсто «sub») повторена и въ Венеціанскомъ изданіи 1575 года («R. P. D. Ludovici Gomes, episcopi Sarnensis, Sacri Palatii auditoris—Commentarii in iudiciales regulas Cancellariae»), имѣющемся въ моей библіотекѣ, съ такимъ, носящимъ характеръ вывода, заключеніемъ: «nec ante ipsum alius Summorum Pontificum invenitur, qui hoc prius tentaverit».

2) «Index librorum manuscriptorum qui in archivio palatii Avenionensis reperti sunt tempore legationis — Octavii cardinalis de Aquaviva a. d. 1594» (Kehr, l. c., p. 4).

3) Joseph Teige: «Beiträge zum päpstlichen Kanzleiwesen des XIII und XIV Jahrhunderts» (въ «Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», Band XVII, pp. 408—440).

своеручной папской резолюціи, но такое умолчаніе еще не доказываетъ, что ни того, ни другого въ это время не существовало. Самый процессъ пріема супликъ и рѣшенія по нимъ записанъ очень точно: «Et nota, quod omnes littere beneficiales sunt legende coram domino papa. Leguntur primo in petitione, secundo in nota, tertio in littera grossa et aliter transire non sinuntur et per multas manus transeunt et magna maturitate decoquuntur»[1]). Ясно, что читаются—a) супплика, поданная папѣ, b) оригиналъ той littera gratiosa, которая должна быть выдана на основаніи рѣшенія папы, но что значитъ «secundo in nota»? Чернякъ ли это, сдѣланный аббревіаторомъ, для акта in littera grossa — или подъ именемъ *nota* тутъ разумѣется тотъ обычный впослѣдствіи экстрактъ супплики — «supplicat sanctitati vestre» и т. д., то есть настоящая signature en cour de Rome, на которой папа клалъ свою резолюцію[2]). И то, и другое толкованіе возможны, я не рѣшаюсь опредѣленно высказаться ни за первое, ни за второе[3]), но предполагаю, что автографическія резолюціи папъ въ это время еще не были въ обычаѣ.

Сохранившіеся регистры супликъ XIV столѣтія позволяютъ сдѣлать вполнѣ опредѣленные выводы относительно этого типа актовъ въ наиболѣе раннее время. Мы можемъ констатировать процессъ выработки въ строго опредѣленныя формулы—«signatura en cour de Rome» и «motu proprio».

Супплики XIV вѣка можно подраздѣлить на нѣсколько видовъ[4]):

---

1) Ibidem, l. c., p. 410.

2) Отмѣтимъ существованіе такихъ резолюцій, какъ: «Et quod transeat sine alia lectione. Fiat. R.» (12 Января 1344 года—Климентъ VI), см. H. V. Sauerland: «Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv», III Band, № 311.

3) Второе толкованіе возможно—такъ какъ, хотя «nota» и значитъ чернякъ, но, если черновой текстъ былъ редактированъ въ засѣданіи при папѣ, то стоило ли вновь перечитывать тотъ же текстъ по экземпляру, переписанному писцомъ—брассаторомъ? Надо впрочемъ отмѣтить и боязнь обмановъ («multas removens fraudes»), дѣлавшую папскую канцелярію особенно щепетильной.

4) См. Kehr: «Bemerkungen», pp. 9—14.

1) Отдѣльные документы и цѣлые столбцы (rotuli) супликъ подписывались папой на оригиналахъ, при чемъ въ регистры внесенъ цѣликомъ текстъ писемъ и прошеній, безъ всякой переработки in stylo curiae.

Это остатки стараго способа рѣшенія дѣлъ по супликамъ.

2) Обычнаго впослѣдствіи типа супплики съ изложеніемъ подлинника прошенія — «Supplicat S. V.», «Exponit S. V.», иногда «Dignetur S. V.», «Placeat S. V.», иногда съ «Beatissime Pater».

3) Супплики съ рѣшеніями motu proprio, то есть соединеніе какъ бы исключающихъ другъ друга понятій. Значеніе motu proprio еще не вполнѣ выяснено и нерѣдки резолюціи — «Fiat motu proprio ut petitur» (наприм., Иннокентія VI). Резолюція съ motu proprio есть знакъ отличія. «So wurden», говоритъ Kehr, «die Suppliken der Cardinäle regelmässig durch motu proprio erledigt» и [1]) приводитъ любопытную резолюцію: «Fiat de omnibus non cancellatis et *quantum ad cardinalem motu proprio* et dispensamus». Въ регистрахъ иногда резолюція motu proprio записывалась даже безъ указанія на подпись папы. Напримѣръ, просто: «Clemens VI motu proprio providet» (10 Августа 1347 г.)[2]). Возможно, значитъ, предположеніе, что и рѣшеніе motu proprio записано прелатами.

Отдѣльныя выраженія и формулы motus proprii вырабатываются постепенно раньше, чѣмъ кристаллизоваться въ ту форму, въ которой они вылились при Иннокентіи VIII.

Объединяющимъ Motus proprii и супплики отличіемъ отъ всѣхъ иныхъ документовъ является форма собственноручной ре-

---

1) Въ правилахъ папы Григорія XI—§ 6: «Item voluit dominus Gregorius XI quod in gratiis dominorum cardinalium de beneficiis vacantibus vel certo modo vacaturis qualitates beneficiorum, nisi essent dignitates maiores in cathedralibus post pontificales vel in collegiatis ecclesiis principales vel conventuales prioratus pro expressis habeantur et motu proprio facte censeantur, licet in supplicationibus vel in signationibus nihil exprimatur. VI. idus Septembr. anno I».

2) См. H. V. Sauerland: «Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv», III Band (Bonn. 1905), № 663.

золюціи папы. Что папы издревле мѣтили собственноручно свои буллы—это достаточно извѣстно, но когда какимъ образомъ — вопросъ не вполнѣ выясненный и котораго мы въ настоящей статьѣ можемъ не касаться. Для насъ достаточно сказать, что въ XII—XIII вв. папы подписывали большія буллы или привилегіи. Напримѣръ, въ «Constitutiones» папы Николая III—1278 года—читаемъ—«Privillegia communia non legebantur, sed scripta in grossa per vicecancellarium portabantur ad papam, ut signarentur»[1]). Что папа не подписывалъ цѣликомъ—«Ego N. catholice ecclesie episcopus ss.»[2]) — это убѣдительно доказалъ L. Delisle[3]) путемъ тщательнаго сличенія оригиналовъ, но писалъ ли Римскій первосвященникъ только буквы «ss», какъ, опять таки предположительно, нѣкоторые папы XII столѣтія[4]), или ставилъ крестъ въ ротѣ = кругѣ, являвшемся — «signum manuale» — «le seing manuel du pape», вопросъ, который рѣшается, кажется, въ пользу крестика. Въ формулахъ, которыя надо отнести ко времени папы Климента V (1305—1314), говорится, между прочимъ: «In rota nichil scribatur, quousque sit lectum privilegium et signatum per papam signo crucis»[5])

Значитъ мы имѣемъ точное указаніе о папской подписи въ видѣ крестика какъ разъ для того времени, къ которому относится упоминаніе древнѣйшаго изъ извѣстныхъ регистра супликъ.

---

1) M. Tangl, l. c., p. 73.

2) Оговоримся, что дѣло идетъ о XIII вѣкѣ. Для болѣе ранняго времени, между прочимъ, см. Julius v. Pflugk-Harttung: «Die Bullen der Päpste bis zum Ende des zwölften Jahrhunderts» (Gotha. 1901. 8⁰).

3) «Mémoire sur les actes d'Innocent III, suivi de l'itinéraire de ce pontife» (Paris. 1857. 8⁰).

4) A. Giry, l. c., p. 678 и особенно мнѣніе C. Paoli, l. c., III, 128—129.

5) M. Tangl, l. c., p. 304. О подписи папъ см. еще въ статьѣ Wilhelm Diekamp: «Zum päpstlichen Urkundenwesen des XI, XII und der ersten Hälfte des XIII. Jahrhunderts» («Mittheilungen des Instituts fur Österreichische Geschichtsforschung», III—1882), pp. 571—580. Замѣчательно, что для автографовъ папъ до сихъ поръ не сдѣлано даже того, что сдѣлалъ Cechetti для венеціанскихъ дожей, издавъ брошюру: «Autografi, bolle ed assisa dei dogi di Venezia» (Venezia. 1881. 8⁰ oblong).

Когда воспріяла начало подпись «fiat» съ прибавленіемъ одной буквы имени папы покрыто мракомъ неизвѣстности [1]). Мы

---

1) Объясненія происхожденія формулы очень интересны. Папа, викарій Іисуса Христа, творитъ милость, какъ Господь сотворилъ міръ. Ludovicus Gomes, episcopus Sarnensis, въ трудѣ своемъ—«Commentarii in iudiciales regulas Cancellariae» и «Venustum utriusque signaturae Compendium» объясняетъ: «Est in primis notandum, quod signatura gratiae olim, et hodie, ut dixi, per Papam, per verbum fiat conficiebatur, et non sine optima ratione, quia Papa solo verbo fiat, facit gratiam ...Nam cum papa Dei opt. maximi vices gerat, conveniens fuit, ut quo ad fieri potest eius vestigia imitetur. Et ideo sicut Ille rerum omnium opifex, cum dixit, fiat lux, statim sine aliquo intervallo facta est lux (ut patet Gen. c. I), sic papa ad eius similitudinem, cuius vicarius est, hoc verbo in signatura utitur, fiat gratia—et statim facta est...» (по изданію Venetiis. 1575. 4⁰, fol. 81 v.). Для объясненія почему папа подписываетъ свою резолюцію одной буквою: «qua re papa in signatura supplicationum primam literam nominis sui pontificatus non ponit, sed primam literam proprii nominis», тотъ-же Gomes даетъ (ibidem) длинное объясненіе, но на почвѣ умозаключеній и предположеній.

Разъ резолюція «fiat» была усвоена папами въ смыслѣ ихъ викаріатства Всевышняго Творца вселенной, то конечно подобною формулою не могли пользоваться простые епископы. Такъ оно и было въ періодъ, когда подобострастное толкованіе Gomes'а являлось отзвукомъ общепринятаго мнѣнія, но въ раннее время, когда формулы и ихъ объясненія лишь слагались, мы можемъ встрѣтиться съ исключеніями. Выше мы отмѣтили резолюцію папы съ «concessum», можно найти рѣшенія прелатовъ съ «fiat». Въ нашемъ дипломатическомъ собраніи имѣется небольшая коллекція документовъ XIII—XVI вв. по управленію Перуджей (см. аукціонъ Luzzietti, Февраль 1902 года). Между этими актами довольно много супликъ, подписанныхъ папскими администраторами Перуджи, и относящихся къ XV и XVI столѣтіямъ. Среди разнообразныхъ резолюцій на двухъ документахъ, датированныхъ (въ Перуджѣ) — 1) 28 Марта 1436 года (см. клише на стр. 136) и 2) 23 (дата запачкана чернилами другаго цвѣта, но предполагать поправку въ 26 нѣтъ основаній) Апрѣля того же 1436 года (см. клише на стр. 137), мы читаемъ формулу—«fiat ut petitur», подписанную «A. Prothonotarius de Albertis». Alberto di Alberti былъ администраторомъ Перуджи и 18 Декабря 1439 года папою Евгеніемъ IV (in tertia promotione) возведенъ въ кардинальское достоинство, принималъ участіе въ Флорентинскомъ соборѣ, умеръ 11 Августа 1445 года въ санѣ камерарія коллегіи кардиналовъ (см. у Eubel замѣчаніе подъ 4 Октября 1444 года: «Ioannes ep. Praenestinus, s. collegii camerarius, restituit sigillum dicti collegii praesentibus cardinalibus, in consistorio existentibus: quod quidem sigillum tenuit penes se dominus noster, ex eo quod card. «de Albertis, *qui illa die fuit creatus camerarius eiusdem collegii* pro anno, absens erat»). Въ статьѣ G. Bourgin: «La «familia» pontificia sotto Eugenio IV» напечатанъ списокъ, въ которомъ три протонотарія писаны послѣ патріарха, но передъ архіепископами. На основаніи труда V. F. Grimaldi: «Les congrégations romaines» (Sienne. 1890. 8⁰) G. Bourgin дѣлаетъ примѣчаніе, важное для насъ въ объясненіе значенія A. de Albertis: «Il posto dei protonotari

видѣли, что уже старѣйшія изъ сохранившихся «Regulae cancellariae apostolicae» приводятъ «Fiat. B.»—Іоанна XXII (1316—1334) и конечно нѣтъ основаній предполагать, что именно этотъ папа выдумалъ такую формулу[1]).

Тѣмъ не менѣе, при полномъ молчаніи источниковъ, мы не можемъ высказаться ни за, ни противъ. Есть свидѣтельство и очень важное, но я опасаюсь придать ему безусловную достовѣрность. Въ 1895 году Giuseppe Cozza-Luzi выступилъ съ статьею «Un autografo di Innocenzo IV e memorie di Santa Chiara di Assisi» (Roma. 1895. 4°)[2]), въ которомъ описалъ и издалъ фототипіей буллу папы Иннокентія IV, адресованную «Dilectis in Christo filiabus Clarae Abbatissae aliisque sororibus monasterii s. Damiani Assisinatis». При документѣ сохранилась свинцовая булла и онъ носитъ всѣ признаки подлинности[3]). Дата — «Quinto Idus Aug. pont. nostri anno XI» = 9 Августа 1253 года (въ Ассизи). Авторъ называетъ документъ «la solenne bolla», но на самомъ дѣлѣ это простая «littera gratiosa» «cum filis sericis». Cozza-Luzi разсказываетъ, что, какъ сохранились показанія современниковъ, находившаяся при смерти, св. Клара (скончалась 11 Августа 1253 года), получивъ буллу, многократно лобызала ее, но не удовлетворилась ея формой и просила подписи папы.

---

in questa lista mostra l'importanza del loro uffiicio. Solo nel 1459 Pio II stabili formalmente che i protonotari non avrebbero la precedenza sui vescovi». Въ спискѣ у G. Bourgin, относящемся къ 1447 году, A. de Albertis конечно не упомянутъ.

1) Слѣдуетъ обратить только вниманіе на то, что подпись «Fiat» въ старѣйшихъ резолюціяхъ (половина XIV столѣтія) весьма нерѣдко замѣняется иными выраженіями. Напримѣръ, въ супликахъ папы Климента VI очень много помѣтокъ—«Annuit. R.» и, что еще интереснѣе, простыя записи прелатовъ (позднѣйшее—«Concessum»)—«Annuit papa» безъ всякой подписи, встрѣчающіяся въ большомъ изобиліи. См. H. V. Sauerland, l. c., passim.

2) «Estratto dalle Dissertazioni della Pontificia Accademia Romana di Archeologia» (Serie II, Tomo VI).

3) Описывая буллу, авторъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Il testo non si trova ne' Regesti, il che forse indica che fu fatta con quella sollecitudine che fece tralasciarne la registrazione (*предположеніе сомнительное*). Vedi il Potthast. Attendiamo quello che ne dirà il Berger completando il suo lavoro».

О томъ, что папа писалъ что то собственноручно, объ этомъ записаны разнообразныя преданія [1]), которыя разнорѣчиво толковались изслѣдователями и біографами. Cozza-Luzi внимательно изслѣдовалъ подлинную буллу и на красшкѣ лѣваго верхняго угла замѣтилъ надпись мелкой скорописью, выцинявшую отъ времени и едва замѣтную; въ ней то прочёлъ онъ съ немалымъ трудомъ слѣдующее [2]):

«Ad instar fiat. S. Ex causis manifestis mihi
et protectori fiat ad instar».

Буква «S»—есть первая буква имени папы Иннокентія IV—«Sinibaldus». Передъ нами, значитъ, собственноручная резолюція папы типа позднѣйшихъ резолюцій на супплпкахъ.

Cozza-Luzi справедливо видитъ въ этой надписи—«un favore non solo raro, ma che non ebbe mai simile».

Составъ резолюціи, какъ бы состоящей изъ двухъ частей, въ сущности повторяющихъ другъ друга, упоминаніе протектора, почеркъ, самое мѣсто, выбранное папою на самомъ краю документа — все возбуждаетъ во мнѣ сомнѣнія [3]).

По сборникамъ «Regulae cancellariae apostolicae», по разнымъ «Constitutiones», формуляріямъ и подлиннымъ, наконецъ,

---

1) Cozza-Luzi, l. c., p. 79—a) Bartolomeo da Pisa — «regulam pauperum petiit et obtenuit, cuius principium ipse pontifex plorando ex devotione scripsit»; b) Rodolfo da Tossignano: «pontifex propria manu ex devotione conscripsit».

2) «Le sopra riferite parole furono sinora ignote; e noi avemmo la grande ventura di poterle con molta difficoltà leggere sull'estremità della pergamena, ove ora le facemmo risuscitar ben distinte, e facemmo pur fotografare» (l. c., p. 80).

3) Жаль, что Maurice Prou не коснулся этой статьи Cozza-Luzi въ своемъ превосходномъ обзорѣ: «Paléographie et diplomatique de 1888 à 1897» (Paris. 1899. 8°), гдѣ онъ много говоритъ о сомнительныхъ документахъ и, между прочимъ, по поводу изданныхъ въ извѣстномъ австрійскомъ органѣ «Mittheilungen des Instituts für Öster. Geschichtsforschung» (t. XVII, pp. 666—668) автографическихъ подписей Рудольфа Габсбургскаго, Адольфа Нассаускаго и Альберта Австрійскаго, высказывается (вмѣстѣ впрочемъ съ авторомъ замѣтки:) «Les signatures prétendues autographes de Rodolphe de Habsbourg, des rois Adolphe de Nassau et Albert d'Autriche *sont fausses*» (p. 92).

регистрамъ мы можемъ установить какими буквами подписывались папы XIV и XV вѣковъ:

Іоаннъ XXII (1316–1334)[1])–«B» (?) (Jacobus Deuza Caturcensis).

Бенедиктъ XII (1335 — 1342)[2])—«B» (?) (Jacobus Novelli al. Furnarii de Savarduno).

Климентъ VI (1342—1352)[3])—«R» (Petrus Rogerii).

Иннокентій VI (1352—1362)[4])—«G» (Stephanus Alberti Lemovicensis); «B» (!?).

Урбанъ V (1362—1370)[5])—«B» (Guilelmus Grimoaldi или Grimoardi, natione Gabalitanus de loco de Grisaco[6]).

Григорій XI [1370 (1371)—1378][7])—«R» (Petrus Rogerii).

Урбанъ VI (1378 — 1389) — неизвѣстно — (Bartholomaeus Prignanus).

Климентъ VII (1378—1394)[8])—«G» (Robertus e com. Gebennen.) = Gualtier Grimaud. «Innocentio VI supplicat Robertus natus comitis Gebennensis»; «Innocentius VI Roberto nato Amedei comitis Gebennensis indulget»[9]).

---

1) Ottenthal, l. c., pp. 2—7.

2) Ottenthal, l. c. p. 9.

3) Kehr, l. c., p. 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74. См. «Quellen zur Lothringischen Geschichte» [Band. II: «Vaticanische Urkunden und Regesten» (von H. V. Sauerland) Metz .1905. 8°], стр. 7, 11, 14, 16, 33, 36, 39. «Urkunden und Regesten zur Geschichte der Rheinlande aus dem Vatikanischen Archiv gesammelt und bearbeitet von H. V. Sauerland». Dritter Band: 1342—1352 (Bonn. 1905. 8°), №№ 16, 28, 32, 72, 74, 145, 148, 145, 148, 155—157, 170, 173, 311, 473, 873, 876, 877.

4) Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74; Kehr, l. c.; «Regulae» однообразно и недостовѣрно показываютъ букву «B» у папъ Іоанна XXII, Бенедикта XII и Иннокентія VI (!). «Quellen zur Lothringischen Geschichte», l. c., стр. 118, 120, 123 (всюдѣ «G»).

5) Kehr, l. c., 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74. «Quellen zur Lothringischen Geschichte», l. c., стр. 263. «Jahr-Buch der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde», Jahrg. XV (1903), стр. 466, 467, 474.

6) См. J. H. Albanes: «Actes anciens et documents concernant le bienheureux Urbain V Pape» (Paris – Marseille. 1897. 8°).

7) Ottenthal, l. c., p. 31.

8) Kehr, l. c., p. 18 (101); Munch-Löwenfeld, l. c., p. 74.

9) «Jahrbuch der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde», XV Jahrgang (1903), стр. 469—471. Другія упоминанія тамъ же какъ—«Robertus de Gebenna» и «Robertus de Gebennis».

Бенедиктъ XIII (1394—1424)[1] — мнѣ неизвѣстно — Petrus de Luna).

Бонифацій IX (1389 — 1404)[2] —«P» (Perinus seu Petrus Tomacellus).

Иннокентій VII (1404—1406)[3] —«C» (Cosmas de Melioratis).

Григорій XII (1406—1409)[4] —мнѣ неизвѣстно (Angelus Corrarius Venetus).

Александръ V (1409—1410)[5] —«P» (Petrus Philaretus al. Philargus de Candia).

Іоаннъ XXIII (1410—1415)[6] —«B» (Balthasar Cossa Neapolitanus).

Мартинъ V (1417—1431)—«O.» (Oddo de Columna).

Евгеній IV (1431—1447) — «G.» (Gabriel Condulmarus или Condolmerus).

Николай V (1447—1455)—«T.» (Thomas Parentucelli de Sarzana).

Каликстъ III (1455—1458)—«A.» [Alfonsus Borja (Borgia)].

Пій II (1458—1464) «Є.» (Aeneas Silvius Piccolomini).

Павелъ II (1464—1471)—«P.»[7] (Petrus Barbus).

---

1) Я не нашелъ свѣдѣній о томъ, какой буквой этотъ папа подписывалъ свои резолюціи. Въ «Calendar of entries in the Papal Registers relating to Great Britain and Ireland: Petitions to the Pope (vol. I.—[1342—1419]. London. 1896) напечатанъ перечень весьма значительнаго количества супликъ папы Бенедикта XIII, къ сожалѣнію формы резолюцій не приведены, хотя отмѣчены всѣ акты — «motu proprio».

2) Ottenthal, l. c., p. 60. Erler, l. c., p. 44, 45. Camillus Krofta: «Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia», tomus V (Pragae. 1903. 8⁰). p. V: «Registra supplicationum copias petitionum summo pontifici porrectarum continebant, quae aut singulae, aut plures numero in unum rotulum coniunctae in eis describebantur. In fine supplicationum decisio pontificis (Fiat; Fiat ut petitur etc.) annotata est, adiuncta littera *P.*, per quam sine dubio nomen papae, quod ante suam coronationem habuit, designatur (Petrus Tomacelli), porro data huiusmodi decisionis, quae etiam in litteras super gratia per eandem decisionem concessa transibat».

3) Ottenthal, l. c., p. 82.

4) Нѣтъ указаній въ первоисточникахъ.

5) Ottenthal, l. c., p. 163, 167.

6) Ottenthal, l. c., p. 184.

7) M. Tangl, l. c., p. 193 (2 Мая 1465); 309.

Сикстъ IV (1471—1484)—«F.»[1] (Franciscus della Rovere).
Иннокентій VIII (1484—1492)—«I»[2] (Ioannes Baptista Cybó).
Александръ VI (1492—1503)—«R»[3] (Rodericus de Lanzol-Borja=Borgia)[4].

1) M. Tangl, pp. 207, 215, 425.

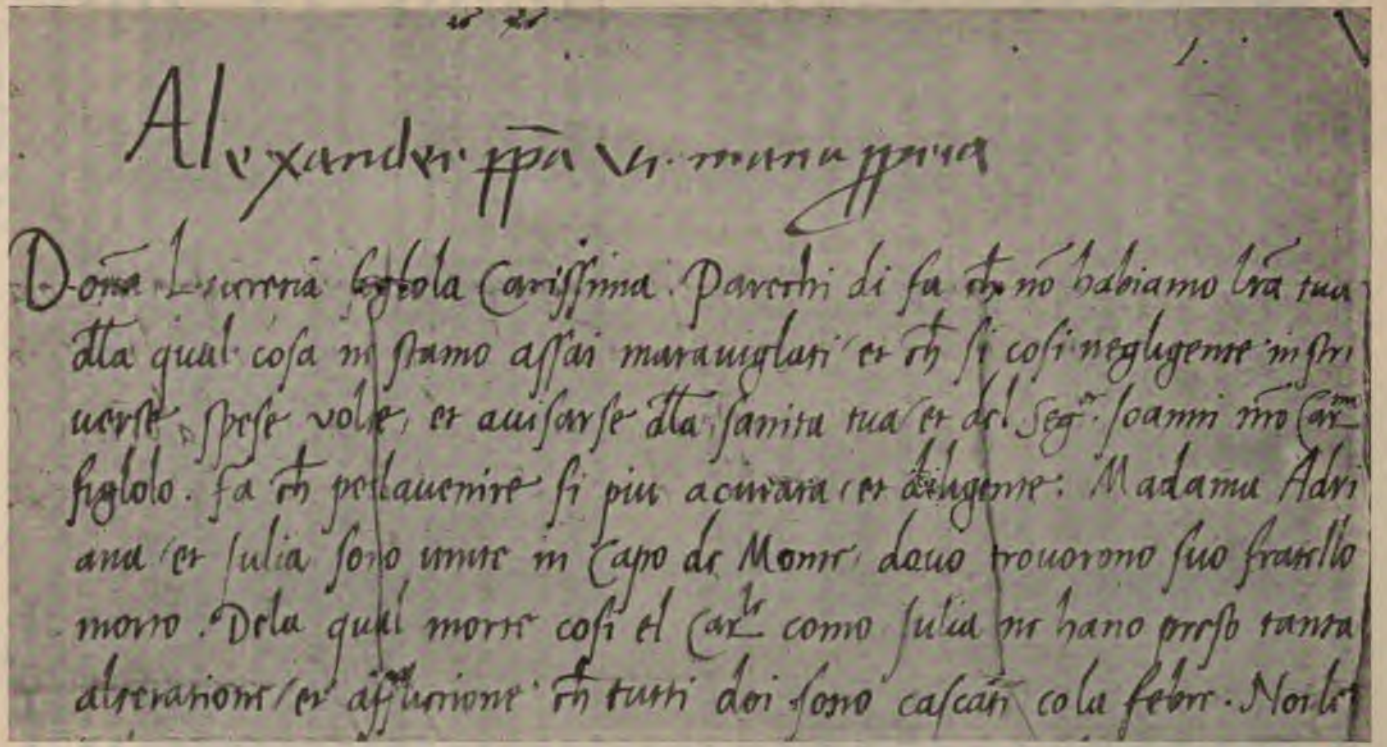
2) Ibidem, l. c., p. 222.

3) Ibidem, pp. 224, 225, 227.

4) Выше мы упомянули о документѣ 1497 года, который находился въ коллекціи графа Раат (№ 1857), и былъ проданъ въ Берлинѣ въ 1893 году, съ резолюціями папы Александра VI «Fiat motu proprio. B.» и «Fiat. B.». Сравнительная рѣдкость автографовъ папы Александра VI и его весьма своеобразная манера въ начертаніи буквы «*B*» ввели составителей каталога въ заблужденіе. Такъ какъ буква «*B*» есть первая буква фамиліи папы и вопросъ о томъ не подписывалъ ли папа Александръ VI своихъ резолюцій и буквою «B» является весьма существеннымъ въ вопросѣ о значеніи буквъ папскихъ подписей, мы даемъ два клише съ автографическихъ сигнатуръ Александра VI. Стр. 143 настоящей статьи занята снимкомъ съ письма папы къ дочери его, знаменитой Лукреціи Борджіа. Оригиналъ письма хранится въ Флорентинскомъ архивѣ. Собственноручно написана только первая строка: «Alexander ppa VI manu ppria», остальной текстъ письма продиктованъ *). Почеркъ папы чрезвычайно типиченъ по своей лапидарности. Еще оригинальнѣе резолюціи на супликахъ. Помѣщенное на стр. 145 клише представляетъ снимокъ съ резолюціи «Fiat ut petitur. B.», находящейся на супликѣ на бумагѣ. Оригиналъ документа (въ фрагментарномъ состояніи) находится въ моей коллекціи, написанъ на открытомъ листѣ тонкой бумаги съ знакомъ—птица въ кругу. Начало акта изорвано — недостаетъ первой строки и вслѣдствіе этого регистратурной помѣты на оборотѣ. Но имя регистратора есть: «J. de Bonaparte»= Jacobus de Bonaparte, magister registri supplicationum», отмѣченный въ этомъ званіи въ «Iohannis Burchardi rerum urbanarum commentarii» (t. II, 488) подъ 12 числомъ Іюня 1498 года. Датирована супплика: «Dat. Rome apud Sanctum Petrum Quarto. Id. Decembris. Anno quinto», что равняется 10 Декабря 1496 года.

Въ томъ, что подпись на принадлежащемъ мнѣ документѣ дѣйствительно автографъ папы Александра VI, я имѣлъ случай убѣдиться по экземпляру иллюминованной супплики, находящемуся въ собраніи извѣстнаго римскаго коллекціонера Luigi Azzolini dei Manfredi. Эта послѣдняя супплика написана на листѣ пергамена размѣромъ $43 \times 34^1/_2$ сант., подпись дважды—а) «Fiat ut petitur.

*) Я предпочелъ дать клише съ невоспроизведеннаго l. s., вмѣсто того, чтобы повторить (хотя и очень типичный) снимокъ съ собственноручнаго письма папы Александра VI къ той же Лукреціи Борджіа (оригиналъ въ архивѣ въ Моденѣ) приложенный, какъ таблица I, къ книгѣ: F. Gregorovius: «Lucrezia Borgia» (переводъ Raffaele Mariano), Firenze. 1874. 8°. При этомъ изданіи имѣются также снимки съ писемъ Лукреціи Борджіа и Цезаря Борджіа.



Собственноручная подпись папы Александра VI на продиктованномъ имъ письмѣ къ дочери, знаменитой Лукреціи Борджіа.

Изъ приведеннаго списка мы видимъ, что всѣ папы съ исхода XIV столѣтія, начиная съ Бонифація IX, ставили въ резолюціяхъ первую букву имени, которое они носили до вступленія на папскій престолъ. Что же касается до папъ XIV вѣка, то оказывается, что эти буквы имени папъ не соотвѣтствуютъ. И не принимая во вниманіе ошибочное показаніе сборника «Regulae Cancellariae Apostolicae» для старѣйшихъ папъ Іоанна XXII, Бенедикта XII и Иннокентія VI, которое, думается, можно исправить, предположивъ во всѣхъ трехъ случаяхъ смѣшеніе двухъ схожихъ въ скорописи буквъ «B» и «G», ни одна буква резолюціи всѣхъ другихъ папъ не сходится съ ихъ именемъ.

H. Bresslau высказался, что въ XIV столѣтіи папы брали въ этомъ случаѣ «wie es scheint, eine willkürlich gewählte Chiffre»[1]). Таково же мнѣніе и Kehr'a: «Es scheint demnach, das die Päpste des 14. Jahrh. sich willkürlich eines *beliebigen* Buchstabens zur Signirung der Suppliken bedienten»[2]). Почти тоже находимъ и у Löwenfeld'a[3]).

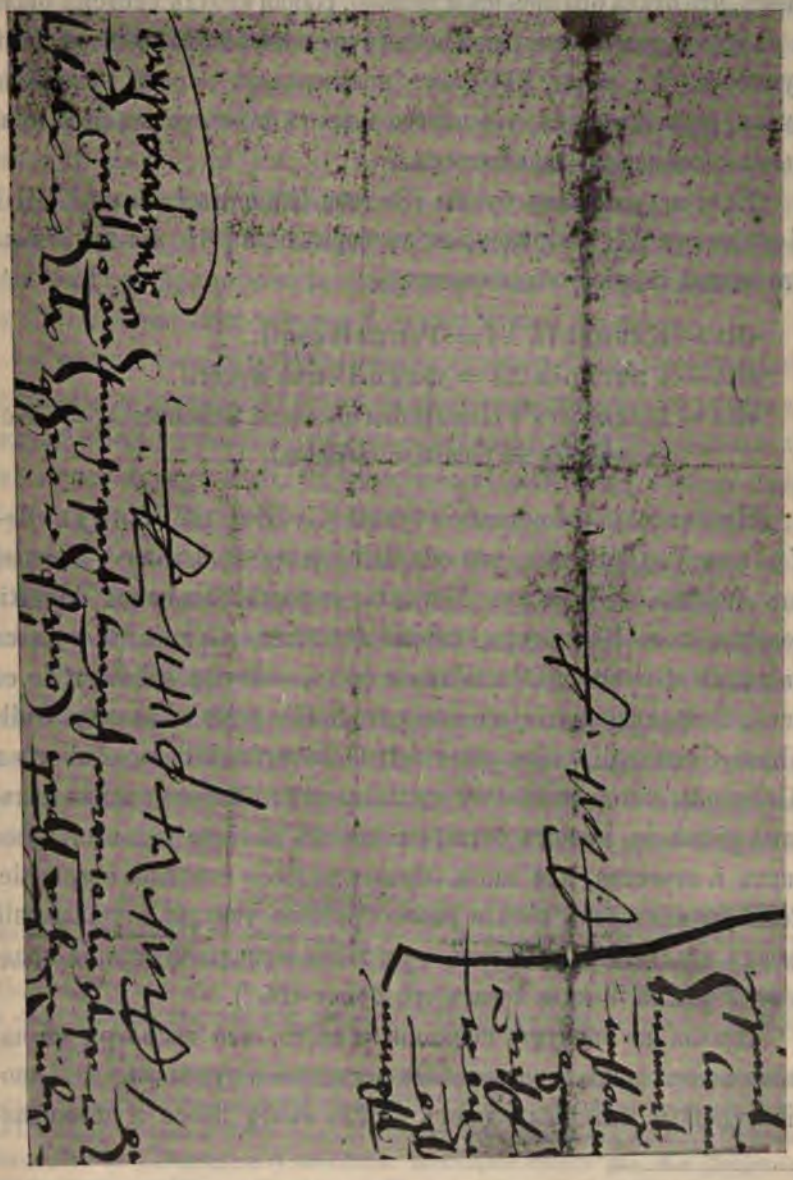
R» и b) «Fiat. R.», совершенно тожественна съ автографомъ на принадлежащемъ мнѣ документѣ. Актъ собранія Azzolini касается трехъ негоціантовъ «Ulrico Fugger d'Augusta mercante in Roma» и его товарищей «Giovanni e Giorgio Tursz di Cracovia». Въ строкѣ, содержащей «Beatissime Pater», буквы въ 3 сантиметра высотою, въ орнаментѣ пять изображеній: 1) въ буквѣ «B» апостолы Петръ и Павелъ, 2) въ серединѣ Нерукотворный ликъ, 3) въ углу гербъ папы, увѣнчанный ключами и тіарой, 4) и 5) по бокамъ два герба, вѣроятно, фамилій просителей. По обыкновенію, супплика не датирована совсѣмъ, но гербъ папы опредѣляетъ время съ полной несомнѣнностью.

Буква «R» въ автографахъ Александра VI настолько оригинальна по начертанію, что неудивительно, почему составители каталога коллекціи графа Paat приняли ее за букву «B».

1) «Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien» (L. 1889), p. 738.

2) P. Kehr: «Bemerkungen», p. 18 (101).

3) P. A. Munch (Löwenfeld): «Aufschlüsse über das Päpstliche Archiv» (Berlin. 1880), p. 74: «Man ist daher zu der Annahme genöthigt, entweder das jeder Papst zu diesem Zwecke einen willkührlichen Buchstaben gewählt, oder dass er selbst nur das Fiat geschrieben und der vortragende Notar oder Kanzler zur weitern Bestätigung seinen Namen hinzugefügt habe» (послѣднее предположеніе совсѣмъ невѣроятно).



Собственноручная резолюція папы Александра VI:
«Fiat ut petitur. R.» и «Fiat R.».

Трудно согласиться, зная обычаи папской канцеляріи, съ мнѣніемъ, что буква бралась произвольно. Какая нибудь система была и въ этомъ, только кажущемся намъ произвольнымъ, выборѣ. Мнѣ думается, что папы XIV вѣка пользовались первой буквой не имени, а своего рода, что иногда можетъ и не сходиться съ прямымъ фамильнымъ прозвищемъ.

Если мы откинемъ буквы «B» (или G?) папъ Іоанна XXII и Бенедикта XII — найденныя въ формуляріи, то мы замѣтимъ, что нашей теоріей объясняются:

«R» — Климента VI = Petrus Rogerii.
«R» — Григорія XI = также Petrus Rogerii.
«G» — Климента VII = «Robertus e com. Gebennеñ.» (= «Женевскій» = Gualtier Grimaud)[1]).

Необъяснимыми остаются буквы «G» – Иннокентія VI и «B» – Урбана V. Отмѣтимъ, что оба папы были французы — первый изъ Лиможа, второй изъ Марселя; первый Stephanus Alberti, родился около Помпадура, второй Guilelmus Grimoardi родился въ замкѣ «Grisac en Gévaudan» и былъ—«fils du seigneur de ce lieu». Старинное житіе его говоритъ: «Hic prius vocatus est Guillelmus Grimoardi, cujus pater fuit Grimoardus miles». «Aubert» и «Grimaud», которыя обычно прилагаются къ именамъ этихъ папъ, какъ *фамиліи*, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ не родовыя прозвища, а отчества, или вновь образовавшееся семейное прозваніе. Сеньёры мѣстечекъ носили разнообразные титулы отъ названій своихъ владѣній и, думается,—въ генеалогической исторіи предковъ Урбана V надо искать его букву «*B*»[2]).

Нельзя не обратить вниманія и на то, что несмотря на начинающееся лишь использованіе регистровъ супликъ, и немногіе изданные матеріалы даютъ иногда нѣчто новое и неожидан-

---

1) Отмѣтимъ, впрочемъ, и форму имени: «Gualtier».

2) Если только не предполагать маловѣроятное означеніе ордена — «Бенедиктинецъ».

ное. Такъ въ трудѣ E. Moltesen: «Acta Pontificum Danica»[1]) напечатаны четыре супплики папы Климента VI, изъ которыхъ одна отъ 19 Мая 1345 года (№ 324) имѣетъ обычную резолюцію «Fiat. R.», а три—отъ 13 Января 1344 (№ 311), отъ 30 Іюля 1346 года (№ 338) и отъ 7 Августа 1346 (№ 336) подписаны «Fiat. P.», то есть по первой буквѣ *имени* папы «Petrus». Такъ какъ въ трехъ суппликахъ буква «*P*» повторяется пять разъ и о случайной опечаткѣ не можетъ быть и рѣчи, то мы имѣемъ дѣло (если не предположить невѣрнаго чтенія ученаго редактора) съ двумя формулами резолюцій одного и того же папы.

Систематическій выводъ о подписяхъ папъ буквою имени колеблется иногда сомнѣніями и въ позднѣйшее время (наприм., разъясненный нами ложный случай, что Александръ VI, будто бы, подписывался буквою *B*)[2]). Возникаетъ недоразумѣніе, почему папа Григорій XIII (1572—1585) подписывалъ свои резолюціи буквою «*V*», тогда какъ онъ былъ—«Hugo Boncompagnus», родомъ изъ Болоньи, кардиналъ (по титулу) Св. Сикста (Sanctus Sixtus in Piscina) съ 12 Марта 1565 года? А именно эту букву мы найдемъ на оригинальныхъ изданіяхъ разныхъ ««constitutiones» и «motus proprii» этого папы. На прилагаемой табл. XIV изображена супплика Тиверія Мандозія (Tiberius Mandosius, laicus), съ резолюціями папы—«Fiat ut petitur. V» и «Fiat. V.» и датированная 16 Сентября 1575 года («Datum Rome apud Sanctum

1) E. Moltesen: «Acta pontificum Danica. Pavelige Aktstykker vedrorende Danmark 1316—1536. I. Bind (1316—1378). København. 1904. 8⁰. Moltesen издалъ рядъ суппликъ папъ Иннокентія VI (1352—1362)—съ резолюціями «Fiat. G» (№№ 443, 452, 497, 507) и еще болѣе папы Урбана V (1362—1370) съ «Fiat. B» (№№ 554, 559, 576, 577, 578, 579, 589, 592, 598, 601, 603, 616, 619, 620, 630, 631).

2) Сомнительное начертаніе буквы «R» въ подписи папы Александра VI дало поводъ къ напечатанію его резолюціи съ буквою «B». Еще болѣе невѣроятенъ примѣръ подписи папы Льва X буквою «A» вмѣсто «I», приведенный въ «Inventaire des autographes et documents historiques réunis par M-r Benjamin Fillon décrits par Étienne Charavay» (Tome troisième. Paris. 1900. 4⁰) при описаніи документа подъ № 2440 (1519 года). Архивистъ-палеографъ E. Charavay пользуется (и послѣ смерти) въ области изученія автографовъ высокой репутаціей, но кому же несвойственно ошибаться.

Marcum Sextodecimo Kl. Octobris Anno Quarto»). Эта таблица удостовѣряетъ фактъ выдачи супликъ на руки и даетъ образецъ резолюціи папы Григорія XIII съ буквою «V». Въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ автографомъ папы; передъ нами не подлинная супплика или signature en cour de Rome, но ея оффиціальная и современная копія съ точнымъ указаніемъ — «sumptum ex registro supplicationum» «per me Sebastianum Stuninum(?) ejusdem registri Magistrum»[1]). Въ удостовѣреніе приложена особая канцелярская печать (съ ключами св. апостола Петра)[2]) и на оборотѣ помѣченъ № книги регистра «L. 8, fol. XI». Имя папы, его резолюція, дата и удостовѣреніе «sumptum» — написаны рукою самого магистра регистровъ супликъ. Такимъ образомъ и засвидѣтельствованное извлеченіе изъ регистра супликъ является въ роли самостоятельнаго документа.

Для объясненія того, почему папа Григорій XIII выбралъ для своихъ резолюцій букву «V», можно было бы сдѣлать нѣсколько предположеній, но, если мы вспомнимъ смѣшеніе въ начертаніяхъ буквъ «U» и «V» въ XVI столѣтіи, то дѣло объяснится весьма просто — итальянской формой имени Hugo = Ugo.

По поводу супликъ XIV столѣтія P. Kehr выразился слѣдующимъ образомъ: «der Umstand, dass sich meines Wissens *keine* Originalsuppliken des 14. Jahrh. *erhalten haben*, erschwert uns, festzustellen, in welcher Weise dem Papste die Originalsuppliken vorgelegt worden sind» (p. 15)[3]).

По моей просьбѣ Е. Ф. Шмурло навелъ справку въ Ватиканскомъ архивѣ и извѣстилъ меня, что «точнаго подсчета имѣю-

---

1) Подлинникъ въ собраніи автора (изъ коллекціи Росси).

2) Къ сожалѣнію фотографія не воспроизвела слабый рельефъ печати, ясно видимый при боковомъ освѣщеніи.

3) Breslau, l. c., p. 682—дѣлаетъ слѣдующее ограниченіе: «Die Annahme Kehr's dass sich Originalsuppliken des 14. Jahrhunderts nicht erhalten haben, bedarf einer Einschränkung. Seiner Aufmerksamkeit entgangen sind die für unsere Kenntnis sehr wichtigen Suppliken des Erzbischofs Pileus von Ravenna etwa aus dem Jahre 1371, welche Tarlazzi (2, 319 ff) herausgegeben hat. Ob die im

щихся на лицо въ архивѣ подлинныхъ супликъ за XIV и XV вѣка (до Сикста IV)[1]) администрація не имѣетъ. Мнѣ были показаны десятка два такихъ супликъ за XIV вѣкъ, но всѣ онѣ безъ fiat. Во всякомъ случаѣ категорически утверждать, что за указанный періодъ нѣтъ оригинальныхъ супликъ съ fiat было бы преждевременнымъ».

Указаніе Е. Ф. Шмурло имѣетъ большую важность. Значитъ оригинальныя супплики, хотя бы съ «concessum» имѣются не только со времени папы Сикста IV, но даже отъ XIV столѣтія.

Вообще же, какъ я уже высказывалъ, печатный матеріалъ для рѣшенія вопроса о количествѣ сохранившихся подлинниковъ—«signatures en cour de Rome»—крайне скуденъ. Число оригиналовъ настолько ограничено, что даже памятники исхода XV столѣтія

---

erzbischöflichen Archiv beruhenden Stücke nicht abgesandte Original-Suppliken oder Abschriften von solchen sind, die man zurückbehalten hat, sagt Tarlazzi nicht, macht aber für unsere Zwecke kaum einen Unterschied aus». Въ «Bibliothèque de l'École des Chartes» за 1905 годъ (LXVI, № 1) среди «nouvelles acquisitions du Département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale» (1903—1904) показанъ (стр. 22) подъ № 1887 сборникъ: «Recueil de lettres, suppliques, etc. provenant de la chancellerie pontificale d'Avignon». Этотъ сборникъ состоитъ изъ 89 листовъ (= подлинныхъ документовъ частью въ цѣломъ видѣ, частью въ фрагментарномъ состояніи, на бумагѣ) и подаренъ библіотекѣ г. Liabastres, который нашелъ этотъ кладъ въ старомъ переплетѣ: «J'ai découvert tout récemment des pièces et fragments de pièces extraites sûrement, à une époque indéterminée, d'un portefeuille de l'archevêché d'Embrun. Ils formaient les plats d'une reliure hors de service jetée, je ne sais quand, au fond d'une caisse reléguée dans une des salles de la Bibliothèque et remplie de papiers hors d'usage destinés à être brûlés» (Liabastres: «Découverte à Carpentras de pièces manuscrites du XIV-e siècle provenant de l'archevêché d'Embrun» (Aix. 1904. 8°), отд. отт. изъ: «Annales de la Société d'études provençales», 10 pp.). H. Omont, описывая сборникъ, прибавляетъ, что: «quelques pièces de même provenance, conservées à Carpentras ont été publiées par M. Liabastres». Значитъ изданные въ указанной брошюрѣ документы не попали въ Національную Библіотеку, въ сборникѣ которой глухо помѣчены «suppliques» и «memoriale fratris Johannis de Padua». Въ брошюрѣ Liabastres среди весьма интересныхъ въ дипломатическомъ отношеніи подлинныхъ писемъ XIV столѣтія—супликъ нѣтъ.

1) Время ограничено согласно съ моимъ вопросомъ.

описываются какъ выдающіяся рѣдкости[1]). Мы выше отмѣтили изданные экземпляры, которые были написаны съ формулой для выдачи и *несомнѣнно* были выданы на руки. Въ дополненіе укажемъ на «супплику» папы Александра VI, изданную F. A. von Lehner, которая имѣетъ въ началѣ разукрашенную букву «B» въ 57 миллиметровъ высотою, а вся остальная формула «Beatissime pater» выписана буквами въ 25 сантиметровъ, актъ украшенъ гербомъ папы. «Signature en cour de Rome pour une réduction d'obit» (отъ 10 Іюня 1472 года), изданная геліогравюрою въ «Recueil de Fac-similés á l'usage de l'École des Chartes» менѣе изукрашена, но всетаки носитъ характеръ особой тщательности въ письмѣ съ явнымъ стремленіемъ придать оригиналу красивый видъ.

Интересна по красотѣ орнаментики и другая супплика Александра VI, находящаяся въ Римѣ въ собраніи Azzolini, но всѣхъ прекраснѣе по стильности signature en cour de Rome папы Иннокентія VIII, изданная L. Schmitz-Kallenberg'омъ въ «Practica Cancellariae Apostolicae saeculi XV exeuntis»[2]).

Мы видимъ, что все, что воспроизведено и указано, относится ко времени папъ Сикста IV, Иннокентія VIII, Александра VI. Рядомъ съ этимъ мы выяснили, что теоретически начало регистровъ суппликъ уходитъ по крайней мѣрѣ къ началу XIV столѣтія. Супплики несомнѣнно существовали за долго до папы Сикста IV, но вопросъ въ томъ редактировались ли онѣ въ видѣ «signatures en cour de Rome» и выдавались ли на руки, какъ осо-

---

1) F. A. von Lehner: «Supplik des Frauenklosters Inzigkofen (bei Sigmaringen) an Papst Alexander VI» (въ «Neues Archiv», XIX—1893, стр. 468—473). Оригиналъ находится въ Hofbibliothek zu Sigmaringen», и представляетъ пергаменный листъ 46 × 32 сант. Резолюція обычной формы—«Fiat ut petitur. R.». Авторъ статьи дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Dass *jeder Registraturvermerk auf dem Blatt fehlt*, könnte der Vermuthung Raum geben, dass durch Brisachers Einfluss die Sache auf Nebenwegen durchgebracht wurde, um die Sporteln zu sparen». Объясненіе, въ которомъ позволительно сомнѣваться.

2) Münster. 1904. 8⁰, см. табл. VI (но не помѣченная номеромъ, см. стр. XVII).

бый типъ документовъ. Отмѣченный нами фактъ существованія записей супликъ въ частныхъ сборникахъ актовъ намекаетъ на рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ.

Разысканія подлинниковъ въ архивахъ должны подтвердить такой выводъ. Въ «Repertorium Germanicum» (pontificat Eugens IV) сказано: «Die Originalsuppliken gelangten *später* an die Petenten zurück, und so finden sich *solche* in deren Archiven, in Wien, München usw» (p. XVIII), но къ сожалѣнію это указаніе на многочисленность оригиналовъ отнюдь не должно быть относимо къ понтификату Евгенія IV. Много ли сохранилось вообще супликъ XV столѣтія — вопросъ, который я затрудняюсь рѣшить по даннымъ литературы и моимъ свѣдѣніямъ, но думаю, что количество ихъ довольно значительно для послѣдней четверти XV вѣка и сравнительно весьма не велико для болѣе ранняго времени. Кромѣ того въ данномъ случаѣ необходимо разграничить два типа супликъ — «in forma beatissime pater» и «sub simplici signatura»[1]). Онѣ различаются не только по внѣшнему виду, но и по степени рѣдкости и количеству сохранившихся оригиналовъ. Супплики на бумагѣ и безъ формулы — «quod sola signatura sufficiat» — также выдавались на руки — это несомнѣнно по тѣмъ экземплярамъ, которые находятся въ различныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ[2]).

Старѣйшая изъ напечатанныхъ по оригиналу и факсимилированныхъ супликъ датирована 10 Іюня 1472 года (папа Сикстъ IV) и принадлежитъ къ типу актовъ съ «Beatissime Pater», старѣйшая изъ супликъ «sub simplici signatura», изданная Tangl'емъ, помѣчена 9 Февраля 1488 года (папа Иннокентій VIII). На таблицахъ XV и XVI мы воспроизводимъ суплику «sub simplici signatura», относящуюся ко времени папы

1) Schmitz-Kallenberg: «Practica Cancellariae Apostolicae», p. XXI.

2) Значительная часть папскихъ автографовъ, поступавшихъ въ продажу по аукціоннымъ каталогамъ, состоитъ именно изъ супликъ.

Сикста IV и найденную нами въ архивѣ Болоньи[1]). Несмотря на то, что она написана на простой бумагѣ и съ заключительной формулой «et per breve S^tis V», въ началѣ ея имѣется обращеніе «Beatissime Pater!» Просьба исходитъ отъ «deuotorum oratorum S. V. Sebastiani Stephani de Agitiis ac Dominici de Porta, ciuium ciuitatis Vestre Bononiensis...». Датирована: «Datum in Rocha pape Tusculañ. diocesis undecimo Kln. Octobr. Anno quinto»—то есть 22 Сентября 1475 года; резолюція папы написанная несомнѣнно тѣмъ же почеркомъ, что и на изданной супликѣ 1472 года, гласитъ: «Fiat ut petitur. F.» и Fiat. F.» Помѣта на оборотѣ даетъ весьма любопытное указаніе на значеніе документа: «Introclusa al Breue di Sisto 4-to spedito sotto di 28 Settembre 1475»; другая помѣта регистратурная: «Libro secundo, fol. LXXXII» и въ буквѣ «R» имя регистратора, которое я читаю, какъ: «P. de Santo Angelo» (?)[2]).

Такимъ образомъ передъ нами супплика времени папы Сикста IV безъ заключительной формулы «quod sola signatura sufficiat», но съ «beatissime pater».

На таблицахъ XVII и XVIII я позволилъ себѣ воспроизвести въ виду его выдающагося интереса, подобный же документъ, находящійся въ моемъ личномъ собраніи[3]). Внѣшній видъ супплики замѣчательно схожъ съ только что описанной супликой папы Сикста IV[4]), равно какъ и съ супликой папы Иннокентія VIII,

---

1) Этотъ архивъ долженъ быть богатъ супликами, такъ какъ Болонья въ пору образованія и развитія этого рода документовъ состояла подъ папскимъ управленіемъ. Jean Guiraud въ книгѣ своей: «L'État Pontifical après le Grand Schisme» (Paris. 1896. 8°), говоритъ: «Plusieurs historiens ont dit que Bologne n'avait été réunie au domaine pontifical que sous Jules II, en 1512. Rien n'est plus faux que cette assertion; Bologne, en effet, n'a jamais été aliénée par l'Eglise romaine» (p. 226).

2) Есть и еще помѣты—одна о взятой пошлинѣ, а другая «℔ Bastiano» (кто этотъ Bastianus, мнѣ не удалось опредѣлить).

3) Происходитъ изъ старинной коллекціи автографовъ архіепископа Angelini (которая была пріобрѣтена Giancarlo Rossi, потомъ Leo Liepmannssohn, потомъ фирмою Gilhofer und Ranschburg»).

4) Наша супплика представляетъ такой же небольшой листокъ ($21^1/_4 \times 19$ сант.) тонкой бумаги, съ знакомъ—звѣзда въ кругу.

изданной Tangl'емъ въ его «Schrifttafeln» [1]). Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ твердо уже установившимся *типомъ* документовъ. Тоже мелкое курсивное, очень убористое письмо съ сокращеніями, таже превосходная тончайшая бумага.

Текстъ нашего документа слѣдующій:

«Dispensatio ad duo imcompatibilia pro quodam Archidiacono in ecclesia Auriensi.

Ph[ilippus] Auxitan[us]

1. || Supplicat S[anctitati] V[estre] deuotus u[este]r orator Di-
2. dacus Fernandi de Luozes archi[diaco]nus de Bubal in
2. eccl[es]ia Aurien[si] qnat[enu]s sibi specialem || gr[ati]am
facien[tes] ut duo quecumque et qualiacumque bene[fici]a
ecclesiastica curata seu al(ia)s inuicem incompatibilia etiamsi
3. dignitates || personatus administrationes et officia etiam cu-
rata et elect[iva] in Cathe [drali]bus Metropolitanis uel
4. Colle[gia]tis ecclesiis et digni[ta]tes ipse in Cathe[drali]bus ||
etiam Metropolitanis post pont[ifica]les maiores aut Collegiatis
ecclesiis h[uius] mod[i] principales uel tales mixtim aut
5. una p[a]rro[chia]lis eccl[es]ia || uel dignitas cum dicto Archi-
diaconatu de Bubal seu due p[a]rro[chia]les eccl[es]ie aut
6. earum perpetue uicarie fuerint si sibi al[ia]s || canonice confe-
rantur aut eligatur uel assumatur ad illa recipere et quoad
7. uixerit retinere illaque simpliciter uel ex c[aus]a || permu-
ta[tio]nis quotiens sibi placuerit dimittere et loco dimissi uel
8. dimissorum aliud uel alia simile uel dissimile aut || similia uel
dis[s]imilia bene[ficiu]m seu bene[fici]a eccl[es]iasticum uel
eccl[es]iastica similiter quecumque quotcumque et qualiacum-
9. que || se inuicem compatibilia similiter recipere et retinere

1) «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie» (Drittes Heft. Berlin. 1903), T. 107. Относительно тонкости бумаги, изданной имъ супплики папы Иннокентія VIII—M. Tangl отмѣчаетъ, что документъ написанъ: «auf sehr dünnem Papier, das die Schrift der anderen Seite durchscheinen lässt».

libere et licite possit et ualeat dispensare m(isericordite)r
10. dig[nemi]ni de gra[tia] || speciali constitu[tioni]bus et ordina[tioni]bus ap[osto]licis ceterisque contrariis non obstan[tibus] quibuscumque et cl[ausul]is opportunis.

Fiat ut petit[ur]. Є.

Et ad digni[ta]tes in Cathe[drali]bus et Metropolitan[is] et Colle[gia]tis eccl[esi]is.
Et ad uitam.
Et de sp[eci]ali.
Et cum cl[ausul]a permutandi.
Et quod non obstan[tes] dicti Didaci habeantur pro expressis etc.
Et cum absolu[tio]ne a quibusuis sententiis etc.

Fiat. Є.

Dat[um] Rome apud Sanctum Petrum pridie id[us] Julii anno tertio.

R. N. de Picco[lominibus]. L. Ferrarien[sis]».

На оборотѣ:

1) «Libro. XII. fo. CXCVII»; 2) очень большая буква R, въ которой буква G и внизу между ножками буквы R — «prothonotarius»; 3) помѣта платы: «XIIII» и «II».

Какъ видно по чернилamъ—помѣты сдѣланы тремя разными лицами. Указаніе на книгу регистра сдѣлано черными чернилами, а вторая помѣта = registrata — сильно порыжѣвшими.

Лицевая сторона, содержащая текстъ, также писана нѣсколькими руками. По чернилamъ (разнообразнымъ — отъ чернаго цвѣта до рыжеватаго) и по почеркамъ можно установить разныя руки:

1) Текстъ. 2) Резолюція папы. 3) Подпись «Ph. Auxitanus». 4) Дата. 5) Подпись «N. de Piccolominibus». 6) Подпись «L. Ferrariensis».

Передъ нами несомнѣнный оригиналъ, скрѣпленный цѣлымъ рядомъ лицъ. Содержаніе супплики обычно и относительно его мы можемъ ограничиться указаніемъ, что архидіаконатъ Bubal

находится въ сѣверной Испаніи, въ епархіи Орензе (гдѣ имѣется и рѣчка Bubal) [1]).

Гораздо важнѣе для насъ вопросъ о подписяхъ и автографичности резолюціи папы.

«Ph. Auxitanus—это Philippus de Levis, епископъ города Auch во Франціи съ 29 Марта 1454 и по Февраль 1463 года; нося этотъ титутъ (Auch—митрополія) онъ находился въ Римѣ и былъ «protonotarius apostolicus». На издаваемомъ нами актѣ подпись «prothonotarius» представляетъ продолженіе скрѣпы, начатой на лицевой сторонѣ словами — Ph. Auxitanus [2]).

Буква R/, которая предшествуетъ двумъ подписямъ подъ текстомъ, по моему мнѣнію, означаетъ пріемъ супплики референдаріями («a verbo refero—ers, ert, dicitur referendarius, quia tenetur ex officio suo *recipere* supplicacionem et referre pape...») [3]).

N. de Picco^{-bus} = Nicolaus de Piccolominibus, canonicus Senensis, родственникъ папы, съ 3 Августа 1464 года — архіепископъ Беневентскій.

«L. Ferrariensis» = Laurentius Roverella, магистръ теологіи—«episcopus Ferrariensis—съ 26 Марта 1460 года.

И того, и другого мы найдемъ въ спискѣ папскихъ секретарей-аббревіаторовъ «de Parco Maiori», составленномъ Чіампини [4]).

---

1) См., напримѣръ, Florez: «España Sagrada». T. XVII: «De la santa iglesia de Orense en su estado antiguo y presente» (Madrid. 1763). Нельзя не прибавить, что въ «Provinciale omnium Ecclesiarum Cathedralium Universi Orbis», первое изданіе котораго относится къ 1493 году, — «ecclesia Auriensis» показана in Regno Portugalliae. Напримѣръ, въ Ліонскомъ изданіи 1546 года: «In Regno Portugaliae. Archiepiscopus Bracharensis hos habet suffraganeos: Portugalensis caput regni. Columbriensis. Visensis. Auriensis. Tudensis....» (также и въ Венеціанскомъ 1572 года). Въ editio princeps общее заглавіе: «in Hispania siue Castella et Portugalia» и передъ archiepiscopus Bracharensis нѣтъ указанія — «in Regno Portugalliae». Въ имѣющемся у меня «Provinciale» (съ отличіемъ отъ печатныхъ), написанномъ на пергаменѣ при папѣ Климентѣ VII, обозначеніе «in Regno Portugalliae» уже выдѣлено изъ статьи—«in Regnis Castelle et Legionis».

2) Надо думать, что Philippus de Levis былъ въ это время и «magister registri supplicationum».

3) Schmitz-Kallenberg: «Practica cancellariae apostolicae», p. 16.

4) Ciampini: «De Abbreviatorum de Parco Maiori» (Romae. 1691), pp. VI и XII.

Написанная, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ почеркомъ, дата—«pridie Id. Julii anno tertio» написана, по всей вѣроятности, датаріемъ и указываетъ точно время, къ которому относится документъ — 14 Іюля 1461 года[1]).

Что касается до подписи папы, то это несомнѣнный автографъ папы Пія II, именовавшагося до вступленія на папскій престолъ Энеемъ Сильвіемъ Пикколомини.

Въ коллекціи Бенжамена Филлона[2]) было два письма Пія II, изъ которыхъ одно, отъ 24 Декабря 1455 года, воспроизведено факсимиле[3]). Почеркъ имѣетъ отличія сравнительно съ резолюціей на нашемъ документѣ, особенно въ начертаніи буквы E, но дѣло въ томъ, что съ одной стороны надо еще доказать, что письмо это собственноручное, а съ другой стороны сходство въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, какъ видно изъ прилагаемаго клише (стр. 159), всетаки имѣется. Подпись «Eneas episcopus Senensis» совершенно одинакова съ почеркомъ текста и потому или письмо полный автографъ, или же оно все цѣликомъ писано не будущимъ папою, а его секретаремъ. Для XV столѣтія въ этомъ отношеніи *l. a. s.* гораздо опаснѣе простыхъ *l. s.*, въ которыхъ подпись рѣзко отдѣляется отъ текста. Мы уже говорили о распространенности практики «канцелярскихъ писемъ» въ Италіи этого времени.

---

1) При датировкѣ супликъ имя папы нигдѣ не упоминается и это затрудняетъ иногда хронологическое опредѣленіе такихъ дипломатическихъ памятниковъ (особенно въ XVI столѣтіи).

2) «Inventaire des autographes et des documents historiques composant la collection de M. Benjamin Fillon.» (коллекція была распродана въ Парижѣ въ теченіе 1877—1883 годовъ), 15 серій аукціонныхъ каталоговъ замѣнены роскошнымъ изданіемъ въ 3 томахъ in 4°.

3) Подъ № 2432: «L. A. S., en italien, comme évêque de Sienne, a Jacobo Guidini, commissaire de la ville de Sienne près du Saint-Siège, son très cher ami; Rome, 24 déc. 1455, 1 p. in 4° oblong., adresse, traces de cachet de cire rouge. Le papier est fortement taché d'humidité». Другое письмо — подъ № 1318 («L. A., en latin, comme cardinal, à un administrateur de la ville de Sienne; Rome, 15 janvier 1456, 1 p. in 4° oblong., adresse, cachet aux armes des Piccolomini»).

Совершенно тоже надо сказать относительно подписи «E. cardinalis Senensis», воспроизведенной Giuseppe Palermo[1]).

На прилагаемой фототипической таблицѣ XIX нами дается факсимиле съ одного очень ранняго письма папы Пія II, которое хранится въ архивѣ города Сіены. Написано оно изъ Генуи 28 Февраля 1431 года и адресовано къ «Tommaso della Gazzaia», подеста «di Piombino» (увѣдомляетъ о своемъ морскомъ путешествіи изъ Піомбино въ Геную)[2]). Въ каталогѣ, изданномъ подъ редакціею директора архива Сіены извѣстнаго дипломатиста A. Lisini, при описаніи этого письма, осторожно помѣчено—«f. a.»=«firma autografa» — «Eneas Silvius Picholominus Senensis», то есть (какъ я понимаю) считаетъ письмо только подписаннымъ[3]). Мнѣніе это опирается конечно на несходствѣ почерка текста съ почеркомъ автографовъ Пія II за время его папства. Дѣйствительно, мелкій сжатый почеркъ письма мало похожъ на округлыя широкія буквы резолюціи на нашей супликѣ. Что письмо полный автографъ въ этомъ убѣждаетъ самое время его написанія. Эней Сильвій Пикколомини въ 1431 году былъ

---

1) G. Palermo: «Isografia ovvero raccolta di 2000 firme e monogrammi degli uomini più celebri e rinomati che vissero nel corso di undici secoli dal 742 al 1870» (Napoli. 1870. gr. in folio), см. табл. XXXV. Нельзя не отмѣтить, что какъ у Palermo, такъ и въ каталогѣ коллекціи B. Fillon клише въ текстѣ рѣзаны ручнымъ способомъ.

2) Піомбино расположено на берегу моря почти противъ острова Эльбы.

3) См. «R. Archivio di Stato in Siena: la sala della mostra e il Museo delle tavolette dipinte della Biccherna e della Gabella» (Seconda edizione. Siena. 1903. 8⁰), стр. 18. Въ первомъ изданіи этого описанія (Siena. 1889. 8⁰) нѣтъ точныхъ отмѣтъ на—«autografa» и «f. a.». Замѣтимъ, что тотъ же A. Lisini въ рѣдкой и замѣчательной, по красотѣ типографскаго исполненія, брошюрѣ: «Copia di alcune firme autografe di personaggi illustri ricavata da documenti originali del Regio Archivio di Stato in Siena» (Siena. 1894. gr. 8⁰) подъ № 11 факсимилируетъ вмѣстѣ съ подписью Энея Сильвіо Пикколомини и дату письма, въ качествѣ автографа. Возможно, что безымянное описаніе выставочной залы написано не Лизини, но все равно онъ, какъ директоръ архива въ силу отсутствія имени автора является съ нимъ солидарнымъ. Вопросъ о почеркахъ Энея Сильвія можетъ рѣшить Ватиканскій архивъ, въ которомъ въ «Varia Miscellanea», arm. 15, въ томѣ № 4 имѣются письма Энея Сильвіо Пикколомини за время съ 1431 по 1455 годъ (но подлинники ли?). См. Wirtz, l. c., p. XXI.

молодымъ человѣкомъ (род. 18 Октября 1405 года)[1]) и не могъ еще переписываться «секретарскими» письмами[2]). Какъ разъ въ этомъ году Франческо Филельфо писалъ въ Миланъ Nicolao Arcimboldo iureconsulto: «qui meas tibi litteras reddidit *iuuenis* est senensis Aeneas Siluius nomine, honesta natus familia, mihique charissimus, non solum quod annos duos meus auditor fuit: sed etiam quod ad ingenii acrimoniam dicendique leporem attinet, moribus est ut *(sic)* urbanis et cultis. Cupiditate autem ductus uisendi Mediolani ad uos uenit»[3]).

Сравнивая почеркъ подписи съ почеркомъ текста легко убѣдиться, что это одна и таже рука. Сравненіе письма 1431 года съ письмомъ 1455, (что было у Филлона, см. клише на стр. 159), указываетъ на сходство почерковъ и говоритъ за автографичность обоихъ памятниковъ. Тѣмъ интереснѣе фактъ, что подъ старость, будучи папою, Эней Сильвій Пикколомини измѣнилъ манеру письма. Конечно мы не рѣшились бы этого утверждать на основаніи резолюціи на супликѣ, но существуетъ документъ, важный не только въ дипломатическомъ, но и въ историческомъ отношеніи, который вопроизведенъ нами на табл. XX и XXI. Это— breve plumbatum — (неправильно именуемое буллою) папы Пія II, хранящееся въ архивѣ города Сіены[4]) и адресованное

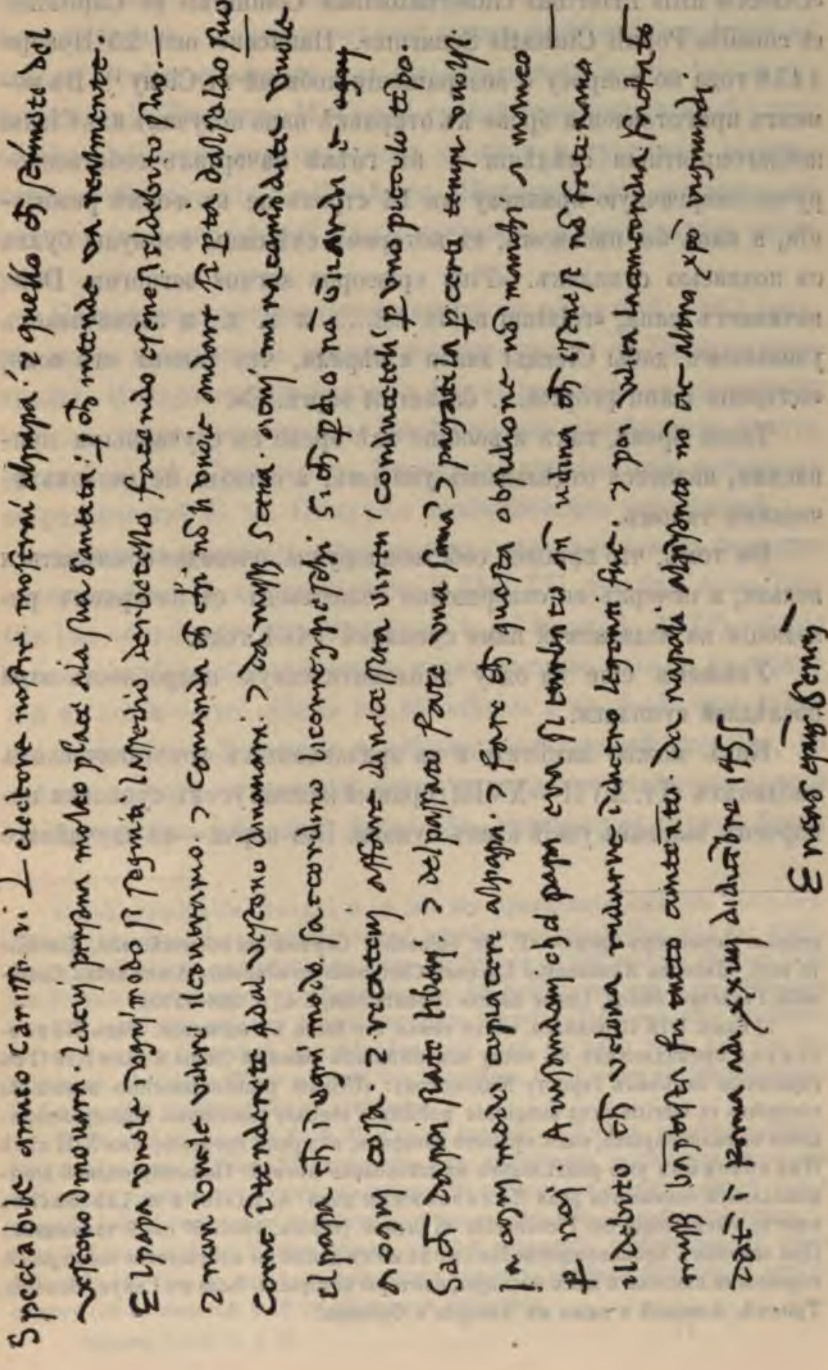
---

1) Такъ Voigt, а Gregorovius: «Storia della città di Roma», III, p. 781— показываетъ 19 Октября 1405 года.

2) Самъ Эней Сильвіо какъ разъ въ это время сдѣлался секретаремъ кардинала Капраника.

3) По Базельскому изданію писемъ Филельфо 1500 года, см. л. C. III. Цитата заимствована у Georg Voigt: «Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter». Band I (Berlin. 1856. 8), p. 17 (Voigt исправилъ правописаніе).

4) См. описаніе «La sala della mostra» (Siena. 1903), p. 6—«Bolla di Pio II per la integrazione dei Nobili nel governo di Siena». На самомъ же дѣлѣ это бреве, написанное на листѣ пергамена $51^1/_2 \times 39$ сант., было сложено пакетомъ и запечатано свинцовою буллою. При распечатаніи, вѣроятно вслѣдствіе знанія заранѣе о папской приписке, пергаментъ не былъ, какъ обычно, разрѣзанъ, а была разрѣзана веревочка (простая cordula canapis). Бреве датировано: «Datum Rome apud Sanctum Petrum Anno Incarnationis Dominice Millesimo quadringentesimo quinquagesimo octauo Septimo Kl. Decembris Pontificatus Nostri anno


Spectabile amico carissimo. vi lectora vostra mostrai al papa, et quello che scrivete del
vescovo di Novara, la cui persona molto piace a la sua Santità, perchè intende va realmente.
El papa vuole in ogni modo si seguiti l'assedio de Orbetello, facendo che Senesi el debito suo. —
et non vuole udire il contrario, et comanda che chi non li vuole andare si pta dal soldo suo
come intenderete dal vescovo di Novara, et da miss. Serena, a cui mi raccomandate. Vuole
el papa che in ogni modo s'accordino li conti ... sì che però non li manchi ... ogni
a ogni cosa, et recatevi a fare di necessità virtù, conducetevi per uno piccolo tempo.
Sachi da poi stati liberi, et del passato fate una somma, et pagatila per certi tempi vuolsi
in ogni modo compiacere al papa, et fare che questa obsidione non manchi a nissuno
per noi. A rispondervi che'l papa era si turbato quando udiva che Senesi non facevano —
il debito che voleva ridurne indetro le genti sue. Et poi udita la concordia fra tanto
miss. Baptista fu tutto contento. Da Napoli al presente non c'è altra cosa degna di
Dat. in Roma adi xxiij di dicembre 1455

Eneas epus. Senen.

«Dilectis filiis Prioribus Gubernatoribus Communis ac Capitaneo et consilio Populi Ciuitatis Senarum». Написано оно 25 Ноября 1458 года по вопросу о возвращеніи нобилей въ Сіену [1]). Въ моментъ приготовленія бреве къ отправкѣ папа получилъ изъ Сіены неблагопріятныя свѣдѣнія и въ гнѣвѣ начерталъ собственноручно энергичную приписку въ 14 строкъ не въ формѣ резолюціи, а какъ бы письмомъ, въ которомъ смѣшаны формулы буллъ съ подписью супликъ. «Pius episcopus seruus seruorum Dei», начинаетъ папа, «relatum nobis est....» и т. д., и заканчиваетъ указаніемъ, дабы Сіенцы знали и вѣрили, что такова его воля, «scriptum manu propria.... datum ut supra. Є».

Такое бреве, какъ и вообще всѣ бреве съ случайными приписями, является отдѣльнымъ уникомъ, а отнюдь не дипломатическимъ типомъ.

Въ томъ, что припись собственноручна, очевидно сомнѣваться нельзя, а почеркъ ея совершенно тожественъ съ почеркомъ резолюціи на издаваемой нами супликѣ 1461 года.

Укажемъ еще на одну дипломатическую подробность этой послѣдней супплики.

Какъ можно замѣтить и на прилагаемыхъ фототипическихъ таблицахъ (Тт. XVII—XVIII) правый нижній уголъ супплики попорченъ, вырванъ узкій клинъ бумаги. Эта порча—не случайнаго

---

primo». Скрипторъ бреве—«P. de Spinosis». Скрѣпа на оборотѣ: «Ja. Luceñ.» то есть «Jacobus Ammanatus Lucensis Cardinalis»=«Jacobus Ammanatus, Cardinalis Papiensis dictus, Lucae natus» (Bonamicius, l. c., p. 168—170).

1) Самъ Пій II родился, когда семья его была въ изгнаніи. Родъ Пикколомини принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ фамилій Сіены и папа Пій II съ гордостью отвѣчалъ герцогу Моденскому: «Utinam praedecessoribus nostris ita virtutibus et meritis sicut sanguinis nobilitate aequari possemus». Родопроисхожденіе фамиліи скрыто, какъ принято говорить, во мракѣ временъ, а въ XIII вѣкѣ Пикколомини уже раздѣлились на нѣсколько вѣтвей. Попытку полной документальной генеалогіи рода Пикколомини дали A. Lisini и A. Liberati въ книгѣ: «Genealogia dei Piccolomini di Siena» («Siena. 1900. 8⁰ съ 9 таблицами). При знатномъ происхожденіи Пикколомини достигли могущества коммерціей, торговыми связями и какъ банкиры, конторы которыхъ были въ Генуи, Венеціи, Тріестѣ, Аквилеѣ и даже въ Австріи и Франціи.

происхожденія. Въ трактатѣ «Practica Cancellariae Apostolicae», между прочимъ, говорится: «et sunt omnes supplicaciones *ligate ad rubeam cordam* et signate, quo die venerunt et in quo latere reperiantur»[1]). Изданная M. Tangl супплика имѣетъ правый уголъ совсѣмъ оборваннымъ, попорченъ уголъ и у супплики, воспроизведенной Schmitz-Kallenberg. При срываніи суппликъ съ шнурка, на который онѣ были нанизаны, и происходила порча угла.

Благодаря регистратурной помѣтѣ на документѣ 1461 года, мы имѣли возможность навести точную справку въ Ватиканскомъ архивѣ. Императорская Академія Наукъ учрежденіемъ должности ученаго корреспондента въ Римѣ оказала неоцѣнимую услугу русской наукѣ. Сношенія съ Римскими архивами при любезномъ посредничествѣ Е. Ф. Шмурло необыкновенно упростились.

Супплика оказалась внесенной въ одинъ изъ томовъ регистра суппликъ Пія II, въ «quinternus X libri XII, per fiat, Anno Tertio» [по общему счету регистровъ, t. 534] на л. 197[2]). Копія сдѣлана съ большою точностію, слово въ слово, только въ строкѣ 3-й въ копіи—«vel officia» вм. «et officia» и въ 5-ой «aut tales» вм. «vel tales». Записаны и всѣ подписи лицевой стороны, но вмѣсто полнаго оглавленія акта, на поляхъ помѣчено кратко «Dispensatio» и большая буква «A», означающая первую букву

---

1) Schmitz-Kallenberg, l. c., p. 20. Въ примѣчаніи издатель говоритъ: «Wie die Suppliken daran befestigt waren, ist schwer zu entscheiden. Aus der Abbildung (Tafel) könnte man annehmen, dass die Schnur an der unteren rechten Ecke des Blattes durchgezogen war. Bei dieser Art der Befestigung war es am leichtesten möglich, wenn eine grössere Anzahl Suppliken übereinander lagen, eine bestimmte herauszusuchen; hatte man sie gefunden, zog man sie nach oben hin von der Schnur ab. *Auf diese Weise* ist wohl das Einreissen des Papiers an den Originalen in der unteren rechten Ecke zu erklären».

2) Въ письмѣ ко мнѣ Е. Ф. Шмурло описалъ XII томъ суппликъ слѣдующимъ образомъ: «Томъ XII состоитъ изъ извѣстнаго количества сшитыхъ тетрадокъ, каждая изъ коихъ содержитъ 20 листовъ, и вверху каждой такой тетради соотвѣтствующее обозначеніе. Такимъ образомъ фраза: «Quinternus X, libri XII per fiat Anno Tertio» стоитъ на 10-й тетрадкѣ, то есть вверху листа 181, а не 197-го», на которомъ находится списокъ супплики, состоящей изъ 26 строкъ (10 на лицевой и 16 на оборотной сторонѣ)».

имени діоцеза, такъ какъ архидіаконатъ Bubal находился «in ecclesia Aurіensi». Внимательное разсмотрѣніе внѣшнихъ формъ издаваемой нами супплики показываетъ, что она составлена по всѣмъ правиламъ написанія позднѣйшихъ документовъ этого рода и даетъ намъ всѣ данныя для вывода: типъ суппликъ, писавшихся на простой бумагѣ, несомнѣнно установился раньше папъ Сикста IV и Иннокентія VIII. Все заставляетъ думать, что вопреки мнѣнію всѣхъ дипломатистовъ и экземпляръ супплики папы Пія II отнюдь не показываетъ начальной стадіи этого рода актовъ.

Такой нашъ выводъ мы имѣемъ возможность неопровержимо доказать и по отношенію къ иллюминованнымъ суппликамъ на пергаменѣ съ «Beatissime Pater» и съ формулой «quod sola signatura sufficiat».

Въ архивѣ города Болоньи намъ удалось отыскать драгоцѣнный экземпляръ супплики первой половины XV столѣтія, который оставался незамѣченнымъ дипломатистами вслѣдствіе отсутствія датировки[1]). Супплика эта воспроизведена въ натуральную величину (она написана на листѣ пергамена 38 × 28 сант.) на прилагаемой фототипической таблицѣ XXII. Документъ касается женскаго монастыря св. Маргариты въ Болоньѣ, написанъ четкой полуготикой буллъ XV столѣтія и имѣетъ двѣ резолюціи: одну общую — «Fiat ut petitur. G.» и другую при заключительной формулѣ:

«Et si placet. S. V. sola signatura huiusmodi petitionis sufficiat sine confectione litterarum». } Fiat. G.

1) Augusto Sarti: «Una visita all'archivio di stato di Bologna» (Bologna. 1886. 12⁰) совсѣмъ не упоминаетъ объ этой замѣчательной суппликѣ, а въ брошюрѣ Francesco Malaguzzi-Valeri: «I recenti aumenti nelle collezioni artistiche del R. Archivio di Stato in Bologna» (Bologna. 1893. 8⁰), при общемъ обозрѣніи миніатюръ читаемъ: «Tra le pergamene sciolte, citeremo una splendida bolla di Giulio II con miniature di stile francese, un diploma di nobiltà concesso da Girolamo Riario, *un rescritto papale senza data in favore delle monache di S. Margherita* e alcuni diplomi di nobiltà dati da Carlo V...» (p. 7). Очевидно имя папы не было опредѣлено.

Ни имени аббатиссы, ни даты, ни помѣтъ и скрѣпъ какъ съ лицевой, такъ и на обратной сторонѣ не имѣется. Текстъ начинается словами. «Beatissime Pater! Ut saluti animarum deuotarum Vestrarum Abbatisse et Monialium sub regulam obseruancia inuentium Monasterii Sancte Margarite ordinis S̄ci Benedicti Ciuitatis V̄re Bononiensis que nunc sunt aut pro tempore erunt salubrius consulatur. Supplicatur S. V. ℣ illarum parte humiliter et deuote...».

Внѣшній видъ документа весьма интересенъ. Изъ текста выдѣлено слово «Beatissime». Изукрашенная буква «B» занимаетъ все поле, какъ разъ наравнѣ съ текстомъ, роскошно орнаментирована и изукрашена изображеніями. Въ верхнемъ завиткѣ буквы «B» папскій гербъ, въ самой буквѣ портретъ папы, важный и въ историческомъ отношеніи, въ нижнемъ завиткѣ орнамента изображеніе св. Маргариты съ крестомъ и дракона. Буквы «eatissime» болѣе 2 сантиметровъ высотою.

Гербъ папы состоитъ изъ серебряной полосы по лазурному полю. Это гербъ рода Кондолмеровъ[1]). Сопоставивъ съ такимъ гербомъ резолюцію папы «Fiat. G.», мы съ несомнѣнностью докажемъ, что папа супплики есть Евгеній IV (1431—1447)= Gabriel Condolmerius Venetus, Presbyter Cardinalis titulo S. Clementis, [Senensis vulgo vocatus].

Значитъ и въ изображеніи папы мы имѣемъ историческій, современный портретъ Евгенія IV. Папа бритый, полное старческое лицо розовое въ краснину, одежда красная съ золотымъ пробѣломъ, фонъ голубой, кресло зеленое. Отъ гравированныхъ портретовъ папы лицо отличается округлостью и формою носа[2]).

---

1) См. напримѣръ: «Tiara et purpura Veneta ab anno MCCCLXXIX ad annum MDCCLIX serenissimae reipublicae Venetae a civitate Brixiae dicata» (Brixiae. 1761. 4°).

2) См., напримѣръ, портретъ № 212 въ книжкѣ: Io. Bapt. de Cavalleriis: «Pontificum Romanorum Effigies», изд. 1585 года. Папа Евгеній IV, по видимому, заботился о своихъ портретахъ. Онъ заказывалъ ихъ художникамъ и,

На св. Маргаритѣ вѣнецъ золотой, рукава красные, одежда голубая, драконъ зеленый.

Нельзя не обратить вниманія на почеркъ резолюціи. За исключеніемъ буквы «G», особенно вырисованной и вычурной, всѣ буквы начертаны чистѣйшимъ гуманистическимъ письмомъ [1]). Вспомнивъ о введеніи при Евгеніи IV гуманистическаго письма для бреве и принявъ во вниманіе годы, когда жилъ этотъ папа, мы можемъ прійти къ любопытному заключенію, что Евгеній IV, хотя по отзыву Грегоровіуса «non possedeva cultura nè studi umanistici» [2]), по крайней мѣрѣ въ области распространенія scrittura umanistica долженъ быть поставленъ рядомъ съ Niccolo Niccoli.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще документъ, факсимилированный на прилагаемыхъ табл. II^b и III. Выше мы говорили уже о томъ фактѣ, что и новѣйшіе дипломатисты не видали ни одного подлинника супплики съ «fiat», который относился бы къ XIV столѣтію.

Понятно значеніе издаваемаго акта, если я скажу, что рѣшаюсь въ немъ видѣть подлинную супплику XIV вѣка [3]).

Оригиналъ на обрѣзкѣ бумаги (21 × 10 сант.) съ vergeures средней ширины, бумажнаго знака нѣтъ; документъ былъ разорванъ пополамъ и не совсѣмъ искусно склеенъ.

Вотъ его содержаніе со всѣми помѣтами на оборотѣ, списанное строка въ строку [4]):

напримѣръ, чужеземецъ французъ Жанъ Фукэ нарисовалъ съ него портретъ, въ настоящее время утраченный (см. E. Müntz: «Les arts à la cour des papes pendant le XV et le XVI siècle», т. I (Paris. 1878. 8^0), p. 33.

1) То же письмо и въ подписяхъ папы на экземплярахъ Флорентійской уніи. Почерки папъ XV—XVI столѣтій очень типичны, письмо Евгенія IV одно изъ любопытнѣйшихъ. Какъ кажется, оно по характеру своему сходится вполнѣ съ опредѣленіемъ личности этого папы, сдѣланнымъ Jean Guiraud въ его «L'État pontifical après le Grand Schisme» (Paris. 1896. 8^0) одной фразой: «Eugène IV malgré la faiblesse de son caractère...» (p. 2).

2) «Storia della città di Roma nel Medio Evo», vol. Terzo, p. 699.

3) Подлинный актъ находится въ собраніи автора. Пріобрѣтенъ въ Вѣнѣ.

4) Заранѣе прошу снисхожденія къ могущимъ быть ошибкамъ въ чтеніи (особенно помѣтъ). Документъ написанъ съ такими сокращеніями, что несмотря

«Exponitur S. V. pro parte deuoti uiri Giselberti dicti Sniders de Bouchout clerici Leodien[sis] || Dioc[esis] quod cum ipse ante et post quorumdam processuum apostolicorum incipiencium «cum in unica domini» || per sanctissimum dominum nostrum Urbanum diuina prouidentia papam VI factos et solempniter publicatos contra || R[1]). Antipapam et olim Cardin[alem] et nonnullorum aliorum processuum factos et publicatos contra quoscunque Sancte || Romane Ecclesie rebelles adherentes fauentes dicto R. Antipape cum quibus dictus exponens || in ciuitate Auinion[ense] stando et moram trahendo per sex menses uel quoniam tales quales || se nominabant nominauit cibo potuque loquela necnon ceterisque communibus actibus cum dictis scismaticis || preterquam in communione(?) participauit nec tamen dictum R. Antipapam uerum esse papam credidit nec aliquam ab || eo graciam obtinuit. Supplicatur igitur c(?) S. V. per pr[ae]ces dicti exponentis quatenus ipsum dignemini a quacunque || excomunicationis sententia quam ex eo incurrit mandare..... [2]) absolui et super irre[gularia] (?) ante contracta || dispensare.

Fiat de spāli [3]. PR.

Abiuret in Camera.

Abiurauit in Camera a..... [4])».

На оборотѣ акта помѣты:

«Hu. Stephani» и зачеркнуто что то очень неясное—(honesti viri?).

на то, что я воспользовался любезнымъ содѣйствіемъ уважаемаго И. И. Холодняка, нѣкоторыя мѣста остались сомнительными.

1) «R.» = Robertum = папа Климентъ VII, который для Урбана VI конечно оставался съ тѣмъ именемъ, которое носилъ, когда былъ кардиналомъ.

2) Пропущено слово—«misericorditer?»

3) То есть «de gratia speciali». Этотъ терминъ см., напримѣръ, Denifle, l. c. № 539.

4) Не прочтено совершенно выцинявшее слово (а можетъ быть и два). Можно предположить послѣ a. (а съ точкой)—«penitentiarium», имѣя въ виду карди-

Ry. de Neap̄. Pro Deo[1]).

Fr. Abb. *(= abbas?)*

R^ta per me Paulum doctorem(?) reg.[2]) s-p.[3]) IIII kł. Maii pontificatus domini Urbani pape VI anno septimo».

По датировкѣ регистратуры актъ опредѣляется совершенно точно 28 Апрѣля 1384 года[4]).

Помѣта—«Fiat de speciali» (то есть de gratia speciali) сопровождается буквами—«PR», которыя по моему мнѣнію несомнѣнно указываютъ на фамилію папы—«Bartholomaeus PRignano», что даетъ намъ доселѣ неизвѣстную автографическую резолюцію папы Урбана VI.

Провѣрить ее по документамъ тѣмъ труднѣе, что въ Ватиканскомъ архивѣ какъ разъ для времени папы Урбана VI большіе пробѣлы, регистровъ супликъ совсѣмъ нѣтъ, а регистры буллъ сохранились въ незначительномъ количествѣ[5]).

нала, носившаго званіе «summus poenitentiarius» («poenitentiarius Ecclesiae Romanae»).

1) То есть—«gratis pro Deo».

2) Предполагаю—«registratorem».

3) Предполагаю—«supplicationum».

4) Для сравненія съ настоящей супликой приведемъ случай 1 Апрѣля 1394 года при папѣ Бонифаціи IX: «Die prima mensis Aprilis sanctissimus pater et dominus noster dominus Bonifatius divina providentia papa VIIII. pontificatus sui anno quinto mandavit michi Bartholomeo Francisci, regenti officium cancellarie sancte Romane ecclesie, quod non expedirem nec permitterem expedire litteras super quadam supplicatione pro Wilhelmo de Mokenborch, canonico Leodiensi, super archidiaconatu Hanonie in ecclesia Leodiensi per ipsum dominum nostrum signata, et dictam supplicationem mandauit ipse dominus noster ex certa scientia cancellari per me et etiam cassari de registro supplicationum apostolicarum et artari per me habentem ad reportandum eam michi sub penis consuetis» (Erler, l. c., p. 204).

5) См. G. Palmieri: «Ad Vaticani archivi Romanorum Pontificum Regesta manuductio» (Romae. 1884). Подробнѣе объ этомъ говоритъ Krofta въ предисловіи къ «Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia»—Tomus V: «Acta Urbani VI et Bonifatii IX» (pars I: 1378—1396), opera Camilli Krofta (Pragae. 1903. gr. 8°). На стр. II читаемъ: «Explorare cupientibus, quo modo res in cancellaria Urbani VI. se habuerit, magnum nobis impedimentum se obicit: registra supplicationum huius pontificis plane deperdita sunt; series registro-

Всѣ помѣты—одна на лицевой сторонѣ (abiuravit) и пять на обратной, если и не всѣ сдѣланы разными руками, то во всякомъ случаѣ не менѣе какъ 4 почерками. Я не берусь опредѣлить чиновниковъ, которые ихъ писали, но сдѣлаю два предположенія. Во первыхъ въ «de Neap.» я предлагаю видѣть «N. Neapoli», упоминаемаго въ сборникѣ Теодорика де Ніемъ (= Dietrich von Nieheim) въ записи подъ 27 Августа какъ разъ того же 1384 года—«N. Neapoli de speciali mandato domini nostri pape»[1]). Буква Ꝛ должна толковаться въ смыслѣ «R (ecipe)»[2]).

Во вторыхъ, какъ кажется, можно найти «регистратора супликъ» доктора Павла.

Въ «Liber cancellariae apostolicae», манускриптѣ Теодорика де Ніемъ, имѣется запись: «Receptus fuit dominus Paulus Iohannis de Radicondolis de Senis, *legum doctor*, et iurauit die VI.

---

rum Vaticanorum, quae in archivio Vaticano asservantur, nonnisi tres tomos registrorum Urbani VI. continet [R. Vat. 310 (Urbani VI Secretorum a. III—V); R. Vat. 311 (Urb. VI Secretorum a. IX—XI); R. Vat. 312 (Urb. VI Secretorum a. XII., Bonifacii IX. De curia a. I. II.)]; in bibliotheca denique Vaticana exiguum tantum fragmentum originalis registri eiusdem papae asservatur (cod. Ottobon. 1443). Haec sunt plane omnia, quae e registris Urbani VI, qui plus undecim annos ecclesiae Romanae praeerat, ad nostra tempora pervenerunt. De registris igitur huius papae pauca tantum dici possunt. Urbani VI quoque tempore *registra supplicationum* modo sane haud multum differente ab illo, quem mox in registris supplicationum Bonifatii IX cognoscemus, scripta fuisse certum est».

1) E. Erler: «Der Liber Cancellariae Apostolicae vom Jahre 1380 und der Stilus Palatii Abbreviatus Dietrichs von Nieheim» (Leipzig. 1888. 8°)—p. 206: «Die XXVI. Augusti anno VII. receptus fuit in grossatorem litterarum apostolicarum Nicolaus Gilimberti Foroiuliensis diocesis loco Egidij Winans usque ad redditum dicti Winans nunc absentis et iuravit etc. N. Neapoli de speciali mandato domini nostri pape». Можетъ быть это «magister Nicolaus Caffatinus de Neapoli» notarius папы Бонифація IX (см. ibidem, p. 210).

2) См. Tangl: «Schrifttafeln», табл. 107. Не знаю, возможно ли другое толкованіе, что «R. de Neap.» означаетъ полученіе документа изъ Неаполя, гдѣ въ то время находился папа. Думаю, что такое толкованіе должно быть отвергнуто. Въ только что вышедшей цѣнной работѣ H. Kochendörffer'a: «Päpstliche Kurialen während des grossen Schismas» (въ «Neues Archiv» за 1905 г., Drittes Heft, стр. 551—601), находимъ еще «D. de Neapoli» и «S. de Neapoli», чиновниковъ папской канцеляріи конца XIV столѣтія. Къ сожалѣнію можно сказать вообще, что исторія папской канцеляріи еще не написана.

mensis Martij pontificatus domini Urbani pape VI anno VIII°»[1]).

Хотя эта запись и относится къ 6 Марта 1386 года, но въ текстѣ пропущено указаніе на какую должность былъ принятъ докторъ Павелъ (какъ въ послѣдующихъ — «in aduocatum», «in auditorem sacri palatii» и т. д.), а чиновники папскіе принимали особыя присяги при вступленіи въ каждую новую должность.

Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе даты подъ резолюціей папы — и датировка въ регистратурѣ требуетъ особаго объясненія.

Смыслъ и характеръ акта ясенъ—клирикъ, бывшій у антипапы Климента VII, который для Урбана VI просто «Robertus» antipapa, принимается на службу къ папѣ съ обрядомъ— «abjuret in Camera»[2]).

Въ сборникѣ «Regule domini Urbani pape VI» имѣется постановленіе, которое, кажется, можетъ объяснить происхожденіе нашего акта:

> «§ 23. Item ordinavit dominus noster dominus Urbanus papa VI—XV Kl. Julii pontificatus sui anno quinto, quod in litteris conficiendis super gratiis per quas aliqui olim adherentes antipape absolvantur vel restituantur ad honores vel ad bona, ponatur clausula quod ante omnia abiurent et forma abiurationis inseratur in litteris supradictis»[3]).

Вотъ почему на супликѣ и стоитъ «abiuret in Camera». Такъ какъ въ документѣ клирикъ лишь разрѣшается отъ грѣха пребыванія у антипапы, и не возстановляется ad honores vel ad bona, то супплика и не попала въ датарію, почему датарій и не проставилъ обычной даты, что исполнено было уже регистраторомъ при внесеніи въ регистръ папскихъ сигнатуръ.

---

1) Erler, l. c., p. 208.

2) Климентъ VII также относился «къ урбанистамъ». Въ супликахъ, обращенныхъ къ папѣ Клименту—Урбанъ VI именуется «nephandissimus Bartholomeus», см. Noël Valois: «Le grand Schisme en Allemagne de 1378 à 1380» (въ «Römische Quartalschrift», VII—1893, стр. 107—164).

3) Ottenthal, l. c., p. 51.

Издаваемая супплика не особенно типичный актъ для этого рода документовъ папской канцеляріи, но по своей исключительной рѣдкости она заслуживаетъ полнаго вниманія дипломатистовъ.

Выданъ ли былъ разобранный нами документъ на руки прощенному клирику, какъ удостовѣреніе этого прощенія? Весьма возможно именно потому, что на основаніи супплики не надо было составлять буллы.

20 Сент. 1905.

Примѣчаніе: Авторъ считаетъ не лишнимъ указать, что онъ намѣренно употребилъ въ текстѣ такіе необычные термины, какъ «регистръ», «регесты», «вице-канцелярій» и нѣкоторые другіе, въ виду того, что — «реэстръ», «вице-канцлеръ» и т. д. по общепринятому ихъ значенію не вполнѣ соотвѣтствовали сущности предмета.

Приложеніе.

Прошеніе Марчеллы Палона полов. XVI столѣтія.

«Santissimo Padre!

L'incluso memoriale fu dato alla Santita Vostra parecchij giorni sono disse uideatur in Camera. La Camera l'ha uisto con gran danno della mia pouertà. Io deuo scudi 216 per l'interesse di miei beni dotali del 1545 insino al 51 senza li scudi 200 che io son' stata defraudata della sorte principale et le spese della lite de anni XI fatte con detta Camera che ben' posso dire ch'e stata causa della mia ruina et della mia pouerta et non me uuol dare se non scudi 50; si che la misericordia di Vostra Santita potrà giudicare quanto importa l'interesse della mia pouerta. Io mi serrei contentata di scudi cento doppo ch' io non posso rihauere li detti quattro scudi il mese per tre o quattro anni, come io ho detto nel mio memoriale, che mi fossero paghati li detti scudi cento, scudi XXV l'anno sopra le dette fraude, accio ch'io potesse mantenere doi pouere figliuole nel Monasterio che non me andasse à male et che imparasse qualche uirtù perche io non le posso aiutare senza l'aggiuto della Santita Vostra. Io son certa se Vostra Santita fosse appieno informata della mia miseria et della mia pouertà mi farria piu gratia et piu elemosina che non mi fa la Reuerenda Camera. Et del tutto io rimetto alla Santita Vostra si degni farmi gratia per l'amor de Dio commettere à Mons^re^ Thesauriero che mi paghi quel tanto che parera et piacera alla Santita Vostra perche io lo riceuero per gratia et per elemosina sin-

gulare et me lo terro in patientia et io come indegna peccatrice et con le mie indegne orationi insieme con miei figliuole pregarò sempre l'altissimo Dio per la salute et longa uita di Vostra Santita.

D. V. S-ta.

Humile et deuota serua

Marcella Palona».

Тѣмъ же каллиграфическимъ писарскимъ почеркомъ въ видѣ адреса на сложенномъ пакетомъ листѣ написано: «S-mo Dno Nro per l'espeditione dell'incluso memoriale». Между этими строками находится изложеніе просьбы и ниже резолюція—безъ подписи, но, какъ кажется, автографъ папы:

«Quod camera statuit exequutori mandetur».

Резюме заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Marcella Palona dette alli mesi passati à V. S-ta. l'incluso memoriale doue lei domandaua 216 scudi che la Camera gli deuea in 4 anni e ½ a ragione di scudi 4 il mese che gli hauea assignato per il gettito di una sua casa, senza li 200 scudi che lei e stata defraudata della sorte principale e le spese della lite di X anni che ha litigate con la Camera alla quale la S. V. rimese detto memoriale. La Camera ha ordinato che se gli diano 50 scudi domanda che al meno segli ne diano 100 accio possa sustentar doi figliuole femine nel monasterio che le riceuera per elemosina».

ОГЛАВЛЕНІЕ

приложенныхъ фототипическихъ таблицъ.

Таблица I. Бреве папы Пія V къ царю Ивану Грозному отъ 9 Августа 1570 года. *См. стр. 2.*

Таблица II. a) Адресъ бреве папы Григорія XI 1377 года. *См. стр. 16.*

b) Супплика 1384 года съ резолюціей папы Урбана VI. *См. стр. 164—165.*

Таблица III. Обратная сторона супплики 1384 года (съ записью регистратора и хронологическою помѣтою). *См. стр. 164—165.*

Таблица IV. Бреве папы Евгенія IV (три бреве 1443 и 1444 гг.). *См. стр. 27—36.*

Таблица V. a) Приказъ папы Пія V за его собственноручною подписью (1569 года). *См. стр. 93, 98.*

b) Адресъ на бреве папы Пія II 1462 года. *См. стр. 42.*

Таблица VI. Письмо папы Пія IV къ правительницѣ Нидерландовъ Маргаритѣ Австрійской (отъ 13 Іюля 1561 года). *См. стр. 65.*

Таблица VII. Письмо папы Александра VI къ Виржиніо Орсини. *См. стр. 66—70.*

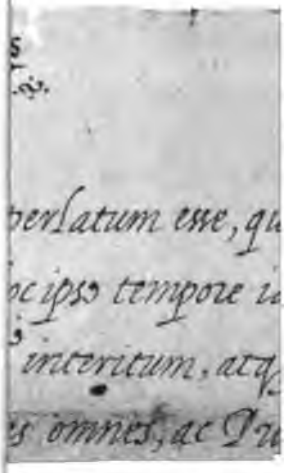
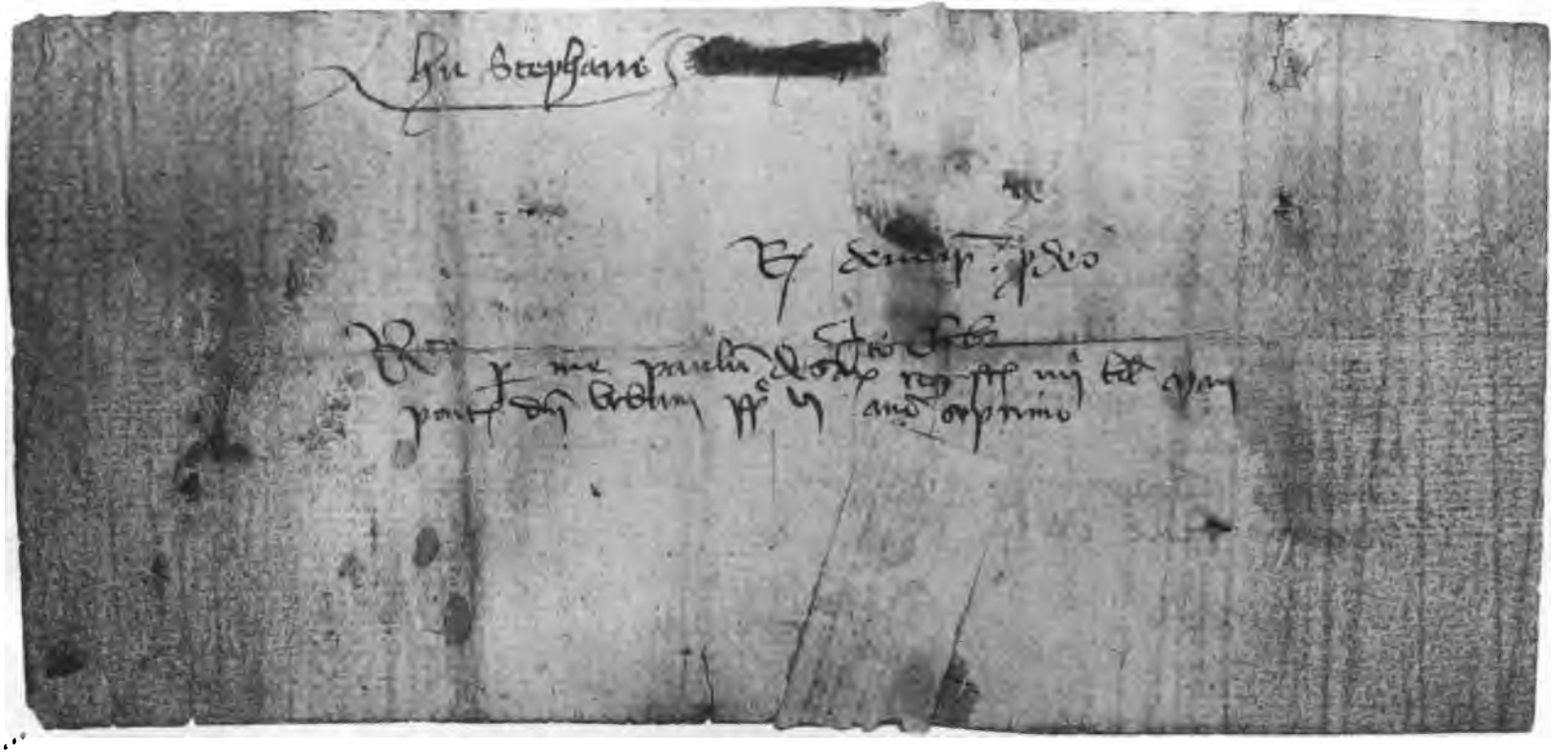


Таблица III.

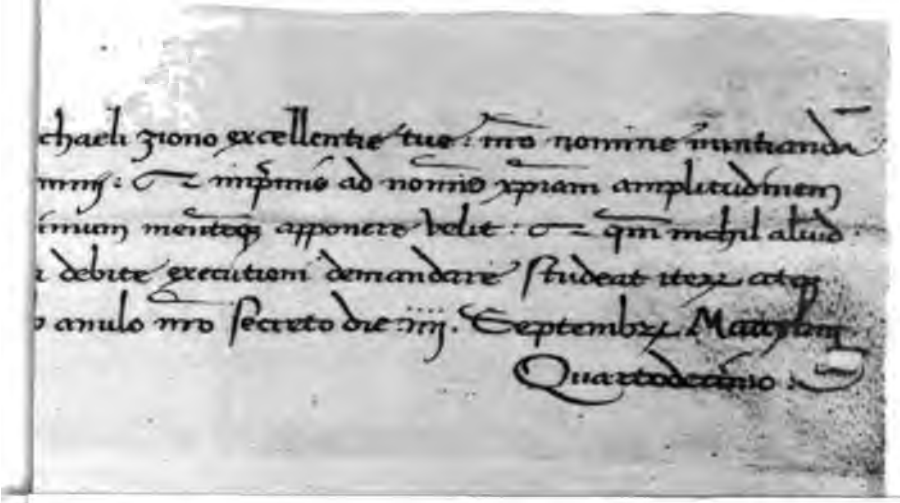


ФОТОТ. В. А. БОРДОВСКІЙ И А. Ф. ДРЕССЛЕРЪ. СПБ. В. ПОДЪЧЕСКАЯ 22

Обратная сторона супплики 1384 года.

Таблица IV.

chaeli ziono excellentie tue : nro nomine inuitanda
mmj : ⁊ imprimis ad nomis xpiam amplitudinem
imum mentemq apponere velit : ⁊ qm nichil aliud
debite executioni demandare studeat iterum atq
anulo nro secreto die iiij. Septembris Martini
Quartodecimo

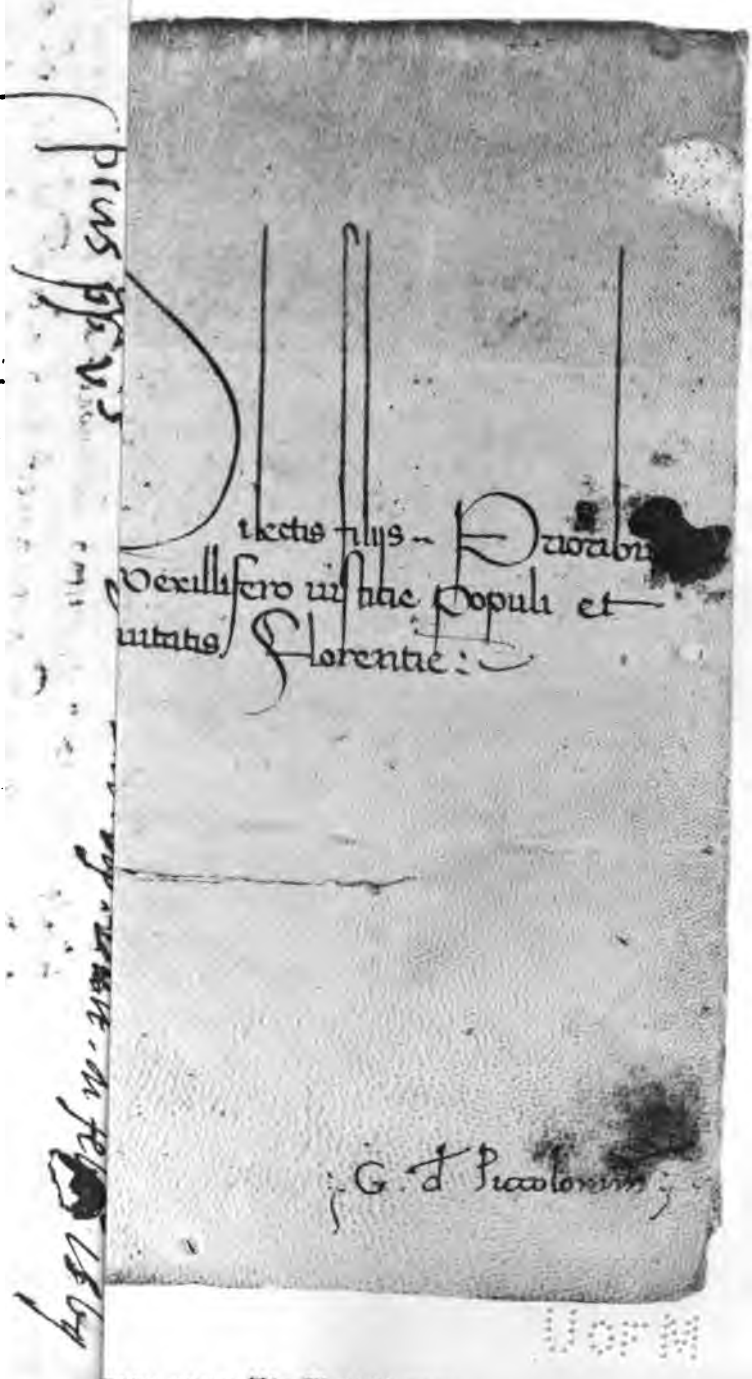


реве папы Пія II 1462 года.

Прика

Таблица V.

b.



...реве папы Пія II 1462 года.

Прика

Фототипія И. А. Кордовскаго и А. Ф. Дресслера. Спб. Б. Подъяческая 22.

Таблица VI.

Письмо папы Пія IV къ правительницѣ Нидерландовъ Маргаритѣ Австрійской.

Фототипія И. А. Кордовскаго и А. Ф. Дресслера. Спб. Б. Подъяческая 22.

Таблицы VIII, IX и X. Cedulae consistoriales съ резолюціей папы Льва X—«Ita est. I.» и съ приложенной печатью «sub annulo Piscatoris» (1516, 1517 и 1520 годы). *См. стр. 76.*

Таблица XI. Motu proprio папы Пія V отъ 9 Февраля 1568 года. *См. стр. 93.*

Таблица XII. Собственноручное письмо папы Пія V къ герцогу Козмѣ Медичи отъ 30 Января 1569 года. *См. стр. 94.*

Таблица XIII. Супплика 1496 года, подписанная въ присутствіи папы Александра VI кардиналомъ Антоніотто Паллавичини. *См. стр. 115.*

Таблица XIV. Оффиціальная копія съ супплики, подписанной папою Григоріемъ XIII 16 Сентября 1575 года (выдана изъ регистратуры суппликъ). *См. стр. 147.*

Таблица XV. Супплика, подписанная папою Сикстомъ IV 22 Сентября 1475 года. *См. стр. 151—152.*

Таблица XVI. Оборотная сторона супплики, подписанной папою Сикстомъ IV 22 Сентября 1475 года. *См. стр. 151—152.*

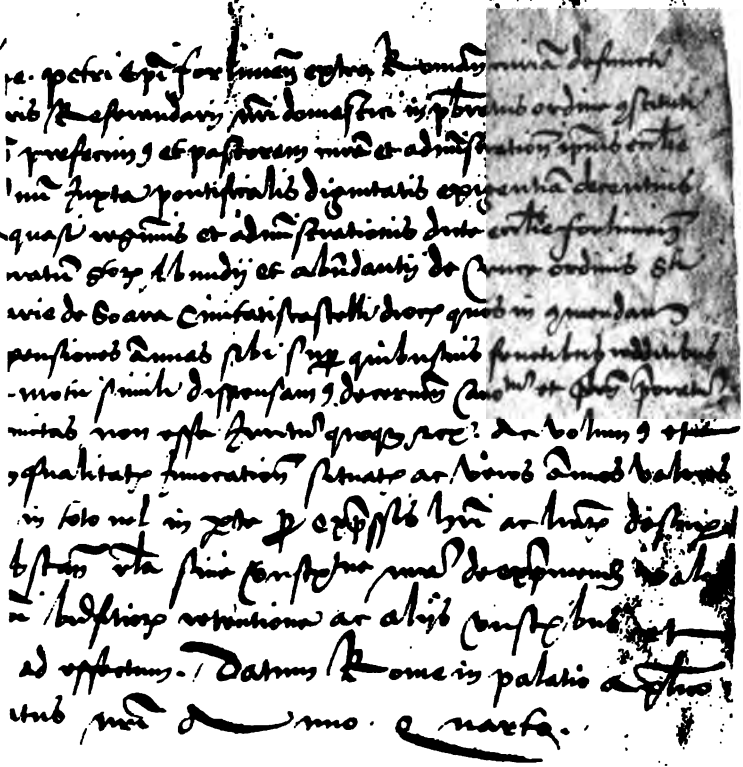
Таблица XVII. Супплика 1461 года съ собственноручною резолюціею папы Пія II. *См. стр. 152—153.*

Таблица XVIII. Оборотная сторона супплики 1461 года, подписанной папою Піемъ II. *См. стр. 152—153.*

Таблица XIX. Письмо Энея Сильвіо Пикколомини (папы Пія II) отъ 28 Февраля 1431 года. *См. стр. 157.*

Таблица XX. Бреве папы Пія II отъ 25 Ноября 1458 года (противъ оригинала уменьшено приблизительно до $^2/_3$). *См. стр. 158.*

Таблица XXI. Собственноручная приписка папы Пія II на бреве отъ 25 Ноября 1458 года (снято въ величину подлинника). *См. стр. 158.*



Ja. Sadoletus.

H scorum Cosme et Damiani Diaco=
lis
vr. Surrentin ex concessione, et di=
hmoi per obitum dicti F. epi, vui
atione hmoi vacabat modo, quem
xri nolumus pro expresso, vacan
Cosme et Damiani, que denomina
positis preposituris prepositatibus, Canonicatibus
quorum nis ordinum regularibus, que in
super quibus nis prebendis, et beneficiis
lim
S. Ro. E. Car. consilio, et aplice
administratione ipsius Eccle firman
et disponere, alienatione vel Inter=
ssimus impressione muniri. Dat
s
Die viii. februarij Pont nri Anno quinto :-

nbus

ę in silice. Diaconum Car.lis Esten. ex ...
Hippolyti qui ex Ro. Ec. debitu nature persol...
ut modo quem et si ex illo quevis qualis reser...
in nrm Herculem S.te Agathe Diaconu Car.lem
Agathe que denominatio sui Car.lis ex.ut ac omnibus
et quorumcumque ordinum talibus que ex quibuscunque ...
debit ac pensionibus annuis etc quas percipit ...
etc aliena etc de venerabilium fratrum nostrorum S.te Ro. Eccl.
etc. mutinen. sibi in eisdem spiritualibus et temporalibus
Her. Car.lem obtenta ex illorum qualitates ...
...ius Hippolytus Car.lis ecclesiam mutinen. predictam
in palatio apostolico sub annullo Piscatoris.
Anno Octavo.

Bernou

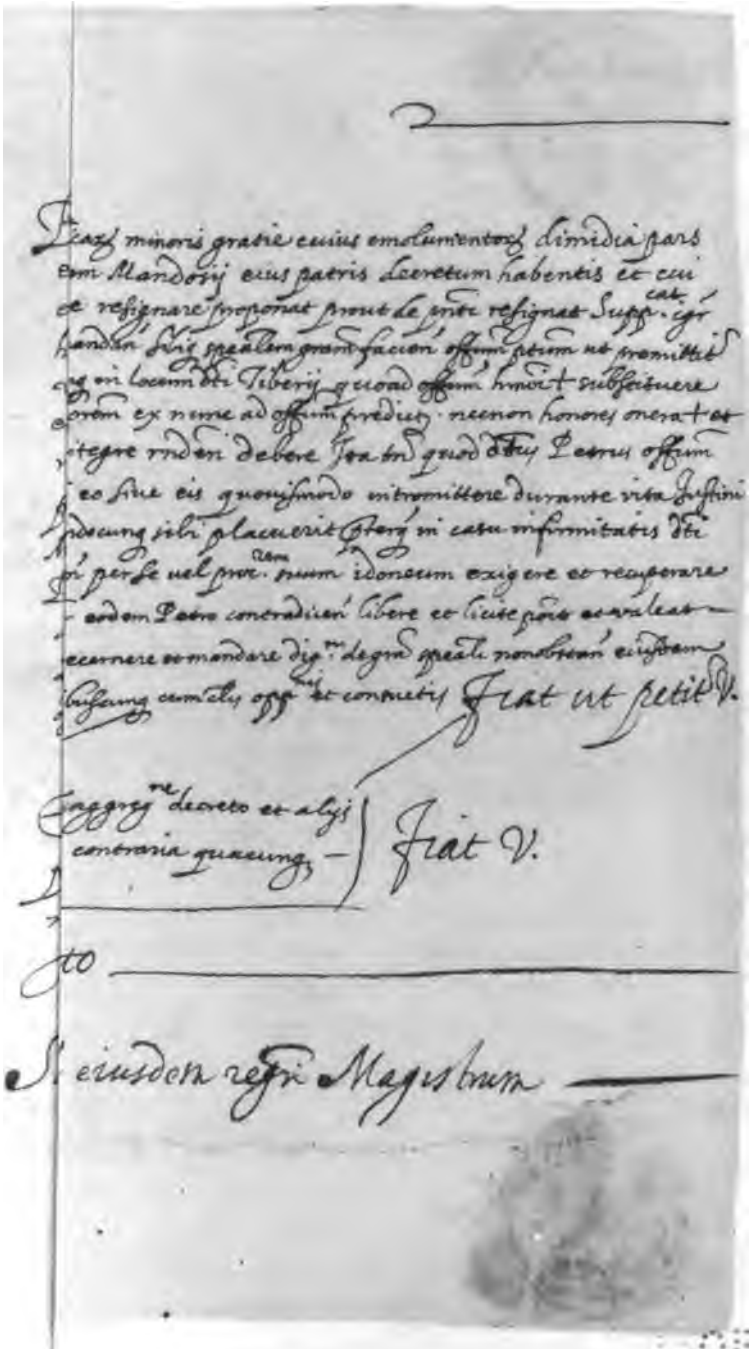
Тип. П. А. Кордовскаго и А. Ф. Дресслера. Спб. В. Подъяческая 22.

Mau

TITA

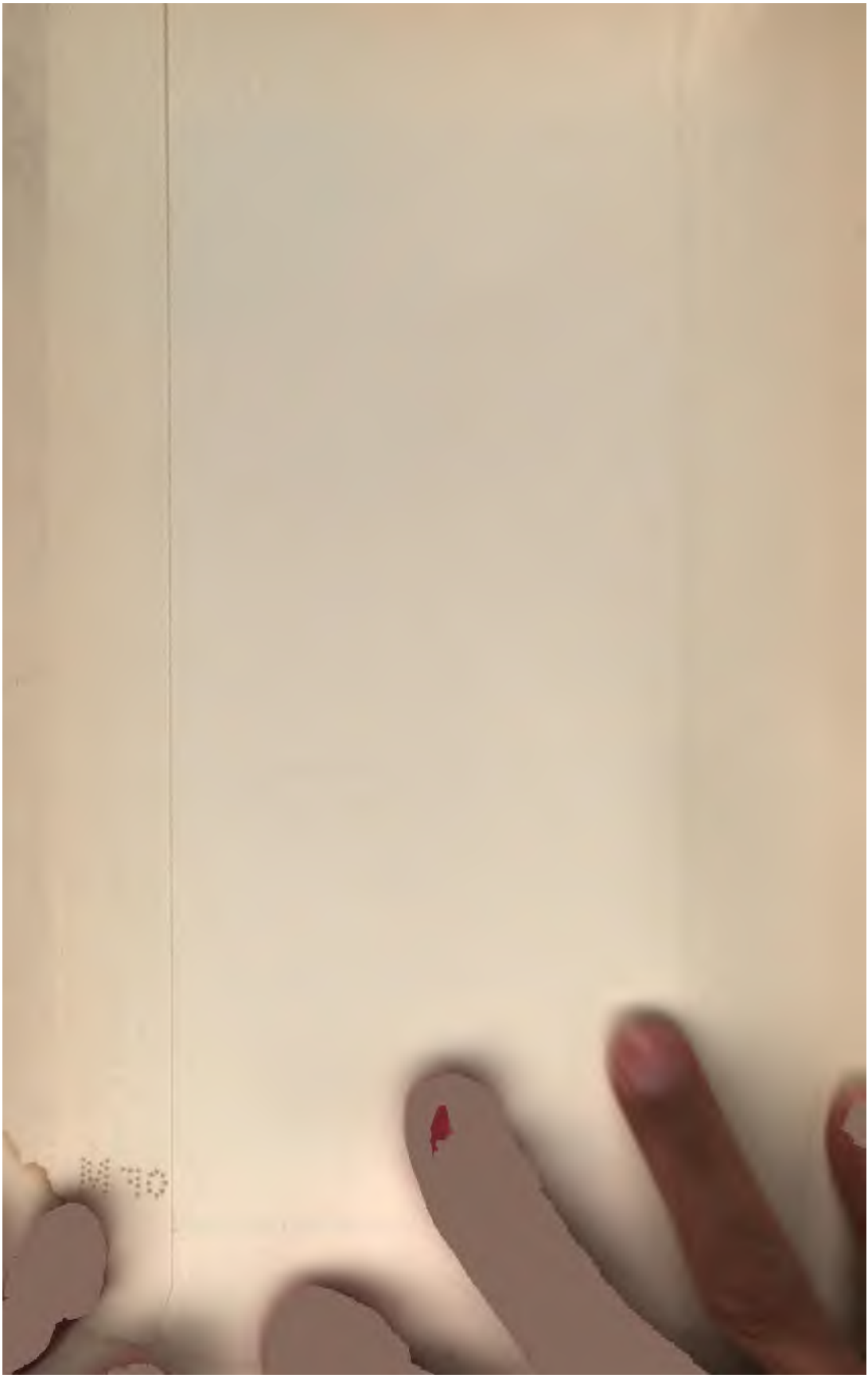
MTOU

Таблица XIV.



Фототипія Н. А. Кордовскаго и А. Ф. Дресслера. Спб. Б. Подъяческая 22.

тября 1575 года.



MAU

MoU

Mrqu

Таблица XXII.

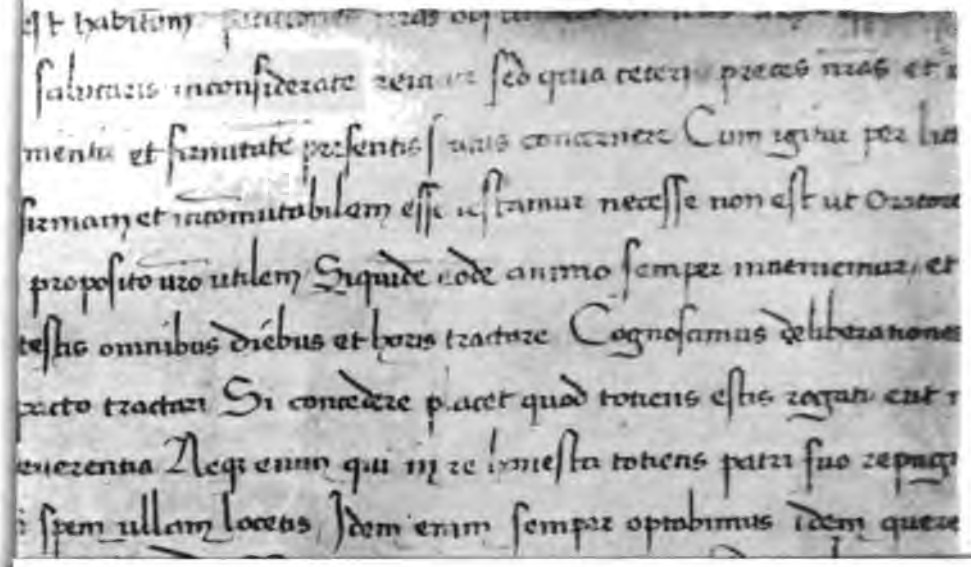


Таблица XXII.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 7.

ПОВѢСТИ
О
МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

С. ШАМБИНАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Апрѣль 1906 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Я прослѣдилъ, по мѣрѣ возможности, литературную исторію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Отъ сухого изложенія *Лѣтописной Повѣсти*, передававшей событіе по установленнымъ формуламъ, скудной содержаніемъ (голые и неполные исторические факты), сюжетъ попадаетъ въ лирическую обработку, исполненную по образцу лучшаго поэтическаго памятника Руси. *Повѣданіе* на первый планъ ставитъ поэтическое изложеніе, а не историческій разсказъ, и тѣмъ не менѣе вводитъ новую историческую подробность — указаніе на 2 момента боя. Но ни тотъ, ни другой памятникъ, въ силу своей односторонности, не удовлетворили запросовъ читателей: является на смѣну — *Сказаніе*, умѣло воспользовавшееся съ одной стороны — матеріаломъ Лѣтописной Повѣсти, развивая на основаніи преданій то, о чемъ послѣдняя говорила глухо, съ другой — постепенно вводя въ бо́льшее обращеніе поэтическій матеріалъ Повѣданія. Измѣняясь съ теченіемъ времени, редакціи Сказанія вводили въ изложеніе все новый и новый запасъ накоплявшихся преданій о Куликовской битвѣ, почти никогда не провѣряя ихъ критически. Сказаніе разросталось въ объемѣ, переходя изъ лѣтописнаго изложенія въ историческій романъ. Рядъ удачныхъ нововведеній — украшеніе повѣствованія обильными вставками изъ Повѣданія, подстановка имени Ольгерда вм. Ягайла — обезпечили памятнику широкое распространеніе, и Сказаніе въ XVI и XVII вѣкахъ вытѣснило всѣ прежнія обработки этого сюжета. Въ послѣдовательномъ развитіи редакціи Сказанія отражали на себѣ

всю перемѣну въ общественномъ и политическомъ міровоззрѣніи: отъ прославленія единичныхъ духовныхъ правителей (Кипріановская тенденція), Сказаніе постепенно проводило или провиденціально-поучительную точку зрѣнія, или идею преемственнаго перехода московской государственной власти изъ Византіи, или отражало на себѣ боярское холопство XVII вѣка.

Повѣсти жили очень долгое время — съ XV до половины XIX вѣка. Списки ихъ и теперь встрѣчаются на громадномъ пространствѣ: нѣтъ книгохранилища безъ того, чтобы тамъ не находилась та или иная повѣсть. Рукописи въ большомъ количествѣ изготовлялись на продажу, иллюстрировались, читались, очевидно, всѣми классами общества, внимательно относившимися къ изложенію (появленіе интерполяцій). Отражая на себѣ перемѣны въ общественной и политической жизни (редакціи XVI вѣка), повѣсти становились произведеніемъ вполнѣ современнымъ, и это обстоятельство еще болѣе расширяло кругъ ихъ читателей. Передѣлки позднѣйшей (четвертой) редакціи Сказанія показываютъ, какъ изощрялись редакторы, стараясь придать все бо́льшую и бо́льшую новизну содержанію. Популярность повѣстей вынесла ихъ изъ предѣловъ московскаго государства, явились западно-русскія обработки, южно-русскія (Синопсисъ): Сказаніе становится произведеніемъ обще-русскимъ.

Вводя въ содержаніе матеріалъ, представляемый устными преданіями, повѣсти пользуются кромѣ того всѣмъ запасомъ тогдашней письменности: редакторы цитируютъ различныя книги священнаго писанія, знакомы со множествомъ житій святыхъ, мимо нихъ не проходитъ ни одинъ крупный литературный памятникъ (напр. Александрія, Повѣсть о взятіи Цареграда и пр.).

Въ свою очередь повѣстями пользовались и другія выдающіяся литературныя произведенія того времени. Постоянно цитируетъ Сказаніе «Исторія о Казанскомъ царствѣ» (сама, можетъ быть, повліявшая на его послѣдующія обработки): «и толикъ бысть плачъ... яко же отъ Мамая на Дону побитыхъ»;... «нынѣ вжалаемъ быти небесныи граждане, якоже

иногда бысть Богомъ данная побѣда прародителю нашему великому князю Дмитрею Ивановичю за Дономъ, безбожнаго Мамая одолѣ»; ...«яко дарова Богъ ему сыну в прародителя его мѣсто, великаго князя Дмитрея Ивановича, иже показа великую побѣду и одолѣнія на безбожнаго Мамая за Дономъ»... и т. д.

Со Сказаніемъ знакомо и написанное въ 1606 году «Иное Сказаніе»: въ описаніи битвы съ Самозванцемъ подъ Сѣверскимъ градомъ, приведя формулу боя, авторъ заявляетъ: «И брань зѣло страшна бысть, яко же и на Дону у великого князя Дмитрея съ Мамаемъ, *ужаса и страха полна та бѣяшеся борьба*», — вотъ какое впечатлѣніе оставляло Сказаніе.

Ни одинъ историкъ литературы не можетъ обойти повѣстей безъ вниманія. На нихъ отразилась вся эволюція древней русской литературы. Онѣ останавливаютъ изслѣдователя и со стороны стилистической: риторическія украшенія отражаютъ въ себѣ всю смѣну литературныхъ направленій и школъ, вставки изъ Повѣданія, изъ устной народной поэзіи знакомятъ съ эстетическимъ развитіемъ редакторовъ; знаменія, видѣнія, прорицанія, примѣты — вводятъ въ кругъ наивныхъ христіанскихъ вѣрованій и двоевѣрныхъ представленій. Развитіе діалоговъ, ненужная многословность позднѣйшихъ обработокъ указываютъ на паденіе литературнаго изложенія, или на переходъ его въ иныя формы (позднѣйшія обработки появляются незадолго до южно-русскаго, а потомъ и западнаго вліянія на литературу).

Значеніе и достоинство повѣстей было вполнѣ оцѣнено современниками: Лѣтописная Повѣсть — постоянна въ лѣтописяхъ XV—XVI вѣка, первая редакція Сказанія попала въ Никоновскій сводъ, передѣлка четвертой — въ Синопсисъ. Памятникъ былъ интересный и понятный: трудно усвояемое Повѣданіе не вошло въ лѣтописные своды.

Заслуживаютъ вниманія повѣсти и какъ историческій источникъ: сухая Лѣтописная Повѣсть давала канву разсказа, Сказанія сообщали рядъ свѣдѣній, которыхъ нельзя игнорировать историку. Послѣдній долженъ разобраться во всѣхъ извѣстіяхъ

и толкахъ, вошедшихъ въ повѣствованіе въ видѣ преданій. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія указанія на 2 момента боя, на роль засаднаго полка, на распредѣленіе воеводъ на полѣ битвы, на случай съ великимъ княземъ; упоминаемые въ повѣстяхъ князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе, существованіе которыхъ даже оспаривалось нѣкоторыми историками, восходятъ къ концу XIV — началу XV вѣка. Со стороны быта, наконецъ, повѣсти даютъ богатый и еще неиспользованный матеріалъ.

Моя работа, конечно, сказала далеко не все объ исторіи этого памятника. Я знаю, какіе вопросы у меня или мало, или вовсе незатронуты; но окончательный разборъ всѣхъ списковъ (они очень разнообразны, какъ я укажу) въ сущности долженъ привести къ широкому изслѣдованію, посвященному вообще исторіи русской литературы, такъ какъ послѣдняя, для древняго періода, сводится къ исторіи постепенной смѣны редакцій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Обзоръ литературы . . . . . 1—47
Взглядъ Щербатова, Стриттера, Карамзина, м. Евгенія, Арцибашева. — Свидѣтельство Калайдовича объ открытіи Тимковскимъ особой повѣсти. — Лекціи Давыдова. — Строевъ. — Историко-литературное изученіе повѣстей: работы Снегирева, Дубенскаго. — Находка Повѣданія. — Изданіе Бѣляева. — С. М. Соловьевъ. — Работа Назарова. — Изданіе Кирилло-Бѣлозерскаго списка. — Работа Срезневскаго по Повѣданію. — Преосв. Филаретъ. — Шевыревъ и его точка зрѣнія. — Милюковъ. — Буслаевъ и его послѣдователи. — Полевой. — Редакція повѣсти въ Хронографѣ. — Бестужевъ-Рюминъ. — Работы Смирнова, Хрущова и Ровинскаго. — Лекціи О. Миллера. — Д. Иловайскій. — Изслѣдованіе Тимофѣева. — Е. Барсовъ. — Изданіе третьяго списка Повѣданія. — А. А. Шахматовъ и его взглядъ на Лѣтописную повѣсть. — Х. Лопаревъ. — Выводы.

Глава II. Лѣтописная Повѣсть . . . . . 48—83
Два основныхъ типа. — Списки, содержащіе повѣсть краткаго типа. — Списки, содержащіе повѣсть распространеннаго типа. — Характеристика послѣдняго. — Первоначальный видъ повѣсти. — Сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ 2 редакціи. — Вліяніе Синодиковъ. — Повѣсть въ Софійскомъ и Воскресенскомъ сводахъ. — Время составленія и литературная исторія повѣсти. — Схема повѣсти. — Сокращенія ея.

Глава III. Повѣданіе, писаніе Софоніи . . . . . 84—134
Вопросъ о названіи. — Списки Повѣданія. — Ихъ характеристика и разборъ отношенія къ протографу. — Характеристика отрывковъ изъ Повѣданія. — Дѣленіе ихъ на группы и отношеніе ихъ къ основному тексту. — Предполагаемый основной текстъ. — Отношеніе плана Повѣданія къ плану Слова о полку Игоревѣ. — Причина появленія Повѣданія. — Имя автора. — Время возникновенія. — Выводы.

Глава IV. Сказаніе первой редакціи . . . . . 135—185
Вопросъ о названіи. — Характеристика списковъ. — Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти. — Повѣсти лѣтописей Дубровскаго и Архивской Ростовской. — Характеристика вставныхъ эпизодовъ. — Тенденціозность. — Работа редактора Никоновскаго свода. — Отношеніе Сказанія къ повѣсти о Темиръ-Аксакѣ. — Время составленія и литературная исторія 1 редакціи.

и толкахъ, вошедшихъ въ повѣствованіе въ видѣ преданій. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія указанія на 2 момента боя, на роль засаднаго полка, на распредѣленіе воеводъ на полѣ битвы, на случай съ великимъ княземъ; упоминаемые въ повѣстяхъ князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе, существованіе которыхъ даже оспаривалось нѣкоторыми историками, восходятъ къ концу XIV — началу XV вѣка. Со стороны быта, наконецъ, повѣсти даютъ богатый и еще неиспользованный матеріалъ.

Моя работа, конечно, сказала далеко не все объ исторіи этого памятника. Я знаю, какіе вопросы у меня или мало, или вовсе незатронуты; но окончательный разборъ всѣхъ списковъ (они очень разнообразны, какъ я укажу) въ сущности долженъ привести къ широкому изслѣдованію, посвященному вообще исторіи русской литературы, такъ какъ послѣдняя, для древняго періода, сводится къ исторіи постепенной смѣны редакцій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Обзоръ литературы . . . . . 1—47
Взглядъ Щербатова, Стриттера, Карамзина, м. Евгенія, Арцибашева. — Свидѣтельство Калайдовича объ открытіи Тимковскимъ особой повѣсти. — Лекціи Давыдова. — Строевъ. — Историко-литературное изученіе повѣстей: работы Снегирева, Дубенскаго. — Находка Повѣданія. — Изданіе Бѣляева. — С. М. Соловьевъ. — Работа Назарова. — Изданіе Кирилло-Бѣлозерскаго списка. — Работа Срезневскаго по Повѣданію. — Преосв. Филаретъ. — Шевыревъ и его точка зрѣнія. — Милюковъ. — Буслаевъ и его послѣдователи. — Полевой. — Редакція повѣсти въ Хронографѣ. — Бестужевъ-Рюминъ. — Работы Смирнова, Хрущова и Ровинскаго. — Лекціи О. Миллера. — Д. Иловайскій. — Изслѣдованіе Тимофѣева. — Е. Барсовъ. — Изданіе третьяго списка Повѣданія. — А. А. Шахматовъ и его взглядъ на Лѣтописную повѣсть. — Х. Лопаревъ. — Выводы.

Глава II. Лѣтописная Повѣсть . . . . . 48—83
Два основныхъ типа. — Списки, содержащіе повѣсть краткаго типа. — Списки, содержащіе повѣсть распространеннаго типа. — Характеристика послѣдняго. — Первоначальный видъ повѣсти. — Сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ 2 редакціи. — Вліяніе Синодиковъ. — Повѣсть въ Софійскомъ и Воскресенскомъ сводахъ. — Время составленія и литературная исторія повѣсти. — Схема повѣсти. — Сокращенія ея.

Глава III. Повѣданіе, писаніе Софоніи . . . . . 84—134
Вопросъ о названіи. — Списки Повѣданія. — Ихъ характеристика и разборъ отношенія къ протографу. — Характеристика отрывковъ изъ Повѣданія. — Дѣленіе ихъ на группы и отношеніе ихъ къ основному тексту. — Предполагаемый основной текстъ. — Отношеніе плана Повѣданія къ плану Слова о полку Игоревѣ. — Причина появленія Повѣданія. — Имя автора. — Время возникновенія. — Выводы.

Глава IV. Сказаніе первой редакціи . . . . . 135—185
Вопросъ о названіи. — Характеристика списковъ. — Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти. — Повѣсти лѣтописей Дубровскаго и Архивской Ростовской. — Характеристика вставныхъ эпизодовъ. — Тенденціозность. — Работа редактора Никоновскаго свода. — Отношеніе Сказанія къ повѣсти о Темиръ-Аксакѣ. — Время составленія и литературная исторія 1 редакціи.

эпизодъ съ примѣтами Дм. Волынца и разсказы о видѣніяхъ разныхъ лицъ во время битвы, какъ невѣроятныя событія. Возбуждали въ немъ сомнѣніе имена нѣкоторыхъ князей изъ числа пришедшихъ Дмитрію Донскому на помощь, также численность войска (которую онъ считалъ въ 200, а не въ 400 тысячъ), наконецъ—ему казался неправдоподобнымъ разсказъ о томъ, какъ Дм. Волынецъ выжидалъ попутнаго вѣтра, чтобы броситься на враговъ изъ засады (по мнѣнію историка, здѣсь была просто уловка хитраго предводителя, ожидавшаго удобнѣйшаго момента боя). Вотъ все, что сдѣлалъ кн. Щербатовъ относительно критики текста. Пускаясь въ длинныя объясненія каждаго собственнаго имени, встрѣчающагося въ разсказѣ, историкъ доказалъ этимъ крайне довѣрчивое отношеніе къ имѣвшемуся у него сводному тексту повѣсти.

Кн. Щербатову слѣдовалъ во взглядахъ Ив. Стриттеръ [1]). Главной заслугой его слѣдуетъ признать то, что еще задолго до Тимковскаго онъ ввелъ въ обращеніе рукописный источникъ повѣствованія о походѣ Дмитрія на Мамая. По его собственнымъ словамъ, онъ «употребилъ, кромѣ приводимыхъ донынѣ лѣтописей, рукописное описаніе сего похода на россійскомъ языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, которое въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ № 6 находится, и съ которымъ повѣствованія Кіевскаго Синопсиса во многомъ весьма согласуются». (Прим. на стр. 434). Въ число «извѣстныхъ» лѣтописей входятъ Ростовская и Типографская. Далѣе пересказа содержанія авторъ не пошелъ; важно только то, что въ изложеніи Стриттеръ, главнымъ образомъ, держался текста архивскаго списка, того самаго, который позже былъ принятъ Снегиревымъ въ число варіантовъ къ изданному имъ «Повѣданію» по списку Тимковскаго.

Вотъ все, что представляетъ XVIII в. по данному вопросу. Въ XIX-мъ уже выступаютъ изслѣдователи, подготовленные

---

1) Ив. Стриттеръ. Исторія россійскаго государства. Спб. 1801. Т. II.

ПОВѢСТИ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ стали предметомъ историко-литературнаго изученія только съ начала XIX в., хотя историкамъ XVIII в. онѣ были извѣстны. У послѣднихъ, какъ говоритъ акад. А. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, I, 26), уже являлась мысль съ извѣстною точностью выяснить связь и значеніе фактовъ русской исторіи, дать истолкованіе старымъ сказаніямъ, которыя только механически повторялись древними книжниками. «Многое изъ исторической старины, забытое въ московской книжности, являлось вновь на свѣтъ, какъ настоящее открытіе».

Кн. Щербатовъ въ своей Исторіи [1]), въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, слѣдовалъ разсказу, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ. Изложеніе историка заключалось въ передачѣ текста съ долей критическаго къ нему отношенія. Скептицизмъ кн. Щербатова, правда, не пошелъ далѣе отрицанія нѣкоторыхъ частностей, нарушавшихъ, по его мнѣнію, естественный ходъ событій. Такъ имъ выдѣлены въ примѣчанія—

1) Кн. Щербатовъ. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1781. Т. IV.

эпизодъ съ примѣтами Дм. Волынца и разсказы о видѣніяхъ разныхъ лицъ во время битвы, какъ невѣроятныя событія. Возбуждали въ немъ сомнѣніе имена нѣкоторыхъ князей изъ числа пришедшихъ Дмитрію Донскому на помощь, также численность войска (которую онъ считалъ въ 200, а не въ 400 тысячъ), наконецъ—ему казался неправдоподобнымъ разсказъ о томъ, какъ Дм. Волынецъ выжидалъ попутнаго вѣтра, чтобы броситься на враговъ изъ засады (по мнѣнію историка, здѣсь была просто уловка хитраго предводителя, ожидавшаго удобнѣйшаго момента боя). Вотъ все, что сдѣлалъ кн. Щербатовъ относительно критики текста. Пускаясь въ длинныя объясненія каждаго собственнаго имени, встрѣчающагося въ разсказѣ, историкъ доказалъ этимъ крайне довѣрчивое отношеніе къ имѣвшемуся у него сводному тексту повѣсти.

Кн. Щербатову слѣдовалъ во взглядахъ Ив. Стриттеръ [1]). Главной заслугой его слѣдуетъ признать то, что еще задолго до Тимковскаго онъ ввелъ въ обращеніе рукописный источникъ повѣствованія о походѣ Дмитрія на Мамая. По его собственнымъ словамъ, онъ «употребилъ, кромѣ приводимыхъ донынѣ лѣтописей, рукописное описаніе сего похода на россійскомъ языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, которое въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ № 6 находится, и съ которымъ повѣствованія Кіевскаго Синопсиса во многомъ весьма согласуются». (Прим. на стр. 434). Въ число «извѣстныхъ» лѣтописей входятъ Ростовская и Типографская. Далѣе пересказа содержанія авторъ не пошелъ; важно только то, что въ изложеніи Стриттеръ, главнымъ образомъ, держался текста архивскаго списка, того самаго, который позже былъ принятъ Снегиревымъ въ число варіантовъ къ изданному имъ «Повѣданію» по списку Тимковскаго.

Вотъ все, что представляетъ XVIII в. по данному вопросу. Въ XIX-мъ уже выступаютъ изслѣдователи, подготовленные

---

1) Ив. Стриттеръ. Исторія россійскаго государства. Спб. 1801. Т. II.

школой Шлецера. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, школа эта была склонна къ преувеличенію: изслѣдователи строили свой критическій анализъ на скептицизмѣ, а не на точномъ изученіи текстовъ.

Этотъ скептицизмъ особенно ярокъ въ главнѣйшемъ представителѣ Шлецеровой школы — Карамзинѣ, который въ своей Исторіи касается и критики текста повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ [1]).

Историкъ дѣлитъ описаніе битвы съ Мамаемъ на двѣ редакціи, которыя лучше бы назвать категоріями: 1) носитъ дѣйствительно историческій характеръ и находится въ Ростовской и другихъ сходныхъ съ ней лѣтописяхъ, 2) — болѣе пространная повѣсть, помѣщена въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, эта — исключительно баснословна. Первую Карамзинъ положилъ въ основу своего историческаго повѣствованія, о второй же упоминалъ и приводилъ выдержки только «для любопытнаго читателя». Основываясь на одномъ знакомомъ ему спискѣ повѣсти библіотеки гр. Толстого, Карамзинъ считалъ вторую редакцію составленной рязанскимъ іереемъ Софроніемъ въ исходѣ XV вѣка. Что этотъ редакторъ или составитель не былъ современникомъ описываемому имъ событію, доказательствомъ, по мнѣнію Карамзина, служатъ многочисленные анахронизмы и несообразности въ изложеніи. Во время побоища, напримѣръ, Кипріанъ еще не былъ митрополитомъ; образъ Богоматери, писанный Лукой, привезенъ въ Москву при сынѣ Дмитрія Донского; бѣлозерскихъ князей на самомъ дѣлѣ было два, а не восемь; имена остальныхъ князей — участниковъ битвы или перебиты или вымышлены; Евдокія, говоритъ повѣсть, пошла въ теремъ со снохою, но въ 1380 г. послѣдней еще не было; 28 августа названо субботой, но въ тотъ годъ оно приходилось во вторникъ и пр. (Послѣднее замѣчаніе еще ранѣе Карамзина сдѣлалъ Стриттеръ, см. прим. на стр. 450 II тома).

1) Примѣчанія къ V т. Исторіи Государства Россійскаго, 65, 71—76, 79—81, 85.

увѣряетъ авторъ, было *найдено* Тимковскимъ въ рукописи XVII вѣка, но не въ томъ видѣ, который предлагается какъ историческое повѣствованіе въ лѣтописяхъ. Оно «нѣсколько согласно съ другимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ по рукописямъ, и написано въ піитической прозѣ. Нѣкоторыя мѣста сей героической пѣсни имѣютъ сходство со Словомъ о полку Игоря, изъ коего, повидимому, оныя заимствованы. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ піитическаго восторга, обращается къ Бояну, соловью древняго времени, ожидая отъ него вдохновенія: пѣвецъ же Дмитріевъ призываетъ нѣкоего Урана [1]) для одушевленія предмета, имъ воспѣваемаго. Первый воспѣваетъ Курчанъ опытными кметями (наѣздниками), повитыми подъ звукомъ трубъ, взлелѣянными подъ шлемами, вскормленными концами копій; вторый также описываетъ московское воинство. Въ пѣсни Игоревой Всеславъ представленъ необыкновеннымъ человѣкомъ, въ повѣсти о побѣдѣ Дмитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ, предпріимчивымъ волхвомъ Дмитрій Волынецъ. Наконецъ, вмѣсто супруги Игоря у пѣвца Дмитріева описана Евдокія, жена великаго князя, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ, надъ рѣкою Москвою, пригорюнившись, въ сѣтованіи о разлукѣ съ ея любезнымъ Дмитріемъ. И самыя слова, изъ пѣсни Игоревой взятыя: харалужный, стягъ, галица и другія, въ послѣдней нерѣдко встрѣчаются».

За Калайдовичемъ остается заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе изслѣдователей на повѣсть, какъ на литературное произведеніе. Но относительно «открытія» Тимковскимъ новаго памятника Калайдовичъ нѣсколько увлекся. Случившееся незадолго до того открытіе Слова о полку Игоревѣ несомнѣнно заставило Калайдовича усмотрѣть въ бумагахъ Тимковскаго еще новую находку. Между тѣмъ изъ предыдущаго изложенія видно,

---

1) Этотъ «Уранъ» (Сія повѣдай, Ouранъ..., по изд. Снегирева) дожилъ до самаго поздняго времени, хотя представляетъ несомнѣнную ошибку въ чтеніи рукописи; слѣдовало читать—«брань», и текстъ читался такъ: «Сія побѣда и брань»...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Обзоръ литературы . . . . . 1—47
Взглядъ Щербатова, Стриттера, Карамзина, м. Евгенія, Арцибашева. — Свидѣтельство Калайдовича объ открытіи Тимковскимъ особой повѣсти. — Лекціи Давыдова. — Строевъ. — Историко-литературное изученіе повѣстей: работы Снегирева, Дубенскаго. — Находка Повѣданія. — Изданіе Бѣляева. — С. М. Соловьевъ. — Работа Назарова. — Изданіе Кирилло-Бѣлозерскаго списка. — Работа Срезневскаго по Повѣданію. — Преосв. Филаретъ. — Шевыревъ и его точка зрѣнія. — Милюковъ. — Буслаевъ и его послѣдователи. — Полевой. — Редакція повѣсти въ Хронографѣ. — Бестужевъ-Рюминъ. — Работы Смирнова, Хрущова и Ровинскаго. — Лекціи О. Миллера. — Д. Иловайскій. — Изслѣдованіе Тимофѣева. — Е. Барсовъ. — Изданіе третьяго списка Повѣданія. — А. А. Шахматовъ и его взглядъ на Лѣтописную повѣсть. — Х. Лопаревъ. — Выводы.

Глава II. Лѣтописная Повѣсть . . . . . 48—83
Два основныхъ типа. — Списки, содержащіе повѣсть краткаго типа. — Списки, содержащіе повѣсть распространеннаго типа. — Характеристика послѣдняго. — Первоначальный видъ повѣсти. — Сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ 2 редакціи. — Вліяніе Синодиковъ. — Повѣсть въ Софійскомъ и Воскресенскомъ сводахъ. — Время составленія и литературная исторія повѣсти. — Схема повѣсти. — Сокращенія ея.

Глава III. Повѣданіе, писаніе Софоніи . . . . . 84—134
Вопросъ о названіи. — Списки Повѣданія. — Ихъ характеристика и разборъ отношенія къ протографу. — Характеристика отрывковъ изъ Повѣданія. — Дѣленіе ихъ на группы и отношеніе ихъ къ основному тексту. — Предполагаемый основной текстъ. — Отношеніе плана Повѣданія къ плану Слова о полку Игоревѣ. — Причина появленія Повѣданія. — Имя автора. — Время возникновенія. — Выводы.

Глава IV. Сказаніе первой редакціи . . . . . 135—185
Вопросъ о названіи. — Характеристика списковъ. — Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти. — Повѣсти лѣтописей Дубровскаго и Архивской Ростовской. — Характеристика вставныхъ эпизодовъ. — Тенденціозность. — Работа редактора Никоновскаго свода. — Отношеніе Сказанія къ повѣсти о Темиръ-Аксакѣ. — Время составленія и литературная исторія 1 редакціи.

Глава V. Сказаніе второй редакціи . . . . . 186—220
Характеристика списковъ. — Сокращенія и измѣненія противъ 1 редакціи. — Въ чемъ выразилась редакторская работа. — Отсутствіе тенденціи 1 редакціи. — Характеристика дополненій. — Повѣсть о приходѣ Ольгердовичей. — Заимствованія изъ Повѣданія. — Время возникновенія и литературная исторія 2 редакціи.

Глава VI. Сказаніе третьей редакціи . . . . . 221—312
Характеристика списковъ. — Главныя особенности 3 редакціи. — Характеристика основныхъ списковъ Т и У. — Дѣленіе списковъ на группы. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка У. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка Т и дѣленіе ихъ. — Общая характеристика 3 редакціи. — Особенности ея списковъ. — Источники 3 редакціи.

Глава VII. Сказаніе четвертой редакціи . . . . . 313—349
Характеристика списковъ и дѣленіе ихъ на группы. — Отличительныя вставки 4 редакціи. — Дѣленіе ея на главы. — Паденіе поэтической традиціи. — Особенность 1 группы. — Особенность 2 группы списковъ и ея отношеніе къ основному тексту. — Сокращенные списки. — Общая характеристика 4 редакціи. — Время возникновенія.

Глава VIII. Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей . . . . 350—375
Дѣленіе передѣлокъ на группы. — Повѣсть Архангелогородскаго лѣтописца. — Повѣсть Степенной Книги. — Сокращеніе 1 редакціи. — Западно-русская обработка. — Повѣсть помѣщенная въ Синопсисѣ. — Вліяніе Синопсиса на позднѣйшія повѣсти.

Тексты Сказанія.
II-я редакція . . . . . 3— 37
III-я редакція . . . . . 38— 73
IV-я редакція . . . . . 74—128
Передѣлка IV-й редакціи . . . . . 129—167
Западно-русская обработка . . . . . 168—190

ПОВѢСТИ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ стали предметомъ историко-литературнаго изученія только съ начала XIX в., хотя историкамъ XVIII в. онѣ были извѣстны. У послѣднихъ, какъ говоритъ акад. А. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, I, 26), уже являлась мысль съ извѣстною точностью выяснить связь и значеніе фактовъ русской исторіи, дать истолкованіе старымъ сказаніямъ, которыя только механически повторялись древними книжниками. «Многое изъ исторической старины, забытое въ московской книжности, являлось вновь на свѣтъ, какъ настоящее открытіе».

Кн. Щербатовъ въ своей Исторіи [1]), въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, слѣдовалъ разсказу, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ. Изложеніе историка заключалось въ передачѣ текста съ долей критическаго къ нему отношенія. Скептицизмъ кн. Щербатова, правда, не пошелъ далѣе отрицанія нѣкоторыхъ частностей, нарушавшихъ, по его мнѣнію, естественный ходъ событій. Такъ имъ выдѣлены въ примѣчанія—

1) Кн. Щербатовъ. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1781. Т. IV.

Слова въ средніе вѣка, Дубенскій выписалъ сходныя мѣста изъ памятниковъ. Такъ какъ интересъ изслѣдователя лежалъ на Словѣ, то послѣднее, по его мнѣнію, неизмѣримо выше. Плачъ, видъ, выраженія Повѣданія только тогда и становятся понятны, когда прочитаешь Слово, которому рабски подчинился составитель перваго. Въ Повѣданіи — языкъ средній, представляющій собою какъ бы смѣсь книжныхъ формъ съ простонародными. Оно — произведеніе ученика, рабольпное, притомъ дѣтское подражаніе Слову. (Въ послѣднемъ случаѣ Дубенскій дѣлаетъ ссылку на Снегирева). Слово поражаетъ и увлекаетъ, такъ что никакой мысли не можетъ быть о возможности заимствованія Словомъ чего-либо изъ Повѣданія, наоборотъ — авторъ Повѣданія говоритъ о многомъ только потому, что объ этомъ говорилъ авторъ Слова.

Вмѣстѣ съ Карамзинымъ Дубенскій авторомъ Повѣданія считалъ Софонія рязанца. Времени составленія не указалъ, но древнѣйшимъ спискомъ, опять вмѣстѣ съ Карамзинымъ и опять безъ всякихъ доказательствъ, считалъ списокъ Синодальной библіотеки № 365.

Можетъ быть изученіе Повѣданія не пошло бы дальше сравненій его со Словомъ, если бы не явилась дѣйствительно одна литературная находка, заставившая изслѣдователей обратить большее вниманіе на заброшенный памятникъ и осложнившая вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ его литературной исторіи. Годъ спустя по выходѣ изслѣдованія кн. Вяземскаго, 17-го іюля 1852 г., редакторъ Временника, въ которомъ оно было напечатано, И. Д. Бѣляевъ писалъ А. Н. Попову: «Вукола Михайловичъ Undольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я, по обычаю, пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ, между прочимъ, подалъ мнѣ одинъ рукописный сборникъ и говоритъ, что здѣсь есть Слово о Мамаевомъ побоищѣ. Читаю Слово, и что же — чудная вещь, Слово — вовсе неизвѣстное, и просто запросто почти цѣлымъ Слово о полку Игоревѣ, подлаженное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка, слѣдо-

вательно, Слово о полку Игоревѣ было давно извѣстно русскимъ людямъ; мы только несчастные до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому Слову. Посылаю вамъ Слово въ корректурномъ листѣ; вѣроятно, и графъ Д. Н. Блудовъ будетъ интересоваться этой находкой, ибо его, кажется, занимаетъ Слово о полку Игоревѣ» [1]).

Такими словами была привѣтствуема находка новаго памятника литературы, имѣвшая на этотъ разъ полное право именоваться открытіемъ. О томъ же Бѣляевъ писалъ и Погодину: «Жаль, что я не могу быть у васъ. Впрочемъ, вы и безъ меня разрѣшите вопросъ о новомъ Словѣ на Мамаево побоище, вотъ вамъ корректурный листъ. Здѣсь Слово о полку Игоревѣ не упоминается, но что сочинитель зналъ это Слово, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ Софоніевомъ Словѣ можно отыскать сходство съ Словомъ о полку Игоревѣ, а здѣсь цѣликомъ это Слово, только приложено къ Донскому». (Ibid.).

Издать и написать предисловіе къ новооткрытому памятнику взялся И. Бѣляевъ [2]). Кромѣ Слова по списку Ундольскаго авторъ пересмотрѣлъ вопросъ и о старомъ Повѣданіи и пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Донского (т. е. то, что издавалъ Снегиревъ) писано рязанцемъ Софоніемъ, который жилъ, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка и былъ современникомъ событію, а не іереемъ Софроніемъ, жившимъ въ концѣ XV вѣка, какъ утверждали нѣкоторые, основываясь на спискѣ гр. Толстого. Анахронизмы и историческія неправильности,

---

1) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XII. Спб. 1898.

2) И. Бѣляевъ. Предисловіе къ Слову о в. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ яко побѣдили супостата своего царя Мамая, по сп. Ундольскаго. Временникъ И. М. Об. Ист. и Др. Росс. XIV. М. 1852. Текстъ изданъ до крайности неисправно: пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности. Даже оставляя въ сторонѣ вопросъ объ орѳографіи, совершенно непонятно присутствіе многочисленныхъ пропусковъ и невѣрнаго чтенія очень яснаго полуустава: «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вмѣсто «в сем вѣце и в будущем» — напримѣръ.

указанные Карамзинымъ, какъ нарушающіе возможность предположенія о современности автора событію — простое мудрованіе позднѣйшихъ переписчиковъ.

2) Поэтому текстъ Повѣданія очень искаженъ: дошедшіе до насъ списки отличны между собою по многимъ и важнымъ измѣненіямъ, сокращеніямъ, дополненіямъ и по началу. Между тѣмъ они всѣ должны восходить къ одному оригиналу. (Бѣляеву уже было извѣстно большее количество списковъ: 1) Тимковскаго, 2) Снегирева, 3) кн. Оболенскаго, 4) Ундольскаго, 5) его же, 6) Погодина и 7) Ермолаева).

3) Списокъ Повѣданія, принадлежащій Погодину (скоропись XVII), будучи искаженъ не менѣе другихъ, сохранилъ много мѣстъ истинно поэтическихъ, утраченныхъ въ другихъ спискахъ, изъ чего можно заключить, что оригиналъ Софоніева Повѣданія далеко не походилъ на дошедшіе до насъ списки. Подлинникъ, конечно, не былъ искаженъ анахронизмами и историческими неправильностями.

4) Доказательства современности автора событію, однако, не совсѣмъ сгладились въ позднѣйшихъ спискахъ: имена гостей — сурожанъ, взятыхъ въ походъ противъ Мамая, вездѣ одинаковы; точно также и имена боярскихъ и воеводскихъ женъ.

Дальнѣйшія положенія уже касаются новаго памятника: «Слова о Дмитріи», по списку Ундольскаго.

1) Въ Словѣ находятся ясныя указанія на пѣсни Бояна и Слово о полку Игоревѣ, отсюда вытекаетъ необходимое заключеніе, что послѣднее было извѣстно, его изучали, ему подражали.

2) Слово въ спискѣ XVII вѣка упоминаетъ о Софоніи, какъ объ авторѣ, уже писавшемъ о битвѣ съ Мамаемъ. Поэтому Слово сочинено, весьма вѣроятно, въ началѣ XV вѣка, когда Куликовская битва еще сильно занимала умъ русскихъ. Авторъ Слова — неизвѣстенъ.

Таковы выводы, благодаря которымъ за Повѣданіемъ установилось авторство Софонія. Бѣляеву еще не былъ извѣстенъ

Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, который навелъ бы его на другія соображенія. Вообще его выводы страдаютъ слишкомъ общимъ характеромъ и не поддержаны доказательствами. Рѣшеніе вопроса объ имени автора поспѣшно и основано на сомнительной вставкѣ. Почему время составленія Слова отнесено къ началу XV вѣка, а Повѣданія — къ XIV? Затѣмъ — почему Погодинскій списокъ долженъ быть ближе къ оригиналу? Всему этому доказательствъ нѣтъ. Если бы авторъ отнесся повнимательнѣе къ поэтическимъ мѣстамъ, то увидалъ бы тожество ихъ и въ Повѣданіи и въ Словѣ. Наконецъ, заключеніе, что всѣ списки Повѣданія восходятъ къ одному оригиналу, т. е. всѣ — одной редакціи, представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ Снегирева, указывавшаго на возможность трехъ послѣдовательныхъ редакціонныхъ обработокъ.

Послѣ Снегирева С. М. Соловьевъ пытался раздѣлить повѣсти на редакціи [1]). Онъ широко взглянулъ на дѣло и коснулся не одного Повѣданія, но всего вообще цикла сказаній о Куликовской битвѣ. По мнѣнію историка, литературная исторія сказаній представляется въ такомъ видѣ: Первоначальное сказаніе, сходное съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ характеромъ, безъ подозрительныхъ подробностей, вошло въ нѣкоторыя лѣтописи, напримѣръ въ Софійскую I.

Такое важное событіе, какъ побѣда надъ татарами, однако должно было породить множество устныхъ подробностей; при переписываніи онѣ вносились въ текстъ и, такимъ образомъ, составилось украшенное пространное сказаніе. Въ такомъ сказаніи эти подробности подозрительны, часто — невѣрны.

Наконецъ, существуетъ третій видъ — Слово о Дмитріи (сп. Ундольскаго), написанное въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ. Предыдущее сказаніе, пространное, знакомо съ этимъ

---

1) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. IV, гл. III, М. 1853 г.

словомъ. Послѣднее заключеніе историка, хотя высказанное осторожно, какъ разъ противорѣчитъ (и достаточно основательно) мнѣнію Бѣляева, считавшаго Повѣданіе по времени составленія ранѣе Слова о Дмитріи.

Что касается имени автора, равно какъ и вопроса о времени составленія, то Соловьевъ не взялся судить объ этомъ: «неизвѣстно, когда составились эти сказанія», говоритъ онъ. Историкъ привелъ только три варіанта имени автора: 1) Софроній, іерей рязанскій; 2) Софоній, брянскій бояринъ (Тверская лѣтопись) и 3) Софонія.

Не будучи по спеціальности историкомъ литературы, Соловьевъ однако указалъ на многое такое, что впослѣдствіи было повторено другими изслѣдователями повѣстей, но безъ ссылки на Исторію. Такъ, еще до Назарова Соловьевъ указалъ на сходство Лѣтописной повѣсти съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, до Срезневскаго — объ участіи устнаго элемента въ Повѣданіи, задолго до позднѣйшихъ работъ — о первоначальности Лѣтописной повѣсти. Затѣмъ его дѣленіе повѣстей на 3 вида было принято большинствомъ изслѣдователей съ нѣкоторыми лишь варіантами.

Наконецъ, на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* появилась обстоятельная работа, носящая характеръ историко-литературнаго изслѣдованія. Это была работа І. Назарова, поставившаго себѣ задачей опредѣлить характеръ участія эпоса въ постепенномъ развитіи сочиненій о Мамаевомъ побоищѣ [1]).

Усвоивъ себѣ, очевидно, мысль Соловьева, Назаровъ говорилъ, что сказанія о войнѣ съ Мамаемъ были устныя и собственно литературныя. Всѣ они взаимно дополняли другъ друга: писатели XV—XVI вѣка черпали изъ устныхъ; литературныя, въ свою очередь, оказали вліяніе на народныя

---

1) І. Назаровъ. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1858 г., VII и VIII.

сказанія. Но каковы были эти устныя сказанія, отвѣтить трудно.

Таково основное положеніе Назарова. Оно страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ вообще всѣ изслѣдованія сказаній о Куликовской битвѣ: мысль автора, можетъ быть, и вѣрна, но она не убѣдительна, такъ какъ высказана совершенно голословно. Въ лѣтописныхъ сборникахъ, говоритъ далѣе Назаровъ, историческія повѣсти подвергались различнымъ измѣненіямъ, отсюда — много редакцій. Первичная всегда должна быть краткой, позднѣйшія, стремясь удовлетворить любознательности, обогащались подробностями, весьма разнообразными, взятыми изъ устныхъ сказаній. Отсюда въ позднѣйшихъ явилась невыдержанность тона и слога.

Назаровъ различалъ двѣ редакціи. Первая вошла въ лѣтописи и называется имъ «Сказаніе». Она, безъ сомнѣнія, древнѣйшая повѣсть, бѣдна подробностями и представляетъ какъ бы конспектъ второй.

«Сказаніе» сочинено, можетъ быть, вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія († 1392 г.), поэтому въ немъ нѣтъ анахронизмовъ, какъ во второй редакціи.

«Сказаніе» является въ двухъ видахъ: 1) краткомъ, помѣщенномъ въ Новгородской I лѣтописи, первой половины XV вѣка и 2) полнѣйшемъ — въ остальныхъ лѣтописяхъ, старѣйшіе списки которыхъ восходятъ къ концу XV и началу XVI вѣка. (Авторъ основываетъ различіе между ними на употребленіи нѣкоторыхъ буквъ, этимологическихъ формъ, синтаксическихъ оборотовъ, вставокъ, замѣны выраженій подобными же). Полнѣйшій видъ — древнѣе, такъ что первый — сокращеніе второго.

О древности Лѣтописной повѣсти, какъ указано, говорилъ Соловьевъ. На основаніи филологическихъ разысканій Назаровъ считалъ стоящими ближе къ подлиннику тѣ списки, которые вошли въ Новгородскую IV лѣтопись, что весьма недавно высказано также академикомъ А. А. Шахматовымъ. Впрочемъ, эта сторона изложена авторомъ не совсѣмъ ясно: онъ не упо-

минаетъ, напримѣръ, о Супрасльской лѣтописи, изданной еще въ 1836 г.; въ какомъ же отношеніи къ протографу стоитъ текстъ помѣщенной въ ней повѣсти?

Вмѣстѣ съ Соловьевымъ Назаровъ указывалъ далѣе, что по строю, изложенію и направленію первичная редакція «Сказанія» находится въ близкомъ родствѣ съ повѣстью о побѣдѣ Невской. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи привелъ нѣкоторыя мѣста изъ той и другой для сравненія, но примѣры были взяты на удачу, и авторъ не воспользовался тѣмъ, что могло дать болѣе детальное сравненіе.

Вторая редакція представляетъ распространенную повѣсть и является, по мнѣнію Назарова, въ 3 видахъ: 1) Повѣданіе, дошедшее въ сборникахъ XVII—XVIII вѣковъ; 2) вошедшее въ Никоновскую лѣтопись и 3) — въ Синопсисъ.

Повѣданіе дошло не въ первоначальномъ видѣ. Списки значительно разнятся; такъ, одни обстоятельства присутствуютъ въ одномъ и неизвѣстны другому списку, что особенно замѣтно въ поэтическихъ мѣстахъ. Отсюда авторъ выводитъ, что первоначальной основой можно признать лишь то, что находится сходнаго во всѣхъ спискахъ. Несомнѣнно, выводъ этотъ весьма близокъ къ истинѣ, но авторъ не настоялъ на немъ. Наоборотъ, онъ въ дальнѣйшемъ уклонился отъ принятаго имъ правильнаго пути и счелъ почему-то самымъ близкимъ къ первоначальной редакціи списокъ Тимковскаго (кромѣ воззванія и окончанія). Съ этимъ нельзя согласиться потому, что далеко не всѣ списки были разобраны авторомъ, еще болѣе ихъ — ему было неизвѣстно. Впрочемъ, онъ самъ оговаривается, предполагая, что оригиналъ могъ содержать только одну историческую повѣсть безъ наслоеній.

Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ, по мнѣнію Назарова, опытъ сближенія книжной повѣсти со сказаніями народа. Въ основѣ его лежитъ, слѣдовательно, пространная историческая повѣсть, дополненная украшающими отрывками изъ произведенія, сложеннаго подъ

вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя подробности занесены въ Повѣданіе изъ эпоса, монастырскихъ сказаній; отсюда въ языкѣ памятника обиліе формъ народныхъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не остановился подробно на разборѣ литературныхъ источниковъ Повѣданія, указавъ лишь вкратцѣ на привходящіе элементы, и не выдѣлилъ вставочныхъ повѣстей, находящихся, безъ сомнѣнія, въ Повѣданіи.

Наконецъ, время составленія Повѣданія авторъ, на основаніи данныхъ языка, относитъ ко второй четверти XV вѣка. Что же касается имени составителя, то Назаровъ, приведя варіанты имени «Софроній — Софоній», по происхожденію то рязанскаго іерея, то брянскаго боярина, склоняется къ тому, что авторъ — одинъ, рязанецъ, все равно — Софоній или Софроній.

Можно еще оспаривать, что Софроній былъ, по мнѣнію автора, составителемъ Повѣданія (Назаровъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка), но что Софоній — то же, что Софроній, съ этимъ нельзя не согласиться. Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ ошибкой переписчиковъ, невѣрно прочитавшихъ рукопись: въ начертаніи «Софроній» вписанъ вынесенный наверхъ *р*.

О повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, Назаровъ говоритъ кратко. Та редакція, которая находится въ Никоновской, представляетъ, по его мнѣнію, сводъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій о войнѣ съ Мамаемъ. Трудно однако согласиться, чтобы это былъ сводъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не указалъ, каковы были эти сочиненія. Наконецъ, въ повѣсть, внесенную въ Синопсисъ, введены варіанты изъ народныхъ устныхъ сказаній. Можно возразить и противъ этого мнѣнія: варіанты изъ устныхъ сказаній вошли и въ Повѣданіе, въ такомъ случаѣ, что же заставило автора выдѣлить повѣсть Синопсиса, какъ особый видъ или редакцію? Болѣе того: въ Синопсисѣ какъ разъ весь поэтическій элементъ отсутствуетъ. Къ исторической повѣсти, по мнѣнію Назарова, примыкаетъ

Слово о Димитріи (сп. Ундольскаго), написанное, особенно въ 1-й части, въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ добавленіемъ изъ народныхъ преданій. Составлено Слово послѣ Софоніева сочиненія, до XVII вѣка, можетъ быть въ періодъ времени съ половины XV до половины XVI вѣка.

Итакъ Повѣсть раздѣлена авторомъ на категоріи: находящуюся въ лѣтописяхъ, краткую и полную, при чемъ послѣдняя — древнѣйшая, и — на находящуюся въ сборникахъ и сводахъ. Послѣдняя не дошла въ первоначальной редакціи, но въ разное время дополнялась вставками изъ народныхъ сказаній. Въ спискѣ Тимковскаго представляется ближайшій къ первоначальной редакціи текстъ этой категоріи. Изъ Синопсиса повѣсть вошла въ народъ. Слово о Димитріи только примыкаетъ по сюжету, на него оказали особенное вліяніе Слово о полку Игоревѣ и народныя сказанія.

Таковы выводы. Во многомъ, какъ видно изъ изложенія, авторъ слѣдовалъ указаніямъ Соловьева, на многое имъ мало или вовсе не обращено вниманія. Нельзя не сознаться, что чрезвычайно трудно установить, сколько же по Назарову было редакцій? Не обращено вниманія на сходство поэтическихъ мѣстъ Повѣданія съ такими же Слова о Димитріи. Не доказано, почему послѣднее слѣдуетъ относить къ указанному авторомъ времени; неясно все, что касается Синопсиса и Никоновской лѣтописи; указаны, но не провѣрены отношенія различныхъ списковъ между собою. Вообще — критической работы надъ текстомъ нѣтъ, между тѣмъ изслѣдованіе Назарова имѣло въ виду всестороннее разсмотрѣніе взятой имъ на себя задачи. Нѣкоторые выводы, однако, какъ, напримѣръ, о времени составленія Повѣданія, объ имени автора, наконецъ — замѣчанія о Лѣтописной повѣсти слѣдуетъ отнести къ числу удачныхъ.

Вскорѣ послѣ открытія Ундольскимъ списка Слова, тотъ же памятникъ, но въ гораздо болѣе раннемъ спискѣ, именно — XV вѣка, былъ найденъ арх. Варлаамомъ въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ 1859 году былъ изданъ

текстъ памятника, при чемъ издатель написалъ предисловіе [1]). Рукопись представляетъ сборникъ, въ которомъ повѣсть помѣщена на 121 листѣ подъ такимъ заглавіемъ: «Писаніе Софоніа старца рязанца блг҃ви ѳ҃. Задонщина великѡ кн҃зя гр҃на димитрія ивановѝ и брата его кн҃зя володимира ѡндрѣевѝ». Текстъ близокъ къ сп. Ундольскаго, но не совсѣмъ и представляетъ значительные варіанты.

Эта находка должна была бы измѣнить существовавшіе выводы. Во-первыхъ, для названія устанавливался болѣе краткій терминъ «Задонщина»; во-вторыхъ — гораздо точнѣе обозначалось время написанія этого памятника — во всякомъ случаѣ не позже второй половины XV вѣка; въ-третьихъ — подрывалось мнѣніе, что Софонія авторъ Повѣданія: заглавіе весьма ясно свидѣтельствуетъ, что онъ скорѣе авторъ Задонщины, чѣмъ пространнаго Повѣданія: наконецъ, — что Задонщина находится въ ближайшемъ родствѣ со Словомъ по сп. Ундольскаго.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ слѣдовало бы пересмотрѣть вопросъ о взаимномъ отношеніи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Между тѣмъ арх. Варлаамъ ограничился въ предисловіи немногими и весьма шаткими предположеніями. Указавъ на то, что Задонщина написана въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ (весьма устарѣлое указаніе), авторъ отличилъ ее отъ повѣсти, помѣщенной въ сборникѣ Румянцевскаго музея подъ № 378. Послѣднюю онъ считалъ тожественной съ напечатанной въ Кіевскомъ Синопсисѣ и въ Никоновской лѣтописи. Однако эти три текста имѣютъ весьма мало общаго между собою и принадлежатъ тремъ разнымъ редакціямъ. Въ вопросѣ объ имени автора арх. Варлаамомъ также приведено довольно странное толкованіе: повѣсть сборника № 378 приписана рязанцу

1) Арх. Варлаамъ. Описаніе сборника XV столѣтія Кир.-Бѣл. монастыря. Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. V. Спб. 1859 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался фототипическимъ снимкомъ съ подлинной рукописи, любезно предоставленномъ мнѣ П. К. Симони.

іерею Софронію, а текстъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка — старцу рязанцу Софонію. Арх. Варлаамъ разсуждалъ такъ: старецъ — значитъ инокъ: поэтому Софроній, будучи еще іереемъ, написалъ пространную повѣсть, а уже инокомъ — пѣснь объ одномъ и томъ же. Имя его, по извѣстному обычаю, въ монашествѣ было перемѣнено: въ міру Софроній, въ инокахъ Софоній. Не трудно видѣть во всемъ этомъ крайнюю натяжку, основанную на полномъ незнакомствѣ автора съ самими сказаніями и съ предыдущей литературой, хотя бы съ однимъ Назаровымъ.

Изданнымъ текстомъ воспользовался И. Срезневскій для изданія своего своднаго текста Задонщины [1]). При этомъ издатель сдѣлалъ о ней нѣсколько важныхъ замѣчаній.

Повѣстей о битвѣ съ Мамаемъ, по мнѣнію Срезневскаго, было нѣсколько, въ различной передачѣ. Повѣсти эти шли въ народъ, гдѣ въ свою очередь подвергались переработкѣ. Вообще — «желателенъ ихъ разносторонній литературный и историческій сравнительный разборъ», — замѣчаніе характерное, показывающее, что по разработкѣ повѣстей до 1858 года не было въ сущности сдѣлано ничего.

Задонщина — это поэма, въ родѣ великорусской старины или малорусской думы, написанная въ такой же прозѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ, которое она напоминаетъ по тону изложенія, подбору подробностей содержанія, выраженіями, напоминаетъ такъ, какъ подраженіе должно напоминать подлинникъ. Оба списка, и Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскій, сильно искажены, поэтому, пока не нашелся третій, Задонщину слѣдуетъ читать, дополняя одинъ списокъ другимъ [2]). (Опытъ такого чтенія и представилъ Срезневскій, при чемъ за основаніе имъ принятъ Кирилло-Бѣлозерскій сп., а изъ сп. Ундольскаго приведены дополненія и окончаніе, котораго въ Кирилло-Бѣлозер-

1) Задонщина в. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Андрѣевича. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, VI. Спб. 1858 г.

2) Этотъ третій списокъ, какъ будетъ указано ниже, былъ найденъ въ 1890 г. въ одномъ сборникѣ Син. Б—ки подъ № 790 проф. А. И. Смирновымъ.

скомъ нѣтъ). Основываясь на изученіи содержанія Задонщины, Срезневскій пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Оба списка по измѣненіямъ выраженій, перестановкѣ мѣстъ, подстановкѣ именъ и лицъ показываютъ, что писаны съ памяти. Что они списывались не съ готоваго извода, показываетъ также множество случайныхъ грамматическихъ неправильностей. Задонщина, слѣдовательно, была достояніемъ памяти.

2) Задонщина напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ; оба памятника — не чисто книжнаго происхожденія, можетъ быть оба были достояніемъ памяти и голосились, какъ старины и думы. Объемъ не долженъ смущать, такъ какъ для удержанія памятью величина памятника значенія не имѣетъ.

3) Задонщина — подражаніе, но врядъ ли одному Слову о полку Игоревѣ. Можетъ быть, былъ рядъ подобныхъ поэмъ? Яркость оборотовъ въ Словѣ доказываетъ, что они явились не въ немъ первомъ. (Авторъ приводитъ для образца нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописей, напоминающія по своему складу стиль Слова). Въ Задонщинѣ находится много такого, что хотя и такъ же сложено, какъ въ Словѣ, но по содержанію и выраженію отлично, откуда же это явилось? Отдѣльныя вставки, которыя находятся въ Словѣ и отсутствуютъ въ Задонщинѣ и наоборотъ, показываютъ, что для подобныхъ памятниковъ существовалъ одинъ общій источникъ. Такихъ поэмъ пока нѣтъ на лицо, но это не значитъ, что ихъ никогда не было. Задонщина подражаетъ такому роду поэмъ, и въ ней есть непосредственныя частички «замышленія Бояня».

Такимъ образомъ Срезневскій былъ склоненъ предположить существованіе особой повѣствовательной школы, проникнутой поэтическимъ одушевленіемъ, школы, къ типу произведеній которой восходятъ Слово и Задонщина. Подобныя поэмы, равно какъ и другіе списки Задонщины, могутъ еще оказаться. Предположеніе Срезневскаго отчасти оправдалось: третій списокъ Задонщины найденъ; что же касается возможности существо-

вания поэмъ, то и въ этомъ отношеніи догадку Срезневскаго отчасти оправдала находка отрывка изъ Слова о погибели русземли (изд. Хр. Лопаревымъ).

Вышеприведенные выводы Срезневскаго нашли себѣ мѣсто въ Исторіи русской литературы ак. А. Н. Пыпина. Указанія на школу, воспѣвавшую пѣсни славы, получили дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Хрущева и Барсова. Сомнительно только, чтобы эти поэмы голосились, какъ старины или думы. Указаніе же на то, что Задонщина написана ранѣе Повѣданія (вопреки мнѣнію Бѣляева и Назарова и согласно съ Соловьевымъ), находитъ себѣ довольно вѣсское доказательство въ наличности такого древняго списка, какъ изданный арх. Варлаамомъ.

Въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ Срезневскій обратилъ вниманіе и на Повѣданіе. Не зная, какъ рѣшить вопросъ объ авторствѣ Софоніи, который является какъ будто творцомъ и того и другого произведенія, Срезневскій счелъ это имя простой книжной вставкой. Въ Повѣданіи онъ обратилъ вниманіе на поэтическія мѣста (чего до него никто путемъ не дѣлалъ). Въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, говоритъ онъ, есть кое-что, напоминающее складомъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщину. Многія мѣста въ нихъ буквально заимствованы изъ послѣдней, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ разныхъ ея редакцій. Эти мѣста теперь сбиты, но прежде, очевидно, была какая-либо цѣлость. Отсюда Срезневскій признаетъ существованіе 2 словъ, вѣрнѣе повѣстей: 1) прославлявшая князя Владимира Андреевича, находится въ спискахъ Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскомъ; 2) прославлявшая боярина Дмитрія Волынца — Повѣданіе.

Приводя поэтическія мѣста изъ Повѣданія, Срезневскій говоритъ: «Читатель, вѣрно, замѣтилъ дословныя или почти дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же довольно сложныхъ выраженій: мнѣ кажется, что это доказываетъ, что составители повѣстей пользовались готовымъ запасомъ изъ словъ о Куликовской битвѣ по памяти, какъ составители

сѣверныхъ сагъ (повѣстей) — готовымъ запасомъ изъ квидъ (словъ)» [1]).

Одновременно съ работой ак. Срезневскаго, вопроса о повѣстяхъ о Куликовской битвѣ коснулся преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ [2]). Напечатанная въ 1859 г. работа преосв. Филарета, очевидно, была написана гораздо раньше: онъ совершенно не знаетъ о существованіи Кирилло-Бѣлозерскаго списка, объ имени автора Повѣданія повторяетъ старыя мнѣнія. Авторъ Обзора считаетъ, что Софонія, рязанскій священникъ, написалъ Повѣданіе о нахожденіи на Русь Мамая. Это Повѣданіе представляетъ историко-поэтическое изображеніе Куликовской битвы, при чемъ сочинитель основывался на разсказахъ очевидцевъ. Анахронизмы заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей (отсюда видно, что Филаретъ пользовался однимъ Карамзинымъ) относить сочиненіе и сочинителя къ XV вѣку, но Слово по сп. Ундольскаго, написанное не прежде конца XV вѣка, — позднѣе Повѣданія, такъ какъ составляетъ подражаніе послѣднему, отсюда — Повѣданіе слѣдуетъ отнести къ концу XIV вѣка. Ошибки и анахронизмы могутъ принадлежать переписчикамъ.

Повидимому, преосв. Филаретъ весьма мало былъ знакомъ съ предыдущей литературой по вопросу о повѣстяхъ, иначе онъ по другому бы взглянулъ на взаимное отношеніе Повѣданія и Задонщины (на основаніи статьи Срезневскаго). Болѣе того: Филаретъ приписывалъ составленіе Лѣтописной повѣсти тому же Софоніи, судя по сходству нѣкоторыхъ выраженій и мѣстъ; Софоніи же, по его мнѣнію, могло принадлежать и житіе Дмитрія Донского. Подобное заключеніе о Лѣтописной повѣсти было странно дѣлать послѣ работы Назарова, пришедшаго совершенно

---

1) Эрбенъ, издавая въ 1870 г. Слово о полку Игоревѣ и Задонщину, ограничился лишь переводомъ, не прибѣгая къ критикѣ, объясненій Срезневскаго. Онъ повторилъ всѣ его ошибки («за царемъ Соломономъ» — оба они считаютъ, что Соломонъ — Владиміръ святой). Что касается объясненій темныхъ мѣстъ Задонщины, то Срезневскій посвятилъ имъ особую статью, см. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ VII, стр. 96.

2) Обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ. 1859 г. Т. I.

къ иному выводу. Вообще замѣтка автора Обзора ничего новаго не внесла въ литературу повѣстей, къ старымъ ошибкамъ прибавила новыя и для дальнѣйшей разработки вопроса значенія не имѣла.

Между тѣмъ этими заключеніями воспользовался проф. С. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ[1]). Шевыревъ признавалъ, что Повѣданіе написано рязанцемъ Софоніей (и списокъ Ундольскаго подтверждаетъ это, по его мнѣнію), до 1389 г., такъ какъ о Дмитріи нигдѣ не говорится, какъ объ умершемъ. До первоначальнаго текста добраться трудно, вслѣдствіе крайняго искаженія его переписчиками. Они особенно исказили внѣшнюю, поэтическую сторону, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ. Въ виду того, что основной идеей произведенія является сила креста, побѣждающая поганство (авторъ въ изложеніи содержанія всюду оттѣняетъ эту идею), Повѣданіе по духу выше Слова о полку Игоревѣ. Наоборотъ, значительно ниже Слова и Повѣданія Задонщина (автору знакомы оба списка); имъ она подражаетъ много и неумѣло. Значеніе Задонщины состоитъ только въ томъ, что она подтвердила Софоніево авторство Повѣданія и достовѣрность Слова о полку Игоревѣ. Таковы заключенія Шевырева, вытекавшія вообще изъ его точки зрѣнія. Напрасно искать у него критическаго разбора памятниковъ. Всѣ заключенія голословны и неправильны. Въ спискѣ Ундольскаго, дѣйствительно, есть фраза: «помяну рязанца Софонія», что, какъ будто, утверждаетъ за Софоніей авторство Повѣданія, но почему то же самое долженъ подтверждать Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, признающій за Софоніемъ авторство только Задонщины, а не Повѣданія, остается безъ отвѣта.

Съ легкой руки Шевырева надолго у историковъ литературы утвердилось такое поверхностное отношеніе къ повѣстямъ. Вскорѣ оно нашло себѣ выразится въ лицѣ А. Милюкова, автора очень широкой по заглавію, но элементарной по выполненію

1) Лекціи по исторіи русской словесности. Ч. III. Изд. 2. Спб. 1887 г.

книги [1]). Въ статьѣ о древней поэзіи авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и, конечно, сравнилъ ихъ съ Словомъ о полку Игоревѣ. Найдя большое сходство въ содержаніи, авторъ признаетъ превосходство Слова надъ «ничтожностью» Сказанія, явившагося результатомъ паденія письменности благодаря игу. Далѣе этого авторъ не пошелъ [2]).

Повидимому, вопросомъ о литературной исторіи повѣстей спеціально не занимался акад. Ѳ. И. Буслаевъ; по крайней мѣрѣ въ своей Хрестоматіи [3]) онъ очень мало и осторожно сказалъ о нихъ. Описанія Мамаева побоища Буслаевъ дѣлитъ на двѣ редакціи: 1) Задонщина (приводимая имъ по сп. Ундольскаго) и 2) Сказаніе (по изданію Снегирева). Трудно сказать, говоритъ авторъ, въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сказанія рязанца Софронія (Буслаевъ такъ читаетъ это имя). Въ первой разсказъ круглѣе, вторая — болѣе распространена. Подражаніе Слову о полку Игоревѣ рабское, особенно въ первой редакціи, которая не принадлежитъ Софронію, но отъ него многое въ ней могло удержаться. Однако, несмотря на подражаніе, многія мѣста отличаются художественнымъ достоинствомъ, таковы плачи боярынь, описаніе войска, заключеніе [4]).

Буслаевскую точку зрѣнія усвоили себѣ составители двухъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ по исторіи русской литературы — А. Галаховъ [5]) и И. Порфирьевъ [6]). Обѣ книги,

---

1) Очеркъ исторіи русской поэзіи. Спб. 1864, 3-е изд.

2) Выводы Шевырева и до сихъ поръ повторяются составителями элементарныхъ руководствъ по русской литературѣ. Такъ, наприм., Шевыревъ цитируется въ «Очеркахъ по исторіи древне-русской письменности» Протопопова, изд. 1902 г., гдѣ авторъ, разбирая повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, пользуется исключительно имъ и Снегиревымъ.

3) Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861.

4) Выводы акад. Буслаева цѣликомъ были повторены Н. Я. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по русской исторіи, Варшава 1870, въ которой онъ приводитъ отрывокъ изъ Задонщины, по сп. Ундольскаго.

5) Исторія русской словесности древней и новой, А. Галахова. М. изд. 1—1870, 2—1880 г. Т. I.

6) Исторія русской словесности, И. Порфирьева. Казань 1870, ч. I.

какъ извѣстно, выдержали нѣсколько изданій. То, что говорятъ составители о повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (притомъ чрезвычайно кратко), стало достояніемъ средней школы. По этому изложенію составляется представленіе о повѣстяхъ у всякаго, кто приступаетъ къ изученію русской литературы. Авторы какъ будто не знаютъ ни одного предыдущаго изслѣдованія по интересующему ихъ вопросу. Въ новыя изданія своихъ книгъ они также не внесли никакихъ перемѣнъ. Между тѣмъ всѣ составители школьныхъ руководствъ по исторіи русской литературы заимствовали и продолжаютъ заимствовать все, что касается вопроса о повѣстяхъ, у Порфирьева и Галахова. Благодаря этому, у человѣка, прошедшаго среднюю, да и высшую школу, о повѣстяхъ складывается одно и то же сбивчивое и невѣрное представленіе: краткое знакомство съ содержаніемъ, убѣжденіе, что Повѣданіе и Задонщина заимствовали всѣ обороты изъ Слова о полку Игоревѣ, но подражаніе вышло неумѣлое и неудачное, что особенно тяжело по языку Повѣданіе, слогъ котораго испорченъ, пересыпанъ цвѣтами краснорѣчія; что Задонщина ближе къ народно-поэтической рѣчи, но болѣе несамостоятельное произведеніе; что Повѣданіе написано Софоніей (или Софроніей: Галаховъ и Порфирьевъ не различаютъ именъ и ничего не говорятъ о нихъ) въ XIV-мъ вѣкѣ, а Задонщина въ XV-мъ вѣкѣ; наконецъ, что Синопсисъ представляетъ наиболѣе поэтическую редакцію повѣсти.

Какъ уже указано, эти общія и недоказанныя ничѣмъ предположенія сдѣлались господствующими, какъ будто для исторіи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ было уже сказано послѣднее слово. Дѣйствительно, долгое время въ наукѣ не появлялось работъ по этому вопросу. Если и упоминали изслѣдователи о повѣстяхъ, то лишь попутно, въ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ иныхъ темъ.

Такъ, вопроса о повѣстяхъ коснулся отчасти въ своей

магистерской диссертаціи П. Полевой [1]) въ первой части своего труда — Обзоръ памятниковъ славянскихъ. Изложивъ вкратцѣ содержаніе Задонщины (по сводному тексту, изд. Срезневскимъ), авторъ замѣчаетъ, что побѣда Дмитрія послужила основаніемъ для многихъ разновидныхъ произведеній. Вставные эпизоды объясняются стремленіемъ отдѣльныхъ областей заявить свое участіе въ великомъ событіи. Что они вносились уже послѣ составленія редакціи, доказывается анахронизмами.

До насъ дошло два рода произведеній о Куликовской битвѣ, взаимно дополненыхъ впослѣдствіи: 1) книжныя (по предыдущимъ изслѣдованіямъ — Лѣтописная повѣсть) и — 2) народныя (Задонщина, повѣсть въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ). При сходствѣ, часто буквальномъ, Задонщины со Словомъ, попадаются обороты, только составленные по образцу оборотовъ Слова, а не заимствованные. Это сходство не только между этими двумя памятниками, но и вообще между произведеніями другихъ родовъ доказываетъ, что въ обширномъ кругѣ однородныхъ произведеній успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета.

Изъ этихъ словъ ясно, что авторъ цѣликомъ повторилъ мысль Срезневскаго. Объ анахронизмахъ то же говорилъ Соловьевъ, такъ что и эта мысль не новая. Что касается предположенія автора, что Куликовская битва послужила источникомъ многихъ разновидныхъ произведеній, то оно имъ не доказано, да и взято у того же Соловьева. Повѣданія Полевой не коснулся, такъ что его замѣчанія ничего новаго въ литературу не внесли.

Въ 1866 году А. Поповымъ [2]) была указана редакція Повѣсти, помѣщенная въ Хронографѣ. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Толстовскаго, говоритъ онъ, помѣщенъ подробный раз-

---

1) Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Спб. 1864.

2) Обзоръ хронографовъ русской редакціи. М. 1866. В. I.

сказъ о княженіи Дмитрія Ивановича съ обширными выписками изъ лѣтописнаго сказанія о побоищѣ съ Мамаемъ. Разсказъ Хронографа отличается отъ лѣтописнаго болѣе сжатымъ изложеніемъ и нѣкоторыми подробностями. А Поповъ издалъ текстъ этой новой редакціи въ своемъ «Изборникѣ статей», и, такимъ образомъ, для изслѣдователей прибавился новый матеріалъ, ждавшій своей обработки.

Попытка установить редакціи послѣ Соловьева была сдѣлана другимъ историкомъ — Бестужевымъ-Рюминымъ [1]), который признавалъ, что вопросъ еще далеко не разработанъ: «Куликовская битва, говоритъ онъ, вызвала три редакціи, послѣдовательность и взаимную зависимость которыхъ пока еще трудно опредѣлить» (стр. 40). Предположительное дѣленіе Бестужева-Рюмина въ общемъ совпадаетъ съ Соловьевскимъ; первая редакція — лѣтописное сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, гдѣ мало фактовъ, но много благочестивыхъ размышленій (занесенная въ Новгородскую I л-сь повѣсть признается имъ сокращеніемъ этой редакціи). Вторая редакція — Повѣсть или Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, изобилуетъ подробностями, анахронизмами и дополненіями въ разныхъ спискахъ. (По отличіямъ авторъ даже склоненъ редакцію Синописа считать отдѣльной). Приписывается — Софонію (напрасно только авторъ въ этомъ случаѣ сослался на Обзоръ Филарета). Наконецъ — третья редакція — поэтическая Задонщина (изданная Срезневскимъ и Ундольскимъ). Подобное дѣленіе можно было бы признать достаточно основательнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія, если бы не было рѣчи о *редакціяхъ*: это самостоятельные *виды* повѣстей, распадающіеся въ свою очередь на редакціи.

Какъ уже выше говорено, послѣдовавшія работы касались повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ попутно. Такова, правда довольно обширная, замѣтка о нихъ проф. А. И. Смирнова,

1) Русская исторія. 1. Спб. 1872.

посвятившаго разбору повѣстей цѣлую главу своего изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ [1]).

Авторъ повторяетъ мнѣніе Срезневскаго о томъ, что нѣкоторыя мѣста Слова были извѣстны наизусть послѣдующимъ книжкамъ и вошли въ Задонщину и Повѣданія. И та и другія представляютъ двѣ группы, на которыя распадаются повѣсти, при чемъ въ основѣ Повѣданій лежитъ Слово о житіи великаго кн. Дмитрія Ивановича.

Расположивъ памятники по такому порядку: сп. Кирилло-Бѣлозерскій — Ундольскаго — Повѣданіе по изд. Снегирева — Слово о полку Игоревѣ, авторъ произвелъ самое подробное сличеніе сходныхъ мѣстъ и разобралъ, въ какомъ отношеніи находятся эти мѣста между собою. Въ данномъ случаѣ, это самая обстоятельная часть труда проф. Смирнова.

Далѣе авторъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ:

1) Всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побоищѣ заимствовали картины и выраженія непосредственно изъ Слова?

2) Можно ли предположить, что Слово при составленіи ихъ было уже записано?

3) Пользовались ли авторы записаннымъ Словомъ или цитировали его наизусть?

4) Сами повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — устныя творенія или письменныя?

Вопросы эти показываютъ, что вниманіе автора главнымъ образомъ было сосредоточено на Словѣ. Изъ отвѣтовъ однако выясняется точка зрѣнія автора и на повѣсти.

Изъ разбора Кирилло-Бѣлозерскаго списка (который авторъ считаетъ подлиннымъ писаніемъ Софоніи) видно, что составителю хорошо было извѣстно Слово, которое онъ взялъ какъ образецъ для изображенія событія, можетъ быть ему современнаго.

---

1) А. И. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Гл. 4: Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей рус. литературѣ. Фил. Зап. V. Воронежъ 1878.

Планъ автора повѣсти по сп. Ундольскаго (проф. Смирновъ раздѣляетъ авторовъ Задонщинъ, Какъ и Е. Барсовъ) тотъ же, что и предыдущій, только вступленіе обширнѣе и конецъ длиннѣе. Краски тѣ же, что и въ писаніи Софоніи.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Въ немъ три части, заимствованія изъ Слова имѣютъ второстепенное значеніе. Слово о полку Игоревѣ только украсило это произведеніе, но не дало ему своего плана, какъ первымъ двумъ. (Мнѣніе прямо противоположное Снегиреву и Дубенскому). Въ основѣ Повѣданія лежитъ первоначальная повѣсть, писанная современникомъ. Мѣста, сходныя со Словомъ, попали не непосредственно, а изъ писанія Софоніи, потому что въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ о Дмитріи, упоминается о Софоніи или Софроніи.

Весьма можетъ быть, что текстъ обоихъ списковъ Задонщинъ, представляющій часть сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, записанъ по памяти, но первоначальное сказаніе — врядъ ли устное, и авторъ этой первоначальной редакціи врядъ ли пользовался Словомъ о полку Игоревѣ тоже по памяти: Слово было записано, можетъ быть, послѣ составленія, но Софоній могъ детально изучить его части только потому, что это былъ письменный памятникъ. (Здѣсь авторъ расходится съ мнѣніемъ Срезневскаго, отводившаго значительную долю участія памяти въ созданіи повѣстей и Слова). Итакъ, по мнѣнію проф. Смирнова, писаніе Софоніи записано по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ заимствованія — тоже книжный. Слово о Дмитріи — произведеніе книжнаго человѣка, источники его частью книжные, частью устные. Наконецъ, Повѣданіе — несомнѣнно книжнаго происхожденія, и заимствованія изъ Слова, большею частію, извлечены изъ рукописей.

Выводы эти, однако, не вполнѣ ясны. О первыхъ двухъ спискахъ не сказано прямо—книжнаго они характера или нѣтъ; мало доказательствъ, почему слѣдуетъ раздѣлять авторовъ Задонщинъ (скорѣй уже это редакторы, чѣмъ авторы); неясно, изъ какихъ рукописей извлечены заимствованія въ Повѣданіе

изъ Слова. Авторъ же говорилъ, что эти заимствованія шли скорѣе изъ писанія Софоніи, чѣмъ изъ Слова. Редакцій не установлено, равно какъ вовсе не сказано объ отношеніяхъ списковъ Повѣданія между собою.

Тѣмъ не менѣе работа проф. Смирнова важна, какъ самое полное сравненіе поэтическихъ мѣстъ повѣстей со Словомъ, установленіемъ положенія, что Задонщина явилась ранѣе Повѣданія, подтвержденіемъ мнѣнія Срезневскаго о возможности существованія на Руси особой поэтической школы и попыткой установить послѣдовательное заимствованіе поэтическихъ мѣстъ въ памятникахъ.

Дѣленіемъ Соловьева на редакціи и предположеніемъ о существованіи литературныхъ школъ воспользовался И. Хрущовъ въ статьѣ, спеціально посвященной вопросу о Повѣстяхъ [1]). Въ общемъ онъ повторяетъ старыя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора замѣчается стремленіе поставитъ вопросъ на новую почву.

Памятники, прославившіе Куликовскую битву, по мнѣнію автора, состоятъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія лѣтописныхъ сводовъ; 2) поэтическаго, приписываемаго Софоніи; 3) Задонщины (изданной Ундольскимъ). Всѣ они въ частностяхъ видоизмѣнены.

Странно, что авторъ нигдѣ не упоминаетъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка. Вообще указанія на литературу вопроса у него неполны и случайны: упомянуты лишь Карамзинъ, Шевыревъ, Костомаровъ (говорившій о повѣстяхъ лишь вскользь: онъ излагалъ только ихъ содержаніе) и Срезневскій. И послѣ этого авторъ говоритъ: «Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ».

Каждое изъ этихъ произведеній принадлежитъ особой школѣ. Первая школа — сѣверо-русское лѣтописанье, отли-

---

1) И. Хрущовъ. О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Чтенія въ О-вѣ Нестора Л-ца. I. 1879.

чается большой искусственностью, книжностью, офиціальностью и общими мѣстами. Разсказчикъ не былъ очевидцемъ битвы, даже мало вслушался въ разсказы участниковъ. Вообще составлена повѣсть блѣдно. Анахронизмы отсутствуютъ, замѣтно желаніе соблюсти точность въ опредѣленіи дней и часовъ похода и битвы. Авторъ могъ знать о ходившихъ пѣсняхъ, но не воспользовался ими, замѣнивъ соотвѣтствующими книжными вставками: въ пѣснѣ, напримѣръ, былъ плачъ боярынь, въ лѣтописную редакцію вставленъ эпизодъ съ плачущей Рахилью.

Вторая школа проникнута духомъ поэзіи религіозной, монашеской. Герой второго произведенія — Сергій, что даетъ возможность отнести Повѣданіе не иначе, какъ къ концу XV-го вѣка. Что касается вопроса объ авторствѣ Софоніи, основанномъ, главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ списка Ундольскаго и на томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣданіе приписывается Софоніи, то авторъ рѣшаетъ его по своему. Этотъ Софоній былъ первымъ прославителемъ Куликовской битвы, и произведеніе его дошло лишь въ отголоскахъ, занесенныхъ по памяти въ сказанія. Анахронизмы Повѣданія органичны, ихъ можно объяснить (помнили, напр., еще хорошо Кипріана, Ольгерда [1]), перенесеніе иконы во Владимиръ и пр.). Молитвы, по мнѣнію автора, составляютъ органическое цѣлое со стороны основной идеи составителя сказанія.

Для Повѣданія авторъ (первый изъ изслѣдователей) попытался указать на источники. Вѣроятно, были, говоритъ онъ, записки о походѣ, списки именъ участниковъ, разсказы о подробностяхъ сраженія, преданія о разныхъ видѣніяхъ во время боя, гусельныя словеса, старины, Софоніевы складки. Была, напр., цѣлая старина, по мнѣнію И. Хрущева, о томъ, какъ Дмитрій узналъ о походѣ Мамая, начинавшаяся, какъ и всѣ старины, пиромъ у тысяцкаго Микулы Васильевича. Въ Повѣданіи

1) Автору не былъ знакомъ ни одинъ изъ списковъ второй редакціи Сказанія, иначе онъ не говорилъ бы этого.

вообще много мѣстъ, которыя составляли одно цѣлое, сохранившееся въ обломкахъ въ Задонщинѣ. Это цѣлое и принадлежитъ Софоніи; но ему приписывать составленіе Повѣданія — несомнѣнная ошибка.

Третья школа бѣдна на Руси произведеніями. Это школа письменной обработки пѣсенъ славы. Задонщина древнѣе Повѣданія (хотя у автора не приведены доказательства), она — какъ бы источникъ послѣдняго. Произведеніе же рязанскаго поэта до насъ въ цѣлости не дошло. (Авторъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго сп. и Синодальнаго, найденнаго позже, иначе онъ перемѣнилъ бы свою точку зрѣнія) [1]).

Выше было сказано, что на ряду съ положительными замѣчаніями, какъ-то: указаніемъ на самостоятельные виды повѣстей, признаніемъ существованія школъ, характеристикой Лѣтописной Повѣсти, попыткой указать источники, сомнѣніемъ въ принадлежности Повѣданія перу Софоніи, у автора встрѣчаются ничѣмъ недоказанныя положенія. Причину отсутствія достаточнаго основанія въ сужденіи о повѣстяхъ слѣдуетъ искать въ томъ, что и г. Хрущовъ, какъ и остальные изслѣдователи, не занялся изученіемъ состава списковъ Повѣданія.

Какъ извѣстно, повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ вошла въ народныя лубочныя картины. Д. Ровинскій, издавая послѣднія, высказалъ о ней нѣсколько своихъ замѣчаній [2]). Старѣйшей редакціей онъ признаетъ Задонщину, но подъ ней, очевидно, разумѣетъ и Повѣданіе и списки Кирилло-Бѣлозерскій и Ундольскаго. Въ остальномъ онъ просто повторяетъ мнѣнія Карамзина, — приписывая эту редакцію іерею Софронію, и арх. Варлаама, — считая, что древнѣйшій списокъ подъ № 378 Румянцевскаго музея заимствованъ у Софонія. Кромѣ того, въ лѣтописяхъ и хронографахъ занесены, говоритъ онъ, разныя

1) Въ своей другой книгѣ: «Бесѣды о русской литературѣ», Спб. 1900, авторъ только элементарно разсказалъ содержаніе Повѣданія и Задонщины.

2) Русскія народныя картинки. Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1881. Т. XXVI.

отдѣльныя описанія того же событія, то книжнаго, то народнаго происхожденія. Изъ разбора подробностей вытекаетъ, по мнѣнію автора, что 1) кромѣ извѣстныхъ, существовало множество другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ и 2) — послѣ составленія первоначальныхъ редакцій въ нихъ вносились разные эпизоды, даже въ самое позднее время. Послѣднее обстоятельство было причиной появленія анахронизмовъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) Д. Ровинскій, вопреки предыдущимъ изслѣдователямъ, говоритъ, что Задонщиной народъ восхищался, переживая ея описанія. Хотя текстъ ея составился подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ, но послѣднее по содержанію и по обилію поэтическихъ хитросплетеній не представляло для народа такого интереса, какъ описаніе Куликовской битвы.

Вообще замѣчанія Д. Ровинскаго высказаны попутно и значенія особаго не имѣютъ. Одно только заслуживаетъ вниманія, что Ровинскій, первый послѣ Снегирева, намѣтилъ существованіе послѣдовательныхъ редакціонныхъ переработокъ.

Обстоятельный разборъ редакцій Повѣстей далъ въ своихъ лекціяхъ проф. О. Миллеръ [2]). Въ нихъ авторъ изложилъ тѣ выводы, къ которымъ пришла литература о повѣстяхъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, въ иныхъ — повторилъ ошибки предыдущихъ изслѣдователей.

Основываясь на упоминаніи имени Софоніи однимъ изъ позднѣйшихъ списковъ Повѣданія, — спискомъ Ундольскаго и отрывкомъ въ Тверской лѣтописи, О. Миллеръ выразилъ предположеніе о существованіи какого-то древнѣйшаго сказанія, принадлежавшаго этому Софоніи. (Эта мысль принадлежитъ, какъ указано выше, г. Хрущову). Тотъ же матеріалъ, который дошелъ до насъ, можно разбить на три редакціи. Къ первой принадлежитъ современная, лѣтописная, составленная москвичемъ, близко стоявшимъ къ в. кн. Дмитрію, котораго онъ

---

1) Id. T. XXVII.

2) Лекціи по исторіи русской литературы. Спб. $188^3/_4$. Литограф. изданіе.

идеализируетъ. Признаками современности служатъ отсутствіе упоминанія о митрополитѣ, негодующій тонъ на Олега. Судя по тому, что преп. Сергій является въ ней лицомъ не легендарнымъ, написаніе редакціи слѣдуетъ отнести ко времени около 1392 г. Разсказъ редакціи полонъ исторической правды, опредѣленія мѣста и времени чрезвычайно точны. Встрѣчающіяся эпическія мѣста (напр., описаніе боя) авторъ могъ знать по знакомымъ ему наизусть образцамъ. Таково мнѣніе О. Миллера о первой редакціи. Напрасно авторъ считаетъ разсказъ ея полнымъ правды. Мнѣніе г. Хрущова, котораго авторъ, кстати сказать, чрезвычайно цѣнитъ, было въ этомъ случаѣ иное и ближе къ истинѣ.

Второй редакціей О. Миллеръ ставитъ Задонщину, напрасно считавшуюся, по его словамъ, третьей редакціей. Разбирая мнѣнія о ней изслѣдователей, авторъ считается съ двумя: съ — признававшимъ одну общую эпическую основу для нея и для Слова (мнѣніе Срезневскаго) и съ другимъ, считающимъ Задонщину книжнымъ подражаніемъ Слову. О. Миллеръ присоединяется къ послѣднему, такъ какъ Срезневскій въ своихъ доказательствахъ «доходитъ иногда до странныхъ выводовъ и непонятныхъ заключеній».

Въ третьей редакціи — Повѣданіи авторъ обращаетъ вниманіе на двойное заглавіе (на что еще указывалъ Назаровъ) — «Повѣданіе и Сказаніе», и говоритъ, что оно заставляетъ подразумѣвать два источника: книжный и устный. Дѣйствительно, первая половина Повѣданія книжная, вторая — съ большими заимствованіями изъ устныхъ сказаній. Излагая вкратцѣ исторію изданій Повѣданія, О. Миллеръ повторилъ разсказъ Калайдовича о находкѣ этого памятника Тимковскимъ. Со Снегиревымъ авторъ не согласенъ въ томъ, чтобы сравнивать Повѣданіе со Словомъ, такъ какъ въ Повѣданіи больше мѣстъ обще-эпическихъ, чѣмъ заимствованныхъ. Въ основѣ Повѣданія лежитъ та же повѣсть, что и въ первой редакціи, но распространенная вставками изъ другихъ источниковъ или риторче-

скими украшеніями. (О. Миллеръ повторяетъ того же «Урана»). Дмитрій идеализированъ въ ней еще больше. Взятыми изъ другихъ источниковъ авторъ считаетъ разсказы о чудесахъ, предзнаменованія передъ битвой, эпизодъ съ Бренкомъ и пр. Вообще же сводка сдѣлана искусно, хотя слѣды спаекъ не исчезли.

Изъ работъ по повѣстямъ О. Миллеръ называетъ главныя: Бѣляева, Снегирева, Срезневскаго, Назарова и Хрущова (послѣднихъ, особенно Хрущова, онъ цѣнитъ высоко).

Эта же третья редакція, только съ измѣненіями и прибавками изъ устныхъ разсказовъ, вошла въ Никоновскую лѣт. и позже, въ XVII вѣкѣ, — въ Синопсисъ, съ эпическими подробностями въ описаніи вооруженія въ разсказѣ о Захаріи Тютчевѣ. Изъ Синопсиса — вошла въ народныя сказки.

О. Миллеръ, какъ и предыдущіе изслѣдователи, дѣлитъ всѣ повѣсти на редакціи, тогда какъ онѣ распадаются на три самостоятельныхъ вида. Кромѣ того совершенно непонятно, почему повѣсть Никоновской лѣт. имѣетъ большее количество вставокъ, чѣмъ Повѣданіе по списку Снегирева? Утверждать это положеніе — значитъ вовсе быть незнакомымъ съ текстомъ Никоновской лѣт. То же можно сказать и о Синопсисѣ: авторъ голословно повторилъ заключенія своихъ предшественниковъ.

За О. Миллеромъ остается заслуга, что онъ окончательно установилъ хронологическій порядокъ возникновенія повѣстей такъ, какъ онъ былъ намѣченъ предыдущими изслѣдователями.

Между тѣмъ Д. И. Иловайскій въ своей Исторіи[1]) держится совершенно иного мнѣнія. Считая Повѣданіе одной редакціи съ Никоновской лѣтописью, только поэтичнѣй (уже это одно показываетъ, что редакція не одна), историкъ говоритъ, что авторомъ его былъ Сѣченій рязанецъ, духовное лицо. И Задонщина и отрывокъ Тверской лѣтописи подтверждаютъ это. Повѣданіе сочинено Сѣченіемъ вскорѣ послѣ битвы и впослѣдствіи послу-

1) Д. Иловайскій. Исторія Россіи. М. 1884. Т. II. Прим. 31.

жило источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сказаній и словъ — и лѣтописнаго, и Задонщины, и Никоновской л., и той повѣсти, которая въ передѣлкахъ, съ пропусками и вставками, стала достояніемъ многочисленныхъ сборниковъ. Послѣдніе лучше удержали языкъ первоисточника, языкъ, перемѣненный въ лѣтописяхъ на лѣтописный ладъ. Что первоначальное Повѣданіе сочинено вскорѣ послѣ битвы, доказывается именами убитыхъ князей и воеводъ, вездѣ одинаковыми, именами гостей-сурожанъ, развѣдчиковъ; дѣти кн. Дмитрія указаны именно тѣ, которыя были во время похода [1]).

Синопсисъ — то же Повѣданіе, только передѣланное въ литературную повѣсть XVII вѣка.

Попытка историка представить первоначальное писаніе Софоніи повліявшимъ на всѣ послѣдующія повѣсти никакъ не можетъ назваться удачной. Слишкомъ отличны редакціи, чтобы всѣмъ имъ предполагать одинъ оригиналъ. Изъ всей замѣтки Д. И. Иловайскаго интересно лишь одно замѣчаніе о двухъ моментахъ описанія: въ битвѣ, въ сущности, описывается, говоритъ историкъ, начало боя и выходъ засаднаго полка, а не другія перипетіи боя, несомнѣнно бывшія; объяснить это можно тѣмъ, что Софоній писалъ только похвалу Дмитрію и Владимиру, а не полный отчетъ о битвѣ.

Въ 1885 г. появилась работа Тимофеева [2]), о которой ак. А. Н. Пыпинъ отзывается какъ объ изслѣдованіи, наиболѣе подробно разсмотрѣвшемъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

На ряду съ старинами объ освобожденіи отъ татарскаго ига возникли и книжныя произведенія на ту же тему, говоритъ авторъ. Эти книжныя произведенія дѣлятся на двѣ редакціи.

---

1) Между тѣмъ ниже авторъ самъ себѣ противорѣчитъ: «Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ — и особенно во время битвы» (стр. 547).

2) Тимофеевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, VIII и IX.

Первая представляетъ спокойное изложеніе, перерываемое изрѣдка вставками изъ Слова о полку Игоревѣ; вторая, менѣе пространная, рабская копія Слова. Къ первой относится Повѣданіе, ко второй — Задонщина (по двумъ спискамъ).

Въ основу своего разбора Повѣданія авторъ положилъ списокъ проф. Тихонравова, относимый имъ къ концу XVI или началу XVII вѣка. Кромѣ этого списка Тимофееву были знакомы (т. е. онъ о нихъ упоминаетъ) еще 13: шесть бывшихъ гр. Толстого, теперь Императорской Публичной Библіотеки; отрывки изъ списка Ермолаева; списокъ Морозова; Тимковскаго; два — Архива министерства иностранныхъ дѣлъ и два бѣло-русскихъ (Буслаева и «Книга о побоищи Мамая царя»).

Кромѣ того списки Повѣданія находятся въ Софійскомъ Временникѣ, въ Кіевскомъ Синопсисѣ, «сходные между собою буква въ букву». (Здѣсь какая то нелѣпость, потому что оба текста — двухъ совершенно отличныхъ видовъ и общаго между собою ничего не имѣютъ).

Вообще списки «одинаковы», разница благодаря интерполяціи или отъ произволо переписчиковъ. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одно не дошедшее сказаніе. Ближе къ послѣднему — списокъ Тихонравова, но и онъ не первоначальный. (На самомъ же дѣлѣ и списки представляютъ чрезвычайное разнообразіе, и Тихонравовскій списокъ всего дальше ушелъ отъ оригинала).

Разбирая вторую редакцію, авторъ сравниваетъ сходныя мѣста со Словомъ (это послѣ работы Смирнова!) и указываетъ, что поэтическій элементъ въ Задонщинѣ стоитъ на первомъ планѣ. Изъ двухъ списковъ текстъ сп. Ундольскаго полнѣе и представляетъ какъ бы переходъ къ Повѣданію. При этомъ авторъ высказываетъ предположеніе: не представляетъ ли списокъ Ундольскаго текста Задонщины въ неполномъ видѣ, съ пропусками и пробѣлами, которые восполняются подставленіемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ другого списка Задонщины? (Предположеніе странное послѣ вполнѣ отвѣчающей на это работы Срезневскаго).

Далѣе авторъ разбираетъ Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Никоновской лѣтописи. Послѣдняя редакція, имѣвшая оригиналомъ Повѣданіе, полнѣе, но безъ поэтическаго элемента. Составлена она, можетъ быть, по какому-либо варіанту Повѣданія.

О редакціи Синопсиса Тимофеевымъ сказано еще меньше. Указывается лишь на то, что Повѣданіе менѣе измѣнено въ этой редакціи, выброшены одни поэтическія мѣста.

Авторъ совершенно незнакомъ съ литературой вопроса и увѣряетъ, что о повѣстяхъ существуютъ лишь «бѣглыя замѣтки». Упоминаются: Карамзинъ, м. Евгеній, Арцыбашевъ, Бѣляевъ, Ягичъ, Шевыревъ и Соловьевъ. Всѣ эти имена, видно, взяты наудачу.

Оригинально мнѣніе автора о Софоніи: Повѣданіе и Задонщину, говоритъ онъ, писали два разныхъ лица: Задонщину — рязанскій старецъ Софоній, Повѣданіе — іерей Софроній, жившій въ концѣ XV в. Задонщина (сп. Кирилло-Бѣлозерскій) возникла въ Рязани, списокъ Ундольскаго — въ Переяславлѣ Залѣсскомъ или гдѣ-нибудь по близости отъ Москвы (какъ же, въ такомъ случаѣ, у нихъ одинъ авторъ?) наконецъ и Повѣданіе — гдѣ нибудь въ Новгородской землѣ, судя по сп. Тихонравова.

Выводы автора таковы:

1) Оригиналъ Повѣданія утраченъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ первоначальной редакціи.

2) Повѣданіе и Задонщина руководились Словомъ о полку Игоревѣ.

3) Оригиналами обоихъ памятниковъ были двѣ разныя редакціи.

4) Оба памятника составлены въ концѣ XV вѣка. Варлаамовская редакція первоначальна, она относится къ XV вѣку.

5) Списки возникли на сѣверѣ (Новгородъ), юго-западѣ (Бѣлоруссія или Кіевъ) и въ Московско-Суздальской области.

6) Повѣданіе имѣло вліяніе на позднѣйшую литературу о битвѣ.

7) Литература о самихъ памятникахъ — скудна.

Изъ размотрѣнія работы Тимофеева не трудно видѣть, что она совсѣмъ неудовлетворительна. Авторъ довелъ до крайности нежеланіе знакомиться съ литературой вопроса. Отсюда вытекаетъ голословность его выводовъ, неясность раздѣленія на редакціи, потому что все написано на основаніи двухъ-трехъ старыхъ умозаключеній, наивныя заключенія, вродѣ того, что Слово о Димитріи есть переходъ къ Повѣданію. Нѣтъ ссылокъ на такія работы, какъ Назарова, Хрущова, Смирнова, Срезневскаго. Объ именахъ составителей очень натянутое положеніе, равно какъ и по вопросу о мѣстѣ и времени возникновенія редакцій. Совсѣмъ невѣрно указано на сходство Синопсиса съ Софійскимъ временникомъ. Неправильно все, что относится къ Никоновской лѣтописи. Не доказано, почему слѣдуетъ раздѣлять списки Задонщины. Кромѣ того авторъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ противорѣчитъ.

Принимая все это во вниманіе, никакъ нельзя согласиться съ ак. А. Н. Пыпинымъ, указывающимъ на полноту обзора Тимофеева. Авторъ, наоборотъ, нигдѣ не показалъ критической работы надъ составомъ текста и надъ сравненіемъ варіантовъ. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ это.

Не разъ уже выраженное предположеніе о возможности существованія на Руси школы, воспѣвавшей пѣсни славы (Срезневскій, Хрущовъ), особенно развилъ въ своемъ изслѣдованіи Е. В. Барсовъ [1]), въ особой главѣ, посвященной отношенію Слова къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Въ ней авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, какъ такихъ, на которыхъ слѣды вліянія Слова замѣтны какъ непосредственное его воздѣйствіе.

Авторъ говоритъ, что современники не могли довольствоваться такимъ витіеватымъ, но холоднымъ разсказомъ о по-

---

1) Е. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. М. 1887.

боищѣ, какой находился въ лѣтописныхъ сводахъ. Поэтому появились другія литературныя обработки, представляющія два типа: 1) поэмы, воспѣвавшія хвалу Дмитрію и его брату, и 2) повѣсти съ преобладаніемъ историческаго элемента.

Первыя дошли въ двухъ видахъ: краткомъ (Кирилло-Бѣлозерскій сп.) и пространномъ (сп. Ундольскаго). Въ краткомъ видѣ, буквально повторяющемъ Слово, указано и имя автора: Софонія рязанецъ (кто бы онъ ни былъ — іерей или бояринъ, важно, что онъ, воспользовавшись скорбью и радостью битвы, подражалъ Слову, гдѣ торжественный тонъ сливается съ элегическимъ), писавшій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ битвы.

Е. В. Барсовъ несогласенъ, слѣдовательно, съ мнѣніемъ проф. Смирнова о томъ, что Кирилло-Бѣлозерскій списокъ не первоначальный видъ писанія Софоніи, а копія, занесенная въ сборники по памяти. Особенность древне-русской письменности, говоритъ авторъ, та, что краткія редакціи предшествуютъ пространнымъ, и краткость писанія Софоніи заставляетъ признать его первоначальность. (Но здѣсь авторомъ не различаются понятія о краткости и сокращенности).

Авторъ пространнаго вида неизвѣстенъ, но первымъ источникомъ его поэмы служило писаніе Софоніи рязанца, о которомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ произведеніи. Изъ сравненія краткаго и полнаго вида оказывается, что распространеніе послѣдняго основано на счетъ того же Слова о полку Игоревѣ. (Запѣвъ, котораго нѣтъ у Софоніи, есть въ Словѣ, наибольшее тяготѣніе къ буквѣ Слова и болѣе стройное и логическое расположеніе частей. Однимъ словомъ, цѣлью автора пространнаго вида было — восполнить похвалу, написанную Софоніей). Предполагать о существованіи какой-либо пространной поэмы Софоніи и ея сокращеній — не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Таковы выводы автора, которые должны были бы измѣниться, слибъ, Е. В. Барсовъ зналъ третій текстъ Задонщины, открытый уже спустя по написаніи его изслѣдованія.

Переходя къ разбору повѣстей второго типа, авторъ указываетъ на ихъ распространенность и разнообразіе. Главное же ихъ содержаніе, въ сущности, одно. Онѣ витіеваты, но риторическія украшенія заимствованы не непосредственно изъ Слова, а изъ повѣстей перваго типа. Заимствованія видоизмѣнялись и располагались согласно пониманію книжниковъ.

Большая часть дошедшихъ повѣстей — новгородскаго происхожденія: въ писаніи Софоніи говорится, что новгородцы не поспѣли къ бою, а въ повѣствованіяхъ — новгородцы принимаютъ дѣятельное участіе, ихъ семь, по другимъ спискамъ — сорокъ тысячъ. Очевидно, Новгороду хотѣлось принять хотя нравственное участіе въ битвѣ.

Однако этого мало для доказательства новгородскаго происхожденія повѣстей. Могъ существовать особый разсказъ о новгородскомъ ополченіи, потомъ уже вставленный въ текстъ повѣсти, какъ и другія вставки, на которыя указывали Хрущовъ и О. Миллеръ.

Много мѣста удѣлено у Е. В. Барсова на разборъ того, какъ отразилось въ Задонщинахъ Слово. Многое, оказывается, было не понято, о многомъ сказано глухо; сглажены многіе художественные образы, не поняты слова, такъ какъ авторы Задонщинъ были незнакомы съ мѣстными говорами или не поняли уже испорченныхъ мѣстъ Слова.

Въ заключеніе Е. В. Барсовъ вступаетъ въ полемику съ Ровинскимъ, указывая, что распространенность повѣстей именно слѣдуетъ усматривать въ ихъ сходствѣ со Словомъ.

Итакъ авторъ признаетъ, что Задонщина ранѣе Повѣданія, но раздѣленіе Задонщины на два самостоятельныхъ произведенія не выдерживаетъ критики. (Въ этомъ случаѣ Е. В. Барсовъ повторилъ выводъ проф. Смирнова). Вообще главное вниманіе изслѣдователя все-таки лежало на Словѣ, и поэтому о многомъ, касающемся повѣстей, высказано кратко или общими словами, еще требующими провѣрки, о многомъ (напримѣръ — о составѣ текста, редакціяхъ) вовсе не говорится.

Какъ уже выше было указано, въ 1890 г. нашелся третій списокъ Задонщины, изданный проф. Смирновымъ [1]). Свое изданіе текста А. И. Смирновъ снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ, изъ разбора сходныхъ мѣстъ Синодальнаго списка съ соотвѣтствующими Ундольскаго и Кирило-Бѣлозерскаго, онъ выводитъ, что 1) Синодальный — ближе къ Ундольскому, 2) Синодальный не представляетъ простой копіи Ундольскаго, но оба восходятъ къ одному оригиналу; оба переписчика въ иныхъ мѣстахъ буквально переписывали, въ другихъ передѣлывали оригиналъ.

Синодальный списокъ еще не былъ предметомъ изслѣдованія, но его содержаніе такого рода, что могло бы во многомъ измѣнить предыдущіе выводы о Задонщинѣ.

Лѣтописной повѣсти коснулся въ своемъ трудѣ объ общерусскихъ лѣтописныхъ сводахъ ак. А. А. Шахматовъ [2]). Въ 5-й главѣ, посвященной разбору источниковъ полихрона 1423 г., А. А. Шахматовъ касается лѣтописнаго сказанія о побоищѣ. Владимирскій полихронъ, говоритъ авторъ, былъ составленъ въ 1423 г. при митрополичьемъ дворѣ. Нѣкоторыя событія до 1390 могли войти въ него изъ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ. Но въ послѣдней отсутствовало сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, такъ что оно внесено въ сводъ впервые въ 1423 году, хотя составлено еще въ XIV вѣкѣ.

Въ наиболѣе близкомъ къ первоначальной редакціи видѣ сказаніе сохранилось въ Новгородской IV, Софійской 1 и 2 и Ростовской лѣтописяхъ, въ Воскресенскую попало съ значительными сокращеніями, а въ Никоновскую въ распространенномъ и поновленномъ видѣ.

Такимъ образомъ мысль о первоначальности Лѣтописной Повѣсти окончательно подтверждена результатомъ критической работы автора надъ составомъ лѣтописныхъ текстовъ.

---

1) 3-й списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII вѣка. *Рус. Фил. Вѣстникъ.* 1890. Варшава, № 2.

2) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, XI.

Одно только мнѣ неясно въ выводахъ А. А. Шахматова: въ чемъ заключаются «значительныя» измѣненія текста повѣсти въ Воскресенской лѣтописи. Наоборотъ, повѣсти, помѣщенныя въ Воскресенской и Софійской 1 лѣтописяхъ, скорѣе слѣдуетъ считать чрезвычайно сходными между собою.

Наконецъ къ весьма недавнему времени относится небольшая работа, рефератъ Х. Лопарева: «Къ литературной исторіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». (Сборникъ Памяти Л. Н. Майкова. Спб. 1902). Въ ней авторъ указываетъ на недостатокъ въ серьезномъ критическомъ анализѣ памятниковъ: научные пріемы какъ то не коснулись повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, и въ учебникахъ, говоритъ онъ, господствуетъ ошибочный взглядъ на всю ихъ литературную исторію.

Этимъ замѣчаніемъ въ сущности и кончается въ разбираемой статьѣ положительный вкладъ въ литературу вопроса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ дѣлаетъ непростительно ошибочныя заключенія, основанныя, очевидно, на полномъ незнакомствѣ со списками, даже находившимися у него подъ рукою. Такихъ списковъ автору извѣстно 23, считая въ томъ числѣ и напечатанные: у Снегирева, въ Никоновской л., у Сахарова и въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Кромѣ того, нѣкоторые онъ цитируетъ изъ вторыхъ рукъ: Тихонравовскій изъ статьи Тимковскаго, Синодальный — изъ Карамзина. Общую характеристику всѣхъ авторъ дѣлаетъ правильно, замѣчая, что множество разночтеній въ спискахъ зависитъ отъ произвола писцовъ: каждый дѣлалъ самостоятельнымъ пересказомъ повѣсти.

Эти списки авторъ дѣлитъ на 2 редакціи: краткую и полную. Первая ближе къ оригиналу. Это было бы вѣрно, если бы само дѣленіе было правильно. Между тѣмъ авторъ во 2 редакціи рядомъ ставитъ списки: Никоновской л. — тогда какъ онъ сравнительно всѣхъ кратче, и — Тихонравовскій, — самый полный и сильно отличной отъ перваго редакціи. Съ другой стороны списокъ Тимковскаго, поставленный имъ въ краткую редакцію никакъ не можетъ быть одного разряда съ бѣлорусскими, кромѣ

того онъ и не краткій, а случайно сокращенъ (выпусками нѣкоторыхъ мѣстъ).

Далѣе, особенностью второй редакціи, по Х. Лопареву, является развитіе эпизода о Захаріи Тютчевѣ, вставка разсказа о Новгородцахъ и посѣщеніе Троицы послѣ битвы — распространенія, явившіяся результатомъ толковой обработки. Но въ Снегиревскомъ и въ Никоновскомъ всѣхъ этихъ распространеній нѣтъ, а они тѣмъ не менѣе поставлены во вторую редакцію. Въ остальныхъ перечисленныхъ авторомъ спискахъ эти эпизоды встрѣчаются въ разбивку. (Это и понятно: въ одну редакцію Х. Лопаревымъ соединены, какъ я говорилъ, списки разныхъ редакцій).

Еще страннѣе заключеніе автора о времени возникновенія повѣстей. Основной списокъ относится къ XV вѣку: его возникновенію дало толчокъ событіе 1480 года, обусловившее подъемъ русскаго духа. Повѣсти не могли возникнуть раньше, иначе не было бы «анахронизмовъ»: «обѣ редакціи Сказанія, говоритъ Х. Лопаревъ, *замѣчательно согласны*[1]) между собою о союзѣ Мамая съ Ольгердомъ... *нѣтъ ни одного списка, въ которомъ было бы выставлено настоящее имя литовскаго князя* (*Ягайла*)[1]). Я не буду указывать на рукописи: автору онѣ не извѣстны, но онъ цитируетъ *печатный* Никоновскій списокъ, а тамъ какъ разъ имя князя — Ягайло. Такихъ ошибокъ не дѣлали предыдущіе изслѣдователи.

Изъ этой точки зрѣнія вышло и заключеніе автора: Сказаніе представляетъ работу несамостоятельную, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ и слабую — отсутствуютъ историческія перспективы.

Таковы историко-литературныя изслѣдованія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ[2]). Изъ предыдущаго изложенія приходится заключить, что въ теченіе цѣлаго вѣка почти ничего не было

---

1) Курсивъ мой.

2) Къ сожалѣнію, я не могъ достать лекцій Н. С. Тихонравова, къ кому ни обращался. Безъ нихъ мой обзоръ — не полонъ.

сдѣлано положительнаго по этому вопросу. Еще Бестужевъ-Рюминъ указывалъ на крайнюю запутанность въ раздѣленіи повѣстей на редакціи. Тимофеевъ въ 1885 г. писалъ: «Критической работы, работы надъ составомъ текста, сравненія разночтеній и варіантовъ — еще не появлялось до сихъ поръ въ нашей литературѣ: къ сожалѣнію у насъ нѣтъ до сихъ поръ даже изданія всѣхъ существующихъ списковъ Повѣданія и Задонщины». Въ своей Исторіи русской литературы акад. А. Пыпинъ указываетъ на то же самое, признавая, что вопросъ еще далеко не выясненъ; о томъ же говоритъ, какъ выше указано, Х. Лопаревъ.

Между тѣмъ прослѣдить эволюцію памятника за 4 вѣка его существованія имѣетъ несомнѣнный интересъ и весьма важное значеніе для исторіи русской литературы. Исторія древней литературы есть, въ сущности, исторія редакцій, и при сужденіи о ней необходимо останавливаться не только на оригиналахъ памятниковъ, но и на ихъ послѣдующихъ обработкахъ.

Итакъ, положительными данными по вопросу о повѣстяхъ слѣдуетъ пока признать:

1) Редакціи повѣстей подвергались послѣдовательной обработкѣ (Снегиревъ, Ровинскій).

2) Задонщина находится въ прямомъ отношеніи со Словомъ о полку Игоревѣ, изъ котораго заимствовала поэтическія мѣста (Снегиревъ, Дубенскій, Бѣляевъ, Срезневскій, Полевой, Соловьевъ, Смирновъ, Барсовъ).

3) Текстъ повѣстей искаженъ, и списки чрезвычайно разнятся между собою.

4) Повѣсти раздѣляются приблизительно на три категоріи, въ такомъ порядкѣ: Лѣтописная «редакція» — Задонщина — «Повѣданіе». Лѣтописная повѣсть — первоначальна. (Соловьевъ, Назаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, О. Миллеръ, Барсовъ, А. А. Шахматовъ).

5) Повѣсть, находящаяся въ лѣтописяхъ находится въ

близкой связи съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ (Соловьевъ, Назаровъ).

5) Матеріаломъ для дополненія повѣстей могли служить многочисленные и разнообразные источники (Назаровъ, Хрущовъ, О. Миллеръ).

Въ остальномъ — мнѣнія изслѣдователей расходятся.

ГЛАВА II.

Лѣтописная Повѣсть.

Помѣщенное въ лѣтописяхъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, которое я предлагаю назвать *Лѣтописной Повѣстью*, находится во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV лѣтописи, затѣмъ въ Софійской 1 и Воскресенской.

Академикъ А. А. Шахматовъ указываетъ слѣдующія 4 редакціи Новгородской IV л.: 1) *Основная*, представляемая такъ называемой Карамзинской лѣтописью (Пуб. Б-ки F. IV. 603), содержащая свѣдѣнія болѣе первоначальныя. 2) *Древнѣйшая, первая*, развившаяся изъ основной; представляется двумя списками: Новороссійскаго Университета и Голицинской лѣтописью (Пуб. Б-ки, гр. Толстого II, 58); 3) *Вторая*, — напечатана въ 4 томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и, наконецъ — 4) *Третья*, представляющая нѣкоторое сокращеніе второй и приближеніе къ Новгородской I. Третью редакцію составляютъ списки: а) Синодальной Б-ки № 280, принятый въ число варіантовъ при печатномъ изданіи подъ литерой X; б) Супрасльскій и в) Кирилло-Бѣлозерскій: по этимъ двумъ спискамъ была издана въ 1836 г. кн. Оболенскимъ такъ называемая Супрасльская лѣтопись; г) Виленской Публичной Б-ки, напечатанный подъ именемъ Лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л., т. XVI); д и е) — два Погодинскихъ (Публичной Б-ки № 1402 и № 1404 а).

По времени всѣ эти редакціи весьма близки другъ къ другу: основная относится къ 1448, остальныя къ періоду времени между 1448—1453 гг.

Находящаяся въ этихъ редакціяхъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ не однородна по составу. Она распадается на два основныхъ типа (или редакціи) *краткій* и *распространенный*.

Краткая повѣсть находится *въ спискахъ третьей редакціи*.

Эти списки, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна носитъ всѣ слѣды сѣверо-великорусскаго (новгородскаго) говора, другая — лишена діалектическихъ особенностей и можетъ быть отнесена къ Москвѣ.

Сѣверо-великорусскую группу представляютъ слѣдующіе три списка: 1) Супрасльскій (для краткости обозначу его литерой С), начала XVI в.; 2) Кирилло-Бѣлозерскій (К-Б), конца XV или начала XVI в. и 3) Лѣтопись Авраамки (А), конца XV в., судя по припискѣ, находящейся послѣ повѣсти объ арх. Арсеніи, въ которой указывается, что лѣтопись списана въ 1495 г. въ Смоленскѣ Авраамiемъ по повелѣнію еп. Іосифа.

Изъ этихъ списковъ К-Б ближе къ А, чѣмъ къ С.

Отступленія же текста С отъ А въ общей сложности также незначительны. Встрѣчается замѣна нѣкоторыхъ словъ, напр.: А — «на всю *силу* русскую», въ С — «на всю *землю* русскую»; А — «размѣсиша», С — «размѣнішася»; А — «*мнози* небывалци», С — «*множество* небывалци» и т. п.

Нѣкоторыя фразы въ С противъ А прибавлены: такъ, послѣ словъ: «Ягайло идетъ на тебе» — слѣдуетъ: «с татары съ всею силою своею»; передъ фразой: «аще ли умремъ за миръ, Господеви есме» вставленъ несомнѣнный пропускъ текста А: «аще живи будемъ, Господеви есмя».

Но чаще, чѣмъ вставки, наблюдаются въ С пропуски фразъ противъ А: пропущена, напр., фраза: «избави мя отъ сыроядець сихъ», находящаяся въ А не вполнѣ у мѣста: «не презри хрестьянъ сихъ, избави мя отъ сыроядець сихъ и помилуй мя». Пропущена въ С фраза: «и поидоша за Донъ». Въ текстѣ А:

«иже крѣпко бишася съ иноплеменникы, твердо брашася и мужескы храброваша», въ С: «съ иноплеменникы.... брашася» — нѣтъ.

Всѣ эти пропуски, вставки, измѣненія и перестановки словъ слѣдуетъ относить, главнымъ образомъ, на долю переписчиковъ. Однако въ разбираемыхъ текстахъ отмѣчаются болѣе существенныя разночтенія.

Слова: «отъ насъ изыдоша и на ны быша», въ С, какъ и во многихъ другихъ спискахъ Лѣтописной Повѣсти, приписываются Христу, только текстъ А относитъ ихъ къ словамъ апостола. Послѣднее — вѣрнѣе, потому что цитата эта представляетъ перефразъ 19 стиха II главы перваго посланія ап. Іоанна: «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ». Затѣмъ, вмѣсто: «се бо всташа *на нь* три земли, три рати.... но обаче всѣхъ сихъ не *убояся*», въ С стоитъ: «се бо всташа *на мя*»...., и вся вставка изложена отъ перваго лица, хотя по контексту здѣсь не слова великаго князя, а рѣчь о немъ.

Эти примѣры должны указывать уже на извѣстную порчу С сравнительно съ А. Поэтому послѣдній, въ виду большей исправности текста, (вмѣстѣ съ К-Б) слѣдуетъ считать болѣе близкимъ къ оригиналу. Тѣмъ не менѣе для А и С нужно предполагать одинъ общій источникъ. Доказательствомъ служатъ одинаково встрѣчающіяся въ томъ и другомъ текстѣ ошибки или описки. Вмѣсто чтенія: «вземъ», «воспріимъ», «убійства», въ А и С одинаково написано: «възмемъ», «въсъпріимемъ», «убожьства». Въ текстѣ А вмѣсто: «да и прочіи то *видѣвше*» — ошибкою написано «вивше»; въ С — этого слова нѣтъ совсѣмъ, такъ что въ оригиналѣ уже была ошибка или неразборчивое слово, которое переписчикъ не счелъ возможнымъ исправить. Наконецъ, списки А и С одинаково высчитываютъ количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ во многихъ другихъ: «сто тысячъ и сто».

Ко второй группѣ относятся два Погодинскихъ №№ 1402

и 1404 а. Прежде всего замѣчу, что текстъ, Повѣсти въ обоихъ *одинаковъ*.

Въ сравненіи съ текстомъ А, разбираемые списки, за исключеніемъ погрѣшностей при перепискѣ, представляютъ текстъ еще болѣе близкій къ оригиналу. Погрѣшности снова выражаются или въ видѣ замѣны словъ: «страстныя» вм. «смертныя», «множество» — вм. «мужество», или повтореній: «і в то время» — напр. написано дважды, или пропусковъ, изъ которыхъ одинъ, случайный, довольно значителенъ [1]).

Что Погодинскіе списки представляютъ текстъ лучшій, доказывается тѣмъ, что изъ двухъ ошибокъ: «възмемъ» и «въсъпріимемъ» оставлена лишь одна «возмем»; количество рати сосчитано правильно: «сто пятьдесятъ тысящь»; вм. чтенія А: «не ходи тіи бо понеже» стоитъ ясное: «не ходити бо понеже»...; есть пропущенная фраза: «аще ли живи боудем Господеви есме»; дополненъ и слѣдующій пропускъ въ А послѣ словъ: «мнози изгонящіи мя»: — «и стоужающеи ми»; при перечисленіи убитыхъ въ значительномъ большинствѣ списковъ упоминается «Левъ Морозовъ»: текстъ А читаетъ «Мозыревъ», въ Погодинскомъ № 1404 а — «Морозовъ» написано по подчищенному «Мозыревъ» — нужно думать, что такое чтеніе было и въ ори-

---

1) ... «Половци узрѣвше великаа силы [и поидоша, земля тутьняше, горы и холми трясахуся отъ множества вой бесчисленыхъ, и изъвлекоша оружіа своя и якоже орли събирахуся, и якоже есть писано: гдѣ бысть трупъ, туто же и орли. Пришедшимь рокомь, преже бо начаша ступатися сторожовыи полкы рускы с татарьскыми, самь же великый князь наѣха напередь въ сторожовыхъ полцѣхъ в гонце и хоругви на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго діавола Мамая, и тако потомъ недолго попустя отъѣха князь в великый полкь; иже пакы поиде великая рать мамаева и вся сила татарьская, а отселѣ поиде великый князь Дмитрій Ивановичь съ всими князи рускыми, изрядивь полкы, и поступи противу поганыхъ половѣць съ всѣми ратьми своими. И възрѣвъ на небо умиленыма очима, и въздохьнувъ из глубины сердца, рече слово псаломьское: братье! Богъ намь прибѣжище и сила; и внезапу абіе съступишася обѣ велицѣи силы вмѣсто] на долгъ часъ, и покрыша полкы поле»... Здѣсь пропущено все заключенное въ прямыхъ скобкахъ. Нужно думать, что въ оригиналѣ, съ котораго писалъ переписчикъ, былъ утраченъ листъ.

гиналѣ; нѣтъ ясной ошибки А: «Литва над *ними* игры творять», — въ Погодинскихъ: «над *нами*»; въ разсказѣ о судьбѣ Мамаевой отсутствуетъ находящееся въ А заглавіе: «О Маман», и разсказъ, такимъ образомъ, тѣснѣе соединенъ съ общимъ текстомъ. Наконецъ, по изложенію текстъ Погодинскихъ списковъ стройнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ опущены тавтологическія выраженія и завѣдомо позднія вставки. Въ послѣднемъ случаѣ отмѣчу, что во фразѣ: «и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика» — слово «Москвѣ» пропущено, что вполнѣ естественно, такъ какъ извѣстно, про какой городъ идетъ рѣчь.

Повѣсть, носящая въ Погодинскихъ спи́скахъ заглавіе: «О побоищи иже на Доноу и како бился князь великій Дмитрей Ивановичь, како моужество его над тотары» —, оканчивается разсказомъ о судьбѣ Мамая. Нѣтъ, слѣдовательно, находящагося въ А разсказа «О прихоженіи Тахтамышовѣ въ Орду исперва», отчего стройность Повѣсти въ Погодинскихъ спискахъ выигрываетъ еще больше.

Нѣсколько дальше отъ вышеизложенной группы списковъ стоитъ списокъ Х (Син. Б-ки № 280). Что онъ восходитъ къ тому же оригиналу, что и предыдущіе, показываетъ наличность общаго чтенія: «възмемъ», «въспріимемъ», «и горкія печали вашего убожества», число войска — «сто и пятьдесятъ тысячъ». Вмѣсто испорченнаго «вивше» въ Х находится уже попытка исправленія: «пріимше».

Но Х представляетъ позднѣйшую переписку. Цитата: «отъ насъ изыдоша».... приписывается Христу, какъ въ спискахъ другихъ редакцій. Главной же особенностью текста Х является присутствіе въ немъ такихъ вставокъ, которыя характерны для другихъ редакцій Новгородской IV л., почему издателями этотъ текстъ включенъ въ число варіантовъ при печатномъ изданіи, т. е. списокъ Х, принадлежа къ третьей редакціи, въ то же время относится и *ко второй*. Характеръ его, слѣдовательно, переходный.

Въ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV — текстъ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *распространенный*.

Тексты Повѣсти въ спискахъ основной и первой редакцій (Карамзинская и Голицинская лѣтописи) немногимъ отличаются другъ отъ друга. Лучшее чтеніе мѣстами находится то въ одной, то въ другой. Въ выраженіяхъ: «съвѣта» — вм. «совѣтника»; «*миляно было бяше* того утра» — вм.: «*мыла не была бяше* того утра»; «а татаринъ *русина* настигаше» — вм.: «татаринъ *си* настигаше»; «гдѣ будет троупіе ту сберутся и орли» — вм. «гдѣ трупи ту и орли»; «видѣша поганіи *полци*» — вм. «*половци*» — Карамзинская представляетъ лучшее чтеніе.

Наоборотъ: количество войска въ Голицынской высчитывается правильно — «сто пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ въ Карамзинской повторяется нескладное число: «сто тысячъ и сто». Въ перечисленіи убитыхъ значится «Левъ Мозыревъ», тогда какъ въ Карамзинской — «Морозовъ». Вмѣсто чтенія: «но мы сію *бесѣду* оставльше»... ошибкою написано: «бѣду», равно какъ вмѣсто: «Михаило Ивановъ сынъ Акинфовичъ» — въ Карамзинской слово «сынъ» пропущено.

Худшее чтеніе мѣстами обѣ лѣтописи представляютъ по сравненію со списками третьей редакціи: «при Чанибѣ» — вм. «Чанибекѣ»; «поострю» — вм. «поостри» (обращеніе въ молитвѣ); «съежадати» — вм. «съѣзжатися».

Итакъ основныхъ отличій въ текстахъ разобранныхъ редакцій не замѣчается, почему указанная ак. А. А. Шахматовымъ послѣдовательность редакцій остается въ силѣ и для Лѣтописной Повѣсти. Что же касается второй редакціи (напечатанной), то нужно думать, что Повѣсть, помѣщенная въ ней, восходитъ къ двумъ предыдущимъ. Характерная особенность списковъ Новгородской IV въ названіи великаго князя — просто «великимъ княземъ» или даже: «нашимъ княземъ», сохранена въ Карамзинской и Голицинской лл.: «и вознесе Богъ десницу нашего князя». Прибавка во всѣхъ спискахъ второй редакціи Новгородской IV послѣ словъ: «и за вся крестьяны»: «*сущаа и не сущаа*», объ-

ясняется Голицинской лѣтописью, гдѣ стоитъ: «соущая *е соущая*», причемъ зачеркнуто то, что мною обозначено курсивомъ.

Основной текстъ Повѣсти распространеннаго вида тотъ же, что и краткаго (какъ выше указано, списокъ X является непосредственнымъ звеномъ между ними), но противъ послѣдняго дополненъ нѣкоторыми вставками.

Я отмѣчу вставки, находящіяся во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV сравнительно съ третьей ея редакціей:

3 редакція.	Основная, 1 и 2 редакціи.
...и придетъ ему (Олегу) день Господень въ судъ...	...и пріидетъ ему день *великый* Господень въ судъ *аду*...
(Мамай) нача посылати в Литву къ поганому Ягайлу и ко Олгу Рязаньскому, поборнику бессѣрменьскому...	...и нача посылати къ Литвѣ къ поганому Ягайлу и къ *лстивому сотоньщику, дьяволю сѣтнику, отлученому сына Божія, помраченому тмою грѣховною и не хотѣ разумѣти*, Олгу Рязаньскому, поборнику бесерменьскому...
...веля имъ быти на той же срокъ стати у Окѣ с треглавными звѣрьми и сыроядци...	...веля имъ быти на той же срокъ, *и той же сѣтъ сѣтьца* стати у Окѣ съ треглавными звѣрми сыроядци, *а кровь прольяти. Враже, измѣнниче Олже! лихоимьства открываеши образы, а не вѣси, яко мечь Божій острится на тя; яко же Пророкъ рече: оружіе извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыя сердцемъ; и оружія ихъ внидуть въ сердца ихъ и луци ихъ сѣкрушатся*...

... и Литовьскій Ягайло идеть на тебе...

...слышавъ... что идутъ на него вся царствіа...

...Царице небесныхъ чиновъ и всея вселеныя и всѣхъ хрестьянъ кормителниче...

...Всея силы бяше съ двѣстѣ тысящъ...

...Князь же увѣдавъ лесть лукаваго Олга, новаго Июду...

...въздаждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, и отврати...

...ты еси Богъ творяй чудеса...

...и противу князя Олга...

...и Литовьскій идеть на тебе Ягайло *съ всею силою своею*...

...слыша... что идутъ на него вся царствія, *творящеи безаконіе, а глаголюще: еще наша рука высока есть*...

...Царице небеснымъ чиномъ, *Госпоже, присно* всея вселеныя и *всего живота человѣчьскаго* кормителнице...

...Бѣаше всеа силы *и всѣхъ ратей числомъ съ полтораста тысящь или* съ двѣстѣ...

...Князь же *Дмитрій* увѣдавъ лесть лукаваго Олга, *кровопивца крестьянскаго*, новаго Іуду...

...въздай *же* ему, Господи, *седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходить и забы благодать твою; поостри яко молнію мечь мой, и пріиметь судъ рука моя, въздамъ месть врагомъ и ненавидящимъ мя въздамъ и упою стрѣлы моя отъ крове ихъ, да не ркутъ невѣрніи: гдѣ есть Богъ ихъ?* отврати...

...ты еси Богъ творяй чюдеса *единъ*...

...и *отступника нашего* Олга, *отступившаго отъ свѣта въ тму*...

...гдѣ ти аггельстіи лици? где серафимьское...

...и спаси мя милости твоя ради, Господи!...

...мнози изгонящіи мя...

...извлекоша оружіа своя...

...инѣи бо мечемь пресѣкаеми бываху...

...мышляху на бѣгъ обратитися...

...воевода вышняго полка...

...бяшеся съ Тотары тогда напреде всѣхь, а елико одесную и ошуюю его обиша...

...сохраненъ бысть Божьею благодатью...

...гдѣ ти ангелстіи лици, *гдѣ херувимьское предстояніе*, гдѣ серафимьское...

...и спаси мя милости твоея ради, *виждь враги моя яко умножишася на мя*, Господи!...

...мнози гонящеи мя *стужающіи ми*...

...извлекоша оружіа *обоюдуостри въ рукахъ* ихъ...

...иніи бо мечемъ пресѣкаеми бываху, *иніи сулицами прободаеми бываху*...

...и на бѣгъ обратишася *и побѣгоша*...

...воевода *свершеннаго* полка *небесныхъ вой*...

...бяшеся съ Татары тогда *ставъ* напреди всѣхъ, а елико одесную и ошюю его *дружину его* биша...

...съхраненъ бысть. *Не на лукъ мой уповаю и оружіе мое не спасетъ мене, якоже рече Давыдъ пророкъ: Вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не пріидетъ къ тебѣ зло и рана не приближится къ тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ съхранити тя въ всѣхъ путехъ твоихъ, и не убоишися отъ стрѣлы летящія въ днь*...

...отъ безаконныхъ Агарянъ...	...отъ безаконныхъ Агарянъ, *подавая честь яко сынъ своей матери; уставилъ еси стремленіе страстное, яко же еси уставилъ слузѣ своему Моисѣю, и древнему Давыду, и новому Костянтину, и Ярославу сроднику великихъ князей на окаяннаго и на проклятаго братоубійцю безглавнаго звѣря Святополка...*
...Князь же послуша ихъ...	...Князь же послуша ихъ, *пріимъ челобитье ихъ...*
...Мамай же съ готовою ратью...	...Мамай же, *иже уже уготовалъ рать на нихъ*, съ *тою* ратью готовою...

Изъ предложеннаго сопоставленія вытекаетъ:

1) Единичныя вставки или перестановки словъ слѣдуетъ относить, какъ и выше отмѣчалось, къ перепискѣ.

2) Распространенная Повѣсть отличается бо́льшей реторичностью, противъ сжатаго слога краткой: прибавлены эпитеты, допущены тавтологическіе обороты, распространены молитвы, и сверхъ имѣющихся цитатъ изъ св. Писанія находятся новыя. Въ краткомъ текстѣ молитвы, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, составлены по Псалтыри. Псалтырь и въ настоящемъ случаѣ является источникомъ для широкаго заимствованія. Такъ, прибавка послѣ словъ: «Враже измѣнниче Олже» — взята изъ Пс. XXXVI, 14, 15; послѣ словъ: «въздаждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ» — изъ Пс. LXXVI и LXXVIII, 6, 10, 12; послѣ словъ: «спаси мя милости твоея ради» — изъ Пс. III и CXVII; послѣ словъ: «сохраненъ бысть Божьею благодатью» — цѣликомъ изъ Пс. XLIII, 7 и XC, 5, 10, 11.

Кромѣ того, вставка послѣ словъ: «отъ беззаконныхъ Агарянъ» — близко напоминаетъ одно мѣсто изъ повѣсти о Ледо-

вомъ побоищѣ (См. Соф. Врем. I, стр. 257). Впрочемъ подобныя выраженія являлись ходячими формулами для риторическихъ украшеній.

3) Въ распространенной Повѣсти слѣдуетъ отмѣтить широкое развитіе отрицательной характеристики князя Олега рязанскаго. Краткій видъ Повѣсти, изображая Олега измѣнившимъ обще-русскому дѣлу, говоритъ о немъ, тѣмъ не менѣе, немного и по существу. Распространенный же текстъ не скупится на мрачныя краски всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь объ Олегѣ. Тонъ характеристики обличительный и страстный. Подобное отношеніе къ Олегу могло выработаться только въ Москвѣ, близко соприкасавшейся съ рязанскими интересами. Положеніе Рязани между Ордой и Москвой дѣлало политику Олега чрезвычайно затруднительной, но для Москвы онъ могъ быть только измѣнникомъ. Московская повѣсть о нашествіи Тахтамыша упоминаетъ объ Олегѣ въ томъ же обличительномъ тонѣ: «А князь Олегъ Рязаньскый стрѣти царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю рязаньскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Руси, нъ и *споспѣшникъ на пакость крестьяномъ*... хотяше бо добра *не намъ*, но своему княженью помагаше». Съ точки зрѣнія Олега послѣднее, конечно, было вполнѣ естественно.

Отношенія Москвы къ Рязани вообще были непріязненны. Характерно въ этомъ отношеніи, для иллюстраціи, одно лѣтописное извѣстіе, можетъ быть — сокращенная повѣсть: «О побоищѣ Москвы съ Рязанью» (Новгородская IV, подъ 6879). Рязанцы очерчены здѣсь отрицательно: «Тогда рязанци, суровыи человѣци и свѣрѣпы людіе, высокоумни суще, възнесшеся мыслью и възгордѣшася, и помыслиша высокоуміемъ своимъ» не пользоваться въ битвѣ оружіемъ: они рѣшили только захватить съ собою веревокъ, чѣмъ было бы вязать слабыхъ москвичей. «Наши» же, говоритъ лѣтопись, уповали на Бога со смиреніемъ и воздыханіемъ, и Богъ помогъ Дмитрію и его войску — князь Олегъ едва убѣжалъ.

Но подобное отрицательное отношеніе къ Олегу (выражаемое, вдобавокъ, риторически: Олегъ сравнивается съ Іудой предателемъ, безглавнымъ звѣремъ — братоубійцей Святополкомъ) есть явленіе *болѣе позднее*. Вскорѣ послѣ Куликовской битвы дружескія отношенія съ Рязанью установились. Мы имѣемъ двѣ договорныхъ грамоты (См. Собраніе государственныхъ грамотъ I), одну — до 1382 г., заключенную съ благословенія митрополита Кипріана, въ которой упоминается и о побоищѣ: «а что князь великии Дмитрии и братъ князь Володимеръ *билися на Дону съ Татары*, отъ того времени что грабежь или что поиманые люди... *тому межи насъ судъ вобчии*». Другая грамота, относящаяся къ 1385 г. — подтверждала вѣчный миръ и согласіе съ Олегомъ, причемъ посредникомъ былъ св. Сергій. Такимъ образомъ ясно выраженной антипатіи къ Олегу не могло быть въ первое время послѣ битвы.

Принимая во вниманіе: а) что характеристика Олега — явленіе болѣе позднее; б) что риторическія дополненія представляютъ дальнѣйшее развитіе кратко выраженной мысли и в) что Повѣсть краткаго типа болѣе стройна по изложенію — приходится заключить, что *болѣе близкая къ протографу Лѣтописная повѣсть находится въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV*.

Нахожденіе Повѣсти болѣе близкой къ оригиналу въ третьей, а не въ основной и первой редакціяхъ нисколько не нарушаетъ схемы, предложенной ак. А. А. Шахматовымъ. Выше было указано, что редакціи Новгородской IV развились одновременно, въ періодъ между 1448—1453 гг. Третья редакція — «сокращенная», поэтому редакторъ воспользовался Лѣтописной Повѣстью безъ прикрасъ и дополненій, въ то время какъ другіе редакторы, вѣрнѣе — редакторъ основного списка — нѣсколько измѣнилъ оригиналъ на счетъ вышеизложенныхъ добавленій.

Обращусь теперь къ разбору болѣе близкой къ оригиналу краткой Лѣтописной Повѣсти.

«иже крѣпко бишася съ иноплеменникы, твердо брашася и мужескы храброваша», въ С: «съ иноплеменникы.... брашася» — нѣтъ.

Всѣ эти пропуски, вставки, измѣненія и перестановки словъ слѣдуетъ относить, главнымъ образомъ, на долю переписчиковъ. Однако въ разбираемыхъ текстахъ отмѣчаются болѣе существенныя разночтенія.

Слова: «отъ насъ изыдоша и на ны быша», въ С, какъ и во многихъ другихъ спискахъ Лѣтописной Повѣсти, приписываются Христу, только текстъ А относитъ ихъ къ словамъ апостола. Послѣднее — вѣрнѣе, потому что цитата эта представляетъ перефразъ 19 стиха II главы перваго посланія ап. Іоанна: «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ». Затѣмъ, вмѣсто: «се бо всташа *на нь* три земли, три рати.... но обаче всѣхъ сихъ не *убояся*», въ С стоитъ: «се бо всташа *на мя*»...., и вся вставка изложена отъ перваго лица, хотя по контексту здѣсь не слова великаго князя, а рѣчь о немъ.

Эти примѣры должны указывать уже на извѣстную порчу С сравнительно съ А. Поэтому послѣдній, въ виду большей исправности текста, (вмѣстѣ съ К-Б) слѣдуетъ считать болѣе близкимъ къ оригиналу. Тѣмъ не менѣе для А и С нужно предполагать одинъ общій источникъ. Доказательствомъ служатъ одинаково встрѣчающіяся въ томъ и другомъ текстѣ ошибки или описки. Вмѣсто чтенія: «вземъ», «воспріимъ», «убійства», въ А и С одинаково написано: «възмемъ», «въсъпріимемъ», «убожьства». Въ текстѣ А вмѣсто: «да и прочіи то *видѣвше*» — ошибкою написано «вивше»; въ С — этого слова нѣтъ совсѣмъ, такъ что въ оригиналѣ уже была ошибка или неразборчивое слово, которое переписчикъ не счелъ возможнымъ исправить. Наконецъ, списки А и С одинаково высчитываютъ количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ во многихъ другихъ: «сто тысячъ и сто».

Ко второй группѣ относятся два Погодинскихъ №№ 1402

и 1404 а. Прежде всего замѣчу, что текстъ, Повѣсти въ обоихъ *одинаковъ*.

Въ сравненіи съ текстомъ А, разбираемые списки, за исключеніемъ погрѣшностей при перепискѣ, представляютъ текстъ еще болѣе близкій къ оригиналу. Погрѣшности снова выражаются или въ видѣ замѣны словъ: «страстныя» вм. «смертныя», «множество» — вм. «мужество», или повтореній: «і в то время» — напр. написано дважды, или пропусковъ, изъ которыхъ одинъ, случайный, довольно значителенъ [1]).

Что Погодинскіе списки представляютъ текстъ лучшій, доказывается тѣмъ, что изъ двухъ ошибокъ: «възмемъ» и «въсъпріимемъ» оставлена лишь одна «возмем»; количество рати сосчитано правильно: «сто пятьдесятъ тысящь»; вм. чтенія А: «не ходи тіи бо понеже» стоитъ ясное: «не ходити бо понеже»...; есть пропущенная фраза: «аще ли живи боудем Господеви есме»; дополненъ и слѣдующій пропускъ въ А послѣ словъ: «мнози изгонящіи мя»: — «и стоужающеи ми»; при перечисленіи убитыхъ въ значительномъ большинствѣ списковъ упоминается «Левъ Морозовъ»: текстъ А читаетъ «Мозыревъ», въ Погодинскомъ № 1404 а — «Морозовъ» написано по подчищенному «Мозыревъ» — нужно думать, что такое чтеніе было и въ ори-

---

1) ... «Половци узрѣвше великаа силы [и поидоша, земля тутьняше, горы и холми трясахуся отъ множества вой бесчисленыхъ, и изъвлекоша оружіа своя и якоже орли събирахуся, и якоже есть писано: гдѣ бысть трупъ, тутo же и орли. Пришедшимъ рокомь, преже бо начаша сступатися сторожовыи полкы рускы с татарьскыми, самь же великый князь наѣха напередь въ сторожовыхъ полцѣхъ в гонце и хоругви на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго діавола Мамая, и тако потомъ недолго попустя отъѣха князь в великый полкь; иже пакы поиде великая рать мамаева и вся сила татарьская, а отселѣ поиде великый князь Дмитрій Ивановичь съ всими князи рускыми, изрядивь полкы, и поступи противу поганыхъ половѣць съ всѣми ратьми своими. И възрѣвъ на небо умиленыма очима, и въздохьнувъ из глубины сердца, рече слово псаломьское: братье! Богъ намь прибѣжище и сила; и внезапу абіе съступишася обѣ велицѣи силы вмѣсто] на долгъ часъ, и покрыша полкы поле»... Здѣсь пропущено все заключенное въ прямыхъ скобкахъ. Нужно думать, что въ оригиналѣ, съ котораго писалъ переписчикъ, былъ утраченъ листъ.

гиналѣ; нѣтъ ясной ошибки А: «Литва над *ними* игры творять», — въ Погодинскихъ: «над *нами*»; въ разсказѣ о судьбѣ Мамаевой отсутствуетъ находящееся въ А заглавіе: «О Мамаи», и разсказъ, такимъ образомъ, тѣснѣе соединенъ съ общимъ текстомъ. Наконецъ, по изложенію текстъ Погодинскихъ списковъ стройнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ опущены тавтологическія выраженія и завѣдомо позднія вставки. Въ послѣднемъ случаѣ отмѣчу, что во фразѣ: «и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика» — слово «Москвѣ» пропущено, что вполнѣ естественно, такъ какъ извѣстно, про какой городъ идетъ рѣчь.

Повѣсть, носящая въ Погодинскихъ спискахъ заглавіе: «О побоищи иже на Доноу и како бился князь великій Дмитрей Ивановичь, како моужество его над тотары» —, оканчивается разсказомъ о судьбѣ Мамая. Нѣтъ, слѣдовательно, находящагося въ А разсказа «О прихоженіи Тахтамышовѣ въ Орду исперва», отчего стройность Повѣсти въ Погодинскихъ спискахъ выигрываетъ еще больше.

Нѣсколько дальше отъ вышеизложенной группы списковъ стоитъ списокъ Х (Син. Б-ки № 280). Что онъ восходитъ къ тому же оригиналу, что и предыдущіе, показываетъ наличность общаго чтенія: «възмемъ», «въспріимемъ», «и горкія печали вашего убожества», число войска — «сто и пятьдесятъ тысячъ». Вмѣсто испорченнаго «вивше» въ Х находится уже попытка исправленія: «пріимше».

Но Х представляетъ позднѣйшую переписку. Цитата: «отъ насъ изыдоша».... приписывается Христу, какъ въ спискахъ другихъ редакцій. Главной же особенностью текста Х является присутствіе въ немъ такихъ вставокъ, которыя характерны для другихъ редакцій Новгородской IV л., почему издателями этотъ текстъ включенъ въ число варіантовъ при печатномъ изданіи, т. е. списокъ Х, принадлежа къ третьей редакціи, въ то же время относится и *ко второй*. Характеръ его, слѣдовательно, переходный.

Въ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV — текстъ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *распространенный*.

Тексты Повѣсти въ спискахъ основной и первой редакцій (Карамзинская и Голицинская лѣтописи) немногимъ отличаются другъ отъ друга. Лучшее чтеніе мѣстами находится то въ одной, то въ другой. Въ выраженіяхъ: «съвѣта» — вм. «совѣтника»; «*мгляно было бяше* того утра» — вм.: «*мгла не была бяше* того утра»; «а татаринъ *русина* настигаше» — вм.: «татаринъ *си* настигаше»; «гдѣ будет троупіе ту сберутся и орли» — вм. «гдѣ трупи ту и орли»; «видѣша поганіи *полци*» — вм. «*половци*» — Карамзинская представляетъ лучшее чтеніе.

Наоборотъ: количество войска въ Голицынской высчитывается правильно — «сто пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ въ Карамзинской повторяется нескладное число: «сто тысячъ и сто». Въ перечисленіи убитыхъ значится «Левъ Мозыревъ», тогда какъ въ Карамзинской — «Морозовъ». Вмѣсто чтенія: «но мы сію *бесѣду* оставльше»... ошибкою написано: «бѣду», равно какъ вмѣсто: «Михаило Ивановъ сынъ Акинфовичъ» — въ Карамзинской слово «сынъ» пропущено.

Худшее чтеніе мѣстами обѣ лѣтописи представляютъ по сравненію со списками третьей редакціи: «при Чанибѣ» — вм. «Чанибекѣ»; «поострю» — вм. «поостри» (обращеніе въ молитвѣ); «съежданти» — вм. «съѣзжатися».

Итакъ основныхъ отличій въ текстахъ разобранныхъ редакцій не замѣчается, почему указанная ак. А. А. Шахматовымъ послѣдовательность редакцій остается въ силѣ и для Лѣтописной Повѣсти. Что же касается второй редакціи (напечатанной), то нужно думать, что Повѣсть, помѣщенная въ ней, восходитъ къ двумъ предыдущимъ. Характерная особенность списковъ Новгородской IV въ названіи великаго князя — просто «великимъ княземъ» или даже: «нашимъ княземъ», сохранена въ Карамзинской и Голицинской лл.: «и вознесе Богъ десницу нашего князя». Прибавка во всѣхъ спискахъ второй редакціи Новгородской IV послѣ словъ: «и за вся крестьяны»: «*сущаа и не сущаа*», объ-

ясняется Голицинской лѣтописью, гдѣ стоитъ: «соущая *е соущая*», причемъ зачеркнуто то, что мною обозначено курсивомъ.

Основной текстъ Повѣсти распространеннаго вида тотъ же, что и краткаго (какъ выше указано, списокъ X является непосредственнымъ звеномъ между ними), но противъ послѣдняго дополненъ нѣкоторыми вставками.

Я отмѣчу вставки, находящіяся во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV сравнительно съ третьей ея редакціей:

3 редакція.	Основная, 1 и 2 редакціи.
...и придетъ ему (Олегу) день Господень въ судъ...	...и пріидетъ ему день *великый* Господень въ судъ *аду*...
(Мамай) нача посылати в Литву къ поганому Ягайлу и ко Олгу Рязаньскому, поборнику бессѣрменьскому...	...и нача посылати къ Литвѣ къ поганому Ягайлу и къ *лстивому сотоньщику, дьяволю сѣтнику, отлученому сына Божія, помраченому тмою грѣховною и не хотѣ разумѣти*, Олгу Рязаньскому, поборнику бесерменьскому...
...веля имъ быти на той же срокъ стати у Окѣ с треглавными звѣрьми и сыроядци...	...веля имъ быти на той же срокъ, *и той же сѣтъ сѣтьща* стати у Окѣ съ треглавными звѣрми сыроядци, *а кровь пролляти. Враже, измѣнниче Олже! лихоимьства открываеши образы, а не вѣси, яко мечь Божій острится на тя; яко же Пророкъ рече: оружіе извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыя сердцемъ; и оружія ихъ внидуть въ сердца ихъ и луци ихъ сѣкрушатся*...

. . . и Литовьскій Ягайло идеть на тебе . . .

. . . слышавъ . . . что идутъ на него вся царствіа . . .

. . . Царице небесныхъ чиновъ и всея вселеныя и всѣхъ хрестьянъ кормителниче . . .

. . . Всея силы бяше съ двѣстѣ тысящъ . . .

. . . Князь же увѣдавъ лесть лукаваго Олга, новаго Июду . . .

. . . въздаждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, и отврати . . .

. . . ты еси Богъ творяй чудеса . . .

. . . и противу князя Олга . . .

. . . и Литовьскій идеть на тебе Ягайло *съ всею силою своею* . . .

. . . слыша . . . что идутъ на него вся царствія, *творящеи безаконіе, а глаголюще: еще наша рука высока есть* . . .

. . . Царице небеснымъ чиномъ, *Госпоже, присно* всея вселеныя и *всего живота человѣчьскаго* кормителнице . . .

. . . Бѣаше всеа силы *и всѣхъ ратей числомъ съ полтораста тысящь или* съ двѣстѣ . . .

. . . Князь же *Дмитрій* увѣдавъ лесть лукаваго Олга, *кровопивца крестьянскаго*, новаго Іуду . . .

. . . въздай *же* ему, Господи, *седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходить и забы благодать твою; поостри яко молнію мечь мой, и пріиметь судъ рука моя, въздамъ месть врагомъ и ненавидящимъ мя въздамъ и упою стрѣлы моя отъ крове ихъ, да не ркуть невѣрніи: гдѣ есть Богъ ихъ?* отврати . . .

. . . ты еси Богъ творяй чюдеса *единъ* . . .

. . . и *отступника нашего* Олга, *отступившаго отъ свѣта въ тму* . . .

За исключеніемъ послѣдней вставки, относящейся, какъ указано, къ основному тексту, всѣ остальныя носятъ опредѣленный характеръ. Онѣ ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ, и колоритъ этотъ — новгородскій. Оттѣняется желаніе непріятелей захватить именно Новгородскія области, указаны точно названія мѣстныхъ урочищъ, перечислены поименно павшіе новгородцы, подробно разсказана смерть Домаша.

Дѣйствительно, всѣ эти подробности — *новгородскаго происхожденія и находятся въ Новгородской I л-си подъ 6750 и 6771 годами въ видѣ отдѣльныхъ лѣтописныхъ извѣстій.*

Итакъ, вторая редакція повѣсти объ Александрѣ *составилась изъ соединенія обще-русской повѣсти* (можетъ быть составленной во Владимирѣ) *съ извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородской I*[1]).

Составленіе этой второй редакціи слѣдуетъ относить къ концу XIV вѣка: она могла понадобиться потому, что въ 1380—1381 г., вслѣдствіе видѣнія, были открыты мощи Александра Невскаго, отъ которыхъ стали совершаться чудеса, тогда же было установлено и мѣстное ему празднованіе.

Повѣсть объ Александрѣ служила литературнымъ образцемъ для многихъ произведеній древней литературы. Ей подражаетъ повѣсть о князѣ Довмонтѣ Псковскомъ, въ значительной степени она повліяла на составленіе житія Дмитрія Донского.

Съ ней, какъ указано, въ близкой связи стоитъ разбираемая Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Близость обоихъ памятниковъ будетъ видна изъ предложеннаго сравненія текстовъ Мамаева побоища (краткаго типа или редакціи) и второй редакціи повѣсти объ Александрѣ.

Повѣсть объ Александрѣ.	Мамаево побоище.
Король выступаетъ:	*Мамай выступаетъ*:
... собра силу многу Ме-	...съ единомысленникы сво-

1) Такимъ же точно образомъ, по А. А. Шахматову, составилась основная редакція Новгородской IV.

стери и Бискупи свои, и Свѣя, и Мурмане, и Сумь, и Емь...

ими, со всими прочими князьми ордынскими и съ всею силою Татарскою и Половецкою, еще къ тому рати понаймова Бесермены, Армены, Черкасы, Фрязы, Ясы, Буртасы...

Разсужденіе автора по поводу вторженія враговъ:

...но еще преблагій, премилостивый человѣколюбецъ Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ Божія повелѣнія...

...но хотя человѣколюбець Богъ спасти и свободити родъ хрестьянскій молитвами пречистыя его Матере отъ работы Измаилтьскіа и отъ поганого Мамая...

Самомнѣніе короля:

...помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а великій Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ работу створити и рече: поиду и плѣню землю великаго князя Александра Ярославича...

Самомнѣніе Мамая:

...нача злый съвѣтъ творити, темныя своя князя звати, и рече имъ: поидемъ на рускаго князя и на всю силу рускую... хрестьянство потеряемъ, а церкви Божія разоримъ...

Начало выступленія враговъ:

...и подвижеся въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и прииде въ реку Неву и сташа усть Ижеры...

...и начатъ свирѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростью подвижася и съ силою многою... и учини собѣ съвѣтъ... стати имъ у рѣкы у Оки...

Князья узнаютъ о нашествіи и молятся:

...Великый же князь Александръ Ярославичь слышавъ словеса ихъ и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь свя-

...Дмитрій же князь се слышавъ невеселую ту годину, что идутъ на него вся царствіа, и иде къ соборнѣй церкви къ

тыя Софіи, паде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами святѣй Софіи, поминая исправленія родитель своихъ и глаголя: Боже хвалный, Боже праведный, Боже великый и крѣпкый, Боже превѣчный, створивый небо и землю...

...и въспріимъ Псаломскую пѣснь, рече: суди, Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, приими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ...

святѣй Богородици, и проліа слезы и рече: Господи! ты всемощный и всесилный и крѣпкый въ бранѣхъ, и въистину еси Царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй насъ...

...и въспріимъ Авраамлю доблесть и нарекъ Бога и рече: Господи, въ помощь мою вонми, Боже, на помощь мою потщися...

(и ниже):

Господи! что ся умножиша стужающіи ми? мнози въсташа на мя, мнози борющіи мя со мною...

Князья принимаютъ благословеніе передъ походомъ:

...и кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепископу, архіепископъ же Спиридонъ новогородскій благослови его...

...и скончавъ молитву иде къ Пречистѣй, къ епископу Герасиму и рече ему: благослови мя, отче... Святитель же Герасимъ благослови князя...

Изображеніе скорби по поводу выступленія князей въ походъ:

...Жалостно и слышати, яко отець его, честный князь Ярославъ Всеволодичь, не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго...

...Слышавше в градѣ на Москвѣ... и во всѣхъ градѣхъ..., что пошолъ князь за Оку, и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика и по всѣмъ предѣломъ плачь горекъ...

Рѣчи князей передъ битвой:

...Великій же князь Алек-

...Князь же... рече: сіи

сандръ... рече: не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснописца Давида, глаголюща: сіи во оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ...

...Боже поставивый предѣлы языкомъ и жити повелѣвый не преступая въ чужая части...

Утро битвы и уряженіе полковъ:

...Бѣ бо тогда день субботный, солнцу всходящу...

...великій же князь... нача крѣпити воя своя ..

...князь же великы... укрѣпився силою крестною, ополчився, поиде на нихъ...

...отътолѣ же потщася наѣхати на нихъ въ 6 часъ дене...

Формула боя:

...и съступишася обои полци... и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чуди, и трусъ отъ копей ломленія, и звукъ отъ мечнаго сѣченія... и не бѣ видѣти леду... покрыло бо есть все кровію...

Чудо Бориса и Глѣба:

...и тамо обрѣтошася много множество избіеныхъ отъ ангелъ божіихъ... Се же слышахъ отъ самоговидца, рече ми: на колесницѣхь, а сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ...

...Господи! не повелѣлъ еси въ чужей предѣлъ вступатися...

...Заутра, въ суботу поранy... въсходящу солнцу...

...князь же исполчи свои полкы велицѣи...

...еже к Богу укрѣпився и креста честнаго силою въоружився...

...бысть въ шестую годину дни, начаша появливаться поганіи...

...и внезапу абіе съступишася обѣ велицѣи силы вмѣсто на долгъ часъ... бысть сѣча зла и велика, и брань крѣпка и трусъ великъ зѣло... и пролыша кровь, аки дождевая туча, обоихъ...

...Видѣша бо вѣрніи, яко въ 9 часъ бьющеся и аггели помогаху хрестьяномь, и святыхъ мученикъ полкъ, и вели-

яко видѣхъ полкы Божія на въздусѣ, пришедше на помощь великому князю. И побѣдивъ силою Божіею и святыя Софіи и святою мученика Бориса и Глѣба...

каго воина Георгіа и славнаго Дмитрія, и великихъ князей тезоименитыхъ и Бориса и Глѣба... двои воеводы видѣша поганіи Половци, тресолнечный полкъ и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идуть на нихъ...

Преслѣдованіе бѣгущихъ непріятелей:

...и даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я, гоняще, аки по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на 7 верстъ по леду до Суболичьскаго озера; и паде... безчисленое множество... а иныхъ вода потопи, а иніи злѣ язвени отбѣгоша...

...Татарове с Мамаемь побѣгоша... и обратиша плеща своя на язвы. И в погонѣ той ови Татарове отъ хрестьянъ язвени быша оружьемъ, падоша, а иніи въ рѣцѣ истопоша; и гониша ихъ до рѣци до Мечи, и тамо бежащихъ бесчисленое множество ихъ погыбоша...

Захватъ добычи:

...бяше бо полона много въ полку его...

...княжіи же полци... полониша богатства много...

Перечисленіе убитыхъ:

...Новгородцевъ же ту паде (слѣдуютъ имена)... а всѣхъ 20 мужь паде и съ Ладожаны, или менши, то Богъ вѣсть...

...Тогда же, на томь побоищи, убьени быша на съступѣ (слѣдуютъ имена)... и инѣи мнози... а прочи... не лзѣ писати множествомъ, яко число превъходить...

Въ обоихъ текстахъ воеводы обращаются къ своимъ князьямъ съ рѣчью.

Заключеніе: возвращеніе съ побѣдою:

...възвратившу же ся великому князю Александру с славною побѣдою, — бяше бо полона много въ полку его, ведяхуть

...христолюбивый князь... возвратися оттуду въ богохранимый градъ Москву, въ свою вѣтчину, с побѣдою великою...

бо я подлѣ конь, иже именуются ритори . . . И тако прииде къ Новугороду съ великою побѣдою...

и мнозѣ вои его възрадовашася, яко обрѣтше корысть многу, пригналъ бо с собою многа стада конѣй и велбудъ и волы,... и доспѣхи, и порты, и товаръ...

Приведенныя параллели показываютъ, что въ Лѣтописной Повѣсти сохранены: а) планъ повѣсти объ Александрѣ; б) значительное большинство выраженій и оборотовъ (даже опредѣленія времени, какъ: бой въ субботу, шестой часъ дня, утро — одинаковы въ обоихъ памятникахъ; в) одна и та же формула боя, и г) разсказъ о чудѣ Бориса и Глѣба: органичный въ повѣсти объ Александрѣ, разсказъ этотъ введенъ въ Лѣтописную Повѣсть словами общаго характера: «видѣша бо вѣрніи».

Въ виду подражательнаго характера Лѣтописной Повѣсти, отъ нея нельзя ожидать детальнаго историческаго разсказа о томъ, что происходило 8 сентября 1380 года. О такомъ знаменательномъ событіи должно было ходить много разсказовъ, которые приносили возвратившіеся съ поля битвы; разсказы эти быстро принимали форму преданій, но Лѣтописная Повѣсть, подчиняясь общему правилу, создавшемуся для писанія лѣтописныхъ воинскихъ повѣстей, не воспользовалась ничѣмъ для иллюстраціи, кромѣ двухъ-трехъ самыхъ общихъ историческихъ фактовъ.

Повѣсть объ Александрѣ была ближайшей литературной формой для разбираемой Повѣсти. Историческія же данныя, помимо общеизвѣстныхъ фактовъ, т. е. канвы самого разсказа, были заимствованы ею еще *изъ синодика*.

Это заимствованіе касается перечисленія убитыхъ «на съступѣ». Въ Повѣсти поминаются: «князь Федоръ Романовичь Бѣлозерскый и сынъ его Иванъ, князь Федоръ Торжьскый, братъ его Мстиславъ, Дмитрій князь Монастыревъ, Семенъ Михайловичь, Микула сынъ Васильевь тысяцкого, Михайло и Иванъ Окинфовичи, Иванъ Александровичь, Андрѣй Серкизовъ,

Тимофей Васильевичь, Акатьевичь нарицаемый Волуй, Михайло Бренковъ, Левъ Мозыревъ, Семенъ Моликовъ, Дмитрій Мининъ, Александръ Пересвѣтъ, бывый преже бояринъ Брянскій».

Среди перечисленныхъ воеводъ князь Дмитрій Монастыревъ оказывается убитымъ два раза: въ лѣтописи подъ 1379 г. значится, что онъ палъ въ бою съ татарами на р. Вожѣ. Повтореніе имени его весьма легко объясняется тѣмъ, что авторъ невнимательно воспользовался синодикомъ, бывшимъ у него подъ руками.

Въ Синодальной Библіотекѣ хранится синодикъ съ именами павшихъ на Куликовской битвѣ. Это пергаменная рукопись (№ 667), писанная уставомъ послѣдовательно отъ XIV до XVII вѣка, въ бархатномъ переплетѣ, на верхней доскѣ котораго находится образъ Живоначальной Троицы. При сличеніи именъ оказывается полное сходство.

Непосредственно передъ именами убитыхъ на бою съ Мамаемъ въ этомъ синодикѣ упомянуты и павшіе на р. Вожѣ. Въ ихъ числѣ какъ разъ упоминается князь Дмитрій Монастыревъ, Назаръ и дружина.

Съ 68 листа слѣдуетъ перечисленіе убитыхъ на полѣ Куликовѣ:

Василію вельꙗминови҃ тысяцкомоу. михаилоу александрови҃. иваноу окинѳови҃. василію василеви҃ тысяцкомоу. ѳеѡдроу васильеви҃. вѣ҃.

Александроу андрееви҃. іѡанну александрови҃. андрею григорьеви҃. дмитрею александрови҃ нареченномоу въ мнишьскомь чиноу діѡнісіоу и данилоу иванови҃. елферію ѳеѡдрови҃. вѣ҃.

Кнзю ѳеѡдроу белозерскомоу и сн҃оу его иваноу [1]) оубіеным ѿ безбожнаго мамаа. вѣ҃.

И в тои ж брани избіеным сімеѡноу михаилови҃. никоуле васильеви҃. тімо҃ю василеви҃ [2]). андрею иванови҃ серкизовоу.

---

1) приписано внизу: костянтину конановичю.

2) на поляхъ: валоуеву.

михаилоу иванови. и дроугомоу михаилоу иванови. лву иванови. семеноу меликоу. и всеи дроужинѣ ихь по бл̃гочестію скончавшихся за ст̃ыя цр̃кви и за православноую вѣроу. вѣ.

Въ этомъ синодикѣ записано именъ больше, чѣмъ въ Повѣсти, но тѣ, что перечислены въ Повѣсти, здѣсь находятъ себѣ полное соотвѣтствіе. Авторъ Повѣсти самъ, въ данномъ случаѣ, указываетъ на заимствованіе: «сіи же токмо списаны, говоритъ онъ, перечисливъ убитыхъ, — князи и воеводы нарочитые и старѣшихъ бояръ имена, а прочи бояръ имена и житьихъ (и) слугъ именитыхъ не лзѣ писати множествомъ», но главное потому, какъ объяснено въ другомъ спискѣ: «ихже имена *не суть писана въ книгахъ сихъ*».

Въ болѣе позднемъ спискѣ (Лаврскій синодикъ № 818, уставъ XVII в.) сохранено то же перечисленіе:

В лѣта ѕѡѳпи-го, мц̃а сентября в н̃ день при великомъ кн̃зе димитріи ивановиче московскомъ побьени за дономъ рускія князи от мамая, их же имена суть сія:

Князя феодора. князя іванна [1]). князя феодора. князя мстислава. князя димитрія симеоновича. никулу василіевича. михаила. іоанна. іванна. андрея. андреа. тимоѳея волуя. михаила. лва. тарасія. симеона. димитрія. Сергіа чюдотворца ученикъ инока александра. И с ними триста и шестьдесятъ тысящь избіенныхъ православныхъ христіанъ. Рабомъ бж̃имъ всемъ православнымъ хр̃стіяномъ избіенным на поле куликовѣ межю дономъ и мечи на усть непрядвы вѣчная память.

Вышеизложеннымъ исчерпывается строеніе краткой редакціи Повѣсти.

Что касается распространеннаго вида Лѣтописной Повѣсти, то она, какъ выше указано, находится кромѣ того въ болѣе позднихъ сводахъ: 1) *Софійской 1 лѣтописи*, гдѣ она озаглавлена: «Побоище великого князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ». (П. С. Р. Л., стр. 90—98. Къ этому тексту слѣдуетъ

1) написано дважды.

относитъ текстъ Софійскаго Временника I, изд. М. 1820, стр. 355—368 и рукописи Историческаго Музея: Сборникъ статей каноническихъ и историческихъ, № 25639, второй половины XV в.) и 2) *Воскресенской лѣтописи*, съ такимъ же заглавіемъ (П. С. Р. Л. VIII, стр. 34—42) [1]).

За исключеніемъ нѣкотораго разночтенія въ собственныхъ именахъ текстъ Повѣсти въ Софійской 1 чрезвычайно близокъ къ Воскресенскому, и непонятно, почему А. А. Шахматовъ раздѣляетъ эти тексты.

Оба текста, въ свою очередь, подходятъ къ распространенному тексту Повѣсти, помѣщенному въ основной, первой и второй редакціяхъ Новгородской IV, но, по нѣкоторымъ особенностямъ, представляютъ текстъ болѣе поздній.

Тексты Новгородской IV лучше удерживаютъ чтеніе оригинала: а) вмѣсто: «нашъ князь», «князь Дмитрій» — въ Софійской и Воскресенской всюду употребляется: «князь великий Дмитрій Ивановичъ»; б) имена сыновей великаго князя — Василій, Юрій и Иванъ — отсутствуютъ въ разбираемыхъ лѣтописяхъ; в) количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячей» здѣсь замѣнено нескладной цифрой: «сто тысячъ и сто»; г) во фразѣ: «еще же къ тому приспѣша, *въ той чинъ рагозный*, издалеча велиціи князи Ольгердовичи», выраженіе: «въ той чинъ рагозный» (рагозный — находящейся въ ссорѣ, непріязненный) не понято лѣтописями Софійской 1 и Воскресенской: онѣ читаютъ: «еще же къ тому приспѣша *вотчинъ разныхъ* издалеча». Порчу чтенія можно объяснить изъ написанія: «в тои чин разных», встрѣчаю-

---

1) Сюда еще слѣдуетъ относить: 1) Такъ называемую *Типографскую лѣтопись* (Лѣтописецъ содержащій россійскую исторію отъ 1206 до 1534 лѣта. М. 1784), которая въ текстѣ Повѣсти составляетъ сокращеніе распространеннаго вида (Бестужевъ-Рюминъ указываетъ также на отношеніе Типографской л. къ Воскресенской) и 2) *Львовскую лѣтопись* (Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича. Спб. 1792). Здѣсь сокращеніе Повѣсти сходно съ Типографскимъ, (а не съ Никоновскимъ текстомъ, какъ говоритъ Бестужевъ-Рюминъ). Обѣ лѣтописи изданы весьма неисправно.

щагося въ такъ называемой лѣтописи Дубровскаго [1]); д) во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV, послѣ словъ: «Ягайло со всею силою литовскою побѣже назадъ со многою скоростію, никимъ же гонимъ, не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху», находится приписка: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ Литва надъ нами поругаются (игры творять) и издѣваются. Но мы сію бесѣду оставльше, на предлежащее возвратимся». Эта приписка отсутствуетъ въ Софійской 1 и Воскресенской, естественно, какъ въ сводахъ болѣе позднихъ.

Въ остальномъ текстъ Повѣсти въ этихъ сводахъ *вполнѣ совпадаетъ съ общимъ текстомъ распространеннаго вида.*

Вышеприведенная вставка позволяетъ опредѣлить время написанія протографа Повѣсти. Послѣ разсказа о томъ, какъ Ягайло съ Литвою убѣжалъ при одномъ только слухѣ о побѣдѣ Дмитрія, имени котораго Литва боялась и трепетала, авторъ сокрушенно указываетъ на современныя ему безнаказанныя насилія Литвы надъ Русью.

Насилія эти могли имѣть мѣсто только при Витовтѣ. Непріязненныя дѣйствія Витовта начались въ 1395 г. взятіемъ Смоленска обманомъ; въ слѣдующемъ 1396 г. Витовтъ опустошилъ рязанскія владѣнія, причемъ, по выраженію лѣтописцевъ, кровь лилъ какъ воду, а людей избивалъ, сажая улицами. Въ 1404 г. имъ былъ взятъ окончательно Смоленскъ, а въ 1405 — у псковитянъ Коложе, причемъ одинадцать тысячъ псковитянъ было уведено въ плѣнъ и нѣсколько лодокъ наметано убитыми дѣтьми. Затѣмъ, до 1425 г. нашествій со стороны Литвы не было, но въ слѣдующемъ году Витовтъ опять наступаетъ на Псковъ, а въ 1428 — на Новгородъ, съ котораго беретъ контрибуцію. Въ послѣдующее время, до самаго паденія Новгорода, нѣтъ упоминаній о столкновеніяхъ съ Литвою.

---

1) О помѣщенной въ этой лѣтописи Повѣсти см. главу 4.

Къ какому же году слѣдуетъ пріурочивать вставку Лѣтописной Повѣсти?

Въ 1417—18 гг. написано Епифаніемъ житіе пр. Сергія. Въ немъ находится глава, касающаяся Мамаева побоища: «О побѣдѣ еже на Мамаа и о монастырѣ иже на Дубенкѣ». Центръ тяжести повѣствованія лежитъ на основаніи монастыря по обѣту великаго князя въ случаѣ побѣды надъ татарами.

Описаніе же самой битвы Епифаній, по всѣмъ вѣроятіямъ, заимствовалъ изъ готоваго повѣствованія. Дмитрій, говоритъ Житіе, «събравъ вся воя своа, приспѣ противоу безбожныхъ татаръ; *и оувидѣвъ силоу их зѣло множство, сташа съмнящеся*, страхомь мнози от них ѡбіати быша, помышляюще, что сътворити. *И се внезаапу въ тои час приспѣ борзоходець с посланіем от сто*, гающе: без всякого съмнѣніа, гне, съ дръзновеніемь поиди противоу свирѣпьства их, никакож оужасатися, всяко поможетъ ти Бъ»[1]).

Подобное мѣсто находится и въ Лѣтописной Повѣсти, но тамъ оно изложено иначе: «Великій же князь приіде *к Дону, за два дни до Рожества святыя Богородица. И тогда приспѣла грамота* отъ преподобнаго игумена Сергія, отъ святого старца благословенная, в ней же написано таково благословеніе, веля ему битися с татары: чтобы еси, господине, такы пошолъ, поможеть ти Богъ и святая Богородица».

Несомнѣнно, что эпизодъ этотъ ограниченъ въ лѣтописи, а не въ житіи: грамота имѣла значеніе до перехода черезъ рѣку, а не тогда, когда враги уже были на лицо; переходъ рѣки могъ вызывать еще колебаніе и робость, но послѣднимъ не могло быть мѣста, когда отступленіе уже было отрѣзано. Кромѣ того въ житіи замѣчается тенденція придать чудесность этому «внезапному» приходу борзоходца. Епифаній по своему окрасилъ эпизодъ, знакомый ему изъ Лѣтописной Повѣсти.

---

1) Житіе преп. Сергія, изд. арх. Леонидомъ, Памят. Древн. Письм. 1885, стр. 126.

Поэтому Повѣсть не могла явиться позже 1417—18 года, а слѣдовательно «надругательства» Литвы слѣдуетъ искать въ событіяхъ до 1426 года.

Среди перечисленныхъ вражескихъ нашествій Литвы самымъ яркимъ по насилію слѣдуетъ считать набѣгъ 1405 года, когда отъ Витовта пострадалъ Псковъ, богатый пригородъ новгородскій, а въ самый Новгородъ была послана розметная грамота. Тогда, по выраженію лѣтописи, «не бывала пакость такова и Псковъ сталъ, а то все за умноженіе грѣхъ ради нашихъ». Витовтъ характеризуется здѣсь какъ «поганый отступникъ правыя вѣры христіанскія, отметникъ божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣлованью» [1]). Къ этому году, когда «мертвыми дѣтьми были наметаны двѣ ладьи подъ городомъ Вороначемъ», должно, по моему мнѣнію, относиться упоминаніе объ издѣвательствѣ Литвы надъ Русью. Къ 1405 году, слѣдовательно, нужно относить тотъ оригиналъ Повѣсти, съ котораго списанъ разобранный текстъ краткаго типа.

Однако составленіе Повѣсти произошло раньше. Вставку: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ...» приходится разсматривать или какъ интерполяцію, или какъ замѣтку переписчика 1405 года. Общій тонъ Лѣтописной Повѣсти вполнѣ эпическій, и авторъ нигдѣ не касается современности (даже отрицательная характеристика Олега, какъ указано, явленіе позднее), между тѣмъ приведенная вставка вполнѣ отлична отъ общаго изложенія по тону. Не вяжется также съ общимъ разсказомъ непослѣдовательность въ употребленіи временъ: «бояхуся, трепетаху» — въ основномъ текстѣ, «игры творять, поругаются» — во вставкѣ, равно какъ и противительный союзъ: «*а* не яко»...

Итакъ, если допустить, что вставка, гдѣ упоминалось объ издѣвательствахъ Литвы, есть прибавленіе списка 1405 года, то протографъ Лѣтописной Повѣсти слѣдуетъ относить ко времени болѣе раннему, т. е. къ самому концу XIV вѣка. Составле-

1) Псковская I, подъ 6914 г.

ніе Повѣсти «по всей вѣроятности въ XIV столѣтіи» признаетъ и А. А. Шахматовъ. Послѣдній въ числѣ списковъ первоначальной редакціи Новгородской IV предполагаетъ одинъ, оканчивавшійся 1404 годомъ и легшій въ основаніе Синодальнаго № 280, т. е. списка, гдѣ — *краткая редакція Повѣсти*. Можетъ быть этотъ списокъ и имѣлъ впервые указанную приписку 1405 года?

Литературная исторія Лѣтописной Повѣсти представляется мнѣ, слѣдовательно, въ такомъ видѣ:

1) Въ концѣ XIV вѣка была составлена Повѣсть по образцу повѣсти объ Александрѣ. Кромѣ послѣдней пособіями служили: псалтырь (для текста молитвъ)[1]) и синодики (имена убитыхъ). Повѣсть сообщала историческіе факты лишь въ общихъ чертахъ, опустивъ всѣ возможныя перипетіи.

2) Въ 1405 году Повѣсть была переписана, причемъ переписчикъ не могъ умолчать о дѣйствіяхъ Витовта надъ Русью, такъ шли они въ разрѣзъ съ былымъ могуществомъ, когда та же Литва отъ одного имени русскаго приходила въ трепетъ.

3) Этотъ списокъ 1405 г. былъ протографомъ уже извѣстной Повѣсти, краткаго типа, занесенной во Владимирскій полихронъ 1423 года.

4) Въ Сводъ 1448 года Повѣсть попала уже въ *распространенномъ* видѣ, т. е. въ такомъ, который познается въ *основной* редакціи Новгородской IV.

5) Между 1448—1453 г. Повѣсть подвергалась послѣдовательной обработкѣ, находящейся *въ первой и второй редакціяхъ* Новгородской IV. Обработка, впрочемъ, была незначительной и сводилась къ измѣненіямъ при переписке.

6) *Третья* редакція Новгородской IV *сохранила въ болѣе неприкосновенномъ видѣ протографъ Повѣсти*, находившейся въ Полихронѣ.

---

1) Лучше сказать — Св. Писаніе, такъ какъ авторъ иногда цитируетъ пр. Іеремію: «Рахиль есть рыданіе крѣпко»... — ср. XXXI, 15 и ев. Матѳея: «гдѣ трупи, ту и орли» — ср. гл. XXIV, ст. 28.

7) Ко второй половинѣ XV вѣка относятся дальнѣйшія обработки Повѣсти, помѣщенныя въ Софійской I и Воскресенской. Текстъ Повѣсти въ обѣихъ лѣтописяхъ сходенъ и является результатомъ (какъ говоритъ А. А. Шахматовъ о Софійской I лѣтописи) московской обработки 1455—58 годовъ Свода 1448 г.

8) Занесенная въ лѣтописный сводъ впервые въ 1423 году Повѣсть должна была существовать въ какой нибудь мѣстной лѣтописи. А. А. Шахматовъ указываетъ на существованіе особаго Московскаго свода 1380—81 года, *оканчивавшагося сказаніемъ о Донскомъ побоищѣ*. Слѣдовательно, оригиналъ Повѣсти *написанъ въ Москвѣ*. Поэтому и великій князь здѣсь зовется «нашимъ княземъ».

Лѣтописная Повѣсть, какъ будетъ видно дальше, легла въ основаніи особаго вида повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *Сказанія*. Послѣднее цѣликомъ воспользовалось ея схемой, содержаніе которой (для будущаго сравненія) таково:

1. Мамай со всей силой татарской, съ наемниками, въ союзѣ съ Ягайломъ Ольгердовичемъ и Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ идетъ на великаго князя Дмитрія, вспоминая времена Батыя и свое пораженіе на Вожѣ. Олегъ посылаетъ къ Мамаю своего посла, чтобы стать вмѣстѣ у Оки.

2. Въ августѣ приходятъ къ великому князю изъ Орды вѣсти о выступленіи Мамая. Олегъ увѣдомляетъ о томъ же. Великій князь, по молитвѣ, посылаетъ за княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и за другими и обращается къ нимъ съ рѣчью о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

3. Соединенное русское войско приходитъ на Коломну. Сюда же приходятъ Ольгердовы дѣти — князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій. Мамай останавливается за Дономъ.

4. Вторая вѣсть приходитъ къ Дмитрію: Мамай ждетъ на помощь Ягайла и, выигрывая время, проситъ по прежнему выхода, но имъ не довольствуется. Олегъ явно переходитъ на сторону Мамая, о чемъ узнаетъ великій князь, который молится о помощи на враговъ и проситъ благословенія у еп. Герасима.

5. Выходъ изъ Коломны 20 августа. Войска стягиваются на устьѣ Лопасны у Оки, куда приходятъ князь Владимиръ и его воевода Тимоѳей Васильевичъ. Войско переправляется въ рязанскую землю.

6. Плачи въ Москвѣ и по другимъ городамъ о походѣ великаго князя на бой.

7. Грамота отъ пр. Сергія, присланная передъ переходомъ черезъ Донъ.

8. Колебаніе передъ переходомъ: одни совѣтуютъ сражаться по ту сторону Дона, другихъ пугаетъ непріятель. Великій князь обращается съ ободрительной рѣчью и велитъ начать переправу.

9. Въ субботу 8 сентября великій князь въ туманное утро ставитъ полки и направляется къ устью Непрядвы.

10. Въ шестый часъ замѣчены татары. Готовятся къ бою; сторожевые полки вступаютъ въ соприкосновеніе.

11. Послѣ словъ великаго князя: «Богъ намъ прибѣжище и сила» — общая битва.

12. Видѣніе въ девятомъ часу: небесное воинство поражаетъ татаръ.

13. Побѣда русскихъ. Общее бѣгство, во время котораго побито множество враговъ. Мамай бѣжитъ «неготовыми дорогами».

14. Перечисленіе убитыхъ. Самъ великій князь, бившійся впереди, раненъ. Похвала великому князю.

15. Бѣгство Ягайла, узнавшаго о побѣдѣ.

16. Великій князь, «ставъ на костѣхъ», съ братомъ Владимиромъ воздаетъ благодарственную молитву.

17. Великій князь благодаритъ оставшееся воинство и возвращается въ Москву съ добычей.

18. На обратномъ пути, узнавъ о насиліяхъ Олега, Дмитрій собирается послать на него войско. Рязанскіе бояре бьютъ ему челомъ, и великій князь сажаетъ на Рязани своихъ намѣстниковъ.

19. Участь Мамая, котораго разбиваетъ Тахтамышъ и гонитъ изъ Орды. Мамай погибаетъ отъ рукъ убійцъ въ Каѳѣ.

Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впослѣдствіи подвергалась сокращенію. Въ сильно сокращенномъ видѣ она находится въ лѣтописяхъ Троицкой и Новгородской I (ихъ списки восходятъ къ XV вѣку). Въ Троицкой лѣт. оставлены только имена убитыхъ на «суймѣ», да и то съ пропусками, остальной же разсказъ сжатъ до степени простой лѣтописной замѣтки.

Нѣсколько полнѣе изложеніе Новгородской I. Выпущены всѣ риторическія отступленія, молитвы, разсказы о судьбѣ Олега (Олегъ вообще не упоминается) и Мамая. Изложеніе носитъ новгородскую окраску, потому что не смотря на сильное сокращеніе текста редакторъ оставилъ слѣдующую тираду: «Москвичи же мнози небывалци, видѣвше множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшися, а иніи на бѣги обратишася, не помянувше реченнаго пророкомъ: Како единъ поженетъ тысячу, а два двигнета тму, аще не Богъ предастъ ихъ».

Лѣтописная Повѣсть занесена еще въ Симеоновскую лѣтопись, о которой А. А. Шахматовъ говоритъ: «въ Симеоновской (а также, судя по отсутствію ссылокъ на нее у Карамзина, въ Троицкой) объ этомъ событіи [1]) содержится краткое сообщеніе, имѣющее всѣ черты первоначальной записи, а не позднѣйшаго сокращенія».

По этому вопросу я держусь противоположнаго мнѣнія и признаю текстъ Повѣсти по Симеоновской—какъ разъ *позднѣйшимъ сокращеніемъ*, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Извѣстная Карамзину Троицкая лѣтопись въ текстѣ Лѣтописной Повѣсти *отличалась* отъ Симеоновской. Карамзинъ говоритъ: «замѣтимъ единственно, что *по Троицкой* и Ростовской лѣтописямъ Михаилъ Тверскій не участвовалъ въ семъ

1) т. е. о Мамаевомъ побоищѣ.

ополченіи и *что послы Мамаевы нашли Димитрія уже въ Коломнѣ*» (прим. 66 къ V т.). Въ извѣстной Карамзину Ростовской л., въ которой, судя по выдержкамъ, заключалась Лѣтописная Повѣсть распространенной редакціи, дѣйствительно, сказано, что «нача Мамай слати ко князю Дмитрію выхода просити» въ то время, когда тотъ былъ въ Коломнѣ, но въ Симеоновской никакого упоминанія о пребываніи Дмитрія въ Коломнѣ и о посольствѣ Мамая *нѣтъ*.

2) Имена убитыхъ на бою въ Симеоновской помѣщены съ пропусками противъ Лѣтописной Повѣсти, а по порядку и по количеству *вполнѣ соотвѣтствуютъ* указанной выше — Троицкой (напечатанной) лѣтописи, *идѣ Повѣсть безусловно сокращена*.

3) Изложеніе Симеоновской л. представляетъ сокращенный пересказъ Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ многихъ мѣстъ послѣдней. Выпущены всѣ молитвы, всѣ разсужденія, упоминаніе объ Олегѣ, пребываніе великаго князя въ Коломнѣ, разсказы о вмѣшательствѣ небесной силы.

4) Сокращена формула боя: вмѣсто описанія боя въ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть сѣча зла и велика, и брань крѣпка, и трусъ великъ зѣло... и прольяша кровь, аки дождевая туча»..., сказано только: «и бысть на долзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла». Сокращеніе формулы особенно подчеркиваетъ общее сокращеніе, такъ какъ формула, какъ нѣчто постоянное (locus communis), не измѣнялась безъ особой на то причины.

5) При полномъ отсутствіи упоминанія объ Олегѣ рязанскомъ, объ его непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ великаго князя, неожиданно въ концѣ Повѣсти находится разсказъ о рѣшеніи Дмитрія послать войско противъ Олега, о бѣгствѣ послѣдняго и покоренія рязанскихъ бояръ — вполнѣ соотвѣтствующій по тексту Лѣтописной Повѣсти. Слѣдующій непосредственно за этимъ разсказъ о судьбѣ Мамая также имѣетъ съ Лѣтописной Повѣстью буквальное сходство. Присутствіе двухъ распространенныхъ эпизодовъ, въ сущности второстепенныхъ, при глав-

номъ сжатомъ содержаніи, можетъ только указывать на позднѣйшее сокращеніе текста.

6) Въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV, въ Повѣсти, вмѣсто «исполчишася» написано «исполнишася». Эту же ошибку встрѣчаемъ и Симеоновской л. Можно думать, что сокращеніе Повѣсти произошло со списка, заключавшаго эту ошибку.

Сокращеніе Лѣтописной Повѣсти находится еще въ Хронографѣ 1 редакціи, составленномъ въ 1422 г. Пахоміемъ Логофетомъ. Представляя въ общемъ сжатый пересказъ Повѣсти, изложеніе Хронографа имѣетъ нѣкоторыя характерныя добавленія:

1) Измѣнены слова преп. Сергія въ грамотѣ: «бійся, рече, съ поганымъ Мамаемъ, не ожидай на себя силы, Богъ ти поможетъ и святая Богородица».

2) Къ сокращенной формулѣ прибавлена картина общаго боя: «бысть войска на девятидесяти верстахъ, а трупа человѣческаго на четыредесятихъ верстахъ паде, а бою было отъ третьяго часа до девятаго».

3) Является, развитый уже въ Сказаніи, мотивъ о единоборствѣ: «Убитыхъ же князей и боляръ великыхъ съ пятнадцать: и Левъ Морозовъ и Семенъ Меликовъ, съ ними же *Александръ Пересвѣтъ и чернецъ Ослябя богатыри*..., а тамъ у нихъ же *богатырь же былъ татаринъ, его же уби, Ослябя да и самъ отъ его ранъ умре*». Обыкновенно въ разсказѣ о единоборствѣ участвуетъ Пересвѣтъ. Упоминаніе здѣсь объ Осляби можетъ указывать лишь на еще не установившееся преданіе.

Присутствіе мотива о единоборствѣ въ Хронографѣ показываетъ, что въ началѣ XV вѣка въ изложеніе Лѣтописной Повѣсти стали проникать устные разсказы. Это обстоятельство роднитъ хронографическое изложеніе Повѣсти съ изложеніемъ лѣтописи Дубровскаго и Ростовской Архивской, о которыхъ подробно рѣчь будетъ въ четвертой главѣ этой книги.

ГЛАВА III.

Повѣданіе, писаніе Софоніи.

По древнѣйшему списку писаніе Софоніи названо *Задонщиной*. Этотъ терминъ былъ усвоенъ изслѣдователями для обозначенія разбираемаго памятника, по содержанію и формѣ оригинальнаго, отличающагося вполнѣ отъ пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, которую они называли Повѣданіемъ. Но названіе писаніи Софоніи «Задонщиной» принадлежитъ, собственно, одному, древнѣйшему списку, и составляетъ, такъ сказать, особенность послѣдняго. Въ этомъ спискѣ послѣ текста Задонщины идутъ лѣтописные отрывки, въ которыхъ встрѣчаются такія образованія: Мамаевчина, Задонщина, Тахтамышевщина, и цѣлый рядъ событій хронологически связывается съ Задонщиной (въ такомъ то году «по Задонщинѣ»). Несомнѣнно, это — индивидуальность указаннаго списка, остальные же только повторяютъ это названіе, и то — рѣдко.

Кромѣ того, самый терминъ этотъ неустойчивъ и въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, Перетцъ въ своей диссертаціи подъ Задонщиной разумѣетъ Лѣтописную Повѣсть.

Я отступлю отъ этого термина и, основываясь на начальныхъ строкахъ текста: «Лудчи бо намъ, братія, начати *повъдати* иными словесы», буду писаніе Софоніи называть *Повъданіемъ*. Оно такъ, очевидно, и называлось, потому что простран-

ная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ («Сказаніе», которое я разбираю въ слѣдующихъ главахъ), черпая широко, какъ будетъ видно, дополненія ихъ писанія Софоніи, въ большинствѣ списковъ носитъ двойное заглавіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского.

Повѣданіе дошло въ трехъ спискахъ, представляющихъ памятникъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, и — въ отрывкахъ.

Списки эти слѣдующіе:

1. Древнѣйшій, XV вѣка, находится въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, описанномъ арх. Варлаамомъ. («Описаніе сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», Уч. Зап. Имп. Академіи Наукъ, 1859, V). Тамъ же изданъ и текстъ памятника, называемаго въ рукописи и «Писаніемъ Софонія старца рязанца» и — «Задонщиной»: — «Задонщина великого князя господина Димитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича». (Ibid. стр. 57—60).

2. Текстъ XVII вѣка, въ сборникѣ, принадлежавшемъ Ундольскому, теперь Румянцевскому Музею (№ 632 по описанію рукописей Ундольскаго). Изданъ (очень плохо) первымъ владѣльцемъ во Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1852, кн. 14, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева. Здѣсь памятникъ носитъ иное названіе: «Слово о великомъ князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андрѣевиче, яко побѣдили соупостата своего царя Мамая» [1]).

3. Текстъ въ скорописномъ сборникѣ XVII вѣка Синодальной Библіотеки подъ № 790. Сборникъ этотъ писанъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, еще: отрывокъ изъ дѣяній Брестскаго собора 1591 г., хронику о великихъ князьяхъ литовскихъ до 1475 г., лѣтописцы: литовскій и о событіяхъ въ западной Руси, много выписокъ изъ разныхъ лѣтописей и хронографовъ. Текстъ Повѣданія изданъ

1) Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ выпискахъ, я цитирую по рукописи, а не по изданію. По рукописи же цитирую и Кирилло-Бѣлозерскій текстъ; фотографическій снимокъ съ этой рукописи любезно предложенъ мнѣ П. К. Симони.

проф. Смирновымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1890, № 2. Въ рукописи памятникъ снова считается писаніемъ Софоніи: «Сказание Софона резанца написана руским князем похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу».

Древнѣйшій списокъ далеко не представляетъ исправнаго текста. Во первыхъ—Повѣданіе помѣщено здѣсь не въ полномъ объемѣ. Текстъ его прекращается послѣ разсказа о плачѣ боярынь по убитымъ мужьямъ; въ спискахъ же XVII вѣка вслѣдъ за этимъ идетъ какъ бы вторая часть памятника, гдѣ центральной фигурой является князь Владиміръ Андреевичъ. Такъ какъ писаніе Софоніи поставило цѣлью — воздать похвалу обоимъ участвовавшимъ въ битвѣ князьямъ, Дмитрію и Владиміру, а древнѣйшій текстъ какъ разъ говоритъ только о Дмитріи, и изложеніе кончается тамъ, гдѣ въ другихъ спискахъ начинается похвала Владиміру, то нужно думать, что неполнота древнѣйшаго текста не есть результатъ случайной утраты, или что оригиналъ памятника былъ краткій. Скорѣе можно предположить, что переписчикъ ограничился только перепиской той части Повѣданія, гдѣ изображенъ героемъ великій князь Дмитрій.

Во вторыхъ, къ неисправности текста слѣдуетъ отнести ошибки, пропуски, сокращенія (особенно въ концѣ, гдѣ нарушена даже логическая связь) и интерполяціи. Приведу примѣры:

а) ошибки: Гобояна (вм. Бояна); половетция (вм. половецкия); калантыри зачены (вм. калантыри злачены); на Чечѣ (вм. на Мечѣ); ставше (вм. истезавше); Андрея Половетцкаго (вм. А. Полоцкаго); под троубами поють (вм. повити); Ивана Дмитріевича (вм. Дмитрія Ивановича) и др.

б) пропуски: «Тои бо вѣщій Боянъ... пояше славоу роусскыимь княземь... восхваляя ихъ пѣсми и гоуслеными боуиными словесы на роусскаго господина князя Дмитріа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича»...

Послѣ «словесы» должна была слѣдовать цѣлая фраза, иначе

нѣтъ смысла. Въ текстѣ Ундольскаго: «...пояша руским князем славу... аз же... восхвалю пѣснеми, гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея».

Фраза «От тоя рати и до Мамаева побоища»—не докончена. Въ другихъ спискахъ она читается такъ: «От тоя рати и до Мамаева побоища р҃ѣ лѣтъ».

Пропущено обращеніе князя Дмитрія Брянскаго къ своему брату Андрею, почему въ рѣчи послѣдняго встрѣчается такая несообразность: «Сѣдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони», какъ будто князь приказываетъ самому себѣ. Въ другихъ спискахъ это обращеніе есть, здѣсь же не оттѣнено—гдѣ кончается рѣчь одного и начинается другого.

в) сокращенія: Сокращено все начало, которое гораздо полнѣе въ другихъ спискахъ.

Скомкана вся картина боя: «гряноуша копія харалоужныя. мечи боулатныя. топори легкіе. щиты московьскыя. шеломы нѣмецкіе. боданы бесерменьскыя. тогда поля костьми насѣяны. кровьми поліано. воды возпиша. вѣсть подаваша порожнымь землямь»... Здѣсь въ началѣ простое перечисленіе вооруженія при одномъ сказуемомъ. Это—какъ бы схема той картины, которая развита въ другихъ спискахъ.

Сокращена рѣчь Ослябя: ...«оуже брате вижю раны на срдци твоемь тяжки. оуже твоеи главѣ пасти на сыроую землю. на бѣлоую ковылоу. моемоу чадоу иякову». Непонятно, о какомъ Іаковѣ говоритъ Ослябя, когда этимъ именемъ въ томъ же текстѣ зовется онъ самъ, и неизвѣстно, что суждено тому Іакову, о которомъ упоминается въ рѣчи Ослябя.

Благодаря какому то сокращенію замѣчается непослѣдовательность въ употребленіи падежей въ перечисленіи убитыхъ, которое, кромѣ того, представляетъ вставку: «взопаша избіеніи от поганыхъ. кн҃зи великих и боляръ сановных. кн҃зя Феодра романовича бѣлозерскаго и сн҃а его князя ивана. микоулоу васильевича. Феодръ мемко. иванъ сано. михаило вренковъ. іаковъ ослебятинъ. пересвѣтъ чернець. и иная многая дроужина».

Наконецъ, по сравненію съ другими списками, весьма сокращены плачи боярынь по избіеннымъ мужьямъ, — ими и заканчивается памятникъ по Кирилло-Бѣлозерскому списку.

г) интерполяціи: Послѣднія представляютъ частое явленіе какъ въ разбираемомъ, такъ и въ другихъ спискахъ Повѣданія. Сжатый и поэтическій текстъ памятника, несомнѣнно, требовалъ разъясненій и дополненій. Интерполированныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, много въ Словѣ о полку Игоревѣ. Много ихъ и въ разбираемомъ текстѣ, гдѣ они отличаются и по отсутствію связи съ общимъ тономъ изложенія и по самому характеру, являясь объясненіемъ той или другой мысли. Таковы:

1) указанная выше неконченная фраза: «от тоя рати и до мамаева побоища» — соображеніе о количествѣ лѣтъ, прошедшихъ отъ битвы при Калкѣ до Куликовской.

2) послѣ словъ: «лисици часто брешють» слѣдуетъ объясненіе: «чають побѣдоу на поганыхъ». Въ этомъ мѣстѣ интерполяція очевидна: кто то имѣлъ въ виду объяснить себѣ текстъ, составленный вполнѣ по Слову о полку Игоревѣ, и разсказъ о лисицахъ, пришедшихъ на поле битвы, изложилъ такимъ образомъ: «аркоучи такъ земля еси роусская. какъ еси была доселева за цр҃емь соломоном. такъ боуди и нн҃ѣча за кн҃земь великим дмитріемь ивановичемь». Несомнѣнно, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, въ оригиналѣ было: «теперь бо еси за соломянемь побывала». Упрекъ въ непониманіи текста Слова отнюдь не долженъ лежать на Софоніи, который всюду имъ пользуется умѣло, а на томъ читателѣ, который осмыслилъ по своему непонятное ему мѣсто.

3) ясна интерполяція, разъединяющая подлежащее отъ сказуемаго, въ фразѣ: «сл҃нце емоу на встоцѣ *семтября и҃ в средоу на ржс҃тво пр҃стыя бц҃а* ясно свѣтить поуть емоу повѣдаеть. *борисъ глѣбъ мл҃тву творять за сродники свои.*

4) перечисленіе убитыхъ, отмѣченное мною выше, тоже представляетъ вставку, взятую изъ Лѣтописной Повѣсти или, вѣрнѣе, изъ синодика, такъ какъ имена не во всемъ совпадаютъ.

При наличности вышеприведенныхъ ошибокъ, пропусковъ и, особенно, интерполяцій, отчего нарушается смыслъ и не выдерживается общій тонъ памятника, приходится заключить, что Кирилло-Бѣлозерскій текстъ является лишь копіей оригинала, и притомъ — неисправной.

Однако текстъ этотъ, помимо того, что онъ — древнѣйшій, важенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ мѣста, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ Повѣданія и, по своей близости къ Слову о полку Игоревѣ, несомнѣнно, принадлежащія оригиналу:

а) Во вступленіи объяснено, почему авторъ воздаетъ похвалу князьямъ Дмитрію и Владимиру: «занеже ихъ было моужество и желаніе за землю роуссьскоую и за вѣроу хр̃стіаньскую». Въ другихъ спискахъ этого мѣста нѣтъ.

б) Картинное изображеніе готоваго на бой русскаго войска, собраннаго отовсюду, здѣсь всего стройнѣе по изложенію и полнѣе; добавлено: «пашоутся хоригови берчати. свѣтятьс̃ калантыри з(л)ачены».

в) Полнѣе рѣчь князей къ великому князю Дмитрію: «оуже поганыи татарове на поля на наши настоупають, а вотчиноу нашю оу нас отнимають».

г) Характеристика Ольгердовичей замѣчательна по близости своей къ Слову о полку Игоревѣ: «ти бо бяше сторожевыя полкы. на щитѣ, рожены. под троубами поють (чит. повити). под шеломы възлелѣаны. с востраго меча поены в литовьскои земли».

д) Отрицательное сравненіе татарскихъ войскъ съ гусями и лебедями, оборванное въ другихъ спискахъ, здѣсь является въ доконченномъ видѣ: «то ти, не гоуси гоготаша ни лебеди крилы въсплескаша».

е) Передъ разсказомъ о Пересвѣтѣ (изложенномъ, кстати, весьма близко по тону къ Слову) находится выраженіе, заключающее описаніе боя: «тогода же, было не лѣпо старою помолодитися», и ниже: «зогзици кокоують». Оба — близки къ Слову.

Перейду къ слѣдующему тексту.

Текстъ по списку Ундольскаго значительно полнѣе и представляютъ памятникъ въ цѣломъ видѣ. Однако и этотъ списокъ далеко нельзя считать исправнымъ. Съ одной стороны — переписчикъ пользовался дурнымъ текстомъ или не понималъ его, съ другой — будучи по времени весьма позднимъ, Повѣданіе въ этомъ спискѣ носитъ слѣды нѣкоторой редакціонной обработки.

Результатомъ непониманія текста или плохой его переписки являются ошибки и пропуски, столь же частые, какъ и въ предыдущемъ текстѣ. Таковы ошибки: вѣщаннаго боярина (вм. вѣщаго бояна); строупы (вм. струны); Игорю Бяриковичю (вм. Рюриковичу, притомъ еще Игорь считается здѣсь «первымъ» русскимъ княземъ); Владимеру Всеславьевичю (вм. Святославичю); рекше (вм. рече); оараѳужными (вм. харалужными); а глава шибла (вм. а слава...); у Дуная (вм. у Дона); не брвать (вм. не бывать); милому (вм. малому) и др.

Пропуски: Въ рѣчи Осляби упоминаніе о «чадѣ Іаковѣ» представляетъ ту же неясность, что и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ.

Во фразѣ: «вѣдомы полѣводцы под троубами под шеломы злачеными» пропущено «повити» и кромѣ того — нѣтъ продолженія.

Перебитъ текстъ во фразѣ: «И оуже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текоук грозы». Здѣсь, помимо ошибки (текоук), пропускъ, очевидно, цѣлаго выраженія.

Въ рѣчи великаго князя къ боярамъ: «туто добоудете себѣ мѣста и своим женам, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть», замѣтна спутанность текста, основанная на пропускѣ нѣсколькихъ словъ.

Наконецъ, къ неисправностямъ слѣдуетъ отнести и позднѣйшія добавленія, которыя въ разбираемомъ текстѣ имѣютъ двоякій характеръ: интерполяціи и редакціонныя измѣненія.

Интерполяціи. Въ самомъ началѣ текста находится одна вставка, которая вводила въ заблужденіе многихъ изслѣдователей. Повѣданіе по древнѣйшему и по Синодальному спискамъ приписывается Софоніи рязанцу. Авторство его, какъ будетъ ниже указано, подтверждается и нѣкоторыми списками пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ Повѣданіе находится въ отрывкахъ. Между тѣмъ списокъ Ундольскаго говоритъ о Софоніи, какъ будто объ авторѣ какого-то другого произведенія. Редакторъ, разсказавъ о томъ, какъ Боянъ пѣлъ русскимъ князьямъ славу, говоритъ о себѣ: «Аз же помяну резанца Софония и восхвалю пѣснеми гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а вноуки святаго великого князя Владимера киевского и пѣние князем роускимъ за вѣроу християньскоую. а от Калатьские рати до Момаева побоища р҃о лѣтъ».

Наличность послѣдней фразы, какъ несомнѣнной интерполяціи, отсутствіе связи между предложеніями — показываетъ, что все это мѣсто испорчено; оно испорчено и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ, но тамъ не упоминалось о Софоніи; здѣсь же упоминаніе о Софоніи могло быть даже вставкой самого редактора или переписчика (*азъ* помяну), желавшаго дополнить неясное мѣсто. Характерна эта вставка въ Синодальномъ спискѣ, гдѣ въ одно и то же время Софонія считается авторомъ Повѣданія и объ немъ же, какъ о третьемъ лицѣ, вспоминается въ текстѣ: «Издеся помянем Софоню резанца сего великого князя Дмитрея Ивановича а правнука святаго князя Володимера киевского и брата его Володимера Ондреевича».

Въ разсказѣ о томъ, что татары стоятъ уже на рѣкѣ Мечѣ, прибавлено: «межу Чюровым и Михайловым брѣсти хотят». Повѣданіе набрасываетъ лишь общую картину военныхъ дѣйствій, и такое точное обозначеніе мѣста должно было зайти изъ какого-либо другого источника. Дѣйствительно, урочище «Чуры-Михайловы» упоминается въ первой редакціи Сказанія.

Къ заимствованію изъ Сказанія слѣдуетъ отнести также все, что говорится о новгородскихъ посадникахъ: «выехали посадники из великого Новагорода ,з̄ войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андрѣевичю». Указанное количество войска повторяется въ другомъ случаѣ, ниже, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ: «выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы с нами ,з̄ окованые рати».

Несомнѣнно на основаніи Лѣтописной Повѣсти упоминаются имена князей, участвовавшихъ въ битвѣ: «И крѣпцы бысть князи Бѣлозѣрстіи Ѳедор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимоѳей Волоуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати». Вся эта вставка не вытекаетъ изъ контекста и отсутствуетъ въ древнѣйшемъ спискѣ.

Характерны интерполяціи, выставляющія, подъ вліяніемъ Лѣтописной Повѣсти, великаго князя смиреннымъ и боголюбивымъ христіаниномъ. При описаніи сборовъ его на бой, цѣликомъ составленномъ по Слову о полку Игоревѣ, вставлено: «помолися Богоу и пречистей его Матері». Эта вставка повторена дважды. Ниже великій князь произноситъ цѣлую молитву: «Господи Боже мой! на тя уповах да не постыжоуся в вѣк, ни да посмѣютмися враги моя мнѣ; и помолися Богоу и пречистой Его Матери и всѣм святым его, и прослезися горко, и оутер слезы».

Наконецъ, къ интерполяціямъ слѣдуетъ отнести календарныя обозначенія дней, диссонирующія съ общимъ тономъ разсказа: «А билися из оутра до полоудни в соуботу на рожество святѣй Богородицы» — вставка, раздѣляющая картинное описаніе битвы. Точно также, ниже, во фразу: «того же дни в соуботоу иссекша хрістиани поганые полки» вставлено: «на рожество святыя Богородицы».

Редакціонныя измѣненія. Вставки, обличающія въ спискѣ Ундольскаго работу редактора или представляютъ незначительныя дополненія, продолжающія картину оригинала, вродѣ обращенія къ жаворонку: «посмотри к сілному градоу Москвѣ», котораго нѣтъ въ древнѣйшемъ спискѣ, хотя все мѣсто это тамъ не носитъ слѣдовъ сокращенія; или же являются самостоятельной композиціей, особенно въ началѣ и концѣ памятника. Начало Повѣданія по списку Ундольскаго является книжнымъ развитіемъ первыхъ строкъ древнѣйшаго текста. Великій князь узнаетъ о приходѣ татаръ «на пиру оу Микулы Васильевича». Далѣе слѣдуетъ характеристика земли русской — «жребия Аѳетова», въ противоположность землѣ татарской — «жребію Симову» и указывается на ея «погибель». Книжный характеръ этого вступленія засвидѣтельствованъ самимъ редакторомъ: «Преже восписах жалость земли роуские и прочее, *от кних приводя*, потом же *списах* жалость и похвалоу великому князю Дмитрею Ивановичю и братоу его князю Владимеру Ондрѣевичю» [1]).

Послѣ такого вступленія, составленнаго редакторомъ, слѣдуетъ уже переходъ къ писанію Софоніи. Переходъ выраженъ такъ: «Снидемся, братія и дроузи и сынове рускіи, составим слово к слову, возвѣселим рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребій, и воздадим поганому Момаю побѣдоу, а великомоу князю Дмитрею Ивановичю похвалоу и брату его князю Владимеру Андрѣевічю. И рцем таково слово». Далѣе идетъ уже писаніе Софоніи. Понятно, что при такомъ самостоятельномъ вступленіи редакторъ могъ вспоминать Софонію, какъ творца какого-то другого произведенія.

Затѣмъ редакторская рука видна въ концѣ памятника, во вставкѣ двухъ эпизодовъ. Первый — о гибели Мамаевой — представляетъ любопытную передѣлку соотвѣтствующаго эпизода

---

1) Обращу вниманіе на формы: «от кних», «Ондрѣевичю» при постоянномъ: «Андрѣевичю». Нужно думать, что это мѣсто — не списано.

изъ Лѣтописной Повѣсти подъ тонъ писанія Софоніи: «И отскоча поганый Мамай от своея дружины, серым волком взвыл, и притече к Хвѣстѣ граду. Молвяше же ему Ѳрязове: чему ты поганый Мамай посягаешь на рускую землю; то тя била орда залѣская; а не бывати тобѣ въ Батыя царя, оу Батыя царя было д҃ ста тысящь окованые рати, а воевал всю роускую землю от востока и до запада; а казнил Богъ роускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на рускую землю, царь Мамай съ многими силами, з дѣвятью ордами и о҃ князями; а нынѣ ты поганый бѣжишь самдевят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ; нѣшто тобя князи роускіе горазно потчивали, ни князей с тобою ни воевод; нѣчто гораздо оупилися оу быстрого Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ, позадѣнеш и нам от земли роуской. Оуподобился еси милому младенцоу оу матери своей».

Другой — счетъ убитымъ князьямъ и боярамъ, причемъ счетъ ведетъ «Михайло Александровичь, московскій бояринъ», вызванъ также Лѣтописной Повѣстью, но по содержанію и по формѣ онъ вполнѣ отличенъ. Счетъ этотъ есть евфонистическое перечисленіе различныхъ князей и бояръ мѣстныхъ.

Словами великаго князя: «И поидемъ брате, князь Владимер Андрѣевичь во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чти есми, брате, добыли, и славнаг имени, Богу нашему слава», заканчивается списокъ Ундольскаго.

Текстъ Повѣданія по этому списку, если откинуть редакторскія прибавленія въ началѣ и концѣ, восходитъ къ тому же оригиналу, что и Кирилло-Бѣлозерскій. Его отнюдь не надо считать какимъ-то особымъ произведеніемъ, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, составленнымъ на основаніи писанія Софоніи. Доказательствомъ служатъ:

1) тожество плана;

2) буквальное сходство значительнаго большинства выраженій;

3) сокращенія и неясности Кирилло-Бѣлозерскаго текста становится понятными изъ сравненія съ соотвѣтствующими мѣстами текста Ундольскаго, который часто представляетъ лучшее чтеніе.

Я приведу тѣ мѣста, гдѣ списокъ Ундольскаго исправляетъ и дополняетъ древнѣйшій текстъ:

а) Начало Повѣданія стройнѣе и ближе къ Слову: «Лудчи бо нам, брате [1]), начати повѣдати иными словесы от похвальных сих и о нынешных повѣстех похвалоу... начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но (чит. над) землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣща(нна)го Боя(ри)на, горазна гоудца в Киеве» [2]).

б) Характеристика выѣзжающихъ въ походъ князей — полнѣе и снова ближе къ Слову: «Изтезавше оум свой крѣпкою крепостью и поостриша сердца свои моужеством и наполнися ратного доуха, оуставиша собѣ храбрыя воеводы в роуской землѣ и помяноуша прадѣда своего великого князя Владимера киевскаго». Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ все это мѣсто сокращено, и въ началѣ, вмѣсто: «Се *бо* князь великій... и братъ его... поостриша»... — ошибкою написано: «Се *азъ* князь великій»... и т. д.

в) Фраза: «Ци боуря соколі снесетъ из земля Залѣския в полѣ Полотское», не смотря на порчу, ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго: «они бо взнялися, какъ соколи со земли роусскыя на поля половетция».

г) Такой же характеръ, какъ въ пунктѣ *б*, носитъ рѣчь великаго князя къ Владимиру Андреевичу, въ которой, противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, прибавлено: «а храбрых своих испытаем, а рекоу Дон кровью прольем за землю за роускую и за вѣроу крестьяньскую».

---

1) Форма «брате», конечно, вышла изъ «братія», черезъ «братее», но списокъ Ундольскаго почти всюду принимаетъ ее за voc. sing.

2) «горазна гудца въ Кіевѣ», — впрочемъ, могло явиться позднѣйшимъ объясненіемъ къ Бояну.

д) Какъ было указано выше, въ текстѣ Ундольскаго ясно указанъ отвѣтъ Дмитрія Ольгердовича своему брату: «И рече ему Дмитрей» . . . Пропускъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ дѣлаетъ все это мѣсто неяснымъ, хотя по изложенію весь эпизодъ объ Ольгердовичахъ здѣсь хуже соотвѣтствующаго въ древнѣйшемъ спискѣ.

е) Картина кануна боя въ разбираемомъ спискѣ дополнена противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, гдѣ несомнѣнно пропущена фраза: «пасти троупу человѣческомоу на поле Куликовѣ, пролитися крови на речьке Напряде; уже бо скрипѣли телеги межоу Доном и Непром». Здѣсь писцу легко было сдѣлать пропускъ, потому что предыдущая фраза: «Быти стуку великому на речке Напрядѣ, между Доном и *Непром*», кончалась однимъ и тѣмъ же словомъ.

ж) Испорченное мѣсто: «Роуская земля то первое еси как за царем за Соломоном побывала», — какъ видно изъ цитаты, всетаки ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго.

з) Единственное мѣсто, гдѣ какъ бы нарушается въ обоихъ спискахъ единство плана, представляетъ перестановка слѣдующихъ двухъ эпизодовъ: въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сначала описывается выступленіе князя Владимира, а потомъ уже великаго князя, въ спискѣ Ундольскаго — наоборотъ — сначала сказано о великомъ князѣ, потомъ уже объ его братѣ. Послѣдовательность Кирилло-Бѣлозерскаго лучше, но описаніе сбора въ походъ князя Владимира — ближе къ Слову въ разбираемомъ спискѣ: «Что шумитъ и что грѣмит рано пред зорями. Князь Владимеръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к великому Дону». Перестановка могла явиться слѣдствіемъ того, что это мѣсто въ разбираемомъ спискѣ, какъ выше указано, интерполировано (вставкой изъ Лѣтописной Повѣсти).

и) Вмѣсто скомканной картины боя — въ спискѣ Ундольскаго стройное описаніе: «Соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтѣли и оударилися о многи стада лѣбѣдиные: то ти наехали роуские князи на силоу татарскую и оудариша копье ѳараѳужными о

доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи боулатные о шеломы хиновские на полѣ Коуликове, на рѣчке Напрядѣ. Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а силныи полки стоупишася вмѣсто и протопташа холми и лоуги и возмутишася рѣки и потоки и озера, и кликноули быша дивы в роуской земли, а глава (чит. слава) шибла к Желѣзным Вратам, и къ Караначи, к Римоу и х Саѳѣ по морю и к Которнову, а оттолѣ ко Царю граду на похвалоу роуским князем. И одолѣша рать татарскоую на полѣ Коулікове на речьке Напрядѣ».

і) Описаніе боя и все дальнѣйшее изложеніе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ представляется чрезвычайно сжатымъ и можетъ быть объяснено только сличеніемъ со списком Ундольскаго. Таковы — разсказъ о Пересвѣтѣ и плачи боярынь. Въ спискѣ Ундольскаго и эти эпизоды ближе къ Слову по изложенію.

Какъ я сказалъ, списокъ Ундольскаго представляетъ болѣе полный текстъ Повѣданія. Послѣ плачей, которыми кончается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, разсказъ обращается къ князю Владимиру, который съ своимъ полкомъ вылетаетъ на татарскую силу, описывается окончательное пораженіе татаръ и веселье русскихъ [1]).

Эта вторая часть выясняется уже изъ сравненія съ третьимъ текстомъ Повѣданія, по Синодальному списку, представляющему памятникъ, какъ и предыдущій, въ цѣломъ видѣ.

Синодальный текстъ писанъ на западно-русскомъ нарѣчіи, которое мѣстами замѣтно въ выговорѣ словъ, и если предыдущіе тексты изобиловали ошибками, то разбираемый настолько испещренъ ими, что мѣстами слова искажены до неузнаваемости. Ошибокъ до того много, что привести ихъ — значитъ выписать текстъ почти полностью; переписчикъ вмѣсто «Афета», напримѣръ, писалъ «Охмета», вмѣсто «Боянъ» — ставилъ «Бо», вмѣсто «в Симовъ» — «в сем», или же вовсе опускалъ слова, совершенно

1) Собственно разсказа о *побѣдѣ* надъ татарами въ Кир.-Бѣл. спискѣ нѣтъ.

ихъ не понимая. Поэтому Синодальный текстъ — самый неисправный, но тѣмъ не менѣе, такъ какъ ошибки въ значительной степени явились слѣдствіемъ говора писца, — важенъ для уясненія оригинала Повѣданія потому, что не смотря на ошибки и интерполяціи, онъ въ порядкѣ послѣдовательной переписки долженъ быть поставленъ въ средині между Кирилло-Бѣлозерскимъ и Ундольскаго списками.

Въ общемъ текстъ по Синодальному списку весьма близокъ къ сп. Ундольскаго, кромѣ конца, который излагается нѣсколько иначе. Въ разбираемомъ спискѣ памятникъ является въ той стадіи измѣненія, когда заглавіе оригинала, указывавшее на принадлежность Повѣданія перу Софоніи, еще не утратилось, но интерполяція: «издеся помянем Софонию резанца» — появилась, какъ появились и другія позднѣйшія добавленія, отмѣченныя мною выше при разборѣ текста по списку Ундольскаго.

Срединный характеръ Синодальнаго текста доказывается еще тѣмъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ сходны съ древнѣйшимъ текстомъ, въ то время какъ текстъ Ундольскаго представляетъ отступленія или подновленія [1]). Я отмѣчу эти мѣста:

а) «Первымъ» русскимъ княземъ, вмѣстѣ съ древнѣйшимъ текстомъ, здѣсь считается Рюрикъ, тогда какъ въ текстѣ Ундольскаго «первымъ» княземъ названъ Игорь.

б) Есть упоминаніе о мужествѣ князей русскихъ, только переписчикъ испортилъ текстъ: «Заняже отпало было мужество князем руским». Въ текстѣ Ундольскаго вовсе нѣтъ этого мѣста.

в) Картина готоваго на бой русскаго войска ближе къ древнѣйшему тексту: «Кони ирзуть на Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но (чит. на) Коламне, звинит слава по всеи земли рускои, чудно стези стояти у великого Дону на берези».

---

1) Это замѣчаніе, конечно, относится лишь къ первой части Повѣданія, такъ какъ второй въ древнѣйшемъ текстѣ нѣтъ, но, по аналогіи, и вторую часть слѣдуетъ разсматривать также, т. е. представляющую мѣстами текстъ лучшій, чѣмъ Ундольскаго.

г) Рѣчь великаго князя своему брату представляетъ какъ бы соединеніе древнѣйшаго и Ундольскаго текстовъ: «Поидем, брате, тамо, искупим животом славы, учинить имам диво старих посеб, а младым памет за землю рускую и за веру християнскую». Въ Синодальномъ весь эпизодъ перепутанъ (какъ, впрочемъ, перепутанъ онъ и въ остальныхъ двухъ спискахъ), потому что выше находится пропускъ цѣлой фразы сравнительно съ остальными списками: «съѣхалися всѣ князи роусскыя къ великомоу князю Дмитрію Ивановичу на пособь, аркоучи такъ»...[1]).

д) Характеристика Ольгердовичей, не смотря на порчу текста, совпадаетъ съ древнѣйшимъ: «Тые бо есть сынове храбри, родишася в ратное време, под трубами нечистих кочаны конеи (чит. повити, конець копия) воскормлены, с коленых стрел воспоены в тивскои (чит. литовскои) земли». Въ текстѣ Ундольскаго, какъ сказано, все это мѣсто подновлено.

е) Точно также и ниже — рѣчь князя Андрея брату (который здѣсь ошибочно именуется Дмитріемъ *Волынскимъ*) ближе къ древнѣйшему, чѣмъ къ подновленному тексту Ундольскаго: «А сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских, а шоломов татарских, а сулиц немецких, а бонадов (чит. бойданов) бесурмеских».

ж) Продолжено, какъ и въ древнѣйшемъ, отрицательное сравненіе татарскаго войска съ гусями и лебедями: «Тогда гуси восгагатали и лебеди возплескали крилами своими, не гуси ж то воигоготали, поганыи цар Мамаи»...

з) Эпизоды о выступленіи въ походъ обоихъ князей, сходные по тексту со спискомъ Ундольскаго (гдѣ, какъ указано, текстъ *лучше*), расположены однако такъ же, какъ въ древнѣйшемъ: сначала описывается выступленіе князя Владимира Андреевича, потомъ — великаго князя.

Въ остальномъ текстъ первой части Повѣданія по Синодаль-

1) Цитирую по Кирилло-Бѣлозерскому тексту.

ному списку сходенъ со спискомъ Ундольскаго, исключая плача боярынь, который здѣсь полнѣе и, какъ будетъ указано ниже, — ближе къ основному тексту.

Перехожу ко второй части Повѣданія.

Прежде всего я обращу вниманіе на то, что оригиналъ, служившій для разбираемыхъ списковъ (Ундольскаго и Синодальнаго) допустилъ одну ошибку, весьма возможную для переписчика, но присутствіе которой затемнило изложеніе и нарушило всю стройность памятника. Въ первой части ясно указано, что русскіе потерпѣли пораженіе отъ татаръ: побиты и посѣчены воеводы великаго князя (перечисляются имена во вставкѣ), Ослябя предрекаетъ себѣ общую участь съ Пересвѣтомъ — лечь костьми на травѣ ковылѣ, рисуется безотрадная картина разоренной русской земли, наконецъ — жены князей и воеводъ горько плачутъ по убіеннымъ. Изъ контекста древнѣйшаго списка совершенно не видно, побѣдили ли русскіе, впечатлѣніе получается обратное.

Вторая часть рисуетъ вторично картину боя, причемъ князь Владиміръ и великій князь Дмитрій разбиваютъ татаръ на голову, завладѣваютъ ихъ богатствомъ, «по роуской земле простреся веселие и боуйство». Центромъ этой второй части, какъ я говорилъ, поставленъ Владиміръ Андреевичъ, который неожиданно является какъ бы главнымъ начальникомъ: онъ «восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича», велитъ ему «не отставать», по всѣмъ землямъ «текутъ грозы» князя Владимира (списокъ Ундольскаго). При такомъ изложеніи неясенъ первый моментъ боя, и ничѣмъ не мотивированъ второй. Самый переходъ ко второму моменту въ обоихъ спискахъ непонятенъ: зачѣмъ говорить второй разъ о битвѣ? Кромѣ того текстъ мѣстами перебитъ.

Необходимо предположить, что во второй части оригинала всюду вмѣсто «великій князь Дмитрій Ивановичь» стояло «*Дмитрій Волынецъ*» (оба имени было не трудно смѣшать: выше было указано, что въ Синод. спискѣ мѣсто Дмитрія Ольгердовича

заступилъ Дмитрій Волынецъ) и слѣдовательно все, что во второй части относится къ Дмитрію, слѣдуетъ относить къ Дмитрію Волынцу. Тогда вторая часть будетъ понятна, и у всего памятника будетъ стройный планъ. Сказаніе (пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ) передаетъ перипетіи боя слѣдующимъ образомъ: къ концу дня русскіе были побиты татарами на всѣхъ пунктахъ; въ эту критическую минуту засадный полкъ подъ предводительствомъ князя Владимира Андреевича и Дмитрія Волынца выѣхалъ изъ дубравы и рѣшилъ битву окончательнымъ пораженіемъ татарскаго войска. Другой вопросъ — соотвѣтствуетъ ли это исторической дѣйствительности, но преданіе объ этомъ было живо и попало въ Повѣданіе, руководствовавшееся, главнымъ образомъ преданіями. При такомъ объясненіи будутъ понятны обѣ картины боя: первая будетъ относиться къ пораженію — первому моменту боя, вторая къ подвигу засаднаго полка — второму моменту. Наконецъ — Дмитрію Волынцу, а не великому князю могъ отдавать приказанія князь Владимиръ: Повѣданіе по спискамъ Ундольскаго и Синодальному имѣетъ даже интерполяціи мѣстническаго характера.

Отсюда вытекаетъ, что Повѣданіе, дѣйствительно, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой прославляется великій князь, во второй — братъ его Владимиръ. Какъ видно изъ заглавія списковъ, Софонія имѣлъ въ виду написать похвалу и тому и другому. Если же сохранить чтеніе списковъ такъ, какъ есть, то похвалы Владимиру въ памятникѣ не будетъ.

Изъ сравненія текстовъ Ундольскаго и Синодальнаго во второй части оказывается, что Синодальный — болѣе сокращенъ. Сначала сходство между текстами почти буквальное, мѣстами Синодальный текстъ даже лучше Ундольскаго, который въ этихъ случаяхъ или представляетъ пропуски или перебитъ. Полнѣе, напримѣръ, описаніе богатырской поѣздки князя Владимира: «Воскликнул княз Володимер Андреевича, скокаша на конѣ по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым поспехом посвечаючи». Лучше и рѣчь его къ Дмитрію

(слѣдовательно — Волынцу), которая въ текстѣ Ундольскаго вся перебита, и въ одно цѣлое слиты, собственно, два отдѣльныхъ обращенія.

Присутствіе въ обоихъ спискахъ несомнѣнной интерполяціи — молитвы, взятой изъ Лѣтописной Повѣсти, и одного и того же неяснаго мѣста, которое въ спискѣ Ундольскаго, къ сожалѣнію, имѣетъ дефектъ и читается: «туто у...шва времени, а забрала», а въ Синодальномъ: «то ты еси желѣзное забороло у зло тошного времени» — показываетъ, что оба списка могутъ восходить къ одному оригиналу, своеобразно измѣняя непонятныя имъ мѣста. Такъ, Синодальный текстъ подробнѣй развиваетъ намекъ о мѣстничествѣ въ спискѣ Ундольскаго: «туто добоудете себѣ мѣста и своим женам»; въ Синодальномъ: «А колиз от мезтих тяжется, ту кождыи добрыи удаися добуд собе чти и славы и мезта женам и детем и всему своему роду».

Повторяя тѣ же интерполяціи, Синодальный имѣетъ еще одну, не находящуюся въ спискѣ Ундольскаго: «Князь великии Дмитреи Иванович, получи божию милость, пречистия его Матери и всех святых его, молитвами святых чудотворец руских Петра і Алексия и преподобнаго отца нашего Сергя и брата его святого Володимера киеского, иныя многия руския вдалцы, князи и бояре и боярския дети возратишася к своим господарем, ко славному граду Москве с великою попедою и з ростию (чит. радостию) неизглаголанною».

Сокращенія Синодальнаго текста начинаются съ описанія картины боя засаднаго полка, которое въ спискѣ Ундольскаго по тону близко къ Слову и гораздо полнѣе. Сокращенъ и весь дальнѣйшій текстъ до конца. Изложеніемъ судьбы Мамая, въ общемъ сходнымъ со спискомъ Ундольскаго, кончается Синодальный списокъ. Слѣдовательно, исчисленія побитыхъ бояръ и воеводъ въ немъ нѣтъ.

Итакъ, разсмотрѣнные три списка Повѣданія черезъ рядъ промежуточныхъ интерполированныхъ списковъ восходятъ къ одному оригиналу и, представляя списки, сдѣланные въ разное

время и въ разныхъ мѣстностяхъ, передаютъ этотъ оригиналъ въ сильно искаженномъ и, несомнѣнно, не полномъ видѣ. Возстановленію этого оригинала нѣкоторымъ образомъ помогаютъ отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ Сказаніи. Ихъ — много, и они распадаются на двѣ неравныя группы.

I. Къ первой группѣ принадлежатъ отрывки, представляющіе самостоятельное цѣлое, безъ связи съ другимъ текстомъ. Такихъ всего два:

А) находится въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. XV). Подъ 6888 г. сводчикъ собирался вставить имѣвшееся у него подъ руками Повѣданіе, но почему то оставилъ это намѣреніе и привелъ лишь нѣсколько начальныхъ строкъ; кромѣ того на поляхъ киноварью написанъ конецъ памятника, но потомъ зачеркнутъ.

Тверская л. приписываетъ памятникъ Софоніи, котораго называетъ брянскимъ бояриномъ: «А се писаніе Софоніа резанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Дальнѣйшій текстъ въ сущности мало напоминаетъ Повѣданіе, какъ его представляютъ три вышеразобранныхъ списка: «Вѣдомо ли вамъ, рускымъ государямъ, царь Мамай пришелъ изъ Заволжіа, сталъ на рѣцѣ на Воронежѣ, а всѣмъ своимъ улусомъ не велѣлъ хлѣба пахать; а вѣдомо мое таково, что хощетъ ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскать, туто ли онъ стоитъ, гдѣ его мнѣ повѣдали». На этомъ кончается выдержка, которая въ своеобразномъ изложеніи скорѣе повторяетъ эпизодъ Сказанія, а не Повѣданія, и, можно думать, что не послѣднее, а пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ должна была быть помѣщена въ Тверской л.

Киноварная зачеркнутая приписка сходна съ концемъ Повѣданія по списку Ундольскаго, (но она встрѣчается и въ Сказаніи): «тѣмъ же всѣмъ суженое мѣсто межу Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ; а положили главы своа за землю рускую и за вѣру христіанскую. А мы поидемъ

въ свою отчину, въ землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядемъ на своемъ великомъ княженіи: чести есмя собѣ добыли и славнаго имяни. Конецъ».

Такъ какъ вышеприведенныя выдержки представляютъ, какъ сказано, не столько отрывки Повѣданія, сколько Сказанія, то приведенный матеріалъ установляетъ лишь:

1) что Повѣданіе, имѣвшее цѣлью воздать похвалу великому князю и его брату, написано Софоніей рязанцемъ, и —

2) что киноварная приписка представляетъ текстъ, сходный съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Повѣданія по списку Ундольскаго.

Б) изданъ недавно В. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1902 г.). Этотъ текстъ находится въ сборникѣ второй половины XVII вѣка и представляетъ начало Повѣданія, вполнѣ сходное со вступленіемъ по списку Ундольскаго:

«Сказание о донскомъ бою. Князь дмитрей іванович своимъ братомъ владимеромъ ондрѣевичомъ и своими воеводами были на пиру у микулы василиевича. Вѣдомо намъ, братие милыі, что у быстрого дому (чит. дону) царь мамаі пришел на рускую землю, поідем, брате, тамъ в полунощъ і жребия афетова сына, от него же родися русь православная; взыдемъ на горы кіевския і посмотримъ славного непра і посмотримъ по всеі земли рускоі от поля на восточную страну к залеіскому жребию сына ноева, от него же родися сыновя поганыя тотаровя бусорманы; тѣ бо на реке на сяне одолѣвая афетовы; оттолѣ руские земли сидитъ невера от полацкие рати до момаева побоища, тугою землею и печалю і покрышася; і плачищися чада своя поминаювы, князи і бояре и удалыя молотцы, оставимте домы своя і вся богатсва и жены и детеі и славы миру получити, а главы своя положиша за вѣру християнскую, а собѣ бы чая пожженных вскормленных жалость и похвалу великому князю димитрею івановичю і похвалу брату его владимиру ондрѣевичю. Снидемъ,

братия и дружины, вѣру составимъ слово въ слово (чит. къ слову), возвеселимъ рускую землю, возверзимъ печали на восточную сторону в симъ (чит. въ Симовъ) жребіи. Аминь».

Этотъ отрывокъ представляетъ буквальное совпаденіе съ отмѣченнымъ мною выше *редакціоннымъ вступленіемъ* списка Ундольскаго и обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается, собственно, писаніе Софоніи. Въ половинѣ XVII вѣка это вступленіе было настолько чуждо писцу, что онъ не понималъ вовсе текста, нанизывая простой наборъ словъ и испещряя его ошибками: «от поля» — вм. оттоля; «залеіскому» — вм. залѣсскому; «сыновя» — вм. хиновя; «сяне» — вм. Каялѣ или Калкѣ; «полацкіе» вм. калатьскія; покрылись «тугою *землею* и печалю»; «оставимте» — вм. оставиша; «получити» — вм. получивши; «пожженных» — вм. пороженыхъ; «дружины» — вм. друзи. Непонятое — вовсе имъ пропускалось. Нужно думать, что полное непониманіе текста и удержало писца отъ дальнѣйшаго списыванія памятника. Это непониманіе текста еще разъ служитъ доказательствомъ, почему такіе памятники, какъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщина дошли въ минимальномъ количествѣ списковъ.

Если бы редакція разбираемаго отрывка была доведена до конца, то академическій сборникъ представлялъ бы текстъ, подобный тексту Ундольскаго. Но къ сожалѣнію, писаніе Софоніи такъ и не начато переписчикомъ, который, при всей массѣ ошибокъ, мѣстами въ перепискѣ сохранилъ лучшее чтеніе: «братие» — вм. брате; «славного непра» — вм. с равнаго непра. Кромѣ того замѣтка издателя списка Ундольскаго, что послѣ слова «воскорменныхъ» повидимому «утраченъ листокъ» — при наличности вышеприведеннаго текста смысла не имѣетъ.

Наконецъ, разбираемый текстъ имѣетъ то значеніе, что подтверждаетъ мое предположеніе о позже написанномъ вступленіи къ писанію Софоніи, благодаря которому въ дальнѣйшемъ текстѣ послѣдній упоминается какъ авторъ какого-то другого произведенія. Академическій отрывокъ передаетъ только это

вступленіе, не захватывая писанія Софоніи, и постановкой слова «аминь» — оттѣняетъ его самостоятельность.

Прямого же отношенія къ Повѣданію разобранный отрывокъ, какъ теперь видно, не имѣетъ.

Итакъ — первая группа поправокъ тексту Повѣданія не даетъ.

II. Вторая группа отрывковъ — гораздо многочисленнѣе. Отрывки эти, какъ украшающій элементъ, встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ различныхъ редакціяхъ Сказанія, о которыхъ я буду говорить ниже. Отрывки эти — различнаго качества и вообще, замѣчу, что чѣмъ позже редакція Сказанія, тѣмъ отрывки эти являются въ болѣе передѣланномъ и сокращенномъ видѣ.

Я приведу эти отрывки послѣдовательно изъ второй, а особенно — третьей редакціи Сказанія, гдѣ они выражены наиболѣе полно:

1) «Оубо, братия, стоук стоучит, а гром гремит в славном граде Москвѣ, стоук стоучит великая рать великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремят роусския оудалцы злачеными шеломы и доспѣхи». Это мѣсто буквально повторяетъ Повѣданіе и взято изъ рѣчи князя Дмитрія Ольгердовича своему брату.

2) «Княз же великій въстоупив в златое свое стремя и седе на любезный свой конь... а слнце им со востока сьяет, а по них кроткій вѣтрец вѣет. Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златых колодиць, а то рвахоутся князи белозерския ис камена града москвы, выехали своим полком... яко достоит им избивати полки татарския». Этотъ текстъ — вторичный: картина выѣзда князей *Бѣлозерскихъ* развилась изъ общей картины Повѣданія: русскіе удальцы, какъ соколы и бѣлые кречеты, вырвавшись на свободу, хотятъ ударить на стада гусиныя и лебединыя. Въ Синодальномъ спискѣ даже эпитетъ «бѣлые» (кречеты) замѣненъ эпитетомъ «бѣлоозерстии» [1]), такъ что этотъ

1) Въ сп. Ундольскаго: «соколи бѣлозѣрстіи».

переходъ отъ общей поэтической картины къ частной — изображенію выѣзда князей Бѣлозерскихъ — становится яснымъ.

Поправокъ къ тексту Повѣданія это мѣсто, слѣдовательно, не даетъ.

3) «И говоритъ князь владимеръ андрѣевичь: Господине князь димитреі ивановичь воеводы оу насъ велми крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйския, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіяньскую и за твою обиду государя великаго князя». Это мѣсто — рѣдко встрѣчается въ спискахъ Сказанія и представляетъ близкое сходство съ рѣчью великаго князя къ Владимиру Андреевичу передъ битвой. Будучи подновлено, оно тѣмъ не менѣе сохраняетъ оригиналъ Повѣданія въ выраженіяхъ: «сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома», что есть и въ Синодальномъ спискѣ.

4) Весьма часто встрѣчающееся мѣсто: «Тогда же возвѣяша силни вѣтри по бервицѣ (или березовицѣ) шпроцѣ, воздвигошася велицы князи, а по нихъ русскіи сынове успѣшно грядутъ, аки мѣдвяны чаши пити и стеблія виннаго ясти, но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблія винного ясти грядутъ: хотятъ укупити чти и славнаго имяни», — не находитъ себѣ прямого соотвѣтствія въ имѣющихся спискахъ Повѣданія. Или это — передѣлка, на основаніи словъ князя Владимира въ Повѣданіи: «тоут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татаръ поганых»[1]) или — это мѣсто было въ какомъ-либо недошедшемъ спискѣ Повѣданія.

5) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣнить слава по всей руской

1) И выше: «То ти есть не наши московские слатkие мѣды... туто добоудете себѣ»... чести и славы, — если только текстъ здѣсь не искаженъ.

земли, великовѣчье бьютъ въ великомъ новѣградѣ: стоятъ мужи новъгородцы оу святыя софѣи премудрости божія, аркучи межу собою таковое слово: Оуже намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю димитрию; оуже бо яко орли слѣталися со всей руской земли, съѣхалися дивныя оудалци храбрыхъ своихъ пытати». Это мѣсто, также не частое въ Сказаніи, представляетъ снова текстъ вторичный и подновленный. Въ Повѣданіи въ такихъ выраженіяхъ упоминается о новгородцахъ; что же касается первой половины, то въ Повѣданіи она лучше и ближе къ Слову: «Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей руской землѣ». Это мѣсто Повѣданія съ другой стороны повліяло на слѣдующую картину Сказанія: «И начаша мнози гласи трубъ ратныхъ гласити и варганы тепутъ и стязи ревутъ наволочены у сада Панфилова; сынове же рустіи наступаютъ поля коломенскія, яко не мощно бѣ никому же презрѣти ихъ». Эта послѣдовательность передѣлокъ картины Повѣданія, восходящей къ картинѣ Слова, низводитъ послѣднюю уже до формулы, употреблявшейся при всякомъ описаніи сбора рати на битву.

Будучи дальнѣйшей передѣлкой, это мѣсто Сказанія ничего не даетъ для уясненія оригинала Повѣданія.

6) Картина выступленія князя Владимира въ походъ совпадаетъ съ Повѣданіемъ, но опять — въ болѣе поздней передѣлкѣ: «Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ по ранней зорѣ, князь Владимеръ Андрѣевичь перевозится Москву рѣку на красномъ перевозѣ в Боровцѣ». Въ спискахъ Сказанія вообще это мѣсто подвергалось частой переработкѣ; въ Повѣданіи оно было короче и буквально взято изъ Слова: «Что ми шумитъ, што гремитъ рано предъ зорями, князь Володимеръ Андреевичь полки перебираетъ», но уже въ древнѣйшемъ спискѣ приняло ту форму, которой пользовалось Сказаніе: «Оуже бо стукъ стоучитъ и громъ гремитъ, рано пред зорею, то ти не стоукъ стоучитъ, ни громь гремит, князь володимеръ ондрѣевич ведет вои свои... к быстромоу Доноу». (Кир.-Бѣл. сп.).

7) «За многіе же дни пріидоша на то мѣсто мнози волцы по вся нощи воютъ непрестанно, гроза бо велика есть... и мнози ворони собрашася необычно, неоумолкающе граютъ, галици же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оусть дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго» — это мѣсто можетъ разсматриваться какъ обычная формула, сопровождающая описаніе кануна битвы, но въ данномъ случаѣ эта формула является непосредственнымъ, заимствованіемъ изъ Повѣданія, такъ какъ въ ней сохраненъ образъ, взятый изъ Слова: «лисицы на костѣхъ брешутъ». Таково и продолженіе этой картины: «От такова страха и отъ великія грозы дерева преклоняются и трава постилается», хотя въ Повѣданіи лучше: «а древеса тугою до земли приклонишася». Составленное изъ различныхъ мѣстъ Повѣданія, вышеприведенное описаніе не даетъ матеріала для дополненія послѣдняго.

8) Въ Повѣданіи нѣтъ прямого соотвѣтствія слѣдующему описанію готоваго на бой русскаго войска: «Аки нѣкия свѣтилницы солнечныя светящеся, и стези ревутъ простирающися, аки облаци тихо трепещутъ, хотятъ промолвити. Богатырей же русскихъ хоругви аки живи пашутся, доспѣхи же рускихъ, аки вода вѣтромъ колеблется, шоломы ихъ на главахъ ихъ злаченые, аки утренняя зоря во время ведра светящися, еловцы ж на шоломѣхъ ихъ, аки пламенъ огненъ колебашеся». Это мѣсто — такая же передѣлка Повѣданія, что и выше, въ пунктѣ 5, низводящая описаніе до формулы. А что это — формула, показываетъ сравненіе съ другими памятниками: Волынская лѣтопись подъ 6759 г. даетъ такое описаніе: «Наутрѣя же пригнавшимъ къ нимъ Прусомъ и Бортомъ, и воемъ же всимъ съсѣдшимъ и воружьшимъся пѣшьцемъ изо стана, щитѣ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копіемъ же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ, яко тръсти мнози, стрѣлцемъ же обаполъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ, Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: можете ли

древо поддрьжати сулицами и на сію рать дерьзнути? Они же видѣвше и возвратишася восвояси» (Ипат. 186). Нужно думать, что формула Волынской л., Сказанія и Повѣданія восходятъ къ Слову о полку Игоревѣ, но въ Сказаніе она попала черезъ Повѣданіе.

9) «Велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ на востокъ до моря, а на западъ до Дуная. Поле же Куликово прегибающеся, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша», и ниже, въ описаніи боя: «Тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выстоупиша изъ мѣстъ своихъ, протопташеся холмы высокіе, траву же кровію подмывало, льющемся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ», — эти описанія представляютъ дальнѣйшія измѣненія слѣдующаго мѣста Повѣданія: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а силныи полки стоупишася в мѣсто и протопташа холми и лоуги. И возмутишася рѣки, и потоки, и озера»[1]). Въ Повѣданіи нѣтъ соотвѣтствія картинѣ: «велми земля стонетъ»... и нужно думать, что это мѣсто могло находиться въ какомъ либо другомъ спискѣ Повѣданія, — оно слишкомъ близко къ Слову.

10) Картина боя въ Сказаніи представляетъ, собственно, рядъ формулъ, которыя встрѣчаются во многихъ памятникахъ при описаніяхъ битвы. Въ данномъ случаѣ эти формулы, несомнѣнно, пришли изъ Повѣданія, какъ его дальнѣйшія передѣлки. Новаго для текста Повѣданія эти формулы не даютъ. Таковы:

а) «Треснуша копія харалужная, звенятъ доспѣхи злаченыя, стучатъ щиты черленыя, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли булатныя».

б) «На полѣ Куликовѣ, между Дономъ и Мечею, сильни полки ступишася, изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи и

---

1) Цитирую по сп. Ундольскаго.

трепетали силніи молніи от облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ».

Эти формулы, особенно вторая, сохраняютъ буквальныя выраженія Повѣданія.

в) «Рускіи удальцы побіени суть, аки силніи древа сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози удалцы, урывающеся на землю подъ конскіе копыта, и мнози же сынове рустіи сотрошася».

Отрицательное сравненіе съ турами находится въ Повѣданіи при описаніи перваго момента боя.

11) Описаніе выѣзда засаднаго полка въ Сказаніи составлено по соотвѣтствующему мѣсту Повѣданія, съ сохраненіемъ выраженій подлинника: «Сынове же рускіи... порывающеся, аки званыи на бракъ сладкаго вина пити. Лепо бо есть въ то время и стару помолодитися, а молодому храбрости испытати... и выедоша изъ дубравы... аки соколы испущени и ударишася на стада жеравлина». Но какъ текстъ вторичный — это описаніе не даетъ поправокъ къ тексту.

12) Нѣкоторую поправку къ основнымъ текстамъ можетъ дать описаніе веселья въ русской землѣ по случаю побѣды и славы по всѣмъ землямъ: «Удальцы восплескаше в татарскихъ узорочіяхъ, везучи въ землю уюсы и насычи, бугаи, кони и волы и вельблюды, меда и вина и сахари. Предвознесеся слава русская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поиде вѣсть по всѣмъ градомъ, ко Орначу, к Риму, х Кафѣ, к Желѣзнымъ Вратомъ, ко Царюграду на похвалу». Въ спискахъ Повѣданія это перечисленіе земель умножено вставками, зависящими отъ произвола переписчиковъ.

13) Наконецъ — рѣчь великаго князя «на костяхъ» буквально совпадаетъ съ Повѣданіемъ по сп. Ундольскаго, не давая въ сущности ничего новаго: «А вам, братіе, князи и бояре и молодые люди, суженое мѣсто межи Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликови и на рѣчкѣ на Непрядни, а положили есте голови своя за святыя церкви и за землю рускую и за вѣру христіан-

скую... Поидемъ, брате, во свою землю Залѣскую къ славному граду Москвѣ и сядем, брате, на своем княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти есмя себѣ укупили, славнаго имяни». Впрочемъ это мѣсто, какъ выше указано, можетъ и не принадлежать основному тексту Повѣданія.

Кромѣ того въ спискахъ Сказанія часто встрѣчается счетъ побитымъ князьямъ и воеводамъ, находящійся только въ спискѣ Ундольскаго. Этотъ счетъ также неорганиченъ въ Повѣданіи: Сказаніе могло пользоваться послѣднимъ въ спискахъ, подходящихъ по типу къ списку Ундольскаго.

Если прибавить сюда еще фразу «гнѣздо есмя князя Владимера Кіевскаго», то можно считать, что вышеприведенными отрывками исчерпывается матеріалъ, который даютъ вторая и третья редакціи Сказанія. Въ общемъ отрывки эти мало поправляютъ или дополняютъ оригиналъ Повѣданія. Большею частію это модернизованныя передѣлки заимствованныхъ мотивовъ. Въ различныхъ спискахъ Сказанія передѣлки эти измѣняются, и это измѣненіе еще болѣе удаляетъ ихъ отъ Повѣданія. Положительное значеніе отрывковъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ими доказывается органичность въ Повѣданіи той или другой картины.

Но есть два списка Сказанія, въ которыхъ выдержки изъ Повѣданія представляютъ не рядъ подвижныхъ отрывковъ, оторванныхъ отъ текста для иллюстраціи того или другого мѣста Сказанія, но рядъ непосредственныхъ и не слитыхъ съ текстомъ заимствованій (въ одномъ изъ списковъ на это ссылается самъ редакторъ), такъ что получается видъ своднаго текста. Оба эти списка даютъ существенный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ мѣстъ писанія Софоніи.

Эти списки: 1) Рум. Музея № 378 и 2) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ № 70/93.

Принадлежа къ одной изъ редакцій Сказанія, Румянцевскій списокъ даетъ сводный текстъ въ концѣ, съ 123 листа. Редакторъ механически соединилъ текстъ Сказанія съ текстомъ Повѣданія, причемъ всякій разъ самъ указывалъ на спайку словами:

«Сия убо оставимъ, на первое возвратимся». Заимствованія касаются исчисленія убитыхъ и плача боярскихъ и воеводскихъ женъ по убитымъ. Редакторъ пользовался какимъ-то неизвѣстнымъ спискомъ Повѣданія, потому что плачъ изложенъ иначе, чѣмъ въ извѣстныхъ спискахъ; ближе всего къ этому изложенію Синодальный списокъ, гдѣ въ намекахъ говорится о томъ, что здѣсь изложено подробно. Этотъ сводный текстъ я приведу весь:

Князь ж великий Дмитрий Іванович, стоя за Дономъ ӣ дней, дондеж разобраша християне с нечестивыми. Крестьяне ж похорониша скоро, сколко успѣша, а погании повергоша звѣрем на расхищение. *Сия убо оставим, на первое возвратимся.*

Говорит князь великий Димитрий Іванович: Братия, князи і воеводы мѣстныя і вся земля руская. Считаітес, братия, колких у нас князей нѣт, колких воевод нѣт, колких молодых людей нѣт. Говорит Михаило Андрѣевич московских: Государь князь велики, Дмитрий Іванович. Нѣтъ у нас м̄ бояринов болших московских, да нѣт у нас в̄і князей белозерских, да г̄і бояринов посадников новгородцовъ, да м̄ бояринов серпуховских, да е̄ бояринов переславских, да к̄е бояринов костромских, да л̄е бояринов владимерских, да н̄ бояринов суздалскихъ, да м̄ бояринов муромскихъ, да л̄г-хь бояринов ростовских, да к̄г бояринов дмитровских, да з̄ бояриновъ звенигородцких, да е̄і бояриновъ вышегородцких, да ӣ бояринов ярославских, да к̄е бояринов коломенских, да е̄і бояринов углецких, а ізгибло нас дружины польтретья ста тысящь, а помиловал Богъ землю рускую, осталос дружины твоея государския пятдесят тысящъ. Рече ж князь Дмитрей Іванович: Братия милая і князи руския і воеводы мѣстныя і молодыя люди, сынове християнския, вам, братия, суженое мѣсто на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве, положили есте головы свои за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за святяя церкви і за меня за великого князя. Простите мя, братия, і благословите в сем вѣце і в будущем, вам, отцы і братия, вѣчная память до скончания вѣка, а сыновом руским

одолѣніе і похвала во вѣки на поганых і безбожных ізмаилтян. *Сия ж оставим, на первое возвратимся.*

Поганому ж царю Мамаю отселе с четырмя князими до моря, до мѣста, ідѣже бо град Каеа созданъ бысть, і потанвъ свое імя і познан бысть нѣкими купцы і убиен бысть Өрязови і испроверже злѣ живот свои. Сия ж оставим да здѣ. Слышав же Олгиродъ литовскии, что князь Дмитреи Іванович победи і одолѣ нечестиваго царя Мамая, тако же возвратис і злѣ живот свои скончав, якож рече пророкъ Давидь вь $\overline{з}$-м псалмѣ: ров ізрыи іскопай і впадется вь яму, юже содѣла і уготова і наверхь его неправда его сниде. *Сия ж оставим, на первое возвратимся.*

І возопили бяше птицы жалостныя пѣсни, і припахнули нам от быстрово Дону поломянныя вѣсти, і всѣ восплакалися княгини і боярони і воеводцкие жены о своих государех ізбиенных. Воеводина жена Микулы Василевича Марья рано плакашес у Москвы града на заборолехъ, аркучи: Доне, ты Доне, река славная і быстрая. Прорыла еси горы каменныя, течеши, Доне, в землю Половецкую, прилелѣй ко мнѣ моего государя, Мукулу Василевича. А Тимоѳѣева жена Волуевича Ѳедосья да Дмитреева жена Воложскаго Марья тако же плакашесь, аркучи к себѣ: Уж нам веселие наше поничет в славъномь граде в каменнои Москвѣ, уже не видим государей своих во своихь животѣх. Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Ксения рано плакашес: Се убо нам обоим сонце поничет в славном граде Москвѣ. Припахнули намь от быстрово Дону поломянные вѣсти, но с великою побѣдою совседоша удалцы з борзых конеи своих на суженое мѣсто на поле Куликово, за быстрым Доном рекою.

Диво кличет в руской земли саблями тотарьскими. І щурове рано возлетѣли і воспѣли жалостныя пѣсни у Коломны града под заборолами. [На воскресенье Христово на вечерню вь $\overline{кѕ}$ день сентября на памят святаго апостола і еуангелиста Іоанна Богослова [1])]. То ни не щурове возлѣтѣли, рано восплакали

1) Эту вставку, какъ несомнѣнную интерполяцію, я заключаю въ скобки.

женыи коломенския у Коломны града на заборолех о избиенных, смотрячи на быструю реку, на славную Москву, аркучи жалостно: Москва еси, Москва река быстрая, почему еси залѣлувяла мужий нашии от нас в землю Половецкую. І глаголющи с великим плачемь: Можеши ли, государъ князь великий Димитрий Ивановичь, веслы Нѣпрь реку запрудити, а Дон реку трупы татарскими запрудити. Замкни, князь великий Дмитрей Ивановичь Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потом к нам погании тотаровя на рускую землю не ѣздили, а нас не квелили по своих государех, а дѣти бы нашии сиротством не скитались без своих отцев. Уже бо мужии наши рат прибила за рекою за быстрым Доном, на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве, на их суженом мѣсте, за святыя церкви і за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московскаго за Дмитрея Ивановича і за вся жены і дѣти. І ты, государь княз великий Димитрий Ивановичь, нашим государем достойную памят твори і в книгах соборных пиши, памяти ради руским сыновом, а дѣти наши, государь, по отечеству их, пожалуй впредь. *Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание — ізложение Совония, іерѣя резанца, великому князю Димитрию Ивановичу і брату его, князю Владимеру Андрѣевичу* і всѣмъ руским князем православным і воеводам мѣстнымь і молодым людемь і всему православному крестьянству *на похвалу і на память,* како побѣди і одолѣ поганого царя Мамая на Дону і князии его і уланы і упатыи вся ізби, супротивныя полки одолѣ.

А сам князь великий Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Владимером Андрѣевичем і со всѣми князи і бояры і со оставшимис крестьяны, возвратишас на свою отчину, на великое княжение, во град свой, в каменную Москву, с великою побѣдою, воздающе хвалу вседержителю Богу человѣколюбцу і его пречистой Богоматере, молебнице о роду крестьянском, і святым страстотерпцемъ руским князем, сродником своим, Борису і Глѣбу, і заступнику града сего Москвѣ, чюдотворцу

рускому Петру митрополиту, і пособнику і вооружителю отцу своему ігемену Сергію, ихь же молитвами сподобимся улучити божію милость на похвалу рустей земли і в послѣдние родыи і на посрамление і уничижение суровымь сыроядцемь ізмаиловичемь і еллиномь безбожнымь і печенѣгомь і поганымь тотаромь, да не будеть рука ихь высока, яко же пророкь Давыдь рече: і потребишась во Аендоре, сирѣчь во безлѣпицахь, за ихь гордость і высокоумие, и сѣть ихь сокрушисъ, а сынове рустии спасошасъ і изьбавлени бысте от злыхь сыроядьцевъ, і помощь наша во імя Господне, сотворшаго небо і землю. Амінь.

Приведенный текстъ имѣетъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ ясно указываетъ, что памятникъ, изъ котораго редакторъ заимствовалъ цѣлыя выдержки для своднаго текста, принадлежитъ, какъ автору — Софоніи, іерею рязанцу.

Во вторыхъ, что въ томъ спискѣ, который былъ подъ руками редактора, были эпизоды: о плачѣ боярынь и счетѣ убитыхъ, но не было разсказа о судьбѣ Мамая, который здѣсь изложенъ кратко и прозаично. Передача этихъ эпизодовъ носитъ слѣды позднѣйшей поправки: прибавлены въ счетъ нѣкоторыя названія бояръ въ погонѣ за евфонизмомъ: «$\overline{\text{з}}$ бояриновъ звенигородцких да $\overline{\text{ѣі}}$ бояриновъ вышегородцких»; измѣненъ конецъ плачей прибавками совершенно въ духѣ московскихъ челобитныхъ, напр. окончаніе: «а дѣти наши, государь, по отечеству их, пожалуй впредь»; отношеніе къ великому князю показано такимъ, какимъ оно могло быть только въ царскій періодъ; наконецъ — введены интерполяціи въ текстъ, вродѣ отмѣченной мною скобками. Не смотря, однако, на эти искаженія, приведенный текстъ поправляетъ извѣстные тексты Повѣданія, особенно въ плачахъ. (Счетъ убитымъ я не считаю, какъ говорилъ, принадлежащимъ оригиналу). Плачъ изложенъ въ Румянцевскомъ текстѣ гораздо стройнѣе и полнѣе. Изъ него явствуетъ, что сравненіе плача коломенскихъ женъ съ пѣніемъ щуровъ, о чемъ всколзь замѣчаетъ Синодальный списокъ, органически принадлежитъ Повѣданію, а не представляетъ, какъ

думалъ проф. Смирновъ, вставку западно-русскаго передѣлывателя [1]).

Сказаніе по списку Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93 (кн. Оболенскаго) представляетъ значительную выдержку изъ Повѣданія, вставленную въ главу «О исходе полку князь Володимерове потаеннаго в дубровѣ». Отрывокъ описываетъ окончательное пораженіе татаръ и веселіе земли русской о побѣдѣ. Помѣщеніе отрывка съ такимъ содержаніемъ въ главу о засадномъ полкѣ доказываетъ еще разъ выраженную мысль о томъ, что разсказъ о засадѣ, въ своеобразномъ изложеніи, былъ органиченъ въ текстѣ Повѣданія. Текстъ Архивскаго списка нѣсколько перебитъ въ сравненіи со спискомъ Ундольскаго, съ которымъ имѣетъ наибольшее сходство:

Сынове руския божиею силою и помощію святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба побиваху их, аки лѣсъ клоняху, яко трава от косы постилашеся. На том бо полѣ Куликовѣ черная земля под копыты татарскими костми поля кровию земля улита бысть, протопташа холми і луги, возмутиша рѣки и потоки и езера наполнишася. И бежаще татаровя половецкия, глаголюще: увы тебѣ, Мамаю честный, высоко вознеслъся и до ада сшел еси. И возвратишася вспят, покрыша руками главы своя, гораздо им тоску подаваше и тугу. Тут бо они разно разлучишася, гораздо бѣжатъ неуготованными дорогами в лукоморе и зкрекчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: уже нам, братее, в земли своей не бывать, а катун и дѣтей своих не видать, а Русь ратию не ходит, і выхода нам у руских князей не просит. Уже бо востонала татарская земля, бѣдами и тугою покрышася. Уныша бо царие их хотѣние похвалився на рускую землю ходити. Князем руским похвала. Уже бо руския сынове татарское узороче разграбиша, доспѣхи, и копия, и кони, и велблюды, і вино, и сахар, і дорогое узороче — камки и отласы, и насычи, и бугаи везутъ женамъ своимъ. Уже руския жены

1) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1890, № 2, стр. 270.

восплескали татарским златом, уже руской земли простреся слава і веселие і буйство, вознесеся слава руская на поганых. Уже бо вверженъ скипетръ на землю. Уже бо грозы велицы текут великаго князя по всей руской земле. Руские же сыновие широкие поля клином оградиша и злаченые доспѣхи освѣтиша. Тогда князи руския і воеводы крѣпкия полки поганыя прогнаша, уже бо погании оружия своя повергше на землю, а главы своя под руския мечи подклониша, а трубы их не трубят, уныша гласы их. Мнози бо уязвени наших сынов руских.

Далѣе идетъ уже текстъ Сказанія.

Текстъ Архивскаго отрывка, какъ сказано, близокъ къ списку Ундольскаго, при чемъ мѣстами представляетъ лучшее чтеніе; такъ, начиная со словъ: «Тут бо они разно разлучишася»... и до конца, текстъ значительно поправляетъ списокъ Ундольскаго. Подновленіе видно только въ замѣнѣ слова «дивъ» словомъ «скипетръ»: «Уже бо вверженъ скипетръ на землю».

Въ Архивскомъ отрывкѣ соединены выдержки изъ двухъ разныхъ мѣстъ Повѣданія, отчего получилось повтореніе: сначала слѣдовало бы сказать о томъ, что русскіе прогнали татаръ и потомъ перейти къ описанію побѣднаго ликованія, — тогда бы не было вторичнаго разсказа о пораженіи татаръ. Но редакторы не руководствовались планомъ писанія Софоніи, а механически заимствовали изъ него украшающія дополненія.

Таковы отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ различныхъ редакціяхъ Сказанія. Въ общемъ — они всетаки мало даютъ для возстановленія текста оригинала; въ этомъ отношеніи большаго вниманія, какъ указано, заслуживаетъ рукопись № 378 Румянцевскаго музея.

Будучи по времени болѣе поздними, чѣмъ писаніе Софоніи, вышеприведенные отрывки всюду подновлены, сообразно пониманію редакторовъ. Для послѣднихъ же Повѣданіе не было легко читаемымъ памятникомъ. Образы Слова о полку Игоревѣ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ которыхъ было написано Повѣданіе, не во всемъ объемѣ были доступны даже

Софоніи, имѣвшему этотъ памятникъ передъ глазами. Та же участь постигла и Повѣданіе, переработанные поэтическіе образы котораго, въ свою очередь, оказались не по плечу составителямъ пространныхъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Замѣчательно, что наиболѣе позднія редакціи послѣднихъ (4 редакція и Синопсисъ) вовсе отрѣшились отъ заимствованій изъ Повѣданія, и послѣднія, какъ я уже говорилъ, находятся лишь во 2 и 3 редакціяхъ Сказанія.

А. Орловъ (О формѣ воинскихъ повѣстей, Чтенія 1902, 4) указываетъ на значительное измѣненіе оболочки устной поэзіи съ XII до XVII вѣка. «Въ этомъ то историческомъ видоизмѣненіи устнаго творчества, говоритъ онъ, и слѣдуетъ видѣть причину непониманія его старыхъ образовъ памятниками позднѣйшихъ эпохъ, слѣдствіемъ чего является слабость вліянія народно-поэтическихъ памятниковъ письменности» (О. с. стр. 4). Слово о полку Игоревѣ дошло въ одномъ спискѣ не случайно: списковъ и было незначительное количество. Нужно думать, что съ Повѣданіемъ Софоніи, написанымъ на болѣе современную и захватывающую тему, интересъ къ Слову изсякъ совершенно, тѣмъ болѣе, что художественная композиція его была цѣликомъ усвоена новымъ произведеніемъ. Но и послѣднее продержалось недолго: редакторы Сказаній воспользовались имъ, но уже не въ цѣломъ объемѣ, а частями. Обломки художественнаго зданія употреблялись для украшенія новаго, но ставились часто не на мѣстѣ. Читающая публика не замѣчала этихъ уклоненій отъ художественной цѣльности, Сказанія были весьма популярны и вытѣснили Повѣданіе. Вредъ ли можно надѣяться на обильную жатву въ смыслѣ открытія новыхъ списковъ писанія Софоніи.

Основываясь на указанныхъ выше поправкахъ и замѣчаніяхъ, я представлю *предположительно* текстъ Повѣданія въ исправленномъ видѣ, раздѣливъ его на части, для болѣе удобнаго пониманія плана.

1. *Предисловіе, не находящееся въ древнѣйшемъ спискѣ, по*

всѣмъ вѣроятіямъ принадлежащее послѣдующей редакціонной обработкѣ.

Князь великій Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича [1]). Говоритъ князь великій Дмитрій Ивановичъ: Вѣдомо намъ, братіе милые, у быстрого Дону царь Мамай пришелъ на русскую землю. Поидемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь православная, взыдемъ на горы кіевскія, посмотримъ славнаго Нѣпра по всей землѣ русской; и оттолѣ — на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хинове поганые, татарове бусорманове: тѣ бо на рѣцѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ, оттолѣ русская земля сидитъ невесела, отъ Калатьскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрышася, плачущися, чады своя поминаючи. Князи и бояре и удалые люди, оставимте домы своя и богатство и жены и дѣти, честь и славу міра сего получити, главы своя положити за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Преже восписахъ жалость земли русскія и прочее, отъ книгъ приводя. Потомъ же написахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

2. *Писаніе Софоніи.*

I. *Вступленіе.*

Снидемся, братія и друзи и сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, воздадимъ поганому царю Мамаю побѣду, а великому князю Дмитрію Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцемъ таково слово:

Лудчи бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ отъ нынѣшнихъ повѣстій похвалу великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнуковъ Владимира кіевскаго. Начати повѣдати по

1) Эта фраза находится и въ 1 редакціи Сказанія (Никоновская л-сь).

дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію надъ землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаго Бояна, въ Кіевѣ гораздна чудца. Тотъ бо вѣщій Боянъ, воскладая своя златыя персты на живыя струны, пояше русскимъ княземъ славу: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу, Ярославу Володимировичу.

Здѣ же помянемъ сего великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его Владимира Андреевича, правнуковъ святаго князя Владимира кіевскаго, ихъ же помянемъ и похвалимъ пѣснми и гусленымі буйными словесы, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю русскую и за вѣру христіанскую.

II. *Описаніе похода русскихъ.*

а) *Характеристика Дмитрія и Владимира.*

Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Владимиръ Андреевичъ, истягнувше умъ крѣпостію своею, поостриша сердца своя мужествомъ и наполнишася ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ русской землѣ, помянувше прадѣда своего великаго князя Владимира кіевскаго.

Жаворонокъ птица, въ красные дни утѣха! взыди подъ синія облаки, воспой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Ци не буря соколы занесе изъ земли залѣсскія въ поле половецкое.

б) *Изображеніе собравшейся отовсюду русской силы.*

Кони ржуть на Москвѣ, бубны бьють на Коломнѣ, трубы трубять въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей землѣ русской, чюдно стязи стоять у Дону великаго на березѣ, пашутся хоругови берчати, свѣтятся калантыри злачены. Стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софіи, аркучи таково слово: Уже намъ, братія, къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь не поспѣти.

Тогды аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съѣхалися всѣ князи русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь, аркучи таково слово:

Господине, князь великій! уже поганіи татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у насъ отнимаютъ, стоятъ межу Дономъ и Днѣпромъ, на рѣцѣ на Мечѣ брести хотятъ, а предати животъ свой нашей славѣ.

в) *Обращеніе великаго князя къ войску съ рѣчью.*

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Поидемъ, брате, за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровію прольемъ за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Такожъ рече князь великій Дмитрій Ивановичь своей братіи русскимъ княземъ: Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есми князя Владимира кіевскаго, не въ обиду есми были порожены, ни соколу, ни ястребу, ни черну ворону, ни тому псу поганому Мамаю.

г) *Приходъ Ольгердовичей на помощь русскимъ.*

Славій птица! абы еси выщекотала сіи два брата, два сына Ольгердовы, Андрея Полоцкаго и Дмитрія Брянскаго. Тѣ бо суть сынове храбри, на щитѣ рожены, подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяни, конець копія вскормлени, съ востраго меча поени въ литовской землѣ. Молвяше Андрей къ своему брату Дмитрію: Сама есма два брата, дѣти Ольгердовы, внучата Гедымонтовы, правнуки Скольдимеровы [1]). Соберемъ себѣ милую дружину, сядемъ, брате, на свои борзые комони, посмотримъ быстрого Дону, испіемъ шеломомъ воды, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ нѣмецкихь о байданы бесерменскіе.

И рече ему Дмитрій: Не пощадимъ, брате, живота своего за землю русскую и за вѣру христіанскую, за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича. Уже бо, брате, стукъ стучить, громъ гремить въ славномъ градѣ Москвѣ, то ти, брате, не стукъ стучить, не громъ гремить, стучить сильная рать великаго князя

1) Оставляю чтеніе древнѣйшаго списка.

Дмитрия Ивановича, гремять удальцы русскіе злачеными доспѣхи, а шеломы, а черленými щиты. Сѣдлай, брате Андрей, свои борзые комони, а мои ти готови, напреди твоихъ осѣдлани. Выѣдемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ.

III. *Первый моментъ боя, окончившійся пораженіемъ русскихъ.*

а) *Зловѣщія знаменія. Татары наступаютъ.*

Уже бо всташа силніи вѣтри съ моря, прилелѣяша тучу велику на усть Днѣпра, на русскую землю. Изъ тучи выступиша кровавыя зори, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти стуку и грому велику межу Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ.

Уже бо воскрипѣли телѣги татарскія межу Дономъ и Днѣпромъ, идутъ Хинове на русскую землю.

Притекоша сѣрые волци, пріидоша поганые татарове, хотятъ проити воюючи всю землю русскую. Тогда же гуси восгоготаша, и лебеди крилы восплескаша, то ти не гуси восгоготаша, ни лебеди крилы восплескаша, се бо поганый Мамай приведе вои свои на Русь.

Уже бо бѣды ихъ пасоша птицъ подъ облакъ, ворони часто грають, а галици своею рѣчью говорять, орли восклекчуть, волци грозно воють, а лисицы на костѣхъ брешуть. Земля, земля русская, теперь бо еси за соломянемь побывала.

б) *Наступленіе русскаго войска.*

Тогда же ястреби и соколи и бѣлые кречети отрывахуся отъ златыхъ колодицъ, обрываху шелковыя опутины, возвиваючись подъ синія небеса, позвониша своими злачеными колокольци надъ быстрымъ Дономъ, хотятъ ударити на многія стада гусиныя и лебединыя, а богатыри русскіе хотятъ ударити на великія силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ вступи въ позлащенное свое стремя и вземъ свой мечъ въ правую руку и помолися Богу и пречистой Его Матери. Солнце ему ясно сіяетъ на

востоцѣ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя.

Что ми шумитъ, что гремитъ рано предъ зорями! Князь Владимиръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ къ быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитрій! Не ослабляй поганымъ татаровямъ, уже бо поганые поля наступаютъ.

в) *Увѣщательное слово великаго князя.*

И рече князь Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Брате милый, сами есмя собѣ два брата, сынове есми великаго князя Ивана Даниловича, а внучата есми великаго князя Данилы Александровича, а воеводы у насъ велми крѣпци, съ дружина свѣдома, имѣютъ подъ собою борзые комони, а на себѣ доспѣхи злаченые, а байданы булатные, а шеломы черкасскіе, а щиты московскіе, а сулицы нѣмецкія, а копія фряскія, а кинжалы сурскіе. А дорога имъ свѣдома, а перевозы у нихъ ставлены, но еще хотятъ главы своя положити за землю русскую и за вѣру христіанскую, пашутъ бо ся, аки живи хоругови, ищутъ бо собѣ чести и славнаго имяни.

г) *Бой.*

Уже бо ястреби и соколи и бѣлые кречети борзо за Донъ перелетѣша, на многія стада гусиныя и на лебединыя. То ти быша ни соколи, ни кречети, то ти наѣхали князи русскіе, богатыри литовскіе на великія силы татарскія и удариша копіи харалужными о доспѣхи татарскіе. Возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ.

На полѣ Куликовѣ сильныя тучи сступишася, а изъ нихъ часто сіяли синія молніи и гремѣли громы велиціи. То ти сступишася сынове русскіе съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли доспѣхи злаченые, гремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе.

д) *Пораженіе русскихъ.*

Не турове рано возревѣли у Дону великаго на полѣ Куликовѣ, возревѣли воеводы сильные, великаго князя Дмитрія Ивановича вои, побиты и посѣчены отъ поганыхъ татаръ.

Пересвѣта черница, брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ великому князю Дмитрію Ивановичу: Лудчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганыхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, братія, стару помолодѣти, а молодому чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: Уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову [1]) лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича.

е) *Общая картина печали.*

Въ то жъ время по русской землѣ ни ратаи не кличуть, ни трубы не трубять, только часто ворони грають, зогзицы кокують, трупа человѣческаго чаючи. Сего ради грозно и жалостно видѣти, занеже трава кровію полита бысть, а древеса тугою до земли приклонишася.

IV. *Переходъ ко второй части. Плачи женъ по избіенныхъ.*

Воспѣли птицы жалостными пѣснями, восплакали княгини и боярыни и вси воеводскія жены о избіенныхъ.

Воеводина жена Микулы Васильевича Марья рано плакашеся у Москвы града на заборолѣ, аркучи: Доне, Доне, быстрый Доне! прорылъ еси каменныя горы, пробилъ еси берега харалужные, прошелъ еси землю половецкую, прилелѣй ко мнѣ моего господина Микулу Васильевича. А Тимофеева жена Валуевича Ѳедосья да Дмитрія жена Всеволожскаго Марья также рано плакашеся, аркучи: Се уже веселіе наше пониче въ славномъ градѣ Москвѣ, уже не видимъ государей своихъ въ своихъ животѣхъ.

Андреева жена Марья да Михайлова жена Анисья рано

---

1) Здѣсь Ослябя, котораго звали Іаковъ, говоритъ о себѣ. «Брату» я замѣняю рукописное «чаду», что не имѣетъ смысла.

плакашася: Се уже обѣма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ. Припахнули къ намъ отъ быстраго Дону поломянныя вѣсти, носяше великую обиду, сѣдоша удальци съ борзыхъ коней своихъ на суженое мѣсто, на полѣ Куликовѣ, за быстрымъ Дономъ рѣкою [1]).

Дивъ кличетъ въ русской землѣ подъ саблями татарскими.

Не щурове рано возлетѣли и воспѣли жалостныя пѣсни. Восплакалися жены коломенскія у Коломны града на заборолѣхъ о избіенныхъ, смотрячи на быструю рѣку, на славную Москву, аркучи тако: Москва, Москва рѣка быстрая! чему еси залелѣяла мужей нашихъ отъ насъ въ землю половецкую? Можеши ли, господине князь великій Дмитрій Ивановичъ, веслы Днѣпръ исчерпати, а Донъ трупы татарскими запрудити. Замкни, государь, Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы тые поганые татарове и потомъ къ намъ не бывали, а насъ не квелили по своихъ государѣхъ, уже бо мужей нашихъ рать прибило.

V. *Второй моментъ боя. Похвала Владимиру и пораженіе татаръ.*

а) *Вступленіе.*

Того же дни въ суботу на Рождество святыя Богородицы изсѣкоша христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ. Нюкнувъ князь Владимиръ Андреевичъ, скакаше по рати поганыхъ татаръ, своимъ борзымъ конемъ поѣждаючи, золотымъ шеломомъ посвѣчаючи. Гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе.

б) *Стояніе въ засадѣ.*

И восхвалитъ Дмитрій *Волынецъ* князя Владимира Андреевича: Брате княже Владимере! ты еси желѣзное забороло у зла тошьна времени [2]). Говоритъ князь Владимиръ Андреевичъ

---

1) Здѣсь оканчивается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ.

2) Я предлагаю такъ читать это мѣсто. Въ Синодальномъ оно испорчено, въ спискѣ Ундольскаго, очевидно, прожжено. «Тошьный» значитъ—тяжелый, трудный. Ср. лѣтописное: «вы бо тѣломъ и намъ забрала и земли рустѣи оутвръженіе» (Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго).

Дмитрію Волынцу: Не отставай своими полки, уже бо поганые татарове поля наступаютъ, а хоробрую дружину у насъ истеряли, а въ трупѣ человѣчьи борзые комони не могутъ скочити, въ крови по колѣно бродятъ.

Рече Дмитрій Волынецъ: Братія, русскіе князи, бояре и воеводы! Туто надобе стару помолодѣти, а молодому чести достати. То ти есть не наши московскіе сладкіе меды, туто добудете себѣ чести и славы.

в) *Засадный полкъ ударяетъ на татарскую силу.*

И тогда аки соколы борзо полетѣли. Поскакиваетъ Дмитрій Волынецъ со всею силою и рече: Брате, княже Владимиръ Андреевичъ! туто испити медвяна чара, наѣждаемъ, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганыхъ.

Тогда князь *Владимиръ Андреевичъ* наступаетъ на великую силу татарскую, гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе. Поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими, русскіе же сынове широкія поля кликомъ огородиша и злачеными доспѣхи освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь.

г) *Пораженіе и бѣгство татарскаго войска.*

Черна земля подъ копыты, костьми татарскими была насѣяна, а кровью ихъ полита бысть. Силные полци сступишася въ мѣсто и притопташа холми и луги. Возмутишася рѣки, потоки, озера. Кликнулъ дивъ по всѣмъ землямъ, велитъ грозна послушати. Шибла слава къ морю, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Риму и ко Орначу и къ Каѳѣ и ко Царю граду, что Русь поганыхъ одолѣша [1]). Туто поганые разлучишася разно, бѣжатъ неготовыми дорогами въ лукоморье, скрегчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: Уже намъ, братія, въ земли своей не бывать и катунь и дѣтей своихъ не видать, а на Русь

---

1) Это мѣсто въ спискахъ Повѣданія находится при описаніи перваго момента боя, что совсѣмъ не логично: послѣ вѣсти о побѣдѣ русскихъ слѣдуетъ разсказъ о ихъ пораженіи. Я ставлю это мѣсто здѣсь на основаніи чтенія Архивскаго отрывка (Сказаніе по списку кн. Оболенскаго), гдѣ не нарушена логическая послѣдовательность.

ратью не ходить и выхода намъ у русскихъ князей не просить. Уже бо возстона земля татарская, бѣдами и тугою покрыся. Уныша бо царей ихъ веселіе и похвала на русскую землю ходити.

д) *Веселіе земли русской о побѣдѣ.*

Уже бо русскіе сынове разграбиша татарское узорочіе, везучи въ землю свою кони и велбуды, камки и отласы, сребро и злато и крѣпкія доспѣхи и четьи жемчуги. Уже жены русскія восплескаша татарскимъ златомъ.

Уже по русской землѣ простреся веселіе и буйство, вознесеся слава русская на поганыхъ. Уже бо ввержень дивъ на землю.

Уже бо грозы великаго князя текуть по всей землѣ.

Тогда князи русскіе и воеводы крѣпкіе полки поганые прогнаша, уже бо поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подъ русскіе мечи подклониша, а трубы ихъ не трубятъ, уныша гласи ихъ.

VI. *Заключеніе.*

И сталъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своимъ братомъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно и жалостно, братія, въ то время посмотрѣти, лежатъ трупи христіанскіе у Дона великаго на березѣ, аки сѣнные стоги, и Донъ рѣка три дни кровію текла.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Братія, князи и бояра и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межь Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мя братіе, и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Поидемъ, брате князь Владимиръ Андреевичъ, во свою землю залѣсскую, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи. А чти есми, брате, добыли и славнаго имяни. Богу нашему слава.

Я выпустилъ изъ предложеннаго своднаго текста два отрывка: о судьбѣ Мамая и о счисленіи убитыхъ, какъ не находившихся, на мой взглядъ, въ основномъ текстѣ.

Разсказъ о судьбѣ Мамая, которымъ кончается Синодальный списокъ, представляетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ Лѣтописной Повѣсти нѣсколько измѣненнымъ по стилю: «И отскочи поганый Мамай съ малою дружиною, сѣрымъ волкомъ взвылъ, прибѣгъ къ Каѳѣ, и рекоша ему Ѳрязове: Пошелъ еси, похвалившись на русскую землю съ девятью ордами и семьюдевятъ князьми. Нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ девять въ лукоморье, нешто горазно потчивали русскіе князи твою дружину, нешто гораздо упилися у быстраго Дону, на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ, позаденешь и насъ своимъ безуміемъ. Уподобился еси малому младенцу у матери своей».

Въ этомъ отрывкѣ образы также взяты изъ Слова о полку Игоревѣ, но по языку и по тону онъ не подходитъ къ общему стилю Повѣданія, которое, замѣчу, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не пользуется Лѣтописной Повѣстью, хотя и знаетъ ее.

Другой отрывокъ — счетъ убитыхъ — находится только въ одномъ спискѣ Ундольскаго и весьма частъ въ Сказаніяхъ. Можетъ быть онъ принадлежитъ тому же редактору, который написалъ вступленіе, «отъ книгъ приводя», но не Софоніи, который близко держался плана и выраженій только одного Слова о полку Игоревѣ. Перечисленіе убитыхъ не одинаково въ спискахъ и, чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ отрывкѣ, я приведу то, что встрѣчается въ большинствѣ списковъ:

«И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Считайтеся, братія, сколько у насъ воеводъ нѣтъ и сколько молодыхъ людей нѣтъ. Говоритъ Михайло Александровичъ, московскій бояринъ: Нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ московскихъ, да двѣнадцати князей бѣлозерскихъ, да тридцати посадниковъ новгородскихъ, да двадцати бояръ коломенскихъ, да сорока бояръ

серпуховскихъ, да двадцати бояръ переяславскихъ, да двадцати пяти бояръ костромскихъ, да тридцати пяти бояръ володимирскихъ, да пятидесяти бояръ суздальскихъ, да сорока бояръ муромскихъ, да тридцати трехъ бояръ ростовскихъ, да двадцати трехъ бояръ дмитровскихъ, да шестидесяти бояръ звенигородскихъ, да пятнадцати бояръ углецкихъ. А посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысячъ и три тысячи».

Композиція этого отрывка не носитъ характерныхъ особенностей, отличающихъ Слово о полку Игоревѣ; она ближе къ народно-поэтическому творчеству. Въ погонѣ за эвфонизмомъ, какъ я говорилъ, это перечисленіе варьировалось и дополнялось въ различныхъ спискахъ.

Отмѣченное изслѣдователями сходство оборотовъ Повѣданія съ соотвѣтствующими Слова о полку Игоревѣ заставляло предполагать, что послѣднему авторъ подражалъ *въ значительной степени*. Но нужно думать, что Слово было *единственнымъ* памятникомъ, которому подражалъ Софонія, такъ какъ и *планъ Повѣданія совпадаетъ съ планомъ Слова*.

Въ обоихъ памятникахъ, послѣ вступленія (одинаковаго и по содержанію), находится описаніе похода. Эта часть (первая) открывается въ Словѣ характеристикой Игоря и Всеволода, чему въ Повѣданіи соотвѣтствуетъ характеристика Дмитрія и Владимира. Два боя русскихъ съ половцами (побѣда и пораженіе) равняются первому и второму моментамъ боя, съ той разницей только, что въ Повѣданіи неудаченъ первый бой, а второй оканчивается побѣдой.

Вторая часть Слова — сонъ Святослава и его золотое слово — нѣкоторымъ образомъ воспроизведены въ увѣщательномъ словѣ великаго князя и въ описаніи предзнаменованій. Общая картина печали земли русской соотвѣтствуетъ переходу къ 3 части Слова — изображенію безпомощности Руси вслѣдствіе распаденія центра на горахъ кіевскихъ. Плачи боярынь по избіеннымъ, равняясь по схемѣ плачу Ярославны (моленіе къ вѣтру, Днѣпру, солнцу) въ обоихъ памятникахъ являются переходомъ къ раз-

вязкѣ. Наконецъ — торжество князя, досада непріятелей и веселіе земли русской — тожественны по схемѣ въ обоихъ памятникахъ. Оба оканчиваются заключеніемъ въ тонѣ славы.

Стремленіе подражать Слову о полку Игоревѣ не является, въ данномъ случаѣ, единичнымъ фактомъ въ литературѣ. Трудно вмѣстѣ съ изслѣдователями настаивать на существованіи особой поэтической школы, писавшей пѣсни славы, такъ какъ ничего постояннаго и организованнаго отнюдь не замѣчается, тѣмъ не менѣе, среди литературныхъ памятниковъ, приходится отмѣчать такіе, тонъ которыхъ отличенъ отъ обычной повѣствовательной формы. Такъ — Срезневскимъ были указаны лѣтописные отрывки, содержащіе формулы Слова, найденъ недавно отрывокъ изъ Слова о погибели земли русской (кстати сказать, близко напоминающій вступленіе къ житію Ѳеодора Ярославскаго), наконецъ — разбираемый памятникъ. Попытки излагать воинскія повѣсти въ тонѣ Слова продолжались и послѣ писанія Софоніи, такъ въ Псковской 1 лѣтописи, подъ 7022 находится описаніе Оршинскаго побоища, къ сожалѣнію очень краткое:

«Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія, и слышати было стуку и грому великому межу Москвичь и Литвою, и удариша Москвичи на Литву, рускіе князи и бояре съ дивными удалцы рускими сыновами на силную рать литовскую, и треснули копья московскія и гремятъ мечи булатные о шеломы литовскія на поли Оршинскомъ».

Само Слово о полку Игоревѣ, какъ указалъ его авторъ, есть памятникъ подражательный. Поэтому во всей группѣ вышеизложенныхъ однородныхъ произведеній замѣчаются отзвуки «замышленія Бояна». Съ этой стороны, конечно, подобныя повѣсти принадлежатъ къ одной «школѣ», во главѣ которой слѣдуетъ поставить пѣснотворца давняго времени. Софонія, упомянувъ о Боянѣ, освѣжилъ, такъ сказать, о немъ память. Но Боянова школа не дала, для конца XVI и въ XVII вв., новыхъ произведеній, а старыя — стали забываться, растворяясь въ памятникахъ

иной формы. Причина этого, на мой взглядъ, лежитъ въ распространеніи новыхъ формъ поэзіи — старинъ, — расцвѣтъ которыхъ я лично отношу къ XVI — XVII вѣку.

Со стороны внутренняго содержанія, Повѣданіе прежде всего предполагаетъ у автора знакомство съ Лѣтописной Повѣстью. Только зная ее и не довольствуясь ея сухимъ изложеніемъ, авторъ рѣшилъ описать знаменательное событіе «иными словесы», заимствуя изъ Повѣсти лишь самые основные факты. Въ это основное содержаніе онъ вплелъ новый матеріалъ, взятый имъ изъ устныхъ разсказовъ, которые онъ стилизовалъ по принятому образцу для подражанія. Таковы современные событію разсказы: подвигъ Пересвѣта, приходъ Ольгердовичей, помощь Новгородцевъ, засадный полкъ и храбрость Владимира и Дмитрія Волынца, прославленіе князей бѣлозерскихъ. Эти разсказы были въ оборотѣ даже тогда, когда писалась Лѣтописная Повѣсть: въ ней, напр., упоминается о Пересвѣтѣ, объ Ольгердовичахъ — но лишь схематично, такъ какъ авторъ повѣсти преслѣдовалъ совершенно иную цѣль. Что касается Сказанія, то эти преданія обработаны тамъ вполнѣ самостоятельно.

Нахожденіе такихъ преданій, какъ разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волынца или о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ въ разныхъ редакціяхъ *Сказанія* доказываетъ, что преданій ходило много, и авторъ Повѣданія не использовалъ ихъ во всемъ объемѣ.

По вопросу объ имени автора Повѣданія въ наукѣ до самаго послѣдняго времени существовало разногласіе (см. 1 главу), между тѣмъ какъ рѣшеніе его не представляетъ никакого труда. Кромѣ указанныхъ трехъ полныхъ списковъ Повѣданія (Кирилло-Бѣлозерскаго, Ундольскаго и Синодальнаго), гдѣ авторъ зовется *Софоніей*, имя его упоминается въ нѣкоторыхъ спискахъ Сказанія 3-й редакціи. (Обращу вниманіе на то, что въ 1, 2 и 4 редакціяхъ Сказанія имени автора Повѣданія *нѣтъ*). Такихъ списковъ мнѣ извѣстно 6. Изъ нихъ въ четырехъ имя автора читается *Софонія* или *Софоній*: 1) Академіи Наукъ 16. 17.

22: *Сказаніе Софонія изерея резанца*; 2) Академіи Наукъ 16. 13. 22: *Сказаніе Софонія іерея рязанца*; 3) Румянцовскаго Музея № 378 — *Списаніе Софонія іерея рязанца*; 4) Тверской лѣтописи: *Писаніе Софоніа резанца, брянскаго боярина*. И только въ двухъ *позднѣйшихъ* спискахъ, XVIII и XIX в., притомъ *списанныхъ съ одного оригинала*: 1) Публичной Библіотеки, гр. Толстого I, 447 — извѣстный Карамзину и 2) Публичной Библіотеки Q. XV, X. 70, XIX вѣка — имя автора стоитъ въ огласовкѣ: *Софроній*. Не трудно видѣть, что за букву *р* позднѣйшіе переписчики могли принять случайную черточку вверху, а главное, что имя *Софоніи* засвидѣтельствовано большинствомъ древнѣйшихъ и лучшихъ списковъ [1]).

Иное дѣло вопросъ о личности автора: объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Іереемъ онъ могъ быть послѣ того, какъ былъ бояриномъ брянскимъ. Южный уроженецъ, онъ легко могъ привезти съ собою въ Рязань рукопись Слова о полку Игоревѣ, а можетъ быть и цѣлую библіотеку, такъ какъ, повидимому, былъ человѣкъ книжный, а, судя по произведенію, — не безъ таланта.

Въ виду того, что древнѣйшій списокъ (Кирилло-Бѣлозерскій) принадлежитъ концу XV вѣка, но текстъ памятника въ немъ уже испорченъ, составленіе Повѣданія нужно, слѣдовательно, относить ко времени нѣсколько болѣе раннему, можетъ быть къ первой четверти XV вѣка, когда Лѣтописная Повѣсть сдѣлалась общеизвѣстной.

Служа въ Рязани, Софонія нигдѣ не упоминаетъ о своемъ князѣ Олегѣ, а ему, какъ подражавшему Слову, чрезвычайно легко можно было бы упомянуть о «крамолахъ» или припомнить «Олега Гориславича». Можетъ быть Софонія стоялъ къ княжескому двору близко?

Итакъ, на основаніи вышеизложеннаго, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Въ началѣ XV вѣка, послѣ сухого изложенія Лѣтописной

---

1) «Софонія» писать правильнѣе, чѣмъ «Софоній».

Повѣсти, появилось поэтическое описаніе Куликовской битвы, авторомъ котораго былъ рязанскій іерей Софонія.

2) Это произведеніе, носившее обычныя названія Слова или Сказанія и Списанія, но получившее потомъ названіе Повѣданія, было написано въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ сохраненіемъ не только его образовъ и выраженій, но и плана.

3) Повѣданіе имѣетъ цѣлью прославленіе князей Дмитрія и Владимира, причемъ главный матеріалъ черпаетъ изъ устныхъ преданій о Куликовской битвѣ.

4) Повѣданіе не дошло въ оригиналѣ, но познается:

а) изъ 3 списковъ, содержащихъ памятникъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ. Изъ нихъ — древнѣйшій не полонъ, а позднѣйшіе носятъ черты нѣкоторой редакціонной обработки;

б) изъ отрывковъ, находящихся во 2 и, преимущественно, въ 3 редакціяхъ Сказанія — пространной повѣсти о Куликовской битвѣ, которое пользовалось Повѣданіемъ, какъ иллюстраціей къ своему изложенію.

5) Списки и отчасти отрывки взаимно дополняютъ и поправляютъ другъ друга.

6) Оригиналъ Повѣданія возстанавливается изъ сличенія всѣхъ списковъ и отрывковъ.

7) Искаженіе списковъ произошло:

а) отъ допущенной крупной ошибки при переходѣ къ изложенію второго момента боя;

б) отъ ошибокъ писцовъ, пропусковъ и особенно — интерполяцій;

в) отъ непониманія текста позднѣйшими переписчиками.

8) Искаженіе, зависѣвшее отъ непониманія текста памятника, вытѣснило Повѣданіе изъ обращенія, и его обломки вошли въ болѣе живучій и распространенный памятникъ, носившій названіе Сказанія.

ГЛАВА IV.

Сказаніе первой редакціи.

(Кипріановская редакція).

Пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впервые отдѣльно была напечатана Снегиревымъ (Рус. Ист. Сбор. III, 1), причемъ въ основу изданія былъ положенъ списокъ Тимковскаго, носившій названіе: «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго».

Это изданіе утвердило въ литературѣ за разбираемой повѣстью названіе «Повѣданія», хотя послѣдній терминъ не былъ устойчивъ. Я съ своей стороны въ послѣдующемъ изложеніи буду пространную повѣсть называть *Сказаніемъ*. Вышеприведенное двойное названіе предполагало и двойное содержаніе, а *Повѣданіемъ*, какъ выше указано, обозначалось писаніе Софоніи, изъ котораго Сказаніе въ различныхъ редакціяхъ широко заимствовало украшающія дополненія.

Первая редакція Сказанія находится *въ спискахъ Никоновской лѣтописи*. Послѣдняя, какъ извѣстно, издана Археографической Коммиссіей по 6 основнымъ спискамъ, изъ которыхъ два (Обол. и Акад. XIV) писаны во второй половинѣ XVI в., т. е. современны составленію лѣтописи [1]).

---

1) По вопросу о литературной исторіи Никоновской л. и взаимоотношенію ея списковъ см. у ак. А. А. Шахматова, его рецензію на книгу Н. П. Лихачева: О палеографическомъ значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ.

При изданіи 11 тома Полнаго собранія русскихъ лѣтописей въ число варіантовъ Никоновской л. былъ включенъ еще одинъ списокъ — Акад. XVII, извѣстный подъ именемъ Древняго Лѣтописца [1]). Въ концѣ второй части рукописи, почеркомъ XVIII в., сдѣлана приписка: «Сія книга писана Игнатіемъ черцомъ Михаила архіерея Смоленского. Смотри стр. 556. Въ лѣто $\frac{6897}{1384}$ и послѣ уже 384 года».

Эта приписка устанавливаетъ за извѣстной частью лѣтописи авторство того Игнатія, который, подъ именемъ Игнатія Смолянина, оставилъ описаніе хожденія Пимена въ Царьградъ и былъ потомъ архимандритомъ Спасскимъ. Ему, по свидѣтельству историка Татищева, митр. Кипріанъ поручилъ докончить лѣтопись, начатую имъ самимъ. Митр. Евгеній, очевидно, опирался на это показаніе Татищева, когда писалъ: «Въ библіотекѣ Академіи между рукописями въ листъ есть симъ Игнатіемъ писанный полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254 по 1423 годъ». (Словарь о писателяхъ дух. чина I, 194). Замѣчаніе неясное и неправильное: «полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254—1423» есть, несомнѣнно, Древній Лѣтописецъ. А если это такъ — онъ долженъ былъ быть извѣстнымъ по печатному изданію митр. Евгенію, а равно и Е. Голубинскому, который (Исторія церкви II, 351), цитируя вышеприведенныя слова митр. Евгенія, спрашиваетъ: «Желательно было бы знать, не представляетъ ли этотъ лѣтописецъ какихъ-

---

1) Рукопись лицевая, относится къ XVI в. Первое изданіе Академіи Наукъ въ 1774—5, въ 2 частяхъ, сообразно дѣленію рукописи, подъ названіемъ: «Древняго Лѣтописца часть первая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей съперва Владимирскихъ, потомъ Московскихъ, чрезъ сто двадцать пять лѣтъ начиная съ $\frac{6762}{1254}$ года до $\frac{6887}{1379}$». И — «Древняго Лѣтописца часть вторая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій, бывшихъ въ Россіи съ $\frac{6887}{1379}$ по $\frac{6932}{1424}$ годъ, то есть послѣдняя лѣта княженія великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и владѣніе великаго князя Василія Дмитріевича».

нибудь данныхъ по отношенію къ нашему вопросу?» (къ вопросу объ участіи Кипріана въ составленіи лѣтописи).

Приписка на рукописи почеркомъ XVIII в. могла быть сдѣлана самимъ Татищевымъ. Интересно знать, откуда Татищевъ почерпнулъ свѣдѣнія объ авторствѣ или редакторствѣ Игнатія? Участіе Игнатія и Кипріана въ составленіи лѣтописи имѣетъ важное значеніе въ объясненіи первой редакціи Сказанія. Важное показаніе Татищева, за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ, требуетъ однако провѣрки, не смотря на то, что я отнюдь не раздѣляю скептическаго взгляда Е. Голубинскаго на Татищева.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Древнемъ Лѣтописцѣ, не вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ въ остальныхъ спискахъ Никоновской л. Онъ — полнѣе, и распространеніе это сдѣлано на счетъ вставокъ, находящихся, преимущественно, ближе къ окончанію изложенія.

Я отмѣчу эти вставки.

1) Послѣ словъ: «И тако вси изыдоша сь яростію и съ ревностію божественною на невѣрныа и противныа врагы» — прибавлено: «И не устрашишася христіане, дерзнуша, яко велицыи ратницы. Видѣша вѣрніи, яко аггели помогающи христіаномъ, и святыхъ мученикъ полки, и въина великаго христова Георгіа, и славнаго Дмитріа, и великихъ князей русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, въ нихже бѣ воевода свершенаго полка небесныхъ силъ великій архистратигъ Михаилъ. Видѣша поганіи полцы двое воеводы, тресолнечныа полки и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ, безбожніи Татарове отъ страха Божіа и отъ оружіа христьяньскаго падаху. Вознесе Богъ десницу великаго князя Дмитріа Ивановича на побѣду иноплеменникъ».

Все это мѣсто буквально заимствовано изъ Лѣтописной Повѣсти.

2) Послѣ рѣчи великаго князя къ воеводамъ, въ которой онъ выражаетъ желаніе биться впереди всѣхъ, прибавлено:

«И потомъ и сіе прорече имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Арефы; егда мучитель хотяше посѣщи его, и съ нимъ вся воины подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ передъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хощу видѣти небеснаго царя».

3) Послѣ словъ: «множество татаръ избіено бысть невидимою Божіею силою и пречистыа Его Матере и великого чюдотворца Петра и всѣхъ святыхъ» — прибавлено: «Бысть бо яко въ девятый часъ бьющемся и мнози вѣрніи видѣша»... и далѣе все буквально такъ же, какъ въ первой вставкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ продолженіе вставки: «Тогда же нѣкто изъ Володимерова полку Андрѣевича предста предъ великимъ княземъ, глаголя сице: азъ, господине княже, егда въ дубравѣ быхъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ въ западномъ полку, и плакахомся великимъ плачемъ Господу Богу и пречистей Его Матери и великому чюдотворцу Петру, видяще избиваемыхъ отъ Татаръ православныхъ крестьянъ, и во мнозѣ скорби и въ умиленіи быхомъ, и внезапу аки во изступленіи быхъ и видѣхъ множество безчислено вѣнцовъ, на избіеныя крестіане сходящихъ. И се есть истинное слово, яко нетлѣнными вѣнцы увязошася отъ Христа Бога и честь и славу велію на небесѣхъ пріаша и молятся о всѣхъ насъ. Безбожный же царь Тетякъ, нареченный плотный діаволъ Мамай, со страхомъ востребетавъ и велми востонавъ и рече: великъ Богъ крестіанескъ, велика сила Его. И рече: братіе Измаиловичи, побѣжимъ неготовыми дорогами. А самъ, вдавъ плещи свои, побѣжа вскорѣ паки ко Ордѣ. И то слышавше, вси князи темніи его и вся сила татарская, то видѣвше, побѣгоша, и прочіи иноплеменницы, гоними гнѣвомъ Божіимъ и страхомъ одержими суще, отъ мала и до велика ихъ на побѣгъ устремишася. Видѣвше же крестьяне, яко Татарове побѣгоша съ Мамаемъ, и погониша за ними вслѣдъ ихъ, бьюще

ихъ и сѣкуще безъ милости; Богъ бо невидимою силою устраши полки ихъ и побѣгоша, даша плещи свои на раны. Въ погони же той овіи Татарове оружіемъ падоша отъ крестьянъ, друзіи въ рѣцѣ истопоша; и гониша до Мечи рѣки, и тамо бѣжащихъ Татаръ безчисленое множество избіено бысть, и гониша ихъ и до становъ ихъ, и полониша богатства много, вся имѣніа ихъ и стада татарьская».

Въ этой вставкѣ, кромѣ разсказа о видѣніи вѣнцовъ, сходящихъ съ неба, все остальное опять буквально взято изъ Лѣтописной Повѣсти.

4) Послѣ рѣчи великаго князя «на костяхъ» къ оставшемуся войску, Древній Лѣтописецъ расходится съ остальными списками Никоновской л. Въ послѣднихъ слѣдуетъ разсказъ нѣкоего воина изъ полка князя Владимира Андрѣевича о видѣніи вѣнцовъ, — разсказъ этотъ составляетъ, какъ только что указано, — часть третьей вставки. Въ Древнемъ Лѣтописцѣ мѣсто этого эпизода занимаетъ вставка, взятая снова изъ Лѣтописной Повѣсти: «И отселѣ отъ страны Литовскіа князь Ягайло Литовскій, иже пріиде со всею силою литовскою поганному Мамаю и Татаромъ на помощь, а христіаномъ на пакость, но и отъ тѣхъ Богъ избавилъ: не поспѣша на срокъ за малымъ, за едино днище, наименши; но точію слышавъ князь Ягайло Олгердовичь и вси сила его, яко великому князю Дмитрію Ивановичю съ Мамаемъ бой былъ, и великій князь одолѣлъ, а Мамай побѣжалъ безо всякого пожданья. Князь же Ягайло со всею силою литовьскою побѣжа назадъ съ великою скоростію, никимже гонимъ; не видѣша бо тогда великаго князя, ни рати его, ни оружіа его, но токмо имяни его бояхуся и трепетаху».

5) Послѣ словъ: «И превезошася Донъ реку и поиде князь великій по рязанской землѣ»... вставлено: «Повѣдаша же ему, что князь Олегъ рязанскій послалъ Мамаю на помочь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты переметалъ, а хто поѣхалъ з Донского побоища домовъ сквозѣ его отчину Рязанскую землю, бояре и слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагихъ пущати; вели-

кій же князь Дмитрей Ивановичь хотѣ противу послати рать свою на князя Олга». И ниже: «Бояре же его рязанстіи оставиша Олга и пріѣхаша къ великому князю и повѣдаша, что князь Олегъ повергъ отчину свою, землю рязанскую, а самъ побѣжалъ и со княгинею и з дѣти и з бояры; и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не посылалъ, а сами бишя ему челомъ въ радъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ челобитья и рати на нихъ не посла, а на рязанском княженіи посади намѣстники свои».

Объ эти вставки также взяты изъ Лѣтописной Повѣсти.

Такимъ образомъ, кромѣ вставки о мученикѣ Аревѣ, матеріаломъ для дополненій Древняго Лѣтописца послужила Лѣтописная Повѣсть. Всѣ вышеприведенныя вставки не связаны органически съ общимъ ходомъ разсказа. Особенно случайный характеръ носитъ третья вставка. Во первыхъ — въ ней повторяется разсказъ о вмѣшательствѣ небесныхъ силъ въ битву, разсказъ, который уже былъ помѣщенъ раньше (въ первой вставкѣ). Во вторыхъ — когда уже кончилась рѣчь объ окончательномъ пораженіи Мамая, о преслѣдованіи русскими татаръ до рѣки Мечи, о возвращеніи побѣдителей съ добычей, и повѣствуется о томъ, какъ князь Владиміръ Андрѣевичъ поздравляетъ великаго князя съ побѣдой, — изложеніе неожиданно прерывается выше приведеннымъ эпизодомъ о вмѣшательствѣ небесныхъ силъ, разсказомъ воина о чудесномъ видѣніи вѣнцовъ и *вторичнымъ* разсказомъ о бѣгствѣ Мамая, о погонѣ за нимъ до рѣки Мечи и о захватѣ добычи. Прерываетъ также ходъ повѣствованія разсказъ о томъ, что Олегъ рязанскій велѣлъ грабить всѣхъ, кто возвращался съ Донского побоища черезъ рязанскую землю. Эта вставка не вяжется съ общимъ изложеніемъ потому, что въ этомъ мѣстѣ, напротивъ, подчеркивается страхъ Олега передъ побѣдителями, а главное, — что она встрѣчается въ текстѣ уже вторично.

Подобный характеръ вставокъ заставляетъ признать въ нихъ интерполяцію, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожде-

нія, такъ какъ Древней Лѣтописецъ дошелъ въ спискѣ к. XVI вѣка.

Отсюда — болѣе близкій къ протографу текстъ Сказанія долженъ находиться во всѣхъ неинтерполированныхъ спискахъ Никоновской л., въ общемъ — вполнѣ согласныхъ между собою.

Къ перечисленнымъ слѣдуетъ еще прибавить текстъ Сказанія, находящійся отдѣльно въ сборникѣ Синодальной Библіотеки $\frac{57}{359}$ Чудовскаго м-ря, XVII в. Среди статей историческаго содержанія, на л. 65 помѣщено Сказаніе, носящее заглавіе, весьма близкое къ Никоновскому: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси егда помощию божиею і пречистые его Матери Богородицы і угодника их святаго чюдотворца Петра митрополита всеа Русиі і преподобнаго игумена Сергия чюдотворца и всѣх святых молитвами, князь великий Димитрий Иванович з братом своим иже из двоюродных с княземъ Володимером Андрѣевичем і со всѣми князи рускими на Дону посрами и прогна воложския орды гордаго князя Мамая і всю орду его со всею силою их нечестивою изби и до конца посрами».

Текстъ Сказанія здѣсь — такой же, какъ и въ спискахъ Никоновской л., но мѣстами распространенъ на счетъ интерполяцій, имѣющихъ отношеніе къ послѣдующимъ редакціямъ Сказанія. При разборѣ послѣднихъ я укажу на особенности этого текста.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Никоновской л., представляетъ *первую* редакцію потому, что:

1) онъ ясно сохраняетъ планъ, даже цѣлыя выраженія Лѣтописной Повѣсти, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой составленъ;

2) въ немъ, сравнительно съ послѣдующими редакціями, всего менѣе вставныхъ эпизодовъ;

3) въ немъ почти отсутствуютъ заимствованія изъ Писанія Софоніи (Повѣданія), которыми въ широкой степени пользуются другія редакціи; и —

4) по времени составленія — разбираемый текстъ болѣе древній.

Нахожденіе первой редакціи въ лѣтописномъ сводѣ заставляетъ считаться съ той работой, которая произведена была надъ текстомъ Сказанія редакторомъ той части Никоновскаго свода, въ которую вставлена разбираемая повѣсть. Эту редакторскую работу въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду отмѣчать попутно.

1) *Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти.*

Сказаніе имѣетъ пространное заглавіе, данное ему редакторомъ: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда помощію Божіею и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита (кіевскаго и) всея Руси, и преподобнаго игумена Сергіа чюдотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрей Ивановичь, з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми князи русскими, на Дону посрами и прогна Волжскіа орды гордаго князя Мамая и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби», затѣмъ — вступленіе.

Вступленіе написано, очевидно, тоже редакторомъ. Разсказъ идетъ о воцареніи Мамая, убившаго измѣнной хана и всю его свиту и о гнѣвѣ Мамая на великаго князя Дмитрія за пораженіе на р. Вожѣ. Совѣтники говорятъ Мамаю, что онъ, собравъ силу изъ разныхъ народовъ, «иже подъ его властью», можетъ дѣлать съ Москвою то, что сдѣлалъ раньше съ княземъ Олегомъ рязанскимъ. Въ Никоновской л. подъ 1379 г. помѣщенъ разсказъ «О плѣненіи Рязаньскіа земли отъ Мамаа». Въ немъ подробно излагаются тѣ же слова Мамаевыхъ совѣтниковъ: «вся грады его и власти пожеглъ еси и всю землю его пусту сътворилъ еси и вся люди его въ полонъ вывелъ еси, тако же сътвориши и надо княземъ Дмитріемь Московьскимь». Редакторъ, слѣдовательно, въ этой части вступленія опирается на разсказъ 1379 года.

Послѣ вступленія идетъ собственно изложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается сходство Сказанія съ Лѣтописной Повѣстью.

а) Мамай, возгордѣвся и сравнивъ себя съ Батыемъ, начинаетъ собирать войско. Сравненіе съ Батыемъ есть въ Лѣтописной Повѣсти, изъ которой буквально заимствовано и описаніе наема войскъ: «наимаа Фрязы, Черкасы, Ясы и иныа къ симъ. И собра воиньства много и поиде на великаго князя Дмитрея Ивановичя, яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхаа и аки дѣмонъ гордяся» [1]).

б) Посланіе грамотъ: отъ Олега рязанскаго къ Мамаю, отъ Ягайла къ Мамаю и отвѣтъ имъ Мамая.

Это *первый* вставной эпизодъ Сказанія, представляющій развитіе слѣдующей краткой замѣтки Лѣтописной Повѣсти: «Олегъ... посылаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленнаго... именемъ Епифана Корѣева, веля имъ быти на той же срокъ и той же съвѣтъ съвѣща стати у Окѣ съ... сыроядци».

в) Къ великому князю Дмитрію приходятъ вѣсти о походѣ на него Мамая.

По совѣту митрополита Кипріана [2]), великій князь начинаетъ набирать войско и посылаетъ за своимъ братомъ — княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ. Въ Лѣтописной Повѣсти говорится о томъ же, но кратко.

г) Продолжаютъ приходить вѣсти о движеніи Мамаева войска. Великій князь съ братомъ своимъ снова идетъ къ Кипріану, который говоритъ имъ длинное поученіе.

Разговоръ князей съ Кипріаномъ является *вторымъ* вставнымъ эпизодомъ. Соотвѣтствія ему въ Лѣтописной Повѣсти — нѣтъ; но разсказъ о послахъ татарскихъ, пришедшихъ среди разговора великаго князя съ митрополитомъ: «абіе внезаапу пріидоша татарове, послы отъ Мамаа къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву, просяще выхода, какъ было при царѣ Азбякѣ и при сынѣ Азбяковѣ Чянибѣкѣ, а не по своему

1) Цитаты изъ Лѣтописной Повѣсти сдѣланы по Новгородской IV л.
2) Здѣсь въ текстѣ Сказанія — вставка о Митяѣ, объ ней — ниже.

4) по времени составленія — разбираемый текстъ болѣе древній.

Нахожденіе первой редакціи въ лѣтописномъ сводѣ заставляетъ считаться съ той работой, которая произведена была надъ текстомъ Сказанія редакторомъ той части Никоновскаго свода, въ которую вставлена разбираемая повѣсть. Эту редакторскую работу въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду отмѣчать попутно.

1) *Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти.*

Сказаніе имѣетъ пространное заглавіе, данное ему редакторомъ: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда помощію Божіею и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита (кіевскаго и) всея Руси, и преподобнаго игумена Сергіа чюдотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрей Ивановичь, з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми князи русскими, на Дону посрами и прогна Воложскіа орды гордаго князя Мамая и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби», затѣмъ — вступленіе.

Вступленіе написано, очевидно, тоже редакторомъ. Разсказъ идетъ о воцареніи Мамая, убившаго измѣной хана и всю его свиту и о гнѣвѣ Мамая на великаго князя Дмитрія за пораженіе на р. Вожѣ. Совѣтники говорятъ Мамаю, что онъ, собравъ силу изъ разныхъ народовъ, «иже подъ его властью», можетъ дѣлать съ Москвою то, что сдѣлалъ раньше съ княземъ Олегомъ рязанскимъ. Въ Никоновской л. подъ 1379 г. помѣщенъ разсказъ «О плѣненіи Рязаньскіа земли отъ Мамаа». Въ немъ подробно излагаются тѣ же слова Мамаевыхъ совѣтниковъ: «вся грады его и власти пожеглъ еси и всю землю его пусту сътворилъ еси и вся люди его въ полонъ вывелъ еси, тако же сътвориши и надо княземъ Дмитріемь Московьскимь». Редакторъ, слѣдовательно, въ этой части вступленія опирается на разсказъ 1379 года.

Послѣ вступленія идетъ собственно изложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается сходство Сказанія съ Лѣтописной Повѣстью.

а) Мамай, возгордѣвся и сравнивъ себя съ Батыемъ, начинаетъ собирать войско. Сравненіе съ Батыемъ есть въ Лѣтописной Повѣсти, изъ которой буквально заимствовано и описаніе наема войскъ: «наимаа Фрязы, Черкасы, Ясы и иныа къ симъ. И собра воиньства много и поиде на великаго князя Дмитрея Ивановичя, яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхаа и аки дѣмонъ гордяся» [1]).

б) Посланіе грамотъ: отъ Олега рязанскаго къ Мамаю, отъ Ягайла къ Мамаю и отвѣтъ имъ Мамая.

Это *первый* вставной эпизодъ Сказанія, представляющій развитіе слѣдующей краткой замѣтки Лѣтописной Повѣсти: «Олегъ... посылаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленнаго... именемъ Епифана Корѣева, веля имъ быти на той же срокъ и той же съвѣтъ съвѣща стати у Окѣ съ... сыроядци».

в) Къ великому князю Дмитрію приходятъ вѣсти о походѣ на него Мамая.

По совѣту митрополита Кипріана [2]), великій князь начинаетъ набирать войско и посылаетъ за своимъ братомъ — княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ. Въ Лѣтописной Повѣсти говорится о томъ же, но кратко.

г) Продолжаютъ приходить вѣсти о движеніи Мамаева войска. Великій князь съ братомъ своимъ снова идетъ къ Кипріану, который говоритъ имъ длинное поученіе.

Разговоръ князей съ Кипріаномъ является *вторымъ* вставнымъ эпизодомъ. Соотвѣтствія ему въ Лѣтописной Повѣсти — нѣтъ; но разсказъ о послахъ татарскихъ, пришедшихъ среди разговора великаго князя съ митрополитомъ: «абіе внезапу пріидоша татарове, послы отъ Мамаа къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву, просяще выхода, какъ было при царѣ Азбякѣ и при сынѣ Азбяковѣ Чянибѣкѣ, а не по своему

1) Цитаты изъ Лѣтописной Повѣсти сдѣланы по Новгородской IV л.
2) Здѣсь въ текстѣ Сказанія — вставка о Митяѣ, объ ней — ниже.

докончанію, какъ рядъ былъ съ нимъ» — взятъ изъ Лѣтописной Повѣсти (въ послѣдней нѣтъ только упоминанія объ Азбякѣ).

д) По совѣту Кипріана великій князь посылаетъ въ Поле Захарію Тютчева, который доноситъ въ Москву объ «измѣнѣ» Олега и Ягайла. Великій князь вновь обращается за словами утѣшенія къ Кипріану.

Этотъ эпизодъ не находится въ Лѣтописной Повѣсти, но представляетъ развитіе замѣтки послѣдней: «паки пріиде князю Дмитрію другая вѣсть, повѣдаша Мамая за Дономъ събравшася въ полѣ стояща, ждуща къ собѣ на помощь Ягайла съ Литвою... Олегъ же... пріединивыйся ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выходъ ему давати и силу свою слати къ нему на князя Дмитрія».

е) Посланіе первой и второй стражи, — *третій* вставной эпизодъ Сказанія. Рѣшено собираться къ 15 августа на Коломнѣ, куда приходятъ отовсюду воеводы съ войсками, между прочимъ князья Бѣлозерскіе, Ярославскіе и другіе. Лѣтописная Повѣсть отмѣчаетъ только, что на Коломнѣ было собрано воинство, числомъ до полутораста тысячъ.

ж) Великій князь ѣдетъ въ обитель св. Троицы. Вмѣстѣ съ благословеніемъ преп. Сергія, великій князь получаетъ въ число воиновъ двухъ иноковъ-богатырей, Пересвѣта и Ослябу.

Этого эпизода (*четвертаго* вставного) въ Лѣтописной Повѣсти нѣтъ. Онъ вставленъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, редакторомъ свода, о чемъ я скажу ниже. Разсказъ о посѣщеніи великимъ княземъ преп. Сергія помѣщенъ редакторомъ потому, что въ Лѣтописной Повѣсти есть упоминаніе объ участіи преп. Сергія въ битвѣ посланіемъ благословеннаго хлѣба и грамоты.

з) Выступленіе великаго князя съ войскомъ, въ сопровожденіи митрополита, изъ кремлевскихъ воротъ на войну. Войско идетъ разными дорогами — настолько оно многочисленно. При войскѣ — гости сурожане, въ качествѣ наблюдателей за ходомъ событій.

Эта часть представляетъ дальнѣйшее развитіе эпизода о походѣ великаго князя на Коломну. О сурожанахъ сказано глухо: «аще что Богъ случитъ, имутъ повѣдати въ далныхъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всѣми и въ Ордахъ и въ Фрязехъ, и другаа вещь: аще что прилучится, да сіи сотворяютъ по обычаю ихъ». Затѣмъ они только перечисляются поименно.

и) Приходъ великаго князя на Коломну, встрѣча его епископомъ Герасимомъ, уряженіе и смотръ полковъ.

Вся эта часть Сказанія составлена по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій послѣдней. Лѣтописная Повѣсть такъ излагаетъ это мѣсто: великій князь «вниде въ церьковь и помолися Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и всѣмъ святымъ и благословися у Герасима епископа коломенскаго, глаголя: благослови мя, отче, ити противу татаръ. Герасимъ же епископъ коломенскій благослови его и все воинство его ратоватися противу нечестивыхъ татаръ. И поиде князь великій съ Коломны со многими силами и, пришедъ, ста у Оки на усть Лопасны рѣкы. И ту пріиде къ нему великій его воевода Тимоѳѣй Васильевичъ, тысяцкаго внукъ Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, со многыми воиньствы и что были остались на Москвѣ. И ту о вѣстехъ розслушавъ и повелѣ имъ Оку рѣку возитися, и заповѣда коемуждо полку, глаголя сице: аще кто идеть по рязаньской землѣ, да никто же ничему же коснется, и ничтоже возметъ у кого, и ни единому власу коснется. А на Москвѣ воеводу своего остави у отца своего Кѵпріана митрополита всея Русіи, и у жены своей, у великіа княгини Евдокѣи, и у сыновъ своихъ у Василья и у Юрьа, Феодора Андрѣевича».

і) Скорбь жителей въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ при вѣсти о переходѣ русскаго войска черезъ Оку.

Это мѣсто опять представляетъ распространеніе соотвѣтствующаго эпизода Лѣтописной Повѣсти, причемъ сохранена та же схема: приходъ на Коломну — переходъ Оки — скорбь.

к) Олегъ, получивъ извѣстіе о выступленіи русскаго войска и о благословеніи преп. Сергіемъ великаго князя, приходитъ въ смущеніе и страхъ.

Ягайло, въ свою очередь, не рѣшается двигаться далѣе и остается у Одоева, — *явный* вставной эпизодъ.

Ему нѣтъ соотвѣтствія въ Лѣтописной Повѣсти; въ послѣдней ниже находится только краткое замѣчаніе о страхѣ Ягайла передъ именемъ великаго князя.

л) Къ великому князю пріѣзжаютъ на помощь братья Ягайла — Ольгердовичи: князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій.

Сказаніе, одинаково съ Лѣтописной Повѣстью, говоритъ объ этомъ кратко.

м) Посланіе третьей стражи, которая приводитъ къ великому князю «языкъ». Отъ послѣдняго узнаютъ о движеніи Мамаева войска и о числѣ его, — *шестой* вставной эпизодъ, который могъ явиться результатомъ распространенія предыдущихъ эпизодовъ о посланіи первой и второй стражи. Въ Лѣтописной Повѣсти соотвѣтствія нѣтъ.

н) Великій князь собираетъ совѣтъ — переходить ли Донъ, или ждать татаръ на своей сторонѣ. Мнѣніе Ольгердовичей одерживаетъ верхъ, войско переходитъ рѣку и разбираетъ въ тылу у себя мосты.

Сомнѣніе — переходить ли рѣку, описаніе перехода, рѣчь великаго князя къ воеводамъ (хотя въ иномъ изложеніи) — находятся въ Лѣтописной Повѣсти. Выраженіе ея: «гдѣ трупи, ту и орли» — въ Сказаніи развито въ цѣлую картину.

о) Примѣты Дмитрія Волынца — *седьмой* эпизодъ, не находящій соотвѣтствія въ Лѣтописной Повѣсти.

п) Чудесныя видѣнія: Ѳомы Кацыбѣя (Борисъ и Глѣбъ сѣкутъ мечами татаръ), Василія Капицы и Семена Антонова (заступничество Петра, поражающаго жезломъ эѳіоповъ) — *восьмой* вставной эпизодъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ разсказъ о видѣніи Василія Капицы

принадлежитъ редактору свода, потому что обстановка видѣнія соотвѣтствуетъ вполнѣ сну Темиръ Аксака въ повѣсти объ иконѣ Владимирской Богоматери, въ томъ же сводѣ: Темиръ Аксакъ «видѣ сонъ страшенъ зѣло, яко гору высоку велми, и з горы идяху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претяще ему зѣло». (Никоновская подъ 1395). Спасеніе отъ нашествія Темиръ Аксака приписывается здѣсь заступничеству Божіей Матери и «великаго чюдотворца Петра».

р) Приготовленія къ бою: устройство засаднаго полка, укрѣпленіе воиновъ.

О засадномъ полку не говоритъ Лѣтописная Повѣсть. Разсказъ же объ устроеніи полковъ въ ней находится, причемъ Сказаніе, развивая эпизодъ, сохраняетъ буквальныя выраженія Повѣсти, гдѣ это мѣсто читается такъ: «Тоя же нощи, утру свитающу, мѣсяца сентября въ 8 день на праздникъ рожества Пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велія по всей землѣ, аки тма и до третьяго часа дни и потомъ нача убывати».

с) Великій князь одѣваетъ своего боярина Михаила Бренка въ великокняжсскую «приволоку», желая самъ сражаться, какъ простой воинъ, — *девятый* эпизодъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти говорится только о желаніи великаго князя сражаться въ рядахъ, впереди всѣхъ.

т) Къ великому князю приходятъ посланные отъ преп. Сергія съ благословеніемъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти тотъ же эпизодъ, но онъ поставленъ раньше, — передъ разсказомъ о переходѣ войска черезъ Донъ. Сказаніе, въ данномъ случаѣ, ближе къ житію Сергія.

у) Обѣ рати начинаютъ сходиться. Мамай смотритъ на битву съ возвышеннаго мѣста.

Описаніе начала боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «Самъ же князь великій напередъ въ сторожевыхъ полцехъ ѣздяше и мало тамъ пребывъ, возвратися паки въ великій полкъ».

ф) Единоборство инока Пересвѣта и татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, — *десятый* вставной эпизодъ.

х) Описаніе боя.

Формула боя — та же, что въ Лѣтописной Повѣсти: «бысть брань крѣпка и сѣча зла зѣло, и ліашеся кровь, аки вода, и падоша мертвыхъ множество безчислено отъ обоихъ силъ, отъ татарьскіа и русскіа. И паде татарьское тѣло на христьаньскомъ, а христіаньское тѣло на татарскомъ».

ц) Татары начинаютъ одолѣвать, великій князь раненъ, битва рѣшается въ пользу русскихъ только потому, что засадный полкъ ударяетъ на враговъ изъ дубравы. Татары разбиты на голову.

Весь разсказъ о роли засаднаго полка составляетъ *одиннадцатый* вставной эпизодъ. Описаніе же конца боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «И побѣгоша татарстіи полци, а христіаньстіі полцы за ними гоняюще, бьюще и сѣкуще... И мнози татарове оружіемъ падоша отъ христіанскаго воиньства... а друзіи въ рѣцѣ изтопоша. И гониша ихъ до рѣки до Мечи, а княжіи полци гнашася за татары и до становъ ихъ и полониша богатства и имѣніа ихъ много».

ч) Князь Владимиръ Андрѣевичъ, ставъ «на костяхъ», посылаетъ искать пропавшаго великаго князя. Двое воиновъ находятъ его подъ ссѣченнымъ деревомъ. Придя въ чувство, великій князь объѣзжаетъ побоище.

Розыски князя представляютъ *двѣнадцатый* вставной эпизодъ. Характеристика же великаго князя и разсказъ объ его мужествѣ цѣликомъ взяты изъ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть доспѣхъ его весь избитъ и язвенъ зѣло, на тѣлеси же его нигдѣ же смертныа раны обрѣтеся; а преже всѣхъ сталъ на бой, на первомъ сступѣ, и въ лице съ татары много бился. И много ему глаголаша князи и воеводы его: господине княже, не ставися напреди битися, но ставися назади или на крилѣ или индѣ гдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ. Онъ же отвѣщеваше имъ глаголя: да како азъ възъглаголю кому что: подвизаемся, братіа,

крѣпко на врагы, а самъ стоя назади и лице свое крыа? не могу азъ сіе сотворити, еже таити и скрывати себя, но хощу якоже словомъ, тако и дѣломъ преже всѣхъ самъ начати и преже всѣхъ главу свою положити за имя Христово и пречистыя Его Матере и за вѣру христьаньскую и за все православное христіаньство, да и прочіи, видѣвше мое дръзновеніе, и тіи такоже да сотворятъ со многымъ усердіемъ. Да якоже рече, тако и сотвори, преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошую его оступиша татарове, аки вода, и много по главѣ его и по плещама его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостію своею... соблюде его отъ смерти... Князь великій же... брата своего князя Володимира Андрѣевича и прочіи князи и все воиньство възвесели сладкыми словесы и похвали ихъ и възвеличи, яко тако брашяся за православную вѣру и за все христіаньство».

ш) Рѣчь великаго князя къ оставшемуся войску, похороны убитыхъ и счетъ выбывшимъ изъ строя. Счетъ ведетъ московскій бояринъ Михайло Александровичъ: изъ 400 тысячъ едва осталось сорокъ.

Это мѣсто является *заключеніемъ* разбираемой редакціи Сказанія, которая заканчивается слѣдующими словами:

«И паки рече самъ князь великій: буди вамъ всѣмъ, братіа и други, православніи христіане, пострадавшеи за православную вѣру и за все христіанство на полѣ Куликовѣ, вѣчнаа паметь, межу Дона и Мечи, сіе убо вамъ мѣсто суженое Богомъ. Простите мя и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и помолитеся о насъ, вы бо увязостеся нетлѣнными вѣнцы отъ Христа Бога. Та же по семъ глагола князь великы Дмитрей Ивановичь къ брату своему ко князю Володимеру Андрѣевичю: поидемъ, брате, на свою землю Залѣсскую, ко славнѣйшему граду Москвѣ, и сядемъ на своемъ княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти и славы есмя себѣ укупили въ родъ и родъ».

Это заключеніе: счетъ войска и вышеприведенное обращеніе великаго князя къ своему брату представляетъ заимствованіе

изъ другого источника — позднѣйшей редакціи Писанія Софоніи. Изложеніе первой редакціи Сказанія, надо замѣтить, не пользуется Писаніемъ Софоніи (можно отмѣтить лишь одно мѣсто, повидимому, взятое изъ Повѣданія — картину выступленія въ походъ великаго князя: «и бѣ ему спреди солнце грѣаше, а ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣаше и дыхаше»). Поэтому присутствіе такой большой вставки изъ Повѣданія слѣдуетъ объяснять какой-то редакціонной поправкой.

Дѣйствительно, вслѣдъ за приведенной выдержкой, списки Никоновской лѣтописи, доселѣ согласные, представляютъ разночтеніе. Послѣднее начинается, какъ разъ, вслѣдъ за разсказомъ о перечисленіи павшихъ. Группа списковъ безъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующую схему: разсказъ о видѣніи вѣнцовъ — вышеприведенное обращеніе великаго князя, взятое изъ Повѣданія — боязнь Олега передъ побѣдителями — *вторичное* приказаніе великаго князя: не касаться ничему въ рязанской землѣ — обратный походъ на Коломну — походъ въ Москву — къ Троицѣ — похвала великому князю («О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе!»...) — разсказъ о судьбѣ Мамая.

Текстъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующія измѣненія приведенной схемы: вмѣсто разсказа о видѣніи вѣнцовъ помѣщенъ разсказъ о боязни Ягайла передъ побѣдителемъ великимъ княземъ, и — передъ вторичнымъ приказаніемъ не трогать земли рязанской, вставленъ разсказъ о бѣгствѣ Олега и челобитье бояръ рязанскихъ «въ рядъ» великому князю. Если сюда прибавить то обстоятельство, что разсказъ объ обратномъ походѣ великаго князя въ Кострому, Москву и къ Троицѣ представляетъ сжатый пересказъ *всего* предыдущаго изложенія, то несомнѣнно надо заключить, что весь конецъ Сказанія первой редакціи претерпѣлъ значительныя измѣненія не только подъ перомъ редактора Свода, но, вѣроятно, и въ томъ еще сборникѣ, откуда былъ взятъ. Судя же по тому, что похвала великому князю и разсказъ о судьбѣ Мамая встрѣчаются въ другихъ

редакціяхъ и составлены по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій, нужно думать, что они были и въ протографѣ. Передѣлка же послѣдняго допустила не только сжатое повтореніе предыдущаго изложенія, но и воспользовалась для иллюстраціи Повѣданіемъ. А послѣднимъ, именно, широко пользовались всѣ дальнѣйшія переработки Сказанія для украшающихъ дополненій.

Итакъ я думаю, что заключеніе основного текста первой редакціи состояло: изъ разсказа о погребеніи убитыхъ, упоминанія о приходѣ на Коломну, похвалы великому князю и разсказа о судьбѣ Мамая.

Изъ разбора содержанія первой редакціи Сказанія вытекаетъ, что вся схема Лѣтописной Повѣсти (приведенная выше, во 2-й главѣ), цѣликомъ уложена въ новой повѣсти, причемъ сохранены первоначальная послѣдовательность плана и тожество большинства выраженій. Распространеніе же текста Сказанія основано, главнымъ образомъ, на указанныхъ вставныхъ эпизодахъ.

Прежде чѣмъ переходить къ разбору послѣднихъ, я долженъ указать на то, что между Лѣтописной Повѣстью и первой редакціей Сказанія находится, такъ сказать, соединительное звено — особаго вида Лѣтописная Повѣсть, выдѣленная мною изъ предыдущаго разбора. Сказаніе первой редакціи вышло не непосредственно изъ Лѣтописной Повѣсти знакомаго уже типа, а изъ ея особой обработки.

Я говорю о спискахъ Лѣтописной Повѣсти, находящихся въ лѣтописяхъ: Дубровскаго и Архивской Ростовской.

Архивская «Ростовская» лѣтопись находится въ сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 20/25, писаномъ скорописными почерками первой половины XVIII в. Текстъ и изслѣдованіе ея напечатаны акад. А. А. Шахматовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1904, кн. первая. Во время печатанія своего изслѣдованія, А. А. Шахматовъ познакомился съ особымъ

лѣтописнымъ сводомъ, принадлежавшимъ нѣкогда Дубровскому, а теперь находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F IV 238). Сводъ этотъ оказался въ ближайшей связи съ Архивскимъ сборникомъ, но гораздо древнѣе по времени: рукопись относится ко второй половинѣ XVI в.

Изъ разбора Архивскаго списка А. А. Шахматовъ выводитъ, что первая часть «Ростовской» лѣтописи (до 1480 г.) подверглась дополненію, причемъ составитель пользовался различными памятниками. Въ числѣ послѣднихъ, матеріаломъ для дополненія служили литовскія лѣтописи (особенно объ Ольгердѣ) и родословныя московскія книги. Причемъ все лишнее въ этой лѣтописи, противъ Воскресенской, восходитъ вмѣстѣ съ основнымъ ея текстомъ, общимъ съ Воскресенскою лѣтописью, къ одному общему первоисточнику — Московскому своду, доведенному до 1479 года.

Дубровскій же списокъ, по словамъ А. А. Шахматова, въ части до 1479 г., не тожественъ съ Ростовскою лѣтописью, хотя мѣстами очень съ нею схожъ. За то онъ «почти тожественъ въ части до 1448 года съ обычнымъ текстомъ Новгородской IV лѣтописи,.... но мѣстами дополненъ».

Приводя эти дополненія, А. А. Шахматовъ не касается разбора текста повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Для послѣдней имъ приведены дополненія, встрѣчающіеся лишь въ Архивскомъ текстѣ. Между тѣмъ дополненія по Дубровскому тексту, не только «тожественны» съ Архивскимъ, но, какъ сейчасъ будетъ видно, мѣстами полнѣе.

Изъ разбора указанныхъ лѣтописныхъ сводовъ, А. А. Шахматовъ выводитъ слѣдующія положенія:

1) Лѣтописный сводъ, носящій ошибочное названіе Ростовской лѣтописи, извѣстенъ только по Архивскому списку XVIII в.

2) Время и мѣсто составленія его — неизвѣстны.

3) Въ числѣ источниковъ у сводчика былъ Московскій сводъ, доведенный до 1479 г.

4) Этотъ сводъ принадлежалъ къ разряду сводовъ великокняжескихъ (не митрополичьихъ) и восходилъ къ болѣе древнему своду 1472 года, лежащему въ основаніи Воскресенской лѣтописи (отсюда сходство «Ростовской» и Воскресенской).

5) Списокъ Дубровскаго заключаетъ рядъ чтеній болѣе древнихъ и первоначальныхъ, чѣмъ «Ростовская» лѣтопись.

Во второй главѣ настоящаго изслѣдованія мною отмѣчено нѣсколько редакцій Лѣтописной Повѣсти для первой половины XV в. Разбираемая — должна принадлежать къ тому же времени, какъ и предыдущія, но она — позднѣйшая въ смыслѣ обработки текста.

Я отмѣчу всѣ разночтенія и дополненія Лѣтописной Повѣсти по списку Дубровскаго сравнительно съ текстомъ Новгородской IV.

Заглавіе Повѣсти по Дубровскому списку слѣдующее: «Того ж лѣт бысть побоище иж на Доноу князю великому Дмитрию Ивановичю что бился съ царемъ Мамаемъ на Доноу. Побоище безбожнаго царя Мамая за Дономъ лѣт ,ѕѡпи». Начало: «Приде изъ Орды ординскіі князь Мамай со единомысленники своими и со всеми прочими князи ординскими»...

Въ общемъ текстъ сходенъ съ текстомъ Новгородской IV, вѣрнѣе — съ Воскресенской, потому что, какъ было указано выше, Воскресенская всюду замѣняетъ выраженія: «нашъ князь», «великій князь Дмитрій» — оффиціальнымъ: «великій князь Дмитрій Ивановичь», то же находимъ и въ Дубровскомъ текстѣ. Перехожу къ сопоставленію текстовъ:

Новгородская IV.	Лѣтопись Дубровскаго.
...еще къ тому рати понаимовавъ...	...рати — *ипть*.
...Литовьскій Ягайло...	...Литовскии князь Ягайло...
...къ лстивому сотоньщику, дьяволю свѣтнику...	...ко лстивому совѣтнику діаволю...

...а кровь прольяти. Враже измѣнниче Олже!...	...а кровь прольяти, статн ему у Окѣ на брезе с тремоглавными зверми сыроядцы и кровопроливцы хрестиянскими. О враже изменниче...
	Въ «Ростовской» лѣтописи этого мѣста *нѣтъ*.
...идеть на тебе Ягайло съ всею силою своею. Дмитрій же князь се слыша не веселую ту годину, что идутъ на него вся царствія, творящеи безаконіе, а глаголюще: «еще наша рука высока есть», иде къ сборнѣй церкви...	...съ всею силою своею, аркущи еще рука наша высока. Се ж слышав князь... иде...
	Здѣсь *случайный* пропускъ противъ чтенія Новгородской IV, зависящій отъ переписчика.
...«въ той чинъ рагозный»...	...«в тои чин разных»...
...гнѣваяся съ всѣмъ своимъ царствомъ...	...всемъ своимъ гнѣвомъ и царством...
...съвѣтника Литовьскаго...	...совѣтника Ягаила Литовскаго...
...иде къ Пречистѣй и къ епископу...	...Пречистѣй и помолис во церкви святыя Богородица и ко епископу...
...и въ Володимерѣ и въ всѣхъ градѣхъ...	...Володимере и в Ростовѣ и во всех князей руских, что...
...въ высокихъ: Рахиль...	в высоких ха Рахиль...
...зрящи бо чадъ своихъ...	...зряще убо их...
...(умножишася врази наши)... Литва и Рязанци. Мамай же...	...(рязанци): не хотяху ити за Дон. Мамай...
...рожества Царици Матери...	...Царици Марьи Матери...
...мьгла не бо бяше того отъ утра...	...и мгла бяше того утра...

...(Князю же перешедшу) на усть Непрядвы. Господь Богъ единъ вождаше его...

...(Непрядвы). И став ту князь велики по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣй вѣре самобратныя князь Ондрѣи и Дмитрей Олгердовичи да боярин и воевода Микула Василевич да князь Ѳедор Романович Белозерскиі. А у себя же имѣяше князь великий Дмитреи в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоповича Квашню да боярина ж своего и воеводу Михайла Брянка да князя Ивана Василевича Смоленского. А в правои рукѣ воеводы учини князя Андрѣя Фодоровича Ростовского да Ѳедора Грунку да князя Ондрѣя Ѳедоровича Стародубскаго, в лѣвой рукѣ воеводы учини князя Василевича Ярославского да Лва Морозова да князя Ѳедора Михайловича Моложскаго, в сторожевомъ полку тогда воеводы учини Михаила Иванова сына Окинѳовича да князя Семена Костянтиновича Оболенского да брата его князя Ивана Поружскаго да Андрѣя Серкиза, иныя ж свои полкы многи разрядив и воеводы учини. В западномъ же

полку в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего князя Владимера Андрѣевича да с нимъ нѣкоего мужа мудра и храбра, Дмитрия Михаиловича Волынца да князя Романа Михаиловича Брянского да князя Василя Михаиловича Кашинского да князя Романовича Новосилского, исполчився поидоша противу. Се бе Господь Богъ единъ вождаше...

...полци противу крестьянъ, и ту срѣтошася...

...(крестьянъ), бѣ ж обоих многое множство (и ту срѣтошася)...

...съ татарьскими, самъ же великій князь наѣха...

...Самъ ж князь великиі Дмитреи Иванович восхоте наперед подвизатис увидѣв окоянныя полки татарския наѣха...

...отъѣха... въ великій полкъ...

...(полкъ), но воеводы удержаша его не даша ему наперед своим полком битис...

...сему великому князю всея Руси. Бьющимъ...

...(Руси). И в те ж поры хотяше князь Владимер Андрѣевич своимъ полкомъ ударитис на Агаряны, но Дмитреи Волынецъ глаголаше ему: пожди мало, господине, како будетъ время, понеж бѣ аще мудръ и храбръ и искусен многажды ратному чину. Бющем...

...искаше побѣдити. И рече...

...(побѣдити), и за мал час знамян болших не подсекоша,

а самого ж великого князя велми язвиша и с коня збиша. При часѣ же девятомъ глаголаше Волынецъ князю Владимеру Андреевичю: время ти, господине княже. И тогда потаеныи полкъ, благородныи храбрыи брат великого князя Владимера Андрѣевича съ своими полки удари на татары, и бысть сѣча велика, яко и земли двизатис, а Дон река кровю протече, а главы, аки камение валяхус в дуброве. И рече...

...Москвичь...

...Москвичи...

...Михаилъ; двои воеводы...

...(Михаилъ). Тако ж и погании видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно. Двои воеводы...

...падаху. И възнесе Богъ нашего князя...

...(падаху). И тако вскоре погибоша погании. И вознесе Богъ десницу нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси...

Этотъ титулъ, несомнѣнно, *позднѣйшаго происхожденія.*

...(его)... князи побѣгоша...

...князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша...

Это — *интерполяція*: литовской силы — не было, объ этомъ говоритъ раньше сама Повѣсть.

...Видѣвше крестьяне, яко Татарове съ Мамаемъ побѣгоша...

...и вся имѣнія ихъ Содомьская. Тогда же...

...видев же то князь Владимер и иные многие воеводы, яко Татаровѣ с Мамаем...

...(Содомьская). И тамо бежащих безчисленное множество погибоша, тогда ж бѣ и Руси избито множество. И тогда ж возрадовашеся радостию великою благородныи храбрыи князь Владимер Ондреевич о побежении Агарян. И востав, повѣле на костех трубити собранными трубами и не обретос тогда в собрании самъ благородныи и великиі князь Дмитреи Иванович. И оскорбеся тогда благородныи князь Владидмитриимеръ (sic) Андреевичъ и с нимъ оставши вои его. И повеле князь Владимер искати великого князя в трупии жива или умерша и глаголя: аще кто наидет первоначалника нашему спасению, сеи первыи будет. И разидошас полцы по дубравамъ и начаша искати великого князя. И нѣкто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича — Θеодор Сабур, да Григорѣи Холопищев, наидоша великого князя в дуброве под сѣченным древомъ, велми язвена

лежаще. Падше, повѣдаша ему, яко побежени быша Агаряне, милостию вседержителя Бога и твоимъ благороднымъ подвигомъ. И тогда приидоша к нему брат его князь Владимер Андрѣевич и вси вои его, падше пред нимъ и повѣдаша ему побежение Агарян. И тогда благородныи и великиі князь Дмитрѣи Иванович встав и воиде (sic) брата своего князя Владимера и все воинство свое здраво, а погании побежении и возрадовас духомъ зело, глаголя: Слава тебѣ, Господи Вседержителю, Боже и Творче всяческих, яко сотворил еси нам сие по велице милости твоеи и не попусти врагомъ нашимъ в конецъ одолѣти за наша согрешения и помилова нас по велицеи своеи милости. Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ѣздити по побоищу. И наѣха тогда убитых воевод своих на побоищи. Тогда ж...

...Михайло, Иванъ сыны Акинфовичи...

...Левъ Мозыревъ...

...их же имена...

...Михаило Іванов сыны Окинфович...

...Лев Морозов...

...их же имена писана суть въ книгахъ животных, здѣ ж не всѣх писах избьеных имена,

	токмо написах князеи, бояръ и воевод...
...побьени быша. Самому же...	...(быша). А поганных Агарян избитых не бѣ числа, по дубровомъ главы, аки камение, валяшес. А самому...
...а не яко при нонешнихъ временехъ Литва — поругаются...	*Нѣтъ* (какъ и въ Воскресенской).
...сію бесѣду...	...сию побѣду...
...такову на поганыя побѣду — избавльшему...	Случайный *пропускъ* этого мѣста.
...И Ярославу...	...Ярославу Володимеровичю...
...Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ...	...Слышав же князь велики, что князь Олег...

Приведенная параллель показываетъ, что, помимо разночтеній, въ сущности незначительныхъ, зависящихъ или отъ переписки или отъ желанія пояснить кратко выраженную мысль, лѣтопись по тексту Дубровскаго представляетъ три значительныя вставки. Въ первой идетъ рѣчь объ уряженіи полковъ, перечисляются воеводы, командовавшіе различными частями и, главное, указывается на помѣщеніе въ засадѣ отдѣльнаго корпуса, подъ начальствомъ князя Владимира Андреевича, Дмитрія Михайловича Волынца и князей: Романа Брянскаго, Василія Кашинскаго и Романа Новосильскаго. Въ Лѣтописной Повѣсти только указывается на уряженіе полковъ, безъ перечисленія воеводъ и указанія, какое кто занималъ мѣсто. Лѣтопись Дубровскаго, наоборотъ, чрезвычайно подробно исчисляетъ имена воеводъ, подробнѣй и стройнѣе, чѣмъ это мѣсто въ разбираемой редакціи Сказанія. Въ этомъ случаѣ чувствуется несомнѣнное вліяніе московскихъ родословныхъ книгъ, — источника, указаннаго А. А. Шахматовымъ. Сказаніе, сохраняя, какъ сказано,

подлинныя выраженія Лѣтописной Повѣсти, пользуется въ этомъ мѣстѣ изложеніемъ, тожественнымъ тексту Дубровскаго.

Вторая вставка разсказываетъ о роли засаднаго полка. О немъ нѣтъ упоминанія въ Лѣтописной Повѣсти, между тѣмъ и Повѣданіе, какъ я говорилъ, указывало на два момента боя. Сказаніе 1 редакціи, говоря о стояніи въ засадѣ — скорби воиновъ, видящихъ побиваемыхъ братьевъ — выѣздѣ засаднаго полка, рѣшающаго битву, близко держится текста лѣтописи Дубровскаго.

Наконецъ въ третьей вставкѣ говорится о розыскахъ великаго князя по приказанію побѣдителя — князя Владимира Андреевича. Этого мѣста снова нѣтъ въ Лѣтописной Повѣсти, но оно логически вытекаетъ изъ повѣствованія. Лѣтописная Повѣсть глухо указывала лишь на то, что великій князь былъ раненъ. При сопоставленіи этого свидѣтельства съ новымъ указаніемъ на то, что побѣда была одержана благодаря стратегическому маневру — засадѣ, естественно долженъ былъ явиться разсказъ о томъ, что собравшіеся воины не сразу нашли великаго князя — «побѣды побѣдителя».

Текстъ Повѣсти по лѣтописи Дубровскаго въ остальномъ, повторяю, сходенъ съ Лѣтописной Повѣстью. Указанныя вставки понадобились для пополненія существеннаго пробѣла: предыдущими редакціями Повѣсти не были использованы всѣ событія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ описываемую битву.

Сказаніе 1 редакціи, такимъ образомъ, пользуется тѣмъ видомъ Лѣтописной Повѣсти, гдѣ историческая канва изложена наиболѣе полно.

2) *Вставные эпизоды первой редакціи.*

Теперь перейду къ разсмотрѣнію вставныхъ эпизодовъ разбираемой редакціи.

При изложеніи схемы Сказанія я отмѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды представляютъ развитіе кратко выраженной мысли Лѣтописной Повѣсти. Таковы:

1) Грамоты, которыми обмѣниваются союзники. Онѣ составлены по образцу распространенныхъ оффиціальныхъ бумагъ для того, чтобы яснѣе оттѣнить отношеніе союзниковъ къ Мамаю, опасность, которая грозитъ великому князю и, наконецъ — гордость и скудоуміе враговъ, разбивающіяся о христіанскую кротость Дмитрія.

2) Эпизоды о посланіи 1, 2 и 3 стражи, представляютъ, какъ указано, иллюстрацію къ замѣткѣ Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь выступилъ въ походъ, «переимая вѣсти отъ поганыхъ». Въ сущности эти разсказы не носятъ характера развитаго литературнаго изложенія: все сводится къ простому перечисленію посланныхъ на стражу воиновъ.

3) Разсказъ о чудесномъ видѣніи Ѳомы Кацыбѣева представляетъ риторическое дополненіе къ разсказу о чудѣ «въ девятый часъ», находящемуся въ Лѣтописной Повѣсти. (О видѣніи Василія Капицы и Семена Онтонова я скажу ниже).

4) Разсказъ о вооруженіи Бренка въ великокняжескіе доспѣхи представляетъ развитіе замѣтки Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь бился, какъ простой воинъ, и что передъ битвой «велиціи его воеводы облачишася во одежды мѣстныа». Объ имени же Михаила Бренка Лѣтописная Повѣсть упоминаетъ. Сказаніе и въ данномъ случаѣ имѣетъ цѣлью — оттѣнить смиренномудріе великаго князя, хотя, изъ контекста, поступокъ великаго князя выходитъ скорѣе похожимъ на трусость.

5) Разсказъ о смущеніи Олега (равно и объ остановкѣ Ягайла съ войскомъ въ Одоевѣ) явился потому, что и Лѣтописная Повѣсть говоритъ о страхѣ Ягайла передъ великимъ княземъ.

6) Наконецъ, только что указанные два эпизода: о роли засаднаго полка и логически связанный съ нимъ — о розыскахъ великаго князя, взяты изъ Лѣтописной Повѣсти позднѣйшей редакціи почти цѣликомъ.

Такимъ образомъ изъ перечисленныхъ при изложеніи схемы *двѣнадцати* вставныхъ эпизодовъ — восемь представляютъ развитіе того, что въ зародышѣ находилось въ Лѣтописной Повѣсти. Протографъ первой редакціи Сказанія, очевидно, представлялъ Лѣтописную Повѣсть, распространенную указанными восьмью вставками.

Относящимся къ протографу, (но не встрѣчающимся въ Лѣтописной Повѣсти всѣхъ редакцій), я счелъ бы эпизодъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Этотъ воевода изображается Лѣтописной Повѣстью какъ бы главнымъ руководителемъ засады. Онъ въ значительной степени помогаетъ Владимиру своими совѣтами. Дмитрій Волынецъ удерживаетъ стремящееся на непріятеля русское войско, выжидая наиболѣе удобнаго времени. Для характеристики этого воеводы, не только какъ храбраго воина, но и человѣка, обладающаго особенными свѣдѣніями, въ Сказаніе и былъ вставленъ цѣлый разсказъ о его примѣтахъ. Не находя себѣ соотвѣтствія въ Повѣданіи, разсказъ этотъ, однако, по тону приближается къ поэтическому изложенію.

Когда потухла заря и наступила ночь — канунъ достопамятной битвы, Дмитрій Бобровъ, Волынецъ, «воевода нарочитъ и полководецъ изящень и удалъ зѣло», пригласилъ въ поле съ собою одного только великаго князя. Тамъ стали они между своей и татарской ратью, и Волынецъ разсказалъ великому князю свои примѣты.

Примѣты эти слѣдующія:

1) на добро: предвѣщаетъ избіеніе непріятелей: «Кличь и стукъ велій, аки торжища снимаются, и аки грады зиждуще, и яко трубы гласятъ... волцы выюще страшно велми... во птицахъ трепетъ велій, кричаще и крылами біюще, и враны грающе, и орлы клегчюще... птицамъ бысть битва и драніе веліе», — на непріятельской сторонѣ.

«Тишина... точію отъ множества огневъ снимахуся зари», — на русской.

2) на скорбь: побѣда достанется тяжелой цѣной: «Припадахъ

(слова Боброка) убо ухомъ на землю и слышахъ землю плачущу надвое, горко зѣло и страшно; едина убо страна, аки нѣкаа жена напрасно плачющи, дерзающи и кричящи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ, бьющися и слезы изливающи, аки рѣки; а другаа страна земли, аки нѣкаа дѣвица плачющи и воплющи, аки свирѣлнымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и въ печали велицѣ».

Крикъ птицъ и звѣрей, понимаемый какъ предзнаменованіе, встрѣчается еще въ Словѣ о полку Игоревѣ, откуда онъ перешелъ въ Повѣданіе, а затѣмъ, какъ формула, — и въ другіе памятники. Звеномъ въ послѣдовательномъ измѣненіи этой формулы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ первой примѣтѣ Волынца, является слѣдующее мѣсто Ипатьевской л., подъ 1249 г.: «Не дошедшимъ воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружитъся, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и восприметающимся на воздусѣ, яко же иногда же и николи же не бѣ. *И се знаменіе не на добро бысть*» [1]).

Примѣты Дмитрія Волынца, роль засаднаго полка и розыски великаго князя послѣ битвы находятся, какъ эпизоды, въ связи между собою. Центральной фигурой является здѣсь князь Владиміръ Андрѣевичъ: Волынецъ, показывавшій *одному* великому князю примѣты, тѣмъ не менѣе состоитъ въ войскѣ князя Владимира; послѣдній вмѣстѣ съ Волынцемъ предводительствуютъ засаднымъ полкомъ, рѣшающимъ бой въ самую тяжелую минуту для русскаго воинства; за отсутствіемъ великаго князя, Владиміръ — центръ, къ которому стекаются побѣдители; онъ, наконецъ, — объявляетъ великому князю о славной побѣдѣ.

---

1) См. объ этомъ также въ статьѣ А. Орлова «Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей». (Чтенія 1902 и отдѣльно, стр. 36—37).

Такимъ образомъ Лѣтописная Повѣсть въ послѣдующемъ развитіи была распространена первоначально на счетъ разобранныхъ дополненій. Редакціонная обработка стремилась въ этомъ случаѣ во первыхъ—къ достиженію бо́льшей картинности и наглядности, развивая въ цѣлые эпизоды схематическіе наброски оригинала; во вторыхъ—къ тенденціозному выставленію великаго князя смиреннымъ христіаниномъ и въ то же время—борцомъ за родную землю: сила духа противопоставляется неразумной физической силѣ; наконецъ, въ третьихъ—рядомъ съ великимъ княземъ выдвинутъ двоюродный братъ его, дѣлившій славу побѣдителя на Куликовомъ полѣ.

Такую распространенную Повѣсть я и считаю протографомъ Сказанія первой редакціи. Этотъ протографъ не дошелъ въ первоначальномъ видѣ, но съ нимъ, несомнѣнно приходится считаться, какъ съ первой ступенью литературной исторіи Сказанія.

Перечисленные девять эпизодовъ, какъ было указано, органически связаны съ общимъ повѣствованіемъ и не представляютъ самостоятельныхъ разсказовъ.

Но совершенно иной характеръ носятъ послѣдніе три вставочныхъ эпизода, именно:

1) Разговоръ великаго князя съ Кипріаномъ (дважды въ разбираемой редакціи).

2) Посѣщеніе великимъ княземъ обители преп. Сергія.

3) Единоборство инока Пересвѣта и татарскаго богатыря.

Эти эпизоды, въ свою очередь, представляютъ нѣчто цѣлое и связаны между собою одной идеей, дающей тонъ всей первой редакціи Сказанія.

Первый изъ перечисленныхъ эпизодовъ подчеркиваетъ эту особенность первой редакціи, проходящую красной нитью черезъ все изложеніе, именно—*поставленіе личности митрополита Кипріана на первое мѣсто*. Я остановлюсь на этомъ вопросѣ подробнѣй.

Е. Голубинскій, авторъ Исторіи Церкви, основываясь на другихъ лѣтописяхъ, утверждаетъ, что Кипріанъ прибылъ въ

Москву 23 мая 1381 г., и что повѣсть о Куликовской битвѣ по Никоновской лѣт. (т. е. — Сказаніе), относя время прибытія Кипріана къ 3 мая 1380 г., т. е. до битвы, говоритъ неправду. Я не возражаю противъ этого положенія, но послѣдняя дата принадлежитъ не одному только Сказанію. Въ той же Никоновской лѣт., подъ 1378 г., находится описаніе торжественнаго прихода митрополита Кипріана въ Москву: «И прінде Кипріанъ изъ Кіева на Москву въ четвертокъ 6 недѣли по Пасцѣ, еже есть въ самый праздникъ Вознесенія Христова *в лѣто 6888*. И начаша звонити во вся колоколы, и снидошася людіе, и стечеся народъ многъ, и отвсюду пріидоша архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы; и многу звоненію бывшу, и подвижеся весь градъ, съ женами и з дѣтми, и со младенцы, и сосущими млеко, изыдоша во срѣтеніе далече изъ града. И князь великый самъ срѣте его далече отъ града, з дѣтми своими и со всѣми бояры, съ великою честію и со многою любовію и съ вѣрою и смиреніемъ».

Это описаніе могло вылиться только изъ подъ пера близкаго сторонника Кипріана. При этомъ событіе 1380 г. поставлено редакторомъ свода подъ 1378 г. не по ошибкѣ, а съ извѣстнымъ намѣреніемъ — описать приходъ Кипріана *раньше* событія 8 сентября 1380 года и тѣмъ заставить его принять активное участіе въ такомъ важномъ подвигѣ всей Руси, какъ Куликовская битва.

Въ приведенной выдержкѣ изъ Никоновской лѣтописи замѣчается восхваленіе Кипріана: описаніе пышно и панегирично. Въ Сказаніи панегирикъ Кипріану доведенъ до крайней степени выраженія. Великій князь Дмитрій въ Сказаніи изображается смиреннымъ «сыномъ», не имѣющимъ личной инціативы и слѣдующимъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ совѣтамъ «отца своего» Кипріана. Дважды великій князь обращается къ митрополиту при полученіи извѣстій о враждебныхъ намѣреніяхъ союзниковъ; Захарія Тютчевъ отправленъ къ Мамаю съ дарами — по совѣту Кипріана; вооруженное сопротивленіе татарамъ великій

князь рѣшается оказать только потому, что это велѣлъ Кипріанъ; воеводы на Москвѣ оставляются у «отца его Кипріана». Передъ битвой великій князь поручаетъ себя молитвамъ чюдотворца Петра, преподобнаго Сергія и «великаго святителя Кипріана»; только одному митрополиту великій князь разсказываетъ о посѣщеніи обители преп. Сергія и о предреченіи старца; передъ Кипріаномъ, наконецъ, великій князь плачется о грѣхахъ своихъ и выслушиваетъ отъ митрополита утѣшенія и поученія. Слова и поученія Кипріана въ Сказаніи первой редакціи всегда пространны и отличаются риторикой, въ стилѣ, современномъ Кипріану. При возвращеніи великаго князя съ битвы, напримѣръ, Кипріанъ произноситъ такое привѣтствіе побѣдителю: «Како же тебѣ прославимъ, господине мой, возлюбленный о Христѣ сыну, великій княже Дмитрій Ивановичь, новый Констянтине, славный Владимере, дивный Ярославе, чюдный Александре! Кое ти благодареніе и честь и славу воздадимъ, яко толико подвизася и трудися за все православное христіаньство».

По всей повѣсти приведены такимъ образомъ эта покорность и смиреніе великаго князя передъ главою церкви, ихъ болѣе чѣмъ дружественныя отношенія и, наконецъ — величіе и обаяніе личности митрополита [1]). Между тѣмъ на дѣлѣ было иное.

Отношенія великаго князя къ митрополиту были не только не дружескими, но даже непріязненными. Великій князь намѣтилъ кандидатомъ на митрополичью каѳедру нѣкоего Михаила, архимандрита Спасскаго, или, какъ его зоветъ лѣтопись, — Митяя. Конкуррентами Митяю, вопреки желанію великаго князя, явились Пименъ и Кипріанъ. Оба домогались каѳедры далеко не-

1) Неизвѣстно поэтому, почему Е. Голубинскій (Ист. Церкви II, прим. на 356 стр.) увѣряетъ, что «Кипріанъ не оставилъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ ея кругу, особенно почитаемой памяти». Наоборотъ — судя по лѣтописному изложенію, у него могли быть сторонники какъ разъ «изъ высшаго круга».

легальными путями. Когда же Пименъ, по смерти Митяя, по всѣмъ видимостямъ, насильственной, былъ поставленъ за деньги въ Царьградѣ митрополитомъ на Русь и хотѣлъ было уже ѣхать въ Москву, то великій князь, окончательно выведенный изъ себя подобной безцеремонностью (Пименъ ѣздилъ, чтобы только сопутствовать Митяя въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты), рѣшилъ не принимать Пимена въ Москву. Но митрополита не было, и великій князь принужденъ былъ волей неволей пригласить Кипріана, хотя его лично не любилъ. Однако съ нимъ великій князь долго не ужился, въ 1381 году Кипріанъ временно покинулъ московскую каѳедру [1]).

Михаила-Митяя не желало видѣть на митрополичьемъ мѣстѣ только духовенство, — священники и монахи, вопреки желанію великаго князя и бояръ. (Исторія Церкви, II, стр. 243). Нужно думать, что партійное разногласіе было очень сильно, почему вопросъ о Митяѣ не обойденъ молчаніемъ и въ Никоновскомъ сводѣ. Замѣчательно, что Кипріанъ всюду старательно обѣляется, а сама исторія о Митяѣ въ Никоновской лѣтописи разсказана *четыре раза*.

Подъ 1378 г. помѣщена большая «Повѣсть о Митяи», гдѣ послѣдній выставляется въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Вторично о немъ упоминается подъ 1379 г., съ ссылкой на предыдущую повѣсть. Авторъ замѣтки заключаетъ свой разсказъ о болѣзни и смерти Митяя сужденіемъ не только въ отрицательномъ тонѣ по отношенію къ Митяю, но даже не безъ ироніи по адресу самого великаго князя: «И се збысться писаное: ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу; понеже князь велики Дмитрей Ивановичь хотяше, а Митяй течяше, оба тщахуся едино дѣло сътворити, и ничтоже успѣша, Богу не хотящу, ими же судбами вѣсть Той единъ».

---

1) Замѣшательства на митрополичьей каѳедрѣ и исторія съ Митяемъ подробно и обстоятельно изложены Е. Голубинскимъ въ первой половинѣ II тома Исторіи церкви: Двѣнадцатилѣтнія замѣшательства на каѳедрѣ митрополіи послѣ кончины св. Алексія.

Третій разъ о Митяѣ говорится уже въ Сказаніи. Эта вставка *находится только въ разбираемой редакціи* и не имѣетъ связи съ общимъ ходомъ разсказа, почему я выше и не включилъ ея въ схему. Тонъ разсказа — болѣе спокойный, но одинаково неблагопріятный къ Митяю и Пимену — конкуррентамъ Кипріана. Разсказъ этотъ оканчивается сообщеніемъ о посылкѣ игумена симоновскаго Ѳеодора въ Кіевъ — звать Кипріана въ Москву, съ приглашеніемъ «съ великою честію» на митрополичью каѳедру, куда онъ и явился *3 мая 1380 года*. (Здѣсь *второй разъ* — послѣ разсказа 1378 г., указывается время прихода Кипріана, на которое ссылается Е. Голубинскій).

Наконецъ — четвертый разъ о Митяѣ, опять въ тонѣ для него рѣзкомъ и неблагопріятномъ, упоминается въ житіи преп. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г., въ главѣ: «О понуженіи святого въ митрополиты». Выраженія въ разсказѣ цѣликомъ взяты изъ пространной повѣсти о Митяѣ. Отрицательное отношеніе къ Митяю доходитъ даже до утвержденія, что Митяй разболѣлся и умеръ «по пророчеству преподобнаго игумена Сергія».

Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія! Вставить въ одинъ сводъ четыре однообразныхъ разсказа, притомъ одинаково окрашенныхъ, могъ только человѣкъ партійный, сторонникъ Кипріана. Надо замѣтить, что въ другихъ лѣтописяхъ извѣстія о Митяѣ написаны въ тонѣ вполнѣ ему благопріятномъ. Составитель разбираемаго свода, очевидно, лично зналъ Кипріана или принадлежалъ къ его канцеляріи, гдѣ, можетъ быть, пользовался записками митрополита и имѣлъ, во всякомъ случаѣ, намѣреніе — прославить память Кипріана въ потомствѣ.

Помѣщеніе разсказа о Митяѣ въ Сказаніе и въ Житіе Сергія принадлежитъ именно этому составителю свода. Я говорилъ, что въ Сказаніи личность Кипріана рисуется въ возможно болѣе привлекательномъ видѣ, въ роли наставника великаго князя. Мною указано также, что въ Сказаніе вставленъ редакторомъ съ этой цѣлью эпизодъ: разговоръ Кипріана съ великимъ

княземъ, получившимъ только что извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Утѣшая великаго князя, митрополитъ въ видѣ примѣра ссылается на отношенія Василія Кесарійскаго къ Юліану. Для выясненія характера этой вставки и вообще вліянія составителя свода на разбираемую редакцію Сказанія, я сравню это мѣсто съ соотвѣтствующимъ въ Житіи пр. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г.

Указываются двѣ редакціи Житія пр. Сергія: древнѣйшая, написанная его ученикомъ Епифаніемъ Премудрымъ въ 1417—1418 гг., пространная, и — болѣе позднее сокращеніе предыдущей, сдѣланное Пахоміемъ Логофетомъ не ранѣе 1440 года. Епифаніева редакція находится подъ 25 сентября въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ и, кромѣ того — издана отдѣльно; Пахоміево сокращеніе помѣщено въ тѣхъ же Четьихъ-Минеяхъ.

Е. Голубинскій [1]) говоритъ, что въ Никоновской л. читается сокращенное извлеченіе изъ Епифаніева житія пр. Сергія, сдѣланное, какъ нужно думать, по подлинной редакціи самого Епифанія (примѣчаніе на 79 стр.). Странно, что историкъ нигдѣ не считаетъ текстъ Никоновскаго житія отдѣльной редакціей, хотя уже по одному, что онъ является особымъ *сокращеніемъ* основного, его слѣдовало бы счесть за отдѣльную редакцію. Но еще страннѣе, какъ Е. Голубинскій могъ проглядѣть то обстоятельство, что Никоновское житіе и по составу своему отличается отъ указанныхъ двухъ редакцій. Кромѣ того, какъ я сейчасъ укажу, эта редакція находится въ тѣсной связи съ разбираемой редакціей Сказанія.

Житіе по Никоновскому тексту, какъ сказано, представляетъ не одно сокращеніе Епифаніева изложенія. Въ главѣ «О составленіи монастыря на Симановѣ», напримѣръ, разсказъ вполнѣ отличается отъ изложенія Епифанія. «Сокращенность» скорѣе

---

1) Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Серг. Посадъ 1892.

приложима къ редакціи Епифанія, гдѣ эта глава кончается словами: «Сіа же до здѣ съкратим о Симоновьскои обители; подобающее же да приложится здѣ». А въ Никоновскомъ текстѣ продолжается разсказъ о ростовскихъ епископахъ.

Указанной выше вставки о Митяѣ — *нѣтъ* въ текстѣ житія Епифанія; слѣдовательно она принадлежитъ составителю свода, включившаго житіе въ свою компиляцію.

Наконецъ — въ главѣ «О построеніи монастыря на Дубенкѣ» текстъ не только отличенъ отъ Епифаніева текста, но оба разсказа *не имѣютъ ничего общаго между собою*. Въ житіи по Никоновской редакціи *отсутствуютъ вовсе*: разсказъ о приходѣ борзоходца къ великому князю и описаніе самой битвы [1]). Вмѣсто нихъ помѣщенъ пространный разговоръ великаго князя съ преп. Сергіемъ, въ результатѣ котораго преподобный даетъ великому князю «оружниковъ», иноковъ — Пересвѣта и Ослябю.

Это мѣсто житія имѣетъ непосредственную связь съ Сказаніемъ:

Житіе Сергія (Никоновская, стр. 144—145, 11 тома П. С. Р. Л.).	Сказаніе (ibid. стр. 50—51)
По времяни же нѣкоемъ пріиде князь велики Дмитрей Ивановичь къ преподобному Сергію въ монастырь и рече ему: вѣси ли, отче, велика мя скорбь обдержитъ и печяль, и всему христіанству скорбь; слышахомъ, что Мамай ординскій князь подвиже всю Орду безбожныхъ татаръ, и идутъ на	(великій князь) ... иде ко отцу своему Кѵпріану митрополиту всея Руси и рече ему: неложно, отче, грядетъ на насъ нечестивый Мамай съ яростію во мнозѣ силѣ.

1) Разбирая Лѣтописную Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, я указалъ на то, что описаніе битвы съ Мамаемъ, помѣщенное въ главѣ о поставленіи монастыря на Дубенкѣ заимствовано Епифаніемъ изъ Лѣтописной Повѣсти.

мою отчину, на рускую землю, хотя разорити святыя церкви и погубити наше христьаньство; тѣмъ же, отче святый, помоли Бога о нашемъ христьанствѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ таковыя бѣды.

Опъ же рече: господине княже, тебѣ подобаетъ о своемь стадѣ пещися и стоати крѣпко и душу свою положити и кровь свою изліати въ Христовъ образъ, якоже Христосъ о насъ кровь свою изліа и душу свою положи; и ты, господине, поиди противу ихъ и съ истинною, и съ правдою, и съ покореніемъ, яко же пошлина твоя дръжитъ; покорятися ординскому царю должно, тако бо и великій Василей нечестиваго царя Ульяна ярящася возхотѣ дары съ смиреніемь утолити, и видѣ Господь смиреніе святаго Василія и низложивъ нечестиваго царя Ульяна, съмерти предаде; такоже и писано есть: аще убо таковіи врази хотятъ отъ насъ чти и славы, дадимъ имъ, аще имѣніа и злата и сребра хотятъ, даждь имъ, за имя же Христово и за православную вѣру душу свою положити и кровь свою проліати подобаетъ; и ты, гос-

(Кипріанъ отвѣчаетъ):

...вамъ подобаетъ православнымъ княземъ тѣхъ нечестивыхъ дарми утоляти... Тако же случися великому Василію въ Кесаріи, егда злый отступникъ Ульянъ царь, идый на Персы и хотѣ разорити градъ его Кесарію... видѣ же Господь несмирителное сердце Уліаново и посла на него воина своего святаго Меркуріа... и тако убіенъ бысть окаанный Уліанъ царь Божіею силою... Тако убо повелѣ Господь мудрѣ устрояти и исправляти: аще бо стяжаніа, и имѣніа, и злата, и сребра ищутъ гонящеи, дадите имъ, елико имате, аще ли чести и славы хотятъ, дадите имъ; аще ли вѣру вашу отъяти хотятъ, стойте крѣпко за сіе и сохраняйте всякимъ опасеніемъ. И ты убо, господине, елико можеши собрати злата и сребра, посли къ нему и исправися къ нему и укроти ярость его.

подине, честь имъ даждь, и злато и сребро даждь, а чрезъ то аще имутъ ратовати насъ, не попуститъ имъ Богъ, но уповаемъ на Бога и на пречистую Богородицу, яко ты побѣдити имаши ихъ и здравъ возвратишися съ воинствы своими, и прославитъ Господь Богъ имя твое въ родъ и родъ.

(Ibid. стр. 53, пророчество Сергія):

Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя.

И даде ему изъ монастыря своего, изъ братьи своеа, два инока, Пересвѣта и Ослебя, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще же и силу имущихъ и удалство веліе и смѣлство.

И начя просити у него князь великый Пересвѣта и Ослебя, мужества ихъ ради и полки умѣюща рядити, глаголя сице: отче, даждь ми два воина отъ своего полку чернечьскаго, дву братовъ — Пересвѣта да Ослябя. Сіи бо суть вѣдоми всѣмъ ратници велиціи и богатыри крѣпціи и смыслени зѣло къ воиньственному дѣлу и паряду.

Изъ приведеннаго сравненія вытекаетъ, что оба текста не только сходны, но въ нихъ встрѣчаются даже однѣ и тѣ же фразы. Несомнѣнно, здѣсь работа одного редактора, тѣмъ болѣе, что въ Епифаніевой редакціи Житія (и въ Пахоміевой, потому что послѣдняя лишь сокращаетъ текстъ предыдущей, не внося ничего новаго) этихъ эпизодовъ нѣтъ. Редакторъ разбираемой части Никоновскаго свода вставилъ разсказы объ Юліанѣ и двухъ инокахъ-богатыряхъ отъ себя: въ Сказаніи — въ уста Кипріану, въ Житіи — Сергію [1]). Замѣчу, что помѣщенная въ

1) Еще разъ повторю, что непонятно, почему Е. Голубинскій не отмѣтилъ этихъ особенностей Никоновскаго текста и просмотрѣлъ особую редакцію Житія?

спискахъ Никоновской лѣтописи подъ 1395 г. Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, въ свою очередь, упоминаетъ о «законопреступномъ Уліанѣ», что показываетъ, что всѣ три памятника внесены въ сводъ въ одно время.

Прославленіе Кипріана въ вышеизложенныхъ эпизодахъ совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Кипріанъ при всякомъ благопріятномъ случаѣ старался выставить себя въ положительномъ свѣтѣ. «Во второй разъ, говоритъ Е. Голубинскій (II, стр. 339), Кипріанъ ѣздилъ въ Литовскую Русь въ 1404 г. Пробывъ нѣкоторое время у Витовта, при чемъ, по словамъ Никоновской лѣтописи (*которыя, очень можетъ, принадлежатъ самому Кипріану* [1]), видѣлъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ пановъ и отъ всей земли». У Кипріана, говоритъ тотъ же авторъ, могло явиться личное побужденіе связать свое имя съ Петромъ митрополитомъ, поэтому онъ могъ вести современную лѣтопись, гдѣ выставлялъ себя. Этихъ лѣтописныхъ записей Кипріана, писаныхъ имъ ли самимъ, или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, мы не имѣемъ въ отдѣльномъ видѣ, говоритъ Е. Голубинскій. «Но въ разсказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кипріановомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое со всею вѣроятностью». (II, 354).

Въ своихъ посланіяхъ Сергію Радонежскому Кипріанъ употребляетъ выраженія, сходныя съ встрѣчающимися въ Сказаніи: «А ѣду *къ сыну своему* ко князю къ великому на Москву»; «азъ же *святитель* есмь, а не ратный человѣкъ»; «елико стремленіе и повиновеніе и любовъ имѣете къ святѣй Божіей Церкви и *к нашемоу смиренію*, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ». (Прав. Соб. 1860, 2). Кипріанъ въ своихъ посланіяхъ отзывался и о Митяѣ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ, который повторяли вышеприведенные о немъ разсказы:... «какъ оу васъ стоитъ

1) Курсивъ мой.

на митрополицѣ мѣстѣ чернець в манатіи святительской и въ клобоуцѣ и перемонатка святительская на немъ, и посохъ в роукахъ? И гдѣ *сие бещиніе и злое дѣло слышалося*? ни в которыхъ книгахъ. Аще братъ мой (св. Алексій) преставилъся: *азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія*. Не оумѣти было ему наслѣдника оставляти при своей смерти. Коли слышалося, преже поставленія възлагати на кого святительскыя одежи, ихже нелзѣ иному никому же носити, но токмо святителемъ единемъ? *Како же ли смѣеть стояти на мѣстѣ святительскомъ? не блюдеть ли ся казни Божіа*? А еще страшно и трепетно, и всякіа грозы исполнено, еже створить: садится въ святомъ олтари на намѣстномъ мѣстѣ. Вѣруйте, братія, *яко лоучше бы емоу не родитися*». (Прав. Соб. 1860, 2, стр. 93—94). — Вотъ источникъ нападокъ на Митяя въ Никоновскомъ сводѣ!

Итакъ связь разбираемаго вставного эпизода — разговора великаго князя съ Кипріаномъ — съ другими мѣстами лѣтописнаго свода заставляетъ предполагать, что этотъ эпизодъ не существовалъ въ протографѣ Сказанія, но былъ внесенъ редакторомъ, который принадлежалъ къ убѣжденнымъ сторонникамъ Кипріана, возвеличивавшимъ память его въ потомствѣ.

Упоминаніе въ Сказаніи и Житіи о Пересвѣтѣ и Ослябѣ легко объясняетъ появленіе въ Сказаніи и второго эпизода — Похода великаго князя въ обитель преп. Сергія, гдѣ старецъ благословляетъ его, даетъ двухъ иноковъ богатырей и предрекаетъ побѣду надъ татарами. Весь эпизодъ о посѣщеніи великимъ княземъ обители взятъ въ Сказаніе изъ Житія по Никоновской редакціи, почему и эту вставку слѣдуетъ отнести къ работѣ того же редактора.

О храбрости иноковъ Пересвѣта и Осляби, очевидно, уже давно ходило какое-то особое сказаніе, несомнѣнно устное. Лѣтописная Повѣсть не упоминаетъ о немъ, но занесеніе имени Пересвѣта въ синодикъ показываетъ, что онъ былъ чѣмъ-то отличенъ. Это устное сказаніе было извѣстно Софоніи, который

и воспользовался имъ для Повѣданія: «Пересвѣта черница брянскаго боярина [1]) на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ великому князю Дмитрію... лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганыхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, брате, стару помолодѣти, а молодому чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядѣ, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича».

Въ этомъ поэтическомъ изложеніи нѣтъ фактическаго матеріала. Упоминаніе объ инокахъ-богатыряхъ въ Повѣданіи могло побудить редактора вставить этотъ эпизодъ и въ Сказаніе и въ Житіе, причемъ само преданіе о богатырствѣ Пересвѣта и Осляби было извѣстно редактору изъ непосредственнаго источника, потому что въ его изложеніи гораздо больше фактовъ: иноки прежде были храбрыми воинами, были извѣстны великому князю; передъ отправленіемъ на битву, оба принимаютъ схиму. Оба — погибаютъ въ битвѣ, причемъ Пересвѣтъ въ самомъ началѣ — въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ, гигантомъ.

Это единоборство составляетъ отмѣченный мною отдѣльный вставной эпизодъ Сказанія, тѣсно примыкающій, какъ теперь видно, къ эпизоду о походѣ великаго князя къ Троицѣ. Пересвѣтъ изображается въ этомъ эпизодѣ героемъ, такъ какъ онъ былъ «начальникомъ» славной битвы и сразилъ самаго сильнаго татарскаго богатыря, который могъ причинить большой уронъ русскому войску. Сказаніе ниже оттѣняетъ эту заслугу Пересвѣта: великій князь, при объѣздѣ побоища «прiиде на другое мѣсто и видѣ Сергіева черньца Пересвѣта и близъ его нарочитаго богатыря татарьского и,

1) Такъ его называетъ и Лѣтописная Повѣсть и Тверская лѣтопись.

обратився, рече къ сущимъ съ нимъ: видите, братіе, начялника, той бо побѣди подобна себѣ; отъ того было многимъ пити горкую чашу».

Свѣдѣнія объ Ослябѣ и Пересвѣтѣ неустойчивы. Пересвѣтъ называется то брянскимъ бояриномъ, какъ выше, то любчанином; въ Лаврскомъ обиходникѣ Ослябя называется Иродіономъ, бояриномъ любутскимъ, посланнымъ въ 1398 году въ Царьградъ, значитъ, онъ остался въ живыхъ послѣ 1380 г. Келарь Симонъ Азарьинъ зоветъ его въ Житіи Андреемъ. Въ актѣ о мѣстничествѣ Бутурлина съ Плещеевымъ Ослябя Андрей упоминается въ числѣ бояръ Кипріана въ 1390—1393 гг. Въ Повѣданіи онъ названъ Яковомъ и представляется убитымъ на бою. Въ рукописныхъ святцахъ XVII в. указано, что воины Адріанъ Ослябя и Александръ Пересвѣтъ, принесенные съ битвы, были схоронены въ Симоновомъ монастырѣ близъ деревянной церкви Рождества Богородицы въ каменной палаткѣ подъ колокольней, и надъ ними поставлены каменныя плиты безъ надписей. Наоборотъ — въ Синодикахъ (слѣдовательно и въ Лѣтописной Повѣсти) указанія на смерть Осляби на бою — нѣтъ. Наконецъ, объ инокахъ-богатыряхъ, какъ погибшихъ на бою, упоминаетъ въ своей челобитной 1548—1549 гг. Иванъ Пересвѣтовъ: «служу тебѣ, государю благовѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, какъ служили вѣрно государемъ руским великим княземъ, твоим пращурам и прадѣдам, Пересвѣтъ и Ослебя в чернцахъ и въ схиме со благословением Сергия чюдотворца на Донъскомъ побоище при великомъ князе Дмитрее Ивановиче, за вѣру християнскую, за святые церкви і за честь государю пострадали, главы свои положили». (Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1902, 4). Такимъ образомъ, эпическое преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ въ началѣ XVI вѣка уже успѣло сдѣлаться фамильнымъ преданіемъ [1]).

1) Я предлагаю сравнить другое фамильное преданіе, основанное также на эпическомъ разсказѣ изъ Куликовской битвы: дворяне Челищевы въ пятомъ колѣнѣ считаютъ своимъ родоначальникомъ Михаила Андреевича Бренка,

Противорѣчіе свѣдѣній и несогласіе ихъ съ исторической дѣйствительностью показываетъ, что эпизоды о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, находящіеся въ Повѣданіи и Сказаніи, представляютъ обломки преданія объ инокѣ-богатырѣ, преданія, кончавшагося единоборствомъ.

Итакъ, три разобранныхъ эпизода: О Кипріанѣ, посѣщеніи обители преп. Сергія и двухъ инокахъ этой обители — богатыряхъ находятся въ связи между собою и принадлежатъ одному редактору.

Въ Никоновской лѣтописи подъ 1395 годомъ помѣщена «Повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака». Никоновская лѣтопись держится, по словамъ А. А. Шахматова, первоначальной редакціи, *но подновляетъ ее по своему*. Изъ сравненія со Сказаніемъ въ обѣихъ повѣстяхъ замѣчается много точекъ соприкосновенія.

Заглавіе Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ такъ же витіевато, какъ въ Сказаніи, и избавленіе отъ татарскаго нашествія приписано также чуду: «Повѣсть на стрѣтеніе чюдотворнаго образа пречистыя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Маріа, его же написа богогласный евангелистъ Лука, самовидно зря на истинную Богородицу при животѣ Ея, и како божественая та икона бысть въ Рустѣй земли, первое во градѣ Кіевѣ, и въ Вышеградѣ въ церкви преславно на въздусѣ являяся, и како преиде во градъ Владимерь и отнелѣ же наричашеся икона Владимерская, и ея же ради вины пріиде въ боголюбивый царствующій градъ Москву, и паче надежда сугубо чюдесно избавленіе намъ содѣя отъ нахожденіа безбожнаго и зловѣрнаго отъ царя Темирь-Аксака, и о составленіи монастыря, идѣ же срѣтоша той пречестный Богоматери образъ».

Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ много общаго съ пріемами Сказанія. Въ немъ:

убитаго вмѣсто великаго князя на Мамаевомъ побоищѣ. У него — сынъ Ѳедоръ Михайловичъ *Чело*. (См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ. Спб. 1893, стр. 3—5).

1) Темиръ-Аксакъ озлобляется «яко вторый Батый» и похваляется выступить на Русь совершенно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ Мамай. Перечисляются орды, которыми онъ владѣетъ.

2) Упоминается, какъ выше указано, о «законопреступномъ Юліанѣ».

3) Тонъ въ отношеніи къ Кипріану — хвалебный: цѣлая глава посвящена ему: «О прилежномъ моленіи Кипріана митрополита»; въ ней говорится, что Кипріанъ «украшалъ» престолъ русской митрополіи. Кипріанъ встрѣчаетъ великаго князя Василія Дмитріевича и князя Владимира Андрѣевича совершенно такъ же, какъ онъ въ Сказаніи встрѣчаетъ Дмитрія Донского и вообще изображается принимающимъ главное участіе въ событіи.

4) Молитвы о помощи на врага возсылаются постоянно къ чудотворцамъ святителю Петру и преподобному Сергію, какъ и въ Сказаніи.

5) Содержаніе молитвъ по тексту весьма сходно въ обѣихъ повѣстяхъ, особенно «Всенародное моленіе передъ образомъ пресвятыя Богородица» содержитъ въ себѣ буквальныя выраженія изъ молитвъ Сказанія.

6) Во снѣ Темиръ-Аксаку являются святители, «имуще жезлы златы въ рукахъ своихъ». Подобное же видѣніе является Семену Онтонову и Василію Капицѣ въ Сказаніи. Выше я говорилъ, что видѣніе Ѳомы Кацыбѣева взято изъ Лѣтописной Повѣсти, разсказъ же о видѣніи Онтонова и Капицы слѣдовательно относится къ редакторской обработкѣ Сказанія [1]).

7) Кончается Повѣсть разсказомъ о смерти Темиръ-Аксака

---

1) Сказаніе о Владимирской иконѣ находится еще въ сборникѣ Чудова монастыря № 62/264, XVI в. (изданъ М. Н. Сперанскимъ) Въ чудовскомъ текстѣ разсказа о снѣ Темиръ-Аксака *нѣтъ*, въ Воскресенской лѣтописи помѣщено *иное* видѣніе, а текстъ Повѣсти по Воскресенской лѣтописи представляетъ первоначальную редакцію. Слѣдовательно разсказъ о видѣніи Темиръ-Аксакомъ святителей съ жезлами, повторенный и въ Сказаніи — принадлежитъ одному лицу.

Итакъ, литературная исторія 1 редакціи можетъ быть представлена, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

1) Протографъ 1 редакціи, состоявшій изъ соединенія Лѣтописной Повѣсти, типа текста Дубровскаго, съ девятью вставными эпизодами, представляющими развитіе мыслей Лѣтописной Повѣсти (посланіе грамотъ — посланіе 1 и 2 стражи — смущеніе союзниковъ — посланіе 3 стражи — примѣты Волынца — чудесныя видѣнія — разсказъ о Бренкѣ — засадный полкъ — розыски великаго князя) — *не дошелъ*.

2) Изъ соединенія протографа съ тремя разсказами, соединенными общей идеей (разговоры съ Кипріаномъ — походъ великаго князя къ Троицѣ — единоборство Пересвѣта и татарскаго богатыря), *произошла Кипріановская редакція*, находившаяся въ предполагаемомъ мною митрополичьемъ сводѣ.

3) Кипріановская редакція *была оригиналомъ первой редакціи*, находящейся въ Никоновскомъ сводѣ подъ 1380 годомъ. Эта первая редакція нѣсколько отлична отъ своего оригинала: прибавлены были заглавіе и вступленіе, переработано заключеніе оригинала, видоизмѣненъ слогъ, и вставленъ разсказъ о видѣніи Василія Капицы. Матеріаломъ для дополненій этой первой редакціи послужило, правда — въ незначительной степени, Повѣданіе — писаніе Софоніи.

Никоновскій сводъ составленъ въ 1550 году, Кипріановская редакція Сказанія, какъ указано — до половины XV вѣка: за сто лѣтъ существованія, конечно, могла явиться разница между оригиналомъ и его спискомъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи слога.

4) Болѣе близкій къ оригиналу текстъ 1 редакціи Сказанія заключаютъ всѣ неинтерполированные списки Никоновской лѣтописи.

Обращусь къ характеристикѣ 1 редакціи.

Близко держась плана Лѣтописной Повѣсти, первая редакція Сказанія не искажаетъ исторической дѣйствительности. Врагами Дмитрія являются въ союзѣ съ Мамаемъ — Олегъ и Ягайло. Послѣдній вступилъ въ союзъ съ татарами изъ за политическихъ

соображеній: ему невыгодно было видѣть усиленіе Москвы, кромѣ того — подъ протекторатомъ великаго князя находились его братья. «Iagiełło chwycił się tego wezwania, raz, że rokoszanin i pretendent Wingolt Andrzey oraz Dymitr Korybutt, bracia, protegowani byli przez Wielkiego Xieżęcia Dymitra, zkąd przewidywaly się niepokoie dla kraiu» [1]).

Анахронизмовъ въ разбираемой редакціи — *нѣтъ*. Выше я указывалъ на причину появленія образа Богородицы, «Лукина письма». Встрѣчающіеся имена князей и воеводъ заимствованы, очевидно, изъ московскихъ разрядныхъ книгъ — источника, на который указываетъ А. А. Шахматовъ. Упоминаніе объ Андреѣ и Дмитріи Ольгердовичахъ и пріѣхавшемъ съ ними Дмитріи Волынцѣ, ихъ краткое прославленіе: «сіи же князи помощи о Бозѣ сътвориша много великому князю Дмитрею Ивановичю», указаніе на ихъ участіе при переходѣ черезъ Донъ — имѣетъ соотвѣтствіе въ литовскихъ лѣтописяхъ. Имена убитыхъ, заимствованныя въ Лѣтописной Повѣсти изъ синодика, отсутствуютъ въ первой редакціи, но въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ поля битвы, разсказѣ, представляющемъ лишь развитіе указаннаго перечисленія, можно встрѣтиться съ тѣми же именами. Географическія указанія не представляютъ уклоненія отъ дѣйствительности. Куликово поле, находящееся въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, протяженіемъ имѣетъ 18 верстъ (старинныхъ 10), и въ книгѣ Большого Чертежа границами его указываются, между прочимъ, рѣки Донъ и Непрядва. Переправа черезъ Оку произошла, по преданію, близъ мѣста, называемаго нынѣ «Четыре церкви», въ Каширскомъ уѣздѣ. Путь на древній городъ Березуй идетъ нынѣ по Епифанской большой дорогѣ, мимо теперешняго села Березова (древній — Березуй). Около села Милославщины, на берегу Дона близъ впаденія Непрядвы, былъ русскій лагерь, на высохшей рѣчкѣ Себинкѣ. Гдѣ теперь стоитъ Сабуровъ хуторъ, указы-

1) Narbutt. Dzieie narodu Litewskiego. V, стр. 267.

въ то время, когда онъ вновь собирался итти войной на Русь. Мамай въ Сказаніи погибаетъ при такихъ же обстоятельствахъ.

Подобное сходство текста Сказанія и Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ заставляетъ предполагать, что протографы этихъ Повѣстей, занесенные въ Никоновскую лѣтопись, подверглись *одинаковой* редакціонной обработкѣ. На первомъ планѣ въ этой обработкѣ выставлялась личность Кипріана, а также почитаніе святителя Петра и преподобнаго Сергія, который уже зовется чудотворцемъ. Помѣщенныя въ Никоновской лѣтописи объ повѣсти слѣдовательно *были обработаны редакторомъ лѣтописнаго свода*, вошедшаго впослѣдствіи въ составъ Никоновской лѣтописи.

При допущеніи положенія, что редакторъ лѣтописнаго свода, включивъ въ него Сказаніе и Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, дополнилъ ихъ и видоизмѣнилъ съ своей точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему въ Сказаніи великій князь Дмитрій изображается молящимся «предо образомъ пречистыа Богородицы, юже Лука евангелистъ написа». Изслѣдователи, начиная съ Карамзина, видѣли въ этомъ только «грубый анахронизмъ», на самомъ же дѣлѣ образъ Лукина письма попалъ въ Сказаніе на основаніи Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ, гдѣ, дѣйствительно, избавленіе русской земли приписывается чуду отъ иконы Владимирской Божьей Матери, писаной евангелистомъ Лукою. Въ протографѣ Сказанія, весьма возможно, не было этого «анахронизма»; и въ первой редакціи Сказанія на это свидѣтельство не надо смотрѣть, какъ на анахронизмъ, происшедшій отъ незнанія, а какъ на риторическій пріемъ: чтобы придать бо́льшую святость образу, редакторъ назвалъ его иконою Лукина письма.

3) *Время составленія первой редакціи.*

Вопросъ о времени составленія первой редакціи Сказанія опредѣляется съ одной стороны отношеніемъ разбираемой редакціи къ Житію преп. Сергія. Выше я указалъ, что редакторъ вставилъ эпизоды объ Юліанѣ и двухъ инокахъ — Пересвѣтѣ и Ослябѣ одновременно и въ Сказаніе и въ Житіе. Слѣдовательно,

послѣднее уже было написано къ тому времени, какъ составлялась первая редакція Сказанія. Само заглавіе его, приписывающее побѣду чуду Божьей Матери и святыхъ Петра и Сергія, показываетъ, что Житіе уже было извѣстно редактору [1]).

Епифаніева редакція житія окончена въ 1418 году, прославленіе же Сергія началось лѣтъ черезъ 30 послѣ его кончины, т. е. около 1422 года, т. е. съ этого времени началось мѣстное его почитаніе. Начало же всеобщаго празднованія ему восходитъ не далѣе конца первой половины XV вѣка [2]). Слѣдовательно, первая редакція (Кипріановская) Сказанія не могла появиться ранѣе 1422 года.

Съ другой стороны она не можетъ быть очень удалена отъ этой даты: слишкомъ въ ней свѣжа память о Кипріанѣ (умеръ въ 1406 г.). Въ виду этого время составленія Кипріановской редакціи всего вѣроятнѣй слѣдуетъ относить къ началу второй четверти XV вѣка, т. е. послѣ 1425 года.

Я только что назвалъ разбираемую редакцію — *Кипріановской*, предлагаю оставить за ней это названіе, такъ какъ она, какъ было видно изъ разбора, главное вниманіе отводитъ прославленію Кипріана и носитъ партійную окраску. Составитель этой редакціи, вѣроятно, былъ изъ митрополичьей канцеляріи, человѣкъ, такъ или иначе зависѣвшій отъ Кипріана. Нужно думать, что онъ или составлялъ, или продолжалъ лѣтопись, центральной фигурой которой являлся митрополитъ Кипріанъ. Въ этотъ частный лѣтописный сводъ вносились различныя литературныя произведенія, которымъ придавалась тенденціозная окраска. Этотъ лѣтописный сводъ вошелъ, впослѣдствіи, въ составъ Никоновской лѣтописи. Въ этомъ сводѣ находился и оригиналъ разбираемой редакціи Сказанія.

---

1) Ср. и въ текстѣ Сказанія: «Такова убо бысть побѣда и помощь Божіа и чюдеса и знаменіа Божіа Матере и великаго чюдотворца Петра и преподобнаго игумена Сергіа и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба и всѣхъ святыхъ».

2) Васильевъ. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Чт. въ О. И. и Д. Р. 1893, III.

Итакъ, литературная исторія 1 редакціи можетъ быть представлена, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

1) Протографъ 1 редакціи, состоявшій изъ соединенія Лѣтописной Повѣсти, типа текста Дубровскаго, съ девятью вставными эпизодами, представляющими развитіе мыслей Лѣтописной Повѣсти (посланіе грамотъ — посланіе 1 и 2 стражи — смущеніе союзниковъ — посланіе 3 стражи — примѣты Волынца — чудесныя видѣнія — разсказъ о Бренкѣ — засадный полкъ — розыски великаго князя) — *не дошелъ*.

2) Изъ соединенія протографа съ тремя разсказами, соединенными общей идеей (разговоры съ Кипріаномъ — походъ великаго князя къ Троицѣ — единоборство Пересвѣта и татарскаго богатыря), *произошла Кипріановская редакція*, находившаяся въ предполагаемомъ мною митрополичьемъ сводѣ.

3) Кипріановская редакція *была оригиналомъ первой редакціи*, находящейся въ Никоновскомъ сводѣ подъ 1380 годомъ. Эта первая редакція нѣсколько отлична отъ своего оригинала: прибавлены были заглавіе и вступленіе, переработано заключеніе оригинала, видоизмѣненъ слогъ, и вставленъ разсказъ о видѣніи Василія Капицы. Матеріаломъ для дополненій этой первой редакціи послужило, правда — въ незначительной степени, Повѣданіе — писаніе Софоніи.

Никоновскій сводъ составленъ въ 1550 году, Кипріановская редакція Сказанія, какъ указано — до половины XV вѣка: за сто лѣтъ существованія, конечно, могла явиться разница между оригиналомъ и его спискомъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи слога.

4) Болѣе близкій къ оригиналу текстъ 1 редакціи Сказанія заключаютъ всѣ неинтерполированные списки Никоновской лѣтописи.

Обращусь къ характеристикѣ 1 редакціи.

Близко держась плана Лѣтописной Повѣсти, первая редакція Сказанія не искажаетъ исторической дѣйствительности. Врагами Дмитрія являются въ союзѣ съ Мамаемъ — Олегъ и Ягайло. Послѣдній вступилъ въ союзъ съ татарами изъ за политическихъ

соображеній: ему невыгодно было видѣть усиленіе Москвы, кромѣ того — подъ протекторатомъ великаго князя находились его братья. «Iagiełło chwycił się tego wezwania, raz, że rokoszanin i pretendent Wingolt Andrzey oraz Dymitr Korybutt, bracia, protegowani byli przez Wielkiego Xiężęcia Dymitra, zkąd przewidywaly się niepokoie dla kraiu» [1]).

Анахронизмовъ въ разбираемой редакціи — *нѣтъ*. Выше я указывалъ на причину появленія образа Богородицы, «Лукина письма». Встрѣчающіеся имена князей и воеводъ заимствованы, очевидно, изъ московскихъ разрядныхъ книгъ — источника, на который указываетъ А. А. Шахматовъ. Упоминаніе объ Андреѣ и Дмитріи Ольгердовичахъ и пріѣхавшемъ съ ними Дмитріи Волынцѣ, ихъ краткое прославленіе: «сіи же князи помощи о Бозѣ сътвориша много великому князю Дмитрею Ивановичю», указаніе на ихъ участіе при переходѣ черезъ Донъ — имѣетъ соотвѣтствіе въ литовскихъ лѣтописяхъ. Имена убитыхъ, заимствованныя въ Лѣтописной Повѣсти изъ синодика, отсутствуютъ въ первой редакціи, но въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ поля битвы, разсказѣ, представляющемъ лишь развитіе указаннаго перечисленія, можно встрѣтиться съ тѣми же именами. Географическія указанія не представляютъ уклоненія отъ дѣйствительности. Куликово поле, находящееся въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, протяженіемъ имѣетъ 18 верстъ (старинныхъ 10), и въ книгѣ Большого Чертежа границами его указываются, между прочимъ, рѣки Донъ и Непрядва. Переправа черезъ Оку произошла, по преданію, близъ мѣста, называемаго нынѣ «Четыре церкви», въ Каширскомъ уѣздѣ. Путь на древній городъ Березуй идетъ нынѣ по Епифанской большой дорогѣ, мимо теперешняго села Березова (древній — Березуй). Около села Милославщины, на берегу Дона близъ впаденія Непрядвы, былъ русскій лагерь, на высохшей рѣчкѣ Себинкѣ. Гдѣ теперь стоитъ Сабуровъ хуторъ, указы-

1) Narbutt. Dzieie narodu Litewskiego. V, стр. 267.

спискахъ Никоновской лѣтописи подъ 1395 г. Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, въ свою очередь, упоминаетъ о «законопреступномъ Уліанѣ», что показываетъ, что всѣ три памятника внесены въ сводъ въ одно время.

Прославленіе Кипріана въ вышеизложенныхъ эпизодахъ совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Кипріанъ при всякомъ благопріятномъ случаѣ старался выставить себя въ положительномъ свѣтѣ. «Во второй разъ, говоритъ Е. Голубинскій (II, стр. 339), Кипріанъ ѣздилъ въ Литовскую Русь въ 1404 г. Пробывъ нѣкоторое время у Витовта, при чемъ, по словамъ Никоновской лѣтописи (*которыя, очень можетъ, принадлежатъ самому Кипріану* [1]), видѣлъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ пановъ и отъ всей земли». У Кипріана, говоритъ тотъ же авторъ, могло явиться личное побужденіе связать свое имя съ Петромъ митрополитомъ, поэтому онъ могъ вести современную лѣтопись, гдѣ выставлялъ себя. Этихъ лѣтописныхъ записей Кипріана, писаныхъ имъ ли самимъ, или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, мы не имѣемъ въ отдѣльномъ видѣ, говоритъ Е. Голубинскій. «Но въ разсказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кипріановомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое со всею вѣроятностью». (II, 354).

Въ своихъ посланіяхъ Сергію Радонежскому Кипріанъ употребляетъ выраженія, сходныя съ встрѣчающимися въ Сказаніи: «А ѣду *къ сыну своему* ко князю къ великому на Москву»; «азъ же *святитель* есмь, а не ратный человѣкъ»; «елико стремленіе и повиновеніе и любовъ имѣете къ святѣй Божіей Церкви и *к нашемоу смиренію*, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ». (Прав. Соб. 1860, 2). Кипріанъ въ своихъ посланіяхъ отзывался и о Митяѣ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ, который повторяли вышеприведенные о немъ разсказы:... «какъ оу васъ стоитъ

1) Курсивъ мой.

на митрополицѣ мѣстѣ чернець в манатіи святительской и въ клобоуцѣ и персмонатка святительская на немъ, и посохъ в роукахъ? И гдѣ *сие бещиніе и злое дѣло слышалося*? ни в которыхъ книгахъ. Аще братъ мой (св. Алексій) преставилъся: *азъ есмь святитель на его мѣсть, моя есть митрополія*. Не оумѣти было ему наслѣдника оставляти при своей смерти. Коли слышалося, преже поставленія възлагати на кого святительскыя одежи, ихже нелзѣ иному никому же носити, но токмо святителемъ единемъ? *Како же ли смѣеть стояти на мѣсть святительскомъ? не блюдеть ли ся казни Божіа*? А еще страшно и трепетно, и всякіа грозы исполнено, еже створить: садится въ святомъ олтари на намѣстномъ мѣстѣ. Вѣруйте, братія, *яко лоучше бы емоу не родитися*». (Прав. Соб. 1860, 2, стр. 93—94). — Вотъ источникъ нападокъ на Митяя въ Никоновскомъ сводѣ!

Итакъ связь разбираемаго вставного эпизода — разговора великаго князя съ Кипріаномъ — съ другими мѣстами лѣтописнаго свода заставляетъ предполагать, что этотъ эпизодъ не существовалъ въ протографѣ Сказанія, но былъ внесенъ редакторомъ, который принадлежалъ къ убѣжденнымъ сторонникамъ Кипріана, возвеличивавшимъ память его въ потомствѣ.

Упоминаніе въ Сказаніи и Житіи о Пересвѣтѣ и Ослябѣ легко объясняетъ появленіе въ Сказаніи и второго эпизода — Похода великаго князя въ обитель преп. Сергія, гдѣ старецъ благословляетъ его, даетъ двухъ иноковъ богатырей и предрекаетъ побѣду надъ татарами. Весь эпизодъ о посѣщеніи великимъ княземъ обители взятъ въ Сказаніе изъ Житія по Никоновской редакціи, почему и эту вставку слѣдуетъ отнести къ работѣ того же редактора.

О храбрости иноковъ Пересвѣта и Осляби, очевидно, уже давно ходило какое-то особое сказаніе, несомнѣнно устное. Лѣтописная Повѣсть не упоминаетъ о немъ, но занесеніе имени Пересвѣта въ синодикъ показываетъ, что онъ былъ чѣмъ-то отличенъ. Это устное сказаніе было извѣстно Софоніи, который

побоища. По 1 редакціи, великій князь «прінде на другое мѣсто и видѣ Сергіева черньца Пересвѣта и *близъ его нарочитаю богатыря татарьскаго*», обращается къ воинамъ, прося ихъ воздать всяческую почесть «начинателю» битвы, отнявшему у врага богатырскую силу — своего противника, отъ котораго многимъ пришлось бы пить горькую чашу. Картина — ясна. Между тѣмъ, во 2 редакціи это мѣсто читается такъ: «прінде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта черница и близ его лежаща нарочитаго богатыря *Григорья Капустина* и рече»... Это неожиданное русское имя встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи и въ хронографномъ сокращеніи Сказанія. Въ текстъ оно попало безусловно съ полей рукописи, на которой внизу могла быть помѣта, очевидно, запись о принадлежности списка какому-нибудь лицу, вродѣ: Сія книга (такого-то) Григорія Капустина. Ср. приписку по листамъ рукописи кн. Оболенскаго: «Книга Мамаево побоище окольничего Василья Никифорова Собакина, а подписалъ сію книгу по приказу государя своего окольничего Василья Никифорова Собакина человѣкъ его Аввакумъ Павловъ лѣта 1677 апрѣля въ 30 день»[1]).

Перейду ко второй категоріи.

Редакторская работа выразилась прежде всего, въ *улучшеніи текста* Сказанія.

1) Первая редакція, я говорилъ, держится не только плана Лѣтописной Повѣсти, но сохраняетъ буквальныя ея выраженія. Эти заимствованныя изъ Лѣтописной Повѣсти мѣста — *всѣ выпущены второй редакціей*, чѣмъ окончательно нарушена связь между этими двумя памятниками:

а) пропущенъ разсказъ объ остановкѣ великаго князя у усть Лопасны рѣки, о приходѣ къ нему сюда Тимофея Васильевича тысяцкаго, о запрещеніи великимъ княземъ производить какія-либо насилія въ резанской землѣ, затѣмъ — указаніе, что въ Москвѣ были оставлены воеводы у великокняжескаго семей-

1) См. Рус. Ист. Сбор. III, предисловіе Снегирева VI—VII.

ства и у Кипріана, и плачъ земли русской по случаю похода на татаръ;

б) выпущено все, что касается устроенія и движенія войска, числа воиновъ, что всюду старательно отмѣчаетъ 1 редакція, основываясь на Лѣтописной Повѣсти. Нѣтъ постояннаго указанія на численность войска — 400 тысячъ; опущенъ разсказъ о стычкѣ сторожевыхъ полковъ, послѣ которой великій князь вернулся въ передовой полкъ; нѣтъ описанія готовящагося къ бою войска, описанія Куликова поля: «бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть рѣки Непрядвы»; выпущено указаніе, какъ враги начинаютъ сходиться «съ шеломянеи». Первая редакція, наоборотъ, два раза [1]) подробно останавливается на этомъ описаніи: «И бѣ уже 6 часъ дни, сходящимся имъ на усть Непрядвы рѣки, и се внезаапу сила великаа татарьскаа борзо *съ шоломяни* грядуще, и ту пакы не поступающе сташа, ибо нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступится; и тако сташа, копіа покладше, стѣна у стѣны, кождо ихъ на плещу преднихъ своихъ, имуще предніи краче, а задніи должае. А князь велики такоже съ великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу имъ. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великіа съпимающеся на кровопролитіе, на скорую съмерть», — во второй редакціи всего этого повторенія нѣтъ;

в) опуская все, что касается тактической стороны, вторая редакція сокращаетъ, естественно, и формулу боя, которая въ первой начинается такъ же, какъ въ Лѣтописной Повѣсти;

г) выпущены заимствованные 1 редакціей изъ Лѣтописной Повѣсти эпизоды: увѣщательная рѣчь великаго князя о переправѣ черезъ Донъ и о желаніи принести себя въ жертву за отечество, приказъ о наведеніи мостовъ и о разрушеніи ихъ въ тылу, указаніе на приходъ звѣрей и птицъ, ожидающихъ побоища и разсужденіе по этому поводу: «гдѣ будетъ трупъ, тамо съберутся орли»;

---

1) Разсказъ прерывается только эпизодомъ о Бренкѣ.

д) разсказъ о бѣгствѣ Мамая, составленный въ 1 редакціи по Лѣтописной Повѣсти, представляется весьма сокращеннымъ и измѣненнымъ во 2-й: прибавлены имена боговъ, которыхъ призывалъ Мамай — «Пероуна и Соловата и Мокоша и Раклѣя и Гоурса», нѣтъ указаній на преслѣдованіе его до рѣки Мечи;

е) буквально взятые въ 1 редакцію эпизоды Лѣтописной Повѣсти: указаніе на то, что великій князь бился съ татарами «на первомъ сступѣ», что бояре увѣщевали его беречь себя, отвѣтъ его, доказывавшій, что онъ, стоя назади, не можетъ подавать имъ никакого примѣра, внѣшняя характеристика великаго князя и наконецъ перечисленіе убитыхъ «на сступѣ» — цѣликомъ выпущены во 2 редакціи.

2) Замѣчается стремленіе освободиться *отъ риторическихъ украшеній первой редакціи*, выражающееся или въ сокращеніи или въ замѣнѣ ихъ другими:

а) вмѣсто сравненія Батыя съ Навуходоносоромъ царемъ Вавилонскимъ, Антіохомъ, царемъ Антіохійскимъ и Титомъ, царемъ Римскимъ — 2 редакція говоритъ просто: «якоже халдѣй». И дальше, въ отвѣтѣ Батыя союзникамъ мысль развивается проще: «но чести вашея хощоу, говоритъ Батый, моим имянем, а вашею силою распоужен боудет княз Дмитреи московскои, да огрозится имя мое во странах ваших, а мнѣ царю достойно подобна себѣ бысть, доволен есми царския чти». Въ 1 редакціи отвѣтъ Батыя высокопарнѣй: онъ обѣщаетъ избавить союзниковъ «отъ насильства и отъ обиды», зоветъ всюду великаго князя своимъ «улусникомъ», который отъ одного имени царева долженъ убѣжать въ «далныа и непроходимыа мѣста», ему, царю — не достойно воевать съ такимъ ничтожествомъ: «подобаетъ мнѣ побѣдити подобна себѣ нѣкоего великаго и силнаго и славнаго царя, якоже царь Александръ Македоньскый побѣди Даріа царя Перскаго и Пора царя Индѣйскаго, таковаа побѣда моему царскому имени достоитъ и величество мое славится по всѣмъ землямъ». Въ 1 редакціи тонъ болѣе выдержанъ:

оттѣнено высокомѣріе Батыя; 2 редакція упрощаетъ текстъ, но имѣетъ въ виду сохранить тоже впечатлѣніе.

б) Упрощеніе текста замѣчается и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ напримѣръ — въ разсказѣ о Ѳомѣ Кацибѣѣ сказано, что онъ былъ «разбойникъ», а не «иже бысть нѣкогда разбойникъ и въ покаяніе приде»; въ разсказѣ объ утрѣ боя: «и бысть утра мгла» — вм. «мгла велія по всей землѣ, аки тма» и пр.

в) Рѣчь великаго князя передъ битвой во 2 редакціи въ простыхъ выраженіяхъ и сокращенно передаетъ мысль первой, гдѣ сказано: «возлюбленніи отцы и братіа... вси бо есмы отъ мала и до велика братіа едини, внуци Адамли, родъ и племя едино, едино крещеніе, едина вѣра христіанскаа, единаго Бога имѣемъ Господа нашего Іисуса Христа, въ Троицѣ славимаго; умремъ въ сій часъ за имя Его святое и за православную вѣру и за святыа церкви и за братію нашу за все православное христіанство». И воины, «слышавше сіе... мужествени быша, яко орли летающе и яко лвы рыкающе на татарьскыа полкы». Вторая редакція сокращаетъ эту рѣчь, и великій князь представляется просто увѣщевающимъ воиновъ — оставить земныя попеченія, думать о будущей жизни: «да венцы оувяземся отъ Христа Бога душам нашим». Здѣсь вторая редакція очень кстати вспоминаетъ то, что сказалъ великому князю о вѣнцахъ преподобный Сергій. Риторическаго описанія мужественной готовности русскихъ къ бою — нѣтъ.

г) Значительно сокращенъ весь разсказъ о единоборствѣ: нѣтъ описанія внѣшности татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, который во 2 редакціи не носитъ имени и названъ печенѣгомъ. Витіеватая рѣчь Пересвѣта, просящаго Бога о побѣдѣ, «якоже древле Давиду на Голіада» — замѣнена короткимъ обращеніемъ къ Ослябѣ и великому князю. Характеристика Пересвѣта — опущена. Надо думать однако, что редактору было всетаки извѣстно преданіе о Пересвѣтѣ, онъ названъ «любчанинъ родомъ» — чего въ 1 редакціи нѣтъ.

д) Въ молитвѣ великаго князя цитата изъ псалма: «что ради возсташа на мя» — замѣнена вставкой изъ того же псалма: «что ради оумножишася на мя стоужающи ми». Редакторъ могъ цитировать по памяти; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно измѣняетъ разсужденія 1 редакціи, подбирая цитаты изъ Св. Писанія по личному усмотрѣнію. Въ разсказѣ о возвращеніи пословъ къ союзникамъ отъ Мамая обѣ редакціи, сохраняя одну и ту же точку зрѣнія, расходятся въ разсужденіи о скудоуміи Олега и Ягайла:

1 редакція.	2 редакція.
Они же, безумни суще, возрадовашеся о суетнѣмъ семъ привѣтѣ Мамаевѣ, не вѣдяще, яко Богъ даеть власть емуже хощеть, ни помянуша реченнаго Господемъ: каа польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ, сирѣчь погубитъ? преходитъ бо житіе сіе и царство отъ рода въ родъ и отъ языка въ языкъ, а человѣкъ, сътворивый злаа, мучится во вѣки, не имѣя помощи отъ пріобрѣтеніа всего міра. Они же безуміемъ своимъ зинушася, ищуще земнаго и тлѣннаго пріобрѣтеніа, яко скотъ.	Они же скоудным оумом своим возрадовашася о суетнем привѣте, а не вѣдыи, Богъ дает власть емоуж хощет. И не вѣм, что сіа рекоу: аще бы врази были собѣ, то о собѣ б бран сотворили. Ныне ж что сіа глаголють: едина вѣра и едино крещеніе, а к безбожному приложилис, вкупе хотят з безбожным гонити православноую вѣру. О таковых бо патерик рече: по истинне отсекошас своеи масличны, присадишася къ дикой масличне, тако и сіи беззаконнии отвергошас своеи вѣры православнои хрестьянскои и приложишася к безбожному. Олег же нача поспѣшивати и слати к Момаю послы и рече: подвизаися, царю, скоро. О таковых бо рече писаніе: о нераз-

соуженіе поути беззаконных и собирают себѣ досажденіе и понос, правых же поут обрящется. Нынѣ же Ола поваго Святополка нарекоу.

Отсутствіе сходства въ разсужденіи и распространеніе его во 2 редакціи обусловлены тѣмъ, что редакторъ, пользуясь писаніемъ, нашелъ, по его мнѣнію, болѣе подходящія сравненія. При обиліи матеріала онъ заставляетъ Олега вновь посылать къ Мамаю пословъ — начинать походъ, (чего нѣтъ въ 1 редакціи), для того, чтобы еще разъ блеснуть цитатой.

3) Преслѣдуя ясность и точность слога, вторая редакція, по мѣрѣ возможности, *избѣгаетъ повтореній*.

а) Въ разсказѣ о сборѣ русскаго воинства со всей земли 1 редакція дважды указываетъ на приходъ войска къ великому князю: «И собирашеся воиньства много», и ниже: «И снидошася мнози отъ всѣхъ странъ на Москву къ великому князю»; во 2 редакціи объ этомъ говорится только одинъ разъ: «К великомоу ж князю на Москвоу мнози люди приспѣша».

б) Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выпущены задерживающія ходъ повѣствованія подробности: возложеніе схимы вмѣсто шлема, чтобы «крѣпце поборати по Христѣ на враги Его», и опредѣленіе иноковъ, какъ «извольниковъ» великаго князя: «ихъ же изволилъ еси съ тобою быти въ прилучившихжеся напастехъ въ бѣдное сіе и нужное время».

Въ томъ же разсказѣ преп. Сергій дважды повторяетъ предсказаніе, что великій князь побѣдитъ Мамая: первый разъ, по возстаніи отъ трапезы, онъ говоритъ, что «Господь... вознесетъ тя, а его... гордость низложитъ», но Дмитрій повидимому пропускаетъ слова старца безъ вниманія; вторично преп. Сергій говоритъ о будущей побѣдѣ, провожая великаго князя; послѣдній же, принявъ благословеніе, *повторяетъ* слова преподобнаго: «Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Тъй побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя». Эти

повторенія — замедляютъ разсказъ, не оттѣняя главной идеи эпизода. Во 2 редакціи пророчество Сергія помѣщено въ началѣ разсказа и болѣе уже не повторяется; идея: пророческое благословеніе старца есть основаніе будущаго успѣха — ясна.

Когда великій князь пришелъ къ Кипріану и разсказалъ о своемъ посѣщеніи обители пр. Сергія, митрополитъ просилъ его никому не говорить о пророчествѣ. Это мѣсто одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, но въ 1-й, кромѣ того, слова: «не повѣда никому же» повторяются раньше, еще до прихода къ Кипріану.

в) Выпущенъ вторичный разсказъ о приходѣ звѣрей на мѣсто будущаго побоища: «Волкомъ же страшно всю нощь выющимъ и толико ихъ бѣ множество, яко со всеа вселенныа снидошася, и враны грающе и кричяще, и орлы клегчюще страшно зело всю нощь». Первая редакція, описывая передъ тѣмъ переходъ войска черезъ Донъ, говорила о собравшихся звѣряхъ и птицахъ въ тѣхъ же выраженіяхъ.

г) Наконецъ, выпущенъ разсказъ о томъ, что великій князь былъ раненъ, татары стали одолѣвать, убили Бренка и множество русскихъ воиновъ: ниже объ этомъ будетъ упоминаться вторично, и 2 редакція, дѣйствительно, сохраняетъ этотъ разсказъ только въ концѣ описанія перваго момента боя, передъ выходомъ засаднаго полка, отчего все повѣствованіе принимаетъ стройный характеръ.

Таковы измѣненія второй редакціи со стороны внѣшней, текстуальной. Редакторская работа стремилась придать Сказанію, по возможности, лучшую стилистическую отдѣлку. Въ этомъ случаѣ разбираемая редакція выгодно отличается отъ послѣдующихъ, многочисленные списки которыхъ представляютъ памятникъ часто въ весьма искаженномъ видѣ.

Измѣненія, касающіяся *содержанія* Сказанія, вытекаютъ, прежде всего, изъ перемѣны точки зрѣнія редактора. Эта точка зрѣнія высказана имъ въ самомъ заглавіи Сказанія. Первая редакція, какъ было видно изъ ея заглавія, приписывала одержанную надъ Мамаемъ побѣду исключительно «чуду» пречистыя

Богоматери, святителя Петра и Сергія, котораго Никоновская лѣтопись называетъ уже чудотворцемъ. Я замѣтилъ въ своемъ мѣстѣ, что это заглавіе не находилось въ протографѣ Сказанія, а принадлежитъ его Кипріановской редакціи, проводящей тенденцію — прославленіе Кипріана и московскихъ чудотворцевъ, замѣстителемъ которыхъ являлся на каѳедрѣ митрополитъ. Вторая редакція старается дать исключительно историческое повѣствованіе, въ достаточной степени объективное, указывая на памятникъ, какъ на повѣсть, сложенную «отъ древняго списанія», разсказывающую о томъ, какъ случилась «брань на Дону», какъ «Богъ возвысилъ христіанскій родъ и уничижилъ поганыхъ» и помогъ великому князю одержать побѣду надъ безбожными татарами.

Тенденція Кипріановской редакціи — *отсутствуетъ* во второй; слѣдовательно сильно сглажено участіе Петра, Сергія и особенно Кипріана въ описываемомъ событіи. Разсказы о посѣщеніи обители преподобнаго Сергія, какъ я выше указывалъ, стройнѣе и короче во второй редакціи. Въ Кипріановской видны слѣды спайки протографа Сказанія и Житія Сергія, *почему и пророчество преподобнаго о побѣдѣ повторено два раза*. Въ разсказѣ о примѣтахъ Дмитрія Волынца пропущено обращеніе послѣдняго къ великому князю: «Благодари Бога и пречистую Богородицю и великого чюдотворца Петра и вся святыа»; вмѣсто этого — просто: «призывайте Бога». И всякій разъ, какъ въ 1 редакціи упоминается святитель Петръ, вторая замѣняетъ его имя какими-нибудь другими святыми, чаще всего упоминаются Борисъ и Глѣбъ. Нѣтъ разсказа о чудѣ Петра въ видѣніи Василія Капицы и Семена Онтонова — какъ Петръ поражалъ жезломъ множество эѳіоповъ. Вмѣсто этого эпизода поставлена молитва великаго князя о побѣдѣ на враговъ, которую да пошлетъ ему Богъ такъ же, какъ когда то «великому князю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша». Князь Владимиръ Андрѣевичъ, поздравляя великаго князя съ побѣдой, оттѣняетъ, по первой редакціи, эту чудесную

помощь Петра, указывая на избіеніе татаръ невидимою силою тамъ, куда не ступали русскіе, и — Сергія «преподобнаго игумена чудотворца», которымъ прежде всего «должна быть воздана честь и слава». (Замѣчательно, что эта формула изъ разсматриваемаго эпизода повторена трижды въ Кипріановской редакціи). Вторая редакція упоминаетъ о помощи указанныхъ святителей одинъ разъ, и то вскользь: «По милости божіи и пречистой Его Матери и молитвами сродник наших Бориса и Глѣба и Петра московского святителя и игоумена Сергея и всѣх святых молитвами врази наши побеждени соут, а мы спасохомся». Борисъ и Глѣбъ и здѣсь поставлены на первое мѣсто: объективный редакторъ упоминалъ о нихъ прежде всего потому, что они были «сродниками» князей-побѣдителей.

Но главная особенность редакторскихъ сокращеній состоитъ въ томъ, что опущено все, *касающееся тенденціознаго прославленія Кипріана.*

Въ Кипріановской редакціи приведены два разговора великаго князя съ Кипріаномъ [1]). Первый происходитъ послѣ того, какъ великій князь получилъ извѣстіе о движеніи Мамая. Съ братомъ Владимиромъ идетъ онъ къ «отцу своему Кипріану митрополиту» съ печальной вѣстью; митрополитъ начинаетъ утѣшать его, говоря: «не смущайся убо о семъ, господине и сыне мой возлюбленный; многи убо скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь, и показуя, наказа мя Господь, смерти же не предасть мя, Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло». Великій князь отвѣчаетъ, что онъ сдѣлалъ все «по уставу отецъ своихъ» по отношенію къ врагу и ни въ чемъ не повиненъ.

Бесѣда неожиданно прерывается приходомъ татаръ: «абіе внезапу пріидоша» послы отъ Мамая, прося выхода не по «докончанію» съ великимъ княземъ, а такъ, какъ было при

1) Я не говорю уже о вставкѣ о Митяѣ, которой, конечно, нѣтъ ни во второй, ни въ послѣдующихъ редакціяхъ.

Азбякѣ и Чанибекѣ. Дмитрій отказывается, и послы гордо заявляютъ, что Мамай уже за Дономъ, въ татарскомъ Полѣ.

Тогда Кипріанъ произноситъ цѣлое поученіе великому князю, указывая, что надо послать выходъ. Онъ ссылается на случай съ Василіемъ Великимъ въ Кесаріи и заключаетъ рѣчь слѣдующей сентенціей: «Тако бо Господь повелѣ христіаномъ творити со смиреною мудростію, якоже глаголеть въ Евангеліи: будите мудри, яко зміа, и цѣли, яко голубіе. Зміева убо мудрость сицева есть: егда нѣкое ей бѣдное прилучится, егда будетъ отъ нѣкоего бьема и уязвляема, тогда все тѣло свое даетъ на язвы и біеніе, главу же свою всею силою соблюдаетъ; такоже и всякъ христіанинъ о Христѣ, егда тѣсно и нужно время прилучится ему, гонимъ, уязвляемъ, бьемъ, мучимъ, вся своя предаетъ, злато и сребро, и стяжаніе, честь, славу, въ велицей же нужѣ и тѣло свое попущаетъ ранимо быти; главу же свою, еже есть Христосъ и яже въ него вѣра христіаньскаа, соблюдаетъ всякимъ опасеніемъ любве Его ради и вѣры. Тако убо повелѣ Господь мудрѣ устрояти и исправляти: аще бо стяжаніа, и имѣніа, и злата, и сребра ищутъ гонящеи, дадите имъ, елико имате; аще ли чести и славы хотятъ, дадите имъ; аще ли вѣру вашу отъяти хотятъ, стойте крѣпко за сіе и сохраняйте всякимъ опасеніемъ». По этому совѣту великій князь отправляетъ посольство съ дарами.

Вторая редакція значительно сократила всю эту бесѣду. Кипріанъ нигдѣ не называется «отцемъ» великаго князя: «отче» является обыкновеннымъ обращеніемъ къ митрополиту, какъ только къ духовному лицу; митрополитъ называетъ Дмитрія всюду «господиномъ». Разсказа о приходѣ татаръ — нѣтъ. Вышеприведеннаго разсужденія Кипріана о «подражаніи зміевой мудрости» точно также нѣтъ: оставленъ одинъ только примѣръ Василія Великаго.

Второй разговоръ происходитъ послѣ того, какъ великій князь узнаетъ о переходѣ на сторону Мамая союзниковъ —

Ягайла и Олега. Смиреніе и подчиненіе великаго князя митрополиту въ Кипріановской редакціи особенно подчеркнуты. Кипріанъ совѣтуетъ ему собирать отовсюду войска «со всякимъ умиленіемъ и смиреніемъ и любовію», «не скорбѣть и не смущаться». Великій князь изображается совершенно утѣшеннымъ словами митрополита: онъ «возложи печаль свою на Господа и на пречистую Его Матерь *и на святаго чудотворца Петра*; со всяческимъ «смиреніемъ» разсылаетъ онъ гонцовъ по землямъ, проситъ прощенія въ грѣхахъ своихъ, творя «милостыню по монастыремъ».

Во второй редакціи текстъ не только сокращенъ, но уничтожены всякіе намеки на отсутствіе самостоятельности въ великомъ князѣ. Наоборотъ, слова утѣшенія, которыя говоритъ Кипріанъ, представляютъ общее мѣсто, а не носятъ характера поученія, какъ въ 1 редакціи. О «смиреніи» Дмитрія — нѣтъ рѣчи: гонцовъ и стражу уготовляетъ великій князь по своему усмотрѣнію, единственный совѣтникъ его — князь Владимиръ. Изложеніе эпизода — стройнѣе во второй редакціи, потому что въ первой разсказъ прерывается вставкой лѣтописнаго характера: «Вмалѣ же бысть тихость отвсюду, и великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевичя тысяцкаго, з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми тогда пришедшими князи и воеводами»... Эта вставка отсутствуетъ во 2 редакціи, и разсказъ о посланіи первой стражи слѣдуетъ непосредственно за окончаніемъ разговора Дмитрія съ Кипріаномъ.

Итакъ сокращенія и измѣненія, касающіяся содержанія второй редакціи Сказанія, выражаются въ уничтоженіи тенденціозности: Кипріанъ, имя котораго неразрывно связывается 1 редакціей съ именами Петра и Сергія, не стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи редакторъ старался быть объективнымъ.

Дальнѣйшія особенности разбираемой редакціи относятся къ разряду *дополненій*.

Эти дополненія представляютъ изъ себя: 1) — вставку разсужденій, долженствующихъ оттѣнить характеры дѣйствующихъ лицъ въ Сказаніи; 2) — разсказовъ и молитвъ, дополняющихъ характеристику великаго князя; 3) — отдѣльныхъ эпизодовъ, дополняющихъ характеристику противниковъ и 4) — риторическихъ украшеній и заимствованій изъ Повѣданія, для приданія красоты и занимательности повѣствованію.

1) *Отрицательная характеристика союзниковъ противополагается христіанской кротости и твердости духа великаго князя и русскаго воинства.*

а) Мамай представляется высоко мнящимъ о себѣ, но недалекимъ человѣкомъ:

Въ разсказѣ о сборѣ Мамая въ походъ и наймѣ имъ войска, изложенномъ въ общемъ одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, 1 редакція говоритъ, что онъ, ставъ лагеремъ на Воронежѣ, началъ уже называть себя царемъ, а не просто «княземъ», какъ прежде. Вторая редакція, вмѣсто этого замѣчанія, приводитъ рѣчь Мамая: «заповеда оулоусом своим: ни един вас не пашите хлѣба, да боудете готовы на роусскіа хлѣбы», — такой сильной выставлена увѣренность его въ побѣдѣ. Ниже, при допросѣ захваченнаго «языка» татарскаго вновь оттѣняется это желаніе Мамая: «на осеи быти на роуския хлѣбы».

Получивъ ярлыки отъ Ягайла и Олега, Мамай нѣкоторое время колеблется, думая, что союзники обольщаютъ его коварно, однако чрезвычайно скоро даетъ уговорить себя своимъ приближеннымъ и утѣшается сознаніемъ: «нынѣ же разность велика меж ими».

б) Олегъ рисуется скудоумнымъ и трусливымъ:

Въ 1 редакціи нѣтъ характеристики Олега, только послѣ разсказа объ отправленіи ярлыковъ имъ и Ягайломъ къ Мамаю прибавлено: «Сице помыслиша въ безуміи своемъ». Вторая редакція указываетъ на «скудость ума въ главѣ его», на «ухищреніе», которое сатана вложилъ ему въ сердце. Подвигнуться на великаго князя онъ умыслилъ «своимъ худымъ умомъ», его

коварство сравнивается съ поступкомъ Святополка, онъ самъ называется «новымъ» Святополкомъ. Переходомъ на сторону Мамая Олегъ и Ягайло приравниваются къ «несмысленнымъ младымъ дѣтямъ», не вѣдающимъ «Божія силы и владычня смотрѣнія». Въ письмѣ, адресованномъ къ Ягайлу, (хотя и сокращенномъ противъ первой редакціи) есть добавленія, оттѣняющія недомысліе Олега: еще не зная, чѣмъ кончится дѣло и на чьей сторонѣ будетъ побѣда, онъ дѣлитъ уже русскую землю, наивно отдавая Ягайлу Москву, а себѣ беря Коломну, Муромъ, Владиміръ, раздѣляя княженіе «ово к Вилне, ово к Резани». Въ письмѣ Мамаю онъ хвастается, что «вельми» устрашаетъ Русь и великаго князя. Оттѣняя самомнѣніе Мамая, редакторъ резюмируетъ неразумное высокоуміе союзниковъ слѣдующими словами въ пользу великаго князя: «По истинне бо рече: аще кто держит въ сердце добраядѣтели, то может быти без многих врагов. Княз же великіи Дмитреи Иванович образ смиреніа нося, высоких ища, и еще ж не слыша ни единаго, еж совещаша о нем ближніи его».

Разсказъ о смущеніи Олега, узнавшаго о томъ, что Дмитрій готовъ противустать непріятельской силѣ, значительно полнѣе, чѣмъ въ 1 редакціи. Олегъ, узнавши, что великій князь «сердцем своим не оупал, но твердою своею вѣрою крѣпко хощет с печенѣги битися и имѣет оупованіе на единаго Бога», началъ «с мѣста на мѣсто преходити». Бояре еще болѣе смущаютъ его, указывая на прозорливаго старца Сергія, по благословенію котораго начаты сборы. Олега не утѣшаетъ сознаніе, что не онъ одинъ «оскудѣ оумом», но и болѣе его умный Ягайло, потому что «не оного ж Богъ взыщетъ, но мене, онъ имѣет закон гоугниваго Петра, аз же имѣх правыи закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ рече: аще раб не сохранит закона господина своего, то бьен боудет много». Олегъ находится въ раздумьи: онъ бы и приложился вновь къ великому князю, но тотъ его не приметъ; какъ союзника Мамая, т. е. врага христіанству: «яко оного новаго Святополка земля мя пожрет,

не токмо княженіа лишен боудоу, но и живота гонзнуся». Молитва Сергія поможетъ Дмитрію. Съ другой стороны — ему нельзя быть нейтральнымъ: «Аще ли ни единому от них помощи не сотворю, то в прок ото обоих како могоу прожити, а ныне которому присягоу имѣю».

в) Такимъ же слабоумнымъ и трусливымъ рисуется Ягайло:

Разсказъ о томъ, что Ягайло, узнавъ о нерѣшительности Олега, чувствуетъ, что и самъ можетъ погибнуть, благодаря неразумному союзу, распространенъ указаніемъ на трусость литовскаго князя: Ягайло остается у Одоева, говоря: «пребоудем оубо здѣ, дондеж оуслышим московского побѣду».

г) Дмитрій изображается прежде всего кроткимъ и смиреннымъ христіаниномъ, но сильнымъ духомъ: молитва, которую произноситъ онъ, узнавъ о походѣ Мамая, продолжена противъ 1 редакціи: «Оукроти, Господи, сердце сверѣпому и сотвори, Господи, яко Езекѣю. И рече: на Господа оуповаю и не изнемогоу».

Возвращаясь изъ обители преп. Сергія, великій князь радуется благословенію святого старца: «не помышляя ни на злато, ни на сребро, ни на богатство, но велми радовашес о благословеніи старца».

Объѣзжая побоище, великій князь останавливается надъ убитыми воеводами и къ каждому обращается, плача, со словами, общее содержаніе которыхъ — просьба помолиться за него Богу и просить его, такъ какъ скорую смерть пріяли они «его ради».

д) Между братьями Дмитріемъ и Владимиромъ горячая любовь и дружба.

По окончаніи битвы, князь Владимиръ созываетъ уцѣлѣвшихъ. Не видя великаго князя, онъ «пожда час не обрете брата своего великого князя, нача плакатися и кричати и по полком ѣздити и не обрете брата своего». Оттѣнена поэтому и добрая вѣсть о томъ, что Дмитрій живъ: вмѣсто «повѣдая ему великаго князя жива», вторая редакція даетъ распространенное чтеніе:

«поведа ему, яко княз великіи добръ здоров и царствоует в вѣки».

е) Сподвижники великаго князя и все войско умственно и нравственно превосходятъ враговъ:

Захарія Тютчевъ охарактеризованъ во 2 редакціи. Онъ выбранъ посломъ къ Мамаю, какъ «довольный смысломъ», умѣющій «языку еллинскоу».

Пришедшіе на Москву воеводы съ войсками «вси единеми оусты глаголахоу: даи ж нам, Господи, единеми оусты и единем сердцем оумрети и святое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради христьянские». Этого разсужденія въ 1 редакціи нѣтъ. Общее настроеніе — умереть за родину — формулируется словами того же Дмитрія своему брату: «Поспешим, брате, противоу безбожных сих печенѣг и не отовратим лица своего от безстоудных сих. Аще нам случится смерть, то дома живоучи и оумрети ж, а от смерти не избыти нигдѣ ж».

Такимъ же сильнымъ христіанскимъ духомъ, какъ Дмитрій, проникнуто все русское войско. Цѣлый рядъ дополненій 2 редакція посвящаетъ изображенію состоянія духа войска передъ началомъ славной битвы: Русское войско — уже за Дономъ, передовые разъѣзды все чаще и чаще сообщаютъ о приближеніи непріятеля, русскіе — полны мужества, «оуж земнаго не помышляюще ничтож, но видяще кождо пред очима, оуж бо поганіи стоудом помрачаются, видяще погибел живота своего, понеж погибе памят их с шюмом. Правовѣрніи ж человѣци просвѣщаются, радующеся, чающе оного обетованіа и прекрасных венецъ от роуки Вседержителя, о них же поведа преподобный Сергей старец.

Вслѣдъ за этимъ идетъ разсказъ о приходѣ Семена Мелика съ дружиною, еле ускользнувшаго отъ татарской погони. Татары, увидавъ вдали русское войско, передаютъ Мамаю численность его съ испугу вчетверо болѣе дѣйствительной. Мамай еще болѣе исполняется ярости и приказываетъ немедленно готовиться къ битвѣ. Русскіе разъѣзды сообщаютъ Дмитрію, что

царь уже «на Гусинѣ броду» — утромъ будетъ на рѣкѣ Непрядвѣ. Меликъ совѣтуетъ великому князю исполчиться теперь же: завтра времени будетъ немного.

Весь этотъ разсказъ какъ бы увеличиваетъ грозное наступленіе важныхъ событій: онъ оттѣняетъ громадность непріятельской силы для того, чтобы противопоставить ей силу духа русскаго войска. Великій князь укрѣпляетъ своихъ воиновъ рѣчью, въ которой сравниваетъ грядущую битву съ давно желаннымъ пиромъ: «Братіа моя милая, сынове русскія, молодые и великие, оуж нощь приспѣ, а день приближися грозный. Бдите и молитес и крепитеся: Господь силенъ во бранѣх. И здѣ пребоудем, кождо на мѣсте своем, во оутріи ж день поспешите, братия, надобет оурядитися: оуж бо гости наши на рецѣ на Непрядве, во оутріи ж день имамы вси пити общоую чашу смертную поведеную, тое бо есмя чаши еще на Роуси жадали за много дни, но оуповаите на Бога жива. Мир вам, братия». И наступившая передъ битвой ночь, по отношенію къ состоянію духа, была «по истинне несветла невѣрным, а вѣрным же просвещена есть».

Русское войско крѣпко своей вѣрою, и Богъ помогаетъ ему. Наоборотъ, татарское рисуется трусливымъ, и ему не могутъ помочь его «невѣрные» боги. Мамай, видя пораженіе своего войска, «нача призывати боги своя: Пероуна, и Соловата, и Мокоша, и Раклѣя, и Гоурса, и великаго пособника Махмета, и не бысть емоу помощи от них ничтож: сила бо святаго Духа, аки огнем пожигает их, татарские полки роусскими мечи секоут». Мамай обращается къ своимъ съ рѣчью: «Побѣгнем, брате, и ничтож добра не имам, но токмо головы оунесем свои». Русскіе пытаются догнать его, но не могутъ только потому, что ихъ кони были уже утомлены, а Мамай скакалъ на отдохнувшихъ.

Трусость татаръ подчеркивается при всякомъ случаѣ: Въ мгляное утро, когда полки стали сходиться: «татарские троубы яко онемѣша, а роусские полки оутвердишася».

Наконецъ, мелкая подробность: захваченный стражею татаринъ оказывается «языкъ нарочитъ, царева двора».

2) *Для дополненія характеристики великаго князя, какъ христіанина, онъ изображается постоянно прибѣгающимъ съ молитвою къ Богу.*

Послѣ донесенія Захарія Тютчева о соединеніи Олега и Ягайла съ Мамаемъ, 2 редакція приводитъ первую вставную молитву. Великій князь *смиренно* проситъ Господа «судить по правдѣ его»: если врагъ идетъ войною, то еще можно перенести это зло, — но когда «други искренніи» начинаютъ злоумышлять, то судьею въ такомъ незаконномъ поступкѣ можетъ явиться только одинъ Богъ.

По пріѣздѣ отъ Троицы, великій князь начинаетъ собираться въ походъ. 1 редакція указываетъ только, что передъ выступленіемъ онъ молился передъ образомъ Богоматери, Лукина письма, у гроба чудотворца Петра и въ церкви святого Михаила — у праха своихъ родителей. Вторая редакція даетъ тексты всѣхъ этихъ молитвъ: «Княз же велики иде в ложницоу свою, оуж к вечеру, приспѣвшу четвергоу авгоус 19 день, на памят святаго отца Пимина Отходника», съ братомъ княземъ Владимиромъ и молится: 1) Вседержителю Спасу, котораго со слезами проситъ простить согрѣшенія и дать ему помощь на противныхъ; 2) Богородицѣ, чтобы она умолила Сына своего — смирить сердце врагамъ и помочь русскимъ, ибо враги «не исповедают Тебе» и, слѣдовательно, какъ безбожные, должны быть побѣждены; 3) Петру, какъ стражу земли русской: черезъ него возсіяла благодать въ великокняжескомъ родѣ; если онъ помогалъ раньше, то и теперь «приспѣ время молити за ны ко общему Владыцѣ», и 4) родителямъ — «православія поборникамъ», чтобы они помогли ему, такъ какъ и онъ — хранитель завѣтовъ предковъ. Всѣ молитвы выдержаны въ одномъ тонѣ: смиреніе и сохраненіе православнаго начала въ великомъ князѣ должно одержать верхъ надъ высокоуміемъ и невѣріемъ противниковъ.

Таково же содержаніе молитвы великаго князя при началѣ боя, которую онъ читаетъ въ большомъ полку передъ знаменемъ: вкратцѣ здѣсь повторяется содержаніе вышеприведенныхъ молитвъ Спасу — Богородицѣ — Петру, имена которыхъ великій князь снова упоминаетъ.

Въ разсказѣ о видѣніи Ѳомы Хабычѣева, гдѣ, не смотря на сокращеніе противъ 1 редакціи, проводится тенденція — обращеніе видѣніемъ этого «разбойника» на истинный путь: «и оттолѣ человѣкъ той вѣрен бысть и целомудръ», вставлена риторически составленная молитва Дмитрія. Я приведу ея текстъ цѣликомъ: «Господи Владыко человѣколюбче, молитвами святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, яко Моисѣю на Амалика и прадеду нашему великому князю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша и разорив его отечество. Но посли на ны милость свою и просвети нас благоутробным своим милосердіем, не предаи ж нас раб своих на смѣх поганым, да не порадуются врази наши и да не ркут в странах своих: гдѣ есть Богъ их, на него ж оуповаша. Помози, Господи, православному хрестьянствоу, иж имяноуют имя твое святое». Содержаніе ея, какъ видно, такое же, какъ и вышеизложенныхъ молитвъ.

Наконецъ въ уста великому князю вложена благодарственная молитва, которую онъ произноситъ по окончаніи битвы. Содержаніе этой молитвы, составленной большею частію по Псалтыри, — хвала и благодарность Богу за то, что не далъ христіанъ «в поруганіе врагом», не далъ «в похвалу иному языку».

3) *Для дальнѣйшаго усиленія контраста между правымъ дѣломъ русскихъ и насиліемъ союзниковъ вставлена цѣлая повѣсть:*

О приходѣ князей Ольгердовичей къ великому князю.

Вставка этой повѣсти принадлежитъ *къ важнѣйшимъ признакамъ, отличающимъ 2 редакцію.*

Первая редакція ограничилась однимъ указаніемъ на то, что князья Андрей Ольгердовичъ Полоцкій и Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій пришли на помощь Дмитрію. Повѣданіе посвя-

тило братьямъ цѣлую строфу. Очевидно существовало особое сказаніе о приходѣ этихъ двухъ братьевъ съ войсками на помощь русскимъ. Особый интересъ заключался въ томъ, что братья этимъ поступкомъ возстали на своего *родного брата* Ягайла [1]), движимые чувствомъ христіанской вѣры. Редакторъ, вводя эту повѣсть въ Сказаніе, въ началѣ колебался, вести ли разсказъ въ 1 или въ 3 лицѣ, отчего у него и явились такія выраженія: «бѣста бо есми отцем и братом ненавидими»; «бѣ бо есмя едини крещеніем», но далѣе — разсказъ уже ведется имъ исключительно отъ 3 лица.

Ольгердовичи получили крещеніе отъ мачехи — княгини Анны, но, терпя гоненіе, были словно «класы доброплодные, терніемъ подавляемы». Узнавъ о походѣ на Русь Мамая, Андрей посылаетъ къ брату тайно письмо, въ которомъ указываетъ, что если уже они отвержены отцомъ, то лучше приложиться Отцу небесному, совершить христіанскій подвигъ — пойти единовѣрному великому князю на помощь. Этимъ исполнится апостольское слово: «братіа, в бедах пособники бывайте», поэтому не слѣдуетъ бояться, что они пойдутъ на родного брата. И Спаситель сказалъ: «предани боудете родители вашими и братею, оумрети имате, имяни моего ради». Письмо подѣйствовало на брата радостно: онъ готовъ свершить «подвигъ добрый» и предлагаетъ Андрею все свое войско, которое кстати уже готово: «иныя дѣля брани надлежащих от доунанских варягъ». Дмитрій сообщаетъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, великій князь уже на Дону, такъ что слѣдуетъ итти съ войскомъ къ Дону, держа путь «на Сѣверу», чтобы этимъ утаиться отъ брата своего Ягайла. Вскорѣ происходитъ радостное свиданіе двухъ братьевъ, «якож иногда Иосиѳ с Вениямином», и вмѣстѣ они идутъ къ Дону.

---

1) Гедиминъ
|
Ольгердъ

Андрей Витундъ Полоцкій убитъ 1399 — *Дмитрій Корибутъ Брянскій и Трубчевскій* убитъ 1399 — Владиславъ — Константинъ — *Ягелло*

Ихъ многочисленное войско настигаетъ великаго князя еще до перехода черезъ Донъ, на мѣстѣ, называемомъ Березуй. Великій князь и радъ и изумленъ ихъ приходу: «яко не оудоб видѣти таковому востанию, яко братия оставиша брата пороугана», чтобы помочь русскому дѣлу. Дмитрій обращается къ нимъ съ привѣтственной рѣчью, даетъ дары и посылаетъ вѣсть объ ихъ приходѣ въ Москву къ Кипріану. Митрополитъ всюду велитъ служить благодарственные молебны, а великая княгиня творитъ милостыню нищимъ и убогимъ.

Таково содержаніе вставной повѣсти; редакторъ самъ чувствовалъ, что уклонился отъ общаго разсказа и замѣтилъ: «но на предлежащее возвратимся». Тѣмъ не менѣе слѣды прославленія Ольгердовичей и пришедшаго съ ними воеводы Дмитрія Боброкова Волынца проведены красной нитью черезъ все Сказаніе. Во первыхъ, съ внѣшней стороны, такая пространная вставка должна была нѣсколько измѣнить послѣдовательность плана второй редакціи, въ общемъ совпадающаго съ первой. Я приведу параллельно схему той и другой редакцій:

1 редакція.	2 редакція.
Уряженіе полковъ въ Коломнѣ.	
Смущеніе Олега.	Посланіе 3 стражи.
	Смущеніе Олега.
Ягайло остается у Одоева.	
Замѣтка о приходѣ на Березуй.	
Замѣтка о приходѣ Ольгердовичей.	*Повѣсть объ Ольгердовичахъ.*
Посланіе 3 стражи.	Приходъ на Березуй.
Разсказъ о приходѣ Петра Горскаго.	

Далѣе, во 2 редакціи Сказанія Ольгердовичи уже всюду называются «новонареченною братіею». Они — герои разбираемой редакціи, поэтому принимаютъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ. Они, напримѣръ, заставляютъ колебавшагося

великаго князя назначить переправу черезъ Донъ. Въ рѣчи, съ которой Ольгердовичи обращаются къ Дмитрію, чувствуется даже риторическій паѳосъ: Надо перейти Донъ, говорятъ они, тогда никто ужъ не помыслитъ назадъ: «Ярослав бо перевезеся рекоу Святополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣйского победи, а ты Бога нарек, также сотвори: аще побьем поганых, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смертью оумрем ото князя и до простых людей». Вмѣстѣ съ Ольгердовичами прославляется и пришедшій съ ними Дмитрій Волынецъ. Онъ оказываетъ существенную помощь великому князю при уряженіи полковъ, его отправляетъ великій князь съ своимъ братомъ Владимиромъ въ засаду. Разсказъ о засадномъ полкѣ въ дубравѣ распространенъ, причемъ изображается состояніе духа князя Владимира, рвеніе котораго утишаетъ «мудрый воевода». «Мудрость» Волынца состояла въ томъ, что онъ удачно воспользовался перемѣной вѣтра и ударилъ на татаръ изъ засады, когда вѣтеръ былъ въ лицо врагамъ. Первая же редакція представляетъ дѣло такъ, что будто вѣтеръ чудесно перемѣнился по слезной молитвѣ русскихъ.

Послѣ разсказа объ устроеніи засады, вторая редакція непосредственно переходитъ къ разсказу о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Вставочная повѣсть объ Ольгердовичахъ въ значительной степени повліяла и на этотъ эпизодъ. Въ 1 редакціи смыслъ ясенъ: Волынецъ беретъ съ собою одного только великаго князя, которому показываетъ примѣты. Онъ проситъ, чтобы великій князь далъ слово — не говорить никому о томъ, что онъ узналъ, чтобы не смущать войско картиной предстоящаго побоища. Діалогъ, конечно, ведется только между Волынцемъ и великимъ княземъ. Между тѣмъ во 2 редакціи, при сохраненіи этого діалога, великій князь не одинъ бесѣдуетъ съ Волынцемъ: при немъ Владимиръ и литовскіе князи, т. е. центральныя лица 2 редакціи. Получается явная несообразность: Волынецъ проситъ: «не подобает сего, государю, в полцѣх повѣдати никомоу ж», между тѣмъ великій князь — со свитой. Желаніе

изобразить принимающими участіе въ этомъ гаданьи Ольгердовичей, заставило редактора измѣнить эпизодъ [1]). Затѣмъ, при видѣ готоваго на бой русскаго войска, слова удивленія силѣ и величію его вложены въ уста литовскихъ князей: «Не есть достойно, восклицаютъ они, при нас и преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому воинству, мужеством же подобни Гедеоновым снузником, Господь Богъ своею силою вооружил их». Въ разсказѣ о поискахъ великаго князя, Ольгердовичи первые подаютъ свое мнѣніе: «Мы мним, яко жив есть, но уязвен велми: егда в трупе мертвых будет», тогда какъ въ 1 редакціи о томъ же сообщаютъ князю Владимиру «нѣціи»: «и начаша ему глаголати нѣціи», причемъ рѣчь ограничивается лишь сообщеніемъ, что Дмитрій раненъ, а не предположеніемъ, что онъ — живъ. Наконецъ, при объѣздѣ побоища съ Ольгердовичами и Волынцемъ, великій князь обращается къ послѣднему со слѣдующими словами: «Воистинну многоразумен еси человѣкъ, и неложна примѣта твоя, подобает ти всегда воеводствовати».

4) *Для приданія бо́льшей живости и картинности изложенію редакторъ пользовался въ широкой степени заимствованіями изъ Повѣданія.*

а) Когда великій князь узнаетъ, что Мамай и союзники окончательно рѣшили итти на него войною, онъ обращается къ князьямъ и воеводамъ съ ободрительною рѣчью. Эта рѣчь и отвѣтъ дружины составлены на основаніи знакомства редактора съ Повѣданіемъ. Сохраняя цѣликомъ лишь немногія выраженія писанія Софоніи, какъ то: «гнездо есмя Володимера Киевского», «головы своя положити... за православную вѣру и за твою обиду», это мѣсто можетъ считаться однако *первой* вставкой изъ этого памятника, такъ какъ въ переработкѣ сохраняетъ мысль его.

---

1) Измѣнить, но не обработать. Кромѣ указанной несообразности отмѣчу скомканность картины — плача земли, переданнаго въ сжатомъ пересказѣ, и множественное число въ обращеніяхъ Волынца: «слышасте», смѣшиваемое съ единственнымъ: «едина ти есть на ползу».

б) Послѣ перечисленія князей и воеводъ, пришедшихъ къ великому князю съ войсками, находится *вторая* вставка изъ Повѣданія, на этотъ разъ сохраняющая цѣликомъ выраженія писанія Софоніи. Вставка дѣлится на 2 половины: въ первой говорится и пріѣздѣ посадниковъ изъ Великаго Новгорода съ 7000 войска, во второй — изображается гулъ многочисленной рати, собравшейся въ Москвѣ. (Убо, братия, стук стучит...). Выше, при разборѣ Повѣданія, я указалъ въ какомъ отношеніи стоятъ эти заимствованія къ основному тексту.

в) Вслѣдъ за указанными выше текстами молитвъ (Спасу — Богородицѣ — Петру — прародителямъ) въ разбираемой редакціи находится *цѣлый разсказъ о прощаніи великаго князя съ женою и плачъ Евдокіи объ ушедшемъ мужѣ*. Въ Повѣданіи нѣтъ ему соотвѣтствія, но по изложенію и тону разсказъ этотъ нѣсколько близокъ къ писанію Софоніи, можетъ быть онъ былъ въ какомъ-нибудь недошедшемъ до насъ спискѣ послѣдняго. На связь этого разсказа съ Повѣданіемъ указываетъ нахожденіе въ немъ прямыхъ соотвѣтствій съ этимъ памятникомъ.

Схема разсказа такова: великая княгиня Евдокія съ женою князя Владимира (имени нѣтъ) и съ другими женщинами провожаютъ уходящихъ. Евдокія «во слезах не может слова прорещи». Самъ великій князь насилу удерживается отъ слезъ, чтобы не выдать себя передъ народомъ, и утѣшаетъ свою великую княгиню. Послѣ отдачи «конечнаго цѣлованія» женщины уходятъ. Князь великій вступаетъ въ златое стремя и выѣзжаетъ съ князьями и боярами — «солнце имъ съ востока ясно сіяетъ, а сзади кроткій вѣтеръ вѣетъ». Это уже — непосредственно изъ Повѣданія, равно какъ и продолженіе: «Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златыхъ колодицъ, а то рвахоутся князи Белозерския»...

Послѣ этихъ вставокъ разсказъ нѣсколько перебитъ: великій князь отпускаетъ войско разными дорогами, такъ какъ на одной всѣмъ не вмѣститься. Это мѣсто находится и въ 1 редакціи, тамъ оно кончается словами: «и бѣ ему спреди солнце грѣаше, а

ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣаше и дыхаше». Не смотря на то, что эта картина уже выше была въ текстѣ 2 редакціи, послѣдняя здѣсь *повторяетъ ее* еще разъ, что указываетъ на сохраненіе всего этого мѣста цѣликомъ по 1 редакціи.

Дальше продолжается разсказъ объ Евдокіи: великая княгиня съ снохою своею (имени нѣтъ) и съ другими женщинами идетъ въ златоверхій набережный теремъ и изъ южнаго окна смотритъ на удаляющееся войско. Причитаніе здѣсь изложено въ формѣ молитвы, но съ сохраненіемъ выраженій, напоминающихъ писаніе Софоніи: «от тоя бо брани русская земля уныла», «аз же имѣю двѣ отрасли, еще млади суще, Василя и Юрью, егда поразитъ их знои сь юга или вѣтръ подвѣет их з запада, то не могут терпѣти». Замѣчательно, что указанная мною при разборѣ Повѣданія интерполяція сохранена и здѣсь: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣт 158»: очевидно, что у редактора былъ подъ руками уже интерполированный списокъ Повѣданія.

Въ житіи Дмитрія, при описаніи кончины великаго князя, вставленъ также плачъ Евдокіи, но вполнѣ отличный отъ указаннаго: онъ находится въ ближайшей связи съ плачемъ въ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ, тогда какъ плачъ Сказанія составился подъ сильнымъ вліяніемъ образовъ писанія Софоніи.

г) Четвертая вставка, вѣрнѣе — передѣлка Повѣданія, находится послѣ разсказа о гостяхъ-сурожанахъ. Рисуются картины: движенія русскаго войска: «Тогды ж возвеяша силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошася великіа князи русския, а по них дѣти боярские успѣшно грядут, аки чаши медвяныя пити»..., и — переправы князя Владимира Андреевича черезъ рѣку: «Возвѣявшу со востока вѣтру, и в нем гром и молніа,... стук стучит а гром гремит по зарѣ по ранней: возится князь Володимеръ Ондрѣевич реку Москву на красном перевозе Брашевском».

д) Пятая вставка, послѣ разсказа о приходѣ великаго князя на Коломну, дополняетъ изображеніе готоваго на бой русскаго

войска: «И начаша мнози гласы ратных троуб трубити и варганы тепоут... в саду Панѳилове»... Я уже указывалъ выше на отношеніе этого мѣста къ Повѣданію.

е) Разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто будущаго побоища находится въ 1 редакціи. Эпизодъ этотъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Повѣданіи, и во 2 редакціи онъ значительно распространенъ противъ первой, такъ какъ редакторъ имѣлъ Повѣданіе подъ руками [1]).

ж) Такой же характеръ, какъ и предыдущее распространеніе, носитъ картинное изображеніе русскаго стана, представлявшагося взорамъ великаго князя: «Аки нѣкия свѣтилници солнечныя луча испущающе и всюдѣ светящеся... и стязи ревут наволоченыя, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще»... Это все мѣсто вновь обработано редакторомъ по Повѣданію.

з) Въ разсказѣ о засадномъ полкѣ вліяніе Повѣданія сказалось въ поэтическомъ сравненіи воиновъ, выѣхавшихъ на татаръ съ соколами, ударившими на стада гусиныя.

и) Формула общей битвы также нѣсколько измѣнена подъ вліяніемъ Повѣданія: первая часть формулы, общая въ 1 редакціи съ Лѣтописной Повѣстью, опущена, а вторая, ограниченная въ 1 редакціи только сравненіемъ: бояре и князи «аки древеса склоняхуся на землю» — распространена сравненіемъ битвы съ грозою, взятымъ изъ писанія Софоніи.

к) Наконецъ, вмѣсто перечисленія убитыхъ «на сступѣ» въ 1 редакціи, перечисленія, взятаго изъ Лѣтописной Повѣсти, 2 редакція, опускающая, какъ замѣчено, все изъ этого памятника, пользуется счетомъ, который ведетъ въ Повѣданіи (по списку Ундольскаго) Михайло Александровичъ, московскій бояринъ. Это перечисленіе («Нѣтъ, государь, у нас сорока бояринов московских»...) является послѣдней, девятой вставкой

---

1) Этотъ разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ упоминаніемъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, находящемся въ Лѣтописной Повѣсти и въ 1 редакціи и выпущеннымъ, какъ я говорилъ, во второй редакціи Сказанія.

изъ Писанія Софоніи. Какъ я говорилъ выше, всѣ эти вставки измѣнены редакторомъ противъ первоначальнаго текста.

Изъ украшающихъ вставокъ, взятыхъ изъ другихъ памятниковъ, отмѣчу заимствованіе изъ житія Ареѳы, находящееся въ 1 редакціи только въ спискѣ Древняго Лѣтописца. Эта вставка, иллюстрирующая рѣчь великаго князя въ отвѣтъ на просьбу бояръ — щадить себя и не сражаться въ первыхъ рядахъ, какъ простой воинъ, повліяла на измѣненіе плана 2 редакціи:

1 редакція.	2 редакція.
Грамота отъ Сергія передъ битвой.	
Уряженіе полковъ.	Увѣщательная рѣчь бояръ
Видъ обѣихъ сходящихся силъ.	великому князю.
	Отвѣтъ Дмитрія (вставка объ Ареѳѣ).
	Уряженіе полковъ.
Мамай съ холма смотритъ на битву.	
Бой.	
Разсказъ о чудѣ съ вѣнцами.	
Увѣщательная рѣчь бояръ.	
Отвѣтъ великаго князя (Ареѳа только въ Д.).	
Разсказъ о засадномъ полкѣ.	

Изъ этой схемы видно, что вторая редакція имѣла цѣлью оттѣнить рѣчь бояръ и отвѣтъ имъ великаго князя, поставивъ ихъ передъ повѣствованіемъ о боѣ. Въ 1 редакціи послѣдовательность нарушена: не къ чему вспоминать о томъ, что говорили бояре, уже *послѣ боя*; расположеніе частей — лучше во 2 редакціи, гдѣ вполнѣ естественно, что бояре *до* битвы просятъ великаго князя беречь себя.

Самый разсказъ объ Ареѳѣ во 2 редакціи по изложенію гораздо полнѣе, чѣмъ въ Древнемъ Лѣтописцѣ; въ послѣднемъ, какъ я говорилъ выше, это мѣсто носитъ характеръ интерполяціи:

Древній Лѣтописецъ.

И потомъ и сіе прирече имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Аревы; егда мучитель хотяше посѣщи его, и съ нимъ вся воины подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ предъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хощу видѣти небеснаго царя.

2 редакція.

...Но паче вѣсте и разумѣите мучение святаго мученика Аревы: егда мученъ бысть царемъ амиритским и Дунасом жидовином и, по многих муках, повелѣ его царь усекнути, и крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единоумно вси главы своя под меч кланяху, видяху конец живота своего. И един нѣкоторын воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не аз ли у земнаго царя на пиру преж вас чару пріимах, а ныне також хощу преж вас христову чашу пити и преж вас умрети и венець от рукы Христовы приняти. И приступив воин главу ему отсече и последи 500 воин усечени быша. И нынѣ, братие, кто есть болѣ мене в русских сынех, но аз вам глава, а мнѣ Богъ глава . . . да опщую чашу имам с вами пити и общею смертію имам умрети с вами вмѣсте.

Органичность вставки находится во 2 редакціи, въ Древнемъ Лѣтописцѣ помѣщено сокращеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, не непосредственно изъ житія, а изъ заимствованія, подобнаго изложенному.

Остальныя добавленія касаются опять скорѣе улучшенія текста, чѣмъ редакціонныхъ поправокъ. Редакторъ или называетъ намѣченныя въ 1 редакціи молитвы, напр., — епископъ Герасимъ, встрѣчая въ Коломнѣ великаго князя съ крестами, «со всѣми клиросы» и осѣняя его крестомъ, произноситъ молитву: «Спаси Боже люди своя»; или распространяетъ ихъ риторически: молитва Дмитрія передъ началомъ боя живоносному кресту — распространена упоминаніемъ о царѣ Константинѣ греческомъ, которому тоже «сим образом явился» крестъ; наконецъ вводитъ новыя: тамъ, гдѣ 1 редакція кратко указываетъ, что князь Владиміръ прочелъ молитву передъ выѣздомъ изъ дубравы, 2 редакція приводитъ текстъ молитвы, очень неоригинальный: онъ скомпанованъ изъ выраженій, заимствованныхъ изъ предыдущихъ молитвъ великаго князя: «Господи Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, не дай ж нас поработити врагом нашим, ни порадоватися врагу діаволу, но мало показни, а много помилуй».

Таковы всѣ главнѣйшія отличія текста второй редакціи отъ первой. Я уже говорилъ, что планъ разбираемой редакціи Сказанія вполнѣ совпадаетъ съ планомъ 1 редакціи. Отступленія (мною отмѣченныя) встрѣчаются только тамъ, гдѣ редакторъ вводилъ новый разсказъ. Къ такимъ отклоненіемъ присоединю послѣднее, въ самомъ концѣ Сказанія, вызванное введеніемъ эпизода изъ Повѣданія о счетѣ побитымъ:

1 редакція.	2 редакція.
Объѣздъ побоища. Наѣзжаютъ на Пересвѣта.	
Счетъ убитыхъ (= Лѣт. Пов.).	
Рѣчь великаго князя.	Счетъ убитыхъ (изъ Повѣданія).
	Рѣчь великаго князя.
Видѣніе вѣнцовъ.	
Бѣгство Олега.	Возвращеніе домой.

Возвращеніе домой. Бѣгство Олега.
Разсказъ о погибели Мамая.
Конецъ Сказанія [1]).

Однообразіе схемы должно указывать на зависимость второй редакціи отъ первой. Выше я говорилъ, что Кипріановская редакція представляетъ уже извѣстную обработку первой редакціи, сдѣланную редакторомъ Никоновскаго свода. Нужно думать, что вторая редакція *произошла отъ того же протографа*, изъ котораго вышла Кипріановская, но обрабатывалась вполнѣ самостоятельно. Протографъ 1 редакціи, изъ котораго, слѣдовательно, вышли Кипріановская и вторая редакціи, до насъ, повторяю, не дошелъ.

Извѣстные мнѣ два списка 2 редакціи, принадлежащіе къ XVI вѣку, уже носятъ слѣды неточностей и искаженій, являющихся результатомъ ряда переписокъ. Съ другой стороны Сказаніе 2 редакціи обработано по первой. Слѣдовательно, время возникновенія этой редакціи слѣдуетъ относить къ тому же XVI вѣку. Еще ближе время можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ соображеніемъ: Великій князь въ своей рѣчи ссылается на житіе Ареѳы и говоритъ: «паче вѣсте и разумѣйте мученіе святаго мученика Ареѳы: егда мученъ бысть *царемъ амиритским и Дунасом жидовином*»... Объ этихъ лицахъ разсказывается въ житіяхъ Григорія Омиритскаго и Ареѳы, помѣщенныхъ въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ подъ 19 декабря и 24 октября. Житіе Григорія Омиритскаго было переведено для Четьихъ-Миней. Отсюда, время возникновенія 2 редакціи слѣдуетъ относить къ концу второй половины XVI вѣка.

Кромѣ знакомства съ вышеприведенными житіями, редакторъ вообще представляется человѣкомъ книжнымъ. У него есть свои ссылки на Евангеліе, Апостолъ, Патерикъ, Псалтырь.

---

1) Обращу вниманіе, что во 2 редакціи *нѣтъ* заключительнаго *разсказа о возвращеніи великаго князя съ побѣдою въ Москву*. Разсказъ этотъ, повторяющій предыдущій матеріалъ, замедлялъ изложеніе и былъ выброшенъ редакторомъ.

Онъ знаетъ житіе Александра Невскаго, въ разсказѣ о раскаяніи Олега рязанскаго, онъ ссылается на Сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ. Широко распространенное въ нашей старинной письменности, это Сказаніе помѣщено между прочимъ въ тѣхъ же Четьихъ-Минеяхъ.

Я говорилъ, что 2 редакція отличается чрезвычайнымъ обиліемъ молитвенныхъ обращеній, вложенныхъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Характеризуя религіозно-поэтическое настроеніе редактора, это обстоятельство предполагаетъ за нимъ знаніе не только Псалтыри, дававшей главный матеріалъ для содержанія, но и знаніе молитвенныхъ книжныхъ формулъ, необходимыхъ для внѣшняго выраженія.

Со 2 редакціи, наконецъ, начинается пользованіе Повѣданіемъ, какъ матеріаломъ для украшенія стиля. Въ разбираемой редакціи этихъ выдержекъ всетаки меньше, чѣмъ въ третьей: редакторъ пользуется матеріаломъ въ мѣру. При разборѣ Повѣданія я указалъ предположительно на причину, благодаря которой писаніе Софоніи дошло въ незначительномъ количествѣ списковъ: удачная мысль соединить оба памятника сдѣлала Сказаніе несравненно болѣе популярнымъ.

Принимая во вниманіе стройность изложенія, заботу о стилистической отдѣлкѣ, стремленіе освободиться отъ замедляющихъ ходъ разсказа повтореній (я уже сказалъ, что выпущено все неидущее къ дѣлу заключеніе 1 редакціи), — надо признать, что Сказаніе 2 редакціи съ внѣшней стороны представляется вполнѣ литературнымъ памятникомъ. Что касается содержанія, то редакторъ, умѣло избѣжавъ пристрастной тенденціи, постарался придать памятнику характеръ объективнаго историческаго повѣствованія. Въ этотъ разсказъ искусно вплетена основная идея: торжество православнаго начала надъ безбожіемъ поганыхъ. Русь сильна своимъ православнымъ духомъ, и всякая поганая сила не можетъ устоять противъ народа, на которомъ почіетъ благодать божія. Точка зрѣнія — не оригинальна, но характерна для того времени, когда создалась 2 ре-

дакція. О Москвѣ сложилось представленіе, какъ о центрѣ православія, преемственно перешедшаго къ ней отъ Византіи. Это перенесеніе древняго политическаго значенія Византіи на Москву уже успѣло создать рядъ легендъ, поэтически представлявшихъ это преемство — Сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, о князьяхъ владимирскихъ. Руководящій смыслъ этихъ сказаній, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]), былъ опредѣленно высказанъ въ Степенной книгѣ, авторитетномъ трудѣ митрополита Макарія. Владиміръ принялъ діадиму и вѣнецъ греческаго царя — «мужества ради и благочестія». Послѣ паденія Константинополя это древнее благочестіе должно было окончательно утвердиться и засіять въ Москвѣ — третьемъ Римѣ. Отсюда — уже одинъ шагъ до гордаго сознанія своего превосходства, покоящагося исключительно на преемственно полученной благодати. Отсюда понятна исходная точка умозаключеній Грознаго: «земля правится божіимъ милосердіемъ, пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди — нами, государями своими».

Эту же точку зрѣнія послѣдовательно проводитъ и 2 редакція Сказанія. Я уже указывалъ въ ней на искусно проведенныя параллели — скудоумія, робости и безсилія духа союзниковъ и — горячей вѣры, непоколебимой надежды и христіанской любви братьевъ Дмитрія и Владимира и другихъ героевъ повѣсти. Чтобы оттѣнить христіанское правое дѣло, редакторъ вставляетъ еще цѣлую повѣсть о приходѣ Ольгердовичей, возставшихъ на своего брата, пребывающаго въ поганствѣ. Тонъ повѣсти выдержанъ; возникнувъ въ эпоху Грознаго, этотъ памятникъ, конечно, и не могъ не отразить на себѣ господствовавшаго тогда міровоззрѣнія.

---

1) Исторія русской литературы. Т. II, стр. 8.

ГЛАВА VI.

Сказаніе третьей редакціи.

Сказаніе 3 редакціи извѣстно мнѣ по слѣдующимъ спискамъ: *Императорской Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. № 342; 2) Q. XV. № 31; 3) Q. XV. X. № 70; 4) Q. XVII, № 169; 5) собранія гр. Толстого I, 447; 6) собранія гр. Толстого II, 442; 7) собранія гр. Толстого III, 32; 8) собранія гр. Толстого III, 93; 9) собранія Погодина 1555; 10) собранія Погодина 1574; 11) собранія Погодина 1595. *Императорской Академіи Наукъ*: 12) 16. 17. 22; 13) 16. 13. 2. *Общества Любителей Древней Письменности*: 14) № 38 oct.; 15) № 1886. L. *Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ*: 16) № 378; 17) № 3123; 18) № 3155; 19) собранія Ундольскаго № 578; 20) собранія Ундольскаго № 772; 21) собранія Большакова № 435. *Московскаго Историческаго Музея*: 22) № 40039. *Собранія гр. Уварова*: 23) № 492; 24) № 802, и 25)—списокъ, принадлежащій *проф. М. И. Соколову*.

Къ 3 редакціи слѣдуетъ еще относить списки, напечатанные Снегиревымъ въ III томѣ Русскаго Историческаго Сборника: 26) Тимковскаго; 27) Снегирева; 28) Ермолаева и 29) Царскаго [1]). Наконецъ — 30) отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ сборникѣ памяти Л. Н. Майкова. Со спи-

1) Извѣстный Снегиреву еще списокъ кн. Оболенскаго — слѣдуетъ относить къ 4 редакціи.

скомъ, напечатаннымъ Сахаровымъ, я не считаюсь, такъ какъ Сахаровскій текстъ — простая перепечатка изданія Снегирева [1]).

Замѣчаніе, не разъ высказываемое, что переписчики, списывая Сказанія, какъ бы отступили отъ своего обыкновенія — копировать оригиналъ и занялись самостоятельнымъ пересказомъ содержанія, т. е. каждый скорѣе былъ редакторомъ, чѣмъ переписчикомъ — приложимо именно къ спискамъ 3 редакціи. Нѣтъ возможности подвести варіанты къ одному какому-нибудь принятому за основаніе тексту.

Поэтому я раздѣлю указанные списки на группы съ тѣмъ, чтобы каждая могла носить опредѣленный характеръ. Можно указать на два списка, лежащихъ въ основаніи послѣдующихъ группъ 3 редакціи; эти списки: 1) И. П. Б., собранія гр. Толстого III, 32 и 2) Рум. М., собранія Ундольскаго № 578. Толстовскій списокъ, какъ лучшій по тексту, напечатанъ мною въ приложеніи.

Третья редакція въ общемъ сохраняетъ тотъ же планъ, что и вторая. Отступленія весьма незначительны: 2 редакція помѣщаетъ разсказъ объ устроеніи засады передъ разсказомъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца, въ третьей — примѣты помѣщены раньше. И затѣмъ въ концѣ, счетъ убитымъ боярамъ и благодарственная рѣчь Дмитрія во 2 редакціи поставлены передъ разсказомъ о похоронахъ убитыхъ, 3 же редакція — послѣдній эпизодъ помѣщаетъ прежде.

Въ остальномъ *планъ 3 редакціи детально совпадаетъ съ планомъ второй.*

Отличительной особенностью 3 редакціи является *подстановка имени Ольгерда вмѣсто Ягайла.* До сихъ поръ на это обстоятельство указываемо было какъ на анахронизмъ. На

---

1) Я не могъ воспользоваться списками Сказанія: 1) собранія Вахрамѣева въ Ярославлѣ и Московскаго Историческаго Музея: 2) № 1554/35805; 3) № 247/29593 и 4) № 1389/28539. Еще, конечно, существуютъ неизвѣстные мнѣ списки, но въ указанныхъ 30 спискахъ всѣ особенности 3 редакціи выступаютъ вполнѣ достаточно.

самомъ дѣлѣ, здѣсь искусный пріемъ редактора, съумѣвшаго придать особый интересъ разсказу. Повѣсть второй редакціи объ Ольгердовичахъ, пришедшихъ помочь русскому, православному дѣлу и этимъ возставшихъ на родного брата, казалась не достаточно оттѣняющей эту чисто христіанскую жертву. Нужно было заставить ихъ, для усиленія впечатлѣнія, возстать на родного отца, чтобы совершить «подвигъ добрый» съ точки зрѣнія редактора. «Не сумняй же ся брате, говоритъ князь Андрей въ 3 редакціи, яко отцу противитися нам! Якож евангелист Лука рече усты Господа нашего Іисуса Христа: предани будете родители и братіею и умрътвитеся, имени Моего ради». Для Дмитрія и Владимира помощь Ольгердовичей естественно должна была казаться особымъ промысломъ божіимъ: «такова милость божіа, яко не удобь бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють и поругашяся, яко иногда вълсви Ироду». Что «дѣти оставили отца» — объ этомъ великій князь посылаетъ вѣсть въ Москву, и митрополитъ приказываетъ по всѣмъ церквамъ возносить «сугубыя» молитвы къ Богу. Редакторъ не только послѣдовательно проводитъ эту точку зрѣнія въ отношеніи Ольгердовичей къ своему отцу, но даже Олега рязанскаго заставляетъ отправить съ грамотами къ Мамаю своего «сына».

Пріемъ редактора, несомнѣнно, удался: разсказъ выигралъ въ занимательности: Сказаніе, съ именемъ Ольгерда, стало излюбленнымъ чтеніемъ, оно было очень распространено и совсѣмъ вытѣснило 1 и 2 редакцію, извѣстныя въ весьма незначительномъ количествѣ списковъ.

Перейду къ характеристикѣ основного (Толстовскаго) списка.

Съ внѣшней стороны, какъ и всякая болѣе поздняя по происхожденію рукопись, Толстовскій списокъ отличается отъ 2 редакціи, главнымъ образомъ *по слогу*. Измѣненія въ слогѣ сводятся прежде всего къ подновленію, прибавкѣ лишнихъ эпитетовъ, затѣмъ къ распространенію эпизодовъ путемъ многословности и витіеватости:

Вм. «вниде в сердце его подстрекател діавол, како всегда пакости деяше христьанству» — въ Т.: «и начатъ подстрѣкати его діаволъ и вниде вь сердце его напасть роду христіанскому».

Мамай начинаетъ говорить къ своимъ «еулпатом и *ясаулом*»... и *вспм татаром*, обращается со словомъ: «*къ своему великому воинству*»; союзники обращаются къ нему съ эпитетомъ: «вольный».

Послѣ: «аще кто держитъ добраядѣтели» — Т. прибавляетъ: «и на Бога упованіе възлагаетъ»; и ниже, въ томъ же разсужденіи, прибавлено: «Господь Богъ можетъ живити и мертвити».

Послѣ: «моим имянем» (напуганъ будетъ Дмитрій) прибавлено: «црьскым и грозою»...

Въ рѣчи Кипріана къ Дмитрію слова: «Сам вѣси закон божий, кто творяй правду, не подвижютца нань человѣцы» — замѣнены въ Т. разсужденіемъ: «Просвѣти си веселіемъ очи сердца, законъ божій чтеши и твориши правду, яко праведенъ Господь и правду възлюби. Нынѣ же обыдоша»...

Вмѣсто: «кто... оумрет мене ради, то и аз покою его», поставлено: «кто постражетъ имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею въсприимет жывотъ вѣчный». Конецъ молитвы великаго князя святителю Петру весь передѣланъ риторически: «И тебѣ нынѣ подобаетъ о нас грѣшныхъ молитися, *да не пріидет на нас рука смертная и рука грѣшніча да не погубіть нас.* Ты бо еси стражь нашь *крѣпкый и от супротивных нападеній, яко твоа есмы паствіна*».

Въ размышленіи Олега «кому приложиться» замѣчается подновленіе: вм.: «вѣстника» — «приключника»; вм. «како мыслити» — «како иметь мысліти»; вм.: «не подобает великому князю противу безбожнаго царя стояти» — «не подобаеть русскым князем противу въсточнаго царя стояти. *И нынь убо, что разумпю, откуду убо ему помощь сіа пріиде, яко противу трех насъ въоружися*».

Еще бо́льшія разночтенія представляются въ дальнѣйшемъ развитіи этого эпизода:

2 редакція.	3 редакція.
...но и боле мене разумѣл Ягайло литовски, но и тот оскудѣх умом, не оного ж взыщет Богъ, но мене: онъ имѣет закон Гугниваго Петра, аз же имѣх правый закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ рече: аще раб не сохранит закона господина своего, то бьен будет много. Нынѣ убо что сотворю и которому вдамся...	...нъ и паче мене разумнѣе Волгордъ литовскый. Нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣх истінный законъ божій. Нъ что ради поплъзохся. И збудется на мнѣ реченное Господомъ: аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будеть много. Нынѣ убо, что сътворих: вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрати законъ божій. Нынѣ убо, которому...

Послѣ: «живота гонзнуся» — прибавлено: «и преданъ буду въ гену огненую мучитися». Указывается, въ чемъ состояло «многое множество» воинства великаго князя: «вся Русь и словены».

Въ концѣ разсказа объ Ольгердовичахъ разговоръ ихъ съ великимъ княземъ распространенъ несомнѣнно для того, чтобы остановить вниманіе читателя на подвигѣ братьевъ:

2 редакція.	3 редакція.
Рече же княз великій: Братия моя милая, коея ради потребы пріидосте сѣмо, но Господь посла васъ в пут свой.	Рече ж к ним князь великій: Братіа моа милаа, кіа раді потребы пріидосте сѣмо. *Они ж рекоша: Господь Богъ посла насъ*

Воистинну естя ревнители праотца нашего Аврама, яко от племени воскорми Лота, яко аще подобни естя доблественному великому князю Ярославу, яко той отомсти обиду братии своей.

к тебѣ на твою помощь. Княз же великій рече: Въистінну ревнители есте праотца нашего Авраама, *яко тъи въскорѣ Лоту поможе*, и еще есть ревнітели доблестному великому князю Ярославу, яко тъи отмсти кровь братьа своея.

Изображеніе собравшихся на кровопролитіе звѣрей и птицъ продолжено новыми образами: «орли... слѣтошася, *по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють*».

Къ молитвѣ великаго князя передъ знаменемъ присоединенъ обыкновенный конецъ: «Отца и Сына и святаго Духа, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь». Въ этой же молитвѣ Петръ носитъ эпитетъ: «новаго чюдотворца».

Въ началѣ разсказа о примѣтахъ Волынца, въ видѣ вступленія, приведены слова послѣдняго: «Хощу, государь, в нощь сію примѣту свою испытати». Дальнѣйшее изложеніе также распространено: вм. «назади их» — «съзади ж плъку татарьскаго»; вм.: «по деснои ж стране» — «по деснои ж странѣ плѣну татарскаго». Что касается текста примѣтъ, то поэтическіе образы въ Т значительно испорчены противъ 2 редакціи. Въ концѣ разсказа находится слѣдующее добавленіе: «А твоего христолюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врѣхъ, твоа слава будеть. Слышавъ ж то князь великій прослезися и рече: Господу Богу вся възможна: всѣх нас дыхание в руцѣ его».

Видѣніе Ѳомы Кацибѣева украшено риторическими добавленіями: «уноши, *имуща на себѣ свѣтлыи багряница*»... *лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ* у них острые мечи».

Картина готоваго на бой русскаго войска распространена на основаніи матеріала, находящагося въ этомъ же мѣстѣ во 2 редакціи: «И кождо воин идет под своим знаменем и видѣти

добрѣ *урядно плъкы уставлены поученіемъ крѣпкаго въеводы Дмитреа Боброкова Волынца.*

Въ разсказѣ о битвѣ находится много несущественныхъ риторическихъ добавленій: «гости... ведуть промеж собою поведеную, *предніи уже испіша* и весели быша *и уснуша.* Уже бо врѣмя подобно, и *час пріиде храбрость свою коемуждо показати*». *«Богатыри ж русскыа и воеводы* и удалыа люди... клонятся». О великомъ князѣ, раненомъ и скрывшемся въ дебри, сказано, что онъ «божиею силою съхраненъ бысть».

Послѣ словъ князя Владимира (въ засадѣ): «кому нам пособити» прибавлено: «уже наши князи и бояре, вси русскые сынове напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится». И въ отвѣтѣ ему Волынца, послѣ: «начинаай без времени, вред себѣ приемлеть»: — «класы бо пшеничныа подавляеми, а трьніе ростуще и буяюще над благородными». И далѣе, вмѣсто: «в сей час Бога призывайте» — «нынѣ токъмо повели всякому въину Богу молитися», и въ обращеніи Волынца къ воинамъ прибавленъ эпитетъ послѣднимъ: «буявіи сынове рустіи».

Картина пораженія татаръ дополнена: Мамай отдаетъ приказъ о бѣгствѣ, увидя, что «новыа люди, яко лютіи звѣріе ристаху и изрываху, аки овчее стадо»...

Въ разсказѣ о сборѣ побѣдоноснаго воинства на полѣ битвы, дополненія носятъ характеръ почти интерполяцій: послѣ словъ: «грядуще ж весело, ликующе»... прибавлено: «Кійждо въинъ едет, радуася, на трубный гласъ», и ниже, гдѣ великій князь изображается плачущимъ и радующимся среди убитыхъ, текстъ добавляетъ: о убіеных плачется, а о здравых радуется».

Благодарственная рѣчь къ войску въ началѣ дополнена благодарственной же молитвой Дмитрія: «Слава тебѣ вышній Творецъ, Царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас грѣшных, не предал есі нас в руцѣ врагом нашим, поганым сы(ро)ядцем».

Приведенныя распространенія текста Т, какъ видно, не идутъ далѣе простыхъ повтореній, передѣлокъ того же матеріала

на риторическій ладъ и прибавки эпитетовъ. Но есть въ разбираемомъ текстѣ мѣста, гдѣ онъ, будучи дополненъ противъ текста второй редакціи, представляетъ однако лучшее чтеніе, близкое къ тексту 1 редакціи: а) Во вступленіи:

2 редакція.	3 редакція.
«Момай нача завидети первому безбожному Батыю и новому Уліану, нача испытывати от старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимерь и всю русскую и словенскую землю. Они ж сказаша ему, како уби *Дмитрея Юрьевича* и иныя многи православныя князи изби и многи монастыри оскверни и вселенную церковь пречистую, златоверхую разграбил и *бысть убо плененіе велико*...	Мамай начатъ хвалитися и поревновавъ второму Иуліану отступніку, царю Батыю и нача спрашивати старых татаръ, како царь Батый плѣнилъ русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како плѣнилъ русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимерь и всю Русь, Словенскую землю и великого князя *Юрья Дмитреевича* убилъ и многых православных князей избилъ и святыа церкви оскверни и многы манастыри и села пожже, и в Володимерѣ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ, *ослѣплену же ему умомъ*...

Текстъ 3 редакціи въ этомъ случаѣ стройнѣе, понятнѣе, цѣльнѣе и ближе къ тексту 1 редакціи. Въ имени князя — безусловно ошибка во 2 редакціи: владимирскимъ княземъ при Батыѣ былъ Юрій; конечная фраза также не понята: Батый долженъ былъ быть «ослѣпленнымъ умомъ», такъ какъ не сообразилъ и не зналъ: «како Господу годе, тако и будетъ». «Плененіе» 2 редакціи — не понятое слово: «ослѣплену».

б) Передъ словами: «Яко Господня рука высока есть» вставленъ явный пропускъ 2 редакціи: «А не вѣдый того ока(я)нный».

в) Вставка въ рѣчь великаго князя изъ житія Ареѳы — хотя и не полнѣе въ 3 редакціи, но болѣе обработана и стройнѣй:

2 редакція.

«Егда мученъ бысть царемъ Амиритским и Дунасом жидовином, и́ по многих муках повелѣ его царь усекнути. И крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единоумно вси главы своя под меч кланяху, видяху конец живота своего. И един нѣкоторый воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не аз ли у земнаго царя на пиру преж вас чару пріимах, а нынѣ також хощу преж вас христову чашу пити и преж вас умрети и венець от рукы Христовы приняти. И приступив воин, главу ему отсече и послѣди 500 воин усечени быша».

3 редакція.

«Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь вести и на позорище и мечемъ иссѣщи а, доблии ж его друзи, единъ пред единымъ скорить, койждо ихъ свою главу усѣкателю под мечь клонять за Ареѳу, въеводу своего, вѣдяще убо почесть побѣды своеа. Ареѳа же въевода рече въином своимъ: вѣсте убо, братіа моя, у земнаго царя не азъ ли преж васъ почтенъ бых, земныа чьсти и дары взимах. И нынѣ преди ити подобаеть ми и къ небесному царю, и главѣ моей преж усѣченѣ быти, пачеж вѣньчанѣ. И приступль мечнік и усѣкну главу его, послѣд же и въином его усѣкну главы».

Что касается разночтеній текста Т сравнительно съ текстомъ второй редакціи, то, въ большинствѣ случаевъ, текстъ Т представляетъ лучшее чтеніе, зависящее или отъ того, что протографомъ текста Т былъ исправный списокъ, или же отъ того, что 3 редакція въ основаніи сохранила лучше чтеніе 1 редакціи.

вставкой: «И в предніи дни и приде Исав на брата своего Иякова Израіля, Ияковъ ставъ на градѣ и рече Асафу: брате, Богъ межи мною и тобою, и шибе зъ града копиемъ и уби его».

Такія же риторическія распространенія встрѣчаются въ бесѣдѣ Дмитрія съ Кипріаномъ: «Азъ бо, отче», говоритъ Дмитрій, «пред Богом съгрѣшилъ есмь выше всѣх человѣкъ». Въ отвѣтѣ Кипріана: «Господине, просвѣтився веселыма очима и сердцемъ и законъ божій чтеши и твориши правду». Во 2 редакціи все это — болѣе сжато.

Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выставлены лишніе эпитеты: «*священною* водою», «и рече ему *тайно*». Тоже — въ молитвахъ Дмитрія: «иде ко гробу *чюдотворному* чюдотворца Петра *преблаженнаго*»...

Смотръ войска на Дѣвичьемъ полѣ на Коломнѣ распространенъ вставками въ тонѣ писанія Софоніи: русскіе «наступиша *великія* поля коломенскія»; Дмитрій «рече своему брату Владимеру и своимъ братіям, сколко братіа вою с нами; и рече ему князь Владимеръ Андреевичь: сказываютъ вою с нами ѹ кованой рати».

Рѣчь Олега своимъ боярамъ подновлена: «аще бо мощно намъ послати... таковаго *приключника*, како *имате мыслити*, но застали нам *дорогу*... не подобает *рускому князю* противу *восточнаго* царя стояти... откуду ему приниде помощь, *яко противу нас вооружися*»... *мене жѣ мои помысли обличают*». По сравненію же съ Т вся рѣчь эта носитъ болѣе сокращенный характеръ и представляетъ самостоятельную обработку соотвѣтствующаго мѣста 2 редакціи.

Разсказъ о приходѣ Ольгердовичей близокъ по слогу къ Т, что вполнѣ естественно, такъ какъ братья, по 3 редакціи, изображаются возставшими на отца своего. Отмѣченный мною выше пропускъ 2 редакціи въ рѣчи Ольгердовичей, въ текстѣ У изложенъ полнѣе, чѣмъ въ Т: «Тебѣ ж, государю великому князю, подобает оставити смертныя помыслы, уже подобает буйным словомъ глаголати крѣпчайши войском вашимъ видѣти

ский, князь Романъ Прозоровскый, князь Левъ Курбьскый, князь Дмитрей Ростовскый» ... = 1 ред.

ж) вм. «и поведа ему все, еже сотвори ему преподобный Сергей» ... — «повѣдаеть единому митрополиту, еже рече ему старецъ святый Сергій тайно» ... = 1 ред.

з) къ названію мѣста «Березуй» прибавлено: «яко за двадесят и три поприща до Дону» — указаніе такое же, какъ въ 1 ред.

и) текстъ Т дополняетъ очевидный пропускъ 2 ред., гдѣ послѣ словъ: «общею смертью умрем ото князя и до простыхъ людей», поставлено: «тѣм бо словесем крепится» ...: въ 3 редакціи: «общую смерть пріимемъ от князей и до простых людей. *Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смертнаа, буйными глаголы глаголати*, и тѣми словесы крѣпится» ...

і) ближе по изложенію къ 1 редакціи разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца: Волынецъ беретъ съ собою великаго князя «единаго», а не съ Владимиромъ и литовскими князьями, какъ во 2 ред. Что касается повѣствованія о самихъ примѣтахъ, то списокъ Т въ общемъ весьма близокъ къ тексту 2 редакціи, въ свою очередь, близко подходящему къ первой.

к) послѣ разсказа о видѣніи Ѳомы Кацибѣя, 3 редакція говоритъ объ устроеніи засаднаго полка въ дубравѣ подъ начальствомъ князя Владимира и Дмитрія Волынца. Порядокъ расположенія частей плана здѣсь одинаковъ съ первой редакціей, а не со второй, которая разсказъ о засадѣ помѣщаетъ раньше, *до* повѣствованія о примѣтахъ Волынца.

л) въ разсказѣ о пришествіи вѣстника отъ преп. Сергія въ 3 редакціи находится явный пропускъ второй:

2 редакція.	3 редакція.
Княз же великій сѣд хлѣбецъ святыя Троица: пречистая	Князь ж великій снѣде хлѣбець святый *и, простеръ руцѣ*

Госпоже Богородице, помогай намъ....	*своя, възопи жалостно:* О великая и всесвятая Троице, о пресвятая Госпоже Богородице, помогай намъ....

ж) вм.: «передовой полкъ ведетъ Дмитрей Всеволож, да Володимеръ, брат его, а с правую руку идет Микула Васильевич с коломенцы и с иными со многими»....—«передовой плъкъ ведеть князь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — князь Владимеръ Всеволодичь, а с правую руку плъкъ ведеть Микула Васильевичь с коломнічи, а лѣвую ж руку плъкъ ведеть Тимофей Волуевичь с костромичи». Исключая ошибки: «князь» Владимеръ Всеволожъ, весь отрывокъ = 1 ред.

з) вм.: «многія мертвыя помогаху» — «многіи ж *уязвенні* ... помагаху» — что, конечно, естественнѣй.

и) 3 редакція опять дополняетъ явный пропускъ 2 редакціи:

2 редакція.	3 редакція.
...Сабур... поведа... яко князь великой добръ здоров и царствует в вѣки. Вси ж князи и воеводы наѣхавше скоро, снидоша с коней и поклонишася....	...Сабуръ... рече: князь великій ... здравъ бысть и царствуеть вѣчны. Вси ж князи и воеводы, *слышавше и скоро сшедше* и падше на ногу его, глаголюще...

Изъ *сравненія* текста Т со 2 редакціей явствуетъ также то, что нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ текстѣ Т, слѣдуетъ относить не къ сокращенію 3 редакціи, а къ интерполяціямъ второй. Однако отмѣченная выше интерполяція: «Григорья Капустина» *находится* въ текстѣ Т, хотя отсутствуетъ во многихъ другихъ спискахъ 3 редакціи (между прочимъ въ спискѣ У). Присутствіе этой интерполяціи въ разбираемомъ текстѣ [1]) пока-

1) Въ спискѣ Т интерполяція эта читается такъ: «И ту бяше лежить нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Ея вторичный характеръ здѣсь очевиденъ.

зываетъ, что цѣлая группа списковъ 3 редакціи *развилась изъ второй черезъ списокъ, уже имѣвшій эту интерполяцію.*

Какъ на интерполяцію въ текстѣ Т укажу еще: про иноковъ богатырей говорится: «бѣ бо вѣдомии суть ратніци вь бранѣх, не единому сту наездніци». Эта (не совсѣмъ грамотная) вставка отсутствуетъ въ другихъ спискахъ.

Но съ другой стороны — интерполяція 2 редакціи: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣт 158» отсутствуетъ въ текстѣ Т.

На вопросъ великаго князя (во 2 редакціи), сколько силы у Мамая, захваченный въ плѣнъ татаринъ отвѣчаетъ: «неисчетное множество, *исчести некому*». Послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ въ текстѣ Т и, нужно думать, что эта прибавка — результатъ списыванія интерполированнаго текста. Такой же характеръ носитъ ниже прибавка къ характеристикѣ Дмитрія Волынца: «И изряден во всем по ряду». Въ текстѣ Т этого нѣтъ.

Наконецъ, слова 2 редакціи: «поганых же побита четыреста тысящь і лежаща трупия мертвых на четыредесять поприщь от обоих стран» — какъ не связанныя органически и отсутствующія въ спискахъ 3 редакціи, можно также признать за интерполяцію 2 редакціи.

Теперь отмѣчу тѣ случаи, гдѣ чтеніе текста Т хуже, чѣмъ во второй редакціи. Такихъ случаевъ немного:

а) слова: «егда аз погрожу ему о своей обидѣ» не поняты текстомъ Т, предлагающимъ такое чтеніе: «гдѣ будеть о своей обидѣ». Ср. чтеніе 1 редакціи: «егда убо о своей обидѣ... погрозихъ»...

б) вм. «иж близ моея власти» — «иже от моего княженіа близъ стоять».

в) вм. «не сотвори ми (въ спискахъ 2 редакціи: «им») зла, слез моих ради» текстъ Т читаетъ: «сътвори ми, Господи, слез моих ради», и все это мѣсто получаетъ иное освѣщеніе.

в) въ разсказѣ о прощаніи княгинь и боярынь съ мужьями, въ текстѣ Т вставлено: «И прочаа княгини и боярыни и слу-

жніе жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлованіе и возвратішася с великою княгинею». Этой фразы нѣтъ во 2 ред., и она — лишняя, такъ какъ дальше еще слѣдуетъ разговоръ великаго князя съ своей женою, уже послѣ этого она уходитъ со свитой.

2) не понято то, что говорится объ Ольгердовичахъ во 2 ред.: «бѣста... отцем и братом ненавидими, но Богом возлюблени, бѣ бо есмя едино крещеніе от мачехи своея, княгини Анны». Текстъ Т читаетъ: «Бѣста бо тѣ князи отцемъ своим князем Волгордом ненавидими были, мачехи ради, нъ нынѣ Богомъ възлюблены и бысть и святое крещеніе пріали».

д) вм. «рындѣ» — читается: «рыделю».

е) увѣщательная рѣчь бояръ къ великому князю въ текстѣ Т передана иначе и хуже:

2 редакція.	3 редакція.
Не подобает тебѣ, государю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стояти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам явитися. Егда спасет тебя Господь великого государя и кому случитца смерть или живот и ты — почему разумѣеш, кого как чтити и кого как жаловати. Мы ж вси готовы есмя головы своя положити за тебя, за ласкова государя, а тобѣ подобает памят творити и в книгах писати, памяти дѣля русских сыновъ, иже по нас будут, яко же иногда Леонтей Ѳеодору Тирону памят сотворити. Аще ли тебе единаго	Не подобаеть тебѣ, великому князю, наперед самому в плъку битися, тебѣ подобаеть особь стояти и нас смотріти, а нам подобает битіся и мужство свое и храбрость предъ тобою явити. Егда тя Господь упасеть милостію своею, и ты разумѣешы, кого чим даровати. Мы же готови есмя въ сей день главы своя положыти за тебе, государя, и за святыа церкви и за православъное христіанство. Тебѣ ж подобает великому князю рабом своим, еліко кто заслужить своею главою, память сътворити, якож Леонтій царь Ѳеодору Тирону, въ книгы

изгубим, то который успѣх будет нам, и будем, яко стада овчие, не имущи пастуха, учнем скитатися по пустыням, и пришед волцы расхитят ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, государю, подобает спасти себе и нас».

съборныа написаті нас, памяти ради русским сыном, иже по нас будуть. Аще тебе единаго изгубим, тъ от кого имамы чаяти, кто по нас памят сътворить. Аще вси спасемъся, а тебе единаго останемъ, тъ кій намъ успѣх, и будем, аки стадо овчее, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивіи влъци распудять и, и разбѣжаться овці кои куды. Тебѣ, государю, подобаеть себе спасти, да и нас».

Въ остальномъ — текстъ Т *дастъ лучшее чтеніе, чѣмъ 2 редакція.*

Наконецъ, текстъ Т отличается отъ 2 редакціи тѣмъ, что нѣкоторые эпизоды послѣдней, носящіе по преемству отъ 1 редакціи, тенденціозный характеръ, въ немъ совершенно сглажены. Это обстоятельство вполнѣ естественно: 3 редакція, хронологически, — болѣе поздняя, многое, что интересовало раньше, уже отошло въ область объективныхъ представленій. Отсюда въ разбираемомъ текстѣ замѣчается: значительное смягченіе отрицательной характеристики Олега, полное отсутствіе намѣренія выставить Дмитрія лишеннымъ всякой иниціативы и окончательное низведеніе Кипріана до степени второстепеннаго персонажа повѣствованія.

Послѣ замѣны имени Ягайла — Ольгердомъ, слѣдующей характерной особенностью текста Т, равно какъ и всей 3 редакціи, является *увеличеніе заимствованій изъ писанія Софоніи.* Текстъ Сказанія пересыпанъ этими выдержками, дающими впечатлѣніе въ иныхъ спискахъ своднаго текста. Во 2 редакціи, какъ было указано, это пользованіе украшающими дополненіями

умѣренно, въ спискахъ третьей — поэтическія цитаты и по количеству и по объему доходятъ до максимальной степени, съ тѣмъ, чтобы уменьшиться, до полнаго почти исчезновенія, въ 4 редакціи Сказанія. Выше, при разборѣ Повѣданія, я привелъ изъ него выдержки, встрѣчающіяся въ Сказаніи 3 редакціи, поэтому не стану указывать на нихъ вновь при разборѣ текста Т, тѣмъ болѣе, что еще придется встрѣтиться съ этимъ вопросомъ при характеристикѣ послѣдующихъ группъ.

Изъ разбора текста Т вытекаетъ:

Сохраняя всѣ характерныя особенности 3 редакціи, текстъ Т по плану детально совпадаетъ съ планомъ 2 редакціи, отъ которой онъ и происходитъ. Въ этомъ особенно убѣждаетъ присутствіе одной и той же интерполяціи: «Григорія Капустина». Текстъ Т — стройнѣе и лучше, чѣмъ текстъ 2 редакціи: улучшеніе зависѣло не отъ одной только редакціонной обработки: выше было указано, что Т мѣстами, и нерѣдко, сохраняетъ лучшее чтеніе, близкое къ 1 редакціи. Отсюда вытекаетъ, что Т произошелъ отъ иного списка 2 редакціи, чѣмъ тѣ, которыми пользовался я: этотъ списокъ, хотя уже интерполированный, сохранялъ лучшее чтеніе 2 редакціи, чѣмъ извѣстные мнѣ, значительно потерпѣвшіе отъ переписки.

Перехожу теперь къ разбору списка У.

Текстъ У представляетъ иногда лучшее чтеніе, чѣмъ не только списки 2 редакціи, но и текстъ Т: онъ всего ближе къ 1 редакціи по расположенію частей и по выраженіямъ; но есть основанія, по которымъ я не могъ принять его за основной списокъ: 1) по времени переписки У явился позже Т, и послѣдній списокъ оказалъ на него нѣкоторое вліяніе, и 2) переписка оставила на немъ цѣлый слой описокъ и мѣстъ явно непонятыхъ. Таковы:

Вмѣсто: «палимъ» — написано: «хвалимъ»; вм. «ехидна» — «едина»; вм. «всесвѣтлый» — «всевѣтный»; вм. «нарекъ» — «нарокъ»; вм. «помощь» — «побѣду»; вм. «силу» — «славу»; вм. «московскаго побѣды» — «морские побѣды»; вм. «Лотови» —

«Лютови»; вм. «Моисѣя» — «Мусіа»; вм. «Римскаго» (короля) — «Суромскаго»; вм. «конь» — «копіе»; вм. «испиша» — «спаша»; вм. «медокормци» — ошибкою написано «мѣдьвезешь». Не поняты цѣлыя выраженія: «на устѣ и рѣкы Воронажа»; «и видить твое смотреніе» — вм. «мы видимъ твое смотреніе нашея грубости»; «неуклонными образы нося»; «не же бо ти вѣнець сія побѣды носити, но и минувших лѣтех»; «силы божьи» — тогда когда говорится о силѣ Олега; «уншим слышати руским оукромѣша, а унѣим еще мнозим бран необычны»...; «галици ж с войски гласяху»; «6 часъ приближи ми ся»; «не уклонимся убо на свое», и пр. Есть мѣста выпущенныя, несомнѣнно, изъ за непониманія: о князѣ Владимирѣ: «ему же откры Господь праславную вѣру, яко оному Еустафію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую святым крещеніемъ» — не читается въ У, равно какъ опредѣленіе «подвига» русскаго войска: «его ж на Руси вожделѣша». Спутано перечисленіе князей, пришедшихъ на помощь великому князю. Наконецъ замѣчается присутствіе лишнихъ интерполяцій, вродѣ: «непроходна — сирѣчь глубока»; «убилъ тогда православныхъ христіанъ».

Подобная порча текста, къ сожалѣнію — почти обычная по отношенію къ спискамъ 3 редакціи Сказанія, значительно умаляетъ достоинство этого, во многихъ отношеніяхъ хорошаго текста. По сравнительной древности — списокъ относится къ к. XVI — н. XVII в., по тому, что отъ него зависитъ цѣлая группа списковъ, отличающихся присутствіемъ иногда однѣхъ и тѣхъ же характерныхъ ошибокъ, я долженъ считать и текстъ У за основной.

Я буду разбирать текстъ У, главнымъ образомъ, по сравненію со 2 редакціей, но параллельно укажу и на его отличія отъ текста Т.

Измѣненія въ слогѣ текста У, какъ и въ Т, выразились вставкой лишнихъ эпитетовъ, риторическими распространеніями и подновленіемъ слога. Молитва великаго князя передъ вторичнымъ приходомъ къ Кипріану продолжена риторической

21. Такой же характеръ — близости къ 1 редакціи — носитъ начало разсказа о видѣніи Ѳомы Кацибѣя, который поставленъ былъ «на Чюру на Михайловѣ, мужества его ради, на крѣпкой стражѣ стоя от поганых». У, искажая собственныя имена, тѣмъ не менѣе, сохранилъ здѣсь буквально чтеніе 1 ред., тогда какъ 2 редакція читаетъ «на Чюдо на Михайлово».

22. Вмѣстѣ съ 1 редакціей указывается, что знамя надъ Бренкомъ великій князь повелѣлъ возить «рындѣ своему». Въ Т — «рыделю».

23. Убитыхъ князей бѣлозерскихъ по У — *восемь*, а не пятнадцать, какъ во 2 редакціи. Здѣсь сохранено чтеніе 1 редакціи. Еще разъ лишнее доказательство, что нельзя, безъ элементарной критики текста, полагаться на чтеніе списковъ и указывать на «грубые промахи противъ исторической дѣйствительности», какъ это дѣлали изслѣдователи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

24. Наконецъ, къ 1 редакціи Сказанія, по Никоновскому тексту, приближается весь конецъ повѣсти по списку У. *Этотъ конецъ составляетъ отличительную особенность* какъ разбираемаго списка, такъ и зависящихъ отъ него, имѣющихъ быть указанными, списковъ.

1 редакція (Кипріановская) послѣ разсказа о принятіи великимъ княземъ бояръ рязанскихъ съ челобитьемъ, рисуетъ обратный путь Дмитрія отъ рязанской земли къ Москвѣ. Схема разсказа такова: обратный приходъ на Коломну, гдѣ Дмитрія встрѣчаетъ епископъ Герасимъ — приходъ въ Москву — встрѣча его Кипріаномъ — рѣчь Кипріана по этому торжественному случаю — благодарственныя молитвы и веселье — походъ къ Троицѣ, чтобы поблагодарить пр. Сергія за помощь — панегирикъ великому князю (О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе!. . . — изъ Лѣтописной Повѣсти). Такова схема, въ сущности какъ бы сжато передающая весь предыдущій разсказъ о пути Дмитрія изъ Москвы на Куликово поле. Это повтореніе только замедляло ходъ разсказа и потому, въ большинствѣ списковъ 3 редакціи и во 2 редакціи оно отбро-

шено, но группа списковъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить У, не только сохранила повѣствованіе по этой схемѣ, но и дополнила его. Я приведу цѣликомъ текстъ этого окончанія по списку У.

Передъ этимъ окончаніемъ схема списковъ Т и У, до сихъ поръ совпадавшая, расходится:

Т	У
Сборъ войска на побоищѣ.	Сборъ войска на побоищѣ.
Похороны убитыхъ.	Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).
Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).	Похороны убитыхъ.
Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.	Судьба Мамая } кратко. Судьба Ольгерда } Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.
Судьба Мамая.	
Судьба Ольгерда.	
Судьба Олега.	Судьба Олега.

Разсказъ объ участи Олега въ У кончается словами 1 редакціи: «Князь же великій заповеда всему своему (войску), аще ж кто идетъ по рязанской земли, то ни единъ же ни власу не коснитесь. Проиде же князь великій землю рязанскую, не вели ни единому власу коснутся».

Послѣ этихъ словъ непосредственно въ У [1]) слѣдуетъ разсказъ о возвращеніи великаго князя въ Москву съ побоища:

«Поиде князь великий ко своему граду Коломнѣ, вѣсти ж ускоряюще къ преосвященному митрополиту. Архіепископъ ж повелѣ по всѣм церквам молебны пѣти за великого князя и за вся христолюбивое войско. Прииде ж князь великій на Коломну з Дону восмый день. Архіепископъ же срѣте его с живоносными

1) Какъ и въ 1 редакціи.

кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту нача плакати с рыданіемъ сердечнымъ, и глагола ему епископъ: «Радуйся, княже нашь, и веселися и твое все войско христолюбивое». Абие князь великій от плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архиепископу: «Азъ бо, отче, велми отъ них смирихся, събралъ есмь злата много и послах противу ему. Онъ же паче възъярився на христову вѣру и на свою пагубу ражен діаволом. Тако, отче, случися в Кесаріи Великому Василію, егда отступникъ вѣры христовы, закону попратель Оульянъ царь, иде с Персъ на Великаго Василья и хотяще разорити град его. Василий ж помолися Богу и вси христиани и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурия, и изби его Меркурий божиею силою, с всими силами его. И уби Меркурей войска его ѯ кованые рати; не токмо сам Меркурей изби его, но аггели божии на помощь придоша ему». И рече ему епископъ: «Того ради, господине, Господь Богъ смиренным благодать даетъ, а гордым противится». Князь же великій пребысть на Коломнѣ д̃ дни и хотяше изыти из града в пятый день, на память преподобныя Евфросиніи. Архиепископъ проводи дѣяше с кресты и святыми иконами и съ всим съборомъ, с крылосы проводиша его до рѣки до Сѣрыи. И ту став на рѣки, благослови его живоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великій разлучися с братом своимъ, княземъ Володимеромъ, и отпусти его на Котель дорогою, а сам поиде с литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву к великой княгини и к митрополиту Кипріану, яко князь великій здравъ есть и грядеть на свою отчину. Княгиня же великая въздрадовася. И митрополитъ же повели воду свящати и молебены самъ пѣти и литургию служити за великаго князя и за христолюбивое войско.

Князь же великий приде в Коломеньское село и ту нача ждати брата своего, князя Владимера: того бо ради разлучися

с братом своим, что не вмѣститися дорогами множеством людий. Прииде ж князь Володимиръ вборзи в Коломенское село. Князь же великій отпусти свое войско преже себя на Москву и повели всему войску оп сю страну Яузы. И приде все войско, ста на мѣсти томъ, по повелѣнію великаго князя. И сам князь великий приде на заутрие по заутрени, на праздникъ святѣй Богородици. Митрополитъ же Кипріанъ срѣте великаго князя в Ондриевѣ манастырѣ с живоносными кресты и с святыми иконами и огради крестомъ и рече: «Радуйся, княже нашь великий Дмитрий Ивановичь, побѣдивъ своа супротивникы. Новый еси Александръ, вторый Ярославъ, побѣдитель своим врагом». И окропи его святою водою и рече ему митрополитъ: «Сыну мой, господине великий княже, яко ты царствуеши в вѣки. Земля твоя спасется». И рече ему князь великий: «Азъ, отче, велми пострадах за вѣру и за свою великую обиду, и дасть ми Господь Богъ помощь от крѣпкия своя руки, и молитвою святых страстотерпець Бориса и Глѣба и игумена Сергия, вооружителя нашего, того вооруженіемъ спасохомся». И ту в монастыри восхотѣ слушати, иде в церковь и нача молитися с слезами и рече: «Образ божій, нерукотвореный, не забуди нищих своих до конца. Не предал еси врагом нашимъ в покорение и да не порадуются о нас». Изыде из церкви, и рече ему преосвященный митрополитъ: «Поиде, господине, на благословеное себѣ мѣсто, на град Москву, и сяди, господине, на своем княженіи».

Иде князь великий з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ и с литовскими князми на град Москву. И митрополитъ повелѣ пѣти стихи богородичны и мученичны. Княгиня же великая Евдокия срѣте своего государя во Ѳроловских вратах с многими воискими женами с своею снохою. И ту видивъ своего великаго князя, нача плакати от радости великия и рече: «То перво то я, господине, вижу великаго князя, славнаго в человѣцех, аки солнцу на небо восходящу и освѣтящу всю рускую землю». Князь великий увѣдѣвъ свою великую княгиню и свои двѣ малѣи отрасли: князя Василія и князя Юрья, и въздрадовася

7. Начало разговора Дмитрія съ Кипріаномъ 2 редакція скомкала: въ У: «Испытахомъ бо ся, отче, до велика» = 1 ред. Здѣсь Т = У.

8. Объ Юліанѣ: «отступникъ Оулянъ, идый в Персъ» — такъ же, какъ въ 1 ред.

9. Разсказъ о посланіи Захаріи Тютчева (Тушева въ У) изложенъ съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій 1 редакціи: «князь... по совѣту митрополита своего посла избраннаго своего уношу, доволна смысломъ»... «Захарія... посла... скоро вѣстника к великому князю»... Здѣсь Т = У.

10. Разсказы о посланіи 1 и 2 стражи кажутся цѣликомъ перенесенными въ У изъ 1 редакціи. 2 редакція въ этихъ эпизодахъ измѣняетъ и сокращаетъ текстъ; Т по изложенію близко подходитъ къ У. Сохраняя цѣликомъ выраженія 1 редакціи, У и здѣсь представляетъ примѣры страннаго невниманія къ тексту: «ведуща языкъ к великому князю *Дмитриевичю*».

11. Князь заповѣдалъ: «побарати по вѣрѣ и повели съ всея земли руския и всим людем быти на Коломнѣ на Успеніе святыя Богородица», — эта фраза ближе къ 1 ред., чѣмъ сокращенное изложеніе 2 редакціи.

12. Имена князей, пришедшихъ на помощь съ войсками къ Дмитрію — перебиты во 2 редакціи. Путаница замѣчается и въ Т, но меньше; У, также не свободный отъ пропусковъ, сохраняетъ, однако, всего болѣе чтеніе 1 ред.

13. Обращеніе пр. Сергія къ инокамъ-богатырямъ: «добри воини христови» = 1 ред., вмѣсто чтенія 2-й: «добрии страдалци христовы». Т ближе къ У, но хуже.

14. Ближе къ 1 редакціи и конецъ разсказа о посѣщеніи обители пр. Сергія: Великій князь «поведа единому митрополиту, еже рече ему святый старець».

15. Ближе къ 1 редакціи описаніе выступленія великаго князя. Сохранены выраженія 1 редакціи, что Дмитрій разлучился «з братом своимъ», что великая княгиня смотритъ въ слѣдъ уходящему мужу, сидя «на ороднуцѣ».

на Коломну в осмый день и былъ на Коломнѣ д̄ дни, и поиде с Коломны на ē день и пришелъ на Москву в осмый день». И, скончав молебен, изыде из церкви. Князь же великий пребысть на Москвѣ д̄ дни; и поиде князь великий къ отцу преподобному Сергию и з братом своим и с литовскими князми. И приде ко отцу Сергию и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его съ кресты близъ монастыря и знаменав его крестом, и рече ему: «Радуйся, господине князь великий, и веселися твое христолюбивое войско». И спроси его о своих изволницех, а о его служебницех. И рече ему князь великый: «Твои, отче, изволници, а мои служебници, — тѣми побѣдих врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣт, побѣдил подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христианомъ отъ того пити горькую чашу». И скончав рѣчи сия и повели Сергию ити в церковь и воду свящати и молебен пѣти и литоргию служити. И ту слушавъ святыя литоргия, и рече ему старець: «Вкуси, господине, хлѣба от нашей нищеты». Князь же великий послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, въставъ от трапезы, и повелѣ наряжатися всѣм, изыде из монастыря. Преподобный старець проводи его со кресты. Князь же великий поиде на Москву и приеди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскии проситися въсвояси. Князь же великий нача их чтити и дарми утоляти: язъ вамъ дамъ свыше вашее отчины и здѣ. Князь же великий не може их уняти и отпусти их. И самъ проводи их и з братом своим до Можайска и рече им с слезами: «Братіа моя милая и способници наши». И отпусти их, а сам възвратися въ свою отчину и прииде на градъ свой Москву и сяде на своем княженіи, царствуя в вѣкы».

Таково окончаніе списка У. Надо сознаться, что разсказъ развитъ неостроумно. Схема 1 редакціи сохранена, но редакторъ ее распространилъ: онъ заставилъ великаго князя повторять епископу коломенскому все, что говорилъ въ свое время Кипріанъ объ Юліанѣ, причемъ и самый эпизодъ распространенъ; путь изъ Коломны въ Москву — буквальное повтореніе

прежняго пути изъ Москвы въ Коломну. Повтореніе всего предыдущаго повѣствованія представляютъ и дальнѣйшіе эпизоды текста: встрѣча великаго князя митрополитомъ, великой княгиней, — молитвы Богородицѣ, Петру, Михаилу Архангелу — приходъ къ Троицѣ и разсказъ пр. Сергію о Пересвѣтѣ. Во всей этой схемѣ — простое сжатое повтореніе всего Сказанія, причемъ редакторъ не замѣчаетъ явныхъ нелѣпостей: итти изъ Москвы можно было разными дорогами, благодаря множеству войска; но возвращаться обратно также «разными дорогами», потому что «нельзя было вмѣститься» — странно: оставалось совсѣмъ незначительное число воиновъ. Панегирика великому князю — нѣтъ. Я отмѣчаю эту характерную особенность: 3 редакція, какъ и вторая, окончательно уничтожила всякіе слѣды вліянія Лѣтописной Повѣсти.

Совершенно новыми эпизодами, по сравненію съ 1 редакціей, являются въ этомъ окончаніи: приходъ Дмитрія въ село Коломенское, оттуда на другой день къ Андроньеву монастырю, на Яузѣ, гдѣ его встрѣчаетъ митрополитъ Кипріанъ. Эта подробность, не заключающая въ себѣ никакихъ противорѣчій противъ возможной дѣйствительности, прибавлена, несомнѣнно послѣ: она чаще всего встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи, откуда попала и въ Синописъ.

Въ разсказъ о походѣ къ Троицѣ, распространенный противъ 1 редакціи, вставлена также одна подробность: пр. Сергій, сидя съ братіей за трапезой, неожиданно встаетъ и творитъ молитву. На вопросы недоумѣвающей братіи, онъ отвѣчаетъ, что великій князь въ этотъ моментъ возвратился съ побѣдою въ Москву. Въ этомъ эпизодѣ проходитъ, такимъ образомъ, элементъ чуда, основаннаго на прозорливости Сергія. Матеріалъ же заимствованъ изъ Епифаніева житія пр. Сергія, изъ главы о епископѣ Стефанѣ. Стефанъ, направляясь изъ Перми въ Москву, не могъ при всемъ желаніи посѣтить обители преподобнаго; тогда онъ, издали сотворивъ молитву «достойно есть», поклонился по направленію къ обители и сказалъ: «миръ тебѣ,

духовный брате»! Сергій же, бывшій тогда съ братіей на трапезѣ, всталъ неожиданно, сотворилъ молитву и на вопросы недоумѣвающей братіи отвѣтилъ, что издали (путь Стефана отстоялъ «на 10 поприщъ») епископъ Стефанъ привѣтствовалъ и благословилъ его и братію. Ученики подивились прозорливости старца, особенно когда нѣкоторые изъ нихъ узнали обо всемъ этомъ лично отъ Стефана.

Все остальное распространеніе основано исключительно на повтореніи выраженій и молитвъ Сказанія.

Что касается отношенія У къ писанію Софоніи, то слѣдуетъ отмѣтить, что У и группы списковъ, отъ него зависящія, пользуются выдержками изъ этого памятника въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ Т со своими группами. Эта особенность указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У сравнительно съ Т: разростаясь количественно, списки 3 редакціи все болѣе и болѣе заимствовали украшающія поэтическія добавленія изъ Повѣданія. Во 2 редакціи ихъ еще немного; въ У — больше, но по сравненію съ Т — всетаки меньшее количество.

Во 2 редакціи выѣздъ князей Бѣлозерскихъ изображается такъ: «уж бо тогда аки соколи рвахуся от златыхъ колодицъ, а то рвахутся князи белозерския ис камена града Москвы». Въ спискѣ Т эта картина развита на основаніи Повѣданія: «уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодицъ ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сіниа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ... а хотять наѣхати на великую силу татарскую».

Въ спискѣ У нѣтъ не только всего этого мѣста, но даже той краткой выдержки, которая читается во 2 редакціи.

Въ Т Пересвѣтъ говоритъ словами Повѣданія: «чаду моему Іакову миръ и благословение». Ни въ У, ни во 2 редакціи этой фразы нѣтъ.

кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту нача плакати с рыданіемъ сердечнымъ, и глагола ему епископъ: «Радуйся, княже нашь, и веселися и твое все войско христолюбивое». Абие князь великій от плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архиепископу: «Азъ бо, отче, велми отъ них смирихся, събралъ есмь злата много и послах противу ему. Онъ же паче вьзъярився на христову вѣру и на свою пагубу ражен діаволом. Тако, отче, случися в Кесаріи Великому Василію, сгда отступникъ вѣры христовы, закону попратель Оульянъ царь, иде с Персъ на Великаго Василья и хотяще разорити град его. Василий ж помолися Богу и вси христиани и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурия, и изби его Меркурий божиею силою, с всими силами его. И уби Меркурей войска его $\overline{ц}$ кованые рати; не токмо сам Меркурей изби его, но аггели божии на помощь придоша ему». И рече ему епископъ: «Того ради, господине, Господь Богъ смиренным благодать даетъ, а гордым противится». Князь же великій пребысть на Коломнѣ $\overline{д}$ дни и хотяше изыти из града в пятыи день, на память преподобныя Евфросиніи. Архиепископъ проводи дѣяше с кресты и святыми иконами и съ всим съборомъ, с крылосы проводиша его до рѣки до Сѣрыи. И ту став на рѣки, благослови его живоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великій разлучися с братом своимъ, княземъ Володимеромъ, и отпусти его на Котель дорогою, а сам поиде с литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву к великой княгини и к митрополиту Кипріану, яко князь великій здравъ есть и грядеть на свою отчину. Княгиня же великая въздрадовася. И митрополитъ же повели воду свящати и молебены самъ пѣти и литургию служити за великаго князя и за христолюбивое войско.

Князь же великий приде в Коломеньское село и ту нача ждати брата своего, князя Владимера: того бо ради разлучися

2) Совершенно такого же характера текстъ Сказанія по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IV. № 342. Судя по припискѣ, рукопись относится къ 1682 г. Заглавіе приписано другой рукою: «Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андресвичу. Благослови отче». Текстъ буквально сходенъ съ У; та же опять ошибка: «медъвезешь». По отношенію къ выше разобранному списку и къ У текстъ этого исправнѣй: отсутствуютъ многія описки и ошибки; въ перечисленіи убитыхъ бояръ вставлено несомнѣнно пропущенное предыдущими двумя списками: «да м̄ бояриновъ серпуховскыхъ». Зато въ началѣ повѣсти есть самостоятельная описка, которую я отмѣчаю, какъ имѣющую отношеніе къ другимъ спискамъ: «како възвысися *рогъ* христьянскій» — вмѣсто: «родъ».

Итакъ, оба эти списка новаго по тексту ничего не даютъ.

3) Благодаря указанной опискѣ: «рогъ» я присоединяю къ этой группѣ третій списокъ — Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. 169, скорописный сборникъ XVII вѣка: «Въ лето ,sωпи Сказание о страшном достовѣрное побоище великого князя Димитрея Ивановича, государя Московъского. — Братия, изьвестно хощу поведати, како бысть преславъная побѣда на Дону православному християнству с безбожными агаряны, како Богъ возвыси *рог* христианскиі, а поганых уничижи и посрами их суровство, якож Едеоном на Мадиамы и православным Моисеом на Ѳараоны. Но подобаеть нам поведати величества божия силы, како поможе Господь Богъ великому князю Димитрию Ивановичю, государю руския земли, владимерскому и московъскому». Текстъ — неисправенъ; о дальнѣйшемъ сходствѣ его со спискомъ У я не имѣю возможности утверждать, потому что Сказаніе обрывается менѣе, чѣмъ на половинѣ: «Князь великий Дмитрей Іванович уряди польки своя и приказа коемуждо полку воеводу и повеле Оку реку перевозитися и заповеда всем князем и воеводамъ, да аще кто с великими». Этимъ кончается

и рече князь великий: яко вы царствуете в вѣкы. И поиде князь великий с великою княгинею и своими дѣтми, вниде в монастырь, въ церковь архистратига Михаила, небеснаго воина, и бьет ему челом, святому образу: «Заступникъ еси во вѣки». И знаменася святым его образом. И по сем иде к гробу сродником своим и рече с слезами: «Вы есте наши пособници и наши молебници къ общему владыцѣ. Вашими молитвами велми спасохомся от супостат наших». И изыде из церкви с своим братом, княземъ Володимеромъ и с литовскими князми, поиде въ церковь святыя Богородица и ставъ пред иконою, еже поистиннѣ Лука евангелистъ написа, и рече: «Госпоже Царице, христианская еси заступнице, тобою есмя познахомъ истиннаго Бога». И иде ко гробу преблаженого Петра и, став у гроба, нача молитися с слезами и рече: «Ты еси, преблаженне Петре, спаситель нашь крѣпкыи, твоя есмя паствина, и прояви намъ тебе Господь Богъ послѣднему роду нашему и въжегъ тя нам свѣщу неугасимую и твоею есмя молитвою велми пострадахом и побѣдихом своя враги». Скончав молитву, изыде ис церкви и иде в свое мѣсто, в бережныи сѣни, и сяде на своемъ столѣ и ту нача молитися Богу и утѣшатися.

И в то время преподобный Сергий з братиею вкуси брашна в трапези; не по обычаю въстав от стола и достойно сътворивъ и рече: «Вѣсте ли, братіа моя, что се есть сотворих»? Не може ему ни един отвѣщати. И рече имъ: «Князь великий здравъ есть и пришелъ на свой столъ и побѣдилъ своя враги». И въстав от трапезы и поиде въ церковь з братиею, нача пѣти молебенъ за великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича и за литовские князи, и рече: «Братиа, силніи наши вѣтри на тихость преложишася». И рече: «Азъ есмь вамъ проповѣдахъ, пришла ко мнѣ вѣсть з Дону въ вторый день, яко побѣдил князь великий своя супротивники; и опять пришла ко мнѣ вѣсть в осмый день, яко князь великий пошелъ з Дону на свою отчину и идетъ по рязанской земли. И услышавъ то, князь Олегъ рязанский избѣглъ отчины своея. Князь великий пришел

на Коломну в осмый день и былъ на Коломнѣ д̄ дни, и поиде с Коломны на ѳ̄ день и пришелъ на Москву в осмый день». И, скончав молебен, изыде из церкви. Князь же великий пребысть на Москвѣ д̄ дни; и поиде князь великий къ отцу преподобному Сергию и з братом своим и с литовскими князми. И приде ко отцу Сергию и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его съ кресты близъ монастыря и знаменав его крестом, и рече ему: «Радуйся, господине князь великий, и веселися твое христолюбивое войско». И спроси его о своих изволницех, а о его служебницех. И рече ему князь великый: «Твои, отче, изволници, а мои служебници, — тѣми побѣдих врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣт, побѣдил подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христианомъ отъ того пити горъкую чашу». И скончав рѣчи сия и повели Сергию ити в церковь и воду свящати и молебен пѣти и литоргию служити. И ту слушавъ святыя литоргия, и рече ему старець: «Вкуси, господине, хлѣба от нашей нищеты». Князь же великий послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, въставъ от трапезы, и повелѣ наряжатися всѣм, изыде из монастыря. Преподобный старець проводи его со кресты. Князь же великий поиде на Москву и приеди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскии проситися въсвояси. Князь же великий нача их чтити и дарми утоляти: язъ вамъ дамъ свыше вашее отчины и здѣ. Князь же великий не може их уняти и отпусти их. И самъ проводи их и з братом своим до Можайска и рече им с слезами: «Братіа моя милая и способници наши». И отпусти их, а сам възвратися въ свою отчину и прииде на градъ свой Москву и сяде на своем княженіи, царствуя в вѣкы».

Таково окончаніе списка У. Надо сознаться, что разсказъ развитъ неостроумно. Схема 1 редакціи сохранена, но редакторъ ее распространилъ: онъ заставилъ великаго князя повторять епископу коломенскому все, что говорилъ въ свое время Кипріанъ объ Юліанѣ, причемъ и самый эпизодъ распространенъ; путь изъ Коломны въ Москву — буквальное повтореніе

прежняго пути изъ Москвы въ Коломну. Повтореніе всего предыдущаго повѣствованія представляютъ и дальнѣйшіе эпизоды текста: встрѣча великаго князя митрополитомъ, великой княгиней, — молитвы Богородицѣ, Петру, Михаилу Архангелу — приходъ къ Троицѣ и разсказъ пр. Сергію о Пересвѣтѣ. Во всей этой схемѣ — простое сжатое повтореніе всего Сказанія, причемъ редакторъ не замѣчаетъ явныхъ нелѣпостей: итти изъ Москвы можно было разными дорогами, благодаря множеству войска; но возвращаться обратно также «разными дорогами», потому что «нельзя было вмѣститься» — странно: оставалось совсѣмъ незначительное число воиновъ. Панегирика великому князю — нѣтъ. Я отмѣчаю эту характерную особенность: 3 редакція, какъ и вторая, окончательно уничтожила всякіе слѣды вліянія Лѣтописной Повѣсти.

Совершенно новыми эпизодами, по сравненію съ 1 редакціей, являются въ этомъ окончаніи: приходъ Дмитрія въ село Коломенское, оттуда на другой день къ Андроньеву монастырю, на Яузѣ, гдѣ его встрѣчаетъ митрополитъ Кипріанъ. Эта подробность, не заключающая въ себѣ никакихъ противорѣчій противъ возможной дѣйствительности, прибавлена, несомнѣнно послѣ: она чаще всего встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи, откуда попала и въ Синописъ.

Въ разсказъ о походѣ къ Троицѣ, распространенный противъ 1 редакціи, вставлена также одна подробность: пр. Сергій, сидя съ братіей за трапезой, неожиданно встаетъ и творитъ молитву. На вопросы недоумѣвающей братіи, онъ отвѣчаетъ, что великій князь въ этотъ моментъ возвратился съ побѣдою въ Москву. Въ этомъ эпизодѣ проходитъ, такимъ образомъ, элементъ чуда, основаннаго на прозорливости Сергія. Матеріалъ же заимствованъ изъ Епифаніева житія пр. Сергія, изъ главы о епископѣ Стефанѣ. Стефанъ, направляясь изъ Перми въ Москву, не могъ при всемъ желаніи посѣтить обители преподобнаго; тогда онъ, издали сотворивъ молитву «достойно есть», поклонился по направленію къ обители и сказалъ: «миръ тебѣ,

духовный брате»! Сергій же, бывшій тогда съ братіей на трапезѣ, всталъ неожиданно, сотворилъ молитву и на вопросы недоумѣвающей братіи отвѣтилъ, что издали (путь Стефана отстоялъ «на 10 поприщъ») епископъ Стефанъ привѣтствовалъ и благословилъ его и братію. Ученики подивились прозорливости старца, особенно когда нѣкоторые изъ нихъ узнали обо всемъ этомъ лично отъ Стефана.

Все остальное распространеніе основано исключительно на повтореніи выраженій и молитвъ Сказанія.

Что касается отношенія У къ писанію Софоніи, то слѣдуетъ отмѣтить, что У и группы списковъ, отъ него зависящія, пользуются выдержками изъ этого памятника въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ Т со своими группами. Эта особенность указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У сравнительно съ Т: разростаясь количественно, списки 3 редакціи все болѣе и болѣе заимствовали украшающія поэтическія добавленія изъ Повѣданія. Во 2 редакціи ихъ еще немного; въ У — больше, но по сравненію съ Т — всетаки меньшее количество.

Во 2 редакціи выѣздъ князей Бѣлозерскихъ изображается такъ: «уж бо тогда аки соколи рвахуся от златыхъ колодицъ, а то рвахутся князи белозерския ис камена града Москвы». Въ спискѣ Т эта картина развита на основаніи Повѣданія: «уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодицъ ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сіниа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ... а хотять наѣхати на великую силу татарскую».

Въ спискѣ У нѣтъ не только всего этого мѣста, но даже той краткой выдержки, которая читается во 2 редакціи.

Въ Т Пересвѣтъ говоритъ словами Повѣданія: «чаду моему Іакову миръ и благословение». Ни въ У, ни во 2 редакціи этой фразы нѣтъ.

Выѣздъ засаднаго полка въ У хотя и изложенъ такъ же, какъ въ Т, но текстъ всетаки хуже: «аки соколы изучены ударишася на многи на жоровиныи (такъ и въ Т: жировины) стада, тако сіи крѣпціи мужи направлены разумным своим воеводою»...

Присутствіе неодинаковыхъ вставокъ въ У и въ Т, (а также и во 2 редакціи) заставляетъ предполагать, что списки пользовались Повѣданіемъ самостоятельно, и этотъ памятникъ утилизировался, такъ сказать, до полнаго своего истощенія. Такъ, напр. въ У читается слѣдующее, не имѣющее соотвѣтствія ни съ Т, ни со 2 редакціей, мѣсто: «Рече князь Ондрей: брате Дмитрей! колко с нами вою удалых людей и храбрыя Литвы? И рече князь Дмитрий: вою съ нами 70 тысящъ кованой рати, удалыя Литвы; учрежены бо, яко нарочитыи противныя полци». Въ другихъ спискахъ категоріи Т это мѣсто — на лицо.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію списковъ, зависящихъ отъ У.

Списокъ У я ставлю во главѣ двухъ группъ:

Первая группа представляется *тремя* списками:

1) Москов. Румянц. Музея № 3155, лицевая рукопись, скорописью XVII вѣка. Рукопись представляетъ сборникъ, начинающійся Александріей, занимающей первые 144 листа; на 145 — начинается Сказаніе: «Лѣта ,ѕпѳ Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу і брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Текстъ Сказанія не полонъ, потому что въ рукописи утрачено нѣсколько листовъ. Текстъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, списанъ со списка, одинаковаго съ У: даже повторены однѣ и тѣ же ошибки. Въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей къ великому князю, Дмитрій Брянскій обращается къ брату со слѣдующими словами: «слышах бо, яко приідоша ко мнѣ от Сѣверы *мъдвезешь*, а кажутъ великого князя уж на Дону». Характерная ошибка: «мѣдвезешь» — вмѣсто «медокущы» находится и въ У. Можетъ быть для обоихъ списковъ былъ одинъ общій оригиналъ.

2) Совершенно такого же характера текстъ Сказанія по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IV. № 342. Судя по припискѣ, рукопись относится къ 1682 г. Заглавіе приписано другой рукою: «Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андресвичу. Благослови отче». Текстъ буквально сходенъ съ У; та же опять ошибка: «медъвезешь». По отношенію къ выше разобранному списку и къ У текстъ этого исправнѣй: отсутствуютъ многія описки и ошибки; въ перечисленіи убитыхъ бояръ вставлено несомнѣнно пропущенное предыдущими двумя списками: «да м̄ бояриновъ серпуховскыхъ». Зато въ началѣ повѣсти есть самостоятельная описка, которую я отмѣчаю, какъ имѣющую отношеніе къ другимъ спискамъ: «како възвысися *рогъ* христьянскій» — вмѣсто: «родъ».

Итакъ, оба эти списка новаго по тексту ничего не даютъ.

3) Благодаря указанной опискѣ: «рогъ» я присоединяю къ этой группѣ третій списокъ — Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. 169, скорописный сборникъ XVII вѣка: «Въ лето ,ѕѡпи Сказание о страшном достовѣрное побоище великого князя Димитрея Ивановича, государя Московъского. — Братия, изьвестно хощу поведати, како бысть преславъная побѣда на Дону православному християнству с безбожными агаряны, како Богъ возвыси *рог* христианскиі, а поганых уничижи и посрами их суровство, якож Едеоном на Мадіамы и православным Моисеом на Ѳараоны. Но подобаеть нам поведати величества божия силы, како поможе Господь Богъ великому князю Димитрию Ивановичю, государю руския земли, владимерскому и московъскому». Текстъ — неисправенъ; о дальнѣйшемъ сходствѣ его со спискомъ У я не имѣю возможности утверждать, потому что Сказаніе обрывается менѣе, чѣмъ на половинѣ: «Князь великий Дмитрей Іванович уряди польки своя и приказа коемуждо полку воеводу и повеле Оку реку перевозитися и заповеда всем князем и воеводамъ, да аще кто с великими». Этимъ кончается

текстъ, причемъ далѣе — не написано, а не то, что — утрачены листы.

Ниже будетъ указанъ списокъ Московскаго Румянцевскаго Музея № 378, принадлежащій къ одной изъ группъ, восходящихъ къ списку Т. Въ немъ опять та же описка: «рог» вмѣсто «родъ». Можетъ быть разбираемый списокъ принадлежитъ къ той группѣ: характернаго для У окончанія, какъ я говорилъ, здѣсь нѣтъ.

Во всякомъ же случаѣ, нужно предположить, что и этотъ и румянцевскій списки составились подъ перекрестнымъ вліяніемъ, въ которомъ участвовалъ и списокъ разбираемой группы.

2) Вторая группа представляется однимъ спискомъ — Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, № 442. Этотъ списокъ представляетъ несомнѣнный переходъ къ группамъ, зависящимъ отъ списка Т. Съ У сближаетъ его окончаніе — тотъ же разсказъ объ обратномъ пути великаго князя съ поля битвы. Разсказъ этотъ начинается, какъ и въ У, непосредственно послѣ разсказа о походѣ по рязанской землѣ и участи Олега.

Списокъ этотъ — поздній, рукопись относится къ концу XVII и началу XVIII вѣка и представляетъ писаный разными почерками сборникъ; вплетены нѣсколько печатныхъ листовъ. Заглавіе и начало Сказанія близки къ соотвѣтствующимъ въ группахъ Т: «Побоище великаго князя Димитрія Ивановича, како побѣдил поганаго царя Мамая на Дону з братом своим со княземъ Владимером Андрѣевичем, в лѣто ,sωπι году. — Братие, хощу начати повѣсть новыя сия побѣды, како случися брань на Дону православным християном з безбожными Агаряны и како возвысися безбожных над христианы, но Богъ уничижи и посрами их суровство, яко ж иногда Гедеону на Мадеамы и преславным Моисеом на Ѳараона. Но подобает повѣдати величествия божия, како сотвори волю боящихся его, како способствовавь великому князю Дмитрею Івановичю над безбожными татары».

Вступленіе, какъ видно, — подновлено. Это подновленіе замѣчается вообще въ текстѣ: подновлены тексты ярлыковъ; слова: «аще который человѣкъ Богу вѣрует дѣлы добрыми»... — приписаны апостолу Павлу, какъ въ болѣе позднихъ спискахъ; въ эпизодѣ объ Юліанѣ вставлено: «дѣялося в прошлых лѣтех в Кесаріі при святѣмъ Великом Василіи»; князей бѣлозерскихъ, побитыхъ, уже не 15, а 50.

Подновленіе выразилось, между прочимъ, въ добавленіяхъ: видно, что редакторъ пользовался нѣкоторыми другими источниками, по всѣмъ вѣроятіямъ устными: великій князь проситъ у Сергія Пересвѣта Александра и брата его *Андрея* Ослябя; характерно описаніе противника Пересвѣта: «аки силная гора печенѣг, он окаянный над ним, яко трею лакти возвыше его» — ниже будетъ видно, что эта характеристика распространялась еще далѣе, заимствуя матеріалъ изъ народныхъ старинъ.

Схема разбираемаго списка совпадаетъ со схемами У и Т. Интерполяціи, отсутствующей въ У — о числѣ лѣтъ между битвами на Калкѣ и Куликовомъ полѣ — нѣтъ и здѣсь; за то интерполяція Т о Григоріи Капустинѣ находится и въ разбираемомъ спискѣ.

Сохраняя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе У, разбираемый списокъ подходитъ однако къ группамъ Т тѣмъ еще, что въ немъ замѣчается обиліе выдержекъ изъ Повѣданія; между прочимъ сравнительно рѣдкая въ 3 редакціи картина бѣгства Мамая: «И абие побеже самдесят в лукоморие, сѣрым волком воючи и скрекчюще зубы своими, плачюще и глаголюще еллинскимь языком, поминающе други своя — ясоулове, и князи, і упатове своя, рекуще: уже нам, братие, в земли своей не бывать і дѣтей своих не видати і катун своих не трепати, трепати нам, братие, сырая земля, цѣловати нам зеленая мурава».

Разобранный списокъ, такимъ образомъ, стоитъ на границѣ перехода группъ У къ группамъ Т.

Нужно думать, что 3 редакція, вытекавшая изъ второй, была обработана сначала по схемѣ первой: т. е. сохраненъ былъ

и конецъ послѣдней, подновленный и распространенный. Въ такомъ видѣ былъ протографъ 3 редакціи, неисправными списками съ котораго явились У и списки первой группы, зависящей отъ У. Дальнѣйшая передѣлка, состоявшая въ бо́льшемъ числѣ прибавленій изъ Повѣданія, въ стилистическомъ измѣненіи текста, въ перестановкахъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, еще сохраняла характерный конецъ протографа 3 редакціи, но нѣкоторые списки внесли въ текстъ характерную интерполяцію — «Григорія Капустина». Отъ этихъ интерполированныхъ списковъ впослѣдствіи произошелъ списокъ Т, откинувшій замедлявшее ходъ разсказа окончаніе, которое представляло повтореніе всего повѣствованія. Отъ Т пошли списки, раздѣлившіеся на группы, съ большимъ или меньшимъ количествомъ варіантовъ. Въ этихъ спискахъ упомянутая интерполяція встрѣчается далеко не во всѣхъ: въ нѣкоторыхъ спискахъ ее сознательно опускали.

Перейду къ разбору списковъ, зависящихъ отъ Т.

Списокъ Т, какъ я сказалъ, стоитъ во главѣ цѣлаго ряда группъ списковъ 3 редакціи, въ общемъ сохраняющихъ тоже расположеніе частей плана, но отличающихся болѣе или менѣе значительными добавленіями. Текстъ большинства этихъ списковъ — неисправенъ: переписчики плохо понимали его или списывали съ рукописей, гдѣ листы были перебиты, вообще въ спискахъ чувствуется какая то небрежность и поспѣшность въ работѣ, должно быть преслѣдовались торговыя цѣли исключительно. Что же касается добавленій — то всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ широкимъ заимствованіямъ изъ Повѣданія, писанія Софоніи.

Группы эти слѣдующія:

I. *Лицевая*, представляемая двумя списками, имѣющими сходныя миніатюры. Одинъ изъ нихъ — рукопись Московскаго Историческаго Музея № 40039, писана скорописью въ XVIII в. Сказаніе — не имѣетъ начала и конца въ виду утраты многихъ листковъ. Начинается со словъ: «Слышавъ же то Олгъ рязанскіі, яко грядет князь великіі»..., но изложеніе снова

обрывается, такъ какъ это — отдѣльный листокъ, и текстъ повѣсти вновь начинается со словъ: «...возрадовашася о суетном привѣте, аки не вѣды, Богъ даетъ власть, ему же хощет, не вѣмь бо, что сия нарѣку, аще врази были себѣ, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещение, а к безбожному приложилися»... Въ срединѣ — снова многое перебито, и текстъ обрывается на словахъ: ...«Грозно, брате, в то время посмотрити, лежит трупу христіанскаго, аки сѣнныя стоги, а Дон рѣка»... Текстъ неисправенъ, многаго, какъ сказано, нѣтъ.

Въ виду дефектовъ, нельзя составить достаточнаго представленія о текстѣ повѣсти въ этомъ спискѣ, но миніатюры роднятъ его со слѣдующимъ спискомъ этой группы: Московскаго Румянцевскаго Музея № 3123, писаннымъ полууставомъ и скорописью XVIII в. Текстъ Сказанія и здѣсь не полонъ: утрачено начало, разсказъ идетъ со словъ: ...«Восточному царемъ царю Мамаю князь Волгирдъ литовскиі»..., но пропуски вообще незначительны.

По отношенію къ тексту Т, разбираемая рукопись представляетъ:

а) наличность большого количества ошибокъ, вытекающихъ изъ явнаго непониманія текста, напр.: «гнѣздо есмь кіевское иже изведенны»...; «нынѣ же сего агарянскаго втораго Святополка нарѣку»...

б) добавленія, носящія характеръ риторическаго распространенія:

1) передъ разсказомъ о посланіи Мамаемъ ярлыка: «Безбожный же царь, возрѣвъ и мнітъ себѣ, яко оболстіша писаша ко мнѣ сицѣ. И нача глаголати с темными своими князми, они же разумѣша, яко прилична суть писанія ихъ. И рече царь: азъ мняхъ, яко воедино совокупленіе ихъ будет их на мя, нынѣ же празность велика межь има, имам бо присно на Руси быти. Тѣхъ жеословъ чествовав отпусти и писахъ писанія, даде имъ».

2) распространено разсужденіе по поводу перехода Олега на сторону Мамая: «Богъ даетъ власть, ему же хощетъ, не вѣмъ бо, что сия нарѣку, аще врази были сѣбе, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещеніе, а г безбожному приложишася, аки к дикои масличнѣ, вкупѣ гонити хотятъ православную вѣру. О таковыхъ бо рече патерикъ: поистиннѣ сиі отсѣкошась своея масличны и прісадишась к дикой масличнѣ»...

И ниже: ... «(Олегъ) посылая к Мамаю гонцы, веля ему ско итъти на Русь, о немъ бо рече притча воистинну сицѣ: Путіе злых сплетаются, собираютъ же ся себѣ понасъ и досажденіе, правыхъ же путіе общаются. Нынѣ же» ...

3) архіепископомъ города Коломны названъ «Евфимій».

4) послѣ сл. «Лотови» прибавлено: «поможе вскорѣ доблественному князю Ярославу, яко отмсти обиды брату своему» ...

5) въ перечисленіе убитыхъ воеводъ вставлено: «Было кованные рати на службѣ великъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ ,у ,о храбрыхъ людей в лате».

Всѣ эти вставки новаго не даютъ ничего. Но въ концѣ Сказанія находится пространное заимствованіе изъ Повѣданія, въ сокращеніи соотвѣтствующее вставкѣ списка Румянцевскаго Музея № 378:

в) В то же время приіде вѣсть к Москвѣ в четверты день после бою, на память преподобныя Ѳеодоры Александриския к великой княгинѣ Евдокие і ко преосвященному митрополиту Кипріану, к воинскимъ женамъ, і сказаша, кои побиты. Слыша же ту погибелную вѣсть Ѳедося Микулина жена, да Мария Дмитрева жена рано плакаша оу Москвѣ рѣки на брегу, глаголюще: Доне, Доне, быстрая рѣко, протекла еси сквозѣ каменныя горы, а течешъ в землю половецскую, прилѣй нашихъ государей к намъ: Микулу Васильевича, Дмитрія и Тимоѳея Волуевичев. Оуже бо веселие наше пониче в славнемъ граде Москвѣ, оуже бо не видимъ мужей своихъ в животѣ. Княгиня же великая Евдокія нача ихъ увѣщати: не плачите

по мужехъ своихъ... и глаголюще: Москва, Москва, быстрая рѣка, х чему залѣлѣла еси мужей нашихъ от нас в половецкую землю; тако можеши ли, господине князь великиі, веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку запрудишъ татарскими трупы, замкни, государь князь великій, Онѣ (чит. Окѣ) врата желѣзными враты, чтобъ, государь, к намъ потом погании к нам не ходили, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке на Непрядвѣ. Ея (чит. сія) же оставимъ, но на предлежащее возвратимся».

Эта вставка, представляющая заимствованіе (испорченное) изъ писанія Софоніи, приближаетъ разбираемую группу къ слѣдующей, отличающейся вообще *чрезвычайно широкимъ заимствованіемъ поэтическихъ мѣстъ изъ Повѣданія*, причемъ это заимствованіе, какъ я уже говорилъ, доходитъ мѣстами до своднаго текста, какъ это замѣчается въ спискѣ Румянцевскаго Музея № 378. Его я ставлю поэтому во главѣ этой второй группы, отличающейся отъ предыдущей во первыхъ — отсутствіемъ миніатюръ, во вторыхъ — наибольшей полнотой содержанія, въ общемъ повторяющаго схему списка Т.

II. Эта группа представляется тремя списками:

1) Рум. Музея № 378 [1]), самый полный и исправный списокъ этой группы.

Повѣсть начинается словами: «Братия, хощу повесть начати новыя сея побѣды, како случися бран на Дону православным христіаномъ з безбожными огаряны и како возвыси Богъ рог (такъ!) христьянскии на поганых и уничижи их и посрами ихъ суровство, якож иногда Гедеону на Мадьяма и преславному Моисею на Ѳараона»... Изложеніе цѣликомъ повторяетъ, за исключеніемъ конца, текстъ Т. Разночтенія въ сущности — не важны и сводятся къ ошибкамъ при перепискѣ:

Не совпадаютъ, во первыхъ, имена собственныя: въ перечисленіи гостей сурожанъ: «Василья *Капущу*, Сидора *Ѳедорова*,

1) Сборникъ, скорописью XVII в. См. Востокова, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея.

Константина, Козму Коверу, Семена Онтонова, Михаила Саларева, Тимоѳея *Вусякова*, Дмитрія Чернаго, *Дементія Саларева*, Ивана *Шихова*». «Дементіемъ» зовется и Меликъ. Вмѣсто «Чурикова» читается «Чиракова». Нашедшіе великаго князя носятъ имена: «Ѳеодоръ Сабуровъ и Ѳеодоръ Холопивецъ», родомъ «костромитичи».

Встрѣчаются слова, явно не понятыя переписчикомъ: «и приидоша ко мнѣ *сиверки*» — вм. — съ сѣвера медокупцы; «Гедеоновы *книжницы*»; «въ нощи той и мрацы росяныи явишася»; «повелѣ *рыдателю*... возити» — вм. рындѣ; «кояждо рука держаше от облака того ово вѣнцы, ово *потырци*».

Есть мѣста, носящія характеръ подновленія: «и рече: Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, предстоя на ны, коромолу дѣет. Не даи же, Господи, о нас порадоватися врагу нашему»... Еще, въ описаніи бѣгства Мамая: «Мнози ж уязвени наши помогают нам, секуще без милости: ни единъ же бѣ, камо може убѣжати, занеж кони их притомишася»...

Присутствіе интерполяціи «Григорья Капустина» указываетъ на непосредственную связь № 378 съ текстомъ Т. Лучше чтеніе послѣдняго противъ 2 редакціи наблюдается и въ разбираемомъ спискѣ. Кромѣ того, послѣдній самъ даетъ уже вторичныя улучшенія текста: формула боя здѣсь болѣе архаична: «на том бо полѣ силни полци ступишася, а из них выступали кровавые езера, блистание ж мечное и трепет, аки силнии молнии, и зык велик от мечного сѣченія»...

Характерной же особенностью № 378 является конецъ Повѣсти, представляющій сводку Сказанія съ Повѣданіемъ, при этомъ сводчикъ, оканчивая попеременно выписки изъ того и другого памятника, отдѣлялъ ихъ замѣткой: «Сия убо оставимъ, на первое возвратимся». Выше, при разборѣ Повѣданія, я указывалъ на характеръ этого своднаго конца, на его отношеніе къ Писанію Софоніи и привелъ самый текстъ.

2) Слѣдующій списокъ — собранія Ундольскаго № 772, скоропись XVII в., стоитъ въ ближайшей связи съ вышеприве-

деннымъ. Къ сожалѣнію, онъ очень неисправенъ: не полонъ, списанъ съ перебитыхъ листовъ, изобилуетъ грубыми ошибками, обличающими или явное непониманіе оригинала или весьма невнимательное отношеніе къ тексту.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ подновленъ, начиная съ самаго заглавія: «В лѣта ҂ѕѡпѳ. Сказание о Донскомъ побоище, како случися великому князю Дмитрею Івановичю Московскому брань и победи восточново крымского царя Мамая, и возвыси Богъ род крестиянскиі над поганымъ».

Рукопись, повторяю, изобилуетъ массой ошибокъ, описокъ, пропускомъ слоговъ, цѣлыхъ словъ: «землянаго» — вм. земнаго; «царева творя» — вм. царева двора; «спѣшно грядяху, яко вѣдовѣиныя чары питіи и стеблия, и тѣ хотять себѣ чести добыти и славнаго имяни. Ужи бо, брати, стукъ а гром грѣмит по ранней зорѣ, князь Володимеръ Ондрѣевич Москву реку перовое». Перепутаны имена Сурожанъ; разсказъ о примѣтахъ Волынца обрывается на полурѣчи и непосредственно, на той же страницѣ, слѣдуетъ продолженіе разсказа о приходѣ Ольгердовичей. Нѣкоторыя мѣста въ рукописи зачеркнуты самимъ писцомъ. Послѣдніе четыре листа перебиты; Сказанію не достаетъ конца.

Не смотря на эти дефекты, разбираемый текстъ представляетъ мѣстами лучшее чтеніе, чѣмъ Рум. № 378. Таково начало разсказа о прощаніи княгинь съ мужьями: «Княгиня же великая Овдотья и княгиня Володимерова Марія и инных православных князей княгини с воевотцкими женами»...; тогда какъ въ № 378 читается: «Княгини ж великая Евдокѣя інных 23 володимерских православныя княгини»...

Особенностью же разбираемаго списка является присутствіе новыхъ, еще не находившихся въ предыдущихъ спискахъ вставокъ. Эти дополненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространяютъ текстъ такими указаніями или эпизодами, которые органически связаны съ группой, составляющей переходъ къ 4 редакціи Сказанія. Въ разбираемомъ спискѣ еще такихъ мѣстъ немного,

по его, какъ и нѣкоторые другіе, имѣющіе быть указанными списки 3 редакціи, слѣдуетъ разсматривать какъ протографы, изъ которыхъ, впослѣдствіи, развилась 4 редакція Сказанія.

Я отмѣчу эти новыя указанія и вставки:

а) Слова: «аще хто вѣру держитъ ко Господу добрыми дѣлы и правду держитъ в сердцы, не можетъ бѣзо многих врагов быти» — опять приписаны здѣсь апостолу Павлу.

б) Захаріи Тучкову дается въ сопровожденіе товарищъ, фигурирующій, собственно въ спискахъ 4 редакціи: «да другова с ним отпусти Ондрѣя Семенова сына Попова, иже прибежа от царя Момая с вестью к великому князю Дмитрею Ивановичю».

в) Разсказъ о посланіи стражи продолженъ: великій князь послалъ: «Радиона Ржевъскаго, Ондрѣя Волосатаго, Василья Тупика, Якова Ослабятова, иных многихъ с ними крѣпкихъ *юноковъ* [1]) семдесят человѣкъ».

г) Указано имя снохи великой княгини — Соломонида.

д) Но что особенно приближаетъ этотъ списокъ къ 4 редакціи — это довольно пространная вставка въ разсказъ о посольствѣ Василія Тупика: великій князь «скоро посла от думы дворянина Василья Тубинака и многихъ с нимъ дворянъ и детеи боярскихъ, а мы его силу обедемъ 12 днеи на добрых конех, и во второй на десять днеи подстерегли насъ сторожи царевы и меня поимали и перед царемъ поставили. И воспрашивалъ меня царь: вѣдомо ли моему слуге, а вашему великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому, что яз иду к нему гостит со многими силами, а силы моей двенатцать ордъ и три царьствия, князей 803, опричь боловны, и поскихъ 40 безъ единого князя, а воіска моего со мною семъсот тысяч и три тысячы, опричь того, что после моего числа пришли ко мнѣ великия два олпоута з двѣмя орды, темъ я числа не вѣдаю. Можетъ ли де слуга мои, а вас государь всѣхъ нас накормити и одолити. Меня же,

---

1) Присутствіе здѣсь слова «юнакъ» и странныя ошибки въ перепискѣ заставляютъ думать, что писецъ не былъ русскимъ славянином.

государь, велѣлъ царь по полкомъ водити и казати сосуды бранныя, яже бяше привезенъны на взатие руским градомъ, но, милостию пречистыя Богородицы и молитвами святаго преподобнаго игумена Сергиі і твоим государевымъ счастьем, убежал у самого царя из рук и пришел с вѣстию к тобѣ, государю».

Этой вставки нѣтъ въ предыдущихъ текстахъ, она рѣдка вообще въ текстахъ 3 редакціи, разсказъ Тупика здѣсь представляетъ попытку иллюстраціи къ посланію великимъ княземъ стражей въ татарское Поле. Объ этихъ посольствахъ 2 и 3 редакція, какъ извѣстно, говорятъ весьма кратко. Естественно, поэтому, могло возникнуть желаніе объяснить себѣ поведеніе пословъ передъ Мамаемъ; точка зрѣнія, конечно, должна была быть патріотической: все могущество Мамая разбивалось о божественное заступничество за русскихъ или же о хитрость и мудрость пословъ. Такія подготовительныя работы, какъ приведенный отрывокъ, впослѣдствіи должны были привести къ особому эпизоду о встрѣчѣ какого-нибудь русскаго посла съ татарскимъ ханомъ, и этотъ эпизодъ нашелъ себѣ мѣсто въ спискахъ 4 редакціи: разсказъ о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ является одной изъ отличительныхъ особенностей именно 4 редакціи Сказанія.

Списки 3 редакціи, сохраняя схему протографа, имѣютъ много подобныхъ вставокъ, иногда настолько оригинальныхъ, что въ отдѣльную группу приходится выдѣлять чуть не. по одному списку. Популярность 3 редакціи была прямо пропорціональна передѣлкамъ текста: еще разъ приходится констатировать, что списки разбираемой редакціи на столько различны, что рѣчи быть не можетъ объ элементарномъ подведеніи варіантовъ.

3) Послѣдній списокъ этой группы, собранія гр. Уварова № 492, конца XVII в., имѣетъ отношеніе и къ № 378 и къ только что разобранному. Съ Румяцевскимъ № 378 его роднитъ одна и та же вставка изъ Писанія Софоніи, которую я указывалъ также и въ спискѣ Рум. Муз. № 3123. Вставка эта представляетъ эпизодъ о плачѣ женъ:

«Слышав ту погибельную вѣсть, Ѳеодосия Микулина Васильевича, да Мария Димитриева жена Волуеча, да Тимоѳеева жена Волуевича рано плакаше оу Москвы реки на брегу и ркучи: Донѣ, Донѣ, быстрая реко, протекла еси сквозѣ каменныя горы, а течеш в землю половецкую, прилелѣй нашихъ государей к намъ — Микулоу Васильевича, Димитрия Волуевича, Тимоѳѣя Волоуевича. Оуже веселие наше пониче в славномъ градѣ Москвѣ, оуже бо не видимъ моужей своихъ в животѣ. — Княгиня же великая Евдокѣя нача ихъ тѣшити: Не плачите по своихъ мужах, дасть Богъ, сождем к себѣ великаго князя, оучнетъ васъ дарми оутоляти про вашихъ мужей за ихъ великую службу. А аз рада о вас государю великому князю со слезами печаловатися, а по мужехъ вашихъ памяти творити. — И рече Ондрѣева жена Черкизовича: Государыня великая княгиня, се оуже веселие наше пониче, а солнце намъ померче в славнѣ градѣ Москвѣ. — Коломенскіхъ бояръ жены рано плачющеся оу Коломны, на забралахъ града и рекучи: Москва, Москва, быстрая реко, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в половецъкую землю, такъ можеши ли, господине князь великій, веснѣ прудъ запрудити, а Дон реку шеломы вычерпати. Аще, господине, Дон реку татарскими запрудишь трупы, а замкни, господине князь великій, ворота желѣзными враты, чтобъ, государь, потомъ поганіи к нам не ходили, оуже мужей нашихъ поганіи побили на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве. *Ея же оставимъ, но на преднее возвратимся.*

При всей близости къ тексту № 378, этотъ отрывокъ отличается большимъ удаленіемъ отъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ Писанія Софоніи, что показываетъ его болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ Румянцовскаго № 378. Послѣдній списокъ, какъ я указывалъ, съ наибольшей полнотой удерживаетъ поэтическія мѣста Повѣданія. Разбираемый, при сохраненіи большинства вставокъ, нѣкоторыя иногда выпускаетъ: такъ, нѣтъ вставки: «стукъ стучитъ, а громъ гремитъ»... передъ разсказомъ о походѣ къ Троицѣ. А болѣе поздніе списки, по мѣрѣ

приближенія къ типу 4 редакціи, начинаютъ мало по малу, какъ я замѣчалъ, терять поэтическія украшенія. Здѣсь, слѣдовательно, — какъ бы начало приближенія къ 4 редакціи, съ которой разбираемый списокъ сближаетъ еще одно обстоятельство: 4 редакція разбита на главы, причемъ каждая носитъ опредѣленное заглавіе; заглавія, написанныя киноварью, находятся и въ разбираемомъ спискѣ; правда, они здѣсь, какъ бы въ зачаткѣ, ихъ немного, и они не проведены по всему тексту. Таковы: 1) О Олеге, царѣ рѣзанстемъ; 2) Ярлыкъ от Олга к Мамаю; 3) Ярлыкъ Волгирда Литовскаго; 4) О пришествіи пословъ с книгами к Мамаю; 5) Ярлык Мамая царя ко Олгирду и ко Ольгу; 6) О ізвѣданіи про Мамая царя Димитрия Ивановича (разсказъ о томъ, что великій князь, узнавъ о походѣ Мамая, начинаетъ молиться); 7) Князя Димитрія молитва; 8) Князя Димитрія и Володимера приход к Киприяну митрополиту.

На этомъ заглавія обрываются. Замѣчу, что въ большинствѣ случаевъ указанныя заглавія *не* соотвѣтствуютъ выставленнымъ въ 4 редакціи, такъ что послѣдняя имѣла только прецедентъ въ спискахъ 3 редакціи, но самостоятельно и послѣдовательно развила ихъ сама.

Разбираемый списокъ — не полонъ. Онъ начинается со словъ: ...«пленил Киев и Володимеръ град и всю вселенскую вѣру, како оуби князя Юря Димитриевича и многія православныя князи»... Текстъ испорченъ, по обыкновенію, напр.: «И оусплени же бысть очима, того не разумѣша, яко Господь ни един будет, той и будет». Не понятъ вовсе разсказъ объ Уліанѣ: «Како случися *великому князю Димитрію* преступникъ, хотя разорити *градъ его*, онъ же помолись Богу со въсѣми християны и собраша злата много, да быша оутолитъ. Он же паче возъярився, Господь же посла воина своего Меркурія: онъ же оуби гонителя невидимо»; если здѣсь, не ошибка, то очень неудачный примѣръ подстановки. Впрочемъ, у переписчика было стремленіе измѣнять текстъ оригинала, напр. въ характеристикѣ

князей бѣлозерскихъ: «Придоша же к нему князи Белозерскія, подобни суще воевѣ, велми оучрежено воинство ихъ, яко могущу имъ братися противу агарянъ».

Въ общемъ же схема вполнѣ приближается къ Т, развѣ только нѣкоторыя мѣста являются въ болѣе сокращенномъ чтеніи, напр. — молитвы великаго князя. Весь конецъ — по схемѣ Т; приходомъ великаго князя на Москву оканчивается разбираемый списокъ.

III. Третью группу, въ виду того, что нѣкоторые списки, къ ней относящіеся, были въ свое время напечатаны И. Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, я предлагаю назвать *печатной*. Снегиревское изданіе было сдѣлано по 5 спискамъ; въ основаніи положенъ списокъ Тимковскаго, уставной сборникъ XVII вѣка; изъ остальныхъ къ тексту подведены варіанты. Однако — не всѣ эти списки одной редакціи, и приводимый Снегиревымъ списокъ кн. Оболенскаго я принужденъ отдѣлить и отнести всецѣло къ 4 редакціи, по моему дѣленію. Оставшіеся 4 списка могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ:

Въ основу печатной группы слѣдуетъ поставить Ермолаевскій списокъ, а не — Тимковскаго, какъ наиболѣе подходящій по плану къ списку Т., съ которымъ онъ вполнѣ совпадаетъ и по окончанію [1]). Списокъ Тимковскаго, по сравненію съ Ермолаевскимъ, далеко не полонъ и имѣетъ явно случайные пропуски (напр. выпущена вся первая половина разсказа о посѣщеніи обители пр. Сергія). Заключеніе списка Тимковскаго значительно сокращено: выпущены эпизоды: сборъ войска подъ знамя на побоищѣ, рѣчь Дмитрія и счетъ побитымъ воеводамъ, благодарственная рѣчь къ войску, и разсказы объ участи Ольгерда и Олега. Вмѣсто всего этого, послѣ разсказа объ участи Мамая, слѣдуетъ поэтическая вставка, изъ Повѣданія, имѣющая характеръ исходнаго величанья:

---

1) Въ немъ — та же интерполяція, что и въ Т: «Григорія Капустина».

«Оудальцы восплескаше в татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы, и насычи, буган, коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари. Предъвознесеся слава руская надъ погаными землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поидѣ вѣсть по всѣмъ градомъ ко Орначу, к Риму, х Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратомъ, ко Царюграду на похвалу: Роусь поганыи одолѣша на полѣ Куликове, на рѣчке на Непрядве. Воздадимъ хвалу руской земли! Кой градъ глава всѣмъ градомъ, — Володимеръ и Ростовъ, хвалу воздаютъ Богу со всѣми грады. Прославлю милость божію во вѣки вѣковъ. Аминь».

Всего ближе къ списку Тимковскаго стоитъ лицевой списокъ Царскаго, по указанію издателя — Снегирева. Съ текстомъ Царскаго Снегиревъ знакомитъ мало.

Наконецъ Снегиревскій списокъ, заключающій текстъ неполный Сказанія (нѣтъ начала), отличается отъ перечисленныхъ также окончаніемъ: въ Снегиревскомъ спискѣ оно сходно съ концомъ Кипріановской редакціи, иными словами, этотъ списокъ можно въ равной степени относить къ группамъ, зависящимъ отъ У. Судя по варіантамъ, этотъ списокъ по тексту всего ближе къ Ермолаевскому, слѣдовательно и къ Т. Интерполяціи «Григорія Капустина» нѣтъ. Принимая во вниманіе эти особенности Снегиревскаго списка, я, оставляя его въ группѣ печатной, тѣмъ не менѣе принужденъ считать образовавшимся отъ протографа У.

Эти четыре, напечатанныхъ Снегиревымъ, списка представляютъ всѣ характерныя особенности, отличающія печатную группу. Текстъ всѣхъ этихъ списковъ вполнѣ исправный; по содержанію — главная особенность ихъ — *обиліе заимствованій изъ Повѣданія*: въ нихъ это заимствованіе выражается особенно ярко.

По отношенію къ тексту Т, печатный текстъ представляетъ:

1. При наличности сходства со списками Т и У, печатная группа мѣстами представляетъ чтеніе, приближающееся ко 2 редакціи. Это обстоятельство еще разъ доказываетъ, что

3 редакція образовалась отъ 2, причемъ протографомъ 3 редакціи служили исправные списки.

2. Печатная группа представляетъ рядъ мелкихъ разночтеній, какъ со списками Т и У, такъ и со 2 редакціей, и путаницу въ собственныхъ именахъ (воеводъ, пришедшихъ на помощь Дмитрію, боговъ, которыхъ призывалъ Мамай на помощь). Я не стану приводить всѣхъ этихъ разночтеній, такъ какъ они ничего не даютъ для характеристики текста: ошибки и разночтенія — непремѣнное слѣдствіе послѣдовательной переписки.

3. Печатная группа по происхожденію — болѣе поздняя, что явствуетъ изъ цѣлаго ряда дополненій и подновленій въ изложеніи. Укажу на главнѣйшія:

а) въ ярлыкѣ Олега: *не презри моленія моего*. Ярлыкъ списавъ, *посла же непославъ, но посла посолство*... (къ Ольгерду).

б) въ его же писаніи къ Ольгерду: «*Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу бо единаго с тобою и жду твоего послисаря*». Въ обоихъ вставкахъ оттѣняется единомыслiе Олега и Ольгерда.

в) продолжено разсужденіе о недомыслiи союзниковъ: ...не вѣдуще... *Богъ даетъ власть, ему же хощетъ*... Въ томъ же мѣстѣ, ниже — подновленіе: ...паки рече: *изрый яму*, самъ...

г) отвѣтъ пословъ союзникамъ — подновленъ: «яко царь здравитъ, велми хвалитъ».

д) Кипріанъ совѣтуетъ великому князю послать дары Мамаю, «дабы не разрушилъ хрістовы вѣры».

е) приведено приблизительное содержаніе грамоты, разосланной великимъ княземъ: «да будете готови на брань и збиритися на Коломну *битися з безбожными* Агаряны. *Вси бо на мя собрашася сопостати*, но помощію божіею *и молитвами святыя Богородица, взыдемъ имъ во срѣтеніе*».

ж) молитва Дмитрія ко Вседержителю Богу передъ началомъ выступленія изъ Москвы распространена риторически: ...къ Тебѣ прибѣгаемъ единому, *егда оунываемъ отъ скорбей нашихъ*... Тебѣ *бо льпо есть миловати и спасти насъ*, подъ

твоею рукою есмь... но и Тебѣ, Господи, *оставляющему насъ, намъ тебя взыскающимъ. И иная многая ему глаголюще и молящеся.* Пріимъ...

з) плачъ Евдокіи нѣсколько дополненъ поэтически (вставка: «Отъ Калкинскаго побоища до Мамаевы рати р҃ѯ҃ лѣтъ», читаемая во 2 редакціи, не находится въ спискахъ Ермолаевскомъ и Снегиревскомъ): ...Азъ же, *оуналая*, имѣю двѣ отрасли,... *но еще и тѣ мали* суть... то не могу терпѣти, *ни на что же опираяся*; ихъ или зной проразитъ, *тако же имъ погибнути*...

и) точно указано, когда надлежало уходить изъ Коломны: «в четверкъ августа 29 день, на память оусѣкновенія главы Иванна Крестителя».

і) на поздній характеръ происхожденія печатной группы указываетъ титулъ Дмитрія: «великому царю русскому».

к) дополнено размышленіе Олега; эта часть повѣствованія вообще подвергалась различнымъ передѣлкамъ, какъ останавливавшая на себѣ вниманіе редакторовъ по своей поучительной точкѣ зрѣнія.

л) риторически дополнена грамота князя Андрея Ольгердовича: ...*плавающаго* тернія сего *и подавляющаго насъ* и присадимся... винограду *плодовитому* и *христіанскодѣтельному* рукою Христовою... Господи и Владыко *животу моему*...

м) въ примѣтахъ Волынца замѣчаются слѣды подновленія: ...городы ставятъ... птицамъ, прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто... лебеди и оутята... ...нудивъ его добрѣ...

н) поновленіе есть и въ отвѣтной рѣчи бояръ великому князю: «оучнемъ волочитися, ни на что же взирая» — вм. «скитатися по пустынямъ».

о) занимала редакторовъ также картина единоборства, противъ 3 редакціи здѣсь она распространена: «Они же оударишася копьи, аки силніи громи грянуша, егда мѣсто не проломися подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Оба же они спадоша с коней на землю, ту и скончашася».

п) подновлено описаніе конца 1 момента боя: «Яко же 6-му часу минующе поганіи же всуду задѣша, и около крестьянъ обступиша татарове. Оуже бо мало есть полковъ крестьянскихъ: всѣ полки татарские».

р) значительно распространенъ разсказъ князя Стефана Новосильскаго, видѣвшаго на побоищѣ великаго князя. Этотъ вставочный эпизодъ попалъ въ распространенную, четвертую редакцію Сказанія: «Азъ видѣхъ его пред самимъ твоимъ пріездомъ, пѣша по побоищу идуща, и оуязвлена велми, и еще емоу стужаютъ 4 татарина. Азъ же бился с татариномъ и помощию божиею борзо побѣдихъ его и погнахся за тѣми, иже стужаютъ великому князю: не мощно бо бѣ борзо гонитися, не може конь итьти в трупу человѣчю борзо. Но оугонивъ татарина, оубилъ; три же ихъ на мя нападоша, много ми стужаху, и по милости божіи, два отъ нихъ оубихъ, третей же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ, оузрѣвъ же иные татарове, наехаша на мя и многими стужиша и раны многи нанесоша ми; крѣпъко отъ нихъ пострадахъ, егда избыхъ от нихъ, и в трупу пребыхъ, донъдеже ты приспѣ».

Этотъ разсказъ вставленъ, такъ сказать, для оправданія очевидца, не имѣвшаго возможности помочь преслѣдуемому великому князю.

Таковы главнѣйшія прибавленія печатной группы противъ основныхъ списковъ. Въ разбираемой группѣ видно сознательное отношеніе редакторовъ къ тексту: распространенія имѣли въ виду поясненіе неясныхъ или краткихъ мѣстъ оригинала, развивали наиболѣе интересные эпизоды, модернизировали старые обороты и дополняли ихъ новыми выраженіями. Если же текстъ сокращался, — списокъ Тимковскаго, напримѣръ, то редакторъ всюду отмѣчалъ это сокращеніе: не доканчивая текста молитвъ или рѣчей дѣйствующихъ лицъ, онъ ставилъ: «І ина многа глаголющимъ имъ» или: «иная многая рече со князи».

4) Забота объ украшеніи слога выразилась, какъ я упоминалъ, въ широкомъ заимствованіи поэтическихъ мѣстъ изъ

Повѣданія, настолько, что даже самое заглавіе повѣсти стало носить двойное названіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго: см. списокъ Тимковскаго: «Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о побоище»... Замѣчу, что списокъ Тимковскаго, сокращая Сказаніе, всего болѣе изобилуетъ вставками изъ писанія Софоніи. Отмѣчу эти, не находящіяся во 2 ред. и спискахъ Т и У мѣста Повѣданія:

1) «И говоритъ князь Владимеръ Анъдрѣевичь: господине, князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные колантыри, и булатныя байданы, и колчары ѳряйския, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по ошѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіянскую и за твою обиду государя великаго князя».

2) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей руской земли, велико вѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи новъгородцы оу святыя Софѣи премудрости божія, аркучи межу собою таковое слово: Оуже намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю Димитрию; оуже бо яко орли слѣталися дивныя оудалцы храбрыхъ своихъ пытати».

3) Картина прихода звѣрей на мѣсто будущаго побоища — полнѣе и лучше:

«За многіе же дни приідоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца оутверждаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неоумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оустъ Дону приспѣша, лисицы на кости брещутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, в оньже имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ».

4) Вся картина боя — полнѣе и ближе къ Повѣданію:

...«крѣпко ступишася: треснуша копія харалужная, звѣнятъ доспѣхи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя»...

...«На полѣ Куликовѣ между Дономъ и Мечею сильни полки сступишася, из нихъ же вытекаютъ крововые ручьи [сп. Ерм.: ...напрасно щипляются щиты богатырскіи о злачныя доспѣхи, а ліется кровь богатырская подъ сѣдлами кованными, блискаютъ шаблѣ булатными около головъ богатырскихъ, котятся шоломы позлащенныя с личинами добрыми конемъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрыхъ коней на сырую землю и потоптаны бываютъ. Не едины богатыріе рускіе біены быша, но и татарскихъ вдвое: не токмо бо оружіемъ біющеся, но и сами отъ себѣ разбиваxуся] и трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломленія»...

...«В то же время тутошныя рѣки мутно пошли, востребеташа лузи и болота, езера выстоупиша из мѣстъ своихъ, протопташеся холми высокіе, траву же кровію подмывало, льющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны»...

...«Роуские оудалцы побіени суть, аки силніи древа сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози оудалцы, оурывающеся на землю под конскіи копыта, и мнози же сынове рустіи сотрошася»...

5) Наконецъ, заключительное величаніе въ спискѣ Тимковскаго, цѣликомъ заимствованное изъ писанія Софоніи, приведено мною выше, и здѣсь я его вторично приводить не буду.

До сихъ поръ я касался списковъ, напечатанныхъ Снегиревымъ. Но мнѣ извѣстно еще нѣсколько неизданныхъ, *которые нужно относить къ печатной группѣ*:

1) Академіи Наукъ 16. 17. 22, скороп. XVIII в. Сказаніе носитъ названіе: «Сказание *Совония изерея резанца*, похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его, князю Вла-

димеру». Начало: «Сия побѣда и брань, како случи на Дону православымъ християномъ з безбожными агаряны»...

Академическій текстъ *совершенно совпадаетъ съ текстомъ Тимковскаго*, то же отсутствіе первой половины разсказа о походѣ къ Троицѣ.

2) Императорской Публичной Библіотеки Q. XV, X, 70, скор. начала XIX в. Заглавіе: «Сказаніе *Софронія іерея рязанца*, похвала и о побѣдѣ великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андреевичю». Начало: «Сія побѣда и брань бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ со безбожными агаряны»...

Текстъ этого списка *сходенъ съ текстами Ермолаевскимъ и Тимковскаго*. Въ концѣ помѣщенъ: счетъ войска (= Ерм. сп.) и исходное величанье (= сп. Тимк.). Послѣднее я приведу:

«И возвратися князь Дмитреи Ивановичь съ побѣды, поиде ко граду своему Москвѣ. Уже рускія удальцы восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ, идучи во свою землю рускую, чусы и пасы [1]) и бугаи и кони и вельбуды и волы и медъ и вина и сухари [2]) съ собою катаху [3]). Предвознесеся слава руская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Поиде же вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Риму [4]) и къ Кафѣ и къ Желѣзнымъ градомъ [5]) и къ Царю граду, что похвала Дмитрею Ивановичу всея Русіи [6]). Русь поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Упочивали князи рускія у быстрого Дону. Того ради [7]) воздадимъ хвалу земли руской. Которыя градъ глава всѣмъ градомъ былъ Володимеръ и Ростовъ [8]), нынѣ же глава всѣмъ градомъ славный градъ Москва. Славяще святую Троицу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

3) Тѣсно примыкаетъ къ этому Библіотечному списку другой списокъ, той же Библіотеки, собранія гр. Толстого I, 447.

Тимк.: 1) оуюсы и насычи. 2) сахари. 3) — *нѣтъ*. 4) ко Орначу, к Риму. 5) вратомъ. 6) ко Царю граду на похвалу. 7) упочивали — того ради — *нѣтъ*. 8) *послѣ*: Ростовъ — *слѣдующихъ словъ о Москвѣ — нѣтъ*.

Эта рукопись — такъ называемый «Морозовскій лѣтописецъ», была извѣстна Карамзину; на нее онъ ссылается, рѣшая вопросъ объ авторствѣ Софронія.

Заглавіе: «Исторіа или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными его агаряны на россійскую землю и о великой брани и о грозномъ побоищи съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ и о братѣ его, князь Володимерѣ Андревичѣ. *Сказаніе рязанца Софроніа іерея*». Начало: «Въ лѣто ,ѕѡпи брань убо и побѣда сія бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ брань имѣти со безбожными агаряны»...

Текстъ — подновленъ, но вообще, какъ я говорю, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Можетъ быть оба они восходятъ къ одному оригиналу. Исходное величанье находится и здѣсь, но текстъ далѣе продолженъ разсказами о бѣгствѣ Олега и Ольгерда и о возвращеніи великаго князя къ Москвѣ. Послѣдній эпизодъ носитъ явные слѣды позднѣйшей компановки:

«Великій же князь Дмитрій Ивановичь зъ братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ и съ оставшими князи и воеводы и съ воинствомъ пріидоша къ Москвѣ, далъ Богъ здравы. И срѣтоша ихъ архимандриты и игумены и протопопы и весь священническій и іноческій чинъ со кресты и чюдотворными иконами. Потомъ же князи и боляре и весь народъ, тако же и великая княгиня Еудокія со своими дѣтми и съ прочіми княгинями и зъ боярынями, вси единогласно славу возсылающе Богу, избавльшему ихъ от напраснаго Мамаева нахожденія, и великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его, князю Володиміру Андреевичу честь воздающе, яко побѣдителемъ, такожде и прочіимъ княземъ и боляромъ и всему воінству честь воздающе по достоянію. Великій же князь Дмитрій Ивановичь прінде къ Москвѣ лѣта ,ѕѡпѳ-го, октября въ ї день, и воинство распусти по домомъ своимъ».

4) Слѣдующій, близкій къ Ермолаевскому и Тимковскому спискамъ, текстъ Сказанія находится въ рукописи Академіи

Наукъ 16. 13. 2, конца XVII, называемой *Едомскимъ Лѣтописцемъ*. По опредѣленію Попова, этотъ Лѣтописецъ представляетъ русскую часть хронографа Сергѣя Кубасова; онъ былъ извѣстенъ Строеву, который впервые указалъ на имя Софонія, какъ на какое-то другое лицо, принимавшее участіе въ составленіи повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Сказаніе въ Едомскомъ лѣтописцѣ носитъ заглавіе: «О нашествіи Мамаевѣ на русскую землю і брань с нимъ великая, і грозно побоище великому князю Димитрию Ивановичю. *Сказание Совония іерея рязанца.* Похвала великому князю Димитрію Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю. Память о Мамаевѣ побоище, яко же было тогда лѣта ,ѕѡпи-го».

Начало: «Сия побѣда и брань на Дону случися, како православнымъ христианомъ со безбожными агаряны»...

Едомскій лѣтописецъ содержитъ текстъ Сказанія весьма близкій къ Ермолаевскому, но не полный: въ началѣ разсказа объ облеченіи Бренка княжеской приволокой, текстъ обрывается на словахъ: «и ту приволоку на него ж облече»... Далѣе слѣдуетъ большой пропускъ, происшедшій отъ утраты листовъ въ академической рукописи, и продолженіе Сказанія относится уже къ самому заключенію: ...«на князя Олга рать послати». Слѣдуютъ краткіе разсказы о судьбѣ Олега и Ольгерда, о возвращеніи великаго князя въ Москву и встрѣчѣ его Евдокіей, духовенствомъ и народомъ. Весь конецъ равенъ, такимъ образомъ, тексту въ Морозовскомъ Лѣтописцѣ.

Не достающая же часть Сказанія, благодаря случайному дефекту, вполнѣ возстанавливается другимъ текстомъ Сказанія, имѣющимъ буквальное сходство съ текстомъ Едомскаго лѣтописца: именно

5) текстомъ въ сборникѣ Общества Любителей Древней Письменности, № 1886, L, полууст. XVII—XVIII в.: «Сказание извѣстно о нашествіи Мамаеве на русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побоище великому князю Димитрію Іоанновичю и похвала ему же великому князю и брату его,

Такъ, обыкновенно встрѣчающаяся формула: стукъ стучитъ, а громъ гремитъ... здѣсь распространена: «стоучит рат сила велика князя Дмитрея Ивановича, роуские удалцы колантыри злачеными, а щиты червленими».

Плачъ Евдокіи составленъ, несомнѣнно, на основаніи народныхъ причитаній: «сѣде под южными оконцы і рече со воздыханіемъ: Оуж бо конечное зрѣние зрю тя, солнце мое незаходимое і свѣтъ от очию моею і надежда моя крѣпкая, великий князь Дмитрей Іванович. Оуж бо к тому не имам видети тебѣ». Этотъ плачъ очень напоминаетъ плачь той же Евдокіи въ житіи Дмитрія Донского.

Формула боя, также распространенная, имѣетъ нѣкоторыя дополненія по сравненію съ предыдущими списками разбираемой группы: «удалцы руские, аки древа преклонишася от силных вѣтров на землю. І сломишася, аки трава от косы постилашеся на лузех, тако падоша сыновѣ рустии от поганых. Не турове возревѣша на полѣ Куликовѣ, возревѣша мнози удалцы, урывающися на землю под конские копыта. І конми подавляеми, і мнози сынове рустии сотрошася».

Въ плачѣ князя Владимира на костяхъ также слышны причитанія: «Увы мнѣ, брате мой, увы мнѣ, свѣте мой, аще еси зѣло уранен, а аще жив еси, подай ми глас свой, да аще бы видѣл лице твое і еще бы насладился доброты твоея; подай ми глас свой, утоли печал мою»... Можетъ быть, редакторъ пользовался причитаніями не непосредственно; тогда для подобныхъ заимствованій я могу указать еще только одинъ источникъ — Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ.

Наконецъ, примѣромъ дальнѣйшаго поэтическаго распространенія вставки изъ Повѣданія, укажу на картину выѣзда русскаго войска: «Князь великий Дмитрей Іванович вступи во свое златокованное стремя і всѣде на своего любимаго коня, *аки млад ясен сокол воспарив крылъ свои.* І вси ж князи і бояре і воеводы всѣдше на свои борзые кони, *аки соколи от своих златых колодиц*, а солнце со востоку

оригиналѣ могло не быть случайно вступленія, и писецъ воспользовался для дополненія вступленіемъ первой редакціи. Тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдовъ вліянія 1 ред.— нѣтъ.

Я нѣсколько разъ указывалъ, что 3 редакція вообще, а печатная группа ея списковъ особенно — отличаются широкимъ заимствованіемъ поэтическихъ мѣстъ изъ писанія Софонія. Украшеніе слога поэтическими вставками, очевидно, приходилось по вкусу читателей: вотъ причина, почему списки 3 редакціи такъ многочисленны. Широта заимствованій повлекла за собою, во многихъ спискахъ, составленіе какъ бы своднаго текста: Сказаніе получило наряду со старымъ названіемъ еще новое — Повѣданіе, наконецъ — и *само имя автора послѣдняго — Софоній стало выставляться въ заглавіяхъ Сказанія. Всѣ почти списки печатной группы приписываютъ Сказаніе — Софонію, іерею рязанцу.* Это имя встрѣчается и въ сводномъ текстѣ 3 редакціи — румянцевскомъ № 378. Вставка имени Софонія въ Сказаніе вводила въ заблужденіе изслѣдователей, строившихъ теоріи объ авторствѣ Софронія и Софонія.

6) Къ вышеприведеннымъ спискамъ печатной группы, въ общемъ близко совпадающимъ по тексту между собою, я отношу еще списокъ Сказанія въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого, III, 93, скороп. XVII в. Заглавіе повѣсти сокращено: «Побоище великого князя Дмитрея Иваночя московъского на Доноу с Мамаем». Начало — обыкновенное: «Сие побѣда и брань на Дону слоучис православнымъ крестияном с безбожными агаряны»... Списокъ — не полный, обрывается на подсчетѣ бояриномъ Михаиломъ Александровичемъ побитыхъ воеводъ.

Особенность разбираемаго списка состоитъ въ томъ, что сохраняя поэтическія мѣста, встрѣчающіяся въ немногихъ спискахъ (напр. — только въ спискѣ Тимковскаго), онъ распространяетъ уже имѣющіяся или дополняетъ ихъ на основаніи другихъ источниковъ, вродѣ причитаній.

Такъ, обыкновенно встрѣчающаяся формула: стукъ стучитъ, а громъ гремитъ... здѣсь распространена: «стоучит рат сила велика князя Дмитрея Ивановича, роуские удалцы колантырп злачеными, а щиты червленими».

Плачъ Евдокіи составленъ, несомнѣнно, на основаніи народныхъ причитаній: «сѣде под южными оконцы і рече со воздыханіемъ: Оуж бо конечное зрѣние зрю тя, солнце мое незаходимое і свѣтъ от очию моею і надежда моя крѣпкая, великий князь Дмитрей Іванович. Оуж бо к тому не имам видети тебѣ». Этотъ плачъ очень напоминаетъ плачь той же Евдокіи въ житіи Дмитрія Донского.

Формула боя, также распространенная, имѣетъ нѣкоторыя дополненія по сравненію съ предыдущими списками разбираемой группы: «удалцы руские, аки древа преклонишася от силных вѣтров на землю. І сломишася, аки трава от косы постилашеся на лузех, тако падоша сыновѣ рустии от поганых. Не турове возревѣша на полѣ Куликовѣ, возревѣша мнози удалцы, урывающися на землю под конские копыта. І конми подавляеми, і мнози сынове рустии сотрошася».

Въ плачѣ князя Владимира на костяхъ также слышны причитанія: «Увы мнѣ, брате мой, увы мнѣ, свѣте мой, аще еси зѣло уранен, а аще жив еси, подай ми глас свой, да аще бы видѣл лице твое і еще бы насладился доброты твоея; подай ми глас свой, утоли печал мою»... Можетъ быть, редакторъ пользовался причитаніями не непосредственно; тогда для подобныхъ заимствованій я могу указать еще только одинъ источникъ — Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ.

Наконецъ, примѣромъ дальнѣйшаго поэтическаго распространенія вставки изъ Повѣданія, укажу на картину выѣзда русскаго войска: «Князь великий Дмитрей Іванович вступи во свое златокованное стремя і всѣде на своего любимаго коня, *аки млад ясен сокол воспарив крылъ свои.* І вси ж князи і бояре і воеводы всѣдше на свои борзые кони, *аки соколи от своих златых колодиц*, а солнце со востоку

противу им свѣтит в пут, а вѣтрец тих, *тонкий* і теплъ по них вѣет».

Присутствіе интерполяціи: «і тут видеша нарочита человѣка удалого Григоря Капустина», ставитъ этотъ списокъ въ связь съ остальными списками печатной группы и показываетъ, что онъ былъ обработанъ изъ списка Сказанія, восходящаго къ Т.

Таковы списки печатной группы, зависящей отъ Т. Я указывалъ на ея характерную особенность: списки, въ общемъ сходные между собою, заключаютъ текстъ Сказанія исправный. Этого качества не имѣли двѣ предыдущія группы списковъ, не имѣетъ ихъ, какъ сейчасъ будетъ видно, и слѣдующая.

Слѣдующая группа, сохраняя свою зависимость отъ Т, начинаетъ разнообразить текстъ повѣсти различнаго рода вставками, частію приближающими ихъ уже къ 4 редакціи, частію настолько оригинальными, что Сказаніе является по содержанію единственнымъ въ своемъ родѣ. Къ этой группѣ я отнесу 4 списка; предупреждаю, что соединеніе ихъ въ данномъ случаѣ только механическое:

IV. *Группа со вставками*:

1) Находящійся въ Публичной библіотекѣ, Погодинскій списокъ № 1595, скорописью XVII—XVIII в., несомнѣнно, долженъ быть поставленъ въ ближайшую связь съ предыдущей печатной группой. Снегиревъ, издавая Сказаніе по списку Тимковскаго, напечаталъ такъ начало: «Сія повѣдай *Уранъ*»... Слово «Уранъ» толковалось изслѣдователями различно, но во всякомъ случаѣ какъ собственное имя. Н. С. Тихонравовъ предложилъ первый читать здѣсь испорченное слово: «брань». Коньектура правильная, но не издатель былъ виноватъ въ этой ошибкѣ. Разбираемый списокъ какъ разъ начинается такими словами: «Хощемъ, братие, начатъ повѣдати *вранновые* побѣды, како случися на Дону»... Ошибка, слѣдовательно, была уже въ спискахъ: «вранновые» вышло изъ «брань новыя (побѣды)» — какъ читается въ Погодинскомъ спискѣ № 1555 (относящемся къ переходной группѣ): «Хощем, братие, брань новыя побѣды

начати, како случися на Дону»... «Уранъ» списка Тимковскаго находился, слѣдовательно, въ рукописи. Одинаковая ошибка заставляетъ предполагать для обоихъ списковъ какой-нибудь общій источникъ.

Разбираемый списокъ прежде всего дефектный: нѣтъ конца, — разсказъ обрывается, послѣ счета убитыхъ, на словахъ: «Князь же великій Дмитрій Ивановичь зъ братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ даша литовскимъ княземъ много множества»... Въ срединѣ рукописи нѣтъ листовъ: послѣ словъ: «тутъ же, братіе, на Москвѣ по всѣм»... текстъ продолжается со словъ: «никого помощниковъ в скорбѣ не имамы, развѣ Тебя», (слѣдуютъ молитвы великаго князя); нѣтъ примѣтъ Волынца; послѣ словъ: «а христианстіи полцы оскудѣша» опять нѣтъ листковъ, разсказъ начинается съ розысковъ великаго князя.

Ошибки носятъ характеръ небрежности и поспѣшности при перепискѣ: «Юрья і *Василіика* убилъ»; «діаволомъ *хвалимъ* (вм. палимъ)»; «*анаматомъ*»; «како і *кождо* сотворити»; «*въроюю* рускою владѣти начну»; «Мамай *воюетъ* (вм. кочуетъ) в полѣ»; «Путика» (вм. Тупика), — вообще собственныя имена передаются ошибочно: Карголскиі, Холмецкій, Галасій (вм. Герасимъ); «*Ерославовый* Александръ» — и др.

Отличаясь добавленіями въ текстѣ, Погодинскій списокъ тѣмъ не менѣе старается иногда сократить основной текстъ: «выѣхаша із города каменнаго Москвы *во все трои ворота* — вмѣсто подробнаго указанія пути войска; выпущены имена гостей сурожанъ; сокращено все уряженіе полковъ передъ началомъ боя.

Дополненія носятъ характеръ двоякій:

I. Риторическое распространеніе текста и введеніе новыхъ собственныхъ именъ:

Мамай говоритъ: «срѣте мя своими силами, елико гдѣ оуспѣете, да не одолѣемъ своего нѣдруга. Аще бы аз своею силою хотѣлъ древніі Іерусалимъ пленить, якоже халдѣй,

кто бы могъ укрытися от руки моея і от величества силы моея».

Видъ войска, пришедшаго съ князьями на Москву: «велми учрежено, доспѣхи на нихъ і шеломы, *яко вода колыщетъ морскими волнами».* Ольгердовичи вышли «с тритцатю тысящами»; великій князь принялъ ихъ «в шатрах за трапезою».

Олегъ не только сердится, но даже велитъ своихъ бояръ казнить, «занеже подьвита (подвига) великаго князя не повѣдали».

Поганые бредутъ «аки стадо свиное».

Въ описаніи движенія войска изъ города замѣтенъ москвичъ: князья бѣлозерскіе идутъ «коломенскою дорогою, мимо Симаномъ (такъ) монастырь»; великая княгиня видитъ Дмитрія «грядуща лугомъ подле Москвы реки».

При объѣздѣ побоища съ Тимоѳеемъ Волуевичемъ лежитъ убитый «дворецкой его Іванъ Кожуховъ», — появленіе этого имени несомнѣнно вызвано поставленіемъ убитаго Григорія Капустина рядомъ съ Пересвѣтомъ; счетъ побитымъ ведетъ Михаилъ Александровичъ *Воронцовъ*; исчисленіе войска (о немъ я скажу ниже) ведетъ князь Ѳедоръ Семеновичъ «*Висковатой*, московской болшей бояринъ».

II. Вставка новыхъ эпизодовъ.

Разбираемый списокъ отличается, главнымъ образомъ, вставкой одного эпизода, *характернаго для настоящей группы* и встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи. Когда русское войско находилось еще по сю сторону Дона, передъ началомъ появленія вѣстей о движеніи Мамая, упомянутый выше бояринъ Висковатый обращается къ великому князю съ рѣчью, въ которой указываетъ ему на количество войска, находящагося у него подъ началомъ. И другіе воеводы указываютъ на численность находящихся у нихъ воиновъ:

«Князь же Ѳедоръ Семеновичь Висковатой, московской болшей бояринъ, говоритъ великому князю Дмитрію Ивановичу: У тебя, государя, у великаго князя Дмитрія Ивановича в полку

в болшем войска ,о. Правыя же руки говоритъ братъ его, князь Владимеръ Андреевичь Боровский, говоритъ: У меня, государь, в полку ,м. Лѣвыя же руки воевода князь Глѣбъ Брянский говоритъ: У меня, государь, в полку войска ,л. Сторожевого же полку воевода Микула Василевичь, да Тимоѳѣй Волуевичь, да Иванъ Родионовичь Квашя Углецка говорит: У нас, государь, в полку ,лд. Передового же полку воевода князь Дмитрей Володимеровичь Холмецкой говоритъ: У меня, государь, в полку ,ке. А в ертовулах болшей стати дворянъ і выборныхъ головъ ,к, а с литовсскими князи с Олгердовичи пришло силы ,л, да мѣлъкие статьи людеі за кошами было у кормов у всего войска ,к. Того пріѣхали из великого Новагорода посадники Яковъ Ивановъ сынъ Зензинъ, да Тимоѳей Костянтиновичь Микулинъ къ великому князю Дмитрию Ивановичю на помощь, а с ними приіде наугороцкие силы ,л князей и бояръ і всякихъ людей. Рад же бысть великій князь Дмитрій Ивановичь і биша челомъ посадником и целоваша их с великою радостию: воистинну есте дѣти Авраамъли, яко велицей бѣде мнѣ есте пособницы».

Эта вставка, обличающая автора, какъ человѣка, несомнѣнно знакомаго съ военнымъ дѣломъ, въ разбираемомъ спискѣ носитъ характеръ позднѣйшей передѣлки и искаженія; лучше она читается, какъ будетъ видно, въ текстѣ Сказанія по сборнику, принадлежащему проф. М. И. Соколову.

Остальныя вставки относятся къ разсказу объ объѣздѣ побоища и представляютъ незначительныя распространенія, скомпанованныя на основаніи имѣвшагося матеріала:

а) князю Владимиру приписывается такая рѣчь: «Гонишася за мною четыре татарина с мечи, но божею милостью Иванъ Родионовичь Квашня да Андрей Черкасовичъ увидѣвъ и прогонивъ меня скоро смялися с ними, з безбожными, и главы своя за меня поклали, аз же от них спасохся». И повелѣ тѣ тѣлеса подняти і нарадити в бѣлы отласы и положити во гробѣх и отослати в вотчину их ко женамъ і к дѣтем их.

Матеріалъ этотъ взятъ изъ рѣчи Стефана Новосильскаго, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи. Разсказъ объ объѣздѣ побоища вообще имѣетъ тенденцію подробнаго изображенія печали надъ побитыми воеводами. Такъ:

б) указанные выше новгородскіе посадники — показаны убитыми. Около нихъ: — «вкупѣ лежатъ побиты семсот угороцких выборных дворянъ. Над ними же нача князь великій плакатися: любимыи мои братья, приѣхали вы есте своею волею ко мнѣ, а не по моему велѣнію, видя меня в бѣде великой и главы своя поклали».

в) подробнѣй описывается и погребеніе павшихъ: ...всѣх же ямъ выкопаша великих тл... А с поганых с убитыхъ доспѣхи и портища і злато і сребро и оружие и конские паряды обирати, а тѣлеса их псом и звѣрем пометати на полѣ Куликовѣ.

2. Къ этому списку чрезвычайно близко подходитъ отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ Сборникѣ памяти Л. Н. Майкова [1]) по рукописи, принадлежащей издателю. Очень жаль, что напечатанъ только отрывокъ (рукопись дефектная), а не имѣющійся у Х. Лопарева другой, болѣе полный текстъ Сказанія.

Напечатанный отрывокъ начинается съ разсказа объ уряженіи полковъ и обрывается на самомъ началѣ эпизода о примѣтахъ Волынца: Рече ж Дмитрей Волынецъ... Новаго текстъ ничего не даетъ.

3) Сборникъ, принадлежащій проф. М. И. Соколову, въ 4-ку, скорописью XVII в. Сказаніе носитъ заглавіе: «Побоище бысть въ лѣто ,sωпи-го году. Бысть побоище бо на Дону с Мамаемъ царемъ с нечестивымъ у великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго і какъ победи безбожного царя Мамая. Слово.

Происходя отъ одного изъ списковъ 3 редакціи, разсматриваемый текстъ является единственнымъ, уклоняющимся съ

---

1) Стр. 116—123.

перваго взгляда отъ схемы 3 редакціи. До разсказа о совѣтѣ — переходить Донъ или нѣтъ, изложеніе еще совпадаетъ съ общей схемой, но далѣе части перепутаны. По сравненію съ планомъ текста Т Соколовскій текстъ пропускаетъ: совѣтъ о переходѣ черезъ Донъ, прибытіе вѣстниковъ, сообщающихъ о приближеніи татаръ; затѣмъ пропущено все, гдѣ говорится о Семенѣ Меликѣ, о приготовленіи къ рѣшительному бою, молитва великаго князя и рѣчь его къ войску, разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волынца и видѣніи Ѳомы Кацибѣя. Затѣмъ схема обоихъ списковъ вновь совпадаетъ, и разсказъ одинаковъ до описанія объѣзда побоища великимъ княземъ. Послѣ этого эпизода въ Соколовскомъ текстѣ неожиданно являются всѣ отмѣченные мною выше пропуски. Нахожденіе ихъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста, конечно, указываетъ только на то, что списокъ былъ сдѣланъ съ экземпляра съ перебитыми листами; въ дальнѣйшемъ изложеніи я отмѣчу всѣ мѣста, гдѣ текстъ перебитъ. О редакторскихъ измѣненіяхъ въ планѣ здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. Поэтому не смотря на видимое уклоненіе отъ плана, и этотъ текстъ слѣдуетъ считать относящимся по схемѣ вполнѣ къ 3 редакціи.

Особенностями же его являются, какъ и въ предыдущихъ спискахъ этой группы — вставки, частію подобныя изложеннымъ, частію являющіяся здѣсь впервые. Чтобы отмѣтить вмѣстѣ съ ними и стилистическія распространенія, я приведу разночтенія разбираемаго текста сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ Т:

Стр. 39 (печатнаго текста): ...орды многие совокупил к себе на помощъ и не мошно бе изчести войска его, и глаголя войскому своему, яко обогатееть руским златом і ризами драгими и доспехи позлащенными и женами добрыми зрачными и девицы прекрасными...

Стр. 40: ...гдѣ пусто место и неключимо и может против тебя стояти и совокупитися, руския силы вся розбегошась, а злата и богатсттва московского и много то все в вашей руце

будеть и твоему великому и нещетному войску на потребу...

Стр. 41: ...веленiемъ, ова к Литве, ова к Резанiи, царь же Мамай и ерлыкь свой подасть намь и родом нашим по нас и тако поживем безмятежно. И егда восхощет князь Дмитрей Московский вотчину свою взяти, и мы противу его станем, тако проженем его...

Стр. 44: ...именем Захария Тючева и другаго с ним отпусти Ондрея Семенова сына Попова...

Стр. 46: ...и Господь Богъ и пречистая Богомати и чюдотворцы Борис и Глѣбь и Никола чюдотворецъ и Петръ митрополит будуть ти помощники... князь Борисъ Прозоровский, князь Лѣвъ Купрински...

Стр. 47: ...знамение на челе и рече ему тайно: Имаши побѣдити супостат своих, елико довлѣеть государьству твоему, а тебя самого уязвять сыроядцы под левую пазуху, да не узреть будеть, но о томь мужайса и крепис и призывай Господа Бога на помощъ... ратницы: Ондрей же гнаша на р҃, Александрь ж гнаше на с҃...

Стр. 52, послѣ словъ «перевезеся самь Оку реку» — слѣдуетъ *первая* большая вставка, тожественная со вставкой въ предыдущихъ двухъ спискахъ, но по тексту — *лучше*:

Повеле смечатца — колико у коего воеводы в полку рати. И говоритъ тогда первый воевода болшей бояринъ Ѳедоръ Семеновичъ великому князю: Подо мною, государь, силы ҁке. Вторы воевода говоритъ Глѣбъ Брянски: Подо мною, государь, силы ҁке. Третей воевода говоритъ Всеволожъ з братомъ с Володимеромъ: Подо мною, государь, силы ҁsi. Четвертой воевода говоритъ Данило Василевичъ: Подо мною, государь, силы ҁк. Пятой воевода говорить Тимоѳей Волуевичь: Подо мною, государь, силы ҁеi. Шестой воевода говорить Івань Романовичь Квашня: Подо мною, государь, силы ҁгi. Переславской воевода говоритъ Ондрей Серкизовъ: Подо мною, государь, силы ҁвi. Осмой воевода говорить князь Ондрей Муромскиi: Подо мною,

государь, силы ҃гі. Князь Владимеръ Андреевичь говоритъ и его воеводы: Подъ нами, государь, силы всея ҃м. Констентинъ Кононовичь говоритъ: Подо мною, государь, силы ҃кд. І всея тоя силы с великимъ княземъ Дмитриемъ Івановичемъ ҃скг. Того же числа придоша за Донь к великому князю Дмитрею Івановичю великаго Новаграда посадники, а с ними ихъ ҃і. Радъ бысть велики князь, и биша ему челомъ новогородченя.

Стр. 54: ...увы мнѣ: хотѣхь азъ чюжие власти господинъ быти, ныне жъ своихъ улишаюсь. Но воля Господня да будетъ: кому Господь поможетъ... Оттолѣ мышляху, яко отцѣмъ ненавидими, но обаче боголюбиви, беста бо крещение прияли от мачехи своея, княгини Анны...

Стр. 55: Конецъ повѣсти объ Ольгердовичахъ *распространенъ*: описаніе состоянія духа Ольгерда, узнавшаго о переходѣ сыновей на сторону великаго князя представляетъ *вторую* вставку:

І тут совокупишася с ними. И придоша с ними силы ҃мз. Слышавъ же то Олгирдъ, князь литовски, от вестника своего и прочетъ писальные книги от своихъ пановъ, что его оба сына — князь Ондрей и князь Димитрей Олгирдовичи придоша к великому князю Димитрию Івановичю Московскому на помощ против поганых татар и безбожного царя Мамая, и о том князь Олгирдь Литовски велми устрашися и глагола к себе: К которому аз поиду на помощъ? к царю Мамаю поиду, то ужь пути мнѣ неть. Аще поиду к великому князю, ино поидоша дети моиі, напреди придоша менѣ к великому князю. Не вем, что сотворю. — И глаголаше ему панове его: Преж сего времени сице быша — сыны за отца главы своя кладутъ, а си сынове твои, что творять. Аще ли убють на бою татаровя, то ты самъ спасешся в земли литовской и ихъ грады самь станешъ владѣть, аще ли поидеш к великому князю на помощъ, ино самь убиень будеши от царя Мамая, по предиі реченым писанием проклет будеши. Аще ли одолееть царь Мамай московского князя, без тебя изгибѣ твоего войска литовского, и ты можеши от нѣю отговоритис, что дороги князь велики Дмитриі Московски все поотымал

всее земли своею силою святорускою. — Слышавъ же то князь Олгирдь от своих панов ту речь и полюби словеса ихь и глагола словеса тако: Помози, Господи, великому князю московскому и детем моим над погаными татарами и над безбожным царем Мамаемъ.

Стр. 57: разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, помѣщенный послѣ довольно значительнаго пропуска въ текстѣ противъ Т (выпущено: «приспѣ ж в $\bar{с}$ день — на Руси въжделѣша), представляетъ неудачное и неоконченное сокращеніе эпизода, читающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи:

От восточные страны придоша зверие образом страшным на овчие стадо, и мало от них сташас, бѣдные, и превратишас овчате на волки образы свериными, і устремишас лвы тѣ на них тех звѣрей и поядоша ихь до единаго звѣря. Но азь, царю, чаю прокъ видение есть — велико грозно побоище в некоторой земли, не вем, где будет [1]).

Непосредственно за этими словами, въ рукописи со словъ: «Велики князь пересяде на ізбранной свой конь и нача по полкомъ ездити, со слезами глаголюще»... идетъ то, что въ печатномъ текстѣ находится *на страницѣ 62*.

Стр. 62: ...земнаго помышляйте, страшных и пустошных словес не говорите, но уклонимся нас во единое, да вѣнцы...

Стр. 64 — разсказъ о мученіи Ареѳы изложенъ нѣсколько иначе:

Вы бо, рабиі божиі истинни, паче есте мученика Христова и страстотерпца Ареѳы. Егда мучень Устинианомь царемъ, по многихъ же мукахъ, и повеле царь известити и посещая. Добли же воини ізбраннаго воеводы, един пред единым главу свою пред мечем кланить, видяще бо почесть победы своея. И той воинь возбрани войску своему, глаголя: Вѣсте ли, братия моя, у земнаго царя не аз ли прождѣ вас почтен земной почести і дарове имахь, ныне же подобаеть ми преудивити у небеснаго

1) См. ниже ссылку на 62 стр. приложеній.

царя главѣ моей прежде усеченной быти, паче венчанной. Приступль же воин и усекну главу его, последи же пришедшу иссѣче дружину его.

Стр. 69: послѣ сл. «Сергия и техь всехь святыхъ молитвами побѣдить тако і спасемся» слѣдуетъ неидущая къ контексту прибавка: Аще умрем, то всиі общую смерть примѣм от князя и до простых людей. Тебѣ же, государю, подобаеть отставити смертная, да зде ужъ буйными головами глаголати имѣти с главы крѣпитися (такъ!) войско твое, мы ж убо видим, яко множество избранных витязей в войском твоемь. — Послѣ чего непосредственно: «Князь же велики повѣле войску своему Дон перевозитись» и т. д. — то, что въ печатномъ текстѣ начинается на *страницѣ 57*. Весь этотъ отрывокъ со словъ «Аще умремъ»..., читающійся какъ разъ на 57 стр. приложеній, доказываетъ, что текстъ Соколовскаго сборника *писанъ съ перебитыхъ листовъ*.

Стр. 61: ...Хылопцыбеевъ... поставлень бѣ стражом от великаго князя Дмитрея Івановича на рѣкѣ на Непрядве на Михаловке, мужества...

Стр. 62: ...николи ж таким людямъ нѣ быть на месте томь. В тож время по всемъ градомь и землямь великая гроза бысть, земля стонѣть нѣобычно въ Царѣградѣ і в Галади і в Каѳе і в Бѣлеграде. Царь же цареградски во страсѣ велицѣ бысть і в нѣдоумѣни, і мнози глаголаше: что будѣть. И глаголаше волхвъ: Аз, царю, видѣхь видѣние прежде сего страха за семъ дней...

Этотъ неоконченный отрывокъ о землетрясеніи въ Цареградѣ представляетъ начало вставного эпизода, конецъ котораго приведенъ былъ мной выше (см. ссылку на стр. 57 печатнаго текста). Подобное раздѣленіе текста съ нарушеніемъ смысла еще разъ указываетъ на перебитые листы протографа, съ котораго писецъ списывалъ текстъ механически.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ въ рукописи, со словъ: «Сентября вь ѣ̄ ден на память святаго пророка Захаріи»...

идетъ то, что въ печатномъ текстѣ находится на страницѣ *56*.

Стр. 57: совѣтъ Ольгердовичей — перевозиться Донъ — распространенъ:

...здѣ ли пребудемъ или Донъ превеземся. И рекоша ему князи и бояре московские: Предадим живот свой на сей странѣ Дону. Кликнуша Олгирдовичи, князи литовские от всего сердца своего: Не послуша, государь князь Дмитрей Ивановичь, кромолников московских. Поидѣ за Донъ, аще на страсть не дерзнешъ тайно, и желанно не получиш и славнаго имѣни во вѣки. — Сами ж Олгирдовичи удариша по конем своим и побредоша за Донъ і вся силы ихь и глаголаша князю Дмитрею Ивановичю: Аще хощеши, господинъ, крепкаго войска...

Послѣ разсказа о переправѣ черезъ Донъ, текстъ уже переходитъ къ окончанію, и со словъ: «Князь же велики Димитрей Ивановичь слышавъ, возстав и рече: Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся»... начинается то, что находится на 70 страницѣ печатнаго текста. Въ окончаніи нѣтъ особенныхъ добавленій, кромѣ характеристики убитаго богатыря татарскаго, который здѣсь носитъ имя «Тавримъ»: мѣра бо сего татарина — высота трех сажень, меж плечми сажен, меж очима локоть. Эта характеристика сближаетъ разсматриваемый текстъ со слѣдующимъ, Уваровскимъ, гдѣ она развита подробнѣй. Присутствіе имени татарина — указываетъ уже на извѣстный переходъ къ 4 редакціи, хотя характерная для Т интерполяція здѣсь еще присутствуетъ: «нарочитаго богатыря Григоря Капустина».

Отмѣченная мною особенность Погодинскаго списка № 1595 — сокращать основной текстъ Сказанія, замѣчается и въ разбираемомъ текстѣ. Выпущено много вставокъ изъ Повѣданія, сохраненныя поэтическія мѣста часто сокращены, нѣтъ именъ боговъ, которыхъ призываетъ Мамай, сказаніе о примѣтахъ сокращено и перебито, наконецъ сокращенія замѣчаются и въ эпизодѣ о поискахъ великаго князя. Эти сокращенія

слѣдуетъ отнести скорѣе къ поспѣшности при перепискѣ, нежели къ редакторскимъ измѣненіямъ въ виду общаго характера текста.

4) Скорописный сборникъ собранія гр. Уварова, № 802, XVII вѣка. Сказаніе по плану *вполнѣ совпадаетъ* со спискомъ Т; въ текстѣ мѣстами буквальное сходство. Плохое пониманіе текста, этотъ общій недостатокъ списковъ 3 редакціи, въ достаточной степени чувствуется и здѣсь.

Что заставляетъ относить этотъ текстъ къ разряду перечисленныхъ мною списковъ, это стремленіе къ распространенію и добавленіямъ, носящимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совершенно оригинальную окраску. Редакторъ, очевидно, былъ знакомъ съ народной поэзіей: сохраняя поэтическія выдержки изъ писанія Софоніи, онъ дополнялъ ихъ образами, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ. Я не встрѣчалъ другого примѣра украшенія текста цитатами изъ народной поэзіи, которыя были бы настолько сохранены, что даже самый пѣсенный складъ не нарушенъ.

Отмѣчу прежде всего разночтенія Уваровскаго списка со спискомъ Т:

Начало Сказанія: «В лѣто $\overline{s}$ тысящь восмь соть и $\overline{п}$ девятаго. Начинаемъ повѣсть новыя сия побѣды, како случися бран на Доноу православным крестияном з безбожными агаряны и како возвысися родъ крестиянстиі на поганых и уничижи іх и посрами их суровство».

Стр. 38 (печатнаго текста): ...сія величествія божія... великому князю Дмитрию Ивановичу московъскому на(д) безбожным Мамаем и над его погаными половцы. В лѣто же то попущением... научи его, како бы разорити православную вѣру и осквернити святыя божия церкви и всему крестьянству потреблену быти...

Стр. 39: ...яко да не славиться... Батыеви и окаянному отступнику Улияну возревъновав, начя пытати старыхъ еллинъ і мурзы і уланы болшие, како... *Ослепленъ же бысть*

очима [1]) и тогда не разумѣ, како Господу *годъ бысть*... согрешеніе и *маловѣруя*... глаголати ко отступником своим алпаутом, князем... убию князя их *і жену его* и приведу всу Рус под свою руку... глаголя имъ, яко обогатееte...

Стр. 40: ...посла князь Олегъ рязанскіи і посла ко царю Мамаю безбожьному... и твоему войску великому *и потребу*.

Стр. 41: ...казнити своего служебника... цръствия твоего, да отмсти ему нашу обиду седмърицею и видит твое смотрение *нашу грубость*... зла, *ни рыдания* ни *подкопаі* под врагом...

Стр. 42: ...ямы, да тя самого Богъ в горшея не ввержет. И придоша... чествовав велми... Ольгу рязанскому: Елико написасте... халдѣй. *И не от чести* вашею рукою... побѣдити подобна себѣ и довлѣет ми цръская честь. Рците княземъ... Мамай со всѣми силами *иорданьскими*, неуклонно и зверообразно ряся на...

Стр. 43: ...рабъ твой, но на тя надѣюся и возвергу... хощеши всю *вселенную* землю рускую погубити. Аз... сверѣпому сему воздвигшемуся на мя. И се рек: на Господа... воеводы приѣхаша на Москву... еще же и наіпаче воздахъ ему злато и сребро и драгия порты. Пресвященный митрополитъ...

Стр. 44: ...злата и сребра и посла... преступника злаго... противу ему и наипаче исправи. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего [2])... Захария *Тятишева*... и злата много отпусти с ним ко царю... врагъ ненавистикъ...

Стр. 45: ...і твориши правду возлюби [3])... Тупика иныхъ многихъ крѣпъких... стеречи со всяким усердием... на Коломне, на Успение... *Всеславскаго*, Григория *Тупика*... како *неизложение* идет... осени *требует*... Киевского, иже поведе нас от страсти еллинския [4]) ему же... *Стратилату* Плакидѣ.

---

1) Курсивомъ отмѣчаю не понятое писцомъ. 2) Какъ и въ Т — пропущено: «посла». 3) Пропускъ въ Уваровскомъ текстѣ. 4) Въ третьей редакціи это опредѣленіе стоитъ ниже и относится къ Евстафію Плакидѣ.

на злаченыя доспѣхи, ждущи часа, в он же страх придет, Богом изволенъ... морския воды из мѣстъ вылиятися. От таковаго... трава сильная вся постилается...

Стр. 58: ...яко приближаются напрасно погании. Яко час 6 приіде, прибежа... нольни о полцы наша ударишася. Видевше же множество людей, изратишася и взѣха на мѣсто высоко и видѣша множество людей, полцы наша, и скоро возратишася ко царю и повѣдаша... при Дону. Царь же рече: колико людей? Они же рѣша: божиим промыслом множество много, четверицею множае нас. Он же...

Стр. 59: ...заря во время *вътра* (такъ!) сияюще; еловци... собрания и храбрости таковаго же учрежения. Вси бо единъ за единъ хотят умрети... подобно есть войску макидонскому, царя Александра Макидонскаго, мужеством.... Гедеонови, опасниі непобѣдимиі воини. Господь... на колѣну свою, на траву зелену, прямо... душа начаша воздыхати от сердца и жалостно слезяще и зваше велегласно... имя твое святое. Войско же все по молитвѣ всѣдьши на коня своя, начаша творити молитву вси. Князь же великій нача по полком... до велика. Сие вам приспѣ день грозный, и час смертный приближися. Бдите... не мятущеся. Утре бо неудоб...

Стр. 60: ...чашу и ту имут пити поведеную, ея же... миръ вам будет, братии моей. И еще утре ускори со братею и со всѣми князми своими. Отпусти... [идетъ разсказъ о выдѣленіи засаднаго полка, здѣсь послѣдовательность въ планѣ сходна со 2 редакціей] ...лѣтними сияющей... князю: Княже господине, искушу убо аз примѣту свою. Уже бо нощи глубоцеи заря изгасе и потуше. Дмитрей же всѣд на кон и поим с собою Владимера [потомъ «Владимера» зачеркнуто и написано «великого»] князя единаго... зиждуще. Бысть ззади... по другой же странѣ клегчюще, и бысть трепету и кличъ птичей велик велми. Враном же, яко граворон грающе, противу же по рецѣ той по Непрядвѣ... едина ти есть радостная, а другая...

немного, толко 13 тысящъ, а все люди нарядные, пансыри доспехи давали з города. И рекоша: поидите, братия, с одново на безбожнова. И пришла сила новгороцкая к великому князю Дмитрію, оному же Оку реку перевезшуся. И радъ бысть князь Дмитрій Ивановичь и рече имъ: в полату (такъ!) вам, мужи новогородцы, что мя есте не отдали. И почтив их велми и заповѣда...

...Петра Горецкаго... вѣдомцов полских.

Стр. 53: ...вѣрою и къ Богу и о всѣхъ за вся имый упование ко вседержителю Богу... ...путь. Мы надѣяхомся преже его поіти и мнехом, яко не подобает... которому моему разуму худому вдамся. Аще имам великому князю *поработати*, то вѣсть *утробу* мою измѣнъную, не приимет мя. Аще ли приложуся...

Стр. 54: ...по прежереченным *укором*... и слышав, яко князь великій Дмитрій Ивановичь совокупися со многою силою, Словены и Блъгары и Новогородци, идеже кождо, услышав, яко Олегъ... Мамая. Отголе мысляще *ко отцу* ненавидими, но паче Богомъ... ходити по нему, обрѣте нас *пустошны, не суетно* сотворена чада. Он же *имам*, что воздати сему *противу сего таковому промышлению*, скончяем убо подвигъ доброй подвижнику Христову, начальнику бо крестиянству...

Стр. 55: ...видѣвше и множество людей и урядно нарочитые противници и полци, ихже бяше седмдесятъ тысящъ. И приспѣвше на Дон, борзо сущи, наѣхаша... и ту совокупися князь великій Дмитрій Ивановичь з братом своим князем Владимиромъ, с ними же совокупишася Олгирдовичи, князь Андрей Полоцкій, князь Дмитрій Брянскій. Князь же...

Стр. 56: ...яко Олгирдовичи князи приидоша... [въ рукописи слѣдующая страница пустая, и текстъ начинается съ]:

Стр. 57: ...то днес вели имъ перевозитися, то нѣсть ни единому помышления воспять... сердца укрѣпляхуся, *луншим слышав руским паче укротьша*, понеж убо многи в грознаго. И мнозие звѣри стекошася, лисицы

на злаченыя доспѣхи, ждущи часа, в он же страх придет, Богом изволенъ... морския воды из мѣстъ вылиятися. От таковаго... трава сильная вся постилается...

Стр. 58: ...яко приближаются напрасно погании. Яко час 6 приіде, прибежа... нольни о полцы наша ударишася. Видевше же множество людей, изратишася и взѣха на мѣсто высоко и видѣша множество людей, полцы наша, и скоро возратишася ко царю и повѣдаша... при Дону. Царь же рече: колико людей? Они же рѣша: божиим промыслом множество много, четверицею множае нас. Он же...

Стр. 59: ...заря во время *вьтра* (такъ!) сияюще; еловци... собрания и храбрости таковаго же учрежения. Вси бо единъ за единъ хотят умрети... подобно есть войску макидонскому, царя Александра Макидонскаго, мужеством.... Гедеонови, опасниі непобѣдимиі воини. Господь... на колѣну свою, на траву зелену, прямо... душа начаша воздыхати от сердца и жалостно слезяще и зваше велегласно... имя твое святое. Войско же все по молитвѣ всѣдьши на коня своя, начаша творити молитву вси. Князь же великій нача по полком... до велика. Сие вам приспѣ день грозный, и час смертный приближися. Бдите... не мятущеся. Утре бо неудоб...

Стр. 60: ...чашу и ту имут пити поведеную, ея же... миръ вам будет, братии моей. И еще утре ускори со братею и со всѣми князми своими. Отпусти... [идетъ разсказъ о выдѣленіи засаднаго полка, здѣсь послѣдовательность въ планѣ сходна со 2 редакціей] ...лѣтними сияющей... князю: Княже господине, искушу убо аз примѣту свою. Уже бо нощи глубоцеи заря изгасе и потуше. Дмитрей же всѣд на кон и поим с собою Владимера [потомъ «Владимера» зачеркнуто и написано «великого»] князя единаго... зиждуще. Бысть ззади... по другой же странѣ клегчюще, и бысть трепету и кличъ птичей велик велми. Враном же, яко граворон грающе, противу же по рецѣ той по Непрядвѣ... едина ти есть радостная, а другая...

Стр. 61: ...жена горко плачющи еленьским гласом чад своих, а другая... много примѣтовах и боев испытах, сего ради... и рече: Тако буди побѣда поганым, а державе господне божия милость. Рече же Волынецъ... мужь сунклитикъ, разбойникъ, именем Ѳома Клицибе... на Чюрковке... видѣв изрядно и прият, аки нѣкакие полки от востока велика зѣло...

Стр. 62: ...на запад до Дону... прегибающеся, аки волны морския колыбающеся, рѣки же воды выступали из мѣстъ своих, яко николиже *съ тихъ земь* на мѣсте томь. Великому же... Бога ради, всядите на кони своя, подвизайтеся, покладите главы своя святых ради церквей... вѣчный наслѣдуйте и ничто ж... не мыслите, но уклонитися на усвоение, да вѣнцы...

Стр. 63: ...на мѣсте том и положив руце свои за пазуху и взем живоносный... ему идущу на брани славнаго вина пити с нечестивыми и чюдным... аки нѣкаким твердым оружием на брань утвердишася. Еще же... и приим копие свое и взем... милостию своею до временныя части, по чему разумѣеши, кого даровати. Мы же...

Стр. 64: ...волци распудят, елико кто служит своею главою, елико кто хощеть. Тебѣ подобаетъ... отвещати, паче же і не успѣю, но токмо... мучень Устьяном царем, с ним же бяше 60 воинъ... на позорище и посѣщи добрых воинъ избраннаго воеводу, и един пред... последи и тѣм шестидесяти воином. Такоже и аз... почтен бѣ, нынѣ же вамъ глаголю, аще благая... меня бо ради всѣмъ вамъ единаго общая чаша пити, аще общею смертию умрем вси, аще ли умру с вами, аще и спасуся с вами. Нынѣ же оставим же бо, коиждо к своему потягнем. Передовый...

Стр. 65: ...печенѣгъ

именем Телибей: трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, межу плеч у него сажень мужа добраго, а глава его, аки пивный котелъ, а межу ушей у него стрѣла мѣрпая, а межу очи у него, аки питиі чары; а конь под ним, аки гора велия. И вопияше еленьским языкомъ, пред всѣми...

... видетися, пыхая, яко лев и аки жених хотя венецъ восприяти небеснаго царствия. Бѣ на нем... за мя Бога. Воиско же все единым гласом вопиюще: поиди, господине, Богъ да проститъ тебя и святый Сергий.

Онъ же разжегся сердцем и наступи на печенѣга того, яко мланья, и рече в себѣ молитву Исусову, глаголя: Господине святый, игуменъ Сергий, помогай мнѣ молитвою своею рабу своему на безбожнаго сего печенѣга, яко на мя вооружился. — Он же, безбожный печенѣг, устремися противу его и глаголя в себѣ: О Бахмет, помози ми. — Вои же крестиянстiі вси воскликнуша единымъ гласомъ: Господи, помози рабу своему. — И ударишася вмѣсто два богатыря межу собою, аки сильный гром грянул, едва мѣсто не проломилося под ними, и спадоша...

...и час приiде, кождо на своемъ конѣ поскочи, ста вси, аки медвяны чаши пити. Храбрым же сердца веселяхуся, а унiим сердца ужасающеся. И кликнуша... ...помози нам на противныя враги наша, не дай же нас, Господи, в посмѣх врагом нашим, но дай же намъ, Господи, помощь на враги наша. Печенѣзи ж воскликнуша, призывающе своих богов оканных: оканнаго своего пособника Махмета: о Махмете, помози нам и моли о нас Бога. И ступишася велици полцы и крѣпко бьющеся; напрасно щепляются щиты богатырские от вострых копеев, ломаются рогатины булатныя о злаченыя доспѣхи, льется кровь богатырская по седельцамъ покованнымъ, сверкают сабли булатныя около голов богатырских, катятся шеломы злаченые с личинами добрым коням под копыта, валятся головы многих богатырей з добрых коней на сырую землю. И потоптаны быша, не едины бо руские богатыри побьени быша, но да и татарских вдвое, не токмо оружiемъ... ...и под трупием мертвым мнози живи умираху от великия тесноты... ...зари, блистание ж мечное и сабельное сверканiе, яко мланья из рукъ богатырских, от мечнаго сечения трепет бысть тогда, труск и лом велик копейной, яко же бо не мощно зрѣти...

Стр. 66: ...одолевати кристиянъ. Уже бо восият хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю, уже мнози от храбрых богатырей и унотъ руских побени суть, богатыри же руские, аки древа... Видѣв же то князь Володимеръ Андреевичь великую беду кристіанскую, аки класы пшеничные подавляеми тернием, а терние ростяше и буяше. Благородный же князь Владимиръ Андреевичь не моги...

Стр. 67: ...Боже, содѣтелю твари, предстоя над нами, седя на херувимѣх, пѣваемый от сераѳим, не дай же... аки соколы изучены, а нападоша на поганых татар, аки на многи стада гусиные. Поганыи же прибѣгоша ко царю Мамаю и рѣша ему: зри, царю, яко христиане над нами умудриша... соблюдошася. Мамай же, видѣв войско свое разбиваемо и рече к себѣ: вознесохся есми высоко и до ада сошел есмь, мнози же уязвени нами рустіі побивають нас, секущи... *Савата* и *Араклиа* и *Гусаря*...

Стр. 68: ... Видѣв же то беззаконный царь, иже новы люди приідоша, и рече своим угодником: Побѣгнем... одолѣша о конехъ ихь, яко цѣли суть, гоняще же возвратишася... на сторожи стоя. Богатыри же руские, гоняюще, побиваху поганых, и якоже всѣх избиша и возвращахуся... не обрѣте великого князя, и нача глаголати: Братиа...

Стр. 69: ...*Бреньска*, изубитаго в приволоце великого князя и в шеломе. Иніи же... воеводы, слышавше таковую радость великую, скоро *скочишася* на конех своих и приідоша и падоша на ногу его и пролияша слезы своя, глаголюще... Александръ, радуйся святило руския земли и пастырю добрый заблудшим овцам и побѣдителю врагом...

Стр. 70: ...лежат $\bar{и}$ князей белозерских... Перскаго, ты ж своему государю також служил еси. И ту лежащу Семену Мелику...

Стр. 71: ...начальника Пересвѣта, той бо *наединей* побѣди... Храбры же богатыри из всѣх стран, поѣхавше на глас трубный, испытывающе доволно своих оружи о поганыя тата-

ровя. Грядуще... расхищеніе. Говоритъ князь великій Дмитрій Ивановичь: братья, князи рускіе и бояре мѣстные и воеводы силныя, считайтеся... болшой бояринъ, у него ж были переписи, колко пошло силы руския за Дон: Государь князь Дмитрій Ивановичь, нѣтъ... (въ счетѣ противъ Т пропущены бояре костромскіе и галицкіе).

Стр. 72: ...І рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Братие, князи руские и бояре мѣстные и воеводы силныя, люди молодшие, вси избитые, вамъ, братие, суженое... и в будущем. Сие ж оставим здѣ и на первое взыдемъ. Поганому же царю Мамаю отселе избѣжавшу до моря, до мѣста, идѣже бѣ град Кава создан. І потаив свое имя і познан бысть нѣкоем купцем и тут убьен бысть от Ѳряз, іспроверже злѣ животъ свой. Сия же оставим здѣ.

Стр. 73: Слышав же Олгирдъ литовский, яко князь великий Дмитрій Ивановичь одолѣ и поби царя Мамая, і поиде от Одуева во свою землю литовскую со многим стыдом і срамом, не токмо Москву улучи, но и своих лишен агарянъ.

А Олегъ також убояся, покры рукою лице свое: Увы мнѣ, вопияше, како ми на Рязане прожити. Ров изрый, ископай і впадется въ яму, юже содѣла старецъ мой.

Распространенія Уваровскаго списка не интересны и новаго ничего не даютъ. Гораздо важнѣе его поэтическія добавленія: съ одной стороны, редакторъ не только сохранилъ заимствованія изъ Повѣданія, читающіяся въ текстѣ Т, но и дополнилъ ихъ, такъ что въ этомъ отношеніи этотъ текстъ, по количеству поэтическихъ вставокъ, приближается къ списку Тимковскаго и вообще — къ печатной группѣ.

Съ другой стороны — въ разбираемомъ текстѣ находятся три вставки, съ ясно выраженнымъ пѣсеннымъ складомъ. Книжная обработка коснулась ихъ очень мало, настолько, что стихъ легко возстанавливается. Я приведу ихъ, заключивъ въ скобки то, что несомнѣнно прибавлено книжникомъ и явно нарушаетъ пѣсенный складъ народной старины:

1) Пѣсня о помощи новгородцевъ. Сюжетъ не новъ, онъ встрѣчается и въ другихъ спискахъ 3 редакціи, но въ данномъ случаѣ напрашивается предположеніе — не былъ ли этотъ разсказъ въ началѣ, дѣйствительно, пѣсней:

. . . въ великомъ Нов(ѣ)городѣ
Стоятъ мужи новогородцы, (у святыя Софеи)
На площади бьютъ вѣче великое.
Говорятъ мужи таково слово:
Уже намъ не поспѣть (на пособь) къ великому князю,
Кажутъ, онъ Оку реку перевозится.
Ино (намъ) будетъ Новымгородомъ не отсадиться.
И барзо мужики (новогородцы) наряжалися
Отпущали (з города) тринадцать посадниковъ. . .
Съ ними же силы (немного, только) тринадцать тыся(чей)
А все люди нарядные,
Пансыри-доспѣхи давали з города. . .

2) Описаніе вида татарскаго богатыря — печенѣга Телибея. Это описаніе взято изъ эпическаго изображенія Идолища Поганаго:

Трею сажень высота его,
А дву сажень ширина его,
Межу плечъ (у него) сажень мужа добраго,
А глава его, (аки) пивной котелъ,
А межу ушей (у него) — стрѣла мѣрная,
А межу очи (у него, аки) питіи чары,
А конь подъ нимъ, (аки) гора велія. . .

3) Наконецъ — картина общаго боя. Въ современныхъ записяхъ старинъ ей нѣтъ соотвѣтствія, это — не locus communis; нужно думать, слѣдовательно, что она составляла часть спеціальной какой-либо пѣсни:

Щепляются щиты богатырскія, (отъ вострыхъ копеевъ)
Ломаются рогатины булатныя, (о злаченыя доспѣхи)
Льется кровь богатырская
По сѣдельцамъ покованымъ,
Сверкаютъ сабли булатныя
Около головъ богатырскихъ,
Катятся шеломы злаченые
Добрымъ конямъ подъ копыта,
Валятся головы (многихъ) богатырей
Съ добрыхъ коней на сыру(ю) землю...

Я не думаю, однако, чтобы наличность этихъ пѣсенныхъ отрывковъ заставляла предполагать о существованіи старины о Мамаевомъ побоищѣ. Я думаю, что такой старины не было. Встрѣчающіяся теперь упоминанія въ старинахъ Мамая, Мамаева побоища, поля Куликова — представляются оторванными отъ письменной повѣсти. «Мамаево» побоище, какъ и «Камское» — стало синонимомъ «страшнаго, ужаснаго, кровопролитнаго». «Мамай» въ старинахъ фигурируетъ столько же, сколько въ пословицѣ: «Здѣсь точно Мамай воевалъ». «Куликово» поле, наконецъ, является въ старинахъ съ сюжетами, нисколько не напоминающими Куликовскую битву. Отдѣльныя историческія пѣсни, какъ напр., предложенная мною — о походѣ новгородцевъ на помощь Москвѣ — еще могли существовать, да и то, за отсутствіемъ доказательствъ, я не могу утвердительно ставить такое предположеніе. Вѣрнѣе всего, слѣдовательно, что редакторъ этого списка, использовавъ весь поэтическій матеріалъ Повѣданія, обратился за дальнѣйшими украшающими дополненіями къ народной поэзіи. Примѣръ очень характерный, какъ соединеніе въ одной повѣсти «старыхъ словесъ», восходящихъ къ Слову о полку Игоревѣ, съ живымъ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Съ этой стороны Уваровскій текстъ Сказанія — единственный въ своемъ родѣ.

Разобранная группа списковъ является переходомъ къ послѣдней, пятой группѣ списковъ 3 редакціи, *представляющей родъ соединительнаго звена между 3 и 4 редакціями Сказанія*. Пятая группа характеризуется также рядомъ вставокъ, большею частью соотвѣтствующихъ вставкамъ 4 редакціи. Вообще же вставочные эпизоды четвертой и пятой группъ представляютъ изъ себя письменную обработку какихъ-то устныхъ преданій, пѣсенъ, иногда не имѣющихъ прямого отношенія къ повѣствованію о Куликовской битвѣ, или же вновь скомпанованные разсказы на основаніи матеріала, находящагося въ Сказаніи — таковъ, напр., разсказъ объ исчисленіи воеводами имѣющагося у нихъ войска. Въ остальномъ же распространенія носятъ обыкновенный риторическій характеръ, не разъ мною отмѣчаемый.

V. Пятая группа, слѣдовательно, состоитъ изъ списковъ, представляющихъ *переходъ отъ третьей редакціи къ четвертой*.

1) Публичной Библіотеки Q. XV. 31, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе представляетъ, собственно, рядъ отрывковъ, начинается съ эпизода о посылкѣ великимъ княземъ грамотъ для сбора на Москвѣ войска. Планъ, въ общемъ, одинаковъ съ планомъ 3 редакціи, особенно начиная съ разсказа о походѣ къ Троицѣ. Есть вставки, одинаковыя со вставками IV группы: о пространствѣ Куликова поля, о количествѣ вырытыхъ могилъ, о торжественномъ погребеніи убитыхъ.

До разсказа о походѣ великаго князя къ Троицѣ находятся двѣ вставки, характерныя уже для 4 редакціи: *текстъ грамоты*, посланной великимъ княземъ по городамъ и — *подробный разсказъ о посольствѣ Захаріи Тютчева въ орду*, о его хитрости и убіеніи вельможъ татарскихъ. Эти два эпизода принадлежатъ, какъ я говорю, уже 4 редакціи. Принимая во вниманіе, что дальнѣйшій текстъ Сказанія въ разбираемомъ спискѣ сходенъ съ текстами предыдущей группы, т. е. съ 3 редакціей, надо думать, что памятникъ представляетъ на этотъ разъ текстъ

сводный. Вообще — сводка текстовъ 3 и 4 редакцій представляетъ отличительную особенность пятой группы.

2 и 3) *Сводный* характеръ носятъ слѣдующіе два списка, находящіеся въ ближайшей связи между собою:

а) Рум. Музея, собранія Большакова № 435, лѣтописный сборникъ XVII в. Передъ началомъ Сказанія — выписка изъ Степенной книги:

Степень вторая на десять — о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского. Затѣмъ уже идетъ Сказаніе: «В лѣто ҂ѕѡпѳ Сказание о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Володимеру Ондрѣевичу». При разсказѣ о смерти «поганого Мамая» слѣдуетъ опять выписка изъ Степенной книги.

б) ИПБ., собранія Погодина № 1574, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе носитъ то же заглавіе: «В лѣто ҂ѕѡпѳ Сказание о Донском бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю». Заключеніе представляетъ сокращенное изложеніе окончанія группы У.

Эти тексты сходны между собою до разсказа о посѣщеніи Дмитріемъ обители пр. Сергія, включительно, причемъ Погодинскій текстъ дополняетъ случайные дефекты Большаковскаго, гдѣ утеряны нѣкоторые листки. Кромѣ того, въ началѣ Погодинскій текстъ самъ по себѣ представляетъ какую-то сводку: письмо Олега къ Ольгерду приводится дважды, находится упоминаніе о послѣ Ольгерда — Бартешѣ, что, собственно, принадлежитъ уже 4 редакціи. Что же касается всего содержанія Погодинскаго списка, то по плану и изложенію текстъ Сказанія, находящійся въ этомъ спискѣ, всего болѣе *приближается къ группамъ, зависящимъ отъ У*, тотъ же характерный конецъ.

Разошедшись съ Погодинскимъ съ 272 листа, Большаковскій текстъ въ дальнѣйшемъ изложеніи представляетъ распространенія, приближающія его уже къ 4 редакціи. Такъ — слова бояръ Олегу: «А се, господине, кажутъ пришли к нему на помощь новгородцы со многими силами, воинства же ихь кажуть

красно и храбро велми, і князи бѣлозерския, і князи ярославския, и князи володимерския, и князи юревския, і князи костромския, і князи переславския, и князи стародубския, и князи муромския», — принадлежатъ уже 4 редакціи, гдѣ, между прочимъ, есть цѣлая повѣсть о приходѣ новгородцевъ.

Попытка воспроизвести текстъ грамоты пр. Сергія, посланной на поле битвы, также относится къ 4 редакціи, стремящейся вообще давать тексты грамотъ.

Картина единоборства развита самостоятельно: «Выѣде ж печенег ис полку татарскаго, предо всѣми мужествомъ и величествомъ, яко древній Голиядъ. Видѣвъ же Пересвѣтъ чернецъ, иж в передовом полку, и рече: Сей человѣкъ ищетъ подобна себѣ, аз хощу с нимъ видѣтися. — Бѣ же шеломъ на главѣ старца аггельскаго образа воображенъ схимою по благословению игумена Сергия, и рече: Отцы и братія, простите мя грѣшнаго. — И напусти на Печенѣга. И рече: Преподобный отче Сергие, помози мнѣ. — И напусти к татарину, аки стрѣла из лука и злегъ по коню сь (пропускъ), такожь и печенѣгъ к н(ему) напусти. Християне ж (воскликну)вше вси: Боже, помози рабу своему. — І толико ударишася крѣпко, яко не возмогоша их кони удержати на себѣ, но сразишася кони их вмѣсто и падше умроша. Они же воставше и хватишася под пазухи, оба ударишася о землю и ту оба скончашася, токмо Пересвѣтъ на печенѣгѣ лежитъ, всего разразивъ, сам же весь цѣлъ. И от сего мнози разумѣша, яко верхъ великаго князя будетъ, еже і бысть».

Тотъ же мотивъ встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи.

Дальнѣйшее изложеніе — по 3 редакціи: бѣгство татарскаго войска — поиски князя — поѣздка по побоищу («лежитъ *Григорий Капусникъ* и чернецъ Пересвѣт, да брат его Ослебя, первыя воины, нарочитыя богатыри. Их же видѣв, князь великій рече: Видите, братия, сего началнаго богатыря, иж побѣди подобна себѣ воина, от него ж было пити многимъ намъ горкая чаша. *А се — и брат его Ослебя* множество поганых побил, и сам, туто ж пришед, у брата своего главу свою положилъ» — позднее

и неудачное осмысленіе интерполяціи списка Т) — сборы на полѣ и рѣчь Дмитрія — погребеніе — счетъ (въ концѣ прибавлено: «Князь же великий Дмитрей Иванович повелѣ вострубити грозно над костми поганых татар и понде радуяся восвояси. От трубнаго же гласа земля потрясеся, а поле Куликово все кровью воскипѣ, а река Непрядва 3 дни и 3 нощи кровию текла, а трупия татарския остались, аки сѣнныя стоги, звѣрем и птицам на снѣденіе. Князь же великій Дмитрій Ивановичь идучи повелѣ *рязанскую землю грабити, опричь святых церквей*») — смерть Олега — судьба Ольгерда и Мамая. Вся эта схема близка къ списку Т. Что же касается распространеній, примѣры которыхъ отчасти приведены, то по склонности къ многорѣчію и по безталанности образовъ Большаковскій текстъ подходитъ къ напечатанной мною Передѣлкѣ 4 редакціи, поражающей полнымъ отсутствіемъ беллетристическаго таланта у редактора.

Начало и конецъ Большаковскаго текста тѣсно связаны со Степенной книгой. Въ началѣ идетъ выписка: Степень вторая на десять, о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского, затѣмъ — «В лѣто ,sωπθ Сказание о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичу». Въ концѣ, въ разсказѣ «о смерти поганого Мамая» — идетъ снова выписка изъ Степенной. Можетъ быть, редакторъ имѣлъ въ виду включить Сказаніе въ Степенную книгу?

4) Ниже, при разборѣ 4 редакціи, я буду говорить, что 4 редакція восходитъ къ протографу, имѣвшему тотъ же заключительный разсказъ о возвращеніи Дмитрія съ Куликова поля, какъ и списокъ У 3 редакціи. Въ разбираемой группѣ уже встрѣтился одинъ списокъ съ такимъ же заключеніемъ (Погодинскій 1574), къ нему же слѣдуетъ отнести еще списокъ, собранія того же Погодина, № 1555. Со спискомъ У сближаетъ его еще одна характерная особенность. Выше я указывалъ на ошибку У (и 1, зависящей отъ него группы): «медвезешь» — вм. медокупцы; въ разбираемомъ является какъ бы попытка

объясненія этой ошибки: вмѣсто этого слова въ спискѣ стоитъ: «*привезоша* ко мнѣ от Северы *мед*». Несомнѣнно, что Погодинскій № 1555 восходитъ къ списку У.

При разборѣ 4 редакціи я отмѣчаю постепенную утрату поэтическихъ заимствованій изъ Повѣданія и переходъ ихъ въ прозаическія переложенія. Эта особенность замѣчается и въ разбираемомъ спискѣ. Нѣтъ вовсе описанія «стука и грома» рати передъ разсказомъ о поѣздкѣ Дмитрія къ Троицѣ. Другія выдержки — искажены, напр.: «сынове рустии успѣшно грядут, *яко медвеныя чары пьют или стеблия виннаго ясти*»... Или, въ разсказѣ о пріѣздѣ на Коломну: «начаша мнози гласи труб ратных гласити *на границы* мнози бьюще и стези ревутъ. Сынове жъ рустии наступиша великия коломенския поля»... Или: «трава постилашеся и люди унывающе, видяще пред собою смерть». Совершенно скомкана формула боя: «и на том поле силнiи полци сташа, из нихъ же выступиша кровавыя зари от облистанія мечного, силний зук бысть и стукъ от копейна сломленія, яко не мошно бѣ зрѣти никакож того грозного и горкого часу».

При такомъ отношеніи къ поэтическимъ мѣстамъ Повѣданія очень странно видѣть здѣсь сравнительно рѣдкую вставку изъ того же памятника: «Уже намъ в своей земле не бывати, а катунъ своих не трепати, а детей своихъ не видати, трепати намъ сыра земля, целовати намъ зеленая мурава. А на Рус нам уже ратю не ходити, а выходовъ намъ не имати. Застонула татарская земля бѣдами и тугами покрывашеся, уныша серцо и хотения, князем похвала на рускую землю ходити. Уже сынове руские заграбиша доспехи наши и всякое узороче, отласы и бархаты». Такой неиспорченный текстъ не гармонируетъ съ остальными заимствованіями изъ Повѣданія и заставляетъ предположить, что списокъ составился подъ перекрестнымъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ списковъ 3 редакціи (для двухъ послѣднихъ группъ это перекрестное вліяніе является почти закономъ). Судя по тому, что великій князь, при объѣздѣ

побоища, наѣзжаетъ: «Пересвѣта старца и близ его нарочитаго богатыря печенега, *близъ ихъ лежитъ рускiи добрый богатырь Григорей Капустин*» — такое вліяніе другого списка 3 редакціи — необходимо.

Разсказъ о единоборствѣ Пересвѣта съ татариномъ продолженъ такъ, какъ обыкновенно разрѣшаетъ его 4 редакція: рукопашный бой кончается смертью противниковъ, но Пересвѣтъ лежитъ вверху, «покры печенега монатею своею» (4 редакція видитъ въ этомъ указаніе, что «верхъ возьметъ» русское войско).

Изъ вставныхъ разсказовъ въ разбираемомъ спискѣ находится только распространеніе эпизода о посольствѣ Захаріи въ Орду. Характерный разсказъ этотъ является здѣсь какъ бы ядромъ, изъ котораго впослѣдствіи выработался отличительный для 4 редакціи эпизодъ о Захаріи: «Захария же приде к царю Мамаю и обрѣте его на мѣсте, нарицаемом на *Браду на Вороноже*, и принесе ему от князя Дмитрея Ивановича дары многия. Мамай же дары многия видѣвъ, наипаче возярис на православную вѣру и рекъ Захарию: Захарие, не на дары бо Мамай воздвигся с войскомъ своимъ, иду бо на Русь казнити улусника своего, князя Дмитрея московскаго, дары бо ваши приниму войску своему на плети. — Отвѣщав же ему Захария: Царю, како ты тако ведиш, аки младый отроча несмысленный, а не ведуще божия силы и владычня смотрения, но яко Господу годе, тако и будеть. — Глагола еж ему Мамай: Аще бо восхощу, и яз иду и попленю... Отвеще же му Захария: Царю, елико Господу гоже, тако и будетъ. — Слышевше же сие Мамай и разжегся крикнул: Аще ли сего малого улусу не одолею, то не возвращусь к себѣ. Теба ж не имамъ отпустити ко князю твоему, но отселе ми будеши раб и дамъ тебѣ имѣнія свыше, ежъ еси имѣлъ у князя своего. — Видѣвъ же сие Захария, что возвращение его твердо к великому князю и возвѣща Мамаю: Господине царю, уже бо мя нарицаеши себѣ рабом, но аз ти ныне нарицаю раб, ныне бо отпусти (м)я на Русь к великому князю, исправлю ему свои рѣчи посолския, да не забуду

люббе (такъ!) прежняго своего государя, и возвращусь к тебѣ и буду ти вѣренъ раб. И аще сему, царю, не вѣруеши, и ты пошли со мною от своих раб и будеть ти вернеѣ возвращеніе мое к тебѣ. — Мамай же сие слышав и рад бысть сему велми и отпусти Захарию великому князю Дмитрею Ивановичю на Русь и с нимъ отпусти в товарыщах...

Разсказъ не полонъ, содержаніе такое же, какъ въ 4 редакціи, но изложеніе иное, въ началѣ оно представляетъ какъ бы схему, изъ которой впослѣдствіи развилось болѣе стройное повѣствованіе.

Заключеніе, какъ я говорилъ, такое же, какъ въ спискѣ У. При переходѣ же къ этому заключенію вставленъ изъ Повѣданія поэтическій плачъ женъ воеводскихъ, который читается въ спискахъ печатной группы разбираемой редакціи.

5) Наконецъ, послѣдній списокъ этой группы, принадлежащій Обществу Любителей Древней Письменности, № 38, octavo, представляетъ, собственно отрывокъ Сказанія, начинающійся разговоромъ Дмитрія съ вызваннымъ изъ Боровска Владимиромъ. Судя по заключенію, одинаковому со спискомъ У, и по подробному разсказу о посольствѣ Захаріи къ Мамаю, — этотъ списокъ всего ближе подходитъ къ только что разобранному Погодинскому списку.

Таковы всѣ группы, на которыя дѣлятся списки 3 редакціи. Сохраняя за незначительными отступленіями схему 2 редакціи, 3 редакція восходитъ къ послѣдней, но группа, во главѣ которой стоитъ списокъ У, по своему заключенію, по сохраненію большинства выраженій, находится въ ближайшей связи и съ 1 редакціей. Поэтому группу У слѣдуетъ считать *древнѣйшимъ* видомъ 3 редакціи; жаль, что она дошла въ незначительномъ количествѣ списковъ, притомъ чрезвычайно неисправныхъ. Что касается группъ, зависящихъ отъ Т, то они всего характернѣе отражаютъ особенности 3 редакціи, заключающіяся въ самостоятельномъ стремленіи къ улучшенію слога, распространенію его путемъ риторическихъ добавленій и украшеній, мѣстами въ

сохраненіи лучшаго чтенія, чѣмъ 2 редакція, а главное — въ чрезвычайно широкомъ заимствованіи изъ писанія Софоніи. Максимальное количество поэтическихъ выдержекъ находится особенно въ группахъ второй и третьей (печатной), гдѣ упоминается само имя автора Повѣданія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ изложеніе носитъ характеръ сводки — исторической повѣсти и писанія Софоніи и имѣетъ даже двойное заглавіе: Повѣданіе и Сказаніе. Дальнѣйшія группы увеличиваются путемъ вставки различнаго рода отдѣльныхъ разсказовъ и мало-по-малу принимаютъ видъ, подходящій уже къ 4 редакціи Сказанія.

Третья редакція развивалась въ теченіе XVI, XVII, даже XVIII вѣка. Я отмѣтилъ ту особенность, что писецъ являлся въ то же время и редакторомъ Сказанія. На немъ, если можно такъ выразиться, отразилась эволюція всей русской литературы за указанный періодъ. Каждый редакторъ старался внести такой эпизодъ, который по его мнѣнію, еще ярче оттѣнилъ бы основную точку зрѣнія.

Эта точка зрѣнія не нова. Она такая же, какъ во 2 редакціи. Только престижъ царской власти чувствуется въ 3 редакціи больше: великій князь здѣсь уже фигурируетъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ самовластный государь, остальные персонажи повѣсти стоятъ къ нему такъ же, какъ московскіе бояре къ царю. Есть списки, гдѣ оттѣняется, главнымъ образомъ, провиденціально-поучительная точка зрѣнія: Мамай воздвигся «за грѣхи», ратуя на христіанство, здѣсь оттѣняется заступничество Сергія, особое вниманіе удѣляется Пересвѣту, охотно приводятся слова молитвенныхъ обращеній великаго князя. Есть списки, гдѣ, наоборотъ, бо́льшее вниманіе посвящено военной сторонѣ разсказа: нѣсколько разъ и съ любовью описывается уряженіе войска, вставляется разсказъ о перечисленіи, сколько подъ кѣмъ изъ воеводъ находится воиновъ, растягивается формула боя, сообщаются разсказы о боѣ очевидцевъ Владимиру, стоявшему на костяхъ. Есть списки, преслѣдующіе главнымъ образомъ поэтическій колоритъ: въ нихъ — обиліе цитатъ изъ

Повѣданія, стараніе сохранить или еще больше распространить размѣренную рѣчь, стремленіе дополнить поэтическій матеріалъ не однимъ Повѣданіемъ, но заимствованіемъ даже изъ народной поэзіи. Есть списки, имѣющіе въ виду выставить Дмитрія какъ самодержавнаго московскаго государя: большею частью это стремленіе соединено съ интересомъ къ военной сторонѣ дѣла. Наконецъ, есть списки, имѣющіе въ виду дать возможно болѣе полное повѣствованіе, причемъ сводка различныхъ эпизодовъ не всегда бываетъ удачна.

Что поражаетъ въ спискахъ 3 редакціи, это то обстоятельство, что текстъ большинства ихъ — весьма неисправенъ: или списки дефектны въ самомъ основаніи, т. е. нѣтъ листковъ, начала, конца; или они списаны уже съ перебитыхъ листовъ, съ плохого текста, безъ желанія сколько-нибудь разобраться въ непонятныхъ выраженіяхъ; или писаны такъ наскоро, что къ имѣющимся ошибкамъ прибавлена масса новыхъ, не дописаны и пропущены слова, — отчего вообще текстъ доходитъ до явной безсмыслицы. Если памятникъ украшается миніатюрами, то онѣ всегда плохи, гораздо ниже какихъ угодно другихъ, относящихся къ тому же времени. Самое письмо часто представляетъ очень некрасивую скоропись, строки налѣзаютъ другъ на друга. Иногда памятникъ недоконченъ, и текстъ обрывается на половинѣ страницы. Все это производитъ впечатлѣніе изготовленія текста Сказанія наскоро, только бы поскорѣй отдѣлаться; и я не ошибусь, если скажу, что подобные списки 3 редакціи (а ихъ — много) готовились на продажу: Сказаніе, по своей популярности, шло ходко, и конечно, за исправностью текста не слѣдили. Съ этимъ обстоятельствомъ — торговой спекуляціей — приходится считаться, и оно весьма запутываетъ вопросъ о дѣленіи на редакціи. Мнѣ встрѣчались сборники, составленные изъ разнородныхъ произведеній, рукописныхъ и печатныхъ, разнаго формата. Переплетены они послѣ. Нужно думать, поэтому, что Сказаніе продавалось часто въ видѣ отдѣльной тетрадки.

Не смотря на значительное разнообразіе списковъ, послѣдніе всетаки объединены характерными особенностями 3 редакціи: единствомъ плана, поэтическими выдержками, стоящими на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, отсутствіемъ тенденціи, какъ и во второй редакціи, и замѣной имени Ягайла Ольгердомъ. Вставные эпизоды въ общемъ не нарушаютъ однообразной схемы изложенія.

Сравнительно со 2 редакціей, третья почти не пользуется письменнымъ матеріаломъ: начитанность редакторовъ мало замѣтна. Всѣ распространенія сдѣланы или помощью риторическихъ пріемовъ или введеніемъ разсказовъ, очевидно, *изъ устнаго* источника. Таковы — описанія Куликова поля, разсказы о посольствахъ къ Мамаю Василія Тупика и Захаріи Тютчева, распространеніе эпизода о единоборствѣ, занимавшаго редакторовъ, вставка воинскихъ подробностей о перечисленіи воеводами войска, объ ертоульныхъ полкахъ (учреждены около 1552 года). Къ риторическимъ пріемамъ слѣдуетъ отнести рѣчи дѣйствующихъ лицъ, напр., князя Владимира, изложеніе разговора Ольгерда съ панами и сенаторами, стремленіе къ размѣренной рѣчи и заимствованіе матеріала изъ народныхъ пѣсенъ и причитаній (можетъ быть, не изъ первыхъ рукъ). Что касается вставокъ изъ Повѣданія, то ихъ по числу гораздо больше, чѣмъ во 2 редакціи, и по объему онѣ значительнѣе; въ своемъ мѣстѣ я отмѣтилъ всѣ эти вставки. Можно сказать, что Повѣданіе было единственнымъ письменнымъ источникомъ для заимствованій.

Если же нѣкоторые списки 3 редакціи удѣляютъ много мѣста нравоучительнымъ разсужденіямъ, то таковыя не оригинальны и составлены изъ имѣвшагося уже матеріала.

Небрежность въ работѣ умаляетъ качество большинства списковъ, какъ литературнаго произведенія. Однако въ нѣкоторыхъ, стройныхъ по изложенію (особенно — въ «печатной» группѣ), — историческое повѣствованіе не уступаетъ 2 редакціи и представляетъ очень занимательную повѣсть.

ГЛАВА VII.

Сказаніе четвертой редакціи.

Сказаніе 4 редакціи извѣстно мнѣ по 13 спискамъ: *Императорской Публичной Библіотеки*: 1) O. IV, 46; 2) Q. XV, 27; 3) Q. XVII, 209; 4) собранія гр. Толстого II, 140; 5) собранія гр. Толстого II, 237; *Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ*: 6) собранія Бѣляева № 1516 («Казанскій лѣтописецъ»); 7) собранія Тихонравова № 337; 8) *Московской Синодальной Библіотеки* № 964; 9) *Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* № 70/93; 10) *Казанской Духовной Академіи* № 879; 11) *Тверского Музея* № 3146; 12) *Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи* [1]); 13) списокъ, напечатанный Снегиревымъ въ III томѣ Историческаго Сборника — кн. Оболенскаго.

Изъ этихъ списковъ — два дефектныхъ и представляютъ Сказаніе въ отрывкахъ. Эти списки: 1) Казанской Духовной Академіи, № 879, — рукопись XVII—XVIII в., въ которую вплетена не имѣющая начала и конца часть Сказанія, со словъ: . . . «новгород и пришедше возвестиша посадником о великом князе. Они же прискорбни бяху»... (изъ повѣсти о мужахъ новгородскихъ), до начала молитвы великаго князя, услыхавшаго разсказъ о видѣніи Ѳомы Хацибеева: ...«помози ми, якож

1) За любезное сообщеніе мнѣ копіи съ этого списка приношу искреннюю благодарность С. Д. Яхонтову.

Моисѣю и яко Давиду на Голияда и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему Александру на хвалящегося римского короля, и не по грѣхом нашим воздай ми, Господи»... На этомъ обрывается текстъ.

2) Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, также неполный: изложеніе начинается съ главы о приходѣ вѣстниковъ къ великому князю, сообщающихъ о выступленіи Мамая. Въ дальнѣйшемъ текстѣ утрачено много листковъ, главы спутаны; отрывокъ обнимаетъ, собственно, только начало повѣсти, обрывающееся на ярлыкѣ Мамая къ союзникамъ. Въ обоихъ спискахъ главы носятъ названія; въ первомъ они написаны киноварью. Однако въ виду крайне неисправнаго состоянія текста и отрывочности въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду принимать въ расчетъ этихъ списковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ не вноситъ въ общее изложеніе никакихъ разночтеній.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить еще списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93. Списокъ этотъ несомнѣнно принадлежитъ 4 редакціи, такъ какъ ея типичныя особенности въ немъ — на лицо. Текстъ Сказанія не полонъ, онъ обрывается на перечисленіи убитыхъ въ битвѣ. Но отъ остальныхъ списковъ разбираемой редакціи его отличаетъ отмѣченное мною при разборѣ Повѣданія обширное заимствованіе изъ послѣдняго памятника, вносящее, какъ я указывалъ, существенныя поправки въ текстъ писанія Софоніи. Самое перечисленіе убитыхъ въ битвѣ, — на чемъ обрывается текстъ, взято также изъ Повѣданія. Ниже будетъ указана одна изъ особенностей 4 редакціи — стремленіе опрощать поэтическія мѣста или вовсе опускать ихъ; поэтому разбираемый текстъ, воспользовавшійся, какъ разъ наоборотъ, весьма широко поэтическимъ матеріаломъ, долженъ быть выдѣленъ особо. Что касается до самаго повѣствованія, то, въ общемъ, текстъ архивскаго списка примыкаетъ къ обыкновенному тексту 4 редакціи.

О текстѣ, находящемся въ спискѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209 я скажу ниже.

Остальные 9 списковъ могутъ быть раздѣлены на 2 группы. Присутствіе въ 4 редакціи особаго окончанія, гдѣ описанъ обратный походъ великаго князя съ побѣдою въ Москву, причемъ все изложеніе сжато повторяетъ предыдущій разсказъ о походѣ на Куликово поле, заставляетъ предполагать, что 4 редакція развилась изъ третьей черезъ списокъ У. Въ этомъ предположеніи еще болѣе укрѣпляетъ совпаденіе плана 4 редакціи съ У: поставленіе указанія на устройство засаднаго полка *передъ* разсказомъ о примѣтахъ Волынца. Съ другой стороны — присутствіе въ нѣкоторыхъ спискахъ характерной для списка Т интерполяціи: «Григорія Капустина», и совпаденіе многихъ мѣстъ изложенія именно со спискомъ Т — должно указывать на воздѣйствіе типа Т на нѣкоторые изъ списковъ 4 редакціи. Поэтому я и предполагаю дѣленіе 4 редакціи на 2 группы: 1) образуютъ списки, развившіеся подъ вліяніемъ Т или подобнаго ему списка, и 2) — списки, сохраняющіе изложеніе У цѣликомъ. Послѣдняя группа, какъ будетъ указано ниже, дополнена противъ первой.

Окончаніе въ тонѣ У является *первой* характерной особенностью всѣхъ списковъ 4 редакціи. Выше я говорилъ, что утрата окончанія явилась слѣдствіемъ желанія не замедлять ходъ разсказа. Здѣсь же удлиненіе явилось, можетъ быть, намѣренно, *потому что четвертая редакція представляетъ Сказаніе въ наиболѣе распространенномъ видѣ.* Сохраняя дополненія списковъ 3 редакціи, она характеризуется вставками, носящими видъ самостоятельныхъ повѣстей. Это ея *вторая* особенность. Я отмѣчу всѣ вставки:

1) *Повѣсть объ Ольгердѣ Литовскомъ.*

Я указалъ на причину появленія имени Ольгерда въ 3 редакціи. Личность князя-отца продолжала занимать редакторовъ, и въ разбираемой редакціи снова на Ольгерда обращено особое вниманіе. Въ данной повѣсти онъ зовется самодержавнымъ великимъ княземъ и королемъ. Разсказомъ объ отправленіи посольства къ Мамаю повѣсть разбита на двѣ части. Въ первой

Слѣдовательно эта повѣсть объ Ольгердѣ, не оригинально скомпанованная, представляетъ развитіе эпизода объ Ольгердовичахъ, возставшихъ на родного отца за православное дѣло.

2) *Повѣсть о приходѣ Захаріи Тютшева въ Орду.*

Съ другой стороны Бортешъ по своимъ положительнымъ качествамъ близко напоминаетъ, какъ я говорилъ, посла великаго князя — Захарію Тютшева (Тютчева), который былъ отправленъ съ дарами къ Мамаю. Сказаніе и въ предыдущихъ редакціяхъ отзывалось о Захаріи, какъ о человѣкѣ «смышленомъ, умномъ», но окончательное развитіе эпизода посольства является въ 4 редакціи.

«Темные» князья берутъ пришедшаго Захарію и ведутъ къ Мамаю. Захарія обращается къ царю съ оффиціальнымъ привѣтствіемъ и предлагаетъ дары. Мамай при видѣ золота возносится еще большей гордостью и велитъ Захаріи цѣловать свой башмакъ. Захарія повинуется, а Мамай (совершенно неожиданно) выражаетъ удивленіе его красотѣ и «мудрымъ отвѣтамъ». Золото царь велитъ раздать «казакамъ» на плети, говоря, что съ завоеваніемъ Москвы у него будетъ въ рукахъ все золото и узорочье русское, а самъ великій князь принужденъ будетъ пасти стада. Такое глумленіе надъ Дмитріемъ вызываетъ у Захаріи рѣзкую отповѣдь, и онъ указываетъ, что все должно совершиться такъ, какъ указалъ Богъ. За такія грубыя рѣчи бросаются на него съ ножами темные князья царевы, но Мамай щадитъ его «за красоту и за премудрость». Мамай продолжаетъ свои разспросы о великомъ князѣ и въ результатѣ предлагаетъ Захаріи остаться на татарской службѣ, какъ человѣку, который очень пришелся ему по сердцу. Захарія прибѣгаетъ къ искусной уловкѣ: онъ соглашается остаться на татарской службѣ, предварительно доведя до конца свою настоящую миссію: какой же тогда онъ слуга, говоритъ Захарія, если не исполнитъ въ точности приказаній своего господина, кто бы тотъ ни былъ. Мамай еще разъ дивится уму его и пишетъ отвѣтный ярлыкъ

великому князю. По просьбѣ Захаріи царь посылаетъ съ нимъ къ Дмитрію четырехъ именитыхъ вельможъ царева двора. Въ ярлыкѣ указано требованіе — выразить полное подчиненіе, и желаніе посадить на Русь другого князя. Отпуская Захарію, Мамай проситъ его поскорѣй вернуться. Дойдя до Оки, Захарія посылаетъ вѣстника къ Дмитрію съ просьбой прислать отрядъ для встрѣчи татаръ. Послѣдніе ожидаютъ всяческихъ почестей, но, по пріѣздѣ отряда, Захарія отдаетъ приказъ связать татаръ, разрываетъ ярлыкъ Мамая и отсылаетъ клочки обратно съ «худымъ» татариномъ, поручая передать царю, что онъ, Захарія, не видалъ еще никого среди людей «безумнѣй». Царь воспламеняется страшнымъ гнѣвомъ, увидя, какъ провелъ его Захарія, и начинаетъ дѣятельно готовиться къ походу на Русь. Захарія же съ плѣнными вельможами пріѣзжаетъ въ Москву и разсказываетъ обо всемъ великому князю. Тотъ на радостяхъ устраиваетъ «пиръ честенъ» и даритъ послу богатые подарки.

Появленіе этой повѣсти является естественнымъ слѣдствіемъ желанія разъяснить, что дѣлалъ Захарія въ Ордѣ, почему онъ всюду выставляется какъ «умный и хитрый», и — какъ удалось ему захватить «языкъ нарочитъ царева двора», — на что указывали предыдущія редакціи. Отсутствіе стройности въ повѣствованіи, логическія несообразности, присутствіе имени «казаковъ» — указываетъ съ одной стороны на болѣе позднее появленіе этой повѣсти, съ другой — на отсутствіе здѣсь воспоминанія о какомъ-нибудь старомъ преданіи о Захаріи, ходившемъ въ устной передачѣ. Мотивъ, что татарскій царь поражается красотой русскаго и прощаетъ ему многое за это — не новъ; думаю, что въ данномъ случаѣ приходится считаться съ заимствованіемъ соотвѣтствующаго мотива изъ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ. Не трудно видѣть, наконецъ, что ситуація этой повѣсти повліяла на предыдущую повѣсть о Бортешѣ: оба посла одинаково подвергаются опасности быть убитыми владыками за то, что говорятъ правду.

3) *Повѣсть о Новгородцахъ.*

Эта повѣсть настолько стоитъ особнякомъ въ 4 редакціи, что носитъ даже особое заглавіе: «Иную повѣсть да скажу вамъ о мужехъ новгородцехъ великаго Новаграда».

Тогда, начинается повѣсть, Новгородъ былъ «самовластный» [1]), не было царя надъ ними, когда была эта побѣда донская. Новгородцы сами владѣли собою, держали 80 тысячъ войска на случай борьбы съ сосѣдями-нѣмцами и литвою. Жили они *въ великой славѣ*, подъ сѣнію Софіи, премудрости божіей.

Когда въ Москву пришла вѣсть о приходѣ Мамая и союзниковъ и о томъ, что великій князь рѣшился во чтобы то ни стало оказать сопротивленіе, новгородскіе купцы, бывшіе тогда по дѣламъ въ Москвѣ, немедленно отъѣхали въ Новгородъ, гдѣ разсказали посадникамъ о «приключившейся скорби». Новгородцы, выслушавъ, отправились къ владыкѣ Евѳимію и передали ему о нашествіи союзниковъ на Москву. Владыка «возмутился сердцемъ», горько заплакалъ и началъ молиться за великаго князя и за все православное христіанство. По окончаніи молитвы онъ вопросилъ посадниковъ новгородскихъ, — зачѣмъ же они пришли къ нему. Посадники отвѣчали, что за благословеніемъ, такъ какъ они рѣшили помочь Москвѣ. На это благое дѣло владыка благословляетъ ихъ «съ радостію». Собираютъ вѣче, звонитъ вѣчевой колоколъ, и народъ стекается на владычній дворъ. Глашатаи водворяютъ тишину, и Евѳимій произноситъ народу рѣчь, въ которой побуждаетъ Новгородъ оказать помощь великому князю.

На утро всѣ уже изготовились. Выбрано было шесть воеводъ «крѣпкихъ и мудрыхъ» и приготовлено 40 тысячъ войска. Мѣстомъ, гдѣ собраться, указано дворище у святого Николы. Передъ отправленіемъ владыка служитъ молебенъ, освящаетъ воду и обращается къ предстоящимъ со словомъ

1) Это одно заявленіе должно показать, что появленіе этой повѣсти должно быть отнесено ко времени значительно позже 1480 года.

идетъ рѣчь о пріемѣ Ольгердомъ пословъ отъ Олега. Прочтя его грамоту, Ольгердъ обращается къ «пановямъ и санатырямъ» своимъ съ рѣчью, въ которой указываетъ на «любовь» къ нему Олега, желающаго съ нимъ раздѣлить владѣніе Москвою. Паны и сенаторы въ торжественномъ отвѣтѣ заявляютъ, что Ольгердъ достоинъ такого владѣнія. Ольгердъ въ будущемъ обѣщаетъ имъ награды, а къ Мамаю отправляетъ своего посла, «мужа мудра», именемъ *Бортеша*. Бортешъ рисуется въ весьма положительномъ освѣщеніи.

Вторая часть повѣсти заключаетъ разсказъ Бортеша о томъ, какъ онъ правилъ посольство къ Мамаю. О татарскомъ ханѣ онъ выражается весьма пренебрежительно: Мамай не уменъ, на рѣчи не памятливъ, гордъ, имѣетъ большое, но неустроенное войско, которое врядъ ли сможетъ выдержать натискъ московской рати. Ольгердъ сильно разгнѣванъ такимъ отношеніемъ къ своему союзнику и другу и бросается съ мечемъ на Бортеша. Паны и сенаторы едва могутъ удержать его. Бортешъ выражаетъ удивленіе по поводу такого гнѣва, тѣмъ болѣе, что Ольгердъ просилъ его говорить только «правду». Предстоящіе, услыхавъ такой разсказъ о Мамаѣ — «ужаснулись».

Мотивъ этой повѣсти не новъ: высокоуміе союзниковъ и ихъ недомысліе трактовались и въ 3 редакціи. Въ этомъ тонѣ проведена здѣсь характеристика Ольгерда, разумный же посолъ его Бортешъ напоминаетъ съ одной стороны посла Дмитрія — Захарію Тютшева, о которомъ въ 4 редакціи вставлено тоже особое повѣствованіе; съ другой — положительныя качества Бортеша заставляютъ относить его къ положительнымъ типамъ, къ Ольгердовичамъ, — сторонѣ, хотя и связанной съ Ольгердомъ, но прямо противоположной ему по духу. Само имя посла Ольгерда роднитъ его съ Ольгердовичами: *Братоша* былъ литовскимъ посломъ, отправленнымъ по порученію князя *Лувенія-Семіона Ольгердовича* въ Новгородъ, чтобы передать новгородцамъ желаніе князя получить во владѣніе тѣ городки, которыми владѣлъ Наримантъ. (См. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VIII, 52).

Слѣдовательно эта повѣсть объ Ольгердѣ, не оригинально скомпанованная, представляетъ развитіе эпизода объ Ольгердовичахъ, возставшихъ на родного отца за православное дѣло.

2) *Повѣсть о приходѣ Захаріи Тютшева въ Орду.*

Съ другой стороны Бортешъ по своимъ положительнымъ качествамъ близко напоминаетъ, какъ я говорилъ, посла великаго князя — Захарію Тютшева (Тютчева), который былъ отправленъ съ дарами къ Мамаю. Сказаніе и въ предыдущихъ редакціяхъ отзывалось о Захаріи, какъ о человѣкѣ «смышленомъ, умномъ», но окончательное развитіе эпизода посольства является въ 4 редакціи.

«Темные» князья берутъ пришедшаго Захарію и ведутъ къ Мамаю. Захарія обращается къ царю съ оффиціальнымъ привѣтствіемъ и предлагаетъ дары. Мамай при видѣ золота возносится еще большей гордостью и велитъ Захаріи цѣловать свой башмакъ. Захарія повинуется, а Мамай (совершенно неожиданно) выражаетъ удивленіе его красотѣ и «мудрымъ отвѣтамъ». Золото царь велитъ раздать «казакамъ» на плети, говоря, что съ завоеваніемъ Москвы у него будетъ въ рукахъ все золото и узорочье русское, а самъ великій князь принужденъ будетъ пасти стада. Такое глумленіе надъ Дмитріемъ вызываетъ у Захаріи рѣзкую отповѣдь, и онъ указываетъ, что все должно совершиться такъ, какъ указалъ Богъ. За такія грубыя рѣчи бросаются на него съ ножами темные князья царевы, но Мамай щадитъ его «за красоту и за премудрость». Мамай продолжаетъ свои разспросы о великомъ князѣ и въ результатѣ предлагаетъ Захаріи остаться на татарской службѣ, какъ человѣку, который очень пришелся ему по сердцу. Захарія прибѣгаетъ къ искусной уловкѣ: онъ соглашается остаться на татарской службѣ, предварительно доведя до конца свою настоящую миссію: какой же тогда онъ слуга, говоритъ Захарія, если не исполнитъ въ точности приказаній своего господина, кто бы тотъ ни былъ. Мамай еще разъ дивится уму его и пишетъ отвѣтный ярлыкъ

великому князю. По просьбѣ Захаріи царь посылаетъ съ нимъ къ Дмитрію четырехъ именитыхъ вельможъ царева двора. Въ ярлыкѣ указано требованіе — выразить полное подчиненіе, и желаніе посадить на Русь другого князя. Отпуская Захарію, Мамай проситъ его поскорѣй вернуться. Дойдя до Оки, Захарія посылаетъ вѣстника къ Дмитрію съ просьбой прислать отрядъ для встрѣчи татаръ. Послѣдніе ожидаютъ всяческихъ почестей, но, по пріѣздѣ отряда, Захарія отдаетъ приказъ связать татаръ, разрываетъ ярлыкъ Мамая и отсылаетъ клочки обратно съ «худымъ» татариномъ, поручая передать царю, что онъ, Захарія, не видалъ еще никого среди людей «безумнѣй». Царь воспламеняется страшнымъ гнѣвомъ, увидя, какъ провелъ его Захарія, и начинаетъ дѣятельно готовиться къ походу на Русь. Захарія же съ плѣнными вельможами пріѣзжаетъ въ Москву и разсказываетъ обо всемъ великому князю. Тотъ на радостяхъ устраиваетъ «пиръ честенъ» и даритъ послу богатые подарки.

Появленіе этой повѣсти является естественнымъ слѣдствіемъ желанія разъяснить, что дѣлалъ Захарія въ Ордѣ, почему онъ всюду выставляется какъ «умный и хитрый», и — какъ удалось ему захватить «языкъ нарочитъ царева двора», — на что указывали предыдущія редакціи. Отсутствіе стройности въ повѣствованіи, логическія несообразности, присутствіе имени «казаковъ» — указываетъ съ одной стороны на болѣе позднее появленіе этой повѣсти, съ другой — на отсутствіе здѣсь воспоминанія о какомъ-нибудь старомъ преданіи о Захаріи, ходившемъ въ устной передачѣ. Мотивъ, что татарскій царь поражается красотой русскаго и прощаетъ ему многое за это — не новъ; думаю, что въ данномъ случаѣ приходится считаться съ заимствованіемъ соотвѣтствующаго мотива изъ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ. Не трудно видѣть, наконецъ, что ситуація этой повѣсти повліяла на предыдущую повѣсть о Бортешѣ: оба посла одинаково подвергаются опасности быть убитыми владыками за то, что говорятъ правду.

3) *Повѣсть о Новгородцахъ.*

Эта повѣсть настолько стоитъ особнякомъ въ 4 редакціи, что носитъ даже особое заглавіе: «Иную повѣсть да скажу вамъ о мужехъ новгородцехъ великаго Новаграда».

Тогда, начинается повѣсть, Новгородъ былъ «самовластный»[1]), не было царя надъ ними, когда была эта побѣда донская. Новгородцы сами владѣли собою, держали 80 тысячъ войска на случай борьбы съ сосѣдями-нѣмцами и литвою. Жили они *въ великой славѣ*, подъ сѣнію Софіи, премудрости божіей.

Когда въ Москву пришла вѣсть о приходѣ Мамая и союзниковъ и о томъ, что великій князь рѣшился во чтобы то ни стало оказать сопротивленіе, новгородскіе купцы, бывшіе тогда по дѣламъ въ Москвѣ, немедленно отъѣхали въ Новгородъ, гдѣ разсказали посадникамъ о «приключившейся скорби». Новгородцы, выслушавъ, отправились къ владыкѣ Евфимію и передали ему о нашествіи союзниковъ на Москву. Владыка «возмутился сердцемъ», горько заплакалъ и началъ молиться за великаго князя и за все православное христіанство. По окончаніи молитвы онъ вопросилъ посадниковъ новгородскихъ, — зачѣмъ же они пришли къ нему. Посадники отвѣчали, что за благословеніемъ, такъ какъ они рѣшили помочь Москвѣ. На это благое дѣло влыдыка благословляетъ ихъ «съ радостію». Собираютъ вѣче, звонитъ вѣчевой колоколъ, и народъ стекается на владычній дворъ. Глашатаи водворяютъ тишину, и Евфимій произноситъ народу рѣчь, въ которой побуждаетъ Новгородъ оказать помощь великому князю.

На утро всѣ уже изготовились. Выбрано было шесть воеводъ «крѣпкихъ и мудрыхъ» и приготовлено 40 тысячъ войска. Мѣстомъ, гдѣ собраться, указано дворище у святого Николы. Передъ отправленіемъ владыка служитъ молебенъ, освящаетъ воду и обращается къ предстоящимъ со словомъ

1) Это одно заявленіе должно показать, что появленіе этой повѣсти должно быть отнесено ко времени значительно позже 1480 года.

ободренія. Всѣ горятъ желаніемъ умереть за святое дѣло. Войско, напутствуемое архіепископомъ, выходитъ изъ города, «яко златопарніи орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости». Когда новгородцы подошли къ Москвѣ, имъ сообщаютъ, что великій князь уже выступилъ на Коломну. Туда двигается и новгородское войско, отрядивъ сначала вѣстниковъ къ Дмитрію. Великій князь умиленъ и пораженъ, — вѣстники застали его у заутрени, — и посылаетъ витязей на встрѣчу новгородцамъ. Блестя вооруженіемъ, новгородское войско подходитъ къ Коломнѣ; великій князь приглашаетъ воеводъ къ себѣ «хлѣба ясти». Воеводы «приідоша и поклонишася великому князю». Дмитрій устраиваетъ пиръ и посылаетъ извѣщеніе о приходѣ новгородской силы въ Москву къ Кипріану и Евдокіи.

Вступленіе этой повѣсти содержитъ печальныя воспоминанія о былой славѣ Новгорода. Можетъ быть авторомъ этой повѣсти былъ новгородецъ, развившій въ цѣлое сказаніе прежнее упоминаніе о приходѣ новгородской силы къ Дмитрію. Въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія объ этомъ фактѣ упоминалось кратко, въ Повѣданіе, какъ извѣстно, также вошла небольшая замѣтка о приходѣ новгородской помощи. По времени составленія разбираемая повѣсть относится къ позднѣйшему времени: о прежней свободѣ говорится, какъ о чемъ-то давнопрошедшемъ, Москва въ сознаніи автора явно первенствуетъ, воеводы стоятъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ московскіе бояре царскаго періода, наконецъ самое имя владыки новгородскаго — невѣрно: во время Куликовской битвы въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Алексѣй (1360—1388); въ числѣ новгородскихъ іерарховъ находятся два Евфимія, занимавшихъ каѳедру одинъ вслѣдъ за другимъ между 1424—1458 годами [1]), но отношенія къ эпизоду они никакого не имѣютъ. Имя Евфимій — нерѣдко въ спискахъ Сказанія: очень часто оно замѣняетъ настоящее имя коломенскаго епископа — Герасимъ. Если бы повѣсть была

1) Строевъ. Списки іерарховъ. СПб. 1877.

составлена раньше XVII вѣка, то она попала бы въ списки 3 редакціи, но ея тамъ не находится, поэтому нужно предположить, что она современна составленію всей 4 редакціи.

Кромѣ этихъ трехъ самостоятельныхъ повѣстей, характеризующихъ 4 редакцію, въ послѣдней находятся еще двѣ вставки, представляющія дальнѣйшее развитіе намѣченныхъ эпизодовъ. Собственно, и вставныя повѣсти имѣли тенденцію разъяснять то, о чемъ глухо говорилось въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія. Ту же цѣль преслѣдуютъ и указываемыя вставки:

1) Какъ извѣстно, великій князь, рѣшившись дать отпоръ Мамаю, посылаетъ въ Боровскъ за своимъ братомъ, княземъ Владимиромъ. Разговора между братьями въ предыдущихъ редакціяхъ нѣтъ; въ разбираемой же вставлена цѣлая бесѣда братьевъ. На вопросъ Дмитрія, слышалъ ли Владимиръ о предстоящей напасти, тотъ произноситъ отвѣтную рѣчь, въ которой указываетъ, что за единодушіе войска онъ ручается, потому что всѣмъ «надлежитъ умереть» за православную вѣру, за святыя церкви и «за тебя, государя». Дмитрій пораженъ такой горячей любовью брата, благодаритъ его и обращается съ молитвой къ Богу.

Это распространеніе вытекаетъ изъ указанной выше точки зрѣнія 3 редакціи, настаивавшей на изображеніи между братьями горячей любви и дружбы.

2) Для того, чтобы войско собиралось на Москву — великій князь разсылаетъ по всѣмъ городамъ грамоты. Текста этихъ грамотъ предыдущія редакціи не приводятъ; четвертая заполняетъ этотъ пробѣлъ и приводитъ текстъ, составленный по образцу обыкновенныхъ грамотъ XVII вѣка:

«Отъ великаго князя Димитрея Ивановича всеа Росіи княземъ и бояромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ и всему войску и всякому безъ обмѣны, чей кто ни есть. Какъ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ часа того лѣзли во единъ день и нощь, а другихъ бы есте грамотъ не дожидалися и збиралися бы

всѣ неложно со всей земли на Успеньевъ день пресвятыя Богородицы на Коломнѣ, яко да тамо разберемъ подлинно и дадимъ коемуждо полку воеводу. А сами бъ есте грамоты посылали промежь себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ, лѣта 6889-го году, мѣсяца августа въ 15 день».

Дальнѣйшіе случаи вставокъ и дополненій относятся уже къ разряду риторическихъ распространеній текста и будутъ указаны мною при характеристикѣ списковъ.

Третьей особенностью 4 редакціи является *раздѣленіе повѣсти на главы, носящія каждая особое названіе.* Стремленіе давать названія отдѣльнымъ эпизодамъ замѣчалось и въ спискахъ 3 редакціи, но тамъ оно проводилось далеко не послѣдовательно. Тѣмъ не менѣе я выше отмѣчалъ разбитые на главы списки Сказанія и усматривалъ въ нихъ какъ бы переходъ къ 4 редакціи. Въ послѣдней дѣленіе на главы — непремѣнный признакъ, почти всегда заглавія писаны киноварью, иногда они выдѣлены въ особое оглавленіе. Если же встрѣчаются списки 4 редакціи съ неполнымъ количествомъ заглавій, то причина лежитъ въ перепискѣ: для киноварнаго заголовка оставлялось мѣсто, но потомъ его позабывали заполнить, оставляя часто одно только «О....»[1]).

Всего лучше сохранилось это дѣленіе на главы въ спискахъ: Толстовскомъ II, 140 и Казанскомъ лѣтописцѣ, № 1516. По Толстовской рукописи я и приведу оглавленіе, выдѣленное въ этомъ спискѣ особо:

Сказание главамъ настоящия книги сия, глаголемыя Мамаева побоища, о многихъ силахъ его.

1. О нахожденіи безбожнаго царя Мамая со многими силами на рускую землю.

2. О превѣзеніи великія рѣки Волги.

3. О резанскомъ князи Олги.

---

1) Примѣры такихъ недописанныхъ заголовковъ можно встрѣтить въ напечатанномъ Тихонравовскомъ текстѣ.

4. О посланіи князя Ольга къ царю Мамаю.

5. О литовскомъ князѣ Ольгердѣ.

6. О посланіи князя Ольгерда къ царю Мамаю.

7. О возвѣщеніи вѣстниковъ великому князю Дмитрію Ивановичу московскому и всея Руси, яко идетъ царь Мамай на Русь ратію.

8. О моленіи ко Господу Богу великаго князя Димитрія.

9. О посланіи даровъ великимъ княземъ Димитриемъ Ивановичемъ зъ Захариемъ ко царю Мамаю.

10. О первой стражи.

11. О второй стражи.

12. О пришествіи Захаріи ко царю Мамаю во Орду.

13. Посланіе от царя Мамая къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

14. О посланіи грамотъ православнаго великаго князя Дмитрія Ивановича по всѣмъ градомъ.

15. О пріѣздѣ многаго войска на Москву.

16. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь.

17. О благословеніи преподобнаго Сергія великаго князя Дмитрія Ивановича итти противу безбожнаго царя Мамая и о подани двою воинъ въ помощь иноческаго полка Александра Пересвѣта и брата его Андрея Ослебяту.

18. О моленіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ и многимъ святымъ.

19. О благословеніи митрополита Кипріана великаго князя Дмитрія итти противу царя Мамая.

20. О похожденіи изъ Москвы великаго князя Дмитрія противу безбожнаго царя Мамая.

21. О пришествіи великаго князя Дмитрія на Коломну.

22. Повесть о мужехъ новогороцкихъ великаго Новаграда.

23. О пришествіи новогородцовъ на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

Моисѣю и яко Давиду на Голияда и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему Александру на хвалящегося римского короля, и не по грѣхом нашим воздай ми, Господи»... На этомъ обрывается текстъ.

2) Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, также неполный: изложеніе начинается съ главы о приходѣ вѣстниковъ къ великому князю, сообщающихъ о выступленіи Мамая. Въ дальнѣйшемъ текстѣ утрачено много листковъ, главы спутаны; отрывокъ обнимаетъ, собственно, только начало повѣсти, обрывающееся на ярлыкѣ Мамая къ союзникамъ. Въ обоихъ спискахъ главы носятъ названія; въ первомъ они написаны киноварью. Однако въ виду крайне неисправнаго состоянія текста и отрывочности въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду принимать въ расчетъ этихъ списковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ не вноситъ въ общее изложеніе никакихъ разночтеній.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить еще списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93. Списокъ этотъ несомнѣнно принадлежитъ 4 редакціи, такъ какъ ея типичныя особенности въ немъ — на лицо. Текстъ Сказанія не полонъ, онъ обрывается на перечисленіи убитыхъ въ битвѣ. Но отъ остальныхъ списковъ разбираемой редакціи его отличаетъ отмѣченное мною при разборѣ Повѣданія обширное заимствованіе изъ послѣдняго памятника, вносящее, какъ я указывалъ, существенныя поправки въ текстъ писанія Софоніи. Самое перечисленіе убитыхъ въ битвѣ, — на чемъ обрывается текстъ, взято также изъ Повѣданія. Ниже будетъ указана одна изъ особенностей 4 редакціи — стремленіе опрощать поэтическія мѣста или вовсе опускать ихъ; поэтому разбираемый текстъ, воспользовавшійся, какъ разъ наоборотъ, весьма широко поэтическимъ матеріаломъ, долженъ быть выдѣленъ особо. Что касается до самаго повѣствованія, то, въ общемъ, текстъ архивскаго списка примыкаетъ къ обыкновенному тексту 4 редакціи.

О текстѣ, находящемся въ спискѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209 я скажу ниже.

44. О расмотрѣніи полковъ и колко побиенныхъ православныхъ христианъ и безбожныхъ татаръ.

45. Сказание о злой смерти Мамаеве и о триехъ князехъ его.

46. О посланіи гонца къ митрополиту Кипріану и ко княгинѣ Евдокіи.

47. О раскаяніи Ольгердовѣ, литовскаго князя.

48. О послѣднемъ прощеніи великаго князя по умершимъ.

49. О похожденіи великаго князя Дмитрія Ивановича зъ Дону ко славному граду Москвѣ.

50. О резанскомъ князѣ Ольгѣ, како побѣже изъ градовъ своихъ ко Олгерду литовскому.

51. О приходѣ великаго князя на Коломну.

52. О приходѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Москву.

53. О пришествіи великаго князя Дмитрія со всеми силами во обитель святыя живоначальныя Троицы ко преподобному Сергію чудотворцу.

54. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко граду Москвѣ и о дарѣніи князей и боляръ и воеводъ и удалыхъ витязей и всѣхъ воинскихъ и всякихъ чиновъ, коегождо по достоянію.

Это оглавленіе — самое подробное, безъ пропусковъ; въ остальныхъ спискахъ Сказанія число главъ меньше, потому что, какъ я говорилъ, переписчики, заготовлявшіе на скорую руку книгу, позабывали вписать заглавія киноварью или вписывали ихъ не всѣ.

Наконецъ послѣдней, *четвертой*, особенностью 4 редакціи *является постепенное паденіе поэтической традиціи Повъданія и стремленіе перерабатывать поэтическія формулы на прозаическій ладъ.* Имя Софоніи совершенно отсутствуетъ въ спискахъ 4 редакціи. Очевидно, Повѣданіе было забыто совсѣмъ, и, рѣзавшія прозаическое ухо редактора, вставки обработывались или осмыслялись по своему. Плохое сохраненіе и измѣненіе

идетъ рѣчь о пріемѣ Ольгердомъ пословъ отъ Олега. П
его грамоту, Ольгердъ обращается къ «пановямъ и санать
своимъ съ рѣчью, въ которой указываетъ на «любовь» къ
Олега, желающаго съ нимъ раздѣлить владѣніе Москвою.
и сенаторы въ торжественномъ отвѣтѣ заявляютъ, что Ол
достоинъ такого владѣнія. Ольгердъ въ будущемъ обѣщае
награды, а къ Мамаю отправляетъ своего посла, «мужа м
именемъ *Бортеша*. Бортешъ рисуется въ весьма полож
номъ освѣщеніи.

Вторая часть повѣсти заключаетъ разсказъ Бортеша о
какъ онъ правилъ посольство къ Мамаю. О татарскомъ
онъ выражается весьма пренебрежительно: Мамай не уме
рѣчи не памятливъ, гордъ, имѣетъ большое, но неустро
войско, которое врядъ ли сможетъ выдержать натискъ м
ской рати. Ольгердъ сильно разгнѣванъ такимъ отношеніе
своему союзнику и другу и бросается съ мечемъ на Бор
Паны и сенаторы едва могутъ удержать его. Бортешъ
жаетъ удивленіе по поводу такого гнѣва, тѣмъ болѣе, что
гердъ просилъ его говорить только «правду». Предст
услыхавъ такой разсказъ о Мамаѣ — «ужаснулись».

Мотивъ этой повѣсти не новъ: высокоуміе союзник
ихъ недомысліе трактовались и въ 3 редакціи. Въ этомъ
проведена здѣсь характеристика Ольгерда, разумный же
его Бортешъ напоминаетъ съ одной стороны посла Дмит
Захарію Тютшева, о которомъ въ 4 редакціи вставлено
особое повѣствованіе; съ другой — положительныя ка
Бортеша заставляютъ относить его къ положительнымъ ти
къ Ольгердовичамъ, — сторонѣ, хотя и связанной съ О
домъ, но прямо противоположной ему по духу. Само имя
Ольгерда роднитъ его съ Ольгердовичами: *Братоша* былъ
скимъ посломъ, отправленнымъ по порученію князя *Лу*
Семіона Ольгердовича въ Новгородъ, чтобы передать нов
цамъ желаніе князя получить во владѣніе тѣ городки, кот
владѣлъ Наримантъ. (См. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VII

ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пречистыя Богородицы и рекоша: «Помилуй, Владычица, государя нашего великаго князя Димитрея Ивановича, пособствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ наших, яко да ты, Боже, сотвори, елико хощеши, избави нас от варварскаго пленения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іисуса Христа, воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не дай, Господи, в разорение града сего поганому сему царю Мамаю, да не осквернит святыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будем ранами. На тебя бо надѣемся, Владычица, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Госпоже Богородица, родила еси, аще хощеши и можеши нам помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего святаго. Мы же, Госпоже, на твою милость надѣемся противу безбожныхъ печенѣг, да будетъ противу их, да будет, Госпоже, умолен Сынъ твой Тобою и Богъ нашъ».

Значительному сокращенію подверглись также всѣ заимствованія изъ писанія Софоніи. Я уже говорилъ, что въ этомъ — особенность всей 4 редакціи. Мѣстами замѣчается стремленіе низвести поэтическія формулы до прозаическаго пересказа. Напримѣръ: (воины) «успешно грядутъ, яко медвенные чаши пити *или* ясти хотятъ до сытости» [1]); «братие, стук стучит и гром гремит в славном градѣ Москвѣ, стучит силная рат великаго князя»; «тогда же́ солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревут наволочены у саду Панѳилова». Я не стану приводить примѣровъ, ограничусь указаніемъ на то,

1) Ср. ниже: «И приіде кождо со своим конем и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити».

что вообще всѣ заимствованія изъ Повѣданія въ разбираемомъ спискѣ или сокращены, или опрощены, или выброшены.

Далѣе: выпущенъ разсказъ о посланіи третьей стражи и сокращены нѣкоторые обороты въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей; но всѣ эти сокращенія не вліяютъ, въ сущности, на измѣненіе эпизодовъ; большею частію они встрѣчаются тамъ, гдѣ разсказъ въ остальныхъ частяхъ развитъ полнѣе, чѣмъ въ третьей редакціи.

Что касается распространеній и вставокъ, то онѣ, за исключеніемъ вышеизложенныхъ вставныхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи, сводятся къ обыкновеннымъ риторическимъ украшеніямъ.

Распространена молитва великаго князя послѣ извѣщенія о походѣ на него союзниковъ: «Владыко Господи Іисусе Христе, Сыне безначалнаго Царя, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Дѣвы Маріі нашего ради спасенія і избави нас от работы вражія. І нынѣ, Владыка пресвятый, призри на смиреніе наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамая и низложи, Господи, сего злаго, помышляющих на святую вѣру твою».

Въ началѣ разсказа о приходѣ ратныхъ людей къ Москвѣ прибавлено: «Людіе многи приспѣша к великому князю Димитрею Ивановичю, і вси яко единеми усты глаголаху: Соверши Богъ теченіе наше, пострадати имяни твоего ради святаго».

Въ уста пр. Сергію вложены слова: «Поиди, господине княже великіі, ко граду своему Москвѣ и прими, аки нѣкое сокровище некрадомое, благословеніе старческое».

Когда коломенскій владыка благословилъ великаго князя, то «вси ідоста в церковь, и тутo князь великіі многих князей і воеводъ звалъ к себѣ хлѣба ясти». Этотъ мотивъ — зова на пиръ — весьма часть въ разбираемомъ спискѣ.

Подъ вліяніемъ вставной повѣсти о мужахъ новгородцахъ переходъ къ дальнѣйшему изложенію выраженъ слѣдующимъ образомъ: «Князь же великіі урядив полки по достоянію и учини

коемуждо полку воевод и заповеда всему своему воинству не прикасатися ни х чему *к новогородскому*». И дальше приходъ новгородской силы даетъ себя чувствовать: «. . .новгородскія же полки *особ стояще чинно* . . . полки же великаго князя стояще і в трубы гласяще і в варганы бьюще». Ниже: «(князь) *приѣде к полкомъ новогородцкимъ*, они же падше и поклонишася ему до земли. Княз же великиі Димитреи Іванович видевъ войско их уряжено по достоянию учрежение их, нарочиты и храбри велми. Князь же великиі *подивися учрежению ихъ и храбрости* и урядив коемуждо полку воеводу».

О новгородцахъ снова упоминается въ главѣ «О раскаяніи Олега, князя рязанского». Олегъ изображается бесѣдующимъ съ «юношами» и боярами. Послѣдніе докладываютъ, «яко придоша к нему *на помощь новгородцы* со многою силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело».

О пришествіи Ольгердовичей великій князь посылаетъ извѣщеніе въ Москву, «наипаче же во обитель живоначалныя Троицы и преподобнаго игумена Сергия, да не когда послушае Богъ их молитвы».

Вообще редакторъ распространяетъ то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ особаго напоминанія или на чемъ слѣдуетъ настоять. Сокращая поэтическія мѣста, онъ въ нѣкоторыхъ формулахъ двоитъ представленія: на мѣсто боя у него приходятъ «волки и *лисицы*»; съ устья Дона прилетаютъ «вороны и орлы». Или же онъ, желая щегольнуть географическими познаніями, повторяетъ ихъ: «повелѣ царь татаром своим вооружитися и *Гусин брод* через реку бресть», — о Гусинѣ бродѣ было сказано раньше.

Русскіе воины, бросаясь въ бой, восклицаютъ: «С нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся».

Стремленіе распространять молитвенныя обращенія красной нитью проходитъ по всему списку (за исключеніемъ указаннаго выше сокращенія молитвъ великаго князя; но здѣсь цѣль

редактора была имя: застыять передъ такимъ важнымъ походомъ молиться не одного великаго князя, но весь народъ). Такъ еще распространена молитва князя Владимира, одержавшаго окончательную побѣду.

Таковы добавленія разбираемаго списка. Они, какъ видно, не оригинальны, новаго ничего не даютъ, матеріалъ для нихъ подобранъ изъ того же Сказанія, часто неудачно (напр. — слова Сергія о «непрадомомъ сокровищѣ»). Всего болѣе умѣстны эти добавленія тамъ, гдѣ говорится о новгородцахъ: имя эта самостоятельная повѣсть какъ бы вводится въ общій ходъ разсказа и тѣсно съ нимъ соединяется [1]).

Я говорилъ, что 4 редакція развилась изъ первой черезъ списокъ, близко подходящій къ списку У третьей редакціи. Типографскій текстъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, но на процессъ сложенія его такъ или иначе вліялъ списокъ, восходящій къ списку Т третьей редакціи. Я уже упоминалъ объ интерполяціи «Григорія Капустина». Но и кромѣ этой вставки разбираемый текстъ мѣстами представляетъ чтеніе, сближающее его именно съ текстомъ типа Т. Эта близость всего болѣе замѣтна въ концѣ повѣсти.

Рѣчь боляръ великому князю, въ которой они ссылаются на житіе Ѳеодора Тирона, и отвѣтная рѣчь великаго князя, ставящаго въ примѣръ мученіе преподобнаго Аревы — изложены вполнѣ такъ же, какъ въ Т.

Одинаково съ послѣднимъ изложено все описаніе боя: разбираемый списокъ, сокращая поэтическія формулы, здѣсь приводитъ ихъ полностью, безъ измѣненій сравнительно съ текстомъ Т. Даже такая фраза: «Уже возлияс хвала на хулу і вержеся диво на землю», находящаяся въ спискахъ 3 редакціи, зависящихъ отъ Т — здѣсь на лицо, тогда какъ, повторяю, поэтическія мѣста въ остальномъ сильно сокращены.

---

1) Только вліяніемъ этой повѣсти можно объяснить перемѣну имени коломенскаго епископа: Герасимъ — во второй, Геронтій — въ третьей, здѣсь онъ названъ Ефимій, такъ же, какъ въ повѣсти о мужахъ Новгородцахъ.

Описаніе бѣгства Мамая, призывающаго на помощь своихъ боговъ, погони за ними русскихъ, разсказъ о томъ, кто когда и какъ видѣлъ великаго князя въ сѣчѣ, объѣздъ побоища, исчисленіе убитыхъ — вообще все окончаніе Сказанія изложено вполнѣ сходно съ Т.

Со словъ: «Прииде же вѣсть в славный град Москву мѣсяца сентября въ 11 день на памят преподобныя матери Ѳеодоры Александрейския»... начинается заключеніе, развитое по схемѣ У и восходящее, какъ я говорилъ, къ заключенію 1 редакціи по Никоновской лѣтописи. Списокъ кончается разсказомъ о судьбѣ Мамая, общимъ съ предыдущими редакціями.

2) Слѣдующій списокъ этой группы, восходящій къ концу XVII — началу XVIII в., — Публичной Библіотеки О. IV. 46. Заглавіе написано киноварью: «Начинаема повѣсть о Мамаевѣ побоищи, како благовѣрный великій князь Димитрій Іоанновичь Донской побѣдилъ нечесьтиваго царя Мамая со всеми его агаряны за рекою Дономъ». Начало сходно съ Тихонравовскимъ: «Хощемъ, братіе, начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяномъ з безбожными агаряны»... Существенныхъ отличій разбираемый списокъ не имѣетъ. Главы также носятъ названія, но по сравненію съ вышеприведеннымъ оглавленіемъ — ихъ меньше. Написаны названія 3, 6, 7, 9—12, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37 и 45 главъ.

Стремленіе къ сокращенію основного текста, упрощенію поэтическихъ мѣстъ замѣтно и здѣсь. Отмѣчу одно, не находящее себѣ соотвѣтствія въ предыдущемъ спискѣ: «рѣки же выступиша из мѣстъ своихъ и поняло поле, яко многимъ людемъ въ водѣ бродити». Значительно сокращенъ весь разсказъ о судьбѣ Мамая. Искаженіе собственныхъ именъ замѣчается и здѣсь: Борботящъ, Тетюшковъ, Миронъ — вм. Муринъ и т. д. Въ остальномъ — списокъ ничего новаго не даетъ.

Перейду ко второй группѣ.

2 группа. Сохраняя планъ и общее изложеніе 1 группы,

24. О раздѣленіи полковъ и учиненіи коемуждо полку воеводы.

25. О третией стражи въ Поли.

26. О раскаяніи Ольга, князя рязанскаго.

27. О раскаяніи Ольгердове, князя литовскаго.

28. О двою братехъ Ольгердовичехъ.

29. О сошествіи купно обою брату на Северу со всѣми силами.

30. О пришествіи Ольгердовичей на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

31. О прехожденіи за Донъ реку всего войска.

32. О уряженіи полковъ изнова и о въданіи воеводъ и о многомъ извѣствованіи и о грозномъ семъ побоищи.

33. О раздѣленіи силъ и о западномъ полку.

34. Сказаніе Дмитрія Волынца о примѣтахъ нощныхъ.

35. О видѣніи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

36. О поступленіи на бой великаго князя Дмитрія Ивановича со всѣми силами.

37. О преславныхъ святыхъ таинъ и о написаніи посланія отъ преподобнаго игумена Сергія съ благословениемъ.

38. О снятіи обою великихъ войскехъ и о страшномъ побоищи.

39. О сряженіи Александра чернца Пересвѣта, иже побѣди отъ татаръ перваго исполина, рекши богатыря, именемъ Таврула.

40. О виденіи, еже нѣкто видѣ отъ воинъ небеса отверста.

41. О исхожденіи изъ дубравы потаеннаго полка князя Владиміра Андреевича и о конечномъ погибленіи поганыхъ божиею помощію.

42. О собраніи войска и обрѣтеніи великаго князя Дмитрія Ивановича.

43. О собраніи и о погребеніи православныхъ христианъ, на побоищѣ умершихъ.

44. О расмотрѣніи полковъ и колко побіенныхъ православныхъ христіанъ и безбожныхъ татаръ.

45. Сказаніе о злой смерти Мамаеве и о триехъ князехъ его.

46. О посланіи гонца къ митрополиту Кипріану и ко княгинѣ Евдокіи.

47. О раскаяніи Ольгердовѣ, литовскаго князя.

48. О послѣднемъ прощеніи великаго князя по умершимъ.

49. О похожденіи великаго князя Дмитрія Ивановича зъ Дону ко славному граду Москвѣ.

50. О резанскомъ князѣ Ольгѣ, како побѣже изъ градовъ своихъ ко Олгерду литовскому.

51. О приходѣ великаго князя на Коломну.

52. О приходѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Москву.

53. О пришествіи великаго князя Дмитрія со всеми силами во обитель святыя живоначальныя Троицы ко преподобному Сергію чудотворцу.

54. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко граду Москвѣ и о дарѣніи князей и боляръ и воеводъ и удалыхъ витязей и всѣхъ воинскихъ и всякихъ чиновъ, коегождо по достоянію.

Это оглавленіе — самое подробное, безъ пропусковъ; въ остальныхъ спискахъ Сказанія число главъ меньше, потому что, какъ я говорилъ, переписчики, заготовлявшіе на скорую руку книгу, позабывали вписать заглавія киноварью или вписывали ихъ не всѣ.

Наконецъ послѣдней, *четвертой*, особенностью 4 редакціи *является постепенное паденіе поэтической традиціи Повѣданія и стремленіе перерабатывать поэтическія формулы на прозаическій ладъ*. Имя Софоніи совершенно отсутствуетъ въ спискахъ 4 редакціи. Очевидно, Повѣданіе было забыто совсѣмъ, и, рѣзавшія прозаическое ухо редактора, вставки обработывались или осмыслялись по своему. Плохое сохраненіе и измѣненіе

текста отрывковъ изъ писанія Софоніи въ концѣ концовъ привело *къ полному изъятію ихъ изъ Сказанія.*

Таковы главныя особенности 4 редакціи. Перейду къ характеристикѣ списковъ.

1 группа. Къ этой группѣ принадлежатъ 2 списка: 1) Тихонравовскій № 337 (напечатанъ въ приложеніи; этотъ списокъ былъ извѣстенъ Тимоѳѣеву, который почему-то считалъ его древнѣйшимъ и первоначальнымъ) и 2) Публичной Библіотеки O. IV. 46.

Тихонравовскій текстъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ исправенъ: есть недописанныя заглавія, предназначенныя для заполненія киноварью, встрѣчаются пропуски, и нѣкоторыя выраженія носятъ слѣды позднѣйшихъ поправокъ. Но вообще надо замѣтить, что списки 4 редакціи гораздо исправнѣй, чѣмъ списки третьей.

По сравненію съ третьей редакціей Тихонравовскій текстъ стремится кое-гдѣ нѣсколько *сокращать* основной разсказъ. Такъ, сокращенъ текстъ ярлыка Олега Ольгерду, выпущено указаніе на то, что была послана третья стража[1]), отсутствуютъ молитвы великаго князя передъ выступленіемъ изъ Москвы. Вмѣсто этихъ молитвенныхъ обращеній редакторомъ скомпанованъ на основаніи имѣвшагося матеріала новый эпизодъ, гдѣ молитва Богородицѣ вложена не въ уста Дмитрія, а всего народа (подобно всенародному моленію въ Повѣсти о нашествіи Темиръ-Аксака), и гдѣ великій князь изображается молящимся лишь у гробовъ митрополита Петра и своихъ прародителей. Весь эпизодъ сводится, собственно, къ одной молитвѣ:

«Яко дивно страшно видяти і велми чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачющеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго

1) Послѣднее могло быть случайно.

ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пречистыя Богородицы и рекоша: «Помилуй, Владычица, государя нашего великаго князя Димитрея Ивановича, пособствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ наших, яко да ты, Боже, сотвори, елико хощеши, избави нас от варварскаго пленения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іисуса Христа, воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не дай, Господи, в разорение града сего поганому сему царю Мамаю, да не осквернит святыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будем ранами. На тебя бо надѣемся, Владычица, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Госпоже Богородица, родила еси, аще хощеши и можеши нам помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего святаго. Мы же, Госпоже, на твою милость надѣемся противу безбожныхъ печенѣг, да будетъ противу их, да будет, Госпоже, умолен Сынъ твой Тобою и Богъ нашъ».

Значительному сокращенію подверглись также всѣ заимствованія изъ писанія Софоніи. Я уже говорилъ, что въ этомъ — особенность всей 4 редакціи. Мѣстами замѣчается стремленіе низвести поэтическія формулы до прозаическаго пересказа. Напримѣръ: (воины) «успешно грядутъ, яко медвенные чаши пити *или* ясти хотятъ до сытости»[1]); «братие, стук стучит и гром гремит в славном градѣ Москвѣ, стучит силная рат великаго князя»; «тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревут наволочены у саду Панѳилова». Я не стану приводить примѣровъ, ограничусь указаніемъ на то,

1) Ср. ниже: «И приіде кождо со своим конем и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити».

что вообще *всѣ* заимствованія изъ Повѣданія въ разбираемомъ спискѣ или сокращены, или опрощены, или выброшены.

Далѣе: выпущенъ разсказъ о посланіи третьей стражи и сокращены нѣкоторые обороты въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей; но всѣ эти сокращенія не вліяютъ, въ сущности, на измѣненіе эпизодовъ; большею частію они встрѣчаются тамъ, гдѣ разсказъ въ остальныхъ частяхъ развитъ полнѣе, чѣмъ въ третьей редакціи.

Что касается распространеній и вставокъ, то онѣ, за исключеніемъ вышеизложенныхъ вставныхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи, сводятся къ обыкновеннымъ риторическимъ украшеніямъ.

Распространена молитва великаго князя послѣ извѣщенія о походѣ на него союзниковъ: «Владыко Господи Іисусе Христе, Сыне безначалнаго Царя, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Дѣвы Маріі нашего ради спасенія і избави нас от работы вражія. І нынѣ, Владыка пресвятый, призри на смиреніе наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамая и низложи, Господи, сего злаго, помышляющих на святую вѣру твою».

Въ началѣ разсказа о приходѣ ратныхъ людей къ Москвѣ прибавлено: «Людие мнози приспѣша к великому князю Димитрею Івановичю, і вси яко единеми усты глаголаху: Соверши Богъ теченіе наше, пострадати имяни твоего ради святаго».

Въ уста пр. Сергію вложены слова: «Поиди, господине княже великіі, ко граду своему Москвѣ и прими, аки нѣкое сокровище некрадомое, благословеніе старческое».

Когда коломенскій владыка благословилъ великаго князя, то «вси ідоста в церковь, и туто князь великіі многих князей і воеводъ звал к себѣ хлѣба ясти». Этотъ мотивъ — зова на пиръ — весьма частъ въ разбираемомъ спискѣ.

Подъ вліяніемъ вставной повѣсти о мужахъ новгородцахъ переходъ къ дальнѣйшему изложенію выраженъ слѣдующимъ образомъ: «Князь же великіі урядив полки по достоянію и учини

коемуждо полку воевод и заповеда всему своему воинству не прикасатися ни х чему *к новогородскому*». И дальше приходъ новгородской силы даетъ себя чувствовать: «...новгородскія же полки *особ стояще чинно*... полки же великаго князя стояще і в трубы гласяще і в варганы биюще». Ниже: «(князь) *приѣде к полкомъ новогороцкимъ*, они же падше и поклонишася ему до земли. Княз же великиі Димитреи Іванович видевъ войско их уряжено по достоянию учрежение их, нарочиты и храбри велми. Князь же великиі *подивися учреженію ихъ и храбрости* и урядив коемуждо полку воеводу».

О новгородцахъ снова упоминается въ главѣ «О раскаяніи Олега, князя рязанского». Олегъ изображается бесѣдующимъ съ «юношами» и боярами. Послѣдніе докладываютъ, «яко придоша к нему *на помощь новгородцы* со многою силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело».

О пришествіи Ольгердовичей великій князь посылаетъ извѣщеніе въ Москву, «наипаче же во обитель живоначалныя Троицы и преподобнаго игумена Сергия, да не когда послушае Богъ их молитвы».

Вообще редакторъ распространяетъ то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ особаго напоминанія или на чемъ слѣдуетъ настоять. Сокращая поэтическія мѣста, онъ въ нѣкоторыхъ формулахъ двоитъ представленія: на мѣсто боя у него приходятъ «волки и *лисицы*»; съ устья Дона прилетаютъ «вороны и орлы». Или же онъ, желая щегольнуть географическими познаніями, повторяетъ ихъ: «повелѣ царь татаром своим вооружитися и *Гусин брод* через реку бресть», — о Гусинѣ бродѣ было сказано раньше.

Русскіе воины, бросаясь въ бой, восклицаютъ: «С нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся».

Стремленіе распространять молитвенныя обращенія красной нитью проходитъ по всему списку (за исключеніемъ указаннаго выше сокращенія молитвъ великаго князя; но здѣсь цѣль

редактора была иная: заставить передъ такимъ важнымъ походомъ молиться не одного великаго князя, но весь народъ). Такъ еще распространена молитва князя Владимира, одержавшаго окончательную побѣду.

Таковы добавленія разбираемаго списка. Они, какъ видно, не оригинальны, новаго ничего не даютъ, матеріалъ для нихъ подобранъ изъ того же Сказанія, часто неудачно (напр. — слова Сергія о «некрадомомъ сокровищѣ»). Всего болѣе умѣстны эти добавленія тамъ, гдѣ говорится о новгородцахъ: ими эта самостоятельная повѣсть какъ бы вводится въ общій ходъ разсказа и тѣснѣй съ нимъ соединяется [1]).

Я говорилъ, что 4 редакція развилась изъ первой черезъ списокъ, близко подходившій къ списку У третьей редакціи. Тихонравовскій текстъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, но на процессъ сложенія его такъ или иначе вліялъ списокъ, восходящій къ списку Т третьей редакціи. Я уже упоминалъ объ интерполяціи «Григорія Капустина». Но и кромѣ этой вставки разбираемый текстъ мѣстами представляетъ чтеніе, сближающее его именно съ текстомъ типа Т. Эта близость всего болѣе замѣтна въ концѣ повѣсти.

Рѣчь бояръ великому князю, въ которой они ссылаются на житіе Ѳеодора Тирона, и отвѣтная рѣчь великаго князя, ставящаго въ примѣръ мученіе преподобнаго Аревы — изложены вполнѣ такъ же, какъ въ Т.

Одинаково съ послѣднимъ изложено все описаніе боя: разбираемый списокъ, сокращая поэтическія формулы, здѣсь приводитъ ихъ полностью, безъ измѣненій сравнительно съ текстомъ Т. Даже такая фраза: «Уже возлияс хвала на хулу і вержеся диво на землю», находящаяся въ спискахъ 3 редакціи, зависящихъ отъ Т — здѣсь на лицо, тогда какъ, повторяю, поэтическія мѣста въ остальномъ сильно сокращены.

---

1) Только вліяніемъ этой повѣсти можно объяснить перемѣну имени коломенскаго епископа: Герасимъ — во второй, Геронтій — въ третьей, здѣсь онъ названъ Евфимій, такъ же, какъ въ повѣсти о мужахъ Новгородцахъ.

Описаніе бѣгства Мамая, призывающаго на помощь своихъ боговъ, погони за ними русскихъ, разсказъ о томъ, кто когда и какъ видѣлъ великаго князя въ сѣчѣ, объѣздъ побоища, исчисленіе убитыхъ — вообще все окончаніе Сказанія изложено вполнѣ сходно съ Т.

Со словъ: «Прииде же вѣсть в славный град Москву мѣсяца сентября въ 11 день на памят преподобныя матери Ѳеодоры Александрейскія»... начинается заключеніе, развитое по схемѣ У и восходящее, какъ я говорилъ, къ заключенію 1 редакціи по Никоновской лѣтописи. Списокъ кончается разсказомъ о судьбѣ Мамая, общимъ съ предыдущими редакціями.

2) Слѣдующій списокъ этой группы, восходящій къ концу XVII — началу XVIII в., — Публичной Библіотеки O. IV. 46. Заглавіе написано киноварью: «Начинаема повѣсть о Мамаевѣ побоищи, како благовѣрный великій князь Димитрій Іоанновичь Донской побѣдилъ нечесьтиваго царя Мамая со всеми его агаряны за рекою Дономъ». Начало сходно съ Тихонравовскимъ: «Хощемъ, братіе, начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяномъ з безбожными агаряны»... Существенныхъ отличій разбираемый списокъ не имѣетъ. Главы также носятъ названія, но по сравненію съ вышеприведеннымъ оглавленіемъ — ихъ меньше. Написаны названія 3, 6, 7, 9—12, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37 и 45 главъ.

Стремленіе къ сокращенію основного текста, упрощенію поэтическихъ мѣстъ замѣтно и здѣсь. Отмѣчу одно, не находящее себѣ соотвѣтствія въ предыдущемъ спискѣ: «рѣки же выступиша из мѣстъ своихъ и поняло поле, яко многимъ людемъ въ водѣ бродити». Значительно сокращенъ весь разсказъ о судьбѣ Мамая. Искаженіе собственныхъ именъ замѣчается и здѣсь: Борботящъ, Тетюшковъ, Миронъ — вм. Муринъ и т. д. Въ остальномъ — списокъ ничего новаго не даетъ.

Перейду ко второй группѣ.

2 группа. Сохраняя планъ и общее изложеніе 1 группы,

разбираемые списки отличаются, во-первыхъ — болѣе распространеннымъ заключеніемъ. Это заключеніе, разсказывающее, какъ и выше, объ обратномъ походѣ великаго князя съ поля битвы, о приходѣ его въ Коломну, затѣмъ въ Москву, о посѣщеніи обители преп. Сергія, о возвращеніи оттуда и награжденіи участниковъ битвы, обнимаетъ собою 51 — 54 главы Сказанія.

Во-вторыхъ — интерполяція списка Т: «Григорія Капустина», отсутствующая въ спискѣ У, отсутствуетъ въ спискахъ разбираемой группы.

Въ третьихъ — во 2 группѣ находится вставка въ молитву великаго князя передъ отправленіемъ къ Кипріану: «Яко же бысть в прежняя дни — приде Исакъ на брата своего Якова Израиля, Ияковъ же воста град и рече Исаку: брате, Богъ межю мною и тобою; и шибѣ со града копием и уби его». Я отмѣтилъ выше (при разборѣ 3 редакціи) отсутствіе этой вставки въ Т и присутствіе ея въ У.

Наконецъ — самый планъ второй группы ближе къ плану списка У.

Такимъ образомъ вторая группа списковъ 4 редакціи *развилась изъ третьей черезъ списокъ, непосредственно восходящій къ списку У 3 редакціи.*

Къ этой группѣ принадлежатъ 5 списковъ:

1 и 2) Списки: Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 140 и Румянцевскаго музея, собранія Бѣляева № 1516 (Казанскій лѣтописецъ). Оба писаны скорописью к. XVII вѣка. Текстъ Сказанія въ обоихъ спискахъ вполнѣ сходенъ, количество главъ (54) — одинаково, каждая глава носитъ особое заглавіе (въ Толстовскомъ спискѣ онѣ выдѣлены, какъ указано, въ самостоятельное оглавленіе). Переписчикъ Казанскаго лѣтописца отнесся внимательнѣй къ оригиналу: въ Толстовскомъ встрѣчаются довольно частыя описки. Кромѣ того Толстовскій текстъ случайно не оконченъ — разсказъ обрывается на описаніи объѣзда побоища.

Заглавіе обоихъ списковъ одинаково: «Сказание ізвѣстно о поганомъ и богомѣрскомъ царѣ Мамае і о многихъ силах его, како восхоте плѣнити росийскую землю, и похвала благочестивому государю і великому князю Димитрею Івановичю московскому і всеа Росиі самодерьжцу, иже побѣди его за Дономь рекою на поле Куликове і всю силу его одоле».

Начало обоихъ списковъ близко къ У: «Хощемъ, братие, извѣстно повѣдати повѣсть новыя сия побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны и како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ упичижи і посрами ихъ суровство, якоже іногда Гедеономъ Мадиамы низложи и православным Моисеом Ѳараона побѣди, такоже и зде».

Дальнѣйшее изложеніе по сравненію съ Тихоправовскимъ текстомъ представляетъ, кромѣ нѣкоторыхъ несущественныхъ разночтеній, рядъ *вставокъ*, носящихъ характеръ распространенія основного текста. Эти вставки я отмѣчу по порядку:

а) Въ описаніи похода Мамая, въ началѣ разсказа: «По малех днех, по глаголех сих, злодей перевезеся великую реку Волгу со всею силою, со многими ордами и царми и князми, и бѣ войска его ҂ѡнг, а послѣ того числа прибыло в҃і ордъ, о҃ князей болших, а ясаулов и сам числа не вѣдает, да еще три дворы великих в полѣ его догониша. И толико бѣ множество войска его, елико в полѣ не вмѣщатися им. Царь же Мамай нача ласкати ипатов и князей и воевод своихъ, глаголя им, яко обогатеете рускимъ златом. И оттолѣ поиде на Русь царь Мамай и вси князи ординстіи с нимъ, сердито яко лвы ревуще і яко неутолимыя ехидны пхающе. И доидоша же до усть реки Воронежа. И видѣ нечестивый царь Мамай, яко невозможно войску его прокормитися на Воронежи, и распусти войско свое и заповѣда всему войску, яко вси вы будете до единаго готовы на рускую землю и на князи их и на богатество ихъ, на сребро и на злато, і да не единъ пашуть хлѣба, но да будите готовы на руския хлѣбы».

Это распространеніе не ново: въ спискахъ одной изъ группъ 3 редакціи съ подобнымъ перечисленіемъ воинства татарскаго уже приходилось считаться.

б) Въ ярлыкѣ Олега Мамаю: «Мене же, царю, твоего раба Олга резанскаго да пощадитъ держава твоя. Азъ бо, царю, вельми ти рад и Русь устрашу твоею грозою, и князь Дмитрій и вси рустіи князи зело тебя устрашаютца. Еще, царю, молю державу твою и жалуюся о обиде своей, и много бо ми зла сотвори князь Дмитрій. Такожде и Ольгерду литовскому: И Олегъ тя хощеть молити и присягу имѣти к тебѣ. Грады наша князь Дмитрій поималъ себѣ силно; но ище ти, царю, известно чиню: и не то едино сотворих онъ зло, но имѣнемь твоимь о своей обидѣ погрозихъ ему, он же о том не радит; но и горшая ми сотворих и град мой Коломну за себя заграбилъ. И о всем о том молю ти ся, царю, ведомо же буди і се тебѣ колко он мыслить хощетъ итти на сретение твое, а вѣдеть по себѣ орду нѣмецъ, а мы, царю, оба идеве на помощь тебѣ, и онъ устрашитца».

Этотъ эпизодъ, особенно въ концѣ, представляетъ только риторическое многословіе, основанное на повтореніи прежняго матеріала.

в) Послѣ словъ: ...«и приидоша вестницы и возвестиша великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай со всею силою своею», — вставлена отсутствующая въ Тихонравовскомъ текстѣ глава:

7. О возвещеніи вѣстников великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай на Русь ратію.

Князь же великій Дмитрій Ивановичь сего злаго царя Мамая приход на ся не вѣдая, ни совокупления с ним Олга резанскаго и Олгерда литовского. И быша у великаго князя Дмитрия Ивановича на то устроены в Поли крѣпкіи стражи: Симеонъ Иродионов сынъ Жидовиновъ, Андрей Симонов сынъ Поповъ, да Федоръ Стремянникъ Милюкъ и иных удалых витязей великаго князя двора н̄ человѣкъ. В то ж время, после Илина дни в трѣтий день, князь же великій Дмитрій Ивановичь у собя на

пиру в набережномъ терему чаши поводилъ за своего брата князя Владимира Андреевича здравие; и в то время пригонилъ ис Поля сторожи Андрей Поповъ и говорилъ великому князю тако: Нѣсть ти время, великій княже, еже веселитися и сладких медов испивати, но нынѣ время есть, еже молитися Богу всемъ, чтобы тебѣ, государю, тихо и безмятежно державствовати. Нынѣ идеть на тебя, государя, безбожный царь Мамай со многими силами, а нынѣ стоить на рекѣ на Воронежи, а мы силу его обѣжали в $\overline{\text{вi}}$ дней, и подстерегли нас царевы сторожи и мене поимали, и царь мене спрашивалъ: вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю, князю Дмитрію, что ся иду к нему гостити со многими силами, а силы моея $\overline{\text{вi}}$ ордъ и $\overline{\text{г}}$ царства, а князей со мною $\overline{\text{бг}}$, опроче полских баловных, а всей силы моея ѳѡнг, и послѣ того числа прибыло $\overline{\text{в}}$ алпауты великия со своими двѣма дворы, и тѣмъ я числа не вѣдаю. Может ли мой слуга, а вашъ государь, всѣх нас накормити и одаровати. Мене же царь повелѣ водити по полкомъ своим и показывати сосуды бранныя, еже привезли бяху на взятіе руским градом, но милостию святыя и живоначалныя Троицы и молитвами пресвятыя Богородица и преподобнаго игумена Сергия и твоимъ государским счастіемъ аз убѣжал из рук от самого царя и пригонил к тебѣ, государю, с вѣстію».

Разсказъ о пребываніи Андрея Попова у Мамая находится въ ближайшей связи съ подобнымъ же разсказомъ о нахожденіи въ татарскомъ станѣ Василія Тупика. Послѣдній разсказъ помѣщенъ въ спискѣ 3 редакціи—Ундольскаго № 772. При разборѣ этого списка я указывалъ на этотъ вставочный разсказъ, характеризуя его, какъ переходный къ 4 редакціи. Настоящій же эпизодъ является, такимъ образомъ, послѣдующей попыткой разработки мотива о пребываніи русскаго лазутчика въ татарскомъ войскѣ.

г) Послѣ разсказа о раздѣленіи полковъ (24 глава): «И как будеть великій князь на другой странѣ Оки реки и вси князи и воеводы и вся руская земля и сила воинская с нимъ, и повелѣ

князь великій всѣм воеводам розчести силу его, имянем когождо и под которым воеводою сколко есть. И разочтоша рускую землю всю, опроче новгороцкія ,н. Говорит бо бяше тогда первый воевода князь Ѳедоръ Семеновичь: подо мною, государь, силы есть ,ке. Вторый воевода — князь Глѣбъ Брянскій: подо мною силы ,ке. Третій воевода — князь Дмитрій Всеволодичь говоритъ: подо мною силы ,cs. Четвертый воевода — князь Михайло Василевичь говоритъ: подо мною силы ,к. Пятый воевода — Тимоѳей Волуевичь говоритъ: со мною силы ,еі. Шестый воевода — Иванъ Родіоновичъ Квашня говорит: со мною силы ,si. Седмый воевода переславской — Андрей Серпуховской: со мною силы ,ві. Осмый воевода — князь Андрей Муромскій говоритъ: со мною силы ,гі. Девятый воевода — князь Егорій Мещерскій говорит: со мною силы ,ді. Десятый воевода — Кононъ Кононовичь говоритъ: со мною силы ,к. А всее силы съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ ,у окованые в доспѣсех».

Это перечисленіе также не ново: оно является болѣе поздней обработкой соотвѣтственнаго эпизода, вставленнаго въ списки четвертой группы 3 редакціи.

д) Распространенъ разсказъ о приходѣ Ольгердовичей. Въ началѣ эпизода разбираемые списки прибавляютъ: «В той же день гонецъ пригонилъ ко Ольгерду Литовскому от земли Литовския и привезе к нему книги написаны, сицевым образом писано бысть про его дѣтей, иже хотят итти к великому князю Московскому, да како совѣтовали про прежнему себя два брата, князь Андрей да князь Дмитрій». — Эта вставка является слѣдствіемъ того особаго вниманія, которое вообще удѣляетъ Ольгерду 4 редакція.

Распространено и окончаніе повѣсти объ Ольгердовичахъ, выдѣленное списками въ особую главу: 29. О сошествіи купно обою брата на Сѣверу.

«По малех днех снидошася два любимая братия Ольгердовичи со всѣми своими силами и видѣвше себѣ возрадовашеся,

якоже іногда Іосиѳъ съ Вениминомъ, и любезно лобызахуся. И видѣвше у себѣ много войска, ізрядны зело, і ради быша. И рече князь Андрей брату своему князю Дмитрію: Колико есть с нами воиских удалых людей храбрыя Литвы. И рече князь Дмитрій: воиских с нами людей удалых ,о окованныя рати удалые Литвы, учрежены бо, яко нарочити сопротиво борцы. І совокупившись вместо скоро и поидоша оба из Сѣверска к Дону и наѣхавше великаго князя Дмитрія Ивановича об сию страну Дону на мѣстѣ, глаголемемь на Черномъ на Беразай, і охапившеся о выях своих і великія печали і радости, не вѣдуще, что проглаголати, совокупиша бо ся великіи князи вмѣсто у злаго времени, не рад имъ бысть самимъ і войску их. Слышав же Ольгердъ, князь Литовскій от вѣстника своего и розслушавъ посланныя книги от своих доброхотов, что его оба чада пошли на помощь великому князю Дмитрію Ивановичу Московскому, и тако Ольгердъ велми усомнѣвся и помысли в себѣ тако: Х кому аз поиду на помощь, ко царю Мамаю пошел бы, ино ми уже пути нѣтъ от великаго князя Московскаго; аще ли поиду къ великому князю Дмитрію Ивановичю, но уже оба сына моя напреди мене у него есть; но не вѣмъ, что сотворити мнѣ. Глаголюща к нему ближніі его приятели: Преже сего времени сице бысть: сынове на бою главы своя кладут напред отца своего, а сіі твои два сына тоже творят; аще ли же убиют их, то ты сам спасешся в земли своей Литовской и их грады завладѣеши; аще ли пойдеши къ великому князю, тамо убіенъ будеши от царя Мамая по прежреченным своим книгам, посланным к великому князю, то, что воспріимеши; аще ли царь Мамай одолѣет без тебя великаго князя Московскаго, то можеши от него отговоритися, что великій князь дорогу поодимал, а из своей земли со своею силою выѣхал вонъ. Слышав же сия Олгердъ Литовскій от своих панов рѣчь такову, возлюби словеса их и глаголаше от уст своих сице: Помози, Господи, дѣтем моим, а не Мамаю».

Въ этой вставкѣ — Ольгердъ опять поставленъ на первомъ планѣ; разсказъ о смущеніи его и разговоръ съ панами есть и

въ Тихонравовскомъ текстѣ, но здѣсь онъ значительно распространенъ, особенно въ концѣ, гдѣ, совсѣмъ не кстати, приведено молитвенное обращеніе Ольгерда.

е) Передъ описаніемъ начала боя разбираемые списки вставляютъ *вторичное* указаніе на устройство великимъ княземъ засады въ дубравѣ: «Князь великій Дмитрій Іванович от быстрого Дону на полѣ Куликово къ рѣце Непрядве со всѣмъ войскомъ своимъ, и пришед близ ея, отпусти брата своего князя Владимира Андреевича с половиною силы войска своего ввергъ по Непрядве рѣце в дубраву по прежереченному наказу и с нимъ Дмитрия Волынца».

Списки, какъ указано, сохраняютъ планъ У, гдѣ разсказъ объ устройствѣ засаднаго полка помѣщенъ передъ разсказомъ о примѣтахъ Волынца. Но разбираемые списки, пользуясь, очевидно, для своихъ дополненій различными категоріями списковъ 3 редакціи, помѣстили случайно вторичное упоминаніе о засадномъ полку и въ данномъ мѣстѣ, руководствуясь схемой, восходящей къ списку Т.

ж) Послѣ описанія мглянаго утра боя и указанія на многочисленность собравшейся силы на полѣ Куликовѣ, въ разбираемые списки вставленъ цѣлый эпизодъ, носящій характеръ какъ бы особой повѣсти: «В то же время бо по всемь градом заморскимь велика гроза бысть, но и в самом Царѣграде, что земля стонеть. Тогда же царь цареградскіі во страсе і в недоумѣніи велице бысть і глаголаше: что се будеть. Рече же ему некто от воин его: Аз, царю, видѣл есмь видѣние за седм дней преже сего страха: придоша звѣрие бо многие на овча стада, страшна образом, и поядоша их, мало от нихь овѣць тогда оставшася. Тіі же малые овцы образ своими устремишася на львовы стада, и тех злых звѣрей львов поядоша і до единаго звѣря. Но аз, царю, про се много мыслих, что се есть, таково і чаю, яко велика града побоища на земли будеть, но не вѣмь, царю, гдѣ есть».

Эта вставка уже встрѣчалась въ 3 редакціи (списокъ пр. Со-

колова). Мотивъ — стонъ земли, являющійся предзнаменованіемъ кровопролитія — весьма давній. Обработка эпизода шаблонна.

з) Конецъ рѣчи великаго князя передъ воеводами распространенъ риторически: «Подобаеть убо, братие, нынѣ і мнѣ за православную христіанскую вѣру тако же сотворити, итьти противу безбожных и братися с ними. Аз бо воевода болши васъ, и вся сия воздвигжеся мене ради. Приях же от Бога вся благая и нынѣ злая ли не подыму или не хощу претерпеть, і како могу видети вас побивающих, а мнѣ стояти і единому спасену быти, но по істиннѣ хощу с вами общую смертную чашу пити і вмѣстилище; аще ли вы спасетеся, но и аз хощу с вами спасен быти; аще ли вси умремь, то едину чашу восприимѣм. І тако нынѣ на противныя враги наша вооружимся силою сѣдящаго на херувимех, сия остальше, ко своимъ гостям потягнѣмь».

и) Весьма много вставокъ и распространеній въ описаніи единоборства Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ. Весь разсказъ выдѣленъ въ особую главу: «О сряженіи Алѣксандра черноризца, рекомаго Пѣресвѣта, іже побѣди от татар пѣрваго богатыря *Таврула*». Безыменный противникъ Пересвѣта въ 4 редакціи носитъ особое имя; 1 группа 4 редакціи зоветъ его *Телебей*. Эпизодъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сильно занималъ редакторовъ: каждый по своему развивалъ и распространялъ его; ниже я укажу на особую передѣлку Сказанія 4 редакціи, гдѣ развитіе эпизода доведено до того, что въ единоборствѣ послѣдовательно принимаютъ участіе Пересвѣтъ и Ослябя, каждый со своимъ противникомъ. Распространеніе въ данномъ случаѣ основано на расширеніи діалоговъ, вставкѣ лирическихъ отступленій и болѣе подробномъ описаніи единоборства.

«Видѣв же его Алѣксандръ, рѣкомый Пѣресвѣтъ мнихъ, люботчанин, іже бо в пѣрвомъ полку Владимѣрове Всеволожича, со братомъ своимъ Ослѣбятемъ, да иныя два воина от преподобнаго Сергия. Сиі чернецъ Алѣксандръ двигнуся ис полку своего и шед, рече великому князю Дмитрию: «О великій княже,

видиши ли печенега сего, сиі человѣкъ іщет подобна себѣ, но аз хощу с ним видетися оружиемь, аще же аз не іду противу его, то вси вы імате от него побѣждены быти». Бѣ же на немь шеломъ великаго ангельскаго образа, возложенъ черны клабукъ со святою схимою, приволакиваетъ же ся і приволоку, сирѣч мантию, отца своего преподобнаго ігумѣна Сергия. Тако же бысть одѣяние і на брате ево Андрѣе Ослѣбяти. І бѣ жалостно і умилно зрѣти на них, но всѣмъ прослѣзитися, взирающе на ангелския образы іхъ. Приемьлѣтъ же в руцѣ своі оружие, копие, и молитвы святаго старца Сергия в помощь себѣ призывая. І рече: «Отцы и братия, благословите і простите мя грѣшнаго, и ты, брате мой Андрее, моли за мя ко Господу и поспѣвай за мною, да вмѣсте іспиемъ чашу сію». Он же хотя скочити за ним, но удержаше воевода его, бяху бо оба известные богатыри, да не вскорѣ бы остати. Рече же мнихъ Алѣксандръ сицѣ: «Братия моя, князи руския, зрите сего подвига, аще кому Богъ пособит і риза его свергь драгой ризы». І по сих словесех речѣ Пересвѣтъ чернецъ конечное слово: «О преподобне отче Сергие, помози своими святыми молитвами». І напусти к татарину оному, якоже стрѣла із лука, излегъ по коню своему с копиемъ. Поганы же пѣчѣнех он також устремис противу его. Християне же вси кликнуша: Боже, помози рабу своему пѣрвому воину. І ударишася копиями і преломишася копия іхъ, і падоша оба с конеі своих, яко нѣ возмогоша кони силни здержати іхь на собѣ, но падши прже их умроша. Они же воставши на земли, схватишася под пазухи, оба сами собѣ ударишася скоро о землю, яко земля погремѣти от них же. І ту не возмогоша ни един от единаго востати от земли, но вкупѣ умроша, токмо Пересвѣт над поганымъ лѣжить і всего разразив его, и край мантіи старьческой свергь печенега покрыта бысть, а самъ Пересвѣтъ цѣлъ есть, нигдѣ язвы не приим. И от сего мнози уразумѣша — верху великаго князя быти над татары, еже и послѣди бысть».

Безхитростное распространеніе эпизода въ стилѣ устныхъ

разсказовъ имѣло отчасти мѣсто въ 3 редакціи. Желаніе присоединить Ослябю, совершающаго также «подвигъ добрый», заставило редактора разбираемыхъ списковъ вставить эпизодъ и объ этомъ извольникѣ пр. Сергія, гдѣ народно-поэтическій складъ еще болѣе замѣтенъ: «І тако Ослябя чернецъ скоро выскочи из полку перваго с палицею желѣзною, ударися на всю силу татарскую і окружи их, бия палицею, и выскочи от них и паки поскочи в силу, і к тому не видаху его, колико бив татар і гдѣ како умрѣ, но послѣжде токмо мертвых *поби улицами*, і в татарех познаша его, яко бѣз числа пребивъ ихъ. Такоже все войско, видѣвше сия, ударишася по конемъ своимъ»... (далѣе— обычная картина боя).

і) Наконецъ, сравнительно съ предыдущей группой, разбираемая вставляетъ въ разсказъ о бѣгствѣ татарскаго войска извѣстную уже и раньше, по спискамъ 3 редакціи, вставку изъ Повѣданія, въ поздней обработкѣ: ...«побѣгоша в полѣ неуготованными дорогами и даша татарове плещи свои на раны и побѣгоша в лукоморие, скрѣгчюще зубы своими и деруще лица своя і рекуще сицѣ: Уже намъ, братия, в земли своей не бывати, а катунь своих не трепати і детей своих не видати; а трепати намъ сыра земля і цѣловати намъ зелѣная мурава. А на Рус нам ратию не ходити і выходовъ нам на рускихъ князей не имати. І уже стонала татарская земля, нынѣ же бѣдами и тугою покрышася, юннымъ царемъ хотение і царемъ похвала на рускую землю. Уже сынове рустіі разграбиша доспѣхи на них і разхватиша волы і велбуды і вино і сахаръ, іное доброе узороче, камки и отласы и бархаты, руския уже жены возплѣскавши татарскимъ златомъ».

Таковы главнѣйшія дополненія разбираемой группы противъ первой. Матеріалъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не новъ: это или эпизоды, имѣвшіе мѣсто въ различныхъ группахъ 3 редакціи, преимущественно въ тѣхъ, которыя я отмѣчалъ, какъ переходныя къ четвертой, или риторическія распространенія въ современномъ составленію редакціи стилѣ, или, наконецъ — устные разсказы, записанные съ сохраненіемъ народно-поэти-

ческихъ пріемовъ. Четвертая редакція Сказанія подход
общее правило для старинныхъ беллетристическихъ пр
ній: наиболѣе читаемая повѣсть съ теченіемъ врем
пространяется на счетъ развитія наиболѣе излюбленных
довъ. Въ данномъ случаѣ, разбираемая группа, сохр
общемъ весьма близкую связь съ первой группой 4 р
продолжаетъ распространеніе тѣхъ эпизодовъ, которы
такъ сказать, всего болѣе популярны.

Слѣдующей особенностью 2 группы является про
щееся паденіе поэтической традиціи, — опрощеніе заим
изъ Повѣданія. Я отмѣчалъ выше стремленіе — придат
пику однообразный колоритъ прозаическаго повѣствов
данномъ случаѣ я не стану приводить примѣровъ дал
опрощенія цитатъ изъ Повѣданія; ограничусь лишь
ніемъ, что по количеству — цитаты здѣсь еще малочи
чѣмъ въ первой группѣ; тѣже, которыя сохранились,
отпечатокъ стремленія объяснять непонятный поэтичес
ротъ рѣчи, напримѣръ: «стязи под ними, аки телѣзи р
«еловци же шеломов их, аки поломя вогненное пашет
говоритъ»; «вранови и орли *и прочая птицы* своею рѣч
кричащи», и т. п.

Въ слѣдующихъ спискахъ разбираемой группы со
одинаковая съ предыдущими схема и удержаны тѣже
нія. Характеризуются же они нѣкоторыми особенностям
сящими, главнымъ образомъ, отъ переписки.

3. Списокъ Синодальной Библіотеки № 964, нося
званіе «О древностяхъ Россійскаго государства». Сп
к. XVII в. Сказаніе помѣщено на л. 259, причемъ
приписано болѣе позднимъ почеркомъ — XVIII в.: «По
великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ Московскомъ, как
дилъ Мамая царя татарскаго за Дономъ рѣкою». Затѣм
основной текстъ: «Начинаема повѣсть о Мамаевѣ побои
благовѣрный великій князь Димитрій Ивановичь Донской
нечестиваго царя Мамая со всѣми его агаряны. Хощем

начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяномъ»...

Синодальный текстъ тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ, сохраняя, большею частію, тѣ же дополненія, которыми характеризуются оба предыдущихъ списка. Главы также совпадаютъ, но, какъ я говорилъ, вписаны не всѣ: изъ 54 основныхъ озаглавлено 20. (Главы 3, 6, 9—11, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37, 45).

Новаго списокъ не даетъ ничего. Какъ болѣе поздній по времени, онъ искажаетъ собственныя имена еще больше: Борботяшь, Іванъ Давесловъ и проч. Заимствованія изъ Повѣданія незначительны и находятся въ окончательной степени разложенія въ прозу: «Убо, братіе, есть стукъ стучитъ и яко гром гремит в славном граде Москве, шумит бо рать Димитрія Ивановича всеа Россіи злочестивыми (такъ!) доспѣхи». Или: «Тогда возвѣявшу вѣтру, подобно вице (такъ!) широцѣ, воздвигошас велицыи, и князи і бояре і дети боярскіе спѣшно грядут на кровь, *яко на многоценную трапезу*, і бѣ тамо видити страшно стукъ великъ и гром». Или: «И мнози враны грающе и *сои щокочуще*, орлы ж устіе Дону прилетающе, ждуще дня грознаго»,... и далѣе: «а еловци шеломов их, аки *искры горящаго уля* блистаются, и бѣ умильно видѣти и жалостно зрѣти таковых руских князей и удалых храбрых витязей уряженіе и *литовских полков собраніе*». Упрощены — формула боя, счетъ побитымъ, который ведетъ Михайло Александровичъ.

Относясь ко 2 группѣ, разбираемый списокъ имѣетъ, конечно, и характерный конецъ. Словами: Великій ж князь Димитрій Ивановичь всеа Россіи возвратися в славнѣйшій градъ Москву и пріиде на престол свой, радуяся і славя Бога о побѣде врагов своих, и поживе прочее время живота своего мирно и безмятежно, благодаря всемогущаго в святѣй Троицы славимаго Бога, иже таковую побѣду даровавшаго на злохулящія враги своя, ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» — кончается Сказаніе.

4. Списокъ Тверского Музея № 3146, историческій сборникъ скорописью к. XVII вѣка. Сказаніе начинается на 265 об. листѣ: «Лѣто сюне году. Сказание о Донскомъ побоище і похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю, с Мамаемъ царемъ *і о чудесѣхъ преподобнаго Сергия*». Начало (какъ и вообще въ спискахъ 2 группы) ближе къ У: «Хощемъ начати, братие, повѣсти новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христианом з безбожными агаряны»... Заглавія отмѣчаются въ 21 случаѣ: носятъ названія главы: 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 15, 22, 24, 26—29, 33—37, 40, 41.

Текстъ близокъ къ предыдущему, мѣстами замѣчаются лишь нѣкоторыя сокращенія. Отличительной особенностью списка является то, что онъ былъ списанъ съ лицевой рукописи, и подписи подъ миніатюрами введены въ разбираемый текстъ. Я отмѣчу эти вставки, имѣющія характеръ интерполяцій: 1) Князь Олгирдъ спрашивает посла своего Бартяша про Мамая царя. 2) Татарове же связанные стоятъ пред великим княземъ. 3) Князь же великій прикладывается у гроба Петрова. 4) Великая же княгиня Евдокѣя во златоверхом теремѣ набережном сидит на рундукѣ, сшибши руки, слезы льющеся от очию. 5) Новгородцы же звонятъ в вѣчный колоколъ. 6) І возятся рат великаго князя. 7) Олегъ резанскій сидя кается, витязи пред нимъ стоятъ. 8) Олегъ на боярей своихъ сердитуетъ. 9) Вѣстницы же пріидоша ко князю Дмитрию і вдаша от брата его от князя Андреа послание. 10) Войско великаго князя Донъ перевозится. 11) Князь великій цѣлуетъ посланники чернъцовъ. 12) Бой. Ступишася полки великаго князя с татарскими бющеся крѣпко между Дону і дву рѣкъ.

Всѣ эти названія миніатюръ вписаны въ текстъ Повѣсти, не смотря на то, что этимъ нарушенъ логическій смыслъ разсказа.

Что касается поэтическихъ вставокъ, то разбираемый списокъ хотя и сохранилъ ихъ больше, чѣмъ предыдущій, но

паденіе поэтической традиціи замѣчается и здѣсь въ полной силѣ. Заключеніе списка развито по схемѣ У.

5) Списокъ Публичной Библіотеки Q. XV, 27. Текстъ Сказанія неисправенъ: благодаря, во-первыхъ, случайному дефекту въ повѣсти не достаетъ начала и конца; во-вторыхъ — замѣтно весьма небрежное отношеніе писца къ работѣ (въ этомъ отношеніи рукопись походитъ на нѣкоторые списки 3 редакціи): писецъ не давалъ себѣ труда объяснить почему-либо непонятное мѣсто и писалъ: «рече Захарей *яко* царю Мамаю»; «начат збирати от двора своего от юных *іестеров* и з ратею *наша* довольно суща умомъ, именемъ Захарію *Туцѣева*»; «вели *състи в мои кружницы*, а твои изволницы» и т. д.

Спѣшное отношеніе писца къ работѣ сказалось еще въ томъ, что онъ, не замѣчая, списывалъ Сказаніе съ рукописи, имѣвшей перебитые листы. Поэтому, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ, путаница: «И рече имъ князь великій Дмитрей Ивановичь: братія моя милая, якоея потребы пріидосте *ко мнѣ великій хощеши* крѣпко войско держати, и то повелѣ Донъ реку возитца»... И ниже: «Князь же великій повелѣ войску своему Донъ реку *возитися, они ж приклоняютъ* суетная и сотвореніе дѣлъ, да что же воздадимъ ему противъ таковово прошенія». Путаница продолжается и послѣ разсказа объ Ольгердовичахъ: въ описаніи перехода черезъ Донъ: «И рече ж к нему Волгердовичи князи литовскія, аще *господине княже яко приближаются* поганыя тотарове, и многи же сынове рустіи возрадовашася».

Небрежное отношеніе писца видно всюду: вм. «Меликъ» онъ пишетъ «Малинъ», вм. «Бренку» — «Бронскому» и проч. Этотъ экземпляръ Сказанія, какъ и вышеуказанные въ этомъ родѣ, очевидно, былъ изготовленъ для продажи, на скорую руку.

Остальные 2 списка, собственно, слѣдуетъ поставить особнякомъ, такъ какъ они даютъ *основной текстъ 4 редакціи въ сокращеніи*. Относить ихъ всецѣло, поэтому, къ 1 или 2 группѣ нельзя. Списки эти слѣдующіе:

1. Напечатанный Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, принадлежавшій кн. Оболенскому. Текстъ вначалѣ весьма сходенъ съ текстомъ 3 редакціи (печатная группа по моему дѣленію), но вставныя повѣсти, характерныя для 4 редакціи, въ немъ — на лицо, хотя и сокращены: такова повѣсть о Бортешѣ («Боширща» — въ спискѣ), о новгородцахъ и проч. Заглавія выпущены, нѣкоторые эпизоды — сокращены, и эти то сокращенія приближаютъ списокъ нѣсколько къ 3 редакціи (поэтому Снегиревъ и поставилъ его въ число варіантовъ списка Тимковскаго).

2. Списокъ Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 237. Сокращеніе Сказанія здѣсь еще сильнѣе, причемъ сдѣлано опытной рукою. Съ первыхъ же строкъ повѣсти это сокращеніе замѣтно: «Сказание, како приходил на Рус безбожный царь Мамай на великаго князя Дмитрія Ивановича московскаго. Вложи ему дьяволъ в сердце, како пленил рускую землю царь Батый, Киевъ и Володимерь и всю словенскую землю. И говорит своими богоотступники з думными мурзами: царь Батый грады разорилъ, а веры не разрушил, а яз поиду на Рус, грады разорю и веру разрушу, а вы будите готовы на руские хлебы. И присовокупи себѣ многие орды, и поидеж окаянный на Рус, ратуя, яко неутомимая ехидна. И доиде устья реки Воронежа и распусти свою силу. Слышав же то Олегъ»... Затѣмъ слѣдуетъ сокращенное изложеніе ярлыковъ союзниковъ, разсказа о Бортешѣ, разговоровъ великаго князя съ Кипріаномъ (выпущена его поучительная рѣчь о Василіи великомъ), посольства Захаріи «Тучкова», текста грамоты Дмитрія по городамъ, похода къ Троицѣ, выступленія (нѣтъ молитвъ). Сокращены повѣсти о мужахъ Новгородцахъ и о приходѣ Ольгердовичей, описаніе боя, разсказъ о нахожденіи великаго князя и далѣе — все окончаніе, развитое по схемѣ У. Поэтическія мѣста или выпущены, или обращены въ прозу. Напр.: «И рече болшей брат князь Андреи Олгердович: зберем мы, брате, дружину, храбрую Литву и запорожен, и сядем на своі на добрые кони и посмотрим

тихова Дону, изопьем из нево шеломом своим студеные воды и поидем на помощь великому князю».

Оригиналъ этого списка имѣлъ заглавія, но редакторъ ихъ или опускалъ или вписывалъ въ строку, вмѣстѣ съ общимъ изложеніемъ.

Редактору не удалось послѣдовательно провести сокращеніе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе сжато до неясности, тѣмъ не менѣе, какъ самостоятельное и въ общемъ довольно хорошее сокращеніе 4 редакціи, списокъ этотъ необходимо выдѣлять, какъ попытку самостоятельной обработки Сказанія.

По отношенію къ 1 группѣ вторая характеризуется, слѣдовательно, рядомъ добавленій, матеріалъ для которыхъ она собираетъ, такъ сказать, изъ списковъ нѣкоторыхъ группъ 3 редакціи, въ которыхъ я отмѣчалъ постепенное накопленіе разнородныхъ эпизодовъ. Отмѣченные эпизоды 2 группы 4 редакціи не блещутъ новизною: это передѣлка уже готоваго матеріала.

Вводя новыя добавленія, вторая группа стремится, повторяю, совершенно освободиться отъ поэтической традиціи. Взамѣнъ ея развивается многословность, въ ущербъ содержанію, вводится бо́льшее количество дѣйствующихъ лицъ, двоятся эпизоды, замѣчается стремленіе еще болѣе оттѣнять самое интересное, причемъ пріемы поражаютъ своей наивностью. Характернымъ примѣромъ такого вообще изложенія Сказанія является его особая передѣлка, находящаяся въ сборникѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209. (См. Приложенія, стр. 129). Редакторъ этой передѣлки, держась въ общемъ плана 4 редакціи, сокращаетъ фактическую сторону, замѣняя ее ни на что не нужнымъ многословіемъ (особенно въ повѣстяхъ о Захаріи, Ольгердовичахъ) въ стилѣ позднѣйшаго повѣствованія; вводитъ множество діалоговъ, вставляя, напр., цѣлый разговоръ Ольгердовичей съ великимъ княземъ, заставляя стражей являться къ Дмитрію съ «нарочитымъ языкомъ» дважды, чтобы произнести рядъ рѣчей. Къ найденному великому князю Владиміръ также обращается съ рѣчью, нескладно имитируя акаѳистъ.

Стремленіе вводить новыя собственныя имена (при порчѣ основныхъ) доведено здѣсь до курьезовъ: Сергіемъ былъ данъ великому князю «Андрей Ослята», а Іаковъ Осляба, оказывается, былъ посланъ въ свое время на сторону въ Поле. Многіе эпизоды передѣланы вовсе изъ стремленія редактора умножить впечатлѣніе. Въ разсказѣ о примѣтахъ великій князь слушаетъ землю самъ, причемъ стонъ земли сравнивается: 1) съ плачемъ вдовицы; 2) дѣвичьимъ плачемъ; 3) со свирѣлью; 4) съ плескомъ гусей и лебедей. Волынецъ объясняетъ всѣ эти впечатлѣнія: 1) оказывается *землей еллинской*, 2) — «наша» земля литовская; 3) — русская и 4) — земля *рязанская*. Еще обращу вниманіе на подобное разложеніе сюжета въ разсказѣ о единоборствѣ: Александръ Пересвѣтъ выѣзжаетъ противъ богатыря-печенѣга, именемъ Таврула, но спутникъ Пересвѣта — Андрей Ослята, въ свою очередь, вступаетъ въ единоборство съ Телебеемъ, другимъ богатыремъ татарскимъ. Изложеніе второго единоборства — то же, что и перваго; редакторъ самъ вскорѣ забываетъ объ этомъ раздвоеніи, и далѣе говоритъ только о Пересвѣтѣ. Къ числу такого раздвоенія представленій отнесу еще: выше отмѣченный разсказъ о привозѣ языка татарскаго, повторяющійся дважды, и указаніе на то, что великій князь укрѣпился не только хлѣбомъ, посланнымъ преп. Сергіемъ, но и «цѣлованіемъ посланника» святого старца.

Языкъ передѣлки — вульгаренъ, прежняя риторика и поэтическая традиція исчезли, описаній природы редакторъ не понимаетъ (см. описаніе вечера передъ разсказомъ о примѣтахъ Волынца, стр. 154), не поняты и многія старыя слова: татары «ударишa себѣ *въ плыши*» — вм. плещи и проч. Памятникъ, несомнѣнно, составленъ въ самомъ концѣ XVII вѣка, когда подобная порча текстовъ была не рѣдкость.

Разобранный текстъ, представляя нѣкоторую утрировку передѣлокъ, позволяетъ однако характеризовать вообще всю 4 редакцію Сказанія. Несомнѣнно, здѣсь уже паденіе повѣствовательнаго изложенія Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

4 редакція — поздняя по времени: явившись раньше 1674 года (Синопсисъ, какъ будетъ указано ниже, взялъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по 4 редакціи), она не можетъ быть далеко и удалена отъ этого года, всего вѣроятнѣе 4 редакція появилась въ началѣ 2 половины XVII столѣтія: великій князь Дмитрій рисуется въ образѣ вполнѣ сформировавшагося государя всея Руси: «Глава еси ты, государь, всѣхъ главъ земскихъ, государь всеі россиіской земли» — точка зрѣнія указанной выше передѣлки.

Явившись позже всѣхъ остальныхъ редакцій, четвертая собираетъ матеріалъ для дополненія въ предыдущихъ, причемъ нѣкоторыя статьи она фиксировала (характерныя вставки), нѣкоторыя же въ ней — то появляются, то исчезаютъ (2 группа). Нѣтъ, поэтому, руководящей точки зрѣнія, какъ замѣчалось въ предыдущихъ редакціяхъ. Поэтому, нахожденіе 4 редакціи въ Тверскомъ сборникѣ № 3146 среди повѣстей: О началѣ русской земли, О царскомъ ожерельицѣ, Объ Августѣ кесарѣ, О Вавилонскомъ царствѣ, О церкви св. Софіи и О Казанскомъ царствѣ — является нѣкоторымъ недоразумѣніемъ: среди такого стройнаго подбора повѣстей, проникнутыхъ одной тенденціей — по праву слѣдовало бы находиться 3 редакціи Сказанія, а не четвертой [1]).

Не внося ничего своего, порвавъ съ прежней литературной традиціей (причемъ затуманились рельефы), 4 редакція, хотя и распространенная, не могла разсчитывать на популярность и, дѣйствительно, была вытѣснена передѣлкой Синопсиса, воспользовавшагося ея матеріаломъ.

---

1) Впрочемъ Сказаніе Тверского Сборника, какъ выше указано, сохраняетъ больше поэтическихъ вставокъ, слѣдовательно — ближе къ 3 редакціи.

ГЛАВА VIII.

Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей.

При разборѣ редакцій Сказанія я отмѣтилъ тотъ фактъ, что каждый переписчикъ являлся въ то же время редакторомъ: такъ сильно списки разнятся между собою. Я указалъ также и на то, что передѣлки эти однако не даютъ возможности раздѣлять Сказаніе на множество редакцій, такъ какъ эти измѣненія прежде всего стилистическаго характера, и всѣ списки, такъ или иначе, могли быть подведены подъ указанныя выше группы.

Но среди повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ есть еще такія, которыя нельзя подвести подъ термины Лѣтописной Повѣсти или Сказанія. Это — вполнѣ самостоятельныя обработки, въ которыя тексты Лѣтописной Повѣсти или Сказаній входятъ только какъ матеріалъ, комбинируемый вполнѣ оригинально. По этому матеріалу, легшему въ ихъ основаніе, повѣсти и могутъ быть раздѣлены на 2 группы:

1) стоящія въ зависимости отъ Лѣтописной Повѣсти;

2) стоящія въ зависимости отъ различныхъ редакцій Сказанія.

Укажу повѣсти первой группы.

1. *Повѣсть, помѣщенная въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ* [1]).

---

1) Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ россійскую исторію отъ 825—1598 года. Москва, 1781.

А. А. Шахматовъ говоритъ, что этотъ лѣтописецъ изданъ, повидимому, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ хранился въ Архангельскомъ архіерейскомъ домѣ. Онъ представляетъ *сокращеніе какого-то лѣтописнаго свода позднѣйшаго происхожденія*.

Лѣтописецъ составленъ, слѣдовательно, не ранѣе XVII вѣка, къ этому времени относится и помѣщенная въ немъ Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ. Текстъ повѣсти представляетъ *сокращенное изложеніе Лѣтописной Повѣсти, но съ добавленіями, по всѣмъ вѣроятіямъ, взятыми изъ Сказанія типа третьей редакціи*.

Содержаніе этой повѣсти таково:

Мамай собирается въ походъ, съ нимъ бесермены, армены, фрязи, черкасы, ясы, буртасы, мордва, черемисы. Ягайло двигается съ жемотью и ляхами. У Мамая войска 900 тысячъ и 30 человѣкъ. Кипріанъ благословляетъ великаго князя, а преп. Сергій даетъ Пересвѣта и Ослябю. Войско русское приходитъ въ Коломну, гдѣ его встрѣчаетъ епископъ Евѳимій. Здѣсь — смотръ: у Дмитрія — 100 тысячъ, у подручныхъ князей — 200 тысячъ, и Ольгердовичи приходятъ съ 40 тысячами. Передъ тѣмъ какъ переходить Донъ, доспѣваетъ грамота отъ преп. Сергія съ увѣщаніемъ — бороться, и хлѣбецъ богородичный, какъ благословеніе. Войско переходитъ Донъ по совѣту Дмитрія Боброкова Волынца, пришедшаго съ литовскими князьями. У Непрядвы — сѣча: «по удоліямъ кровь течаше, а трупа человѣчя никако жъ можеть конь скочити». Бились на 90 верстахъ. Силы русской пало 250 тысячъ, а татарской «по намекамъ счетверо». Князь великій раненъ и уклонился съ поля битвы. Находятъ его Дмитрій Сабуръ и Григорій Холпищевъ. Найденнаго князя «омываютъ теплою водою и одѣваютъ». Объѣздъ побоища: среди убитыхъ значатся еще: «Василей Пероирьевичъ, Каргаша Михайловичъ и нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Мамай убитъ въ Каѳѣ за то, что много зла сотворилъ христіанству.

Сказаніе вошло сюда, я говорю, по типу 3 редакціи: имя епископа — Евфимій находится въ спискахъ печатной группы. «Григорій Капустинъ» здѣсь получилъ окончательное право на участіе въ Куликовской битвѣ, и, по аналогіи, къ этому имени прибавлено еще два новыхъ. Редакторъ старался взять изъ Сказанія подробности чисто фактическія, дополняя ими то, о чемъ, по его мнѣнію, глухо говорила Лѣтописная Повѣсть. Лѣченіе раненаго князя и количество войскъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, личныя домышленія редактора, очень неоригинальныя.

2. *Повѣсть Степенной Книги.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, находящаяся въ Степенной книгѣ (степень 12, гл. 6 и 7), представляетъ *распространеніе Житія великаго князя Дмитрія, сдѣланное на счетъ вставокъ изъ Лѣтописной Повѣсти и риторическихъ украшеній въ современномъ составленію стилѣ.*

Для уясненія процесса составленія Повѣсти я сравню Житіе съ Повѣстью Степенной Книги:

Слово о житіи и о преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя русскаго. (Новгородская IV л.).	Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по Степенной Книгѣ. (Глава 6).
Царіе земстіи, слышаще его удивишася и многыа страны ужасошася, врази же его взавидѣша ему, живущіи окрестъ его, и наводиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:	Царіе земстіи, слышаще благородное его мужество и храбрость и великое благоразуміе его, удивишася, врази же его, живуще окрестъ его, позавидѣша ему и навѣтоваше на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:
Дмитрій великый князь себе именуетъ руской земли царя, и паче честнѣйша тебе славою,	Великій князь Дмитрій московскій себе именуетъ рускія земли царя, наипаче же

супротивно стоитъ твоему царствію.

Онъ же, наваженъ лукавыми съвѣтники, иже христіанскую вѣру дръжаху, а поганыхъ дѣла творяху; и рече Мамай княземъ и рядцемъ своимъ: преиму землю рускую, и церкви христіанскыя разорю, и вѣру ихъ на свою преложю и велю покланятися своему Махмету; идѣже церкви были, ту ропаты поставлю, и баскаки посажаю по всѣмъ градомъ рускымъ, а князи рускыа избію. Аки преже и Огъ, царь васанескъ, похвалися на кивотъ завѣта Господня, иже въ Силомѣ, сице похвалився, самъ погыбе.

И посла преже себе Мамай воеводу, поганаго Бегича съ великою силою и съ многыми князми.

Се же слышавъ князь Дмитрій поиде въ срѣтеніе ему съ многою силою рускыа земля, и съступися съ погаными въ рязанской земли, на рѣцѣ Вожи, и поможе Богъ и святаа Богородица князю Дмитрію, а поганыа Агаряны посрамлены

честнѣйшій тебѣ славою, супротивно стоитъ царемъ ординскимъ, и твою честь ни во что же вмѣняетъ.

И тако поганый, наваженъ... (*далѣе — все сходно до словъ*:)

...погибе самъ преже.

Иославъ безбожный Мамай преже себе на Русь ратью воеводу своего окаяннаго Бегича съ великою силою и съ многими князи ординскими.

И сія слышавъ великій князь Дмитрій Ивановичъ... (*далѣе — все сходно до словъ*:)

быша, овы изсѣчены быша, а иныа побѣгоша; и возвратися Дмитрій съ великою побѣдою, и тако ти заступаше рускую землю, отчину свою.

И бестудный Мамай срама исполнися, въ похвалы мѣсто безчестіе пріиде ему, и поиде самъ на рускую землю, похвалився на Дмитріа, исплъни сердце свое злаго безаконіа.

Слышавъ же князь Дмитрій и въздохнувъ изъ глубины сердца къ Богу и къ пречистѣй его Матери и рече:

...побѣдою, тако Бога на помощь призывая, заступаше свою отчину рускую землю отъ поганыхъ противнаго нахожденія.

(Глава 7).

Безстудній же... похвалився со всѣми князи ординскими и со всею силою татарскою и половецкою, наипаче же къ симъ много рати понаймовалъ, бесермены и армены и ѳрязы и черказы и буртасы. Бяху же тогда съ Мамаемъ единомысленніи совѣтницы: литовскій князь Ягайло Ольгердовичь со всею силою литовскою и лятскою, и князь Олегъ Ивановичъ рязанскій. И тако окаянный Мамай разгордися, понеже всею Ордою и царьми владяше, и заповѣда всѣмъ совѣтникомъ своимъ со всѣми воинствы вкупѣ быти у рѣки Оки на брезѣ.

Бысть же мѣсяца августа, слышавъ сія великій князь Дмитрій Ивановичъ иде къ соборней церкви и проліявъ слезы, воздыхая изъ... и рече:

Господи Боже нашъ, всемощный и всесильный и крѣпкій въ бранѣхъ, воистинну ты царь славы и всея твари содѣтель, помилуй ны молитвъ ради

О пресвятая госпоже, Богородице Дѣво, заступнице и помощнице міру, моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ буду главу и животъ свой положити за имя Сына твоего и за твое, иная бо помощница не имамъ, развѣе тебе, Госпоже. Да не порадуются враждующіи мнѣ безъ правды, ни ркутъ поганіи: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша? Да постыдятся вси являющеи злаа рабомъ твоимъ, яко азъ рабъ твой есмь и сынъ рабы твоея; испроси ми, Госпоже, силу и помощь пречистыя твоея Матери и всѣхъ святыхъ твоихъ. Не остави насъ, егда унываемъ, ты бо еси Богъ нашъ, и мы людіе твои; посли руку твою свыше и помилуй ны, и посрами враги наша и оружія ихъ притупи. Силенъ еси, Господи, и кто противъ станетъ ти. Помяни, Господи, милость свою, юже отъ вѣка имаши на родѣ христіянстѣмъ.

И ты, о многопѣтая и пресвятая Царица, госпоже Дѣво Богородице, честнѣйшая небесныхъ чиновъ и всея вселенныя заступнице и прибѣжище міру и всего живота человѣческаго кормительнице. Воздвигни, Госпоже, руцѣ свои пречистіи, има же носила еси истиннаго Бога, изъ тебѣ воплощеннаго, его же моли за мя...

...Госпоже. Избави насъ отъ сыроядецъ сихъ, да не...

отъ святаго жилища Сына твоего и Бога моего, на злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, Госпоже, столпъ крѣпости отъ лица вражіа, и възвеличи имя христіанское надъ погаными агаряны.

...врага Мамая;...

...агаряны и посрами вся сопротивныя наша и да разумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ, и того есть слава во вѣки Аминь.

И призва вельможа своя и вся князи рускыа земля, сущаа подъ властію его, и рече княземъ и вельможамъ своимъ:

И призва вся...

Лѣпо есть намъ, братіе, положити главы своя за правовѣрную вѣру крестьянскую, да не пріяти будутъ гради наши погаными, ни запустѣютъ святыа божіа церкви, и не разсѣяни будемъ по лицю всея земля, ни поведени будутъ въ полонъ жены и чада наша, да не томими будемъ погаными по вся дни; аще за насъ умолитъ Сына своего и Бога нашего пречистая Богородица.

...братіе, да идемъ противу сыроядцевъ сихъ, не пощадимъ живота своего, еже положити... крестьянскую, и за святыя церкви и за вся христіаны, да не пріяти...

...по вся дни. И нынѣ, братіе, приспѣ время подвига, потягнемъ мужески, помощницу имуще пречистую Богородицу, и та умолитъ... яко да милостивъ будетъ намъ здѣ и въ будущій вѣкъ.

И отвѣщаша ему князи рускые и велможи его: Господине

И... его: О велеумный господине...

рускый царю! рекли есмя тобѣ служа животъ свой положити; а нынѣ, тебе дѣля, кровь свою прольемъ и своею кровію второе крещеніе пріимемъ.

И воспріимъ Аврамлю доблесть, помолився Богу, и помощника имуще святителя Петра, новаго чюдотворца и заступника рускыя земля, и поиде противу поганаго, аки древній Ярославъ, на злочестиваго Мамая, втораго Святополка. И срѣте его въ татарскомъ Полѣ, на рѣцѣ Дону, и съступишася полци, аки тучи силніи, и блеснушася оружія, аки молніа въ день дождя, ратніи же сѣчахуся за руки емлющеся, по удольямъ кровь течаше, и Донъ рѣка потече, кровью смѣсившеся и главы татарьскыя, аки каменіе валяшеся, и трупья поганыхъ, аки дубрава посѣчена.

Мнози же достовѣрніи видяху ангелы божіа помогающа крестьяномъ. И поможе Богъ князю Дмитрію и сродници его святая мученика Борисъ и Глѣбъ.

...яко же рекохомъ...

...нынѣ же готови есмы тебе ради за избаву христіанскую и кровь свою прольяти, ею же омыетъ намъ Господь вся преже содѣянная нами прегрѣшенія.

Великій же князь Дмитрій Ивановичь воспріимъ Авраамлю доблесть... (*далѣе — по Лѣтописной Повѣсти*: приходъ въ Коломну — переходъ Оки — писаніе Сергія — переправа — характеристика князя: О крѣпкія и твердыя дерзости...).

...сступишася (*формула боя посрединѣ раздѣлена вставкой разсказа о видѣніи Бориса и Глѣба* до словъ: И такова бысть брань зѣльна, яко и по удоліямъ...).

...посѣчена.

Поганіи же сами видѣша три солнѣчныя полки блистающася, отъ нихъ же исхожаху на нихъ пламенныя стрѣлы и до конца побѣжени быша отъ христіанскаго оружія.

А окаянный Мамай отъ лица его побѣже; треклятый же Святополкъ въ пропасть побѣже; а нечестивый Мамай безъ вѣсти погибе.	Окаянный... (треклятый — побѣже *нѣтъ*). ...погибе.
И възвратися князь Дмитрій съ великою побѣдою, якоже преже Моисей Амалика побѣдивъ, и бысть тишина въ руской земли.	(Передъ «И возвратися» — *риторическая вставка*). И возвратися... Амалика побѣди, тако же и сей достохвалный и великій князь Димитрій Мамаеву силу побѣди.

Если описаніе Куликовской битвы, вставленное въ Житіе, было составлено авторомъ по Лѣтописной Повѣсти, то въ разбираемой повѣсти Степенной книги матеріаломъ для распространенія явился тотъ же памятникъ, который раньше, значитъ, былъ сокращенъ. Что касается риторическихъ добавленій, то дальше тавтологическихъ оборотовъ и вставки новыхъ эпитетовъ они не идутъ.

Что касается повѣстей второй группы, то онѣ всѣ представляютъ особыя измѣненія редакцій Сказанія, измѣненія, основанныя или на простомъ сокращеніи основного текста, или представляютъ особую редакторскую работу. Эта работа касается, напримѣръ, переработки всего вступленія, подбора характерныхъ, съ точки зрѣнія редактора, эпизодовъ, опусканія того, что казалось редактору лишнимъ и ненужнымъ. Замѣчательно, что заимствованія изъ писанія Софоніи, почти уже утратившіяся въ спискахъ 4 редакціи, отсутствуютъ *вовсе* въ разбираемыхъ повѣстяхъ: видно, что редакторы сознательно производили эту чистку текста отъ поэтическихъ вставокъ. Выше, при разборѣ списковъ различныхъ редакцій Сказанія, я отмѣчалъ списки и сокращенные и такъ или иначе видоизмѣненные. Но считать ихъ отдѣльными редакціями или самостоятельными повѣстями я не могъ потому, что въ нихъ оставался планъ

основного текста, сокращенія были случайны, не проведены послѣдовательно, случайны были и всѣ добавленія и вставки, не касавшіяся вовсе измѣненія характера памятника. Въ разсматриваемыхъ повѣстяхъ — дѣло другое: сокращеніе здѣсь распространяется на весь памятникъ, измѣняя его до неузнаваемости, редакторская обработка — придаетъ ему совсѣмъ особый характеръ. Подводить эти повѣсти подъ какую-либо категорію предыдущихъ редакцій, какъ сейчасъ будетъ указано, невозможно.

1. *Сокращеніе первой редакціи.*

Эта повѣсть, помѣщенная въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея, собранія Ундольскаго № 754, конца XVI и начала XVII в., представляетъ прекрасное сокращеніе текста 1 редакціи Сказанія такъ, какъ оно помѣщено въ Никоновской л. На послѣднюю ссылается и самъ редакторъ: «И се есть писано о семь в болшемъ лѣтописце, зде ж сокращенно». Въ виду стройнаго характера этого сокращенія, я приведу текстъ цѣликомъ.

О побѣде за Доном на Мамая [1]). Воложския орды нечестивый и гордый князь Мамай всею ордою владеяше и многих царей и князей изби и постави себе царя по своей воли и паки в Ордѣ своей многихь князей и алпаутов изби, понеже не вверяшеся ему никтоже. Гнѣваше же ся и на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его князя Владимера Андрѣевича и на князя Данила Пронского, что избили другов его и князей и алпаутов в резанской землѣ; и о семъ скорбяше и лице свое одираше о срамоте своей. И вознесеся в безумиі своемъ гордостию, восхотѣ пленити росскую землю и русскими князи владѣти. И собра воинства много своей Орды, к тому же и наемных людей собра: Ѳрязы, Черкасы, Ясы и иные с нимь и перевезеся рѣку Волгу со всѣми силами, и прииде усть рѣки Воронежа и ту ста и не к тому нарицашеся князь Мамай, но от всѣх стран нарицашеся царь Мамай. Приложиша же ся к царю Мамаю

1) На поляхъ киноварью же: «Повѣсть о Мамаеве побоище».

Олег, князь резанскиі, и Ягаило, князь литовскиі, и прислаша к нему послы своя, и сами готовящеся со всѣми силами своими Мамаю на помощь, мняще бо великаго князя Дмитрея Ивановича, егда услышит ихъ приложившихся к Мамаю и побѣжит с Москвы в далные мѣста, а Московское и Владимерское княжение хотяху подѣлити, ово к Вилнѣ, ово же к Резани, и мыслиша у Мамая и ярлыки побрати и родом своимь по них. Слышав же сия князь великиі Дмитрей Ивановичь и з братом своим Володимером Оньдрѣевичем, оскорбишася зѣло и пришед, возвѣсти великиі князь преосвященному митрополиту Кипреяну вся сия. Митрополит же Кипреянь многи утѣшителны словеса изглагола. К сему ж сие рече великому князю: «повѣжь ми, сыне, чимь есп к нему Мамаю не исправился, и к Ягаилу, князю литовскому, и кь Олгу, князю резанскому, каковы обиды сотворил еси?» Великии же князь рече: «ничто ж, рече, имъ не сотворих и доволен есмь своими предѣлы и чюжихь не желаю восхищати, а Мамаю, яко ж убо ряд мой есть с ним и по тому уряжению даю ему, и не вѣм, что ради восташа на мя». И глаголя ему митрополит: «и аще тако есть, не скорби, ни смущайся, Господь ти заступник и помошникь есть, яко Господь правду возлюби и по правдѣ поборает, и правда от смерти избавляетъ. Не просто ж убо дѣйствуй, да не внезапу напрасно искрадут тя, но собирай воинства и посли, да снидутся со всей земли человѣцы и умножится воинства, и тако не съ единым смирениемь станеши, но со смирением и страх совокупиши и возразиши и устрашиши сопротивляющая ти ся». Князь же великиі отложи скорбь и печал от сердца своего и возложи печал свою на Господа и на пречистую Богородицу и на святаго чюдотворца Петра и на всѣхъ святых и посла по всѣмь землям со смирением и умилением, собирая вся человѣки в воинство и творяше милостыню по монастырем и по церквамъ страннымъ и нищимъ, а воинству повелѣ совокуплятись на Коломнѣ. Великиі же князь Дмитрей Ивановичь прииде в монастырь к преподобному Сергию августа въ ѩ день и хотя скоро возвратитися. Преподобныи же

Сергие умоли его ясти у него хлѣбъ в трапезе. «Да дасть ти, рече, Господь Богъ и пречистая Богородица помощь и не у еще сия побѣды вѣнецъ с вѣчным сном носити тебѣ есть, прочим же мнозѣмъ бесчисленны готовятца вѣнцы с вѣчною памятью». И испроси великиі князь у преподобнаго Сергия и от иноческого полку дву воинов, дву братов, Пересвѣта да Ослебя, яко смысленны суще воинственному дѣлу и богатыри. Преподобный же Сергие благослови крестомъ великаго князя и всѣх князей и бояр и воевод, и Пересвѣта и Ослебя и окропи святою водою и глагола великому князю: «Господь Богъ будет ти помощник и заступник, и той побѣдит и низложит супостаты твоя и прославит тя». И обвеселися сердцем велики князь о пророченіі о семъ и держа в умѣ своем и не повѣда никому, кромѣ единому митрополиту, сие исповѣда, еже рече ему преподобныи Сергие. И глагола ему митрополит: «не повѣждь сие никому, дондеже Господь в благое изведет». И быв великиі князь со всѣми в соборной церкви, помоляся со слезами пред образом пречистые Богородицы и у гроба чюдотворца Петра и благословився у Кипреяна митрополита, поиде х Коломнѣ з братом своимъ княземъ Владимером Анъдрѣевичем и с прочими князи разными дорогами для вмещения. И прииде на Коломну августа вь к̄ день и изрядив воеводы полкомъ, перешедь со всѣми воинствы за Оку рѣку на усть Лопасны рѣки и приказа всему воинству, идучи по резанской землѣ, никто ничего да не возмет. И повелѣ счести силу свою и бяше вяще с̄, но печаловаше, яко мало пѣшия рати с нимь. Слышавше же князь Олег резанскиі и князь Ягайло литовскиі шествующа великаго князя Дмитрея со многими силами противу безбожнаго Мамая и устрашившеся вострепетаху. Еще же к тому повѣдано имъ, яко вооружень бысть преподобным Сергием, и начаша скорбѣти и тужити и не спѣшно шествуя Ягапло, понеже уже вышел бяше со всею силою своею к Одоеву, и ту ожидаше, что сотворитца великому князю Дмитрею с Мамаемъ. Тако же и Олег не поиде. Приидоша же к великому князю литовскиі князи в помощь — князь Андрѣй Олгердовичъ

полотцкиі со псковичи и княз Дмитрей Олгердовичъ пронскиі с воинством своимь. Приидоша же к нему и пѣшего воинства много зѣло и купцов со всѣхъ земель и градов собрашася множество. И изочтоша вяще ҂у҃ воинства коннаго и пѣшаго. И посовѣтовавше, прося у Бога милости, превезошася со всѣмь воинством за рѣку за Донь и после себя и мосты разрушивше. Тогда же по вся ночи волцы страшно выюще, и ворони и орли грающе и клегчюще по вся дни и нощи, ждуще Богом изволеннаго дни кровопролитнаго, толико бо ихь много, яко со всѣя вселенныя звѣрие снидошася. В то ж время из литовскихь полков нѣкто Волынецъ, Дмитрей Боброков, великому князю показа в нощи знамения многа, на одинъ, яко же есть ему Богъ даровал премудрость разумѣти в примѣтахъ на боехъ. Овиі же повѣдаша в нощи тои великому князю видѣния, еж видѣша помогающих ему мученицы Борис и Глѣб и чюдотворецъ Петрь митрополитъ. И се есть писано о семь в болшемъ лѣтописце, зде ж сокращенно.

Лѣто ж ҂ѕѡпѳ сентября въ и҃ день на празникь Рожества пречистые Богородицы в третиі час дни, егда мгла нача отступати, князь великиі со слѣзами ѣздяше по всѣмъ полкомъ, окрѣпляя воинство утешительными словесы, глаголя: «Нынѣ, братие, время, и отцы возлюбленная за православную вѣру и спасения ради своего подвизатися, станѣмъ крѣпко». И укрѣпив, облекь в свой царской санъ Михайла Андрѣевича Бренка и знамя свое повелѣ возити над нимь. Тогда ж приидоша к нему посланницы от преподобнаго Сергия со благословением и с писанием, глаголюще: «Да будет ти Господь помощник и пречистая Богородица и чюдотворец Петрь». И присла к нему хлѣбецъ пречистыя Богородицы. Князь же великиі сьяде хлѣб той и помолився, призвав Бога и пречистую Богородицу и чюдотворца Петра, тако же и молитвами Кипреяна митрополита и преподобнаго Сергия оградивься и вь ѕ҃ час дни на Куликове поле, на усть Непрядвы рѣки начаша сступатися передовые полки русския с татарскими. И потом выѣде ис полку татарского богатыр

великъ зѣло и сьѣхався с ним ученикъ святаго Сергия старецъ Пересвѣть и ударишася крѣпько и падоша оба на землю мертви, сице ж и кони в том часѣ мертви быша. И уж $\overline{5}$ часъ наста, рече князь великиі ко всѣмь велможамь и воемь: «время, братие, пити намь чашу за православную вѣру и за всѣ християнство, се мѣсто буди намъ гроб». И тако сступишася обѣ силы, и бысть сѣча зла, и смѣсися кров, и телеса мертвых християнская с татарскими, и сперва начаша одолѣвати погании християнь, и много князей и бояр и воеводов, аки древеса склоняхуся на землю, и самого великого князя с коня збиша, и паки и з другаго язвенна збиша, и притруден велми, едва в дубраву вшед и под новосеченымъ древом лежа на землѣ, и пѣшая русская великия рат, яко древеса сломишася і аки сѣно посѣчено лежаху на земли, и великиі стягъ великого князя подсѣкоша, и Михаила Бренка убиша и всѣхь воевод и слуг бесчисленно избиша. Вь $\overline{6}$ час дни в дубраве потаенный полкъ князь Владимер Андрѣевичъ, с нимь же бысть и мудрый воевода Волынець Дмитрей Бобровковъ, стояще плачющеся, видяще християнское воинство избиенно и еще вмале нѣцыи шатающеся по побоищу, а то всѣ погании, но ожидающу времени, удержеваше бо ихь удалыи воевода Дмитрей Волынець, понеж вѣтръ сопротивен вѣяше. И восплакашася вси муже, девятому часу исходящу, и се внезапу потяну вѣтръ созади ихь, понужая изыти на татаръ, и рече Дмитрей ко князю Владимеру Андрѣевичю: «господине княже, час приide». И тако вси изыдоша съ яростию на противныя и божественною помощию и пречистые Богородицы нечестиви увидѣвше, устрашишася и побѣгоша, а християне, гоняюще, сѣкоша и до реки до Мечи, и видеша бо ся Мамаю и сущимъ, яко тмочисленныя полки изыдоша из дубравы и гнашася за татары и до станов ихъ и богатьство их взяша. И такова убо побѣда бысть молитвами святыхъ, идѣже и не быша християнстиі полцы и тамо татарове избиени быша невидимою силою божиею. Великиі же князь Дмитрей Ивановичь едва устрабися от язвь и повелѣ православных християнь погребати, и

елико измогоша и успѣша, погребоша, отпѣвше над ними; а о прочих — Богъ вѣсть. И изочтоша оставших воинствъ християнских: от ѓу всего ѓм. Над избиенными же воспѣша священницы же вѣчную памят, таже и самъ князь великиі и брат его и вси вои велиім гласомъ воскликнуша им с плачем вѣчную памят. И нѣкто исповѣда великому князю: «аз, господине князь же, егда бѣ стояхь в дубравѣ з братом твоим і в видѣніі, рече, видѣхъ множество бесчисленных вѣнцов на избиенныя християне сходяще». И поиде к Москвѣ князь великиі, и слышав сия вся князь Олег резанскиі убояся, побѣжа кь Ягайлу, князю литовскому. И прииде князь великиі на Москву, благодаря Бога и пречистую Богородицу и святых угодников его, и вси прославиша Бога, давшаго таковую побѣду православным християном над погаными. Та же велие благодарение возда преосвященному Кипреяну митрополиту и преподобному Сергию и глаголя, яко вашими святыми молитвами побѣдихомъ измаильтянь. И милостыню роздаде многу и пѣти понахиду повелѣ по избиенныхъ. И тако сяде на великомь княженіі на своей отчинѣ. Князь же литовскиі Ягаило не поспѣ Мамаю на помощь, за л̄ верстъ воротився, побеже не путма. Мамай же с остаточными своими не в мнозѣ дружинѣ утече в землю свою и паки собра силу многу на великаго князя Дмитрея Ивановича и двигнувся, хотя итти, и се прииде не него с восточныя страны из Синие Орды царь Тахтамышь, и бысть имъ бой на Калках, и побѣжден бысть Мамай и побеже в Каѳу и тамо убиен бысть. Царь же Тахтамыш сяде в Ордѣ Мамаевѣ и царицы и имение его взя и вси князи русстиі послаша к нему з дары.

2. *Западно-русская обработка.*

Эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная повѣсть (см. Приложенія, стр. 168) носитъ названіе: «Книга о побоищи Мамая царя татарскаго от князя владимерского и московского Димитрія». Языкъ повѣсти — западно-русскій съ большимъ вліяніемъ польскаго. Полонизмовъ здѣсь больше даже, чѣмъ въ западно-русскомъ сборникѣ XV вѣка, разобранномъ проф. Карскимъ (см.

Сборникъ II отд. А. Н. 65): а) существительныя: владза, змова, привилей, голдовникъ, врасунокъ, постановене, звитяжство, ушиковане, трубене, споткане, година, шабля, блискавица, личба, герць и др.; б) прилагательныя: лѣпшій, даремный, певный, значный, зацный, и др.; в) глаголы: голдовати, замордовать, недбаетъ, подяковать, ознаймить, звитяжить, волать, пошукивать и др.; г) нарѣчія и союзы: абы, албо, зась, жебы, ведлугъ, рихло, презъ, поневажъ, перше, таемне, барзо, лечъ, завше, пожитечно, ледве и др. Фонетическія особенности—характерны для западно-русскаго языка: аканье: качуетъ, Алгердовичи, полтараста; смѣшеніе *е* съ *и*: гримѣли; *е* вм. *ѣ*: укреплялъ; переходъ безголосыхъ въ голосовые: зъ и пр. Въ морфологіи: nom. sing. на *а*: звитяжца (voc. звитяжцо); gen. sing. на *у*: полку; loc. sing. на *у*: ушикованю; nom. plur. на *е*: Ольгердовичѣ; gen. именъ прилагательныхъ на *ого*: свѣдомого и т. д. Спряженіе—польское по большей части: естемь, естесь, естесмы, погрозилемь, мыслилесь, принялисмо, показалисте; 1 лицо plur. на *мо*: есмо, пристанмо, ревнуймо, біймося; сложныя формы: взялъ бымъ и пр.

Западно-русская повѣсть представляетъ *стройное, сжатое и ясное изложеніе Сказанія, восходящаго къ типу Т 3 редакціи.* Съ Т сближаетъ его: планъ,—повѣсть кончается разсказами о гибели Мамая, судьбѣ Ольгерда и Олега,—и сохраненіе интерполяціи: «Григорія Капустина»: «Далѣй поѣхал, наѣхал черница Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря, Григория Капустина».

Все сокращенное изложеніе разбито на 12 главъ, передающихъ вкратцѣ содержаніе послѣдующаго изложенія. Содержаніе ихъ таково:

1. Повѣсть о царех татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого князя Димитрия.

2. О змовѣ злой князя резанского Олга зь княземь литовскимь Олгердомь на князя московского Дмитрия и о поселствах ихь до царя татарского Мамая.

12) *Собранія Григорьева*, новаго почерка. Наконецъ, кромѣ Синопсиса эта повѣсть была напечатана еще разъ въ такъ называемой *Подробной лѣтописи* [1]), изданной въ Петербургѣ въ 1798 г. Львовымъ. Болтинъ думалъ, что составленіе этой лѣтописи принадлежитъ Ѳеофану Прокоповичу. Появленіе Синопсиса въ велико-русской литературѣ характеризуетъ собою постепенное проникновеніе въ Москву воздѣйствій южно-русской школы. До Петра южная Русь представляла единственный путь, по которому шла образованность въ Московское государство.

Иннокентій Гизель, составлявшій Синопсисъ, положилъ въ основаніе его Хронику Сафоновича, сокративъ ее и дополнивъ. Появившійся въ 1674 году Синопсисъ до 1761 года былъ перепечатанъ 25 разъ, между прочимъ Академіей Наукъ. Это обстоятельство указываетъ на чрезвычайный успѣхъ этой компиляціи въ теченіе всего XVIII вѣка. Представляя исторію Руси крайне поверхностно, и, по примѣру польскихъ хроникъ, много распространяясь о происхожденіи славянъ вообще, Синопсисъ, тѣмъ не менѣе, представлялъ интересъ своимъ литературнымъ изложеніемъ. Его изложеніе — не сухое лѣтописное перечисленіе событій, а удовлетворявшій любознательности читателей полу историческій, полу беллетристическій разсказъ, опредѣлявшій интересы читателей: поднятые имъ вопросы обсуждались Щербатовымъ и Болтинымъ, Синопсисъ — résumé всего, что сдѣлано исторіографіей до XVIII вѣка, наконецъ — это единственная бывшая въ употребленіи учебная книга. Вотъ причины популярности Синопсиса, а вмѣстѣ съ нимъ и Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Послѣдняя попала составителю не случайно: отъ Батыя до Мамая (Повѣсть помѣщена непосредственно послѣ разсказа о нашествіи Батыя) — большой скачекъ, но авторъ, составляя историческій сборникъ, выбиралъ такія вещи, которыя, трактуя о важныхъ моментахъ исторической жизни, въ то же время

1) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи.

ніемъ 4 редакціи и съ тѣми попытками названій главъ, которыя встрѣчались въ нѣкоторыхъ спискахъ третьей. Здѣсь заголовки развиты *вполнѣ самостоятельно*: редакторъ не только вполнѣ сознательно отнесся къ своему оригиналу, но для введенія воспользовался даже матеріаломъ, не находящимся въ Сказаніи. Именно, первая глава разсматриваемой повѣсти представляетъ краткій очеркъ татарской исторіи, излагая междоусобныя войны въ Ордѣ, начиная съ внука Батыя до Мамая. Указывается, что со времени ига надъ русской землею прошло 150 лѣтъ, и что Дмитрій Ивановичъ, побивъ своимъ мужествомъ татаръ, вмѣстѣ съ «тверскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ» — «доскапале зкинули з шиі своей ярмо татарское». Такой исторической справки ни въ одномъ изъ списковъ великорусскаго Сказанія нѣтъ.

Повѣсть, какъ я говорилъ, представляетъ весьма стройное *сокращеніе* Сказанія. Сокращеніе коснулось, прежде всего, поэтическихъ мѣстъ: *всѣ* заимствованія изъ писанія Софоніи пропущены; даже формула боя, наиболѣе устойчивая, изложена кратко.

Далѣе — выпущены почти всѣ молитвы. Тамъ, гдѣ онѣ находились въ Сказаніи, западно-русская обработка помѣщаетъ сжатую передачу содержанія того или другого молитвеннаго обращенія. Напримѣръ, извѣстно, что великій князь, передъ выступленіемъ изъ Москвы, произноситъ цѣлый рядъ пространныхъ молитвъ Спасу — Богоматери — Петру. Разсматриваемая повѣсть прекрасно сократила весь этотъ матеріалъ: «Потомъ сталь (Дмитрій) пред образом пресвятой Богородицы, написанным от святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая Богородица, яко заступница християномь непостыдная, умолила Сына своего и Бога, жебы не даль осквернити храмовь своих святыхь и не погубил християн, але дал звитязство християномь над погаными».

О сурожанахъ — только упоминается: именъ нѣтъ. Въ разсказѣ о примѣтахъ Волынца великій князь — одинъ въ полѣ:

редакторъ пользовался неиспорченнымъ спискомъ. Нѣтъ тавтологическихъ оборотовъ, ненужныхъ риторическихъ украшеній. Вообще повѣсть представляетъ чрезвычайно ясный и быстро развивающійся историческій разсказъ.

Замѣчу, что противникъ Пересвѣта здѣсь названъ: Челебѣй. Я указывалъ, что имя это въ великорусскихъ Сказаніяхъ утверждается въ четвертой редакціи (въ 3-й лишь взрѣдка). Надо думать, что богатыря-татарина называли по имени уже давно.

Такъ какъ западно-русская повѣсть произошла отъ 3 редакціи, то, по времени она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ началу XVII в., къ этому времени относятся и ея списки.

3. *Повѣсть, помѣщенная въ Синопсисѣ.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синопсисѣ представляетъ сокращеніе 4 редакціи Сказанія, безо всякихъ посторонникъ вліяній.

Повѣсть, какъ и Сказаніе 4 редакціи, раздѣлена на главы; я ихъ перечислю по порядку:

1. О извѣщеніи великому князю Димитрію, яко нечестивый Мамай идетъ войною на Русь.

2. О посланіи отъ великаго князя Димитрія даровъ къ Мамаеви.

3. О посланіи первыя стражи.

4. О посланіи вторыя стражи.

5. О пріѣздѣ рускихъ князей и воеводъ и многихъ ратій къ Москвѣ.

6. О хожденіи Захаріи въ Орду къ Мамаю.

7. О грамотѣ Мамаевой къ великому князю Димитрію.

8. О отшествіи Захаріи отъ Мамая.

9. О пришествіи Захаріи изъ посольства на Москву.

10. О походѣ великаго князя Димитріа въ монастырь святыя Тройцы.

11. О походѣ великаго князя Димитріа изъ Москвы противу безбожныхъ агарянъ.

12. О пришествіи великаго князя Димитріа на Коломну и о устроеніи полковъ.

13. О посланіи стражевъ отъ великаго князя Димитріа и о скорби Ольга резанскаго и Олгерда литовскаго, яко пойде князь Димитрій на брань.

14. О пришествіи двухъ братій Олгердовичевъ на помощь великому князю Димитрію.

15. О прехожденіи Дону и о взятіи языка Мамаева.

16. О устроеніи воинствъ къ брани, о укрѣпленіи всѣхъ полковъ отъ великаго князя Димитріа и о молитвѣ его.

17. О примѣтахъ Димитріа Волынскаго.

18. О явленіи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

19. О исходѣ обоихъ войскъ на брань, о устроеніи отъ князя Димитріа вмѣсто себе Михаила, о посланіи Сергіевомъ и храбрости Пересвѣта черница.

20. Посланіе отъ игумена Сергія.

21. О горькомъ и престрашномъ часѣ, въ немъ же множество созданія божія смертную испи на брани чашу.

22. О видѣніи отверстыхъ небесъ.

23. О исходѣ тайнаго изъ засады полку на брань и о преславной побѣдѣ надъ татарами.

24. О собраніи войскъ христіанскихъ подъ знаменія своя, о поисканіи и обрѣтеніи великаго князя Димитріа, и о великой радости отъ побѣды надъ татарами.

25. О поѣздѣ великаго князя Димитріа межи трупами.

26. О разсмотрѣніи полковъ и исчитаніи убіенныхъ.

27. О возвращеніи великаго князя Димитріа съ торжественною побѣдою къ Москвѣ.

28. О походѣ великаго князя Димитріа къ обители святыя Тройцы.

29. О погибели Мамаевой.

Сравнительно съ количествомъ главъ 4 редакціи Синописъ даетъ меньшее число, но здѣсь часто нѣсколько эпизодовъ стягиваются подъ одно заглавіе. Такъ въ одной главѣ помѣщены:

посланіе стражи и раскаяніе Олега и Ольгерда, уряженіе полковъ и устройство засады. Въ общемъ — главы Повѣсти Синопсиса вполнѣ соотвѣтствуютъ главамъ 4 редакціи, съ которой совпадаетъ, слѣдовательно и планъ повѣсти, конецъ которой, какъ и конецъ 4 редакціи, *развитъ по схемѣ У.*

Я говорилъ, что Повѣсть Синопсиса сокращена сравнительно съ оригиналомъ. Сокращеніе это выразилось:

а) Въ утратѣ первыхъ 6 главъ повѣствованія, разсказъ начинается прямо съ возвѣщенія Дмитрію о томъ, что Мамай идетъ на Русь войною. Нѣтъ поэтому разсказа о сборѣ Мамаемъ рати и обмѣнѣ союзниковъ ярлыками.

б) Въ пропускѣ нѣкоторыхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи: 1) О Бортешѣ: это понятно, эпизодъ находится въ утраченныхъ первыхъ главахъ; 2) Текстъ грамоты, посланной великимъ княземъ; 3) Повѣсть о мужахъ Новгородцахъ [1]). 3) Эпизодъ о страхѣ цареградскаго царя (изъ 2 группы списковъ 4 редакціи).

в) Въ совершенной утратѣ всякой связи съ писаніемъ Софоніи. Вопреки установившемуся мнѣнію, *я отнюдь не могу считать повѣсть Синопсиса проникнутой поэтическимъ элементомъ*: это вполнѣ прозаическій разсказъ, вполнѣ утратившій тѣ украшенія изъ Повѣданія или устныхъ преданій, которые имѣли мѣсто въ предыдущихъ редакціяхъ. По слабымъ отголоскамъ еще кое-гдѣ можно найти мѣсто бывшей поэтической цитаты.

г) Въ сокращеніи и модернизаціи всего изложенія повѣствованія: часто вкратцѣ приводятся тексты молитвъ, сокращенъ плачъ Евдокіи, разсказъ о приходѣ Ольгердовичей, выпущено много собственныхъ именъ, нѣтъ упоминанія о сурожанахъ; весь конецъ, соотвѣтствующій 4 редакціи также приведенъ сокращенно. Въ рѣчи великаго князя къ воеводамъ и въ отвѣтѣ ихъ нѣтъ упоминаній о Ѳеодорѣ Тиронѣ и Ареѳѣ; вообще все то,

1) Хотя повѣсть и выпущена, но епископъ коломенскій, какъ и въ 4 редакціи, названъ Евѳиміемъ (по аналогіи, какъ я говорилъ, съ новгородскимъ владыкой).

что касается риторическаго распространенія, или выпущено или до крайности сжато.

Кончается изложеніе разсказомъ о гибели Мамая и судьбѣ Ольгерда: только здѣсь планъ повѣсти нѣсколько отличенъ отъ 4 редакціи: тамъ разсказъ о Мамаѣ составляетъ 45 главу, т. е. помѣщенъ передъ окончаніемъ Сказанія по схемѣ У. Что касается Ольгерда, то разсказъ объ его участи составитель Синопсиса выписалъ изъ Стрыйковскаго: «Потомъ и великій князь литовскій Олгердъ татаръ побѣдивши, всѣ поля до Кіева отъ древнихъ лѣтъ принадлежавшія, отъ поганскія власти очисти и постави на Подоліи Коріатовичовъ, Александра, Константина, Ѳеодора и Юрія, и всѣ имъ прилежащія страны россійскія съ Подоліемъ вручи и въ область подаде». Этимъ кончается разбираемая повѣсть въ Синопсисѣ.

Синопсисъ былъ распространенъ широко, и *знакомство читателей съ Повѣстью о Мамаевомъ побоищѣ, главнымъ образомъ, было основано на текстѣ Синопсиса.* Этотъ видъ повѣсти почти вытѣснилъ всѣ остальные. Для XVIII вѣка, напр., большинство рукописей заключаютъ Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ именно въ этомъ видѣ. Не считая прямыхъ указаній, разбросанныхъ въ различныхъ описаніяхъ рукописей, на то, что Повѣсть «взята изъ Синопсиса», мнѣ извѣстно до 12 рукописей этой повѣсти. Таковы: *Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. 372; 2) Q. XVII. 48; 3) Q. XVII. 144; 4) Q. XVII. 158; 5) *Общества Любителей Древней Письменности* CCIII, quarto. *Румянцевскаго Музея*: 6) № 2780, источникъ указанъ: «Выписано из литописца о татарском царе Мамае... 7) собранія Ундольскаго № 1017, — въ сборникѣ, кромѣ повѣсти, еще нѣсколько статей изъ Синопсиса; 8) собранія Ундольскаго № 1281 — такого же содержанія. *Собранія гр. Уварова*: 9) № 115 и 10) № 150 — оба текста представляютъ текстъ повѣсти неокончennымъ, первый на разсказѣ о поѣздкѣ Дмитрія по побоищу, второй — о выступленіи великаго князя изъ Москвы: списки любопытны стремленіемъ соединить Синопсисъ со Сказаніемъ. 11 и

елико измогоша и успѣша, погребоша, отпѣвше над ними; а о прочих — Богъ вѣсть. И изочтоша оставших воинствъ християнских: от ,у всего ,м. Над избиенными же воспѣша священницы же вѣчную память, таже и самъ князь великиі и брат его и вси вои велиім гласомъ воскликнуша им с плачем вѣчную память. И нѣкто исповѣда великому князю: «аз, господине князь же, егда бѣ стояхь в дубравѣ з братом твоим і в видѣніі, рече, видѣхъ множество бесчисленных вѣнцов на избиенныя християне сходяще». И поиде к Москвѣ князь великиі, и слышав сия вся князь Олег резанскиі убояся, побѣжа кь Ягайлу, князю литовскому. И прииде князь великиі на Москву, благодаря Бога и пречистую Богородицу и святых угодников его, и вси прославиша Бога, давшаго таковую побѣду православным християном над погаными. Та же велие благодарение возда преосвященному Кипреяну митрополиту и преподобному Сергию и глаголя, яко вашими святыми молитвами побѣдихомъ измаильтянь. И милостыню роздаде многу и пѣти понахиду повелѣ по избиенныхъ. И тако сяде на великомь княженіі на своей отчинѣ. Князь же литовскиі Ягаило не поспѣ Мамаю на помощь, за л̄ верстъ воротився, побеже не путма. Мамай же с остаточными своими не в мнозѣ дружинѣ утече в землю свою и паки собра силу многу на великаго князя Дмитрея Ивановича и двигнувся, хотя итти, и се прииде не него с восточныя страны из Синие Орды царь Тахтамышь, и бысть имъ бой на Калках, и побѣжден бысть Мамай и побеже в Каѳу и тамо убиен бысть. Царь же Тахтамыш сяде в Ордѣ Мамаевѣ и царицы и имение его взя и вси князи русстиі послаша к нему з дары.

2. *Западно-русская обработка.*

Эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная повѣсть (см. Приложенія, стр. 168) носитъ названіе: «Книга о побоищи Мамая царя татарскаго от князя владимерского и московского Димитрія». Языкъ повѣсти — западно-русскій съ большимъ вліяніемъ польскаго. Полонизмовъ здѣсь больше даже, чѣмъ въ западно-русскомъ сборникѣ XV вѣка, разобранномъ проф. Карскимъ (см.

Сборникъ II отд. А. Н. 65): а) существительныя: владза, змова, привилей, голдовникъ, врасунокъ, постановене, звитяжство, ушиковане, трубене, споткане, година, шабля, блискавица, личба, герць и др.; б) прилагательныя: лѣпшій, даремный, певный, значный, зацный, и др.; в) глаголы: голдовати, замордовать, недбаетъ, подяковать, ознаймить, звитяжить, волать, пошукивать и др.; г) нарѣчія и союзы: абы, албо, зась, жебы, ведлугъ, рихло, презъ, поневажъ, перше, таемне, барзо, лечъ, завше, пожитечно, ледве и др. Фонетическія особенности—характерны для западно-русскаго языка: аканье: качуетъ, Алгердовичи, полтараста; смѣшеніе *е* съ *и*: гримѣли; *е* вм. *ъ*: укреплялъ; переходъ безголосыхъ въ голосовые: зъ и пр. Въ морфологіи: nom. sing. на *а*: звитяжца (voc. звитяжцо); gen. sing. на *у*: полку; loc. sing. на *у*: ушикованю; nom. plur. на *е*: Ольгердовичѣ; gen. именъ прилагательныхъ на *ого*: свѣдомого и т. д. Спряженіе—польское по большей части: естемь, естесь, естесмы, погрозилемь, мыслилесь, принялисмо, показалисте; 1 лицо plur. на *мо*: есмо, пристанмо, ревнуймо, біймося; сложныя формы: взялъ бымъ и пр.

Западно-русская повѣсть представляетъ *стройное, сжатое и ясное изложеніе Сказанія, восходящаго къ типу Т 3 редакціи.* Съ Т сближаетъ его: планъ,—повѣсть кончается разсказами о гибели Мамая, судьбѣ Ольгерда и Олега,—и сохраненіе интерполяціи: «Григорія Капустина»: «Далѣй поѣхал, наѣхал черница Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря, Григория Капустина».

Все сокращенное изложеніе разбито на 12 главъ, передающихъ вкратцѣ содержаніе послѣдующаго изложенія. Содержаніе ихъ таково:

1. Повѣсть о царех татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого князя Димитрия.

2. О змовѣ злой князя резанского Олга зь княземь литовскимь Олгердомь на князя московского Дмитрия и о поселствах ихь до царя татарского Мамая.

пакости деꙗше хр҃стьꙗнствоу [1]), и попоусти (і научи) его (како) разорити православноую вѣроу хр҃стьꙗнскую (і всему хр҃стьꙗнству потреблену быти), ꙗко (да не) [2]) славитца имя гн҃е въ людех тѣх. Гь҃ же что хощет, то и (со)творит.

Он же безбожныи цр҃ь Момай нача завидети первомоу безбожному Батыю и новому Оуліаноу, нача испытывати [3]) от старых еллин, како Батыи пленил Киев и Володимерь и всю роускую и словенскоую землю. Они ж сказаша ему, како оуби кн҃зя Дмитреꙗ Юревича и иныꙗ многи православныꙗ кн҃зи изби и многи монастыри оскверни и вселенную [4]) цр҃квь пр҃ч҃тоую златоверхоую разграбил (во Владимире), и бы оубо плененіе велико. Но того не разоумѣ нечтивыи, ꙗко Гсо҃у годѣ боудет тако ж, ꙗко Иер҃лмъ во оны дни пленен бы Титом римским и Новходносором цр҃ем вавилонским за их согрешеніе. Но не до конца прогневаетца Гь҃ [5]), ни в вѣки враждоует.

Слышав же то безбожныи цр҃ь Момаи, нача быти палим діаволом непрестанно, ратуꙗ на хр҃стьꙗнство, и нача гл҃ати ко своим оупатом и кн҃зем и оуланом: «аз тако не хощу творити, како Батыи, како (аз) изжду кн҃зи и которые городы красны довлѣют намъ и тоу сядем тихо и безмятежно поживем». Но роука бж҃ия высока. По малех же временех и по гл҃ех тѣх перевезеся великоую реку Волгоу со всѣми своими силами и многи(я) орды присовокупив [6]) к себѣ и рати иныꙗ понаймова: Бесермены и Армены, Ѳрязы, Черкасы и Ꙗсы [7]) и Боуртасы, и гл҃я им: обогатеем роусским златом. И поиде на Роус, сердитоуꙗ, ꙗко лев, рыкаꙗ (і вспыхая) и ꙗко неоутомимаꙗ ехидна. И доиде реки до оусть Воронежа [8]) и распоусти облавоу свою, и заповеда оулоусом своим: ни един вас не пашите хлѣба, да боудете готовы на роускіа хлѣбы.

Слышев то Олегъ кнꙗз рязанскіи, ꙗко цр҃ь Момаи кочюет на Воронеж [9]) а идет на великого кн҃зя Дмитреꙗ Ивановича москов-

1) христіаном 2) да. 3) пытати. 4) вселенскую. 5) Гь҃ прогнѣвается. 6) присовокупи. 7) Исы. 8) Вороножа. 9) Вороножи.

ніемъ 4 редакціи и съ тѣми попытками названій главъ, которыя встрѣчались въ нѣкоторыхъ спискахъ третьей. Здѣсь заголовки развиты *вполнѣ самостоятельно*: редакторъ не только вполнѣ сознательно отнесся къ своему оригиналу, но для введенія воспользовался даже матеріаломъ, не находящимся въ Сказаніи. Именно, первая глава разсматриваемой повѣсти представляетъ краткій очеркъ татарской исторіи, излагая междоусобныя войны въ Ордѣ, начиная съ внука Батыя до Мамая. Указывается, что со времени ига надъ русской землею прошло 150 лѣтъ, и что Дмитрій Ивановичъ, побивъ своимъ мужествомъ татаръ, вмѣстѣ съ «тверскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ» — «досканале зкинули з шиі своей ярмо татарское». Такой исторической справки ни въ одномъ изъ списковъ великорусскаго Сказанія нѣтъ.

Повѣсть, какъ я говорилъ, представляетъ весьма стройное *сокращеніе* Сказанія. Сокращеніе коснулось, прежде всего, поэтическихъ мѣстъ: *всѣ* заимствованія изъ писанія Софоніи пропущены; даже формула боя, наиболѣе устойчивая, изложена кратко.

Далѣе — выпущены почти всѣ молитвы. Тамъ, гдѣ онѣ находились въ Сказаніи, западно-русская обработка помѣщаетъ сжатую передачу содержанія того или другого молитвеннаго обращенія. Напримѣръ, извѣстно, что великій князь, передъ выступленіемъ изъ Москвы, произноситъ цѣлый рядъ пространныхъ молитвъ Спасу — Богоматери — Петру. Разсматриваемая повѣсть прекрасно сократила весь этотъ матеріалъ: «Потомъ сталь (Дмитрій) пред образом пресвятой Богородицы, написанным от святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая Богородица, яко заступница християномъ непостыдная, умолила Сына своего и Бога, жебы не даль осквернити храмовъ своих святыхъ и не погубил християн, але дал звитязство християномъ над погаными».

О сурожанахъ — только упоминается: именъ нѣтъ. Въ разсказѣ о примѣтахъ Волынца великій князь — одинъ въ полѣ:

редакторъ пользовался неиспорченнымъ спискомъ. Нѣтъ тавтологическихъ оборотовъ, ненужныхъ риторическихъ украшеній. Вообще повѣсть представляетъ чрезвычайно ясный и быстро развивающійся историческій разсказъ.

Замѣчу, что противникъ Пересвѣта здѣсь названъ: Челебѣй. Я указывалъ, что имя это въ великорусскихъ Сказаніяхъ утверждается въ четвертой редакціи (въ 3-й лишь изрѣдка). Надо думать, что богатыря-татарина называли по имени уже давно.

Такъ какъ западно-русская повѣсть произошла отъ 3 редакціи, то, по времени она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ началу XVII в., къ этому времени относятся и ея списки.

3. *Повѣсть, помѣщенная въ Синопсисъ.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синопсисъ представляетъ сокращеніе 4 редакціи Сказанія, безо всякихъ посторонних вліяній.

Повѣсть, какъ и Сказаніе 4 редакціи, раздѣлена на главы; я ихъ перечислю по порядку:

1. О извѣщеніи великому князю Димитрію, яко нечестивый Мамай идетъ войною на Русь.

2. О посланіи отъ великаго князя Димитрія даровъ къ Мамаеви.

3. О посланіи первыя стражи.

4. О посланіи вторыя стражи.

5. О пріѣздѣ рускихъ князей и воеводъ и многихъ ратій къ Москвѣ.

6. О хожденіи Захаріи въ Орду къ Мамаю.

7. О грамотѣ Мамаевой къ великому князю Димитрію.

8. О отшествіи Захаріи отъ Мамая.

9. О пришествіи Захаріи изъ посольства на Москву.

10. О походѣ великаго князя Димитріа въ монастырь святыя Тройцы.

11. О походѣ великаго князя Димитріа изъ Москвы противу безбожныхъ агарянъ.

12. О пришествіи великаго князя Димитріа на Коломну и о устроеніи полковъ.

13. О посланіи стражевъ отъ великаго князя Димитріа и о скорби Ольга резанскаго и Олгерда литовскаго, яко пойде князь Димитрій на брань.

14. О пришествіи двухъ братій Олгердовичевъ на помощь великому князю Димитрію.

15. О прехожденіи Дону и о взятіи языка Мамаева.

16. О устроеніи воинствъ къ брани, о укрѣпленіи всѣхъ полковъ отъ великаго князя Димитріа и о молитвѣ его.

17. О примѣтахъ Димитріа Волынскаго.

18. О явленіи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

19. О исходѣ обоихъ войскъ на брань, о устроеніи отъ князя Димитріа вмѣсто себе Михаила, о посланіи Сергіевомъ и храбрости Пересвѣта чернца.

20. Посланіе отъ игумена Сергія.

21. О горькомъ и престрашномъ часѣ, въ немъ же множество созданія божія смертную испи на брани чашу.

22. О видѣніи отверстыхъ небесъ.

23. О исходѣ тайнаго изъ засады полку на брань и о преславной побѣдѣ надъ татарами.

24. О собраніи войскъ христіанскихъ подъ знаменія своя, о поисканіи и обрѣтеніи великаго князя Димитріа, и о великой радости отъ побѣды надъ татарами.

25. О поѣздѣ великаго князя Димитріа межи трупами.

26. О разсмотрѣніи полковъ и исчитаніи убіенныхъ.

27. О возвращеніи великаго князя Димитріа съ торжественною побѣдою къ Москвѣ.

28. О походѣ великаго князя Димитріа къ обители святыя Тройцы.

29. О погибели Мамаевой.

Сравнительно съ количествомъ главъ 4 редакціи Синопсисъ даетъ меньшее число, но здѣсь часто нѣсколько эпизодовъ стягиваются подъ одно заглавіе. Такъ въ одной главѣ помѣщены:

пред чтною икону, иж стоит оу него в головах, и пад на колѣну, нача млтися со слезами и реч: «Ги, аще смѣю млтися смиренныи раб твои и простроу [1]) оуныніа моѥ, но на тя, Ги, надѣюся и возверзи печал мою. Ты [2]) свидѣтел еси, Влдко, не сотвори нам, ѥкож наведе на град нашь злаго Батыѥ, а еще страх тои и трепет в нас есть велик. Не до конца прогневаися на ны, вѣдаю, Ги, ѥко мене дѣля хощеш потребити землю сию, аз бо согреших пред тобою паче всѣх члкъ. Не сотвори им зла, слез моих ради, оукроти, Ги, срдце сверѣпому и сотвори, Ги, ѥко Езекѣю». И реч: «на Га оуповаю и не изнемогоу».

И посла по брата своего по кнзя Володимера Ондрѣевича и по вся воеводы и кнзи мѣстныѥ. Кнѧз же Володимеръ Ондрѣевич в своеи бяше области в Боровсцѣ и скоро приѣхав на Москвоу. И мнози кнзи и воеводы сѣхашася. Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович поим с собою брата своего кнзя Володимера Ондрѣевича и иде ко пресщенному митрополиту Кипреѧноу и реч: «вѣси ли, оче, настоѧщую нашу беду, ѥко прь безбожныи Момаи идет на нас в неоукротиме образе сь ѥростию».

Митрополит же Кипреѧн реч великому кнзю Дмитрею Ивановичю: «повѣж ми, гне, чѣм еси къ нему не исправился». И реч княз великіи Дмитреи Иванович: «во всем, оче, доволно по отцъ своих оуставу (выходную казну), но и еще [3]) болѣ воздах [4]) емоу». Митрополит же Кипреѧн реч: «видиши ли, гне, попоущеніем бжиим, а нших ради грѣх идет на землю нпоу, но вам подобает православным кнзем тѣхъ нечтивых дары оутолити четверицею сугоубо. Аще ли того ради не смирится, но Гъ его смирит, тои бо реч: Гъ гордым противится, а смиренным дает блгодат. Ѩко ж слоучися великомоу Василю в Кесаріи быти и ѥко идыи с [5]) Персъ злыи престоупник [6]) Оуліанъ и хотѣ разорити град его, он же помолися Бгоу со всѣми хрстыѧны и собраша злата много, дабы отстоупника оутолити [7]). Гъ же посла на него воина своего

---

1) простри. 2) Ты бо. 3) Въ Син. сп. «е еще». 4) воздамъ. 5) ис. 6) преступник злый. 7) оумолити.

Меркуріа, он же оуби гонителя (Іулѣяна) невидимо. Нн҃ѣ ж возми злата много, сколко можеш, пошли противоу ему и еще исправися пред ним». Кнꙗз же великіи, слышев от митрополита, иде в казноу свою з братом своим и взем злата много.

И избра нѣкоторого юношоу от двора своего, имянем Захарію Тютчева, доволна соуща смыслом и дав ему два толмача, оумѣюще ꙗзыкоу еллинскоу, и отпусти его ко цр҃ю. Захаріа ж доиде земли рязанскиꙗ, слышев же, что Ꙗгаило литовски и Олегъ рязански приложилися къ Мамаю, и посла к великому кн҃зю посла тайно.

Кнꙗз же великіи то слышев, нача срдцем двизатися, от ꙗрости и горести наполнишася и начаста ся молити: [1]) Гн҃ Бж҃е мои, на тя надѣюся, любящему прв҃доу. Аще ми врагъ пакости дѣет, то подобает ми противоу его терпѣти, яко искони есть врагъ хр҃стыꙗнству. Но сіи дроузи мои искренніи како оумыслиша на мя. Соуди, Гн҃и, межи има и мною, аз ни единомоу их сотворих [2]) зла, развее чт҃и и даров от них взимах, а им також воздаꙗх. Но суди, Гн҃и, по правде моеи.

Поим же брата своего кн҃зя Володимера и иде второе ко пресщ҃енному митрополитоу Кипреꙗну и поведа [3]) ему, како Олег резански и Ꙗгаило литовскіи приложилися и совокупилис с Момаем. И реч҃ ему Кипреꙗн митрополит: «ты, гн҃е кнꙗж҃, сам вѣси, кою обидоу сотворил еси има». Кнꙗз же великіи прослезися: «гн҃е, пред Бг҃ом грѣшен есми [4]), а к ним ни единыꙗ черты по от҃цъ своих заповеди престоупих николиж, но [5]) вѣси, гн҃е, сам, доволен есми своими отоки, а к ним кою обидоу сотворих, но не вѣм [6]), что ради оумножишася на мя стоужающи ми». Митрополит же реч҃ к нему: «ты, гн҃е [7]), сам вѣси закон бж҃ии: кто творяи прв҃доу, не подвижютца [8]) нан чл҃ци, ꙗко прв҃днъ Гъ҃ и прв҃доу возлюби. Но тѣ обыдоша тя, ꙗко пси мнози, соуетно пооучаются на тя, ты ж имянем гн҃и [9]) противися им, Гъ҃ да боу-

---

1) молитися. 2) сотвори. 3) повѣде. 4) есми чл҃вкъ.
5) не. 6) вѣм бо. 7) Гн҃е, ты. 8) подвижаются. 9) Гн҃имъ.

детъ ти помощник в правдоу, а от всевидящаго ока вл҃дчня како можеши избежати и от крѣпкиѧ роуки его избыти».

Кнѧз же великіи Дмитреи Иановичь з братом своим со кн҃земъ Володимером Ондрѣевичем и со всѣми роусскими кн҃зи и воеводы начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожоу крѣпкаго стража [1]) Родивона Ржевского да Ѩкова Ондрѣева сн҃а Волосатого да Василя Тоупика. И повелѣ им ѣхати близ Орды и ѧзыки добыти, дабы истинноу слышати цр҃ва хотѣніа. Кнѧз же великіи грамоты розосла по всеи [2]) своеи области: да боудите готови на бран з безбожными агаряны, а снимаитеся на Коломне на мясопоус ст҃ыѧ Бц҃ы (сирѣчь Гж҃инъ постъ). Сторожи ж в Поле замедлѣвше.

Кнѧз же великіи посла другоую сторожоу: Климента Полянина да Ивана Всеслава да Григорьѧ Судока и иных многих с ними, и повелѣ им [3]) вскоре возратитися.

Они же стретоша Василя Тупика близ еще Оки реки, ведуще ѧзык нарочит цр҃ва двора, ꙗко неложно цр҃ь [4]) идет на Роус со многими ордами [5]), и совокупилися с ним многие орды и Ѩгаило литовски и Олегъ рязанскіи, но не спешит цр҃ь того ради, осени ждет, хощет бо на осен быти на роусскиѧ хлѣбы. Кнѧз же великіи слышев неложное востание безбожнаго, нача радоватися и оутешатис о Бз҃ѣ, оукрепляѧ брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича и вси кн҃зи [6]) и воеводы, и реч҃ им: Братиѧ моѧ [7]), вси кн҃зи роусстіи и воеводы. Гнездо есмя кн҃зя Володимера Киевского, емоу Гс҃ъ откры православноую вѣроу, ꙗко ж оному Стратилатоу, и паки он же повелѣ крѣпце держати вѣроу и побарати по неи, да аще кто еѧ ради оумрет, то во оном вѣце почиет. Но аз, братиѧ, готов оумрети и пострадати за вѣроу хр҃стьꙗнскоую.

И реч҃ ему кнѧз Володимеръ Ондрѣевич и вси кн҃зи роусстіи: воистинноу, г҃не, заповед законноую сохранил еси и ст҃ому еу҃алію

---

1) стража — *нѣтъ*. 2) всеи — *нѣтъ*. 3) им — *нѣтъ*. 4) цр҃ь неложно. 5) дарми. 6) кн҃язи рустіи. 7) приб. — и.

последоуеши, иж реч҃: кто постражет за имя мое и оумрет, мене ради, то и аз покою его. Но мы, гн҃е, всѣ готовы[1]) оумрети с тобою и головы своꙗ положити за ст҃ыꙗ цр҃кви и за православную вѣру и за твою обидоу. Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович слышев то от брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича и о[2]) всѣх кн҃зеи роусских, ꙗко дерзают и побарают по хр҃стьꙗнскои вѣре.

Кнꙗз же великіи Дмитреи Іванович реч҃ ко всѣм кн҃зем роусским и воеводам и всему воиску повелѣ писати: да боудете готови вси на Оуспеніе ст҃ыꙗ Бц҃а на Коломнѣ и переберем полки и дам коемоуждо полку воеводоу[3]). К великомоу ж кн҃зю[4]) на Москвоу мнози люди приспѣша, и вси единеми оусты гл҃хоу: даи ж нам, Ги҃[5]), единеми оусты и единем срдцем оумрети и ст҃ое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради хр҃стьꙗнские. Пріидоша же кн҃зи Белозерскиꙗ, подобни соут воином быти, велми бо доспѣшно и конно воиско их. И пріиде кнꙗз Ѳедор Семенович бе(ло)зерскіи, кнꙗз Семен Михаилович, кнꙗз Ондрѣи Кѣмски и Андомски, кнꙗз Глѣб Карголомски и Ꙗрославскои, и пріидоша кн҃зи со всѣми силами, кнꙗз Ондрѣи Ꙗрославскои, кнꙗз Лев Серпьскои, кнꙗз Дмитреи Ростовскои и иныꙗ многиꙗ кн҃зи. И выехали[6]) посадники из великого Новагорода а с ними з҃ к великомоу кн҃зю на помоч.

Оубо, братиꙗ, стоук стоучит а гром гремит в славном граде Москвѣ, стоук[7]) стучит великаꙗ рат великого кн҃зя Дмитреꙗ Ивановича, а гремят роусскиꙗ оудалцы злачеными шеломы и доспѣхи.

Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович, поим брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича и всѣ православныꙗ кн҃зи и воеводы, ѣхаша к живоначалной Тро҃це и прп҃дбномоу игоумену Сергею, и тамо шед бл҃гсвеніе полоучи от всеꙗ обители ст҃ыꙗ. И моли его прп҃добныи Сергеи, дабы слоушал оу него ст҃ыꙗ

---

1) *приб.* — есмя. 2) от. 3) воеводу коемуждо полку. 4) Дмитрию Ивановичю. 5) гн҃е. 6) выѣхаша. 7) стоук — *нѣтъ*.

слоужбы, приспѣ бо дн҃ь воскр҃снꙗ, на память ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. По отпоущенїи ж ст҃ыꙗ слоужбы, моли его пр҃подобныи со всею братею, дабы оу них вкусил от хлѣба обителска. Великомоу ж кн҃зю ноужно є҃, прїиде вѣсть ис Поля, ꙗко ближают погани. Моли ж кнꙗз великїи пр҃подобнаго, дабы его отпустил без замедленїа, и гл҃а емоу пр҃подобныи, не оу ж бо постиж венец побѣде носити, но по миноувших лѣтех, нн҃ѣ ж мнози венцы плетоутся. Кнꙗз же великїи вкуси от хлѣба обителска. Пр҃еподобныи ж в то время повелѣ водоу свещати с мощеи ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. Кнꙗз же великїи скоро востав от трапезы, пр҃подобныи ж старец окропи его водою и все любимое воинско [1]) и да҃ великому кн҃зю Хв҃о знамение — кр҃ст҃ъ на челѣ и реч҃: «поиди, г҃не, нарек Г҃а Б҃а, Г҃ъ Б҃ъ да боудет ти помощник и заступник, имаеши победити соупостата своего». Кнꙗз же великїи прослезився, проси от него дароу; он же реч҃: «елико довлѣет твоему г҃дрьствоу, проси от мене, еже хощеши». И реч҃ ему кнꙗз великї Дмитреи Иванович: «даи ми два воина от полкоу своего, то и ты пособствоуеши с нами». Он же реч҃: «коих, г҃не». Кнꙗз же великїи реч҃ о двою братех, о Пересвѣте и о Ослебяти. Пр҃подобныи ж скоро повелѣ им готовым быти своим ратником. Они ж скоро сотвориша послоушание пр҃подобнаго. Он же скоро дасть им в тлѣнных мѣсто нетлѣнное ороужие — кр҃ст҃ъ Хв҃ъ на скимах, и повелѣ им вмѣсто шеломов воздевати на себя, и дасть их в роуцѣ великомоу кн҃зю, ркуще: «се тебѣ мои ороужницы, а твои изволницы». И реч҃ им: «миръ вам, братиꙗ моꙗ, пострадайте, ꙗко добрии страдалцы Хв҃ы». И дасть им Хв҃о знамение — миръ и бл҃свение. Кнꙗз же велики обвеселис срдцем и поиде к Москвѣ, радоуꙗся, ꙗко многоцѣнно сокровище обрете, не помышлꙗ ни на злато, ни на сребро, ни на бг҃атество, но велми радовашес о бл҃вении старца (пр҃пбнаго Сергия).

И прїиде на Москву и поим брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича, иде ко пресщ҃енному Кипреꙗноу митропо-

1) войско.

литу [1]) и поведа ему все, еж сотвори ему прп̃дбныи Сергеи и како да̂ ему бл̃вeніе и всему его воиску. Митрополит же повелѣ ему си словеса сохранити, не поведати никомоуж [2]).

Кнꙗз же велики иде в ложницоу свою, оуж [3]) к вечеру, приспѣвшу четвергоу авгоус т̃ѳі дн̃ь, на памят ст̃го отца Пимина Отходника, восхотѣ оуж оутре изыти противоу безбожных татар. И поим брата своего кн̃зя Володимера, иде ко пр̃чтои Вл̃дчце нш̃еи Бц̃е, согноув руцѣ къ персем и мл̃твоу гл̃ах во оумиленіи срд̃ца, и от очию его ꙗко источник слез течаше: Молю ти ся, чюдныи Вл̃дко страшныи, крѣпкіи, воистинноу цр̃ь славы. Помилоуи нас грѣшных, егда оунываем и к тебѣ единому прибегаем, ко своемоу Сп̃су и блгд̃тлю. Под твоею рукою вси есмя, ꙗко моꙗ согрешенія сотроша ми главу мою. Но тебѣ бо, вѣси, оставляющим нас, но нам тебѣ не взыскающим. И приим пс̃лмъ л̃д: соуди обидящим нас и возбрани борющимся со мною, пріими ороужие и щит, стани в помощь мнѣ. Даи ж ми, Г̃и, помощь на противных, да познают силу твою. — И паки идет пред врата чюдотворныꙗ иконы Ц̃рци, иж Лоукина писма [4]) еѵ̈алиста, еще жив написал, и нача оумилно ко пр̃чстому образоу Ея вещати: О чюдотворнаꙗ Г̃же Царица, всего живота ч̃лч̃скаго кормителница, тобою познахом истиннаго Б̃га, воплощьшагося и рожшагося ис тебе. Не даи, Г̃же, в разорение града нашего поганым и безбожному сему Момаю, ни осквернити ст̃оую твою цр̃квь и моли С̃на своего и Б̃га нш̃его, Вл̃дкоу творца и Создателя нашего, да смирит срдце врагомъ нашим и да не боудет роука их высока, и свою помощь посли с нами, нетлѣнноую ризоу свою, да вноутрь одежемся и нестрашливы [5]) к ранам. На тя, Вл̃дчце, надѣемся и в молитве помолися за ны Сн̃оу своему и Б̃гоу нашему, ꙗко твои есмя раби. Вѣм, Г̃же, ꙗко можеш нам помощи на противныꙗ враги, они бо не исповедают тебе, Вл̃дчци, но аз на твою помощь надѣюся и подвизаюся

1) митрополиту Кѵпріану. 2) никомоуже повѣдати. 3) *прип.* — бо. (4 *встав.* — і. 5) нестрашни.

противоу безбожных сих, да боудет оумолен Сн҃ъ твои и Бг҃ъ наш. — И паки иде ко гробоу Петра чюдотворца, митрополита всеа Роусіи, и припаде любезно ко гробоу ст҃го и реч҃: Оч҃е ст҃ыи и чюдотворныи, по см҃рти бо жив еси, чюдодѣеши бо, бл҃жне; нн҃ѣ бо ти приспѣ время мл҃ти за ны ко общему Влдцѣ, дн҃ь бо злы належат вещи, идоут бо на ны [1]) погании, напрасно ополчишася. Тя бо Гъ҃ прослави послѣднему родоу нашему, ꙗко светило свѣтлое на свѣщнице за ны молитися, да не прiидет роука грѣшнича и не погоубит нас. Ты бо страж земли роусскыѧ.

И скончав мл҃твоу и поклонися митрополиту (Киприяну). Митрополит же бл҃сви его и отпусти, и да҃ емоу Хв҃о оущеніе цр҃кви зборныѧ [2]) и с клиросы во градныѧ врата Ѳроловскыѧ и во врата Николскыѧ и Костянтиноолеискыѧ со живоносными кр҃сты и с чюдотворными иконами, да всяк иж воин бл҃венъ боудет.

Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович з братом своим со кн҃земъ Володимером Ондрѣевичем иде во цр҃квь нб҃снаго воеводы архистратига Михаила и биша челом ст҃му его образоу. И приступи ко гробом православных кн҃зеи прародител своих и ркуще: Хранители православныѧ поборници нш҃и, аще имаете дерзновеніе ко Г҃оу, помолитеся о нашем согрешеніи, ꙗко великое приключеніе нам и чадом нашим. Нн҃ѣ оубо подвизаитеся с нами. И се рек, изыде из цр҃кви.

Кн҃гни ж великаѧ Овдотя и кн҃гни княж Володимерова Ондрѣевича и иных православных кн҃зеи кн҃гни с воеводскими женами стоѧт тутo и проводы дѣют, а во слезах и во кричаніи ни единаго слова не может рещи от жалости срдца. Кн҃гни ж великаѧ Овдотѧ отдастъ конечное целованіе великому кн҃зю, а во слезах не может слова прорещи. Кнѧз же великіи мало оудержася от слез, но не прослезибося [3]), народа ради, а срдцем жалостно плакаше, тѣшаше свою великоую кн҃гню и реч҃: Жено, аще Бъ҃ по нас, никто ж на ны. И прочаѧ кн҃гни и воеводскыѧ жены [4])

---

1) на мя. 2) соборныа. 3) прослезися. 4) и прочаѧ — жены *пропущено*.

тако ж с своими кн҃зи и боꙗры отдаста конечное целованѥ и возратишася с великою кн҃гнею.

Кнꙗз же великіи въстоупив в златое свое стремя и седе на любезныи свои кон, и вси кн҃зи и боꙗре вседоша на свои кони, и воеводы поѣхаша, а сл҃нце им со востока сꙗет, а по нихъ кроткіи вѣтрец вѣет.

Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златыхъ колодиць, а то рвахоутся кн҃зи Белозерскиѧ ис камена града Москвы, выехали своим полком, оурядно бо бяше полцы их видѣти, ꙗко достоит им избивати полки[1]) татарскиѧ, бѣ бо храбро их видѣти воиско.

Кнꙗз же великіи отпоусти брата своего Брашевскою дорогою, а Белозерскиѧ кнзи отпоустил Болвановскою дорогою, а сам кнꙗз великіи поиде на Котел дорогою. А спереди емоу слнце сꙗет и добрѣ грѣет, а по нем кроткии вѣтрец вѣет. Но того ради не пошли одною дорогою, ꙗко не мощно им вместитися.

Великаѧ ж кн҃гни Овдотиѧ с снохою своею и с ыными кн҃гнями и с воеводскими женами вниде во свои златоверхии терем набережныи и седе под южным окном и реч҃: Оуж бо на тя конечное зрю, на своег҃ гсдр҃я великого кн҃зя. А в слезах не может слова проещи, и слезы льются, аки рѣчныѧ строуѧ. И воздохноув с печалию и съшибе роуцѣ къ персем и реч҃: Г҃и Бж҃е, призри на мя смиреноую и сподоби мя еще видѣти гсдр҃я своего славнаго в чл҃цех великого кн҃зя Дмитреѧ Ивановича. Даи ж ему помощь крѣпкиѧ руки его победити враги его, и не сотвори, Г҃и, ꙗко ж за мало лѣт бран была кр҃стьꙗном со еллины. От Батыѧ до Калскиѧ рати и до Мамаева побоища лѣт рн҃и. От таковагож сп҃си, Г҃и, и не даи же, Г҃и, погибноути оставльшемоус хр҃стьꙗнствоу, да славится имя твое с҃тое. От тоѧ бо брани роусскаѧ земля оуныла. Оуж ни на кого ж надежи не имам, по токмо на тебя всевидящего Б҃га. Аз же имѣю отрасли[2]), еще млади соуще: Василиѧ и Юрью. Егда поразитъ их знои сь юга или вѣтръ

1) полци. 2) двѣ отрасли.

подвѣет их з запади, то не могоут терпѣти[1]), а противоу бо ему что сотворю. Но возрати, Гн҃, отца их поздоровоу[2]), то и земля спасется, а они цр҃ствоуют в вѣки[3]).

Поꙗт же с собою кнꙗз великін от гостеи сорожан і҃ чл҃къ, поведаніа ради, аще что слоучится таино, не повѣдаютъ вборзе на Москвѣ: а҃ гостя Василꙗ Капцоу, в҃ Сидора Олферева, г҃ Костянтина Волка, д҃ Коузму Ковырю, е҃ Семена Онтонова, ѕ҃ Михаила Сараева, з҃ Тимоѳѣя Весякова, и҃ Дмитреꙗ Черного, ѳ҃ Ивана Шиха, і҃ Дмитреꙗ Саларева.

Тогдъı ж возвеꙗша силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошас великіа кн҃зи роусскиꙗ, а по них дѣти боꙗрские оуспѣшно грядоут, аки чаши медвяныꙗ пити и стеблиꙗ виннаго ꙗсти, но не медвяныꙗ чаши пити, ни стеблиꙗ винного ꙗсти, но хотят чт҃и добыти и славнаго имени в вѣки.

Возвѣꙗвшоу со востока вѣтроу, а в[4]) нем гром и молниꙗ, но ни гром, ни вѣтръ, но стоук стучит и[5]) гром гремит по зорѣ по раннеи: возится кнꙗз Володимеръ Ондрѣевич рекоу Москвоу на красном перевозе Брашевском.

Кнꙗз же великіи приѣхал на Коломну в соуботу[6]), на памят ст҃го отца Моисѣꙗ Моурина. Туто ж быша мнози ратницы, и воеводы стретоша его на рѣчке на Сѣверке. Еп҃пъ же Герасим стрете его во вратех градных со живоносными крст҃ы и с чюдотворными иконами и со всѣми клиросы и оградив его крст҃ом и мл҃твоу сотворив: сп҃си, Бж҃е, люди своꙗ. Во оутриꙗ ж дн҃ь повелѣ кнꙗз великіи выехати всѣм воеводам на поле Двч҃е (на Коломнѣ) и всѣм людем сниматися во ст҃оую нд҃лю по заоутрени.

И начаша мнози гласы ратных троуб трубити, и варганы тепоут, и стези ревоут наволоченыꙗ в саду Панѳилове, сн҃ове роустіи наступиша поля коломенскиꙗ, ꙗко не мощно их никомоуж презрѣти.

Кнꙗз же великіи выеха з братом своим и видѣ множство

---

1) стерпѣти. 2) здрава. 3) *вм.* то и земля — в вѣки: то и миръ сп҃сется. 4) по. 5) а. 6) в соуботу — *нѣтъ*.

людеи и возрадовашася и оуряди коемоуждо полку воеводоу. А к себѣ приим кн҃зи Белозерскиѧ, храбри бо бяше, а брату своему дал кн҃зи Ꙗрославские. А [1]) правоую руку себѣ оуряди [2]), а лѣвоую руку брата своего кн҃зя Володимера, а кн҃зя Глѣба Дрютцкого. Передовой полкъ да [3]) Дмитреи Всеволож, да брат его кнѧз Володимеръ; коломенского ж полку воевода Микула Василевич; володимерского ж полку воевода Тимоѳеи Волоуевич; костромского ж полку воевода Иван Родивонович Квашня; переславскои [4]) ж воевода Ондрѣи Серкизов. Оу кн҃зя ж оу Володимера воевода Данило Белеоут, Костѧнтин Конанович, кнѧз Ѳедор Елетцкои и воевода Мещерскои, кнѧз Юри да кнѧз Ондрѣи [5]) с своими полки пріидоша.

Кнѧз же великіи оурядив полки и повелѣ им Оку реку возится, заповеда ж всякому человѣку, хто поидет по рязанскои землѣ, по вотчине их, да никто ж не прикоснетца ни е̑диному [6]) власу землѣ их. Сам же взем бл҃веніе от е҃пп҃а Коломенского и перевезеся Оку реку. И ту ставше послаша третю сторожоу избранных витязеи и реч҃ им: нолни своима очима видитеся с татарскими полки. А посла Семена Мелика, Игнатѧ Креня, Ѳому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петроушоу Чюрикова и иных многих посла с ними.

И реч҃ кнѧз великіи Дмитреи брату своему кн҃зю Володимероу: Поспешим, брате, противоу безбожных сих печенѣг и не отовратим лица своего от безстоудных сих. Аще нам случится см҃рть, то дома живоучи оумрети ж, а от см҃рти не избыти нигдѣ ж. И реч҃: всяк идыи поутем, призывает родители своѧ и сродник Бориса и Глѣба.

Слышев же то [7]) Олегъ рязански, ꙗко кнѧз великіи Дмитреи Иванович собрал воѧ многа з братом своим со кн҃земъ Володимером Ондрѣевичем и идет противоу безбожному [8]) Мамаю, а сердцем своим не оупал, но твердою своею вѣрою крѣпко хощет

1) а — *нѣтъ*. 2) оурядивъ. 3) да — *нѣтъ*. 4) пеславской. 5) *приб.* — Моуромские. 6) не прикоснитца ни ко единомоу. 7) *приб.* — кнѧз. 8) *приб.* — царю.

с печенѣги битися и имѣет оупованіе на единаго Бг̃а. Кнѧз же Олегъ нач̃ с мѣста на мѣсто преходити и нача гл̃ати ко своим боѧром: не начаемому дѣлу не оудоб разоумѣти, аще бы ми мощно послати ко многоразоумному Ягаилу (литовскому) таковаго вѣстника: како мыслити нам, оуж бо застал поути наши, но аз оубо [1]) чаѧх по правилом, ꙗко не подобает великому кн̃зю противу безбожнаго цр̃я стоꙗти. Нн̃ѣ оубо, что се здумал, откуду сеи хощет помощи противу безбожнаго цр̃я стоꙗти [2]). И рекоша емоу боꙗре его: мы слышахом за ѥ̃ дни до сего дни, но тебѣ того не смѣли поведати. Сказывают в вотчине его калоугер, имянем Сергеи, ст̃ъ и прозорлив велми, но тот деи бл̃свилъ его и вооружил противу нам, но еще и от своих калоугер дал емоу пособников. И слышав то Олег нача боꙗтися и нача ратовати на свои боꙗре: Почто ми есте преж сего дни не сказали, дабы шед оумолил цр̃я да ничтоб [3]) зла сотворил. Но горе мнѣ, изгоубих си оум, но паче не аз един оскудѣх оумом, но и боле мене разоумѣл Ягаило литовски, но и тот оскудѣх оумом, не оного ж взыщет Бг̃ъ [4]), но мене, онъ имѣет закон гоугниваго Петра, аз же имѣх правыи закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ реч̃: аще раб не сохранит закона Гн̃а своего, то бьен боудет много. Нн̃ѣ оубо что сотворю и которому вдамся. Что ми здоумал мои ходыи оум, чтоб нн̃ѣ приложился к великому кн̃зю Дмитрею и поработал бы емоу, но он не пр̃іимет мя, вѣдает бо измѣну мою. Аще ли приложоус̃ къ погаомоу Момаю, то по истинне боуду врагъ на вѣроу хр̃стьꙗнску, ꙗко оного новаго Ст̃ополка земля мя пожрет, не токмо кн̃женіа лишен боудоу, но и живота гонзнуся. Аще бо Гъ̃ по них, то никто ж им может зла сотворити, но и еще об них мл̃тва прозорливаго старца (Сергия) къ Бг̃оу. Аще ли ни единому от них помощи не сотворю, то в прок ото обоих како могоу прожити, а нн̃е которому присягоу имѣю.

---

1) бо. 2) *вм.* противу — стоꙗти: противу трею нас вооружился.
3) *приб.*: ми. 4) не оного ж Бг̃ъ взыщетъ.

Ѳгаило ж по прежреченномоу оуроку своему совокупи Литвы много и Варяг и Жомоти, поиде на помощь к Момаю. И пріиде Ѳгаило в Одоев и слыша, ꙗко Олегъ рязанскіи оубоꙗся, и пребы Ѳгаило, оттолева [1]) не подвизаꙗся из Одоева. И нача разоумѣти соуетнаго своего помысла и видѣ совокоупленіе свое раздно и нача рватися и сердитовати и нач̑ имати паны свои: егда не достало мдрости чл̑чи, николиж бо Литва от Резани не пріимаше разоума, иж изведени есмя от оума от кн̑зя [2]) Олга рязанского, сам бо нн̑ѣ погиблъ е̑. Пребоудем оубо здѣ, дондеж оуслышим московского побѣду.

В тож время оуслышели кнꙗз Ондрѣи Полотцкіи и кнꙗз Дмитреи Брянскіи Олгердовичи, что велика туга належит великому кн̑зю Дмитрею Ивановичю московскому и всѣм православным хр̑стыꙗном от безбожнаго цр̑я Момаꙗ. И рекоша: отидем мы к великому кн̑зю московскому на помощь, бѣста бо есми [3]) отцем и братом ненавидими, но Бг̑ом возлюблени, бѣ бо есмя едино крещеніе [4]) от мачехи своеꙗ кнг̑ни Анны, ꙗко клас доброплодныи, тернием подавляеми. Не свещаста бо ся промеж собою кн̑зи. И посла кнꙗз Ондрѣи [5]) къ брату своему ко кн̑зю Дмитрею таино грамоту, в неи ж писано: Вѣси ли, брате мои милыи, ꙗко от̑цъ наш отверзе нас от себе, но пач̑ От̑цъ нб̑сныи присвои ны к себѣ и дав нам закон свои ходити по нему и отрешитися нам поустошные суеты. Но скончаем подвигъ добрыи Хс̑у началнику хр̑стыꙗнскомоу, поидем, брате, к великому кн̑зю на помощь. Нн̑ѣ, брате, великому кн̑зю московскому велика туга належит от поганых Измалтян, но еще и брат наш Ѳгаило порапотает [6]) ему, но Олег рязанскіи приводит их. Нам же подобает аи̑льское слово скончати: братіа, в бедах пособники [7]) бываите. И помыслив, что нам родителем противитися, и ев̑алистъ Лука реч̑ оусты Сп̑сителя нашего: предани боудете родители ваши [8]) и братею, оумрети имате, имяни моего ради, претерпѣвыи до конца, тои

1) оттоле. 2) *встав.*: от. 3) есмя. 4) едини крещеніем. 5) Ондрѣй — *пропущено*. 6) поработает. 7) пособивыи. 8) вашими.

спс҃нъ боудет. Но излѣзем, брате, от подавляющаго сего терниꙗ и присадимся ко истинному виноградоу хрс҃тьꙗнскому, дѣлателю нам рукою Хр҃стовою. Нн҃ѣ, брате, подвигнемся не земнаго ради живота, но нбс҃наго, еж да҃ Гь҃ творящим волю его. — Прочет же грамотоу кнꙗз Дмитреи, нача плакатися от радости, реч҃: Влд҃ко чл҃колюбче, даи ж рабом своим хотѣніе совершити и сего почесть добраго подвига показати, его ж открыл еси братоу моему старишему. Дн҃сь, гн҃е, по твоему изволенію готов есми, колко моего воиска готови соут со мною вкоупе, бж҃иею бл҃годатию совокуплени быхом [1]) иныꙗ дѣлꙗ брани [2]) от доунаиских варягъ. Но нн҃е, брате, слышах, ꙗко пріидоша ко мнѣ медокормцы из Сѣверы, а кажоут: кнꙗз великіи на Доноу, тоуто хощет ждати поганого Момаꙗ. И подобает нам итти на Сѣверу и туто совокупитися, и коим поутем оутаимся брата своего Ꙗгаила, дабы нам не бранил.—По малех же днех снидошася желанно два брата [3]) со всѣми своими силами, и видѣвше и возрадовашася, ꙗкож иногда Иосиѳ с Венꙗмином, изглядавше свое многое воиско и возвеселишася срдцем, бяше бо воороужени нарочитыи воини и ратници. И приспѣв борзо на Дон и наѣхавше великого кн҃зя еще об сю сторону Доноу [4]) на мѣсте, нареченном Березоуи, и тоу совокоупилися [5]) великіе полкы [6]).

Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович з братом своим со кн҃зем Володимером Ондрѣевичем возрадовашася велми велице их силе, ꙗко не оудоб видѣти таковому востанию, ꙗко братиꙗ оставиша брата пороугана, ꙗкож иногда пороугашеся волсви Иродоу, пріидоша сіи в помощь нам. Кнꙗз же великіи почти их великими дары, також в поут идоша, радуꙗся о ст҃ем Дс҃ѣ, земнаго ж всего отвергшеся, чающе нбс҃наго живота, чс҃а см҃ртнаго. Реч҃ же кнꙗз великіи: братиꙗ моꙗ милаꙗ, коеꙗ ради потребы пріидосте сѣмо, но Гь҃ посла вас в поут свои, воистинну естя ревнители праотца нашего Аврама, ꙗко от племени воскорми

---

1) *встав.*: и. 2) *встав.*: належащих. 3) два брата желанно. 4) об сю страну. 5) совокупишася. 6) полци.

Лота, ꙗко аще подобни естя доблественному великомоу кн҃зю Ꙗрославоу, ꙗко тои отомсти обиду братии своеи. Скоро ж вѣсть посла ко пресщ҃енному митрополиту Кипреꙗну и реч҃, ꙗко Олгердовичи пріидоша ко мнѣ со многими силами, а брата своего Ꙗгаила оставиша. Вскоре ж вѣсть пріиде к митрополитоу Кипреꙗну. Митрополит же востав и прослезися, слышев таковое чюдо [1]), и нача мл҃твоу творити: Ги҃ Вл҃дко чл҃колюбче, ꙗко супротивніи нш҃и вѣтри на тихость предлагаются. Посла во вся зборы цр҃квныꙗ и во обители ст҃ыꙗ, повелѣ мл҃твы творити дн҃ь и нощь ко вседержителю Бг҃оу, но вборзе посла во обител ко пр҃подобно старцоу Сергею. Кнг҃ни ж великаꙗ Овдотꙗ слышев то великое бж҃ие милс҃рдіе, многи мл҃сти сотвори оубогим, сама ж непрестанно ходи ко цр҃кве дн҃ь и нощь. Но на предлежащее возратимся.

Кн҃зю ж великому бывше на мѣсте Березоуи, приспѣ ж дн҃ь сентября е҃, на памят ст҃го пророка Захаріи, и еще приспѣ памят сродника его ст҃го кн҃зя Глѣба Владимеровича, и приѣхаша два от страж его, Петръ Горьскіи да Карпъ Олексин и приведоша ꙗзык нарочит, ꙗж от велмож цр҃вых. Тои ж ꙗзык поведает великомоу кн҃зю, ꙗко цр҃ь оуж на Коузминѣ гати, но не спешит того ради, ожидает Ꙗгаила литовского и Олга Рязанского, твоего ж цр҃ь собраніа не вѣдает. По прежписанному Ꙗгаиловоу совѣту на третии дн҃ь имат быти на Дону. Кнꙗз же великіи спроси его о силе его, он же реч҃: неисчетное множество, исчести нѣкомоу.

Кнꙗз же великі нача думати з братом своим со кн҃зем Володимером Ондрѣевичем [2]) и с новонареченною братею, со кн҃зи литовскими: здѣ ли нам ждати Мамаꙗ или итти за Дон. И рекоша емоу Олгердовичи: аще ли, гн҃е, хощеши крѣпкаго воиска, то сего дни повели возитися за Дон, да не боудет ни единаго мыслящего назад, да всяк бьется без лс҃ти, а велицеи силе его не вѣроуи, ꙗкож не в силе Бг҃ъ, но в правдѣ, Ꙗрослав бо перевезеся

1) таковое чюдо слышав. 2) Ондрѣевичем — *нѣтъ*.

рекоу [1]), Сѣтополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣиского победи, а ты Бга нарек, також сотвори: аще побьем поганых, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смрть оумрем ото кнзя и до простых людеи, тѣм бо словесем крепится великое воиско твоих витязеи. — Кнзъ же великіи Дмитреи Иванович повелѣ оуспѣшно возитися всему воиску [2]) за Дон.

Стражее ж оускоряют, ꙗко татарове ближают, оужасно во ꙗрости. Возрадовашас радостию великою, зря своего желаннаго подвига, его ж на Роуси вожделѣша за многи дни. Пріидоша ж на мѣсто то волци, по вся дни воюще непрестанно, гроза велика. Полком же храбрым срдце оутвержается. Оуж вранове необычно слетошася, не оумолкают, галицы своею рѣчю говорят, орли ж мнози оусть Дону налетѣша и ту клегчюще [3]), ждоуще дни грознаго и Богом изволеннаго, в онже [4]) дн имоут стертися множствоу трупоу члчю и крови их пролитися. От таковыꙗ стрсти [5]), аки морским водам, от великиꙗ грозы древа преклоняются, трава постилается.

Мнози бо наполнишася дха храбра [6]), оуж [7]) земнаго не помышляюще ничтож, но видяще кождо пред очима, оуж бо поганіи стоудом помрачаются, видяще погибел живота своего, понеж погибе памят их с шюмом. Правовѣрніи ж члци просщаются, радующеся, чающе оного обетованіа и прекрасных венецъ от роуки Вседержителя [8]), о них же поведа прпдобныи Сергеи старец.

Вѣстницы ж оускоряют, ꙗко црь ближает. Прибегоша ж з стражеи в ѕ час дни, Семен Мелик со дроужиною своею, а за ним гонишас много татар, мало его не оугониша. Оуж бо оузрѣша полки роусскиꙗ и возратишася ко црю и поведаша ему, ꙗко кнзи роусскиꙗ ополчишася при Дону, бжим промы-

1) *в ркп.* рекоу *дважды.* 2) всему войску возитис. 3) вранове ж и галици своею рѣчью говорят, не оумолкают орли ж мнози с оусть Доноу слѣтѣшясь, клегчют. 4) *приб.*: дн. 5) смерти. 6) ратна. 7) бо. 8) *приб.*: Бога.

слом многое множство людеи, но цр҃ю вчетверо того сказаша. Нечѧстивыи ж цр҃ь разумѣв и разжен [1]) діаволом на свою пагоубоу, крикнув и напрасно испусти глас свои и реч҃: сел҃ велика сила моѧ, аще сего не одолѣю, како возращоуся во своѧси. И повелѣ цр҃ь своим вооружатися. Семен же Мелик поведает великому кн҃зю, ѧко цр҃ь на Гоусине броду, едина нощь промеж нами [2]) их, оутре боудут на Непрядву реку. Тебѣ ж подобает великому кн҃зю сего дни исполчитися, оутре бо на нас оускорят татарове.

Нача ж кнѧз великіи з братом своим и с литовскими кн҃зи до s҃ чс҃у полки оуряжати. Нѣкто ж воевода приѣде с литовскими кн҃зи, имянем Дмитреи Бобров, родом земли волынские, нарочит бѣ воевода и полководецъ и изряден во всем по ряду. Сих велми по достоѧнию оуставил полки, елико комуждо подобает гдѣ стоѧти.

Кнѧз же великіи поим брата своего кн҃зя Володимера и литовские кн҃зи и всѣ кн҃зи и воеводы и выехаша на мѣсто высоко и видѣв образ Сп҃совъ воображен во хр҃стьѧнских знаменіих, аки нѣкиѧ светилницы сл҃ничныѧ, луча испоущающе и всюдѣ светящеся, озаряюще все хр҃столюбивое воинство, и стязи ревоут наволоченыѧ, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотят промолвити, а оу богатыреи горугови [3]), аки живи пашутся, доспѣхи ж роусскиѧ, аки вода силнаѧ во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главах их, аки оутреняѧ заря во время солнца ведренаго светящеся, еловци ж шеломов их, аки поломя огняное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое роусских кн҃зеи собрание и оудалых витязеи оучреженіе. И тако в себѣ равно единодш҃но дроуг за дроуга хотяще оумрети, и вси единогласно вопиѧхоу: Бж҃е ст҃ыи, призри на ны, дароуи нш҃ему православномоу великому кн҃зю побѣду на поганых, ѧко и Констянтину покори врази под нозѣ его, ѧкож Моисѣю на Амалика и кроткому Двд҃оу на Голиѧда. И [4]) оуви-

1) бысть. 2) *вставл.* — і. 3) хоругови. 4) иж.

рекоу [1]), Сѣтополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣиского победи, а ты Бга нарек, також сотвори: аще побьем поганых, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смрътью оумрем ото кнзя и до простых людеи, тѣм бо словесем крепится великое воиско твоих витязеи. — Кнзъ же великіи Дмитреи Иванович повелѣ оуспѣшно возитися всему воиску [2]) за Дон.

Стражее ж оускоряют, ꙗко татарове ближают, оужасно во ꙗрости. Возрадовашас радостию великою, зря своего желаннаго подвига, его ж на Роуси вожделѣша за многи дни. Пріидоша ж на мѣсто то волци, по вся дни воюще непрестанно, гроза велика. Полком же храбрым срдце оутвержается. Оуж вранове необычно слетошася, не оумолкают, галицы своею рѣчю говорят, орли ж мнози оусть Дону налетѣша и ту клегчюще [3]), ждоуще дни грознаго и Богом изволеннаго, в онже [4]) дн имоут стертися множствоу трупоу члчю и крови их пролитися. От таковыꙗ стрсти [5]), аки морским водам, от великиꙗ грозы древа преклаияются, трава постилается.

Мнози бо наполнишася дха храбра [6]), оуж [7]) земнаго не помышляюще ничтож, но видяще кождо пред очима, оуж бо поганіи стоудом помрачаются, видяще погибел живота своего, понеж погибе памят их с шюмом. Правовърніи ж члци просщаются, радующеся, чающе оного обетованіа и прекрасных венецъ от роуки Вседержителя [8]), о них же поведа прпдобныи Сергеи старец.

Вѣстницы ж оускоряют, ꙗко црь ближает. Прибегоша ж з стражеи в ѕ час дни, Семен Мелик со дроужиною своею, а за ним гонишас много татар, мало его не оугониша. Оуж бо оузрѣша полки роусскиꙗ и возратишася ко црю и поведаша ему, ꙗко кнзи роусскиꙗ ополчишася при Дону, бжим промы-

1) *в ркп.* рекоу *дважды.* 2) всему войску возитис. 3) вранове ж и галици своею рѣчью говорят, не оумолкают орли ж мнози с оусть Доноу слѣтѣшясь, клегчют. 4) *приб.*: дн. 5) смерти. 6) ратиа. 7) бо. 8) *приб.*: Бога.

слом многое множство людеи, но цр҃ю вчетверо того сказаша. Нечѣстивыи ж цр҃ь разумѣв и разжен[1]) діаволом на свою пагоубоу, крикнув и напрасно испусти глас свои и реч҃: сел҃ велика сила моꙗ, аще сего не одолѣю, како возращоуся во своꙗси. И повелѣ цр҃ь своим вооружатися. Семен же Мелик поведает великому кн҃зю, ꙗко цр҃ь на Гоусине броду, едина нощь промеж нами[2]) их, оутре боудут на Непрядву реку. Тебѣ ж подобает великому кн҃зю сего дни исполчитися, оутре бо на нас оускорят татарове.

Нача ж кнꙗз великіи з братом своим и с литовскими кн҃зи до ѕ҃ чс҃у полки оуряжати. Нѣкто ж воевода приѣде с литовскими кн҃зи, имянем Дмитреи Бобров, родом земли волынские, нарочит бѣ воевода и полководецъ и изряден во всем по ряду. Сих велми по достоꙗнию оуставил полки, елико комуждо подобает гдѣ стоꙗти.

Кнꙗз же великіи поим брата своего кн҃зя Володимера и литовские кн҃зи и всѣ кн҃зи и воеводы и выехаша на мѣсто высоко и видѣв образ Спсовъ воображен во хр҃стьꙗнских знаменіих, аки нѣкиꙗ светилницы слн҃чныꙗ, луча испоущающе и всюдѣ светящеся, озаряюще все хр҃столюбивое воинство, и стязи ревоут наволоченыꙗ, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотят промолвити, а оу богатыреи горугови[3]), аки живи пашутся, доспѣхи ж роусскиꙗ, аки вода силнаꙗ во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главах их, аки оутреняꙗ заря во время солнца ведренаго светящеся, еловци ж шеломов их, аки поломя огняное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое роусских кн҃зеи собрание и оудалых витязеи оучреженіе. И тако в себѣ равно единодш҃но дроуг за дроуга хотяще оумрети, и вси единогласно вопиꙗхоу: Бж҃е ст҃ыи, призри на ны, дароуи нш҃ему православномоу великому кн҃зю побѣду на поганых, ꙗко и Констянтину покори врази под нозѣ его, ꙗкож Моисѣю на Амалика и кроткому Дв҃доу на Голиꙗда. И[4]) оуви-

1) бысть. 2) *встав.* — і. 3) хоругови. 4) иж.

дѣвше кнзи литовскиѧ и ркоуще: ни ѥ̂ достоино при нас и преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому воискоу [1]), мужеством же подобни Гедеоновым снузницы [2]), Гъ Бъ своею силою вооружил их.

Кнѧз же великіи видѣв полцы свои, велми оучрежены достоино, и сшед с коня долов [3]) и пад на колѣну прямо великому полку черному [4]) знамени, на нем же бѣ образ Влдкы Га нш̃его Іс̃ъ Ха̃, из глоубины ср̃дца нача призывати велегл̃сно: О Вл̃дко вседержителю, виждь смотреливым си [5]) оком на люди своѧ, иж твоею рукою сотворени соут и твоею кровию искуплени из работы вражиѧ. Внуши, Г̃и, глас мл̃твы их и отоврати лице свое от нечт̃ивых [6]), иж творят зло рабом твоим. Молю бо ся образоу твоему ст̃моу и прч̃тои твоеи М̃ри и твердомоу и необоримому мл̃твенику о нас тебѣ, роусскому ст̃лю (Петру), на его мл̃твоу надѣюся, смѣю призывати имя твое ст̃ое. Кнѧз же великіи всѣд на кон свои и нача по полком ѣздити со кнзи и с воеводами и коемуждо полку реч̃ своими оусты: Братіа моѧ милаѧ, сн̃ве роусскиѧ, молыдые и великие [7]), оуж [8]) нощь приспѣ, а дн̃ь приближися грозныи. Бдите и молитес и крепитеся: Гъ силен во бранѣх. И здѣ пребоудем, кождо на мѣсте своем, во оутріи ж дн̃ь поспешите, братиѧ, надобет оурядитис̃: оу ж бо гости нш̃и ближают [9]) на рецѣ на Непрядве, во оутріи ж дн̃ь имам [10]) вси пити общоую чашу см̃ртную поведеную, тое бо есмя чаши еще на Роуси жадали за многи дн̃и, но оуповаите на Бг̃а жива. Мир вам, братиѧ. — Отпоусти ж брата своего кнзя Володимера Ондрѣевича вверхъ по Дону, в дубровоу, ꙗко оутаитися полку его, и дав емоу своего двора избранных витязеи и еще отпоусти с ним извѣстного воеводоу [11]) Дмитреѧ Волынца.

Оуж нощь приспѣ светоноснаго праздника Рожс̃тва ст̃ыѧ Бц̃а. Дни же одолжившоус̃ и сиѧющу, бы̃ же тогды теплота и

---

1) воинству. 2) Гедеоновым снузником. 3) долов — *нѣтъ*. 4) *въ ркп.* «черному» *дважды*. 5) си — *нѣтъ*. 6) и отоврати — нечт̃ивых — *нѣтъ*. 7) старіи и младіи. 8) бо. 9) близко соуть. 10) имамы. 11) *въ ркп.* «воевоеводоу».

тихость в нощи той, и мрачныꙗ росы ꙗвишас҃. По истинне: нощь несветла невѣрным, а вѣрным же просвещена есть. И реч҃ Дмитреи Волынець великому кн҃зю: «Повѣм тебѣ, кн҃же, примѣтоу свою искусноую». Оуж бо долго нощи вечерняꙗ заря потоухла. Кнꙗз же велики Дмитреи Иванович, поим с собою брата своего кн҃зя Володимера и литовские кн҃зи едины, и выехаша на поле Куликово, и став посреди обоих полков и обратися на полкъ татарскои, и слыша стоук велик и клич, аки торги снимаются [1]), аки гради зижоуще [2]), аки троубы гласяще, и бь҃ назади [3]) их грозно [4]) волци воюще велми. По деснои ж стране ворони кличют, и бы҃ глас велик птич, вранове ж играют по рецѣ тои, аки горы колыбашеся [5]), по рецѣ тои [6]) по Непрядве гоуси и лебеди непрестанно [7]) крылы плещуще, необычную грозоу подают. И реч҃ Волынец великому кн҃зю: «слышасте ли сіа». И ркуще ему кнꙗз великіи [8]): «слышим, брате, гроза велика» [9]). И реч҃ Волынец: «призываю [10]), кн҃же, обратитеся на полкъ роусскіи». И бы҃ тихость [11]) велика. И реч҃ великому кн҃зю: «что слышасте, гн҃е». Он же реч҃: [12]) «ничто ж, токмо видѣхом огневи многи и зари мнози [13]) снимахоуся». Реч҃ же Волынецъ: «оставите, кн҃же гн҃е [14]), добра знаменіа [15]), призываите Бг҃а, не оскоудѣи [16]) вѣрою». И паки реч҃: «аще ми вѣра есть». И сниде с коня и пад на десное оухо и приниче на землю и предлежа на долгъ час, и воста и абие пониче. И реч҃ емоу кн҃ꙗз великіи Дмитреи Иванович: «что есть, брате». Он же не хотѣ сказати. Кн҃ꙗз же великіи много ноудив его. Он же реч҃: «едина ти есть на ползу, а дроугаꙗ не на ползу: слышах землю плачющоуся на двое: едина страна, аки жена нѣкаꙗ вдовица, а другаꙗ страна, аки нѣкаꙗ дв҃ца, аки свирѣл просопе плачевным гл҃сом. Аз же много тѣх примѣт пытах, и сего ради надѣюся о Бз҃ѣ ст҃ѣм и ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба,

---

1) снемлются 2) аки торги — зижоуще *поставлено послѣ*: аки троубы гласяще. 3) и позади. 4) гроза велика. 5) колѣбахуся. 6) тои — *нѣтъ*. 7) непрестанно — *нѣтъ*. 8) И рѣшя ему великіе князи. 9) *приб.*: есть. 10) *приб.*: вас. 11) тишина. 12) Они ж рѣшя. 13) видѣхом зари огнени мнози снимахуся. 14) оставите гн҃е — *нѣтъ*. 15) *приб.*: сут. 16) оскудѣвайте.

сродники вашими, аз чаю побѣды на поганых, а нш҃их много падет». Кнѧз же великіи то слышав и прослезися и реч҃: «боудет гн҃е [1]) побѣда». И реч҃ Волынець: «не подобает сего гд҃рю в полцѣх поведати никомоуж, но токмо Бг҃а мл҃ити и ст҃ых его призывати». И рано оутре начаша на кони своѧ садитися, и повелѣ всякому кр҃стом огражатися, то бо есть побѣда на поганых.

В тоу ж нощь нѣхто моуж, имянем Ѳома Хабычѣев, разбоиник, поставлен сторожем от великого кн҃зя на рецѣ (на Непрядве) на Чюдо на [2]) Михаилово крѣпкою сторожою от поганых. Сего ж оуверяѧ Бг҃ъ и откры емоу видѣніе в нощь сію: И видѣ на высоте облак изряден пріиде от востока, велик зело, и от полоудненыѧ страны пріидоша двѣ оуноши свѣтлы зело, имоуще в руках своих по мечю остру и ркоуще полковником татарским: кто вы повелѣ требити (сирѣчь разаряти) отч҃ество нш҃е, нам дарова Гь҃ стрещи его, начнем сещи их, то ни един от них не избыс҃. И оттолѣ чл҃къ тои вѣрен бы҃ и целомд҃ръ. И наоутріа поведа великому кн҃зю единому. Он же гл҃а емоу: не гл҃и сего никомоу ж. Сам же востав и воздѣв роуцѣ на н҃бо и нача плакатися и гл҃ти: Ги҃ Вл҃дко чл҃колюбче, мл҃твами ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба, помози ми, ꙗко Моисѣю на Амалика и прадедоу нш҃ему великому кн҃зю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша и разорив его от҃чество. Но посли на ны мл҃ть свою и просвети нас благооутробным своим мл҃рдіем, не предаи ж нас раб своих на смѣх поганым, да не порадоуются врази нш҃и и да не ркут в странах своих: гдѣ есть Бг҃ъ их, на него ж оуповаша. Помози, Ги҃, православному хр҃стьꙗнствоу, иж имяноуют имя твое ст҃ое.

Приспѣ ж праздникъ сентября и҃, начало сп҃сеніа нш҃его Рож҃ствоу ст҃еи Бц҃и, свитающоу пяткоу, восходящу сл҃нцу. И бы҃ оутра [3]) (того велика) мгла, и начаша стязи хр҃стьꙗнстіи простиратися, и троубы мнози трубити. Оуж бо роусских кн҃зеи и воевод и всѣх оудалых людеи кони оукротѣша, глас же троубныи,

1) брате. 2) на — *нѣтъ*. 3) оутра того.

кождо под своим знаменем, полци ж идоша, елико как комоу повелѣша по нооученію.

Чсо̀у ж второму наставшоу, начаша троубити ото обоих стран, татарские ж троубы ѩко онемѣша, а роусские полки оутвердишас̀. Еще полк с полком не видитца, понеж бо оутро велми мгляно [1]), и земля под ними стонет, грозоу подает, на восток до моря, а назад до Доунаꙗ, поле прегибающеся, кровавые реки выступающе из мѣст тѣх.

Великомоу ж кн̀зю преседающе на борзыи кон и ездящоу по полком, гл̀ющу: Отци и братиꙗ мои, Га̀ ради подвизаитес̀, ст̀ых ради цр̀квеи и вѣ(ры) ради хр̀стьꙗнскиꙗ, сиꙗ бо см̀рть не см̀рть есть, но живот вѣчныи, ничто ж оубо земнаго не помышляите и не желаите, брате, земнаго живота, но да венцы оувяземся от Хса̀ Бг̀а дш̀ам нашим.

Оутвердив же полки роусскиꙗ и сиде с того коня на инои кон и совлече с себя приволоку цр̀ьскую и в ыную облечеся. Тои ж кон дас̀ под Михаила под Ондрѣевича под Бренка [2]) и тоу приволокоу на него положи, иж бѣ любим паче мѣры, и то знаменіе повелѣ под ним возити. И под тѣм знаменем оубиен бы̀ за великого кн̀зя.

Кнꙗз же великіи став и воздѣв роуцѣ свои на н̀бо и вложи в недра своꙗ, выим кр̀стъ живоносныи, на нем же бѣ воображение стр̀сти Гн̀и, в нем же бѣ древо животное, восплакася горко и реч̀: На тебе ж надѣюся конечное, живоносное древо, кр̀стъ Гн̀ь, иж сим образом ꙗвися цр̀ю Констянтиноу греческому и дал еси емоу бран сущоу [3]) на нечт̀ивых и неоскудным образом победи их [4]), и не могоут [5]) обрѣзанніи чл̀ци противоу образа твоего стоꙗти, и тако оудиви Гъ̀ м̀лть свою на рабѣ своем.

Се ж емоу гл̀ющу, в то ж время привезоша емоу книги от пр̀подобнаго игумена Сергеꙗ, в них же бѣ написано великому кн̀зю и всѣм роусским кн̀зем мир и бл̀веніе и всемоу православ-

---

1) мгляно велми. 2) под Бренка — *нѣтъ*. 3) ему побѣду. 4) и не оскудным — их — *нѣтъ*. 5) *приб.*: бо.

ному воиску. Кнѧз же великіи от пр҃подобнаго приим писаніе и прочет и целова посолника его любезно, тѣм же писанием, аки бронями нѣкими, вооружився твердо. Еще ж дастъ ему от старца (Сергия) дар — посланныи хлѣбецъ пр҃чтые Бг҃омт҃ри. Кнѧз же великіи сьѣд хлѣбец ст҃ыѧ Тро҃ца[1]): пр҃стаѧ Гж҃е Бц҃е, помогаи нам мл҃твами твоего[2]) игоумена Сергеѧ.

И приим кон свои и взем палицу свою желѣзную и подвижеся ис полку вонъ и восхотѣ преж сам[3]) почати[4]) от горе(сти) дша за свою обиду. Мнози ж кн҃зи роусскиѧ[5]) и воеводы и богатыри оудержаша его и возбраниша ему: «не подобает тебѣ, гсд҃рю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стоѧти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам ѧвитис҃. Егда спасет тебя Гь҃ великого гсд҃ря и кому случитца смерть или живот, и ты почемоу разоумѣеш, кого как чтити и кого как жаловати, мы ж вси готовы есмя головы своѧ[6]) положити за тебя за ласкова гсд҃ря, а тобѣ подобает памят творити и в книгах писати, памяти дѣля роусских сн҃овъ, иже по нас боудут, ѧко ж иногда Леонтеи Ѳеодору Тирону памят сотворити. Аще ли тебе единаго изгоубим, то[7]) которыи оуспѣх боудет нам, и боудем, ѧко стада овчие, не имоущи пастоуха, оучнем скитатися по поустыням, и пришед волцы расхитят ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, гсд҃рю, подобает спс҃ти себе и нас». Кнѧз же великіи прослезився и реч҃: «братиѧ моѧ милаѧ, добры ваши рѣчи и не могоу отвещати противоу вас. Извѣстно бо гл҃ете, но пач҃ спѣите, токмо похваляю вас, вы бо есте блж҃нии раби, но паче вѣсте и разоумѣите мч҃ние ст҃го мч҃нка Ареѳы: егда мч҃нъ бы҃ цр҃мъ амиритским и Доунасом жидовином и, по многих моуках, повелѣ его цр҃ь оусекнути, и крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единооумно вси главы своѧ под меч кланяхоу, видяхоу конец живота своего. И един нѣкоторыи воевода возбрани своему воиску, и реч҃: вѣдаете, брате, не аз ли

1) *приб.*: и рече. 2) *приб.*: оугодника. 3) сам преже. 4) начати. 5) роусскиѧ — *нѣтъ*. 6) своѧ — *нѣтъ*. 7) *приб.*: от кого памяти чаем.

оу земнаго цр҃я на пиру преж вас чароу пріимах, а нн҃е також хощу преж вас хс҃ву чашу пити и преж вас оумрети и венець от роукы хс҃вы приняти. И пристоупив воин главоу ему отсече и последи ф҃ воин оусечени быша. И нн҃ѣ, братие, кто есть болѣ мене в роусских сн҃ех, но аз вам глава, а мнѣ Бъ҃ глава, вся бо от Г҃а бл҃гаѥ приѥхом, а злых ли не хощем терпѣти, на мя бо единого вся си вздвигошася, и вижоу вас побиваемых, а к тому прочее не терплю, да общую чашоу имам с вами пити и общею см҃ртію имам оумрети с вами вмѣсте.

Полци ж начаша сстоупатися. А передовои полкъ ведет Дмитреи Всеволож да Володимеръ, брат его, а с правоую рукоу идет Микула Василевич с коломенцы и с ыными со многими. Погании ж идоут обапол, нѣгде бо им разступитися: поганых много, а мѣста с них нѣт. Безбожныи ж цр҃ь выехав с трема с темными кн҃зи на мѣсто [1]) высоко, зря чл҃ческаго кровопролитиѥ: оуж бо близ себе сходятся.

Выеде ж печенег ис полку татарского, пред всем моужством ѥвляѥся и хоробруѥ, подобен есть древнему Голиѧдоу. Видѣв же его Пересвѣт чернец, любчанин родом, иж бѣ в полку оу Владимера у Всеволожа, и двигся ис полку вон и реч҃: «сіи чл҃къ ищет себѣ подобна [2]), аз же хощу с ним видетися». И бѣ на нем шелом архаагг҃льского образа, вооружен бѣ скимою по повелению игоумена Сергеѥ. И реч҃: «отци и братиѥ моѥ. простите мя грѣшнаго, и брат мои Ослебя, моли Б҃га за мя». И напоусти на печенѣга того и реч҃: «игоумен Сергеи, помози мл҃твою своею». Он же паки [3]) оустремися противоу ему. Крс҃тыяне ж вси воскликнуша: Г҃и, помози рабоу своему. И оударишас҃ крѣпко, мало что земля под ними не проторжес҃. И спадоша с конеи оба [4]) на землю и оумроша, ни един ни от единаго не отиде.

И наставшоу третему чс҃оу дни. Видѣв же се кн҃ѧз великіи и реч҃: «видите, братиѥ, гости нш҃и ближают нас, водят промеж

---

1) шоломя. 2) подобна себѣ. 3) *в ркп.* «паки» *дважды* 4) оба с коней.

собою поведеную, весели оуж быша». И реч: «братиа роусскиа оудалцы, время приближися, а час прiиде». Оудариша ж кождо по коню своему и кликнув: Бже хрстыански, помози нам. И ступишася обои вои и крѣпко бьющеся не токмо ороужем, но и сами о собя избивахоуся друг о друга, под конскими ногами оумирахоу, от великие тесноты задыхахоус, яко не мощно бѣ им вместитися на поле Куликове: еще бо мѣсто тѣсно меж Доном и Непрядвою. На том бо поле сстоупишася силнiи полци вмѣсто, из них же выступаша крававые зари, от мечнаго сiанiа, яко молнiа блистают. И бы троскот от копеинаго ломленiа и от мечнаго сеченiа, не мочно бѣ зрѣти грознаго чса смртнаго: во едини час, в мегновенiи ока от колка тысяч погибает созданiа бжiа. Воля бжiа совершается.

Час же д и е бьются, не ослабѣют хрстыане. Оу ж бо s-му чсу наставшоу, бжiим попущением и грѣх ради наших начаша поганiи одолевати, мнози ж велможи избиени бы от поганых, оудалыа ж витязи, яко древо доубравное скланяхоуся на землю, под конские копыта, мнози сiве роусскиа сотрошас. Самого ж великого кнзя оуязвиша, он же оуклонився от воиска и сниде с коня ис побоища, яко не мощно ему битися. Мнози бо стязи [1]) великого кнзя подсекоша татарове, но бжьею силою не требишас, но пач оукрепишася.

Се ж слышахом от вѣрнаго самовидца, глща, сеи ж бѣ от полку кнзя Володимера Ондрѣевича. Поведа великому кнзю видѣнiе в s годину дни: над вами нбо отверсто, из него ж изыде багряна заря и над вами ниско дръжашес. Тои ж облак исполнен роук чческых, кождо рука держаше венцы, ова потыри [2]), ова проповеди прроческиа, а из ыныа ж, аки нѣкиа иныа дарове различныа. Внегда ж наставшу s-му чсоу, мнози венци испустишася на роусскиа полки. А поганiи ж отвсюду заидоша, оступиша около хрстыан, занеж оскоудѣша хрстыане, но все поганыа полки.

---

1) *въ ркп.* «бо стязи» *дважды.* 2) потиры.

Кнѧз же Володимер Ондрѣевич не моги побѣды терпѣти и рец҃ Дмитрею Волынцю: «Беда, брате, велика, что оубо ползует нн҃ше стоѧніе, тож на смѣх боудет нам, да комоу боудет нам помощи». И рец҃ смоу Дмитреи: «Беда, кнѧже, велика, не оуж година нн҃а пришла: всяк бо начинаѧ без времени, беду себѣ наносит. Мало еще потерпим до времени подобнаго и оумолчим, в онже имам дати воздаріе врагом нн҃им: в сии час Бг҃а призываите, осмаго чс҃а ждите, в онже имат быти бл҃годат бжи҃ѧ». Воздвиг роуцѣ свои на нб҃о и рец҃: Гн҃ Бж҃е, отц҃ъ наших, сотворивыи нб҃о и землю, не даи ж нас поработити [1]) врагом нашим, ни порадоватися врагоу діаволоу, но мало показни, а много помилоуи». Бѣдно зрѣти дѣтем боѧрским своего полку оубиваема, плачющуся и непрестанно рвоущеся, аки соколы, аки званніи на брак сладкаго вина пити. Волынец же возбраняше им, гл҃ѧ: «Пождите мало, еще есть бо вам с кѣм оутѣшитися». И приспѣ ж час осмыи, и абие дх҃ъ южны потягноу ззади их. Возопи [2]) Волынець гл҃сом великим кн҃зю Володимероу: «час пріиде, а время приближися». И паки рец҃: «братіа моѧ и дроузи, дерзаите: сила бо ст҃го Дх҃а помогает нам». И единомыслено из дубравы выехаша, ѧко оуношенныѧ соколы, и оударишася на многи стада гоусиныѧ, и стязи крѣпко направлены грозным воеводою. Бяше ж отроци [3]), аки лвом и оударишас҃ на овчиѧ стада.

Поганіи ж, видѣвше и крикноувше, гл҃ще: Оувы нам, паки Роус оум҃дриша, оунши люди с нами брашася, а добліи всѣ соблюдошас҃. И обратишася поганіи и даша плеща и побегоша [4]). Снв҃е же роусскіа силою ст҃го Дх҃а быѧхоут их, помощию ст҃ых мч҃никъ Бориса и Глѣба. Бежаша ж татарове и гл҃ще ельинскии: Оувы тобѣ, ч҃тныи Момаю, высоко вознесеся до нб҃съ и до ада сшел еси. — Мнози ж мр҃твыѧ помогахоу нам, и секуще без мл҃ти, ни единому от них не избежати, но оуж кони их оутомилис.

Мамаи ж, видѣв побѣдоу свою, и нача призывати бг҃и своѧ:

---

1) поработати. 2) Восни. 3) *прим.*: им же сердца. 4) побежаша.

Пероуна и Соловата, и Мокоша, и Раклѣя, и Гоурса, и великаго пособника Бахметя [1]), и не бы емоу помощи от них ничтож: сила бо стго Дха, аки огнем пожигает их, татарские полки роусскими мечи секоут. Момаи ж, видѣв побѣду свою и рч своим оулусом: Побѣгнем, брате, и ничто ж добра не имам, но [2]) токмо головы оунесем свои [3]). И [4]) абие побеже с четырма моужи. Мнози ж хрстьяне за ним гонишася, но не одолѣша: кони бо их потомишася, и гонивше возратишася. И [5]) обретоша троупиа мртвых обонпол реки Непрядвы, идѣ ж бѣ непроходно полком роусским: сиа оубо побѣда есть от стых мнкъ Бориса и Глѣба, о них же провидѣ Ѳома разбоиник, егда стоял на стороже. Нѣции ж всѣх догониша и возращахоуся, кождо под свое знамя.

Кнзь же Володимеръ Ондрѣевич, ста на костех татарских под черным знамянем, и не обрете брата своего великого кнзя Дмитреа Ивановича в полку, токмо едины кнзи литовские. И повелѣ трубити собранною трубою и пожда час не обрете брата своего великого кнзя, нача плакатис и кричати и по полком ѣздити и не обрете брата своего. И гла: «Братиа моа, кто видѣ или кто слыша своего пастыря, то перво поражен пастыр и овца разыдоутся». И рекоша кнзи литовскиа: «Мы мним, яко жив есть, но оуязвен велми: егда в трупе мртвых боудет». А инои рч: «аз пятого чсоу видѣх его крѣпко бьющеся с четырма татарины, но ноужно бѣ ему велми». Юревскои ж оуноша, нѣкто Степан Новосилскои: «Аз видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша идоуща с побоища, но оуязвленна велми, того бо дѣля не дах ему коня, гоним есми трема татарины: по мнти бжии едва от них спсохся, а его есми соблюл». И рч кнзь Володимер Ондрѣевич: «Да извѣстно ли еси видел его. Имите ми, брате, вѣру: аще кто обрящет брата моего, то по истинне болѣ [6]) оу нас боудет».

---

1) Махмета. 2) но — *нъмъ*. 3) свои головы оунесем. 4) И — *нъмъ*. 5) болій.

Рачителніи ж отроци разсунушася по побоищоу по великому. Овіи ж наѣхаша Михаила Александровича Бренка и чаꙗша его великим кнꙁем. Иніи ж наѣхаша кнꙁя Ѳедора Семеновича Белозерского и[1]) чаꙗше его великим кнꙁем, занеж приличен бяше.

Нѣкіи ж воини, великіи витязи оуклонишася на десноую страноу в дубраву, единому имя Сабоур, а другому Григореи Холопищев, родом же оба костромичи. И мало выехаша с побоища, наѣхаша великого кнꙁя бита велми и отдыхающа под древом березою, и видѣвше его и скочиша с конеи и поклонишас емоу. Сабоур же скоро возратися ко кнꙁю Володимероу Ондрѣевичю и поведа ему, ꙗко кнꙗз великіи добръ здров и цр҃ствоует в вѣки.

Вси ж кнꙁи и воеводы наѣхавше скоро, снидоша с конеи и поклонишася емоу гл҃юще: «Радоуися, о вседрагии наш кнѧже, вторыи Александръ и Ꙗрослав, новыи побѣдител врагом нашим. Сиꙗ побѣда чт҃ь тебѣ, нш҃ему гд҃рю подобает». Кнꙗз же великіи едва с ноужею прогл҃а: «Поведаите ми побѣдоу сию». Реч҃ же ему кнꙗз Володимеръ Ондрѣевич: «По мл҃ти бж҃ии и пр҃чтои его Мт҃ри и мл҃твами сродник наших Бориса и Глѣба и Петра московского[2]) ст҃ля и игоумена Сергеꙗ и всѣх стых мл҃твами врази нш҃и побеждени соут, а мы спасохомся». Кнꙗз же великіи то слышав, воста и реч҃: «Сіи дн҃ь, иж сотвори Гь҃, возрадоуемся и возвеселимся вон, сии дн҃ь веселитеся, людие». И реч҃: Велии҃ Г наш и чюдна дѣла твоꙗ, ни едино ж есть слово доволно к похвалению чюдес твоих, вечеръ водворится плач, а заоутра радость». И реч҃: «Хвалю тя, Г҃и Бж҃е мои, и почитаю имя твое ст҃ое, ꙗко не дал еси нас в поруганіе врагом нашим и не дал еси нас в похвалу иному ꙗзыку, иж нам оумыслиша и над ними збышася». И реч҃: «Суди, Г҃и, по правде моеи, да скончается злоба грѣшных, аз же в вѣки оуповаю на тя».

И приведоша ему кон кроток и всед на него, выеха на

1) они. 2) *въ ркп.* «московскоского».

побоище. И видѣ многое множство битых воиско свое, а поганых вчетверо того избито [1]). И обратися къ Дмитрею Волынцоу и рѣ҃: «воистинноу многоразумен еси чл҃къ, и неложна примѣта твоя, подобает ти всегда воеводствовати». И нача з братом своим и со оставшими кн҃зи ѣздити по побоищоу, радостныя слезы испоущающе. И наѣхаша мѣсто, на нем же лежит ѣ҃ кн҃зеи белозерских, оубитых вкоупе, толми напрасно бьющес, един единаго ради оумре. И близ ту лежит оубит Микула Васильевич [2]). Над ними ж став гд҃рь, над любезными рабы своими, нача плакатися и рѣ҃: «Братиа моя милаа, кн҃зи роусскиа, аще есте дерзновеніе получили от Бга и молитеся о нас, вѣм бо, ꙗко слоушает вас Бг҃ъ». И паки на иное мѣсто приѣхал, и наѣхал любовника своего Михаила Ондрѣевича Бренка и близ его лежит Семен Мелик, твердыи страж, и близ его лежит Тимоѳѣи Волоусевич. Над ними ж став кнꙗз великіи, плакас [3]) и рѣ҃: «Братіа моя милаа, моего деля образа Михаило оубиен еси [4]): кто бо таков раб моги гд҃рю слоужити, ꙗко мене ради на см҃рть сам поѣхал, воистинноу древнемоу подобился еси Ависоу, иж ис полку Дарева [5]) выехал». И паке рѣ҃ Мелику: «Крѣпки мои стражоу, твоею стражею крѣпко пасомы есмя». Прiинде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта черица и близ его лежаща нарочитаго богатыря Григорыа Капоустина. И рѣ҃ кнꙗз великіи: Братиа, видите ли своего чиноначалника [6]) тои бо победи подобна себѣ, от него ж было пити многим людем горкоую чашу».

И став на мѣсте своем, повелѣ собранною трубою [7]) трубити. Храбрыа ж доволно испыта ороужиа своа о сн҃ы измаилтескиа, со всѣх стран грядоуще, аки соколи слетаются под троубныи глас весели, ликоующе, ови бг҃ородичныа стихи поюще, и мч҃ничны подобныа, ови кр҃стныа.

Собранным же всѣм людем, кнꙗз же великіи ста на костех

1) избитых. 2) Микоула Василевич оубит. 3) плачас. 4) образа оубиенни естя. 5) Дариева. 6) *въ ркп.* «чинононачалника». 7) в собранноую трубу.

татарских и реч҃: «Считаитеся, братиа, колких оу нас воевод нѣтъ и колких молодых людеи». Говорит Михаило Олександрович, московскои боꙗрин: Нѣт, гд҃рь, оу нас м҃ боꙗринов московских, да л҃ боꙗринов серпоховских, да л҃ панов литовских, да кв боꙗринов переславских, да к҃ боꙗринов костромских, да л҃ боꙗринов володимерских, да н҃ боꙗринов соуздалских, да м҃ боꙗринов муромских, да лд боꙗринов ростовских, да кг боꙗринов дмитровских, да ѯ боꙗринов можаиских, да л҃ боꙗринов звенигородцких, да ѣі[1]) боꙗринов оуглецких. А изгибло, гд҃рь, оу нас дроужины, посѣчено от безбожнаго цр҃я Момаꙗ полтретиа ста тысяч, а осталос оу нас толко пятдесят тысяч (поганых же побита четыреста тысящь і лежаща трупия мертвых на четыредесять поприщь от обоих стран).

Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович, ста посреди их, плакас и радоуꙗся, гл҃ше: «Братиа моꙗ милаꙗ, кн҃зи роусские и боꙗре мѣстные, сн҃ве хр҃стьꙗнстии. Подобает вам тако слоужити, а мнѣ вас по достоꙗнію хвалити. Внегда оупасет мя Гъ, боуду на своем столѣ, на великом кн҃женіи, и то по достоꙗнію оучну вас жаловати. Нн҃ѣ ж кождо своꙗ оуправите[2]), да похороним кождо ближнего своего, да не боудет во снѣд свѣрем хр҃стьꙗнскаꙗ телеса». Кнꙗз же великіи стоꙗ за Доном, дондеж разобраша хр҃стьꙗнскаꙗ телеса с нечт҃ивыми, да не истребятся прв҃дныꙗ с нечт҃ивыми. Хрст҃ьꙗн бо похорониша, сколко оуспѣша, а нечт҃ивыꙗ повержени быша звѣрем на снеденіе.

Кнꙗз же велики Дмитреи Иванович возратися оттудоу в богохранимыи град Москвоу, во свою от҃чну с побѣдою великою, одолѣв ратных, победив враги своꙗ, и мнозіи вои его возратишася, ꙗко обретающе корысть многоу.

Поведаша ж великомоу кн҃зю Дмитрею Ивановичю, что кнꙗз Олегъ резански посылал Момаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переметал, а хто поѣдет з Донского побоища сквозѣ его от҃чноу рязанскую землю, и тѣх велѣл имати и

1) м҃. 2) Нн҃ѣ оуправите — *нѣтъ*.

грабити. Кнѣз же великіи Дмитреи Иванович хотѣ противу на кнѣзя Олга послати свою рат. И се внезапоу пріѣхаша к немоу боѣре рязанские и поведаша, что кнѣз Олегъ поверглъ свою землю резанскую, а сам побеже и со кнѣгнею и з детми и з боѣры, и молиша его много о сем, дабы на них рати не послал, а сами ему биша челом и оурядившеся оу него. Великіи ж кнѣз Дмитреи Иванович приим челобите их, рати на них не посла, а на резанском кнѣженіи посади намѣстники своѣ.

Тогда ж Момаи не во мнозе оубежа, и прибежа в землю свою не во мнозе дроужине, видя себя побежена и посрамлена и пороуганна. И паки гнѣвашеся и ѣряся зело и собраша остаточноую свою силу, еще восхотѣ изгоном итти на Роус. И сице емоу оумыслившу, и се пріиде к нему вѣсть, что идет на него нѣкіи цр̃ь со востока, имянем Тактамыш из Синие орды. Мамаи ж оуготова нан̃ рат и с тою ратю готовою поиде противоу ему[1]). И стретошас на Калках, и бы̃ им бои, и цр̃ь Такътамыш победи Момаѣ и прогна его. Мамаевы ж кнзи, сшедше с конеи своих и биша челом цр̃ю Тактамышу, и даша ему пр̃вдоу по своеи вѣре и ѣшася за него, а Мамаѣ оставиша пороуганна. Мамаи ж то видѣв и скоро побежа с своими единомысленники. Цр̃ь же Тактамыш посла за ним в погоню воѣ своѣ. Момаи ж побеже перед тактамышевыми гонители. И прибеж близ города Каѳы и сослася с ними по докончанію и по опасоу, дабы его приняли на избавленіе, дондеж избоудет от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибеже Момаи въ Каѳоу со множеством имѣніа, злата и сребра. Каѳинцы ж свещашася и сотвориша над ним облесть. И тоу от них оубиен бы̃. И тако конец безбожномоу Момаю.

А сам цр̃ь, шед, взя орду момаевоу и[2]) цр̃ци его и казны его, и оулусы всѣ поима, и бг̃атество момаево раздели дроужине своеи, и отпоусти послы на Роус к великому кнѣзю Дмитрею Ивановичю и ко всѣм кнѣзем роусским, поведа им свои приход,

1) его. 2) *въ ркп.* «и» *дважды.*

как сѣл на цр҃ствѣ и победил спорника своего и их врага Момаѧ, а сам седе в Волжьском цр҃ствѣ. Кн҃зи ж роусскиѧ посла его отпустиша с честию и з дары, а сами на весноу ту за ними послаша́ в Ордоу ко цр҃ю коиждо своих киличѣев со многими дары.

посла сн̃а своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своа к нему сице: Въсточному великому и полному цр̃мъ цр̃ю Мамаю радоватися. Твой посаженикъ и присяжникъ Олегъ, кн̃зь резанскый много тя молить. Слышах, гн̃е, ꙗко хощеши итти на русскую землю, на своего служебника кн̃зя Дімитріа Ивановича московъскаго, огрозитися ему хощеши. Нн̃ѣ же, гн̃е всесвѣтлый цр̃ю, приспѣ твое врѣмя, злата и сребра и богатьства много наплъниса земля московскаа и всякого узорочіа твоему цр̃ству на потребу. А кн̃зь Дмитрей московской хр̃тіанъ, егда услышить имя ꙗрости твоеа, то отбѣжить в далніа отокы своа любовно, въ город великый или на Бело озеро илі на Двину, а многое богатьство московское и злато все въ твоих руках будеть и твоему въиску в потребу. Меня ж, раба твоего Олга резанскаго, дръжава твоа пощадить, цр̃ю. Аз бо ти велми устрашаю Рус и кн̃зя Дмитріа. И еще молим тя, цр̃ю, оба раби твои — Олегъ резанскый и Ольгордъ литовскый обиду пріахом велику от того великого кн̃зя Дмитріа Ивановичя, и гдѣ будеть о своей обидѣ — твоимъ имянем цр̃ьскым погрозим ему, онъ ж о том не радить. И еще, гн̃е цр̃ю, град мой Коломну за себя заграбилъ. И о томъ о всем, цр̃ю, жалобу творимъ тебѣ.

А другаго ж посла скоро своего вѣстніка кн̃зь Олегъ резанскыи с своимъ написаниемъ. Написаніе ж таково в грамотах: К великому кн̃зю Олгорду литовьскому радоватися великою радостию. Вѣдомо бо, ꙗко издавна еси мыслилъ на великого кн̃зя Дмитріа Ивановичя московскаго, чтобы его згоніти с Москвы, а самому владѣти Москвою. Нн̃ѣ же, княж, приспѣ врѣмя наше, ꙗко великый цр̃ь Мамай грядеть на него и на землю его. Нн̃ѣ же, кн̃же, мы оба приложимся къ цр̃ю Мамаю, вѣм бо, ꙗко цр̃ь дасть тебѣ град Москву, да и иные грады, которые от твоего кн̃женіа, а мнѣ дасть град Коломну, да Владимерь, да Муромъ, иже от моего кн̃женіа близъ стоꙗть. Азъ ж послах своего посла къ цр̃ю Мамаю с великою честью и съ многыми дары. Еще ж и ты пошли своего посла и каковы имаши дары — и ты пошли

к нему, и грамоты свои списавъ, еліко самъ вѣси, паче мене разумѣеши.

Кнзь же Олгордъ литовскый, слышавъ то, велми рад бысть, за велику похвалу другу своему кнзю Олгу резанскому. И посылаеть скоро посла къ црю Мамаю с великыми дары и съ многою тѣшью црьскою. А пишеть свои грамоты сице: Въсточному великому црю Мамаю князь Олгордъ литовскыи присяжникъ твой много тя молить. Слышах, гне, ꙗко хощеші казнити свой оулусъ, своего служебніка, московскаго князя Дмитріа. И того ради молю тя, волный црю, рабъ твой, ꙗко велику обиду творить кнзь Дмитрей московской оулуснику твоему кнзю Ольгу резанскому, да и мнѣ також велику пакость дѣеть, гне црю волный Мамаю. Да пріидеть дръжава твоего црства нне до наших мѣстъ, да внидеть, црю, твое смотреніе нашеа грубости от московскаго кнзя Дмитріа Ивановичя.

Помышляше ж в себѣ глющи Олегъ резанскый и Волгордъ литовскый, ꙗко егда оуслышить кнзь Дмітрей црвъ приход и ꙗрость его и нашу присягу к нему, тъ отбѣжыть с Москвы в великый Новъград или на Бѣло озеро или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда ж црь пріидеть, и мы его з болшими дары срящем и с великою честію и умолимъ его, и възвратится црь въ свои орды, а мы кнженіе московское црвым велѣніемъ раздѣлим себѣ, ово к Вилнѣ, ово к Резани, и имать нам дати црь Мамай ꙗрлыкы своа и родомъ нашим по насъ. Не вѣдаху бо, что помышляюще и что се глюще, акы несмыслени младые дѣти, невѣдяще бжіа силы и влдчня смотреніа. По истіннѣ бо рече: аще кто к Бгу вѣру з добрыми дѣлы и правду въ срдци дръжыт и на Бга оупованіе възлагаеть, и того члка Гъ не дасть в поношеніе врагом быти и в посмѣх. А о гдрь кнзь великій Дмитреи Ивановичь смиренъ члкъ, и образъ нося смиреномдрим, нбсных желаа и чаа от Бга будущих вѣчных блгъ. Не вѣдый того, что на него съвѣщевають золъ съвѣтъ ближніи его друзи. О таковых бо пророкъ рече: не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копай врагу своему

ѡмы, на Бга творца въскладай. Гь Бгъ можеть живити и мртвити.

Пріидоша ж послы къ црю Мамаю от Волгорда литовскаго и от Олга резанскаго и пренесоша ему многыа дары и написаныа книгы. Црь же, приатъ дары с любовію и книгы и розслушавъ въ грамотах и пословъ чествовавъ, отпусті и написа отписаніе сицева: Волгорду литовскому и Ольгу резанскому. На дарѣх вашіх и за хвалу вашу, что приписаастеся ко мнѣ, елико хощете от мене вотчіны русскые, тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срѣтите мене, елико гдѣ оуспѣете и одолѣите своего недруга. Мнѣ оубо ваша помощь не добрѣ оудобна, ѡ аще бых азъ нѣ хотѣлъ своею силою велікою и азъ бы древній Іерслмъ плѣнилъ, ѡко ж и халдѣи. Ѣ нѣ чсти вашеи хощу, моимъ имянем црьскым и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распуженъ будеть княз Дмитрей московскый, и огрозится имя ваше въ странах вашіх моею грозою. Мнѣ оубо црю достоить побѣдити цря, подобна себѣ, то мнѣ подобаеть и довлѣеть црьскаа чесьть получити. А вы нѣ поидите от меня и рците кнземъ своим глы моя.

Послы ж възъвратившеся от цря къ своим кнземъ и сказаша имъ, ѡко црь Мамай здравить и велми вамъ за хвалу вашу великую добръ глъ глть. Они ж скудни оумом възрадовашас о суетнѣм привѣтѣ безбожнаго цря, а не вѣдуще того, ѡко Бгъ даеть власть, ему ж хощеть. Нѣ же єдіна вѣра, єдіно крщеніе, а къ безбожному пріложишас, вкупѣ гоніти православную вѣру хсву. О таковых бо патерикъ рече: поистінѣ сами отсѣкошяс своеа добрыа масличны и присадишяс к дивіи масличнѣ. Кнзь ж Олегъ резанскыи начатъ поспѣшывати, слати к Мамаеви послы и рече: Подвизайся, црю, скорѣе к Руси. — Глет бо премдрость: путь нечствых не спѣшится, ѣ събирают себѣ досаженіа и поносъ. Нѣ же сего Олга оканнаго новаго Стоплъка нареку.

Слышавъ ж то кнзь великій Дмитрей Ивановичь, ѡко грядеть на него безбожныи црь Мамай съ многыми ордами и съ всѣми силами, неуклонно ѡряся на хрстіанство и на хсву вѣру и ревнуя

безглавному Батыю, кнзь ж великій Дмитріи Ивановичь велми опечалися о безбожных нахожденіи. И ставъ пред стою иконою гня образа, іже въ зглавіи его стоіще и, пад на колѣну свою, нача молитися и реч: Ги, азъ грѣшный смѣю лі молитися тебѣ, смиреный рабъ твой, то к кому простру оуныніе мое, нъ на тебя надѣюся, Ги, и възвергу печаль мою. И ты, Ги црю Вдко свѣтодателю, не сътвори нам, Ги, іако ж оцмъ нашимъ, иже наведе на них и на грады их злаго Батыа, и еще бо, Ги, тому страху и трепету в нас суще велику. И нн, Ги црю Владыко, не до конца прогнѣвайся на нас, вѣм бо, Ги, іако мене ради грѣшнаго хощеши всю землю нашу погубити. Аз бо съгрѣших пред тобою паче всѣх чкъ, сътвори ми, Ги, слез моих ради, іако Иезекию, и укроти, Ги, срдце свирѣпому сему звѣрю.—Въсклонся и реч: На Га оуповах и не изнемогу. И посла по брата своего по кнзя Владимера Андрѣевіча в Боровескъ и по всѣ князи русские скорые гонци розославъ и по вся воеводы мѣстныа и по дѣти боярскые и по всѣ служылые люди. И повелѣ имъ скоро быти оу себя на Москвѣ.

Кнзь ж Владимеръ Андрѣевичь прііде вборзѣ к Москвѣ и вси кнзи и воеводы. Кнзь же великій Дмитрей Ивановичь, поимъ брата своего кнзя Владимера Андрѣевичя, прііде къ пресщнному митрополиту Кѵпріану и рече ему: Вѣси ли, оче нашь, нн настоащую сію бѣду великую, іако безбожныи црь Мамай грядеть на нас, неуклонным образом ярость нося.—Митрополитъ ж рече великому кнзю: Повѣжь ми, гне, чимъ еси пред нимъ не исправилъся.—Кнзь ж великый реч: Испытахомся, оче, повелику, іако все по оць наших преданію, еще ж нъипаче въздахом ему.—Митрополитъ ж рече: Видиши ли, гне, попущениемъ бжіимъ, наших ради съгрѣшеніи идеть плѣніти землю нашу, нъ вамъ подбаеть князем православным тѣх нечствых дарми оутолити четверицею сугубь. Аще того ради не смѣрится, ино Гь его смирить, того ради Гь гръдым противится, а смиренным блгдть дает. Тако ж случися иногда велікому Василію в Кесаріи: егда злый отступнікъ Иоуліанъ, идый в Пръсы

и хотѣ разорити град его Кесарію, Василій же великій помолися съ всѣми хрстіаны Гу̑ Бг̑у и събра много злата и посла к нему, дабы его пресъступніка утолити. Онъ ж оканный паче възѕарися, и Гъ̑ посла на него въина своего Меркуріа погубити его, и невидимо пронзенъ бысть в ср̑дце нечс̑твый, жывотъ свой злѣ сконча. Ты ж, гн̑е, възми злато, елико имаши и пошли противу его и паче исправися пред німъ.

Кн̑язь великій Дмитрей Ивановичь избраннаго своего юношу, доволна суща разумом и смыслом, имянем Захарію Тутышова и дасть ему два толмача, оумѣюща ѕыкъ половетцьскый, и посылаеть с ним много злата к нечс̑тивому цр̑ю Мамаю. Захаріа же дойде земли Резанской и слышавъ, ѕако Олегъ резаньскый и Волгордъ литовскый приложылися поганому цр̑ю Мамаю, пославъ скоро вѣстніка тайно к великому кн̑зю.

Княз же великій Дмитрей Ивановичь, слышавъ ту вѣсть, нача срд̑мъ болѣти и наплъніся ѕрости и горести, и нача мл̑итися: Гн̑ Бж̑е мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагъ пакости дѣеть, то подобаеть ми тръпѣти, ѕако искони есть ненавистнікъ и врагъ роду хр̑стіанскому. Сие мои друзи искрьніи тако умыслиша на мя. Суди, Гн̑, между ими и мною, аз бо имъ ні едіного зла не сътворих, развѣ даровъ и чьсти от них приимах, а имъ протіву також даровах. Нъ суди, Гн̑, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшных.

И поимъ брата своего кн̑зя Владимера Андрѣевіча и поиде второе къ прес̑щенному митрополиту и повѣдаа ему, како Волгордъ литовскыи и Олегъ резанскый съвокупиліся с Мамаем на ны. Прес̑щнный митрополитъ реч̑: Самъ пакы, гн̑е, кою обиду сътворъ еси има. — Княз же великій прослезися и реч̑: Аще есми пред Бг̑омъ грѣшенъ или чл̑кы, а пред німи есми ні единыа черты не преступих по оц̑ь своих закону. Вѣси бо, оч̑е, и самъ, ѕако доволенъ есьми своими отокы, а имъ никою обиду не сътворих и не вѣм, что ради умножышяс̑ на мя стужающеи ми. — Прес̑щенный ж митрополитъ реч̑: Сн̑у мой, гн̑е кн̑зь великій, просвѣти си веселиемъ очи ср̑дца, законъ бж̑ій чтеши и твориши

правду, ꙗко праведенъ Гъ и правду възлюби. Нн҃ѣ же обыдоша тя, ꙗко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты ж имянем гн҃имъ противися имъ. Гъ правдивъ и будеть ти въ правду помощникъ, а от всевидящего ока вл҃дчня гдѣ можеть избыти от крѣпкыа рукы его.

Кн҃зь ж великій Дмитрей Ивановичь з братом своимъ съ кн҃земъ Владимером Андрѣевічем и съ всѣми русскыми князи и воеводами здумаша, ꙗко сторожу тверду оуготовіті в Полѣ. И посла на сторожу изъбранных своих крѣпкых оружникъ — Родиона Ржевъскаго, Аньдрѣа Волосатаго, Василіа Тупика, Ꙗкова Ослябятова и иных с німи крѣпкых юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣати съ всякым оусердиемъ и под Орду ехати и ꙗзыкъ добыти, истину слышати цр҃ва хотѣніа.

А самъ кн҃зь великій по всей русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всѣм градомъ: да вси готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны. Съвокуплени вси на Коломнѣ, на мясп҃устъ ст҃ыа Бц҃а.

И ти ж сторожы замедлиша в полѣ. Кн҃зь ж великій вторую сторожу посла — Клімента Поляніна, Ивана Ст҃ослава Свеславіна, Григоріа Судокова и иных с німи, заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они ж стрѣтоша Василіа Тупика, ведуть ꙗзыкъ к великому кн҃зю, ꙗзыкъ ж цр҃ва двора, сановитых мужь. А повѣдаеть великому кн҃зю, что неуклонно Мамай грядеть на Рус и како обослаліся и съвокупилися с ним Олегъ резанскый и Волгордъ литовьскый. Не спѣшить бо цр҃ь того ради итти — осени ожыдаетъ. Слышавъ ж кн҃зь великій от ꙗзыка такову изложеную мысль и таково въстаніе безбожнаго цр҃я, нача утѣшятися о Бз҃ѣ и оукрѣпляше брата своего князя Владимера и вси кн҃зи русскіе и рече: Братіе кн҃зи русскіе, гнѣздо есмя кн҃зя Владимера Ст҃ославича киевъского, ему ж откры Гъ познати православную вѣру, ꙗкож оному Еоустаѳію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую ст҃ым крс҃щением, изведе нас от стр҃стей елліньскыхъ и заповѣда нам ту ж вѣру ст҃ую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто еа ради постражеть, то въ

оном вѣцѣ съ сѫтыми пръвомучившимися по вѣрѣ хсвѣ причтенъ будеть. Азъ ж, братіе, за вѣру хсву хощу пострадати даже и до смрти. — Они ж ему рѣша всі купно, аки единѣми оусты: Въистінну еси, гдрь, съвръшілъ законъ бжій и исплънілъ еси еѵаньскую заповѣдь, рече бо Гс: аще кто постражеть, имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею въсприиметь жывотъ вѣчныи. И мы, гдрь, днсь готови есмя умрети с тобою и главы своя положыти за сѫтую вѣру хрстіанскую и за твою великую обиду.

Кнзь ж великій Дмитрей Ивановичь, слышавъ то от брата своего кнзя Владимера Андрѣевича и от всѣх кнзей русскых, ꙗко дръзають по вѣрѣ побораті, и повелѣ всему въинству своему быти на Коломнѣ на Оусспеніе сѫтыа Бца: ꙗко да переберу плъкы и коемуждо плъку въеводу оучиню. И все множьство людей, ꙗко едіными оусты рѣша: Дай же нам, Ги, теченіе се съвръшити, имени твоего ради сто.

И пріидоша к нему кнзи Бѣлоозерскыа, подобни суще к боеви и велми оучрежено въинство их: кнзь Ѳеодоръ Семеновичь, кнзь Семенъ Михайловичь, князь Андрѣй Кѣмъскый, кнзь Глѣбъ Каргополской, и Андомскыа кнзи, пріидоша ж Ꙗрославскыа кнзи с своими силами: кнзь Андрѣй Ꙗрославскый, князь Романъ Прозоровскый, кнзь Левъ Курбьскый, кнзь Дмитрей Ростовскый, иныа оубо многые кнзи.

Тоу же, братіе, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнем градѣ Москвѣ, то идеть сілнаа рать великого кнзя Дмитреꙗ Ивановича, а гремять русскіе снве своими злачеными доспѣхы.

Кнзь ж великій Дмитрей Ивановичь, поимъ с собою брата своего кнзя Владимера Андрѣевича и вся кнзи русские, и поеде к жывоначалной Троици на поклонъ къ оцу своему прпдбному старцу Сергію блсвеніа получити от сѫтыа тоа обители. И моли его прпдбный игуменъ Сергій, дабы слушалъ сѫтую литоргію, бѣ бо тогда днь въскрсный и память сѫтых мчкъ Флора и Лавра. По отпусте ж литургіи, моли его сѫтыи Сергій съ всею братьею

вел҃кого кн҃зя, дабы вкусилъ хлѣба в дому жывоначалныа Тр҃ца, въ обители его. Великому ж кн҃зю нужно есть, ꙗко пр҃идоша к нему вѣстніци, ꙗко оуже приближаются поганіи половци, моляше пр҃п҃дбнаго, дабы его отпустилъ. И рек҃ ему пр҃п҃дбный старець: Се ти замедленіе сугубо ти поспѣшение будеть. Не оуже бо ти, г҃не, еще вѣнецъ сіа побѣды носити, нъ по минувших лѣтех, а иным оубо многым н҃ѣ вѣнци плетутся. — Кн҃зь ж великій вкуси хлѣба ихъ, игуменъ ж Сергій в то врѣмя повелѣ воду осс҃ящати с мощей ст҃ых мч҃нкъ Флора и Лавра. Кн҃зь ж великій скоро от трапезы въстаеть, пр҃п҃дбный же Сергій окропи его сщ҃нною водою и все хр҃столюбивое его въинство и дасть велікому кн҃зю кр҃стъ хс҃въ — знаменіе на челѣ. И рече: Поиди, г҃не, на поганыа половци, призывая Бг҃а, и Гь҃ Бг҃ъ будеть ти помощнікъ и заступнікъ. — И рече ему тайно: Имаши, г҃не, побѣдити супостаты своя, елико довлѣеть твоему г҃дрьству. — Князь ж велікій рек҃: Дай ми, оч҃е, два въина от своего плъку — Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу, тъ ты и самъ с намі пособьствуеши. Старецъ же пр҃п҃дбныи повелѣ има скоро уготовитися с великим кн҃змъ, бѣ бо вѣдоми суть ратніци въ бранѣх, не єдіному сту паездніци. Они ж скоро послушаніе сътвориша пр҃п҃дбному старцу и не отвръгошас повелѣніа его. И дасть имъ в тлѣнных мѣсто оружие нетлѣнное — кр҃стъ хс҃въ, пашытъ на скымах, и повелѣ им вмѣсто в шоломовъ золоченых възлагати на себя. И дасть их в руцѣ великому кн҃зю и рек҃: Се ти мои оружніци, а твои изволніци. — И рек҃ имъ: Миръ вам, братие моя, крѣпко постражите, ꙗко добріи въині по вѣрѣ хс҃вѣ и по всем православном хр҃тіанствѣ с погаными половци. — И дасть хс҃во знаменіе всему въинству великаго кн҃зя — миръ и бл҃свеніе.

Кн҃зь ж великій обвеселися с҃рдцемъ и не повѣдаеть никому ж, еже рек҃ ему пр҃п҃дбный Сергій. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте — бл҃свеніе ст҃аго старца. И пр҃ѣхавъ на Москву, поиде з братом своим съ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемь къ пресщ҃енному митрополиту Кѵпріану и повѣдаеть єдіному митро-

политу, еже реч҃ ему старецъ ст҃ый Сергій тайно и како бл҃свеніе дасть ему и всему его православному въйску. Архъеп҃скпъ повелѣ сія словеса храніти, не повѣдати никому же.

Приспѣвшу ж дні четвертку августа к҃з, на память ст҃го оц҃а Пѵміна Отходника, в той дн҃ь въсхотѣ кн҃зь великій изыти противу безбожных татаръ. И поимъ с собою брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевича и ста в цр҃кви ст҃ыа Бца пред образом г҃нимъ, пригнувъ руцѣ к персем своим, источнікъ слезъ проливающи, моляся и рече: Ги҃ Бж҃е нашъ, Вл҃дко страшный, крѣпкый, въистінну ты еси цр҃ь славы, помилуй нас грѣшных, егда оунываем, к тебѣ едіному прибѣгаемъ, нашему сп҃сителю и бл҃годателю, твоею бо рукою създани есмы. Но вѣм, Ги҃, ꙗко съгрѣшеніа моя превзыдоша главу мою, и нн҃ѣ не остави нас грѣшных, ни отступи от нас. Суди, Ги҃, обидящим мя и възбрани борющимся съ мною, пріими, Ги҃, оружие и щитъ и стани в помощь мнѣ. Дай же ми, Ги҃, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою.—И пакы приступи къ чюд҃творному образу гж҃ы Црц҃и, юже Лука еѵа҃глистъ, жывъ сый, написа, и реч҃: О чюдотворнаа гж҃е Цр҃це, всеа твари чл҃чьскаꙗ заступніца, тобою бо познахом истиннаго Бг҃а нашего, въплощьшагося и рождьшагося от тебе. Не дай же, гж҃е, в разореніе градовъ наших поганым половцем, да не оскьвернять ст҃ых твоих цр҃квей и вѣры хр҃стіанскыа. Оумоли, гж҃е Цр҃це, Сн҃а своего Ха҃ Бг҃а нш҃его, тъи смирить ср҃дце врагомъ нашим, да не будеть рука высока. И ты, гж҃е пр҃стаа Бц҃е, пошли нам свою помощь и нетлѣнною своею ризою покрый насъ, да не страшливи будем к ранамъ, на тя бо надѣемся, ꙗко твои есмя раби. Вѣм бо, гж҃е, аще хощеши и можеши нам помощі на противныа сіа врагы поганыа половци, иже не призывають твоего имени, мы ж, гж҃е пр҃стаа Бц҃е, на тебя надѣемся и на твою помощь. Нн҃ѣ подвизаемся противу безбожных печенѣгъ, поганых татаръ, да оумоленъ будеть тобою Сн҃ъ твой Бг҃ъ нашъ.—И пакы пріиде къ гробу блж҃еннаго чюдотворца Петра митрополіта, любезно к нему припадаа и реч҃: О чюдотворный ст҃лю Петре, по мл҃сти бж҃іи непре-

станно чюдодѣйствуеши. И нн҃ѣ приспѣ ти врѣмя за ны молітис къ общему вл҃дцѣ всѣх, Цр҃ю мл҃стивому Сп҃су. Нн҃ѣ оубо на мя оплъчишас супостаті погании и на град твой Москву крѣпко въоружаются. Тебе бо Г҃ъ прослави послѣднему роду нашему и вжеглъ тебе намъ свѣтлую свѣщу и посъстави на свѣщницѣ высоцѣ свѣтити всей земли русской. И тебѣ нн҃ѣ подобаеть о нас грѣшныхъ молитися, да не пріидеть на нас рука см҃ртнаа, и рука грѣшніча да не погубіть нас. Ты бо еси стражь нашь крѣпкый и от супротивных нападении, яко твоа есмы паствіна. И скончавъ мл҃тву, поклонися прес҃щнному митрополиту Кѵпріану. Архиепс҃кпъ бл҃сви его и отпусти поити противу поганых татаръ и дасть ему хс҃во знаменіе — кр҃стъ на челѣ и посла бг҃осщенный съборъ свой съ кр҃сты и съ ст҃ыми иконами и съ сщнною водою въ Ѳроловъскыа врата и в Никольскые и в Констяньтиноеленскыа, да всякъ въинъ бл҃свенъ изыдеть и сщнною водою кропленъ. Кн҃зь ж великій Дмитрей Ивановичь з братом своим съ кн҃змъ Владимером Андрѣевичем поиде въ цр҃квь нб҃снаго въеводы архистратига Михаила и бьеть челом ст҃му образу его. И потом пріступи къ гробом православных кн҃зей прародителей своих и тако слезно рекуще: Истиннии хранители, русскыа кн҃зи, православныа выры хр҃стіанскыа поборьніци, родителие наши. Аще имате дръзновение оу Ха҃, то нн҃ѣ помолитеся о нашем оуныніи, яко велико въстание нн҃ѣ приключися нам, чадом вашим. И нн҃ѣ подвизайтеся с нами. — И се рекъ, изыде исъ цр҃кви.

Кн҃гни же великаа Еовдокѣя и кн҃гни Владимерова Мр҃іа и иных православъных кн҃зей кн҃гни и многыа жены воеводскыа и бояры московьскыа и служніа жены ту стояще, проводы дѣющи, въ слезах и въсклицаніи ср҃дчнем не могуще ни слова изрещи, отдающе послѣднее цѣлование. И прочаа кн҃гни и бояры и служніе жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлованіе и възвратішас с великою кн҃гнею. Кн҃зь ж великій самъ мало ся удръжа от слезъ, не дав ся прослезити, народа ради. А ср҃дцемъ своимъ велми слезяше и оутѣшаа свою кн҃гню. И рек҃: Жено, аще Б҃гъ по нас, то кто на ны.

И взыде на избранный свой конь, и вси кн҃зи и воеводы всѣдоша на коня своа.

Сл҃нце ему на въстоцѣ ꙗсно сиаеть, путь ему повѣдаеть. Оуже бо тогда, аки соколи оурвашас҃ от златых колодиць, ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сініа нб҃са и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять оударитися на многыа стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыа оудалци съ своимъ гд҃ремъ с великимъ кн҃змъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на велікую силу татарскую.

Кн҃зи ж Бѣлоозерьскые особь своим плъком выѣхали. Оурядно убо видѣті въйско их. Кн҃зь же великій отпусти брата своего кн҃зя Владимера на Брашеву дорогою, а Бѣлозерьскые кн҃зи Болвановъскою дорогою, а самъ кн҃зь великій пойде на Котелъ дорогою.

Напреди же ему сл҃нце добрѣ сиаеть, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣеть.

Того бо ради разлучися кн҃зь великій з братом своим, ꙗко не вмѣститися имъ едіною дорогою.

Кн҃гні ж великаа Еовдокіа с своею снохою, кн҃гнею *Володимеровою* Мр҃иею и с воеводскыми женами и з боꙗрынями взыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ под стеколчяты окны. Оуже бо конечьное зрѣніе зрить на велікого кн҃зя, слезы льющи, аки рѣчьную быстріну. С великою печалію приложывъ руцѣ свои къ персем своим и реч҃: Ги҃ Бж҃е мой, вышній Творецъ, призри на мое смиреніе, сподоби мя, Ги҃, еще видѣти моего гд҃ря, славнаго въ чл҃цѣх великого кн҃зя Дмитріа Ивановичя. Дай же ему, Ги҃, помощь от своеа крѣпкыя рукы побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, Ги҃, ꙗко ж преж сего за мало лѣтъ велика брань была русскым кн҃зем на Калках с погаными половци съ агаряны. И нн҃ѣ избави, Ги҃, от такіа бѣды и сп҃си ихъ и помилуй. Не дай же, Ги҃, погыбнути оставъшему хрс҃тіанству, да славится имя твое ст҃ое в русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа бѣды и великого побоища

татарскаго и нн̄ѣ еще русскаа земля оуныла и не имать оуже надежи ні на кого, токмо на тебя, всемл̄тіваго Бг̄а, можеши бо жывити и мр̄твити. Аз бо, грѣшная, имѣю нн̄ѣ двѣ отрасли, еще млады суще, кн̄зи Василіа и кн̄зя Юріа. Егда поразить их ѣсное сл̄нце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада, обоего не могуть еще тръпѣти. Азъ ж тогда, грѣшнаа, что сътворю. Нъ възврати имъ, Гн̄, оц̄а ихъ, великого кн̄зя, поздорову, тъ и земля их сп̄сется, а оні въ вѣкы цр̄ствують.

Кн̄зъ ж великій поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московскых гостей Сурожанъ, десяті чл̄къ, видѣніа ради: аще что Бг̄ъ ему случить, и оні имуть повѣдати в далних землях, ѣко гости хозяеве быша: а̄ — Василіа Капицу, в̄ — Сидора Олѳерьева, г̄ — Констянтіна Петунова, д̄ — Козму Коврю, е̄ — Семена Онтонова, ѕ̄ — Міхаила Саларева, з̄ — Тимоѳѣя Весякова, ӣ — Димитріа Чернаго, ѳ — Дементіа Саларева, і̄ — Ивана Шиха.

И подвигошяс̄ кн̄зь великій Дмитрій Иванович по велицѣй шыроцѣ дорозѣ, а по немъ грядуть русскіе сн̄ве успѣшно, ѣко медвяныа чяши пити и сьтебліа виннаго ѣсти, хотять себѣ чьсти добыті и славнаго имени.

Оуже бо, братіе, стукъ стучить и громъ гремить по ранней зорѣ, кн̄зь Владимеръ Андрѣевичь Москву рѣку перевозится на красном перевозѣ в Боровъсцѣ.

Кн̄зь ж великій пріиде на Коломну в суботу, на память сг̄го оц̄а Моусіа Мурина. Ту ж быша мнози воеводы и ратніци и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке. Архіепіскупъ ж Геронтей коломеньскыи срѣте великого кнзя въ вратѣх градных съ жывоносными кр̄сты и съ сг̄тыми иконами, съ всѣм съборомъ, и осѣни его жывоносным кр̄стмъ и мл̄тву сътвори: Спс̄и, Бж̄е, люди своя.

На оутрие же кн̄зь великій повелѣ выѣхати всѣм воемъ на поле к Дивичю.

Въ сг̄тую же недѣлю по заоутрении начаша многых трубъ ратных гл̄сы гласити, и арганы многы бити, и стязи ревуть наволочены оу саду Панфилова.

Сѝве же русскыа наступиша на великіа поля коломеньскыа, ꙗко немощно вмѣститися от великого въинства, и невмѣстъно бѣ никому ж перезрѣти раті великого кн҃зя. Кн҃з же великій, выехавъ на высо мѣсто з братом своимъ съ кн҃змъ Владимеромъ Андрѣевичем, видяще множство много людій оурядных и възрадовашяс҃ и урядиша коемуждо плъку въеводу. Себѣ ж кн҃зь великій взя в полкъ Бѣлозерскые кн҃зи, а правую руку оуряди себѣ брата своего кн҃зя Владимера, дасть ему в полкъ Ярославскые кн҃зи, а лѣвую руку себѣ сътвори кн҃зя Глѣба Бряньского; передовой же плъкъ — Дмитрей Всеволож, да братъ его Владимеръ Всеволожъ; с коломнічи — въевода Микула Васильевичь; владимерскыи ж воевода и юрьевскый — Тимоѳѣй Волуевичь; костромскый ж въевода — Иванъ Квашня Родивоновичь; переславскый ж въевода — Андрѣй Серкизовичь. А у кн҃зя Владимера Андрѣевичя воеводы: Данило Бѣлѣутъ, Констянтінъ Конановъ, кнꙗз Ѳеодоръ Елетьцскый, кн҃зь Юрьи Мещерскыи, кн҃зь Андрѣй Муромскый.

Кн҃зъ ж великій, урядивъ плъкы, и повелѣ имъ Оку рѣку возитис҃ и заповѣда коемуждо плъку и въеводамъ: да аще кто поидеть по резанской земли, то ж не коснися ни едіному власу. И вземъ бл҃свеніе кн҃зь велікій от архіепс҃па коломенскаго, и перевезеся рѣку Оку съ всѣми силами. И отпусти в Поле третью сторожу, избранных своих витязей, ꙗко да купно видятся съ стражми татарьскыми в Полѣ: Семена Меліка, Игнатьа Креня, Ѳомоу Тышіну, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова и иных многых с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Реч҃ же кн҃зь великій брату своему кн҃зю Владимеру: Поспѣшим, брате, противъ безбожных половцовъ, поганых татаръ и не оутолимъ лица своего от безстудіа ихъ. Аще, брате, и см҃рть нам приключится, то не проста, ни без ума нам сиꙗ см҃рть, нъ жывотъ вѣчный. — А самъ гд҃рь кн҃зь великій, путем ѣдучи, призываше сроднікы своа на помощь, ст҃хъ стр҃стотрѣпецъ Бориса и Глѣба.

Слышавъ ж то кн҃зь Олегъ резанскый, ꙗко кн҃зь велікіи съвъкупися съ многымі силами и грядеть въ стрѣтеніе безбожному цр҃ю Мамаю и наипаче ж въоруженъ твръдо своею вѣрою, еже къ Бг҃у вседръжителю, вышнему Творцу всю надежу възлагаа. И наблюстися Олегъ резаньскый и с мѣста на мѣсто преходити съ едіномыслеіники своими и гл҃я: Аще бы нам мощно послати вѣсть къ многоразумному Волгорду литовьскому противу такова приключника, како иметь мысліти, но застали нам путь. Азъ чаꙗх по преднему, ꙗко не подобаеть русскым кн҃земъ противу въсточнаго цр҃я стоꙗти. И нн҃ѣ оубо, что разумѣю, откуду оубо ему помощь сіа прінде, ꙗко противу трех нс҃ъ въоружися. — Гл҃аша ему боꙗре его: Намъ, кн҃же, повѣдали от Москвы за е҃і дній, мы ж оустыдѣхомся тебѣ сказати, како ж в вотчінѣ его есть, близ Москвы жыветь, калугеръ, Сергіемъ зовуть, велми прозорливъ. Тъи паче въоружі его и от своих калугеръ далъ ему пособніки. — Слышавъ ж то княз Олегъ резанскый, начатъ боꙗтися и на боꙗре свои нача опалатися и ꙗритися: Почто ми не повѣдали преж сего, тъ азъ бых послалъ и оумолілъ нечт҃иваго цр҃я, да ничто ж бы зло сътворилося. Горе мнѣ, ꙗко изгубих си оумъ, не азъ бо єдінъ оскудѣх оумом, нъ и паче мене разумнѣе Волгордъ литовскый. Нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣх истінный законъ бж҃ій. Нъ что ради поплъзохся. И збудется на мнѣ реченное Гд҃мъ: аще рабъ, вѣдаа законъ гн҃а своего, преступить, бьенъ будеть много. Нн҃ѣ оубо, что сътворих: вѣдый законъ Бг҃а, сътворителя н҃бу и земли и всеꙗ твари, а приложихся нн҃ѣ къ нечестивому цр҃ю, хотящу попрати законъ бж҃ій. Нн҃ѣ оубо, которому моему худу разумѣнію вдах себе. Аще бы нн҃ѣ великому кн҃зю помоглъ, тъ отнудь не прііметь мя, вѣсть бо измѣну мою. Аще л приложуся к нечестивому цр҃ю, тъ, поистиннѣ, ꙗко древній гонитель на хс҃ву вѣру, тъ пожреть мя земля жыва, аки Ст҃оплъка; не токмо кн҃женіа лишенъ буду, нъ и жывота гоньзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися. Аще бо Гъ҃ по них, нікто ж на них. Еще ж мл҃тва выину о нем

прозорливаго оного мниха. Аще ли ні єдіному помощи не сътворю, тъ въ прокъ от обоих како могу прожыти. И нн̃ѣ азъ то мыслю: которому ихъ Гъ̃ поможеть, тому и азъ приложуся.

Кн̃зъ ж Волгордъ литовьскый, по предреченному съвѣту съвокупи Литвы много и Варягъ и Жемоті и поиде на помощь Мамаю. И пріиде къ граду Одоеву и слышав, ꙗко кн̃зь великій съвокупи многое множество въинства, всю Рус и словены и пошолъ к Дону противу цр̃я Мамаа, и слышавъ, ꙗко Олегъ оубоася, и пребыс̃ ту, оттоле неподвижым. И начя разумѣти суетныа свои помыслы, бѣ съвокупленіе свое съ Олгомъ резаньскым разномысляще, нача рватися и сердітися, гл̃я: Елико чл̃ку не достанеть своеа мудрости, тъ всуе чюжую мдрость требуеть. Николи же бо Литва от Резани учима была, нн̃ъ же изведе мя ума Олегъ, а сам паче погыблъ. Нн̃ѣ же оубо пребуду здѣ, дондеже оуслышу московъскаго побѣду.

В то ж врѣмя слышавъ кн̃зь Андрѣй Полотскый и кн̃зь Дмитрей Брянскый Волгордовичи, ꙗко велика туга и попеченіе належить великому кн̃зю Дмітрію Ивановичу московьскому и всему православному хр̃стіанству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ кн̃зи оц̃мъ своим кн̃земъ Волгордом ненавидими были, мачехи ради, иъ нн̃ѣ Бг̃омъ възлюбленыи бысть и с̃тое кр̃іщеніе пріали. Бѣста бо, аки нѣкіа класы доброплодныа терніемъ подавляеми, живущи межу нечестіа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посылаеть кн̃зь Андрѣй къ брату своему кн̃зю Дмитрію тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: Вѣси, брате мой възлюбленный, ꙗко оц̃ъ нашъ отвръже нас от себе, иъ Гъ̃ Бг̃ъ, Оц̃ъ нб̃сный, паче възлюби насъ и просвѣти нас с̃тым кр̃іщеніемъ и давъ нам законъ свои—ходіті по нему и отрѣпи нас от пустошнаго суетіа и от неч̃стаго сътвореніа брашенъ, мы ж нн̃ѣ, что о томъ Бг̃у въздадимъ. Нъ подвигнемся, брате, подвігом добрым подвижніку Хс̃у, началніку хр̃стіаньскому, поидемъ, брате, на помощъ великому кн̃зю Дмитрию московскому и всему православному хр̃стіанству. Велика бо туга належыть им от поганых Измаилтянъ, иъ еще и оц̃ь нашь и Олегъ резанскый

приложылися безбожным, а гонять православную вѣру Хс҃ву, намъ, брате, подобаеть ст҃ое писаніе съвръшити, гл҃ющее: братіе въ бѣдах пособиви бывайте. Не сумняй же ся, брате, ꙗко оц҃у противитися нам, ꙗко ж еѵ҃аглистъ Лука реч҃ оусты Га҃ нш҃го Іа҃ Ха҃: предани будете родители и братіею и умръртвитес҃, имени моего ради; претръпѣвъ ж до конца, тъи сп҃сется. Излѣземъ, брате, от подавляющаго сего трьніа и присадимся истінному плодовитому хв҃у винограду, дѣлателному рукою хс҃вою. Нн҃ѣ оубо, брате, подвизаемся не земнаго ради жывота, нъ нб҃сныа почести желающе, юже Гь҃ даеть творящим волю его. — Прочетъ ж кн҃зь Дмитрей Вольгордовичь писаніе брата своего старійшаго, нача радоватися и плакати от радости, гл҃я: Влд҃ко Ги҃ чл҃колюбче, дай же рабом твоим хотѣние съвръшити симъ путем подвига сего добраго, ꙗко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа. — И рече братню послу: Рци брату моему, кн҃зю Андрѣю, готовъ есьми дн҃сь по твоему наказанію, брате и гн҃е, колико есть въиска моего, то вси вкупѣ съ мною, бж҃іимъ бо промыслом съвъкуплени належащая ради брани от дунайскых татаръ. И нн҃ѣ рци брату моему: слышах оубо, ꙗко пріидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы, а кажуть оуже великого кн҃зя Дмитріа на Дону, ту бо ждати хощеть злых сыроꙗдцевъ, и намъ подобаеть итти к Сѣверѣ и ту съвокупитися нам, предлежить бо нам путь на Сѣверу и тѣм путем оутаимъся оц҃а своего, да не възбранить нам студно. — По малехъ ж дн҃ех снидошася оба брата желанно съ всѣми силами в Сѣверѣ и, оувидѣвше, возрадовашяс҃, ꙗко ж иногда Иосиѳъ съ Веньꙗміном, видѣвши оу себе множство людей, оусердно бо и урядно нарочитіи ратніци. И приспѣша борзо на Донъ и наѣхаша великого кн҃зя Дмитреа Ивановичя московьскаго еще объ сю страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуй и ту съвокупишяс҃.

Кн҃зь же великій Дмитрей з братомъ своим Владимером възрадовастася радостію великою, ꙗко бо такова мл҃сть бжіа, ꙗко не оудобь бѣ мощно таковому быти, ꙗко дѣти оц҃а оставляють и поругашяс҃, ꙗко иногда вълсви Ироду, и пріидоша на помощ

нашу. И многыми дарми почтивъ их, и поехаша путем, радующес и веселящес о с҃тѣм Дс҃ѣ, земнаго уже всего отвръгшеся, чающе себѣ бесмр҃тнаго иного премѣненіа. Рече ж к ним кн҃зь великій: Братіа моа милаа, кіа ради потребы пріидосте сѣмо. — Они ж рекоша: Гъ Бг҃ъ посла нс҃ъ к тебѣ на твою помощь. — Княз же великій рече: Въистінну ревнители есте праб҃ца нш҃го Авраама, ꙗко тъи въскорѣ Лоту поможе, и еще есть ревнітели доблестному великому кн҃зю Ꙗрославу, ꙗко тъи отмсти кровь братьа своея.

И въскорѣ посла вѣсть кнꙗз великій к Москвѣ къ пресщ҃енному митрополиту Кѵпріану: ꙗко Волгордовичи князи пріидоша къ мнѣ съ многими силами, а об҃ца своего оставиша. Скоро ж вѣстникъ пріиде къ пресщ҃енному митрополиту. Архиеп҃скпъ ж слышавъ и въставъ, помолися, гл҃я съ слезами: Г҃и Вл҃дко чл҃колюбче, ꙗко съпротивніи наши вѣтри на тихость прелагаеши. — И посла въ вся съборныа цр҃кви и въ обители, повелѣ сугубо мл҃тву творити дн҃ь и нощь къ вседръжителю Бг҃у. И посла въ обитель прп҃дбнаго игумена Сергіа, да негли их мл҃твъ послушаеть Бг҃ъ.

Кн҃гні же великаа Еовдокіа, слышавъ то великое *бжіе* мл҃сердие, и нача сугубы мл҃стыни творити и непрестанно пача ходити въ с҃тую цр҃квь молитися дн҃ь и нощь.

Си ж пакы оставим, на пръвое възвратимся.

Великому же кн҃зю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, ꙗко за двадесят и три поприща до Дону, приспѣ ж въ е҃ дн҃ь мс҃ца сентевріа, на память с҃тго прор҃ка Захаріи, в тои ж дн҃ь оубиеніе сродніка его кн҃зя Глѣба Владимеровича, приѣхаша два от стражь его — Петръ Горьскый да Карпъ Олексінъ и приведоша ꙗзыкъ нарочитъ от сановитых пр҃ва двора. Тъи ꙗзыкъ повѣдаеть: оуже пр҃ь на Кузмінѣ гати стоить, нъ не спѣшить, ожыдаеть Волгорда літовскаго и Олга резаньскаго, а твоего пр҃ь събраніа не вѣсть, ни стрѣтеніа твоего не чаеть, по предписанным ему книгам Олговым, и по трех днех имать быти на Дону. — Кн҃язь же великій спроси его о силѣ пр҃евѣ. Онъ ж

рече: неисчетно многое множство вѣинства его силы, никому ж мощно ісчесті.—Кнзь ж великій нача думати з братом своим и с новонареченною братіею с литовьскыми кнзи: здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся.—Рекоша ж ему Волгордовичи: Аще хощеши крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будеть не единому ж помышленіа въспять; а о велицей силѣ не помышляі, ꙗко не в силѣ Бгъ, нъ в правдѣ: Ꙗрославъ перевезеся рѣку Стоплъка побѣди, прадѣд твой кнзь великій Александръ, Неву реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бга, подобаеть тож творити. И аще побиемъ, тъ вси спсемся, аще ли умрем, тъ вси общую смрть пріимемъ от кнзей и до простых людей. Тебѣ ж ннѣ, гдрю великому кнзю, оставити смртнаа, буйными глы глаті, и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое. Мы оубо видим, ꙗко многое множство избранных витязей в вѣйску твоем.

Кнзъ ж великій повелѣ вѣиньству всему Донъ возитис. А в то врѣмя вѣстніци оускоряють, ꙗко поганіи приближаются татарове. Мнози ж спве русскые възрадовашяс радостію великою, зряще своего желаемаго подвига, его ж еще на Руси вѣжделѣша.

За многы ж днi мнози вѣъци притекоша на мѣсто то, вьюще грозно, непрестанно по вся нощи, слышати гроза велика. Храбрым людем в плъкѣх срдце оукрѣпляется, а иныя ж людие в плъкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша. Зане ж мнози рати необычно събрашас, не умлъкающі глють, галици ж своею рѣчію говорять, орли же мнози от оусть Дону слѣтошас, по аеру лѣтаючи, клекчють, и мнози звѣрие грозно вьють, ждоуще того днi грознаго, Бгом изволенаго, вънь ж имать пасти трупа члчя, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстилается.

Мнози людие от обоих оунывають, видяще оубо пред очима смрть. Начаша ж поганіи половци съ многым студом омрачатися о погибели жывота своего, понеж оубо умре нечствый, и

погыбе память их с шумом. А правовѣрніи ж чл҃ци паче процьвѣтоша радующеся, чающе съвръшенаго оного обѣтованіа, прекрасных вѣнцовъ, о нихъ ж повѣда великому кнізю прп҃дбный игуменъ Сергій.

Вѣстніци ж оускоряють, ꙗко уже близько погании приближаются. Въ шестый же час дн҃и прибѣже Семенъ Мелікъ з дружыною своею, а по них гонішꙗс҃ мнози от татаръ; толико безстудно гнашас҃, нълні и плъкы русскыа оузрѣша и възвратишꙗс҃ скоро къ цр҃ю и повѣдаша ему, ꙗко кн҃зи русскые оплъчишас҃ прі Дону. Бж҃имъ бо промыслом узрѣша множство велико людей оуряжено, и повѣдаша цр҃ю, ꙗко кн҃зей русскых въинство четверицею болши нашего събраніа. Онъ ж нечестивый цр҃ь, разженъ діаволом на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гл҃съ тако: Силы моа, аще не одолѣю русскых кн҃зей, тъ како имамъ възвратитис въсвоаси, сраму своего не могу тръпѣти. — И повелѣ поганым своимъ половцем въоружатис҃.

Семенъ ж Меликъ повѣдаа велікому кн҃зю: ꙗко уже Мамай цр҃ь на Гусинъ брод прііде, и едіну нощъ имѣем межу собою, на оутрие бо имать пріити на Непрядву. Тебѣ ж, гдр҃ю великому кн҃зю, подобает дн҃сь исплъчитися, да не предварять погании. — Начатъ кн҃зь великій Дмитрей Ивановичь з братом своим кн҃земъ Владимером Андрѣевичем и с литовъскыми кн҃зи Андрѣем и Дмитреем Волгордовичи до шестаго чяса плъци оучрежати. Нѣкто въевода прііде с літовьскыми кн҃зи, имянем Дмитрей Бобровковъ, родом волынскые земли, иже нарочитый бысть плъководецъ, велми оуставиша плъци по достоанію, еліко гдѣ кому подобаеть стоꙗти.

Кн҃язь же великій, поим с собою брата своего кн҃зя Владимера и литовьскіе кн҃зи и вси кн҃зи русскые и воеводы и взьехавъ на высоко мѣсто и оувидѣвъ образы с҃тых, иже суть въображени въ хр҃тіаньских знаменіих, акы нѣкіи свѣтілніци сл҃нечніи свѣтящеся въ врѣмя вѣдра, и стязи ихъ золоченыа ревуть, просьтирающеся, аки облаці, тіхо трепыщущи, хотять промолвити; богатыри же русскые и их хоругови, аки жыви па-

шутся; доспѣхы ж русскых сн҃въ, аки вода въ вся вѣтры колыбашес҃; шоломы злаченыꙗ на главах ихъ, аки заря утреняа въ врѣмя ведра свѣтящися; ꙗловци ж шоломовъ ихъ, аки пламя огньное пашется.

Умилено бо видѣті и жалостно зрѣти таковых русскых събраніа и оучреженіа ихъ. Вси бо равнод҃шьні, едінъ за едіного, другъ за друга хощеть оумрети, и вси единогл҃сно гл҃юще: Боже, с высоты призри на ны и даруй православному кн҃зю нш҃ему, ꙗко Констяньтину побѣду, покори под нозѣ его врагы Амаліка, ꙗко ж иногда кроткому Двд҃у. Сему ж оудивишас҃ литовьскіи кн҃зи, рекуще в себѣ; нѣс҃ было преж нас, ни при насъ, ни по насъ будеть таково въиньство уряжено, подобно есть Александра цр҃я Македоньскаго въиньству, мужеством бысть Гедеоновы снузніци; Гь҃ бо своею силою въоружил их.

Кн҃зь ж великій, видѣвъ плъци свои достойно уряжены и сшед с коня своего и паде на колѣні свои прямо великому плъку чернаго знаменіа, на немъ ж въображенъ образ Вл҃дкы Га҃ нашего Іс҃ Ха҃, из глубины дш҃а нача звати велегл҃сно: О Вл҃дко вседръжителю, виждь смотреливым оком на люди сія, иже твоею десницею сътворені суть и твоею кровію искуплени работы вражіа. Внуши, Ги҃, гл҃съ мл҃твъ нашихъ, обрати лице свое на нечс҃тивых, иже творять злаа рабом твоим. И нн҃ѣ, Ги҃ Іс҃ Хе҃, молю и покланяюся образу твоему ст҃му и прч҃стѣй твоей Мт҃ри и всѣм ст҃ым, оугодившим тебѣ и твръдому и необоримому заступьнику нашему и молебніку, иже о насъ к тебѣ, русскому ст҃лю, новому чюдотворцу Петру, на его ж мл҃сть надѣемся, дръзаем призывати ст҃ое и великолѣпое имя твое, Оц҃а и Сн҃а и ст҃го Дх҃а, нн҃ѣ и пр҃сно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.—Скончавъ мл҃тву и всѣд на конь свой и нача по плъком ѣздити съ князи и въеводами. Коемуждо полку рече: Братіа моа милаа, сн҃ве русскыа, от мала и до велика. Уже, братие, нощь пріспѣ, и дн҃ь грозный пріближися. В сию нощь бдите и молитеся, мужайтес и крѣпитеся: Гь҃ с нами, силенъ въ бранѣх. Здѣ пребудите, братіе, на мѣстех своих, немятущеся. Койждо вас нн҃ѣ оучредитеся,

утрѣ бо неудобь мощно тако учредітис: уже бо гости наши прибліжаются, стоѧть на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплъчишас. Оутрѣ бо нам с німи пити общую чашу, межу събою поведеную, ѥи же други мои еще на Руси въжделѣша. Нн҃ѣ, братьа, оуповайте на Бг҃а жыва, миръ вам буді о Хр҃ѣ. Аще утрѣ оускорять на нас пріити поганіи сыроѧдьци.

Оуже бо нощь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рж҃ства сты҃а Бц҃а. Осѣни ж тогда оудолжившися и дн҃ьми свѣтлыми еще сіающи. Бысть ж въ ту нощъ теплота велика и тихо велми, и мраци росніи ѧвишас. Поистінѣ бо реч҃ прок҃ъ: нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена. Рече ж Дмитьрей Волынецъ великому князю: Хощу, гдр҃ь, в нощь сію примѣту свою испытати. — И уже заря померкла, нощи глубоцѣ сущи. Дмитрей ж Волынецъ, поимъ с собою великого кн҃зя единаго, и выѣхавъ на поле Куликово и ставъ посреди обоих плъковъ и обратився на плъкъ татарскый, слышить стукъ великъ и кличь и вопль, аки тръги снімаются, аки градъ зиждоуще и аки гром великій гремить. Съзади ж плъку татарьскаго волъци выють грозно велми; по десной же странѣ плъку татарскаго ворони кличуще, и бысть трепетъ птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ, гроза велика зѣло; по рецѣ ж Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече ж кн҃зь великій Дмитрею Волынцу: Слышим, брате, гроза велика есть велми. — И реч҃ Волынець: Призывай, кн҃же, Бг҃а на помощь. — И обратився на плъкъ русскый, — и бысть тихость велика. Реч҃ же Волынецъ: Видиши лі что, кн҃же. — Онъ ж рече: Вижу многы огнены зари снімахуся. — И реч҃ Волынецъ: Радуйся, гдр҃ь, добри суть знаменіа, токмо Бг҃а призывай и не оскудѣй вѣрою. — И пакы реч҃: И еще мі есть примѣта искусити. — И сниде с коня и приниче к земли деснымъ оухом на долгъ час. Въставъ и пониче и въздохну от ср҃дца. И реч҃ кн҃зь великій: Что есть, брате Дмитрей. — Онъ ж млъчаше и не хотя сказати ему. Кнѧз же великій много нуди его. Онъ ж рече: Едіна бо ти на плъзу, а другаѧ ж — скръбна. Слышах землю плачущуся на

двое: єдіна бо сьстрана, аки нѣкаа жена, напрасно плачущис̑ о чадѣх своихь єлліньскым гл̑сом, другаа же страна, аки нѣкаа дв̑ца, єдіною възопи велми плачевным гл̑сом, аки в свирѣль нѣкую, жалостно слышати велмі. Азъ ж преж сего множство тѣми примѣтами боевъ искусих, сего ради пи̑ъ надѣюся мл̑сти бж̑іа: мл̑твою ст̑ых стр̑стотръпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ ваших и прочих чюдотворцовъ, русскых поборниковъ, азъ чаю побѣды поганых татаръ. А твоего хр̑столюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врѣхъ, твоа слава будеть. — Слышавъ ж то, кн̑зь великій прослезися и реч̑: Г̑у Б̑у вся възможна: всѣх нас дыхание в руцѣ его. — И рече Волынецъ: Не подобаеть тебѣ, гдрю, того в плъцѣх повѣдати, токъмо коемуждо въину повели Б̑у молитися и ст̑ых его угодьніковъ призывати на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому въину и въоружатися крѣпко и кр̑стомъ огражатис: тъ бо есть оружие на противныа, оутрѣ бо хощуть с нами видѣтися.

В ту ж нощь нѣкто муж, имянем Ѳома Кацибѣй, разбойнікъ, поставленъ бысть стражем от великого кн̑зя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганых. Сего увѣряя Б̑ъ, откры ему в нощь ту видѣти видѣніе велико. На высоцѣ мѣсте стоя, видѣті облакъ от въстока великъ зѣло, изрядно пріа, аки нѣкакіа плъки, к западу идущь. От полуденныя ж страны пріидоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи. И рекуще плъковником: Кто вы повелѣ требити отч̑есътво наше, его ж намъ Г̑ъ дарова. — И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни єдінъ от них не избысть. Той же Ѳома, цѣлом̑дръ и разуменъ, оттолѣ увѣренъ бысть и то видѣніе повѣда на утріе великому кн̑зю єдіному. Кн̑зь же великій рече ему: Не гл̑и того, друже, никому ж. — И въздѣв руцѣ на нб̑о, нача плакатис̑, гл̑я: Влд̑ко Г̑и чл̑колюбче, мл̑твъ ради ст̑ых мч̑нкъ Бориса и Глѣба, помози ми, ꙗко ж Моусію на Амалика ю пръвому Ꙗрославу на Ст̑оплъка и прадѣду моему великому кн̑зи Александру на хвалящегося короля рімъскаго, хотящаго разо-

утрѣ бо неудобь мощно тако учредітис: уже бо гости н
бліжаются, стоѧть на рецѣ Непрядвѣ, у поля Кулико
чишас҃. Оутрѣ бо нам с нїми пити общую чашу, меж
поведеную, ѥи же други мои еще на Руси възделѣ
братьа, оуповайте на Бг҃а жыва, миръ вам буді о Хѣ҃. А
оускорять на нас прїити поганіи сыроѧдьци.

Оуже бо нощь присп҃ѣ свѣтоноснаго праздника Рж҃с
Бц҃а. Осѣни ж тогда оудолжившися и дн҃ьми свѣтл
сіающи. Бысть ж въ ту нощъ теплота велика и тихо
мраци росніи ѧвишас҃. Поистінѣ бо реч҃ прок҃ъ: нощь н
невѣрным, а вѣрным просвѣщена. Рече ж Дмитьрей Б
великому князю: Хощу, гд҃рь, в нощь сію примѣту сво
тати. — И уже заря померкла, нощи глубоцѣ сущи. Дм
Волынецъ, поимъ с собою великого кн҃зя єдінаго, и выѣ
поле Куликово и ставъ посреди обоих плъковъ и обра
плъкъ татарскый, слышить стукъ великъ и кличь и во
тръги снімаются, аки градъ зиждоуще и аки гром великій
Съзади ж плъку татарьскаго волъци выють грозно в
десной же странѣ плъку татарскаго ворони кличуще,
трепетъ птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, а
играющимъ, гроза велика зѣло; по рецѣ ж Непрядвѣ гу
беди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Реч
великій Дмитрею Волынцу: Слышим, брате, гроза вел
велми. — И реч҃ Волынець: Призывай, кн҃же, Бг҃а на по
И обратився на плъкъ русскый, — и бысть тихость
Реч҃ же Волынецъ: Видиши лі что, кн҃же. — Онъ ж реч
многы огнены зари снімахуся. — И реч҃ Волынецъ:
гд҃рь, добри суть знаменіа, токмо Бг҃а призывай и не
вѣрою. — И пакы реч҃: И еще мі есть примѣта искус
сниде с коня и приниче к земли десным оухом на до
Въставъ и пониче и въздохну от ср҃дца. И реч҃ кн҃зь
Что есть, брате Дмитрей. — Онъ ж млъчаше и не хотя
ему. Князь же великій много нуди его. Онъ ж рече: Ед
на плъзу, а другаѧ ж — скръбна. Слышах землю плач

чеся. Тъи конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Броніка и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тъ знамя черное повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тѣм знамянем и убиенъ бы за великого кнзя.

Кнзь ж великій ста на мѣсте своемъ и вынявъ из надръ своих жывоносный крстъ, на немъ ж бѣ въображены страсти хсвы, в немъ ж бѣ жывоносное дрѣво, и въсплакася горко и рече: На тебе оубо надѣемъся, жывоносный гнь крсте, иже симъ образом явивыйся греческому црю Констянтіну, егда ему на брани сущу с нечстивыми, и чюдным твоим образомъ побѣди их. Не могуть бо поганіи нечестивіи половци противу твоему образу стоати. Тако, Ги, оудиви мсть свою на рабѣ твоемъ.

В то ж врѣмя пріиде к нему посолъ с книгами от прпдбнаго старца игумена Сергіа. Въ книгах писано: великому кнзю и всѣм русским кнзем и всему православному въиску міръ и блсвеніе. — Кнзь ж великій слышавъ писаніе прпдбнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаніемъ утвръдися, акы нѣкыми крѣпкыми бранями. Еще ж дасть посланный старецъ от игумена Сергіа хлѣбецъ прчтыа Бца. Кнзь ж великій снѣде хлѣбець стый и, простеръ руцѣ свои, възопи велегласно: О велико имя всестыа Трца, о престая Гже Бце, помогай нам тоя мтвами и прпдбнаго игумена Сергіа, Хе Бже помилуй и спси дша наша.

И всѣде на избранный свой конь и всемъ копіе свое и паліцу желѣзную и подвижеся ис полку и въсхотѣ преж всѣх самъ битися с погаными от великіа горести дша своеа, за свою великую обіду и за стыа црквн и вѣру хрстіаньскую. Мнози ж русскіе богатыри оудръжавше его, възбраниша ему, глюще: Не подобаеть тебѣ великому кнзю наперед самому в плъку битися, тебѣ подобаеть особь стоати и нас смотріти, а нам подобает битіся и мужство свое и храбрость предъ тобою явити. Егда тя Гъ упасеть мстію своею, и ты разумѣешы, кого чим даровати. Мы же готови есмя в сій днь главы своя положыти за тебе, гдря, и за стыа црквн и за православъное хрстіанство. Тебѣ ж подобает

великому кнзю рабом своим, еліко кто заслужить своею главою, память сътворити, також Леонтій прь Θеодору Тирону, въ книгы съборныа написаті нас, памяти ради русским сном, иже по нас будуть. Аще тебе единаго изгубим, тъ от кого имамы чаяти, кто по нас памят сътворить. Аще вси сьсемъся, а тебе єдіного останем, тъ — кій намъ оуспѣх, и будем, аки стадо овчее, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивіи влъци распудять и, и разбѣжатся овці кои куды. Тебѣ, гдрю, подобаеть себе спасти да и нас. — Кнзь ж великій прослезися и рече: Братя моа милаа, русскые сне, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нъ токмо похваляю васъ, вы бо есте въистінну блазіи раби бжіи. Паче ж вѣсте мчніе хсва стрстотрѣпца Ареѳы: внегда мчнъ бы и повелѣ прь вести и на позорище и мечемъ иссѣщі а, доблии ж его друзи, единъ пред єдінымъ скорить, койждо ихъ свою главу оусѣкателю под мечь клонять за Ареоу, въеводу своего, вѣдяще оубо почть побѣды своеа. Ареѳа же въевода речь въином своимъ: вѣсте оубо, братіа моя, оу земнаго пря не азъ ли преж васъ почтенъ бых, земныа чьсти и дары взимах. И нѣнъ преди ити подобаеть ми и къ нбсному прю, и главѣ моей преж усѣченѣ быти, пачеж вѣньчанѣ. И приступль мечнікъ и усѣкну главу его, послѣд же и въином его усѣкну главы. Також и азъ, братие: кто болши мене в русскых снвѣх почтенъ бѣ и блгаа беспрестани пріимах от Га. А нѣнъ злаа прідоша на мя, оужели не могу тръпѣти, мене бо ради единаго сиа вся въздвигошася, не могу видѣти вас побѣжаемых и прочее к тому не могу тръпѣти и хощу с вами ту ж общую чашу испити и тою ж смртію умрети за сту вѣру хрстіанскую, аще ли умру с вами, аще ли сьсуся с вами.

Оуже бо, братие, в то врѣмя плъкы ведуть: передовой плъкъ ведеть кнзь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — кнзь Владимеръ Всеволодичь, а с правую руку плъкъ ведеть Микула Васильевичь с коломнічи, а лѣвую ж руку плъкъ ведеть Тимоѳѣй Волуевичь с костромичи. Мнози ж плъкы поганых бредуть обапол: от великіа силы нѣ бо имъ мѣста, гдѣ разступитися.

Безбожный ж цр҃ь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема кн҃зи, зря чл҃чьскаго кровопролітіа: оуже бо близ себе сходящеся силныа плъкы. Выѣде злыий печенѣгъ из великого плъку татарьскаго, пред всѣми мужством ꙗвляася, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голіаду, пяти саженъ высота его, а трех саженъ ширина его. Видѣвъ ж его Александръ Пересвѣтъ старецъ, иже бѣ в плъку Владимера Вселодовича и двигьнувся ис полку и реч҃: Сей чл҃къ ищеть по҆добна себѣ: азъ хощу с нимъ видѣтися. — Бѣ же на главѣ его шелом архи҃гльскаго образа въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергіа, и реч҃: О҆ц҃и и братіа, простите мя грѣшнаго, брате Андрѣй Ослебя, моли Бг҃а за мя, чаду моему Іакову миръ и бл҃свение. — Напусти на печенѣга и рече: Игуменъ Сергій, помогай ми молитвою. — Печенѣгъ ж оустремися противу ему. Хр҃стіане ж вси въскликнуша: Бж҃е, помози рабу своему. — И оударишас҃ крѣпко копіи, едва мѣсто не проломіся под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу ж третьему часу дні. Видѣвъ ж то кн҃зь великій и реч҃: Се оуже гости наши приближілися и ведуть промеж собою поведеную, предніи оуже испіша и весели быша и уснуша. Оуже бо врѣмя подобно, и час пріинде храбрость свою комуждо показати. — И оудари всякъ въинъ по своему коню и кликнуша єдиногл҃сно: С нами Бг҃ъ, — и пакы: Бж҃е хр҃стіанскый, помози нам. Поганіи же половци свои богы начаша призывати.

И съступишас҃ грозно обѣ силы великіа, крѣпко бьющеся, напрасно сами себе стираху. Не токъмо оружиемъ, нъ и от великиа тѣсноты под коньскыми ногами издыхаху: ꙗко немощно бѣ вмѣститис на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею. На том бо полѣ силніи плъці съступишас҃, из нихъ ж выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силніи млъніа от облістаніа мечнаго. И бы҃с трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломленіа и от мечнаго сѣченія, ꙗко немощно бѣ сего грького часа зрѣти никако ж и сего грознаго побоища. Въ єдинъ бо час, въ мегновеніи ока — о колико тысущъ погыбе дш҃ь

чл҃чьскых, созданиꙗ бж҃ia. Воля[1]) Гс҃на съвръшается. Часъ ж третій и четвертый и пятый и шестый крѣпко бьющеся, неослабно хр҃стіане с погаными половци.

Наставшу ж седмому часу дни, бж҃имъ попущениемъ, наших ради грѣховъ, начаша погании одолѣвати. Оуже бо от сановитых мужей мнози побиени суть. Богатыри ж русскыа и воеводы и удалыа люди, аки дрѣва дубравнаа клонятся на землю, под коньскыа копыта. Мнози ж сн҃ве русскые сътрошас. Самого ж великого кн҃зя оуꙗзвиша велми и с коня его збиша. Онъ ж нужею склонився с побоища, ꙗко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, бж҃иею силою съхраненъ бысть. Многажды стязи великого князя подсѣкоша, нъ не истребишас бж҃ею мл҃стію, нъ и паче укрѣпишас.

Се ж слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плъку Владимера Андрѣевича, повѣдаа великому кн҃зю, гл҃я: В шестую годіну сего дни видѣх ꙗад вами н҃бо развръсто, из него ж изыдс облакъ, ꙗко багрянаа заря над плъком великого кн҃зя, дръжашес низко. Тъи же облакъ исплъненъ рукъ чл҃чьскых, ꙗж рукы дръжаще по велику плъку, ово проповѣднікы, ово прор҃ческыи. В седмый ж часъ дни облакъ той много вѣнцевъ дръжаше и опустишас над плъком, на головы хр҃стіаньскыꙗ.

Погании же начаша одолѣвати, хр҃стіаньскыꙗ же плъци оскудѣша: оуже мало хр҃стіанъ, а все погании.

Видѣвъ ж то кн҃зь Владимеръ Андрѣевичь паденіе русскых сн҃въ, не мога тръпѣти и рек҃ Дмитрею Волынцу: Что оубо плъза стоꙗние наше, который оуспѣх нам будеть, кому нам пособити: оуже наши кн҃зи и боꙗре, вси русскые сн҃ве напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится.—И рек҃ Дмітрей: Бѣда, кн҃же, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себѣ приемлеть; класы бо пшеничныа подавляеми, а трьніе ростуще и буꙗюще над бл҃городными. И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час имаем въздаріе

1) въ ркп. ошибкою: «Въ».

отдати противнiком. Нн҃ѣ токъмо повели всякому въину Бг҃у молитися прилѣжно и призывати ст҃ых на помощь, и от сего часа имать быти бл҃гдть бж҃ia и помощь хр҃стiаном. — Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевичь, въздѣвъ руцѣ на н҃бо, и прослезися горко и рeч҃: Бж҃е оц҃ъ наших, сътворивый н҃бо и землю, дай же помощь роду хр҃стiанскому. Не дай ж, Гн҃, порадоватис҃ врагом нашим о нас, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и мл҃сти. — Сн҃ве ж русскыа в полку его грько плачуще, видяще друзи свои побиваемi от поганых, непрестанно покушающес, ꙗко званнiи на бракъ сладкаго вина пити. Волынецъ ж възбраняше им, гл҃я: Пождите мало, буавiи сн҃ве русскые, будеть ваше врѣмя, коли утѣшитис, есть вы с кѣм възвеселитис. — Приспѣ ж осмый час дню, дх҃у южну потянувшу съзади нам. Възопи ж Волынецъ гл҃сом великым: Кн҃же Владимеръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный прiиде. — И рeч҃: Брат҃аа моа, друзи, дръзайте, сила бо ст҃го Дх҃а помогаеть нам. — Единомысленни ж друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныа оурвалися от златых колодицъ, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую. А стязi их направлены крѣпкым въеводою Дмитреем Волынцем. Бяху бо, аки Дв҃дови отроци, иже срд҃ца имуща, аки лвовы, аки лютiи влъци на овчiи стада прiидоша. И начаша поганых татаръ сѣщi немл҃стивно.

Поганiи же половци оувидѣша свою погыбель, кликнуша еллiнскым гл҃сом, гл҃ще: Оувы нам, Рус пакы оумд҃рися: оуншiи с нами брашас҃, в доблии вси съблюдошас҃. — И обратишас҃ поганiи и даша плещи и побѣгоша. Сн҃ве ж русскые, силою ст҃го Дх҃а и помощiю ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчаху их, аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается у русскых сн҃въ под конскые копыта. Поганiи же бѣжаще кричаху, гл҃юще: Увы нам, чс҃тный нш҃ь пр҃ю Мамаю. Възнесе бо ся высоко и до ада сшелъ еси. — Мнозии ж оуязвенiи наши, и тѣ помагаху, сѣкуще поганых без мл҃сти: единъ русинъ сто поганых гонить.

Безбожный ж цр҃ь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывати богы своа — Перуна и Салавата и Раклиа и Гурса и

великого своего пособника Махмета. И не быс ему помощи от них: сила бо с҃тго Дх҃а, аки огнь пожигаеть их. Мамай же, видѣвъ новыа люди, ꙗко лютіи звѣріе ристаху и изрываху, аки овчее стадо и рече своим: Побѣгнем, нічто ж бо добра имам чаати, нъ поне свои главы оунесем. — И абие побѣже поганый Мамай с четырми мужы в лукоморие, скрегча зубы своими, плачущи грѣко, гл҃я:

Уже нам, братіе, в земли своей не бывати, а катунъ своих не трепати, а дѣтей своих не відати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова; а съ дружиною своею оуж нам не видатис, ни съ кн҃зи и съ алпауты.

Мнози ж гонишас҃ по них и не одолѣша их, понеж кони их утомішас҃, у Мамаꙗ ж цѣлы суть кони его, и убѣже. Сиꙗ ж суть мл҃стію всемогущаго Бг҃а и прч҃стыа Мт҃рі Бж҃іа и моленіемъ и помощію с҃тых стр҃стотрѣпецъ Бориса и Глѣба, ихъ ж видѣ Ѳома Кацибѣевъ разбойнікъ, егда на сторожы стоя, ꙗкож преж писано ѣ. Етери ж суще женяху, внегда всѣх доступиша и възвращахус, койждо под свое знамя.

Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевичь ста на костѣх под черным знаменем. Грозно, братіе, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грѣко посмотріти чл҃чьскаго кровопролитіа, аки морскаа вода, а трупу чл҃чьа, аки сѣнныа громады: борзъ конь не можеть скочіті, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дні кровію течаху.

Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевич не обрѣте брата своего великого кн҃зя в плъку, нъ толко литовскіе кн҃зи Олгордовичі, и повелѣ трубити в собранные трубы. Пожда час и не обрѣте великого кн҃зя, нача плакати и кричати, и по плъком ѣздити начать сам, и не обрѣте и гл҃аша всѣм: Брат҃аа моа, русскыа сн҃ве, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего и началніка. — И реч҃: Аще пастырь пораженъ, и овцы разыдутся. Кому сіа честь будеть, кто побѣдѣ сей ꙗвися. — И рекоша литовскые кн҃зи: Мы его мнімъ, ꙗко жывъ ѣ, оуꙗзвенъ велми, егда въ мр҃твом трупу лежыт. — Инъ ж въинъ реч҃: Азъ видѣх его на седмом часу

крѣпко бьющас̄ с погаными палицею своею. — Инъ ж рец̄: Азъ видѣх его поздѣе того, четыри татаріны належахуть ему, онъ ж крѣпко бишес с німи. — Нѣкто князь, имянем Стефанъ Новосилской, тъи рец̄: Азъ видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша и идуща с побоища, оуꙗзвена велми; того ради не могох азъ ему помощи, гоним есмь трема татаріны, нъ мл̄стію бж̄ею едва от них сп̄сохся, а много зла от них пріимах и крѣпко пострадах. — Кн̄зь ж Володимеръ рец̄: Братіа и друзи, русскыа сн̄ве, аще кто жыва брата моего обрящет, тъи поистіннѣ пръвый будеть у наю. — И разсыпашас вси по велику силну и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. Ови ж наѣхаша убитаго Михайла Андрѣевича Бренка: лежыть в приволоцѣ и в шеломѣ, что ему далъ князь великій; иніи же наѣхаша убитаго князя Ѳедора Семеновича Бѣлозерьскаго, чающе его великим кн̄земь, занеж приличенъ бѣ ему.

Два ж етера въина оуклонишас на десную страну в дуброву: єдінъ имянемъ Ѳедоръ Сабуръ, а другій — Григорей Холопичевъ, оба родом костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великоѓ кн̄зя бита и ꙗзвена вельми и трудна, отдыхающи ему под сѣнію ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и спадше с коней, поклонишас̄ ему. Сабуръ ж скоро възвратис повѣдати кн̄зю Владимеру. И рец̄: Кн̄зь великій Дмітрей Ивановичь здравъ бысть и цр̄ствуеть ввѣкы. — Вси ж князи и въеводы, слышавше, и скоро суняшас и падше на ногу его, гл̄юще: Радуйся, кн̄зю нашь, дрѣвній Ꙗрославъ, новый Александръ, побѣдітель врагом. Сіа же побѣды честь — тобѣ довлѣетъ. — Кнꙗз же великій едва рец̄: Что есть, повѣдаите ми. — Рече ж кнꙗз Владимеръ: Мл̄стью бж̄ею и пр̄чстыа его М̄три, пособием и мл̄твами сродникъ нш̄іх ст̄ых мч̄нкъ Бориса и Глѣба и моленіем русскаго ст̄ля Петра и пособніка нш̄его и въоружителя игумена Сергіа и тѣх всѣх ст̄ых мл̄твами врази наши побѣжени суть, мы ж сп̄сохомся.

Кн̄зь ж великій, слышавъ то и въставъ, рец̄: Сій дн̄ь сътвори Гъ̄, възрадуемся и възвеселимся, людие. — И пакы рец̄:

Сій дн҃ь Гн҃ь веселитес҃, людіе, велій еси, Ги҃, и чюдна дѣла твоа суть. Вечеръ въдворится плач, а заутра радость. — И пакы реч҃: Хвалю тя, Ги҃ Бж҃е мой, и почитаю имя твое ст҃ое, ꙗко не предалъ еси нас врагом нш҃им и не далъ еси им похвалитис҃, иже сіи на мя умысліша злаа. Нъ суди им, Ги҃, по правдѣ их, азъ ж, Ги҃, оуповаю на тя. — И пріведоша ему конь, и всѣд на конь и выѣхавъ на веліко, силно и грозно побоище и видѣвъ въйска своего бито велми много, а поганых татаръ четверицею сугубь того боле бито, и, обратився Волынцу, реч҃: Въистіну, Дмітрей, не ложна є҃ примѣта твоа, подобает ти всегда въеводою быти.

И нача з братом своимъ и съ оставшими кн҃зи и въеводами ѣздити побоищу, ср҃дцем боля, кричаше, а слезами мыася, и реч҃: Братіа, русскыа сн҃ве, кн҃зі и бояре и въеводы и дѣти боярьскые. Суди вам Гъ҃ Бг҃ъ тою см҃ртію оумрети, положылі есте главы своа за ст҃ыа пр҃кві и за православное хр҃стіанство. — И поѣхавъ мало, паехаше мѣсто, на немъ ж лежать побьени вкупѣ кн҃зи Бѣлозерскые, толма крѣпко бишас, ꙗко єдінъ за єдінаго умре. Туж близъ лежить убит Михайло Васильевич. Над німи ж ставъ кн҃зь великій, над любезными въеводами, и нача плакати и гл҃ати: Брат҃аа моа кн҃зи, сн҃ве русскые, аще имате дрзновеніе у Бг҃а, помолитес о нас, вѣм бо, ꙗко послушаеть вас Бг҃ъ, да вкупѣ с вами у Г҃а Бг҃а будем. — И пакы приѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напрьстніка Міхайла Андрѣевича Брепка, и близ его лежыть твръдыи стражь Семенъ Меликъ. Близъ ж имъ Тимоѳѣй Волуевич оубиенъ. Над німи ж ставъ кн҃зь великій, прослезися и реч҃: Брате мой възлюбленный, моего ради образа убіенъ еси. Кій бо рабъ тако можеть г҃сдну служыти, ꙗко, меня ради, самъ на см҃рть смыслено грядяше. Въистінну древнему Авису подобенъ, иже бѣ от плъку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори. — Лежащу ж ту Мелику, реч҃ над ним: Крѣпкый мой стражу, твръдо пасомыи есмя твоею стражею. — Приѣдеж на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черньца, а пред ним лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора. И ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ. Обратився кн҃зь ве-

ликій и рє҃: Видите, братіе, починалніка своего, ꙗко сій Александръ Пересвѣт, пособнікъ нашь, бл҃свенъ игуменом Сергіем, и побѣди велика, силна, зла татарина, от него ж было піти многым людем см҃ртнаа чаша.

И от҃ехавъ на иное мѣсто и повелѣ трубити в събранные трубы, съзывати люди. Храбріи ж витязі, довълно испытавше оружие свое над погаными половци, съ всѣх странъ бредут под трубный гл҃съ. Грядуще ж весело, ликующе, пѣсні поꙗху; овіи поаху бг҃ородичныи, друзіи же мч҃нічныи, иніи ж псалом, то є҃ хр҃стіанское пѣніе. Кійждо въинъ едет, радуася, на трубный гл҃съ. Събранымъ ж людем всѣм, кн҃зь великій ста посреди ихъ, плача и радуася: о убиеных плачется, а о здравых радуется. Гл҃аше ж: Братіа моа, кн҃зи русскыа и боаре мѣстныа и служылыа люди всеа земля. Вам подобаеть тако служыти, а мнѣ по достоанію похвалити вас. Егда ж оупасеть мя Гъ҃ и буду на своем столѣ, на великом кн҃женіи, въ градѣ Москвѣ, тогда имам по достоанію даровати вас. Нн҃ѣ же сіа управим, кождо ближняго своего похороним, да не будуть звѣрем на снѣденіе телеса хр҃стіаньскаа.

Стоꙗлъ кн҃зь великій за Даном на костѣх осмь днiй, дондеж разобраша хр҃стіанъ с нечестивыми: хр҃стіанскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса повръжена звѣрем и птицам на расхыщеніе.

И рє҃ кн҃зь великій Дмитрей Ивановичь: Считаитес, братіе, колкых въевод нѣтъ, колкых служылых людей. — Говорить боꙗрінъ московской, имянем Михайло Александрович, а был в плъку оу Микулы у Василевича, расчетлівъ бы҃с велми: Нѣтъ у нас, гс҃дрь, м҃ боарiновъ московскых, да в҃і кн҃зей бѣлозерскых, да г҃і боарінов посадніковъ новгородскых, да н҃ боꙗріновъ Нова города нiжнего, да м҃ боарінов серпоховскых, да к҃ боарінов переславскых, да к҃е боарінов костромскых, да л҃е боарінов владимерскых, да н҃ боарінов суздалскых, да м҃ боарінов муромскых, да л҃г боарінов ростовскых, да к҃ боарінов дмітровскых, да о҃ боарінов можайскых, да з҃ боаріновъ звенігородскых, да є҃і боарі-

нов углетцкых, да к̄ боарінов галитцскых. А молодым людем счета нѣт, нъ токмо вѣдаем: изгыбло у нас дружіны всеа полтретьа ста тысящъ и трі тысящи, а осталося у нас дружіны пятьдеся тысящъ.

Рече ж кн̄зь великій: Слава тебѣ, вышній Творецъ, Цр̄ю нбсный, мл̄ствый Сп̄съ, ꙗко помиловал еси нас грѣшных, не предалъ есі нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыꙗдцем. А вам, бра̄та, кн̄зи и боаре и въеводы и молодые люди, русскые сн̄ве, сужено мѣсто лежаті межу Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ. Положыли есте головы своа за землю русскую, за вѣру хр̄стіаньскую. Простите мя, братіе, и бл̄свите в сем вѣцѣ и в будущем. — И прослезися на длъгъ час и реч̄ кн̄зем и въеводам своим: Поѣдем, брате, въ свою землю Залѣсскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вътчінах и дѣдинах: чс̄ти есмя себѣ доступилі и славнаго имяни.

Поганый ж Мамай тогда побѣже с побоища и прибѣже къ граду Каѳѣ. И, потаивъ свое имя, прибѣже в свою землю и не мога тръпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена и поругана. И пакы гнѣвашес, ꙗряся зѣло и еще зло мысля на русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу и еще хотяше изгоном итти на русскую землю. И сице ему мыслящу, внезапу пріиде к нему вѣсть, ꙗко цр̄ь, имянем Тактамышъ съ встока, нолны из Синіе орды, идеть на него. Мамаи ж, ꙗже бѣ оуготовилъ рать итп было ему на русскую землю, и онъ с тою ратью пошол противу цр̄я Тактамыша. И стрѣтошас̄ на Калках и бы̄ им бой великъ. И цр̄ь Тактамышь побѣдивъ цр̄я Мамаа и прогна его, мамаевы ж кн̄зи и рядци и ꙗсовулы и алпауты биша челом цр̄ю Тактамышу. И пріатъ их и взя орду и сѣде на царствѣ. Мамай ж прибѣже пакы въ Каѳу єдінъ, потаивъ свое имя пребываше ту. И познанъ бы̄ нѣкоим купцем и ту оубіенъ бы̄ Ѳрязы и испровръже злѣ жывот свой. Сіа же оставим здѣ.

Слышавъ ж Олгордъ литовскый, ꙗко княз великій Дми-

трей Иванович побѣдил Мамаа, възвратис въсвоаси с студом многым.

Олегъ ж резанскый, слышав, ꙗко хощет кнꙗз великій послати на него рать, оубоася и побѣже из своеа отчіны и съ кн҃гнею и з боары. И резанці добиша челом великому кн҃зю, и кн҃зь великій посади на Резани свои намѣстніки.

Сказаніе.

4 редакція

(РАСПРОСТРАНЕННАЯ).

Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, собранія Н. С. Тихонравова № 337, XVII в.

В лѣта ҂ѕѡпѳ году. Сказаніе о Донскомъ побоище великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго и всеа Росіи и брата его кн҃зя Владимера Андреевича з безбожнымъ цр҃емъ Мамаемъ.

Восхощемъ, братие, начати повѣсть новыя сия побѣды, како случися бран на Дону православнымъ християном з безбожными агаряны и како подвижеся род християнскии, а поганых уничижени посрами их суровъство, яко же во оны дни пророку Гедеону на измаилтян злых, и пророку Моисею со израилтяны на жестосердаго Ѳараона и на египтян всѣхъ. И нынѣ намъ подобает воздати величиствие Божие, како сотвори Господь волю боящихся его и како пособствова православному і великому князю Димитрею Івановичю владимерскому и московскому на безбожныя агаряны. Попущениемъ Божиімъ, от научения дияволя, воздвижеся цр҃ь от восточныя страны, именемъ Мамаи, еллин сыи вѣрою, идоложрецъ і иконоборецъ злыи, християнскиі искоренитель; и вниде в сердце его диявол подстрекатель, кото-

рыи всегда пакости дѣя православному христианству и учиста его, кабы ему разорити вѣру христианскую вѣру и осквернити стыя Бжия цркви и всему христианству потреблену быти, яко дабы не славилося имя Гдне в людехъ его; мстивыи же человѣколюбецъ Бгъ, что восхощет, то и сотворит. Он же безбожныи црь Мамаи наученiемъ дияволимъ нача завидовати первому отступнику црю Батыю и новому иконоборцу прегордому Улияну црю возревновах и нача испытовати от старых своих селникъ, како тои безбожныи црь Батыи пленил Киевъ і Володимер и всю рязанскую землю и словенскую Рус і великаго князя Георгия Игоревича убил, и много кнзеи руских православных побилъ, и стые монастыри многия осквернилъ, і вселенную црковь златоверховую разграбил, і ослеплену же ему царю Батыю очима. И он того не разуме, какъ Гсду годно, такъ и сотворитъ, яко же во оны дни Иерусалимъ пленен бысть Титомъ римскимъ и Навуходоносором цремъ вавилонскимъ. Не прeи тѣх любя, Гсдь Iерусалимъ казня за их согрѣшение і маловѣрие. Но не до конца прогнѣвается Гсдь, ни в вѣкъ враждуетъ.

И слышав жестосердыи безбожныи црь Мамаи таковое сказание от своих агарян, нача во уме своемъ тое крѣпкую мысль держати, дияволомъ палимъ бысть непрестанно, ратуяся на християнство. И нача рассылати грамоты за своими печатьми по улосомъ своимъ ко отступником своим, княземъ и воеводам, и гла имъ: «яко хощу воздвигнути рат на православную Русь, а не хощу такъ творити, какъ црь Батыи: егда доидемъ Руси и убию кнзя и жену его и iных кнзеи руских; а которые грады их красные довлѣютъ нашему црьскому величеству, и мы сядем, во вѣки безмятежно поживем». А не вѣдыи того, яко Гдня рука высока есть. По малех же днех и по глаголех сих нача збирати воиско свое и многия орды присовокупиша к себѣ, и гла имъ: «яко обогатеем рускимъ златом и сребром». И скоро поиде Мамаи на рускую землю, рыкая, яко левъ и пыхая, яко неутолимая ехидна. И перевезеся Мамаи великую реку Волгу со всѣми силами своими и доиде же до устия рѣки Воронежи и распустивъ

воиско свое, елико довлѣетъ, по улосомъ русскимъ. И повелѣ им цр҃ь Мамаи возити к себѣ елико, что ему годно на потребу и всему воиску его и заповѣда улусомъ своимъ: яко «ни един не пашите хлѣба да будите готовы на руския хлѣбы».

И услышавъ же то княз Олгъ резанскии, яко цр҃ь Мамаи идет на великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго ратю, а стоитъ на Воронеже. И оскуде же умъ во главе его, и Олгъ, кн҃зь рязанскиі, но ухищрение приімъ в сердцы своемъ. И посла кн҃зь Олгъ рязанскии посла своего г безбожному цр҃ю Мамаю со многими дары и с великою честию и ерлыки свои писах к нему сицевымъ образомъ: «Восточному, великому и волному цр҃ю Мамаю твои присялникъ и приселник Олгъ кн҃зь рязанскиі, много тебѣ молю и челом бью: слышах я, г҃не, что ты хощеши итти на рускую землю на своего служебника на кн҃зя Димитрея московъскаго ратю и огрозитися ему хощеши. И нынѣ, г҃не, приспѣ время, яко златомъ и сребромъ наполнися руская земля. Вѣмъ бо, всесвѣтлыи цр҃ь Мамаи, яко кротокъ есты Димитреи московскиі, егда услышит имя твое царево, то и царьствия своего от ярости твоея побѣжит далече, гдѣ же есть мѣсто неключимо, а злато же его и сребро і все узорочье московъские земли в твое руце будет и твоему воиску на потребу. Меня же раба своего, кн҃зя Олга резанъсково держава твоя, цр҃ю, пощади: яз бо ти велми устрашу кн҃зя Димитрея Ивановича московскаго. И еще, цр҃ю, молю тя, яко именуемся раби твои, но яз велику обиду приях от того ж князя Димитрея московъскаго. И еще, цр҃ю, не то едино, но егда о своеи обиде твоимъ цр҃ьскимъ именемъ погрозих ему, и он же посмеяхся твоему величеству царьскому,— не радѣетъ о тебѣ, и еще город мои Коломну за себя же взял, и о томъ о всем молю тя».

О князя Волгерда литовскомъ.

Другаго же вѣстника скоро посла кн҃зь Олгъ резанскиі: «І великому и многоразумному и к велерѣчивому и премудрому во чл҃вѣцех Волгерду литовъскому, самодержавному великому кн҃зю и королю милостивому честна и многимъ землям г҃дрю.

Олгъ, кн҃зь резанскиі, радоватися пишу. Нынѣ вѣдомо ти буди, яко издалеча мыслил еси московъскаго кн҃зя Димитрея изгонити, а Москвою завладѣти. И нынѣ же намъ приспе время, аще есть вѣдомо твоеи милости, аще ли не вѣси, то аз ти возвѣщу: Цр҃ь бо великиі и силныі и грозныи Мамаи идет на него и на его землю, и мы нынѣ приложимся к великому цр҃ю Мамаю. Вѣмъ бо, яко тебѣ дастъ Москву і иные ближние грады, иже отстоят от твоеи области, а мнѣ дастъ Коломну і Володимер и Муром і иные грады близ меня, иже от твоея области отстоят. Но яз же послах посла своего к великому цр҃ю Мамаю с великою честию и со многими дары; аще ты пошлешь своего посла и каковые имѣеши у себя даровя и пиши к нему ерлыки своя, елико самъ вѣси, паче мене».

Посол же от Олга рязанскова пришедъ в литовъскую землю и посланную с нимъ грамоту дастъ Волгерду, кн҃зю литовскому и пред паны его. Он же пріимъ грамоту с радостию великою зело и повелѣ чести пред собою. И услышавше таковое писание от друга своего, от кн҃зя Олга рязанскова, Волгердъ же, кн҃зь литовъскиі, велми радостен бысть и похвали друга своего Олга, рязанскова кн҃зя. И рече предстоящимъ пред нимъ паном: «Но милшіи мои санатыри и пановя велицы и мали, слышате ли великую и крѣпкую любов межю нами и милость друга моего, великаго кн҃зя Олга рязанского, видите, яко един кн҃зь Олгъ Москвою владѣти не восхотѣ, но и мене, другу своему, повѣда, яко аз с нимъ владѣти имам Москвою». Яко безумни не вѣдуще, что г҃л҃я. Предстоящіи же пановя и санатыри вси проклинувше и рекоша к нему: «Подобно есть, г҃дрь милостивѣшеи, владѣти Москвою, а того, г҃дрь, кн҃зя Димитрея изгонити с Москвы і все грады его раздѣлити по себѣ, а злато и сребро і все узорочье московское земли предадите великому и грозному цр҃ю Мамаю, а рука ваша высока во вѣки безмятежно цр҃ьствовати имат». Сия же словеса Волгердъ, кн҃зь литовскиі, слышавъ от санатыревъ и от пановъ своих и радостен бысть велми зѣло и рече к ним: «Много вамъ имѣния имам даровати в земли московъстеи». Они же падше

поклонишася до земли Волгерду литовъскому кн҃зю на ево великомъ дару и словес жалованном.

Волгердъ же кн҃зь литовъскиі посла Олгова отпустивъ его к Резани с великою честию и посла с ним к другу своему, ко кн҃зю Олгу резанскому дары многия и отпустивъ его и рекъ: «Тако рцы моему другу милому, великому кн҃зю Олгу резанскому: нынѣ другомъ тя себѣ нарицаю и господином единой земли рязанстей, а по малех днех будемъ гдр҃и земли московъстей, и тамо имам видѣ тя, яко брата любезна, и землю московскую под нашу державу разделимъ: ово к Вилне, ово к Резани, сами же радостни будемъ и безмятежно цр҃ьствовати учнем». О горе бѣзумнымъ симъ властелем, яко не разумѣ еще писания, еже рече в книзе псаломстей: вскую шаташася языцы[1]) и безума поучишася тщетнымъ цр҃и и кн҃зи, ему же хощет Богъ да вручит цр҃ство.

О посланиі Волгердове к безбожному цр҃ю Ма҃ю.

По семъ же кн҃зь Волгердъ литовъскиі скоро отрядивъ посла своего к цр҃ю Мамаю мужа мудра, именемъ Бортеша. Бортеж же, человѣкъ родомъ ляцкие земли и посла его скоро и давъ ему дары безчисленныя многие зѣло и книгу послах к нему сицеву: «Превысочайшему, великому и силному и грозному, восточному, всесвѣтлому цр҃ю Мамаю Волгердъ, литовъскии кн҃зь, про твою милость слышах. Много ти припадаю и молюся. Слышах, гд҃не, яко хощеши казнити своего служебника кн҃зя Димитрея московъскаго и улы его плепити. Того ради молю тя, цр҃ю, яко велику бѣду сотвори твоему улуснику кн҃зю Олгу резанскому по твоей мл҃сти, а мнѣ такожде пакости дѣя, но молим тя, великиі цр҃ю, да пріидем к державе твоего цр҃ствия, да услышит кн҃зь Димитреи московъскиі твои цр҃ьскои подвигъ на него и нашу присягу к тебѣ. Вѣмъ, то извѣстно, что устрашится велми». Се же гла҃ху на великаго кн҃зя лестию и рекоша оба себѣ смеющеся: «Егда услышит кн҃зь Димитреи московскиі нашу

1) написано: язызы.

присягу к цр҃ю Мамаю, то отбѣжит в Новъгород в великиі, или на Двину, и мы сядемъ на Москвѣ и на Коломне. Да егда же приідет цр҃ь Мамаи близ Москвы, и мы ему все злато и сребро і все узорочье московские земли цр҃ю Мамаю изнесемъ и встретимъ его с великою честию и пред нимъ предложим все узороче московские земли, и он, взем, возвратитца во свояси, а мы княжение московъские земли разделимъ по себѣ, ово к Вилне, ово к Резани, а намъ велит свои цр҃ские ерлыки подават на отчину и родомъ нашимъ по нас». Но не вѣдуще бо, что гл҃аху, яко несмысленныя младыя дѣти, яко не вѣдуще силы б҃жия и владычняго его смотрения, к правовѣрным терпѣния от беззаконникъ. По истинне бо рече б҃жественное писание: аще кто держится добродѣтели, то не может быти безо многих врагов.

Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь образ смиренномудрія нося и смирения в высоких ищет, а не чая бывших сих ни едина готоваго злаго совѣта, еже совѣщаша ближниі его о нем. О таковых бо пророкъ рече: да не сотвори ближнему своему, да тебя не постигнет зло. Дв҃дъ пророкъ ясно глаголетъ в книзе псаломстей: ров изры, ископаи и впадется въ яму, юже содѣла, обратится болѣзнь его на главу его.

Цр҃ь же Мамаи приімастъ грамоты и писание их и чая от них области по словесѣхъ их. И пріидоша от Волгерда, кн҃зя литовъскаго, и от Олга, кн҃зя резанскаго, к безбожному цр҃ю Мамаю послы и дары ему даяше и писание ему. Цр҃ь же, возревъ в писание и мнѣв, себѣ от них чая лести пишемых, сице нача гл҃ати с темными своими кн҃зи и рече имъ цр҃ь: «Разумѣю яз, яко от них сие писание лесть есть. Слышите сие, како имъ оставити друга своего единовѣрнаго себѣ кн҃зя Димитрея московъскаго и отвратитися от своея вѣры». Они же рекоша, яко «истинна есть» и рекоша к цр҃ю Мамаю: «Ты, цр҃ю, во вѣки цр҃ствуи, а мы сие разумѣемъ, яко нѣсть лѣсти от них, но боятся имѣни твоего грознаго, а се кн҃зь Димитреи московъскиі пред ними предступи и обиду им сотвори». Цр҃ь же Мамай рече кн҃зем своимъ: «Аз мню себѣ то, что они воедино совокуп-

лени будуть на мя вкупе [1]) велико меж има, яз убо имам на Рус итти безо всякаго прекословия». И тѣх пословъ чествовах много и отпустих на Рус и послание сицево написах к нимъ: «Волгерду, кнзю литовъскому и Олгу, кнзю резанскому, елико вы писасте ко мнѣ, на дарѣхъ ваших жалую вас, и елико хощете вотчины руские — тѣмъ дарую вас, но токмо присягу имѣйте ко мнѣ и сряще меня с своими силами, елико гдѣ успѣете, да одолѣете своему недругу, а мнѣ ваше пособие не надобно, аще яз хотех, то бы древнии Ерлим пленил своею силою, яко же и халдеискии Навходоносор црь, но чести вашей хощу, и моим именем, а вашею рукою разпужан будет кнзь Димитреи московскии и огрозитца имя ваше во странах ваших. Мнѣ убо, црю, достоино побѣдити противна себѣ и довлѣетъ чести. Рцыте же кнземъ своим». Послы же возвратишася к ним и сказаша им, яко црь Мамаи здравствует велих чествовах непомногу. Они же скуднымъ умом возрадовашася о суетном привѣте безбожнаго цря, а не вѣдах, яко Бгъ даетъ власть, кому хощетъ, они же — едина вѣра и едино крещение, а безбожному црю приложишася, вкупѣ гонити православную хрстианску вѣру.

По семъ же Волгердъ кнзь Литовскии нача спрашивати посла своего Бортеша про цря Мамая и про воиство его. И рече Волгердъ к послу своему: «вѣм тя, яко муж еси мудръ и разумомъ смышлен, воискомъ же приправления знаеши, во многих прствахъ обычно ли есть и каковъ есть великии црь Мамаи і воинства его много ли зѣло и крѣпко ли». Бортеж же рече к нему: мстивыи гдрю, аще ли велиши і вся ти о немъ повѣдаю истинну: царь Мамаи возрастомъ середнеи, разумом же не велми твердъ, а в речи непамятлив, но гордъ велми і воиства его безчисленно много, но все, яко овцы без пастыря, гордостию превознесеся; аще кнзь Димитреи [2]) московскии устремитца противу ему, мню же, гдрь, яко распудитъ их». Волгердъ же, слышавъ словеса его от Бортеша и прискочивъ от мѣста своего сердито и

1) пропускъ въ рукописи. 2) въ рук. Димитреймитрей.

приим в руку свою мечъ и хотѣ убити посла своего Бортеша, и рече ему: «Како смѣеши такие словеса гл҃ати про таваго великаго цр҃я, ему ж не может сеи свѣтъ стояти противу его». Панове же его скоро кинувшеся и удержаша его и рече Бортешъ к Волгерду: «Что, гдн҃е, на мя сердитуешь, яко спрашивал еси мя о истинне, и яз ти всю истинну повѣдах». Мнози же панове ужаснувъшеся ср҃дцемъ, слышавъ сия словеса о Мамаи, еже рече Бортешь. Волгердъ же, ср҃дцемъ желая к Мамаю цр҃ю, Олгъ кн҃зь резанскиі тако же; о таковых бо писа Лука ев҃глистъ бж҃ственныи во апосталских дѣяниі, рече: жестоки и необрезани сердцемъ и ушесы вы, вы убо противистеся Дх҃у Ст҃ому, каменносердечныи и косная умом. И о сих же есть речено в книзѣ псаломстеи: яко отсекоша своя масличины, присадишася к пустынной лозе горцеи и неплодней.

Олгъ же кн҃зь рязанскиі нача поспешивати і иныя послы посылати к цр҃ю Ма҃ю, яко да подвизается скоро к земли рустей. О таковых пророк рече: от нерассуждения пут злых не спешится, но збирается себѣ досаждение и посмѣх, правых же пути общаются. Нынѣ же сего окаяннаго Олга кн҃зя резанскаго втораго Свт҃ополка наречемъ.

И слышавъ же то кн҃зь великиі Димитреи Іваповичь, яко идетъ на него безбожныи цр҃ь Мамаи и со всѣми своими силами, неуклонно яряяся на хр҃ству вѣру и ревнуя безглавному и злочестивому Батыю цр҃ю. Кн҃зь великиі Димитреи Іванович опечалися велми о безбожномъ нахождении і, вставъ, приіде пред икону Г҃да нашего І҃са Хр҃ста и нача молитися и рече: «Г҃ди, аще смею, молю ти ся, смиренныи раб твои, призри на уныние мое, на тя Г҃ди возверзу печал мою, ты бо свидѣтель, владыко, не сотвори нам, Г҃ди, яко же отцемъ нашимъ, яко наведе на них и на грады ихъ злаго законопреступника цр҃я Батыя, и еще бо тому страху и трепету обдержащу. Нынѣ, Г҃ди, не до конца прогнѣвается на нас. Вѣмъ бо, Г҃ди, яко мене ради потребится хощеши землю сию, яз бо пред тобою согрѣших паче всѣх чл҃вкъ сотвори ми Г҃ди, яко Езекею, укроти, Г҃ди, сердце свирепому сему

беззаконному цр҃ю Мамаю и на Г҃да уповах и не изнемогу». Изшед же из ложницы своея, кн҃зь великiй Димитреи Ивановичь скоро посла по брата своего по кн҃зя Владимера Андреевича, он же бѣ во области своеи въ Боровске. И посла по вся воеводы своя мѣстныя.

Кн҃зь же Владимер Андреевичь скоро приеде на Москву к брату своему к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, і все кн҃зи руския, і воеводы мѣстныя скоро приѣхаша на Москву к великому князю Димитрею [1]) Ивановичю; кн҃зь же великiй Димитреи Ивановичь, видѣв брата своего кн҃зя Владимера Андреевича, и обемъ его и целова і взем за руку і введе его в комнату свою, наедине рече ему: «Слышал ли еси, брате, находящую на нас скорбь от нахождения поганых». Отвѣщав же кн҃зь Владимер Андреевичь к великому кн҃зю Диметрею Ивановичю: «Глава еси, гдр҃ь, всеи земли рускои и како еси обдержим великою печалию о семъ, яко же Г҃дви годно есть, тако и будет. Подобно есть, гдр҃ь, всемъ главамъ нашимъ любезно под мечи умрети за вѣру хр҃стову и за с҃тыя б҃жия цр҃кви и за тебя, гдр҃я, добраго пастыря, нежели работати злочестивому цр҃ю Мамаю, лутче нам града смерть приняти, нежели в срамоте живот видѣти». Кн҃зь великiй Димитреи Ивановичь вставъ от мѣста на нозѣ свои і воздѣвъ руце свои на небо и рече: «Хвалю тя, Владыко мои, Г҃ди І҃се Хр҃сте, яко брату моему въ сердце вложи умерети имени твоего ради с҃таго». Кн҃зь же великiй Димитреи Ивановичь обемъ за выю брата своего и любезно облобызавъ его и рече: «Златопозанная глава, рекох ти, брате, и сущее сердце твое». И паки гл҃я такожде в людях: «да утвердятся юных сердца на подвиг спасения».

І вставъ кн҃зь великiй Димитреи Ивановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и пойде к преосвященному Киприяну митрополиту и пришед, рече ему: «Вѣси ли, отче, нашу настоящую бѣду, яко безбожныи цр҃ь Мамаи идет на нас

1) въ ркп.: «Дитрею».

неукротимымъ сердцемъ от ярости». Преосвященныи же Киприянъ митрополит рече к великому кнзю: «Повѣждь ми, кнже великиі, чемъ вы не исправилися к нему». Рече же к нему князь великиі: «Испытахомъ, отче, до велика и до мала, все по отецъ наших преданию, но еще же наипаче воздахомъ ему». Преосвященный же Киприян митрополит рече ему: «Видиши, гдне кнже великиі, попущением Бжиим, нашего ради согрѣшения идет црь Мамай пленити землю нашу, ино вѣмъ подобает православным кнземъ тѣх нечестивых дарми утоляти четверицею сугубо, аще того ради не смиритца, то и Гдь смирит его: Гдь гордымъ противится, а смиренным же благодать даетъ. Такожде случися великому Василию в Кесариі Кападокиистеи; отступникъ злыи Улиян идыи на персы и хотя разорити град его, он же помолився Богу со всѣми христианы и собраша много злата и сребра, дабы отступника утолити. Он же паки возярився і Гдь посла воина своего Меркурия, и бжиею силою убиі Меркуреи того злаго отступника Улияна со всѣми силами его. Ты же, гдне, возми злата и сребра, еже имѣеши и пошли противу ему и паче исправися пред ним». Кнзь же великиі Димитреи Ивановичь з братом своим приіде от митрополита в горнити свою.

О посланиі к безбожному црю Мамаю от великаго кнзя Димитрея Ивановича московъскаго і всеа Русиі.

І потомъ кнзь велиі нача избирати от двора своего юных етеровъ и ізбра юношу доволна суща умомъ, имянемъ Захарию Тущеева, и давъ ему два толмача, умѣюще языку татарскому и еллинскому и много злата с нимъ послах к црю Мамаю. Захария же дойде до земли рязанския и слышавъ, что Олгъ кнзь рязанскиі і Волгердъ литовскиі приложилися к црю Мамаю. Захария же посла таино вѣсть к великому кнзю Димитрею Ивановичю, что Олгъ кнзь резанскиі і Волгердъ литовъскиі приложилися к Мамаю. Кнзь же великиі Димитреи Ивановичь слышавъ таковую вѣсть и нача сердцемъ двизатися, абие ярости и горести наполнися и нача молитися: «Гди Бже мои, на тя надѣюся правду любящаго, аще бо ми врагъ пакости дѣял, то подо-

беззаконному цр҃ю Мамаю и на Г҃да уповах и не изнемогу». Изшед же из ложницы своея, кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь скоро посла по брата своего по кн҃зя Владимера Андреевича, он же бѣ во области своеи въ Боровске. И посла по вся воеводы своя мѣстныя.

Кн҃зь же Владимер Андреевичь скоро приеде на Москву к брату своему к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, і все кн҃зи руския, і воеводы мѣстныя скоро приѣхаша на Москву к великому князю Димитрею [1]) Ивановичю; кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь, видѣв брата своего кн҃зя Владимера Андреевича, и обемъ его и целова і взем за руку і введе его в комнату свою, наедине рече ему: «Слышал ли еси, брате, находящую на нас скорбь от нахождения поганых». Отвѣщав же кн҃зь Владимер Андреевичь к великому кн҃зю Диметрею Ивановичю: «Глава еси, гдр҃ь, всеи земли рускои и како еси обдержим великою печалию о семъ, яко же Г҃дви годно есть, тако и будет. Подобно есть, гдр҃ь, всемъ главамъ нашимъ любезно под мечи умрети за вѣру хр҃стову и за ст҃ыя бж҃ия цр҃кви и за тебя, гдр҃я, добраго пастыря, нежели работати злочестивому цр҃ю Мамаю, лутче нам града смерть приняти, нежели в срамоте живот видѣти». Кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь вставъ от мѣста на нозѣ свои і воздѣвъ руце свои на небо и рече: «Хвалю тя, Владыко мои, Г҃ди І҃се Хр҃сте, яко брату моему въ сердце вложи умерети имени твоего ради ст҃аго». Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь обемъ за выю брата своего и любезно облобызавъ его и рече: «Златопозанная глава, рекох ти, брате, и сущее сердце твое». И паки гл҃я такожде в людях: «да утвердятся юных сердца на подвиг спасения».

І вставъ кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и пойде к преосвященному Киприяну митрополиту и пришед, рече ему: «Вѣси ли, отче, нашу настоящую бѣду, яко безбожныи цр҃ь Мамаи идет на нас

1) въ ркп.: «Дитрею».

неукротимымъ сердцемъ от ярости». Преосвященныи же Киприянъ митрополит рече к великому кн҃зю: «Повѣжды ми, кн҃же великиі, чемъ вы не исправилися к нему». Рече же к нему князь великиі: «Испытахомъ, отче, до велика и до мала, все по отецъ наших преданию, но еще же наипаче воздахомъ ему». Преосвященный же Киприян митрополит рече ему: «Видиши, гд҃не кн҃же великиі, попущением Бж҃иим, нашего ради согрѣшения идет цр҃ь Мамай пленити землю нашу, ино вѣмъ подобает православным кн҃земъ тѣх нечестивых дарми утоляти четверицею сугубо, аще того ради не смиритца, то и Гд҃ь смирит его: Гд҃ь гордымъ противится, а смиренным же благодать даетъ. Такожде случися великому Василию в Кесариі Кападокиистеи; отступникъ злыи Улиян идыи на персы и хотя разорити град его, он же помолився Богу со всѣми христианы и собраша много злата и сребра, дабы отступника утолити. Он же паки возярився і Гд҃ь посла воина своего Меркурия, и бж҃иею силою убиі Меркуреи того злаго отступника Улияна со всѣми силами его. Ты же, гд҃не, возми злата и сребра, еже имѣеши и пошли противу ему и паче исправися пред ним». Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь з братом своим приіде от митрополита в горнити свою.

О посланиі к безбожному цр҃ю Мамаю от великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго і всеа Русиі.

І потомъ кн҃зь велиі нача избирати от двора своего юных етеровъ и ізбра юношу доволна суща умомъ, имянемъ Захарию Тущеева, и давъ ему два толмача, умѣюще языку татарскому и еллинскому и много злата с нимъ послах к цр҃ю Мамаю. Захария же дойде до земли рязанския и слышавъ, что Олгъ кн҃зь рязанскиі і Волгердъ литовскиі приложилися к цр҃ю Мамаю. Захария же посла таино вѣсть к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, что Олгъ кн҃зь резанскиі і Волгердъ литовъскиі приложилися к Мамаю. Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь слышавъ таковую вѣсть и нача сердцемъ двизатися, абие ярости и горести наполнися и нача молитися: «Гд҃и Бж҃е мои, на тя надѣюся правду любящаго, аще бо ми врагъ пакости дѣял, то подо-

бает противу его терпѣти, яко же искони есть врагъ роду христианскому. Сия же други мои і искренніі мои тако на мя умыслиша, суди, Гди, межю има и мною. Яз бо ни единому никотораго зла не сотворих, разве чести и даровъ от них взимах, тако же им і даровах. Суди, Гди, по правде моеи, да скончается злоба грѣшных». І востав же, кнзь великіі Димитреи Ивановичь поиде з братомъ своим со кнземъ Владимером Андреевичемъ во второе къ преосвященному митрополиту Киприяну и повѣда ему, како Волгердъ кнзь литовъскіі и Олгъ кнзь резанскіі совокупишася с Мамаемъ. Митрополит же рече: «Самъ, гдне, вѣси, кою обиду сотворил еси им». Кнже великіі прослезися и рече: «Аз пред Бгомъ грѣшен есмь человѣкъ, а к нимъ ни единыя черты по отецъ своих заповѣди не преступих. Вѣси бо самъ, отче, никоея же обиды не сотворих имъ и не вѣмъ, чесо ради умножишася на мя стужающіі ми». Митрополитъ же рече великому кнзю Димитрею Ивановичю: «Просвѣти мя веселіемъ, гдне кнже великіі, книги чтеши и разумѣеши законъ бжіі, елико творяи правду, не подвижются на тя человѣцы, правду бо возлюби, нѣсть иного помощника, развѣ егда Двдъ пророкъ глетъ, яко обыдоша мя пси мнози, и сонмъ лукавых обдержаша мя, суетно и тщетно поучается, но яко Гдь помощникъ мнѣ, призови мя в ден печали своея і избавлю тя, и ты мя прославиши. Глет Гсдь: именем Гсдним противляхся им; аще ли, гдине, коего члка Бгъ хранит, то не можетъ его погубити весь мир, аще ли на коего члвка гневъ бжіі приідет, может ли его весь мир укрыти, Гдь праведен есть и правду возлюби. По правде твоеи и будетъ ти Гдь помощникъ, от всевидящего ока влдки и от крѣпъкия руки и ігде кто можетъ укрытися» [1]).

Кнзь же великіі Димитреи Ивановичь з братомъ своим со кнземъ Володимеромъ Андреевичемъ и со всѣми рускими кнзи избра дому яко стражю уготовити тверду. Изобраша отроцы тверды от велмож своих разумных и храбрых зѣло оружникъ

1) въ ркп. послѣ этихъ словъ стоитъ: О... — неоконченное заглавіе.

на сторожу во кн҃зех, им же суть имя [1]) да Якова Андреевича Усатова да Василя Тупина і иных с ними многих витязей храбрых. И повелѣ имъ кн҃зь великиі со всякимъ усердіемъ добывать языков, дабы истинну услышати цр҃ва хотѣния. И повелѣ им ѣхати близ орды до быстрые Сосны. И потомъ же кн҃зь великиі повелѣ грамоты россылати по всѣм градом и повелѣ быти готовымъ на бран з безбожными агаряны, а были бы совокуплени на Успениев день Пресвятыя Бц҃ы на Коломне.

Тѣж стражи в Поле замедлиша. Кн҃з же великиі з братомъ своим и з бояры умысли вторую стражю послать, а им повелѣ возвратися вскорѣ и посла Клементьева Полева да Івана [2]) да Григоря Судока і иных многих с ними. Они же стретоша Василия Тупина Оки рѣки, ведуще языка к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю от сановитых царевых Мамаевых людей. І приведоша языка, язык же повѣдаетъ кн҃зю, яко не ложно цр҃ь Мамаи идетъ на рускую землю и како обослашася и совокупишася с ним Олгъ кн҃зь резанъскиі і Волгердъ литовъскиі. А не спешит бо цр҃ь того ради, яко осени ждет. Слышавъ же кн҃зь великиі от языка того такия словеса и паки нача молитися, гл҃я: «Вл҃ко Г҃ди Іи҃се Христе, Сыне безначалнаго Цр҃я, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Дв҃ы Маріі нашего ради спасения і избави нас от работы вражия. І нынѣ, Владыко пр҃стыи, призри на смирение наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамая и низложи Г҃ди сего злаго, помышляющих на ст҃ую вѣру твою». И паки рече: да пришел ли буде Захария со златом к цр҃ю Мамаю во орду, и что цр҃ь отвѣщаетъ ему.

Захария же, пришед во орду и поемши его темніі кн҃зи и поставиша его пред цр҃емъ Мамаем і все злато посланное от великаго кн҃зя предложи пред царя Мамая. Захария же пред цр҃емъ начаша посолство правити. И рече Захария: «Г҃дрь нашь великиі кн҃зь Димитреи Ивановичь московъскиі всеа Росіі во отечествіі своемъ здравствует, а твоего цр҃скаго здравия прислал

---

1) пропущено — Родіона Ржевскаго. 2) пропущено — Свяслова.

мя вопросити, а сие злато посла со мною к тебѣ, цр҃ю, твоеи ради царьские почести». Увидѣвъ же цр҃ь Мамаи и много злата і возярився, наипаче гордости наполнися горѣе прежняго, и сидитъ цр҃ь Мамаи на своемъ цр҃ьскомъ мѣсте и сверже башмакъ с правыя ноги своея и повелѣ Захарию ногу свою облобызати. И рече цр҃ь Мамаи к Захарию: «Дарую тя от великия славы моея, прежде облобызай ногу мою, тако есть наша цр҃ьская почесть, аще ли кого пожаловати». Захария же сотворит тако, яко же повелѣ ему цр҃ь. І велми цр҃ь подивися красотѣ Захариине и мудрымъ его отвѣтомъ. И рече цр҃ь к Захарию: «Захария, повѣж ми, что есть умыслил ратаи мои Димитреи Московъскиі, яко присла ми злато сие, мняше мя, яко себѣ подобна». И повелѣ злато взяти казаком и рекши им: «Возмите злато сие, да купите платеи на кони своя». И рече цр҃ь Мамаи: «Злато твое Димитреи и сребро і все узороче Московское земли в моеи руце будет, а землю же твою раздѣлю служащимъ своимъ вѣрнымъ, а самого тя приставлю пасти стадо верблюжьи». Захария же, исполнися ярости, не утерпѣвъ и рекоша к цр҃ю: «Что сие гл҃еши тавому великому гд҃рю самодержцу, аще Бг҃ъ что восхощетъ, то и сотворит. А ныне ты, цр҃ю, хощеши без божия повелѣния сотворити». Предстоящиі ж туто кн҃зи темніі выхватиша ножи и хотѣша Захарию рѣзати и гл҃аша ему: «Что гл҃еши сие пред цр҃емъ». Цр҃ь же посмѣяся и не повелѣ ни единым перстомъ двигнути. И рече [1]) цр҃ь к Захарию: «За твою красоту и за предмудрость не велю тя погубити». И паки рече цр҃ь к Захарию: «Возвести ми, многолѣтен ли есть ратаи мои Димитреи, ащели млад, то яз помилую его младости ради і возму ево во двор свои, да накажется обычая моего цр҃ьскаго, а тамо князя иного посажю». Захария же отвѣщавъ к цр҃ю: »Высокъ есть и силенъ и мл҃стивъ Бг҃ъ християнскиі». По семъ же цр҃ь рече к Захарию: «Любим есть ты мнѣ, Захария, подобен еси цр҃ьству моему предстояти. Служи ми, Захария, сотворю тя властелина велика в Руси, будеши подобен

1) въ рукописи дважды.

Дмитрею, ему же нынѣ служиши». Отвѣщавъ же Захария и помышляюще в сердцы своемъ лестию гл҃ати цр҃ю. И рече Захария к цр҃ю Мамаю: «Не подобаетъ послу, не вершивъ посолския рѣчи, тако же иному цр҃ю отбѣжати. Ащели цр҃ю хощеши сие помиловати и сотворити слугою себѣ, и ты, цр҃ю, повели ми книги дат посолския, и яз, шедъ, великому кн҃зю Димитрею Ивановичю и посолство совершу, да будет род мои почтен людми [1]), и яз тебѣ, цр҃ю, вѣрен буду, что не солгалъ первому гд҃рю и, шед, тамо целование крестное с себя сложу и паки к тебѣ возвращуся, лутче есть зле умрети, а нежели невѣрну цр҃ю служити». И сия словеса гл҃я Захария лестию, помышляюще себѣ, како бы избыти от руки цр҃вы а великому князю истинну повѣдати хотя. Цр҃ь же, слыша сия словеса от Захария, радостенъ бысть велми и повелѣ скоро писание писати к великому кн҃зю. И отрядивъ цр҃ь Захария и четыре кн҃зи честныя и любимыи цр҃ю Мамаю: перваго кн҃зя Кизбыемъ зовут, любимой постелникъ цр҃въ, вторыи Лучин, дьякъ цр҃въ, третии Агиш имянем, любимый конюшей цр҃въ, четвертыи Сендеян, клюшник цр҃въ и с ними отрядиша татариновъ мелких н҃ чл҃вкъ. Захария же таино ходяще, моляшеся и рекуще: «Мати Б҃жия пр҃чстая Бц҃а, помяни мл҃тву смиреннаго раба твоего гд҃ря [2]) великаго кн҃зя Димитрея Ивановича. Царица, владычица пресвятая Бц҃а, помилуи, дабы не размыслил цр҃ь послати тѣх окаянных со мною на Русь». Цр҃ь же повелѣ грамоту писати к великому кн҃зю сицеву: «От восточнаго и грознаго, от болшие Орды, от широкаго Поля, от силных татар цр҃емъ цр҃ь грозный Мамаи и многим ордамъ гд҃рь. Рука моя многими цр҃ствы обладает, и десница моя на многихъ цр҃ствах облежит. Ратаю нашему Димитрею московъскому [3]), вѣдомо да есть ти, яко улусами нашими владѣеши, а нашему цр҃ству не поклонишися. Да есть ти вѣдомо, буди, гд҃не, рука моя хощет тя казнити, ащели младъ еси, то приди ко мнѣ и поклонимися, да помилую тя, а в твое

1) въ ркп. люлюдми. 2) въ ркп. дважды. 3) въ ркп. московъсковъсковъскому.

мѣсто пошлю цр҃ьствовати иного кн҃зя. Ащели сего не сотвориши и все грады твоя имам разорити и огню предати, а самого тебя великои казни предам». Цр҃ь же, отпустив Захария и кн҃зеи своих на Рус, и рече к Захарию: «Возвратися ты, Захария, ко мнѣ вскорѣ». И повелѣ его проводити честно.

И егда приближися Захария близ Оки реки и. д҃. татарина і иные, иже посла цр҃ь на Рус татар своих. От Оки рѣки посла Захария таино к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю вѣстника, чтобы прислал на встречю татаромъ. Захария же рече татаромъ: «Ужже вам честно встретят от великаго кн҃зя». Они же высокоумием гордяшеся. Кн҃же великии, отрядивъ скоро в стрѣтение ради Захариина т҃ чл҃вкъ двора своего и сретоша их на сеи странѣ Оки рѣки. Татаровя же ждут почести. Захария же повелѣ хватати татаровъ і вязати их. Татаровя же вопиюще и гл҃юще: «О прелстих еси нас, Захария». Захария же, взем грамоту цареву, посланную к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, и передра ю на двое і выбравъ татарина і вдах ему раздранную грамоту, и рече Захария татарину: «Возвратися ты един и рцы безбожному цр҃ю своему, яко не обретох въ чл҃вѣцѣх безумнѣе тебя, а грамоту твою пред свѣтлые очи г҃дря моего не *принесох* и прочтох ее самъ і видех безумие твое, посмѣяхся и передрах ю, а служити яз тебѣ, цр҃ю, радъ своимъ мечемъ над (т)воею головою». И сие рекъ и отпусти татарина к цр҃ю. И пришед татарин к цр҃ю і возвести бывшее и грамоту давъ ему передранную. Цр҃ь же въскочивъ от мѣста своего и нача сердитовати и рече: «Великою прелестию прелстил мя Захария». И повелѣ неуклонно подвизатися воиску своему на рускую землю. Захария же пришед в славны и град Москву и челом удари сво(ему) г҃дрю, великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, всѣх татар приведе связанных. Кн҃з жь великиі Димитреи Ивановичь велми радостен бысть и подивися великому разуму Захариіну. Захария же повѣда великому кн҃зю все прилучившееся в Ордѣ, яко же впереди писахомъ. Кн҃з же великиі сотвори пир честен на Захарию и почтивъ Захарию многими дары.

На утрияж пришед Захария к великому кн҃зю и рече: «Скоро, гсдр҃е кн҃же великиі, подвизаися противъ ц҃р҃я Мамая, посылаи, г҃дрь, по городомъ своимъ г҃дрьские грамоты і вели воинству своему совокуплятися, яко ц҃рь Мамаи идет скоро на рускую землю». Слышав же кн҃зь великиі таковыя словеса от Захария, что не ложно есть востание безбожнаго ц҃р҃я Мамая на православную вѣру, нача радоватися и утѣшатися и укрѣпляя брата своего кн҃зя Владимера Андреевича і всѣх руских кн҃зеи і рече: «Братие, кн҃зи руския і воеводы мѣстныя, гнѣздо есми кн҃зя Владимера Киевъскаго, иже он изведен от страсти еллинския, ему же открыи Г҃дь познати православную вѣру, яко же Плакиде Стратилату. Он же заповѣда намъ ту же вѣру держати крѣпко и поборати по ней. Аще кто ея ради постражет здѣ, ино во оном вѣце приіметъ. Аз бо, братия, хощу за вѣру х҃ристову пострадати даже и до смерти». И рече кн҃зь Владимер Андреевичь і все руские кн҃зи і воеводы мѣстныя: «Во истинну Г҃дь нашъ Иі҃съ Хр҃стос законную заповѣдь свершивъ и святому е҃ѵ҃глію послѣдствуеши, яко же во святомъ е҃ѵ҃глии написано: кто за имя мое постраждет здѣ, в мире семъ, и яз с нимъ и упокою его в послѣдниі день. Мы же, г҃ди(не), есмь с тобою умрети днес и головы своя сложити за вѣру х҃ристову и за с҃тыя божия ц҃ркви и за свою великую обиду». Слышавъ же кн҃зь великиі от брата своего от кн҃зя Владимера Ондреевича и от всѣхъ кн҃зей руских і воеводъ мѣстных, яко дерзаютъ и побораютъ велми вѣре х҃ристиянстеи.

О посланных грамотах и да зберутся всяко воинство уряженым полкомъ.

Во дни тыи кн҃зь великиі Димитреи Іановичь посла вѣстники многие и грамоты свои многие розославъ: «От великаго кн҃зя Димитрея Іановича всеа Росиі кн҃земъ и бояромъ і воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ і всему воиску і всякому без обмены, чей хто ни есть. Как вам ся наша грамота придет і выб часа того [1]) во

1) въ ркп. пропускъ: лѣзли.

един день и нощь, а других бы есте грамот не дожидалися и збиралися бы все неложно со всеи земли на Успениевъ дн҃ь пр҃стыя Бц҃ы на Коломне, яко да тамо разберемъ подлинно и дадим коемуждо полку воеводу. А сами б есте грамоты посылали промежь себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ лѣта ҂ѕѡ҃пѳ-го году, мс҃ца августа в е҃і де». Сия грамоты и вѣстники розославъ по всеи земли.

О приѣзде многих воин на Москву.

Людие мнози приспѣша к великому кн҃зю Димитрею Івановичю і вси яко единеми усты гл҃аху: «Соверши Бг҃ъ течение наше пострадати имяни твоего ради ст҃аго». И приидоша к великому кн҃зю Димитрею Івановичю кн҃зи Бѣлозерския со многою силою, яко видѣти чинно велми и подобницы суще бо яви, добре учреженно воиство их: Кн҃зь Ѳедор Андреевичь, да кн҃зь Семен Михаиловичь, да кн҃зь Андреи Киевъскиі, да кн҃зь Глѣбъ Каргаполскои и Андомские; и приидоша же Ярославские кн҃зи с своими силами: кн҃зь Андреи Ярославъскиі, да кн҃зь Роман Прозоровъский да кн҃зь Левъ Кипскиі, да кн҃зь Димитреи Ростовскиі, и с ними многие кн҃зи и бояре и дѣти боярские, иже есть.

Братие, стук стучит и гром гремит в славномъ граде Москъвѣ, стучит силная рат великаго кн҃зя Димитрея Івановича московъскаго, а гремят руские сынове злачеными доспѣхами.

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андреевича і православные кн҃зи и поеде к живоначалнои Троицы и ко отцу своему преподобному игумену Сергию. И приеде ко обители и тамо шед в монастыр и благословения получивъ от всея обители святыя. И моли его преподобныи игумен Сергиі, дабы слушал литоргиі Божиі. Приспѣвъ же день воскресныи, память ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. Отпущеннои же литоргиі, моли преподобныи игумен Сергиі со всею братиею, дабы вкусил хлѣба св҃тыя обители. Великому же кн҃зю Димитрею Івановичю нужно есть велми: в тои же время приідоша вѣстницы к нему і возвѣстиша ему, яко уже приближаются татаровя. И моли преподобнаго Сергия кн҃з же великиі,

дабы его отпустил. И рече ему игумен Сергиі: «Замедление сугубо поспешитца, живот ти будет, не у же бо ти еще венецъ на побѣды сия наитти, но во спомявших лѣтех, иным уже венцы плетутца». Кнѣже великиі Димитреи Івановичь вкуси у преподобнаго игумена Сергия во обители, і в то время преподобныи игумен Сергиі повелѣ воды освящати с мощеи свѣтых мчникъ Ѳлора и Лавра. Кнз же великиі скоро воста от трапезы, преподобны же игумен Сергиі, окропивъ свѣтою водою великаго кнзя і все хрстолюбивое воинство и благословив великаго кнзя крстным знамениемъ и рече: «Поиди, гдне, на супротивныя враги; Богъ тебѣ да будетъ помощникъ и заступник в скорби». И таино рече ему: «Побѣдиши супостаты своя». Княз же великиі прослезивъся и дару от него прося; он же рече ему: «елико довлеет твоему гсдьству». И рече кнзь великиі: «Отче, даи ми два воина от полку своего, воеводъ, да и тѣ пособствуют с нами». Он же рече: «коих, гдне, хощеши?» Кнз же: «Даи ми, отче, Пересвѣта чернеца и брата его Ослябя». Преподобныи же Сергиі игумен повелѣ им скоро готовитися, яко вѣдомыя сут ратницы; они же послушание преподобнаго игумена Сергия сотвориша и на бран готови быша. Преподобныи же игумен Сергиі дасть имъ во тленных мѣсто оружие нетлѣнное — крстъ хрстовъ, нашитъ на схиме, и повелѣ имъ возложити на главы своя. И дасть ихъ преподобныи в руцѣ великому кнзю и рече ему: «Се ти мои оружницы, а твои изволницы». Кнз же великиі Дмитреи Івановичь приемлет их и рече имъ: «Братия моя, постражите, яко другиі воини христовы». Преподобныи же игумен Сергиі дасть великому кнзю Димитрею Івановичю і всему православному воинству мир и благословение и отпустив их. Кнзь же великиі обвеселися срдцемъ и не повѣдая никому преподобнаго игумена Сергия таиных речеи. И рече ему преподобныи игумен Сергиі: «Поиди, гдне княже великиі, ко граду своему Москвѣ и прими аки [1]) нѣкое сокровище некрадомое благословение старческое».

---

1) въ ркп. «аки» дважды.

Кн̄з же великиі приіде от сн̄тые обители въ славныи град Москву и паки поими с собою брата своего кн̄зя Владимера Андреевича и поиде к преосвященному митрополиту Кипреяну и сказа ему, как преподобныи игумен Сергиі дал ему благословение і всему воинству. Митрополит же повелѣ сия словеса сохранити и не повѣдати никому, еже рече ему игумен Сергиі таиные словеса. Кн̄з же великиі, приіде от митрополита и іде в ложницу свою, яко к вечеру сущу, изыти уже великому кн̄зю противъ безбожныхъ агарян.

Яко дивно страшно видяти і велми чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачющеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще, і вси народи града московъскаго плачущеся і вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь пр̄чстыя Бд̄цы, честнаго и славнаго ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пр̄чстыя Бд̄цы и рекоша: «Помилуи, Вл̄дца, г̄сдря нашего великаго кн̄зя Димитрея Ивановича, посубствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ нашихъ, яко да ты, Бже, сотвори, елики хощеши, избави нас от варварскаго плетения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іӣса Хр̄ста воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не дан, Г̄сди, в разорение града сего поганому сему цр̄ю Мамаю, да не осквернит сн̄тыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Г̄сда нашего Іӣса Хр̄ста, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будет ранами. На тебя бо надѣемся, Вл̄дчца, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Г̄сже Бд̄ца, родила еси, аще хощеши і можеши нам помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего сн̄таго. Мы же, Г̄сже, на твою милость надѣемся противу безбо Печенѣг, да будет противу ихъ, да будет, Г̄сже, умолен Сынъ твой тобою и Богъ нашъ».

Кнз же великiй Димитрей Iвановичь приiде к чюдотворцу Петру митрополиту и припаде ко гробу его святаго и нача молитися: «О, чюдотворче святителю Петре, по милости бжiй готовъ еси творити безпрестанно чюдеса, и нынѣ ти приспѣ время молитися за нас ко общему влдце, днес бо всѣх злѣе явящих належащих супостат поганих на мя приснаго раба твоего крѣпко ополчишася и на град твои Москву вооружаются, тебя бо Гсдь наш прояви послѣднему роду нашему, вжег тя нам свѣтлую свещу на свѣщницѣ высоцѣ, и тебѣ бо подобает о нас молитися, да не приiдет на нас рана смертьная, и рука грѣшная да не погубит нас; ты бо еси первыи нашъ водителю и страж крѣпкiй граду нашему Москвѣ, яко твоя бо есми паства». И скончав молитву сию и приложишася у раки мощеи его святаго и поклонився митрополиту Киприяну и благословения прося. Он же благослови его и отпустив и дастъ ему хрстово знамение. И посла митръполит Киприян борзо свщенныя соборы и клиросы во Ѳроловские і в Костянтиновъские і в Николские ворота з живоносными крсты и з чюдотворными иконами, да всякои воин благословен будетъ. Кнз же великiй Димитрей Iвановичь з братомъ своим со князем Владимером Андреевичем поиде въ церковь нбснаго і воеводы архистратига Михаила і вшед въ црквь помолитца свтому ево образу. И приступиша ко гробомъ православных великих кнзеи прародителеи своих и рекуще: «Истиннiй хранителие, православия поборницы, аще имѣете дерзновение у Гсда Бга помолитеся о нашемъ унынiи, яко велико востание приключися намъ чадом вашимъ. И нынѣ убо подвизаитеся с нами». И сия рекъ, изшед ис церкви.

Великая же княгиня Евдокия и кнгиня кнзя Владимерава жена і иных православных кнзеи княгини и с воеводскими женами, и многое множество народу града Москвы, мужеи и жен и малых отрочат, провожающе великаго кнзя Димитрея Iвановича, во слезах восклицанием сердечнымъ не могуще слова изрещи. Великая же кнгиня Евдокея дастъ гсдрю своему Димитрею Iвановичю конечное свое целование. Кнзь великiй Димитреи

Кн҃з же великиі приіде от св҃тые обители въ славныи град Москву и паки поими с собою брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и поиде к преосвященному митрополиту Кипреяну и сказа ему, как преподобныи игумен Сергиі дал ему благословение і всему воинству. Митрополит же повелѣ сия словеса сохранити и не повѣдати никому, еже рече ему игумен Сергиі таиные словеса. Кн҃з же великиі, приіде от митрополита и іде в ложницу свою, яко к вечеру сущу, изыти уже великому кн҃зю противъ безбожныхъ агарян.

Яко дивно страшно видяти і велми чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачющеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще, і вси народи града московъскаго плачущеся і вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь пр҃чстыя Бд҃цы, честнаго и славнаго ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пр҃чстыя Бд҃цы и рекоша: «Помилуи, Вл҃дца, гс҃дря нашего великаго кн҃зя Димитрея Івановича, посубствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ нашихъ, яко да ты, Бж҃е, сотвори, елики хощеши, избави нас от варварскаго плетения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іи҃са Хрс҃та воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не даи, Гс҃ди, в разорение града сего поганому сему цр҃ю Мамаю, да не осквернит св҃тыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Гс҃да нашего Іи҃са Хр҃ста, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будет ранами. На тебя бо надѣемся, Вл҃дчца, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Гс҃же Бд҃ца, родила еси, аще хощеши і можеши нам помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего св҃таго. Мы же, Гс҃же, на твою милость надѣемся противу безбо Печенѣг, да будет противу ихъ, да будет, Гс҃же, умолен Сынъ твой тобою и Богъ нашъ».

Кнз же великиі Димитреи Ивановичь приіде к чюдотворцу Петру митрополиту и припаде ко гробу его святаго и нача молитися: «О, чюдотворче святителю Петре, по милости бжіі готовъ еси творити безпрестанно чюдеса, и нынѣ ти приспѣ время молитися за нас ко общему влдце, днес бо всѣх злѣе явящих належащих супостат поганих на мя приснаго раба твоего крѣпко ополчишася и на град твои Москву вооружаются, тебя бо Гсдь наш прояви послѣднему роду нашему, вжег тя нам свѣтлую свещу на свѣщницѣ высоцѣ, и тебѣ бо подобает о нас молитися, да не приідет на нас рана смертьная, и рука грѣшная да не погубит нас; ты бо еси первыи нашъ водителю и страж крѣпкиі граду нашему Москвѣ, яко твоя бо есми паства». И скончав молитву сию и приложишася у раки мощеи его святаго и поклонився митрополиту Киприяну и благословения прося. Он же благослови его и отпустив и дастъ ему хрстово знамение. И посла митръполит Киприян борзо свщенныя соборы и клиросы во Ѳроловские і в Костянтиновъские і в Николские ворота з живоносными крсты и з чюдотворными иконами, да всякоі воин благословен будетъ. Кнз же великиі Димитреи Ивановичь з братомъ своим со княземъ Владимером Андреевичем поиде въ церковь нбснаго і воеводы архистратига Михаила і вшед въ црквь помолитца свтому ево образу. И приступиша ко гробомъ православных великих кнзеи прародителеи своих и рекуще: «Истиннiі храните́лие, православия поборницы, аще имѣете дерзновение у Гсда Бга помолитеся о нашемъ унынiі, яко велико востание приключися намъ чадом вашимъ. И нынѣ убо подвизаитеся с нами». И сия рекъ, изшед ис церкви.

Великая же княгиня Евдокия и кнгиня кнзя Владимерава жена і иных православных кнзеи княгини и с воеводскими женами, и многое множество народу града Москвы, мужеи и жен и малых отрочат, провожающе великаго кнзя Димитрея Ивановича, во слезах восклицанием сердечнымъ не могуще слова изрещи. Великая же кнгиня Евдокея дастъ гсдрю своему Димитрею Ивановичю конечное свое целование. Кнзь великиі Димитреи

Івановичь мало самъ от слез удержався и не давъ себя прослезити, народа ради, а сердцемъ своим горко слезяще, и рече своеи великои княгине Евдокее: «Жено, аще Богъ по нас, никто же на нас». И протчиі княгини и боярыни и с воеводскими женами [1]).

Кн̃з же великиі Димитреи Івановичь, въступив в свое златокованное стремя і всѣдъ на свои избранныи конь, і вси князи і воеводы такожде поседаху на кони свои. И тогда ему сл̃нце на востоце ясно сияет, пут имъ кажет. Уже бо тогда, аки соколы от златых колодицъ рвахуся ис камена града Москвы. Кн̃зи же Белозерстиі выехаша особ своими полки, урядно бо их видѣти, воиско же их учрежено по достоянию, яко достоит имъ избавити стада лебидиные.

Кн̃з же великиі отпусти брата своего, кн̃зя Владимера, с войскомъ на Брошевъскую дорогу, рекше Деревенскою, а Белозерскихъ кн̃зеи — Болвановкою дорогою, а сам же кн̃зь великиі пошел на Котелъ. Спереди же ево сл̃нце удуб грѣетъ, а по немъ кротко вѣтрецъ вѣет. Сего ради раздѣлися з братомъ своимъ, не вмѣсте дорогою пошли, яко умѣститися единою дорогою не мочно.

Великая же княгиня Евдокия с снохою своею и со всеми кн̃гинями и с воеводскими женами взыде на свои златоверховои теремъ на набережноі и сяде на рунке под южными окны и уже бо конечное зрение зрит на великаго кн̃зя Димитрея Івановича, а слезы проливающе от очию своею, яко рѣчную быстрину, и зшибѣ руцѣ свои к персемъ и рече: «Гс̃ди Бж̃е великиі и страшныи, призри на мя грѣшную смиренную рабу свою; сподоби мене аще видѣти гс̃дря моего, славнаго в чл̃вѣцехъ великаго кн̃зя Димитрея Івановича; даи же ему, Гсдь, от крѣпъкия руки твоея помощь побѣдити Аммалика и не сотвори, Гс̃ди, яко за мало лѣт была бран на Калках християном з безбожными татары. Спаси и помилуи и не даи же, Гс̃ди, погибнути оставшему

1) здѣсь — пропускъ въ ркп., чт.: повратишася в домы своя.

хрстиянству, да славится имя твое с҃тое. От такие великия рати до Мамаева нахождения р҃ѯ лѣтъ, и от тое Калкские брани руская земля уныла. Уже ни на кого надежи нѣт, толко на всевидящаго Б҃га. А толко у себя имѣх двѣ оттросли, и тѣ еще малы — к҃нзя Василья Дмитреевича, да к҃нзя Юр҃я Дмитреевича, и егда же поразит ихъ сл҃нце сь юга или вѣтрецомъ повѣетъ их или на запад противу их, одва они терпѣти могут. Аз убо да то сотворю, да сождати бы им, Г҃сди, по здорову отца своего, то земля руская спасетца, а они цр҃ьствуютъ бо во вѣки».

К҃нз же великиі Димитреи Ивановичь взявъ с собою г҃ мужеи силныхъ от Сурожан, рекше от ростеи, видения ради, аще что Гдь Богъ случит, и они имут видяти і в далних странах[1]) имут повѣдати, яко нарочитые сут сходницы. Суще гостей имяна от Сурожан: а҃-го Василя Палицу, в҃-го Сидора Алѳерева, г҃-го Костянтина Белца, д҃-го Козму Коверу, е҃-го Сама Антонова, ѕ҃-го Михаила Саларева, з҃-го Тимоѳея Васкова, и҃-го Димитрея Черного, ѳ҃-го Івана Шиха, і҃-го Дементья Саларева. Да тогда же возвѣявше вѣтры, і воздвигошася великиі к҃нзь і вси к҃нзи и бояре и дѣти боярские успешно грядутъ, яко медвенные чаши пити или ясти хотятъ до сытости, дабы добыти себѣ чести и славнаго имени во вѣки. Возвѣявшу вѣтру велику, а в нем громъ великъ стучит. Вскоре к҃нзь Владимер Андреевичь повелѣ реку Москву возитца на красном перевозѣ в Боровске.

К҃нз же великиі Димитреи Ивановичь приіде на Коломну в суботу на память с҃таго Моисея Мурина, и бысть уже тут мнози ратницы, к҃нзи і воеводы и въстретоша великаго к҃нзя Димитрея Ивановича на рѣчке на Сиверке. Архиепископ же Еуѳимеи въстрѣте его великаго к҃нзя во градных вратѣх в Ывановъских з живоносными кр҃сты и с чюдотворными иконами и с крылосы и оградив его кр҃стомъ и молитву говорив: «Спаси Б҃же люди своя и благослови достояние свое». І вси идоста в цр҃квь, и туто к҃нзь великиі многих к҃нзей і воеводъ звал к себѣ хлѣба

1) въ ркп. на поляхъ: «земляхъ».

ясти. И сие оставъшее иди и паки на предлежащее возвратимся.

Иную повѣсть да скажу вам о мужех Новгородцех великаго Новаграда.

Тогда же бысть Новград великиі самовластны; цр҃я над ними не бысть, егда сия побѣда донская. И новгородцы же тогда владѣюще сами собою, воинству же бысть тогда учинили избраннаго нарочитаго [1]) и со многими странами в мире не живуще, храбрости ради своея. Яко многажды приходяще Нѣмцы и Литва на украины их и хотяху плѣнити землю их, они же выходяще и побиваху их. Сами же новгородцы, в велицеи славе живуще, спасени быша Соѳиею, премудростию Бж҃иею і Варламом чюдотворцемъ, иже есть на Хутыне, и архиепископомъ великаго Новаграда и Пскова Еуѳимиемъ. Послушаите сего, братия, егда же приидоша ис поля вѣстницы к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, яко цр҃ь Мамаи идет плѣнити землю рускую с великою силою, и услышанно бысть великимъ кн҃земъ Димитриемъ Ивановичемъ, яко Ол҃гъ кн҃зь резанскиі і Волгердъ литовъскиі совокупишася с Мамаемъ хотят вкупе разорити православную хр҃стиянскую вѣру, и тогда кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь в велицеи печали бысть, і вся земля московская смятеся о напрасном нахожденіі безбожнаго цр҃я Мамая. Кн҃з же великиі тогда отвергше от себя печал и повелѣ войску своему совокуплятися вскорѣ и хотя изыти на встрѣтение безбожному цр҃ю Мамаю и хотя пострадати о вѣрѣ християпстей. В то же время тогда быша на Москвѣ гости новогородцы с товаромъ торгу ради: Николаи повогородец, да Іванъ Василевъ сн҃ъ Усатои, да Дмитреи Плонскои і иные многие гости быша. Услышавъ же сие, вскоре возвратишася в великиі Новъград и, пришедше, возвестиша посадникомъ своимъ все і о великом кн҃зе Димитрее Ивановиче прилучившееся скорби его. І восташа скоро, притекоша мужие новгородцы пред влд҃ку и падоша на колени своя

1) въ ркп. пропускъ, чит.: ,п.

и моляшеся о великиі кн҃зе, дабы умолити о нем Хр҃ста Бг҃а нашего. И такожде ко владыце Еуѳію притекоша и падоша пред нимъ и рече: «Вѣси ли, гд҃не отче, таковое востание на великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго и на всю православную вѣру, яко цр҃ь Мамаи идет пленити землю рускую і вѣру хр҃стову искоренити, и святыя бж҃ія цр҃кви разорити, и сеи безумныи Олгъ кн҃зь резанскиі і Волгердъ литовъскиі, и тѣ совокупишася с Мамаемъ цр҃емъ, хотят вкупѣ гонити православную вѣру хр҃стову, мы же, отче и гд҃не, слышахом, яко кн҃зь Димитреи Ивановичь силою бж҃ією и своим высоким смиреніемъ ополчился противу има, хощет, отче, за вѣру христову умерети». Слышавъ сие архиепископъ новгороцкиі, яко велико гонение хощет быти на християнство і возмутився срдцемъ, і востав на нозе свои и паде на землю на лицы своемъ и плачася горко пред св҃тыми иконами вседержителя Спаса и пр҃чстыя Бц҃ы, моляшеся, и рече Еуѳимеи ко образу Гд҃ню и пр҃чстые Бц҃ы молящеся за великаго кн҃зя и за все православное хр҃стиянство: «О всемирная Цр҃ца чюдная Бц҃а, милостивая и премилостивая Дв҃о чистая, не скверная, мт҃и Гс҃да нашего Іи҃са Христа, да вѣмъ ти, умоли Сн҃а своего, Хр҃ста Бога нашего, да смирит лва сего свирѣпаго погана́го цр҃я Мамая, хотящаго осквернити пр҃стое і великолѣпое имя твое и св҃тыя храмы разорити и родъ християнскиі искоренити. Помоги, Гс҃ди, великому кн҃зю над погаными агаряны і возвыси, Гд҃и, десницу християнскую». І востав от мл҃итвы и рече архиепископ Еуѳимеи посадникомъ новгородским: «Которые ради потребы приидосте ко мнѣ». Они же рекоша ему: «Придохом, гд҃не отче, к тебѣ того ради, аще ли благословиши венецъ приняти с верховными сыньми московскими. Хотим, гд҃не, вкупѣ пострадати, имени ради хр҃стова». Архиепископ же Еуѳимен прослезився и рече: «Благословен Бг҃ъ нашъ, таковую благодат дах въ сердца ваша, идите и повелите собрати народа новгороцкаго, и кую рѣчь принесут ко мнѣ». Посадницы же новгородстиі, возшед на стѣну града, и повелѣша звонити в вѣстный колокол, народа ради, збиратися на совѣт к великому архиепископу

Еуѳимию. И по всѣмъ улусамъ повелѣ ездити на конех и звати на совѣт, гл҃юще: да всякiи чл҃вкъ нынѣ приiдет на совѣтъ, яко земская дума думати. И снидеся народу много к совѣту. Посадницы возвѣстиша архиепископу, яко снидеся народ мног. Архиепископъ же Еуѳимеи всел в сани и [1]) приѣде на собор и став на ступени и повелѣ уставити народы от молвы. Посадницы же повелѣша проповѣдникомъ вещати, дабы народ умолчал. Проповѣдницы же мнози гл҃юще народу, яко да молчат от молвы.

Архипископъ же новгородскiи Еуѳимеи рече велегласно во услышание всѣмъ: «О мужие великаго Новаграда от мала и до велика, всякои чин і возрасть, слышите ли, сынове мои, каково гонение приспѣ на вѣру христову, яко поганыи цр҃ь Мамаи идет на рускую землю, на великаго кн҃зя Димитрея Iвановича московъскаго и хощетъ вѣру христову осквернити и ст҃ыя Бж҃ия церкви разорити, а род християн искоренити. Кн҃з же великiи Димитреи Iвановичь, помощию Гд҃а нашего Iи҃са Христа и пречистыя Бц҃ы, вооружився противу поганых и хощет желанно по Христе пострадати [2]). Молю же вы, сынове мои, подвигнитеся і вы с ним с великимъ кн҃земь, вѣры ради христовы, да получите вѣчную жизнь во ономъ вѣце». Слышавъ же сия, новгородцы, возгласиша велѣгласно вси, яко единеми усты, и падше поклонишася на лицах своих архиепископу Еуѳимею, рекоша: «Отче с҃вятыи, ты еси нашъ учитель, ты еси глава всѣмъ намъ, ты еси пастыр словесным овцам стада христова. Готови есми днес, отче, скончатися, вѣры ради христовы головы свои положити по Христѣ, Бз҃ѣ нашемъ, а немочно нам, г҃дне отче святыи, оставит великаго кн҃зя Димитрея Iвановича московскаго единаго, ащели, г҃дне, кн҃зь великiи спасенъ будет, то и мы с ним спасемъся. Даи же нам, г҃дне отче, днес собратися, а утреи поидемъ вси на пут спасения». Архиепископ же Еуѳимеи приiде от них во своя кели. Они же, мужие великаго Новаграда, нача

---

1) въ ркп. «и» дважды. 2) въ ркп. «постради».

избирати от велмож своих воевод крѣпких, і выбраша воевод крѣпких и мудрыхъ зѣло: а̄-го воеводу Василя Василевича посадника, в̄-го Ѳому Михаіловича Красного, г̄-го Андрея Ивановича Волосатово, д̄-го Димитрея Даниловича Заверияжского, е̄-го пана Львовича, ѕ̄-го Юря Захаревича Хромово, і иных многих отрядиша с ними избранново новгородцкаго воинства ,м̄ и заповѣдаша всѣмъ, яко заутра, егда услышат колоколъ вѣстныи, и готови будите всѣ на дворище у ст̄аго Николы. Архиепископ же Еуѳимеи востав к заутрени и повелѣ по заутрени воду осв̄тити с мощеи многихъ святителей. И бысть яко первыи час дни, повелѣ звонити архиепископъ, яко до по тому звону съѣдутца все воиско на площадь к соборнои цр̄кви, к Соѳее премудрости б̄жиі. Они же съѣхашася вси воинские люди вскорѣ, не остався ни един в домѣхъ своих. Архиепископъ же повелѣ кропити попомъ и дияконом с̄вятою водою, самъ же с̄вятитель, возшедъ на степен і возгласивъ велѣгласно, рече: «Послушаите мене, чадца, приложите ухо сердецъ ваших, нынѣ, чада, хощете итти на пут спасения, і вы, чадо, не утолите лица своего, ни един от вас, от поганых и не дадите плещеи своих пред ними бѣгати, яко всѣмъ единою смертию умрети, да живот вѣчныи постигнете от Г̄да Б̄га». І все воеводские люди, яко единеми усты вопияху и рекоша ему: «Един, отче, Б̄гъ свидѣтель, должни есми умрети по Христѣ Б̄зѣ нашемъ». Святитель же, воздѣвъ руцѣ свои и благослови их и рече: «Б̄гъ правитель да будетъ вамъ». И отпусти их і вземъ честныи крестъ Г̄дн̄ь и огради всѣхь воеводъ і все воинство и рече: «Грядите и не умедлите, да не останете жизни вѣчныя». Они же, вседше на кони своя и наполнишася радости и поидоша, яко златопарніі орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости. Тако же и сиі правовѣрніі воини скоро идуще и глаголюще: «Даи намъ, Г̄ди, въскорѣ видѣти любезно великаго к̄нзя Димитрея Ивановича московъскаго». Новгородская же рат приіде к Москвѣ к великому к̄нзю на помощь; яко приближишася ко граду Москвѣ і возвѣстиша им града Москвы, яко к̄нзь великиі

вчерашнiй день на Коломну пошел. Они же отпустиша к великому кн҃зю вѣстниковъ возвестити о своемъ пришествiи, а сами скоро шествие творяху ко граду Коломнѣ. Вѣстники же приидоша к великому кн҃зю Димитрею Iвановичю i возвестиша, яко шесть воевод идетъ к тебѣ, к великому кн҃зю на помощь, новгородцы, а с ними воинства ѕ҃ вооруженых. Бысть ж тогда день воскресный. Кн҃зь же великiй в то время бысть у заутрени, и пришед вѣстник к великому кн҃зю, яко приidоша вѣстницы от новгородцовъ, а сказывают, яко идутъ шесть воеводъ, а с ними силы ѕ҃ избранново воинства новгороцкаго. Кн҃зь же великiй повелѣ ихъ скоро поставити пред собою, яко хотя слышати от них истинны. И поставиша их пред великимъ кн҃земъ; они же сказаша ему такожде. Кн҃зь великiй воспроси их: «Далече ли есть воеводы ваши i воинство все». Вѣстницы же рекоша к великому кн҃зю, яко поприщь пят от града. Кн҃з же великiй прослезився и рече: «Бж҃е хвалный и Бж҃е чюдный и милостивый, яко от нечаемыхъ даеши помощь», и радостен бысть велми. Кн҃зь великiй Димитреи Iвановичь многихъ витязеи в стрѣтение новгородскимъ воем посла. I воинство же новгороцкое сташа близ Коломны. Витези же великаго кн҃зя приѣхаша близ новгородцкаго воинства, i воеводам ихъ покланяхуся и к великому кн҃зю возвращахуся. Воинство же новгородское велми уряжено по подобию и чинно конми, и портищи, и доспѣхами, и панcыри, и шеломы, все позлачены и на портищах у них много бысть злата и сребра и бисеру драгоценнаго, и на седлах у них все злато и сребро. Кн҃з же великiй Димитреи Iвановичь повелѣ воеводам их i витяземъ болшимъ быть пред собою. Воеводы же новгородцкие приidоша и поклонишася великому кн҃зю Димитрею Iвановичю любезно. Кн҃з же великiй Димитреи Iвановичь прият их с великою честию и зва их к себѣ хлѣба ясти и многих витязеи новгородских, и сотвори имъ кн҃зь великiй Димитреи Iвановичь пир велми честен и одаривъ их великими дары и посла о семъ вѣстники к славному граду Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну и к великой кн҃гине Евдокее. Они же слышавше

таковое мл҃сердие Бж҃ие и с великою радостию прославиша Бг҃а, давшаго им благодат свою.

Кн҃з же великиі урядивъ полки по достоянию и учини коемуждо полку воевод и заповѣда всему своему воинству не прикасатися ни х чему к новгородскому. И повелѣ кн҃зь великиі Димитреи Івановичь всѣмъ воеводамъ на поле выехати к Девичью монастырю, і всему воинству сниматися повелѣ. Тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревут наволочепы у саду Панѳилова. Сн҃ове же рустиі наступиша поле Коломенское, яко не мочно бѣ никому очима видѣти воиска того, а новгороцкия же полки особ стояще чинно, велми уряжены по достоянию. яко немочно зрѣти на полки великаго кн҃зя. И полки же великаго кн҃зя стояще і в трубы гласяще і в варганы бююще.

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь з братомъ своимъ со кн҃земъ Владимером Андреевичемъ нача ѣздити по полкамъ і видевше многое множество воиска своего возрадовашася радостию великою зѣло. И приѣде к полкомъ новгороцкимъ, они же падше и поклонишася ему до земли. Кн҃з же великиі Димитреи Іванович видевъ воиско их уряжено по достоянию учрежение их, нарочиты и храбри велми. Кн҃зь же великиі подивися учреженію ихъ и храбрости и урядив коемуждо полку воеводу. Себѣ же кн҃зь великиі приемъ в полкъ кн҃зеи белозерских; а в правую руку урядив брата своего кн҃зя Владимира Андреевича и давъ ему в полкъ ярославъских кн҃зеи; а в левую руку урядив новгороцкие посадники; а в передовом полку урядивъ воеводы кн҃зя Глѣба Дрункова да Дмитре Всеволожа; володимерского и коломенского полку воевода Микула Василевича; володимерскиі и юревъскиі воевода Тимоѳей Валутевичь; костромскиі воевода Іван Родионовичь Квашня; переславъскиі воевода Андреи Сергеевичь. А у кн҃зя Владимера Андреевича воеводы: Данило Костянтиновичь Белоутов, да кн҃зь Ѳедор Ялецкои, да кн҃зь Юри Мещерскои, да кн҃зь Андреи Муромъскиі. И тѣ со всеми своими полки вмѣсте. И повелѣ имъ кн҃зь великиі Оку реку возитися. И рат

великаго кн҃зя благословение взявъ у архиепископа коломенскаго у Еуоимия, а сам кн҃зь великиі перевезеся Оку реку под Коломною на Девичемъ перевозе и заповѣда коемуждо полку, аще кто пондет по резанскои земли да никтоже бы не коснулся ни единому класу их. Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь рече брату своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: «Поспешимъ, брате, противъ безбожных агарян и не утолимъ лица своего от бестудия их, ащели смерть прилучитца намъ, то не смерть, но животъ вѣчныи, иже путемъ своимъ идемъ, призывая сродницы своя на помощь, с҃вятых мч҃нкъ Бориса и Глѣба.

О раскаянии Олга кн҃зя резанскова.

Слышав же кн҃зь Олгъ резанскиі, яко кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь совокупился со многими силами, а идет въ стретение противъ безбожнаго ц҃р҃я Мамая, но паче вооружен твердою своею вѣрою, иже к Б҃гу о всѣхъ и за вся, имѣя упование ко вседержителю Б҃гу. Нача Олгъ кн҃зь резанскиі от мѣста на мѣсто преходити и нача гл҃ати со единомышлеными своими, ни гласа, ни речения чаянному своему дѣлу не удоб разумѣюще: «Аще б было намъ мочно послати вѣсть ко многоразумному Волгерду литовъскому, но заста намъ путь. Аз убо чаяхъ по прежнему, яко не подобаетъ рускому кн҃зю противъ восточнаго ц҃р҃я стояти, нынѣ убо разумѣю, откуды ему помощь будет». Юноши же пред нимъ стояще и сказаша ему, яко кн҃зь великиі идет со многими силами на ц҃р҃я Мамая, и рекуще ему бояре его: «Намъ, кн҃же, преж сего повѣдали за е҃і днеи, мы же боялися того тебѣ повѣдати. Сказывают в вотчине ево есть игумен Сергеи, велми прозорливъ, тоиже паче вооруживъ его от своихъ калугеръ и давъ ему два пособника». Слышав же то кн҃зь Олгъ резанскиі от бояр своих, яко приидоша к нему на помощь новгородцы со многою силою своим воинствомъ, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело, и он же наипаче нача боятися, уже бо нача яритися гнѣвом не бояр своих: «Почто ми есте не сказали преже сего, дабы шел и умолил бы нечестиваго ц҃р҃я, да ничто же бы зла сотворилъ великому кн҃зю Димитрею Ивановичю

московъскому. Горе мнѣ окаянному, яко изгубих умъ свои, но паче убояхся, единъ оскудех умомъ, но и боле меня и умомъ разумливее, — Волгердъ литовъскиі, тои же нам паче не взыщетца; он же Петра Гугниго закон разумѣх, яз же каковы истинны разумѣхъ, почто поползохся; того ради [1]) о мнѣ рече, аще раб вѣдает закон гс̃дна своего, согрешит и не соблюдет и биен будетъ много. Нынѣ убо что сотворю и которому слуху разумѣю, аще дам великому кн̃зю повиновение, работати иму, вѣсть бо он измѣну мою, то не приимет мя к себѣ; аще убо приложуся к нечестивому цр̃ю Мамаю, то по истинне, яко древнии гонител буду на православную вѣру хр̃стову, яко новаго Свт̃ополка земля мя жива пожретъ, не токмо княжения лишенъ буду, но и живота вѣчнаго гонзнуся. Аще ли Гд̃ь по них, никто ж на них, аще же всегда о немъ молитца прозорливыи мних тои Сергеи. Аще ли ни единому помощи не сотворю, то впрок от обоих могу пожити, и кому Гс̃дь поможет, тому и присягу имѣю.

О раскаяниі Волгердове и о разрешениі совѣта ихъ.

Волгердъ же предреченным уроком своимъ совокупи Литвы много и поиде на помощь к безбожному цр̃ю Мамаю. И приіде же Волгердъ к Одоеву городу и услышав, яко Олгъ кн̃зь резанскиі убояс, и пребысть Волгердъ оттуду недвижимъ. И нача размышляти своя суетныя помыслы і видѣ совокупление свое разно разделишася и совѣты своя разрушены и нача яритися на паны своя и гл̃ати, сертуя: «Елико изведетца человѣкъ от премудрости своея, такожде і в чюжеи мудрости пребывати не довлѣет, николи же бо Литва учима бѣ Резаню, и изведе нас из ума кн̃зь Олгъ резанскиі, а самъ паче нас погибе. Нынѣ же пребудем здѣ, доидеже услышимъ московъскаго побѣду».

Сказание о дву братех о Волгердовичах.

В то же время услышавъ кн̃зь Андреи Волгердовичь полоц-

---

1) въ ркп. «ра».

кіі, да кн҃зь Димитреи Волгердовичь брянскіі, яко велика туга печаль належит великому кн҃зю Димитрею Ивановичю московъскому і всему православному хр҃стиян от безбожнаго цр҃я Мамая. И рече самъ себѣ кн҃зь Андреи Волгердовичь: «Да идемъ к нему на помощь, бѣста бы мы отцемъ своимъ ненавидимы и от мачехи своея кн҃гини Анны». И аки нѣкия класы допроплодия, терниемъ подаляеми, они же посреде нечестия живуще, и не бѣ тогда имъ роду достоинаго расплодитися. І вскорѣ кн҃зь Андреи к брату своему ко князю Димитрею посла з грамотою таино, а в неи писано сице: «Веселися, брате мои возлюбленныи, яко отецъ наш отверзе от себе нас, но паче отецъ го ради живота, нбс҃ныя ради почести, якоже Г҃сдь уготова творящимъ волю его». Вѣстникъ же приіде ко кн҃зю Димитрею Волгердовичю и даша ему грамоту в руцѣ от брата его от кн҃зя Андрея Волгердовича полоцкаго. Он же приімъ грамоту и прочет послание и нача рыдати велми и плакати и рече: «Г҃сди вл҃дко чл҃вколюбецъ, дан же нам рабомъ своимъ хотѣние свое совершити блискимъ путемъ, начнемъ подвизатися подвига сего во брань, еже открыл брату моему старѣишему». И рече вѣстникомъ: «Сице рцыте брату моему, кн҃зю Андрею: готов есмь с тобою по твоему наказанию, брате г҃дне мои, колко есть воиска моего, то все вкупѣ со мною, бжіимъ промыслемъ совокуплены иныя ради брани належащих ми от дунаиских татар. И нынѣ рцы брату моему, яко приідоша ко мнѣ московские купцы с Сѣвера, а сказываютъ уже великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго на Дону, яко пребыти хощет, тут бо ждати сыроядцовъ. И подобает намъ итти на Сѣверу, пут предлежит, и тамо совокупитися намъ, ибо отца своего утаимся, от шествие их на Сѣверу не возбранит нам студно». По малех же днех снидошася два брата желанно со всѣми своими силами і в Севери і видѣвше радостию великою, яко же иногда Иосиѳь со Велиамином, и облобызавшеся любезно два брата, кн҃зь Андреи да кн҃зь Димитреи Волгердовичи, и видѣвъше у себя множство людей и сердечно вооружишася, яко нарочиты противницы полводцы. Приспѣша же на Дон борзо и

наѣхаша [1]) великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго об сю страну еще Дону, на мѣсте речномъ береге, и туто совокупишася с великимъ кн҃земъ. Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь з братомъ своимъ со кн҃земъ Володимеромъ Андреевичемъ совокупишася с ними. Волгердовичи кн҃зь Ондреи да кн҃зь Дмитреи на том же мѣсте возрадовашася радостию великою и удивишася силе бж҃иі, яко не удоб бѣ мочно таковому быти. Г҃сдь посла их путемъ своимъ, яко дѣти, оставиша отца своего, яко же волсви Ирода поруганна. Волгердовичи же приідоша на помощь, и многими дарми почтивъ их кн҃зь великиі, в пут же идуще, радующеся і веселящеся во свѣте [2]), земнаго же отвергъшеся, чающе себѣ, яко оного времяни безсмертнаго в будущии вѣкъ. И рече к нимъ кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь: «Братия моя милая, коея ради потребы приідосте ко мнѣ, се бо Г҃дь посла вас в пут свои, во истинну ревнители есте отца нашего Авраама, яко таино вскорѣ Лотови поможет, яко доблественному великому кн҃зю Ярославу, яко отмстил обиду брату своему».

Скоро же посла кн҃зь великиі вѣстника к славному граду своему Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну: яко Волгердовичи князи приідоша ко мнѣ на помощь со многими силами, отца своего оставиша поруганна. Вѣстник же скоро приеде на Москву ко преосвященному митрополиту Киприяну и повѣдая ему вся бывшая. Митрополит же слышав і вставъ от престола своего, прослезивъся и молитву сотворивъ рече: «Г҃ди вл҃дко человѣколюбецъ, яко супротивныя наша вѣтры на тихость прелагаютца». И посла во вся соборныя церкви і во обители с҃тые, м҃стри и повелѣ молитву творити день и нощь ко вседержителю Б҃гу; наипаче же во обитель живоначалныя Тр҃цы и пр҃подбнаго игумена Сергия, да не когда послушае Б҃гъ их молитвы. Великая же кн҃гиня Евдокея, услышавъ таковое Б҃жие м҃сердие и неизреченная его м҃сть, і в то время сотвори убогимъ м҃стыни, а сама же великая кн҃гиня Евдокия непрестанно хо-

1) въ ркп. «и на и наѣхаша». 2) въ ркп. «веселящещеся».

ждаше в цр҃квь Бж҃ию, молящеся день и нощь. Сие же оставимъ и паки на предне возвратимся.

О прехожденіі через Донъ.

Великому ж кн҃зю Димитрею Ивановичю бывъшу на речномъ береге занят на десят поприща до Дону. Приспѣв же въ е҃ день мц҃а сентября, на память с҃таго пророка Захария, отца Предтечева, и на убиение великаго кн҃зя Глѣба Владимеровича, и придоша два стража его и литовския [1]). «Аще г҃дне княже великіі хощеши крѣпко воиско удержати, то вели Дон реку возитца, нѣт бо ни единым воспят помыслити, а велицеи силе великаго кн҃зя нѣсть числа, яко не в силе Б҃гъ, в правде: Ярославъ, перевезеся реку, Св҃тополка побѣди, прадѣтъ твои, великіі кн҃зь Александръ, Неву реку перевезеся, короля побѣди, ты же, кн҃же великіі, нарек Б҃га помощника себѣ и тебѣ подобаетъ такожде творити: аще побиемъ их, то вси спасемься, аще умремъ, то вси общую смерть приімем от кн҃зеи и до простых людеи. Тебѣ же, г҃сдрю великому кн҃зю, оставити смертная словеса, здѣ же иными словесы, и тѣми словесы укрѣпися [2]) і воиско все, убо мы увидимъ, яко множество избранных витязеи в воиске твоемъ». Кн҃з же великіі повелѣ воиску своему Дон реку возитца.

Они же прискаряютъ, яко приближаютца погании татаровя. И мнози же сынове рустіі возрадовашася радостию великою зѣло, зряще своего желаннаго подвига, его же на Руси желаютъ. И за многия дни приідоша на мѣсто мнози волцы и лисыцы, брегчюще по вся дни и по вся нощи непрестанно, гроза же бысть велика, по полкамъ же храбрым сердцам утвержаютца, юноша же слышит руских сн҃овъ; иже паче мнози враны необычно собрашася, не умолкая грающе, яко горамъ играющим; орлы же мнози ото устию Дону прилетеша и ту клицаху, ждуще дни грознаго и Б҃гомъ изволеннаго. Мнози же звѣри стекошася, лисыцы брехчюще и глядяше на злащенны доспѣхи, ждуще

---

1) здѣсь въ рукописи пропущено: рѣчь стражеи и предложеніе — переходить ли Донъ. 2) въ ркп. «укрѣтися».

часа, в он же пасти имут множество трупа чл҃вческаго и кровопролития и грому подающе всему воиску, яко морския воды пролитися. От таваго бо страху и от великия грозы древа приклоняютца и трава постилаетца. И мнози отто обоихъ стран унывают, видяще предъ очима своима смерть. И начаша погании студом помрачатися о погибели же воиска своего, понеже убо нечестивыи, погибе память его сь шумом, а правовѣрнии чл҃вцы наипаче просвѣтишася, радующеся і веселящеся, чающе свершеннаго обѣта и прекрасных вѣнцовъ, о них же повѣда пр҃пдбныи игуменъ Сергиі.

И прибѣгоша[1]) же вѣстницы к великому кн҃зю, повѣдаша ему, яко приближаютца погании татаровя. Кн҃з же великии Димитреи Ивановичь повелѣ воиску своему вооружатися того ж дни. Вѣстницы уже ускоряютъ, яко приближаются погании татаро напрасно зѣло. И бысть яко шестыи часъ дни, прибѣже Семен Маликъ з дружиною своею, сторожи, и по них же мнози татаровя пригнашася, но толико безстудно гнашася за ними. Полки же руския увидевше тоже і возвратишася. И повѣдаша ц҃рю Мамаю, что кн҃зи руския ополчишася при Дону, по б҃жию промыслу многое множество имъ людеи показашася. Он же нечестивыи ц҃рь Мамаи, разжжен бысть дияволомъ, не разумѣвъ свою погибѣль и кликнувъ напрасно, испусти глас свои, и рече тако: «Сила моя, аще ли сего не одолеем, и тако в свою землю возвратимся како можемъ». И повелѣ ц҃рь татаромъ своим вооружитися и Гусин бродъ через реку бресть и напрасно повелѣ всему воиску вооружитися.

Семен Малик повѣда великому кн҃зю: «яко ц҃рь Мамаи и Гусинъ бродъ переидоша, уже ц҃рь Мамаи о едину нощь имат быти между собою и тобою, утре бо имат приити на Непрядву реку. Тебѣ же великому кн҃зю подобаетъ днес ополчитися, да не ускоряют татаровя». Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь з братом своимъ со кн҃земъ Володимеромъ Андреевичемъ и с литовскими

1) въ ркп. «бриб҃гоша».

кн҃зи с Ондреем да з Дмитреемъ Волгердовичи с того часа дни начаша полцы уставливати. Есть же бѣ у них воевода, нѣкто приѣде с литовъскими кн҃зи, именем Димитреи Бобровъ, родом волынские земли, нарочитъ бысть полководецъ, і велми урядно уставиша полцы по достоянию, елико гдѣ кому подобает как стояти.

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь поим брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и литовские кн҃зи і воеводы і выѣхаша на мѣсто высокое і видѣвше образ с҃тыи во знамени воображен. Кн҃зь же великиі з братомъ своимъ и с литовскими кн҃зи сташа на высокомъ мѣсте и зряще на прапоры воеводския и на все воиско свое, иже бо сут воукрашеныя во християнскихъ знаменех, аки светилницы солнечныя светящеся, яко облацы тихо трепещутъ, богатыреи руских хоругви тихо трепещут, аки живы пашутца, щиты на плащаницах воображения и доспѣхи руских сыновъ, аки вода вѣтромъ колыбашеся, а шеломы на главах их позлащеныя — утреняя зоря во время вѣдряное светящеся, яловцы же шеломовъ их, аки пламя огненное пашетца. Мысленно бо видяти их и жалобно зрѣти таковых воин, сыновъ руских удалых молотцов, собрания и храбрость и таковое учрежение ихъ.

Вси бо единогласно и единодушно един за единаго хощет умрети і вси бо единогласно начати гл҃ати: «Г҃сди Бж҃е великиі и страшныи, призри на нас с высоты с҃вятыя своея и даруи православному великому кн҃зю нашему побѣду на враги, яко и Констянтину покорил еси под нозе его врага Аммалика, яко же иногда Голияда кроткому Давиду». Литовъские же кн҃зи, кн҃зь Андреи да кн҃зь Дмитреи Волгердовичи удивишася и рекуще сами себѣ: «Не бывat такову воиску, ни при нас и после нас и прижде нас не бывало такова воиска мужеством Гедеоновым. Г҃сдь Б҃гъ силою своею вооружи их». Кн҃з ж великиі видѣвъ полцы своя учрежены достоино и сшед с коня своего паде на колени на ковыле травѣ на зелене, против великому черному знамени, на нем же воображен образ Г҃да Б҃га и Спаса нашего Ии҃са Христа, і воздохнувъ от сердца из глубины и жалосно слезящеся и нача

звати велегласно: «О вл҃дко, вседержителю тваромъ, смотреливым окомъ вождь на люди своя, иже твоею десницею сотворени сут, избави работы дияволя, і внуши, Гс҃ди, глас молитвы моея, обрати лице свое на нечестивых, иже творят зла рабомъ твоимъ; и молюся убо образу твоему гс҃дню и пр҃чстои твоей Матери и твердому необоримому молитвенному, еже о нас к тебѣ, рускому с҃вителю Петру, на его молитву надеемся и призываем имя твое с҃тое».

Кн҃з же великиі по молитвѣ всед на кон свои и нача ездити по полкамъ и з братом своимъ, со кн҃земъ Владимеромъ Андреевичемъ, и с литовъскими кн҃зи и с ыными велможами. И коемуждо полку рече усты своими: «Братия моя милая, сынове християństиі от мала и до велика. Сия вас нощь приспѣ, а ден грозныи приближаетца, і в сию бо нощь бдите и молитеся и крепитеся мужайтеся: Гс҃дь самъ силенъ во бранѣх, и здѣ пребудемъ кождо на мѣстех своих. Уже бо гости наши близ нас, на рѣце на Непрядве, утре бо имам пити вси общую чашу, иже друзи мои на пут возжелеша. І вы уповаите на Бг҃а живаго, да мир вамъ будет, братия моя милая, аще на ны утре ускорят погании татаровя». И рече з братиею своею и о западномъ полку. Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь посла брата своего, кн҃зя Владимера Андреевича, вверхъ по Дону в дуброву, яко утаитися полку его, и давъ ему достоини воини от двора своего, и еще отпустивъ с нимь извѣстного того воеводу Димитрея Волынца. Уже бо нощь противу живоноснаго праздника Рожества пр҃чстыя Бц҃ы, осен же бѣ тогда и днем лѣтнимъ еще сияюще, и теплота бысть и тишина, а в нощи тои мраци розниі явишася. Во истинну бо рече Гдь: нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрнымъ же просвещенна бысть.

Сказание о примѣтах Димитрея Волынца.

Пришед Димитреи Волынецъ и рече великому кн҃зю Димитрею Ивановичю и брату его кн҃зю Владимеру: «Утаитеся, г҃дне, ис полковъ своих, і выедите одни, да скажу вамъ примѣту свою, уже бо нощи глубоце и зоря потухаше, межь полковъ примѣту

указываетъ». Димитреи же Волынецъ всѣдъ на конь свои и поимъ с собою кн҃зи едины сущи і выехаш на поле Куликово и ставъ пред обѣих полковъ своих и татарских, и рече имъ Волынецъ: «Слушаите с страны татарскихъ полковъ». И слышав же кн҃зь великиі в татарских полкех стук великъ и клич чл҃вскиі, аки торги силныя снимаютца, аки градъ зиздящу и трубы гласяще, и бысть ззади полков татарских волцы воюще грозно велми, по правои странѣ орлове кричаще, бысть трепет и кличь птичеи велми великъ, враномъ же, аки горам играющимъ, и противу ихъ по рече по Непрядве гуси и лебеди крылми плещут, необычную грозу подают. И рече Димитреи Волынецъ: «Гроза велика слышати от них». И рече ему кн҃зь великиі з братомъ своимъ: «Ничтоже, токмо видехомъ от множества огне зари снимахуся». И рече Волынецъ к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю и к брату ево кн҃зю Владимеру Андреевичю: «Обратися, г҃дне, на полки руских[1]) сн҃овъ и слушаите, что есть тамо о страну руских полковъ». І в рускихъ полкех бысть тишина велика. И рече Волынецъ к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю: «От стану, г҃сдне кн҃же великиі, добро знамение и примѣта, призываите Б҃га неоскудною вѣрою». И рече Волынецъ: «Еще ми есть примѣта». Сниде Волынецъ с коня своего и паде на десное ухо к земли и лежа час и вставъ от земли и абие пониче к земли. И рече кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь: «Что есть, брате, на ползу сия примѣта». Волынецъ же не хотя сказати ему великому кн҃зю. Кн҃з же великиі понудивъ его. Он же рече: «Кн҃же великиі, едина ми есть на ползу, а другая же скорбна: слышах я, г҃дне, землю плачющуся надвое — едина бо страна горко плачющеся еллинскимъ языком о чадех своих, напрасно вопиюще, другая же страна, аки нѣкая вдовича тихо и жалобно плачевнымъ гласомъ. Аз же множество тѣхъ примѣтъ испытах, сего ради надѣюся о Б҃зѣ и ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба сродники вашими, а яз чаю побѣды на поганых а християн падения

1) въ ркп. «руских я сн҃овъ».

будет». Слышав же то кнзь великiи и прослезився велми и рече: Тако будет [1]) державе Гсдне». И рече Волынецъ к великому кнзю: «Не подобает тебѣ, гдне кнже великiи, повѣдати и о том в полкех своих, но токмо вели Бгу молитися и свтых его призывати и рано утре вели имъ подвизатися на кони своя, всякому воину вели крѣстом ограждатися, то бо есть непобедимое оружие на противъныя.

О явленiи стых мчнкъ Бориса и Глѣба нѣкоему вѣрному члвку.

Туто же бѣ нѣкто вѣрны члвкъ, имянемъ Ѳома Сигклитикъ, бѣ разбоiникъ, и поставленъ бысть великимъ кнземъ сторожемъ, мужества его ради от поганых, на рѣчке на Чару Михаилове стояти. Сего ради крепля яко Бгъ открыти ему видѣти нощи тоя великое видѣние: на высотѣ видѣ облак изряден зѣло. И приiде нѣкiи полкъ великъ от востока от полуденныя страны; и приiдоша два юноши, свѣтлы лица их, свтящеся яко солнце, а в руках своих имеюще мечи острыя и рекуще полковникомъ татарскимъ: хто вам повелѣ требити отечество наше, намъ Гсдь дарова». И нача их сечи. И ни единъ от них не отбысть. И тако невидимы бысть и целомудръ. И повѣда на утре таковое свое видѣние великому кнзю единому. Кнз же великiи рече ему: «Не гли, брате, про таковое свое видѣние никому». Сам же кнзь великiи, воздѣвше руце свои на небо, и нача молитися и глати: «Гсди влдко челвколюбецъ, молитвами свтых мчнкъ Бориса и Глѣба помози ми, Гсди, яко же Моисею на Аммалика, и яко Давиду на Голияда, и первому Ярославу на Свтополка, и прадѣду моему великому кнзю Александру на хвалящаго римскаго короля, разорити хотѣлъ отечество его. Нынѣ по грѣхомъ моимъ воздаи же ми, Гсди, но излеи на ны млсть свою и просвѣти нас благоутробiемъ своимъ, не даи же нас, Гсди, в посмѣх врагомъ нашимъ, раб своих, да не порадуются о нас врази наши, да не рекут срама на вѣрных: гдѣ есть Бгъ их, на

1) въ ркп. «будет» дважды.

него же уповаша. Помози ми Гсди християномь, ими же величается имя твое свтое на сердцах их».

Сказание о битвенномъ и ступенном и о горкомъ часу, в нем же множество создания бжия пасти имат. О горкиі час, о престрашное время, о година, кровопролития исполнь.

Приспѣ же время мца сентября въ и день великаго праздника спасения хрстияномъ Рждства престыя Бцы, светающу пятку і восходящу слнцу, бывшу же утру мгляну и начаша стези християном простиратися и трубы многия гласити. Кнз же і воеводы і все удалые люди, вседше на кони своя. И укротишася кони их гласом трубнымъ, и кождо под своимъ знаменемъ идяше же, полцы великаго кнзя, а идуще по поучению великому велено. Часу же второму наставшу дни, и начаша гласы трубныя гласити от обѣих стран.

И снималися полки ратныхъ на рѣке Дунае великаго кнзя, да цря Мамая, трубные гласы снимаютца, а сами еще не видятца. Из рек же многих выды выступали от ратные силы их, а татарские трубы онемѣша, руския же твердишася, а сами еще не видятца, занеже бѣ утро мгляно велми есть; от земля востанула от востока и до моря, от запада и до Дуная; по полю же Куликову видѣнием яко прегибатися, реки же выступиша из мѣсть своих; бродимым же по них многимъ людямъ, яко же николи на мѣстѣ томъ великомъ полкомъ таковым не быт. Кнзь же великиі Димитреи Івано на конѣ ездя по полю и переседающе на избранныи свои конь и ездя по полкамъ своимъ и со слезами глюще: «отцы и братия моя, Гсда ради подвизаитеся и свтых ради црквеи і вѣры хрстиянския. Сия бо смерть не смерть, но живот вѣчныи наслѣдити црство небесное. Ничто бы помышляите земнаго и не уклоняитеся на свое дѣло, но вѣнцы небесными увязаитеся от Гсда Бга и Спса нашего Іиса Хрста.» Утвердишаше полки и паки приѣхавше под первое свое знамя черное и ссяде с копя своего и сяде на иноі кон и совлече с себя приволоку прьскую и облечеся в воинскую одежду. Тои же кон свои дастъ Михаилу Андреевичю Бронскому и ту свою при-

волоку на него ж положил, иже бѣ ему любимъ паче мѣры. И повелѣ кн҃зь великиі знамя рынде носити над нимъ; и под тѣмъ знаменем убиен быст рында. Кн҃з же великиі став на мѣсте своемъ і воздѣвъ руце свои на небо і вложи руку свою в недра і вынев҃ъ живоносныи кр҃стъ, на нем же бѣ воображения хр҃стовы страсти, в нем же живоносное древо. Кн҃з же великиі живоносному кр҃сту молится і восплакася горко: «тебѣ уже надѣюся конечно, живоносному кр҃сту, иже симъ образомъ явися греческому цр҃ю Констянтину егда ему брани сущи с нечестивыми, и чюдотворнымъ твоим образом побѣдих: не могут бо обрѣзани чл҃вцы стояти противу образа твоего. И тако удиви Г҃сдь милость свою на рабѣхъ своих.

Сослание от преподобнаго игумена Сергия, сия ему гл҃юще.

В то же время пришедше книги от преподобнаго игумена Сергия, в них же бѣ писано великому кн҃зю Димитрею Ивановичю і всем руским кн҃земъ и бояром и воеводам і всему православному воиску мир и благословение. Кн҃з же великиі слышавъ писание преподобнаго игумена Сергия и любезно целовавъ посланника того, его расторъца любезнымъ целованиемъ, тѣм же, аки пѣкими твердыми бранми утвердишася. Еще же дастъ ему старецъ дар посланныи от игумена Сергия — хлѣбъ пречистыя Бц҃ы. Кн҃з же великиі сѣде хлѣбецъ и простре руце свои на небо і возопиша велегласно: о велико имя прест҃ыя и живоначалныя Троицы; пр҃стая Г҃споже Бц҃а помогаи намъ на противныя враги, молитвами твого угодника преподобнаго игумена Сергия спаси души наша.

Кн҃з же великиі всед на кон свои и приемъ копье свое і вземъ палицу свою желѣзную в руки и подвижеся ис полку вонъ і восхотѣ преже самъ начати битися со агаряны прежде полковъ своих от горести души своя за землю рускую и свѣтыя цр҃кви и за православную християнскую вѣру и за свою великую обиду. И мнози же руския кн҃зи и богатыри удержавше его і возбраниша ему: не подобает тебѣ великому кн҃зю самому в полку битися; тебѣ великому кн҃зю подобает особ стояти и на нас смо-

трити то, пред кем намъ явитися, егда же упасет тебя Гсдь великаго кнзя милстию своею; то времянныя чести, почему разумѣешъ, кого даровати. Мы же готови есма все головы своя сложити за тебя великаго кнзя, за ласковаго гсдря. Тебѣ же гсдрю подобает рабом своим, елико кто служит головою своею, тѣмъ памяти сотвориати по смерти, яко же Леонтеи црь Ѳеодору Тирону в книги соборныя велѣл написати памяти ради руским же кнземъ, иже по нас будут. Аще ли тебя единаго изгубим, то у кого чаяти имат воздания. Аще вси спасемся, а тебя единаго не станет, твои успех будет намъ и будем вси, яко стада овчиі неимуще пастыря в пустыни влачими бѣ, еже пришедше дивиі волцы распудят овца, елико кто хощет; тебѣ подобает спасти себя и нас. Кнз же великиі прослезися и рече имъ: братия моя милая, добрые ваши рѣчи и не могу я противу вас отвѣщати извѣстно, паче неже утѣшно, но токмо похвалю вас, вы бо есте во истинну блазиі раби; но паче вѣсте и разумѣете мучение стаго страстотерпца хрстова Ареѳы. Егда бѣ Улияномъ цремъ, по многих же муках повелѣ црь вывести на позорище и усѣкнути главу его; и доблиі воини избраннаго воеводы единъ пред единымъ ускоряет и един за единаго хощет умрети и главы своя под мечь клонят, видяще убо побѣды своя. И тои воевода невозбранно воиску своему рече: вѣсте-ли, братия моя, о семъ на сего цря, не аз ли прежде вас почтен бысть земныя ради чести, не аз ли прежде вас дары взимах, нынѣ же преувѣдѣти подобает моеи глвѣ небеснаго цря прежде усѣченнеи быти, паче же вѣнца. И приступивъ воин усѣкнув главу его, последи же и шестьдесят воин усѣкнув; такожде и нас, братие, хто мене боле в руских кнзех от вас почтен бысть і вамъ всемъ глава бѣ благая от Гсда приях, злых ли не могу терпѣти, мене ради единаго вся сия збышася и кому видѣти вас побиваемых и протчая к тому не терплю, общую чашу имам пити с вами и единою смертию умрети, аще ли умру с вами, нынѣ же вси останемся уже кто потягнет первыи.

Яже полки разступишася: в первомъ полку воевода Дмитреи Всеволод, да брат ево Володимер; с правую же руку бредут

Микула Василевичь с коломенцы и с новгородцькими посадники. А поганыя же Агаряны бредут убо пол, несть имъ мѣста, гдѣ раступитися. Безбожны же цр҃ь Мамаи, выехав на мѣсто высокое с тремя со кн҃зими своими и начаша смотрить чл҃вческаго кровопролития. Уже бо близ себя сходящеся погании с рускими пол(ки). І выиде печенег ис полку татарскаго богатыр пред всеми мужеством своим являшеся, именем Телебеи еллинскимъ языкомъ, подобен есть древнему Голияду. І видѣвше сего Пересвѣтъ чернецъ, любеченин, иже бѣ в полку у Володимера Всеволожа, и двигнувся ис полку вон и рече: сеи чл҃вкъ ищет подобнаго себе, и аз хощу с ним видѣтися. И пыхая яко левъ и аки жених хощет восприяти небеснаго цр҃ьствия, бѣ бо шелом на главѣ его ангелскиіго образа вооружен схимою по повелѣнию преподобнаго игумена Сергия и рече: отцы и братия, простите мя грѣшнаго, и ты, брате Ослябя, прости и моли за мя Бг҃а. І все воиско яко единеми усты гласомъ великимъ возопиша: Г҃сдь Бг҃ъ да простит тя и с҃вятыи игумен Сергиі. И напусти старецъ на печенега, яко на мя вооружившася; он же безбожныи печенег устремися противу Пересвѣта чернца и рекоша в себѣ: ох Махмет, помагаи мнѣ. Вои же християнстиі яко единеми усты возопиша: Боже нашъ, помози намъ рабом своимъ. И ударишася крѣпкии два богатыря межю собою оружиемъ своимъ и мпи ему, яко едва мѣсто не проломишася под ними; и спадоста оба на землю с конеи своихъ мертвы и туто скончашася.

И се уже наставше третему часу дни, видѣв же то кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь и рече своему воиску: видите, братия, яко гости наши погании приближаются к намъ и іспивают волныя чаши, ведут себѣ поведенную; инні же от них уже испиша і весели быша, уже бо время подобно час приспѣвшу. И приіде кождо ко своимъ конем и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити; храбрым же ср҃дца веселящеся, а иным же ср҃дца ужасошася. И удариша кождо по коню своему и кликнувше вси единогласно: с нами Бг҃ъ, разумѣите языцы и покаряитеся. И паки рекоша сынове рустиі, Бж҃е, помози намъ на противныя

враги наши, не дай же нас, Гс̄ди, помощь на враги. А поганыя же кликнувше боговъ своих на помощь и окаяннаго Махмета: ох Махмет, помози намъ и моли о нас. И соступишася крѣпко бьющеся, зацепляхуся щиты богатырския о вострыя копя и о злаченыя доспехи ломаютца, и лется кровь богатырская по седламъ златокованным, и сверкают сабли буланыя около голов богатырских, и катаютца шеломы с личинами подъ копытами добрых конеи на сыру землю; и потоптани быша, не едини бо руския богатыри побиени быша, но и татарских вдвое есть: не токмо оружиемъ бьющеся, но сами о себя разбивахуся, а в трупу мертвых мнози умираху от великия тесноты задыхахуся. Коль велико поле Куликово, яко же бѣ в немъ не мочно вместитися, но то мѣсто тѣсно стало меж Дону и межю дву рѣкъ. Но на томъ бо поле велицы полцы силни великаго кн̄зя и татарския снимашеся, из них же выступали кровавые езера, облистание же мечное трепеташеся, яко силніі молніі от рук богатырских, от мечнаго сѣчения бысть же тогда трескъ и ломъ копеинои, яко громъ великіі, не мочно бѣ слышати, не токмо видѣти сего грознаго дни и страшнаго часа: во един день убо час, в мегновеніі ока от множества тысящь побиваемо создания Бж̄ия, і воли Гс̄дни совершается. Не ослабевают християне с печенеги. Уже шестому часу наставъшу дни и бжіімъ попущением, а пашихъ ради согрѣшеніих нача одолевати християн печенеги погании. Уже возлияс хвала на хулу, і вержеся диво на землю уже от многих сот и под кони сотрошася. Богатыри ж русския аки драва дубравная клонятца на землю под копыта добрых конеи и погибающе; а самого ж великаго кн̄зя уязвиша велми. Он же уязвлен склопися с коня своего на землю и поиде с побоища пѣшь, яко не мочно ему битися. По стези же великаго кн̄зя многажды татаровя секоша и не истребишася бж̄иею силою, паче укрепишася.

О видении еже виде нб̄са отверста.

Нѣкіі чл̄вкъ, сия слышахом от вѣрнаго самовидца гл̄ь, иже бѣ от полку кн̄зя Володимера Андреевича и повѣдаху видение

свое великому кн҃зю Димитрею Іваповичю, яко въ s҃ час, в битвенную годину сего дни видехом над вами небо отверзостася, из него же изыде облакъ, аки багряная заря, и над вами ниско держащеся, и тои же облакъ исполнен рук чл҃вческих, коя же рука держаще оружие, аки нѣкая древа красная зѣло и цвѣты красныя многия, а иная же рука держаще венцы прекрасныя. И егда наставшу седмому часу, мнози же ото облакъ того отпустишася венцы на главы рускимъ сыномъ. Погании же одолѣша, а християнъския полки оскудѣша, уже бо мало християн, а все то видят погании.

И видѣвше то кн҃зь Володимер Андреевичь великую погибель християнскую, аки класы пшеничныя подавляеми терниемъ, а терние растяше болши. Благовѣрныи же кн҃зь Володимер Андреевич не моги терпѣти побѣды християнския и рече Димитрею Волынцу: брате Димитрие, кому бо полза есть наше стояние, и киі успѣх будет намъ, уже кому имъ пособити. И рече Димитреи Волынец: бѣда уже, кн҃же, велика, не у же пришла година, начиная бо без времени, вред себѣ приимати; мало убо претерпимъ подобная да получимъ, вон же воздание отдадим противникомъ нашимъ погапым; нынѣ толко в сиі и час Б҃га призываите к себѣ на помощ; то осмаго часа година гонити имам; в он же имат быти благодати бж҃иі и помощи роду хр҃стиянскому. Кн҃з же Володимер Андреевичь воздѣвъ руце свои на небо и рече: Г҃сди Бж҃е нашъ, содѣтелю тваремъ, сотворивыи небо и землю и предстоящая на ны крамолу днес, не даи же врагомъ радоватися о нас поганым; мало показни нас, много помилуи, безна бо его мт҃и. Сынове же рустиі в полку его плачющеся, видящеся, яко звани на бракъ сладково вина пити. Волынецъ же возбраняше имъ: пождите мало, буявиі сыновы християстии, еще есть с кемъ вамъ тогда утѣшитися и с кем вамъ веселитися.

О исходе потаеннаго полка у кн҃зя Володимера Андреевича, иже пребысть в дуброве.

Присѣв же время, час осмыи, и абие потягнув Духъ бж҃иі з западу. Возопив же Волынецъ гласомъ великим: Кн҃з же Воло-

димере, час приіде, а время приближися. И рече кнзь Володимеръ Андреевичь: братия моя и друзи, дерзаите, сила бо стаго Духа помогает намъ. Богатыри же руския выехаша из дубравы зеленыя, аки соколы у(д)аришася на многие жеравлиные стада. Тако же и сие ударишася витязи, направлены крѣпкимъ воеводою, бяху бо яко Давыдови отроцы. Сим же сердце бяху аки львовы образни живуще і виде яко овечие стада приідоша. Погании же видѣша мнози полцы и кликнув же глюще: увы намъ, Рус паки умудришася, хуждьшиі брашася с нами, а богатыри же вси соблюдошася. И обратишася погании и даша плещи свои бѣжати и погибоша. Сынове же рустиі силою стаго Духа гонящеся за ними и побиваху их помощию стых мчнкъ Бориса и Глѣба. Погании же сѣчени быша аки лѣс клоняхуся; бѣжаще татаровя и глюще еллинскими языки: увы тебѣ, црю Мамаю, вознесся еси до нбси и до ада низшел еси; мнози же уязвлени сыновѣ рускиі помогаху намъ и секуще поганых без милости, ни единому мочно, какъ убѣжати, занеже кони их утомишася. Црь же Мамаи, видев побѣду свою, нача призывати бги своя, Перуна і Коловита и Раклия і Гурса і великаго своего пособника Махмѣта і не бысть ему от них помощи, сила бо стаго Духа, яко огнемъ пожигает, татарские же полцы с рускими мѣчи секутца. Видев же црь Мамаи погибел свою, иже новыя люди приідоша; и речѣ угодникомъ своимъ кнземъ: побегнемъ, ничто же бо намъ добра чаяти, но себя упасемъ і головы свои унесемъ. И абие црь Мамаи і побѣжав с четырми кнзи своими и мнози же сыновѣ рускиі за ними гнашася і не догнаша их: кони бо у них цѣлы сут, на бою не утомишася. И гонящи же, сынове рустиі возвратишася і обретоша мертвых многое множество трупы поганых обо полъ реки Непрядвы, идеже бѣ помощ бысть полкомъ крестьянскимъ, иже сут биеми от стых мчнкъ Бориса і Глеба, о них же провиде Ѳома разбоиникъ, егда на сторожи своя. Богатыри же руския за погаными гнашеся і тогда паганныхъ всех побиша і возвращахуся вси кождо под свое знамя, яко не бысть в полку великаго кнзя, чающи его яко убиен бысть.

Кн҃зь же Володимер Андреевич стах на костяхъ под черным знамѣнемъ і не обретѣ брата своего великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича в полку, толко литовские кн҃зи Волгердовичи едини. І повѣле кн҃зь Володимер Андреевич трубити в собранную трубу; і пожда часъ і не обретѣ брата своего великаго кн҃зя і нача плакати и кричати велми і нача самъ по полкамъ ездити і не обретѣ брата своего великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича. І нача гл҃ати: братия моя милая, кто виде іли кто слыша своего пастыря, то перво рожденныи пастыр, і не будет пастыря и разыдутца овцы, кому сия честь будет і кто сей побѣде побѣдникъ будет явитися. І речѣ ему литовские кн҃зи: мы мним, яко жив есть, но уязвлен велми, егда в трупѣ мертвых будетъ. Іныи же воин речѣ: азъ видех его в пятомъ часу дни крепко бьющеся палицею своею с поганными Агаряны. А инныи рече: опосле того аз видех его бьющеся с четырми татарины і належатъ ему велми. А инныи же некто юрьевскиі юноша, імянемъ кн҃зь Стеѳан Василевич Новосилскиі, тот рече: аз его видех перед твоимъ приходомъ пеша ідуща с побоища, велми уязвлен; того ради аз не могох ему помощи подать—в то время аз гонимъ былъ тремя татарины, по милости бж҃иі одва я от нихъ спасохся и много я от нихъ пострадахъ. І рече кн҃зь Володимер Андрѣевич: известно ли виделъ еси брата моего великаго кн҃зя жива, то по истинне не будет у нас первыи рачител. І слышав же оттроцы такие словеса от кн҃зя Во(ло)димера Андрѣевича і разехашася по великому грозному побоищу победителя искати. Ови же наехаша убитаго мѣртва Михаила Андреевича Брынскаго в преволоке великаго кн҃зя і в шеломѣ; іни же наехаша кн҃зя Ѳеодора Семеновича Белоезерскаго, чающиі его великимъ кн҃земъ, зане приличен бе ево образу. Два же воина етеры уклонишася на десную страну к дубровѣ, единъ імянемъ Ѳеодоръ Сабуръ, а другиі Григореи Холпищев, родом же оба костромичи. Мало же поехав в побоища великаго кн҃зя избитаго добре, едва отдыхающе под сеченымъ древомъ под березою. І увидевше его і спадоша оба с конеи і поклонишася ему. Сабуръ же Ѳеодор возвратився скоро

ко кнзю Владимеру Андрѣевичю і повѣдая ему: гсдрь нашъ великиі кнзь Дмитреи Іванович здравствуетъ і црствуетъ во вѣки. Слышав же кнзь Володимер Андреевичь і вси кнзи і воеводы от Сабура таковую велию радость і поскочиша на кони своя скоро. И приехав к великому кнзю і падше поклонишася ему на ногу его і пролия слезы своя и глюще: радуися, кнже нашъ, древниі Ярослав, а новы Александръ, радуися светлоруские земли пастырю добрыи заблудшимъ овцамъ, побѣдителю всемъ врагомъ, сия же побѣда, а тебѣ гсдрю честь довлеетъ. Кнзь же великиі Дмитреи Івановичь сдва рече брату своему кнзю Владимеру Андреевичю: что ти есть, брате, поведаите ми. І рече кнзь Владимер Андреевичь по милости бжиі и пречистыя его Матери, милостию і молитвою сродникъ наших свтых мученикъ Бориса и Глеба і молениемъ рускаго святителя Петра митрополита и пособника нашего і вооружителя игумена Сергия і техъ всех свтыхъ молитвами врази наши побеждени суть, мы же спасохомся. Кнзь же великиі Дмитреи Іванович, слышав таковыя словеса от брата своего і от велможь своих, воста от места своего і рече: сеи день, иже сотвори Гсдь, возрадуемся і возвеселимся вонь. І паки: сеи день гсднь веселитеся людие, велии Гсдь, чюдна дела твоя, вечер водворитца плачь, а заутра радость. І паки рече: хвалю тя Гсди Бже мои і почитаю имя твое свтое во веки, иже паки не дал еси нас іному языку в похвалу і не дал еси нас в погибел врагомъ нашимъ, еже на мя умножишася; но суди ми, Гсди, по правде моеи и да скончаются злоба грешных, аз же в век уповаю на тя. І приведоша великому кнзю кон повиненъ. І всед на коня своего кнзь великиі і поехав по побоищу і видевъ воя своего много побито добре, а поганных четверицею боле того побито. І обратися к Влнцу и рече кнзь великиі Дмитреи Івановичь Дмитрею Волынцу: воистинну ты Дмитреи разумееш і неложные сут приметы твои, подобает тебѣ всегда воеводою быти над полками.

І нача кнзь великиі з братомъ своимъ со кнземъ Владимеромъ и с литовскими кнзи і с рускими со оставшими кнзьми і воеводы ездити по великому и грозному побоищу, срдцемъ сте-

няше і слезами омываяся. І наехаша на место, на нем же лежат восмь кн҃зеи бѣлозерскихъ, вкупе побиени сут, тол велми бо напрасно бишася они, яко един за единаго мертвъ. Тут же близъ их лежит убитъ Микула Василевичь. Над ними же став кн҃зь великиі над любезными рабы своими і нача плакати и гл҃ати: братя моя кн҃зи рустиі сн҃ве, аще імете дерзновение у Г҃сда, пом҃лтеся о нас; вем бо, яко послушаетъ вас Бг҃ъ; і паки помолитеся о нас, да вкупе будемъ с вами. І пріиде на инное мѣсто і наеде своего наперсника Михаила Андрѣевича Бронскаго, і близ его лежит крепки стражь Семен Малин, і близъ их лежит Тимоѳеи Валуевич. Над ними же кн҃зь великиі став і плача горко і рече: братия моя возлюбленная, моего ради образа убиени есте, кто бо таков рабъ может г҃дну своему служити, яко мене ради сами мысленно на смерть поехали есте; воистинну древнему Авису подобен, иже от полку Дария персидскаго цр҃я, иже сие тако сотворил. Лежащу же туто Семену Малику і рече кн҃зь великиі: крепки мои стражи, твердо ми пасохомъ есмя о тебе. І приіде на иное место і видев Пересвета старца убитаго і близ его нарочитаго богатыря Григоря Капустина, і обратився кн҃зь великиі и рече ездящим с нимъ: видите, братия, перваго сего починалника Пересвета старца, победи подобна себѣ окаяннаго Печенѣга, от него же было всемъ пити горкую смертную чашу. І став на мѣсте і повеле трубити со всех стран, чтоб ехали на трубы глас, і нача испытовати доволно оружия своего о поганых татар, о трупия их. От всехъ странъ грядуще на трубныи глас і весело ликующи і поюще крестияне песни, ови воскресенские, овиі же богородичныи, ови мученичны. І виде людеи своихъ собранных всех, кн҃зь же великиі ставъ посреде ихъ і нача плакати і рыдати велми и гл҃юще: братия моя, кн҃зи руския і боляре местныя і воеводы силныя, сынове всея руския земли, вамъ подобаетъ служити, а мнѣ вас хвалити і по достоянию даровати; посетит мене Г҃сдь Бг҃ъ да буду на своемъ престолѣ на великом кн҃женіи в славномъ граде Москве, тогда імамъ вас даровати. І рече кн҃зь великиі Дмитреи Іванович брату

своему кнзю Владимеру Андреевичю: грозно бо брате в то время посмотрити, лежит трупу крестьянскаго, аки силные стоги, а Дон река текла кровию три дни і три нощи, а река мечьми вся запродилася трупомъ татарскимъ; ныне же сия управимъ, кождо ближняго своего похоронимъ в землю, да не будут сьедены зверемъ телеса крстьянския.

Кнзь же великиі стоя за Дономъ после побоища во и днеи, дондеже разбирая християнския телеса от нечестивых, да не сочетаютца праведницы со грешники. Християнская же телеса похорониша в землю столко успеша, а нечестивыхъ повергоша зверемъ на снедение і птицамъ на расхищение. І говорит кнзь великиі Дмитреи Іванович: братия моя кнзи русския і воеводы местныя, считаитеся братия, колко у нас воевод нет і колко молодых людеи. І говорит Михаило Александровичь московьскои болярин: гсдрь кнзь великиі Дмитреи Іванович, нетъ у нас м бояринов московских, да двенадесять бояринов белоезерскихъ, гі боляринов посадников новогородских, аі панов литовскихъ, к боляринов коломенских, м боляринов серпуховскихъ, к боляринов переславских, ке боляринов костромскихъ, не бояриновъ володимерских, н боляринов суздальских, м боляринов муромьских, л боляринов ростовских, ѯг бояриновъ дмитревскихъ, ѯ боляринов можаискихъ, ка боляринов углецких, о боляринов ярославских, р боляринов Нижнево Новограда, рд боляринов тверскихъ, а посечены, гсдрь, от безбожнаго цря Мамая і изгибло, гсдрь, у нас всее дружины ѕснг.

Прииде же вѣсть в славныи град Москву мца сентября въ аі де на памят преподобныя матери Ѳеодоры Александреиския к великои кнгинѣ Евъдокие і ко преосвященному митрополиту Кипреяну и к воинскимъ женам, а после бою въ д день і сказаша имъ, кои побиты, кои живы, а поганныи же Мамаи побежденъ бысть. И услышав же Волгордъ кнзь литовскиі, яко кнзь великиі Дмитреи Іванович победи і одоле безбожнаго цря Мамая і возвратися со стыдомъ во свояси вспят. Безбожныи же црь Мамаи не токмо Москвы видѣлъ, но и своих агарян ли-

шихся. І посемъ рече кн҃зь великиі Дмитреи Іванович: Гс҃ди Бж҃е нашь, помилуи нас грешных, яко не предал еси нас в руце поганнымъ агаряном, а вамъ, братия кн҃зи і боляре и младые люди, сужу на мѣсте межь Дону і Непрядвы па поле Куликове і на Непрядве реце, положили еси главы своя за святыя бж҃ия цр҃кви и за веру християнскую; проститѣ, братия моя от мала і до велика, в семъ вѣце і в будущемъ. І речѣ кн҃зь великиі Дмитреи Іванович брату своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: поидемъ, братия, во свою землю Залесную к славному граду Москве і сядемъ, брате, на своемъ кн҃жении і на вотчине, на дедине, а чести себе укупили і славнаго имяни. І еще рече кн҃зь великиі брату своему и литовскимъ кн҃земъ: братия моя милая, пению время, а молитвѣ час; празник приспе всемирнаго Воздвижения честнаго і животворящаго кр҃ста Гс҃дня. І повѣле всему воиску Дон реку возитися. И поиде кн҃зь великиі по резанскои земли, и услыша то кн҃зь Олгъ резанскиі, яко ідетъ кн҃зь великиі Дмитреи Іванович победил враго, і нача плакати и рыдати велми и нача блюстися великаго кн҃зя і рече самъ собѣ: о горе мнѣ грешному отступнику вѣры христовы, поползохомся что видех, а безбожному цр҃ю Мамаю присягу імел. И збежа из граду своего Резани і побѣже к Волгерду литовскому і приеде на рубеж литовские земли і тут став и речѣ боляромъ своимъ: аз хощу туто ждати вестника, какъ великиі кн҃зь проидетъ землю мою і приидетъ во свою вотчину в славныи град Москву, и аз тогда возвращуся восвояси. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович ідучи по резанскои земли и заповеда всему воиску своему, аще кто идетъ по резанскои земли, то ни единому класу их не коснитеся. І проиде же кн҃зь великиі на свою землю к славному граду Москвѣ. Вестницы же ускоряюще ко преосвященному архиепископу на Коломну, яко идет кн҃зь великиі Дмитреи Іванович, врага своя победив і на свою вотчину возвратився. Преосв҃щенныи же архиепископъ Еуѳимеи коломенски повѣле по всемъ цр҃квамъ молебны пѣти за великаго кн҃зя Бг҃а молити и за все хр҃столюбивое воинство. І приеде кн҃зь великиі на Коломну з Дону во осмыи день

мс҃ца сентября въ к҃а де на памят св҃таго апостола Кондата. Преосв҃щенныи же архиепископъ Еуѳимеи въстрети великаго кн҃зя во градныхъ вратех Івановских зъ живоносными кр҃сты и чюдотворными іконами, со всеми соборными крылосы, і оградив архиепископъ Еуѳимеи великаго кн҃зя кр҃стомъ животворящимъ і кропив св҃тою водою і все хр҃столюбивое воинство і нача плакати с рыданиемъ сердечным и гл҃а ему архиепископъ Еуѳимеи: радуися, кн҃же нашъ великиі Дмитреи Іванович, і веселися все христолюбивое воинство. І абие кн҃зь великиі от плача прѣдста і нача утешатися и хвалити Бг҃а, гл҃а ко преосвященному архиепископу: по бж҃иі, отче, милости і пр҃чстыя его Бг҃оматери і молитвами сродникъ наших св҃тых мч҃нкъ Бориса и Глѣба и молением рускаго святителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя прпод҃бнаго игумена Сергия тех всехъ св҃тых молитвами враги своя победихомъ, мы же от них спасохомся; аз бо, отче, велми пред ними исправихомся, собрах ему много злата і сребра и послахъ к нему, дабы нечестиваго утолити. Он же безбожныи цр҃ь Мамаи наипаче возярився і на православную кр҃стьянскую веру і нача твою пагубу разженъ бысть дияволом, також случися в Кесари Кападокиистемъ граде великому *Василию*, егда первыи отступникъ веры христовы Улянъ цр҃ь злочестивои законопреступник, иды ис персь на великаго архиепископа Василия, хоте раззорити град его. Василеи же помолися Бг҃у со всеми кр҃стияны і собра злата и сребра много і посла к нему противу, дабы отступника утолити. Он же безбожныи цр҃ь Улянъ ноипаче возярився, и Гсд҃ь посла воина своего Меркурия, он же усекнув беззаконнаго цр҃я невидима Бжиею силою і все воиско его сокруши Бг҃ъ. Тако же і безбожныи цр҃ь Мамаи за свою гордость погибе со всеми силами своими. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович туто восхоте на Коломнѣ в мн҃стре слушати св҃тыя божия литоргеи і иде во церковь і нача молитися со слеза нерукотворенному образу Гс҃да Бг҃а і Спаса нашего Іи҃са Хр҃ста и рече: Гс҃ди Бж҃е нашъ, творче небу і земли і содетелю тварем, не забуди нас нищих своих до конца і не предал еси вра-

гомъ нашимъ в покорение, да не порадуютца врази паши о нас. І изыде кн҃зь великиі из цр҃кви і пребысть на Коломне д҃ дни. Из Коломны поиде кн҃зь великиі к славному своему граду Москвѣ. Преосвщ҃енныи же архиепископъ Еуѳимеи проводивъ его честно из града со свещами і с кандилы і с всеми крылосы своими, і благослови его архиепискуп Еуѳимеи і речѣ: поиди, гд҃пѣ кн҃же нашъ великиі Дмитреи Іванович, на благословленное свое мѣсто в славныи град Москву. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович благословение вземъ у архиепископа коломенскаго і поиде к Москве с Коломны к славному своему граду Москве сентября въ к҃s де, на памят с҃вятаго апостола і евангелиста Іоанна Бг҃ослова. А к Москве прииде с Коломны октября въ а҃ де, на праздникъ Покрова пр҃свтыя Бц҃ы. Преосвященныи же митрополитъ Киприян услышав великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича пришествие к славному граду Москве і повеле изыти из града зъ живоносными крсты и с чюдотворными іконы и со свещами і с кандилы і всему народу повеле изыти на встретение великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича. Сам же митрополит Киприян въстрете великаго кн҃зя і оградив великаго кн҃зя кр҃стомъ животворящимъ, а самъ прослезився велми і речѣ великому кн҃зю Дмитрею Ивановичю: радуися кн҃же нашъ великиі, древниі Ярослав, а новыи Александръ, радуися добрыи пастырю светлорус҃кое, радуися врагомъ победителю. Кн҃же великиі рече: помощию божиею і пр҃чстыя Бц҃ы і молитвами сродникъ наших с҃вятых мч҃нкъ Бориса і Глеба і молениемъ рускаго с҃вятителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя ігумена Сергия тех всех молитвами супостатъ своих побѣдихомъ, отче, мы же спасохомся і на свою степен возвратихомся в славныи град Москву, аки волковъ злохитрых, отче, от стаду христова, от православныя веры християнския отгонихомъ. Кн҃зь же великиі поиде в славныи град Москву, митрополит же повеле пети стихи бг҃ородичны і мученичны. І великая кн҃гиня Евдокия встрете великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича во градныхъ вратехъ во Ѳроловских со многими воинскими женами и с своею снохою; і увидев своего г҃сдря великаго кн҃зя

Дмитрея Ивановича і нача плакати от великия радости і рече великая кн҃гиня Евдокия гс҃дрю своему великому кн҃зю: нынѣ тя, гс҃дря славнаго во чл҃вцех великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича узрю, аки солнца на небе восходяща і светящу всю рускую землю. Кн҃зь же великиі увидев свою великую кн҃гиню Евдокею і свои две малые отрасли — кн҃зя Василия Дмитреевича, да кн҃зя Юря Дмитреевича, і возрадовашася радостию великою зело. І рече кн҃зь великиі детем своимъ: яко вы цр҃ствуите во вѣки. Поиде же кн҃зь великиі с своею великою кн҃гинею і с своими детми і вниде в славныи град Москву і поиде во цр҃ков нб҃снаго воеводы архистратига Михаила і моляшеся святому его образу і рече: заступникъ нашъ еси архистратигъ нб҃есных силъ воевода, на тя надѣемся во веки, помилуи нас. И знаменася св҃тымъ его образом і поимъ иде ко гробом благоверных великихъ кн҃зеи прародителеи своихъ и рече со слезами: вы бо есть нш҃и пособницы і молебницы ко общему вл҃дце нашему Бг҃у, яко да вашими молитвами спасохомся от супостатов нашихъ. І изыде из цр҃кви з братом своимъ со кн҃зем Володимеромъ і с литовскими кн҃зи і поиде во цр҃кв св҃тыя Брд҃цы честнаго ее Успения і вниде во цр҃кв, став пред образомъ пречистые Бд҃цы і рече: Воистинно тя *Лука* евагелистъ написа, Гс҃же цр҃це, крепкая еси кр҃стьянская заступница, тобою познахомъ истиннаго Бг҃а. І прииде ко гробу св҃тителя Петра митрополита і ставъ у гроба его св҃таго і нача молитися со слезами: ты еси, преблаженне Петре, спасител нашъ, крепка твоя есми паства і намъ прояви тебя Гс҃дь Бг҃ъ нашъ последнему роду нашему і вжегъ тя намъ свещу неугасимую і твоею молитвою побѣдихомъ враги своя. Скончав молитву і изыде ис церкви і поиде во свое мѣсто в набережныя хоромы і сяде на своемъ престолѣ и нача молитися Бг҃у і утешатися.

В то время пр҃подобныи игумен Сергеи з братиею вкуси на трапезе брашна, не по обычаю вставъ от трапезы і достоино сотворилъ, і ре(че) ігумен Сергиі ко братие своеи: весте ли, братия, что есть вы отвещати не можите ко мнѣ. Они же рекоша к

нему, отче святыи, не вѣмы и что отвещати. Преподобныи же игумен Сергиі і рече: кн҃зь великиі Дмитреи Іванович здравствуетъ і пришел на свои престолъ, на дедину, вотчину свою въ славныи град Москву і враги своя побѣдил. І вставъ от трапезы з братиею поиде во цр҃ковь і нача пети молебен за великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича і брата его кн҃зя Владимера Андреевича і за литовскихъ кн҃зеи і за все хр҃столюбивое воинство і рече: братия моя, силнеиши ветри на тихость преложишася. І рече, аз есми вамъ не повѣдал, пришла весть ко мнѣ во вторыи день, яко победих кн҃зь великиі супротивники своя, і опят ко мнѣ весть пришла, яко во осмыи день кн҃зь великиі з Дону пошел на свою вотчину во славны град Москву, і какъ будет на резанскои земли, і услыша то княз Олгъ резанскиі, яко кн҃зь великиі победил враги своя, а идетъ нынѣ по резанскои земли, Олгъ же кн҃зь резанскиі убояся великаго кн҃зя, из вотчины своея из резанские земли убежав; кн҃зь же великиі пришел на Коломну з Дону во осмыи день і поиде с Коломны в пятыи день, а к Москвѣ пришелъ в шестыи день. І изыде ис цр҃кви. Кн҃зь же великиі пребысть на Москве четыре дни і поеде кн҃зь великиі Дмитреи Іванович к живоначалнои Троице во обител ко отцу своему пр҃подобному игумену Сергию. Преподобныи же игумен Сергиі услышав великаго кн҃зя пришествие ко с҃вѣтеи обители і встретѣ его со кресты и чюдотворными іконами і со свещами и с кандилы со благодарениемъ близ монастыря святые обители. Преподобныи же игумен Серги знаменав кр҃стомъ животворящим великаго кн҃зя і рече пр҃подобныи игумен Серги: радуися, кн҃же нашъ, и веселися христолюбивое воинство. І вопроси его пр҃пдбныи игумен Серги о своих служебниках, а о его изволницах. І рече ему кн҃зь великиі: отче, твои служебницы, а мои изволницы теми победих враги своя; твои, отче, вооружител рекомыи Пересветъ побѣдил подобнаго себе Печенега; аще бы не Пересветъ победил его, іно бѣ, отче, от него многимъ людямъ пити от него смертная чаша. Кнзь же великиі Дмитреи Іванович у пр҃пдбнаго игумена Сергия во обители быв і благословение от пр҃пдбнаго игумена приимъ, а поиде из

мн҃стря на свои престолъ на великое кн҃жение въ славныи град Москву і воиско свое дарив златомъ і сребромъ доволно и честию, розпусти кождо восвояси, славяще Бг҃а і святую, Троицу Отца і Сына и Ст҃аго духа. А безбожныи же цр҃ь Мамаи тогда не во мнозе силе убежавъ во свою землю і видя себя побита і побеждена и посрамлена і поруганпа і паки гневашася и яряся зело. І собра остаточною свою силу і еще восхоте итти ізнова на рускую землю. І сице ему мыслящу, і сиі прииде к нему весть, что идетъ на него некиі цр҃ь с востоку, імянемъ Тахтамыш, из Синие орды. Цр҃ь же Мамаи, иже на ны рать уготова, і с тою готовою ратью поиде противу цр҃я Тактамыша. І стретоша его па Колкахъ і бои с нимъ сотворили велми зело. Цр҃ь же Тактамышъ победив цр҃я Мамая і прогна его. Мамаевы же кн҃зи сседше с конеи своих і биша челомъ цр҃ю Тактамышу і дея ему правду, яже во своеи вѣре, і яшася за него, а царя Мамая оставиша поруганна і посрамленна. Цр҃ь же Мамаи видев срамоту свою і гибель нат собою і побеже со едиными мышленными своими кн҃зи і вземъ исъ цр҃ства своего много злата. Цр҃ь же Тахтамышь посла за нимъ воиско свое в погоню. Мамаи же гонимъ бысть воискомъ тактамышевымъ, і побеже цр҃ь Мамаи вов Ѳрязскую землю; прибежав близ града Каѳы і сослашася с каѳинцы і моля ихъ по докочанью і по опасу, дабы его прияли к себѣ на избавление, дондеже избудет от всех гонящих его. Каѳинцы жь і Ѳрязи повѣлеша ему внитти во град на соблюдение. Мамаи же по повелѣнию і по совѣту ихъ прииде во градъ Каѳу со множествомъ імѣния, злата и сребра. Каѳинцы же увидеша у него множество імения, злата і сребра и совѣщася со Ѳрязи і сотвориша над нимъ облесть і туто Мамая убиша. И тако конец безъбожному Мамаю.

Сказаніе.

Передѣлка IV-й редакціи.

(Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII, № 209, к. XVII в.).

Сказание о приходѣ безбожнаго царя Мамая, како приходилъ в рускую землю с воиною и хотѣлъ раззорить Богомь спасаемое царство християнское, богохранимый царствующій градъ Москву и окрестьные грады і веси, и порудить православную вѣру христіанскую, при князе Димитрие Иоанновиче Донскомь, и о побѣде великаго князя Димитрия Иоанновича и о храбрости его и мужестьвѣ, како побѣдилъ безбожнаго царя Мамая и силу его воинскую.

В лѣто ,ѕѡпѳ̃. Хощете ли, братие, ізвѣстно вѣдати новыя побѣды, како случися на Дону великому князю и государю руския земли Димитрию Иоанновичу і всему православному християнству сыновом ростим со бѣзбожными агаряны, и како возвыси Господь родъ християнский над погаными и уничижи и посрами суровство их. Якоже иногда Давидъ Голияда поби и Гедеонъ Мадіамы і Моисеі Ѳараона. Такоже и здѣ повѣда нам величество божие, како Господь возможе великому князю і всеа росиіския земли государю Димитрию Иоанновичу Владимирскому и Московскому над безбожными татары.

Божиимъ ізволеніем за грѣхи наша подвижеся
восточныя страны, имянем Мамаі, еллинъ сыі родо
идоложрецъ и іконоборець злыі, християнский гонител
тель. І вниде в сердце его подстрекатель діявол, всегда
непрестая пакости християном, и научи сего злодѣя,
раззорити вѣру християнскую и црькви божия осквернi
рушити і вес родъ християнскиі потребити и в конецъ
А не вѣдая окаянныі, егда изыдеть духь его і возвр
землю свою, в той день погибнуть вся помышления его
святую і непорочную вѣру суемысленныі Мамай потре
тяй, но самъ окаянный от Бога потреблень бысть. Го
всемощенъ, елико хощеть, то и творить.

Безбожный же царь Мамай, нача рвеннем дияволс
симь бывати і ревновати первому отступнику царю Ба
прежде Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, тому
озлобити християнство. И нача то окаянныі испытоват
рыхъ мурзъ своихь, како тоі царь Батый плѣнил р
землю и что ему случилось от нихъ. Они же ему ска
істинну и боі всѣ по ряду, і како той царь Батыі пле
Киевь і Владимер і всю русскую землю і великого князя
убил і иныхь князей россіскихь избил и князя Юрия
вича резанскаго побилъ и землю рязанскую разрушил
святые опщежителныя раззорил и осквернил и святую
златоверхую разграбил, і ослѣпи ихъ за то Богь очи е
разумѣ сего окаянный — Господь что восхощетъ, то и
яко же бо во дни Іерусалимского плѣнения бысть, егд
доносоръ, перскиі царь, плѣнил градъ Иерусалимь і т
и Даніила пророка. Да не до конца прогнѣвается, н
враждуеть. Слышавже то безбожныі царь Мамай от с
Агарянъ и нача окаянныі подвижень быти на родъ
скиі, на христоимянитое наслѣдие, на избранныі жре
достояния, і палимь діаволомъ непрестанно, и нача
своим пашам і санчаком і воеводам: «Аз не токмо хо
рити, яко же Батыі и когда доиду до Руси, тутъ по

ихъ, гдѣ довлѣетъ нам, тут и сядем і тихо и кротко і безмятежно поживем». А не вѣдая того окаянныі, яко Господня рука высока есть. І повелѣ воинству своему совокуплятися.

По малех же днех перевезеся великую реку Волгу со всѣми силами своими, со многими ордами і цари и князи, иже бѣ воиства его ѳ҃н҃г. А послѣ того числа прибыло два алпаута двора великие, і тѣм уже числа онъ не вѣдалъ. Царь же Мамай, пуская ихь, і рече им: «Обогатѣіте руским златом и сребром». И оттуду окаянныі поіде і князи его на рускую землю, яко волцы гладныя, воюще і яко лвы свирѣпыя рыкающе, желающе пролити кровь християнскую. И доидоша реки, глаголемыя Воронежа і видев царь Мамаі, яко невозможно воинству его прекормитися на Воронеже, и распусти воинство свое все и заповѣда всѣмь, яко ни ѣдинь не пашеть хлѣба, но будтѣ готовы на руския хлѣбы.

Слышав же то Олгь князь рязанскиі, яко царь Мамаі кочуетъ на рекѣ Воронеже и хощетъ ітти на Русь, на великого князя Димитрия Іановича Московского. И о семъ велми оскорбѣ о напрасном царевѣ нашествиі. И во иступлениі ума бысть і оскудѣ умом своім. И посла послы своя ко царю Мамаю с великою честию і з дары мьногими і послание списа сицевыми глаголы: Восточному и силному царю во царехъ Мамаю, твоі посаженикъ і присяжникъ рязанскиі князь Олгь много молю тя. Слышавь, царю, что хощеши ітти на рускую землю, на своего служебника, а на моего сопостата Димитрия Іановича Московского, и хощеши огрозити его. І нынѣ, царю, приспѣ тебѣ время: злата и сребра много ісполнися земля роская, а князь Димитриі человѣкъ смирен есмь, егда услышитъ имя твое царево і грозное твое страхование силы величествия твоего, то отбѣжит в далные грады, в великиі Новградъ или на Двину к морю, а то все богатество его в твоеі руце будеть і твоему воинству в потребу будетъ. І меня же, царь, своего раба Олга рязанскаго да пощадит держава твоя. Но и еще тебѣ, царю, ізвѣщаю на твоего слугу, а на моего сопостата князя Димитрия Московского,

что приходил в мое княжение в землю рязанскую, і гр
силно поимал, і меня твоего раба князя Олга под свою
подвел. О семь молютися, да освободит мя его держа
По семь здравствуй.

И паки иныя послы посылаетъ князь Олгъ ко Олг
товскому королю, возвѣщая ему царево нашествие, і е
к нему посла, в неі же писание імуще сице: Князь Ол
скиі к тебѣ великому литовскому королю Олгѣрду пишу
тися тебѣ о семъ. Вѣмь, яко издавна мыслиша на кня
трия Івановича Московского еже с Москвы согнат
Москвою владѣти. А нынѣ же намъ приспѣ время: цар
грядетъ на твоего нѣдруга, а на моего сопостата і на
кую землю. Нынѣ же приближися ко царю Мамаю.
яко царство тебѣ дасть Москву і иныя грады от твое
тебѣ есть, а мнѣ дастъ Коломну і Владимир і Муром
грады от моея власти мнѣ есть. Аз же посла своего п
нему такоже і ты к нему дары пошли и пиши к нему
елико самъ вѣси болши меня.

Корол же Ольгердъ литовскиі, слышав вѣсти си
радъ бысть, і посем честь велику велми воздасть послу
посла Олигердъ король литовскиі своего посла ко царю
вому Мамаю с великими дары і писания к нему написа
выми глаголы: Грозному и великому царю во царехъ
король Олигердъ литовскиі, твоі посаженикъ и прис
пишу радоватися. Вѣсть нѣкая во уши моі вниде, яко
улус своі воевати князя Димитрия Івановича Москов
русскую землю плѣнити і гради его под свою державу п
Се ти есть пришло время и приспѣ час, злата і сребр
наполнися земля руская. Да еще ти, царю, пишу и мол
щаю на твоего слугу, а па моего злодѣя, на князя Д
Івановича Московского, что онь приходил в мою землю
грады моя за себя силно взялъ, і меня твоего раба
державу покорилъ. Такожде сотвори и Олгу князю ряз
твоему рабу. Такожде і меня своего слугу да пощадить

твоя и оборонить от насилия великого князя Димитрия Московского. І аще помилуеть насъ держава твоя, і к нам твоимь рабомь приятелство будет, то будемь ти помощницы на твоего холопа, а на нашего сопостата князя Димитрия Івановича Московского, і срѣтити тя имамы с вѣликими силами честнѣ, і тако услышить князь Димитриі Іванович твое грозное імя і величество силы твоея и нашу присягу, то отбѣжить в далныя грады, в великиі Новградъ или на Двину к морю, но и отуду его царским твоим імянем, яко птицу возмуть і в руце твоі предадут, злато же и сребро, то все будет в твоеі руце і твоему воінству на потребу будеть.

Тако бо князь Олгь резанскиі і Олигердъ корол литовскиі прелстишася и оскудѣша умом своимъ, яко младыі дѣти, не вѣдуще писания, ни силы божия. Апостоль Павель рече: аще кто вѣру Богу держить з добрыми дѣлы і правду в сердцы своемъ, імать враговъ побѣдити.

Князь же великиі Димитреі Ивановичъ, не вѣдая сего злаго царева на себя нашествия і что князь Олгь резанскиі и Олигердъ король литовскиі совокупились ко царю Мамаю. И быша у великого князя Димитрия Івановича в полѣ устроены крѣпкие сторожи, имянем Семион да Родион Жидовиновъ, да Андреі Попов сынь Семеновь, да Феодор Стремник і иныхъ многихъ удалых великого князя двора $\overline{\text{н}}$ человѣкь.

В тоже время после Ильина дни великиі князь Димитриі Ивановичъ у себя на пиру в набережном терему чашу поводил за брата своего князя Владимера Андреевича за здравие, и в то время приходил стражь Андреі Попов із поля и говорил великому князю Димитрию Ивановичу тако: Нѣсть ти нынѣ время, княже, веселитися, нынѣ время есть Богу молитися, посемь что тебѣ государю тихо и бѣзмятежно державствовати. Нынѣ ідетъ на тя гордъ царь, имянем Мамаі, со всеми силами своими ромскими, а нынѣ стоитъ на рекѣ Воронеже, і мы его силу объѣжали въ $\overline{\text{вї}}$ днеі, і подстрѣлили сторожи царевы коня моево и меня попоимали и к царю привели. И царь у меня спрашивал:

вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю князю Димитрю Ивановичу, что аз иду к нему в гости с великим воинством, а силы моея в҃и ордъ і г҃ црьства, а князеі со мною у҃г, опроче полскихь баловныхь, а силы моея ѯ҃ѡ҃н҃ѯ҃г, і послѣдѣ моего числа прибыло два алпаута великихъ двема своима дворы, и тѣм дѣ я числа не вѣдаю. Может ли де мой слуга, а вашь государь всѣх нас накормити і одарити, і меня царь велѣль по полком водити и казати ми оружие, еже на брань і на взятие рускихь градовь. І привели мя опять предъ царя. Но милостию божиею святыя живоначалныя Троицы и молитвами пресвятыя Богородицы і преподобнаго отца Сергия и твоим государевым счастиемь ізбѣжал от рукь от самаго царя и пришелъ к тебѣ государю с вѣстию.

Князь же великиі Димитрий Іванович Московскиі услышав сию вѣсть, в недоумѣние приіде и вь скорби велицеі бысть і возприя смирения образь, желая небеснаго жития получити. Не вѣдая же князь великиі Дмитреі Іванович, что ближниі на него зол совѣть совѣщевають. О таковых бо рече божествѣнное писание: Не сотвори іскреннему своему зла и поношения не приять на ближняго своего.

Прiдоша же от Олга рязанскаго князя да от Олгерда Литовского короля послы ихь кь безбожному царю Мамаю послы іхь с честию великою и дары многими і грамоты ему подаша и поклонишася. Царь же Мамаі воспрiять грамоты и прочет іхъ і дары ихь приять і послов ихъ одари и начатъ глаголати со своими болшими князьми, с мурзы і воеводами: «О храбрiе мои витязи і велемошниі мои богатири і все мое воинство. Видите ли, како прелшають нас Олгь князь рязанскиі і Олгердь король литовскиі, како оставять они свою вѣру и закон і стануть противитис великому князю». Они же послы рекоша: «Государь царь, ты во вѣки царьствуі, а нѣтъ от нихь лсти к тебѣ ни единоя, но обоятся имяни твоего грознаго. А се князь Димитрiе пред ними преступил і велику обиду имъ сотвори». Царь же рече: «Мню, яко они во едином совокуплении будут на мя. Нынѣ же,

рече, развие межь ими великь несовѣть». І пословь тѣхъ чествовал и отпусти ихъ и отписал ко Ольгерду литовскому королю и Олгу князю рязанскому. Елико писасте вы ко мнѣ и хвалю вас и на дарехъ вашихъ кланяюся. Вѣдомо вам буди, сколко захощете руские отчины, но тѣмь одарю вас, но токмо присягаіте ко мнѣ і срѣтите мя со своими силами и да одолѣете нѣдруга своего, а мнѣ убо ваша помощь не удобна есть велми, аще бы аз хотѣль, то плѣнил бы древніі Иерусалимъ своею силою. Да чести ради вашея приіму вась, не вас бо ради, но моим имянем распужен будет князь Димитрій Московскій і да угрозится имя мое во всеі странѣ вашеі.

Послы же возвратишася от царя і сказаша по серцу іхъ, яко царь вас здравствует велми за хвалу велику. Они ж скудним быша умом своим о суетном привѣте безбожнаго царя Мамая, никако же помянуша закопа божия, ниже в заповѣдех его восхотѣша ходити. По сем же Олгердъ корол литовскіі нача вопрошати у посла своего Барьтяши. І рече: «возвести ми, Бартяше, ходил ты посломь ко царю Мамаю, а вѣм, яко муж еси ты твердъ разумом і многие воинства и царства за обычеі тебѣ. Скажи ми, каков грозныі царь Мамаі, мню, яко страшно есть велми его видѣти, а воинства чаю у него много и крѣпко зѣло». Бартяша же к нему рече: «Милостивыі моі государь Ольгердъ краль литовскіі, аще ли повелиши сказать мнѣ, повѣм, господинѣ, во истинну. Царь Мамай возрастом среднііі, а вь речахъ не памятливъ, но гордъ велми, а воинства у него многое множество, да всѣ, аки овцы без пастыря ходятъ, гордостию превознесенны. Аще, господинѣ, устремится іти противу его московскіі самодержецъ князь Димитреі Іванович, чаю, господине кралю Олгердѣ, разпудитъ ихь, яко овецъ і крѣпко разбити его іматъ», Ольгердъ же литовскіі король, слышав от посла своего Бартяшу словеса сия і рече, яко хулу глаголетъ. Рыкнув аки левъ, с мѣста своего скочивъ, мечь свой подхвативь, хотя Бартяшу уразити по устом. Паны ж ту предстоящіі, скоро кинувшеся, воздержали Олигерда і рекоша ему: Предстани,

господине, что ты сердитуешь, сам ны вопросил еси. Олгердъ же яряся, хотя убити Бартяшу, сь яростию рече к нему: О злая главо, како ты смѣеши, такие словеса глаголати про таковаго силнаго государя царя над цари, ему же вес свѣт противу стояти не может, о окаянне! І плюну на лице его. Бартяша же отврашся от него, отступи мало. Паны же рекоша кь Бартяши потиху: «почто тако сказал еси всю правду». Мнози же тогда панове ужаснулися сердцемъ, слышавъ о Мамае, что рече о нем Бартяша. Ольгердъ же литовскиі король сердцем желал к Мамаю, князь же Олгъ резанскиі такоже. О таковыхъ написа Лука еуангелистъ во апостоле рече: жестокиі и необразниі сердцем, овиі противящеся духом святым.

Олгъ же нача поспѣшати і послы своя посылати к безбожному царю Мамаю, глаголя, яко подвизаіся скоро, царю, кь земли рускоі. О таковыхъ патерикъ речѣ: о нерассуженныхъ пути злыхъ непоспешаются, но собираютъ себѣ осуженныі понос, правых же пути поспѣшаются.

Князь же великиі Димитриі Иоанновичъ слышавъ приходъ безбожнаго і зловѣрного і гордаго царя Мамая і сущихъ с нимъ скверныхъ печенѣгъ і тмочисленных борецъ, ідущихъ на все православное християнство от своего сторожа Андреа Попова, і сердцемъ своимъ велми поскорбѣв і рече: На Господа уповахъ, не убоюся, что сотворит мнѣ человѣкъ. І вскоре посла в Боровець градъ по брата своего князя д Владимира Андреевича. І вскоре приехавь князь Владимиръ Андреевич к Москвѣ. Князь же великиі Димитри Івановичъ срѣте его по достоянию і любезно облобыза его і вземь его за руку і веде его во внутреннюю палату свою і сяде с нимъ наединѣ і рече к нему: «Слышал ли еси, брате, приходящую на ны скорбь великую от нахожденні безбожнаго царя Мамяя і сущихь с нимь суровѣщихъ варвар тмочисленныхъ». И отвѣща ему князь Владимир Андреевичь: «О великиі государь князь Димитрий Івановичъ, глава еси ты, государь, всѣхъ главь земскихъ, государь всеі росиіскоі земли. Како ты о семъ держиши велику печал, яко же

Господеви воля, тако і буди. Подобно, государь, всемъ нам любезно умрети і главы своя положити за святыя божия церкви і за вѣру християнскую і за тебя, государя великого князя Димитрия Івановича, нежели намь срамень животъ жити под рукою нечтиваго царя Мамая. Лутше, государь, нам почестну смерть принять».

Князь же великиі Димитриі Іванович, слышав сие слово от брата своего князя Владиміра Андреевича і вземь его за выю и любезно его лобызая. И поим великиі князь Дмитрей Іванович брата своего князя Владимера і всѣх князеі руских і поиде в соборную црьковь пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріі честнаго і славнаго ея Успения і припадаеть со слезамі к чюдотворному Ея образу, моляся сице:

Молитва. О пресвята госпоже владычице Богородице, выщи еси всѣх ангелъ и архангелъ і всея твари честнѣіщи. Призри нынѣ, Госпоже, от святаго жилища твоего на нас грѣшныхъ и непотребныхъ рабовь твоихь, ізбави нас нолежащия сия лютыя скорби от нахожденія безбожнаго сего царя Мамая і сущихь безбожныхь с нимь варваръ. Ізбави, о пресвятая Владычице Богородице грады достояния твоего и люди нареченныя во твое имя, умилосердися, Госпоже, на скорбящая рабы твоя, даі же намь помощъ смиреннымъ рабом твоим. Молися, Госпоже Владычице Богородице, Сыну своему і Богу нашему Ісусу Христу, и да препояшет нас силою своею свыше на невидимыя і видимыя враги наша, да о нынѣшнѣе бѣды тобою ізбавльшеся и благодарно возопием: радуся, Заступнице наша непостыдная.

И скончавшу ему молитву і приемлет благословение у преосвященного Киприяна митрополита і речѣ ему: «Вѣси ли ты, отче, настоящую на ны скорбь, понеже ідеть на нас гордъ царь, імянемъ Мамай с восточныя страны, от силныя орды со многими силами, и хощеть нашу землю роскую плѣнити і родъ християнскиі погубити и церкви божия разорити». Преосвященныі Киприянъ митрополитъ рече к великому князю: «Государь князь великиі Димитриі Иоанновичъ, повѣжь ми, господине, чемь еси

к нему не изправился»? Князь же великиі рече: «Отче, пред Богом согрѣшихъ, понеже человѣкъ есмь, а ему по отець своихъ закону еще наіпаче воздахом». Преосвященный ж Кипріянъ митрополит рече великому князю: «Видиши, господине, попущением божиім, нашего ради спасения ідет плѣнить нашу землу роскую, а вам, государемъ православнымъ княземъ, тѣхь нечтивыхъ цареі подобаетъ дары утоляти четверицею сугубо. Да еще не смирится, то Господь Богъ смирить его. Господь гордымь противится, а смиренным дает благодать. Яко же бо іногда случися великому Василию Кесарийскому, приіде бо на него злый законопреступникъ Улиянь царь с Персы и хотя град Кесарийскиі раззориті, Василиі же великиі со всѣми хрестияны моляся Господу Богу и собра много злата і сребра и посла противу его. Он же наипаче возярись на него, и посла на него Господь Богъ воіна своего Меркурия, и уби Меркурiі божиею силою злаго царя Улияна і всю силу его погуби. Такожде и ты, государь, еще пошли противь его дары, елико имаши, наипаче еще пред нимъ правися. Да аще того ради не смирится, то Господь Богъ всемошныі смирить его».

Князь ж великиі Димитриі Ивановичь всего слатко *послушав*, аки от божиих устъ, сия словеса вменивъ і поіде от архиепископа в палату свою и начатъ совѣтъ совѣщевати с братом своимъ и со інѣми роскими князи і воеводы, кого послать посолством к нечестивому царю Мамаю. Ізбраша юношу, доволна сущу разумом и смысшленна умом, именем Захарию Тупишева, і отпусти с нимъ дары ко царю, злата і сребра многое множество. Захария же доіде земли рязанскоі, и посланы с нимъ два толмача, гораздиѣ умѣюща еллинскому языку. И послышавъ Захария, что Олгъ рязанскиі и Ольгердъ литовскиі король совокупилися с Мамаем царемъ.

Князь же великиі Дмитриі Ивановичъ слышавь сию вѣсть, что Олгь рязанскиі и Ольгердъ литовъскиі король совокупились с Мамаем царемъ, і начатъ сердцем двизатися, ярости великия и горести наполнися, і рече: «Господи Боже моі, аще бы ми

врагъ поносил і пакости дѣял, то подобает противъ его терпѣти, искони бѣ врагъ поноситъ. А сия бо друзи мои ізкренніі, како умыслиша на мя злая. Суди, Господи, между ими і мною». И поимъ князь великіі брата своего князя Владимира Андреевича і всѣх князеі роскихъ и поиде вовторые к преосвященному Киприяну митрополиту, и пришедъ рече: «Слышал ли еси, отче, опять великую скорбь на нас. Олгъ рязанский князь і Олгѣрдъ король литовский совокупилися с Мамаем царемъ». Преосвященный ж Киприян митрополитъ речѣ к великому князю Димитрію Івановичу: «Повѣжды ми, господинѣ, Господа ради, что еси имъ сотворилъ зла»? Великіі же князь рече: «Отче святыі, никоего же імъ зла никако сотворих, токмо развие от нихъ дары приях, такожде і самъ к нимъ посылахъ». Киприянъ же митрополитъ речѣ к великому князю: «О государю, великіі князь Димитріі Іванович, о семь тебѣ не подобает, государю, быть в велико печали: кого Богъ милуеть, того никто не может ізженуть. Такожде тебѣ, государю, подобаеть Богу молитися і вооружатися и по путем крѣпки стражи поставити».

Князь же великіі Димитріі Івановичь поіде із полаты от митропалита в палату свою и начат думу думать з княземъ Владимеромъ Андреевичем и со всеми роскими князи і воеводами, чтобы послать сторожу твердую в поле от велмож разумныхъ и мужеи крѣпкихъ. І посла на сторожу Игнатия Кренякова до Ѳому Тынініна да Василя Тупика да Григоря Судока і иных многихъ нарочитых і крѣпкихъ вѣдомыхъ удалых мужей великого князя двора. И повелѣ имъ близъ Орды ѣхать до быстрые реки Воронежи, чтобы со всякимь усердиемъ языки добывать, чтобы истинну слышати царева хотѣния. И та сторожа в полѣ замѣдлѣла. І послаша вторую сторожу. Послалъ на сторожу Петра Горского да Карпа Олексина да Петрушку Чуракина, и повелѣ им возвратитися вскоре.

Они ж стрѣтили Василя Тупика, вѣдуща языкъ к великому князю. Языкъ же той сановит, царева двора. И той языкъ повѣда великому князю, что неложно идет царь на Рус и сово-

купилис с Мамаем царемь Олгъ резанскиі і Ольгердъ король литовскиі. А не спешит того ради итти царь, но осени требуетъ. Князь же великиі Димитріі Иоанновичъ, услышав то неложное востание безбожнаго царя Мамая, и начат утѣшатис о Бозѣ і учал укрѣпляти брата своего і всѣхъ князеі роскихъ, рече к ним: «Братия моя милая, князи рустиі, боляре и воеводы! Гнѣздо есмы великаго князя Владимира прадѣда нашего, крестившаго землю нашу рускую; он же заповѣда нам сию православную вѣру крѣпко держать і побарать по неі. Аще здѣ кто добре постраждетъ за сию православную вѣру, то во оном вѣце со святыми равенъ от Бога венецъ приімет. І аз бо, братия моя, хощу пострадат, даже і до смерти».

Князь же Врадимиръ Андреевичъ і всѣ князи руские, аки едінеми усты рекоша: «О государь князь великиі Димітреі Івановичь! А мы готовы днес всѣ с тобою возжелѣнно і почестно умрети по Христѣ, главы своя положити за вѣру християнскую і за твою, государь, великую обиду». Князь же великиі Димитріі Івановичъ, слышавъ сия словеса от нихь і Бога попремногу благодаривъ, і начать утѣшатися о Бозѣ.

Посланый же посолством от великого князя Димитрия Івановича Захария Тупишевъ, приіде со златом к нечестивому царю Мамаю. І взяша его мурзы, князи і воеводы і поставиша его пред царем Мамаем. Захария же все злато, что с нимь послано, повелѣ імь пред царем Мамаемь положить, і начать посольство свое правитї и рече: «Государь нашь князь великиі Димитріі Іоанновичь владимирьскиі, московскиі, во отечествѣ своем здравствуеть на Москвѣ і твоего царьского здравия велѣл вопрошать, а сие злато царьские тебѣ почести, і велѣл тебѣ челомь ударить твоему величеству». Царь же, увидѣвь многое і множество злата ради, велми возярис і повелѣ злато козакомь взяти і рече імъ: «Возмѣте злато, московского князя дары, да купите себѣ плети на кони своя, злато и сребро твое, Димитрие, будеть в моеі руце, а самово тебя велицеі казни предамь». И рече царь: «Возвѣсти ты мнѣ, Захарие, многолѣтенъ ли Димитрей, ратай

мой? Аще ли онъ млад, то помилую аз его, ради милости, і возму его во дворъ свої і научится моего царьского обычея. І аще ли он стар, і аз его велицеі казни предам іли заставлю у себя пасти стада велблужьі». Тако ему рекшу окаянному. Захария же, стоя пред царемь, ісполнися ярости і горести, і рече: «О царю, что глаголеши таковое безумие сие про таковаго силнаго государя, ему же і вес свѣть стоять не можетъ». И тутъ стоятъ царевы болшие мурзы і воеводы і выхватили ножи і хотѣли Захарию ізрѣзать на уды. І рече Даускалдакъ татарин: «Что ты, русѣнинѣ, говоришъ стрѣшно таковому великому царю надь цари». И рече царь: «За красоту твою і за премудрость твою не велю тя погубити». І паки рече царь к Захарии: «Служи ты мнѣ, Захария, і аз сотворю тя велика властителя в Роси сеі, и будеши подобенъ Димитрию, ему же ты нынѣ служишь». И рече Захария: «О царю, не подобаеть тебѣ у себя меня посла держати; нынѣ отпусти мя к Москвѣ, аз к тебѣ возвращуся с Москвы, да нынѣ же пошли со мною своіх татар сановитых своего царьского двора, чтобы им быть на Москвѣ і Москвою владѣть і судить». Он же безумныі і высокомысленныі царь вскоре повелѣ грамоты писать к великому князю, а в грамотѣ сице писахъ:

Царь царемъ Мамаі і многимь землямь государь, рука моя многими царьствы владѣетъ, и десница моя на многихъ царствахъ лежить, ратаю моему Димитрию московскому. Вѣдомо ли тебѣ, что хощеть рука моя казнити тя, і ты себѣ ранние животом своим промышляі. Аще еси млад, і ты вскорѣ приіди ко мнѣ, і аз помилую тя, ради младости твоея і возму тебя во дворъ своі. Аще ли старъ еси, то повѣлю ти пасти стада велблужьі. А тебѣ бы, Захария, вскорѣ ко мнѣ возвратитис с Москвы, да послалъ аз Захариемъ четырехь своихь мурзъ, а с ними послал т̄ татариновь, а велѣл ім быти на Москвѣ, вѣдать і судить.

І какь доіде Захария земли рязанскоі и посла вѣсть таіно к Москвѣ к великому князю Димитрию Ивановичу, чтобы прислал

встрѣчу удалыхъ людеі двора своего. А тотаром говорит Захария: уже вас стрѣтятъ честно от моево государя. Они же высокоумиемъ гордящес, не вѣдуще погибели своея. Князь же великиі Димитриі Іванович послал встрѣчу кь нимь т̄ головъ двора своево, велѣл ім стрѣтит Захарию. Егда стрѣтоша, Захария повелѣ хватати і вязати татаръ. Тотары же сташа, яко ізумлени і начаша вопити, глаголюще: о великою прелестию прелстил нас Захария! Захария же выбрал із нихь худаго татарина і дав грамоту цареву, предрану надвое, і рече: «Шед, рцы безумному своему царю, яко не обрѣтох в человѣцехь безумнѣе его, а грамоту безумного писания твоего пред свѣтлые очи государя моего, великаго князя Димитрия Ивановича не принесох, самь прочет ю и видѣвь безумное твое писание, посмѣявся ему, а служить тебѣ, государю, рад своим острым мечем над твоею главою». «И егда приіде татаринъ к нечестивому царю Мамаю і дасть грамоту, предрану надвое. Царь же, скочивъ із мѣста своего, ізпусти глас свой, сердито рече: «О коликою прелестию прелстил нас, Захария!» І повелѣ окаянныі воинству своему неуклонно подвигатися на Рус.

Захария же приіде в славыі град Москву і челом удари великому князю і всѣхь татар связаных привел. Князь ж великиі Димитриі Іванович радостенъ бывь, подивися разуму Захариіну. І сотвори князь великий Димитри Ивановичь пир радостенъ и честен, і многими дары Захарию даровав.

На утри же приіде Захария к великому князю і рече: «Государь князь великиі Димитриі Іванович! вскорѣ посылай грамоты по градом, вели воінству своему совокуплятис, либо, государь, ускорятъ погании приіти». Князь же великии повелѣ грамоты писать от великого князя Димитрея Ивановича всеа Росии московскаго, князем і боляром і всякому возрасту, человѣкъ чеі, хто ни есть без мѣшкоты і бѣз ізмѣны, чтобы часа того шли і ѣхали в преіменитыі град Москву, и собралис бы вси на мясопусть пресвятѣі Богородицы, на Госпожинъ день, яко там ізберем полки і дадим коемуждо полку воеводу.

И посемь приідоша на Москву князи белозерские, да князи ярославские, чиновно і урядно конми і доспѣхи і шеломы злачеными і оружиемь велми вооруженно, много злата і великого бисера на портищах іх и на сѣдлахь. І посемь приідоша князи намболеіские, князь Борис, князь Роман Прозоровской, князь Левъ Купрьскиі, князь Димитрии Ростовскии. Тии всѣ суть велицы князи со своими полки приідоша, служаще великому князю Димитрию Івановичу, і иные многие руские князи і воеводы і боляре мѣстные. Вси бо приідоша велми вооруженны, подобни суть храбрымь витяземь.

Уже бо, братие, стукь стучит і гром грѣмит в славномь градѣ Москвѣ, сильная рать великаго князя залочеными доспѣхи звенитъ.

Князь же великий Димитриі Івановичъ, видѣвъ воинства своего много множество и по премногу воздавъ хвалу Богу.

Посемъ восхотѣ князь великий поитти в монастырь к живоначалнѣі Троице, молебное пѣние сотворити і к преподобному отцу Сергию ігумену, і благословение получити от святыя обители сеа. И моли его преподобныі со всею братиею, чтобы у нихъ слушал в монастыри святую литургию. І великому князю нужно бь, пришли бо к нему із поля вестьницы, что ближатся погании татаровѣ. Князь же великий моли преподобнаго Сергия, чтобы ему ослабил. І рече к нему преподобныі: «Не спѣши, государю князю великий Димитриі Иванович, сие бо замедление сугубо, Богь ти поспешит». И паки рече к нему преподобныі старецъ таіно к великому князю: «Молися, государь, Господу Богу і пречистеі его Матери, імаши бо побѣдити супостаты своя». И повелѣ святыі Сергиі воду освящати с мошми многихъ святыхъ і окропив великого князя Димитрия Ивановича святою водою і все его воіньство і даде ему благословение і рече ім: «Мирь вамь, братие, добриі воіни христови, постражите, імени ради Христова, да венцы победными увязетеся от Христа Бога і Спаса душам нашимь». І рече ігумен Сергиі к великому князю: «Государь князь великий Димитрий Ивановичь, многу славу и

честь побѣда сія носитъ многимъ і в предь идущемь вѣце. Многимь же і венцы плетутся». І рече таіно: «І самово тебя, государя уязвятъ погании, но не к смерти, но к животу будетъ». Князь же великиі прослези і рече: «Благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпимъ». І поклонися к преподобному до земли і дары просить от преподобнаго. Преподобныі же рече к великому князю: «Елико довлѣет твоему государству». Князь же великиі Димитриі Івановичъ речѣ: «Даждь ми, отче, воіна своего Александра Пересвѣта черица і брата его Андрея Осляту і твоими святыми молитвами тии нам пособьствуют, вѣдоми бо суть ратницы». Преподобныи ж Сергиі повелѣ імъ готовитис. Они же не отвергоша словеси святаго старца, вскоре приготовишась. И дасть імъ преподобный Сергиі в тлѣнных мѣсто нетлѣнное оружие — крестъ Христовъ на схимахъ нашиты, і то ім повелѣ вмѣсто шеломов возлагати на ся, вмѣсто же доспѣхов — мантиі. І речѣ ім: «То вам, братие, непобѣдимое оружие». І дасть іх в руце великому князю і рече: «Се ти, государь, моі оружницы, а твоі изволницы». Князь же великиі Димитриі Іванович поиде от преподобнаго Сергия ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое сокровище обрѣте, несыі старче благословение на себѣ.

І приѣхавь к Москвѣ, единому повѣда преосвященному Киприяну митрополиту, какъ ему святый Сергиі благословение подал і что ему рекъ. Архиепископъ же повелѣ ему сия словеса хранити, а не повѣдать никому.

Посемъ восхотѣ князь великиі Димитриі Івановичъ ізытти против безбожныхъ печенѣгъ, взя с собою брата своего князя Владимира Андреевича і всѣхъ князеі роскихъ і поиде во црьковь святыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии и приступив ко пречистому образу ея і начать умилно молитис пречистому образу Пресвятые Богородицы.

Молитва. О пресвятая Госпоже Владычице Богородице, всего роду христіанского помошница и кормителница. Ты, Госпоже, Бога нам родила еси, но родители твоі есть мы,

Авраамовѣ внуцы, а нынѣ, Госпоже, намь, рабомь твоимь, велико гонение приспѣло. Свою же помощъ пошли с нами, нетлѣнную свою ризу от невѣрныхь, да в ню одѣемся і нестрашливи будем ранами. А вѣмь, Госпоже, что хощеши помощъ подать намъ, рабомь твоімъ на нѣвѣрныхъ, да не исповѣдуешъ намъ, мы же грѣшнні на твою помощъ надѣемся і подвигаемся против іхъ.

Се рекшу великому князю ко образу пресвятѣі Богородицы со слезами і со многимь умилением і поклонис до земли и поіде ко гробу блаженного Петра митрополита, всеа Россіі чюдотворца і рече со слезами: «О чюдотворче святителю Петре, тя прояві Богъ послѣднему роду нашему помошника і заступника намь грѣшным і молитвенника о душахъ нашихъ, і вжегъ над тобою свѣщу свѣтлую, і нынѣ о нас грѣшных помолися Господу Богу і пресвятеі Богоматери Владычице нашоі Богородицы, да погибнутъ врази наши і изчезнуть, яко дым і растаются, яко воскь от лица огню».

І се рекъ, поіде въ црьков воеводы небеснаго архистратига божия Михаила і поклонис до земли образу святому его, слезы ізо очию іспущаяс. И приступив ко гробомь православных князеі прародителей своих і рече: «Вы істиннні наши хранители і по православлой вѣре поборницы, аще ли імате дерзновение, то молитеся Христу Богу нашему о нашемъ согрѣшенні, а нынѣ убо подвигаітес с нами». І сие рекь, ізыде із церкви вон, и приѣм благословение і прощение с преосвященным Киприяном митрополитом і со всѣм освященым собором.

Княиня іже великая Евдокѣя со всѣми княинями і боляры-нями и с воеводскими женами і множество народу, мужей і жен, плачуще и рыдающе плачемь великимь ко пресвятѣі Богородицы, вопиюще: «Помилуй, о пресвятая Владычице Богородице, государя нашего, славнаго во человѣцехъ великаго князя Дмитрия Ивановича, даруй помошъ ему і на враги одолѣніе». Князь же великий Димитрий Ивановичь дастъ великой княинѣ конешнее целование, а едва государь удержался от слез, чтоб

великую княіню. І рече к ней: «Аще Богъ по нас, то никтоже на нас». А сердцемь государь велми поскорбѣл. Такожде вси жены своімь мужем конешнѣе целование дали. І великая княиня Евдокѣя возвратис с великими княгинями, в палаты своі поиде.

Князь же великий Димитрий Іванович ступив в златокованное свое стремя і сѣд на бурнатыі конь свой, і вси князи і боляре на свои кони всѣдоша. Преосьвященныи же Киприян митрополить в той час попов і диаконов посла с живоносными кресты і со святыми мошъми і со святою водою во Ѳлоровские врата і Николские врата, в Царякостянтинские врата вь Ѣленинские врата, чтобы ся всякій человѣкь воінской благословень пошел.

Княиня же великая Евдокѣя взыде в златоверхиі своі терем і сяде на урундуце под южьнымь оконцем і рече: «Уже конешное зрѣти на великаго князя». І рече со сьлезами: «О чюдотворна ікона Госпожи нашея Богородицы і Приснодѣвы Марии, сподоби мя грѣшную еще видѣти государя моего, славнаго во человѣцех великаго князя Димитрия Ивановича, даруі ему побѣды на враги».

Князь же великий Димитриі Іванович раздѣлис з *братом* своим з князем Владимиром Андреевичем, понеже невозможно бѣ воінству іх вмѣститися единою дорогою. Самь князь великий поиде дорогою Засенною на Прашево, а брата своего отпустил дорогою на Котель. І бѣ бо видѣти дивно і преславно рать і силу великаго князя: бѣша бо вси, аки соколы і урядно вооруженны конми и доспѣхи, панцыри и шеломы і оружием зѣло вооруженны, яко во едино время і во един час ударити на сопротивных, і един за единого хощетъ умрети. Солнце же ему ясно сияетъ на востоце, путь ему, государю, повѣдает, а по нем вѣтрецъ кроткий вѣетъ.

Того же дни на Москвѣ быша гости новогородцы с таваром, торгу ради: Микула да Іван Василевъ, сынъ Усатов, да Дмитреі Ключков, і с ними многие іные гости. І видѣша велие гонение і скорбь великую православным христіаном от христоненавистьныхъ

агарянъ і скоро возвратишася в великий Новград і, пришедше, возвѣстиша посадником великаго Новаграда. Они ж, слышавше, прискорбни быша зѣло о великомъ князе і скоро поидоша ко владыце Евѳимию, і пришедше рекоша: «Веси ли ты, отче, великую беду на нас, идет бо на нас гордый царь Мамай со множеством татарскими вои і хощеть нашу землю руськую всю пленити, црькви ж божия і грады наша огнемь попалити, нас же всѣхь мечем погубити. І сказывают, что князь великий Димитриі Іванович і всѣ князи руские вооружишас против его і хотят похес желанно узрети і кровь свою пролияти за святыя божия црькви і за вѣру христіанскую». Слышав же сия Евѳимий, прослезись і рече: «Яко же Господеви, тако і будетъ, да вы ко мнѣ, о чада, почто пришли есте і коея ради потребы». Они же ему рекоша: «Господине честныі отче нашь, ты, господинѣ, глава нам всѣм словесным овцам, да что нам повелиши творити, мы бо хотим пострадати за вѣру Христову во едином мѣсте, сынове рустиі с московскими воі і с великимъ княземь, а не мошно, господинѣ, нам оставити великаго князя Димитрия Ивановича». Архиепископъ же рече: «Благодарю тя, Господи Боже нашь, что такову благодать вложил в сердца ихь». И рече к ним: «Подите, братие, велите собирать народ к вѣчью, і которую рѣчь народ принесет, хотять ли ітти противо поганых іли нѣтъ». Посадницы же повелѣша звонить в вѣчныі колокол, повелѣша собирать народ к вѣчью і послаша многие проповѣдники по улицам градным, звати народ.

І тогда многое множество сошлося народу на колоколный звон, і возвѣстиша сия вся народом о нашествии безбожьнаго царя Мамая. Народ же возопи, аки ѣдинеми усты рекоша: «Мы днесь должны есмы по Христѣ умрети». І заповѣдаша другъ другу, егда заутра услышите вѣчный колокол, всѣ будите готовы с конми и со оружиѣм на дворище у старого Николы, яко тут нарядимся по достоянию. На утрие же сьѣхалося все воінство. Архиепископъ же Евѳимий к нимь приіде на соборище, і той, возгласив, рече к ним: «Воінство великого Новаграда, чада моя

милая, нынѣ хощете вы ітти на подвигъ спасения, не утолите лицъ своихъ, ни ѣдин от вас, от поганых, да приимѣте от подвигоположника Спаса Христа неувядаемыя венцы». І все воінство, яко единеми усты, рекоша ему: «Един Богъ, отче, наш свѣть во свѣте, славимый Сынъ единородьныі, а мы всѣ должни по нем умрети». Архиепископъ же вземъ честный крестъ і огради воевод і все воінство і повелѣ многимь попом і дияконом все воінство оградити кресты і святою водою окропити. Архиепископъ же благослови их, отыде восвояси.

Они же строішас вес день, і до ноши ізобраша себѣ $\overline{\text{s}}$ воевод крепкихъ і мудрыхъ зѣло: $\overline{\text{а}}$—воевода Івань Василевичь посадникь, $\overline{\text{в}}$-го сына его Андреа Волосатого, $\overline{\text{г}}$-го—Ѳому Михайловича Красного, $\overline{\text{д}}$-го Димитрия Даниловича, $\overline{\text{е}}$-го Михайла пана Львовича, $\overline{\text{s}}$-го Юрия Захаревича, а с ними урядиша Новаграда воінства $\overline{\text{м}}$. Во утрий же день восташа, всѣдоша на кони своя і наполнишася духа ратнаго і начаша, яко златозарніі орли по воздуху летаті, ищущи восточные страны свѣтлости. І вскорѣ вь $\overline{\text{s}}$ день приідоша в преіменитыі град Москву, і возвестиша ім—уже князь великиі Димитрий Іванович во вчерашній день на Коломну пришел. Они же скоро поідоша на Коломну за великимъ князем. Не дошедше же Коломны за пять верств, сташа на реце на Сиверкѣ і послаша вѣсть к великому князю. Посланцы ж приідоша і возвѣстиша ему: «Государь князь великий Димитрий Іванович, пришли к тебѣ на помощь новогородская сила, $\overline{\text{s}}$ воевод, а с ними воінства $\overline{\text{м}}$». Князь же великий радостенъ бысть і вопроси любезно посланніка того: «Брате, далече ли отсюду воеводы ваши». Он же рече ему: «Государь, отселе $\overline{\text{е}}$ поприщъ». Князь же великий Димитре Іванович прослезися і рече: «Господи Боже нашъ, чюдна дѣла твоя, нѣнадѣемыхъ даеши в помощъ». І поиде в полкъ к новогородцам і видѣ воінство іх чинно и урядно конми і порьтищами і шеломы, много злата і великаго бісера на портишах і на сѣдлахъ іх. И зва государь воевод новогороцких і многихъ от воинства хлѣба ясти.

Повелѣ воінству своему выѣхать на великое поле. Сынове же ростии наступиша на всѣ поля коломенские, не мошно бѣ очима обозрѣти, но всюду, аки вешная вода разлиясь колебашеся: велми бо велико воінство. І стязи ревутъ у саду Панѳилова. И учреди государь всѣ полки по достоянию. Себѣ взял полкь белозерскихь князеі, а брату своему Владимиру дал ярославских князеі; передовой полкь Димитрея Всеволодовича да брата его Владимира; болшей полкь—князь Димитрий да князь Ѳеодор Шлетски; правая рука с коломенцы, воевода Іоан Радионович Квашня; лѣвая рука—новгородская сила; сторожевой полкь—Андрей Беутов да Костянтин Конанов; в матице же самь благочестивый великий князь Димитрий Іванович і мнози воеводы крѣпкие. І урядиша полки по достоянию, гдѣ кому подобает стояти. І повелѣ возитис великую реку Оку всему воінству своему. Самь же великий государь вземь благословение у епископа коломенского Евѳимия, і все воінство, и перевезеся великую реку Оку со всѣми своими силами великими. І сташа на другой странѣ реки Оки і сочтоша великую свою силу і под которым воеводой сколько силы. І бѣ силы неісчетное множество, кованой рати в доспѣсѣхь обрѣтоша ѧ҃м҃, а протчему же воінству счету вскорѣ не возмогоша дати, понеже в то время прибѣже Карпъ Алексин да Петръ Горскоі, приведоша языкъ к великому князю.

И той языкь повѣда великому князю, уже бо ближатся поганиі татаровѣ. І поидоша оттуду вси сынове ростиі противо скверных і нечистых печенѣгъ. І поідоша по земли рязанскоі. Князь же великий заповѣда всему воінству своему, да не прикоснутся ни единому власу.

Слышав же то Ольгъ рязанский, что князь великий устрѣмися против нечестиваго царя Мамая і ідетъ к Дону со всѣми силами своіми, і глагола Ольгъ: «Аз по прежнему чаях в себѣ, яко не подобаетъ рускому князю против восточнаго царя Мамая стояти с копиемъ, а нынѣ аз почто поползся есть ко царю Мамаю, а уже бы аз помогъ великому князю, да отнюдь мя не приіметь, вѣдая ізмѣну мою. Аще ли к нечестивому царю при-

ложуся, но і пути застали руские люди, і аз буду гонител на вѣру Христову, ако же Святополка земля пожреть мя, не токмо княжения лишон буду, но и живота гонзу. Да аще бы мошно было мнѣ послати ко Ольгерду литовскому королю, да се уже і пути нѣть. Да что бо Олигѣрдь,—он бо не вѣдая Бога истиннаго, аз же разумѣхь святыі законъ. Почто поползохся, окаянный аз, і бысть горши древних гонителеі на вѣру Христову». От того начат Олгъ размышляти, откуду прііде помощъ великому князю, понеже стал онь противу нас г̃-хъ, а един вооружился. І рекоша ему боляре его: «Уже тому е̃і ден, такъ сказывали, есть в отчинѣ его единь от монастыреі, в том монастырѣ калугѣр, Сергием зовутъ. Той прозорливъ духом, а дал ему от своихь помощи в̃ черница, силна велми, а се, сказываютъ, пришли к нему новогородская сила, чинно і урядно конми і доспѣхи і оружиемъ зѣло вооруженны і воінства много велми». Олгъ же, слышав сие от боляръ своихь, і начат боле того блюстися і на боляр своихь стал яритис: «О чемь вы мнѣ о том прежде не повѣдали. Аз бы шел і умолил і воротил царя нечестиваго, а нынѣ бо аще ни ѣдиному не помогу, какь будеть мнѣ от обоіх мотчи прожить. Нынѣ же пребуду здѣс, дондеже услышу московского князя побѣду, і аз в то время приложуся к нечестивому царю Мамаю». И нача Олгъ с мѣста на мѣсто преходити со единомыслики своими.

Ольгердъ же литовский король под предиреченнымъ уроком своимь совокупи литвы множеством злата, чахов і ляхов і варягъ и агарянь і жамоть, і поіде на помощ ко царю Мамаю со множеством воі. І приідѣ Олигѣрдь ко граду своему Одоеву і слышавь, что великий князь Димитреі Іванович московский іде к Дону против нечестиваго царя Мамая с великими силами, і о семь убоявся велми і пребысть оттуду неподвижень; і начат размышляти о суетном привѣте і помыслѣ своѣм, і видѣвь совокупление свое, размышляя: «к которому, рече, присягну. Аще к великому князю, і он мене не пріімет, аще лі к нечестивому царю, но и пути нѣть, уже бо застали пути руские люди». І о

семь нача рватис и сердитися і рече: «Кому не достанет человѣку ума своего, то всуе в чужеі мудрости пребывают, николи же бывала Литва учима Рязанью. А нынѣ князь Олгь ізведе мя із ума, а сам наипаче мене погибѣ. Нынѣ же аз пребуду здѣсь, дондеже услышу московскаго побѣду, і аз в то время приложуся к нечестивому царю Мамаю».

Слышав же то князь Андреі Ольгѣрдовичъ Половѣтский, яко велика туга і печаль наступаеть великому князю от безбожнаго царя Мамая, і послаль князь Андреі Олигѣрдович Половетский ко брату своему князю Димитрию Олигѣрдовичу буквицу малу, в неі же писаніе сицевыми глаголы: «Брату моему возлюбленному, князю Димитрию Ольгѣрдовичу, радоватис тебѣ пишу. Веси ли, брате, что отець нашь Олигѣрдъ краль отринул нас от себѣ, наіпа же мы нынѣ приближимся ко істинному виноградy Христову плодовиту і дѣлателному рукою Христовою, да вѣнцы побѣдными увяземся от подвигоположника Христа Бога і Спаса душамь нашим, і поидемь мы на помощь к благочестивому князю Димитрию Івановичу московскому, а станем отцу своему противитпс за нечестие его». И пріим же сию буквицу князь Димитриі Олигердович і радостепь бысть велми і рече: «Дай, Господи, і мнѣ, рабу твоему, желаніе сие, дай же, Господи, тоже хотѣние, кое брату моему князю Андрею Олигѣрдовичу». І в той час князь Димитрей Олигердовичъ послав насупротив буквицу малу к брату своему князю Андрею Олигердовичу, в неі же писа сице: «Вѣдомо ти буди, брате князю Андрее Олгѣрдович, аз бо, брате, готов побарать по словеси твоему і по вѣрѣ Христовѣ, а воінства у меня по силѣ моей совокуплено не тоя ради брани, но ради дунайскіх варягь. А нынѣ убо з Богом, се таіно приспѣло есть нам время, а истинно аз хощу по православной вѣрѣ побарать, а отцу своему противитися за его неправду і за клятвенное преступление, еже к князю великому Димитрию Івановичу. А истинно, брате, добро намь помощь подать великому князю Димитрию Івановичу московскому. А нынѣ пришли ко мнѣ медокупцы от пещеры і сказывают, уже великий князь на Дону, і

Няпрядну, на полѣ Куликовѣ, а утре імать быти рано к Дону. Единою, государь, мы нощию імѣем разньствие промежь собоі. Тебѣ, государю, дни сего подобает полки своя урядити, егда бо заутра ускорятъ погании прити». В той же часъ повелѣ князь великий Димитрий Іванович полки уряжати. Нѣкто воевода пришел с литовскими князи, імянем Дмитрей Боброкь, а родом земли Волыскоі, тоі воістинну нарочитоі полководець і велми урядил полки по достоянию, елико кому гдѣ подобаеть стояти.

І какъ уже нощь глубока, зоря потухла, і приѣхавь Димитрий Волынець к шатру великаго князя, і сотворивь молитву. Великий же князь рекъ: аминь. І глагола Волынецъ к великому князю: «Государь князь великий Димитреі Іванович, выѣдемь со мною іс полковь своих, примѣть моіхь іспытати». Князь же великиі Димитриі Іванович, сѣд на конь своі і поѣхавь с нимь і сташа на полѣ Куликовѣ среди полковь рускихь і татарскихъ. І повелѣ Волынецъ с коня слѣсти великому князю і летчи на травѣ ковылѣ і приникнути ухом к земли. Князь ж великий Димитреі Ивановичъ, лежа дългъ час, і воста; і рече Волынецъ к великому князю: «Государь великий Димитрий Ивановичъ, что еси слышал, повѣжды ми?» Он же рече: «слышав, братее Димитрие, земли многие плачутся надвое: едина земля, аки вдовица плачущеся горкимь плачевным гласом, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, а третия земля, аки во свирѣль плачевную добре жалостно просопѣ, а по рѣкѣ Непряднѣ какъ бы гуси і лебеди крылами плещут». І речѣ Волынецъ великому князю: «Молися, государь, Богу, добра примѣта сия. То, государь, аки вдовица плачущеся — земля ельнинская о погибѣли чадъ своихъ, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, то — наша земля литовская, а что во свирѣль плачевную добрѣ жалостно просопѣ, то — земля руская, а что гуси і лебѣди крылома плещутъ, то колыблется земля рязанская». Посемь Волынецъ самь с коня слѣзѣ і, приникь ухом правым, на землю ляже і лежа долгъ час і воста, главу пониче. Князь же великий рече к нему: «Брате Димитрие, повѣжды ми, что еси слышал?» Он же рече: «Государь князь

своим князем Владимиром Андреевичем і со всѣми рускими князи і с Олигѣрдовичи: «Братия моя милая, князи і воеводы і вси сыновѣ ростіі, думаіте думу, здѣс ли, братия, пребудемъ, іли за Дон перевеземся». І рекоша ему князи литовские Олигердовичи: «Аще ли, господине, хощеши крѣпку воінству быти, повели возитис за Дон реку, то, господинѣ, ни ѣдин вспять не мыслить бѣжати. Аще ли нам Богь поможет, побием нечестивыхь, то всѣ спасемся; аще ли что Господь случит, то всѣ опшую смерть воспріимем, от князеі и до простых людеі. Помни, господинѣ, прадѣд нашь князь Александрь Невскій Неву реку перевезеся, побѣди краля Аремѣта, что раззорити хотѣль отечество наше, да не по грѣхом нашим еще не прогнѣвался на нас Владыко. Такожде, господинѣ, нарекших Бога себѣ в помощъ, такожде сотворимь; а о велицем, господинѣ, воінстве не надобѣ вѣщати: не в силѣ Богь, в правдѣ; не нашимъ хотѣнием будетъ, но божиім ізволением, что таково воінство совокупилос. Воістинну, государь, такову воінству не бывать ни при нас, ни по нас; подобно, государь, воінство сие древняго Александра царя Макидонскаго воінству его».

Князь же великий Димитрий Іванович повелѣ воінству своему Дон реку перевозитис. І перевезеся государь со всѣми силами своіми великими.

Приспѣвшу же шестому часу дни прибѣже стражь Семень Милюков со своею дружиною, а за ними гонишася погании татарове. Увидѣв же полки руские і всьпять возвратишася і повѣдаша царю своему Мамаю, глаголя: «Вѣдимо ти буди, царю, яко князи руские божиим промысломь на Дону стоятъ, ополчишася, а воінство іх нашево боле четверицею». Царь же, кликнув, напрасно іспусти злый свої глас, глаголя: «Аще аз московскаго князя не одолѣю, но нѣсть достоин итти в землю свою срама ради і поношенія людскаго».

Семион же Милюков повѣда великому князю: «Государь князь великий Димитрий Іванович, уже бо безбожныі царь Мамай на Кузьмнѣ гати, а на сию нощь імать быти на реку

полку выѣхали в̑ юноши, свѣтолѣпны багряницы на себѣ имуща, а в руках своих мечи остры, і рекоша полком татарским: «кто вам повелѣ отечество наше, рускую землю, пленити, а нам вас повелѣ Господь сещи». І в той часъ повѣда великому князю Димитрию Ивановичу. Князь же великий повелѣ ему сие хранити, никому не повѣдать, покаместъ божия милость сотворится.

И в то время мнози орли от стад к Дону сьлѣталис, і волцы непрестанно воюще і галицы грающе, ждуще дни того грознаго і страшнаго побоища. У мнозѣх же у рускихь богатыреі сердца ярости наполнишася, а унѣх же уныша. Поле же Куликово подогнулос, земля же непрестанно стонаше, необычно грозу дающе. Не ту бо во одном мѣсте, но по многимь мѣстом стонаше і люте колебашеся, близ моря живущимь страх велиі творяше.

В Царѣградѣ цареградский царь во мнозем унынии і в скорби велицеі бывь, что земля колебашеся стонеть, необычну гразу дающи. І речѣ царь к совѣтником своим: «Аз мню, яко есть на земли во языцехь смятение великое». И ту нѣки от предстоящих совѣтник его рече к нему: «Аз убо, царю, прежде сего малыми денмі видѣхь сонъ, яко возлегшу ми, рече, на одрь мой спати і видѣхь во снѣ поле, велико же і долго. І се внезапу приідоша ту множество многое звѣреі дивніх, лвове же і волцы злии і медведи, ім же нѣсть числа, лютѣ же неіствовствующес і рыкающе і рищуще. І се приідоша противу іх единошерстно стадо овець, кротцы же і смиренни, ім же и число малеищи от тѣхь звѣреі. Звѣрие же тѣ люте на оно овчее стадо рыкающе і поѣсти іх хотяху. Овчее ж стадо на них такожде устремишас. І се же імь вкупѣ смѣсившимся, злымь оным звѣрем і овцам, і начаша между собоі лютѣ ѣстися, і бысть у нихь между собой вопль великь і ристание зѣло. І вмалѣ звѣри ес страшни тѣ овчее молое то стадо не ізьядоша і немного іх оста. І посѣм останошнии тѣ овцы устремишас единодушно, люте ж і немилостивно тѣх звѣрей ізядоша до избытка, не оставиша в них ни единого звѣря живаго. Аз же от видѣния того возбнух і трепе-

великий, аз бо ничего не слышав». І много нудивь его: «Скажи, брате Димитрие». Он же не смѣяше повѣдати, печали ради его. Князь же великий принуди его сказати, і рече Волынецъ: «Государь князь великий Димитриі Ивановичъ, едина ти есть примѣта на веселие, а другая ти на пагубу і на скорбь велию. Ас чаю, государь, божию милостью добра примѣта сия, побѣда на поганыхь будеть, а і християном велие падение будет». Князь же великий прослезися і рече: «О брате, велия побѣда християном будет». І рече в себѣ: «яко же Господеви воля, тако і буди, что он святый великий восхощет, то і сотворитъ».

Пріѣхавъ государь к своему черному знамению і ссѣде с коня своего, припаде на колѣну свою со слезами моляшеся, глаголя сице: «Господи і Іисусе Христе, Сыне Божий, призри с высоты святыя своя от готоваго жилища своего на сия вся сыны человѣческия, іж имя святое твое призывают і за имя твое великое хотять пострадати. Укрѣпи нас, Владыко Господи, укрепи, да дерзновенно поідем на подвигъ сеі, і низложи, святый Господи, враги наша, борющая нас, іже імяни твоего не познаша. А мы ж, людие твоі і овцы пажити твоя». І скончавшу ему молитву і рекь: амин. И посла брата своего князя Владимира Андреевича і дастъ ему воінства ,зі і своего двора многихъ ізбранныхъ людеи і повелѣ полку утаітис, да и того извѣстнаго воеводу Димитрия Волынца с ними в полку послал. Они же шедше вверх по Дону і сташа в дубравѣ, в мѣсте сокровенѣ.

А самь же великий князь пересѣдая на кони своя і ѣздить по полкомь своимь і говорит своими усты всякому полку: «Отцы і братия, князи і воеводы, старии и юнніі, і вси сынове христіанстии, грозно бдите, мужаітес і крѣпитес, уже бо гости наши блиско суть, а нынѣ, братие, готовы держите раноподвитые кони своя.

Въ ту же ношъ Ѳома Хацыбуевь разбойникь стояль на сторожи, блюдучис поганых татаровеі. Явис ему тое нощи видѣние великое, на востоце велико воінство с обою страиь; іс того же

будем вси, аки овцы, не имуще пастыря, і придутъ во
ізгубят ны. Тебѣ, государю, подобает спасти себѣ, да и
Князь же великий Димитрий Іванович прослезився рече к
«Добрии речи ваши, не могу противитис ім, ни отвѣ
противо вас, умру вкупѣ с вами і испию едину
смертную і спасуся с вами. Аз ѣдинъ согрѣшихъ паче в
человѣкъ».

В той ж часъ придоша к великому князю книги от пр
добнаго ігумена Сергия, в них же писани сицевыми глагол
великому князю Димитрию Івановичу московскому — миръ и
гословение. Князь же великий Димитрий Івановичъ прочет к
радостен быв велми, самь же посолника сергиева начать
вати. Самь же целованием, аки нѣким доспѣхом, укрепи
еще дасть великому князю богородичен хлѣб, просфору. Княз
великий простер руце свои на небо и рече: «Велико имя св
Троицы, Пресвятая Богородица помогай нам, Господи І
Христе, Боже мой, сподоби мя грѣшнаго причаститися
творящих таін твоих».

В той час іс полку татарского выѣхал Печенѣхъ,
чеством подобень древнему Голиаду, і начать являти храбр
свою. Сынове же ростии видѣвше его і ужасошася. Увидѣ
его Александръ Пересвѣт чернецъ і начатъ у Владимер
Всеволодовича в полку ѣздить, вооружень, вмѣсто доспѣ
шелома возложи на ся ангельский образ і куколь, сирѣчь св
схиму. І приѣхав к великому князю і рече: «Государь, к
великий Димитрий Іванович і вси князи і боляре, сынове
стиянстии, воно поганый сопротивника с себѣ ищет, і аз хо
нимъ видѣтис. Простите мя грѣшнаго и молитес о мнѣ». І
«Святый Сергий, помогаі ми молитвою своею і брате Ан
молися за мя Богу». Сие рекъ, напусти і поѣха на Пече
мнози же прослѣзишася от воін, видѣвши ангельское воор
ние. Печенѣгъ же устреми на него, і съѣхались оба вку
ударишася копиями, і копия у них ізломишас, і оба вку
коней падоша і скончашася вь г̑ час дни.

І посем выехал іс полку татарскаго в̄-рый Печенѣгъ, імянем Телебеі, таков же, якоже і первыі. І увидѣв же его Андреі чернець і рече: «Сыновѣ ростии, простите мя грѣшнаго, ігуменъ Сергиі, помогаі молитвою своею». І сьѣхалис оба вкупѣ і ударилис копиями, і копия у нихь ізломишас і с конеі своіх падоша, и ту оба скончашася.

Тако кликнули христіанѣ: «Боже христіанский, помози нам». А печенѣзи кликнули своі бози. І ступишася крѣпко, на первом часу дни. І бысть сѣча зла і трус великь от копеінаго ломления і от воінскаго крычания і от конскаго потопу земли непрестанно стонущи. І бишася крѣпко д̄ часа, і еще бо полки руские неосьлабно биющеся, печенѣзи же велми належаху. І не мошно бѣ очима зрѣти, ни слышати, не токмо что оружием бияхуся, но і от великия тесноты задыхахуся і под конскими ногами умараху. Поле же Куликово колебашеся, а река Непрядна, аки весною разлияся, с кровию течаше.

Наставшу же шестому часу, велми бо начаша погании налѣжати, а еще христиане не ослабѣютъ. І уже мнози рустии сановитии богатыри побиѣни быша. Приспѣвшу же з̄-му часу, велми бо начаша погании рать творити, і мнози бо руския полки побиша. І уже мало христиан, но все татаровѣ.

Сынове же ростии, стоящий в дубравѣ полкь великаго князя Владимира Андреевича, горко плакавше, видѣвше братию свою рассѣкаему, и рекоша другь другу: «Что убо, братие, в стоянии нашемь кая полза есть». Напрасно восхотѣша пуститися на полки татарския, по возбраняше ім Димитреі Волынець, глагола ім: «Постойте убо, братие, пождите мало, уж бо милость божия совершится». Они ж велми стужаху, наполнишас бо ярости і горести сердца іх. Наставшу ж осмому часу, і возвѣя вѣтрецъ по всѣм полком рускимь. І воскрича Волынецъ гласом великим, глаголя: «О братия, сынове християистии, дерзайте». І тако вси единодушно ударишася на полки татарские, вь ярости другь друга преспѣваху. І тако ударилис сынове ростии на силу татарскую и начаша ім воздария давати. Трѣснули копия хар-

лужские, возгрѣмѣли мечи булатные о іхъ головы половецкие, і ни единъ противу іхъ стояти не может, ни камо бѣжати: кони бо іхь притомишася. Татарове же удариша себѣ в плѣши, вопиюще: «Горе тебѣ, горе тебѣ, царю Мамаю. Высокоумием вознеслься, а снщел еси до ада: уже бо сила татарская, аки трава постилается». І вопиюще і глаголюще: «О увы, увы нам, увы тебѣ, Рось премудрая, прежде худи с нами бишася, а лутчи всѣ соблюдошася». Мамаі же, видѣвь силу свою свю побиваему, нача призывати боги своя: Перуна і Тарха і Раклѣя і Гуся і великого своего Бахмета пособника, і не бѣ гласа ни послушания. Воістинну бо речѣ божественое писание: яко огонь попаляяй дубравы, яко пламень пожигая горы, тако поженежся силою своею. Воістинну бо сила святаго Духа, яко огнь пожигает.

І рече Мамай своимъ пашамъ санчаком, которые с нимь были: «Побѣгнем, братие, унесем главы своя». І побѣже Мамай въ 0-ти мурзахь, зубы своими скрежеташе, поминающе друзи своі, саулы, алпаутовѣ, і речѣ: «Уже вам в земли своеі не бывать, а чадь своихь не видать, а катун своихь не требыват, трепать вамъ земля роская і трава мурава, а на Рос ратию не хаживати, а с рускихъ князеі выходовь не прашивати». Мнози же рустии богатыри гонишася за нимь і не возмогоша постигнути іхъ, кони бо притомишася, а сами утрудишася, а іхь бо кони мочни быша. І тако іхь окаянных печенѣгь всѣхь погубиша і не остатася от нихь ни ѣдин в живых, токмо котории со царем ушли.

І тако сѣть іх сокрушис, а мы ізбавлени быхом милостию Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа і пречистые Богородицы і молитвами московских чюдотворцев і сродников наших Бориса і Глѣба і преподобнаго отца нашего Сергия.

Князь же великий Владимиръ Андреевич побѣди всѣх поганых татар і приѣхав на грозное побоіще под свое черное знамение і не обрѣтѣ брата своего, великаго князя Дмитрия Іановича московского, і нача плакатис велми і убиватис, глаголя:

«О братия моя милая, всѣ сынове християньстіі, кто видал іли слыхалъ своего пастыря і началника великаго князя Дмитрия Ивановича московского». І много искавше і не обрѣтоша его. І повелѣша трубить в собранные трубы, і начаша мнози стекатися на тои трубныі глас, овии поюще стихи, інии мученичны, і инии же богородичны, плачющес і рыдающе вкупѣ і веселящеся, пѣсни побѣдителныя Богу приносяще со слезами. У иново бо убиша отца, у иново брата. А ізгубихом мы своево пастыря і началника.

І разошлися (от роды) по великому грозному попоіщу, іщущи побѣды побѣдителя. Ови наідоша Михаіла Андреевича Брянцу в приволоце і в шеломѣ великаго князя, і чающе его великим княземъ, занеже былъ приличен ему. Інні наидоша князя Феодора Семеновича Белозерского. Нѣкто же бяше Стефань Новосилцовъ рече: «Аз его, государя, видѣл в і̑ часъ дни, что пѣшь он бежит по побоіщу, а гоним бысть он д̑ татарины, а щитится он палицею желѣзною; от нихъ і аз ему, государю, не могъ помощи подать, занеже і самь был гонимъ г̑ татарины». А инь воін рече: «Аз его видѣхь такожде с тою же с палицею желѣзною, толко уявлень уже он добрѣ копием под пазуху». І рекоша князи литовские: «Мы его мним, яко в трупѣхь с мертвыми». І рече князь Владимир Андреевичъ: «Братия моя милая, сыновѣ християнстии от мала і до велика, аще кто наідетъ брата моего великаго князя Дмитрия Ивановича московскаго жива, воістинну первыі человѣкъ будетъ на Москвѣ у нас».

І раззошлися отроцы по великому побоіщу, іщуще в трупѣхь. Два отрока мало ѣхаша с попоіща в десную страну, единому імя Ѳеодор Сабор, и другому імя Григореі, оба костромичи, Холопищевы. І наѣхаша великаго князя жива, ранена, отдыхающа под сѣченным древом березою. Сабур же ссѣд с коня і поклонис до земли великому князю і рече: «Радуіся, великии князю і государю, побѣдителю врагом своім». Он же ни во что же вменяше реченная ім. Они ж опять сѣдше на кони

своя і выѣхали на побоіще і повѣдали великому князю Владимиру Андреевичу: «Государь нашь князь великиі Димитрей Ивановичъ живь, лежитъ под сѣченным древом березою». Князь же Владимир Андреевич і всѣ князи роские сие слышавше радостьни быша, і всѣдше на кони своя і поѣхали до великаго князя. І слѣзше с конеі своіхь, поклонишас ему до земли, припадше к ногамь, глаголюще: «Радуися, радуіся, государю нашь, великии княже, храбрый побѣдителю на поганыхь христоненавистныхь агарянь, радуіся, древний Ярославѣ, радуися новый Александре, радуися свѣтило земли росиістей, радуися утѣхо наша, радуися побѣдителю врагов».

Князь же великии едва проглагола к нимь: «Скажите ми, возлюбленная братия, что дѣется у вас с татары». І отвѣща князь Владимиръ Андреевичъ: «Государь князь великии Дмитрии Іванович, по милости божий і пречистыа Божиа Матере і сугубыми молитвами сродников нашихь мученикь Бориса і Глѣба, заступлением же росиіского святителя Петра митрополита і протчих чюдотворцов, і пособием вооружителя нашего преподобнаго Сергия игумена і всѣхь святыхь ходатаіством і християнскими молитвами побѣждени суть враги наши, а мы спасохомся». Тогда великии князь радости ісполнися і рече: «Сиі день, его же сотвори Господь, возрадуемся і возвеселимся в онь». І паки рече: «Велий еси, Господи, і чюдна дѣла твоя, вечерь водворится плачь, а заутра радость. Хвалю тя, Господи Боже мои, і почитаю імя твое святое, его же ради не предал еси нас в руки врагов нашихь і не попустил еси похвалитис над нами іному языку. Сего ради уповаю ня тя во вѣки».

Приведоша же коня великому князю. І всѣд на нь і выехав на побоіще і видѣ множество мертвыхь любимых своихь витязей і нача горко плакатися. По сем узрѣ татар четверицею в трупие падшихь, мало утѣшися і, обрашся, рече к Волынцу: «Воістинну неложны твоі примѣты, брате Димитрие, достоінно есть всегда быти тебѣ воеводою». І нача князь великии со всѣми князми і воеводами ѣздить по побоішу, сердцем же велми склицаше, сле-

зами умываяс. И наѣхавь мѣсто, на нем же лежаще князи Белозерстіі, вкупѣ побіени, иже толма бишася крѣпко, яко единь другаго ради умре. Туто же блиско лежаше і Микула Василевич. Над ними же став великии князь нача плакатися і глаголати: «Братиа моя милая, князи і воеводы і сыновѣ рустии, положившии за вѣру святую главы своя, аще имате дерзновение, молитеся за ны». Шедше же на ино мѣсто, і се обрѣте наперстника своего Михаіла Андреевича Брянцу і близ его лежаща Семена Милюка і князя Тимоѳея Волуевича, убиенныхъ. І ставъ над ними великіи князь восплакався горко і рече: «Братия моя возлюбленная, кто тако может за государя своего умрети, яко любимецъ мои Бренник в моемь нарядѣ, вмѣсто мене выѣхавши, до смерти подвизався за мя». І паки рече: «О добрыи моі стражу Симеонѣ, твоею стражею мы многажды спасохомся, ты же здравия нашего стрегущи за нас, главу свою положиль еси». Приіде же на иное мѣсто, і се лежаше ту храбрыи витязь Пересвѣть чернецъ, і близ его лежаше Таврул татарин, величествомь подобен древнему Голиаду, от Пересвѣта побежденный. Князь же великии возплакася горко над ними і, обрашся, рече к своим: «Зрите, братия, начальника своего Пересвѣта, сеі бо побѣди подобна себѣ богатыря татарина, от него же бы многимь было пить чашу смертную».

І паки ста на мѣсте своем і повѣлѣ в трубы трубіти собранные на собрание, весело ликовствующе і пѣсни воспѣвающе, овы крестныя, іныи богородичны, ово мученичны и протчиа боголѣпныя благодарения о толикой преславной побѣде, веселящес. Собравшу же ся воінству, ста посрѣди, великии князь нача с радостию і с плачем глаголати: «Братия моя возлюбленная, князи і боляре мѣстныя, воеводы силныя і вси сыновѣ всеа земли русския, вам подобаеть такожде і впредь служити, а мнѣ службы вашеа тѣшитися і по стоянию хвалити вас; внегда упасет мене Богь, буду на своем столѣ, на великом княжении московском, імам вас дарити ізобилно. Нынѣ же сие управим,

похоронимь кождо ближняго своего, да не будут звѣрем і
в снѣдь тѣлеса христианская».

І стояше князь великии за Доном и҃ днеи і разбираше
няше тѣлеса христианская от нечестивых, а нечестивых
осташас звѣрем и птицам на разхищение.

По семь великии князь Дмитриі Івановичь рече: «Сч
братие, сколко у нас князеи і воевод нѣть і всего воінс
отвѣща Михаиль Александровичъ боляринъ московски
(государь) смѣтил, сколько у нас князеи и боляр нѣть і
воіства побито і переписал на черныі списокь. Нѣтъ, го
у нас м҃-ти боляринов московскихь, і в҃і князеі белозерски
л҃ посадниковь новогородскихь, да к҃ бояринов перепохо
да к҃ бояринов переславских, да к҃е бояринов костромских
бояринов владимирскихь, да и҃ бояринов сузалскихь, да м҃
нов муромскихь, да к҃г бояриновь дмитровскихь, да л҃ бо
ростовских, да ѯ҃ бояринов можаіскихь, да л҃ бояринов с
родских, да е҃і бояринов углецкихь, да л҃ пановь литовски
о҃ бояринов ярославскихь, а от всѣхь полковь всеі др
воінскоі положивши главы своя за честь божию і за тебя
даря ҂с҂н҂г головами».

Тогда великии князь Дмитрии Іванович із глубины
своего воздохнув і обрашся ко гробом убиенныхь рос
воевъ с великимь умилением і слезами рече: «Братия мо
любленная, князи, бояре і воеводы і всѣ витязи старии и
сыновѣ ростии, вамь, братие, Богом сужено мѣсто сие
Доном і Мечею рекама, на поли Куликовѣ, на рѣчкѣ Не
Здѣ положили есте вы богатырстии есте головы за вѣр
стіанскую і за землю рускую. Вам да будеть вѣчная па
получением почести венцовь небесныхъ за доблия подвиги
а мене грѣшнаго со всѣми оставшими со мною братия
сродниками і други вашими простите і благословите
вѣце і в будущем. Се бо здѣ вас оставляю, отхожду
Москвѣ. О горкое наше разлучение с вами в сеі вр
жизни, желаю же усердно случитися с вами в жизн

ной, Богомь назнаменаноі, идѣже есть всѣхъ веселящихся жилище».

О возвращении великого князя Дмитрия с торжественною побѣдою к Москвѣ.

Давши великии князь послѣднее цѣлованием тѣлесам побиеннаго воинства христианскаго на полѣ Куликове, рече ко всемь своимь княземь, боляромь, воеводам і всему воинству: «Братия моя милая, уже есмы по милости божие снабдѣли имя себѣ славное, нынѣ же час намь возвратитися в свою землю. Время бо пѣнию і молитвѣ час, празникъ всемирнаго Воздвижения честнаго креста, почнем чрез Дон возитис».

І тако перевезшися Дон, поиде великии князь со всѣми к Москвѣ на столь свой. И егда приближися к Москвѣ во время праздника Покрова пресвятыя Богородицы, се преосвященный Кипріань митрополит со всѣми освященнымь соборомъ срѣте великого князя во Андрониковѣ монастырѣ, со честными кресты и святыми іконами. И огради его крестомъ и рече: «Радуися, княже нашъ великии Дмитріи Іоанновичь, преславныи побѣдителю». И окропи его святою водою. И ту великии князь восхотѣ в монастырѣ святыя литургии слушати. І вниде в церковъ, нача молитися со слезами, взирая на нерукотворенны образ Христа Спасителя и глаголя: «Владыко Господи Боже мои, благодарение тебѣ воздаю, яко не предал еси рабовь своихь врагом нашимь в покорение и не поступилъ еси имъ порадоватис о нас, не забуди нищихь своихь до конца». По церковном же правилѣ иде князь великии з братом своимь и с литовскими князи и со всѣми своими доброхоты в торжественно побѣде на Москву. Митрополит же повелѣ в походѣ пѣти стихи богородичны и мученични.

Княгиня же великая Евдокия со двоима сынама и со многими нарочитыми женами срѣте государя своего во Ѳроловскихь вратѣхь с плачем и радостию. Князь великии, видѣвь свою великую княгиню и двѣ свои отрасли, князя Василия князя Юрию, возрадовася и поиде в церковь небеснаго воеводы архистратига

Михаила, поклонися святому образу его, глаголя: «Заступникъ нашь еси во вѣки». По сем идѣ ко гробомь сродниковъ своих и рече со слезами: «Вы есте пособницы наши, вашими молитвами спасохомся от сопостатов наших». Изшед іс тоя церквѣ, поиде паки в церков соборную пресвятыя Богородицы, и ставь пред чюдотворнымь ея, Лукою святым евангелистомь написаным, образомь, возрѣвь на ня, падши ниц, нача благодарение воздавати, глаголя: «Госпоже Царице, ты еси христианская заступнице, тобою избавлшеся от злых, благодарственная восписуемсти раби твои, Богородице». Посем иде ко гробу преблаженнаго Петра митрополита и протчих чюдотворцовъ и поклонися им, глаголя: «Вашими молитвами добрѣ подвизахомся, побѣду восприяхом над сопостаты нашими».

По семь іс церкви поиде в свое мѣсто, в набережнии сѣни и сѣдѣ на престолѣ своем, радуяся и торжествуя о Господѣ.

О походѣ великаго князя Дмитрия ко обители святыя Троицы.

Пребывши великии князь Дмитріи Ивановичь на Москвѣ четыре дни, поиде ко святеи живоначально Троицы к преподобному отцу Сергию з братом своим и с литовскими князи. Преподобны же отець Сергии срѣте его со кресты близ монастыря и знаменавь его крестом, рече: «Радуйся, княже великии, і веселися твое христолюбивое воинство». І вопроси его преподобныи о своих изволниках. І рече ему великиі князь: «Тѣми, святыи отче, и при святых твоих молитвахь побѣдивь своя враги. Твои бо ізрядныи вооружител, рекомы Пересвѣт, побѣдивь подобна себѣ богатыря от варварския страны. Аще бо, отче святы, не твои крѣпкии вооружител Пересвѣт, было бо многим христіаном от того побѣжденнаго им татарина пити чашу горкую. Потом великии князь помолився во обители святои и слушавь божественныя литоргии, вкуси хлѣба от святыя тоя трапезы честныя обители, по прошению преподобнаго Сергия. Воздавши благодарение, поиде на Москву.

И ту литовская князи начаша проситися во свояси. Княз же

великии нача их чтити і дарми утоляти, да пребудут здѣ: «Дамь вам лице вашея отчины». И не возможе уняти, отпусти их. И сам проводих и з братом своим до Можаиска, в растані же с ними рече им со слезами: «Братия моя милая и способники наши, Господь да хранит хождение и ісхождение ваше отнынѣ и до вѣка». И отпусти их.

Самь возвратися во свою отчину в град Москву и сяде на своем княжении во всяком благополучии. Услышавши о семь Ольгердъ князь литовскии, яко князь великии Дмитрии побѣди Мамая, возратися с великим студом воспят, а Ольгъ, резанскии князь, такожде впадши в скорбь велию, по нѣкоем времени живота своего лишился.

О погибели Мамаевой.

Побѣждену же сущу воинству татарскому в конець, его же бяше дванадесят соть тысящь, яко послѣжде нарочитыя языки татарския повѣдають о том, самь поганыи царь Мамай с черными князми своими в малом числѣ побѣгши з побоища, от великаго страха забѣже даже до города, лежащаго над морем, Каѳы и идѣже имя свое утаи. Но вскорѣ познань, убиень бысть от Ѳрагь и яко злы, злѣ погибе, оставивши по себѣ вѣчныи студъ и поношение наслѣдьникомъ своимь, поганым бесурманом. Народу же христианску в вѣчныя роды торжественую побѣду, над собою и над своими погаными воинствы дарованную от вседержителя Бога Господомь нашимь Іисусомь Христомъ.

Потом крал литовскии Олигердъ татар побѣдивши, всѣ поля до Киева, от древних лѣт прислушаюшия от ганския лютости, очисти и постави на Подолу Кориятовичовъ Александра, Констянтина, Ѳеодора, Юрия, і всемь страны руския с подолиемь вручи и въ область подаде.

По семь похвала государю великому князю Дмитрию Іоанновичу московскому і всеа Росии і впред будущимь их родомь царскому величеству і в наслѣдие ихь во вѣки вѣковь о Христѣ. Аминь.

Сказаніе.

Западно-русская обработка.

(Императорской Публичной Библіотеки, собранія Погодина № 1569, XVII в.; варіанты — Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого I, 157, XVII в.).

Кн҃га о побоищи Мамая, цр҃я татарского, от кн҃зя владимерского и московского Димитрія.

Глава а҃. Повѣсть о цр҃ех татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого кн҃зя Димитрия.

Батиі, цр҃ь татарскіі, яко повоевал всю землю [1]) рускую, полскую, венгерскую [2]), пришовши в шести соть тысячах татар, року ѕѱме, которію орду татарскую Золотою названно [3]), от того часу, през лѣть полтараста, кн҃зи рускіі татаром голдовали, и цр҃и татарскии, един по другомъ наступуючи, своих баскаковь, албо атамановь, то есть старость над Русью постановляли. Которым [4]), седячи в Руси, дан от Руси выбирали, судіі [5]) судили и, якь хотѣли, росказовали. От цр҃ей тежь татарских и кн҃зи рускіі стоновляны [6]) бывали. Ажь року ѕѡпѳ кн҃зи рускіі,

---

1) землю всю. 2) и венгерскую. 3) называно. 4) которым. 5) суды. 6) ставляны.

особливе Семеон Ивановичь, кн҃зь тверскиі и Димитрей Івановичь Семечин, великиі кн҃зь владимерскиі и московскиі, своимь мужествомъ и храброствомъ татаров до конца побивши, досканале зкинули з шиі свое [1]) ярмо татарское і в першую пришли волность руского панованья. Такимь способомь, року ҂ѕѡѯе, Занабекь, цр҃ь великии татарскиі, сн҃ъ Азбековь, внукь Батѣевь, в Заволскои, в Перекопскои и Крымскои ордѣ цр҃ьствовал, братовь своихь для лакомства панованя позабивалъ і в руских панствах з неволных [2]) моцъ свою широко розширалъ. Тои заставив на царствѣ сн҃а Бердебека, который также дватцать [3]) родных своих братовь позабивалъ, абы ему в панствѣ не перешкожали, але и самь, ледве двѣ лѣта на царствѣ бывши, умерлъ. Сн҃а тежь его Аскулпа, един мѣсяць царствовавшого, Нар, другиі царикь, забилъ. Нара зась, в рокъ потымъ Хидир забил. Року ҂ѕѡѯи, Хидира сн҃ь его власный замордовалъ, але и тои на царствѣ татарскомъ, зле набытомъ, ледве седмь днии выбывши, от цр҃я темника Мамая быль выгнанный и забитый, року ҂ѕѡѯѳ. Той безбожный цр҃ь Мамаи, роспытавши у своих совѣтников о Батѣи, якь землю рускую повоевалъ, кн҃зей позабивалъ, городы попустошил и под свою владзу подбилъ, самь той Мамай, еще барзѣ научень от диявола, умыслилъ поити на рускую землю, мовячи: ижь я всю землю рускую борзѣй, нижь Батиі, спостошу, толко яки лѣпшии и милшии городы себѣ оставлю, в которых буду зь своими татарами жити. Не знаючи, злочестивыи, же то все рука бж҃ия справуеть. О томъ, зь своими нарадившися, собралъ барзо великое войско татар, обѣцуючи имъ великии богатства рускиі, перевезеся через реку Волгу, не кажутчи своимъ и хлѣба пахати, але на рускиі хлѣбь до сытости всѣмь надѣятися. Дошол устия реки Воронежи, роспустил [4]) свою облаву.

Глава в҃. О змовѣ злои кн҃зя резанского Олга зь кн҃земь ли-

---

1) своей. 2) зневоленых. 3) дванятцать. 4) и распустилъ облаву свою.

товскимь Олгердомь на кн҃зя московского Дмитрия по поселствах ихь до цр҃я татарского Мамая.

Послышавши Олгь, кн҃зь резанскиі, ижь Мамай идеть на великого кн҃зя Дмитрия Івановича московского, Русь воевати и начует на Воронежи, мало ума мѣючи, послал своего посла з великими подарками до Мамая, написавши такую грамоту: Восточному цр҃ю, волному Мамаю, твои посадникъ Олегъ резанскиі много тя молить. Слышах, господине, што хощешь ити на Рус, на своего служебника кн҃зя Дмитрия Івановича московского, огрозитися ему хощеши. Нынѣ, всесвѣтлый цр҃ю, приспѣ время тебѣ: злата и богатства много наполнися земля московская, а кн҃зь Дмитриі Івановичь — великии християнин: егда услышить имя твое и гнѣвь твой, то отбежить в далняя стороны, албо в Новгород великиі, албо на Двину, золото московское многое и богатство все будеть вь твоихь рукахь, твоему войску на потребу, Мене зась, раба твоего, Олга резанского, держава твоя нехай пощадить: я велми устрашу Рус и кн҃зя Дмитрия. И еще, цр҃ю, молю тя: оба два есмо твои слуги, и я великую обиду маю от того ж великого кн҃зя Дмитрия, и гды ему за свою обиду твоимь царскимь именемь погрозилемъ, он того недбает, и город Коломну за себе заграбилъ. И о том, цр҃ю, молю тя, дай мнѣ управу. — З тым писанемъ выправивши Олегъ своего посла к Мамаю, послаль другого посла кь Олгерду, кн҃зю литовскому з писмомъ такимь: Олегъ, кн҃зь резанскиі, великому кн҃зю литовскому Олгерду радоватися. Вѣдаю, ижь давно мыслилесь кн҃зя московского Дмитрия зогнати, а самь землею московскою владѣти. Нынѣ приспѣль твои час великии, бо вѣмъ, цр҃ь Мамай идеть на него. Тепер пристанмо до цр҃я Мамая, вѣдаю же тобѣ дасть цр҃ь Москву зь иншими городами, а мнѣ дасть Коломну, Володимер и Муромль, которыи городы сут моеѣ власти. Уже я послал своего посла кь цр҃ю Мамаю зь честью и з дарами, пошли и ты от себе своего кацѣя, написавши грамоту, якь самь знаешь. — Кн҃зь Олгердъ, урадовавшися с того, подяковал кн҃зю резанскому, самь з великими безчисленными дарами послаль к

Мамаю з таким писаниемь: Великии кнзь Олгердъ литовскиі црю Мамаю великому, под твою милость прибѣгаем [1]), присяжникь твои и много тя молить. Слышах, господине, што хочешь казнити своего служебника, московского кнзя Дмитрия, того ради молю, црю, великую бо вѣмь пакость чинить твоему улуснику, кнзю резанскому Олгу, да и мнѣ пакости дѣеть. Просимь обадва, да придеть держава црьствия твоего на отоки сия, и да приидеть твое разсмотрение нашея грубости от московского кнзя Дмитрия. — З тымъ пославши, мыслили кнзи резанскиі и литовскиі, иже кнзь Дмитриі утечеть, а мы с покоемъ будемъ на его княженіи сидѣти, и дарами утолимь Мамая, иж пойдемъ [2]) з руской земли спокойне. И дасть нам ярлык албо привилей свой на княжение. Тыи сами не знали, што чинили, не помятаючи, же все есть в руках бжіих, и кто под кимь яму капаеть, той и самь в тую впадеть [3]). Кнзь зас Дмитриі ничого о той змовѣ на него кнзей не вѣдал. Црь Мамай принял пословь вдячне и дары; прочитавши ихь писма и зразумѣвши рѣчь, частовал послов и отпустиль. И къ кнзю резанскому и кь кнзю литовскому такъ отписалъ: Дякую вамъ за дары, и што писалисте ко мнѣ о отчинѣ [4]) руской, подарую вамь, толко мнѣ присягните и з войсками своими мене споткайте, где можете. Я вашего на помочь войска не потребую, маю так войска много, которым и Ерусалимъ давный и хотяи яко [5]) царство взял бым, толко вы зь [6]) своим воиском огрозитеся кнзю Дмитрею при моей оборонѣ. Мнѣ, црю, з подобнымь цремь битися, а не з Дмитріемь, моимь голдовникомь, досыть мнѣ же; мя, якь цря почтите, ознаимѣте иншимъ своимъ кнземъ: иду к нимъ с покоемь.

Глава г. Кнзь Дмитриі Ивановичь московскиі молится и раду чинить на Мамая з митрополитом и зь своими кнзи, о змовѣ тежь кнзей Олга и Олгерда [7]) и Мамаевомь замыслѣ довѣ-

---

1) прибѣгает. 2) поидетъ. 3) впадаетъ. 4) отчизнѣ. 5) якое. 6) зь — *нытъ*. 7) *прибавлено* — князей.

давшися, збираетъ своих кнзей, гетмановь и войска. Взявши вѣдомость, кнзь великиі московский Дмитриі, ижь Мамай идеть на него, ревнуючи Батию зь [1]) гнѣвомь барзо заѳрасовалси, и ставши перед образом хрстным, над головою его стояннимь [2]), упал на колѣна и з плачемъ молился, жебы Гдь Бгъ грехи его простил и избавил землю рускую от безбожного Мамая. Помоливишися, послал рихло по брата своего Владимера Андрѣевича до Боровицы и по всѣхь кнзей и воевод своих. И гды прихал брать Владимерь і всѣ кнзи і воеводы к Москвѣ, взявши кнзь Дмитриі брата своего Владимера, пошол к преосвещенному митрополиту Киприяну, ознаймил ему о томъ, ижь безбожный Мамай идеть на нас. Запытал его митрополить: чимь, гдне, его гнѣвь на себе подвигнулес, чого не далесь. — Отповѣдиль кнзь Дмитрие: все, ведлугъ постановеня отцовъ нашихъ и болше далемь ему. — Рекль митрополит: жебы той безбожный не спустошилъ нашей земли, пошли ему дары и дарами его гнѣвь укроти; а если не схочеть, самь его Бгъ укротит, якь свтый Василиі великиі учинил и Юлиану послал дары, а гды не приняль, самъ Гдь Бгъ през мученика Меркулия его убиль [3]). — Веды [4]) кнзь Дмитриі, послухавши митрополита, выборного своего и разумного Захарию Тушишина послаль зь многимь золотомь и срѣбромъ к Мамаю, придавши к нему двохь толмачовь. Посланный Захария, гды пришол в Резан и довѣдался, иж Олегь резанскиі и Олгердъ литовскиі, змовившися на кнзя Дмитрия, поддалися Мамаю, послаль зараз таемне кь своему кнзю Дмитрию, тое ознаймуючи. Што услышавши кнзь Дмитриі розгнѣвался и, заѳросованный, молился Гду Бгу и просил, жебы его невинности самь он вышни помѣстился [5]). Помолившеся, знову з братом своимь пошол к митрополиту, ознаймил ему о змовѣ на его кнзя Олга резанского з Волгердомъ литовскимь, и плачучи рекль: Согрешилемь пред Бгомь, але имь ничого не есть винень, не беру ничего ничьего, своимь естемь доволенъ княженем. —

1) зь — *изъ*. 2) столчимъ. 3) забилъ. 4) Теды. 5) помстился.

Отповѣдилъ ему митрополить: Даремная и несправедливая, ижь есть на тебе змова, не орасуйся, на Бг̃а въ своей невинности надѣйся. Теды кн̃зь Дмитрій, возвергьши на Бг̃а печаль свою, порадился зь своими кн̃зями і воеводами и послалъ на сторожу от Мамая крѣпких своихъ оружниковъ: Родиона Ржевского, Иякова Андрѣева Волосатого, Василья Тупина и многих з ними рыцеровъ, и сказал [1]) имъ усердно стеречи и, под Орду подежжаючи, языка добывати и правды о Мамаевой мысли довѣдаватися. А самъ кн̃зь Дмитрій Івановичь по всей руской земли послал гонцовъ зь своими грамотами, жебы всѣ готовы пришли до Коломны, на Успение пресвятой Бц̃ы, на войну з Мамаемъ и з татарами. А поневаж сторожи кн̃зя Дмитрия забавилися, послалъ еще на провѣдки Климента Полянина и Івана Свесланика, казавши имъ скоро ворочатися. Тыи ж стрѣтили Василья Тупина, ведучого языка, который языкъ сказал кн̃зю Дмитрею, ижь Мамай конечне идеть на Дмитрия и на Русь, и якь з Мамаемъ зьедночился Олегъ кн̃зь резанскии, змовившися зь Олгердом литовскимъ, и не спешить — ждеть осени. — Услышавши, кн̃зь Дмитрій тую певную вѣсть, печал тѣшитися Бг̃омъ и рекль до брата своего и до всѣх кн̃зей і воевод, укрепляючи ихъ: Гнѣздо естесмы великого кн̃зя Владимера киевского, который насъ вывел зь тмы безбожности и просветилъ правдивою вь истенного Бг̃а вѣрою; ревнуймо жь ему, биймося до смерти за вѣру с̃вятую правдивую з погаными татарами, Гдь намъ помощникъ, не убоимься, что сотворить намъ чл̃вкъ хотяй; кто васъ [2]) за вѣру [3]) умреть, зь с̃вятыми мучениками в небѣ венецъ прииметь. — Отповѣдилъ кн̃зь Владимер Андрѣевичь, брат стрѣнний [4]) і всѣ кн̃зи: правдиве такь есть, ижь за вѣру умираючи правдивую от Бг̃а заплату приймуть вѣчную; готовы естесмо всѣ на войну з татарами и головы свои за вѣру с̃вятую положити. — Тое услышавши, кн̃зь Дмитрій Івановичь, ижь всѣ смѣло готовы на войну, барзо утѣшился, і ведлугъ его росказанья всѣ воиновь

1) казалъ. 2) з насъ. 3) вѣру и. 4) стрійный.

множество поспешили и пришли ко кн҃зю Дмитрею на У
пресвятые Бц҃ы, мовячи: Дай намь, Гд҃и, течение соверши
твое св҃тое имя.—Приѣхали теж тут же кн҃зи белоозер
присторожными [1]), барзо великими войсками: кн҃зь Ѳедор
новичь, кн҃зь Семенъ Михайловичь, кн҃зь Андрѣй Скимьски
Глѣб Коргополскиі и Цынодовскиі, так же и ярославскиі п
кн҃зи зь своими силами: кн҃зь Андрѣй Ярославскиі, кн҃зь
Прозорожскиі, кн҃зь Левь Курбьскиі, кн҃зь Дмитрей Ростов
иншиі кн҃зи, и собралися великия войска вь славномь
Москвѣ.

Глава д҃. Кн҃зь Дмитриі приимать бл҃гословение от
Сергия в манастырѣ живоначальныя Троицы и пророче
звитязствѣ над татарами.

Кн҃зь великиі Дмитрей Івановичь, взявши брата своего
димера Андрѣевича і всѣхь преславныхь кн҃зей руских, по
ними к манастырю живоначалный Троицы, кь преподобном
Сергию и бл҃гословение взяль от св҃тые обители. Просил
преподобный Сергиі, жебы послухал св҃той [2]) литоргиі, бы
вѣмъ, ден недѣлныи августа и҃і-г дня. По отпустѣ литорги
сил от҃ць Сергиі кн҃зя Дмитрия, жебы обѣдал у нихь. Кн҃
мовлялся, бо пришла вѣдомость, ижь поганыі уже зближа
Отповѣдал ему старець: обѣд тобѣ на поспѣхь будеть
тобы [3]) не готов венець, а иншимь многимь венцы мучени
готуются. Послухавши, кн҃зь Дмитрей вкусиль хлѣба, а
Сергиі тымъ часом казаль воду освятити з мощей св҃тых
ник Ѳрола и Лавра, того дня св҃тыхъ мученикь памят
І вьставши скоро от трапезы, преподобныи Сергиі по
кн҃зя і все его воинство и дал великому кн҃зю кресть хр҃
знамение на челѣ и рекль: Гд҃ь да поможеть тебѣ на вра
И мовилъ ему тайно: Маешь звитяжити врагов твоихь,
довлѣеть твоему гсд҃ьству.—Кн҃зь, подяковавши за бл҃госл
преподобному, реклъ: Дай мнѣ, отче, двох воиновь от

1) пристройными. 2) с҃тоѣ. 3) тобѣ.

иноческого полку Пресвѣта и брата твоего Ослабля, то ты и самь поможешь намь. Сергиі преподобный зараз казалъ тымъ рыцеромь свѣдомым наготоватися и казал имь вмѣсто прилбицы схиму зь крестами [1]) на головѣ носити и отпустил ихь зь кн̃земъ, мовячи: Страждѣте, добрыи воины хр̃стовы. — Подаль тежь великому кн̃зю і всѣмь з нимь мир и бл̃гословение. Кн̃зь великии Дмитриі веселыи пришол к Москве, сказал тое все преосвещенному митрополиту, и заказал ему митрополить, жебы того никому не сказал, што ему тайно рекль преподобный Сергѣй, а кн̃зь никому [2]) не сказалъ.

Глава ѕ̃. О выправѣ и выходе з Москвы кн̃зя Дмитрия на войну противь цр̃я татарского Мамая.

Гды пришол августа вь дватцать седмый ден, на память преподобного Пимина, хотѣлъ великиі кн̃зь Дмитриі пойти на безбожного Мамая, пошол перше в церковь соборную пресвятой Бц̃ы и, ставши пред образом хр̃стовым, пригнувши руки до персей, молился, просячи Хр̃ста Сп̃са, абы его грехов не помянул, судил обидящих и возбранил борющих его и даль побѣду на варваров, востающих на хр̃стиянь. Потомь сталь пред образом пресвятой Бц̃ы, написанным от с̃вѣтго Луки, и молился, просячи, абы пресв̃тая Бц̃а, яко заступница хр̃стияномь непостыдная, умолила Сн̃а своего и Бг̃а, жебы не даль осквернити храмовь своих с̃вѣтыхь, и не погубилъ хр̃стиян, яле дал звитязство хр̃стияномь над погаными. Оттол пошоль кь гробу с̃вѣтго чюдотворца Петра митрополита киевского, просиль и его, абы архиерея Хр̃ста Сп̃са умолил, жебы его овца невредныи [3]) сохранил и отгнал и погубиль волковь, безбожных варваровь, хотячихь овца его поглотити. — Так скончавши мл̃твы, великиі кн̃зь поклонился митрополиту. Митрополить зас бл̃гсвил кн̃зя, даль ему знакь побѣды — кресть с̃вѣтый, и отпустил, и послал митрополить с̃вещенный соборь с крилошанами вь Ѳроловскиі ворота, в Костянтиновскиі і в Николскиі з крестами с̃вѣтыми и зь образами

1) з кр̃стомъ. 2) нѣкому. 3) невредны.

чюдотворцыми, абы всѣхь воиновь бл҃гословили на войну. К҃нзь зась великиі Димитриі пошол еще в церковь св҃тго архистратига Михаила, где к҃нзи лежать. Тамь помолившися пред образомъ св҃тго архистратига Михаила, воиномь скорого помощника, пришоль кь гробомь к҃нзей и рекль: Пророднтели [1]) наши, истенныи вѣры с҃вятые православные поборницы, если маете дерзновение у Б҃га, помолитеся за нас, потомковь ваших, абы нам даль Б҃ъ над погаными звитязство. — По м҃лтвѣ вышли з церкви. Княгиня Дмитриева Еудокия и княгиня Володимерова [2]) и иных княгинь много со слезами провожали своихь к҃нзей. К҃нзь зась Димитриі тамо удержався от слезь, рекль своей княгини: Жено, не плачь; если Б҃ъ за нами, кто на нас. — И такъ пожегнавши, всѣль на коня своего выборного, з нимь і всѣ к҃нзи полетѣли з Москвы, якь бѣлыи соколы, нарядное войско. Князи таж белоозерскиі особно зь своими полками стройно ѣхали. К҃нзь великиі Дмитрей отпустиль брата своего Владимера на Брашево дорогою, бо незмѣстилося войско все едною дорогою, а самь пошол на Котел. Княгиня зась его зь снохою своею и зь иншими княгинями смотрѣли на поѣздь ихь, взышовши на свои высокиі золотоверхии терем, и молилися, просячи своему к҃нзю от Б҃га помочи на поганыхь татарь, жебы двох с҃новь великого к҃нзя Дмитрия — Василия и Юрия не пустил вь сиротство. К҃нзь великии Димитриі взял зь собою десять мужей Сорожан, жебы обачили, што будеть дѣятися, и повѣдали потомь в далних землях. И пошол великий к҃нзь Димитриі, за ним всѣ к҃нзи рускиі з великимь воискомь, аж стукъ стучить, громь гремить по ранней зорѣ от ихь поѣзду, якь вина пити весело спешатся. К҃нзь Владимер Андрѣевичь Москву реку перевезся на красном перевозѣ в Боровицѣ. К҃нзь великиі Димитриі пришол вь суботу на Коломну, на памят св҃тго Моисея Мурина, августа. Тут же стрѣтили его многиі воеводы з войсками на рецѣ Сѣверской. Архиепископь з духовными и зь крестами стрѣтил в башнѣ [3]) городовой и

1) прародителіе. 2) Владимеровая. 3) в баштѣ.

бл҃гословилъ великого кн҃зя і всѣхь з нимъ. Назавьтрее в недѣлю велѣл кн҃зь великиі всѣмъ воеводамь з войсками вьѣхати в поле кь Девичю; и стало так великое войско на полях коломенскихь, аж очима зьглянути всего войска не можно было. И поставил великии кн҃зь над полками воевод. Себѣ в полкь приняль кн҃зей белозерских, правую руку себѣ учинил брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевича, дал ему ярославских кн҃зей; а лѣвую руку себѣ учиниль кн҃зя Глѣба Бранского; передовый зась полкь — Дмитриі Всеволож; коломенского полку — Микула Василевичь; володимерскиі воевода — юрьівскиі Тимоѳей Волуевичь; костромский воевода — Іван Родионовичь Кувашня; переяславской воівода — Андрѣевичь Серкизовичь. А у кн҃зя Владимера воеводы — Данило Велевуть, Кононовичь Костянтинь, кн҃зь Ѳедорь Елецкиі, кн҃зь Юрьі Мещерскиі, кн҃зь Андрѣй Муромскиі.

Глава s҃. О посланью сторожовъ от кн҃зя Димитрия, о ѳрасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну кн҃зя Димитрия и о пристью [1]) Олгердовичов кн҃зей на помочь кн҃зю Димитрию.

Такъ великиі кн҃зь спорядивши войско, казалъ перевозитися Оку реку и приказал всѣмъ крѣпко, жебы, идучи через землю резанскую, ничого на волос не рушили. И самь, взявши бл҃гословение от архиепископа коломенского, перевезеся реку Оку; оттол пустил на трое сторожовь, жебы обачилися з татарскими сторожами: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Ѳому Тину, Петра Юрьского, Карпа Алексина [2]), Петра Чирикова и иных многих вѣдомцовь. За ними и самь кн҃зь великиі Дмитриі зь братом своимь поспешаль. Послышавши Олегъ, кн҃зь резанскиі, ижь великий кн҃зь Дмитриі московскиі з великими войсками идет против Мамая, почал боятися и з мѣстца на мѣстце переходити. Мыслиль послати до кн҃зя литовского Олгерда, лечь не могь, ижь дорога вся заступлена. Дивился, отколь кн҃зю Дмитрею помочь и смѣлость повстати на Мамая и на нас двох кн҃зей. Сказали ему

1) пристю. 2) Олексина.

бояре его, ижь осмь дней уже, як мы слышали, же
именемь Сергиі, в вотчинѣ его будучи прозорливый, в
его и даль ему на помочь двох калугеров своих. Ре
Олегъ: Чему мнѣ давно не сказалисте; пошол бымь к
злочестивому цр҃ю, и упросил бымь, жебы ничого не
злого. Бѣда мнѣ: згубилемъ разумь свой. И Олгердь, му
от мене не розумѣль [1]) пришлих речей, Бг҃ъ на нась обр
ищеть нашей глупости. Великому кн҃зю боюся передати
Мамая приставши, буду гонитель на вѣру православну
братию [2]), якь Светополка земля пожреть живаго. Мт҃
зорливого Сергия кн҃зю Димитрею поможет. Такъ учин
Бг҃ъ поможет, тому присягну. — Олгердь зас, зобра
много, Варягь и Жмоди, и пошол на помочь Мамаю. Пр
Олгердь кь Одуеву, послышаль, же великиі кн҃зь Ди
великими войсками пошол на Мамая и тое, ижь Олегъ,
занский [3]), убоялся великого кн҃зя, стал, задержался у О
рекль: Ошукалемся, чюжого разуму слухаючи, николи
была учена князями резанскими; тепер кн҃зь резанскиі
мене звюв з разуму и самь згинуль. Тут тепер перебу
кол почуемь звитязства кн҃зя московского. — В той же
Олгердовы: Андрѣй, кн҃зь Полоцкий и Димитрей, кн҃зь Б
будучи окрещены в православную вѣру през свою маче
гиню Анну, за што от҃ць ихъ Олгердь, поганин, ненави
Бг҃ъ любиль, послышали, ижь великиі ѳрасунокъ велико
московскому і всему православному християнству от бе
Мамая належить, и они ѳрасовалися. И послалъ кн҃зь А
брату своему меншему родному Дмитрию буквицу малу
торой тое было написано: Вѣдаешь, брате, же нась отц
себе от҃ць нш҃ь Олгердь, для того же принялисмо вѣр
славную, але Бг҃ъ нась приняль. Не жалуйможь и д
подвизатися за вѣру с҃тую. Поидѣмо на помочь к

---

1) зрозумѣлъ. 2) братію, якъ Святополкъ, и мене якъ Свя
3) князь резанскій Олегъ.

сковскому Дмитрею і всему хр̃стиянству против паганаго цр̃я Мамая. — Тое писмо прочитавши от брата своего, кн̃зь Дмитриі урадовался и з слезами рекль: Дай намь, Гд̃и, доброе, тебѣ угодное хотѣние совершити. — Потомь казаль послу: Мовте брату, ижь естемь готов з тобою ити з войскомь, зкилко [1]) маю. — Бо у них войска готовы были для дунайских татарь. Треба, мовить, намь ити на Сиверь кь Дону, где кн̃зь Дмитриі, и так утаѣмося тоею дорогою от отца. — Рыхло теды обадва кн̃зи Олгердовичи, браты, пришли к Сѣверу, изнавшися [2]), радосно привиталися, якь Иосиоь з Вениаминомь. Оттоль з войскомь стройным зараз на Дон пришли. З которого ихь приходу великиі кн̃зь Дмитреи московскиі и зь братом своимь, барзо радуючися, похвалил Гд̃а Бг̃а и, принявши ихь вдячне и чесно великими удароваль дарами, и рекль имь: Не для мене сте пришли ко мнѣ, але Гд̃ь Бг̃ъ, любячи, послал вас к намь на помочь хрестиянству против поган, якь Аврамь Лоту, такь вы намь, а через васьБг̃ь поможеть. — Зараз с тоею вѣстью послаль великиі кн̃зь к Москвѣ, к митрополиту, ознаймуючи, ижь Ольгердовичѣ, оставивши отца своего, пришли ему на помочь. З чого радуючися, митрополит зь слезами хвалил Гд̃а Бг̃а и приказаль дн̃ь и ночь за великаго кн̃зя по церквахъ молити Бг̃а, набарзѣй вь Сергиевом манастырѣ. А княгиня Дмитриіва [3]) Eудокия давала всякую милостиню, завше до церкви ходила.

Глава 3̃. О взятю языка Мамаевого от сторожей кн̃зя Дмитрия, о радѣ его зь князями и ошуковаю [4]) зь обоихь сторонь войскь и о укрепленіі войскь от кн̃зя Дмитрия и о молитвѣ его.

Затымь великиі кн̃зь пришол на мѣстьце, названое Березуй, за двѣ албо за три мили Дону, сентябрия [5]) пятого дня. Тамь прибѣгли два его сторожи, — Петрь Горский [6]) и Карпь Алексинь, и привели языка значного от сыновных [7]) цр̃я Мамая.

---

1) зколко. 2) изнявщися. 3) Димитріява. 4) ушиковаю. 5) септеврія. 6) Готскій. 7) сановных.

скихь, дватцати боляринов переясловскихь, а дватцати пяти боляриновь костромскихъ, тритцать пять боляринов владимерских, осмь боляриновь суздалскихь, чтыридесят бояриновь муромскихь; тритцать боляринов ростовских, дватцать пять боляринов дмитровскихь, шездесять боляриновь зьвногородскихь, пятнатцат боляринов углицкихь, а всего войска дружины згинуло полтретьяста тысячь, и помиловал Бг̃ь землю рускую, осталося всей дружины войска сорокь тысячей и пять. Воздохнувши [1]), рекль: Братия, кн̃зи, воеводы, бояре і всѣ рыцери и молодыи сн̃ве рускиі, межи Доном и Днепром [2]), на Куликовѣ полѣ за землю рускую и за вѣру хр̃стиянскую побитыи, простите насъ, а вамь да будеть вѣчная память и венець живота вѣчного. — Тое вырекши, великиі кн̃зь Дмитриі Ивановичь [3]) з позасталыми кн̃зями, з болярами, з воеводами и з войском всѣмь зь славнымь звитязством, пошоль на свою столицу к Москве. — Безбожный зась цр̃ь татарскиі Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремь лежачого, Каоы, тамь затаиль имя свое, але познаный забитый зосталь от Фрагь, зле животь скончиль. Услышавши тое все Олгердь кн̃зь литовскиі, иж великиі кн̃зь Дмитриі звитяжил Мамая, вернулся с соромомь великимь назадь. Олегъ тежь резанскиі кн̃зь, также впавши вь орасунокъ великиі, зле свой животь скончиль, обратися болезнь его на главу его і впадеся вь яму, юже содѣла.

1) Великій княз вздохнувши. 2) Мечею. 3) Іваночъ.

И казаль всему войску своему справитися. Меликъ зась сказал великому кн҃зю, иж на Гусинъ бродь перешли уже, за единочь [1]) заутра придуть Напрадву [2]), а ты, великиі княже, сего дня справь войско, жебы не поспешили поганцы. Зараз теды великиі кн҃зь Дмитриі Івановичь, з братомь своимь, кн҃земь Владимеромь Андрѣевичомь и зь князями литовскими Андрѣемь и Дмитриемь Ольгердовичами, почали справовати и шиковати през годинь шесть; особливе з литовскоѣ земли Дмитриі Боброкь, родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Кн҃зь великиі зь братомъ своимь и зь Алгердовичоми [3]) и з иншими князями, взымавши [4]) на высокое мѣсто [5]), обачиль всѣ хорогвы войска хр҃стиянского і все войско ихь рядне вь зьброях [6]) і в прилбицах, от золота свѣтящихся [7]), и порядне ушикованое на войну охочих рицаров и Бг҃у молячихся о побѣдѣ на враги, удивился и урадовался. Также и кн҃зи литовскиі почудилися и рекли: подобно тое войско цр҃я Македонского войску, такъ великое, якь пред нами не бывало. — И зсѣвши, великиі кн҃зь паль на колѣнах пред образомь Хр҃товымь, написанномь на хорогвѣ чарной [8]) болшого полку и помолился, мовячи: Владыко Гд҃и, призри на нас, рабовь твоих, кровию твоею искупленых, обрати лице твое на нечестивых варварь и даж намь на них побѣду мл҃твами пресвятой Бц҃ы и руского светителя Петра. — По мл҃твѣ всѣль на коня и з князями ѣздити почаль по полкахь, каждому самь мовячи: Братия моя милая, сн҃ове хрестиянстиі, приспѣль часъ вашего подвига, мужайтеся, станте крѣпко на неприятеля, который уже на рецѣ Непрадвѣ близко; Гд҃ь силенъ во бран, Гд҃ь заступникъ нш҃ь, Бг҃ъ Иякобль. Уповайте на Бг҃а, мирь вамъ его з нами [9]), заутра обачюся. — Тое мовивши, отпустил брата своего Владимера уверхь по Дону в дубраву, жебы его полкь утаился, даль ему годных рыцеровь своего двора и отпустил

---

1) за едину ночъ. 2) на Непрадву. 3) Олгердовичами. 4) взышовши. 5) мѣстце. 6) войско нарядне в зброях. 7) свѣтячихся. 8) чорной. 9) миръ вамъ, еще з вами . . .

тежь з нимь свѣдомого своего воеводу Димитрия Волынского на ночь Рождества пресвятой Бц̃ы. Ночи тогда свѣтлыи, і теплота была.

Глава и̃. О примѣтахъ слынных и о видѣнии явленномъ, з которых звитязство кн̃зю Димитрею пророковано над Мамаем и о мл̃твѣ великого кн̃зя.

Дмитриі Волынскиі взял самого толко великого кн̃зя, выехаль з ним в поле Куликово в ночи и рекль: Спробую своей примѣты. — И сталь посредѣ обоих войскь, руских и татарских, почал слухати, на полкь татарскиі обернувшися. Послышалъ стукь велик, якь торгь збираючися [1]), албо городъ будуючися [2]); назадѣ ихь волки выючии грозно; по правой сторонѣ ихь вороны кричачиі, и стался страхъ и крикь великиі пьтатствь [3]), вороны, якь горы летали против по рецѣ Непрадвѣ, а гуси и лебедѣ, крылми плещучи, незвычайную грозу подавали. Рекль великиі кн̃зь Волынцу: Слышу, брате, великая гроза есть [4]). — Отповѣдиль Волынець: Призываются, великии [5]). — Кн̃зь знову вернулся на полкь рускиі. — Што слышати, спытал Волынець. — Што слышно, рекль кн̃зь, не слыхать ничого, толко видялемь [6]) много зарей огненныхъ збираючихся. — Рекль Волынець: *Огни* — добрый знакъ; призывай Бг̃а з вѣрою. И знову рекль: Еще есть примѣта. — И зсѣвши Волынець з коня, поникь на землю, приклонивь ухо правое и долго лежавши высталь и поникь. Кн̃зь великиі спыталъ его: Што есть, брате. — Онь не хотѣль сказати, але примушенъ от кн̃зя сказаль: Едно есть тобѣ пожитечно, а другое скорбно: слышалемь землю плачучюся надвое, една сторона, якь нѣякая, жона плакала горко поганским голосомь сн̃овь своихь, а другая сторона, якь нѣякая панна, якь свирѣль [7]) жалосно плачевнымъ голосомь. Зь тоей примѣты я познаваю, ижь бж̃иею силою и помочью св̃тых мученикъ Бориса и Глѣба звитяжишь погановь, але будет многое падение войска

---

1) збираючійся. 2) будуючійся. 3) штаствъ. 4) есть гроза.
5) *прибавлено*: княже. 6) видѣлемь. 7) свирил.

за отчизну милую, голов своихь класти не щадѣте. — Такъ укрѣпивши, подѣхал под свою чорную короговь и, зьсѣвши зь своего коня, зложиль зь себе царскую одежду, вьзсѣль на иншого коня и вь иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложилъ на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего даль ему и свою короговь рыделю казал над нимь возити [1]), под которою тои Михайло за своего кн҃зя был и забитый. А самь кн҃зь великиі, вынявши зь запазухи свой кресть, в котором была часть животворящого древа, рекль: В тебѣ, кресте с҃вѣтый, останяя моя надѣя, якь помоглес Костянтину звитяжити враги хр҃стиянския, такъ и намъ поможи звитяжити поганого Мамая и его всю силу. — Того ж часу пришло писане от преподобного Сергия; вь которомь тое написано: великому кн҃зю Димитрею Ивановичю і всѣмь княземь рускимь і всему православному воинству мирь и бл҃гословение. — Даль тежь посланець великому кн҃зю хлѣбь пресвятые Бц҃ы от игумена Сергия. Тымь всѣ писанемь утѣшившися, потвердилися на войну. А великий кн҃зь, поцѣловавши посланца, взяль хлѣбь с҃вѣтый и рекль: О великое имя пресвятыя Троицы, пресвятая Бц҃а помагай намь на противныхъ м҃лтвами преподобного Сергия и спаси насъ. — І взявши свое копье и палицу свою желѣзную, самь вперед хотѣль скочити на погановь, але богатыри его рускиі удержали, мовячи: Не годиться тебѣ вперед битися, але особно смотрѣти стоячи [2]) на битву полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты где подѣпешся, што и по нас будеть; мы готовы головы свои покладати, а ты по нась память будешь творити і впишешь вь книги, на память потомнымъ вѣкомь. — Кн҃зь, заплакавши, рекль: В земной чести я естемь пред всѣми вами почтен, нехай же вперед васъ голову положу і вперед васъ венець от Хр҃ста приму; благая от Г҃да принялемь, злыхъ не стерплю. Затымь передовыи полки почали сходитися з татарами. Первое полкь проводиль [3]) Дмитриі Всеволожь і Володимерь, брать его, правою рукою

1) возиты. 2) стоячи смотрѣти. 3) провадилъ.

ишол Микула Василевичь з Коломничами и зь иными кн҃язями; а поганыи татаре ишли обоими руками: бо не было имь где росягнутися. А царь безбожный Мамай зь трома своими князями взышоль на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затымъ выѣхалъ з полку татарьского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якь давный Голиадь. Того обачивши чернець Сергиевь Пересвѣтъ, з полку Владимера Всеволожа, рекль: Сей татаринъ хочеть себѣ противного герцовьника, я з нимь хочю видитися и ударитися і восприяти венець царствия. — Мѣлъ на своей прилбицы схиму зь крестомь. Потом рекль: Простѣте мя и благословите [1]), и ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене. — Рекли всѣ: Бг҃ъ тебе да простить и благословить и поможеть тебѣ мл҃твами свѣтго Сергия. И такъ ударилися обадва [2]), з коней попадавши померли.

Глава і҃. О войнѣ кн҃зя Димитрия и войскь рускихь з войсками мамаевыми, о раненю кн҃зя Дмитрия и о побитью войскъ рускихъ от татарь и о звитязствѣ потомь славномь през помочь брата кн҃зя Димитрия войскъ рускихь над татарами.

Затымъ крикнувши всѣ войска рускии: С нами Бг҃ъ, — и знову: Бжѐ хр҃стиянскиі, поможи намь на враги. — А татаре крикнули: Огь Магметъ. — И зышовшися, почали крѣпко битися зь обоих сторон. Лиеться кров богатырская под сѣдлами оковываными, котятся прилбицы золотыи под ноги конскиі, за прилбицами — и головы богатырскиі, а татарскиі выдвое того падают, на поли Куликовѣ, в тѣсномъ мѣсте межи Доном и Мечею, льются рѣки кровавыі от множества побитыхь, шабли блискают, якь блискавица, а копиі, якь громь ломаючися, трищать. От третей годины ажь до шестой билися, тамь в три годины безчисленное мнозство строеня [3]) розумного бжѝяго побито. От шестой зас годины почали татаре одолѣвати, а хр҃стияне изнемогати: много храбрых богатырей руских и молодыи [4]) зацное побито.

1) благословѣте. 2) обадва рыцеры, чернець з татариномъ и обадва ... 3) створеня. 4) молоди.

братия, кто знайдеть моего брата великого кнзя, живого, тои будет у нас первыи честью. — Скочили теды искати. И едны наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, вь одежды [1]) великого кнзя, убитого, другиі наѣхали [2]) кнзя Ѳеодора Семеновича Бѣлоозерского и розумѣли, иж великий кнзь: бо быль ему подобен. А два — Ѳеодорь Саборь и Григории Холопищевь на правую сторону к дубровѣ скочили и, мало зьѣхавши з побоища, наѣхали великого кнзя Димитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣнию березовою. И зпавши з коней, поклонилися ему. И зараз Сабор знову к войску скочиль и казал кнзю Владимеру: Великиі кнзь Дмитрей Ивановичь живь и царствуеть. — З тоей новины всѣ кнзи і воеводы, урадовавшися, скочили зараз на конех и, прибѣгши, упали на ногахъ его и мовили: Радуйся, давныи Ярославе, радуйся, новый Александре, свѣтило земли рускои, звитяжцо врагов. — Великии зась кнзь ледве промолвиль: Скажите [3]), братия, што дѣется. — Рекль кнзь Владимерь: Мтию бжиею и пресвятыя Бцы и мтвами свтых мученикь Бориса и Глѣба, сродниковь ншихъ, также свтля Петра и ншего вооружителя Сергия, звитяжены сут враги ншіи, а мы цѣлы. — Урадовавшися, великии кнзь рекль: Сей день, его же сотвори Гдь, возрадуемься і возвеселимься вонь. Хвалю тя, Гди Бже, и уповаю на тя во вѣки.

Глава вi. О поѣздѣ кнзя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитыхь и о похованю ихь, о славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда кнзя литовского.

Потомь всѣль на коня великиі кнзь Димитриі, поѣхаль на побоище, обачил много руских побитых, але четверако больш поганых татаровь, лежачих. И рекль Волынцу: правдивая твоя примѣта, годен естес завше быти воеводою. — И почал великиі кнзь зь князями и зь воеводами ѣздити по всемь побоищу, наѣхаль мѣстьце, где лежали осмь кнзей забитых бѣлоозерьскихь.

---

1) одежди. 2) наѣхали — *пять*. 3) скажѣте.

адинь за другого положеныхъ. Тут же близко лежить и Микула Василівичь. Плакал над ними великиі кн҃зь и мовил: Братия моя, кн҃зи и сн҃ове рускиі, если маете у Бг҃а дерзновение, пострадавши [1]) за вѣру Хр҃тву, помолитеся за насъ. — Далеи ѣдучи, наѣхал своего наперсника Михайла Андрѣевича Бренника, подле его сторожа Семена Мелика і Тимоѳѣя Волуевича убиенныхъ. Заплакавши, рекль: Любимая моя братия, кто такъ может за пана умерти, якь любимыи мои слуга Бренникъ в моемъ наряди вмѣсто мене за мене. Поѣхавши, на смерть есть забитый. — Знову рекль: О крѣпкии пашь сторожу Мелику, нашеѣ целости стерегучи, за нас голову свою положилес. — Далѣй поѣхал [2]), наѣхал черница Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря Григория Капустина [3]). И рекль до своих: Смотрѣте, братия, нашего починалника Пересвѣта, той бо, вѣмь, звитяжил подобного себѣ рыцера татарина, от которого всѣмь было пити горкую чашу. Затым росказал кн҃зь великии трубѣти вь трубу выборную на собране войскь, и такое [4]) трубене собралися всѣ звитязства, пѣснь спѣваючи. А гды собралися войски, ставши великии кн҃зь з радостию почал мовити: Кн҃зи рускиі, бояре мѣтныи, воеводы силныи и сн҃ове всей [5]) земли руской, вамь подобаеть такь же служити и далей, а мнѣ з вашей службы тѣшитися, а скоро мене приведеть Бг҃ь на мою столицу, буду васъ всѣхъ годными дары даровати. Теперь каждый своих похавайте, жебы тѣла хр҃стиянскиі не были на прокормь звѣремь и пьтахомь. — И стоял великиі кн҃зь осмь дней за Дономь, докол порозбирали тѣла хр҃стиянтия от поганскихь и поховали, а поганскии покинули звѣремь на покормь. Потомь рекль великиі кн҃зь: Злічѣте [6]), колко у кого воевод. — Отповѣдил Григорей Александровичь московскиі бояринь: У насъ сорока боярь болших московских нѣть, а дватцати кн҃зей белозерских и тринадцати бояровь посадниковъ новгородцкихь и четыредесяти бояриновь серпухов-

1) пострадавшіи. 2) поѣхавши. 3) Капустына. 4) на таковое. 5) всеѣ. 6) зличите.

братия, кто знайдеть моего брата великого кнзя, живого, тои будет у нас первыи честью. — Скочили теды искати. И едны наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, вь одежды [1]) великого кнзя, убитого, другиі наѣхали [2]) кнзя Ѳеодора Семеновича Бѣлоозерского и розумѣли, ижь великий кнзь: бо быль ему подобен. А два — Ѳеодорь Саборь и Григории Холопищевь на правую сторону к дубровѣ скочили и, мало зьѣхавши з побоища, наѣхали великого кнзя Димитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣнию березовою. И зпавши з коней, поклонилися ему. И зараз Сабор знову к войску скочиль и казал кнзю Владимеру: Великиі кнзь Дмитрей Ивановичь живь и царствуеть. — З тоей новины всѣ кнзи і воеводы, урадовавшися, скочили зараз на конех и, прибѣгши, упали на ногахъ его и мовили: Радуйся, давныи Ярославе, радуйся, новый Александре, свѣтило земли рускои, звитяжцо врагов. — Великии зась кнзь ледве промолвиль: Скажите [3]), братия, што дѣется. — Рекль кнзь Владимерь: Мтию бжиею и пресвятыя Бцы и мтвами свтых мученикь Бориса и Глѣба, сродниковь нших, также свтля Петра и ншего вооружителя Сергия, звитяжены сут враги нши, а мы цѣлы. — Урадовавшися, великии кнзь рекль: Сей день, его же сотвори Гдь, возрадуемься і возвеселимься вонь. Хвалю тя, Гди Бже, и уповаю на тя во вѣки.

Глава бі. О поѣздѣ кнзя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитыхь и о похованю ихь, о славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда кнзя литовского.

Потомь всѣль на коня великиі кнзь Димитриі, поѣхаль на побоище, обачил много руских побитых, але четверако болшь поганых татаровь, лежачих. И рекль Волынцу: правдивая твоя примѣта, годен естес завше быти воеводою. — И почал великиі кнзь зь князями и зь воеводами ѣздити по всемь побоищу, наѣхаль мѣстьце, где лежали осмь кнзей забитых бѣлоозерьскихь,

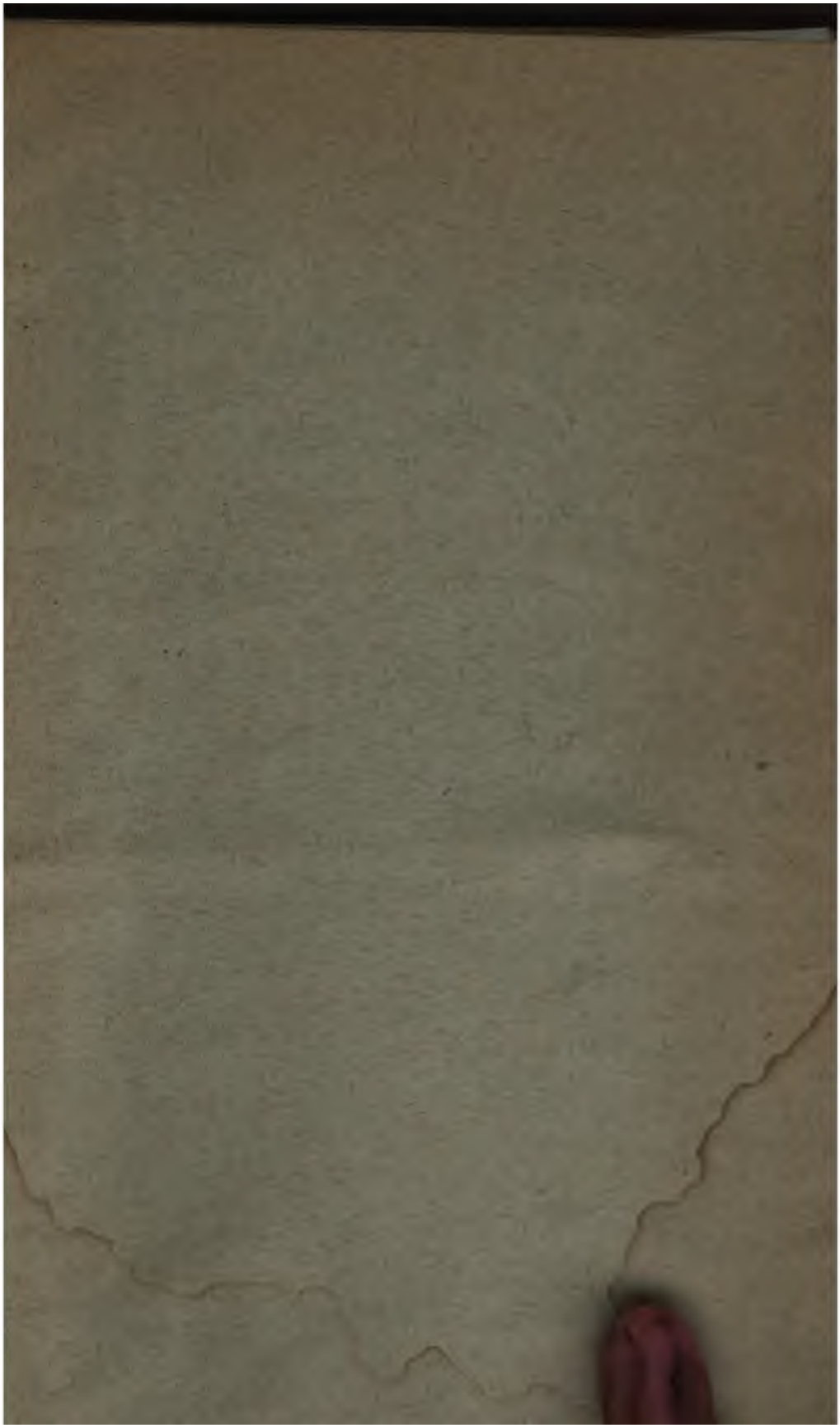
1) одежди. 2) наѣхали — нтъ. 3) скажѣте.

адинь за другого положеныхъ. Тут же близко лежить и Микула Василівичь. Плакал над пими великиі кн҃зь и мовил: Братия моя, кн҃зи и сн҃ове рускиі, если маете у Бг҃а дерзновение, пострадавши [1]) за вѣру Хр҃тву, помолитеся за пась. — Далеи ѣдучи, наѣхал своего наперсника Михайла Андрѣевича Бренника, подле его сторожа Семена Мелика і Тимоѳѣя Волуевича убиенныхъ. Заплакавши, рекль: Любимая моя братия, кто такъ может за пана умерти, якь любимыи мои слуга Бренникь в моемь наряди вмѣсто мене за мене. Поѣхавши, на смерть есть забитый. — Знову рекль: О крѣпкии пашь сторожу Мелику, нашеѣ целости стерегучи, за нас голову свою положилес. — Далѣй поѣхал [2]), наѣхал черица Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря Григория Капустина [3]). И рекль до своих: Смотрѣте, братия, нашего починалника Пересвѣта, той бо, вѣмь, звитяжил подобного себѣ рыцера татарина, от которого всѣмь было пити горкую чашу. Затым росказал кн҃зь великии трубѣти вь трубу выборную на собране войскь, и такое [4]) трубене собралися всѣ звитязства, пѣснь спѣваючи. А гды собралися войски, ставши великии кн҃зь з радостию почал мовити: Кн҃зи рускиі, бояре мѣтныи, воеводы силныи и сн҃ове всей [5]) земли руской, вамь подобаеть такь же служити и далей, а мнѣ з вашей службы тѣшитися, а скоро мене приведеть Бг҃ь на мою столицу, буду васъ всѣхь годными дары даровати. Теперь каждый своих похавайте, жебы тѣла хр҃стиянскиі не были на прокормь звѣремь и пьтахомь. — И стоял великиі кн҃зь осмь дней за Дономь, докол порозбирали тѣла хр҃стиянтия от поганскихь и поховали, а поганскии покинули звѣремь на покормь. Потомь рекль великиі кн҃зь: Зличѣте [6]), колко у кого воевод. — Отповѣдил Григорей Александровичь московскиі бояринь: У нась сорока боярь болших московских нѣть, а дватцати кн҃зей белозерских и тринадцати бояровь посадников новгородцкихь и четыредесяти бояриновь серпухов-

1) пострадавшіи. 2) поѣхавши. 3) Капустына. 4) на таковое. 5) всеѣ. 6) зличите.

скихь, дватцати боляринов переяславскихь, а дватцати пяти боляриновь костромскихъ, тритцать пять боляринов владимерских, осмь боляриновь суздалскихь, чтыридесят бояриновь муромскихь; тритцать боляринов ростовских, дватцать пять боляринов дмитровскихь, шездесять боляриновь зьвногородских, пятнатцат боляринов углицкихь, а всего войска дружины згинуло полтретьяста тысячь, и помиловал Бг̃ъ землю рускую, осталося всей дружины войска сорокь тысячей и пять. Воздохнувши [1]), рекль: Братия, кн̃зи, воеводы, бояре і всѣ рыцери и молодыи сн̃ве рускиі, межи Доном и Днепром [2]), на Куликовѣ полѣ за землю рускую и за вѣру хр̃стиянскую побитыи, простите насъ, а вамь да будеть вѣчная память и венець живота вѣчного. — Тое вырекши, великиі кн̃зь Дмитриі Іановичь [3]) з позасталыми кн̃зями, з болярами, з воеводами и з войском всѣмь зь славнымь звитязством, пошоль на свою столицу к Москве. — Безбожный зась цр̃ь татарскиі Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремь лежачого, Каѳы, тамь затаиль имя свое, але познаный забитый зосталь от Фрагь, зле животь скончиль. Услышавши тое все Олгердь кн̃зь литовскиі, иж великиі кн̃зь Дмитриі звитяжил Мамая, вернулся с соромомь великимь назадь. Олегъ тежь резанскиі кн̃зь, также впавши вь ѳрасунокъ великиі, зле свой животь скончиль, обратися болезнь его на главу его і впадеся вь яму, юже содѣла.

1) Великій князь вздохнувши. 2) Мечею. 3) Іваночъ.



братия, кто знайдеть моего брата великого кн҃зя, живого, то будет у нас первыи честью. — Скочили теды искати. И едн наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, вь одежды [1]) великог кн҃зя, убитого, другиі наѣхали [2]) кн҃зя Ѳеодора Семеновича Бѣло озерского и розумѣли, ижь великий кн҃зь: бо быль ему подобен А два — Ѳеодорь Саборь и Григории Холопищевь на правую сторону к дубровѣ скочили и, мало зьѣхавши з побоища, наѣхал великого кн҃зя Димитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣ нию березовою. И зпавши з коней, поклонилися ему. И зара Сабор знову к войску скочиль и казал кн҃зю Владимеру: Велики кн҃зь Дмитрей Івановичь живь и царствуеть. — З тоей новинь всѣ кн҃зи і воеводы, урадовавшися, скочили зараз на конех и прибѣгши, упали на ногахъ его и мовили: Радуйся, давный Ярославе, радуйся, новый Александре, свѣтило земли рускои, звитяжцо врагов. — Великии зась кн҃зь ледве промолвиль: Скажите [3]), братия, што дѣется. — Рекль кн҃зь Владимерь: Мл҃тию бж҃иею и пресвятыя Бц҃ы и мл҃твами св҃тых мученикь Бориса и Глѣба, сродниковь нш҃их, также св҃тля Петра и нш҃его вооружителя Сергия, звитяжены сут враги нш҃и, а мы цѣлы. — Урадовавшися, великии кн҃зь рекль: Сей день, его же сотвори Гд҃ь, возрадуемься і возвеселимься вонь. Хвалю тя, Гд҃и Бж҃е, и уповаю на тя во вѣки.

Глава в҃і. О поѣздѣ кн҃зя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитыхь и о похованю ихь, о славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда кн҃зя литовского.

Потомь всѣль на коня великиі кн҃зь Димитриі, поѣхаль на побоище, обачил много руских побитых, але четверако болш поганых татаровь, лежачих. И рекль Волынцу: правдивая твоя примѣта, годен естес завше быти воеводою. — И почал велики кн҃зь зь князями и зь воеводами ѣздити по всемь побоищу, наѣхаль мѣстьце, где лежали осмь кн҃зей забитых бѣлоозерьскихь,

1) одежди. 2) наѣхали — *нѣтъ*. 3) скажѣте.

скихь, дватцати боляринов переясловскихь, а дватцати пяти боляриновь костромскихъ, тритцать пять боляринов владимерских, осмь боляриновь суздалскихь, чтыридесят бояриновь муромскихь; тритцать боляринов ростовских, дватцать пять боляринов дмитровскихь, шездесять боляриновь зьвногородских, пятнатцат боляринов углицкихь, а всего войска дружины згинуло полтретьяста тысячь, и помиловал Бг̃ь землю рускую, осталося всей дружины войска сорокь тысячей и пять. Воздохнувши [1]), рекль: Братия, кн̃зи, воеводы, бояре і всѣ рыцери и молодыи сн̃ве рускиі, межи Доном и Днепром [2]), на Куликовѣ полѣ за землю рускую и за вѣру хр̃стиянскую побитыи, простите насъ, а вамь да будеть вѣчная память и венець живота вѣчного. — Тое вырекши, великиі кн̃зь Дмитриі Ивановичь [3]) з позасталыми кн̃зями, з болярами, з воеводами и з войском всѣмь зь славнымь звитязством, пошоль на свою столицу к Москве. — Безбожный зась цр̃ь татарскиі Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремь лежачого, Каѳы, тамь затаиль имя свое, але познаный забитый зосталь от Фрагь, зле животь скончиль. Услышавши тое все Олгердь кн̃зь литовскиі, иж великиі кн̃зь Дмитриі звитяжил Мамая, вернулся с соромомь великимь назадь. Олегъ тежь резанскиі кн̃зь, также впавши вь срасунокъ великиі, зле свой животь скончиль, обратися болезнь его на главу его і впадеся вь яму, юже содѣла.

1) Великій княз вздохнувши. 2) Мечею. 3) Іваночъ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN